

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

XV Международные Лихачевские научные чтения
14–15 мая 2015 года

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — двадцать третьи по счету и пятнадцатые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

При реализации проекта «XV Международные Лихачевские научные чтения» используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 17 января 2014 года № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России

Санкт-Петербург
2015

Научный редактор материалов пленарного заседания и 1-й секции

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции

Научные редакторы материалов секций:

2-я секция — **А. П. Марков**, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ,

Е. А. Кайсаров, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ

3-я секция — **Е. Ф. Чеберко**, профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук

4-я секция — **Р. А. Ромашов**, декан юридического факультета СПбГУП, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ

5-я секция — **Г. М. Бирженюк**, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

6-я секция — **А. Н. Бузулукский**, директор издательства СПбГУП, член Союза писателей России

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Международные Лихачевские научные чтения, 14–15 мая 2015 г. — СПб. : СПбГУП, 2015. — 660 с., ил.

ISBN 978-5-7621-0836-2

В сборнике опубликованы материалы пленарного заседания и шести секций XV Международных Лихачевских научных чтений, прошедших 14–15 мая 2015 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева».

В XV Чтениях приняли участие представители более 30 стран мира. Среди 208 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: О. Т. Богомолов, Р. С. Гринберг, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, Г. Б. Клейнер, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, А. Д. Некипелов, В. С. Степин, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев и др.; руководители академических институтов и научно-исследовательских центров, представители высших учебных заведений, руководители СМИ, видные государственные и общественные деятели, признанные специалисты в области политики, экономики, международного права, представители творческой интеллигенции: заместитель Председателя Государственной Думы РФ А. К. Исаев, судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, председатель ФНПР М. В. Шмаков, заместитель министра иностранных дел РФ Г. М. Гатилев, Посол РФ в Великобритании А. В. Яковенко, первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС» М. С. Гусман, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Г. М. Резник, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова В. Т. Третьяков.

Среди иностранных авторов сборника — Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик А. А. Акаев, премьер-министр Пакистана (2004–2007) Ш. Азиз, вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), профессор Г. В. Колодко, министр образования Польши (1996–1997) Е. Вятр, министр иностранных дел Испании (2004–2010) М. А. Моратинос; посол Мексики в РФ Р. Герреро, посол Испании в РФ (2008–2011) Х. А. Марк, Генеральный консул в Санкт-Петербурге М. Файетта (Швейцария), член палаты лордов К. Мойнихен (Великобритания), депутат Законодательного собрания Дели А. Ламба (Индия), министр иностранных дел Ганы (2003–2007) Н. Акуфо-Аддо и др.; журналисты, обозреватели, издатели: Ю. С. Голигорский, М. Пападопулос (Великобритания), Т. Кент, В. Тарпли (США); члены зарубежных академий наук: Д. Ардакани (Иран), В. Проданов (Болгария), П. П. Толочко (Украина). Профессора: А. Бассам (Сирия), Т. Бауэр (Германия), А. Беблер (Словения), Ш. Вебер (США), Б. Вольф (Германия), Д. Гэлбрейт (США), П. Дуткевич (Канада), В. Ингимундарсон (Исландия), А. Иравани (США), Г. Кёхлер (Австрия), В. Д. Курганская (Казахстан), А. И. Лученок (Беларусь), Ф. Т. Мамедов (Азербайджан), С. М. Мохатхег Ахмадабади (Иран), Т. Осанг (США), В. делла Сала (Италия), Ж. Сапир (Франция), Т. Тюркер (Турция), М. Фуджита (Япония), Чжан Дюнь Юн (Китай), Н. эль-Шейх (Египет) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент Российской Федерации В. В. Путин, отмечая, что «конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности».

ББК 72

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений.

Ваш форум — это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов.

В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

17 мая 2012 года

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений!

Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, — неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых — развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач — сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утратило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

5 мая 2011 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге на юбилейных X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и межнационального общения, послужит сближению народов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей — ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции — всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

11 мая 2010 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознавать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

22 мая 2008 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

25 мая 2006 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадno, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

20 мая 2004 года

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

21 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XV МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Участникам и гостям XV Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XV Международных Лихачевских чтений.

Традиционно собирая в Северной столице России известных философов, деятелей науки и культуры, они стали авторитетным гуманитарным форумом. На ваше обсуждение выносятся дискуссионные темы, связанные с тенденциями развития общества, процессами глобализации, ролью образования и искусства в современном мире, проблемами межконфессиональных отношений.

Важно, что представители разных стран, принимающие участие в Чтениях, в своих исследованиях опираются на фундаментальные труды Д. С. Лихачева. В его богатейшем творческом наследии содержатся ответы на самые острые вопросы, в том числе те, которые определили повестку вашей нынешней встречи — глобальные вызовы и национальные интересы. Академик Лихачев, которого называли совестью нации, считал, что возникающие конфликты можно решить лишь через диалог культур. Он обосновал культуру как духовный базис общенационального бытия, а ее сохранение — как залог душевной безопасности нации. Эти мысли имеют непреходящее значение, особенно в наше непростое время.

Желаю участникам Международных Лихачевских чтений плодотворно поработать, обменяться мнениями и предложить перспективные пути укрепления гуманитарного сотрудничества, основанного на общечеловеческих ценностях и взаимном уважении.

Председатель Правительства Российской Федерации
Д. А. МЕДВЕДЕВ
14 мая 2015 года

Организаторам, участникам и гостям XV Международных Лихачевских научных чтений

Приветствую организаторов, участников и гостей XV Международных Лихачевских чтений!

В этом году на Лихачевских чтениях запланирована работа разнообразных секций, посвященных культуре, искусству, экономике, политике, праву. Эти обсуждения помогут дать ответ на острые вопросы новейшего времени — как совместить глобализацию и сохранение национальной идентичности.

Обретая свой уникальный опыт, нации делятся с человечеством всем лучшим, что создали на протяжении своей истории. Так формируется взаимное уважение, возникает единство непохожих, так создается мир, в котором культуры и цивилизации ведут диалог, обогащая друг друга.

Желаю участникам Чтений интересной и плодотворной работы.

Председатель Государственной Думы Российской Федерации
С. Е. НАРЫШКИН

Организаторам и участникам XV Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

Рад приветствовать всех вас в Санкт-Петербурге — городе, в котором жил и трудился великий ученый, настоящий подвижник отечественной культуры, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Научное, идейное и гуманистическое наследие Д. С. Лихачева оказало огромное влияние на развитие русской культуры и искусства. Просветительские идеи академика Лихачева стали частью мирового научного достояния. Они сохраняют свою актуальность в современном мире.

Проведение Международных Лихачевских чтений в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов стало доброй традицией. С каждым годом они приобретают все больший масштаб, становятся площадкой для дискуссий отечественных и зарубежных ученых по проблемам диалога культур, цивилизаций и гуманитарным вопросам. На повестку дня Лихачевских чтений выносятся важные и острые темы, способствующие глубокому осмыслению наследия великого российского ученого.

Желаю всем участникам Чтений плодотворных дискуссий, новых творческих идей и самых приятных впечатлений от Санкт-Петербурга!

Губернатор Санкт-Петербурга
Г. С. ПОЛТАВЧЕНКО

Организаторам, участникам и гостям XV Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Искренне рад приветствовать организаторов, гостей и участников XV Международных Лихачевских чтений. За прошедшие годы этот представительный форум стал важной площадкой для международных дискуссий по ключевым проблемам человеческой цивилизации. Интеллектуальный фундамент, заложенный Д. С. Лихачевым, имеет непреходящее значение, а его труды, без сомнения, могут быть использованы в поиске ответов на современные глобальные вызовы. Одним из возможных путей в решении этих вопросов, безусловно, является обращение к истории и культуре. Не вызывает сомнений, что эти две сферы играют важную роль в осмыслении происходящих сегодня в мире динамичных и глубоких перемен. Желаю участникам Чтений плодотворных дискуссий, личных и профессиональных успехов, здоровья и благополучия.

Министр культуры Российской Федерации
В. Р. МЕДИНСКИЙ

Организаторам, участникам и гостям XV Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые участники и гости Чтений!

От имени Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации поздравить вас с открытием крупного научного форума. На протяжении пятнадцати лет Чтения собирают ярких представителей науки, образования, культуры, общественных деятелей.

Проведение Чтений в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов не случайно. Вуз известен как инновационный, динамично развивающийся, постоянно расширяющий научные связи и проблематику научных исследований.

Важно отметить, что в этом учебном заведении в инициативном порядке создан первый и единственный в мире факультет конфликтологии, выпускники которого содействуют предотвращению и урегулированию социально-трудовых и этнических конфликтов. Министерство видит в этом реальную перспективу и рассчитывает на развитие сотрудничества в данном направлении.

Тематика нынешних Чтений, как всегда, актуальна, проникнута духом современности, гражданской ответственности и социальной ответственности.

Желаю участникам и организаторам Чтений плодотворной работы, содержательных дискуссий, здоровья и благополучия!

Министр труда и социальной защиты Российской Федерации
М. А. ТОПИЛИН

Участникам и гостям XV Международных Лихачевских научных чтений

От имени Российской академии наук приветствую участников и гостей XV Международных Лихачевских научных чтений! За четырнадцать лет своей истории ваша конференция стала крупнейшим по мировым стандартам форумом интеграции ученых-гуманитариев, о чем свидетельствуют проблемно-тематический масштаб докладов и дискуссий, а также высокий интеллектуальный потенциал участников и духовно-нравственный нерв обсуждаемых проблем. Лихачевские чтения неизменно вызывают интерес российских и зарубежных ученых, известных государственных и общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции с активной научной и гражданской позицией, объединенных пониманием глобальных вызовов современной цивилизации, стремящихся объяснить настоящее и спрогнозировать будущее России в глобальном мире. Доклады участников Чтений сформировали уникальное собрание проектов, в которых представлены идеи и сценарии предупреждения и разрешения глобальных проблем современного мира.

Желаю участникам Форума плодотворных дискуссий и поиска конструктивных ответов на глобальные вызовы времени. Уверен, что Лихачевские чтения внесут значительный вклад в развитие отечественного гуманитарного знания, понимание актуальных проблем современности, укрепление гуманистических принципов межкультурного диалога, разработку моделей стабильного будущего и утверждение единства человеческой культуры.

Президент Российской академии наук, академик
В. Е. ФОРТОВ

Организаторам, участникам и гостям XV Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые участники, гости, члены Оргкомитета XV Международных Лихачевских научных чтений!

От имени Федерации независимых профсоюзов России сердечно приветствую и поздравляю вас с открытием крупнейшего ежегодного международного форума.

Современное общество как никогда нуждается во всестороннем обсуждении актуальной темы «Современные глобальные вызовы и национальные интересы». Низкий уровень социальной ответственности международного и национального капитала, неспособность мирового сообщества разработать приемлемые механизмы регулирования процессов глобализации привели к росту национализма и терроризма, локальным вооруженным конфликтам, росту преступности. Все это способствовало снижению в целом качества человеческих ресурсов на мировом и национальном уровне.

Ежегодно в стенах Университета собирается элита отечественной и мировой гуманитарной науки и культуры, демонстрируя важность конструктивного диалога, способствующего осмыслению происходящих в мире кардинальных перемен, формирующую уникальную духовную среду общения. Творческая атмосфера, царящая на Международных Лихачевских чтениях, способствует поиску ответов на актуальные вопросы, волнующие международное общество.

Объединяя миллионы трудящихся России, ФНП заинтересована в мобилизации интеллектуальных ресурсов ведущих ученых, способствующих своими исследованиями осмыслению тенденций мирового развития. В условиях обострения отношений между трудом и капиталом всем здравомыслящим людям необходимо следовать принципам международной солидарности, укреплять взаимное сотрудничество и сплоченность.

Ваш представительный и уникальный по составу участников форум, несомненно, внесет свой вклад в разработку путей выхода из международного кризиса, способствуя отстаиванию идеалов мира и социальной справедливости.

Председатель Федерации независимых профсоюзов России

М. В. ШМАКОВ

Организаторам, участникам и гостям XV Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые члены Оргкомитета!

Уважаемые участники и гости XV Международных Лихачевских научных чтений!

Приветствую вас, уважаемые коллеги и друзья!

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — одно из старейших и наиболее престижных образовательных учреждений в России, достойно выполняющее сложную и ответственную задачу по изучению и развитию наследия академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Тема XV Международных Лихачевских научных чтений «Современные глобальные вызовы и национальные интересы» имеет большое значение для ЮНЕСКО. Особенно актуальна она в настоящее время, когда обострились проблемы, накопившиеся за несколько десятилетий сложных политических и человеческих взаимоотношений.

Никогда прежде не было так важно следовать принципам равенства, уважения и солидарности между всеми людьми, населяющими планету. Уверена, что, действуя совместно, мы можем добиться мирного и стабильного будущего для всех народов, соблюдения их прав и интересов.

Основная задача ЮНЕСКО — охрана культурного наследия человечества. Сегодня необходимо объединить усилия мировой общественности для защиты наших культурных и духовных ценностей. Хочу поблагодарить организаторов Международных Лихачевских научных чтений за приверженность этим целям и идеалам.

Желаю участникам предстоящих дискуссий успешной работы и всего самого доброго!

Генеральный директор ЮНЕСКО

И. БОКОВА

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, Российская академия образования, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России, в 2013-м — и при поддержке Европейской академии наук и искусств (Зальцбург).

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», «Диалог культур в условиях глобализации» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, Г. А. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, А. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, М. И. Клеандров, Г. Б. Клейнер, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, В. В. Миронов, Н. Н. Моисеев, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скотов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, Ю. П. Зинченко, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, Ф. А. Асадуллин, Н. С. Бондарь, А. Е. Бусыгин, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатилов, М. С. Гусман, А. К. Исаев, С. Л. Катананов, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, Т. А. Мансуров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, Г. М. Резник, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусства: М. К. Аникушин, Н. В. Буров, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшеклассников России, на который собираются победители Всероссийского конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России началось осуществление Дипломатической программы Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

С 2010 года комплекс лихачевских мероприятий дополнен Всероссийской культурно-образовательной программой для старшеклассников «Лихачевские уроки в Петербурге».

В 2001, 2004, 2006, 2009–2012 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев, в 2008, 2010–2015 годах — Председатель Правительства РФ.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	4
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XV МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	7
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	11

Пленарное заседание. СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

ДОКЛАДЫ:

Ш. АЗИЗ , премьер-министр Пакистана (2004–2007) СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	25
А. А. АКАЕВ , Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик Академии наук Киргизской Республики, иностранный член РАН, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И БИФУРКАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ ЕВРОСОЮЗА	28
Н. АКУФО-АДДО , министр иностранных дел Республики Гана (2003–2007) СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	32
Д. АРДАКАНИ , президент Академии наук Исламской Республики Иран, доктор философии, профессор ЧТО МОЖЕТ ФИЛОСОФИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?	36
А. БАССАМ , директор Центра стратегических исследований (Дамаск, Сирия), заведующий кафедрой российских и турецких исследований, профессор Университета Дамаска СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ: ВОЙНА В СИРИИ	40
Т. БАУЭР , профессор Университета им. И. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия) ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	43
О. Т. БОГОМОЛОВ , академик РАН, советник РАН, доктор экономических наук, профессор, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН МИР В ПРОЦЕССЕ РАДИКАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН	45
Н. В. БУРОВ , директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», председатель Общественной палаты Санкт-Петербурга, народный артист России, профессор СПбГУП НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА	52
Ш. ВЕБЕР , научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, профессор экономики Южного методистского университета (Даллас, США), доктор философии; Д. В. ДАВЫДОВ , ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, заведующий кафедрой математических методов в экономике Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук; Т. ОСАНГ , профессор экономического факультета Южного методистского университета (Даллас, США), доктор философии; М. ФУДЖИТА , президент и научный руководитель Исследовательского института экономики, торговли и промышленности (Токио), профессор Конановского университета (Кобэ, Япония), доктор философии МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ РЫНКОВ ТРУДА И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ	54
Б. ВОЛЬФ , профессор Высшей школы экономики г. Людвигсхафен-на-Рейне (Германия) РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	56
Е. ВЯТР , министр образования Польши (1996–1997), депутат сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии, профессор НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	59
Г. А. ГАДЖИЕВ , судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП О ЮРИДИЧЕСКОМ И ФИЛОСОФСКОМ СМЫСЛЕ УТВЕРЖДЕНИЯ «ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК»	61

Г. М. ГАТИЛОВ , заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол О НЕКОТОРЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	63
Р. ГЕРРЕРО , Чрезвычайный и Полномочный Посол Мексиканских Соединенных Штатов в РФ СТРУКТУРНЫЕ РЕФОРМЫ В МЕКСИКЕ: СТРАТЕГИЯ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ И РОСТУ В СВЕТЕ ТЕКУЩИХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ	66
Р. С. ГРИНБЕРГ , директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор «УСКОЛЬЗАЮЩИЙ» МИР И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА	71
А. А. ГУСЕЙНОВ , директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП О НАЦИИ КАК ИДЕЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ ЯВЛЕНИИ	74
М. С. ГУСМАН , первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	78
П. ДУТКЕВИЧ , директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор ПЯТЬ МЫСЛЕЙ НА ТЕМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ	81
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции США ГОТОВЫ ВОЕВАТЬ С ЕВРОСОЮЗОМ ДО ПОСЛЕДНЕГО УКРАИНЦА	83
В. ИНГИМУНДАРСОН , профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии УЗАКОНИВАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ И НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И НОРМЫ ПРАВА	86
А. ИРАВАНИ , директор Центра исламских и ближневосточных исследований (Вашингтон, США), доктор философии ВОПРОС О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ: РЕЛИГИЯ КАК ЧАСТЬ РЕШЕНИЯ	89
А. К. ИСАЕВ , заместитель Председателя Государственной Думы РФ, профессор СПбГУП, кандидат политических наук ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	94
Т. КЕНТ , заместитель главного редактора агентства «Ассошиэйтед Пресс» (США) ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЭТИКА: ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ?	96
Г. КЁХЛЕР , президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии МИРОВОЙ ПОРЯДОК И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС	98
Г. Б. КЛЕЙНЕР , заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор ПАРАДИГМА ДЕКОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	103
Г. В. КОЛОДКО , вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета им. Л. Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор К ЛУЧШЕМУ БУДУЩЕМУ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ	107
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ , заведующий Сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	109
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ , директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	111
В. А. МАЛАХОВ , главный научный сотрудник Отдела философии культуры, этики и эстетики Института философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины, доктор философских наук, профессор ПАТРИОТИЗМ КАК ВОЛЯ К МИРУ: К СОВРЕМЕННОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ ТЕРМИНА	114
Х. А. МАРК , Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011) МИР УЖЕ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ПРЕЖНИМ: ГРЯДУТ БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ	116
К. Б. МОЙНИХЕН , государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В АРКТИКЕ. ПЕРСПЕКТИВА БЛИЖАЙШЕГО СОСЕДСТВА	119
М. Ф. МОНТЕС , старший советник по вопросам финансов и развития Южного центра (Женева, Швейцария), доктор экономики СОВМЕЩЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК ВЫЗОВ ХХІ ВЕКА	124

М. А. МОРАТИНОС , министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ. СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОТИВ ВЫЗОВА. ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ	134
Д. В. МОСЯКОВ , руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор СТРАНЫ ВОСТОКА И КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	138
С. М. МОХАГХЕГ АХМАДАБАДИ , профессор права и исламской философии, доктор философии Тегеранского университета, глава отделения изучения ислама Академии наук Исламской Республики Иран НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ВСЕОБЩИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ И РЕСУРСЫ СОГЛАСИЯ	140
А. Д. НЕКИПЕЛОВ , директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП О ПРИРОДЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: РАЗВЫШЛЕНИЯ ЭКОНОМИСТА	142
М. ПАПАДОПУЛОС , издатель журнала “Politics First”, обозреватель и эксперт по России и другим странам бывшего Советского Союза, доктор (Великобритания) РУСОФОБИЯ: ПРОЧНО УКОРЕНИВШАЯСЯ И НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЗАПАДА.	145
В. ПРОДАНОВ , член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор БОЛГАРИЯ И РОССИЯ МЕЖДУ ЛИБЕРАЛЬНО-УНИВЕРСАЛИСТСКИМИ, ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМИ И НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ	149
Г. М. РЕЗНИК , вице-президент Федеральной палаты адвокатов, профессор кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: УРОКИ КОМПАРАТИВНОСТИ	152
В. делья САЛА , адъюнкт-профессор политических наук кафедры социологии и социальных исследований Университета Тренто (Италия) ЕВРОПА — МЕРКУРИЙ, РОССИЯ — ПЛУТОН: СЛОЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	156
Ж. САПИР , профессор экономики Высшей школы социальных наук (EHESS, Париж), директор Центра исследований индустриализации SEMI-EHESS, визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова КРИЗИС ГЛОБАЛИЗАЦИИ. НОВЫЙ КОНТЕКСТ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК	159
В. С. СТЕПИН , руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ПРОБЛЕМА СТРАТЕГИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	162
В. Г. ТАРПЛИ , писатель, журналист, публицист, президент Washington Grove Institute (США), доктор философии ИДЕИ ПО СОХРАНЕНИЮ МИРА В ЕВРОПЕ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ.	165
В. А. ТИШКОВ , академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ЯЗЫКИ НАЦИЙ	169
П. П. ТОЛОЧКО , директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор ЕВРОИНТЕГРАЦИОННАЯ ДРАМА УКРАИНЫ	172
Ж. Т. ТОШЕНКО , заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор ТРАВМА КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (Полемические заметки)	175
Т. ТЮРКЕР , директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, адъюнкт-профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция) ИСТОРИЯ НАЦИЙ: ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА НА РОССИЙСКУЮ И ТУРЕЦКУЮ ИМПЕРИИ	179
В. А. ЧЕРЕШНЕВ , председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП; В. Н. РАСТОРГУЕВ , профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ РОССИИ И НОВЫЕ УСЛОВИЯ ДИАЛОГА В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	183
ЧЖАН ДЮНЬ ЮН , заведующий кафедрой экономики Национального университета путей сообщения (г. Шичзячжуан, КНР), доктор экономических наук, профессор КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И КОМПЛЕКСНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. СПОСОБНЫ ЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА «ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ ВЗАИМНО ДОПОЛНИТЬ ДРУГ ДРУГА?	185

М. В. ШМАКОВ , <i>председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП</i> ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ТРУДЯЩИХСЯ РОССИИ — ОТВЕТ ПРОФСОЮЗОВ НА НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ	187
Н. эль-ШЕЙХ , <i>профессор политологии Каирского университета, член Египетского совета иностранных дел</i> СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ: НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И ГЛОБАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ	191
А. В. ЯКОВЕНКО , <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук (международное право), профессор</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	195
ДИСКУССИЯ	199

Выступающие: Ш. Азиз, А. А. Акаев, Д. Ардакани, О. Т. Богомолов, Е. Вятр, Г. М. Гатилов, Р. Ферреро, А. А. Гусейнов, М. С. Гусман, Д. К. Гэлбрейт, П. Дуткевич, А. С. Запесоцкий, А. Иравани, Т. Кент, Г. Кёхлер, Г. Б. Клейнер, Г. В. Колодко, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, Е. И. Макаров, К. Мойнихен, М. А. Моратинос, С. М. Мохаггег Ахмадабади, А. Д. Некипелов, Г. М. Резник, В. делла Сала, В. С. Степин, В. Т. Третьяков, П. П. Толочко, Т. Тюркер, В. А. Черешнев, Чжан Дюнь Юн, Н. эль-Шейх

Секция 1. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЖИЗНЕННОГО УСТРОЙСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ (“Is the West the best?”)

ДОКЛАДЫ:

В. А. АВКСЕНТЬЕВ , <i>директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i> РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК МОДЕЛЬ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ	230
Ф. А. АСАДУЛЛИН , <i>советник председателя Духовного управления мусульман России и Совета муфтиев России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук</i> МЕГАПОЛИС КАК ЗЕРКАЛО ГЛОБАЛИЗАЦИИ: АВТОХТОННЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА	232
А. БЕБЛЕР , <i>профессор факультета социологии Университета Любляны (Словения)</i> О ПОЛИТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТАХ РУССКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА	235
В. В. ГОРШКОВА , <i>декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор</i> ПОЧЕМУ “THE WEST IS NOT THE BEST”	240
Е. Э. ДРОБЫШЕВА , <i>профессор кафедры философии, истории и теории искусств Академии русского балета им. А. Я. Вагановой, доктор философских наук</i> АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	241
О. В. КАШИРИНА , <i>профессор кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук</i> ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВРЕМЕНИ МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ	243
В. А. КОНЕВ , <i>заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ</i> ДВА ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВА СОВРЕМЕННОСТИ: ВЫЗОВ ГОСПОДСТВА И ВЫЗОВ СВОБОДЫ	244
А. ЛАМБА , <i>депутат Законодательного собрания Дели (Индия)</i> ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ (На примере Индии)	247
Г. ЛИТТЛАДЖОН , <i>экономист, социолог (Великобритания)</i> ИСЧИСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА. АФРИКА И БРИКС	250
Е. И. МАКАРОВ , <i>заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП</i> ПРОФСОЮЗНЫЙ ФОРУМ БРИКС: НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ОТСТАИВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРОФЦЕНТРОВ СТРАН-УЧАСТНИЦ	255
А. П. НАЗАРЕТЯН , <i>главный научный сотрудник, руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН, профессор Международного университета «Дубна», доктор философских наук, кандидат психологических наук</i> ГЛОБАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА И «АГЕНТУРА ВЛИЯНИЯ»	257

Н. ПОПОВИЧ , <i>председатель Сербской народной партии, президент группы компаний «АВС Электро», доктор экономических наук</i> БАЛКАНСКИЙ РЕГИОН В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ	260
М. ФАЙЕТТА , <i>Генеральный консул Швейцарии в Санкт-Петербурге</i> МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА В БОЛЬШОМ МИРЕ: ШВЕЙЦАРИЯ И ЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	265
М. Н. ФОМИНА , <i>профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета, доктор философских наук</i> МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ	267
Е. В. ХАРИТОНОВА , <i>старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент</i> ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И КОНФЛИКТЫ В ЗЕРКАЛЕ АФРИКАНСКИХ СОБЫТИЙ	269
А. Б. ЦИНКЕР , <i>директор Института стран СНГ и Восточной Европы, заместитель председателя Координационного совета организаций российских соотечественников (Израиль), доктор философии</i> ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИЛИ САМОИЗОЛЯЦИЯ? К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	272
В. А. ШАМАХОВ , <i>директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор</i> ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: НЕИЗБЕЖНОСТЬ, ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	275
Я. Г. ШЕМЯКИН , <i>главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук</i> ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ УЧАСТНИКОВ БРИКС И ПРОБЛЕМА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	277
ДИСКУССИЯ	280
Выступающие: Ш. Азиз, А. Беблер, Е. Вятр, Г. М. Гатилов, П. Дуткевич, А. С. Запесоцкий, В. Ингимундарсон, А. Иравани, Г. Кёхлер, Г. В. Колодко, К. Б. Мойнихен, М. А. Моратинос, Д. В. Мосяков, А. П. Назаретян, Г. М. Резник, В. дела Сала, П. П. Толочко, М. Файетта, Е. В. Харитоновна, А. Б. Цинкер, В. А. Черешнев, Н. эль-Шейх, Я. Г. Шемякин	

Секция 2. НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

ДОКЛАДЫ:

А. В. АГОШКОВ , <i>главный редактор издательства «Наука и культура», кандидат философских наук</i> СОЦИАЛ-КОНСЕРВАТИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ	298
Б. В. АКСЮМОВ , <i>профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	300
О. Н. АСТАФЬЕВА , <i>заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i> МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: НОВЫЕ АКЦЕНТЫ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ	302
М. Н. ВЕТЧИНОВА , <i>профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук</i> КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ИДЕЯХ Д. С. ЛИХАЧЕВА	305
В. С. ГЛАГОЛЕВ , <i>профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ	307
Ю. Д. ГРАНИН , <i>ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор</i> СОХРАНЯТСЯ ЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ? УГРОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	308
П. С. ГУРЕВИЧ , <i>главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор</i> ЭТНОС В ОКОЁМЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	310

В. Ю. ДУНАЕВ , главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор;	
В. Д. КУРГАНСКАЯ , главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор	
ПОНЯТИЕ НАЦИИ И СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	312
О. П. ЗУБЕЦ , старший научный сотрудник Сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук	
ВНЕНАЦИОНАЛЬНОСТЬ МОРАЛИ	315
С. Н. ИКОННИКОВА , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ	
МЕНТАЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР: КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ	317
Е. А. КАЙСАРОВ , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ХРИСТИАНСКО-ВИЗАНТИЙСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ РУСИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА ИЛИ СУДЬБОНОСНЫЙ ВЫБОР?	319
В. М. КАПИЦЫН , профессор кафедры сравнительной политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук	
ДОМИНАНТА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И РАЗРУШЕНИЕ «ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	321
С. М. КЛИМОВА , профессор школы философии Высшей школы экономики, доктор философских наук	
ВИЗУАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ПОХОРОН КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	323
М. И. КОЗЬЯКОВА , профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук	
НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: КОНСОЛИДАЦИЯ И КОНФЛИКТ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ	326
Г. Г. КОЛОМИЕЦ , профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук	
КОРРЕЛЯТ НАЦИОНАЛЬНОГО И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО В ИСКУССТВЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА	329
С. С. КОМИССАРЕНКО , профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК КУЛЬТУРНАЯ ДИЛЕММА	331
Т. В. КУЗНЕЦОВА , профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук	
НАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ	333
Д. Э. ЛЕТНЯКОВ , заместитель заведующего Сектором истории политической философии Института философии РАН, кандидат политических наук	
ИДЕЯ ИМПЕРИИ И НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ	335
И. В. МАЛЫГИНА , заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор	
НАЦИОНАЛИЗМ КАК ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ: ОТ ИДЕИ НАЦИИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ	336
Ф. Т. МАМЕДОВ , профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук	
О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ	339
А. П. МАРКОВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК СМЫСЛ И СУДЬБА «РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»	342
О. В. МАРТЫШИН , профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук	
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС В СИСТЕМЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	346
А. М. МЕЛИХОВ , заместитель главного редактора журнала «Нева», писатель, публицист, литературный критик, кандидат физико-математических наук	
ОБЪЕДИНИТЬСЯ В НЕБЫВАЛОМ	348
Л. А. МЕНЬШИКОВ , заведующий кафедрой общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, кандидат философских наук, доцент	
МИРАЖИ НАЦИОНАЛЬНОГО В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ. ОТ СИМУЛЯЦИИ К РЕАЛЬНОСТИ	350

А. Н. МОСЕЙКО , ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент РУССКИЙ МИР В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: ВЫЗОВЫ, РАСКОЛЫ, ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	352
С. Б. НИКОНОВА , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук ИСТОКИ И ГРАНИЦЫ ИДЕИ НАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НОВОЕВРОПЕЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА	355
А. А. ОГАНОВ , заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	359
К. С. ПИГРОВ , профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ VS НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭГОИЗМ	361
В. Ш. САБИРОВ , заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИИ	364
Т. Б. СИДНЕВА , проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ДИАЛЕКТИКА ГРАНИЦЫ НАЦИОНАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ...	366
М. В. СИЛАНТЬЕВА , профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук СОВРЕМЕННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК КОНЦЕПТ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ	369
С. В. СНАПКОВСКАЯ , заместитель председателя по вопросам культуры, педагогики и образования Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России» (Минск), доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор ПРОБЛЕМА «ЗАПАДНОРУСИЗМА» В ПЛОСКОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ БЕЛОРУСОВ	371
О. С. СОИНА , профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ О КУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЯХ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	373
О. И. СТАВШЕВА , заместитель декана факультета культуры СПбГУП, доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук «ОСТРОВ РОССИЯ»: ИСТОКИ САМОБЫТНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА	375
Л. А. СУГРЕЙ , профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор философских наук РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ПУТИ ЕЕ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	377
В. Н. ТОМАЛИНЦЕВ , старший научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ «РУССКОГО МИРА»	378
Р. Л. УРИЦКАЯ , доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ (Научное наследие академика Д. С. Лихачева)	382
А. В. УСПЕНСКАЯ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук НАЦИОНАЛЬНОЕ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РОССИИ	383
В. Б. УСТЬЯНЦЕВ , заведующий кафедрой теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник высшей школы РФ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭТНОСА: ГОРИЗОНТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ	385
Л. И. ХАРЧЕНКОВА , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук ЭТНОЦЕНТРИЗМ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ВИДЫ	387
Н. А. ХРЕНОВ , главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор ОРИЕНТАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС КАК ПОРОЖДЕНИЕ ЗАПАДА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ	389
К. И. ШАРАФАДИНА , профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук КОНЦЕПТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ «РУССКОЕ» В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	393

Н. В. ЭЙЛЬБАРТ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор исторических наук ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ СЛАВЯНСКИХ ЭТНОСОВ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ.	395
--	-----

ДИСКУССИЯ	397
---------------------	-----

Выступающие: В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, О. Н. Астафьева, М. Н. Ветчинова, В. С. Глаголев, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, С. Н. Иконникова, С. М. Климова, М. И. Козьякова, Г. Г. Коломиец, В. А. Конев, Т. В. Кузнецова, В. А. Лекторский, Д. Э. Летняков, В. А. Малахов, Ф. Т. Мамедов, А. П. Марков, О. В. Мартышин, А. Н. Мосейко, А. А. Оганов, К. С. Пигров, В. Проданов, Т. Б. Сиднева, М. В. Силантьева, С. В. Снапковская, В. С. Степин, Н. А. Хренов

Секция 3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

ДОКЛАДЫ:

С. А. АНТИПИН , профессор кафедры экономики, управления и бизнеса Московского государственного областного гуманитарного института, доктор экономических наук ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	425
--	-----

К. И. ВАЙСЕРО , заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Московского городского университета управления Правительства Москвы, доктор психологических наук, профессор ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	427
---	-----

Ф. Б. ВЛАСОВ , профессор кафедры экономической теории и управления персоналом Государственного университета — учебно-научно-производственного комплекса (Орел), доктор экономических наук СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ, ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ	430
---	-----

Д. К. ГЭЛБРЕЙТ , профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	432
--	-----

В. В. ЗЯБРИКОВ , доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук РОЛИ И ФУНКЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА В КОНТЕКСТЕ ЕДИНОЙ ТИПОЛОГИИ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ.	435
--	-----

Г. Ю. КАНАРШ , старший научный сотрудник Сектора социальной философии Института философии РАН, кандидат политических наук РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	438
--	-----

В. И. КАШИРИН , ведущий научный сотрудник Института повышения квалификации научно-педагогических кадров Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук, профессор ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ФИЛОСОФАМ: НУЖНА ЛИ РОССИИ АНТИКРИЗИСНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ?	439
--	-----

А. В. КОСТИНА , декан факультета культуры и искусства, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ	441
--	-----

А. И. КОТОВ , специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ: СОДЕРЖАНИЕ И ОЦЕНКА	444
---	-----

Е. А. КУКЛИНА , заведующая кафедрой макроэкономического регулирования Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, доцент РАЗУМНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИИ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА.	446
--	-----

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА , руководитель Центра социально-экономических исследований Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, профессор ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ (Американский подход)	448
---	-----

А. И. ЛУЧЕНОК , заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, доктор экономических наук, профессор НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В СИСТЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ МАКРОГРУПП.	450
--	-----

Т. Б. МАЛИНИНА , доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ (Потребительно-стоимостной подход)	452
М. С. МОТЫШИНА , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ	455
Т. П. НИКОЛАЕВА , профессор кафедры менеджмента и экономики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор экономических наук ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ	456
Н. Н. ПОКРОВСКАЯ , заместитель директора по научной работе Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, доцент ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕГУЛЯТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ	458
Э. Э. ПОЛЕТАЕВ , руководитель Общественного фонда «Мир Евразии» КРИТЕРИИ ИНТЕГРАЦИОННОГО УСПЕХА И НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА	460
Е. С. САДОВАЯ , заведующая сектором социальных проблем труда и занятости Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат экономических наук, доцент ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД И ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД МИРОВЫМ СООБЩЕСТВОМ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ	462
А. С. СЕЛИШЕВ , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук ПЕРСПЕКТИВЫ СВОБОДНОЙ КОНВЕРТАЦИИ ЮАНЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	464
Б. К. СУЛТАНОВ , директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (до октября 2014 г.), доктор исторических наук, доцент ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ	466
Г. Ф. ФЕЙГИН , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ: ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА	470
И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА , заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, доктор философских наук, профессор МЕЖДУНАРОДНАЯ КООПЕРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕАТРОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	472
Е. Г. ХОЛЬНОВА , заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор ВЗАИМОСВЯЗЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ	474
Е. Ф. ЧЕБЕРКО , профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	476
В. В. ШЛЯПНИКОВ , доцент кафедры глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, кандидат философских наук ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ И ЕВРАЗИЙСКОМ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТАХ	478
Я. ЭШИНАР , преподаватель политологии Университета Гренобля (Франция) доктор экономики КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОГО ВАЛЮТНОГО СОЮЗА (Политический аспект)	481
ДИСКУССИЯ	483
Выступающие: Т. Бауэр, Р. С. Гринберг, Д. К. Гэлбрейт, А. С. Запесоцкий, В. В. Зябриков, Г. Ю. Канарш, Г. Б. Клейнер, А. И. Котов, Л. Ф. Лебедева, А. И. Лученок, А. Д. Некипелов, Т. П. Николаева, Э. Э. Полетаев, Е. С. Садовая, Б. К. Султанов, Г. Ф. Фейгин, И. Г. Хангельдиева, Е. Ф. Чеберко	

Секция 4. НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ДОКЛАДЫ:

- Т. А. БАТАЛОВА**, директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан)
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ КАК ЧАСТИ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР
ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ЕАЭС 503
- Г. Г. БЕРНАЦКИЙ**, профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук,
почетный работник высшего профессионального образования РФ
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ 505
- О. В. ВЕРБОВАЯ**, профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан),
доктор юридических наук
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРАВА В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
СОВРЕМЕННЫМ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ 506
- В. Г. ГРАФСКИЙ**, главный научный сотрудник, заведующий Сектором истории права, государства
и политических учений Института государства и права РАН, член Научного совета по правотворчеству
при Председателе Государственной Думы РФ, доктор юридических наук, профессор
ПРАВОВЫЕ И ДРУГИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
РАЗЛИЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КУЛЬТУР
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВЗАИМНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ 508
- А. А. ДЖАГАРЯН**, советник судьи Конституционного Суда РФ,
доктор юридических наук
ПРАВО, ДИАЛОГ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ 511
- В. В. ДОЛИНСКАЯ**, профессор кафедры гражданского права
Московского государственного юридического университета, им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук;
Л. М. ДОЛИНСКАЯ, врач Федерального научно-клинического центра
спортивной медицины и реабилитации
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 514
- А. А. ДОРСКАЯ**, заведующая кафедрой международного права Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор
ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ЮРИДИЧЕСКУЮ КОНСТРУКЦИЮ СВОБОДЫ СОВЕСТИ
(На примере международно-правовых стандартов и российского законодательства) 516
- Н. А. ИСАЕВ**, профессор кафедры уголовного права Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук
ПРАВО И ПРЕСТУПНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 518
- З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ**, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ЭПОХИ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
НА ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ 520
- М. В. КАРАСЕВА (СЕНЦОВА)**, заместитель декана юридического факультета по международному сотрудничеству,
заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
НАЛОГОВОЕ ПРАВО РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 522
- А. С. КАРЦОВ**, профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
доктор юридических наук
ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ РЕШЕНИЙ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ 524
- С. А. КОМАРОВ**, заведующий кафедрой теории государства и права Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор;
Г. М. АЗНАГУЛОВА, доцент кафедры теории государства и права Института права
Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук
ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ 527
- В. В. ЛАПАЕВА**, советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник
Сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук
ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА
(В контексте перспектив глобального мироустройства) 529
- Л. Е. ЛАПТЕВА**, заведующая кафедрой истории права и государства Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН,
доктор юридических наук, профессор
ЦЕННОСТЬ ПРАВА В РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ТРАДИЦИИ 532

В. А. ЛЕБЕДЕВ , профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	534
С. А. МАРКОВА-МУРАШОВА , профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета, доктор юридических наук ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРАВА	537
А. А. МОИСЕЕВ , проректор по международным связям Российской таможенной академии, доктор юридических наук, профессор КРИТЕРИИ ОБЪЕДИНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В НАДГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ ОБЩНОСТИ	539
А. Ю. МОРАОВЦЕВ , профессор кафедры теории и истории государства и права Таганрогского института управления и экономики, профессор кафедры международного права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, кандидат философских наук НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В XXI ВЕКЕ	541
Л. А. ПАСЕШНИКОВА , первый проректор СПбГУП, кандидат юридических наук НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЫЗОВОВ	544
Д. А. ПАШЕНЦЕВ , заместитель заведующего кафедрой теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета по научной работе, доктор юридических наук, профессор ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ	547
Е. А. ПЕТРОВА , доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	548
Е. Н. РАХМАНОВА , заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РОССИЙСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	550
Р. А. РОМАШОВ , декан юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО РОССИИ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО: АВТАРКЦИЯ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ	552
К. Е. СИГАЛОВ , директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД РФ, доктор юридических наук ЛИЧНОСТНЫЙ ПРАВОГЕНЕЗ И ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ	553
Л. В. СОКОЛЬСКАЯ , доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного гуманитарного института, кандидат юридических наук; В. И. СОКОЛЬСКИЙ , ведущий юрисконсульт юридического департамента ОАО «Аэрофлот — российские авиалинии» ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	556
А. В. СТРЕМОУХОВ , профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	558
В. М. СЫРЫХ , заведующий отделом теории и истории права и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ НАРОДОВЛАСТИЕ — НЕОБХОДИМОЕ СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	559
Е. В. ТИМОШИНА , профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук «УСТРАНИТЬ СУВЕРЕНА»: ИДЕЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ	562
В. В. ТРОФИМОВ , профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ ИННОВАЦИЙ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА И РЕАГИРОВАНИЯ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ	564
А. А. ФОМИН , профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук ЛИЧНОСТНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	566

И. А. ЧЕСТНОВ , профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ	
КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ ПРАВА КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ	568
В. А. ЭНТИН , директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат юридических наук	
МИРОВОЙ ПОРЯДОК, МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	570
ДИСКУССИЯ	572
Выступающие: Т. А. Баталова, Г. Г. Бернацкий, Г. А. Гаджиев, В. Г. Графский, А. А. Дорская, А. С. Запесоцкий, А. С. Карцов, С. А. Комаров, В. В. Лапаева, А. Г. Лисицын-Светланов, Е. А. Петрова, Р. А. Ромашов, К. Е. Сигалов, В. М. Сырых, Е. В. Тимошина, Е. Н. Тонков, В. В. Трофимов, И. Л. Честнов, В. Л. Энтин	

Секция 5. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА И СВОБОДА СМИ

ДОКЛАДЫ:

С. Р. АБРАМОВ , профессор кафедры английского языка СПбГУП, доктор филологических наук	
ОБРАЗ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДА	594
Г. М. БИРЖЕНЮК , заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	
ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	598
Е. Г. БОРИСОВА , профессор кафедры массовых коммуникаций Московского городского педагогического университета, доктор филологических наук	
АГРЕССИВНОСТЬ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ИСТОЧНИКИ И СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ	600
Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ , журналист, продюсер (Великобритания), профессор кафедры журналистики СПбГУП	
РОССИЙСКИЕ СМИ В ДИАЛОГЕ ВОСТОК–ЗАПАД: ВЗГЛЯД С ЗАПАДА	602
Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ , доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии	
СВОБОДА СЛОВА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СМИ В РОССИИ	605
Ю. П. ЗИНЧЕНКО , декан факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ПЕРИОД СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ	607
В. К. МАМОНТОВ , журналист, политолог, генеральный директор радиостанции «Говорит Москва»	
УРОК УКРАИНСКОГО. КАК ИЗБЕЖАТЬ МАЙДАНА РУССКОМУ ЧЕЛОВЕКУ И ЕГО РОДИНЕ?	609
И. А. МАНКЕВИЧ , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор культурологии	
АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В КИНОТЕКСТАХ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ	612
М. А. МАНУИЛЬСКИЙ , заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, кандидат философских наук	
НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ	613
Л. В. МАТВЕЕВА , профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова доктор психологических наук	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ	615
А. С. МУСАТОВА , менеджер проектов маркетингового агентства (Самара)	
ПОЛИТИЗАЦИЯ МЕДИА И МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	617
М. Р. ПРОСКУРЯКОВ , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук	
ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЧИ ЖУРНАЛИСТА КАК УСЛОВИЕ СВОБОДЫ СЛОВА	619
Л. В. ПУТЬКИНА , профессор кафедры информатики и математики СПбГУП, кандидат технических наук	
ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	621
Л. Г. ТИТОВА , заведующая кафедрой конфликтологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ	622

ДИСКУССИЯ 625

Выступающие: Г. М. Бирженюк, Ю. И. Вдовин, Ю. С. Голигорский, М. С. Гусман, Н. А. Донсков, А. С. Запесоцкий, Ю. А. Запесоцкий, Т. Кент, М. А. Мануильский, Л. В. Матвеева, А. С. Мусатова, М. Р. Проскуряков, В. Тарпли, В. Т. Третьяков

**Секция 6. ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
(Международный форум старшеклассников России)****ВЫСТУПЛЕНИЯ 644**

Выступающие: Н. В. Буров, Е. П. Ефимова, А. С. Запесоцкий, старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений: Е. Гололобова, Д. Ефимова, И. Жугель, Я. Кузнецова, Н. Михайлова, М. Поливахин, А. Семенова, А. Сечко, С. Сорокина, Д. Старшинова, Н. Сухачев

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 659

Пленарное заседание СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

14 мая 2015 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Сопредседатели заседания:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Ш. Азиз¹

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Борьба с мировым терроризмом является одним из наиболее серьезных вызовов, с которыми сегодня столкнулось мировое сообщество. Процессы, происходящие в Леванте, Африке и даже в Европе, отражают проблемы, масштаб которых поражает.

Впервые мы наблюдали захват территорий негосударственными организациями. Они легко преодолевают границы, эксплуатируют ресурсы, собирают налоги, используют новейшие технологии и Интернет как средства распространения пропагандистских материалов, общения и вербовки.

В глобализованном мире подобные конфликты достигают беспрецедентных масштабов. Террористические организации проникли глубоко внутрь сообществ, заручившись их поддержкой и вербуя новых участников в Великобритании, Германии, Канаде, Австралии, убеждая молодежь отдавать свои жизни на Ближнем Востоке.

Необходимо объединить международные усилия в борьбе с терроризмом, особенно в области разведки. Только общими усилиями мы сможем дать достойный ответ новой угрозе.

Терроризм и экстремизм являются факторами депривации, которая проявляется в различных формах: в недостатке прибыли, отсутствии возможности выразить свое мнение, слабом соблюдении прав человека, несовершенствах в области разрешения споров. Экстремисты пользуются тем, что некоторым людям труд-

но найти свое место в обществе, и убеждают их в том, что их жизнь обретет смысл после вступления в террористическую организацию.

Когда состояние депривации достигнет стадии, на которой людям кажется, что их не слышат, они становятся наиболее восприимчивыми к идеям экстремизма. Мы должны помнить, что в некоторых случаях проблема зарождается дома, в их странах.

Необходимо выявить истоки проблемы экстремизма. До сих пор мы рассматривали ее только с точки зрения безопасности. Это ошибочно, потому что экстремизм зарождается в головах и сознании людей. Если мы хотим предотвратить распространение экстремизма, то должны создать безопасную обстановку в мире (в материальном, политическом и культурном отношении). Необходимо продемонстрировать, что вложения в дело сохранения мира окупаются. Нужно содействовать продвижению инклюзивной политики — возвращать недовольных членов в общество. Борьба с экстремизмом начинается с общественных изменений — создания новых рабочих мест, доступности образования, обеспечения социального равенства и справедливости. Представители гражданского общества и общественные лидеры должны активно работать в этом направлении, чтобы люди прислушались к их словам.

Проблема экстремизма затрагивает не только молодежь, которая подвержена влиянию экстремистских идей. Мы должны также обратить внимание на людей, которые состояли в экстремистских организациях, но желают вернуться к нормальной жизни. Необходимо создать специальные программы, которые включат

¹ Политический деятель. Премьер-министр Пакистана (2004–2007), министр финансов (1999–2007). Удостоен звания «Министр финансов года» за 2001 год по версии журналов «Euro Money» и «The Bankers».

ли бы реабилитацию, по истечении которой бывшие члены радикальных организаций смогли бы вновь стать полноценными членами общества.

Современный мир постоянно сталкивается с новыми угрозами — терроризм, безопасность, ядерное оружие, кибератаки и природные катастрофы. Эти вызовы могут уничтожить надежды на мир и прогресс в будущем. Лидеры стран, особенно развивающегося мира, должны быть компетентны и дальновидны, чтобы достойно ответить на эти угрозы.

К сожалению, в современном мире недостаточно ярких лидеров. Мы можем наблюдать это повсюду: способные руководители существуют, но их недостаточно. Многие политики зачастую настолько заняты следующей предвыборной кампанией, что у них не остается времени на создание долгосрочного стратегического плана.

Настоящие лидеры заботятся о преемственности и оставляют после себя компетентных сторонников. Такие лидеры оставляют свой пост по окончании срока полномочий, но народ будет уверен, что может жить и развиваться без руководства. Настоящие лидеры должны быть людьми квалифицированными, честными и открытыми. Прямота — важнейшее качество лидера. Хорошие руководители берут на себя ответственность за ошибки своей команды. Они сосредоточены и должны уметь достойно реагировать как на успех, так и на проблемы.

Стратегические лидеры понимают, что иногда им придется принимать независимые решения. Как правило, такие действия не приносят славы, их достижения будут признаны спустя многие годы. Часто реформы и изменения, представляющие оптимальными для страны в данный период, непопулярны среди современников. Более того, признание обычно достается последующим руководителям. Например, экономические реформы германского канцлера Герхарда Шредера были крайне непопулярны в период его руководства, но помогли Германии выстоять во время мирового финансового кризиса. Он продемонстрировал качества лидера, хотя его партия и проиграла выборы, что, на мой взгляд, не имеет значения, если веришь, что действуюешь во благо своей страны.

Этот пример напомнил об экономических проблемах, с которыми сталкивается современный мир, — мировом финансовом кризисе, последствия которого ощущаются до сих пор.

В период выхода из кризиса мы столкнулись с финансовой «турбулентностью», снижением производства и общественными проблемами такого масштаба, которого не было со времен Великой депрессии. Кризис также поставил ряд задач перед политиками. В частности, в еврозоне он привлек внимание к структурным и институциональным проблемам. Кризис — время трудностей, но также и время перемен и новых возможностей.

Природа рынка предполагает, что подъемы и спады будут происходить всегда, важно выработать устойчивость к приближающимся кризисам и быть готовым быстро реагировать на них. Политики должны заручиться поддержкой населения, чтобы действо-

вать подобным образом, потому что меры, которые необходимо принять, часто бывают жесткими. Мировые экономики должны быть более адаптируемыми и конкурентоспособными. Бюджетная реформа позволит странам жить по средствам. Увеличившийся негибкий общественный сектор необходимо сократить, не забывая о социальных нуждах малообеспеченных слоев населения.

Экономическая трансформация посредством структурных реформ и действий сильного дальновидного лидера является ключевым пунктом в обеспечении экономического роста. Всеобъемлющая структурная реформа, включающая дерегулирование, либерализацию и приватизацию, позволит создать благоприятную почву для роста.

Кроме того, необходима хорошо продуманная, прозрачная регуляция. Регулирующий орган не только диктует условия, но и сотрудничает, обеспечивает будущий рост и жизнеспособность индустрии. Такие органы должны поддерживать инновации, работая совместно с финансовыми организациями.

Любой стране, развивающейся или развитой, время от времени необходимы реформы. Это продолжительный эволюционный процесс, адаптирующий страну к окружающей обстановке. Однако в данной статье рассматривается только взаимосвязь между ростом и рисками в развивающихся странах.

Одна из проблем, с которой в настоящее время сталкиваются политики, — необходимость поощрять рост и следить за тем, чтобы он происходил умеренно. Экономист Томас Пикетти предупредил об опасности быстрого увеличения пропасти между богатыми и бедными. Если мы не предпримем должных мер, социальные последствия будут катастрофическими.

Особое внимание необходимо обратить на перестройку международной финансовой модели. Новые организации не должны быть заложниками старых методов.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) предоставляет возможность построить образцовую организацию XXI века в своем регионе. Он послужит дополнением к таким уже существующим банкам, как Азиатский банк развития и Всемирный банк. АБИИ не должен быть стеснен исторически сложившимися правилами, как произошло в случае с Бреттон-Вудскими организациями: старые методы подавляют возможность адаптироваться к современному миру. Необходимо учиться на прошлых ошибках и создавать новую модель управления. Например, современной организации не нужно иметь постоянный совет директоров — АБИИ необходимо обратить внимание на то, как функционирует современный деловой мир, в котором технологии помогают контактировать с членами совета, где бы они ни находились. Руководство должно быть снабжено достаточными полномочиями для обеспечения эффективного функционирования организации. В отношении назначений АБИИ должен быть меритократической организацией, которая продвигает только самых лучших, основываясь на их заслугах.

Мировой однополярный порядок, существовавший со времен холодной войны, начал меняться. В качестве

еще одной мировой силы проявил себя Китай. Желание других стран сотрудничать с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций свидетельствует о том, какую значительную роль играет Китай.

Это вовсе не означает, что уже существующие мировые силы утратили свою власть. США демонстрируют пример открытости и использования новых перспектив. Мир может многому научиться, глядя на то, как эта страна приняла иммигрантов, открыв двери всем, кто был способен трудиться, надеясь на улучшение жизненных условий. США продолжают оставаться важным мировым игроком, даже тяжеловесом, и пользоваться влиянием в международных организациях. На мировой арене достаточно места (более чем для одной силы), особенно если учесть новые вызовы, с которыми мы сталкиваемся.

Некоторые заинтересованные стороны болезненно воспринимают возрождение Китая. Мы должны рассматривать Китай как страну, способную предоставить новые возможности, а не представляющую угрозу. Китай продолжает развиваться, и его потребительские расходы растут — он может стать рынком для остального мира. Китай также может быть ценным партнером в борьбе с возникающими проблемами и за достижение мира и гармонии.

К возникновению нового баланса сил нужно подходить здраво. Вместо того чтобы воспринимать друг друга как соперников, ключевые игроки должны сфокусироваться на достижении соглашений на высшем уровне. Мультиполярный мир гораздо лучше, чем униполярный.

Необходимо устанавливать новые связи. Таким образом мы сможем гарантировать мир и смягчить негативные последствия кризисов. Кроме того, необходимо совместно разрабатывать вопросы, представляющие общий интерес. Мы должны воздерживаться от выработки стратегий, которые ведут к отчуждению или могут негативно настроить другие мировые силы. Вместо того чтобы пытаться уравновесить новые мировые силы, нужно сосредоточиться на кооперации. Такие инициативы, как Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство, должны быть инклюзивными.

Проблемы, возникающие внутри Европы, также необходимо решать. В долгосрочной перспективе ни одной из европейских стран невыгодно соперничать с другой. Европа должна сотрудничать с Россией и предпринимать усилия по обеспечению мирной обстановки, Россия в свою очередь также должна стремиться к сотрудничеству с Европой и построению новых связей. Отношения между странами должны развиваться в обстановке уважения к суверенности друг друга. Укрепление сотрудничества нивелирует враждебность и будет выгодно как России, так и странам Евросоюза. В долгосрочной перспективе безопасность, стабильность и процветание всей Европы могут быть достигнуты, если заинтересованные стороны будут работать вместе.

Одна из сфер сотрудничества США, Китая и России — глобальные угрозы: терроризм, безопасность,

распространение эпидемий, природные катастрофы и изменение климата. Здесь необходимо уделить особое внимание рискам, а дружественные отношения между вышеперечисленными странами будут только способствовать этому. Сотрудничество между странами поможет справиться с возникающими проблемами.

Использование мировых ресурсов важно для развития. В период индустриальной революции ресурсы были ключевым звеном, позволившим достигнуть экспоненциального экономического роста в индустриальных странах. Это повторяется сегодня на новых рынках. Но мировые ресурсы ограничены, а связанная с этим угроза окружающей среде значительна. В отчете ООН об изменении климата указывается, что средняя температура повысилась на 1–2 °C по сравнению с эпохой индустриальной революции, изменения претерпела и погода. Эксперты ООН полагают, что, если выбросы углерода не будут приостановлены, мировая температура поднимется еще на 2 градуса в течение ближайших 20–30 лет. Это будет иметь катастрофические последствия для окружающей среды, погоды и экосистемы.

Инвестиции в альтернативные источники энергии — шаг в правильном направлении. В этой сфере Германия является мировым лидером. Как правило, экология требует больших инвестиций и развитой экономики, что для многих стран проблематично. Гидроэлектростанции являются наиболее дешевым источником энергии, но их использование ограничено географически и зачастую имеет негативные последствия для окружающей среды. Источники ветряной и солнечной энергии экономичнее в использовании, но до сих пор требуют значительных вложений. Затраты на выработку солнечной энергии уже были снижены (по закону Суонсона ожидается резкое снижение стоимости солнечных батарей при условии, что их производственные мощности удваиваются каждые три года).

Мы отметили некоторые новые вызовы, с которыми сталкивается современный мир: распространение международного терроризма, сектантства, увеличение числа государств с разваливающейся экономикой. Отдельная страна не справится с этими вызовами самостоятельно. Мультилатеральные решения — единственная возможность решения сложных проблем.

Такие мультилатеральные организации, как ООН, Евросоюз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Организация исламского сотрудничества и другие, могут сыграть важную роль в предотвращении потенциальных кризисов. Международный валютный фонд и Мировой банк могут помочь развивающимся странам решить экономические проблемы. Однако эти организации нуждаются в реформах. Кроме того, развивающиеся страны должны стремиться к прогрессу, потому что в конечном счете их успех зависит только от них самих. Сейчас подходящий момент для лидеров проявить себя, а для стран — объединиться и начать, не принося в жертву свои национальные интересы, решать сложные проблемы, с которыми мы сталкиваемся.

А. А. Акаев¹

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И БИФУРКАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ ЕВРОСОЮЗА

Мировая экономика в 2013–2014 годах замедлила ход, снизив темпы роста до 3,3 с 3,5 %, достигнутых в 2012 году. Прогнозы экспертов на 2015 год диаметрально противоположны: оптимисты полагают, что она вновь ускорится, повысив темпы роста до 4 % и более, а пессимисты ожидают, что, напротив, замедление продолжится и темпы роста понизятся до уровня 3 % и менее. Показано, что неопределенность в ближайших перспективах развития мировой экономики связана главным образом с ростом геополитической напряженности в мире. Не случайно Всемирный экономический форум в Давосе назвал 2015-й годом геополитических рисков. Действительно, в 2014 году геополитические конфликты начали оказывать наибольшее негативное влияние на мировую финансовую и экономические системы. Оно может быть усилено очередной волной кризиса мировых финансовых рынков. Существуют также риски того, что глобальный спрос окажется недостаточным для роста потенциального мирового выпуска.

Оптимистически настроенные эксперты основываются на том, что американская экономика, которая в последний год набрала устойчивый ход и высокие темпы роста, достигающие потенциальных 3 %, может теперь сыграть роль основного локомотива для мировой экономики наряду с экономикой Китая и потянуть за собой страны Евросоюза, Японию и другие государства, имеющие с США тесные и значительные по объему торгово-экономические отношения. Что же касается второго локомотива — экономики Китая, то она уверенно продолжает рост относительно высокими темпами — свыше 7 % в год. Оптимизма добавляет снижение цен на нефть и другие сырьевые ресурсы, которое послужит дополнительным стимулом для роста мировой экономики.

С другой стороны, экспортно-ориентированные экономики развивающихся стран в целом имеют тенденцию к замедлению. В большинстве стран с развитой экономикой все еще сохраняются значительные разрывы между потенциальным и фактическим объемом производства. Среди развитых стран уверенно растут только экономики США и Великобритании, которые мало зависят от роста экспорта своих товаров. Они

растут за счет спроса на внутреннем рынке, который ранее стимулировался центробанками за счет обильного «количественного смягчения». Экономика еврозоны, которая могла бы сыграть ключевую роль в устранении неопределенности, все еще пребывает в стагнации, а экономика Японии, которая шла на подъем в 2012–2013 годах, в 2014 году испытала повторную рецессию. К тому же еврозона вползает в дефляцию. В декабре 2014 года индекс потребительских цен впервые за последние пять лет снизился на 0,2 %, а в январе 2015-го дефляция составила 0,6 %. В довершение всех проблем жестокие террористические акции в Париже в начале 2015 года омрачили всеобщее континентальное спокойствие. Большинство экспертов ожидает, что в 2015 году обострится угроза международного терроризма и радикального экстремизма. Все это, безусловно, окажет негативное влияние на инвестиционную активность в еврозоне, а следовательно, и на дальнейший экономический подъем. Поэтому пессимисты полагают, что застой в еврозоне — главная угроза для дальнейшего восстановления мировой экономики.

Растущие геополитические риски создают дополнительные осложнения для ускорения роста мировой экономики. Действительно, экономика еврозоны находится в весьма уязвимом нестабильном состоянии, склонном к потере устойчивости под влиянием небольших шоков спроса. Кардинальных реформ не проведено. Большинство государств еврозоны обременены непомерными долгами. Более того, остался неизменным долговой характер европейской модели экономики: долги по-прежнему гасятся за счет новых займов. Безработица все еще остается на высоком уровне, в целом по еврозоне она составляет 11,4 %, причем среди молодежи — 24%! Внутренний спрос в еврозоне восстанавливается крайне медленно из-за политики жесткой экономии, проводимой Евросоюзом.

Экономический рост в еврозоне в 2014 году был вялым и составил всего 0,8 %. В настоящее время экономика еврозоны находится в неустойчивом равновесии, когда благоприятная геополитическая ситуация и отмена экономических санкций против России могут способствовать дальнейшему ее подъему и устойчивому росту. В противном случае экономика еврозоны может погрузиться в повторную рецессию. Таким образом, 2015 год для экономики еврозоны является годом бифуркации, когда в зависимости от геополитического выбора Евросоюза она может пойти по восходящей траектории или же по нисходящей — к существенно спаду. Как известно из теории нелинейной динамики, в окрестности точки бифуркации резко усиливаются малые флуктуации внешнего воздействия. Поэтому для выбора одного из двух сценариев развития достаточно небольшого шокового воздействия.

В 2015 году внешнюю политику и геополитику безопасности Евросоюза будут определять ситуации на Украине и в связи с усилением угрозы «Исламского

¹ Президент Киргизской Республики (1990–2005), президент Академии наук Киргизской Республики (1988–1990). Главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова (с 2005 г.), иностранный член Российской академии наук, академик Академии наук Киргизской Республики, доктор технических наук, профессор. Автор более 250 научных работ, изобретений и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «История, прошедшая через мое сердце», «Думая о будущем с оптимизмом», «На благо народа», «Кыргызская государственность и народный эпос “Манас”» и др. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина. Лауреат золотой медали Н. Кондратьева, золотой медали В. Леонтьева, золотой медали и ордена В. Вернадского.

государства» ИГИЛ на Ближнем Востоке. Очевидно, что в 2015 году радикализация ближневосточного региона только усилится. Сегодня тысячи боевиков-исламистов из европейских стран уже воюют на стороне ИГИЛ, еще тысячи стремятся попасть туда, но потом они будут непременно возвращаться в страны происхождения, импортируя терроризм и радикализацию мусульманского населения в Европе. Украинский политический кризис в 2014 году привел к резкому обострению отношений России и Запада. США и большинство стран Евросоюза объявили масштабные финансовые и экономические санкции против России. Россия также была вынуждена принять экономические санкции в качестве ответной меры. В европейских экспертных кругах признается, что взаимные санкции Евросоюза и России наносят ощутимый урон как экономике России, так и экономике еврозоны, поскольку Россия для Евросоюза является третьим крупнейшим торговым партнером.

По оценкам экспертов, только германский экспорт в Россию в 2014 году сократился на 26,1 %, то есть более чем на четверть. Так, например, видный французский экономист профессор Жак Сапир приводит следующие оценки потерь роста из-за санкций: 0,5 процентных пункта (п. п.) ВВП в Германии; 0,25 % п. п. ВВП во Франции; 0,8 п. п. ВВП в Венгрии и до 1 п. п. ВВП в Польше [1]. Отдельные эксперты оценивают потери роста экономик Германии и Франции соответственно в 1 и 0,5 % ВВП. Если учесть, что прогноз темпов экономического роста в Германии и Франции в 2015 году, по данным OECD, составляет соответственно 1,1 и 0,8 %, то очевидно, что сохранение взаимных санкций приведет к спаду темпов экономического роста Германии и Франции до нескольких десятых долей п. п. ВВП. В подобной ситуации может начаться отток капитала из еврозоны в США, где уже идет уверенный экономический рост. В результате темпы роста в странах-локомотивах еврозоны — Германии и Франции — могут упасть практически до нуля, что неминуемо приведет экономику еврозоны к повторной рецессии уже в 2015 году.

Выбор сегодня за Евросоюзом. Большинство членов ЕС считают нынешнюю конфронтацию Запада с Россией неконструктивной, более того — угрожающей стабильности и безопасности в Европе, помехой для урегулирования последствий кризиса на Украине. США уже сполна воспользовались созданным ими же политическим кризисом на Украине и решили свою ключевую задачу, подтолкнув к противостоянию и геополитическому конфликту Евросоюз и Россию. Похоже, что искать выход из украинского кризиса США предоставят Европе. А в Евросоюзе уже набирают силу сторонники курса на стабилизацию отношений с Россией. Именно это побудило политических лидеров Евросоюза канцлера Германии Ангелу Меркель и президента Франции Франсуа Олланда выступить с мирной инициативой по урегулированию конфликта на Украине дипломатическим путем, посредством переговоров. Они также выступили против поставки американского боевого оружия на Украину. Все это означает, что Евросоюз взял курс на разрядку геополитической напряженности и стабилизацию отношений с Россией.

Поскольку оснований для оптимизма в деле улучшения российско-американских отношений в ближайшие годы не предвидится, то Евросоюз мог бы продемонстрировать способность самостоятельно, совместно с Россией, начать деэскалацию украинского конфликта путем прекращения войны и определения статуса регионов на юге-востоке страны, что оказало бы оздоровляющее влияние на региональную и глобальную безопасность. В свою очередь, Евросоюз получил бы в лице России важного союзника в борьбе с усиливающимся международным терроризмом. Россия также могла бы содействовать активному участию Ирана в разрешении конфликтов в Сирии и Ираке, а также в борьбе с ИГИЛ. Все это могло бы помочь мировому сообществу стабилизировать ситуацию в ближневосточном регионе. Цена такого сценария развития событий весьма велика. Отмена взаимных санкций Евросоюза и России, как следствие плодотворного сотрудничества в указанных направлениях, позволит экономике еврозоны сохранить восходящий тренд и в ближайшие годы перейти на траекторию долгосрочного устойчивого роста, а экономика России может избежать глубокой рецессии. Выиграет также мировая экономика в целом.

Таким образом, 2015-й — это год бифуркации в динамике развития экономики еврозоны и всей мировой экономики, которая будет определяться геополитической ситуацией в мире. Если политические лидеры ведущих мировых держав придут к компромиссному соглашению по основным кризисным проблемам, найдут пути к разрядке нынешней геополитической напряженности и отменят взаимные санкции, тогда экономика еврозоны, а за ней и мировая экономика продолжат подъем. Иначе велика вероятность того, что экономика еврозоны не только продолжит стагнацию, но может скатиться в рецессию, что приведет к существенному замедлению мировой экономики.

Экономика Евросоюза

Кризис экономики еврозоны был в первую очередь долговым. Общий государственный долг стран еврозоны в момент кризиса составлял свыше 7 трлн долларов США, или 84 % совокупного ВВП. Суммарный госдолг пяти наиболее нестабильных должников (Греция, Ирландия, Испания, Италия и Португалия) составил 3,2 трлн евро. Объем госдолга этих стран по отношению к их ВВП колебался от 90 до 160 %, тогда как Маастрихтским договором для стран — членов еврозоны установлен предел, равный 60 % ВВП. Более того, при создании Евросоюза страны-участницы подписали Пакт о финансовой стабильности и экономическом росте, которым было установлено, что дефицит бюджета каждой из них не должен превышать 3 % ВВП, госдолг — 60 % ВВП, а инфляция не должна превышать самый низкий уровень, наблюдаемый среди стран — участниц союза более чем на 2 %. Эти требования весьма разумны, например экономики практически всех динамично растущих развивающихся стран отвечают указанным критериям. Что же касается стран

еврозоны, то в 2011 году только Финляндия удовлетворяла указанным требованиям, большинство же членов Евросоюза их нарушали.

Отдельные страны еврозоны, включая лидеров — Германию и Францию, нередко уклонялись от выполнения Маастрихтских требований, касающихся ограничений по размеру госдолга и дефициту бюджета. А такие государства, как Греция, Ирландия, Испания, Италия и Португалия, которые систематически допускали большие дефициты бюджета, в первую очередь оказались перед угрозой банкротства. Они же втянули в долговой кризис всю еврозону.

Единственный маастрихтский критерий, который выполняется всеми странами, — ограничение по уровню инфляции. Более того, многие эксперты опасаются, что еврозона может скатиться в дефляцию. Действительно, инфляция в 18 странах, составляющих ядро еврозоны, в 2014 году составила всего 0,8 %, а на периферии отмечаются дефляционные тенденции, которые могут привести экономики периферийных стран к стагнации по японскому сценарию. В связи с этим глава ЕЦБ Марио Драги объявил о планах масштабного вливания ликвидности с начала 2015 года путем приобретения гособлигаций бедствующих стран Евросоюза для того, чтобы разогнать инфляцию. Таким образом, ценовая стабильность превратилась в проблему для еврозоны, поскольку в таких условиях население не склонно тратить деньги, а инвесторы — вкладывать в реальную экономику.

Экономика еврозоны пребывала в режиме спада и стагнации в 2011–2012 годах, и только в 2013-м ей удалось начать восстановление благодаря возросшему внутреннему спросу и улучшению ситуации на внешних рынках. Однако внутренний спрос восстанавливается очень медленно из-за политики жесткой экономии, проводимой Евросоюзом. Экономике еврозоны сегодня не хватает стимулирующих программ. Еврозоне нужен динамичный экономический рост, который решит проблемы дефицита бюджета, госдолга и занятости.

Для смягчения негативных эффектов долгового кризиса Евросоюзом был создан Европейский фонд финансовой стабильности EFSF (European Financial Stability Facility). Начальный объем ресурсов EFSF составил 440 млрд евро. Фонд стал механизмом разрешения наиболее острых кризисных ситуаций. Фактически его задача заключалась в том, чтобы дать странам, не способным обслуживать свои долги, возможность перекредитоваться под льготные проценты. Первым делом фонд выдал гарантии по кредитам Ирландии и Португалии в объеме 43,7 млрд евро, а Греции — часть льготного кредита на 109 млрд евро. Благодаря созданию этого фонда Евросоюзу удалось оказать реальную помощь ряду государств, находившихся на грани банкротства.

Однако выяснилось, что данный механизм не решает проблемы чрезмерно большого госдолга. Например, несмотря на драконовские программы экономии и реструктуризацию долга, госдолг Греции в 2013 году составил 160 % ВВП, тогда как до кризиса 2008 года он был на уровне 110 %. Дефицит бюджета в 2013 году

составил 7 % ВВП. Греция получила льготных кредитов свыше 300 млрд долларов, а частные инвесторы списали часть долга на 100 млрд евро. Таким образом, простое увеличение объема льготных кредитов, выдаваемых Греции, уже не может решить проблемы ее госдолга. Каждый новый льготный кредит лишь увеличивает размер долга. Это означает, что экономика Греции будет оставаться в течение многих лет неконкурентоспособной.

В спасении единой валюты еврозоны, а также европейской банковской системы исключительно позитивную роль сыграл Европейский центробанк (ЕЦБ). Экс-президент ЕЦБ Жан Клод Трише был первым, кто после кризиса принял решение о выкупе трансформированных акций в обмен на денежную эмиссию в пользу банков. Бен Бернанке в США последовал его примеру. Благодаря этому крупные банки сохранили платежеспособность. В самом разгаре кризиса ЕЦБ скупил долги Греции, Португалии и Ирландии почти на 80 млрд евро и объявил о многомиллиардных списаниях по ценным бумагам, покупать которые уже никто не хотел. После второй волны мирового финансового кризиса, начавшегося 3 августа 2011 года, когда ситуация вокруг евро становилась все более драматичной, ЕЦБ начал массовую скупку гособлигаций Италии и Испании.

Таким образом, ради спасения евро ЕЦБ взял на себя функции, не предусмотренные ни в одном из его уставов: он разрабатывал программы сокращения расходов для стран-должников, таких как Греция, Ирландия и Италия; предотвращал банкротство крупных банков; поддерживал курсы облигаций ряда государств — членов еврозоны. Естественно, все это вызвало критику и недовольство со стороны государственных кредиторов, которые считают, что ЕЦБ обязан только обеспечивать стабильность единой валюты и неизменность цен. С другой стороны, например, Италия по объему непогашенных гособлигаций в то время занимала третье место в мире. Без действенной помощи со стороны ЕЦБ этот долговой рынок мог просто рухнуть. Если бы это случилось, то последствия не только для еврозоны, но и всей мировой экономики могли стать катастрофическими. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что Жан Клод Трише в кризисных условиях действовал весьма решительно и мудро. Комфортная мягкая монетарная политика ЕЦБ, насытившая еврозону ликвидностью, стала решающим вкладом в восстановление экономического роста. По-видимому, единственной крупной ошибкой господина Трише стало повышение процентной ставки в 2011 году до 1,5 с 1 %, которое оказалось преждевременным. Он признал свою ошибку и в 2013 году понизил ставку рефинансирования до 0,5 %.

Итак, ожидания полноценного восстановления роста экономики еврозоны в 2014 году не оправдались. Экономический рост составил всего 0,8 %. Причина, по мнению экспертов МВФ, в том, что, несмотря на заметное улучшение состояния балансов банков, долговая нагрузка корпоративного сектора и домохозяйств остается высокой, что препятствует наращиванию спроса и объема инвестиций в реальный сек-

тор экономики. Одной из причин стало также снижение фактических темпов роста экономики Германии до 1,5 % вместо ожидаемых 1,9 %. Следует отметить, что в годы кризиса Германия оставалась единственной страной, экономика которой продемонстрировала относительно устойчивый рост, несмотря на рецессию в еврозоне в целом. Что же касается второй экономики еврозоны — Франции, она показала еле заметный рост в 2014 году, равный 0,4 %.

Существенную роль в замедлении экономики еврозоны сыграло геополитическое противостояние Запада и России, вызванное политическим кризисом на Украине, следствием которого явилась война экономических санкций. Взаимные санкции Евросоюза и России привели к резкому сокращению товарооборота между ними. Россия для Евросоюза является одним из крупнейших торговых партнеров с товарооборотом 326 млрд евро в 2013 году. Многие европейские компании были вынуждены либо переориентировать, либо сворачивать товарные потоки в Россию в связи с санкциями Евросоюза. Введенный Россией встречный запрет на импорт продуктов питания больно ударил по многим отраслям экономики еврозоны, особенно тех стран, которые закачивали значительные инвестиции в сельское хозяйство именно под поставки в Россию. Восстановление экономики еврозоны оказалось слишком хрупким, чтобы выдержать ухудшение внешнеэкономических условий. К тому же сохраняющаяся геополитическая напряженность не стимулирует европейских бизнесменов инвестировать, несмотря на то что у них имеются свободные мощности.

Новый глава Еврокомиссии Жан Клод Юнкер предложил трехлетний стимулирующий инвестиционный план объемом 315 млрд евро, который будет основан на гарантиях и небольшом стартовом капитале из средств Европейского инвестиционного банка (ЕИБ). Основной объем средств для реализации плана должен поступить из частных источников. Инвестиционный фонд планирует привлечь крупные банки, имеющие опыт реализации инфраструктурных проектов. Предполагается, что инвестиции пойдут в проекты, способствующие ускорению темпов экономического роста, прежде всего в инфраструктурные проекты, которые подвергнут тщательному отбору. Еврокомиссия рассчитывает таким образом создать свыше 1 млн рабочих мест. Учитывая, что правительства стран еврозоны ограничены в возможностях инвестирования, поскольку они используют имеющиеся средства в первую

очередь на сокращение госдолга и дефицита бюджета, новый инвестиционный план может способствовать восстановлению экономического роста еврозоны.

Как мы видим, новые лидеры Евросоюза понимают, что для скорейшего выхода из кризиса требуется активный рост инвестиций, а вовсе не режим жесткой экономии. Выше уже было сказано о вкладе экспансионистской денежно-кредитной политики ЕЦБ в восстановление экономического роста. Но он уже исчерпал свои возможности. Поэтому теперь ответственность за дальнейшее ускорение экономического роста ложится на правительства стран Евросоюза, на политических лидеров. Евросоюзу потребуется экспансионистская налогово-бюджетная (фискальная) политика стоимостью в 300 млрд евро ежегодно, чтобы обеспечить экономический рост на уровне 1,5–2 % в год. Однако без российского рынка, без налаживания товарооборота с Россией инвестиционный план Юнкера вряд ли даст желаемый эффект. Поэтому первейшей задачей политических лидеров Евросоюза является преодоление геополитической напряженности в отношениях с Россией и скорейшая отмена экономических санкций.

В заключение приведу слова Дж. Стиглица: «Кризис, я надеюсь, приведет к изменениям и в области политики, и в сфере идей. Если мы примем правильные решения, причем целесообразные не только с политической, но и с социальной точки зрения, то сможем сделать менее вероятным наступление следующего кризиса и, возможно, даже ускорить внедрение реальных инноваций, которые будут способствовать улучшению жизни людей во всем мире. Если же принятые нами решения будут неправильными, мы получим еще более разделенное общество и экономику, еще более уязвимую перед очередным кризисом и менее оснащенную для того, чтобы справиться с вызовами XXI века» [2]. Остается надеяться, что политические мировые лидеры прислушаются к голосу Дж. Стиглица и в этот ответственный момент примут правильные геополитические и геоэкономические решения на благо всего мирового сообщества.

Литература

1. Сапир Ж. Россия: уроки кризиса / Ж. Сапир // Эксперт. — 2015. — № 4. — С. 18–21.
2. Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок : пер. с англ. / Дж. Стиглиц. — М. : Эксмо, 2011.

Нана Акуфо-Алло¹**СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ**

Для меня большая честь выступать на Международных Лихачевских научных чтениях, инициатором проведения которых стал Д. С. Лихачев, «последний из старых петербуржцев». Академик Лихачев был выдающимся ученым, исследователем, принципиальным мыслителем, человеком культуры и патриотом.

В докладе рассматриваются задачи, стоящие сегодня перед Африкой. Демократизация и процветание Африки имеют огромное значение для решения глобальной задачи процветания и безопасности во всем мире. Мир получит значительные преимущества, если африканские страны станут преуспевающими, так как успешная и стремительно развивающаяся Африка сможет предоставить на мировой рынок как огромные людские ресурсы, так и материальные блага.

По данным Совета по формированию глобальной повестки дня Всемирного экономического форума–2015, одними из актуальных угроз в мире являются растущее экономическое неравенство и увеличение безработицы, основным глобальным вызовом было признано отсутствие руководства. Согласно опросу примерно 76 % из 34 развивающихся стран считают коррупцию политических лидеров большой проблемой в своих государствах. Кроме того, по данным опроса Исследовательского центра Пью большинство опрошенных из 44 стран считают серьезной внутренней проблемой неравенство. Таким образом, страны пришли к консенсусу в вопросе о современных глобальных вызовах. Например, в докладе, опубликованном по результатам исследований проекта «Евробарометр» в октябре 2011 года, бедность возглавляет список вызовов, поскольку 28 % опрошенных в Евросоюзе назвали нищету, голод и нехватку питьевой воды в числе всемирных проблем.

Развитию Африки препятствует множество проблем. Среди них — отсутствие диверсифицированной структуры производства, нехватка развитой инфраструктуры, низкий индекс человеческого капитала, недостатки управления и необходимость расширения возможностей для женщин и молодежи. По данным исследования «Афробарометр» (октябрь 2013 г.), проведенного в 34 африканских странах, даже после десятилетия экономического роста на континенте для бедных слоев населения мало что изменилось. Нищета до сих пор является самой серьезной, но преодолимой проблемой, стоящей перед африканскими странами.

Однако проблемы этим не ограничиваются. Наша страна на себе испытала последствия плохого управления. Наши государственные институты несовершенны, как и услуги в области образования, здравоохранения и санитарии, не развита инфраструктура (водоснабжение, дороги и обеспечение электричеством). Плохо развивается торговля между различными государствами. Мы не можем победить бедность без решения этих проблем.

¹ Политический деятель, министр иностранных дел Республики Гана (2003–2007), лидер Новой патриотической партии. В 2008 и 2012 годах принимал участие в президентских выборах.

Я был избран лидером Новой патриотической партии на всеобщих выборах в 2008 году благодаря манифесту «Построение современной Ганы». Этот документ охватывает четыре области: укрепление демократии, структурная перестройка экономики, модернизация общества, а также региональная и континентальная интеграция. Именно в этих четырех областях заключаются проблемы африканского континента, поэтому в своем докладе я буду исходить из них. Современные глобальные вызовы в значительной мере совпадают с нашими национальными интересами.

Предпосылки

Гана — первая африканская страна, получившая независимость в прошлом веке. Она одновременно воплощает африканскую надежду и ее утрату. В 1990-е годы победой демократии завершилась «эпоха великих людей Африки», начавшаяся с момента провозглашения независимости и около трех десятилетий перемежавшаяся авторитарными режимами по всему континенту. Примечательно, что авторитарные режимы были отмечены в основном экономической стагнацией и длительными периодами нестабильности. Культ личности в это время заменил обещания движения за независимость, что свобода обеспечит населению лучшее качество жизни. Таким образом, вместо создания сильных государственных институтов, необходимых инструментов развития многие африканские лидеры захватили власть в свои руки. В 1970–1980-е годы я был среди тех, кто вел борьбу против военной диктатуры, потому что для многих была очевидна связь между свободой и развитием. Мы избрали демократический курс развития.

Укрепление демократии

Новая патриотическая партия, лидером которой я являюсь, была создана в период борьбы за самоуправление и демократию в Африке. История нашей народной партии, стремящейся к национальной независимости, начинается в 1947 году. Еще в начале идеологической борьбы холодной войны основатели партии считали, что принципы демократии, уважения законности и прав человека, социальной справедливости, личной свободы и ответственности, а также сильная рыночная экономика и рациональное управление государственными финансами обеспечат наиболее эффективный и быстрый путь развития современного африканского государства.

Прошло немало времени, прежде чем на большей части континента, в том числе в Гане, люди осознали, что многопартийная демократия — лучший способ самоуправления. Мы верим, что демократия воцарилась навсегда, но не питаем на этот счет иллюзий и полагаем, что демократия устоит, если оправдает чаяния африканцев. Демократия в Африке по-прежнему находится в начальной стадии, но за последние два десятилетия Африка совершила большой

прорыв, чем за предыдущие десятилетия без демократии. Например, в Гане в период 1957–1992 годов были совершены пять военных переворотов и созданы четыре конституционные республики. Долгий 23-летний непрерывный период либерального конституционного правления в Гане (согласно Конституции 1992 г.) — наиболее впечатляющий пример нашего развития. С 1960 по 2013 год ВВП Ганы составил в среднем 8,54 млрд долларов в год, достигнув рекордно высокого уровня в 2013 году — 47,93 млрд долларов (для сравнения: в 1960 г. 1,20 млрд долларов). Проживая на плодородных землях Африки, мы испытываем нужду из-за плохого управления (к счастью, эту проблему можно решить).

Мы победили в борьбе за демократию. Следующая задача — построить в Африке свободное, процветающее общество с большим потенциалом. Сегодня Гана служит примером того, что демократия в Африке может процветать. Это не удивительно: во-первых, наша система управления в доколониальную эпоху была довольно демократичной и представительной, а последующая диктатура принесла одни беды. Во-вторых, после возвращения страны в 1992 году к многопартийной демократии и закрепления в конституции президентского правления у нас были проведены шесть всеобщих выборов и два успешных перехода от одного избранного правительства к другому. В следующем году в Гане вновь будут проводиться выборы, и с большой вероятностью можно говорить о том, что в составе правительства произойдут перемены (надеюсь, моя партия войдет в новое правительство).

Коррупция

Только действуя вместе, мы можем создать сильные государственные институты. Согласно недавнему проведенному опросу 85 % жителей Ганы считают, что в стране широко распространена коррупция. В 2007 году эту точку зрения разделяли 66 % жителей Ганы. В июне 2014-го исследование «Афробарометр» показало: лишь 25 % жителей считают, что правительство успешно борется с коррупцией. Конечно, коррупция существует уже давно. Но не может не вызвать беспокойства тот факт, что по мере развития демократии проблема коррупции усугубляется. В 2008 году 56 % жителей Ганы считали борьбу правительства с коррупцией успешной.

Такое положение свидетельствует, что руководство должно прилагать все усилия для борьбы с коррупцией. В большинстве случаев инфраструктура в Африке плохо развита не из-за отсутствия ресурсов, скорее это связано с отсутствием государственных контрактов. Если мы хотим добиться успеха в решении проблем, стоящих перед Африкой, то должны не разбазаривать государственную казну.

Руководство

Еще одна проблема демократической Африки — склонность руководства думать о следующих выборах, а не о следующем поколении. Сооснователь фонда Малала Шиза Шахид указывает, что «86 % респондентов исследования глобальной повестки дня согласны, что

на сегодняшний день кризис управления в мире вполне реален». Он также считает кризис управления причиной коррупции в новых и развивающихся экономиках. У нас приняты законы, направленные на предотвращение коррупции, но не хватает решимости и воли их применять. Для обеспечения демократического процесса необходимы лидеры, которые будут вдохновлять нас и вселять надежду, которым можно доверять и которые будут служить национальным, а не личным интересам. Нам нужны лидеры, которым можно без опаски вверить государственную казну.

Недавно в Нигерии произошло знаковое событие. Впервые с 1999 года (с момента возвращения к конституционному правлению) на свободных честных выборах в крупнейшей стране Африки потерпел поражение действующий президент. Его предвыборная программа основывалась на трех началах: безопасность, коррупция и экономика. У двух других кандидатов в президенты была схожая предвыборная программа. Вопрос заключался в том, кому люди могли доверить решение трех главных проблем: обеспечение безопасности, создание рабочих мест и борьба с коррупцией. Исход этих выборов послужил стимулом для борьбы с коррупцией в Африке. Кроме того, пример генерала Бухари, победившего в нынешнем году на выборах с перевесом в три миллиона голосов (по сравнению с неудачными для него результатами выборов в 2011 г. С разрывом в 10 млн голосов), показывает другим кандидатам, что их также будут судить по результатам работы.

Правительства избираются с целью решения проблем, стоящих перед страной, а не для разграбления государственной казны. На примере Нигерии можно увидеть, что рядовой избиратель в Африке имеет возможность повлиять на смену неэффективных лидеров. Период пассивной гражданской позиции в Африке подходит к концу, и правительства должны либо адаптироваться к новым условиям, либо уйти в отставку по требованию электората. Но следовать этим принципам демократического процесса недостаточно; надо идти дальше и принимать конструктивные меры для облегчения участи незащищенных групп, особенно женщин и беднейших слоев населения.

Демократия наиболее эффективна тогда, когда граждане доверяют государственным институтам, правила игры ясны и согласованы всеми сторонами, а политические деятели готовы выиграть или проиграть. Поэтому важно, чтобы широкая общественность была уверена в целостности избирательного процесса. Отклонения подрывают веру в то, что правительство можно сменить посредством выборов. Как только эта вера исчезнет, корабль демократии пойдет ко дну. Теперь перед Африкой стоит задача использовать демократическое пространство для социальных и экономических изменений.

Проблема молодежи

Среди главных проблем, стоящих сегодня перед африканским континентом, проблема молодежи занимает одно из первых мест. Страны Африки южнее Сахары имеют высокий прирост населения и самое большое количество молодежи в мире. К 2045 году численность

молодежи в Африке удвоится. В докладе Всемирного банка «Занятость молодежи в странах Африки южнее Сахары» представлена тревожная ситуация и подчеркивается, что занятость большинства населения континента является первоочередной задачей. Ранее в экономическом прогнозе (2012) эксперты призвали африканские страны увеличить число рабочих мест и помочь молодым людям освоить новые профессии. По мнению авторов прогноза, «создание продуктивной занятости для быстро растущего молодого населения Африки является огромной проблемой и ключом к будущему процветанию». Африка может решить эту проблему, только если лидеры готовы инвестировать в будущее.

Количество безработных в Африке в возрасте от 15 до 24 лет составляет 60 %, более половины из них — женщины, отчаявшиеся найти работу. Это создает национальную угрозу для безопасности многих стран. Кроме того, в большинстве стран 65 % избирателей — люди младше 40 лет, поэтому политическим лидерам необходимо больше думать о том, какое будущее они построят. Молодежи Африки нужны образование, навыки и рабочие места. Для модернизации африканских стран в программах государственного развития необходимо учитывать проблемы молодежи и их занятость.

Современное общество

Современное общество может быть сформировано только там, где существует верховенство закона, а государственная система ориентирована на благосостояние и благополучие народа. Для решения этой задачи необходимо, чтобы контракты государственных закупок осуществлялись по выгодной цене, а свободное предпринимательство поощрялось. Также следует создать благоприятную бизнес-среду, в том числе стабильную макроэкономическую ситуацию для привлечения инвесторов и получения налогов с компаний в целях обеспечения государственных нужд. Уважение человеческого достоинства возможно только тогда, когда у семей есть достойное жилье, доступ к услугам здравоохранения, для ведения малого бизнеса необходима инфраструктура (вода и электричество).

Африка является, вероятно, самым богатым континентом с точки зрения природных ресурсов. Тем не менее эти богатства не используются на процветание народов Африки. Если бы золото, какао, древесина и нефть способствовали развитию страны, Гане в этом году не пришлось бы прибегать к помощи Международного валютного фонда (МВФ) для преодоления финансового кризиса. Мы бы уже давно стали богатой и процветающей страной. Африканские страны в целом бедны, потому что недостаточно инвестируют в развитие наиболее важного слагаемого в формировании любой нации — интеллект.

В 2004 году Гана стала первой африканской страной, реализовавшей всеобщую национальную систему медицинского страхования. За этим последовали охрана материнства, бесплатное базовое образование от детского сада до начальной школы, бесплатная программа школьного питания для детей в государственных школах и другие социальные программы. Политические оппоненты часто обвиняют меня в том, что

я считаю образование решением любой проблемы, связанной с развитием Ганы (и я с радостью признаю себя виновным). В 2012 году на всеобщих выборах наша партия выдвинула лозунг бесплатного обязательного среднего образования для каждого ребенка. Кроме того, мы намерены удвоить инвестиции в профессионально-техническую подготовку молодых людей.

Все успешные страны инвестируют большие средства в образование, потому что понимают, что только люди могут осуществить любые преобразования в обществе. Мы должны больше инвестировать в современные способы обучения, главным образом в информационно-коммуникационные технологии, чтобы обеспечить качественное обучение для большего числа людей в каждом географическом регионе. Основой знаний в XXI веке стали наука, технологии, коммуникации и информационные технологии. Африканским ученым необходимо больше сотрудничать с разными исследователями и организациями для оптимизации этой возможности.

Структурные изменения экономики

Электронный опрос Всемирного экономического форума в 2014 году, проведенный экспертами по технологии, показал, что половина опрошенных представляет себе будущее, в котором роботы и цифровые устройства в значительной мере заменили рабочих и служащих. Профессор Гарвардского университета Ларри Саммерс говорит о глобальной угрозе роста безработицы в результате технологических изменений, считая автоматизацию основной причиной проблемы. В Африке существует проблема роста безработицы, хотя темпы экономического роста на континенте являются одними из самых высоких в мире. Рост экономики происходит за счет увеличения экспорта в добывающих отраслях, имеющих ограниченные возможности для создания рабочих мест. У Африки нет иного выбора, кроме индустриализации и преобразования структуры экономики посредством диверсификации и увеличения стоимости. Около 70 % экспортных доходов стран Африки южнее Сахары поступает от продажи нефти, золота и других природных ресурсов. Такая ситуация сохраняется с прошлого века, становится ясно, что она не изменит условия жизни африканцев. Международная организация труда (МОТ) в отчете 2014 года о «Глобальных тенденциях в сфере занятости» указывает на «риск сохранения безработицы», напоминая о структурных слабостях зарождающейся экономики Африки.

В России также считается проблемой ее сильная зависимость от экспорта природных ресурсов, нефти и газа (58 % экспорта). Если это негативная тенденция, то что можно сказать о Гане, где экспорт нефти, золота и какао составляет 80 % от общего объема. Структура нашей экономики не менялась на протяжении веков. Проблема заключается в том, чтобы увеличить использование африканского сырья в самой Африке, максимизировать преимущества природных богатств для африканцев и диверсифицировать экономическую деятельность на континенте.

В настоящее время страны-производители, продающие свою продукцию в Африку (в их число вхо-

дят Россия, Китай, Бразилия, ЮАР и Индия), готовы сбывать товары, но не строить заводы на континенте. На мой взгляд, это неприемлемо. Новые африканские лидеры полны решимости провести индустриализацию, а также работать в направлении экономической интеграции 54 стран континента и различных региональных блоков. Я рекомендую компаниям и странам, экспортирующим готовую продукцию в Африку, присоединиться и стать первыми из числа тех, кто построит производственные базы в Африке.

Африканцы понимают, что необходимо вырваться из оков колониальной экономической модели производства и экспорта сырья. В Гане, например, поиски нефтяных месторождений предоставляют прекрасную возможность для создания в стране нефтехимической промышленности. Мы намерены использовать преимущества Ганы в регионе, чтобы превратить нашу страну в центр легкой промышленности, свободную рыночную зону Западной Африки с населением около 350 млн человек. Мы сможем это сделать, только объединив усилия, такие как производство продуктов питания, добыча бокситов, железной руды, нефти и газа, наши таланты и энергию, тогда мы превратим нашу страну в экономический центр Африки. По крайней мере это стратегическая цель моей партии, путь к устойчивому процветанию нашего народа. Мы намерены продолжать эту политику в течение следующего десятилетия.

Агропромышленность

Проблемы могут обернуться новыми возможностями. Следует признать, что, несмотря на все проблемы, именно благодаря вызовам Африка становится все более привлекательной для инвесторов, желающих извлечь высокие доходы. В настоящее время экономика Африки оценивается в 2 трлн долларов. В 2013 году она была самой быстрорастущей в мире (на 5,6 % в год), а в период 2013–2023 годов ВВП должен вырасти в среднем более чем на 6 % в год. По прогнозам в 2050 году население Африки увеличится до 2 млрд человек. Золотая жила, которая может привлечь инвесторов, — это агропромышленность Африки: наш континент может прокормить не только себя, но и весь остальной мир.

Серен Кьелдсен-Краг, автор книги «Роль сельского хозяйства в экономическом развитии. Уроки истории», отмечает, что экономика многих развивающихся стран после обретения независимости рухнула, потому что они не уделяли должного внимания сельскому хозяйству. С 1750-х годов промышленная революция в Европе и Северной Америке в большой степени опиралась на сельскохозяйственную базу. В постколониальной Африке на сельское хозяйство приходится около 25–35 % ВВП континента, в этом секторе заняты 60–70 % населения, однако он еще недостаточно развит.

К 2060 году население земного шара может достичь 9,2 млрд, а население Африки удвоится и достигнет 2 млрд. По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO — Food and Agriculture Organization), чтобы удовлетворить мировой спрос на продукты питания, необходимо увеличи-

вать пахотные земли на 6 млн гектаров в год в течение следующих 30 лет. Африка должна воспользоваться возможностями, которые обеспечивает большой спрос на землю. В Гане более 400 млн гектаров (60 % от общемирового объема пахотных земель), которые можно использовать для выращивания сельскохозяйственных культур. В докладе Всемирного банка 2013 года говорится, что в странах Африки южнее Сахары инвестиции в сельское хозяйство увеличатся с 313 млрд долларов в 2010 году до 1 трлн долларов в 2030-м. Эти данные красноречиво свидетельствуют о растущей роли агропромышленного комплекса в обеспечении нашего общего будущего. Инвестиции в сельское хозяйство — это прибыльный бизнес. Наша задача — подготовить экономику страны и не упустить эти возможности в будущем. Агропромышленный комплекс должен стать основой индустриализации Ганы, охватив всю сеть по производству и сбыту.

Всемирный банк предполагает, что большинство африканских стран достигнет статуса «средний доход» в 2025 году, если нынешние темпы роста сохранятся. К 2030 году население Западной Африки может достичь 500 млн, а население Ганы — 30 млн человек. Я рассматриваю это как прекрасную возможность для интеграции региона.

Экономическая интеграция

Для решения проблем глобализации в африканских странах, а также в целях содействия национальным интересам мы должны проводить политику экономической интеграции и сотрудничества. Сейчас, используя существующую инфраструктуру для региональной интеграции, многие компании опережают правительства и государственные органы, реализуя на практике концепцию свободного перемещения товаров и услуг. В пять основных региональных государственных организаций входят Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) и Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА). В 2012 году Африканский союз дописал соглашение о создании к 2017 году континентальной зоны свободной торговли (СФТА). Интеграция набирает темпы, что можно оценивать положительно, потому что внутренняя торговля Африки составляет примерно 10–12 % от общего объема торговли (это несопоставимо с внутренней торговлей в Европе — 60 %, Северной Америке — 40 %, Азии — 30 %, по данным Всемирной торговой организации).

Африка не может пойти на компромисс при решении проблемы экономического союза. Мы должны выстроить собственный жизнеспособный экономический блок, создать трансграничную инфраструктуру в сфере энергетики, ИКТ и транспорта, привлечь серьезных инвесторов, прямые инвестиции и пенсионные фонды, заинтересованные в получении прибыли по всему миру. По данным Международного валютного фонда, Европейский Союз производит ВВП около 14,303 трлн евро (18,451 трлн долларов в 2014 г.), 20 % которого приходится на мировую торговлю. Исходя из нынешних темпов развития, ожидается, что ВВП стран к югу от Сахары составит 29 трлн долларов к 2050 году, а мо-

жет быть, и больше, если страны Африки приложат необходимые усилия для использования преимуществ индустриализации и интеграции.

Из истории известно, что царь Николай I и министр финансов граф Егор Канкрин, опасаясь, что экономические преобразования подорвут политический статус-кво, не позволили России сыграть ведущую роль в промышленной революции и в развитии сети железных дорог в Европе в XIX веке. Считается, что Россия до сих пор не оправилась от последствий этого неверного решения.

В заключение хочется сказать: для того чтобы Африка смогла преодолеть глобальные вызовы и превратить их в возможности всеобщего полноценного развития, необходимо получить основные права. Речь идет о соблюдении законов, сплочении граждан вокруг ос-

новной идеи, формировании национальной гордости, уважении избранных лидеров, основанном на личном примере. Кроме того, следует учитывать понимание рынка, применение и поддержание рыночных механизмов развития, стимулирование развития работников, инвестирование в человеческий капитал, разумные расходы на инфраструктуру, научно-техническое образование и добавленную стоимость в экономике. Государственные служащие не должны уклоняться от патриотической ответственности и обязаны тратить государственные средства строго на необходимые нужды.

Все это будет способствовать развитию страны в условиях свободы и соответствовать национальным интересам. Мы предстанем ответственной нацией, вносящей свой вклад в преодоление глобальных вызовов, стоящих перед мировым сообществом.

Реза Давари Ардакани¹

ЧТО МОЖЕТ ФИЛОСОФИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?

Нынешние времена повсеместно характеризуются несоразмерностью в делах и сумятицей в умах. Даже так называемые развитые страны задаются вопросом, что делать и куда идти. Люди в остальной части мира, в свою очередь, делают нерешительные шаги, не осознавая того, что следуют примеру предшественников, и не задумываются о своей судьбе. Современный мир отличается от прежних времен двумя основными аспектами: теперь целью науки и практики является человек и именно человек строит свой мир, опираясь на науку и технологии. Результатом интенсивных духовных, психических, политических и этических изменений в эпоху Возрождения стало то, что западный мир порвал свои связи со Средними веками и в XVII и XVIII веках провозгласил мир, который должен был строиться благодаря усилиям, надежде и рациональности. В течение двух веков такой мир формировался и развивался должным образом, достаточно сбалансированно.

Тем не менее развитие и стабильность не были столь стремительны и последовательны, как это ожидалось в начале XVIII века. В конце XIX века Маркс утверждал, что в основе капитализма лежит хаос. Однако некоторые русские писатели усматривали нигилизм, который поселился в среде современного модернистского общества. Даже Достоевский хорошо опознал и описал в своих трудах террористическое лицо нигилизма. Такое открытие послужило основой для стойкого противостояния России Западу. Постепенно с конца XIX века кризис модернизма стал проявляться еще более интенсивно. Вместе с тем какие-либо препятствия

на пути современного развития в начале XX века отсутствовали — по крайней мере, их не было до начала Первой мировой войны. Как мы знаем, Европа и США не пали перед тенью коммунизма, которая, по словам Маркса, «окутала Европу».

Две мировые войны сняли покровы с внутренних конфликтов в развитии всемирной истории. В то время как техническая власть Европы и США продолжала увеличиваться, их внутренний союз и надежда ослабевали. Мировые войны были признаками слабости и только усилили слабые места. Характерным для обеих мировых войн было отсутствие победителей; обе стороны были проигравшими и ничего не получили. Однако верно, что Европа избавилась от злокачественной опухоли нацизма, СССР увеличил силу своего влияния в Восточной Европе и других регионах, а США стали лелеять мысли о вмешательстве в дела стран по всему миру. Все же нацизм не был единственной проблемой для Европы, а расширение влияния СССР и учреждение так называемых республик в Восточной Европе не привели к разрешению мировой дилеммы. В конце концов, нацизм был просто знаком. Германия проиграла Вторую мировую войну. Однако великие державы Европы также не насладились трофеями, а столбы их колониализма были поколеблены или уничтожены.

Последствием стало возникновение двух полюсов — Востока и Запада. Западная сторона находилась под предводительством США. Когда они вступили на авансцену мировой политики, то превратились в сверхдержаву западного мира, подчиняя все страны своей военной и политической власти. Конечно, за этим просматривалось желание представлять *novus ordo seclurum* (новый порядок веков). Однако данная идея не увенчалась успехом из-за конфликтов во внутренней и внешней политике в других местах мира, особенно на Дальнем Востоке. Были случаи, когда США игнорировали фундаментальные принци-

¹ Президент Академии наук Исламской Республики Иран, доктор философии, профессор. Автор более 40 книг и 500 статей, включая: «Постмодернистский образ мысли», «Западное мышление и цивилизация», «Современная иранская философия», «Традиции и современность», «Философия в цепях идеологии», «О науке», «О Западе», «Политика, история, мышление», «Наука и политика в сфере образования и исследований», «Философия и завтрашний день» и др.

пы демократии до такой степени, что некоторые американские государственные деятели заявляли об оправданности и даже необходимости пыток как средства в борьбе против терроризма.

При таком течении событий новый мировой порядок в его двухсотлетней истории обрел новую форму и претерпел реформу. Когда США отвергли Доктрину Монро (доктрину невмешательства), они были вовлечены в войны и локальные восстания, особенно в Восточной Азии и Латинской Америке. В то же время увеличение военной силы и политического авторитета России оказали прямое или косвенное влияние на антиколониальные движения, хотя эти действия и не достигли тогда поставленных целей. Национальные движения были побеждены, и повсеместно спустилась тень холодной войны. Эта война длилась в течение сорока лет, когда же она закончилась, некоторые политики, в особенности американские, были переполнены радостью, полагая, что началась эра правления непревзойденной либеральной демократии.

Очевидно, что у холодной войны, как и у двух мировых, не было победителей. Американцы, говорившие о конце идеологии и истории, очень скоро убедились, что, несмотря на свою состоявшуюся структуру, социализм был побежден и дискредитирован. Но при этом либеральная демократия также не могла спасти свою репутацию. Более того, нынешняя проблема не имеет отношения ни к социализму, ни к капитализму, ни к либерализму; скорее она похожа проблему темнеешего горизонта будущего. Каким может быть будущее у мира, в котором 90 % населения живут в неразвитых или развивающихся странах и регионах? Будущее развивающихся стран фактически совпало бы с прошлой или настоящей ситуацией развитого мира. Другими словами, развивающиеся страны хотели бы достичь положения, которого развитый мир уже достиг. Жаль, что для развивающихся стран это нелегкая задача. Следует заметить, что в большинстве стран мира процесс развития происходит нерегулярно и в низком темпе. В случае если неразвитый мир не сможет достичь стадии развитого, его существующие конфликты в мире усилятся; если же он достигнет такой цели, то предстанет перед той же проблемой, что и мир развитый. Иными словами, он не видит горизонта перед собой и не знает, куда ему следует идти.

Основатели представлений о модернизме говорили о нем как о чем-то универсальном, но модернизм стал региональным понятием. Легко жить в воображаемом «теперь» и заявлять, что нам не следует волноваться по поводу завтрашних проблем и трудностей и что «мы будем думать о завтра, когда оно настанет». Но проблемы существуют в настоящем времени. Правильнее сказать, что перед всеми людьми, живущими в развивающихся странах, стоят большие проблемы, которые обнажили их внутренние конфликты более чем когда-либо и привели к экстремизму, терроризму, опустошению и разным видам коррупции. Люди развитого мира всегда заняты производством и воспроизводством новых технологических продуктов, заставляя трудиться людей остального мира. В случае если они не увидят себя отчужденными и лишенными надежд в их нигили-

стическом мире, что им делать с экономическим кризисом, распространением моральной и этической коррупции и опасностей, вытекающих из разработки военных технологий и истощения энергетических ресурсов?

Те, кто может хоть немного уловить биение пульса жизни и времени в развитых или развивающихся странах, могут спросить себя, откуда люди XVIII века черпали надежду и почему она в XXI веке превратилась в безнадежность? Поставить этот вопрос означает вступить в область философии, которая спрашивает, почему полный надежд мир потерял свою надежду. Дошел ли он до конца своего пути или стал безнадежным, не достигнув цели? Наступило время для философов, а также политиков, социологов и учителей этики поразмышлять над этими вопросами. Такие вопросы не порождены деятельностью философов. Так что мы не можем сказать: дескать, не будь в мире философов, не было бы никаких философских вопросов.

Эти вопросы действительно существуют в мире и формулируются некоторыми людьми именно по причине их существования. Философские проблемы не поддельваются философами, и сама философия не возникла из-за какого-то случайного совпадения: это не просто продукт вкусовых предпочтений личностей, таких как Сократ, Авиценна, Декарт или Гегель. Сократ сказал, что философы прислушивались к словам времени, чтобы стать философами. Авиценна за свою относительно короткую жизнь попытался сформулировать проблемы мира в философской форме мышления, чтобы показать пути мудрости.

Будет справедливо отметить, что философия пришла в мир ислама к мусульманам-шиитам, которые не воспринимают мир без помощи имама и проводника, кто способен обеспечить ответы на поставленные вопросы. До сих пор мы не проводили детального исследования статуса философии в исламском мире и того, почему она была оставлена на произвол судьбы. Мало известно о воздействии философии на богословие, в особенности на религиозную науку, вероятно, на герменевтику и, наконец, на образ жизни людей, этику и политику. Тем не менее нельзя недооценивать, что философия и наука в Греции представляли интерес для мусульман в целом и иранского народа в частности, который приветствовал греческую науку и философию и следовал за ее образом мыслей и мудростью, так что впоследствии даже сами европейцы получили выгоды от его достижений.

В наше время отношения между философией и политикой замутнены. Усилия Фараби не нашли отражения в истории исламской философии. Поскольку мы оперируем трудами Декарта и Канта, для нас такие отношения ясны и очевидны. Декарт описывает мироустройство способом, при котором человек находится в его фокусе, имея полномочия использовать иначе отчужденную природу, а также научное господство. Но со второй половины XIX века души людей стали наполняться ощущением умственного надрыва и беспокорства, что нашло отражение в поэзии и мыслях. На сегодняшний день воображаемая в XVIII веке картина земного рая поблекла и почти исчезла. Никто не знает, какова судьба мира.

В нынешнем мире порядком современности стал порядок доминирования. Но некоторые люди все еще живут в предмодернистскую эпоху. Все еще есть такие, кто лелеет мысли о модернизме и удовлетворен этим. Таким образом, их сердца восхищены и их умы заняты чем-то другим; у них нет верховодящей руки. Ни одна из этих двух групп не имеет связи со временем и историей модернизма.

Эпоха модернизма имеет различные лица и проявления и разделена на развитые, неразвитые или развивающиеся эпохи. Неразвитая эпоха — это не период времени, размещенный до предмодернизма и модернизма, это даже не переходный период, так как неразвитая эпоха не является ни частью эпохи модернизма, ни предшествующей ей. Возможно, она призрак времени. Следовательно, люди этой эры думают, что прилагают усилия, чтобы достигнуть желательного будущего, хотя они повторяют некую форму приостановленного «теперь», которая осталась от прошлого и не связана с будущим. Это «теперь» неразвитой эры, знаки которой находят повсюду, особенно в формальных наполовину политических и наполовину культурологических выступлениях. Это неисторическое или внеисторическое «теперь» является ничем иным, как псевдовременем неразвитого мира.

Три эти формы синхронны между собой. В случае если бы люди предмодернистской эпохи жили в нынешнем календарном времени, они были бы современниками людей развивающегося и развитого миров. Удивительно, но есть случаи, когда их можно найти живущими в одном доме, поскольку с помощью Интернета можно предложить курс о трактате Клавдия Птолемея «Альмагест» для студентов, которые принадлежат эпохе между традицией и модернизмом. Такие люди, которые отрезаны от старой истории и еще должны присоединиться к современности, не принадлежат любой из этих эпох. Если они заинтересованы присоединиться к ходу истории и жить в будущем, они должны думать о своем времени или своей вневременности. Например, иранский мусульманин теперь должен задумываться о времени и веке, в котором он живет, — в XXI веке от Рождества Христова или в XV веке по исламскому календарю. Возможно, он не принадлежит ни одной из этих эпох.

Возможно, он родился в день календаря, прожил десятилетия в XX и XXI веках. Жизнь в XXI веке требует специфического склада ума, литературы, науки, образования, экономики и политики. У человека может не быть характеристик, соответствующих требованиям XXI века, равно как и соответствующих требованиям XIV и XV веков по исламскому календарю. При таких обстоятельствах, если он изучает исламскую философию, его учителя не Мулла Садра и не Мулла Хади Сабзевари. Но в той же мере он не может поразмышлять над Ницше или Кантом. Он не вполне понимает, какое отношение он имеет к Мулле Садре или Канту. (Поскольку мы ничего не знаем об этом или наши знания малы, есть лишь немногие люди, кто мог бы хоть как-то это прояснить.)

В наше время постижение философии проходит двумя способами. Первый — это систематическое об-

разование, в ходе которого мы узнаем о Мулле Садре и Мулле Хади Сабзевари, к примеру. Также мы кратко узнаем о взглядах Канта и Ницше. Мы думаем об этих людях как о мужчинах, у которых были собственные особые взгляды, и мы, в свою очередь, согласны с некоторыми их взглядами и не согласны с другими. В этом случае можно спутать время Муллы Садры со временем Канта или проигнорировать их релевантность со временем (однако их работы и символы принадлежат определенному времени, и склад их ума отмечен этим временем; таким образом, трудно будет проигнорировать отношение их взглядов ко времени творчества каждого из них). Другой способ постижения не предполагает ни изучения системной философии, ни обучения ей: это, скорее, размышления над отношением ко времени каждого из этих философов.

В последние десятилетия часто говорили о двух или трех эпохах. Мы неоднократно читаем и слышим о предмодернистской и модернистской эпохах, как будто бы у истории есть только два времени или две исторические эпохи: одна принадлежит предмодернизму, а другая является временем и формальной истории модернизма. Однако знаем ли мы, какое отношение ко времени имеет философ? Теперь, когда мы каждый день читаем Муллу Садру и Декарта, какое отношение у нас к ним возникает и с кем мы разделяем общее для нас время? Если мы не принадлежим времени Муллы Садры, то как и когда мы отрезали нашу связь с тем временем; и к какому времени мы присоединились после этого? Маловероятно, что мы присоединились к эпохе Декарта и Канта, поскольку в их время формировался мир. Мы должны лично убедиться, достигли ли мы стадии формирования живущих существ. И если это произошло, формируем ли мы мир таким же образом, как предложили Кант, Гегель и Маркс? Это и станет нашим принятием модернизма на невербальном, подсознательном уровне.

Теперь наша проблема в том, что мы не порвали нашу связь со временем Муллы Садры, и при этом мы недостаточно искренны, чтобы порвать ее. Также мы не можем проигнорировать и Новое время. Может быть, найдутся и те, кто принадлежит двум эпохам. Если это когда-нибудь произойдет, то в будущем они могут послужить проводниками. Однако жизнь, культурные, социальные и политические системы не могут принадлежать двум эпохам, а если такое случается, то на практике возникает смута, бедствия, непонимание и неспособность к действию. Каждый раз порядок возрождается, когда он представлен и находит обсуждение в искусстве, религии, мудрости и философии.

Это может быть понято так, что ничему нельзя научиться у философии прошлого. В этом случае мы должны проигнорировать исторические горизонты Муллы Садры и Сухраварди и ради целей развития порвать нашу связь с ними и присоединиться к современному времени и модернизму. Люди каждого времени и каждой эпохи принадлежат собственному времени и истории. Но обычно они этого не знают, как и о различии их собственного времени и других времен. О времени может рассуждать только философ. Знание

того, что Мулла Садра принадлежал миру, отличающемуся от мира Декарта — современного ему философа в Европе, не означает, что мы должны принять одного и отвергнуть другого. Можно принадлежать новому миру и в то же время ценить время Муллы Садры. Найдутся те, кто скажет, сделал бы Мулла Садра то, что сделал Декарт, то и в Иране появилась и развилась бы новая философия. Но Мулла Садра принадлежал другому времени, и по этой причине он последовал примеру своих предшественников и достиг конца того пути. Тогда как западная философия шла своим путем, призывала к другим средствам и имела различные результаты и последствия.

Сегодня основные проблемы мира связаны с вопросами развития и модернизма. Развитие осуществлялось тремя путями. Во-первых, так называемое внутреннее порождающее развитие, как это произошло более или менее органичным образом в развитых странах в соответствии с их естественной тенденцией; во-вторых, сознательное, основанное на подражании просчитанное планирование; и в-третьих, чистое подражательное развитие. Первый путь — естественный и оригинальный способ истории модернизма. Второй путь — это всесторонняя и относительно скоординированная имитация, чтобы избавиться от отсталости. Конечно, конец этого пути неясен. Это путь, который испытали на себе некоторые латиноамериканские и азиатские страны.

Наконец, третьим путем является частичная и позиционная имитация без учета ее пригодности статусу и месту действия. На ум может прийти еще одна идея (конечно, ее иллюзорная форма очень распространена, но здесь обсуждаются взгляды и суждения). Речь идет о том, не являются ли развитие и модернизм в умах людей тождественными понятиями, не предполагает ли модернизм сам по себе степени развитости и нет ли возможности подумать еще о каком-то жизненном плане. Здесь мы не собираемся концентрироваться на марксизме, пролетарской революции, коммунизме и бесклассовом обществе, поскольку у коммунизма не было плана превзойти модернизм, но был замысел спасти современный мир. Так, лозунг «От каждого по способности, каждому по потребности» можно расценить как специфическую интерпретацию принципов модернизма.

Вопрос, что такое модернизм, а особенно возражения ему, вовсе не новы и обсуждаются последние десятилетия, пусть и имея время от времени идеологическую подоплеку. По крайней мере, в своей идеологической форме эта идея не достигла состояния неудовлетворенности со стороны мира приверженности модернизму и мира его злостных противников. Эта идея не вошла в область размышлений и по-прежнему не имеет никакого отношения к постмодернистским взглядам. (Изучение сущности модернизма для русской литературы явление новое и пока серьезно не рассматривалось.) Тем не менее теперь не существует иного пути, кроме как путь развития. Если в этом суть дела, то сойти с пути развития в данный момент просто невозможно.

Однако, как следует пойти по этому пути? Слепое следование по этому маршруту и путешествие в никуда

ни в коем случае не приведут к порядку, координации и умеренности, поскольку ни на каком этапе развития баланс никогда не достигался. Неразвитый мир работает меньше и более занят борьбой. Даже его официальные административные организации не управляются на основе рациональной бюрократии и, как следствие, рассредоточены и разбросаны; они, скорее, создают видимость работы, чем исполняют свои основные обязанности. В «*Le Spleen de Paris*» Шарль Бодлер оценивает современный город как «город сплина, мрачного настроения». Он с уважением относится к парижскому сплину. Но если Париж был для него городом сплина, то сплин неразвитого мира был бы для него более горьким и болезненным, чем тот, что в модернизме.

К сожалению, люди неразвитого мира проводят свои дни и ночи в скуке и мрачном настроении, даже не зная об этом. Есть лишь немного людей, которые могли бы задуматься над причиной своего сплина, над его постоянством или даже усилением в некоторых случаях. Неразвитый мир не спрашивает себя, почему он не получает от своей упорной борьбы того, чего заслуживает. Люди действуют на основе своего представления о невидимых манипуляциях в полном страданий материальном мире, другом мире, их статусе и месте. Развитие нового мира было осознано одновременно с появлением *трансцендентного эго* в новой философии, литературе и политике под воздействием определенных духовных и культурных обстоятельств. Действительно ли возможно для людей, которые живут в различных исторических и культурных условиях, легко развить и приобщиться к истории модернизма, поддерживая при этом свою идентичность и оригинальность?

Этот вопрос стоит перед нами в числе других серьезных психологических и научных вопросов и проблем. Что такое исторические и культурные условия и в каких пропорциях соотносятся социально-экономическое развитие и особый менталитет и дух? Что подразумевает оригинальность, религиозное, радикальное и национальное самосознание? Принес ли модернизм за последние 200–300 лет нечто большее, чем ряд образцов поведения, обычаев и предметов? Японцы могли бы не испытывать таких проблем. Нет никакой необходимости озадачивать людей такими вопросами в других местах. Но когда путь к развитию и модернизму оборачивается трудным маршрутом, должны быть люди, которые размышляли бы над этими вопросами и искали бы их корни.

Главная часть этих проблем происходит из духовного статуса и здравого смысла людей, склонных развиваться. Проблемы всегда и везде существовали в той или иной мере. Если трудность выбранного пути еще не оценили, то это потому, что считалось, что у развития есть только западный путь, который надо пройти, не рассмотрев универсальность модернизма, его культурный, научный и политический статус, и без осознания того, что двери могут закрыться за первооткрывателями и другим предстоит открыть их заново, даже если у них есть некоторая информация от пионеров. Иными словами, чтобы еще раз пройти по западному пути модернизма, потребуются мудрость и сила. Если

бы это было не так, развивающийся мир не стоял бы у истоков после 100 лет усилий и борьбы. Развивающийся мир должен с полной тщательностью изучить глубину истории новой Европы, если он действительно хочет приобщиться к достижениям европейцев. Но ни в коем случае нельзя забывать о различиях между собой и европейцами. Каковы эти различия и в чем они заключены? Различия очевидны. Но неясно, как их можно сгладить и почему они легко не сглаживаются. В прошлом люди не настаивали на том, чтобы сглаживать различия. Они все еще пытаются поддерживать свои различия в определенных вопросах. Но если речь идет о науке, технике и образе жизни, все это представляет для них интерес, и западные примеры служат для подражания.

Мы знаем, что не все люди разделяют мнение, что современная наука и технологии являются феноменом Запада. Они считают, что польза, получаемая прежде всего от науки и технологий и от мира потребления в целом, — это шаг к продвижению и естественному историческому развитию, которое принадлежит всем людям мира. Если дело обстоит таким образом, то нужно размышлять об удаленности и различиях, которые существовали в начале новой эры и заставляли считаться с собой на протяжении времени. Этот вопрос можно поставить следующим образом: если новая наука произошла из науки старой, то почему же получилось так, что мы, будучи пионерами в науке, филосо-

фии и искусстве, не имели таких личностей, как Галилей, Коперник и Декарт, и даже не ценили их науку, пока не оказались вынуждены принять ее? Почему наш путь не пересекся с путем модернизма? Мулла Садр был современником Декарта, но первый стоял в высшей точке развития исламской философии, тогда как второй стал философом современного мира. Почему это произошло? Этот вопрос следует обсуждать в другом месте. Следует, однако, здесь упомянуть, что прежде чем встать на путь к будущему, следует подготовиться, обращаясь к истории и изучая мысли и культуру прошлого.

Даже для достижения модернизма у нас нет выбора, кроме как обращаться к искусству и мыслям прошлого. Тогда у нас может быть достаточное самосознание для выбора будущего пути. Философия и исламское богословие не только обладают глубиной и кредитом доверия, но также и являются проявлениями духа 1400-летней истории Ирана. Обращаясь к этим годам и глядя в зеркало философии, богословия, поэзии и литературы, мы узнаем о наших возможностях и существовании в прошлом.

В заключение отмечу, возможно, организаторы дали этой конференции имя Лихачева, чтобы подчеркнуть именно это ее предназначение. Д. С. Лихачев — один из великих представителей истории, литературы и культуры России. Для меня большое удовольствие посетить это мероприятие.

Абу-Абдаллах Бассам¹

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ. ВОЙНА В СИРИИ

Национальные интересы — концепт довольно обширный, с огромным количеством коннотаций. Национальные интересы могут означать получение большей власти и расширение влияния одного государства на другие или же улучшение стандартов прав человека и решение проблем окружающей среды. Однако можно согласиться и с тем, что сохранение государства — это главная цель национальных интересов; с этим согласны и реалисты, и либералы, и самопровозглашенные свободомыслящие люди. Другими словами, если существует угроза какому-либо государству, ему не остается другого выбора, кроме как умерить свои амбиции и бороться за выживание. Так было и с Сирией в 2011 году.

До начала сирийского кризиса, подпитываемого рядом внешних сил, которые высказали свою враждебность по отношению к сирийскому государству, экономика страны была диверсифицированной и многообещающей; наиболее важными секторами считались

сельское хозяйство (22 % всей экономики), индустрия и горнодобывающая промышленность (23 %) и туризм (12 %).

Сельское хозяйство было приоритетом в сирийских планах по экономическому развитию, так как правительство хотело достичь продовольственной независимости, увеличить прибыль от экспорта и остановить миграцию сельского населения в города. Благодаря продолжительным капиталовложениям, развитию инфраструктуры и правительственным инвестициям в крупные проекты орошения Сирия стала поставщиком хлопка, фруктов, овощей и других продуктов питания. Из 186 тыс. кв. км площади Сирии приблизительно 28 % составляют культивируемые земли и 21 % от этой цифры орошены.

Торговля всегда была важным фактором для сирийской экономики; исторически страна занимала выгодное положение на пересечении крупных торговых путей, проходящих с востока на запад. Более того, Сирия граничит со многими крупными поставщиками нефти и газа, и по ее территории уже давно были проложены трубопроводы, соединяющие страны Персидского залива со средиземноморскими.

Сирия расположена настолько удачно, что привлекает значительные инвестиции на развитие и продви-

¹ Директор Центра стратегических исследований (Дамаск, Сирия). Заведующий кафедрой российских и турецких исследований, профессор Университета Дамаска. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книги «Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период» (в соавт.) и др. Советник Министерства информации Сирии, обозреватель газеты Al-Watan (Дамаск).

жение таких сфер экономики, как туризм, финансы, страхование, розничная торговля, перевозки, добыча и торговля нефтью и газом. К концу 2010 года Сирия надеялась привлечь более 55 млрд долларов зарубежных инвестиций за несколько последующих лет, особенно в нефтяной сфере. Помимо этого, было издано несколько законов и постановлений, а также созданы новые организации, целью которых являлось облегчение ведения бизнеса в Сирии.

В 2009 году Сирия приняла около 6,1 млн туристов, пребывание которых принесло в качестве прибыли примерно 11 % валового внутреннего продукта, что предопределило значительный рост в сфере сервиса.

Сирия так организовала свою фармацевтическую промышленность, что сирийские фирмы стали обеспечивать 95 % потребностей внутри страны (2-е место в этой сфере среди всего арабского мира) и поставлять медикаменты в 55 стран.

Сирия занимает важное геополитическое положение, которое совершенно не соответствует ее относительно низкой численности населения, площади, запасам ресурсов и экономическому развитию. Благодаря грозной военной силе и расположению в самом центре Ближнего Востока страна играет важную роль в большинстве ближневосточных политических и экономических вопросов.

Несмотря на вышеупомянутую историю успеха, с началом кризиса сирийская экономика потерпела крах из-за экономических санкций и террористических атак на объекты инфраструктуры. Западные экономические санкции и разрушения, вызванные террористами, отменили предыдущие достижения и привели сирийскую экономику в упадок.

Только в 2011 году потери в сфере производства составили 81,7 % по сравнению с 2010 годом и достигли 59 млрд долларов, по расчетам Всемирного банка. По данным Сирийского центра политических исследований, эти потери включают спад в сфере производства в 2011 году на 35 %, что эквивалентно 20 млрд долларов, 12,4 млрд из которых составляют потери внешних инвестиций и 8,9 млрд — в сфере туризма.

Убытки, нанесенные сирийской экономике, можно наблюдать повсюду: например, безработица достигла практически 60 %, в туристическом секторе потери составили 95 %, покупательская способность местной валюты упала почти на 80 %, что вызвало сильную инфляцию.

Отток капитала, деиндустриализация, разграбление и разрушение сирийских фабрик и предприятий, как крупного, так и малого бизнеса, вылились в сокращение ВВП более чем на 30 % за каждую четверть прошедшего финансового года.

По данным ООН, общая сумма экономических убытков за период сирийского кризиса составила 170 млрд долларов на конец 2014 года. Как говорится в отчете ООН: «Даже если конфликт прекратится прямо сейчас и ВВП будет расти со средним показателем в 5 % в год, мы рассчитали, что сирийской экономике потребуется 30 лет, чтобы вернуться к уровню 2010 года». Как обычно и бывает с такой анархической системой, национальные интересы государства определяют его по-

литическую стратегию и поведение по отношению ко всем международным событиям. Такое же традиционное правило подходит и Западу, когда дело касается кризиса в Сирии: западные страны демонизируют сирийское правительство и поддерживают вооруженные группировки и движения, разрушающие страну, не принимая во внимание, что большинство сирийских антиправительственных группировок воюют под знаменем джихада и применяют террористические тактики. Никто не отрицает тот факт, что наиболее заметные сирийские антиправительственные движения, которые возглавляют вооруженную оппозицию, являются по большей части дочерними «Аль-Каиде»: «Исламское государство», «Ахрар аш-Шам» и «Джабхат ан-Нусра».

Внешние силы, поддерживающие антисирийскую «вооруженную оппозицию» (такой термин они предпочитают использовать), нацелены на то, чтобы режим в Сирии сменился посредством разрушения экономики и инфраструктуры страны, ее дестабилизации, угрозы ее территориальному единству, безопасности и независимости.

Экзогенные изменения, угрожающие национальным интересам развивающихся стран

Как правило, Сирию относят к странам Ближнего Востока, и именно в этом кроется одна из сложных проблем, с которыми сталкиваются развивающиеся страны в стремлении стать полноправными членами международного сообщества. Западная перспектива является доминирующей в международной системе, и новообразованным государствам приходится принимать концептуальные рамки для того, чтобы быть признанными в существующей системе международных отношений, которая сама время от времени претерпевает реформации. Развивающимся странам не остается ничего, кроме как подстраиваться политически, социально и экономически, для того чтобы быть принятыми доминирующей на Западе системой.

Исторически государства и империи искали способы преувеличить свои богатство, власть и влияние путем изменения мирового порядка так, чтобы он лучше служил их интересам. Завоевывались колонии, создавались союзы с дружественными странами для сдерживания соперников и т. д. Как правило, в таких кампаниях объединялись военно-политические и экономические мотивы: необходимость улучшить стратегические позиции нации в противопоставление позициям конкурирующих государств, а также желание приобрести и защитить различные внешние ресурсы.

Например, «новый» мировой порядок, созданный Соединенными Штатами Америки и их западными союзниками после развала СССР, был дерзко представлен как униполярная мировая система. И так как международная система до сих пор носит анархический характер, новый порядок не представляет собой единых для всех правил поведения; он всего-навсего является отражением интересов правителей униполярного мира. То есть новый порядок, образованный благодаря дисбалансу сил, служит лидерам, и поэтому при наличии конфликта национальных интересов между сильным

лидером и более слабым государством слабой стороне приходится, потворствуя сильной, менять свою политику и образ действий.

Правители этой униполярной системы (хотя система и называется так, ее лидерами являются представители не одного государства западного блока) без тени сомнения вмешиваются во внутренние дела других государств, надеясь заставить их длительное время придерживаться определенной линии поведения, тем самым лишая их возможности выбрать собственный путь.

Таким образом, угроза внешнего вмешательства является главной проблемой, с которой развивающиеся страны сталкиваются в определении своих национальных интересов, так как им приходится защищать свой суверенитет, национальную независимость и ресурсы. Внешнее вмешательство принимает разные формы, многие из которых Сирия испытала на себе за годы текущего кризиса. Далее представлены формы внешнего вмешательства, угрожающие национальным интересам Сирии.

Проблема 1. Отрицание легитимности национального режима

— После того как линия поведения Сирии начала претить Западу, он решил, что текущий режим необходимо сменить. Борьба за демократию является лишь ложным прикрытием совершенно иных мотивов.

— Тип политического режима и правительства — одно из ясно очерченных направлений внутренней политики — стал объектом посягательств Запада.

— Запад запутался в своей внешней политике, то продвигая демократию, то насаждая ее под угрозой применения или с использованием силы.

— Под предлогом содействия демократии и миру Запад показал свою готовность применять силу, дестабилизировать государства, вызывая беспорядки и насилие и даже угрожая свержением текущих режимов силами террористических организаций.

— Под лозунгом демократизации таким общепринятым политическим концептам, как оппозиция, приписываются противоречивые и ложные коннотации. В некоторых случаях становится приемлемым существование вооруженной оппозиции, которая объединяется с террористическими группировками.

— Необходимо еще раз отметить, что урон, нанесенный арабским государствам, не соответствует потенциальным выгодам Запада.

— Все это развивающиеся страны определяют как серьезную угрозу своим национальным интересам.

Проблема 2. Экономическое вмешательство

— Смена режима является наиболее частой конечной целью внешних экономических санкций.

— Правительства налагают экономические санкции для того, чтобы повлиять на стратегические решения государств, угрожающих их национальным интересам.

— Развивающиеся страны подвергаются постоянной угрозе экономической изоляции, если решаются на независимые действия. Иными словами, многие другие государства, заметив их присутствие на международной арене, определяют их место в международных отношениях с учетом доминирующей роли Запада: «Быть независимым — значит быть в изоляции».

— Сильные западные государства без тени сомнения применили экономические санкции против Сирии, даже понимая, что главной их жертвой будет народ страны.

— Международные санкции сыграли значительную роль в развале сирийской экономики из-за их влияния на торговый баланс страны, вызвавшего сокращение экспорта.

— Экономические санкции являются местными взысканиями, примененными односторонне (одной страной) или многосторонне (группой стран) по отношению к другой стране. Они могут включать различные формы ограничения торговли и финансовых сделок.

Проблема 3. Информационная война

— Те же самые люди, которые считаются террористами в Европе, называются «борцами за свободу», когда дело касается Сирии.

— Очернение государства и правительства становится нормальной политикой в проектах, нацеленных на смену режима.

— СМИ искажают информацию, направленную на народы как стран Запада, так и стран Востока, пытаясь вызвать среди них поддержку внешних сил.

Проблема 4. Терроризм и экстремизм

— Сирийский кризис доказал, что терроризм является эффективным способом ведения опосредованной войны, который может разрушать страны изнутри.

— Экстремизм является ключевым элементом террористической интервенции, так как создает благодатную почву для появления терроризма.

— Без широкой внешней поддержки в сферах финансов, разведки, вооружения и, во многих случаях, политики никакие террористические организации не способны представить угрозу для нормально функционирующего государства с укомплектованной национальной армией. В ином случае нам придется признать, что террористы сами по себе представляют значительную силу на международной арене.

— Террористические организации дают о себе знать внутри определенной страны только с поддержки других государств.

— Терроризм как механизм разрушения является двойным элементом в политике внешнего вмешательства: с одной стороны, он представляет местные силы, с другой — служит оправданием насильственного вмешательства под предлогом борьбы с терроризмом.

Тамаш Бауэр¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вопрос о взаимоотношении глобализации и национальных интересов отдельных стран имеет давнюю историю. Несмотря на это, он и в наше время сохраняет свою актуальность. Подобная постановка вопроса встречается еще в работах классиков марксизма-ленинизма. Основой их экономической теории являлась теория прибавочной стоимости: динамика капиталистического производства основана на обособлении прибавочной стоимости носителями экономического роста — предпринимателями-капиталистами. По Марксу, постоянное стремление капиталистов к увеличению прибыли неизбежно ведет к росту разницы между зарплатой и прибылью. В учебниках по политической экономии капитализма это явление на уровне экономики в целом называется относительным обеднением рабочего класса. По Марксу, при капитализме наблюдается накопление богатства у одной стороны и нарастание нищеты у другой. Эксплуатация, обособление прибыли капиталистами объясняют нищету миллионов людей.

Обострение различий появляется и на международной арене. Анализируя развитие колониальной Индии, Маркс отмечал, что Англия доставляет продукцию, выпускаемую предприятиями обрабатывающей промышленности, на рынки своей колонии Индии, тем самым подрывает и практически уничтожает развитие местной промышленности. Колония становится поставщиком сырья и продовольствия для экономики колониальной державы.

Международная экономика в целом развивается в аналогичном направлении: слаборазвитые страны поставляют сырье и продовольствие высокоразвитым странам, а высокоразвитые — продукцию обрабатывающей промышленности колониям и другим слаборазвитым странам (к последним относятся и страны Восточной Европы). Экономическое развитие отдельных стран в первой половине XX века подтвердило идеи марксизма. В то время действительно возросли различия между индустриальными странами Запада и колониями Юга не только в количественном, но и в качественном отношении: диаметрально отличались товарные структуры производства и торговли. Различия проявились в товарной структуре экспорта и импорта высокоразвитых индустриальных и менее развитых стран Европы в середине XX века. Такая трактовка международных экономических отношений характерна для Нового времени для теории центра и периферий.

Длительный спор в экономической политике между сторонниками свободной торговли и протекционизма отражал опыт раннего капитализма в международном

аспекте. Сторонники протекционизма утверждали, что свободная внешняя торговля ведет к дальнейшему обогащению богатых стран и обеднению бедных стран (колоний, периферийных стран). На такой основе построили свою экономическую политику и всю экономическую систему Советский Союз и другие социалистические страны. Так называемая социалистическая индустриализация — это стремление к преодолению структурных различий между слаборазвитыми и высокоразвитыми странами.

На первый взгляд такая политика была успешной. В первые десятилетия строительства социализма достигнуты высокие темпы роста промышленности и национального дохода. Промышленность стала ведущей отраслью народного хозяйства бывших аграрных стран, появилась тяжелая промышленность, прежде всего машиностроение, химическая промышленность, а в СССР — горнодобывающая промышленность и военно-промышленный комплекс. Вследствие этого в экспорте преобладали машины и оборудование. Удельный вес этой товарной группы в экспорте, например, Чехословакии, Польши или даже Болгарии был выше, чем в Западной Германии. Разве это не успех социалистической индустриализации?

Экономисты ряда социалистических стран уже в 1950–1960-е годы заметили, что протекционистская политика, основанная на системе директивного планирования, привела к своеобразному состоянию экономики. Отраслевая структура производства или товарная структура экспорта представлялись развитыми (последняя получила отражение в данных об экспорте в целом). Но если рассматривать экспорт в капиталистические и социалистические страны отдельно, получалась иная картина. При экспорте в развитые капиталистические страны преобладали сырье и топливо, продовольствие и продукция легкой промышленности, а машины почти отсутствовали. Это объясняется тем, что продукция машиностроения (ее качество и сортимент) не была конкурентоспособной на свободных рынках Запада, а продукция легкой промышленности — только при весьма низких ценах. Наоборот, в экспорте в страны Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) высокого удельного веса достигли машины и оборудование. Это объясняет товарную структуру экспорта в целом. Важное современное оборудование и высококачественное сырье должны были импортироваться с Запада, так как они не были доступны в социалистических странах. Выдающийся венгерский экономист Ференц Яноши охарактеризовал такое состояние социалистических экономик понятием «кварзитивность».

Если бы сообщество социалистических стран могло долгосрочно самостоятельно развиваться, основываясь на неограниченных поставках сырья и топлива из СССР, независимо от капиталистической мировой экономики, то можно было бы считать протекционизм

¹ Профессор Университета им. И. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия). Научные интересы: трансформационные процессы в бывших социалистических странах. Автор более 50 научных работ, опубликованных на английском, немецком, венгерском, русском и других языках, в т. ч. монографии «Инвестиционные процессы в условиях плановой экономики».

в облике социалистической индустриализации успешным. Однако, как известно, к началу 1980-х годов источники такого рода экономического развития (по терминологии того времени, «экстенсивного роста») были исчерпаны. Начиная с середины 1970-х годов постоянно росло отставание социалистических стран от Запада. СЭВ как институт протекционизма распался на союбощества стран.

Кризис советской экономики и распад СЭВ вынудили новых руководителей стран Центральной и Восточной Европы после политического переворота искать новые направления внешнеэкономической и экономической политики. Как в странах «Вышеградской тройки» (с 1993 г. — «четверки»), так и в Прибалтике было принято решение интегрироваться в западную экономику. Это означало изменение не только направления торговых отношений, но и характера внешних экономических отношений: переход от плановой бюрократической торговли между замкнутыми экономическими комплексами Восточной Европы к глубокой интеграции отдельных экономик с полной либерализацией торговли, подобно тому как это произошло раньше между экономиками Западной Европы. Эти страны вступили в Евросоюз, приняли правила, значит, устранили все барьеры на пути движения товаров, капита-

ла и рабочей силы. Иностраннй капитал участвовал в приватизации, где сыграл важную роль. Предприятия, фирмы стран Центральной и Восточной Европы начали тесно кооперироваться с крупными фирмами Запада. Этот процесс является важной частью глобализации. В традиционных терминах, характерных для бывших социалистических стран, можно говорить о том, что страны Центральной и Восточной Европы утратили свою экономическую независимость от крупного международного капитала. Прибыль уходит на Запад и обогащает западных собственников. Экономик этих стран развиваются как подчиненные отрасли западных экономик и специализируются на сборке и поставках продукции с низкой добавочной стоимостью.

Однако нам представляются более важными иные последствия интеграции. Во-первых, после глубокого кризиса, разразившегося в странах Центральной и Восточной Европы в начале трансформации, наблюдается приближение их экономического уровня к уровню развитых капиталистических стран. Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что ВВП на душу населения в странах Центральной и Восточной Европы постепенно приближается к среднему уровню ВВП в Евросоюзе. Особого успеха достигли страны Прибалтики, Польша и в 2000-е годы Словакия.

Таблица 1

Рост ВВП на душу населения в странах Восточной и Центральной Европы по сравнению с ЕС–15

Страна	1995	2009	Разница
ЕС–15	100	100	
Болгария	28	40	+12
Венгрия	45	59	+14
Литва	31	50	+19
Польша	37	55	+18
Румыния	28	42	+14
Словакия	41	66	+15
Чехия	63	75	+12
Эстония	31	58	+27

Приближение к высокоразвитым странам наблюдается не только в плане роста ВВП, но и в области структурной перестройки. Если при социализме товарная структура внешней торговли характеризовалась тем, что в экспорте в социалистические страны преобладали сырье, топливо и продовольствие, то в результате структурной перестройки экономики, связанной с интеграцией в капиталистическое мировое хозяйство, структура производства и особенно торговли все более стала напоминать аналогичную структуру высокоразвитых стран. Если раньше структура внешней торговли социалистических стран с Западом характеризовалась резкой асимметрией (что видно на примере слаборазвитых европейских стран), то к концу прошлого столетия она стала более сбалансированной и после двух десятилетий трансформации все больше напоминает аналогичную структуру внешней торговли высокоразвитых капиталистических стран. Значит, близость наблюдается не только в количественном, но и в качественном смысле.

В связи с этим вызывает особый интерес опыт Китая. До реформ, начатых в 1978 году, это была страна крайнего протекционизма, демонстрировавшая пример квазиразвитости в результате социалистической индустриализации советского типа. В дореформенном Китае были созданы ядерная бомба и спутник, но среди статей внешней торговли преобладали сырье, топливо и продовольствие. Подобно странам Центральной и Восточной Европы, Китаю удалось сократить отставание от развитых стран. Существенно изменилась и товарная структура внешней торговли Китая: страна стала крупным экспортером продукции обрабатывающей промышленности, включая машины и электронику, и импортером топлива. Вследствие этого структура внешней торговли Китая стала сбалансированной. Таким образом, опыт Китая подтверждает выводы, сделанные на основе опыта стран Центральной и Восточной Европы: переход от протекционизма к интеграции в международную экономику, либерализация торговли и поток прямых иностранных инвестиций обусло-

вят не отставание, как предполагалось ранее, а именно приближение.

Необходимо поставить вопрос: ошиблись ли те, кто предполагал, что национальные интересы менее развитых стран требуют сопротивления стремлению высокоразвитых стран к расширению свободной торговли? Был ли протекционизм ошибкой уже во время его основоположника Фридриха Листа в XIX веке?

В свое время протекционизм сыграл положительную роль. Во времена Фридриха Листа и Карла Маркса свободная торговля породила различия между богатыми и бедными странами и регионами. Основой международной торговли был обмен сырья и продовольствия, с одной стороны, и продукции обрабатывающей промышленности — другой. В то время рост промышленности развитых индустриальных стран предполагал рост добывающей промышленности и сельского хозяйства менее развитых стран и регионов. Возникло и углубилось противоречие между развитыми индустриальными странами, которые развивали современные знания, науку и у которых был накоплен капитал, и аграрными странами и колониями.

Однако глобализация привела к существенному изменению характера развития мировой экономики. Резко снизилось значение обмена продукции обрабатывающей промышленности на сельскохозяйственную продукцию, сырье и топливо. Это стало последствием снижения материалоемкости и энергоемкости производства, сокращения доли услуг и повышения роли знаний. Доля сельского хозяйства и добывающей промышлен-

ности в мировом ВВП постоянно снижается. Основной международной торговли в наше время служат внутриотраслевые связи в промышленности и сфере услуг. Конкуренция достигла мировых масштабов, фирмы вынуждены переносить производства в места, требующие более низких затрат. Вместо противоречий между высокоразвитыми и менее развитыми странами часто наблюдается совпадение интересов (win-win). Например, перенесение отдельных производств фирмы из высокоразвитой в менее развитую страну (с нижней заработной платой работников) приведет к снижению себестоимости и повышению конкурентоспособности фирмы в целом, сохранению производства, подразделений в высокоразвитой стране и росту производства и занятости в менее развитой стране.

Таким образом крупные западные фирмы создали много новых, современных и эффективных рабочих мест в бывших социалистических странах Европы и Восточной Азии (Китай, Вьетнам). Прямые иностранные инвестиции можно рассматривать и как канал распространения знаний и повышения уровня подготовки рабочей силы в менее развитых странах. Движение рабочей силы в условиях свободы перемещения может иметь отрицательные последствия в краткосрочной перспективе, но в случае возвращения части гастарбайтеров в менее развитую страну может стать дополнительным каналом распространения знаний. Поэтому представляется, что глобализация создает условия для совпадения интересов разных стран с точки зрения благоприятного экономического развития.

О. Т. Богомолов¹

МИР В ПРОЦЕССЕ РАДИКАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Под таким девизом проходил Давосский экономический форум в Швейцарии в 2012 году. Его организаторы тем самым попытались подчеркнуть главный урок глобального кризиса 2008 года. По мнению президента форума, «капитализм в своем нынешнем виде уже не соответствует миру вокруг нас». Многих это не очень волнует. Большинство населения планеты, как правило, предпочитает стабильное, спокойное и предсказуемое существование. Тем не менее перемены кардинально меняют жизнь человечества. Они затрагивают промышленность, транспорт, связь, сельское хозяйство, государственные функции, культуру и многое

другое. Мирное и военное применение атомной энергии, как и освоение космоса, существенно поменяло нашу жизнь. Промышленность революционизировали автоматизация, компьютеризация, современные средства связи и транспорта. Сократились расстояния между континентами благодаря реактивной авиации. Идет переход к следующему технологическому укладу — применению нанотехнологий, геномной инженерии, созданию новых материалов с особо ценными свойствами. Кардинальные нововведения затронули и медицину, и систему образования.

Одновременно появляются признаки назревающих сдвигов в общественном устройстве, зарождение новых его моделей. Меняются мировой порядок и геополитическая обстановка. Возникает иная конфигурация международных отношений и взаимодействия мировых цивилизаций. Однополярный мир, в котором гегемон выступали США, уступает место многополярному, требующему равноправия, учета интересов и согласия большего круга стран. Авторитет Америки потускнел. Полюс политического и экономического притяжения все более перемещается с Запада на Восток, где Китай и Индия — самые многонаселенные государства планеты — демонстрируют рекордные темпы роста. Наби-

¹ Академик РАН, советник РАН, доктор экономических наук, профессор. Почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН. Избирался в 1989 г. депутатом Съезда народных депутатов СССР и в 1993 г. — Государственной Думы РФ. Автор свыше 600 публикаций, в т. ч. книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Раздумья о былом и насущном», «Мировая экономика в век глобализации», «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние» и др. Почетный президент Международной ассоциации экономических наук; почетный профессор Будапештского экономического университета и Нанькайского университета (КНР). Награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени (дважды), «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени.

рает силу и влияние БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). Рождается идея образования общего евразийского пространства как геополитической реалии. В результате глобализации подвергаются качественным изменениям производство, торговля, транспорт, связь, доступ к информации, научное сотрудничество, культурные обмены.

Наряду с информационной, промышленной¹ и геополитической революциями учащаются и социально-политические революции в разных частях планеты. Рушатся оставшиеся еще в мире диктаторские и авторитарные режимы, открывая путь демократическим преобразованиям.

XXI век отмечен усиливающимся процессом глобализации. Глобальная взаимозависимость и взаимовлияние дают значительные преимущества, но одновременно ставят страны перед серьезными вызовами, на которые необходимо найти ответы, чтобы избежать кризисных потрясений. Ломка привычных отношений и институтов не происходит безболезненно. По мнению американского философа Эрвина Ласло, процесс социальной эволюции на нашей планете подошел к критической фазе макродвига. Это сопровождается на первой стадии социальным и культурным разладом и даже хаосом, вспышками жестокости и насилия, когда политические режимы проявляют беспомощность перед лицом надвигающихся перемен, а большинство населения стихийно выплескивает свое недовольство, порой прибегая к насильственным действиям. Мы являемся сегодня жертвами этих процессов, порой затмевающих намечающиеся перемены к лучшему.

Закат американской гегемонии

Показательны в этой связи судорожные усилия США противодействовать закату их гегемонии. Провалы гегемонистской политики следуют один за другим — в Ливии, Сирии, Афганистане, Ираке, Египте, а теперь и на Украине. Современная Украина, ввергнутая Киевом после государственного переворота в хаос и братоубийственную гражданскую войну, оказалась разменной монетой в геополитике США. Всплеск национализма, неонацизма, русофобии, чудовищные проявления вандализма, нравственной деградации, преступности на Украине не находят осуждения со стороны США и их европейских партнеров. Вваливая вину на Россию за гуманитарную катастрофу, постигшую юго-восточные регионы Украины в результате начатой Киевом карательной операции с применением тяжелых вооружений, Америка пытается дискредитировать и ослабить нашу страну. В ход пускаются беспардонная пропаганда и экономические санкции, давление на другие государства с требованием поддержать США в их авантюрной политике. Совершаемые Киевом преступления сознательно замалчиваются западными СМИ.

Россия продолжает прилагать немалые усилия для решения политическими средствами возникшего опасного военного, пропагандистского и торгового противоборства. Но перспектива восстановления мира и со-

трудничества в Европе на основе учета интересов и воли ее народов, преодоления международной напряженности остается неопределенной.

Назревающие преобразования в общественно-экономическом устройстве

К сожалению, развитие в мировом сообществе научной и политической мысли, как и общественного сознания, явно не поспевает в осмыслении сути и особенностей происходящих перемен. Господствующая в мире идеология, политическая практика и мораль дискредитируют себя. Тем острее ощущается потребность в нахождении новых моделей государственного и экономического устройства, а также глобального миропорядка, которые были бы адекватны вызовам происходящего «макродвига». Не случайно Форум 2014 года в Давосе проходил под девизом «*Переустройство мира: последствия для общества, политики и бизнеса*». Проведенные обсуждения показали, насколько важно, чтобы в новых моделях находили надлежащее место не только принципиальные улучшения рыночных и управленческих механизмов, но и гуманитарные и демократические ценности, стремление людей к миру, согласию и социальной справедливости. Если западные научные авторитеты задумываются об этом, то и нам пора взяться за ум.

Несмотря на то что Президент РФ В. В. Путин подчеркивает, что социальная ориентация политики государства — не прихоть, а объективная необходимость, существующая реальность этого не подтверждает. Произвольная и несправедливая оплата труда работающего населения, запредельные доходы глав крупнейших государственных компаний и учреждений, как и олигархов из частного бизнеса, регрессивное налогообложение, когда на дивиденды, получаемые на капитал, установлен налог в 9 %, а остальным работающим — 13 % от их зарплаты, — все это приводит к запредельному социальному расслоению. Похоже, что власть больше заботится о новой буржуазии, чем о рядовых тружениках.

В последнее время зреет понимание, что у экономики есть свое гуманитарное измерение, и что порой определяющим является не столько решение проблем в экономической сфере, научно-техническом развитии, сколько в идеологии, политике, общественном сознании и порядке, государственном устройстве, культуре, нравственности. В неэкономической сфере имеется крупный нереализованный потенциал роста производства и улучшения положения дел не только в России, но и в мире в целом. Более того, на переломных и кризисных этапах развития неэкономические факторы, разумная политика могут приобретать ведущую роль. Не в этой ли сфере нужно в первую очередь принимать меры, чтобы переломить ситуацию к лучшему?

Стоит вспомнить, что господствующая идеология, управляющая сознанием и поведением значительных масс людей, становится, по выражению К. Маркса, материальной силой. Крупнейший экономист XX века Джон Мейнард Кейнс писал: «...Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значе-

¹ См.: The Third Industrial Revolution : Special Report // The Economist. 2012. April 21st –27th.

ние, чем принято думать. В действительности только они и правят миром...»¹ Сегодня правоту этих слов подтверждают новые факты.

Глобальный кризис обнаружил ущербность так называемого мейнстрима западной экономической мысли, который российские реформаторы приняли на вооружение. Он показал его очевидную неадекватность постсоветским условиям. Мы столкнулись с разрушительными последствиями как в производстве, так и в духовно-гуманитарной области. Регистрируемые социологическими опросами подавленность настроения значительной массы населения, отсутствие ощущения социальной справедливости, неопределенность в отношении грядущего, учащающиеся катастрофы и бедствия, террористические акты — все это выливается в психологический шок.

В общественном сознании произошел раскол. Возникли исключаящие друг друга полюса в восприятии реформ и проводимой политики, что осложняет оздоровление общества и экономики. Мешает и падение культуры и нравственности, не говоря уже об апатичности, отсутствии патриотизма, охватывающих часть общества, в том числе молодежь.

Пора понять, что человек, его культура, знания, умение, здоровье, нравственно-духовное состояние имеют ключевое значение для возрождения России. Поэтому важно сделать стратегическим приоритетом инвестиции не только и не столько в новую технику, сколько в человека, в наращивание *человеческого капитала*.

Не менее важны для достижения намечаемых целей сплоченность общества, уверенность людей в справедливости и жизнеспособности общественного строя, доверие к лидерам государства. Это то, что называют *социальным капиталом*, наращивание которого все более становится залогом успеха всех других начинаний.

Неотложность смены не оправдавшего надежд неолиберального курса

Возникает, разумеется, исконный вопрос: что делать, на что в первую очередь следует направить усилия, чтобы справиться с серьезными вызовами новой эпохи? Для нас это еще и преодоление негативных последствий неолиберальных рыночных реформ. Напомню истину, ставшую трюизмом: успешное развитие общества и экономики немислимо без авторитетного и эффективного государственного управления и грамотной государственной политики. Только во власти государства противодействовать стихии необузданного обогащения участников рынка, гарантировать справедливый доступ людей к общественным благам и тем самым способствовать консолидации и стабильности общества. И, кроме того, обеспечивать государственный суверенитет и безопасность.

К сожалению, государственный механизм управления и соблюдения порядка оказался у нас разлаженным, лишенным иммунной системы, очищающей его от пороков и страхующей от грубых ошибок. Необходи-

мость его оздоровления и укрепления квалифицированными и честными кадрами очевидна. Тем более что наш частный бизнес во многом себя скомпрометировал ненасытной жадностью, социальной безответственностью, аморальностью, пренебрежением к национальным интересам и правопорядку, а нередко и сращиванием с криминалом. Борьба с коррупцией, бюрократизмом, некомпетентностью и недобросовестностью чиновничества всех уровней становится одной из центральных функций государства.

Отношение к государству и его роли в экономике — одна из ключевых тем начавшегося переосмысления неолиберальных концепций развития и обдумывания новых моделей жизнеустройства. В одной из своих последних книг лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц констатирует фундаментальные изъяны в американской модели капитализма. Ему вторят и другие авторитетные ученые. О назревающей *революции в умах* свидетельствует и доклад ЮНКТАД², в котором говорится: «Рыночный фундаментализм, *laissez-faire*, последних 20 лет драматически провалил экзамен».

По мнению журнала «Экономист», «Мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван “государственный капитализм”»³. На его обложке даже помещен портрет В. И. Ленина, творца нэпа — политики, сочетающей частнособственнические рыночные отношения с командными высотами экономики под управлением государства. Впечатляющим примером государственного капитализма, по мнению журнала, служит китайская модель, которая в XXI веке может стать доминирующей для развивающихся стран. Китай, разумеется, не отказывается от социализма с китайской спецификой. *Нация строит, как заявляют ее лидеры, богатое, могучее, демократическое, цивилизованное и гармоничное социалистическое государство и видит в этом воплощение мечты о величии страны*.

Словом, вновь начали обсуждаться многими учеными, журналистами и политиками мира на время забытые концепции интеграции (конвергенции) оправдавших себя достижений различных общественных систем, сильных сторон либеральной и социал-демократической идеологий. В одной из своих последних публикаций «Идеологический кризис западного капитализма» Джозеф Стиглиц пишет: «Финансовый кризис должен был бы научить американцев (и других) необходимости большего равенства, более жесткого регулирования и лучшего равновесия между рынком и государством. К сожалению, этого не произошло. Со всем наоборот, возрождение экономики правого толка, управляемой идеологией и группами с особыми интересами, вновь угрожает мировой экономике, или, по крайней мере, Европе и Америке, где эти идеи продолжают торжествовать»⁴.

Европейские страны, в первую очередь скандинавские, давно практикуют модель государства благосостояния или социально ориентированной рыночной

¹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. М., 1993. Т. 2. С. 432.

² The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies. N. Y., 2009. P. III.

³ The Economist. 2010. Jan. 23–29. P. 22.

⁴ Stiglitz J. Ideological Crisis of Western Capitalism. URL: <http://www.project-sidicate.org/series/>

экономики. Они ведут поиск новых парадигм развития. Но традиционное неолиберальное мышление еще не утратило своего влияния, и в России значительная часть политической и бизнес-элиты привержена ему.

Между тем конституция определяет Россию как *социальное государство*. Но его суть не конкретизирована, поэтому общество лишено ориентиров развития, не получает ответа на важнейшие вопросы: «Какая форма демократии будет у нас реализована? К какой социально-экономической формации страна придет в результате проводимых реформ? И что это даст народу?» Отсутствие ясной перспективы, уверенности в будущем не может не сказываться на настроениях граждан и деловом климате в нашей стране. И если даже Джозеф Стиглиц поглощен раздумьями о «третьем пути между сегодняшним глобальным капитализмом и вчерашним скомпрометированным социализмом»¹, то и отечественным политическим деятелям не мешало бы озаботиться аналогичными размышлениями.

России предстоит выбрать такую модель и стратегию общественно-экономического развития, которая бы органически сочетала социальную и демократическую ориентацию деятельности государства с его командными позициями в управлении плановой и контроле рыночной экономики. Нельзя игнорировать тот факт, что здоровая экономика имеет важный и неотъемлемый гуманитарно-общественный компонент, что *безнравственная экономика бесперспективна*. Будущее за обществом, ориентированным на удовлетворение насущных нужд современного человека, социальную справедливость, на развитие культуры, образования, науки, улучшение здоровья нации и т. д. На эти направления государственной политики должен быть сделан упор. Результаты в стратегическом плане проявятся не скоро, через годы, но они будут иметь ключевое значение для восстановления мощи и величия страны.

Пока в предложениях по оздоровлению российской экономики и ускорению ее роста преобладают задачи технических нововведений, улучшения инвестиционного климата, повышения доли накоплений в ВВП, преодоления инфляции. Возлагаются надежды на управленческие перестановки. Все это имеет смысл, но, к сожалению, упускаются из виду стратегические задачи будущего социально-экономического жизнеустройства. Сегодня его возможная модель выглядит далекой мечтой, но она способна стать движущей силой развития. К ее воплощению надо идти шаг за шагом, уточняя цели и исправляя ошибки. Важно, чтобы каждый очередной шаг вперед улучшал жизнь людей и укреплял в них надежду.

Недооцененные животрепещущие проблемы

Остановилось лишь на некоторых назревших мерах, которым до последнего времени не уделялось должного внимания. Речь идет о сельском хозяйстве, точнее, агропромышленном комплексе страны (АПК), сложившейся системе трудовых вознаграждений и особенно — о растущем социальном и имущественном рас-

слоении населения, назревшей культурной революции, способной качественно улучшить духовно-нравственное состояние общества, включая систему образования и воспитания подрастающих поколений.

Сельское хозяйство традиционно воспринималось как малоперспективная и отнюдь не приоритетная отрасль в осуществлении модернизации страны. Между тем реформы, обусловившие беспрецедентный подъем китайской экономики, начались именно с аграрной сферы. И у нас в ней заключены огромные неиспользуемые резервы ускоренного и устойчивого развития и обеспечения безопасности страны. Ужесточение западных санкций в отношении России и принятие нами мер по противодействию им придало особую актуальность государственной поддержке развития российского АПК и замещения импорта продовольствия собственным производством. Это радует.

Россия, имеющая сегодня до 40 млн гектаров неиспользуемых пахотных земель и богатая водными ресурсами, способна не только прокормить себя, но и стать крупнейшим в мире экспортером сельскохозяйственной продукции. Это перспективно по ряду причин. Отдача от вложений в АПК происходит относительно быстрее, чем в промышленности. Революционные достижения в биологии и агротехнике, механизации способны приблизить доходность сельского хозяйства к уровню таковой от добычи нефти и газа. К тому же увеличение численности населения и уровня жизни во многих развивающихся странах ведет к неуклонному росту спроса на продовольствие, что на руку его экспортерам.

Реализация крупного экономического потенциала АПК требует, однако, существенной коррекции отношения к нему государства, прежде всего — устранения неэквивалентного обмена продовольствия на промышленные товары, необходимые селу. Это касается регулирования цен, условий налогообложения и кредитования, устранения ненужных посредников между производителями и непосредственными потребителями продовольственных товаров, создания сбытовых и перерабатывающих кооперативов на селе. Государственная финансовая и материальная поддержка сельского хозяйства должна включать строительство дорог, электрификацию, газификацию, доступ к телефонной связи, Интернету, основным телевизионным каналам, медицинской помощи и т. д. Не обойтись и без развертывания строительства для сельчан современного жилья, детских, образовательных и культурных учреждений. Но главное — подготовка кадров, нового класса образованных и владеющих современной агрокультурой и техникой граждан. Все это приведет к более равномерному расселению жителей страны по ее огромной территории.

Другое направление ключевой значимости — введение порядка в оплате труда работников различных профессий и сфер общества. К сожалению, несправедливость и экономическая необоснованность трудового вознаграждения наблюдается повсеместно в масштабах страны. Существует недооценка труда во многих профессиях, что сопровождается целым

¹ *Stiglitz J. Ideological Crisis of Western Capitalism. URL: http://www.project-sidicate.org/series/unconventional_conomic_wisdom*

рядом деструктивных последствий. Страдают дисциплина и отношение работников к своим обязанностям, падает производительность и качество труда, глушится творческая инициатива, возникает соблазн дополнительного нечестного «заработка», включая мздоимство, казнокрадство и др.

Внушительная разница в средней зарплате за одинаковые виды и квалификацию труда вызывается не качеством работы, а различиями в финансово-экономическом и социально-политическом положении, в которое поставлены (не без участия государства) отдельные сегменты общества и экономики. Такой сегментацией общества и экономики Россия выделяется среди ведущих стран мира. Например, в привилегированных экспортных отраслях топливно-сырьевого сектора, а также в банковском секторе средняя зарплата втрое выше, чем у учителей, врачей, работников культуры, честных и опытных рядовых управленцев, работников текстильной и легкой промышленности и т. д. Сверхщедрые гонорары и доходы имеют многие работники телевидения, шоу-бизнеса, адвокаты, администраторы, не говоря уже о топ-менеджерах крупных компаний.

Финансовая пропасть, отделяющая рядовых тружеников от государственных ставленников, возглавляющих «командные высоты» экономики, как, например, Роснефть или Газпром, беспрецедентна. Годовой доход президента Роснефти Игоря Сечина, по данным журнала «Форбс», — 50 млн долларов (16,5 млрд рублей, или 55 млн рублей в месяц), председателя правления Внешторгбанка Андрея Костина — 35 млн долларов.

Моральные последствия несправедливой оплаты труда вызывают особую тревогу, поскольку они раскалывают общество. Незаслуженно принижается роль и человеческое достоинство работников, ценных для общества, его культуры и экономики, — ученых, изобретателей, конструкторов, артистов и музыкантов. Престиж человека все чаще определяется не его трудовыми заслугами, талантом и нравственными качествами, а богатством: роскошным автомобилем, шикарной городской квартирой и загородным домом. Все это отравляет моральную атмосферу в обществе, обесценивает привычные нравственные ценности. Духовно-нравственный урон для нации не поддается подсчету, но он велик. От него страдают не только экономика, образование и здравоохранение, наука, искусство, культура в целом, но и безопасность — как внутренняя, так и внешняя. Ясно, что стоит задача приведения если не уровней (в бедных странах с невысокой производительностью труда они, естественно, ниже), то пропорций вознаграждений работников различных по важности и квалификации профессий в соответствие с мировой практикой и объективными законами воспроизводства трудовых ресурсов.

Влияние духовной культуры на экономическое развитие достаточно существенно, чтобы пренебрегать задачами ее приоритетного развития. К сожалению, в стратегическом планировании это редко учитывается. Понятие культуры охватывает многие стороны развития общества и близко по содержанию к понятию «цивилизация». В широком смысле «культура» обозначает

накопленный человечеством и каждым народом опыт создания материальных и духовных ценностей, а также сами сохраненные ценности и блага, облагораживающие и возвышающие человека, улучшающие качество его жизни.

Можно считать, что материальную культуру олицетворяют прежде всего экономика, национальное богатство страны, ее производительные силы. Степень развития экономики отражает уровень материальной культуры нации. Однако главное содержание культуры представляет ее духовная, гуманистическая составляющая. Достижения человеческого разума, завоевания наук, шедевры искусства, богатство языка и литературы, нравственные и религиозные идеалы, определяющие поведение и взаимоотношения людей, — вот что в общественном сознании обычно связано с понятием «культура» и оценкой ее уровня. Интеллектуальная, духовная культура нации сегодня, как никогда раньше, становится фактором социально-экономического прогресса. Современное общество и экономика основываются на знаниях, на высших достижениях культуры. Уровень культуры, элитарной и бытовой — важнейший индикатор степени развитости и авторитета в мире различных цивилизаций.

О культуре народа справедливо судят по ее выдающимся представителям: писателям, поэтам, художникам, артистам, ученым, философам-просветителям, проповедникам, публицистам, изобретателям и т. п. Они формируют духовный климат общества, обогащают культуру своим творчеством, определяют ее высшие достижения и нравственные устои. Неслучайно Максим Горький называл писателей инженерами человеческих душ. Но в наши дни души оказались во власти телевидения и кинематографа, их подчиняют себе средства массовой информации.

Элита несет культуру в массы. Правда, здесь нужно оговориться. Часть общества, которую обычно относят к интеллектуальной элите, включая ее наиболее влиятельный сегмент — политический класс, достаточно разнородна. Бескультурье, невежество, пошлость, безнравственность, беспринципность также имеют представителей в элите и властных структурах. Они, используя свое влияние, могут растлевать человеческие души, насаждать ложные знания и идеалы, прививать дурные вкусы и нормы поведения. В культуре, как и в обществе, наблюдается столкновение добра и зла, возвышенного и низменного, новаторства и ретроградства. Через борьбу противоречий в конечном счете совершается поступательное развитие, но, возможно, при этом случается временное движение вспять. Смена социального строя на основе радикально-либеральных реформ ввергла российское общество в глубокий кризис, сопровождающийся деградацией массовой и элитарной культуры.

Падение уровня культуры — серьезный тормоз в экономическом развитии. К сожалению, это обычно недооценивается. Укажу лишь на некоторые линии взаимовлияния двух упомянутых сфер общественной жизни. Анализ требует отдельного рассмотрения роли элитарной и массовой культуры. И та, и другая, разумеется, взаимосвязаны, но по-разному воздействуют

на экономику. Повышение ее эффективности и конкурентоспособности в большей мере зависит от состояния массовой культуры, нежели элитарной. По крайней мере, это относится к текущему моменту. В стратегическом плане определяющая роль принадлежит элитарной культуре.

Примеры низкого культурного уровня российского населения встречаются на каждом шагу. Отсутствие противодействия бескультурью ведет к его усилению. Несоблюдение законов и элементарных норм поведения в коллективе и обществе, своекорыстие и эгоизм, попирающие интересы окружающих, необязательность, разгильдяйство, индивидуализм, пренебрежение к малейшим проявлениям человеческой солидарности и взаимовыручки — все это отравляет социальный климат в стране, отрицательно влияет на трудовую и экономическую деятельность. Еще более деструктивные последствия имеет массовое распространение коррупции, казнокрадства, воровства и мошенничества, которые превращаются в смертельную болезнь экономики. Она страдает также от пьянства и наркомании, самодурства чиновников. Небезобидны и такие проявления бескультурья, как нечистоплотность, нарушение правил гигиены, загрязнение окружающей среды, варварское отношение к природе. В результате экономика несет значительные потери, ухудшаются качество жизни и здоровье населения. Страна вынуждена содержать огромную армию блюстителей порядка и частных охранников, раздувать контролирующие бюрократические структуры. На уборку мусора в местах общественного пользования приходится затрачивать немалые усилия и средства.

Нежелание соблюдать дорожные правила, стремление обойти других в автомобильном заторе, обрести преимущество за счет законопослушных водителей — типичная картина в современной России. Результатом становятся тысячи аварий, многочисленные жертвы. Люди теряют время, не говоря уже об утрате имущества и здоровья. Наша страна — рекордсмен по числу смертей на дорогах в расчете на тысячу автомашин. Экономика терпит гигантские убытки от катастроф, пожаров и других бедствий, причина которых заключается в человеческом факторе, низкой профессиональной культуре, недисциплинированности, халатном отношении к своим обязанностям.

Высокий уровень преступности, коррупции, казнокрадства является, несомненно, продуктом многих неблагоприятных обстоятельств, прежде всего обнищания значительных масс населения, а также слабости государства и его правоохранительных институтов. Но нельзя не видеть и того, что в ходе поспешных и непродуманных реформ были подорваны духовные устои общества, обесценились его культура и ее носители. Более того, телевидение и печать потакают самым низменным вкусам и интересам. Насилие, бандитизм, секс стали распространенными темами книг и телепрограмм. Средства массовой информации пропагандируют роскошную жизнь и западные стандарты потребления, недоступные большинству российского народа. Простой человек, едва сводящий концы с концами и обремененный многочисленными житейскими

проблемами, чувствует себя униженным. Общество обрекало и продолжают обрекать на духовную опустошенность. Это сказывается на производительности труда. Добросовестность и самоотверженный труд оказываются невостребованными и вознагражденными морально и материально. Более того, они нередко наказываются теми, кому халтура и обман обеспечивают дармовой заработок.

К перечню изъянов необходимо добавить отсутствие должной политической культуры, гражданской ответственности за положение дел в стране. Те, кто с воодушевлением воспринял перемены и возлагал большие надежды на реформы, испытали разочарование, разуверились в реформаторах. Никто из них не извинился за свои чудовищные просчеты и ошибки, тем более не понес наказание. Вместо этого они, как правило, вновь на вершине карьерной лестницы, мелькают на телевизионных экранах.

Обнищание, заботы о выживании не оставляли многим людям сил и времени для общественной активности, размышлений о политике. Средства массовой информации отвлекали их внимание от неурядиц в жизни показом по телевизору остросюжетных сериалов, низкопробным эстрадным юмором, музыкальными шоу, спортивными программами. Их сознанием манипулировали, предлагая ту информацию, которая устраивала власти. В таких условиях формирование гражданского общества и эффективной демократии становилось труднодостижимым. Дефицит политической культуры превратился в препятствие на пути раскрытия творческого потенциала нации и совершенствования общественного устройства, осложнил возрождение экономики.

В противодействии падению уровня массовой культуры важнейшая роль принадлежит творческой интеллигенции, публичным политикам, общественным и религиозным деятелям, лидерам бизнеса. Они должны показывать пример владения знаниями, культурой, интеллигентного и ответственного поведения, бережного отношения к национальному культурному наследию, нравственным ценностям. Их роль в выявлении ошибок и просчетов в политике и исправлении ее курса, в сохранении национальной культуры могла бы быть весьма существенной. К сожалению, российская элита, прежде всего политическая, оказалась не на высоте положения. Уровень ее опыта и знаний явно не соответствовал масштабам предпринятых преобразований, а моральные устои уступили жажде власти и быстрого обогащения. Тем самым были заданы порочные ориентиры поведения для значительной массы населения. Духовные ценности были быстро забыты в угоду меркантильным интересам. Рынок нуждался в массовом непритязательном спросе, обещающем быстрые и высокие доходы.

Дорогостоящая элитарная культура оказалась невостребованной, поскольку имела узкий круг потребителей, а ее достижения не обещали скорых денег. Поэтому отнюдь не случайно в литературе, кино, на телевидении перестал быть героем честный и добросовестный труженик, к тому же обедневший в одночасье. Его место заняли «рыцари удачи» — нувориши, мафиози, бан-

диты и мошенники разных мастей, окруженные своими прихлебателями. Учителя, врачи, ученые и многие другие представители интеллигенции и бывшего среднего класса превратились в «новых бедных». На авансцену общественного внимания вышли новые русские с их дорогими автомобилями, роскошными квартирами, загородными виллами и другими атрибутами высокого социального статуса. Выдающиеся деятели искусства и науки часто находили признание и достойное вознаграждение не на родине, а за рубежом.

Коммерциализация общественных отношений сказалась на российской творческой интеллигенции, литературе, кино, музыкальном, театральном и изобразительном искусстве. Многие служители культуры пожертвовали высокими идеалами доброго и вечного в угоду невзыскательной публике. От школ требовали сокращения часов, отводимых на изучение русской классической литературы и языка, нашей истории. Лучшие образцы духовного творчества нации оказывались все менее востребованными и утрачивали воспитательную роль.

Рыночные свободы отрицают нерыночные закономерности развития культуры. Примеров антагонизма рынка и нравственности, рынка и культуры более чем достаточно. Противопоставить им можно немногие положительные примеры. Поэтому все громче слышатся призывы сдерживать рыночный эгоизм, безудержную погоню за наживой, требовать от предпринимателей и чиновничества социальной ответственности. Другими словами, общество ждет от них заботы не только о своем, но и об общественном благе.

Экономика страдает от негативных перемен в сознании и поведении людей. Грубость, озлобленность, с которыми люди сталкиваются дома и вне дома, способны надолго испортить настроение. Они отравляют социальный климат, отражаются на качестве и производительности труда. Пока нравственные нормы и принципы не станут частью общей культуры, надо принуждать к законопослушанию, к соблюдению правил общежития, используя авторитет власти, печати, телевидения.

В воспитании культуры и нравственности велика роль системы образования. Но, кажется, это не заботит авторов реформ в данной сфере. Вежливости, бытовой гигиены, правилам поведения в общественных местах и многому другому детей по-настоящему в школах не учат. Далеко не всякая семья может восполнить этот недостаток.

Подъем культуры во всех ее смыслах не может не находиться в числе приоритетных задач государства. Это важнейшая предпосылка модернизации экономики, гармоничного развития и процветания всего общества. Поэтому на развитие культуры нельзя жалеть бюджетных денег. Здесь не приходится ожидать быстрых и ощутимых улучшений, но в стратегическом плане страна, безусловно, выигрывает. Одними пропагандистскими кампаниями в прессе и на телевидении дело не исправить. Требуется длительная и настойчивая культурно-воспитательная и просветительная работа, причем особое внимание следует уделять подрастающему поколению. Селекция высоконравственных и авторитетных воспитателей не стала пока заботой вла-

стей. Поборникам технических инноваций как фактора обновления страны не следует забывать, что инвестиции в наращивание культурного потенциала нации способны принести не меньшую, а даже большую отдачу в деле модернизации страны.

Гуманизированная экономическая теория и идеология

Продолжающиеся в наши дни тектонические сдвиги во всех областях жизни стран и народов, как и в системе их взаимоотношений, бросают вызов теоретической мысли и опрокидывают многие устоявшиеся представления. В сущности, рождается новый подход к экономической теории и пониманию самой экономики как органической части всего общественного устройства. Многие сегодня убеждены, что человек, его культура, знания, умения, здоровье, душевное состояние имеют ключевое значение для прогресса человечества. Все, что связано с облагораживанием человека, раскрытием его творческих качеств, созданием необходимых для этого условий, входит в понятие гуманизма в его современном восприятии. Гуманизм — антипод бесчеловечности. Антигуманны жестокость и угнетение людей, лишение их прав и свобод, беспардонная эксплуатация их труда, делающая одних предельно богатыми, а других — нищими, попрание человеческого достоинства, насилие, а не диалог в решении конфликтов. Но это не только попрание культурных и моральных ценностей, выработанных за века человечеством. Антигуманные проявления в политике и государственном устройстве становятся тормозом технического и экономического развития.

Соблюдение гуманитарных ценностей сказывается на увеличении национального дохода и темпов роста производства, хотя это не всегда можно выразить в цифрах. Но в умах ученых и политиков зреет понимание того, что процветание государств, их международный авторитет ныне все больше определяются духовно-нравственным состоянием общества, достижениями на поприще культуры, науки, образования. Социальная справедливость и общественное согласие, равноправие, уважение человеческого достоинства, солидарность — все это оказывает прямое воздействие на экономику. Убежденность в правоте идеалов и достижение социальной справедливости способны стать важнейшей движущей силой экономики.

Гуманитарная составляющая в обеспечении устойчивого подъема экономики, использование существенных резервов, заключенных в этой сфере, положили начало новому направлению в науке — изучению в органической взаимосвязи экономики с неэкономическими факторами, влияющими, а иногда и определяющими экономические результаты. К ним относятся господствующая идеология, политика и стратегические установки, государственное устройство, духовно-нравственный климат в обществе, состояние науки, образования, здравоохранения, качество политической и деловой элиты. Еще не обретшая устоявшегося названия «гуманизированная экономика» уже представлена в России и на Западе серьезными публикациями, которые способны помочь нахождению лучших моделей жизнеустройства.

Н. В. Буров¹**НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА**

В сегодняшнем непростом времени смысл и миссию государственной культурной политики можно свести к двум приоритетам: разработка мировоззренческих основ национальной идеологии, без которой нация лишается созидательной энергии и функционирует лишь как биологическая единица (как «овощ» в медицинской терминологии); анализ духовных угроз и разработка на государственном уровне условий, блокирующих деструктивные энергии и в итоге обеспечивающих духовную безопасность нации.

Спектр духовных угроз сегодня весьма значителен: усиливается экспансия либеральных ценностей, которые в контексте «русского культурного мира» играют деструктивную роль и выполняют репрессивные по отношению к духовным традициям функции; в общественное сознание активно внедряются жизненные стратегии, основу которых составляет гедонизм и культ удовлетворения человеческих похотей, индивидуализм и аморальность, необузданное потребительство. Эти ценности подаются как высший жизненный идеал, смысл человеческого бытия (а значительной частью сегодняшней молодежи они уже приняты, стали руководством к действию). Идет атака на духовный фундамент христианской цивилизации со стороны нетрадиционных религий (а русская культура, как никакая другая, выстрадала право быть носителем подлинных христианских ценностей). Ядро национальной духовной культуры разрушается в результате некритичного заимствования и насильственного внедрения американизированных экономических и политических моделей, которые зарождались на принципиально иной ценностно-нормативной почве западноевропейской культуры. К сожалению, в последние годы такое заимствование характерно и для сферы образования, которое выступает основным институтом сохранения культуры народа, — оно подвергается насильственному «оболониванию», вопреки здравому смыслу и мнению педагогической общественности.

Процесс разрушения духовно-нравственных основ «русского мира» существенно усилился с развитием средств коммуникации и приходом новых эффективных технологий обработки массового сознания, которые активно используются в деле разрушения традиционных моральных норм, размывания представлений о норме и патологии, о добре и зле. Существенную роль в разрушении духовного кода культуры играют СМИ — в хаотичных на первый взгляд информационных потоках обнаруживается некая целеустремленность, воля, организующая и подчиняющая эти потоки единой цели: разрушению моральных основ христианской по своей сути русской культуры и формированию «человека языческого». Начиная с середины прошлого века, запущен беспощадный маховик индустрии зрелищ, основанный на деструктивных (и репрессивных по отноше-

нию к классической духовности), но глубоко встроенных в человеческую природу инстинктов: сексе и насилии. Этот невиданный маховик постепенно убивает саму суть культуры — ее духовность, а в человеке — его душу как основу человечности. Сегодня это волна захлестнула общество, в котором всемерно и безнаказанно правят СМИ и шоу-бизнес.

К сожалению, цивилизационные процессы и интенсивные международные коммуникации, являясь, с одной стороны, фактором прогресса, одновременно угрожают целостности культур различных народов мира. В последнее десятилетие эти негативные тенденции усиливаются экспансией антигуманных ценностей массовой коммерческой культуры, ведущих к деградации личности, угрожающих как сохранению самобытности национальных культур, так и культурному развитию человечества в целом. Мы можем стать свидетелями утраты культурой своей сущностной функции — быть гуманистическим ориентиром и критерием развития цивилизации и человека. Вся история России связана со стремлением достойно ответить на вызовы времени; реализовать объективные возможности рационального использования природной среды; успешно решать возникающие экономические и геополитические проблемы; обеспечивать достаточно высокое качество жизни людей, и решающую роль в этом играет культура, как всепроникающая созидательная сила, способная внести конструктивные начала в претворение в жизнь любых социально значимых задач.

В сложившейся ситуации стратегической задачей культурной политики является обеспечение духовной безопасности нации, и прежде всего путем сохранения традиционных матриц национальной культуры. Проблема сохранения культурной самобытности первична в системе государственных приоритетов — от ее решения зависит успешность решения всех других проблем, душевное здоровье нации, без которого у страны и народа нет шансов на будущее, без которого любые программы экономической модернизации останутся пустым славословием (или циничным способом разворывания государственного бюджета, что сейчас и происходит).

На всех этапах становления и развития цивилизации культура неизменно играла огромную созидательную роль. Это подтверждает история Киевской Руси, где посредством Крещения в 988 году князь Владимир привнес в страну не только христианство, но и европейскую культуру, оказавшую самое конструктивное влияние на духовную жизнь населения. Об этом свидетельствуют Петровские реформы, в рамках которых достижения культуры Западной Европы послужили примером модернизации России. Культура европейского Просвещения вооружила Екатерину II идеями использования обучения и воспитания как ведущего средства совершенствования государства и общества; коренного улучшения уровня организации экономики, системы управления и духовной жизни. Опора на культуру придала конструктивные начала либеральным преобразованиям Александра II, приведшим к тому, что вторая половина XIX столетия стала вершиной развития духовного мира российского общества. Культура обеспечила возможность Советскому Союзу совершить исторический рывок в повышении уровня образования, развитии науки и промышленного производства, в вовлечении десятков миллионов людей в эстетический всеобщий и социально-культурное творчество. Включаясь в дальнейшее развитие государства и общества, нельзя не учитывать опыт модерниза-

¹ Директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор СПбГУП. Народный артист России, заслуженный деятель культуры Республики Польша. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Музей и личность», «Педагогическая культурология музейной деятельности», «Архитедология». Председатель Общественной палаты Санкт-Петербурга. Председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза театральных деятелей России (2001–2005). Председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга (2005–2008). Снялся в фильмах: «Военная разведка. Первый удар», «Агент особого назначения», «Винтовая лестница», «Роман императора», «Жизнь и смерть Леньки Пантелеева», «Мастер и Маргарита», «Образ врага», «Свой–чужой» и др. Президент Международного фестиваля христианского кино «Невский благовест». Награжден орденом Почета, орденом Святого равноапостольного великого князя Владимира III степени Русской православной церкви, офицерским крестом ордена Заслуг перед Республикой Польша.

ции начала XVIII века или в годы советской власти. Однако, осознавая историческую значимость гигантского прорыва, который обеспечили эти титанические по новизне и объему акции, современная Россия не может и не должна оплачивать этот прогресс разорением и уничтожением миллионов соотечественников, как это было в петровское или сталинское время. Пример постиндустриального развития западных цивилизаций убедительно показал, что креативно-информационное общество и без применения варварских средств способно обеспечить такой уровень технологического развития, который делает возможным всеобщий доступ к элементарным материальным благам, к системам образования, медицинского обслуживания, информационного обмена. Используя конструктивный опыт стран с высокоэффективной экономикой, Россия способна стать государством, благополучие которого будет обеспечиваться не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами.

Исключительную роль культура приобретает в креативно-информационную эпоху, утверждая себя в качестве базового фактора модернизации всех сфер жизнедеятельности — от экономики и политики до науки, образования и иных областей духовной жизни. Культура доказала, что является генератором успешного развития общества, ее ведущей созидательной силой, основой которого выступают научные знания и реальные возможности эффективно использовать объективный потенциал информационной техники и информационных технологий; обеспечить подлинное торжество демократии; создать условия достижения нового, принципиально более высокого качества жизни. Креативно-информационная эпоха обеспечивает широчайшие возможности удовлетворения материальных и духовных потребностей людей. Однако цивилизационный процесс приобретает гуманистическую направленность лишь в условиях опоры на культуру. Богатая история, высокий уровень образования и уникальные достижения в литературе и искусстве определяют объективно сложившиеся возможности успешного развития общества. Однако этого явно мало, ибо необходимы и практические технологии реализации имеющихся создающих ресурсов, реальное использование уникального потенциала отечественной культуры. Нельзя не учитывать, что в России проживает более 160 народов и народностей со своим менталитетом, традициями, проблемами. Объединить их и направить на активное созидание может только великая идея социального развития, совместная созидательная деятельность во всех областях экономической, политической и духовной жизни, высочайшая культура межнациональных отношений. А. И. Солженицын очень точно заметил, что «цивилизация питает тело, а культура — душу, и только в их единстве реален подлинный прогресс». Недетерминированная культурой цивилизация несет в себе истощение природной среды, нарушение экологического баланса, угрозу ядерных катастроф и иные катаклизмы. И это еще раз подтверждает, что именно культура должна стать ведущим стержнем модернизации в России.

Противоречия цивилизации начала XXI века проявляются в том, что, успешно решая одни проблемы, она негативно сказывается на других. Человечество достигло потрясающих возможностей информатизации и коммуникации, но, не задействовав при этом создающий потенциал культуры, оно пока не обрело способности достаточно эффективно использовать их в гуманистических целях. Глобализация многократно расширила параметры технической кооперации и торгового обмена, но завалила мир далеко не лучшими образцами квазиискусства, нанесла ущерб фольклору, прикладному творчеству, другим компонентам традиционной культуры. Появление телевидения и бурный рост информационно-

го влияния Интернета позволили каждому стать свидетелем того, что происходит на планете. Однако век телевидения, Интернета и мобильной связи увел огромную массу людей от книги, от возможностей, читая или обмениваясь письмами, глубоко осмысливать прочитанное и написанное. Преодолению сложившихся противоречий и обеспечению конструктивного развития цивилизации может помочь использование заложенного в национальной культуре генетического кода, который способен придать ей гуманистическую направленность, передать систему фундаментальных ценностей, народных традиций, нравственных норм, эстетических принципов, конструктивно осмыслить исторический опыт.

Современную культуру справедливо рассматривают как фактор модернизации страны, ибо информационная, технологическая, духовная культура любого россиянина должна соответствовать требованиям утвердившейся ныне креативно-информационной эпохи. Однако это далеко не единственная и даже не главная функция культуры. Проникая во все сферы жизни, утверждая смыслы и скрепы общественного бытия, сохраняя историческое наследие и историческую память, формируя гуманистические традиции, стимулируя развитие креативных качеств личности, она в первую очередь утверждает высоконравственную, социально активную и духовно богатую личность. И это дает все основания утверждать, что культура не услуга, не надстройка материального базиса, как утверждали марксисты, а основа, фундамент цивилизации, на который опирается созидание и социальный прогресс. Как совокупность гуманистических требований, которые индивид свободно и осмысленно определил для себя, культура носит всепроникающий характер. Она начинается у ребенка с формирования санитарно-гигиенических навыков, элементарного овладения речью и способами общения, сопровождая человека до последних дней жизни, проявляясь в культуре познания, культуре труда, культуре общественных отношений, культуре быта и досуга; нравственной, правовой, политической, экономической, экологической, эстетической, физической культуре; в способности везде и во всем строить свою жизнь по законам Чести, Добра и Красоты.

Главная характеристика культуры проявляется в ее вечности, в непреложном участии в функционировании цивилизации на всех этапах ее зарождения, становления и развития. Устаревает техника, исчерпывают себя научные открытия и высокоэффективные технологии; в недалеком будущем на смену Интернету и мобильному телефону придут новые достижения креативно-информационной эпохи. Время не может лишь поколебать ценности, которые интегрируют в себе все вечное и непреходящее, что может быть присуще человечеству. «Гамлет», «Фауст», «Мертвые души», «Идиот», «Анна Каренина», «Чайка», «Мастер и Маргарита» никогда не устареют, равно как Венера Милосская, «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, «Даная» Рембрандта, «Лунная соната» Л. Бетховена, «Реквием» В. А. Моцарта, V симфония П. И. Чайковского; философия Платона и Аристотеля; египетские пирамиды, Тадж-Махал и такие энциклопедии человеческого гения, как Талмуд, Библия или Коран, будут жить столько, сколько суждено существовать цивилизации. Гений русского Средневековья Андрей Рублев создал свою «Троицу» в XIV веке, но и сегодня не иссякает поток посетителей Третьяковской галереи, которые не могут оторваться от этого потрясающего своей духовной силой творения. Так же как время не может остановить очередь в Лувр, где ежегодно 8,5 млн людей со всех концов света стремятся насладиться потрясающей улыбкой Джоконды на картине «Мона Лиза» Леонардо да Винчи — созданного в XV веке эталона мирового изобразительного искусства.

Опыт многих стран, вставших на путь демократических преобразований, свидетельствует о том, что любые рефор-

мы, осуществляемые без учета самобытности национальной культуры, идут с большим трудом и в итоге терпят крах. Поэтому очень важно зафиксировать, что культура должна стать базовой предпосылкой и главным критерием выработки моделей общественных преобразований. Принятые Правительством РФ «Основы государственной культурной политики» ориентируют на то, чтобы в долгосрочные государственные интересы входила разработка инновационных подходов к развитию культуры и культуроохранительной сферы, к обеспечению постоянного воспроизводства культурно-интеллектуального потенциала общества, к усилению просветительной и образовательной функции культуры, к осуществлению стратегического рывка, опирающегося на культурно-гуманитарные императивы и триаду «культура, образование, наука», к достижению роста экономики путем инвестирования в человеческий капитал. Только совокупность условий сохранения и развития национальной культуры и консолидированное участие социальных сил в культурном строительстве смогут обеспечить духовную безопасность общества.

Сегодня страна переживает время горького похмелья после «капиталистической вакханалии», время выработки новых духовных парадигм человеческого бытия. В философских и культурологических кругах высказывается точ-

ка зрения, согласно которой мир доживает последние относительно спокойные времена перед глобальным кризисом, аналогов которому еще не было и который сметет не только капитализм, но и построенную на его идеологической платформе цивилизацию. В новом социуме, который, надо полагать, будет существенно отличаться от сегодняшнего, обязательно будут востребованы ценности солидарности, справедливости, нестяжательства, духовности, совести, милосердия — ценности, которые исповедовала на протяжении многих веков русская культура. В такой непростой ситуации в задачу культурной политики входит: поиск духовных оснований осуществляемых реформ и инициированных властью проектов; корректировка ценностной платформы экономических моделей и форм политического устройства; адаптация к специфике отечественной духовности сложившихся в западной культуре образовательных практик и концепций; разработка мировоззренческих основ национальной идеологии, которая помогла бы народу обрести смысл и осознать свою культурную миссию, выйти за пределы животного существования (а для многих — физического выживания), вернуть нации безжалостно украденный либеральными реформаторами смысл жизни, вдохнуть в нее веру и созидательную энергию.

**Ш. Вебер¹,
А. В. Давыдов²,
Т. Осанг³,
М. Фуджита⁴**

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ РЫНКОВ ТРУДА И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ⁵

При обсуждении деятельности отраслей промышленности, требующих применения высококвалифици-

¹ Научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, профессор экономики Южного методистского университета (Даллас, США), доктор философии. Автор более 100 научных публикаций по экономике и политологии, экономической теории, экономике общественного сектора, политической экономике, в т. ч. соавтор монографии «Economics of Linguistic Diversity». Руководил кафедрой экономики и Центром экономических исследований им. Джонсона в Южном методистском университете (1994–2004), являлся академическим директором-организатором Международной экономической школы (Тбилиси, Грузия, 2007–2008).

² Ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, заведующий кафедрой математических методов в экономике Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук.

³ Профессор экономического факультета Южного методистского университета (Даллас, США), доктор философии. Специалист по экономическому росту, международной торговле, экономическому развитию и неравенству.

⁴ Президент и научный руководитель Исследовательского института экономики, торговли и промышленности (Токио, Япония), профессор Конановского университета (Кобэ, Япония), адъюнкт-профессор Института экономических исследований Университета Киото, доктор философии. Соавтор монографий «Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location, and Regional Growth», «The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade». Член многих международных профессиональных ассоциаций.

⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, грант Правительства РФ, договор № 14.U04.31.0002.

рованного труда, нетрудно заметить, что различные производственные технологии, используемые в разных странах, налагают соответственно и различные требования к умениям и навыкам работников, а также к их возможностям взаимной коммуникации. Например, Япония широко известна своими достижениями в автомобильной промышленности и производстве высокотехнологичных потребительских изделий, включая бытовую технику и электронику, которые требуют высоких стандартов точности исполнения и совершенного контроля качества выпускаемой продукции. Данные отрасли характеризуются большим числом производственных этапов, где технологический прогресс обычно достигается путем применения большого числа малых, но важных усовершенствований, называемых «кайцен» (см., например, [3]). Для данных типов производства требуются не только хорошо обученные и способные работники, но и достаточно активное и плодотворное взаимодействие между ними. В результате под воздействием перечисленных условий обычно формируются трудовые ресурсы, однородные по уровню образования, с общими языковыми и культурными корнями.

С другой стороны, специализация в производстве «знаний» (в частности, программного обеспечения) может возникать в процессе подбора талантливых и трудолюбивых индивидов со всего света, с абсолютным разным языковым и культурным прошлым, как это

происходило, например, в Кремниевой долине США. Данный успех конца 1990-х годов обычно объясняют разнообразием опыта ученых, инженеров и предпринимателей, которые прибывали туда из многих стран, включая Индию, Китай, Россию, Израиль. Как указывает Анна Ли Саксениан, в более 30 % всех предприятий, открытых в Кремниевой долине, соучредителями были выходцы из Азии [7]. Таким образом, этнолингвистическое и культурное разнообразие не только не помешало, но и, напротив, усилило ощущение общности целей работников. В некоторых трудах описано, как работники Кремниевой долины радовались возможности частого и интенсивного обмена информацией посредством множества формальных и неформальных контактов [6]. Такой обмен еще более провоцировался частой сменой рабочих мест отдельными работниками (средняя длительность контракта работника в одной фирме равна примерно двум годам), а также спецификой данной индустрии, которую обычно характеризуют выражением «предприятие — всего лишь механизм, позволяющий работнику трудиться».

Природа производства знаний определяет важность взаимодействия между работниками, обладающими различными дополняющими знаниями, навыками и умениями, и это сильно отличается от квалифицированного поддержания многоэтапных технологических процессов [4, 5]. Вообще можно выделить два источника дополняемости трудовых ресурсов: внутреннюю неоднородность, которая характеризует разнообразие талантов в пределах соответствующей группы работников, занятых в данной отрасли промышленности, и внешнюю неоднородность, которая выделяет различия между существующей группой работников и вновь нанимаемыми в данной отрасли. Первый тип неоднородности достаточно подробно рассмотрен в рамках анализа взаимодействия двух стран [2]. В составленной модели в каждой из стран трудовые ресурсы неоднородны и могут быть наняты внутри страны для выполнения различных (комплементарных) задач. При этом оценивается влияние подобной внутренней неоднородности на уровень торговли между странами.

В нашем случае рассматривается противоположная ситуация: в рамках выделенной отрасли промышленности предполагается наличие комплементарных навыков местного населения каждой из двух рассматриваемых стран и приезжих работников-мигрантов. При этом каждая из трех групп работников (местное население страны *A*, местное население страны *B*, мигранты *I*) является внутренне однородной по составу. Пользуясь специальной терминологией, мы рассматриваем неоднородность по отношению к трем кластерам индивидов и предполагаем абсолютную однородность внутри каждого кластера [1].

Неоднородность между странами *A* и *B* представлена тремя основными параметрами: степенью дополняемости трудовых ресурсов между коренным населением и мигрантами (для каждой из стран), численностью населения каждой из стран, а также степенью культурных различий между местным населением и мигрантами (для каждой из стран). Культурные раз-

личия здесь понимаются в широком контексте и включают все проявления разнообразия, связанные с языковыми барьерами, предубеждениями местного населения по отношению к мигрантам, различия в привычках и обычаях, связанных с культурой и религией и т. п. Отношение местного населения разных стран к мигрантам может быть объяснено взаимосвязанным набором широкого числа факторов, включая исторические, культурные, этнические, религиозные, географические и экономические причины, объединенные в нашем случае в единый интегральный параметр «культурных различий».

Для нахождения эмпирических зависимостей в рамках описанного выше представления о неоднородности трудовых ресурсов на первом этапе мы предполагаем, что две рассматриваемые страны независимо друг от друга назначают размеры трудовых миграционных квот. При этом выбор каждой страны оказывает косвенное влияние на чистый выигрыш другой страны посредством рыночного механизма формирования ставок заработной платы для мигрантов. На основании анализа поведения стран в выборе миграционных квот мы формулируем гипотезы, согласно которым страна с более высоким уровнем комплементарности трудовых ресурсов и меньшим уровнем культурных различий назначает относительно более высокие миграционные квоты. Таким образом, несмотря на то что большая по территории страна может в целом привлекать большее число мигрантов в номинальном выражении, ее относительная миграционная квота может оказаться меньше, чем в малой стране.

Наряду со статическим (cross-section) оцениванием мы также используем панельное представление данных, позволяющее включить в рассмотрение фиктивные переменные для отдельных стран. Полученные эмпирические результаты подтверждают гипотезу о существенном влиянии культурных различий на сокращение миграционных квот, при этом предположение об относительно меньшей доле мигрантов для больших по территории стран находит лишь косвенное подтверждение в полученных эконометрических оценках.

Для тестирования выдвинутых предположений мы предлагаем рассмотреть эконометрическую модель, включающую все обсуждаемые выше факторы:

$$x_{it} = \mu_i + \gamma_1 C_{it} + \gamma_2 D_{it} + \gamma_3 E_{it} + \delta' X_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где x_{it} — отношение числа мигрантов к числу работников в i -й стране в период t ; C_{it} — мера, отражающая степень комплементарности трудовых ресурсов между мигрантами и местными работниками i -й страны в период t ; D_{it} — мера культурных различий между мигрантами и местными работниками i -й страны в период t ; E_{it} — размер населения i -й страны в период t ; X_{it} — вектор дополнительных параметров, потенциально влияющих на уровень миграции в i -ю страну в период t . Слагаемое μ_i содержит все ненаблюдаемые характеристики неоднородности между странами, устойчивые во времени, а компоненты ε_{it} , отвечающие идиосинкратическим случайным шокам, предполагаются неза-

висимыми, одинаково (нормально) распределенными случайными величинами.

Согласно выдвинутым гипотезам мы ожидаем, что оцениваемые параметры γ_1 , γ_2 , γ_3 будут иметь следующие знаки: $\gamma_1 > 0$, $\gamma_2 < 0$, $\gamma_3 < 0$. Основным методом оценки является использование стандартной модели фиксированных эффектов для имеющихся панельных данных. Мы также приводим две другие спецификации — оценку случайных эффектов и обычную пространственную (cross-section) регрессию, в которой все зависящие от временной координаты переменные были заменены на средние по t значения.

При эконометрической оценке уравнения (1) используются данные из большого числа различных источников. Предложены и проанализированы семь спецификаций модели, включающих различные переменные, отражающие комплементарность трудовых ресурсов. Исходя из полученных значений параметров регрессии, гипотеза о меньшей относительной доле миграции в странах с большей численностью населения не нашла подтверждения. Напротив, на 10-процентном уровне значимости большие страны склонны формировать большие миграционные квоты. Меры культурной и лингвистической близости имеют предполагаемое в гипотезах положительное влияние на уровень миграции. При этом во всех спецификациях мера культурной близости оказывается незначимой, а лингвистическая близость демонстрирует 10-процентную значимость в пяти из семи рассмотренных спецификаций. Используемые меры комплементарности трудовых ресурсов в целом дают ожидаемый знак. Контрольные переменные, отражающие качество ин-

ститутов, также имеют ожидаемый знак во всех спецификациях модели.

Проведенные тесты на робастность полученных результатов (одновременное включение нескольких переменных, отражающих комплементарность трудовых ресурсов, а также cross-section-модель для усредненных по времени данных) подтверждают исходные результаты в отношении выдвинутых гипотез. Параметры $\gamma_1 > 0$, $\gamma_2 < 0$ в целом имеют верный знак, в то время как предположение $\gamma_3 < 0$ не нашло своего эмпирического подтверждения.

Литература

1. *Esteban J.* On the Measurement of Polarization / J. Esteban, D. Ray // *Econometrica*. — 1994. — Vol. 62. — P. 819–851.
2. *Grossman G.* Diversity and growth / G. Grossman, G. Maggi // *American Economic Review*. — 2000. — Vol. 90, № 5. — P. 1255–1275.
3. *Imai M.* Kaizen: the Key to Japan's Competitive Success / M. Imai. — N. Y. : McGraw-Hill, 1986.
4. *Kremer M.* O-Ring Theory of Economic Development / M. Kremer // *Quarterly Journal of Economics*. — 1993. — Vol. 108. — P. 551–575.
5. *Milgrom P. R.* The Economics of Modern Manufacturing: Technology, Strategy and Organization / P. R. Milgrom, J. Roberts // *American Economic Review*. — 1990. — Vol. 80, № 3. — P. 511–528.
6. *Saxenian A.* Regional Advantage. Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128 / A. Saxenian. — Cambridge ; L., 1996.
7. *Saxenian A.* Silicon Valley's New Immigrant Entrepreneurs / A. Saxenian. — San Francisco : Public Policy Institute of California, 1999.

Бернхард Вольф¹

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

В настоящее время вопрос о роли России в глобализирующемся мире и о перспективах ее развития в условиях глобальных вызовов стоит особенно остро. Кризис в Восточной Украине и последовавшие затем взаимные санкции стран Запада и России несколько дестабилизировали ситуацию в мировой экономике. Сформировавшаяся за последние годы система взаимоотношений России и Запада претерпевает определенные изменения, затрагивающие интересы обеих сторон. Для прогноза будущих сценариев развития событий целесообразен краткий исторический обзор эволюции геополитической ситуации в мире.

До Первой мировой войны Великобритания была морской сверхдержавой, обладающей огромной колониальной системой, «где никогда не заходило солнце». Германская империя также была континентальной сверхдержавой, которая стремилась к мировому господству и искала свое «место под солнцем». Много-

национальная Австрия с большой территорией в начале XIX века также претендовала на роль сверхдержавы. Франция стремилась к колонизации и рассматривала Алжир как часть своей территории. В эпоху Петра I, а затем и Екатерины Великой России удалось существенно расширить свою территорию и также претендовать на роль сверхдержавы. Относительно в стороне в этот момент оставались Китай и США. Такие страны, как Бразилия и Индия, еще не играли существенной роли.

После Второй мировой войны, повлекшей миллионы жертв как из числа участников боевых действий, так и среди гражданского населения, закончилась эпоха некоторых сверхдержав. Франция отказалась от Алжира, а вместе с ним и от притязаний на роль сверхдержавы. Великобритания дала своим колониям независимость и фактически оставила в прошлом свое название «Великая Британия», как и «Великий германский Рейх» Адольфа Гитлера. Под влиянием США британцы стремились проводить собственную политику, зачастую противоречащую интересам Европейского Союза, и демонстрировать силу и влияние. Но в ко-

¹ Профессор Высшей школы экономики г. Людвигсхафен-на-Рейне (Германия). Сфера научных интересов: глобализация, геополитика, региональные валютные союзы. Разработчик большого числа авторских образовательных курсов, используемых в различных учебных заведениях Германии.

нечном счете Великобритания уже давно стала экономическим и политическим «карликом», хоть и с ядерным оружием. Австрия сегодня также является малой страной. И Германия после Второй мировой войны была уменьшена в размерах, разделена на сферы влияния и не играла существенной роли в мире на протяжении многих лет. Главными победителями в той войне стали США и СССР. США, выступая в роли сверхдержавы, распространили свое влияние на Европу вплоть до Западного Берлина. Советский Союз в эпоху Сталина установил контроль над Восточной Европой. Образовались две разные экономические системы, которые в буквальном смысле смотрели в глаза друг другу в Берлине на пограничном пункте. Соответственно участниками противостояния были два военных блока — НАТО и Варшавский договор, что известно как холодная война.

Ситуация жесткого антагонизма двух систем продолжалась довольно долго, тем не менее ее временные рамки были ограничены. Появились новые тенденции развития. Формирование и распространение информационных и коммуникационных технологий существенно изменило мир. Расстояния имеют все меньшее значение благодаря самолетам и другому транспорту. Снижение стоимости перевозок привело к резкому росту объемов международной торговли. Эти процессы сопровождались либерализацией правил международной торговли, осуществляемой Всемирной торговой организацией, в которую сегодня входят почти все страны мира, включая Россию. Кроме того, возникли региональные и двусторонние торговые зоны.

Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) с момента своего появления после Второй мировой войны представляло собой успешную зону мировой торговли, которая в дальнейшем трансформировалась в Европейский Союз, создала единую валютную зону. От этого более других выиграла Германия благодаря своему расположению в центре Европы и развитию торговли с соседними странами. Произошла также либерализация финансовых рынков, которая в отсутствие должного контроля со стороны государства привела к мировому экономическому кризису 2008–2009 годов. Мультинациональные корпорации сегодня имеют влияние, зачастую превосходящее влияние национальных экономик. Международные концерны, оставаясь в рамках законов, накапливают многомиллиардные средства, что превосходит бюджеты многих государств.

Советский Союз прекратил свое существование в начале 1990-х годов. Многие участники Варшавского договора получили независимость и пошли по пути рыночных реформ, началась трансформация плановой хозяйственной системы в рыночную, что одновременно означало рыночную экспансию.

В настоящий момент в мировой экономике формируется новый расклад сил. Важными игроками являются ЕС и США. Суммарный ВВП стран — членов ЕС несколько превосходит ВВП США. США и ЕС вместе представляют собой экономическую мощь, несопоставимую ни с каким другим интеграционным образованием. Россия обладает огромными запасами природных ресурсов, в первую очередь нефти и газа, око-

ло 80 % российского экспорта приходится на сырьевые товары. Помимо военной и космической техники, российская промышленность недостаточно конкурентоспособна. Для повышения конкурентоспособности нужны сверхусилия, то есть масштабные реформы. Что касается технологий, и ноу-хау, то Россия отстает не только от США и ЕС, но от многих других стран. Ситуацию иллюстрирует такой показатель, как количество патентов. США занимают первое место, среди стран-лидеров также Япония, ФРГ, Китай и Южная Корея. Россия занимает 24-е место. Правда, некоторые военные технологии строго засекречены и не подлежат патентной регистрации. В настоящее время Россия и ЕС сильно зависят друг от друга — в первую очередь потому, что нефть и газ, которыми располагает Россия, очень нужны Европе. Потенциально возможна ситуация «выигрыш-выигрыш».

После 1990 года Россия пережила этап потери влияния в мире. Трансформационные процессы лишили Россию роли ведущей державы. Многие бывшие социалистические страны, а также постсоветские республики (Литва, Латвия, Эстония), вошли в Евросоюз в процессе его расширения на восток. Страны, образовавшиеся на месте бывшей Югославии, также стремятся в ЕС. Если они станут еще и членами НАТО, то сложится ситуация, объективно нежелательная для России. Россия не могла допустить, чтобы консервативные американские круги после расширения ЕС на восток расширяли сферу своего влияния в Европе, дестабилизировали обстановку в некоторых бывших социалистических странах и тем самым расширяли сферы западного влияния. Возникает ситуация, аналогичная эффекту домино, который наблюдался в 1950–1960-х годах: ряд стран последовательно (Корея, Вьетнам) выбирали путь строительства социализма, внушая страх правящим кругам США. Сегодня для США желателен обратный эффект домино, который заключается в том, что страны одна за другой выходят из-под влияния России, что особенно отчетливо проявилось на Украине. В этой ситуации Россия больше не могла бездействовать.

Таким образом, Россия, обладающая ядерным оружием и космической техникой, находится в зоне пристального внимания США. К тому же Российская Федерация — член Совета Безопасности ООН, а значит, обладает правом вето в Совете. Очевидно, что в экономическом и военном отношении Россия должна стремиться к образованию новых союзов и усиливать свое влияние. Это проявилось, в частности, в попытке создать Евразийский Союз совместно с Белоруссией и Казахстаном. Наблюдается стремление создать блок, который был бы сходен с США и ЕС как типами ведущих геополитических образований. Кроме того, декларируется желание совместными усилиями двигаться в направлении сотрудничества с Европейским Союзом при условии, что отношения между Россией и ЕС в будущем нормализуются.

В конце 2014 года произошло еще одно событие, повлиявшее на геополитический расклад сил, — резкое падение цен на нефть. Можно предположить, что снижение цен было весьма желательным для некото-

рых стран. Так, например, Саудовская Аравия, поддерживающая тесные контакты с США, не сократила добычу после падения цен, как это происходило раньше в подобных ситуациях. Страны — экспортеры нефти и нефтяные концерны определенно хотели противостоять нарастающей конкуренции, что приводит к дополнительному предложению нефти на рынке, но является экономически целесообразным только при высокой цене товара.

Таким образом, окружение России в современном глобализирующемся мире разнообразно. С одной стороны, сотрудничество России и стран Запада достаточно успешно развивалось в течение ряда лет, и видимо, несмотря на обострение политической ситуации, имеет определенные перспективы. С другой — Россия, несомненно, может получить новые импульсы для стабильного и успешного развития в ходе кооперации со странами Азии (Китай, Индия, Южная Корея и др.), а также со странами на постсоветском пространстве.

В контексте текущих событий остановимся на проблематике взаимоотношений России и Германии. Очевидно, что для Германии вопрос о сотрудничестве с Россией неотделим от общих приоритетов внешнеэкономической политики. Германия в известной степени должна соблюдать баланс интересов, в первую очередь с учетом позиции США. Роль США в жизни современной Германии достаточно велика. Представители старшего поколения хорошо помнят помощь США в процессе восстановления экономики Западной Германии в послевоенные годы (реализация плана Маршалла). Своеобразное экономическое чудо, которое продемонстрировала экономика ФРГ в 1950–1960-е годы, многие эксперты объясняют американской помощью. Однако они часто забывают о том, что эта помощь оказывалась далеко не бескорыстно и была элементом противостояния двух систем. Германия по замыслу США должна была играть роль стратегически важной в военном отношении территории.

Сложившиеся традиции взаимоотношений Германии и США сохраняют актуальность и в настоящее время, когда эпоха противостояния двух систем давно в прошлом. Несмотря на то что с момента окончания Второй мировой войны прошло 70 лет, Германия по-прежнему ощущает свою вину, при этом стремится соблюдать определенные политические обязательства перед США. Эти обязательства постоянно учитываются в процессе формирования внешнеэкономических приоритетов не только Германии, но и ЕС. Не следует забывать и об экономической мощи США, которые признаются официальным Берлином важнейшим экономическим партнером.

Нынешнее обострение отношений между Россией и США в связи с кризисом в Восточной Украине не могло оставить в стороне страны ЕС и, в частности, Германию. Поэтому Германия стала одним из инициаторов экономических санкций против России и занима-

ет официальную позицию, во многом близкую к позиции США. Однако она не приветствуется значительной частью населения Германии, в том числе и представителями интеллектуальной элиты. Здесь выделяется ряд аспектов. Во-первых, сама по себе позиция США зачастую подвергается критике. Декларируя защиту демократии, прав человека и соблюдение норм международного права, США периодически вмешиваются во внутренние дела ряда стран, в том числе проводя силовые военные операции. Во-вторых, действия России по отношению к Украине признаются значительной частью населения Германии оправданными и соответствующими ситуации в регионе. Поэтому введение экономических санкций против России считается бессмысленным, так как наносит существенный ущерб экономике ЕС и, в частности, Германии. В-третьих, протест вызывает и нынешний характер взаимоотношений между Германией и США. Действия официального Берлина зачастую интерпретируются как «рабство», то есть курс на полную зависимость от США. Среди последних событий особенно показателен скандал, разразившийся в связи с распространением информации о нелегальном прослушивании разговоров немецких предпринимателей американскими спецслужбами с помощью Немецкой службы новостей.

Таким образом, в отношениях России и Германии в ближайшем будущем можно обозначить два сценария. Первый связан с сохранением нынешней позиции официального Берлина, то есть санкции сохраняются еще некоторое время. Это не означает прекращение экономической кооперации. В то же время объемы экспортно-импортных операций, а также инвестиции значительно сократятся. Очевидно, подобное развитие событий нанесет ущерб обеим сторонам. Такой сценарий нежелателен, но его нельзя исключить. Второй вариант заключается в том, что под давлением общественности, представителей предпринимательских союзов и интеллектуальной элиты официальный Берлин изменит свою позицию и возьмет курс на отмену санкций. В этих условиях взаимоотношения России и Германии могли бы получить новый импульс для дальнейшего развития. Ставшая популярной идея создания зоны свободной торговли от Лиссабона до Владивостока могла бы воплотиться в реальность. В настоящее время определенные формальные основания для ослабления и постепенной отмены санкций существуют.

Какой из этих сценариев станет реальностью, покажет ближайшее будущее. Контакты со многими представителями немецкой общественности и научной элиты свидетельствуют о позитивном настрое по отношению к России. Однако необходимость продолжения социально-экономических реформ и достижения в них существенного прогресса признается неоспоримой. Поэтому дальнейшее «сближение» России и Германии в значительной мере зависит от реализации программы реформ в России.

Ежи Й. Вятр¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Двадцать пять лет назад конец холодной войны в корне изменил характер международных отношений. В ходе холодной войны идеологическое противостояние было доминирующим фактором в международных отношениях. Холодная война по своей сути была, если использовать слова бывшего президента США Джорджа Буша-старшего, «борьбой за душу человечества»². Это был мировой конфликт, основанный на борьбе за основополагающие ценности. Каждая сторона была верна своей системе ценностей и намеревалась сделать свою систему ценностей и институтов всеобщим мировым образцом. Идеологическая природа холодной войны не отменяла конфликтов национальных интересов, но делала их второстепенными по отношению к фундаментальному идеологическому противостоянию между сверхдержавами и международными союзами, сформировавшимися вокруг них.

Это была новая уникальная ситуация, во всяком случае для международных отношений нового времени. В течение многих веков, как минимум начиная с конца европейских религиозных войн XVI и XVII веков, международные отношения основывались на национальных интересах суверенных государств. Из этого правила было только два кратковременных исключения: войны между революционной Францией и коалицией европейских монархий в последнем десятилетии XVIII века и Вторая мировая война. После окончательной победы над Наполеоном Бонапартом Европа вернулась к ситуации, когда национальные интересы каждого государства, а не идеологии, определяли взаимоотношения между ними. Появление нацистской Германии с ее программой «нового мирового порядка», основанной на превосходстве германской расы, снова выдвинуло идеологию в центр мировой политики. Тем не менее победа над нацистской Германией и ее союзниками не устранила фундаментальное идеологическое противостояние. Вскоре победившие державы оказались втянутыми в борьбу за будущее человечества. В годы холодной войны интенсивность идеологической конфронтации менялась, но только после ее окончания международные отношения смогли вновь приобрести свой традиционный характер, основанный на конфликтах национальных интересов, а не на основополагающих ценностях.

Теперь хотелось бы пояснить свою позицию, обратив внимание на два вопроса. Во-первых, новый

характер международных отношений не означает, что идеологических различий между государствами, таких как их системы ценностей и идеи о правильном управлении страной, нет. Такие различия существуют, но ни одна сторона не стремится навязать свою идеологию остальной части мира. Во-вторых, есть одно существенное исключение из в основном неидеологического характера современной международной политики. Это роль исламского фундаментализма. Его способность определять политику некоторых отдельных государств придает международным отношениям заметную идеологическую окраску. Однако, к счастью, исламский фундаментализм смог стать основной идеологией лишь в небольшом количестве государств, ни одно из которых не способно установить свою власть на более широком пространстве.

Конец идеологической конфронтации не избавил нас от конфликтов между государствами, но изменил их характер и перспективы разрешения. В этом отношении мир вернулся в то состояние, в котором пребывал в течение веков: скопление государств, имеющих свои интересы. Понимание характера международных отношений, сложившихся после холодной войны, необходимо для качественного предсказания будущего развития и для стратегического планирования.

Теория и практика национальных интересов

Идея национального интереса исходит из политической мысли европейского абсолютизма, где она была сформулирована как «причина государства» (*raison d'état*) во французской терминологии Жана Бодена, 1530–1596, и кардинала Армана де Ришелье, 1585–1642). Их предшественником был Никколо Макиавелли (1469–1527), который видел истинную задачу принца в следовании интересу государства. Томас Гоббс (1588–1679) объединил поддержку абсолютной власти монарха с верой в то, что его моральный долг — служить интересу государства.

Политические перемены, начатые английской и французской революциями, а также американской войной за независимость, привели к пересмотру концепта суверенности. Новая идея национальной суверенности пришла на смену прежнему концепту суверенности правителей. Это изменение отразилось в использовании нового термина — «национальный интерес».

Идея национального интереса происходит из *политического*, а не из *культурного* понимания нации. Эрнест Ренан (1823–1892) во Франции и Макс Вебер (1864–1920) в Германии определяли нацию как политическое сообщество людей, имеющих намерение сформировать государство. Следовательно, я определил национальный интерес как интерес государства, способного гарантировать безопасность своих граждан, дающего им право решать свою судьбу и контролирующего

¹ Министр образования Польши (1996–1997), депутат сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений». Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления в Варшаве, почетный профессор Варшавского университета, почетный сенатор Университета Люблина, почетный доктор Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара. Удостоен ордена Возрождения Польши II степени.

² *Leffler M. P.* For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War. N. Y., 2007. P. 3.

территорию, населенную значительным большинством тех, кто считает себя членами этой нации¹.

После Второй мировой войны американские теоретики школы политического реализма Ганс Моргентау (1904–1980), Джордж Ф. Кеннан (1904–2005), Генри Киссинджер (род. в 1923 г.) и Збигнев К. Бжезинский (род. в 1928 г.) основывали свои интерпретации мировой политики на концепте национального интереса. Когда они писали в годы холодной войны, то старались освободить международные обсуждения от высокого языка идеологии и основать интерпретацию мировой политики на традиционной идее национального интереса. Они выдвинули шесть предположений о характере мировой политики².

Во-первых, они считали, что политические взаимоотношения определяются объективными правилами, исходящими из человеческой природы.

Во-вторых, они предполагали, что политики действуют в соответствии с национальным интересом, определяемым как безопасность, основанная на власти.

В-третьих, они допускали, что смысл национального интереса нестабилен, но его суть остается неизменной: это выживание как минимальное требование.

В-четвертых, они отвергали применимость всеобщих моральных норм к действиям государства.

В-пятых, они также отвергали предположения об универсальности морали и постулировали, что другие нации следует судить так же, как мы судим свою собственную.

В-шестых, они постулировали автономию политической сферы в том смысле, что политические действия нужно судить по политическим, а не по моральным критериям.

Этот отказ от морализации часто воспринимался как доказательство того, что реалисты поддерживают использование аморальных методов в следовании национальному интересу. Я не разделяю такую точку зрения. Реалисты отказались от соблазна использовать мораль в качестве оружия в конфликтах между государствами. Поскольку ни одно государство не ведет свою политику в идеальной гармонии со всеобщими моральными нормами, реалисты требовали относиться к другим так же, как мы относимся сами к себе. В контексте холодной войны такой подход имел большое значение, поскольку предлагал некоторую степень непредвзятости в оценке поведения соперников.

Реалисты сыграли значительные роли в американской внешней политике в ходе холодной войны, особенно Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский во времена правления Никсона–Форда и Картера соответственно. Во многих случаях они смогли разработать компромиссные решения определенных конфликтов. Они бы не смогли этого сделать, если бы не нашли понимающих и стремящихся к сотрудничеству партнеров на советской стороне. Когда мы смотрим на теоретическое положение в международной политике Со-

ветского Союза и большинства других социалистических государств того времени, то видим парадокс. На уровне теории международные отношения интерпретировались полностью в идеологическом ключе (как конфликт между социализмом и капитализмом), но на уровне практики политический реализм преобладал по обе стороны великого противостояния. Однако даже в ходе холодной войны некоторые ученые попытались вывести идею национального интереса в основное русло политического анализа в социалистических странах. Одним из них был мой друг, с которым мы общались многие годы, Федор Михайлович Бурлацкий (1927–2014), чьи идеи о международной политике были очень близки реалистичному подходу³.

После холодной войны

Перед концом холодной войны произошел пересмотр международных отношений и отказ от полностью идеологической перспективы. Особую важность имел концепт новой международной политики, разработанный последним главой СССР Михаилом Горбачевым. Его акцент на общих интересах человечества и отказ от идеи международной политики как продолжения классовой борьбы послужили теоретической подготовкой для нового неидеологического подхода к мировой политике.

Важнейшим последствием окончания холодной войны стал тот факт, что современные конфликты (кроме конфликта с исламским экстремизмом) не отражают идеологических различий, но касаются национальных интересов — так, как политические лидеры понимают эти интересы.

В наше время есть три основных типа международных конфликтов, вытекающих из национальных интересов.

Во-первых, во многих частях мира мы видим территориальные конфликты — борьбу за контроль над спорными территориями (например, между Китаем и Вьетнамом за спорные острова на востоке Тихого океана).

Во-вторых, есть конфликты, касающиеся суверенитета, наиболее сложным из которых является израильско-палестинский конфликт.

В-третьих, существуют конфликты, касающиеся сфер влияния ведущих мировых держав. Этот тип конфликтов имеет особенно важное значение, поскольку в них участвуют государства с существенным военным и политическим потенциалом. Таким образом, они заслуживают особого внимания.

В первые годы после окончания холодной войны многие теоретики мировой политики предсказывали, что господство США будет продолжаться большую часть первой половины XXI века. Фатальная ошибка американской войны против Ирака привела к резкому приближению предполагаемого окончания господства США⁴. Быстро растущая власть Китая, неуклонный рост таких держав третьего мира, как Индия и Бразилия, новая роль Европейского Союза в мировой поли-

¹ *Wiatr J. J.* Polski interes narodowy: refleksje o historii i współczesności. Warszawa, 2012. S. 30.

² Эти предположения наиболее ясно сформулированы Гансом Моргентау, и их разделяют другие политические реалисты. Ср. его книги: “Politics Among Nations” (Нью-Йорк, 1948) и “In Defense of National Interest” (Нью-Йорк, 1951).

³ *Бурлацкий Ф. М.* О политической науке. М., 2014. С. 131–141.

⁴ См.: *Brzezinski Z. K.* Second Chance: Three American Presidents and the Crisis of American Superpower. N. Y., 2007.

тике и, что не менее важно, пробуждение России после того, как она потеряла свою международную позицию в последнем десятилетии XX века, — все это наиболее важные факторы, приведшие к краху “Pax Americana” — мирового порядка, основанного на господстве США в мировой политике.

Современный мир не идеален, как не был идеален никакой другой. Мы наблюдаем конфликты сильнейших держав за сферы влияния. В идеальном мире мы могли бы мечтать о ситуации, в которой все крупные державы добровольно откажутся от своих амбиций, чтобы каждый мог создать или поддержать свою сферу влияния. Но мы не живем в идеальном мире. Поэтому должны учиться жить с конфликтами, возникающими из-за преследования национальных интересов, в особенности национальных интересов сильнейших.

Есть два наиболее важных урока, которые мы можем извлечь из прошлого опыта.

Во-первых, нужно стараться избежать катастрофы. Все стороны должны избегать соблазна довести свои интересы до максимума. Если они попытаются полу-

чить слишком много, то неизбежно подвергнут опасности жизненно важные интересы других, провоцируя опасность конфронтации. Компромисс — основа успешной политики.

Во-вторых, выбирая пути защиты своих национальных интересов, государства — особенно сильнейшие из них — должны искать способы, совместимые с перспективой будущего компромисса.

Язык ненависти, часто используемый правительствами во времена конфликтов, оказывает пагубное действие на будущий компромисс, так как создает враждебный образ противника. Это особенно важно в мире, хорошо помнящем идеологическую враждебность холодной войны. Мы больше не живем в мире, где международная политика подчиняется идеологическому противостоянию между двумя враждебными блоками. Вместо этого мы живем в мире, где легитимные национальные интересы могут и должны продвигаться реалистичным образом, то есть с пониманием того, что ни у кого нет монополии права, и где нет альтернативы взаимопониманию и кооперации.

Г. А. Гаджиев¹

О ЮРИДИЧЕСКОМ И ФИЛОСОФСКОМ СМЫСЛЕ УТВЕРЖДЕНИЯ «ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК»

1. Известное утверждение Редьярда Киплинга служит хорошим поводом для обсуждения важных в настоящее время вопросов: «Что такое национальные традиции? Является ли национальной правовой традицией России активная позиция государств и социального начала, которое ослабляет индивидуальную автономию человека?». Рассуждая об этом, неизбежно оказываешься в том сегменте науки конституционного права, который я называю конституционной этикой и который является пограничным не только для права, но и для этики и социальной философии, поскольку приходится оценивать соотношение патернализма государства, иногда порождающего иждивенчество и ослабление индивидуальной автономии с ее самостоятельностью и инициативой.

Здесь полезно вспомнить высказывание Оскара Уайльда, сравнившего сознание человека с магнитной стрелкой, которая постоянно находится в поле тяготения мощных магнитов. Одним из них, возможно, являются национальные традиции. Поэтому, оценивая их, не следует забывать о ценности автономии личности,

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель—налогоплательщик—государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

ее независимости от разных полей тяготения, —измов, будь то либерализм или консерватизм. Особенно независимость мышления необходима ученым, для которых когнитивная независимость является условием их профессиональной деятельности. Поэтому защищаемая нашей Конституцией академическая свобода является важнейшим профессиональным конституционным правом, как и право на свободу экономической деятельности для предпринимателей.

2. Полагаю, что утверждение Киплинга является верным, если исходить из того, что в мире сложились две разные точки зрения на то, как должны разрешаться основные социальные конфликты. Одним из главных является конфликт между экономически преуспевающими слоями общества и теми, кто нуждается в помощи общества. Эта помощь может предоставляться за счет того, что у экономически активных граждан изымается часть их доходов, которая путем перераспределительных операций поступает несамодостаточным членам общества в виде пенсий, пособий, льгот, компенсаций. Суть проблемы проста: должно ли государство исполнять некий моральный долг в отношении тех, кто в этом нуждается, и в каком объеме? Моральные категории по-разному трансформируются в экономическую и социальную политику на Западе и Востоке.

Восток славится своим трепетным отношением к старшему поколению. На Дальнем Востоке, в Китае, даже нет пенсионной системы, так как обязанность детей по содержанию родителей исключает институт социального призрения. Идея социального государства популярна в Европе, России, Латинской Америке. За-

пад относится более настороженно ко всему социальному, хотя программы Обамы по развитию медицины в США делают антитезу «Запад–Восток» менее контрастной. На Западе высказывается ряд идей, препятствующих тому, чтобы утверждать, что Киплинг был неправ. В отличие от традиции восточных обществ, западные общества более эгоистичны и персонцентристски. В них на первый план выдвигаются индивидуальная автономия и детерминируемая ею *нейтральность* государства.

В Венгрии был принят закон, по которому (исходя из западной идеи индивидуальной автономии) людям старше 35 лет или имеющим троих и более биологических детей предписывается добровольная стерилизация. Конституционный суд страны признал эту норму неконституционной. Суд посчитал, что если у человека есть право на здоровье, то у государства возникает некий долг по защите тела человека, несмотря на то что он сознательно принял решение о стерилизации. Какими при этом границы сферы индивидуальной автономии, то есть самоопределения? Какая этика лучше — этика социального или этика себялюбия и персонцентризма? Этот вопрос исследовал еще Кант, именно ему принадлежит оценка эгоистического образа мысли человека как *этики себялюбия*. В XIX веке эти слова были «модернизированы», и стали рассуждать о «разумном эгоизме». Многие американские конституционалисты, к числу которых не относится профессор конституционного права Барак Обама, считают главной конституционной ценностью индивидуальную автономию.

Государства, которые, подобно Венгрии, не допускают добровольную стерилизацию, аборт, право на эвтаназию и так далее, не считаются нейтральными. Запад использует мощный аргумент: «Те, кто думает не так, как мы, — против нас».

Раскол по линии «Запад–Восток», который отчетливо прослеживается в разделении Римской империи на Восточную и Западную, не исчез и вряд ли исчезнет. Люди еще долго будут давать разные ответы на обсуждаемые вопросы — это и есть главный вызов (если вспомнить тематику Лихачевских чтений). Те, кто живет в разных странах, еще долго будут по-разному трактовать конституционный принцип, запрещающий обязательную или государственную идеологию. (Этот принцип, кстати, имеет отношение к идее нейтрального государства, которое должно быть равноудалено как от тех или иных предпринимательских структур, так и от тех или иных -измов.)

3. В прошлом году вышел сборник избранных работ Дмитрия Сергеевича Лихачева «Заметки о рус-

ском». На его последних страницах я нашел то, что давно искал, — в эссе «О русском и чужестранном» приводятся следующие строки: «У всякого народа есть свои достоинства и свои недостатки. На свои надо обращать внимание больше, чем на чужие». Простая истина. Попытаюсь воспроизвести ту же мысль, используя понятия права и философии.

Если в рассуждениях остановиться на констатации, которая вынесена в название («Запад есть Запад, Восток есть Восток»), то это непродуктивно и мало рационально. Главное — из утверждения Киплинга следует сделать прагматичный вывод. Как нерациональный и конфронтационный я воспринимаю вывод о том, что в мире надо отстаивать приоритет национальных традиций. Разные взгляды на решение основных социальных проблем могут быть у китайцев, американцев, индусов, бразильцев, у каждого народа свои национальные традиции. Нельзя навязывать другим свои национальные правовые традиции. Но это не означает, что, гордясь некоторыми из них (как, например, сформировавшейся в XX в. традицией общественного здравоохранения), мы не можем их пропагандировать. Как нельзя кичиться скромностью, так нельзя извлекать из национальных традиций конфликтный потенциал.

Народы, населяющие Землю, имеют разные традиции, но это не отменяет идею братства. Она закреплена в преамбуле российской Конституции: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, созная себя частью мирового сообщества...».

Диалог о национальных традициях полезен, если отказаться от категоричности суждений и не верить в свою непогрешимость. Надо признать, что человечество выработало разные формы человечности и, как следствие, разные точки зрения на устройство социальной жизни.

Человечество путем долгой культурной эволюции завоевало естественное право на самобытность каждого народа. Некий рационализм–прагматизм–индивидуализм западного общества не должен восприниматься враждебно, поскольку это результат их самобытной истории, социальной детерминации западной модели культуры.

Но это не означает, что мы должны старательно ее копировать. Из школьного курса по русской литературе мы помним, насколько вредно «слепое, рабское, тупое подражание».

«Конституционная этика Востока хуже, чем конституционная этика Запада?» — тот, кто задает такой вопрос, уже поступает аморально.

Г. М. Гатилов¹

О НЕКОТОРЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Международные отношения продолжают пребывать в состоянии повышенной нестабильности и турбулентности. Их характерной чертой является то, что к застарелым конфликтам добавляются новые опасные очаги напряженности. Отмечаются признаки наличия глубоких системных проблем в организации как европейской, так и мировой безопасности. Все более явными становятся противоречия между потребностью в коллективных, партнерских действиях в целях выработки адекватных ответов на общие для всех вызовы и стремлением некоторых государств к доминированию, попытками навязать свою волю другим странам, обеспечить свои интересы и безопасность за счет других участников мирового процесса. Сохраняются высокие риски межконфессиональных, межрелигиозных и междивизиационных разломов.

Еще шесть-семь лет назад одной из острейших глобальных проблем являлся мировой финансово-экономический кризис. Внимание едва ли не большей части государств мира было направлено на поиск путей выхода из него, преодоления его последствий. Это, в свою очередь, подталкивало многие страны к выработке согласованных решений на более широкой основе.

Постепенно события стали приобретать другие, более зловещие и опасные очертания. Начали сотрясаться государственные, политические, общественные основы, традиции и уклады многих стран. Наиболее ярким проявлением этого процесса стали события, получившие название «арабская весна». Многие на Западе вначале призывали не преувеличивать угрозу экстремизма и терроризма, утверждали, что она потом сама собой сойдет на нет, что главное в тот период — добиться смены режимов М. Каддафи и Б. Асада (и это, кстати, провозглашалось уже после силовой смены режима С. Хусейна в Ираке). Однако вслед за событиями в Ливии и особенно в Сирии стало очевидно, что «весна» закончилась.

Сейчас мы видим, куда привели те благие намерения. Огромные территории на Ближнем Востоке, в Африке, афгано-пакистанском регионе становятся неподконтрольными легитимным властям. Экстремизм «выплескивается» в другие части света, включая Европу: многим памятны недавние события вокруг парижского еженедельника «Шарли Эбдо», подвергшегося атаке террористов, а также нападение экстремистов на синагогу и кафе в Копенгагене.

Обостряется риск попадания оружия массового уничтожения к негосударственным субъектам. Приобретает взрывоопасный характер положение с ближ-

невосточным урегулированием, в других зонах региональных конфликтов. Серьезную обеспокоенность у нас вызывает происходящее в Йемене, суверенитет, единство и территориальную целостность которого мы всегда и последовательно поддерживали. Важно, чтобы все стороны йеменского конфликта и их внешние союзники незамедлительно прекратили все формы боевых действий и отказались от попыток добиться своих целей с оружием в руках. Убеждены, что урегулировать имеющиеся в Йемене глубинные противоречия можно только на основе широкого национального диалога.

Россия с самого начала процесса перемен на Ближнем Востоке призывала не отдавать его на откуп экстремистам, создать единый фронт противодействия растущей террористической угрозе. Мы выступали за продвижение назревших реформ через общенациональный диалог, поиск мира и согласия между всеми конфессиональными группами, включая различные течения ислама и христианства; предупреждали не следовать искушению брать в союзники практически любого из тех, кто объявил себя противником Б. Асада, будь то «Аль-Каида», «Джабхат ан-Нусра», другие подобные структуры, включая «Исламское государство» (ИГ), которые сегодня в фокусе внимания.

Угрозы терроризма и экстремизма, представляя собой сегодня наиболее острые глобальные вызовы, требуют комплексного подхода, если цель заключается в искоренении их причин, а не в реакции на последующие симптомы.

В плане правового обеспечения антитеррористической деятельности, предупреждения терроризма на международном и национальном уровнях за последние полтора десятка лет продуманы и в основном решены едва ли не все главные проблемы. Работают 19 универсальных профильных антитеррористических, секторальных конвенций и протоколов, согласована уникальная Глобальная контртеррористическая стратегия, органично соединяющая цели «жесткого» и «мягкого» антитеррора с функциями преодоления условий, способных питать терроризм. Выработаны ключевые антитеррористические резолюции Совета Безопасности (СБ) ООН № 1373, 1540, 1566, 1624. Ведется системная и активная деятельность Контртеррористического и санкционных комитетов СБ ООН.

Правовое поле антитеррора укрепляется и механизмами противодействия новым формам террористических угроз, в частности таким, как пресечение активности так называемых иностранных боевиков-террористов (Резолюция СБ ООН № 2178). Документ указывает, что пресечение террористической идеологии и пропаганды должно включать и меры по борьбе с террористами-боевиками, проходящими военную подготовку в зонах конфликтов и затем возвращающимися в страны происхождения или проживания. Это важно, поскольку данные лица часто выступают но-

¹ Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Специалист в области многосторонней дипломатии. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «“Голубые каски” ООН на службе мира», «Итоги “большого слета” на Генассамблее ООН», «Итоги форума ООН в Дохе», «О некоторых международных аспектах диалога культур в условиях глобализации», «Формула урегулирования в Сирии» и др. Награжден орденами Дружбы и Почета.

сителями самого «эффективного средства» подобной пропаганды и мобилизации новых сторонников. И это далеко не полный перечень сделанного — полезного и своевременного.

Дополняют такую международную ооцентричную систему антитеррора региональные инициативы — договоры и организационные решения. Ключевой международно-правовой инициативой для России является Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (2005), впервые криминализовавшая такую деятельность, как публичное подстрекательство к терроризму. Документ вступил в силу в 2007 году, является частью и российского законодательства, послужив, кстати, эффективным инструментом для совершенствования российских антитеррористических законов. Конвенция прошла в Совете Европы доскональную правочеловеческую экспертизу, признается образцом баланса и взаимодополняемости между задачами защиты общества и государства от терроризма и задачами защиты индивидуальных прав и свобод человека.

Одной из причин быстрого распространения террористической угрозы является низкий уровень массового сознания современных людей, которое в течение долгого времени совершенно ничем не укреплялось, а, наоборот, ослабевало. Более того, продолжают ослабевать духовные устои и нравственные ценности современных обществ, как традиционные религиозные ценности, так и цивилизационные, культурные. Порой весьма просто и быстро такие ценности подминаются упрощенными и агрессивными, а подчас просто несущими сенсационными радикалов. В связи с этим актуальной является задача не дать джихадистам завладеть умами и душами молодых людей, вербовать их в свои ряды. Поддерживаем инициативы христианских и мусульманских лидеров в регионе, направленные на то, чтобы единым фронтом выступить против попыток экстремистов любых мастей осквернить и извращать высокие нравственные принципы великих мировых религий.

Однако возникает дилемма. Как получается, что при столь мощном потенциале международного сотрудничества происходит столь быстрое распространение экстремистских идей и нарастание террористических угроз? Причина кроется в том, что многое, с таким трудом созданное за последние полтора десятка лет в этой сфере, просто не работает (во всяком случае так, как должно и задумывалось). У многих появилась уверенность, а на самом деле, как выясняется сейчас, просто иллюзия, что перед лицом общего смертельного врага — глобального терроризма — все государства забудут свои недопонимания и противоречия и объединятся, по-партнерски, честно и открыто, без «двойных стандартов» выведут противодействие терроризму за пределы узко и традиционно жестко понимаемых национальных интересов.

Пресловутые «двойные стандарты», деление террористов на «плохих» и «хороших» — эти и другие разногласия сохраняются, а по некоторым параметрам даже усиливаются. И Россия, кстати, лучше многих других, в том числе и на собственном опы-

те, это знает: в 1990–2000-х годах на Северном Кавказе на нашу страну были предприняты атаки едва ли не самых боеспособных отрядов международного терроризма.

Ни раньше, ни сейчас наши зарубежные коллеги, подписанты самых продвинутых антитеррористических соглашений, не помогали нам в борьбе с терроризмом, направленным преимущественно против России. И сейчас базирующиеся на Западе интернет-сайты орудовавших на Северном Кавказе террористических организаций по-прежнему ведут экстремистскую пропаганду в поддержку ИГ и «Ан-Нусры», содействуя и прославляя тех, кто обезглавливает на камеру европейских и американских граждан.

По прошествии стольких лет и событий в преодолении «двойных стандартов», честно говоря, верится с большим трудом. Особенно в условиях, когда основные российско-западные форматы антитеррористического сотрудничества — за редким исключением ООН и ОБСЕ — были свернуты за последний год по инициативе западных коллег. Напомню: заморожено антитеррористическое сотрудничество по линии «Восьмерки», Совета Россия–НАТО, находятся в подвешенном состоянии наши консультации по контртерроризму с Европейским Союзом, а также большинство двусторонних российско-западных механизмов контртеррористического сотрудничества.

В результате имеющей место рассогласованности в вопросах антитеррористического сотрудничества сегодня важно не забывать, что таких проблем часто не бывает у террористических группировок. Они либо взаимодействуют, либо в их среде «побеждает сильнейший», который и забирает всю добычу.

Тем не менее Россия готова продолжать прилагать усилия, стремиться к установлению сотрудничества, предлагать работать открыто и по-партнерски. Сконцентрируем внимание на тех форматах, которые были и остаются для нас самыми перспективными, — ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности), СНГ (Содружество Независимых Государств), АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество); потенциально — БРИКС и «Двадцатка», само собой разумеется, ООН и, насколько возможно, ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Существует общее понимание того, что идеологическое укрепление современного международного терроризма, пополнение его рядов за счет все более агрессивных радикалов сегодня происходит преимущественно под исламистскими, извращенными религиозными лозунгами. Но не только, как мы теперь видим из происходящего на Украине. Украинские события показывают, что радикализация возможна и опасна также и под другими идеологическими постулатами, хорошо усвоенными официальным Киевом, — ультранационалистическими и нацистскими. Результат, к сожалению, получается тот же: гибель гражданского населения, дестабилизация социально-экономической и политической жизни государств и регионов, смещение законных правительств, ущемление прав национальных

меньшинств. И все это — насильственными методами, граничащими с террористическими, иногда и смахивающими на них.

Мы заинтересованы в восстановлении мира в соседней стране. Это должны хорошо понимать все, кто хотя бы немного знаком с историей глубочайших, братских и родственных связей между нашими народами. Путь к политическому урегулированию известен. Еще год назад Киев взял на себя обязательство в Женевском заявлении России, Украины, США и ЕС начать широкий общенациональный диалог с участием всех регионов и политических сил Украины в целях осуществления конституционной реформы. Его выполнение позволило бы всем украинцам договориться, как жить дальше в соответствии со своими традициями и культурой. Тогда не получилось.

Еще один шанс появился по итогам достигнутого 12 февраля 2015 года в Минске нового комплекса договоренностей, одобренного Резолюцией Совета Безопасности ООН. Необходимо обеспечить их реализацию в полном объеме, включая проведение конституционной реформы, в рамках которой должны быть обеспечены законные права и интересы граждан на востоке Украины. На сегодняшний день отмечается прогресс в выполнении одобренного в Минске комплекса мер. Те, кто не замечает этого и требует поставлять оружие на Украину, берут на себя ответственность за срыв мирного урегулирования. Они руководствуются чем угодно, только не интересами украинского народа, не интересами спасения жизни людей.

Приоритетного внимания требует острейшая гуманитарная ситуация в Донбассе. Для обеспечения базовых прав его жителей правительство Украины должно снять введенную им фактическую блокаду этого региона, восстановить экономические связи, социальные платежи, банковские услуги, свободу передвижения людей между Донбассом и другими районами страны. Соответствующие положения закреплены и в Минских соглашениях. Рассчитываем, что работающие на Украине правозащитные и гуманитарные структуры ООН, так же как и миссия ОБСЕ, МККК (Международный комитет Красного Креста), будут добиваться скорейшего решения этих задач.

Большой спектр работы по разрешению новых глобальных проблем предусматривается и рамками глобальной повестки дня в области развития, которая будет утверждена 25–27 сентября 2015 года в Нью-Йорке в ходе саммита ООН на юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Этот документ обозначит стратегию и параметры межгосударственного сотрудничества в ООН в социально-экономической сфере на период до 2030 года. Концепция повестки предполагает акцент на ликвидации бедности и переходе к устойчивым моделям производства и потребления на основе баланса экономического, социального и экологического факторов. Предстоит большая работа по преодолению наиболее острых вызовов и угроз в развивающихся странах, таких как крайняя нищета, голод, социальное неравенство, материнская и младенческая смертность, инфекционные болезни, ограничения в доступе к образованию и др.

Значительным потенциалом в плане решения социально-экономических вопросов обладают гибкие сетевые форматы, ориентированные на продвижение совпадающих интересов стран-участниц. Философия коллективной работы лежит в основе нашего председательства в ШОС и БРИКС. В рамках БРИКС речь, в частности, идет о продвижении проектов создания нового банка развития и пула условных валютных резервов, а также о согласовании стратегии экономического партнерства и «дорожной карты» инвестиционного сотрудничества. Планируется подписать соглашение о культурных связях, открыть новые направления взаимодействия, в частности в том, что касается учреждения Совета регионов БРИКС. Набирает силу работа по линии гражданских обществ стран этой «пятерки». В апреле 2015 года в Москве был проведен Гражданский форум БРИКС.

Среди новых вызовов и угроз, особо остро заявивших о себе в последнее время, следует выделить проблему защиты религиозных меньшинств, в первую очередь христиан. Сегодня все большее число христиан, измеряемое миллионами, подвергаются преследованиям, издевательствам и дискриминации, становятся жертвами бесчеловечных расправ. Речь прежде всего идет о Ближнем Востоке — колыбели христианства и в целом человеческой цивилизации, откуда в столь массовом масштабе наблюдается исход приверженцев христианской веры. Этот процесс может иметь самые негативные последствия в плане его влияния на структуру арабских обществ, сохранение исторического и духовного наследия, значимого для всего человечества. Следует умножать усилия мирового сообщества с целью прекратить преследования христиан, как и последователей любых других религий.

К сожалению, христиане подвергаются гонениям не только на Ближнем Востоке. Это происходит и на Украине, где вслед за антиконституционным переворотом была развязана братоубийственная война. Национал-радикалы взяли курс на нагнетание межрелигиозной розни. Уничтожаются православные храмы и монастыри, священники и верующие подвергаются запугиваниям и издевательствам. Только на юго-востоке Украины полностью разрушены десять храмов, еще семидесяти нанесен серьезный ущерб. Три православных священника убиты. Многие священнослужители бежали в Россию, спасаясь от угроз экстремистов.

Христиане испытывают проблемы и в ряде западных государств, где порой становится неполицоректным обозначать принадлежность к христианской религии. Некоторые даже начинают стесняться христианских ценностей, составляющих основу европейской цивилизации. Размываются понятия морали и традиционной национальной, культурной и религиозной идентичности.

В связи с этим сложно не разделить мнение тех наблюдателей, которые считают трагедию с немецким пассажирским самолетом во французских Альпах и предполагаемую роль одного из летчиков в ней «оборотной стороной той полной нравственной автономии, которая старательно культивируется в наши дни на За-

паде, когда отдельно взятый человек без опоры на Бога и традиционные ценности общества решает для себя лично, что хорошо, а что — нет».

Отдельные уроки истории свидетельствуют, что отказавшаяся от своих нравственных идеалов цивилизация утрачивает духовную силу. Все мы должны помнить об этом, особенно в нынешнем году, когда отмечается 70-летие Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войнах, унесших десятки миллионов жизней людей всех национальностей и вероисповеданий. Наш общий долг — ради будущих поколений не предать подвиг победителей, бескомпромиссно противодействовать попыткам разжигания вражды и ненависти.

Нельзя не видеть, что тормозом в деле налаживания коллективных усилий по поиску адекватных ответов на глобальные вызовы является весьма противоречивая позиция наших западных коллег. Часто они используют любые инструменты, дабы, что называется, «продавить» выгодные для себя решения, заставить партнера изменить свои подходы к той или иной проблеме, уступить давлению. Полагаю, мы достаточно уступали с 1991 года. Таких масштабных шагов навстречу Западу, какие сделали мы, до сих пор не предпринимала ни одна страна в мире за всю историю человечества. Осознания этого на Западе пока нет. Но оно есть у нас. Мы придерживаемся этой позиции и чувствуем, что стоим на верных позициях. Мы любим и, главное, умеем жить в мире. Нам не нужны потрясения. Однако они нужны тем, кто привык жить не по средствам, решать свои проблемы за счет других стран.

Видимо, мы стоим на пороге того времени, как и несколько десятилетий назад, в эпоху советско-американских телестолков, когда разъяснить эти непреложные

и такие простые истины людям других культур, прежде всего Западу, может и должно гражданское общество России, простые люди, объединенные этой благородной целью. Поэтому мы приветствуем их усилия. Призываем смелее участвовать в разных международных мероприятиях, общаться с представителями других культур, цивилизаций и стран, разъяснять им, что думают, чем живут граждане России, почему поступают так, а не иначе, в чем причины наших поступков. Такая прямая народная дипломатия, кстати, весьма эффективна.

Как не вспомнить, что в 1933 году Соединенные Штаты сами закрывались от нас «железным занавесом», потребовав в качестве условия установления дипотношений с Советским Союзом гарантии невмешательства во внутренние дела США. Тогда они опасались наших идей. Сегодня нам незачем бояться идей из-за океана. Мы этим уже «переболели» и видим всю их искусственность и иллюзорность. Пусть в соревновании, битве идей победит более справедливая, правдивая, востребованная временем и чаяниями людей. Не сомневаюсь, наши идеи — начиная от традиционных ценностей и заканчивая тем, как нужно себя вести в мировых делах, — будут востребованы и в американском, и в любом другом западном обществе.

Еще Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» в феврале 1877 года писал, «что тех, кто кричит о “русском захвате” и “русском коварстве”, в образе России смущает скорее нечто правдивое, бескорыстное, честное, — они предчувствуют, что ее невозможно подкупить и никакой политической выгодой не завлечь в корыстное дело». Это хорошие, правильные слова, они как нельзя лучше отражают суть и характер русского человека. Это и есть наша правда, и мы не собираемся от нее отказываться.

Рубен Герреро¹

СТРУКТУРНЫЕ РЕФОРМЫ В МЕКСИКЕ: СТРАТЕГИЯ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ И РОСТУ В СВЕТЕ ТЕКУЩИХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Введение

В своем развитии мексиканская экономика прошла различные этапы, некоторые из них характеризовались спадами, другие — умеренным ростом. Менялись и макроэкономические переменные, многие из них замедляли темпы роста, что, в свою очередь, снижало уровень жизни населения, это касалось не только экономической сферы, ухудшалось и оказание основных социальных услуг, таких как образование и здравоохранение.

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Мексиканских Соединенных Штатов в Российской Федерации. На дипломатической службе с 1981 г., с 2005 г. — в ранге посла. Заместитель министра по странам Латинской Америки и Карибского бассейна (2010–2012). Возглавлял генеральные консульства Мексики в Нью-Йорке (2007–2010) и Фениксе, штат Аризона (2001–2003). Работал генеральным директором Департамента по защите прав, оказанию помощи и содействию гражданам Мексики и консульским делам (1997–1999), генеральным директором по правовым вопросам Мексиканской комиссии по сотрудничеству с Центральной Америкой (1993–1994).

Серьезные структурные дисбалансы мексиканской экономической системы в последние три десятилетия возникли в результате несовместимости модели развития и внутренних потребностей, при этом экономический климат в стране ухудшился, что в конечном счете привело к известному результату — кризису 1982 года. Рост доходов на душу населения резко снизился, составив 0,6 % от годовых темпов роста 1980 года.

После того кризиса стало ясно, что Мексике требуется иная экономическая стратегия, которая будет не только отвечать внутренним интересам, но и учитывать международную динамику. Доходы, полученные от продажи нефти, и денежные переводы от мигрантов помогли сохранить устойчивый темп развития, однако существовавшие в то время условия побудили страну принять открытую модель экономики, которая, среди прочего, благоприятствовала конкурентоспособности в различных секторах. Подписа-

ние Мексикой Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и последующего Соглашения о свободной торговле Северной Америки (НАФТА) легло в основу политики ориентации экономики на мировые рынки. Благодаря НАФТА страна стала позиционировать себя как привлекательного торгового партнера и в то же время смогла построить прочную экономическую основу.

Открытость страны для мировых рынков способствовала росту объемов торговли и иностранных инвестиционных потоков, мы получили новые технологии, повысившие конкурентоспособность. Тем не менее внутривнутриполитические проблемы снижали возможности равномерного внедрения новой выгодной экономической политики. Препятствием для развития стало отсутствие гибкости государственной политики и слабость государственных институтов.

После нескольких лет борьбы между доминирующими мексиканскими политическими партиями в стране наблюдался экономический застой и социальный упадок; назрела необходимость реформ, которые выведут страну из тупика. Некоторые правительства в прошлом пытались решить подобные проблемы путем реализации стратегии, аналогичной нынешним реформам, но только во время президентства Энрике Пенья Ньето был принят документ, так называемый «пакт за Мексику», который обеспечил конкурентоспособную среду для основных политических партий

и наметил направления важных структурных преобразований в Мексике.

«Пакт за Мексику» позволил преодолеть политические разногласия; его принятие — историческое событие, которое позволило правительству начать реформы в ключевых секторах экономики.

Область применения и значение структурных реформ

В первые 20 месяцев работы администрации Энрике Пенья Ньето были одобрены 11 крупных реформ, направленных на повышение производительности, укрепление прав граждан и обеспечение демократии и свободы. Этот пакет включает реформы в энергетике, трудовой сфере, образовании, экономической конкуренции, в области телекоммуникаций и вещания, финансовую и налоговую реформы. Вступил в силу новый закон о правовой защите, новый Уголовно-процессуальный кодекс, началась реформа политических выборов и переход к принципу прозрачности.

В недавно опубликованном исследовании Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) отмечается, что в последние два года Мексика проводит огромное количество реформ в целях выполнения рекомендаций ОЭСР (рис. 1). В 2013 и 2014 годах страна провела значительные преобразования в государственной политике, в итоге рекомендации ОЭСР выполнены на 58 %.

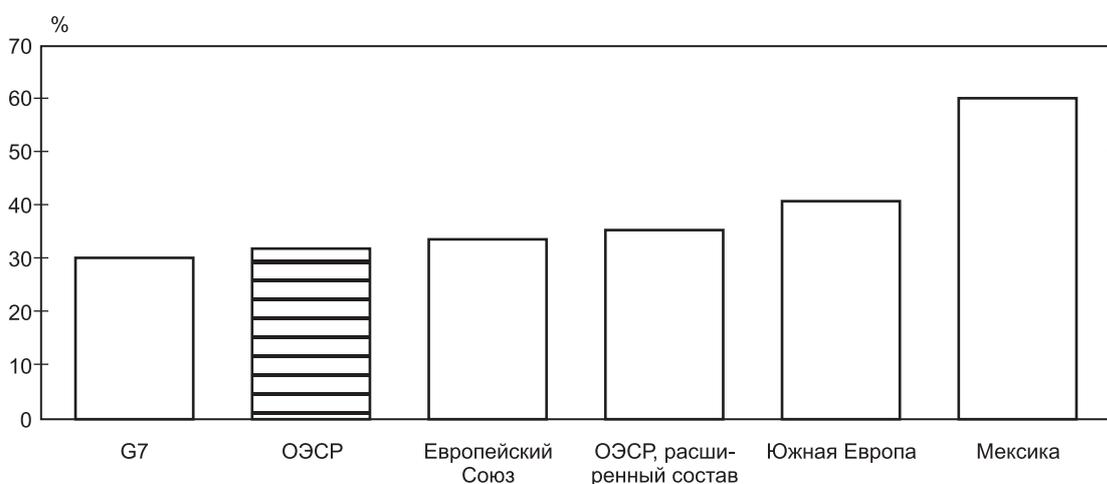

Рис. 1. Доля выполнения рекомендаций ОЭСР в 2013–2014 годах
(Самая высокая активность при проведении реформ среди членов ОЭСР — у Мексики)

Источник: Экономические обзоры ОЭСР (2015), экономический рост.

Пакет структурных реформ демонстрирует стремление к поощрению внутреннего экономического роста, сокращению неравномерности в распределении доходов, повышению качества образования, укреплению государственных институтов, снижению уровня нищеты. Однако для воплощения этих целей необходимо продолжать укреплять потенциал институционального управления. В связи с этим особенно актуален конструктивный политический диалог.

Если проводить реформы в прежнем темпе и выполнять их в полном объеме, то в ближайшие 10 лет прирост годового ВВП на душу населения составит один процентный пункт (рис. 2), наиболее заметными в ближайшее время станут последствия реформы энергетики, а в долгосрочной перспективе проявят себя результаты реформ в сфере образования¹.

¹ Обзор экономического положения Мексики 2015 года / ОЭСР. [Документ онлайн]. 2015. Янв. С. 4 (дата обращения: 23.04.2015).

Рис. 2. Реформы способствуют экономическому росту

Источник: База данных ОЭСР долгосрочного сценария роста.

Положительную динамику мексиканской экономики в ходе структурных реформ признает не только ОЭСР, но и Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ). 19 апреля этого года директор-распорядитель МВФ Кристин Лагард заявила, что при полной реализации реформ мексиканская экономика может достичь темпов роста до 4 %¹, а 16 апреля президент Всемирного банка Джим Ен Ким отметил, что, инициировав программу структурных реформ со значительными изменениями в телекоммуникационном и энергетическом секторах, Мексика предстанет перед инвесторами обновленной, так что у них появится интерес к инвестициям в страну, что в конечном счете приведет к экономическому росту².

Положительная оценка программы структурных реформ в стране, данная ведущими организациями международного финансового сообщества, служит доказательством надежности и проработанности принимаемых мер. Благодаря этим реформам Мексика имеет одни из лучших показателей среди развивающихся стран, чтобы не зависеть от волатильных мировых рынков. Это показывает, что страна идет по пути эффективных изменений, направленных на ускорение национального экономического развития.

Все 11 реформ задают тон кардинальным изменениям. Особого внимания заслуживает уникальная реформа энергетического сектора. На встрече с членами Экономического клуба Нью-Йорка в сентябре 2014 года президент Пенья Ньето заявил: «...она (реформа энергетики) разработана, чтобы прекратить эксплуатацию наших природных ресурсов и нефтяных запасов, начавшуюся 60 лет назад, из-за которой наша страна всегда отставала от других стран, осмелившихся начать кардинальные изменения».

Благодаря этой реформе правительство сможет привлечь частный сектор к улучшению методов природо-

пользования и развитию других источников чистой энергии, не истощая свои запасы углеводородных ресурсов. Реформа позволит крупной государственной нефтяной компании PEMEX добывать 2,5 млн баррелей в день в течение следующих 20 лет³.

С внедрением в конце 2013 года энергетической реформы было создано несколько самостоятельных и финансово независимых регулирующих организаций, предъявляющих четкие требования при выдаче лицензий и обеспечивающих в этом секторе безопасность, в том числе экологическую.

Новые правила помогут контролировать вхождение энергетического сектора в зону большей конкуренции и сделают использование национальных ресурсов более эффективным⁴.

Первые результаты реформы энергетики мы сможем наблюдать уже в следующем году в виде повышения темпов роста на 3,3 % (прогноз МВФ на 2016 г.). Министр энергетики Педро Хоакин Колдуэлл сообщил, что, по оценкам, в общей сложности в сектор будет инвестировано 62 млрд 500 млн долларов, включая первый этап, предусматривающий строительство трубопроводов и инвестиции в первые три года из пяти. Кроме того, Колдуэлл заявил, что в этом году планируется привлечь 13 новых горнодобывающих и разведывательных компаний к совместной добыче углеводородных ресурсов. Наконец, генеральный директор PEMEX Эмилио Лосойя Остин объявил, что его компания уже нашла стратегических партнеров для четырех мегапроектов стоимостью более миллиарда долларов, которые привлекут еще больше инвестиций в государственную компанию⁵.

Как уже было сказано, несколько международных организаций признали существование экономических выгод в среднесрочной и долгосрочной перспективе при условии проведения 11 структурных реформ.

¹ Моралес И. При выполнении реформ ВВП Мексики достигнет 4 % // Эль Экономиста. [Документ онлайн]. 2014. Апр. (дата обращения: 21.04.2015).

² Hernández L. BM prevé crecimiento económico de México tras reformas estructurales // El Financiero. [Документ онлайн]. 2014. Апр. (дата обращения: 21.04.2015).

³ Структурные реформы и их реализация, многообещающий путь в будущее Мексики. [Документ онлайн]. 2014. Сент. (дата обращения: 23.04.2015).

⁴ OCDE, доклад. С. 18.

⁵ Мгана С. Сенер надеется на инвестиции 62 млрд 500 млн долларов в энергетический сектор // Эль Финансьеро. [Документ онлайн]. 2015. Март (дата обращения: 23.04.2015).

В последнем докладе МВФ отметил, что в 2015 году мексиканская экономика будет занимать 13-е место в мировом рейтинге — выше, чем Испания и Голландия

(табл. 1). МВФ также ожидает, что темп экономического прироста Мексики в 2015 году увеличится с 3 до 3,3 % после 1,4 % в 2014-м.

Таблица 1

В 2015 году экономика Мексики займет 13-е место по объему ВВП в списке из 189 стран

Место	Страна	2015	2016	2017	2018
1	США	18,124.73	18,959.22	19,864.55	20,769.42
13	Мексика	1,231.98	1,300.95	1,377.85	1,463.44
14	Испания	1,230.21	1,259.82	1,303.50	1,356.44
15	Россия	1,176.00	1,375.56	1,519.58	1,698.34
16	Индонезия	895.68	951.94	1,036.56	1,116.97
17	Турция	752.51	790.82	840.99	894.27
18	Голландия	749.37	768.89	797.97	832.09
19	Швейцария	688.43	695.10	711.66	728.71
20	Саудовская Аравия	648.97	705.68	760.18	811.40

Таблица 2

Макроэкономические прогнозы¹

	2011	2013	2014	2015	2016
	Текущие цены, млрд мексиканских песо				
ВВП	14 544.1	1.3	2.6	3.9	4.2
Личное потребление	9658.2	2.9	2.2	3.5	3.6
Государственное потребление	1683.2	1.4	2.1	3.7	2.4
Валовой прирост основного капитала	3156.7	-1.7	1.8	4.1	4.8
Конечный спрос на внутреннем рынке	14 498.2	1.7	2.1	3.6	3.7
Накопление запасов ^{1,2}	224.4	-0.1	0.3	-0.1	0.0
Итоговый спрос на внутреннем рынке	14 722.5	1.6	2.4	3.6	3.7
Экспорт товаров и услуг	4543.8	1.1	7.0	6.2	7.0
Импорт товаров и услуг	4722.2	1.8	5.0	4.2	5.5
Экспорт нетто ¹	-178.5	-0.3	0.6	0.6	0.5
Забалансовые статьи					
Дефлятор ВВП	—	1.8	4.0	3.5	3.0
Разрыв между фактическим и потенциальным объемом производства	—	-0.9	-1.3	-0.5	0.4
Потенциальный ВВП	—	2.8	2.9	3.1	3.3
Базовая инфляция	—	2.7	3.2	3.1	3.0
Индекс потребительских цен	—	3.8	4.0	3.5	3.1
Дефлятор личного потребления	—	2.7	3.9	3.1	3.0
Уровень безработицы ²	—	4.9	4.9	4.7	4.7
Потребность государственного сектора в заемных средствах ^{3,4}	—	-3.8	-4.2	-4.1	-3.6
Дефицит бюджета ⁵	—	-1.3	-1.7	-1.6	-1.1
Общий долг ⁶	—	36.9	40.5	—	—
Платежный баланс ⁴	—	-2.1	-1.9	-1.7	-1.8

Примечания: 1 — вклад в изменение реального ВВП, фактическая сумма в 1-й колонке; 2 — на основе национального исследования занятости; 3 — центральное правительство и государственные компании. Потребность государственного сектора в заемных средствах отличается от правительственного определения дефицита, так как исключает разовые доходы и чистые финансовые операции, такие как вычет доходов от добычи нефти из стабилизационного фонда; 4 — в процентах от ВВП; 5 — на основании потребности государственного сектора в заемных средствах, не включая инвестиции в государственные компании (REMEX и CFE); 6 — официальные данные общего долга за декабрь 2013 и сентябрь 2014 года.

¹ Мексика. Обзор. 2015 // Экономическая база данных ОЭСР.

В МВФ полагают, что в 2015 году росту экономики Мексики будут способствовать такие факторы, как восстановление строительной отрасли, рост инвестиций и поддержание потребительского сектора.

С момента принятия реформ Мексика стремится стать частью глобального мира. В последние десятилетия страна предприняла важные шаги в этом направлении: вступление в ГАТТ (ныне Всемирная торговая организация ВТО) в 1986 году, подписание соглашения о свободной торговле (ФТА) в 1994-м, членство в ОЭСР в том же году.

Международные отношения играют ключевую роль для Мексики, это явствует из заключения ряда международных соглашений и действий региональных организаций и механизмов, таких как Организация американских государств, Группа Рио, Организация по запрету ядерного оружия в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, Соглашение о свободной торговле, Саммит Европейского Союза / Латинской Америки и стран Карибского бассейна, а также организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (для стран Азиатско-Тихоокеанского региона). Мексика также входит в G20 и в расширенный состав G8 + 5 стран с развивающейся экономикой (наряду с Индией, Китаем, Бразилией и Южной Африкой).

28 апреля 2011 года был создан Тихоокеанский альянс, который представляет собой пакт региональной экономической и политической интеграции; членами альянса являются Чили, Колумбия, Мексика и Перу.

«Масштаб этого экономического блока впечатляет. Он имеет общее население 204 млн человек (36 % населения Латинской Америки), ВВП 1,7 трлн долларов США (35 % регионального ВВП), объем глобальной торговли 1 трлн 45 млрд долларов США, что составляет половину общемировых величин»¹.

Мексика также является десятым членом ТТП (Транс-Тихоокеанского партнерства), что позволяет стране в полной мере участвовать в переговорах и влиять на решение всех вопросов в рамках ТТП, а также отстаивать интересы Мексики в дискуссиях и, как следствие, при развитии региона. Стратегическое значение ТТП заключается в том, что эта инициатива служит платформой для увеличения объемов торговли и содействия коммерческой интеграции Мексики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, с одной стороны, предоставляя Мексике возможность диверсифицировать экспорт, с другой — максимизируя ее ведущую роль в цепи глобальных поставок как для американского рынка, так и для Азиатско-Тихоокеанского региона (в настоящее время наиболее динамично развивающееся в экономическом плане).

Таблица 3

Соглашения Мексики о свободной торговле

Соглашение	Область действия	Дата подписания	Дата вступления в силу
Северо-Американское соглашение о свободной торговле	Товары и услуги	17 декабря 1992 г.	1 января 1994 г.
Коста-Рика — Мексика	Товары и услуги	5 апреля 1994 г.	1 января 1995 г.
Никарагуа — Мексика	Товары и услуги	18 декабря 1997 г.	1 июля 1998 г.
Чили — Мексика	Товары и услуги	17 апреля 1998 г.	1 августа 1999 г.
Европейский Союз — Мексика	Товары и услуги	8 декабря 1997 г.	1 июля 2000 г. (товары) 1 октября 2000 г. (услуги)
Израиль — Мексика	Товары	10 апреля 2000 г.	1 июля 2000 г.
Северный Треугольник — Мексика	Товары и услуги	29 июня 2000 г.	15 марта 2001 г. 1 июня 2001 г.
Европейская ассоциация свободной торговли — Мексика	Товары и услуги	27 ноября 2000 г.	1 июля 2001 г.
Уругвай — Мексика	Товары и услуги	15 ноября 2003 г.	15 июля 2004 г.
Япония — Мексика	Товары и услуги	17 сентября 2004 г.	1 апреля 2005 г.
Колумбия — Мексика	Товары и услуги	13 июня 1994 г.	1 января 2011 г.
Перу — Мексика	Товары и услуги	6 апреля 2011 г.	1 февраля 2012 г.
Центральная Америка — Мексика	Товары и услуги	22 ноября 2011 г.	Ожидает решения

Заключение

Каждая реформа преследует определенную цель. Весь пакет создаст в Мексике правовую и институциональную базы, которые сделают страну более конкурентоспособной и продуктивной, местом, где неукоснительно соблюдаются юридические нормы, а основными ценностями повседневной жизни являются демократия и прозрачность.

¹ *Сокорро Р.* Регионализм: Тихоокеанский альянс, Латинская Америка становится глобальной. 2014 (весна).

Принятие программы реформ — историческое событие, которое, тем не менее, представляет собой только часть большого трансформационного проекта, осуществляемого администрацией президента Пенья Ньето. Правительство под его руководством работает над реализацией всего пакета, гарантируя, что в конечном счете результаты реформ улучшат условия жизни мексиканских семей. Федеральное правительство взяло на себя обязательство проводить соответствующие законодательные изменения и адаптировать государ-

ственную политику к трем основным задачам: сделать Мексику более продуктивной и конкурентоспособной страной, обеспечить соблюдение законов и перейти от выборной демократии к демократии, основанной на результатах.

Стремление осуществить полноценные структурные реформы в Мексике демонстрирует намерение правительства построить страну, обновленную не толь-

ко в экономическом, но и в социальном плане. В глобальном мире важная задача всех стран — согласовывать свои национальные интересы с интересами, определившимися в международной среде, ориентируясь в первую очередь на общественное благо. Структурные изменения в Мексике приведут к росту благосостояния с помощью экономической политики, подотчетности и обеспечения стабильности.

Р. С. Гринберг¹

«УСКОЛЬЗАЮЩИЙ» МИР И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Несколько лет назад известный британский социолог Энтони Гидденс заметил, что мы живем в «ускользающем» мире, и это очень точное утверждение. В результате глобализации мир стал более взаимосвязан и однороден, но именно это качество делает его все более неустойчивым и хрупким. В экономическом устройстве происходят серьезные изменения: инновационная экономика постепенно вытесняется моделью финансовой экономики с упором на финансовые рынки, а не на инновации как главный фактор повышения конкурентоспособности и прибыли. Происходит перераспределение силы и влияния в глобальном экономическом сообществе, формируются новые полюса экономического развития — страны БРИКС, например. Традиционные механизмы регулирования и саморегулирования все чаще дают сбой, что и подтвердил глобальный экономический кризис 2008–2009 годов.

Перспективы окончательного выхода из кризиса туманны, но первая его волна была погашена массивными финансовыми вливаниями, активной государственной антикризисной политикой практически во всех странах мира. Есть ощущение, что мы станем свидетелями радикальных изменений в современном экономическом устройстве, смены экономических моделей развития и, может быть, даже возвращения на новых витках диалектической спирали знакомых смыслов и понятий, ценностей и норм. Уже сегодня можно очертить некоторые ее наиболее значимые элементы. Сначала о том, что прояснилось в ходе кризиса.

Первое: возвращение циклов. Отсутствие каких-либо серьезных потрясений в странах — лидерах мировой экономики за последние 15–20 лет дали основания считать, что циклический характер экономической динамики преодолен. Как полагали многие, посредством самокоррекции рынок обеспечивает поступательное

социально-экономическое развитие, а разнообразные финансовые инструменты (новоиспеченные финансовые инновации типа деривативов) позволяют так диверсифицировать и распределять риски по финансовой системе, что это в целом укрепляет устойчивость и безопасность экономики.

Но циклы, судя по всему, вернулись. Пока мы мало что можем сказать об их периодичности, границы циклов во многом были смазаны и факторами регулирования, и колоссальным расширением рынков в связи с геополитическими и геоэкономическими изменениями в мире. Но теперь мы точно знаем, что антициклическое регулирование, применявшееся в 1950–1980-х годах, опять нуждается в актуализации. Очевидно и то, что в условиях глобализации требуются новые механизмы антициклической политики.

Второе: переосмысление роли и места крупных организационно-экономических и организационно-правовых форм в современной экономике, корпоративного капитала, в том числе ТНК. Предположения о том, что компьютерная эра приведет к повышению эффективности малых форм, что малый и средний бизнес выйдет на первые роли в обеспечении экономического роста и структурных сдвигов мировой экономики, в целом не подтвердились. На самом деле везде продолжается волна слияний и поглощений, изменяется качественный состав лидеров гонки глобальной конкуренции, но именно крупные корпорации остаются локомотивами национальных экономик. И эта тенденция прослеживается во всех странах и регионах мира. По-иному выстраивается и антимонопольная политика, которая ориентируется не столько на масштабы корпораций и доли занимаемых ими рынков, сколько на конкретные проявления монопольного (антиконкурентного) поведения, факты нарушения антимонопольного законодательства.

Третье: реабилитация роли реального сектора экономики, материальной экономики вообще. Происходит пересмотр самого понятия постиндустриализма. Есть некая ирония в том, что о нем более чем уместно говорить применительно к постсоциалистическим странам, которые начали свои реформы с разрушения национальной промышленности, примитивизации структуры экономики. И в этом смысле промышленность, освобождая место некоему постиндустриальному обществу, уходит не как некий отживший исторический

¹ Директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Экономическая социодинамика» (в соавт.), «Индивидуум & государство: экономическая дилемма» (в соавт.) и др.; статей: «Экономика современной России: состояние, вызовы, перспективы», «Восстановить доверие в треугольнике Запад, Украина, Россия», «Интеллектуальная катастрофа России», «О новой концепции внешней политики Российской Федерации» и др. Президент Новой экономической ассоциации. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова за научные работы II степени. Награжден орденом Дружбы, почетной грамотой Президиума РАН, Почетным знаком Института экономики РАН.

экономический феномен. Ее временные и пространственные перемещения, то есть массовое закрытие промышленных предприятий, есть результат чрезмерного упования в ходе системной трансформации на силы саморегулирования, а также следствие резко усилившейся глобальной конкуренции. Собственно, только в этом смысле мы можем говорить об очевидном постиндустриальном тренде.

Для указанных стран, которые оказались не в силах сохранить национальные сегменты современной промышленности, такой тренд — суровая реальность, но для государств — лидеров глобальной экономики это не совсем так или совсем не так. Здесь, мне кажется, уместно заметить, что наименее болезненно преодолевают кризис именно те страны (ФРГ и КНР), которые не поддаются соблазнам модного постиндустриализма и остаются верны традиционным промышленным секторам экономики. Для Германии это так называемые инвестиционные товары (машины и оборудование), для Китая — изделия потребительского назначения.

Кроме того, сокращаются зоны экспорта производительного капитала, где еще вчера низкая цена рабочей силы и слабая социальная защищенность наемных работников обеспечивали ТНК сверхприбылями. Кризис расставляет все точки над *i*, и одной из актуальных тем политико-экономической повестки дня становится репатриация промышленных производств, создание новых рабочих мест в экономически развитых странах по обе стороны Атлантики.

Четвертое: возвращение государства в экономику, значительное повышение его роли в регулировании хозяйственных процессов, появление ряда новых функций с точки зрения обеспечения экономической безопасности, реализации национальных интересов, а также поддержки инновационных секторов и долгосрочного развития социальной инфраструктуры общества. Но очевидно и другое. Не везде идеология *рыночного фундаментализма*, правившего бал последние 30 лет в качестве «руководства к действию», сдает свои позиции. К сожалению, именно применительно к России можно сказать без особого риска преувеличения, что «рыночный фундаментализм умер, но дело его живет». Попробую показать это «без гнева и пристрастия».

На первый взгляд текущее положение отечественной экономики не так уж и плачевно. Цены на нефть уже более или менее стабильны или по крайней мере не снижаются так стремительно, как раньше. Рубль, как нам говорят власти с едва скрываемым облегчением, якобы нащупал свой «равновесный» уровень и даже начинает неожиданно укрепляться, вызывая растущую панику у ревнителей радикального импортозамещения. Только что начавшаяся рецессия идет к своему завершению, да и потребительская инфляция обещает снизиться к концу текущего года до однозначной величины. Так, может, пора расслабиться и перестать пугать друг друга надвигающимся коллапсом? Правительство, похоже, этим и занимается, демонстрируя спокойствие и оптимизм.

Однако что-то мешает разделить его радужные ожидания. Почему? Во-первых, нет никаких твер-

дых оснований надеяться на сколько-нибудь продолжительную устойчивость сегодняшних цен на нефть, не говоря уже об их возможном росте до предновогоднего уровня. Наоборот, множатся признаки, указывающие на весьма вероятное удешевление углеводородного сырья на мировом рынке. Так что, скорее всего, ценопонижительный тренд окажется здесь сильнее ценоповышательного. И тогда наша рецессия, как, впрочем, и инфляция (в результате нового девальвационного толчка), получит очередное ускорение. Вторых, даже если правительственные предположения окажутся более или менее точными, нам не придется радоваться этому хотя бы потому, что ни антикризисный план правительства, ни денежно-кредитная политика Центробанка не нацелены на изменение индустриального ландшафта страны и структуры экспортных доходов. А ведь без этого страна рано или поздно (скорее рано) вновь окажется беззащитной перед очередным провалом нефтяных цен со всеми хорошо известными последствиями для госбюджета, курса рубля, величины инфляции и динамики реальных доходов населения.

Нельзя сказать, что власти совсем уж игнорируют подобную перспективу. Время от времени первые лица государства публично заявляют об исчерпанности прежней модели не только экономики, но и экономической политики. Говорится даже о необходимости новой парадигмы в управлении народным хозяйством. Все это, конечно, не может не радовать. Но вот дальше начинаются вопросы. Ключевой из них: что же конкретно намеревается предпринять наш правящий дом, чтобы хотя бы в среднесрочной перспективе прекратить столь унижительную зависимость отечественной экономики от растущей неустойчивости мировых цен на нефть?

К сожалению, приходится констатировать, что декларируемые сегодня установки и представления правительственных чиновников и экспертов о путях решения этой задачи не только не внушают оптимизма, но и вызывают дополнительную тревогу, если учесть, что время не на нашей стороне, и, следовательно, сползание страны в «технологическое захолустье» может оказаться необратимым. «Снизить государственное присутствие в экономике», «провести структурные реформы», «повысить эффективность госрасходов», «сократить административные издержки и налоговое бремя для бизнеса» — вот основные правительственные идеи, реализация которых должна вывести страну на траекторию устойчивого цивилизованного развития.

Что здесь скажешь? Во-первых, все это уже было и почему-то не дало желаемых результатов. Примитивизация экономики продолжалась и в «тучные», и в «тощие» годы, несмотря на периодические ритуальные заклинания о ее вреде для позиционирования страны в суровом глобальном мире. Вот и сегодня нельзя избавиться от ощущения, что правительство не знает никаких других способов избавления от пресловутой «нефтяной иглы», кроме совершенствования инвестиционного климата, снижения инфляции до 4 % и выпуска в пожарном порядке феде-

ральных целевых программ по принципу «всем сеграм по серьгам». Но ведь не может же оно не знать, что даже при идеальном инвестклимате и нулевой инфляции желаемые структурные преобразования в экономике нигде в мире не осуществлялись без мощной систематической государственной поддержки в виде промышленной политики. Правда, у нас уже есть закон о промышленной политике, но уж больно он декларативный. Очень бы не хотелось, чтобы и на этот раз был упущен великолепный шанс модернизировать индустриальный ландшафт страны. Великолепный в том смысле, «что нет худа без добра»: неожиданный девальвационный протекционизм в сочетании с западными санкциями буквально толкает экономику к диверсификации ее структуры.

Во-вторых, требуется, наконец, внести ясность по поводу так называемых структурных реформ, о необходимости которых постоянно говорят как высшие правительственные чиновники, так и экономисты, называющие себя либералами. Надо заметить, что и те и другие как-то неохотно раскрывают содержание таких реформ, и это не случайно. Ведь речь идет об исключительно непопулярных реформах, а это означает, что вам говорят примерно следующее: «Мы хотим, чтобы всем было лучше, и это когда-то произойдет, но во время реформ будет хуже, и это надо принять как должное». Граждане от этого не в восторге. Вот реформаторам и приходится заявлять о необходимости «распространения рыночных принципов на общественный сектор», «отказа от патернализма и повышения самоответственности граждан», «оптимизации государственных расходов» и т. д. А на самом деле ставится конкретная задача: значительно сократить социальные обязательства государства, то есть перевести на максимально возможную самоокупаемость здравоохранение, образование, культуру и науку. На человеческом языке это призыв к гражданам за все платить самим — от роддома до могилы. Столкнувшись с подобного рода ситуацией, а она такова, что больше половины россиян имеют месячный доход ниже 18 тыс. рублей, а 38 % — ниже 14 тыс. рублей, моя бабушка сказала бы: «Сначала мы были бедными, а потом нас обокрали».

Словом, проведя структурные реформы описанного содержания, страна гарантированно получит плутократическое элитарное асоциальное государство с примитивной монокультурной экономикой. Нам всем не повезло, что наша трансформация совпала по времени с модой на демонизацию государственной активности. Государство рассматривалось как зло, которого должно быть как можно меньше. Это была западная мода. Мы вообще склонны заимствовать все на Западе без учета места и времени, независимо от того, дружим ли мы с ним (как в начале 1990-х) или ссоримся (как сегодня). Но, в отличие от нас, на Западе до доктринам относятся не так слепо, а с некоторыми оговорками, поправками на реальную жизнь. У нас же есть генетическая склонность к внедрению «единственно верных» экономических теорий, будь то марксизм или свободный рынок. При этом мы легко меняем одну утопию на другую.

В результате сегодня мы переживаем кризис рыночной, но уж очень архаичной экономики. Конечно,

мы создали капитализм, но не с человеческим лицом. Примитивная производственная структура, плюс скандальное неравенство доходов бедных и богатых людей — такая экономика всегда уязвима. Ведь в сущности благополучие страны основывается на высоких ценах на нефть. В нулевые годы на нас, как известно, пролился золотой дождь, по тогдашнему курсу около 9 трлн рублей, но львиная доля этих денег пошла в кубышку, а остальные распределялись очень неравномерно и несправедливо. Добавьте к этому повсеместное господство крупного капитала, едва заметное присутствие малого и среднего бизнеса, а также очень мощное государственное давление на частных предпринимателей, и вы поймете, насколько мы уязвимы перед экономическими потрясениями.

Говорят, что мы «встаем с колен». Это означает, что мы вроде бы чувствуем себя ровней другим великим державам и всему совокупному Западу. Но наш потенциал сегодня намного слабее, чем в советские годы. Такое вставание — очень рискованная вещь. Особенно когда вдруг возникает задача «собрания земель». И мы пытаемся это делать, хотя никто из тех, кто вышел, особенно не хочет «собираться». Кроме того, для нас собирание сопряжено с гигантскими затратами, которые вообще могут подорвать существование нас самих. Крымская история только начинается, но она уже потребовала порядка двух десятков миллиардов долларов. Даже не вникая, правильно или неправильно мы присоединили этот благословенный полуостров, он становится обузой.

Словом, нам надо задуматься о целеполагании того, что мы делаем с точки зрения экономических перспектив. Речь не идет о восстановлении директивного планирования. Оно, как выяснилось опытным путем, просто противоречит человеческой природе. Но ни одна страна мира не добивалась благоденствия, если не планировала желаемой цели и путей ее достижения.

В связи с этим упомяну один проект, вокруг которого не перестают кипеть идеологические страсти, хотя время не играет на нас. «Восточный полигон» — это название комплексного, прежде всего железнодорожного, проекта. Речь идет о расширении узких мест Транссиба и БАМа или — шире — о модернизации двух этих магистралей. Вот цифры. Потребность в инвестициях на развитие БАМа и Транссиба оценивается в 562,5 млрд рублей. Прежде всего это государственные инвестиции. За счет Фонда национального благосостояния выделяется 150 млрд рублей, из федерального бюджета должно поступить 110,2 млрд рублей. Столько же — 260 млрд рублей — РЖД привлечет за счет государственно-частного партнерства. Кто эти частные партнеры, понятно: «Мечел», «СУЭК», «Норникель», «Евраз Холдинг». Только за прошлый год они вывезли с месторождений региона свыше 57,9 млн тонн ископаемых. А после реконструкции дорог, к 2020 году, они смогут вывезти до 113,2 млн тонн. Заинтересованность налицо. Остальное — инвестиции РЖД.

Инвестиции — это именно то, в чем сегодня острее всего нуждается российская экономика. Тем более что, по известным расчетам российских специалистов, каж-

дый рубль инвестиций в железнодорожную инфраструктуру дает 1,46 рубля мультипликативного эффекта для ВВП страны. То есть инвестиции в железную дорогу «будут» не только новые инвестиции в смежных отраслях, но и новый спрос.

Есть традиционное возражение со стороны либеральных экономистов: госинвестиции неэффективны, очередная «стройка века» обогатит не столько страну, сколько чиновников. Я не хочу вдаваться в тему «откатов» и вообще уходить в сферу прокуратуры. Я рассуждаю как экономист. А здесь все достаточно прозрачно. Там, где государство или его госкомпания берутся за проект, который может реализовать частник, они действительно при прочих равных условиях (которых, как правило, никогда не бывает) должны уступать по эффективности частнику — мотивация, когда ты работаешь на себя или на государство, очевидно разная. Но с «Восточным полигоном» ситуация принципиально иная. За такой проект частник просто не может взяться. Непреодолимый для него ограничитель в том, что инвестиции будут некупаемы (в горизонте до 85 лет), если учитывать только прямые эффекты, а мультипликативный эффект может учесть государство, но никак не частник.

Так что же, если окупаемость «не видна», то и за проект браться не стоит? Есть те, кто именно так и отвечает. Но, во-первых, без таких масштабных проектов нам не решить стоящие инфраструктурные проблемы, а без их решения не добиться расширения частных инвестиций. Для частного инвестора развитая и эффективная инфраструктура значит не меньше, а сегодня даже больше, чем хороший инвестиционный климат. Во-вторых, подобные проекты по своему масштабу именно государственные еще и потому, что без них не произойдет ускорения развития территорий, а это государственная задача. В-третьих, в условиях насту-

пающего кризиса крупный инвестиционный проект — это важная антикризисная мера. Как написал в одной из своих статей министр экономического развития Алексей Улюкаев, «сейчас риски госинвестиций существенно ниже рисков отсутствия инвестиций». Очень красноречивое и неожиданное признание.

Но вернемся на «Восточный полигон». Это не только «полигон» в том смысле, что Транссиб и БАМ имеют безусловное военно-стратегическое значение. Не менее важно другое: Транссиб в определенном смысле создал Россию, связав ее воедино, и эта связь остро необходима. Но, по расчетам РЖД, на большинстве участков трассы Восточной Сибири и Дальнего Востока коэффициенты использования мощности перешагнули предельные значения. Значит, альтернативы модернизации Транссиба и БАМа просто нет.

Давайте вспомним Столыпина: «Деньги ходят по дорогам». Для экономики деньги — это жизнь. Нам давно пора активно развивать Восточную Сибирь и Дальний Восток. Почему, понятно и без многословных обоснований. Модернизация Транссиба и БАМа важна не только сама по себе. Это шаг сначала к новому современному инфраструктурному стержню, который, в свою очередь, должен стать основой для развития, прежде всего в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, новых производств, появления новых рабочих мест, если угодно, новых городов.

«Восточный полигон» должен научить не только успешно реализовывать крупные инфраструктурные проекты, выстраивать не на бумаге государственно-частное партнерство, эффективно противостоять кризису, но и буквально строить новую жизнь.

Владимир Путин и Дмитрий Медведев не устают говорить о том, что нам нужна новая модель экономики. Самое время прокладывать для нее новые рельсы.

А. А. Гусейнов¹

О НАЦИИ КАК ИДЕЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ ЯВЛЕНИИ

Предлагаемые заметки являются приглашением к дискуссии и претендуют лишь на одну из точек зрения в ней.

Несомненный, во многих своих проявлениях очевидный факт общественного развития в современном мире состоит в том, что глобализация и универсализация в одних сферах человеческой жизнедеятельности сопровождаются нарастающей локализацией и кон-

фликтностью в других сферах. Если исходить из того, что цивилизация — это «тело» общества, его материальная сторона, а культура — его «душа», идейно-смысловая сторона, то можно сказать: универсализация касается цивилизационного аспекта общества, а локализация — его культурного аспекта. По сути дела, речь в конечном счете идет именно о конфликте цивилизации и культуры. Человечество по своим экономическим и технологическим показателям, уровню производительных возможностей подошло к той стадии, когда оно способно преодолеть исторически обусловленную разобщенность и перейти к формированию единого цивилизационного пространства. Процессы глобализации как раз ведут в направлении единой цивилизации, охватывающей все человечество. В то же время в области культуры общий вектор развития имеет противоположную направленность, здесь

¹ Директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика», «Негативная этика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» (на англ. яз.), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

мы наблюдаем очевидное нарастание непонимания, отчужденности, воинственных противостояний. Складывается впечатление, что человечество цивилизационно готово стать единым, а культурно — нет.

Разумеется, цивилизационный аспект жизнедеятельности не существует вне, помимо культурного. Речь идет не только об общем соответствии между типом цивилизации и типом культуры, которое не без конфликтов и противоречий достигается в пределах больших исторических эпох. Взятая в своем непосредственном выражении цивилизационная деятельность также протекает в определенном интеллектуальном и аксиологическом обрамлении, предполагает и формирует обслуживающую ее человеческую культуру. В этом смысле глобализация, распространяющаяся на все континенты и народы, и для того, чтобы она могла распространяться на них, сопровождается и дополняется соответствующей культурой, необходимой и достаточной для протекания этих процессов. Таковой является, например, идеология, психология и даже этика потребительства, своего рода fast food культуры. Этот непосредственно включенный в практику глобализации суррогат культуры, конечно, не снимает и не смягчает отмеченный разрыв между цивилизацией и культурой, а сам становится дополнительным источником культурных напряжений и противостояний в мире.

Когда мы говорим о нарастающей изоляции и углубляющихся конфликтах в области культуры, в особенности на стыке различных исторически сформировавшихся типов культур, то речь идет о культурах в их относительной или абсолютной самостоятельности по отношению к экономическим и технологическим аспектам общества; о культурах в том виде, в каком они воплощены в соответствующих религиях, искусствах, философиях, нравственных практиках, национальных традициях и тому подобном и имеют для людей самоценное значение. Существует много свидетельств роста культурного самосознания в его акцентированно самобытном выражении, являющегося негативной реакцией на культурные стандарты глобализации. Среди них можно назвать, например, возвращение религии в публичное пространство, рост влияния так называемых консервативных идеологий, возрождение традиционных форм поведения. Одним из свидетельств этого, а тем самым и одним из показателей расхождения между цивилизацией и культурой в современном мире является рост национального самосознания, национализма, национально ориентированных общественных и политических движений. Особого размышления в этом отношении заслуживает опыт Европы.

Новоевропейская цивилизация, которая сегодня играет ведущую роль в цивилизованном выравнивании современного мира, принесла с собой идею национального государства. Национальное государство — это европейское, а если говорить более детально, то западноевропейское изобретение. Именно Европа своей невероятно успешной и в то же время глубоко трагичной судьбой последних двух столетий продемонстрировала необыкновенную продуктивную мощь национально организованной формы общественного бытия и испытала все сопряженные с этим смертельные

опасности. Сегодня Европа стремится прорвать ставший для нее узким горизонт национального государства и сформировать (отчасти даже сформировала) политико-юридическое и финансово-экономическое пространство, которое соответствует общей тенденции, ведущей к единой цивилизации. Однако, как ни странно, это не исключило, а в известном смысле даже обострило национальное самосознание европейских народов, разбудило «спящих собак» этничности.

Судьба национальной идеи в современном мире, в особенности ее противостояние культурно-нивелирующим тенденциям складывающейся глобальной цивилизации, позволяет по-новому взглянуть на феномены нации и национализма в историческом процессе. Здесь хотелось бы обратить внимание на два момента.

1. В нашей литературе, как и в общественном сознании, существуют два разных понимания природы нации. В одном варианте она понимается как этнокультурная общность, принадлежность к которой определяется рождением и воспитанием. Другая точка зрения рассматривает нацию как политическую общность, принадлежность к которой определяется гражданством. Эти концептуальные подходы, на мой взгляд, односторонни и абстрактны. Это не значит, что они ложны. Нет, они именно односторонни. Они представляют собой разное понимание нации, выражающее взгляды и пристрастия тех, кто дает такие определения, но не суть нации в ее полноте. Это приблизительно так, как если бы, желая определить человека, одни говорили бы, что он есть разумное существо, а другие возражали бы, что он есть существо общественное (социальное). На самом же деле человек разумен в качестве социального существа и социален в качестве существа разумного. То же самое относится к отмеченным различиям в определении нации. В действительности нация представляет собой этнокультурную общность, которая получает продолжение и завершение в форме национального государства и благодаря этому становится нацией.

Чтобы понять это единство культурной и политической составляющих нации, следует иметь в виду, что нация возникает как преодоление сословного разделения общества. Национальное государство соответственно является постсословным, то есть демократическим. Государство только в качестве национального становится демократическим.

Сословное государство характеризовалось тем, что господствующие в нем сословия были культурно, ментально отделены от угнетенных сословий, противостояли им. Общество в ту феодальную эпоху было полуобразованным. Образование являлось привилегией так называемых благородных сословий, а низшие сословия составляли необразованную и бесправную массу подданных. Государственное устройство, политика и в значительной степени политический класс в сословно организованном обществе были отделены от этнокультурной основы подавляющего большинства подданных государства. Линии социально-статусных размежеваний были также в целом и линиями культурных размежеваний. Становление нации и формирова-

ние национального государства означали преодоление данного разрыва, и само это преодоление было его важнейшим элементом. Народ становился нацией по мере того, как государство становилось национальным, создавая единое пространство для развития национальной культуры, интеллектуального и человеческого роста своих граждан.

Каждый человек принадлежит определенной этнокультурной общности, это от него так же мало зависит, как факт его рождения и то, в какой семье и культурной среде он родился и вырос. Этнонациональная принадлежность человека — это его судьба. Этничность свою, как и свое тело, человек не выбирает. Это не значит, конечно, что этничность представляет собой биологический феномен. Это лишь значит, что человек есть социальное существо и свою первичную групповую принадлежность он наследует. Этническая принадлежность человека аналогична его биологической определенности только в том, что и то и другое он приобретает еще до того, как получает возможность выбирать. Иное дело — гражданство, которое в значительной мере является делом выбора. Однако человек становится гражданином не в качестве абстрактной единицы, а в своей этнонациональной определенности. Особенность национального государства и одновременно критерий того, что оно действительно является национальным и в этом смысле соответствует своему понятию, состоят в том, что оно позволяет гармонически сочетать предзаданную этнонациональную идентичность человека с его гражданской идентичностью. И оно остается национальным в той мере, в какой умеет это делать. (Особый вопрос: как достигается такое сочетание? Опыт свидетельствует, что оно может достигаться разными путями — от возведения этничности в политический принцип до такого полного отделения одного от другого, когда само гражданство становится своего рода новой этничностью, дополняющей первичную этничность, какой бы она ни была.)

Словом, современная демократия, а соответственно и понятие национального государства, которое является синонимом демократического, включает свободу этнокультурного развития народов как естественной основы индивидуальных свобод. Уместно заметить: именно потому, что нация существует в единстве государственно-политических и этнокультурных аспектов, соединяет в себе идею гражданства и идею этничности, всегда сохраняется опасность универсально-космополитических и националистических, шовинистически-почвеннических извращений в ее понимании.

2. Нация, будучи постсословной формой человеческого общежития, означала не только политическое равенство, трансформацию общества из полуобразованного состояния в образованное и просвещение народа, возвышение патронированных подданных в самостоятельных граждан. Она вместе с тем противостояла разделяющей сословной идеологии и представляла собой новую форму духовной общности. Нация всегда несет определенную идею. Без идеи нации нет самой нации. Нацию можно и следует понимать как определенную форму духовной общности и соответственно как определенную ступень духовного возвышения об-

щества. В этом смысле важно подчеркнуть, что нация является не только постсословным, но и пострелигиозным образованием.

Нация представляет собой пострелигиозное образование не только в хронологическом, но и в собственном историческом смысле. Она находится также в ряду духовных форм и претендует на то, чтобы быть более высокой, объединяющей народ и одухотворяющей ее силой, чем религия. Одной из самых драматичных, пожалуй, самой драматичной линией становления европейских наций было противостояние церковно-папскому универсализму и борьба за сплочение, единство народа против разделяющих его религиозных различий, за учреждение секулярного публичного пространства государства. Одна из доказанных и выстраданных опытом европейского развития в Новое время истин состоит в том, что национальное единство выше и важнее не только классово-политических, но и религиозных различий. Эта же истина получает подтверждение в области межгосударственных отношений: теперь уже оказывается, что национальные различия важнее, намного более существенны и значимы, чем религиозное единство. Общий характер и схемы взаимодействия между господствующей религией и формирующимися нациями, которые продемонстрировала европейская история, подтверждаются также на опыте других регионов, в частности современного мусульманского Ближнего Востока.

Какой более высокий духовный смысл несет нация, в чем заключается ее идея? Выраженная в предельно общем и кратком виде, она заключается в справедливости. Национальная стадия исторического развития одновременно означает принципиально новую, более высокую стадию общественной справедливости. Справедливость, совпадающая с идеей нации в своей антисословной направленности, означает демократическое жизнеустройство общества (то, что в знаменитом лозунге Французской революции 1789 г. выражено словами «свобода» и «равенство»), а в своей антиклерикальной направленности — служение народу (то, что в том же лозунге выражено словом «братство»). Эти два аспекта национальной идеи связаны между собой самым тесным образом: служение народу вместо служения Богу означало готовность найти земное решение человеческих упований, которые как раз увязывались с демократическими формами жизни.

Понимание нации как духовной общности переходит в более высокое понимание человеческого достоинства и справедливости, обеспечивая тем самым гражданское единство и внерелигиозную сплоченность общества. Такое понимание имеет особенно важное значение в том отношении, что оно оставляет открытой перспективу вненационального взгляда на мир, предохраняя тем самым от националистической зашоренности сознания. Национальное самосознание опирается на осознание ценности национального бытия. Это своего рода аксиома, выражающая факт принадлежности человека к определенной нации и позволяющая, даже обязывающая его выделять ее в своих ценностных приоритетах среди всех других наций, подобно тому как он выделяет своих родителей среди всех

остальных людей. Вместе с тем желание блага своему народу и стремление внести свой вклад в его приумножение предполагают знание того, в чем заключается это благо. Это означает, что национальные проблемы можно правильно понять только в более широком, чем сама нация, исторически развивающемся контексте человеческой и исторической справедливости.

Взгляд на нацию как одновременно исторический и духовный феномен напрямую связан с пониманием патриотизма. Патриотизм как любовь к Отчеству включает привязанность ко всему своему, родному — к языку, природе, воспоминаниям детства, памяти предков и т. п. Одновременно и даже прежде всего он нацеливает на то, чтобы подчинить личные интересы общественным («жила бы страна родная, и нету других забот!»), понятым именно как благо своего народа и государства. Патриотический строй мыслей и чувств выходит в жизни человека и общества на первый план тогда, когда речь идет о взаимоотношениях, сотрудничестве, конкуренции, конфликтах с другими народами и государствами. Патриотизм выражает жизненную позицию, исходящую из убеждения, что Родина (Отечество) — превыше всего. Он соединяет, сплачивает людей в пределах Отечества и в то же время неизбежно (по крайней мере до некоторой степени) ментально замыкает их в этих пределах, обособляя тем самым от представителей других отечеств. В этой двойственности заложена возможность различных теоретических и идеологических толкований патриотизма, в результате чего патриотизм, призванный сплачивать людей, становится источником раздоров между ними.

В истории России то или иное понимание патриотизма (своего и чужого, самобытности и универсальности, традиций и заимствований и т. д.) было одним из основных предметов идейных и практических противостояний в обществе. Тема эта в русском исполнении настолько большая и сложная в своих конкретных решениях и нюансах, насколько и острая, даже кровавая в своих практических следствиях. В общем и целом в данном вопросе выделяются два полярных подхода, каждый из которых называет свой взгляд на патриотизм истинным, а противоположный — ложным.

Один из этих подходов, который идейными противниками был клиширован как слепой и казенный, акцентирует внимание на самобытности России. Он исходит из того, что у России свой особый путь и иноземные, прежде всего западные, заимствования для нее губительны, что ее беды начались с реформ Петра I, свернувшего страну с ее собственного оригинального пути на путь заимствований западных образцов. Представители этого направления считают, что свое лучше чужого лишь потому, что оно свое. Их отношение к истории, традициям и быту народа является не критическим, и потому их патриотизм считается слепым. А одну из счастливых особенностей своего народа они видят в покорности государству, стоящему на страже общего блага, и потому патриотизм их именуется казенным. В самом общем философско-методологическом плане данный подход получил выражение в концепции локальных культурно-исторических

типов Н. Я. Данилевского, согласно которой не существует общих закономерностей и единой линии развития народов, а каждый из них в своей типологической определенности равен самому себе. В конкретной нравственно-политической направленности патриотизм в данном случае отождествляется с национализмом и реализует себя в противостоянии буржуазно-индивидуалистической Европе.

Другой подход, который его идейными противниками обозначается как универсалистский, космополитичный, антинациональный, исходит из убеждения, что нация не является последним словом истории и ее судьбу надо рассматривать в более широкой, чем сама нация, духовной и исторической перспективе. Суммируя кратко, его можно свести к следующим положениям.

Нельзя любить Родину с закрытыми глазами: патриотизм не исключает, а предполагает и требует критического отношения к наличному состоянию народа и государства, уровню их политического, интеллектуального, нравственного развития.

Никто не имеет патента на патриотизм, тем более правящие круги, которые склонны злоупотреблять патриотическими чувствами ради охраны и укрепления своего привилегированного положения.

Патриотизм — это не национализм, он предполагает и требует уважительного отношения к другим народам и государствам, заимствования всего передового, ценного из их опыта и достижений.

Второй подход, на мой взгляд, исходит из более адекватного понимания нации как исторического и духовного феномена, чем первый.

Ниже приведу ряд цитат В. С. Соловьева в надежде, что он может стать одним из в высшей степени полезных заочных участников нашей дискуссии. Его позиция может быть сегодня особенно актуальной в том, что касается национализма, имея в виду, что сегодня об этом стали говорить без негативной коннотации¹.

«Ставя, в силу национального принципа, служение своей (курсив мой. — А. Г.) народности как *высшую цель*, каждый народ тем самым обрекает себя на нравственное одиночество...» (с. 280).

«...принцип национальностей может представляться в другом виде: он может являться не как выражение народного эгоизма, а как требование международной *справедливости*, в силу которой *все* народности имеют *равное* право на самостоятельное существование и развитие» (с. 280).

«Для того чтобы народ был достойным предметом веры и служения, он сам должен верить и служить чему-нибудь высшему и безусловному: иначе верить в народ, служить народу значило бы верить в *толпу людей*...» (с. 281).

«Но чтобы патриотические заботы о народной самостоятельности были плодотворны и безупречны, необходимо помнить две вещи: во-первых, что самостоятельная народность все-таки не есть высшая и окончательная цель истории, а есть лишь средство или ближайшая цель; а во-вторых, что к достижению этой

¹ Цитаты взяты из работы «Национальный вопрос в России» по изданию: Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 1 : Философская публицистика. (В скобках по тексту указаны страницы этого издания.)

ближайшей цели ведет отнюдь не возбуждение национального эгоизма и самомнения, а, напротив, пробуждение национального самопознания, то есть познания себя как служебного орудия в совершении на земле Царствия Божия» (с. 284).

«Вы говорите: служа своему народу, мы тем самым служим и человечеству. С таким же правом можно сказать, что служа самому себе, я служу своей семье, служа своей семье — служу своему народу и т. д., и в результате выйдет, что я могу ограничиться служением самому себе. Но *каким* служением? Все это только игра слов; дело же зависит от того, *в чем и как* я служу себе и другим» (с. 307).

«...у целого народа не только есть совесть, но иногда эта совесть в делах национальной политики оказывается более чувствительной и требовательной, нежели личная совесть в житейских делах» (с. 328).

«Помимо внешних благ, о которых должно заботиться государство, народ наш хочет еще совсем другого. Он хочет *правды*, то есть согласия между действительной жизнью и той истиной, в которую он верит» (с. 331).

«Внутреннее противоречие между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех лучше, — это противоречие погубило славянофильство как учение...» (с. 444).

«Вместо того чтобы настаивать на русском пути и русских началах, как будто русское и хорошее значили одно и то же, — следовало точнее и последовательнее отделить в русской действительности и русской истории белое от черного, нисколько не смущаясь тем, что белый цвет одинаково бел для всех народов земли» (с. 475).

«...различия между *национальностью* и *национализмом*, — ведь это то же самое, что различие между *личностью* и *эгоизмом*» (с. 516).

«...*народность* и *национализм* две вещи разные (так же как *личность* и *эгоизм*)...» (с. 592).

«...отречение от своего национального эгоизма вовсе не есть отрицание своей народности...» (с. 592).

«Человечество представляется нам чем-то отвлеченным — пусть так; но ведь и нации сложились на глазах истории, и тысячу лет тому назад “Франция”, “Германия” должны были представляться такими же отвлеченными терминами, как теперь “человечество”» (с. 602).

«*Какому* национальному делу служили, *чье* национальное самосознание выражали апостолы, мученики, наконец, великие учителя церкви?..

Это обстоятельство лучше всего уясняет нам великую разницу между *народностью* как положительной силой в живых членах единого человечества, и *национализмом* как началом отделения частей от целого — началом, отрицающим человечество и губящим самую народность. Только понимая и принимая это различие, можно выйти из темной и душливой сферы национального *самодовольства* на открытый и светлый путь национального *самосознания*» (с. 603–604).

«Народность *сама по себе* есть лишь ограниченная часть человечества, могущая стоять в том или другом отношении к абсолютному идеалу, но ни в каком случае не тождественная с ним; поэтому когда такой частный факт берется как он есть и возводится в высший принцип, когда отдельному народу приписывается исключительная и неотъемлемая привилегия или монополия на абсолютную истину, тогда он из преимущественного носителя и служителя всечеловеческого идеала превращается в безусловный довлеющий себе предмет нашего служения, то есть в *идола*, поклонение которому основано на лжи и ведет к нравственному, а затем и материальному крушению» (с. 628–629).

М. С. Гусман¹

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Нам предстоит обсудить широкий круг вопросов, чрезвычайно важных для развития мирового медийного сообщества. Я предлагаю сегодня обратить особое внимание на те тенденции, которые определяют наше настоящее и будущее в профессии.

¹ Первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ. Автор и ведущий телевизионного цикла «Формула власти» (с 2000 г. более 250 эксклюзивных интервью с мировыми лидерами и коронованными особами). Автор книг: «Формула власти. 55 интервью в золотом галстуке» (2005) и «Формула власти. ...и еще 60 интервью в золотом галстуке» (2010), «Формула власти. ...и еще 65 интервью в золотом галстуке» (2015), многих сценариев к телевизионным фильмам и программам. Вице-президент Европейского альянса информационных агентств, представитель РФ в Межправительственном комитете ЮНЕСКО по вопросам информации и коммуникациям (IPDC). Лауреат Государственной премии РФ и премии Правительства Москвы в области журналистики. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Дружбы, Почета и др.

Информационное пространство

в условиях глобальной информатизации

В основе всех эволюционных изменений окружающего мира лежат информационные процессы. Информатизация тесно связана причинно-следственными связями с процессом глобализации. Среди различных процессов, протекающих в рамках и под влиянием глобализации, информационная глобализация в настоящее время является одним из наиболее показательных интеграционных процессов, включающих развитие коммуникаций, создание глобальных информационных сетей, компьютеризацию многих сфер жизнедеятельности человека.

Глобальная информатизация общества — объективный процесс, который во всевозрастающей степени становится основой и главным стержнем как научно-технического, так и экономического, социального, культурного развития. Информатизация выступа-

ет и как научно-технический процесс, и как процесс исторический и социальный. Соответственно общество в процессе информатизации качественно меняется не только в техническом, но и в социальном и духовном отношении. Результатом этих изменений является переход человечества к построению информационного общества.

Это построение, в свою очередь, вызывает качественные изменения структуры и характеристик информационного пространства. Уровень развития последнего решающим образом влияет на основные сферы общества — социально-политическую, экономическую, общественную, индивидуальную. От этого уровня сильно зависят поведение людей, формирование общественно-политических движений, социальная безопасность.

Информационное пространство фактически стерло границы между странами, что является одним из главных стимулов глобализации и одновременно результатом этого процесса.

Информационное пространство приобретает сегодня в информационном обществе глобализующегося мира качество трансграничности. Ярким примером действия интеграционных процессов и глобальной информатизации является процесс создания объединенной Европы. Интенсивные интеграционные процессы, происходившие в Западной Европе, в том числе в сфере экономики, были бы невозможны без современных методов и средств коммуникации и информации, надежной дистанционной передачи больших массивов информации. Развитие новых средств и методов передачи информации позволяет говорить о возникновении нового феномена, определяемого как европейское информационное пространство, неотъемлемой частью которого является российское информационное пространство. Объективной реальностью стало и глобальное мировое информационное пространство.

Информационное общество в процессе построения формирует качественно новое пространство деятельности — информационную сферу. Такие свойства информационной сферы, как глобальность, беспрецедентная оперативность распространения информации, фактическое отсутствие для этого ранее обычных государственных границ, определяют изменения в инструментарии современной геополитики. Одним из таких важнейших инструментов в современном мире является арсенал сил и средств информационного воздействия. Информационное пространство сначала связало, а теперь начинает главенствовать над всеми сферами деятельности личности, общества и государства. Виртуальная среда утрачивает роль посредника и становится одним из главных источников влияния на реальность. Уровень развития информационных технологий, систем коммуникаций, в том числе внешних, становится важнейшим в ряду компонентов, определяющих влияние и возможности государства.

Будущий геополитический облик мира, вероятно, будет определен на основе нового передела зон влияния, в первую очередь в информационной сфере. Используя нарастающий отрыв в своем развитии, некоторые регионы мира будут стремиться навязать всем

остальным участникам мировых процессов роль обеспечивающих регионов. Внутри общества будет нарастать расслоение по такому же принципу. Все эти процессы формируют то, что можно назвать геополитикой информационного общества.

Для информационного пространства характерно четкое различие таких понятий, как «информация» и «знание», которые в обыденном сознании являются по сути синонимами. На практике же в современном информационном пространстве информация начинает рассматриваться как ресурс — некое «сырье» для «производства знаний». При этом, в отличие от классической естественно-научной парадигмы, знание в информационном пространстве не рассматривается как нечто незыблемое, фундаментальное и постоянное (не зависящее от изменяющейся ситуации). В современном информационном обществе основным признаком знания является контекстуальность, то есть зависимость от многих факторов.

Интерактивный тип коммуникаций в информационном пространстве предопределяет целенаправленное активное отношение к информации, организацию информационного обмена между субъектами. Идея интерактивности означает отказ от понимания коммуникации в терминах отношений «субъект–объект». Инициатор сообщения является таким же полноправным участником коммуникации, как и получатель сообщения.

Информация играет одну из главных ролей в нашей жизни. В настоящее время она является не только способом получения сведений, воспринимаемых мозгом через органы чувств, но и способом получения выгоды, обмена знаниями и самосовершенствования. Таким образом, информация порождает новые общественные отношения, выступая в них главным элементом.

Современные медиа: глобальные тенденции трансформации и перспективы

В новых условиях начинают меняться роль и статус СМИ.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации на СМИ возлагается обязанность информирования граждан о деятельности ветвей и структур государственной власти. Законы, указы и постановления государственных органов власти вступают в силу только после их опубликования. Таким образом, СМИ являются посредником в установлении общественных связей между государственной властью и населением, а также обладают монопольным правом на получение и распределение информации о деятельности органов государственной власти.

В результате внедрения в деятельность государства и общества новых технологий органы власти получают новый оперативный канал прямого общения с гражданами, подконтрольный только государству, и необходимость использования традиционных СМИ в качестве трансляторов информации отпадает. Таким образом, СМИ все больше лишаются уникальной возможности монопольного получения, распределения информации, поступающей из систем государственной власти.

Вторая особенность воздействия современных коммуникаций на политику СМИ — появление у них конкурента, обладающего правом последней инстанции на точность и объективность информации, доводимой органами власти до населения.

Особого внимания заслуживает процесс постепенной концентрации власти в СМИ, чему способствуют объективные экономические и технические причины. Доступ к СМИ и воздействие на них облегчаются тем, что они в большей степени выступают не как чисто информационно-передаточное звено, а как творец информации, политики и идеологии. Отличить продукцию СМИ от отображаемого явления становится трудно. То, что реально происходит, становится «общественным событием» только через свое отображение, предоставляя тем самым возможность вносить в это отображение широкий набор «корректив», в том числе и скрытого целеназначения.

Специфика деятельности СМИ в условиях рыночной конкурентной среды (максимизация прибыли, стремление к монополии, реализация установок владельцев и т. д.) состоит в уходе от нормальной, обычной жизни, что затрудняет адекватное отражение действительности, и в выпадении истинных глубоких причин и процессов. Эти принципы являются основными причинами вовлечения СМИ в информационно-психологические конфликты и манипулирование сознанием.

Размышляя сегодня об информации, нельзя не коснуться и еще одного вызова. Это вызов традиционным СМИ со стороны так называемых новых СМИ, социальных медиа. Многие считают, что происходящая сегодня интернетизация — самая крупная революция в информационной истории человечества даже по сравнению с изобретением печатного станка.

Развитие Интернета и цифровых технологий привело к тому, что новости перестали быть прерогативой только лишь профессионалов. Отныне создавать и публиковать контент может любой обыватель, имеющий в руках фотоаппарат, мобильный телефон, веб-камеру и выход в Сеть. Отрицать эффективность и влияние на общество гражданской журналистики уже невозможно. Однако эффекты от этого явления могут быть самыми разными.

Разговоры о гибели старых СМИ идут уже не один десяток лет. Новые поколения потребителей информации выдвигают свои требования, формируют новые подходы, стирая границы между творцом и потребителем. Однако традиционные СМИ сильны, востребованы, развиваются, становятся более гибкими и восприимчивыми к новым технологиям. Каждый участник рынка сегодня стремится не только не отстать от глобальных информационных процессов, работая с новыми информационными форматами, но и поддержать спрос на качественные традиционные медиапродукты и каналы их распространения. Для этого современному специалисту необходимо в первую очередь внимательно следить за современными реалиями медиaprостранства.

Мы ясно видим следующую тенденцию. Возрастающие доступности информации за счет серьезного технологического скачка и широкого распространения

Интернета создает вокруг потребителя огромное медиаполе, то есть значительно расширяет выбор источников и каналов доставки необходимой ему информации. Проблемой для зрителя, читателя и просто потребителя становится информационная перегрузка, проблема выбора источника информации, способного дать ее в удобной, максимально емкой форме.

Кроме того, множество новых СМИ и высокая конкурентная борьба между ними снижают качество выпускаемого медиапродукта. У потребителя отсутствует уверенность в достоверности и объективности получаемой информации. С одной стороны, существует незыблемое право на свободу выбора информации, с другой — это право подчас вступает в противоречие с правом на достоверность информации.

В этих условиях главными конкурентными преимуществами традиционных медиа становятся достоверность источников информации, традиция глубокого и объективного анализа, собственный уникальный контент, высочайший профессионализм и часто — подвижническое служение журналистскому долгу. Меняются формы подачи информации на более современные, налицо тенденция симбиоза профессиональных и социальных СМИ. Неизменным же для любых информационных источников и ресурсов должно оставаться следование главным принципам нравственности, свободы слова, честности, профессионализма. Они позволяют сегодня традиционным средствам массовой информации сохраняться и развиваться в сторону персонализации для потребителя, который ищет защиты от гигантского объема обрушивающейся на него информации, ждет умного и грамотного собеседника, способного интересно рассказать ему ту или иную историю. Думается, что профессиональные СМИ будут продолжать играть важную роль в мире.

Я также хотел бы в очередной раз обратить внимание на вопрос о культуре потребления массовой информации. На фоне активного проникновения традиционных медиа в цифровую среду и участвующих переходов некоторых изданий из печати в Интернет разработка этого вопроса становится ключом к выживанию для многих редакций. Стоит ли воспитывать в потребителях, годами получавших информацию в Сети бесплатно, привычку платить за качественный контент или надо искать пути перестройки экономики собственного издания в соответствии со сложившейся культурой виртуального пространства — это вопросы, на которые рано или поздно придется ответить каждому.

Сегодня невозможно обойти вниманием и тему информационной безопасности. Совершенно очевидно, что существующая модель управления цифровым информационным пространством начинает отходить от стандартов и идеалов свободного распространения информации. Назревает глубокий кризис в данной области. Многочисленные вбросы, хакерские атаки и массовые слежки подрывают демократические ценности и общепринятые этические нормы, а значит, встает вопрос о выработке тонкого международного механизма управления этими процессами. Мировое сообщество начинает осознавать необходимость тщательной регуляции потенциально опасного контента, с помощью ко-

торого возможны эскалация международных конфликтов и дестабилизация внутренней ситуации в стране, а также пропаганда терроризма и экстремизма.

Цифровой мир стремительно движется вперед, и наша профессиональная обязанность — не стоять

на пути этого движения, а направлять и контролировать его, изучать новые угрозы и искать методы их предотвращения. Все возникающие перед нами проблемы стоит рассматривать как новые перспективы и возможности для модернизации, обновления и развития.

Петр Дуткевич¹

ПЯТЬ МЫСЛЕЙ НА ТЕМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Каковы основные причины начала распада глобальной системы и какие последствия этого процесса нас ожидают? Вот несколько соображений на эту тему.

1. Управление государством становится все сложнее независимо от общественного устройства — как для демократии, так и для авторитарного режима.

Все труднее облагать налогом богатых, сохранять социальный мир, бороться с терроризмом, объединять иммигрантов, поддерживать средний класс без особых затрат, не допускать забастовок.

Кризис 2008–2010 годов вызвал серьезные колебания в мировой экономике и политике. Его последствия до сих пор ощущаются всеми правительствами, потому что им становится сложнее контролировать события, происходящие в их странах. Этим объясняется тот непонятный процесс изменения мировых парадигм, который Зигмунт Бауман охарактеризовал как переход от «межвременья» к «новой норме».

Факторы нестабильности у каждой страны свои, они разные в Египте, Сирии, Франции, России, но их объединяет то, что все основные причины всегда порождаются событиями внутри самого государства. То есть, как правило, то, что мы называем международными проблемами, начинается у нас «дома». Для России, как и для большинства стран, проблемы, которые приходят извне, порождаются общественными проблемами, возникающими в пределах страны. То же самое мы наблюдаем и в Египте, Сирии, на Украине. Люди в странах — членах ОЭСР до 2008 года были уверены в завтрашнем дне, ведь 40 лет у них царила стабильность, была стабильная заработная плата, устойчиво развивались многие секторы экономики и будущее виделось если не лучше, то, по крайней мере, не хуже, чем сегодня. Сейчас это ощущение исчезло.

¹ Директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии. Автор и редактор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Евразийская интеграция — взгляд изнутри» (в соред.), «22 идеи как исправить мир: беседы с известными мировыми мыслителями» (соред.), «Новые технологии в общественном управлении в отражении канадского и российского опыта» (соред.), «Демократия против модернизации, дилемма для России и мира» (соред.), «Россия — проблемы преобразования» (соред.), «Ювенальное правосудие в России» (в соавт.), «Новая Европа: влияние первого десятилетия. Варианты моделей» (соред.). Член Валдайского клуба. Награжден орденом Дружбы (Россия). Удостоен премии Посольства Канады в РФ за выдающийся и продолжительный вклад в российско-канадские отношения, премии за передовой опыт исследований от Карлтонского факультета общественных дел.

Почему так происходит?

Есть по крайней мере два варианта объяснения этого процесса.

А. Один вариант мы частично позаимствовали из умозаключений Ивана Крастева:

а) в экономическом смысле, начиная с 1917 года (с ситуации в России) и заканчивая 1930-ми, общество в целом и в особенности политики перестали надеяться на рынок как на лучший способ вложения инвестиций, в результате появились новые парадигмы. Уверенность в рынке была потеряна, и на ее место пришло доверие к правительству как органу, способному управлять экономикой и решать экономические проблемы. Такие настроения были характерны для Америки времен Рузвельта, сталинской России и нацистской Германии (появление кейнсианской модели);

б) противоположная ситуация сложилась в 1970-х на Западе, когда общество потеряло доверие к правительству как экономическому субъекту, но в то же время вернулась уверенность в рынке (то есть доминировала модель Хайека–Фридмана);

в) затем, в 1980-х годах, с приходом неолберализма произошел переворот. Теперь на рынке доминировала свобода выбора, что открыло массу возможностей для инноваций, но также делегитимизировало саму идею общественного интереса. Капитализм дал людям богатство выбора во многих областях экономики и в социальной сфере. Но оборотной стороной этого процесса было то, что люди перестали беспокоиться о том, что происходит в обществе, чувство гражданского долга было сведено к минимуму. Все преследовали лишь свои личные интересы, общественные же нужды отошли на второй план.

В результате люди потеряли веру и в рынок, и в государство, поскольку недоверие к рынку не сопровождалось растущей уверенностью в государстве. Следующий шаг должен был привести к потере уверенности в рынке и, следовательно, к либеральной демократии.

На мой взгляд, таким образом мы вошли в период стратегической нестабильности, которую можно определить как неспособность к управлению на разных уровнях (используя старые методы управления).

Б. Зигмунт Бауман, известный макросоциолог, предложил другое объяснение. Если вкратце, то его аргументом является то, что даже крупные державы очень ограничены в возможности управлять, потому что мир находится в состоянии «межвременья». Так называемое «межвременье», согласно Бауману, — это

обновленная версия модели, предложенной Антонио Грамши, в которой старые методы больше не работают, а новые и более подходящие еще не изобретены.

Межвременье было спровоцировано прогрессирующим разделением действующей силы (исполнительной власти) и политики (законодательной власти). Таким образом, получился разрыв между задачами и инструментами их исполнения, в результате исполнительные органы власти стали практически неконтролируемыми, а законодательные лишились необходимой опоры. Политика была по-прежнему направлена внутрь государства, в то время как мировая ситуация ставила более глобальные и межтерриториальные задачи. Далее Бауман утверждает, что наша взаимозависимость уже вышла на глобальный уровень, тогда как наши возможности ограничены внутренним управлением. И эта проблема глобальности задач и недостатка инструментов для их решения усугубляется с каждым днем.

Позвольте мне объединить оба подхода в один в свете их влияния на мировую политику.

Скажем вкратце: мы все еще лишены инструмента, который подошел бы для управления новыми политическими и экономическими явлениями на глобальном уровне, поэтому мы по-прежнему используем устаревшие инструменты, годные лишь для территориального этнического государства. Разрыв между законодательной и исполнительной властью приводит к тому, что становится все сложнее управлять при таком разбросе интересов и мнений. Исполнительные органы, кодексы законов и юридические процедуры еще не адаптированы к сложившейся ситуации.

2. Здесь возникает главная проблема власти.

Сначала я дам определение этой проблемы, а потом проанализирую ее. Понятие исполнительной власти многогранно и может иметь множество определений. Для определения понятия «власть» я буду опираться на три основные характеристики: власть — это уверенность в повиновении (теория Ницана и Бихлера), власть — способность действовать (следуя политическим решениям — теория Баумана) и власть — воплощение *внутренних проблем* государства (когда правительство пытается переложить внутренние проблемы государства на внешнюю политику. Ярким примером могут служить США, печатающие деньги).

1) *Позиция Баумана заключается в том, что разрыв между политикой и властью растет; я считаю, что мы имеем дело с двумя глобальными изменениями: одно — географическое (региональное — западно-юго-восточное) изменение власти, второе заключается в том, что в связи со всеми перемещениями у власти не осталось костяка, который был бы способен регулировать ее действия. Другими словами, власть все более и более лишена политического контроля.*

2) Сейчас неоспоримые лидеры во всех сферах — от религии до правительства и от вооруженных сил до финансовых институтов — все больше убеждаются в том, что они очень ограничены в своих действиях по отношению к власти. *Стало легче прийти к власти, сложнее ею пользоваться и намного легче ее потерять* (Мойзес Наим).

3) Во многих отношениях эти изменения во власти хороши. Общество стало более свободным, появилась свобода выбора. Избирателям есть из кого выбирать.

4) Но не стоит изображать все в розовом свете. Кризис власти становится очень ощутимым, когда дело доходит до решения серьезных мировых проблем, таких как глобальные угрозы. Есть большое количество вопросов, которые требуют коллективных международных действий. Это означает, что необходимо сотрудничество стран и объединение их политик на международном уровне. А это в последние годы оказывается все более сложно, а зачастую и просто недостижимо.

Ранее я сказал, что «власть все больше выходит из-под политического контроля». Исходя из этого,

3. Понятие суверенитета также подвергается серьезным изменениям.

Сначала я дам своего рода разъяснение понятия «суверенитет». «Суверен» — государство, которое управляет «доминирующим рационализмом своего развития». «Суверенные государства» в состоянии установить особый тип экономического рационализма, который вписывается в их текущий этап развития. При этом более слабые страны заимствуют модель рационализма у более сильных. Это создает особое понимание рыночных, общественных и политических взаимоотношений на мировой арене, порождая определенные явления в обществе, такие, например, как споры о «малых государствах», «неолиберализме», «демократии», «свободной торговле». В обществе появляются определенные стандарты, установленные крупными странами, что приводит к некоторой асимметрии рационализма.

Внедрение рационализма есть фактическое подчинение, поскольку «доминирующий рационализм» служит главным образом тем, кто внедрил его в собственных интересах, и таким образом он искажает внутренние потребности государства, которое его заимствует. Другими словами, при заимствовании рационализма может возникнуть проблема глобальной совместимости заимствуемых стандартов с исторически сложившимися нормами заимствующего государства. Другим последствием «асимметрии рационализма» является то, что ориентация на чужие стандарты искажает внутреннюю систему государства, мешает государству преследовать собственные интересы и определять свое место на международной арене.

Мы можем прийти к выводу, что разделение понятий внутреннего и внешнего суверенитета становится устаревшим. Сейчас это единое понятие, главное значение которого заключается в том, что правительства государств *должны работать 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, чтобы поддерживать суверенитет своего государства. А теперь настало время представить еще одну идею.*

4. Правильное понимание власти, суверенитета и либеральной демократии дает возможность предвидеть дальнейшее развитие.

1) Либеральная демократия не гарантирует стабильности правительству, так как на выборах даже самое демократичное правительство может быть свергнуто.

нуто обывателями; таким образом, системный порядок разрушен, но...

2) Слишком сильный внутренний суверенитет может привести к образованию суверенитета правительства по отношению к своему народу.

Наконец, потенциальная реакция развивающихся экономических систем и «малых государств» не соответствует модели «Запад против остальных», она напоминает модель «мир за пределами Запада».

Если не брать во внимание формальный выбор (*либерализм или конфликт*), мы видим, что развивающиеся страны начинают строить «мир за пределами Запада», «обходя» существующий международный порядок. Все отчетливее прослеживается, что новые державы медленно, но неуклонно усиливают связь между собой во всех областях. Таким образом, они ослабляют узел галстука, который связывает их с либеральной международной системой, сосредоточенной на Западе. То, что происходит сейчас, является совместным усилием новых держав в построении параллельной многосторонней системы, которая обходит либеральный порядок и может привести к изменению мира, существующего сегодня.

Это является тревожным сигналом для многих людей, главным образом из-за привлекательности существующего либерального порядка и рисков, которые таит в себе неопределенность дальнейшего развития событий.

Также любопытен тот факт, что «остальные» предлагают *процесс* вместо *модели*. Вопрос не в том, могут ли эти новые институты «заменить» элементы мирового порядка, а скорее в том, будут ли они развиваться на том же уровне и в том же направлении спустя несколько лет.

5. Наконец, финальное замечание по многополярному миру.

Создание нового мирового порядка, о котором так много говорили 25 лет тому назад, не привело к успеху. После распада СССР США оказались не в состоянии управлять мировыми процессами. Справедливости ради нужно сказать, что многополярный мир, к которому так стремились, сегодня не обещает порядка, гармонии и равновесия. И это порождает целый ряд проблем, которые мы пока не готовы решать.

А. С. Запесоцкий¹

США ГОТОВЫ ВОЕВАТЬ С ЕВРОСОЮЗОМ ДО ПОСЛЕДНЕГО УКРАИНЦА

I

Трагические события на Украине воспринимаются многими как борьба Запада с Россией за сферы влияния. Это лежит на поверхности. Однако постепенно проясняется, что на самом деле идет борьба США с Западной Европой с целью ее полного подчинения перед грядущей схваткой с Китаем.

Американцы просто не находят иных возможностей сохранения своего мирового доминирования. Их главная задача — торпедировать проект «Большая Европа: от Гибралтара до Берингова пролива» и навязать Евросоюзу новый трансатлантический проект общего рынка. В американском плане нет места России.

II

Чтобы понять реальную суть происходящего, достаточно посмотреть на карту вокруг ЕС. Западная Европа — в кольце, окружена зонами конфликтов.

¹ Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Автор свыше 2150 публикаций. Член редколлегии журналов «Педагогика», «Вопросы культурологии», «Литературная учеба», «Партнерство цивилизаций», «Философия и культура», «Филология: научные исследования», «Педагогика и просвещение», «Философская мысль», «LITERA», «Современное образование», «Simurg» (Азербайджан). Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих», «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования. Награжден Почетной грамотой Министерства культуры Республики Болгария, медалями «SIMURG» Ассоциации культуры Азербайджана и «Академик Сапаргалиев» (Казахстан). Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010) в области образования и Горьковской литературной премии. Почетный доктор университетов США, Ирландии, Украины и Польши. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург).

Еще несколько лет назад глобальный сценарий создания зоны бедствия был непонятен. Крупнейшие специалисты по геополитике не могли объяснить, зачем США дестабилизируют Тунис. За несколько лет они вложили около 200 млн долларов в программы по развитию «гражданского общества» в этой стране, одновременно делегации конгрессменов непрерывно наезжали туда с одним требованием: «свободы в Сети». Добились своего. Через Интернет подготовили, консолидировали и вывели на улицы массы «революционеров», свергли лояльного Западу президента. Далее — Ливия, Египет, Сирия... Везде, где возможно, вытаскивали на первый план в раздуваемых ими конфликтах западноевропейцев.

Кадафи последние десятилетия жизни посвятил тому, чтобы стать другом Запада. Асад им всегда был, Мубарак являлся даже не другом, а чем-то вроде родственника. США ударили по своим, своих не пожалели. Теперь — везде хаос. Европа задыхается от беженцев. И в непосредственной близости от нее разрастается вскормленный США ИГИЛ.

А чуть раньше Запад занимался искусственным разжиганием гражданской войны в Югославии. Главный планируемый результат — вхождение Косово в ЕС. Интересно: Франция не может ассимилировать несколько районов арабского населения в крупных городах. Германия не знает, что делать с турецкими анклавом на своей территории, Евросоюз не в состоянии справиться с культурной адаптацией Румынии. Что ЕС выиграет от вхождения в него Косово?

И вот теперь — Украина. Здесь, в отличие от Туниса, на дестабилизацию США потратили только официально 5 млрд долларов. Просто оторвать от России?

Для чего? Включить данную территорию в ЕС невозможно. Только на перестройку технических стандартов огромного по масштабам Евросоюза квазигосударства нужны сотни миллиардов долларов. У ЕС таких денег нет, а США их не дадут. Использовать как источник дешевой рабочей силы и рынок для своих товаров? Но для этого и диктатуры подконтрольных США олигархов вполне достаточно. Россия ведь там ничего никому не навязывала. Ушел бы от власти Янукович — сотрудничала бы с американским ставленником Порошенко, как ранее — с американским ставленником Ющенко.

Зачем были нужны выстрелы в спину победившим на Майдане террористам? Зачем потребовались сожжение мирных людей в Одессе, отправка поездов с экстремистами в Крым и фашистских батальонов на танках в Донецк? Зачем было «Боинг» сбивать, автобус под Волновахой уничтожать? Ведь мир и государственное единство на Украине можно было обеспечить несколькими листками бумаги, своевременно выпущенными из стен Рады: о государственном статусе русского языка и национально-культурных правах жителей многонациональной страны...

Тогда санкции не ввели бы, не было бы укрепления НАТО и губительного для ЕС конфликта с Россией. Между тем в Финляндии проживает 7 % шведов. И шведский язык в связи с этим имеет статус государственного.

III

...Глобальные геополитические проекты не рождаются в одночасье. Помимо брожения в умах элит, существуют еще и векторы, выстраиваемые историей. При этом историческое развитие многовариантно.

Здесь уместно вспомнить, что во второй половине Великой Отечественной войны, когда чаша весов очевидно склонилась в пользу СССР, Сталину предлагали не останавливаться на взятии Берлина, дойти до Гибралтара и одним махом обеспечить полное торжество коммунизма в Европе. Кроме достаточной военной мощи, у такого проекта могла быть и колоссальная поддержка в виде коммунистического подполья в оккупированных Германией странах.

Сталин отказался. Он заботился о народе, измененном непосильным военным напряжением и страшными потерями. Он заботился о стране, которую надо было восстанавливать. К тому же существовал проект послевоенного сотрудничества с США, установления прочного мира, похороненный после ухода из жизни величайшего американского президента Рузвельта.

Точкой отсчета начала холодной войны, как известно, считается знаменитая Фултонская речь Черчилля. По сравнению с сегодняшними резолюциями Конгресса США выступление главы Великобритании в Вестминстерском колледже (США) 5 марта 1946 года выглядит удивительно миролюбиво.

Однако на руководство СССР оно тогда произвело впечатление большее, чем взрыв американской атомной бомбы в Японии. Фултонская речь означала радикальную смену политического курса Запада. СССР, заплативший самую тяжелую цену за общую Победу,

полуразрушенный и потерявший 27 млн человеческих жизней, переставал считаться союзником и провозглашался новым врагом. Западом принималась на вооружение новая концепция развития, сулившая СССР огромные беды, причем на десятилетия.

Как известно, до Второй мировой войны США не играли в Европе доминирующей роли. Великобритания стремилась столкнуть Германию с Советским Союзом, способствовала взращиванию Гитлера. Но сценарий реализовался не полностью. Гитлер создал «ось» с Римом и Токио, превратившуюся в глобального противника для дуэта Англии и США. К 1940-м годам стало понятно, что эра независимого существования национальных государств, их ситуативных союзов подходит к концу. Наступает эпоха глобальных противостояний альянсов, империй нового типа. Де Голль начал вынашивать идею объединения континентальных государств Старой Европы (Евросоюза), Черчилль — англосаксонского проекта объединения Англии и США, Сталин ответил на это Варшавским договором.

В итоге образовалась довольно-таки сложная конфигурация так называемого Запада. США, фактически объединившись с Великобританией, не только накрыли Евросоюз «зонтиком» НАТО и взяли его под контроль в ряде ключевых сфер, но и засунули в ЕС «палец» в виде Лондона — для полноты контроля. Великобритания в состоянии заблокировать любое решение ЕС, негодное Соединенным Штатам. И мало кто знает, что ни одна страна НАТО не может назначить своего министра обороны без одобрения его кандидатуры послом США.

IV

В дальнейшем, однако, одним из удивительных итогов распада СССР оказалось некоторое ослабление контроля США над Западной Европой.

Постепенно началась экономическая интеграция России с ЕС. В первую очередь выгоды от этого почувствовал бизнес Германии, затем — Италии, Франции и др. В Германии начался весьма серьезный разговор о строительстве Большой Европы от Гибралтара до Берингова пролива, поддержанный многими политиками и крупным бизнесом. В результате такой интеграции ЕС в перспективе мог получить свободный доступ к огромному рынку и сырьевым ресурсам, Россия — к западным технологиям и рынкам ЕС, обе стороны резко улучшали транспортное сообщение с Китаем, причем на основе возобновляемых источников энергии. На смену огромному флоту, курсирующему между Китаем и Западной Европой, приходили транссибирские железнодорожные магистрали. Вырастал новый экономический субъект с населением свыше 600 млн человек, независимый и конкурентоспособный, рядом с США и Китаем. При таком развитии событий США оказывались уже не только не первыми, но даже и не вторыми...

Возник вопрос: в какой мере это соответствует интересам США, стремящимся вместе с Великобританией не просто контролировать ЕС, но и полностью превратить его в свою торгово-экономическую зону?

В связи с этим следует понимать, что разница в системах законодательства и производственных стандартах между ЕС и США более чем существенна. Сегодня уже не секрет, что США хотят реализовать свой проект трансатлантического рынка, заставив Евросоюз играть по своим правилам, а не путем взаимного приспособления. И от ЕС для этого потребуются уже не сотни миллиардов, как от Украины, а триллионы долларов. Для обеспечения готовности Евросоюза действовать в ущерб своим интересам США нужно поставить его на колени. Нужно создать безвыходную ситуацию, втянуть в массу конфликтов по всему периметру, по сути — завоевать. На что, собственно, и нацелена нынешняя политика.

Сама по себе Россия в этой ситуации не так важна. Наша страна во все времена после распада СССР демонстрировала США исключительное дружелюбие, неизмеримо большее, чем доброжелательная лояльность. Достаточно вспомнить ситуацию, сложившуюся непосредственно после атаки террористов на небоскребы в Нью-Йорке, когда Россия позволила американцам разместить новые военные базы в Средней Азии, сопроводив это вопросом: «Чем еще мы можем быть полезны?».

Однако тревожный звонок для США прозвучал, когда Германия, Франция и Россия высказались против ввода войск в Ирак. После этого американцами были приняты решительные меры по постановке политики этих стран под свой безоговорочный контроль. В Германии и Франции это получилось, в России — нет. Прослушивание телефонных разговоров Меркель и преследование Стросс-Кана — только верхушка огромного айсберга тайных манипуляций жизнью политической элиты Европы со стороны Соединенных Штатов.

V

Принципиально важно, что у России в последнее десятилетие появился свой проект развития, четко артикулируемый и не вписывающийся в англосаксонское видение будущего. Это евразийский проект. По мыс-

ли идеологов Евразийского союза, данное объединение направлено в конечном счете не против ЕС, а на интеграцию с Евросоюзом.

Для всех стран Евразийского союза по отдельности быстрая интеграция с ЕС возможна только на кабальных условиях. Слишком велика разница в уровнях технологического, социального и ментального развития. Но Россия, Казахстан, Белоруссия и другие не хотят повторить судьбу стран Восточной Европы, потерявших в составе ЕС вслед за юридическим суверенитетом и контроль над собственными экономикой, формированием политических элит, лишившихся уже нескольких поколений трудоспособного населения.

Евразийская идея предполагает первоначально объединение ряда стран бывшего СССР с целью совместного экономического подъема до уровня, приемлемого для дальнейшей интеграции с ЕС на условиях относительного равноправия. Поскольку Россия ощущает себя достаточно полноценной ветвью европейской культуры, создание Евразийского союза мыслится здесь как один из этапов объединения с Западом. Того, ради чего Россия способствовала разрушению Берлинской стены, и что пока не случилось. Замысел Евразийского союза был таков: «Не получилось “общеевропейского дома” сразу — построим постепенно». Однако оказалось, что не всем это нужно...

VI

Влияние США на политику ЕС сегодня огромно, но ничто в судьбе Западной Европы еще не определено. США готовы биться за контроль над Евросоюзом до последнего украинца, разжигать и поддерживать вокруг него пожары. Но будущее Украины, ЕС, как и проекта Большой Европы от Гибралтара до Берингова пролива, зависит еще и от способности национальных элит материковой части ЕС консолидироваться вокруг своих национальных интересов и противостоять американскому давлению.

Впереди — драматические события.

Валур Ингимундарсон¹УЗАКОНИВАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ И НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И НОРМЫ ПРАВА

Считается, что самоопределение, как установлено международным законодательством и на чем строятся любые предпосылки к отделению регионов, основано на национальности/этнической принадлежности, общей культуре, истории, языке и территории². Отделение, однако, может проходить не только посредством обретения суверенитета; наиболее часто встречающийся путь — это создание автономии внутри государства³. Но противоречия между самоопределением людей и суверенностью государств, создающих основу международной системы, делают отделение спорным и сложным вопросом⁴. Исторически попытки самоопределения имели обычно гораздо больше шансов на успех после войн и конфликтов, чем во времена мира и политической стабильности. Восстановление мира после Первой мировой войны (происходившее под влиянием взглядов вильсонского идеализма на право самоопределения) привело к созданию новых независимых государств. Вторая мировая война дала решающий импульс к деколонизации: в период с 1945 по 1960 год в Африке и Азии появилось около 30 новых государств. И наконец, по окончании холодной войны, после распада Советского Союза и насильственной дезинтеграции Югославии в 1990-х годах также сформировалось множество новых государств.

В своем докладе я попробую сравнить последние случаи отделения с юридической и геополитической точки зрения. Внимание будет сфокусировано на попытках легитимизировать процедуру политического распада, которая во многих случаях является спорной⁵. Вопросы жизнеспособности государства или ограничений, связанных с обретением суверенитета (то, что было названо «ограниченной

государственностью»)⁶, рассматриваться не будут. Я считаю, что универсального правила, по которому проходили бы все процедуры отделения, не существует. Помимо суверенных прав государства, существуют такие факторы, как право на самоопределение, исторические территориальные притязания, природа вооруженных конфликтов, интересы суперсил или супернациональных альянсов, внутренняя политика государства и отношения между большинством и меньшинством населения. По моему мнению, успешный политический раскол зависит от комбинации внутренних и внешних факторов. Во-первых, отделение и последующее образование государства⁷ требует некоторой формы легитимизации в отношении национальной/этнической группы, инициирующей раскол. Во-вторых, сепарация имеет гораздо больше шансов на успех, если она поддерживается, напрямую или косвенно, большинством населения государства. Хотя, даже если раскол не поддерживается большинством населения, это не всегда препятствует образованию нового государства. В-третьих, успешное образование нового государства зависит от признания со стороны других государств, которые, как правило, не спешат выражать свою поддержку в этом вопросе.

Широкая легитимизация процесса отделения:
роль референдума

Для того чтобы достичь широкой поддержки процесса отделения, чаще всего используется принцип референдума. Сейчас, как и в процессе деколонизации после Второй мировой войны, референдум имеет смысл проводить, когда большинство населения, желающего независимости региона, поддерживает инициативу. Однако применять эту практику становится сложнее, если мнения населения разделены поровну. Это подтверждает шотландский референдум 2014 года. Вопрос независимости решался простым набором большинства голосов. Даже если бы перевес был решающим — 55 % голосующих против отделения, существует очевидная разница в терминах легитимизации, когда за раскол голосуют 90 или 51 % населения. Когда в 1995 году референдум о независимости проводился в Квебеке, было получено всего на 1 % больше голосов «против». Если бы такой перевес был в пользу сторонников независимости, это бы все равно означало, что половина населения против⁸. Каталония может

¹ Профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, председатель правления Научно-инновационного центра EDDA, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия, США и имперская политика», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений», «Холодная война и северные страны», «НАТО: первые пятьдесят лет» и др. Лауреат литературной премии фонда Й. Сигурдссона, премии правительства Исландии за историческое исследование блока НАТО. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований».

² О концепте отделения см., например: *Wellman Ch. H. A Theory of Secession: The Case for Political Self-Determination*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005 ; *Secession: International Law Perspectives* / M. Kohen (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

³ См.: *Cassese A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999 ; *Weller M. Settling Self-determination Conflicts: Recent Developments* // *The European Journal of International Law*. 2009. Vol. 20, № 1. P. 111–165.

⁴ *Hannum H. Autonomy, Sovereignty, and Self-Determination: The Accommodation of Conflicting Rights*. Philadelphia : University of Pennsylvania, 1990.

⁵ См.: *Cooley A., Spruyt H. Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations*. Princeton : Princeton University Press, 2009.

⁶ См.: *Governance without a State: Policies and Politics in Areas of Limited Statehood* / T. Risse (ed.). N. Y. : Columbia University Press, 2013.

⁷ См.: *Crawford J. The Creation of States in International Law*. Oxford : Oxford University Press, 2006 ; *Raic D. Statehood and the Law of Self-Determination*. The Hague : Kluwer Law, 2002.

⁸ О квебекском случае читайте: *Self-Determination in International Law: Quebec and Lessons Learned* / A. Bayefsky (ed.). The Hague : Kluwer Law, 2000 ; *Canada Supreme Court // Reference Re Secession of Quebec*. 1998. 20 Aug. URL: <http://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do>

столкнуться с такой же проблемой в случае проведения референдума, если большая часть населения будет против отделения от Испании в связи с политическими и экономическими рисками и/или неуверенностью в успехе этого автономного сообщества как независимого государства¹.

Нельзя сказать, что существует более справедливый способ легитимизации отделения; бывает очень сложно добраться до избирательного порога, установленного для обеспечения желаемого большинства. Вопрос состоит скорее в том, чтобы достичь политической стабильности и общественного одобрения отделения, но в некоторых случаях мнения электората по нему сильно расходятся. Предпосылки к референдуму в Шотландии включали не только стремление к национальной идентификации, но и распространение мнения о том, что интересы шотландцев плохо представлены в британских организациях. К тому же правящая Консервативная партия Великобритании практически не пользуется поддержкой в Шотландии. В Каталонии ситуация подобна: каталонцы считают, что испанское правительство отказывается признавать их национальные права и требует от региона слишком многого в экономическом плане.

В случае отделения Черногории от Сербии в 2006 году Евросоюз настоял на увеличении избирательного порога: для успеха референдума по крайней мере 55 % населения должны были проголосовать за независимость. ЕС был против распада союза Сербии и Черногории, ожидая, что восстановленный после гражданских войн вариант Федеральной Республики Югославия будет жизнеспособной опцией. Но требования по увеличению избирательного порога были произвольны и отражали экономическое и политическое влияние, которое Евросоюз оказывал на Черногорию — слабое государство, желающее в него вступить. У ЕС не было цели установить универсальный порядок отделения. 55,5 % тех, кто участвовал в черногорском референдуме, поддержали независимость, что обеспечило отсутствие внешних помех, связанных с признанием. Понятно, что премьер-министр Черногории, инициировавший кампанию за независимость, перед референдумом заявлял, что будет добиваться отделения, если «за» проголосует простое большинство.

Косовским же албанцам, составлявшим 90 % населения Косово, не было позволено провести референдум перед провозглашением независимости в 2008 году при поддержке большинства западных стран (за исключением нескольких стран, внутри которых проводились свои кампании за отделение). На самом деле в Косово такой референдум был проведен еще в 1990 году после того, как государство потеряло свою независимость под влиянием сербского режима. Однако Косово было признано как независимое государство гораздо позднее. У косовских албанцев были основания требовать независимости еще после распада Югославии: имея практически те же права, что и остальные республики, они подвергались организованной репрессии со сто-

роны сербского правительства. Если бы в 2008 году был проведен референдум, независимость, без сомнения, поддержало бы подавляющее большинство населения. Но при существовавшей сербской оппозиции к вопросу независимости Косова международное сообщество побоялось, что голосование подорвет стабильность территории, которая еще не до конца восстановилась после прошедших войн.

Хотя, например, референдум по образованию Южного Судана был проведен в 2011 году с одобрения ООН и мировых держав; 98 % населения поддержали отделение. Другой прецедент такого решающего исхода — голосование населения Восточного Тимора по отделению от Индонезии в 1999 году, когда независимость поддержали 80 %. Референдум проводился под покровительством ООН после переговоров с Индонезией и Португалией, бывшей колониальной державой². Крымский референдум 2014 года отразил желание большинства населения, но сам по себе процесс отделения Крыма от Украины был гораздо сильнее связан с внешней силой — Россией, которая присоединила территорию полуострова, используя как исторические аргументы, так и национальное самоопределение жителей. Итак, практика проведения референдума для легитимизации отделения является предпочтительной, но не универсальной. Процесс часто зависит от геополитических факторов, таких как желания и условия сверхдержав, межправительственных и супранациональных международных организаций.

Обзор государств-участников: приемлемое и спорное отделение

Исторически второе условие для отделения — поддержка большинства населения — обычно гораздо сложнее выполнить. Потеря территории рассматривается как угроза суверенитету и политическому единству. Если раскол достигнут в результате военного конфликта или вмешательства мировых держав, он может привести к ирредентизму. Не нужно говорить, что если мультинациональные государства, хотя и неохотно, признают право на политическое отделение, процесс имеет гораздо больше шансов на взаимоприемлемый исход. Шотландский референдум прошел относительно гладко потому, что все стороны приняли правила игры, даже если шотландцы подвергались давлению и угрозам со стороны британского правительства и ЕС.

То же самое произошло и в Черногории, где отделение было проведено без особых проблем. Сербия признала право Черногории на независимость как части бывшей Республики Югославия, хотя и неохотно. Когда за Черногорией последовало Косово, Сербия выразила протест, предлагая Косово вместо независимости на 20 лет перейти под протекторат ООН или стать автономной республикой в составе Сербии. По причинам историческим, а также потому, что Косово не имело прав на отделение, будучи в составе Федеративной Республики Югославия, Сербия отказалась призна-

¹ *Guibernau M. Catalan Secessionism: Young People's Expectations and Political Change // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 49, № 3. P. 106–117.*

² *Devereux A., Anderson C. Reporting under International Human Rights Treaties: Perspectives from Timor Leste's Experience of the Reformed Process // Human Rights Law Review. 2008. Vol. 8, № 1. P. 69–104.*

вать его независимость. Поэтому независимость Косово была провозглашена в декларации, подписанной западными странами. Хотя отделение Косово от Сербии и было проведено, его суверенитет остается спорным, так как Северное Косово де-факто является частью Сербии¹.

Кампания по отделению Каталонии сталкивается с подобными проблемами — отказом Испании признать законными основания к получению независимости. Сложно поверить, что испанское правительство будет препятствовать проведению референдума о независимости, который оно считает незаконным, насильственными методами, потому что это может привести к вооруженному конфликту. Потенциально опасной ситуацией (в отличие от положения дел в Шотландии) делает отсутствие консенсуса в отношении требований Каталонии. Испанское правительство убеждено, что строгие оговорки о территориальной целостности в Конституции Испании дают ему право сопротивляться отделению Каталонии, даже если население региона выскажется за независимость. Идея, которая часто выдвигается, когда вопросы независимости выносятся на референдум, состоит в том, чтобы в голосовании смогло принять участие все население страны. Если бы это правило применялось, то решения принимались бы так, как этого желает национальное большинство. Поэтому такая опция не является универсально применимой, особенно когда требования независимости основаны на праве самоопределения или в случаях, когда нарушаются права человека.

Международное признание новых государств

Третье условие успешного политического отделения — международное признание². Если отделение достигнуто по взаимному согласию, международное признание обычно не заставляет себя ждать. Это подтверждается примерами Восточного Тимора, Черногории и Южного Судана. Если бы шотландцы проголосовали за независимость, международное признание шотландского государства также последовало бы незамедлительно. Однако, когда отделение является спорным, признания достичь гораздо сложнее. Мировые державы не сходятся по вопросу статуса Косово; Россия, Китай и другие крупные страны отказываются признать его независимость. Это означает, что Косово не имеет доступа во многие международные организации, включая ООН. Независимость Косово признали 110 государств; в дополнение Международный суд ООН подтвердил, что косовская декларация независимости не нарушает никаких международных законов, что повышает шансы государства на более широкое

признание в будущем. Независимость Абхазии и Южной Осетии³, инициированная Россией после вооруженного конфликта с Грузией 2008 года, была признана, помимо России, только несколькими государствами. Отделение и последующее присоединение Крыма к России не получили одобрения международного сообщества; в поддержку высказалось только несколько государств.

Еще больше усложняет ситуацию роль таких супернациональных организаций, как Европейский Союз. Интересно, что проекты сепарации Шотландии, Каталонии, Косово и Черногории имеют общий фактор: они направлены на создание национального, а не супранационального государства, что ограничивает их стремления к суверенитету. Европейские движения за независимость характеризуются стремлением к присоединению или сохранению членства в ЕС суверенных государств. Единственное потенциальное исключение — это автономная Гренландия, если ее население проголосует за независимость от Дании. Во то же время ЕС беспокоится о кампаниях за независимость, так как считает, что они могут повлечь за собой региональную нестабильность, а принятие в свой состав новых государств может усложнить руководство регионом.

Угроза Евросоюза исключить Шотландию и Каталонию из своих рядов, если они предпочтут независимость, была мотивирована проблемами, связанными с расстановкой политических приоритетов, юридическими вопросами или более тенденциозными основаниями («усталости от расширения»). Однако можно подумать, что расширение влияния через продление членства получивших независимость национальных государств лежит в сфере интересов ЕС. Альтернативой этому могла бы быть региональная изменчивость, которая невыгодна Евросоюзу. Более сложная задача ложится на плечи отдельных государств, которые не принимают отделения и хотят предотвратить распад, сохраняя членство в ЕС. Если такой бескомпромиссной линии будет придерживаться Испания, это может стать серьезной проблемой для обретения независимости Каталонией. Более того, такую политику могут взять на вооружение и другие государства ЕС, сталкивающиеся с попытками отделения: Румыния из-за Транснистрии, Словакия из-за венгерского национального меньшинства и Кипр из-за своего разделенного статуса.

Стремления к независимости могут быть законными, даже если они не поддерживаются большинством населения. Но все же шансы на успех зависят по большей части от политических условий в каждом отдельном взятом случае. Санкционированные государством репрессии могут подкрепить попытки отделения и легитимизировать их в моральном отношении; так было в случае Восточного Тимора и Косово. Однако нет гарантий, что оба фактора совпадут. Не требуется объ-

¹ См.: *d'Aspremont J. Regulating Statehood: The Kosovo Status Settlement // Leiden Journal of International Law. 2007. Vol. 20, № 3. P. 649–668*; *Vidmar J. International Legal Responses to Kosovo's Declaration of Independence // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 771–849.*

² См.: *Caplan R. Europe and the Recognition of New States in Yugoslavia. Cambridge: Cambridge University Press, 2005*; *Ryngaert C., Sobrie S. Recognition of States: International Law or Realpolitik? The Practice of Recognition in the Wake of Kosovo, South Ossetia, and Abkhazia // Leiden Journal of International Law. 2011. Vol. 24, № 2. P. 467–490*; *Rich R. Recognition of States: The Collapse of Yugoslavia and the Soviet Union // European Journal of International Law. 1993. Vol. 36, № 4. P. 36–65.*

³ См.: *Tuathail G., O'Loughlin J. Inside South Ossetia: a survey of attitudes in a de facto state // Post-Soviet Affairs. 2013. Vol. 29, № 2. P. 136–172*; *Kabachnik P., Regulska J., Mitchneck B. Where and When is Home? The Double Displacement of Georgian IDPs from Abkhazia // Journal of Refugee Studies. 2010. Vol. 23, № 3. P. 315–336*; *Souleimanov E. Understanding Ethnopolitical Conflict. Karabakh, South Ossetia, and Abkhazia Wars Reconsidered. L.: Palgrave Macmillan, 2013.*

яснять, что взаимоприемлемый политический раскол является предпочтительным вариантом: он отражает нормализацию отношений между сторонами. Раскол Чехословакии на два независимых государства после холодной войны является примером такого успешного исхода. То же самое относится к Черногории и Восточному Тимору. Гражданский конфликт в Южном Судане подорвал его жизнеспособность как государства, хотя и не повлиял на международное признание его суверенитета. Другие опции включают решения, установленные чаще всего мировыми державами, юридический статус которых варьируется.

Заключение

Как я уже отмечал, власть и геополитика — войны, развал империй и государственные репрессии — чаще связаны с последствиями отделения, нежели с юридическими прецедентами. Нормы, которые используются как международные законы, также подлежат строгому анализу. Например, после распада Советского Союза и Югославии новым республикам был предоставлен суверенитет, который был легитимизирован путем международного признания. Но такое понимание создает проблемы в случаях с территориями с национальным или смешанным населением. Более того, конституционное право на отделение не означает, что республикам, входящим в состав других государств, позволено отделяться. Если такое право по факту недействительно, почему же оно должно быть обязательным условием для отделения после того, как вышеупомянутые мультиэтнические государства перестали существовать? Опять-таки данная ситуация касается больше политических норм, принятых мировыми державами для стабилизации или последовательной сепарации новых государств после крупных политических переворотов или для полного предотвращения расколов.

По той же причине не хватало убедительности, что-бы говорить (как делали США), что независимость Косово была особым случаем, как будто другие народы, подвергавшиеся репрессиям или стремившиеся к самоопределению, не могли получить право на отделение. Это только поддерживает аргумент о том, что, несмотря на привилегированный статус национального государства в международной системе, оно часто вынуждено уступить статус суверенитета, как в случае с членством в ЕС или вследствие вмешательства мировых сил. Территориальные изменения зачастую являлись последствием распада империй, мультиэтнических или национальных государств, и иногда государства лишались территорий по геополитическим причинам после правительственных репрессий и проигранных войн. В то время как успешное создание нового государства в конечном счете зависит от международного признания, это не является обязательным условием для создания функционирующего государства¹.

История показывает, что некоторым государствам потребовались десятилетия, чтобы их независимость была признана международным сообществом. Режим, правивший в самом густонаселенном государстве мира — Китае, получил право на вступление в ООН только через 22 года после прихода к власти. Палестинское государство, провозглашенное декларацией независимости в 1988 году, признано 134 членами ООН, но при этом не получило шанса функционировать как полноценное государство из-за израильской оккупации². Перед тем как начать любые процедуры политического разделения, необходимо рассмотреть вопрос спорного суверенитета: то, как независимость должна быть распределена. И итог такой борьбы будет зависеть от отношений между соперничающими сторонами внутри государства и, что не менее важно, от степени прямого вмешательства мировых держав, других заинтересованных государств и/или региональных или международных организаций.

Ахмад Иравани³

ВОПРОС О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ: РЕЛИГИЯ КАК ЧАСТЬ РЕШЕНИЯ

Национальные интересы всегда были спорным концептом с тех самых пор, как эта фраза стала широко использоваться для описания внешнеполитических целей государств. Хотя этот концепт встречался и до XX века, широкое распространение для описания внешнеполи-

¹ См.: *Duijnsma J. C.* Fragmentation and the International Relations of Micro-States: Self-Determination and Statehood. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

² См., например: *Quigley J.* The Statehood of Palestine: International Law and the Middle East Conflict. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

³ Директор Центра исламских и ближневосточных исследований (Вашингтон, США), доктор философии. Научный сотрудник Католического университета Америки (CUA). Автор научных работ по исламскому праву, философии, теологии, экономике, в т. ч.: “Community principles play out as campus explores Islamic”, “Global Agenda Council on the Role of Faith 2014–2016”, “Davos Insights: Society and Security” и др.

тической деятельности наций он получил только после Второй мировой войны. Концепт был неоднозначен всегда, а глобальные изменения последних двух десятилетий только добавили неясности. Глобализация, возникновение новых идентичностей внутри и между государствами и текущие транснациональные вопросы, которые добавились к прочим интересам, требуют пересмотра понятия национальных интересов.

Одно из самых важных достижений последних лет — возникновение инспирированных религией политических течений на Среднем Востоке и в Африке, которые поддерживают некоторые формы религиозного правительства. Этот феномен еще больше усложнил международные отношения и подверг сомнению определение национальных интересов, связанное исключительно с властью и государством.

В данном докладе внимание акцентируется на религии как важной переменной в международных отношениях и транснациональных процессах. Кроме того, мы попытаемся рассмотреть, каким образом религия может играть положительную роль для решения текущих проблем; каковы теоретическая и аналитическая базы концепта, современные проблемы; как религия, в частности ислам, влияет на международные отношения в современном мире.

Идея национальных интересов

Так же как и любой другой социологический концепт, национальные интересы не являются объективным критерием, согласно которому формируются и могут быть оценены политические процессы. Концепт должен иметь теоретическое обоснование. Рассматриваемый концепт, пожалуй, наиболее близок к реалистической школе международных отношений¹. Классический реализм Г. Моргентау и структурный реализм К. Уолтца, хотя и с разными формулировками, в основном занимаются собственными интересами государства, максимизацией безопасности и выживанием. В реалистической традиции национальные интересы определяются в терминах власти и как объективный критерий, в соответствии с которым государство разрабатывает свою политику².

В таком определении существуют два фундаментальных элемента. Первый заключается в том, что неисторическая и универсальная обоснованность концепта должна определять национальные цели. Второй заключается в идее, что власть влияет на определение государственных интересов³. Конечно, реалистическое определение власти в основном охватывает материальные аспекты в ущерб нормативным компонентам. Либеральные теоретики возражают реалистам, формулируя более расплывчатое определение власти, что приводит к возможно более ясному определению национальных интересов. Для либеральных теоретиков не существует абстрактных и универсальных интересов, выведенных государством. Формулировка национальных интересов начинается с внутренних политических процессов. Институты и группы борются за то, чтобы их предпочтения признавались национальными интересами⁴. Такая восходящая перспектива отличает либералов от реалистов и конструктивистов. То, как либеральные интернационалисты понимают власть, позволяет им быть более внимательными к непрерывно меняющейся международной структуре и обстановке и в то же время дистанцироваться от концепта национальных интересов как неизменной абстракции.

Конструктивисты обращаются к идеационным вопросам при определении поведения государств. В рамках конструктивизма национальные интересы опреде-

ляются самобытностью государства, которая складывается в международной социальной структуре. Концепт национальных интересов становится отражением самобытности и развития государства в результате взаимодействия с другими государствами⁵. То, как государства определяют себя сами в рамках межсубъективно сконструированного мира, оказывает воздействие на определение национальных интересов. Для конструктивистов (по крайней мере наиболее влиятельных) культура, идеи и самобытность государств являются субъективными концептами, занимающими определенное место в международной социальной структуре. Таким образом, критические концепты международных отношений, такие как угроза, интересы и власть, переосмысливаются, что создает нормативную международную структуру.

Реализм, власть и основанное на понятии государства определение национальных интересов выдержали проверку временем и теоретическую и методологическую критику. Однако возможность критики остается. Во-первых, невозможно эмпирически продемонстрировать переход от публичных интересов к национальным, или, лучше сказать, государственным. Определять государственные интересы всегда будут люди, отвечающие за внешнюю политику. Во-вторых, реальный мир гораздо сложнее и станет еще более сложным в ближайшие годы, а расстановка приоритетов представляет для государств огромную сложность, так как включает необходимость делать выбор.

Последовательную политику, основанную на стандартах, выведенных из национальных интересов, всегда было практически невозможно проводить, отсюда и моральная дилемма. Она присутствует только в политических вопросах, связанных с правами человека, продвижением демократии и гуманитарной интервенцией. Данная моральная непоследовательность имеет наибольшее значение для ведущих мировых держав, так как у них, как правило, есть развернутое представление о своих интересах, которое касается всех сфер международных отношений и включает многочисленные пункты. И в-третьих, нельзя полностью устранить неоднозначность концепта как способа определения политики.

Таким образом, национальные интересы зачастую становятся инструментом риторического воздействия политиков и бюрократов. Мы едва ли сможем разрешить эти противоречия, потому что в постоянно меняющемся мире используются одни и те же концепты, что только добавляет вопросов. Несмотря на эти вопросы, соотношение сил на международной арене подвергнется более чем критической оценке, относящейся к уместности концепта.

Новые вопросы и старые концепты

Концепт национальных интересов достаточно подвергался критике и сомнениям, и к тому же глобальные изменения и испытания, через которые прошел мир, оставили еще больше вопросов к традиционной концепции национальных интересов. Мы рассмотрим

¹ См.: *Morgenthau H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace.* N. Y. : Alfred A. Knopf, 1948.

² О кратком исследовании концепта в рамках двух школ см.: *Clinton W. D. The Two Faces of National Interest.* Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1994.

³ *Morgenthau H. J. The Primacy of the National Interest // The American Scholar.* 1949. Vol. 18, № 2. P. 207–212.

⁴ *Moravcsik A. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics // International Organization.* 1998. Vol. 51, № 4. P. 516–521.

⁵ См.: *Wendt A. Social Theory of International Politics.* Cambridge : Cambridge University Press, 1999.

некоторые из этих трансформаций и то, как они влияют на наше понимание и желание политиков и ученых выйти за рамки сложившихся разногласий.

Первая трансформация — это размывание территориальных границ государств и появление и активация субнациональных, вненациональных и супранациональных идентичностей. В связи со сжатием пространства-времени взаимоотношения и взаимосвязи между акторами увеличились в количестве. Появление новых этнических и национальных идентичностей привело к новым конфликтам, требованиям признания, а иногда и государственной независимости. Похоже, это явление — побочный продукт процесса глобализации. Глобализация — это не просто сжатие мира в отношении пространства-времени, а культурный сдвиг, ставший причиной непонимания, угрожающий суверенности и для некоторых государств — дестабилизирующий. Использование национальных интересов как руководящего принципа в разработке политики в поддержку или против некоторых из этих требований — непростое явление, возвращающее нас к дилемме противоречий. Государства постоянно встречаются с такими дилеммами и разрешают их, основываясь на том, что они считают своими национальными интересами.

Трансформация вторая: расхожее мнение гласит, что «век информации» и цифровая революция сильно повлияли на мир¹. Информационная революция повлияла на распределение мировых властей и международную систему и поставила под вопрос военную мощь как опору национальной власти. Информация в некотором роде укрепила положение кое-каких слабых до недавнего времени групп и государств, даже если экономические выгоды глобализации не были равномерно распределены между действующими лицами, что привело к структурному неравенству. В данном контексте интересы наций, возможно, сильнее переплетены друг с другом, так как крайняя бедность и бессилие имеют негативные последствия для других, особенно для более сильных и процветающих государств.

Трансформация третья: Стратегия национальной безопасности США, принятая в феврале 2015 года, определила окружающую среду и климатические изменения в качестве ведущих приоритетов как для своей администрации, так и для всего мира². Стремительная индустриализация и мировой экономический рост последних 50 лет настолько негативно повлияли на окружающую среду, что ее состояние стало вопросом национальной безопасности и мировой проблемой. В этой сфере интересы не могут оставаться исключительно национальными, и смотреть на них нужно как на транснациональные. В том же документе эпидемии представлены как проблема со своими строгими измерениями национальной безопасности; проблема, которая может угрожать всем государствам и всему человечеству. Таким образом, появление новых угроз — климатических изменений и эпидемиологических заболеваний — подрывает безопасность всех государств и требует объединенных усилий мирового сообщества,

¹ В этой части я полагаюсь на: *Nye J. S., Jr. Redefining National Interest // Foreign Policy. 1999. July/Aug.*

² *National Security Strategy (United States). 2015. Febr.*

основанных на переопределении концепта национальных интересов.

Трансформация четвертая, связанная и, возможно, вызванная двумя первыми, — появление в некоторых частях света экстремистских организаций, что влияет на все сообщество. Данный феномен больше не вписывается в рамки отдельно взятого государства или региона. Он угрожает большому количеству людей по всему миру. Терроризм стал транснациональной проблемой независимо от того, является ли он наследием непродуманных амбициозных военных планов, или результатом кризиса идентичности, вызванного глобализацией и культурной диффузией, или исключительно продуктом экономического неравенства, или же последствием всего вышеперечисленного. Такая проблема стала общей для национальных интересов многих стран. На первый взгляд кажется, что большинство террористических актов было совершено во имя религии. Исторически, религиозно мотивированные группы для достижения своих целей не использовали террор и экстремизм. Светские идеологии несут равную, если не большую, ответственность за совершенные зверства.

Ислам, государство и национальные интересы

Религия, как я уже упоминал, стала оказывать большее влияние в современном мире. В 1970-е и в начале 1980-х годов, когда академики и политики праздновали, казалось бы, окончательную победу светскости, мир стал свидетелем мощного возрождения религии на международной арене. И это неудивительно, так как с тех самых пор, как человечество задумалось о поиске смысла жизни и защиты от зла и ужаса, религия всегда предоставляла убежище страждущим. Религия является значительным фактором — рассматривать ли ее как инструмент наполнения жизни смыслом, или как субъективную составляющую человеческой личности, определяющую социальную и коллективную принадлежность. Иногда даже светские идеологии несут функцию предоставления индивидам и группам (можно сказать, и государствам) некоего нормативного ориентира, помогающего как в самозащите, так и в самоопределении. Концепт самоопределения в данном случае используется широко и включает не только само по себе самоопределение, но и самоукрепление и поиск признания и уважения. Таким образом, нет необходимости пересматривать то, как государства определяют национальные интересы и какой точки зрения на свои национальные интересы придерживаются некоторые государства и общества.

Нигде, кроме Среднего Востока, данный тренд не раскрылся сильнее. На Среднем Востоке ислам являлся больше чем сводом личных верований, оказывающим незначительное влияние на социальные и политические аспекты повседневной жизни. Религия имеет большое значение для социальной, культурной жизни индивидов и сообществ. Важная роль, которую ислам играет в жизни людей, делает эту религию не только источником смысла, но и средством выражения недовольства и требований. В то же время ислам выступил сдерживающим фактором для властных структур в не-

которых государствах региона. Процесс десекуляризации в отдельных частях Среднего Востока и Северной Африки имеет как восходящее, так и нисходящее направление. В некоторых государствах региона этот сдвиг представляет собой постепенные общественные изменения и в определенной форме культурное возрождение, а также попытку восстановления традиций. В других частях исламизация как движение, возглавляемое элитой, является скорее проектом социальной инженерии, который часто заручался поддержкой низов наряду с сопротивлением других социальных сил. Вне зависимости от природы, формы и степени исламизации эти государства и движения и их электорат прямо или косвенно влияют на формирование национальных интересов. Так, для того чтобы лучше понять проблему, полезно было бы понаблюдать за тем, как эти группы и движения определяют сами себя, а не огульно называть их «неверующими» в свою судьбу.

Глобальные проблемы, о которых говорилось в предыдущей части доклада, затронули и мусульманский мир. Основной проблемой неизбежно оказывался процесс глобализации, который повлек за собой множество других трудностей. «Натиск» европейской культуры потряс основы некоторых обществ. Век информации, привнесший новые формы общения с западным миром, вызвал проблемы культурных и исторических идентичностей в крупных сегментах популяции. Культуры и ценности коренных народов поставлены под угрозу с разных сторон. Глобализация и сопутствующие демографические изменения усложнили некоторые социальные и культурные дислокации, а новый мир создал внутренне противоречащие процессы адаптации и отторжения¹. Мусульманскую молодежь и элиту можно найти и на той, и на другой стороне от границы между адаптацией и отторжением. То, как мир, местные правительства и сообщества отвечают на этот изменчивый приток идей, символов и трендов, определяет будущую траекторию развития. Для огромного количества людей эти вопросы сводятся к каждодневной борьбе за то, чтобы свести концы с концами, какие бы противоречия ни существовали.

Экономическое неравенство и снижение общественного доверия к институтам и политическим лидерам, ответственным за обеспечение благосостояния и новых возможностей, создают ощущение безнадежности. Культурные и социальные дислокации, вызванные парадоксами процесса глобализации, проходят в ситуации экономической неудовлетворенности и неуверенности. Экономика большинства государств региона страдают от стагнации, безработицы и коррупции. Даже некоторые нефтяные монархии Персидского залива, не испытывающие недостатка в нефтяных деньгах, чувствуют тяжесть экономического давления и демографических изменений. Ситуацию усложняют авторитарные правительства и недостаток механизмов политического участия. Зачастую ислам используется (и используется неправильно) элитой для легитимации сохранения политического статус-кво, в то же время

¹ О материалах, исследующих данный вопрос с разных перспектив, см.: *Globalization and the Muslim World: Culture, Religion and Modernity* / B. Schaebler, L. Stenberg (eds.). Syracuse : Syracuse University Press, 2004.

как силы, противостоящие действующим правительствам, делают то же самое, оправдывая свои действия именем ислама и учением пророка.

Крайний экстремизм — всего лишь еще одно проявление этой комплексной легитимации в ответ на внутренние и международные проблемы мусульман, в особенности молодежи. Исламский экстремизм полагается на узкую, строгую и нетерпимую интерпретацию Корана. Огромное количество последователей этой искаженной интерпретации не были воспитаны в сообществах, оправдывающих экстремизм². На самом деле большинство из них росли в семьях с традиционным взглядом на роль религии. Политика экстремизма базируется на десятилетиями копившейся неудовлетворенности населения мнимой и реальной несправедливостью, а также на уверенности в том, что на их общества постоянно посягают другие страны, используя как предлог национальные интересы и интересы безопасности и пренебрегая интересами местного населения. Более того, избирательное и непоследовательное использование национальных интересов крупными державами добавляет к этой уверенности ощущение беспомощности и гнева, что обеспечивает приток новобранцев в террористические организации и подтверждает радикальную трактовку ислама. Сопоставление терроризма и религиозного экстремизма требует комплексного и всестороннего подхода.

Ухудшение состояния окружающей среды, климатические изменения и истощение ресурсов представляют собой иной набор проблем, с которыми пытаются справиться эти нации. На данный момент у них нет возможности сформулировать эффективную политику. Политические беспорядки, недостаток ресурсов, недооценивание долгосрочных и краткосрочных последствий и императивы экономического роста лишили эти проблемы статуса приоритетных. Как правительства и общественность оставили проблемы без должного внимания, так и культурные и религиозные традиции и институты не смогли создать должные основания, подчеркивающие важность охраны природных ресурсов и защиты окружающей среды. В общем и целом еще очень многое предстоит сделать в сфере окружающей среды, и это связывает интересы отдаленных друг от друга регионов; эти интересы являются всеобщими, а не национальными.

Ислам — часть решения, а не проблемы

Как я уже упоминал ранее, религия не является проблемой, но может послужить решением многих задач, с которыми сталкивается человечество. Многие из вопросов, о которых говорилось выше, не имеют простого ответа и требуют свежего, тщательного и всестороннего подхода. Вопросы культуры и идентичности являются одними из самых сложных в обстановке стремительно меняющегося мира. Ислам, в частности, представляет собой религию с богатой текстовой базой, которую можно интерпретировать по-новому. Теологический и философский подход (несомненно,

² Ислам и религия в целом не поддерживают насилия по своей сути. Анализ ненасильственной природы ислама см.: *Armstrong K. Fields of Blood: Religion and the History of Violence*. N. Y. : Alfred Knopf, 2014.

самый сложный и иногда противоречивый) обращается к мусульманской традиции за теоретическими инновациями. Юристы, теологи и философы должны принимать эту задачу всерьез, потому что она является сложной и долгосрочной, и при этом необходимой, так как от ее решения зависит судьба мусульманского мира. Тексты, традиции и высказывания пророка Мухаммеда, а превыше всего Священный Коран, предоставляют достаточные возможности для возрождения знаний, первооткрывателем которых однажды стал мусульманский мир.

Существует несколько основных сфер, на которых предполагаемое возрождение должно сосредоточиться. Первая — это возвращение к основополагающим текстам и традициям для того, чтобы восстановить исламский закон и право в соответствии с требованиями современности. Возможно, и даже необходимо, учитывать то, что говорилось и предписывалось мусульманскими учеными и юристами прежде, а именно понятие пространственно-временной потребности. Ранние мусульманские ученые и лидеры власти находили решения множества проблем и задач своего времени. Долгом современных мусульманских юристов и лидеров является учитывать особенности сегодняшней ситуации и находить решения общественных проблем, в частности тех, с которыми сталкивается верующая молодежь.

Эти политические и философские проекты, какими бы сложными они ни казались, в дальнейшем должны содействовать в решении проблем авторитарного правления и свобод. Крайне важно заниматься вопросами несправедливого правления и создавать новую систему, в которой есть место свободам, представительству и демократической ответственности. Исламские ученые традиционно полагаются на основные принципы свободного и демократического правительства. В Коране содержится огромное количество отсылок к концепту совета как механизма делиберации, медиации и создания выборной демократии. Конечно, нам вовсе не обязательно придерживаться западного представления о либеральной демократии. Ислам, конечно же, не может поддерживать авторитарное правление, и в истории раннего периода религии мы находим доказательство тому, как концепции справедливого правления и свободы личности поддерживались и претворялись в жизнь.

Коранические тексты и предписания ислама свидетельствуют о поддержке религией свободы выбо-

ра. Более того, исламское право и теология могут быть использованы для обеспечения более широкого участия масс в политических процессах. Партиципативная демократия не является сугубо западным понятием и продуктом. Наоборот, в некоторой форме такой режим практиковался ранним исламом. Новые работы в сфере философии и идеологии недавнего времени исследуют эти понятия со ссылками на оригинальные исламские тексты. Конечно, гораздо больше должно быть сделано в современной обстановке с использованием иджтихада — независимого доказательства, метода, принятого многими исламскими школами. Иджтихад является средством постоянной переинтерпретации классических текстов в контексте социальных перемен.

Мы живем в такой исторический период, когда интересы мировых государственных, негосударственных и супрагосударственных акторов тесно переплетены друг с другом. Традиционное понятие национальных интересов может являться полезным риторическим приемом для оправдания внешней политики, но глобальные трансформации, по крайней мере в большинстве случаев, больше не считаются с границами. Случаи крайнего экстремизма и терроризма, наблюдаемые в западном мире, связаны с процессами, происходящими в других частях планеты. Терроризм связан с многочисленными аспектами: экономическими, культурными, политическими и психологическими. Климатические изменения объединили судьбу человечества как никогда прежде. После всего вышесказанного можем ли мы теперь говорить об интересах сугубо национальных?

Религия — это важный источник, наполняющий жизнь людей смыслом, но в то же время она может являться и источником насилия и экстремизма. По моему мнению, религия, а в контексте настоящего доклада — ислам, должна быть и является частью решения. Все шаги, которые необходимо предпринять, должны начинаться с широкого национального и межнационального диалога. Участвовать в таком диалоге должны религиозные лидеры, влиятельные общественные фигуры и население в целом. Включение в дебаты современных исламских лидеров и институтов укрепляет гражданское общество и создает новые механизмы участия. В конечном счете гражданское общество и правительства государств мусульманского мира должны получить возможность влиять на то, как определяются национальные интересы и преследуются государственные цели.

А. К. Исаев¹

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Заявленная в этом году тема Международных Личачевских научных чтений «Современные глобальные вызовы и национальные интересы» является актуальной и важной. Без понимания и глубокого анализа причин, порождающих современные глобальные конфликты и проблемы в различных сферах жизнедеятельности человечества, невозможно дальнейшее поступательное движение развития нашего общества по пути прогресса.

Динамизм изменений в сфере международных отношений, свидетелями которых мы являемся, уникален и вместе с тем предсказуем. Уникален ввиду стремительности развития событий и необходимости такой же стремительной реакции на происходящее. Предсказуем ввиду того, что мы видели, как накапливался потенциал для нового витка турбулентности в глобальной экономической жизни и как обострялись неразрешенные противоречия со вчерашними союзниками, решившими, что теперь влияние перешло в их руки «окончательно и бесповоротно» и они могут диктовать всему миру «правила игры».

Два года назад в статье «Три запроса России к Путину» были сформулированы основные глобальные угрозы, которые по мнению российских профсоюзов стояли перед нашей страной в ближайшей перспективе.

В этой статье мы писали о том, что во время избирательной кампании 2011–2012 годов для большинства россиян ключевую, объединяющую роль играло сохранение стабильности и суверенитета страны, противостояние «оранжевой» угрозе и попыткам давления на Россию извне. Однако наше общество прошло определенный путь развития, и у него появились новые запросы. Два года назад, по нашему мнению, сложились три основные проблемы, которыми предстояло заняться президенту, — сохранение глобального мира, обеспечение социальной справедливости, установление баланса между традиционными ценностями и демократическим развитием.

Первое. Сохранение глобального мира для подавляющего большинства граждан нашей страны, пережившей в XX веке две мировые войны, понесшей неисчислимы экономические и людские потери, не является абстракцией. В отличие от большинства европейцев и тем более наших заокеанских союзников, потери

в этих войнах и других столкновениях прошлого века коснулись каждой российской семьи. За 70 лет, прошедших с момента окончания последней мировой войны, сменилось не одно поколение. Однако мы до сих пор помним о том, сколько сил потребовалось для восстановления разрушенного народного хозяйства и сколько лет мы «догоняли» экономики стран, сумевших извлечь экономические выгоды от военных поставок. С тревогой и недоумением мы видим, как с каждым новым шагом и очередной «мирной инициативой» по «продвижению демократии» в той или иной стране при активном, прямом и непосредственном участии наших вчерашних партнеров повышается угроза новой глобальной конфронтации.

Мир стал другим — более сложным, с новыми вызовами и угрозами. В этих новых условиях мировые элиты оказались не в состоянии обеспечить эффективное управление глобальными процессами. Выстроенная ими в прошлом финансовая система, основанная на Бреттон-Вудских соглашениях, предусматривала обмен производимых в мире продуктов и услуг на виртуальные активы — бумажные или электронные деньги, фьючерсы, облигации и тому подобное, не имеющие реальной товарной стоимости.

Данная система, первоначально способствовавшая расцвету мировой торговли и росту инвестиций, превратилась в тормоз развития и прогресса, в угрозу практически для всех государств, включая мировых лидеров «Большой восьмерки». В результате одни государства и мировые центры силы выступили за изменение глобальных правил игры, совместную выработку нового взаимовыгодного механизма глобального политического и экономического управления. Другие группировки мировой элиты сделали ставку на разрешение кризиса через новый глобальный вооруженный конфликт.

Детальный анализ мировой обстановки позволял утверждать, что подготовка такого конфликта, а по сути новой мировой войны, вступила в решающую фазу. Это и раздувание военного противостояния в Сирии, и рост напряженности в Азии, и, конечно, последовавшие затем события на Украине. По сути, формировалась так называемая «дуга нестабильности» на евразийском континенте: от Европы до Тихого океана.

Данная ситуация, связанная с раскручиванием целой серии региональных вооруженных конфликтов, очень напоминала развитие событий накануне Первой и Второй мировых войн. И точно так же, как тогда, мы наблюдали кризис системы международного права, когда спорные вопросы все чаще решались с позиции силы, падал авторитет ведущих мировых организаций, в том числе Лиги Наций (предшественницы ООН), члены которой все чаще не могли прийти к согласию по ключевым вопросам и предотвратить конфликты дипломатическими средствами. После Второй мировой войны «мозговые центры» либерального толка принялись за конструирование будущего, которое

¹ Заместитель Председателя Государственной Думы Федерального собрания РФ VI созыва, первый заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, профессор СПбГУП, кандидат политических наук. Автор ряда публикаций по проблемам общественного, профсоюзного и рабочего движения, в т. ч. книг: «Социальная среда», «Социальная среда. Продолжение разговора», «Экономическая демократия — современная идеология традиционных профсоюзов России», «История профсоюзов России. Этапы, события, люди» (в соавт.), «Профсоюзы России. Современный этап» (в соавт.), «Основные изменения в трудовом законодательстве России» и др. Один из авторов действующего Трудового кодекса РФ. Заместитель сопредседателя Совета законодателей при Федеральном собрании РФ. Заместитель секретаря Генерального совета партии «Единая Россия». Почетный доктор Российской академии адвокатуры и нотариата. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденами Почета, Дружбы.

им виделось таким же по результатам, но без использования прямой военной силы, что было обусловлено политикой ядерного сдерживания. На этой основе расцветали и превращались в реальность различные концепции «неудавшихся государств», «мягкого суверенитета», «внешнего управления государствами» и «гуманитарных интервенций».

Подобного рода идеологические модели являются средством обоснования такого мирового порядка, в рамках которого нет места взаимовыгодному существованию различных стран и народов, а есть лишь открытый силовой диктат со стороны мировых гегемонов, опирающихся на оставшиеся со времен холодной войны военно-политические блоки наподобие НАТО.

В новейшей истории Россию также пытались активно втянуть в региональные столкновения, сделать пешкой в чужой игре, подорвать социально-экономический потенциал, погрузить в политическую анархию и хаос противостояния по национальному, религиозному, территориальному признакам. Мы были обязаны не допустить этого, сделать все для того, чтобы в случае любых мировых потрясений Россия была опорой мира, стабильности и порядка.

Еще в 2007 году Владимир Путин сказал: «Суверенитет — это очень дорогая вещь и на сегодняшний день, можно сказать, эксклюзивная. Но Россия — такая страна, которая не может существовать без защиты своего суверенитета. Она будет либо независимой и суверенной, либо скорее всего ее вообще не будет».

Нынешняя ситуация только подтверждает верность такой оценки. Наша внутренняя и внешняя политика должна быть направлена на защиту национальной безопасности и реального суверенитета страны. Сегодня суверенитет может быть только активным, комплексным, достаточным и обеспеченным по всем направлениям. Активный суверенитет означает, что государство не только гарантирует защиту безопасности граждан, но и обеспечивает устойчивый экономический рост, развивает инновации, проводит эффективную социальную политику, занимается вопросами демографии, наращивает человеческий капитал. Лишь при этих условиях Россия может занять достойное место в мире, играть лидирующую роль в формировании новых правил и повестки мирового развития.

Второе. В российском обществе как никогда остро стоит вопрос социальной справедливости. Реальные шаги в этом направлении были сделаны нынешним президентом В. В. Путиным. Именно он воспринимается народом как лидер, который ликвидировал всевластие олигархов. Именно в годы его нахождения у власти Россия перестала быть страной бедных людей.

Но разрыв между бедностью и богатством был достаточно высок, олигархи продолжали пользоваться результатами сомнительной приватизации и залоговых аукционов. Все это являлось и является серьезным тормозом в развитии страны. Ведь в современном мире именно «социальность» государства определяет его успешность, поскольку развитие человека как «главного капитала» новой экономики является залогом

устойчивости развития страны и ее конкурентоспособности.

Вот почему государство должно обеспечивать социальную справедливость и не допускать острых внутренних конфликтов и противоречий, «войны всех против всех», создавать условия для диалога и баланса интересов всех социальных групп. Нам необходимо справедливое общество, построенное на мирной, ненасильственной основе. В связи с этим мы предложили серию шагов, направленных на снижение социального неравенства. Прежде всего необходимо увеличить минимальный размер оплаты труда не ниже прожиточного минимума на федеральном и региональном уровне. Кроме того, установить нормы, в соответствии с которыми заработная плата высших руководителей организаций не может быть выше определенного уровня по отношению к средней заработной плате в той же организации.

Замечу, что поставленные нами вопросы вызвали оживленную дискуссию как в экономическом блоке правительства, так и в обществе в целом. Как мы видим, пока обходятся полумерами: закон об ограничении «золотых парашютов», то есть компенсаций, выходных пособий, а также иных выплат, связанных с прекращением действия трудового договора руководителей, их заместителей, главных бухгалтеров, членов советов директоров и наблюдательных комитетов государственных организаций и корпораций, введена публикация деклараций о доходах чиновников и депутатов. Однако этого явно недостаточно для решения поставленной проблемы. Ведь предложение о пропорциональной шкале налогообложения, вызывающей одобрение у большинства работающего населения страны, так и остается нереализованным. В итоге — ощущение несправедливости в обществе сохраняется.

Также мы предложили дополнительное общественное обременение для олигархов. Крупные компании и владельцы крупных состояний — физические лица, по нашему мнению, должны публично взять на себя ответственность по оказанию благотворительной помощи спортивным командам, детским домам, культурным объектам, депрессивным территориям для того, чтобы открыто показать, что значительная часть средств, которые они зарабатывают, вкладывается в национальное благосостояние. Отказ от благотворительной деятельности для них должен рассматриваться как аморальное и неподдерживаемое обществом поведение.

Третье. Выстраивание баланса между традиционными национальными ценностями и демократической модернизацией — еще одна важная задача.

Любая страна стремится к оптимальному сочетанию традиционных ценностей своей культуры, без которых общество исчезнет, и демократических принципов, которые позволяют идти вперед. И только такая политика соответствует интересам абсолютного большинства наших граждан. Но на этом пути множество труднопреодолимых препятствий. Мы видим, что современному миру и миру, который мы оставим своим детям, угрожают два разрушительных течения: радикально религиозное, которое не позволяет нормально

развиваться, и радикально либеральное, размывающее те ценности, на которых стоит цивилизация. Наша задача сейчас, как и два года назад, не позволить этим Сцилле и Харибде поглотить человечество.

После публикации нашей статьи несколько так называемых «экспертов» сказали, что перечисленные нами запросы неактуальны, что окружающий мир изменился и перед ним стоят иные задачи. Кто повторит это сейчас? Сегодня эти темы актуальны как никогда.

Так, во время событий в Сирии и на Украине Россия занимала и занимает позицию миротворца и не дает перевести финансово-экономический крах англосаксонской системы в череду неуправляемых региональных военных конфликтов. Именно Российская Федерация добилась ликвидации сирийского химического оружия и спасла Дамаск от бомбардировок. Именно наша страна выступила связующим зве-

ном в переговорах между новой украинской властью и лидерами ДНР и ЛНР.

Помимо этого, Россия своей внутренней политикой показывает, что можно совмещать демократию с уважением к традиционным ценностям и что столкновение между ними, которое навязывается Западом, является ложным.

Надеюсь, что результатом встреч и дискуссий участников Международных Лихачевских научных чтений станет осмысление современных глобальных вызовов научным сообществом, что должно привести к выработке эффективных способов снижения глобальной напряженности, сохранению мира на Земле, формированию системы взглядов на современное общественное развитие на основе многополярного мироустройства, взаимоуважения и равноправия, поскольку уверен, что именно это является стратегией выживания человечества.

Томас Кент¹

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЭТИКА: ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ?

Может ли этика быть относительной?

Этот вопрос обсуждается на протяжении веков, начиная с Платона, если не раньше. Существуют ли универсальные кодексы поведения, которые каждый человек должен признавать, независимо от страны и культуры? Или история и опыт диктуют различные правила морали разным людям?

Такие же вопросы возникают в более узкой области — журналистике. Существуют ли этические принципы, которые все должны признавать как часть профессии, или они меняются от общества к обществу?

Вопрос этот очень важен сейчас, когда журналистские материалы уже привычно пересекают национальные и лингвистические границы. Международное радиовещание и Интернет распространяют контент по всему миру. Новость из России может легко появиться на американской странице в Фейсбуке, Твиттере в Бангладеш и на новостном сайте в Японии. Должен ли российский журналист придерживаться неких международных норм, принимая во внимание многообразие аудиторий? Или ему следует писать в своем культурном и профессиональном контексте, не пытаясь вычислить, как удаленная аудитория может воспринять его работу?

¹ Заместитель главного редактора агентства «Ассошиэйтед Пресс» (США), редактор по вопросам соблюдения стандартов объективности и точности. Работал в АП в качестве редактора международной информации; редактором новостей Мировой службы АП; руководителем бюро АП в Москве; руководителем представительства АП в Тегеране во время Исламской революции; корреспондентом в Брюсселе по вопросам деятельности НАТО и ЕС; корреспондентом в Сиднее и Хартфорде (штат Коннектикут, США). Дважды входил в состав жюри Пулитцеровской премии, присуждаемой за достижения в области международной журналистики; выступает в качестве консультанта по этическим вопросам Общества профессиональных журналистов. Консультант в Школе журналистики Колумбийского университета, преподаватель Института Гарримана Школы международных и общественных отношений Колумбийского университета.

Некоторые журналисты уверены, что должен быть признанный на международном уровне журналистский этический кодекс, как бы трудно ни было его создать. Как заявил мне один пожилой французский журналист: «Если журналисты всего мира не могут создать единый кодекс, их следует запереть в комнате и не выпускать до тех пор, пока они этого не сделают».

Другие считают, что такой поиск не даст результатов, культуры и ожидания слишком сильно различаются.

Рассмотрю этот вопрос в связи с Этическим кодексом «Сделай сам» Ассоциации новостей онлайн. Ассоциация новостей онлайн (АНО) — международная журналистская организация, которая базируется в Америке и занимается журналистикой и технологией в эру Интернета.

«Сделай сам» стремится совместить две радикальные точки зрения: что обязательно должен существовать универсальный журналистский кодекс и что он не нужен. Проект создан, чтобы помочь журналистам во всем мире, особенно молодым журналистам и блогерам, создать этические кодексы, которые отражают их собственные принципы.

Выбрать фундаментальные принципы было непросто. По сути кодекс — это кодекс журналиста. Если это просто чистая страница для того, чтобы люди писали о чем угодно, то невозможно будет отличить журналистику от пиара и государственной пропаганды.

Тогда мы решили, что некоторые принципы журналистской этики универсальны и должны касаться всех, кто считает себя профессионалом. Это принципы, которые провозглашены в более чем десяти журналистских кодексах по всему миру, как бы плохо они ни соблюдались в той или иной стране.

Например: будь честным, точным, правдивым и справедливым. Не искажай и не подтасовывай фак-

ты, образы, звуки и данные. Обеспечивай точный контекст всех сообщений.

Ищи разнообразные мнения, способствующие развитию темы, на которую ты пишешь.

Убедись, что источники надежны. Как можно лучше дай понять аудитории, каковы твои источники информации, какой может быть мотивация и какие условия люди поставили, предоставив тебе информацию. Если ты не уверен в информации, не используй ее либо укажи, что она не проверена.

Исправляй ошибки быстро, отчетливо и полностью. Пусть аудитории будет легко привлечь твоё внимание к ошибкам.

Четко различай факты и мнения во всем контенте.

Избегай любого конфликта интересов, который подрывает твою способность справедливо излагать.

Не позволяй интересам рекламодателей или лиц, финансирующих твою работу, влиять на честность твоей журналистики.

Уважай свою аудиторию и тех, о ком пишешь. Учитывай, как твоя работа и ее постоянство могут повлиять на героев твоих сообщений, на твой район и на большой мир.

Не занимайся плагиатом и не нарушай авторские права.

Это может выглядеть как длинный список принципов, но на самом деле это очень мало. Большинство этических вопросов, по мнению АНО, открыты для дискуссии, и честные журналисты могут законно не согласиться с ними. В таких областях этика действительно может быть относительной, основывающейся на особенностях страны, культуры, веры и других факторах. Мнения могут широко варьироваться и внутри культур.

Возьмем, к примеру, понятие «объективной» журналистики и журналистики, отражающей точку зрения пишущего (субъективной). Должен ли журналист пытаться писать в абсолютно беспристрастной манере, цитируя все мнения и пытаясь спрятать свои личные чувства? Или он мотивирован политическими, национальными, религиозными причинами, которые он пытается продвигать?

По мнению АНО, человек может быть журналистом и служить какому-то делу, если он уважает правду и его убеждения очевидны для аудитории.

Например, журналист страстно занимается защитой окружающей среды, убежден, что мир должен вести борьбу против изменения климата. Тем не менее он может проводить исследование деятельности отдельных групп, занимающихся защитой окружающей среды, и критически оценивать их работу.

Подобным же образом можно поддерживать какую-то политическую партию, но строго следить за потенциальными кандидатами и проверять истинность их утверждений. Кроме объективного и заинтересованного выбора изложения фактов, АНО обнаружила более 40 областей этики, где журналисты могут законно придерживаться различающихся мнений.

Несколько примеров. Может ли журналист, занимающийся расследованием, скрывать свою личность? Многие новостные компании считают сокрытие лич-

ности нормальным и разумным, другие считают, что это подрывает честность прессы, а тайная работа редко является единственным возможным способом ведения расследования.

Когда журналист берет интервью у государственного чиновника или представителя какой-то фирмы, должен ли он предоставить заранее полный список вопросов? Следует ли разрешить чиновнику «подправить» его ответы или просмотреть материал до публикации? В некоторых культурах такие «любезности» высшим чиновникам обычны. В других это проклятие для журналистов, не признающих такие уступки власти. Лучше не брать интервью, считают многие журналисты, чем соглашаться на такие условия.

Должны ли журналисты называть имена людей, обвиняемых в совершении преступлений, раньше, чем они осуждены? Журналистская практика и закон в некоторых странах защищают анонимность арестованных. Но в других странах фамилии подозреваемых обычно предаются гласности.

Еще одна этическая проблема возникла, когда Доминик Стросс-Кан, бывший глава Международного валютного фонда, был арестован в Нью-Йорке по подозрению в сексуальном насилии по отношению к горничной в отеле. Все телекомпании США показали задержанного в наручниках и под конвоем при скоплении теле- и фоторепортеров, что является обычной практикой в США. Французские журналисты считают, что такие сцены нельзя демонстрировать телезрителям, по крайней мере до тех пор, пока человека не признают виновным. Эти кадры со Стросс-Каном не были показаны во Франции.

В подобной ситуации возникает вопрос транснациональной этики. Си-эн-эн и France 24 являются глобальными сетями. Некоторые зрители могут считать, что, будучи таковыми, эти компании должны выработать общий этический кодекс. Но опыт показал, что на практике это невозможно. Хотя такое разное отношение к «*per walk*» («прогулке в наручниках») на двух каналах может озадачить зрителей Сенегала или Индии, понадобился бы строжайший самоконтроль журналистов и сильное принуждение со стороны правительства, чтобы создать единую этику в каждой транснациональной системе СМИ.

Многие из пунктов кодекса АНО возникли в век информационных технологий, в некоторых фигурируют цифровые архивы. Должна ли новостная организация соглашаться убрать материал, фото или видео с веб-сайта?

Типичный случай: человек, который был арестован в возрасте 19 лет за хранение марихуаны. Сейчас ему 35, он пытается найти работу, и его терзает эта история 16-летней давности, которая периодически выскакивает в поисковых системах. Некоторые новостные компании отказываются убирать материал, если он правдив. Другие практикуют более гибкий подход, считая, что из соображений морали и справедливости подобная история должна быть удалена по прошествии длительного времени.

Также много этических проблем возникает вокруг данных и графиков, используемых в журналисти-

ке. Если организация предлагает публикацию гистограммы или диаграммы в подтверждение своей точки зрения, следует ли в публикации просто перепечатать предложенный график или необходимо настаивать на ознакомлении с точными данными, которые использовались в графиках, и затем изобразить это самим?

Кодекс «Сделай сам» также касается поведения журналистов в социальных сетях: могут ли они писать все что хотят, или их комментарии должны отражать объективность (или точку зрения) их работодателя?

Еще один вопрос: следует ли новостной компании показывать видео заложников, которое распространяется террористами? Мнения по этому вопросу сильно различаются на разных континентах. «Ассошиэйтед Пресс» не показывает «момент смерти», но некоторые новостные каналы делают это.

Также дебатировались этические вопросы, отражающие экономический статус различных стран. По многим этическим кодексам журналистам запрещается принимать подарки. Во многих странах это хорошее правило. Но ведь могут быть исключения?

В некоторых странах журналистам мало и нерегулярно платят, если вообще платят. Иногда в этих странах, когда журналисты присутствуют на пресс-конференциях, то в подборке для печати (пресс-кит) они находят конверт с небольшой суммой — 10–

20 долларов. Это официальная благодарность за участие и покрытие дорожных расходов. Некоторые журналисты используют эти малые суммы, чтобы прокормить свою семью.

Эти журналисты аморальны? Их следует исключить из журналистской семьи? Или можно признать, что жизнь журналистов различается в разных странах? Есть ли способ для журналиста принять деньги в этой ситуации, когда читателю ясно, что тем, кто принимал участие, предлагаются деньги?

Все эти ситуации показывают, что журналистская этика не может быть одинаковой повсюду. Вероятно, у транснациональных издательств и телерадиоканалов никогда не будет последовательной политики в этом вопросе. В то же время это не обязательно негативное явление. В большой степени этика формируется опытом. Когда возникает сумбур нового цифрового опыта, возможно, стоит попытаться применить различные этические подходы, чтобы понять, какой лучше.

Новостные организации следят за этическими принципами и решениями друг друга. Когда опыт накопится, они не всегда будут принимать одинаковые решения. Но они должны тщательно анализировать всю информацию и действия коллег, понимать, за какие ценности они выступают, и быть открытыми перед аудиторией в своих убеждениях.

Ганс Кёхлер¹

МИРОВОЙ ПОРЯДОК И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС

Эволюция мирового порядка

Когда в начале 1990-х годов закончилась так называемая холодная война, мир с нетерпением ожидал появления *нового* и *мирного* мирового порядка². Существовала надежда на то, что соперничество между двумя сверхдержавами, которое принято называть «конфликтом между Востоком и Западом», перерастет в стабильную систему сотрудничества между всеми государствами на равноправной основе и на основе общих целей.

Однако предрекаемый золотой век «либеральной демократии» и «мира» быстро превратился в фата-мор-

гану, когда стало понятно, что одна сторона в прежнем конфликте, считавшая себя победительницей в мировой борьбе за власть, стремилась к тому, чтобы единолично определять основные принципы мирового порядка, в том числе принципы прав человека и верховенства закона. В последующие годы большинство государств — членов Организации Объединенных Наций оспаривали право этой сверхдержавы на политическое и идеологическое превосходство. Фрэнсис Фукуяма провозгласил «конец истории»³, подразумевающий принятие в мировом масштабе так называемой доктрины победителя, однако его заявление оказалось преждевременным.

Внезапное исчезновение мирового баланса между странами после распада Советского Союза и окончания действия Варшавского договора привело к возникновению *гегемонистских устремлений*, когда страна — мировой лидер — взялась представлять свои *национальные интересы* так, как если бы она представляла *всеобщие интересы* человечества⁴. В новом одно-

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет безопасности как исполнитель справедливости?» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета.

² Об анализе термина «новый мировой порядок» и его идеологических причинах см.: Кёхлер Г. Демократия и новый мировой порядок // Вопросы международных отношений. Вена: Международный. организация за прогресс, 1993. Т. 19.

³ Фукуяма Ф. Конец истории? // The National Interest. Т. 16 (лето 1989 г.). С. 3–18; Он же. Конец истории и последний человек. Нью-Йорк; Торонто: Free Press and Maxwell Macmillan, 1992.

⁴ Американский политический комментатор Чарльз Краутхаммер с особым одобрением раскрывает смысл такого имперского понимания роли мирового гегемона: «У Америки должно быть свое независимое мнение по поводу собственных интересов и интересов всего земного шара» (Краутхаммер Ч. Еще раз об однополярном моменте // The National Interest. 2002–2003. Зима. С. 16).

полярном мире¹ отсутствие системы сдержек и противовесов в межгосударственных отношениях привело к глубокой дестабилизации международной системы, представляемой Организацией Объединенных Наций, и к своеобразной юридической анархии, в результате которой роль этой международной организации была сведена к бездействующему наблюдению за односторонними действиями страны-гегемона. Военные агрессии против Югославии в 1999 году и против Ирака в 2003-м — только два примера того, как система коллективной безопасности, основанная на балансе сил между постоянными членами Совета Безопасности ООН, подверглась эрозии и в конечном счете была разрушена в интересах лишь *одного* государства — члена Совета Безопасности². Такое развитие событий стало очевидным в 1991 году во время войны против Ирака в Персидском заливе, когда Соединенным Штатам удалось использовать свое влияние с целью создания коалиции против Ирака и выдвинуть особую ближневосточную политическую доктрину «Новый Ближний Восток»³.

Эти шаги, официально предпринятые так называемыми международными коалиционными силами на основе принятой Советом Безопасности ООН резолюции⁴, включали экономические санкции против всего гражданского населения, приведшие к гибели миллиона мирных жителей⁵. Во время интервенции НАТО в Ливию в 2011 году снова стало понятно, что в отсутствие необходимых инструментов сдерживания такое стремление к власти практически не знает границ.

В образовавшейся обстановке гегемонизма сама законность использования вооруженных сил от имени Совета Безопасности ООН была поставлена под сомнение и даже проигнорирована, а система коллективной безопасности была признана недействующей. Это произошло главным образом из-за нарушения положений гл. 7 Устава Организации Объединенных Наций, допущенного *основным и самым мощным* участником событий, действующим на основании собственных стратегических интересов. В таких обстоятельствах

эта ведущая страна пользуется любой возможностью использовать мандат Совета Безопасности на применение военной силы как удобный шанс выдвинуть на передний план свои стратегические интересы.

Практика проведения силовой политики в условиях *военной* однополярности стала самой серьезной угрозой принципу национального суверенитета и, в частности, принципу *суверенного равенства* стран, закрепленному в ст. 2 (1) Устава ООН. Эта ведущая страна все больше пытается скрыть свои национальные интересы за завесой таких *всеобщих ценностей*, как демократия, права человека и главенство закона, хотя и интерпретирует эти ценности сугубо по-своему⁶.

Это, в свою очередь, вызвало противодействие со стороны членов международного сообщества, которые сопротивляются тому, что их отодвигают на задний план, и заявляют о своих национальных интересах⁷. Прикрываясь принципом «либерализации» торговли, страна-гегемон также проводит хищническую политику экономической глобализации исходя из собственных стратегических интересов. В ответ на эти всеобъемлющие притязания на мировое господство были созданы новые формы межправительственной кооперации, такие как БРИКС (куда входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) или Шанхайская организация сотрудничества.

Наступившая мировая напряженность после холодной войны также стала результатом возрастающего *противоречия* между однополярностью в военно-политической сфере и многополярностью в социокультурной (или цивилизационной)⁸. То, что Сэмюэль Хантингтон назвал «столкновением цивилизаций»⁹, также частично является результатом этой напряженности и стремления ведущей державы к установлению культурного (и идеологического) превосходства над остальным миром¹⁰.

Таким образом, новый баланс сил будет неотъемлемым компонентом *политики национальных интересов*, которая не должна приводить к мировой диктатуре и постоянным конфликтам. Соблюдение национальных интересов должно осуществляться в рамках *сотруд-*

¹ Более подробно см. (помимо прочих работ): Брукс С., Уолфорт У. Американское превосходство в перспективе // Foreign Affairs. 2002. Июль-авг. Т. 81, № 4. С. 20–33.

² См.: Кёхлер Г. Куда идете, объединенные нации? // Foreign Affairs. 2002. Июль-авг. Т. 81, № 4. С. 20–33; Мировой порядок: видимое и реальное: сб. ст. / под ред. Д. Армстронга. Нью-Дели: Manak, 2009. С. 189–204 (подробнее гл. II, с. 192 и др.).

³ Об этой концепции см. также: Кюннер Дж. Т. Новый Ближний Восток: докл. Ист. ин-та для преподавателей при Исслед. ин-те внешней политики США // The Newsletter of FPRI's Marvin Wachman Fund for International Education. 2005. Т. 10, № 1. URL: www.fpri.org/footnotes/101.200501.kuehner.newmiddleeast.html (сайт Исслед. ин-та внешней политики США).

⁴ Подробнее о маргинализации ООН в решении этого конфликта см.: Иракский кризис и Организация Объединенных Наций: политика силы против международного верховенства права: меморандумы и декларации Междунар. организации «Прогресс» (1990–2003). Исследования в области международных отношений, XXVIII / ред. Г. Кёхлер. Вена: Междунар. организация «Прогресс», 2004.

⁵ См. также: Несанкционированные страдания: оценка роли санкций Организации Объединенных Наций в области прав человека в отношении Ирака: докл. Исслед. группы Гарварда / Центр по изучению социально-экономических прав. 1996. Май. URL: www.cesr.org/downloads/Unsanctioned%20Suffering%201996.pdf

⁶ Еще во время Второй мировой войны генерал Шарль де Голль отмечал тенденцию маскировать под идеализм стремление к власти в заявлениях Президента США: “Je écoute Roosevelt me décrire ses projets. Comme cela est humain, l'idéalisme y habille la volonté de puissance” (Голль Ш. де. Военные мемуары // L'Unité. 1942–1944. Париж: Librairie Plon, 1956. Т. 2. Вып. 1. С. 238).

⁷ Это также отмечает Чарльз Краутхаммер, который, рассуждая о Соединенных Штатах, признает, что «наш исторический опыт гегемонизма таков, что он неизбежно создает противодействующую коалицию более слабых стран...» (Краутхаммер Ч. Указ. соч. С. 8). Однако он ошибается, когда утверждает, что подобного «противодействия» в однополярной среде не произошло после событий 11 сентября 2001 г. (Там же).

⁸ Более подробно см.: Кёхлер Г. Смещение баланса сил и будущее суверенных государств // Bulletin 2010: всемир. общественный форум «Диалог цивилизаций». М., 2009. С. 129–142.

⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Foreign Affairs. 1993. Лето. Т. 72, № 3. С. 22–49.

¹⁰ См. также: Кёхлер Г. Цивилизация как инструмент мирового порядка? Роль цивилизационной парадигмы и отсутствие баланса сил // Цивилизации и мировой порядок: геополитические и культурные различия / под ред. Ф. Даллмайер, М. А. Каяпинар, И. Яйладжы. Сер. “Global Encounters: Studies in Comparative Political Theory”. Lanham; Boulder; N. Y.; Toronto; Plymouth (UK): Lexington Book, 2014. С. 19–33.

ничества и на основе взаимности, что соответствует принципу суверенного равенства стран, провозглашенному Организацией Объединенных Наций. Это понятие не соответствует стабильному мировому порядку, если его интерпретировать в абсолютном смысле, исключая или, более точно, поглощая интересы других стран, стремящихся к мировому влиянию. Политика национальных интересов не должна оставаться сферой исключительных интересов страны или стран, выступающих в данный момент с лидерских позиций.

Необходимость этого еще более очевидна в свете заявлений, сделанных после 11 сентября 2001 года, согласно которым США объявляются «единственной мировой державой, способной установить баланс сил в любом регионе»¹, и «для сохранения и поддержания однополярности, о чем заявляется совершенно открыто и беззащитно, США должны сохранить свое неоспоримое господство в обозримом будущем»².

Национальный интерес в многополярном мире

Как в теории, так и на практике не существует четкого определения понятия «национальный интерес», несмотря на его огромную роль в отношениях между государствами. Хотя в соответствии с основными принципами международных отношений национальный интерес обычно определяется с точки зрения «власти»³ (или, точнее говоря, как интерес сохранения власти), что превращает его в «вечную норму, в соответствии с которой следует оценивать и направлять политическую деятельность»⁴, это понятие следует рассматривать исходя из его значимости для различных сфер деятельности государства (экономической, социальной, культурной, военной и т. д.), чтобы лучше понять динамику межгосударственных отношений и правильно определить глобальные проблемы современности. Помимо четкости определения, каждое государство должно играть с открытыми картами и однозначно определить и обозначить параметры, которые очерчивают сферу его национальных интересов. Это одно из важнейших требований компетентной внешней политики, которая сама по себе может сделать государство авторитетным членом международного сообщества. Только когда одни государства позволяют другим компетентно просчитывать свои действия, станет возможен стабильный мировой порядок.

Определение национальных интересов государства должно быть четким и полным⁵. Политика проведения национальных интересов должна быть прозрачной, и все государства сообщества должны быть осведомлены о ее основных принципах. Естественно, в центре такого определения будут национальная безо-

пасность и ее обеспечение, чтобы граждане и общество могли реализовать свои цели в социальной, экономической и культурной областях, и поэтому в определении должна содержаться четкая иерархия интересов (ценностей)⁶.

Следовательно, «национальный интерес» является многоаспектным понятием, которое необходимо описывать только в рамках конкретной организационной структуры и с учетом конкретной исторической обстановки. Поскольку на карту поставлено самосохранение государства как коллектива граждан, национальные интересы имеют долгосрочный характер. Международный аспект, заключающийся в обороне государства, вытекает из того, что все суверенные субъекты должны определять свою роль и действовать в согласии с другими суверенными субъектами. Государство не может делать это в гордом одиночестве. Установленный законом «суверенитет» и статус суверенного равенства сами по себе не смогут защитить государство от потенциально враждебных намерений других государств или от неблагоприятных последствий реализации своих интересов. В наш век глобальной взаимозависимости это особенно актуально.

Кроме того, как говорилось выше, в эпоху глобализации обоснованное определение понятия «национальный интерес» возможно лишь на основе принципа взаимности, то есть при разработке государственной доктрины необходимо принимать во внимание взаимозависимость действий суверенных государств и учитывать интересы друг друга. Это особенно важно в отношении глобальных экологических проблем (в плане экологии мы все находимся «в одной лодке») и ядерного потенциала, разрабатываемого явно или тайно рядом ведущих мировых держав.

Региональные конфликты, независимо от того, где они происходят — на Ближнем Востоке, в Центральной Азии или Европе, — также существенно усложняют понятие национальных интересов, если учитывать их взаимосвязь с интересами международного уровня (с точки зрения мира и стабильности как в региональном, так и в глобальном масштабе). Примером этого являются события на Украине и вокруг нее.

Однако в эпоху глобализации важнейшая проблема заключается в том, следует ли включать в определение понятия «национальный интерес» всеобщие (или

¹ Краутхаммер Ч. Указ. соч. С. 15.

² Там же. С. 17.

³ Моргентхау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир. 4-е изд. Нью-Йорк: Alfred A. Knopf, 1966 (гл. «Реалистическая теория международной политики», «Шесть принципов политического реализма», принцип 2); Он же. В защиту национального интереса. Нью-Йорк: Alfred A. Knopf, 1951.

⁴ Politics among Nations. С. 9.

⁵ Если необходимо точное определение, см., например: Мискел Дж. Национальные интересы: благородные цели или броские фразы? Ньюпорт: Naval War College, 2002.

⁶ В качестве примеров см. концепции национальной безопасности США и России, которые были объявлены в начале тысячелетия. Президент США отметил в качестве «жизненно важных» для США «интересы, которые непосредственно связаны с выживанием, безопасностью и жизнеспособностью нашего народа» (Клинтон Б. Стратегия национальной безопасности в эпоху глобализации. Вашингтон: Белый дом, 2000. Дек. С. 4). В заявлении о принципах, обнародованном в том же году, Российская Федерация определила национальные интересы страны как «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономике, внутренней, политической, социальной, международной, информационной, военной, экологической безопасности» (Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента № 24 от 10 января 2000 г. Гл. II). Структурные различия см. также: Россия и национальные интересы США: какое дело американцам? : докл. специальной группы по изучению национальных интересов России и США / Центр по исследованию проблем национальных интересов и Белферский центр по науке и международным отношениям. Вашингтон, 2011. Окт.

универсальные) интересы, которые являются общими для всех. Другими словами, является ли *общее благо* (не только граждан одного государства, но и международного сообщества) определяющим элементом национальных интересов?

Вопрос становится еще более сложным, когда речь заходит о реальной политике. Готовы ли суверенные государства включить в определение «национального интереса» пункт о всеобщем благе, если международное сообщество фактически является многополярным, в то время как в ситуации отсутствия политического равновесия (в контексте однополярного мира, в котором все зависит от «милости» одной державы¹) наблюдается противостояние всех и каждого, упорное отстаивание каждым государством своих интересов, стремление добиться благосклонности гегемона за счет остальных?

Понимание национального интереса как основанного на принципах *взаимности* является наиболее релевантным в военной области, точнее, в вопросах, относящихся к защите государственных интересов страны и прежде всего ее выживанию. В этом смысле национальная безопасность является *необходимым условием* для реализации государственных интересов в прочих областях — политике, социальной сфере, экономике, культуре. В эпоху оружия массового уничтожения, особенно ядерного, война перестает быть, как сказал Клаузевиц, продолжением политики другими средствами² и становится способом *всеобщего уничтожения* — «уничтожения по взаимному согласию»³. Во всех ситуациях, когда решается вопрос сохранения человечества, национальный интерес надлежит реализовывать по *включаящему*, а не *исключающему* принципу, то есть уважая права других стран на основе взаимности. Это является самой сутью сосуществования государств.

В ситуации, когда оружие массового уничтожения становится основным средством гарантии национального интереса, *исключающий принцип*, ставящий во главу угла интересы отдельной страны в ущерб интересам других стран, будет изначально *нерациональным*. Выход США в 2002 году из Договора ПРО⁴ является наиболее ярким примером *исключающего, одностороннего* понимания национальных интересов, что

¹ Доклад, выполненный Комиссией по национальным интересам США, — это пример откровенно однополярной модели, оправдывающей притязания этой страны (США) на «мировое господство» (См.: Национальные интересы Америки: отчет Комиссии по национальным интересам США. Вашингтон, 2000. Июль).

² «So sehen wir also, daß der Krieg nicht bloß ein politischer Akt, sondern ein wahres politisches Instrument ist, eine Fortsetzung des politischen Verkehrs, ein Durchführen desselben mit anderen Mitteln» (Карл фон Клаузевиц) (*Vom Kriege*. Hinterlassenes Werk; ungekürzter Text. Новое изд. Берлин: Ullstein, 1998. С. 44).

³ Это выражение предложено американским математиком и стратегом Джоном фон Нойманом в 1950-х гг. Чтобы оценить это понятие в контексте предотвращения войны, см.: Шермер М. Поможет ли уничтожение по взаимному согласию предотвратить ядерную войну? // Scientific American. 2014. 1 июня. Т. 310. Вып. 6. URL: www.scientificamerican.com/article/will-mutual-assured-destruction-continue-to-deter-nuclear-war/

⁴ Договор между СССР и США был подписан в 1972 г. В 1997-м был принят Меморандум о понимании, определявший, что в соответствии с этим договором правопреемниками по нему являются Белоруссия, Казахстан, Российская Федерация и Украина.

само по себе становится угрозой миру и безопасности на планете⁵.

Необходимость во «включающей» и всесторонней интерпретации национального интереса также проявляется в *глобальных проблемах окружающей среды* и в вопросах *мировой экономики и финансов*. Разрушительная природа одностороннего и нескоординированного подхода проявилась помимо прочего в экономике и политической нестабильности, вызванной мировым финансовым кризисом 2008 года, и в неспособности сообщества государств выработать эффективные меры решения экологических проблем, ставших результатом либо непреднамеренного, либо преднамеренно игнорируемого воздействия промышленного производства и потребления.

В современной обстановке гегемонизма высокомерное утверждение и никем не сдерживаемое осуществление национальных интересов вызвало хаос в политически нестабильных регионах, таких как Ближний Восток и Центральная Азия, и привело к *нестабильному мировому порядку*. Вследствие дисбаланса в международных отношениях страна, наиболее сильная в военном плане, всегда испытывает соблазн вмешаться в дела даже самых отдаленных регионов и континентов, находящихся за пределами «естественной сферы влияния». В этих условиях одна страна, такая как США, все чаще определяет свои национальные интересы в глобальном, всеобъемлющем смысле, не обращая внимания на интересы более слабых стран. Гегемон не признает географических границ, утверждая свою власть.

Не случайно Североатлантический блок (НАТО), созданный в годы холодной войны как инструмент *коллективной обороны*, пересмотрел свою задачу после ее окончания. Когда в 1990-е годы США вышли на мировую арену как единственная сверхдержава, НАТО объявил весь земной шар территорией своих действий, ознаменовав тем самым переход от *оборонной* политики к *наступательной*⁶. *Изначально задачей этой организации было оказание помощи странам — членам блока в случае нападения на них (см. ст. 5 договора по НАТО от 1949 г.)*⁷. *Этот мандат (применительно к территориям стран — участниц блока) основывался на принципе коллективной самообороны в соответствии со ст. 51 Устава ООН и служил дополнением к организационной системе коллективной безопасности*⁸.

После исчезновения bipolarного баланса сил этот подход был забыт. Вместо него в новой военной доктрине НАТО возникло понятие «ведение военных дей-

⁵ Критику этого см.: *Цзинь-донь Янь*. Бомба Буша: резонанс в Азии // Asia Times Online. Гонконг, 2002. 8 янв. URL: www.atimes.com/China/DA08Ad01.html

⁶ Новую оборонную доктрину НАТО см.: Концепция стратегического альянса, одобренная главами государств и правительств, принимавших участие во встрече Совета НАТО в Вашингтоне: пресс-релиз NAC-S(99)65. 1999. 24 апр. URL: www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm

⁷ Североатлантический блок. Вашингтон, 1949. 4 апр.

⁸ «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самообороны, если произойдет вооруженное нападение на члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности».

ствий на территориях стран — не членов блока» и «кризисные ответные операции, не подпадающие под ст. 5»¹. Этот шаг ожидаемо привел интересы стран — членов НАТО к конфликту с национальными интересами безопасности многих стран — не членов НАТО, особенно тогда, когда этой организации было поручено проводить операции в ходе так называемой глобальной войны с терроризмом, объявленной администрацией США в 2001 году². Проблема еще более усложнилась в результате расширения блока и исчезновения его вечного соперника — блока стран Варшавского договора³. Поскольку НАТО все чаще стало проводить военные операции за пределами территорий стран-участниц, причем без соответствующего одобрения со стороны ООН (такие как в Югославии и Косово в 1999 г. и в Ливии в 2011 г.)⁴, осуществление коллективной безопасности от лица стран — членов блока стало широко восприниматься как угроза самой безопасности государств в районах проведения операций и, как следствие, безопасности всего мира.

Эскалация напряженности на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Кавказе и в Восточной Европе, включая вооруженный конфликт на Украине, — это прямой результат гегемонистской политики, равносильной экспорту национальных интересов ведущей державы в отдаленные районы земного шара. Такая имперская политика «ограничения» других стран после окончания холодной войны неизбежно приведет к усилению национальных интересов тех стран, чье влияние и власть по стратегической логике мирового гегемона необходимо «ограничить» в их же географических регионах. При таких обстоятельствах у этих стран нет выбора, поскольку нет иного рационального ответа на это грубое осуществление реальной политики (а на деле — политики силы). Провозглашение универсальных ценностей (принципов), определяемых од-

ной страной-гегемоном, которой должны подчиниться остальные, неубедительно для более слабых стран и не может быть оправдано с моральной точки зрения. Никакой идеализм перед лицом монополии на власть невозможен.

Урок, извлекаемый из такого развития событий в разных регионах земного шара, причем не только в названных регионах, но и на Филиппинах и побережье Южно-Китайского моря, заключается в том, что утверждение национальных интересов (особенно самыми сильными странами) совместимо с миром на планете при условии мирового баланса сил, то есть в рамках принципа взаимозависимости и взаимограничения, который изначально реализовывался с помощью вето, правом на которое обладают члены Совета Безопасности. Несмотря на то что такая система всегда работала не идеально, она внушала доверие и была эффективной, пока существовал паритет между Соединенными Штатами и Советским Союзом. При режиме взаимного контроля этих двух великих держав национальные интересы слабых стран не сбрасывались со счетов, эти страны также имели определенную возможность маневра между двумя мировыми соперниками, а Устав ООН с его принципом суверенного равенства достаточно строго соблюдался.

Проблема национального интереса схожа с проблемой определения и осуществления *национального суверенитета*. Для того чтобы последний способствовал сохранению мира, он должен быть реализован на основе *взаимности*, а не на абсолютном праве беспрепятственного самоутверждения за счет кахлибо членов мирового сообщества стран⁵. В последнем случае суверенитет будет *взаимно исключающим* и, следовательно, будет приводить к постоянным конфликтам и состоянию, которое удачно передает немецкий термин из области международных отношений — *Souveränitätсанархия* (анархия в отношениях между суверенными государствами)⁶.

Сама система коллективной безопасности, прописанная в Уставе ООН, рассчитана на неисключающее понимание суверенитета и национальных интересов. Полномочия Совета Безопасности, которыми он наделен в соответствии со ст. 7 Устава ООН, будут бессмысленными и противоречивыми, если каждое государство получит возможность реализовывать свой суверенитет в *абсолютном* смысле, в том числе развязывать войну по собственному усмотрению⁷. Иной подход, основанный на толковании суверенных прав в смысле *изоляции* (мировоззрение, лежащее в основе односторонней доктрины и гегемонистской стратегии стран), не только несовместим с системой коллективной безопасности ООН, но и в конечном счете *контрпродуктивен*, поскольку создает угрозу безопасности

¹ Ст. 52 Стратегической концепции альянса (1999).

² Более подробно см.: Кёхлер Г. Глобальная война с терроризмом и метафизический враг // Глобальная война с терроризмом и вопрос мирового порядка: исследование международных отношений / под ред. Г. Кёхлера. Вена: Междунар. организация за прогресс, 2008. Т. 30. С. 13–35.

³ Это стало одной из основных причин все более усиливающейся геостратегической напряженности в Евразии. Один американский комментатор привлек внимание к вопросу ответного удара (полностью игнорируемого страной, стремящейся к роли мирового гегемона): «Как бы отреагировали Соединенные Штаты на вторжение России в западное полушарие?» (Тэйлер Дж. Клокочущий гнев по поводу путинской России // The Atlantic. 2014. 22 сент. URL: www.theatlantic.com/international/archive/2014/09/russia-west-united-states-past-future-conflict/380533/). Анализируя первые годы после окончания холодной войны, следует привести слова Джорджа Кеннана, который настойчиво предупреждал об опасности и последствиях расширения НАТО: «Я считаю это началом новой холодной войны... я полагаю, что это трагическая ошибка. Для этого нет никаких причин. Никто никому не угрожал. От этого расширения наши отцы-основатели перевернутся в могилы» (Фридман Т. Международные отношения; теперь слово от X // New York Times. 1998. 2 мая. URL: www.nytimes.com/1998/05/02/opinion/foreign-affairs-now-a-word-from-x.html).

⁴ О сомнительной законности военных операций стран НАТО (под явным предводительством США) в Ливии см.: Меморандум президента Международной организации за прогресс о Резолюции Совета Безопасности ООН 1973 года (2011) и об осуществлении «вооруженного вторжения коалиционных сил» под предводительством США и НАТО / Международная организация за прогресс. Документ P/22680с. Вена, 2011. 26 марта. URL: www.i-p-o.org/IPO-Memorandum-UN-Libya-26Mar11.pdf

⁵ Более подробно см.: Кёхлер Г. Суверенитет и демократия против политики силы // Current Concerns. Цюрих, 2013. 22 нояб. № 34. С. 18–25 (Прил.)

⁶ Более подробно об этом понятии в контексте мирового порядка после 11 сентября 2001 г. см.: Кёхлер Г. Политика мировых держав // The Global Community: Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2009. Т. 1. С. 182 и др.

⁷ Право развязывать войну было отменено пактом Келлога–Бриана в 1928 г. Положения этого пакта стали основным условием, включенным в ст. 2 (4) Устава ООН.

каждого государства, которую этот суверенитет призван защищать. В этом смысле он также будет и *нерациональным*, за исключением случаев, когда существует только одно государство, некий левиафан, которому человечество вряд ли захочет подражать, особенно в эпоху глобализации. Принимая во внимание множество стран, которым суждено сосуществовать на планете с ограниченными ресурсами, национальные интересы страны можно реализовывать только в том случае, если в стратегический и внешнеполитический расчет будут приняты еще более сложные взаимосвязи этой страны в сфере экономики, социальной жизни, культуры и обороны.

Заключение

Возникающая международная система *многополярна*, и складывающийся баланс сил потребует, чтобы каждая страна обсуждала свои национальные интересы на переговорах с другими странами, стремящимися к власти и влиянию на *региональном* и *мировом* уровне. В условиях глобальной взаимозависимости это и есть единственная *реальная политика*, способная обеспечить возможность стабильного мира¹, в отличие от идеалистической политики и притязаний на некое идеологическое превосходство, ха-

рактерных для тех, кто считает себя арбитром и даже «регулирующим в каждом регионе»². Как правильно подметил Эндрю Моравчик, «нежелание принять многополярную природу мировой политики является серьезной интеллектуальной ошибкой», которую в какой-то момент могут совершить мировые державы, обладающие военным превосходством³. *Скоординированный*, а не изолированный подход к определению и реализации национальных интересов будет лучшим средством против возрождения имперских претензий отдельной страны. Такой стране будет все труднее скрывать свои устремления под видом *универсальных ценностей*.

Где и когда ни возникал бы вопрос об *общем благе*, определение и политика осуществления национальных интересов не должны вступать в противоречие со «стремлением к соблюдению общемировых интересов»⁴. Как утверждает Томас Кристенсен, такой универсальный *многосторонний* подход лучше простой *двусторонней* утилитарной стратегии и курса в отношениях между отдельными странами, которые заверяют, что готовы «уважать ключевые интересы друг друга»⁵, но впоследствии могут изолироваться от других, что в конечном счете будет угрожать их безопасности.

Г. Б. Клейнер⁶

ПАРАДИГМА ДЕКОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Декоммерциализация мировой экономики как процесс

В последние годы в мировой экономике все более заметна тенденция расслоения экономического про-

¹ Тэйлер Дж. Указ. соч.

² Краутхаммер Ч. Указ. соч. С. 15.

³ Моравчик Э. Миф об однополярности в мире после холодной войны : уроки силы, преподанные США и Европой // Китай и глобальные институты / Принстонский ун-т, США. 2006. Дек. URL: www.princeton.edu/~amoravcs/library/unipolarity.doc

⁴ Кристенсен Т. Необходимость развивать взаимовыгодные интересы в отношениях между США и КНР : спец. отчет 269. Вашингтон : Ин-т мира США, 2011. Апр. С. 2.

⁵ Там же.

⁶ Заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук. Заведующий кафедрой экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, заведующий кафедрой системного анализа и моделирования экономических процессов Финансового университета при Правительстве РФ, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Московской школы экономики МГУ. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России», заместитель главного редактора «Российского журнала менеджмента». Автор более 650 научных публикаций, в т. ч.: «Инновационные программы подготовки современных менеджеров», «Россия на пути к современной, динамичной и эффективной экономике», «Какая экономика нужна России: анализ на основе системного моделирования», «Системная экономика как платформа развития современной экономической теории», «Какая мезоэкономика нужна России? Региональный разрез в свете системной экономической теории», «Системные принципы современного управления», «Институциональное управление, ин-

странства как сферы реализации переплетающихся на разных уровнях процессов производства, распределения, обмена и потребления на две части: на собственно экономику и создание новой стоимости и бизнес как процесс извлечения прибыли. Граница между ними вряд ли может быть однозначно демаркирована, однако она отчетливо ощущается самими участниками этих процессов. Подобно тому, как в начале прошлого века в западных странах произошло отделение собственности от экономики, в начале нынешнего века намечается отделение бизнеса от остальной части экономики (в узком смысле слова), коммерческой деятельности — от некоммерческой. При этом сфера некоммерческой деятельности завоевывает все большую часть пространства, оттесняя бизнес на периферию «нравственной топологии» общеэкономической сферы. Идет спонтанный процесс *декоммерциализации экономики*.

Можно отметить ряд явлений, отражающих рост отказов от коммерческих критериев принятия решений в пользу некоммерческих. К таким явлениям относятся: участвовавшие случаи направления крупных состояний на благотворительные цели вместо пере-

ституты управления, управление институтами. Институциональная экономика: развитие, преподавание, применение», «Системная экономика и системно-ориентированное моделирование» и др. Награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени. Лауреат премии РАН им. В. С. Немчинова.

дачи по наследству (Б. Гейтс, У. Баффет, К. Слим, Дж. Сорос и др.); волонтерство; краудсорсинг; ориентация на усиление социальной ответственности компаний; реализация масштабных некоммерческих проектов типа строительства адронного коллайдера и т. д. По сути, некоммерческий характер имеют деятельность в сферах фундаментальной науки, искусства, спорта, коллекционирования, участие в мероприятиях общественно-политического плана. К этому направлению относятся и экологическая деятельность, защита флоры и фауны, борьба за политкорректность и целый ряд других видов деятельности, не направленных на извлечение выгоды для ее участников. По некоторым оценкам, некоммерческая деятельность в развитых странах занимает около половины активного времени индивидов.

Рост доли экономики знаний в общем объеме труда также говорит о расширении некоммерческого сегмента экономики. Намечившийся в последний год рост влияния чисто политических действий в межгосударственных отношениях, включая различного рода санкции, антисанкции, эмбарго, визовые ограничения, как правило, не обусловлен коммерческими интересами, хотя и имеет серьезные коммерческие и некоммерческие последствия. Расширяется и углубляется некоммерческая сторона деятельности множества международных организаций политического, культурно-просветительского и здравоохранительного направления, включая ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и т. д.

Широкое распространение в западных компаниях практики стратегического планирования также можно отнести к некоммерческим явлениям, поскольку основой стратегии компании служит ее миссия, понимаемая как предназначение, которая не может быть сформулирована в коммерческих терминах.

Неудивительно, что в качестве одной из актуальных задач, стоящих перед менеджментом в XXI веке, гуру современного управления П. Друкер назвал менеджмент некоммерческих организаций и проектов¹.

Таким образом, декоммерциализация как постепенный процесс расширения активности, изначально не направленной на выгоду участников, а также освобождения многих видов хозяйственной деятельности от коммерческой ориентации, представляет собой значимое явление глобальной мировой экономики и в определенный период может рассматриваться как своего рода императив². С национальной точки зрения эта тенденция представляет собой вызов, требующий ответа со стороны российской экономики.

В теоретическом плане формируется совокупность концепций, обосновывающих отказ от расширения и углубления рыночных принципов хозяйствования (коммерциализация) в пользу более полного учета принципов справедливости, нравственного долга перед обществом и каждым его членом³ (декоммерциализа-

ция). Квинтэссенция этих концепций может быть названа *парадигмой декоммерциализации*.

По нашему мнению, это движение должно быть своевременно подхвачено и развито не только в мировой, но и в отечественной экономике.

В данной публикации, подготовленной за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02294), процесс гиперкоммерциализации российской экономики в последние десятилетия исследуется в сопоставлении со снижением доли коммерческих ориентиров в развитых экономиках мира и предлагается проект декоммерциализации национальной экономики. В качестве теоретической базы декоммерциализации, противостоящей теории монетаризма, предлагается разработка культурологической экономической теории, основанной на «культурном измерении» результатов и факторов экономической деятельности на всех уровнях управления.

Гиперкоммерциализация российской экономики

В настоящее время в России в общественном сознании доминирует подход, согласно которому успешность экономической деятельности агента оценивается через соотношение доходов и расходов в денежном выражении. Соответственно преобладающей целью деятельности как предприятия — экономического агента, так и индивидуума — социального агента является получение максимально возможной прибыли. Такой подход не только закрепился в общественном сознании, но и отражен в Гражданском кодексе РФ. Согласно ГК максимизация прибыли является имманентной целью экономического агента. Такая же оценка эффективности применяется и в отношении мезоэкономических систем, таких как регион, отрасль, естественная монополия и др.

Гиперболизацию коммерческой стороны деятельности экономических агентов в начале 1990-х годов можно рассматривать как реакцию на ограничение, а зачастую и на подавление коммерческих начал в экономике Советского Союза. Такого рода «шараханье», по выражению А. С. Запесоцкого⁴, — один из ярких примеров зигзагообразной траектории развития России по целому ряду аспектов. В последние годы коммерциализация экономики многократно превысила не только оптимальный уровень, но и предельно допустимый, что привело к многочисленным негативным последствиям. Так, в масштабах экономики страны был осуществлен переход от полипродуктовой (диверсифицированной) структуры производства к монопродуктовой, основанной на экспорте углеводородов. Беспрецедентный рост коррупции непосредственно связан с воцарением коммерческого результата как основного показателя оценки деятельности. Наконец, существенное неравенство доходов граждан также связано с чрезмерной коммерциализацией экономики. Негативное влияние гиперкоммерциализации на инновационный процесс показано в работе

¹ Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. М., 2000.

² См.: Богомолов О. Т. Экономика и культура // Культура и глобальные вызовы мирового развития : V Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–20 мая 2005 г. СПб. : СПбГУП, 2005. С. 9–12.

³ Клейнер Г. Б. Экономика. Культура. Справедливость // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. СПб. : СПбГУП, 2012. Т. 1 : Доклады.

⁴ Запесоцкий А. С. Культура и ее функции в социальной жизни (Основные идеи современной культурологии) : докл. на общем собрании Отделения общественных наук РАН, 23 марта 2015 г.

А. Е. Варшавского¹. Олигархическая структура управления российской экономикой также является следствием неограниченной коммерциализации. Серьезный ущерб нанесла гиперкоммерциализация таким сферам общественной жизни, как фундаментальная и прикладная наука, образование, культура.

В качестве негативных последствий суперкоммерциализации российской экономики можно отметить: сокращение горизонта планирования и принятия решений, пространственно-временную экономическую «близорукость» агентов; ускорение инфляции; неустойчивость отечественной валюты; «рейтингоманию»; демотивацию участников экономической деятельности; низкую эффективность и, в конечном счете, неконкурентоспособность экономики в целом.

Гиперкоммерциализация приводит к деформации всей системы ценностей общества, подавляет солидарность, патриотизм, способность к коллективным взаимодействиям и т. п.

Можно констатировать, что в рассматриваемом аспекте российская экономика движется в противофазе по отношению к западному миру. В интересах России приостановить процесс расширения коммерциализации и начать процесс декоммерциализации отечественной экономики. Речь идет не о лишении экономики коммерческой составляющей, а об определении рационального соотношения между коммерческой и некоммерческой составляющими в целом и поиске оптимального размещения этих компонент в структуре деятельности каждого субъекта на всех уровнях общества.

Начинать этот процесс следует с исследования теоретического аспекта проблемы.

Монетаризм как теоретическая база коммерциализации

Со стороны ортодоксальной экономической теории «коммерциализация без границ» поддерживается таким распространенным направлением, как монетаризм. Согласно последним, наиболее целостным версиям монетарной теории денежные средства, полученные в результате деятельности любой экономической системы, являются главным результатом, а денежные средства, вложенные в систему, — основным фактором ее деятельности. Таким образом, монетарный подход к экономике как бы замыкает деятельность экономических систем в своеобразные «монетарные клещи», исключая рассмотрение многообразия исходных и финальных аспектов деятельности экономических систем. Отметим, что монетаризм следует рассматривать как вариант редукционизма, сведения многомерных и многофакторных процессов к одномерным и однофакторным.

В определенном смысле монетарное измерение является наиболее удобным, поскольку денежная оценка аддитивна относительно одновременного присоединения одной суммы к другой: общая оценка равна сумме слагаемых. В случае одновременного присоединения используется, как известно, операция дисконтиро-

вания или компаундирования, обычно также позволяющая представить результат в виде линейной функции от составляющих. Однако удобство монетарных измерений не должно заменять их адекватности. При монетарном подходе из вида упускаются многие содержательные аспекты инвестирования. Чрезмерная концентрация на денежных результатах экономической деятельности часто уводит в сторону от реальности.

Можно ли предложить альтернативную монетаризму картину мира, способную стать основанием для новой плюралистической социально-экономической теории? По нашему мнению, теоретической базой для разработки стратегии декоммерциализации российской экономики и общества может стать культурология.

Культурологическая экономика как теоретическая основа парадигмы декоммерциализации экономики

В культурологии находит отражение многообразие факторов, результатов и технологий экономической деятельности и социального взаимодействия. Культурные универсалии позволяют внести упорядоченность в это многообразие, выделить базовые элементы, проследить историческую динамику развития культуры. Теория культурных архетипов дает надежду на выявление инвариантов психики человека как создателя и потребителя культурных ценностей². (В связи с этим нельзя не вспомнить такие классические произведения, как «Мертвые души» Н. Гоголя и «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова. Архетипы экономического поведения помещиков — Коробочки, Манилова, Собакевича, Ноздрева, Плюшкина и других — демонстрируют практически полный спектр типов транзакционного поведения участников рынка; приключения Остапа Бендера наглядно показывают последствия столкновения коммерческих и культурных установок персонажей.)

Концепция культурного генотипа в контексте эволюционной теории фирмы позволит выявить возможности создания культурных ценностей в данной организации и послужить основой предварительных оценок продукции данной организации.

Наконец теория культурных ценностей может послужить основой для создания аппарата неденежного многомерного шкалирования оценок экономических благ.

Структурируя и развивая концепцию культуры как носителя надбиологических поведенческих программ (В. С. Степин³), мы приходим к аналогии между культурой общества и операционной системой компьютера. Такое представление позволяет отличать базовые компоненты социально-экономического уклада общества от вариантных. Реальный уровень коммерциализации общества, по-видимому, относится к числу изменяемых, однако оптимальный для данного общества уровень принадлежит к базовым инвариантам.

Культура *per se* относится к числу средовых систем⁴, основной функцией которых является сохра-

² Занесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Степина. СПб. : СПбГУП, 2010.

³ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011.

⁴ Клейнер Г. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.

¹ Варшавский А. Е. Проблемные инновации. Риски для человечества: экономические, социальные и этические аспекты. М., 2014.

нение стабильности во временном измерении и однородности в пространственном. Именно на этом основана плюралистичность культурологической концепции экономики, поскольку средовая система, вбирая различные артефакты, именно за счет их разнообразия реализует свои общесистемные функции. В культурологической экономике, в отличие от неоклассической, основными драйверами развития считаются не конкурентные, а кооперационные отношения между агентами. Страновой культурный код обеспечивает преемственность поведения агентов среды как целого и преемственность поведения агентов как части этого целого. Культурализм как концепция определяющего влияния культуры на поведение агентов может стать ядром новой экономической теории, основанной на плюралистических нестоимостных оценках экономических благ в контексте культурной среды общества.

Культурологическая экономика содержит, как представляется, значительные возможности как дескриптивного, так и нормативного характера. В первом случае речь идет об объяснении экономического поведения агентов через культурные факторы и культурологические оценки результатов, во втором — о стратегии и модели преобразования существующей в России гиперкоммерциализированной экономики в сбалансированную и устойчиво развивающуюся экономику, согласованную с культурным кодом страны. Таким образом, культурологическая экономика при надлежащем развитии может стать альтернативой монетаризму и одновременно ядром парадигмы декоммерциализации экономики.

Декоммерциализация национальной экономики как проект

Коммерциализация российского общества, осуществлявшаяся в 1990-х годах, не была спонтанной, а стала результатом определенного социального проекта, задуманного и осуществленного реформаторами. Подобным образом декоммерциализация также должна стать предметом институционально-функционального проектирования. Реализация такого проекта отвечала бы национальным интересам России.

В перечне предлагаемых ниже мероприятий по декоммерциализации российской экономики как национального проекта большинство из них не требует значительных финансовых затрат. Необходима лишь скоординированная программа действий, реализуемая в условиях общественного согласия. Ключевыми могут быть признаны следующие мероприятия:

1) развитие культурологической экономической теории, разработка рекомендаций по определению оптимального уровня коммерциализации экономики и экономической политики декоммерциализации на разных уровнях управления;

2) создание системы культурологических сопоставлений, измерений и оценок экономических благ. Разработка шкал культурных ценностей, позволяющих формировать культурологические немонетарные оценки результатов производственной деятельности на всех уровнях управленческой иерархии. Разработка и реализация концепции системы формирования культур-

ных ценностей экономических благ (системы *ценобразования*), дополняющей традиционную систему стоимостной оценки экономических благ (систему *ценообразования*);

3) развитие теории культурологической эффективности проектов, инновационных процессов, инфраструктурных сред, организационных систем;

4) развитие теории фирмы (предприятия) как «культурного процессора», трансформирующего исходные культурные ценности, представленные в виде средств производства и трудовых ресурсов, в иные культурные ценности, представленные в виде товаров, работ, услуг;

5) институциональное отделение бизнеса как сферы аккумуляции и инвестирования средств от экономики (в узком смысле) как сферы производства и потребления благ. Создание отдельных систем горизонтального и вертикального представительства для бизнеса (в собственном смысле слова) и экономики (в собственном смысле слова). «Смертельные объятия», в которых бизнес сжимает экономику, должны быть разорваны;

6) изменение пропорций между материальными и моральными стимулами на всех уровнях управления. Восстановление роли моральных стимулов и общественных оценок результатов труда;

7) демонетизация (натурализация) льгот. Речь идет об операции, обратной монетизации льгот;

8) всемерное развитие экономики знаний как ключевого немонетарного элемента культуры. Усиление внимания к когнитивным факторам и результатам экономических процессов;

9) укрепление института репутации и престижа как факторов кумулятивной оценки результативности трудовой деятельности индивида, хозяйственной деятельности организации;

10) активизация работы СМИ в части переноса внимания аудитории с монетарных на культурологические оценки результатов экономической деятельности;

11) включение в учебные планы бакалавриата и магистратуры по экономическим специальностям новой дисциплины «Культурологическая экономика».

Предлагаемый проект не должен стать «дорожной картой» перехода от состояния сверхкоммерциализации к состоянию недокоммерциализации. Не следует рассматривать его и как путь к бартеризации экономики. История бартерной экономики завершилась в России к концу 1990-х не автоматически, а в результате реализации конкретного проекта дебартеризации¹. В этом большую роль сыграла идеология «победившего монетаризма». Хочется надеяться, что развитие парадигмы, синтезирующей достижения современной культурологии и системной экономической теории, станет основой для проекта декоммерциализации экономики и общества России. Реализация такого проекта способствовала бы не только оздоровлению и повышению эффективности экономики в стратегической перспективе, но и решению проблем выхода экономики и общества России из кризиса.

¹ См., например: *Розмаинский И. В.* О дебартеризации и других аспектах динамики платежной системы в «путинской России» // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2, № 3. С. 75–85.

Гжегож В. Колодко¹**К ЛУЧШЕМУ БУДУЩЕМУ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ**

Мы живем в эпоху глобализации. Глобализация — это динамичная система, которая постоянно функционирует, принося как положительные, так и нежелательные результаты. Поэтому оценивать глобализацию нужно через призму сальдо этих результатов и их влияния на развитие в длительной перспективе. Если сальдо положительное и способствует экономически, социально и экологически сбалансированному развитию, тогда следует встать на сторону глобализации и использовать ее для совместного созидания лучшего будущего.

Насколько продуктивными с точки зрения хозяйственной динамики могут быть определенные взаимосвязи, иллюстрирует несколько сравнительных оценок. Оказывается, что росту торгового оборота при равных условиях способствуют общий язык (на 42 %), принадлежность стран к одному торговому блоку (на 47 %), общая валюта (на 114 %), общее колониальное прошлое (на 188 %)². И хотя подобные оценки следует воспринимать сдержанно, тем не менее они весьма красноречивы. Внешняя торговля, международный обмен, экономическая интеграция, координация политики — все это факторы экономической экспансии, факторы роста.

Сравним страны с точки зрения их вовлеченности в глобализацию. Рассмотрим пример со значительными геополитическими последствиями — две крупные страны — Россию и Китай. В 1990 году Россия — тогда основа распадающегося Советского Союза — производила в три раза больше, чем Китай. Через 20 лет проведения принципиально разных курсов участия в глобализации результат таков: Китай производит примерно в пять раз больше, чем Россия. Кроме глобализации, были и другие факторы, в частности разные курсы системных реформ, но ее значение не стоит сбрасывать со счетов.

В целом в мире сложилась неоднозначная ситуация. В течение одного поколения интенсивной глобализации ряд развивающихся стран существенно сократил разрыв с богатыми странами мира. Развивающиеся страны сумели эффективно воспользоваться благами, которые предоставляет международная торговля, и привлечь иностранный капитал (то есть сбережения тех, кто живет в других странах) в виде прямых инвестиций (в настоящее время это главный трансфер современных технологий и повышения качества управления). Но, к сожалению, существует немалая группа

стран, которые не умеют или не могут обратить глобализационные процессы в свою пользу.

Во всемирном масштабе баланс глобализации положительный. Легко заметить различие экономической динамики на протяжении четверти века, предвалявшей кризис 2008–2013 годов: динамика была более высокой в так называемых развивающихся странах. В годы кризиса различия в темпах роста усугубились и были не в пользу богатых стран.

Процессы региональных интеграций, как и глобализация, необратимы. Углубление проходящего процесса региональной интеграции повышает шансы прогрессивной глобализации, позволяет достичь длительного, динамичного и сбалансированного социально-экономического развития. Это еще одна причина, по которой преодоление кризиса, раздирающего Евросоюз, имеет ключевое значение. На нынешнем этапе развития цивилизации Евросоюз — не 1/14 и не 1/5 часть света, а гораздо больше. Для того чтобы в других его частях процессы региональной интеграции получили развитие, политическая, культурная и экономическая основа Европы должна преодолеть серьезные проблемы.

Приняв во внимание не очень большой разрыв между высокоразвитыми экономиками и странами, переживающими постсоциалистическую системную трансформацию, особенно европейскими, можно утверждать, что у последних более высокие шансы достичь эмансипации, чем у остальных стран из других частей мира³. Особенно многообещающими выглядят перспективы тех стран, которые интегрируются с развитыми экономиками в рамках Евросоюза. Полная интеграция, проявляющаяся прежде всего в институциональной общности, — это хороший способ исправить недостатки и сократить разрыв в уровне развития.

Отсюда следуют определенные выводы: интеграцию сейчас можно рассматривать как инструмент эмансипации и в других регионах мира: в Латинской Америке, странах Карибского бассейна, в Африке южнее Сахары и Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Южной и Юго-Восточной Азии. Чем больше экономики будут интегрироваться на региональном уровне, тем легче смогут они повысить свою конкурентоспособность и тем выше будут темпы их роста и соответственно уровень социально-экономического развития.

Глобализация — открытый процесс, который будет продолжаться столько, сколько будет существовать наша цивилизация. Она не имеет конца и необратима. Однако глобализация показала, что может двигаться вспять. Ровно сто лет назад мир чуть не сорвался в бездну. В течение последующих трех поколений произошли две мировые войны, а между ними — Великая депрессия 1929–1933 годов, еще одна война — холодная — с последующим четким разделением миро-

¹ Вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” (Transformation, Integration and Globalization Economic Research) Университета Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор. Автор 49 книг и более 400 статей, изданных на 26 языках, в т.ч.: «Мир в движении», Глобализация, трансформация, кризис — что дальше?, «От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований», «Куда идет мир: политическая экономия будущего» и др. Член Европейской академии искусств, наук и гуманитарных исследований. Почетный доктор десяти иностранных университетов.

² Ghemawat P. World 3.0: Global Prosperity and How to Achieve It. Cambridge, Mass.: Harvard Business Review Press, 2011.

³ Колодко Г. В. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М., 2000.

вой экономики на два мира (уже упоминавшихся) плюс «третий мир», мечущийся между ними. Это свидетельствует об отрицании либерализации и интеграции, а не об ее усилении.

Прогрессивный курс глобализации подстерегают многие серьезные опасности. Особого внимания заслуживает сосуществование трех феноменов: глобализации, государства и демократии. Некоторые исследователи говорят о парадоксе глобализации¹ или внутренних неразрешимых противоречиях.

Охватывая общемировые явления и процессы, глобализация вместе с тем затрагивает национальные экономики и отдельные государства. Государство, как правило, формировалось в рамках национальных или — в некоторых случаях — многонациональных структур, когда объединенные в его границах народы уживались под одной крышей. Недавно определенные признаки государственности стали приобретать наиболее развитые в институциональном плане интеграционные объединения, лучшим примером этого является Европейский Союз. Что касается демократии, третьего элемента упомянутой триады, то она функционирует (лучше или хуже) в рамках национальных государств и продолжает поиск конфигураций в межгосударственных договорах. Когда речь идет о мире в целом и обо всем человечестве, то демократия в данном случае — дело будущего. Уже существует в значительной степени интегрированное глобальное хозяйство, но мы еще не готовы к мировому сообществу и не создали для себя планетарного государства.

Европейский кризис проиллюстрировал, как трудно решать экономические проблемы в условиях демократии, выходящей за рамки и границы национального государства: насколько трудно не утратить популярность и шансы на переизбрание в своей стране только потому, что помогаешь другому государству, как можно на родине оказаться предателем, а там (за физически невидимой, но психологически и политически существующей границей) — злодеем.

Не существует другого разумного выхода из нынешнего витка истории, кроме как перенести значительную (и при этом постоянно увеличивающуюся) долю решений на наднациональный уровень, а если получится, то и на глобальный. Иначе говоря, политики должны постепенно перестать быть исключительно национальными, все больше становиться наднациональными и глобальными политиками. Все рассуждения можно свести к вопросу: как направлять глобализацию? Не управлять, не править, потому что это невозможно, а именно направлять, то есть придавать спонтанным экономическим процессам такое направление, чтобы их результаты служили широкому кругу людей. Для этого необходимо глобальное регулирование, субъектом которого должен стать глобальный регулятор, или согласованный план действий национальных регуляторов.

Миссия, которую предстоит выполнить управлению глобальной экономикой, кажется ясной. Мир, человечество, экономика, культура останутся неоднород-

ными — этот факт следует понять и принять. Но нельзя игнорировать динамичный процесс изменений. Для того чтобы избежать опасных столкновений, его надо направлять. Интеграция предоставляет шанс не только для интенсификации регионального сотрудничества в целях развития, но и для совершенствования институциональной и политической координации в общемировом масштабе. Функционирование рядом друг с другом более десятка региональных интеграционных группировок приводит в движение трехступенчатый процесс координации решений. Они принимаются на национальном, региональном и глобальном уровнях. Сначала решения должны быть приняты в рамках национальной экономики. Таких правил и политических решений больше всего, хотя в будущем их количество сократится и будет «подпитывать» два следующих уровня.

В целях интеграционного объединения вырабатываются следующие решения. Имеет место обратная связь, поскольку, с одной стороны, определенные решения, применяемые в одной из стран, могут вдохновить все объединение, а с другой — организация, объединяющая разные государства, требует от всех своих членов предпринять определенные шаги. Глобальные положения в свою очередь оговариваются интеграционными образованиями. Предположим, существующие региональные образования в институциональном и политическом плане не менее развитые, чем Евросоюз. В такой ситуации основные вопросы, касающиеся действующих правил и желательных норм и стандартов, могут быть оговорены в кругу десяти (и более) региональных партнеров. В известной степени автоматически, после принятия решения властями регионального объединения, они должны быть обязательны для исполнения «вниз», то есть на национальном уровне (что имеет место в отношении растущего количества дел в ЕС). Но возможно и другое направление действий — создание механизма переноса решений, выработанных на региональных форумах, «вверх», на обязательный для принятия всем миром глобальный уровень.

В будущих механизмах координации институтов и политики принятие решения сначала потребовало бы соответствующих согласований в рамках отдельных интеграционных группировок, а потом — перехода на глобальный уровень «соглашения соглашений». Вместо механизма «все со всеми» — в стиле мало что решающих, затянутых во времени, а порой и бесконечных дебатов ооновских организаций или бреттон-вудских образований (Международного валютного фонда и Всемирного банка), происходит переход к механизму «интегрированные с интегрированными».

Постепенный перенос механизмов, координирующих функционирование мирового хозяйства, с межгосударственного уровня на межрегиональный, отчетливо проявляется в различных сферах экономической деятельности. Примеров тому достаточно много: выработка и соблюдение норм, регламентирующих выброс в атмосферу парниковых газов, координация политики в области миграции рабочей силы, защита интеллектуальной собственности.

¹ *Rodrik D.* The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. N. Y. ; L. : W. W. Norton, 2011.

Такое будущее возможно и желательно, но пока его нельзя назвать неизбежным. Более того, если в Евросоюзе произойдет большой институциональный кризис, желаемое будущее на долгое время станет невозможным. Но если ЕС преодолеет трудности, постепенно другие регионы мира будут учиться на его решениях. Потребность других интеграционных образований в использовании проверенных образцов вызвала к жизни Варшавскую инициативу. Это произошло в то время, когда Польша, много получившая от процесса региональной интеграции, осуществляла председательство в ЕС. Проект предполагал оказание широкой технической помощи в вопросах интеграции и развития, особенно для эмансипирующихся экономик¹. Необходимо расширить эту инициативу.

Глобализация имеет далеко идущие последствия для определения роли государства в хозяйственной деятельности. Некоторые авторы даже утверждают, что глобализация не может существовать без государства и вместе с тем не может ужиться с ним. Это новый парадокс?

Современный лессеферизм (его взлет и падение) ставит мир перед лицом новой большой проблемы: что произойдет после того, как неолиберализм скомпрометировал себя? Если разобраться в сути споров, ведущихся в европейской семье, то это был спор

не о нескольких миллиардах евро, а глубокие расхождения по вопросам ценностей. И не столько между национальными государствами, сколько между разными идеологами и группами интересов, которые пытаются защитить отдельные руководители государств и главы правительств, прикрываясь заботой о национальных интересах. Это настораживает, поскольку фактический конфликт групповых интересов может (но не обязан) обусловить ухудшение международной ситуации в то время, когда не только инструментом политики, но и одной из высших ценностей должно быть сотрудничество над границами.

Современный кризис — это кризис идей и идеологий, крах, казалось бы, незыблемых систем ценностей, что влечет за собой потерю пути и ориентации, без которых невозможно путешествовать по изменяющемуся миру. Идеино-культурный кризис будет продолжаться еще долго. Может быть, вновь появится какой-нибудь классик, который спросит: «За что боремся? Куда идем?» Такие вопросы, начиная с важных (цели хозяйственной деятельности в последующие годы), продолжая значимыми вопросами (направления и способы укрепления региональных интеграционных связей) и завершая фундаментальными (в каком направлении будет развиваться мир), задавать необходимо.

В. А. Лекторский²

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Хорошо известен тот факт, что интенсивно идущий процесс глобализации создает серьезные вызовы национально-государственным интересам. Ведь глобализация включает несколько компонентов. Во-первых, это распространение на все регионы мира современной рыночной экономики, сопровождаемое появлением транснациональных корпораций, которые сегодня управляют многими экономическими

процессами в мире, не считаясь при этом с существующими национально-государственными границами. Во-вторых, это повсеместное проникновение во все страны мира современных коммуникационных технологий: телевидения, Интернета, мобильной связи. И то и другое порождает всемирную массовую культуру, которая, как может показаться, успешно вытесняет традиционную, развивающуюся как раз в рамках национальных государств.

Некоторые теоретики считают, что в процессе глобализации должна исчезнуть национально-государственная идентичность, что будущее человечества связано с отмиранием наций и национальных государств, что понятие государственного суверенитета канет в Лету, а индивидуальная идентичность в дальнейшем будет опираться либо на глобальную коллективность (космополитизм), либо на отдельные случайно создаваемые и быстро распадающиеся сетевые сообщества. Другие теоретики — постмодернисты — идут еще дальше: с их точки зрения, сегодня вообще теряет смысл понятие любой человеческой идентичности, как индивидуальной, так и коллективной, можно говорить о «размытой» идентичности, полиидентичности, уничтожении каких бы то ни было границ между отдельными индивидами и отдельными коллективностями. Ясно, что с этой точки зрения вопрос о защите национально-государственных интересов является бессмысленным.

¹ Kolodko G. W. The Warsaw Initiative // Roubini Global Economics. 2011. May 9th. URL: <http://www.economonitor.com/blog/2011/05/the-warsaw-initiative>

² Заведующий Сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры», «Философия, познание, культура», «Познание и сознание в междисциплинарной перспективе» в двух частях (ред.), «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» (ред.) и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии из 21 книги «Философия России второй половины XX в.». Председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редколлегии журнала «Эпистемология и философия науки». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова, медалью Института философии РАН «За вклад в философию».

Между тем он исполнен глубокого смысла, особенно сегодня.

Конечно, в рамках рыночной экономики можно эффективно решать многие экономические проблемы. Безусловно, что новые коммуникационные технологии и новейшие технологии НБИК (нано-, био-, информационные, когнитивные) создают новое пространство для человеческого развития, предоставляют принципиально иные возможности для выхода за рамки культурной изоляции. Но вместе с тем процесс глобализации в том виде, в каком он осуществляется сейчас, несет угрозу не только существующим национальным государствам, но и самому человеку. Глобализация разрушает не только межгосударственные границы, но и жизненный мир человека, не только человека той или иной культуры, но и человека вообще. Имеется в виду не только то, что относится к специфическим особенностям той или иной культуры, но и то, что является инвариантными характеристиками всех культур, сколь бы они ни отличались друг от друга: речь идет о таких ценностях, как свобода, забота о ближнем, взаимопонимание и др. Глобальная технологизация всех социальных и культурных отношений угрожает самому бытию человека.

Растущая включенность человека в глобальную информационно-коммуникационную сеть — это не только возможность установления контактов с другими людьми и культурами, но и растущая сеть зависимостей. Расширяются возможности для манипуляции сознанием, управления человеком, производства дезинформации в больших масштабах.

В связи с развитием информационных, биологических и нанотехнологий появляется возможность серьезной модификации телесных качеств человека, воздействия на его мозг и психику. С одной стороны, это открывает новые возможности, с другой — не может не влиять на культуру, так как во всех существующих культурах образ человека предполагает те его телесные и психические характеристики, которые сложились исторически.

Сообщества, возникающие в рамках глобальных информационных сетей, в ряде отношений отличаются от тех, которые существуют на основе традиционных культур. Сетевое сообщество может мгновенно возникнуть и столь же быстро распасться. Оно не привязано ни к какой территории и не опирается на устойчивую традицию. Отношения между такими сообществами не имеют иерархического характера, а их совокупность не может быть представлена в качестве системного целого. Поэтому включенность в подобные сообщества и привязанность к одной из существующих культур, опирающихся на исторические традиции и предполагающих пространственную локализацию, вступают в серьезное противоречие.

Рыночная экономика продемонстрировала и продолжает демонстрировать свою эффективность в глобальном масштабе. Но поскольку развитие современных технологий и лежащей в их основе науки происходит сегодня в рамках такого рода экономики, то и наука, и технологии приобретают некоторые характеристики, которые не были им свойственны

в традиционной культуре и которые в каком-то смысле «расчеловечивают» и науку, и технологии. О возможном опасном для человека использовании современных технологий уже говорилось. Что же касается науки, то она в условиях современного потребительского общества (которое глобализация и пытается распространить на всю планету) приобрела характер так называемой технауки: лишь то знание ценится и поощряется, которое может породить технологию. А с помощью последних можно произвести товар на продажу. Само знание превращается в товар, а ученый — в поставщика услуг. Это очень серьезно влияет на этос науки. Если она работает на крупные корпорации, то знание, добытое учеными, становится собственностью этих корпораций со всеми вытекающими отсюда последствиями — вплоть до засекречивания методов получения тех знаний, которые могут быть использованы при создании новых технологий. Возникает так называемый когнитивный капитализм, появляются новые типы ученых, невозможные ранее, например ученый-менеджер.

В 1940-е годы известный американский социолог науки Р. Мертон на основании изучения деятельности отдельных ученых и научных коллективов сформулировал четыре особенности научного этоса: универсальность, коллективизм, культивируемый научный скептицизм и запрет на плагиат. В течение многих десятилетий казалось, что выделенные Мертоном характеристики научной деятельности — безусловные черты того, что мы считаем наукой.

Между тем в науке, развивающейся в условиях современной глобальной рыночной экономики, это во многом уже не так. Если научное знание — собственность корпораций, то очевидно, что об универсальности знания, его коллективности во многих случаях уже нельзя говорить. Критицизм в этом случае тоже не может практиковаться в той форме, в какой это можно было делать раньше. К счастью, не вся наука превратилась в технауку и отнюдь не все научное знание стало собственностью корпораций. И особенности научного этоса, определенные Мертоном, все еще работают во многих научных исследованиях. Но сама тенденция превращения науки как одного из высших культурных достижений человечества в простой способ зарабатывания денег, конечно, связана с распространением рыночных отношений на все сферы человеческой жизни, что и происходит сегодня в процессе глобализации.

Что же может противодействовать этому процессу, а точнее, той форме глобализации, которую она приобрела сегодня (ибо глобализация может осуществляться и в других формах)?

Противостоять расчеловечиванию человека и культуры мы сможем только в том случае, если сумеем сохранить традиционные человеческие ценности и вместе с тем адаптировать их к современным реалиям, в том числе к вызовам, которые созданы развитием науки и технологий. А традиционные ценности существуют и транслируются от поколения к поколению в рамках существующих национальных культур. Эти культуры отличаются друг от друга. Понимание мира

и человека в них неодинаково. Но всем им свойственны некие общие представления, которые сегодня ставятся под вопрос глобальными вызовами. Разнообразие традиционных культур — не недостаток, а условие выживания и дальнейшего развития человечества.

Вообще гомогенность (к которой ведет практикуемая сегодня глобализация) — путь в тупик, ибо, как хорошо известно, развитие, эволюция возможны только при условии разнообразия, так как разные формы могут обнаружить разные ресурсы на том или ином витке дальнейшего развития, и то, что сегодня кажется наиболее перспективным, может не оказаться таковым на новом этапе.

Существующие культуры сегодня вынуждены реагировать на вызовы глобализации и адаптироваться к ним путем саморазвития. Может оказаться, что у разных культур ресурсы подобной адаптации будут различными. Так, например, некоторые традиционные способы организации работы в Китае и Японии оказались хорошо коррелирующими с современными формами работы сетевых предприятий. Я думаю, что культивировавшиеся в русской культуре внепрагматические ценности могут сыграть положительную роль в поисках выхода из тупика «когнитивного капитализма». Наиболее трагичным окажется положение тех культур (и связанных с ними государств), которые не смогут найти в себе ресурсы для адаптации к современной ситуации и для саморазвития. Они могут потерять свою идентичность — как культурную, так и государственную.

Итак, защита человека сегодня означает охрану и развитие традиционной культуры, а последнее предполагает защиту национальной идентичности, значит, национальных интересов.

Последние, конечно, включают защиту геополитических и экономических интересов страны, развитие экономики, здравоохранения, нахождение страны своего места в международном разделении труда, сотрудничество с разного рода международными экономическими и политическими организациями, укрепление обороноспособности и многое другое. Страна не может находиться в изоляции. Для того чтобы сохранить свою национальную идентичность, она должна развиваться, а значит, адаптироваться к существующим мировым и политическим реалиям, точнее, не просто адаптироваться, а давать свой ответ на глобальные вызовы, следовательно, меняться, развиваться самой. Но все это невозможно без сохранения и развития культуры, ибо именно она и есть то, что лежит в основе национально-государственной идентичности. Без собственной культуры все остальное (политические и экономические связи, государственные и общественные институты) не обеспечит сохранение национальной идентичности. А это значит, что защита национальных интересов невозможна без развития образования, науки и искусства. Экономически развитая страна, потерявшая свою культуру, лишается национальной идентичности, а значит, и национальных интересов.

А. Г. Лисицын-Светланов¹

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рассмотрение права как элемента культуры неразрывно связано с такими категориями, как «национальное» или «цивилизационное». Обе категории предполагают определенную множественность и многообразие проявлений, по крайней мере с учетом их исторического развития. Рассмотреть становление на-

циональных правовых систем, составивших «правовые цивилизации», наиболее наглядно на примере Европы. При всем многообразии существующих взглядов исследователей всемирной истории права представляется справедливым, что подлинное становление самостоятельных национальных правовых систем связано с распадом Римской империи и возникновением на европейском континенте независимых государств, способных заключать договоры с империей. Именно тогда возникает принцип *“Par in parem non habet imperium”* («Равный над равным не имеет власти»).

Международный договор — это результат согласования воли государств, закрепленный в правовой форме. Принимая во внимание уровень правовой культуры Римской империи, ее контрагентом в равноправных или относительно равноправных отношениях могло быть государство, жизнь в котором строилась на правилах (возможно, и обычаях), которые могут быть оценены как правовые. Дальнейшее становление государств в Европе привело к формированию различных правовых систем. Это различие проявляется не только в делении на право континентальное и англосаксонское. На континенте также складываются самостоятельные правовые системы. Позже, в колониальную и постколониальную эпохи, они ока-

¹ Директор Института государства и права РАН, академик РАН, заведующий кафедрой частного и публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор юридических наук, профессор. Автор свыше 100 научных работ, в т. ч.: «Порядок рассмотрения споров в связи с охраной и передачей прав на изобретения, ноу-хау и товарные знаки», «Арбитраж при осуществлении промышленного и научно-технического сотрудничества», «Правовые вопросы научно-технической и производственной кооперации», «Международная передача технологий: правовое регулирование» (в соавт.), «Законодательство США», «Международное частное право: современные проблемы» (в соавт.), «Правовое регулирование иностранных инвестиций в России», «Международное частное право: современная практика» (в соавт.), «Международный гражданский процесс: современные тенденции», «Права человека и современное государственно-правовое развитие», «Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу РФ» (в соавт.), «Новые вызовы и международное право», «Роль права в модернизации экономики России (на примере нефтегазового сектора)». Председатель редакционного совета журнала «Государство и право» и редколлегии «Трудов Института государства и права РАН». Член Бюро Отделения общественных наук РАН, Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию. Награжден орденами Дружбы, Леопольда II (Бельгия) и преподобного Сергия Радонежского.

зали существенное влияние на формирование права в колониях.

Сложившиеся различия неоднородны по своему характеру, а их существование производно от тех обстоятельств, которые формируют культуру народов, их нравы и социальное поведение. Исторический опыт дает примеры, когда одни государства «заимствовали» отдельные источники права у других государств. Однако рецепция иностранной нормы не означает восприятия иностранного права как такового. Прямым свидетельством тому служит то, что практика применения заимствованных источников не повторялась в судебных решениях. Классическими в связи с этим стали примеры принятия в Бельгии французского Кодекса Наполеона, а в Турции — закона об обязательствах Швейцарии. В обоих случаях правоприменение отражает национальные особенности. В странах «общего права» прецеденты носят более национальный характер. Однако не только рецепция норм права, но и иные попытки восприятия чужих доктрин не создают «правовых клонов». Так, после Второй мировой войны Конституция Японии разрабатывалась под сильным американским влиянием, однако как роль Основного закона, так и дальнейшее развитие права в США и Японии сегодня вряд ли можно назвать родственными явлениями.

Различия правовых систем зависят и от сферы регулирования. Особенно это проявляется в сфере публичного права, на содержание которого оказывают влияние не только культурная и как ее часть правовая традиции, но и политическая обстановка в стране. Например, установление в 1930-е годы фашистской диктатуры в таких государствах, как Италия и Германия, не соответствовало правовым традициям этих государств, однако приход к власти политических сил того времени установил в них бесчеловечный правовой порядок.

Вместе с тем исторический опыт указывает на то, что значительные социальные изменения, происходящие в государствах, могут породить политические, экономические и идеологические изменения, находящие закрепление в праве, и одновременно сохранять действие правовых институтов, традиционных для этих государств. Возникновение СССР и в последующем стран народной демократии установило в них практически новый правовой порядок в сфере регулирования экономики. Однако наряду со сложившимся новым хозяйственным правом, основанным главным образом на правительственных постановлениях, в этих государствах продолжало действовать гражданское законодательство, традиционное для континентальной системы права.

После окончания Второй мировой войны начался новый этап формирования правовых систем, причем как на национальном, так и на международном уровне. Наряду с формированием правового порядка, обеспечивающего мир народам, в качестве высшей ценности провозглашаются права человека. Ключевым принципом развития правовых систем стали не столько национальные особенности и традиции, сколько складывающаяся биполярность мира, в основе которой лежала

идеология, в первую очередь коммунистическая. Она распространилась на страны с населением, превышающим 1,5 млрд человек.

Элементом противостояния двух систем стали различия в подходах к трактовке самого понятия «права человека». Распад социалистического лагеря, казалось, мог бы обеспечить единое понимание прав человека и соответственно единый подход к правоприменению. Более того, европейское понимание прав человека могло бы претендовать на мировое лидерство, особенно принимая во внимание, что сложившееся в этой сфере регулирование основано как на материально-правовом регулировании — Всеобщей декларации прав человека, так и на процессуальной практике Европейского суда по правам человека. Но события последних десятилетий свидетельствуют об ином — западноевропейский подход не стал образцом для остального мира.

С исторических позиций видно, что нормы и ценности европейской цивилизации, получившие развитие в XVIII–XIX веках, не приобрели иммунитета от тоталитаризма, поразившего Европу в XX веке. Правовая политика и законодательство многих государств на этапе режима тоталитаризма рядились в одежды нравственности, провозглашая насилие, обеспечивающее их интересы, проявлением «высшей нравственности», хотя, по сути дела, распространяли безнравственность.

В чем же заключается значение декларации? Возможно, в том, что она, отражая исторический опыт человечества, прямо провозгласила в качестве высших ценностей права человека, соблюдение которых способно уберечь человечество от войн и массовых нарушений основных прав и свобод.

Положения декларации исходят из универсального понимания прав человека, отражающего такие категории, как равенство, совесть, справедливость, относя их ко всем странам и народам, то есть из универсального понимания гуманизма. Эти ценности на Земле назовет «всяк сущий язык». Однако народы стран, входящих в ООН, даже в условиях глобализирующего мира неизбежно вкладывают в них содержание, отражающее особенности как национальных традиций, так и более общие — цивилизационные. Эти особые морально-нравственные установки, существуя в сознании, неизбежно переносятся в принимаемое законодательство и, что особенно важно, в правоприменительную практику.

Как в политике, так и в области права вопросы морали и нравственности имеют разную шкалу ценностей. Представляется, что ситуация с Всеобщей декларацией прав человека имеет те же корни. Различия в национальном законодательстве, касающемся прав человека, могут быть порождены целенаправленной политикой режима, действующего вопреки букве и духу декларации. Однако различия в национальных стандартах защиты прав человека, толковании положений декларации могут быть обусловлены не злым умыслом властей, обвиняемых в тех или иных акциях или установлении правил, ограничивающих свободу поступков человека. Причины в данном случае могут

быть обусловлены и стремлением обеспечить общественное благо. Вопрос в том, где проходит грань, которая позволяет создать гармонию, баланс прав и интересов.

С точки зрения права здесь возникает извечная дилемма между реализацией человеком его права и публичным порядком, выраженным в представлениях о национальных интересах и национальной безопасности, экономических возможностях государства, общественной нравственности и т. д.

Согласно ч. 2 ст. 29 декларации права человека могут подвергаться ограничениям в установленном законом порядке «исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Эта достаточно общая и мягкая формула на практике приобретает определенные правовые формы. Реальная жизнь в различных государствах мира изобилует примерами ограничений прав, провозглашенных в декларации. Это ограничения касаются и свободы слова, и права на свободное передвижение, и права на невмешательство в личную жизнь, и права на неприкосновенность личности. Лукавит тот, кто претендует на некую эталонность в этих вопросах.

Перечисленная группа ограничений по сути интернациональна, и обращение к ним сопряжено главным образом с особыми или чрезвычайными ситуациями, в том числе международного характера, например в контексте борьбы с терроризмом. Однако принятие этих ограничений (хотя и объяснимо) должно иметь четкие правовые основания в национальном законодательстве, а не носить произвольный характер, основанный лишь на политических и административных усмотрениях. Как следует из приведенной ч. 2 ст. 29 декларации, любые ограничения должны быть обоснованными, что налагает на власть особую ответственность.

Кроме того, гарантией от подавления прав могут и должны быть не только демократические институты государства и права, но и развитые институты гражданского общества.

Сложный баланс универсализма гуманных ценностей, цивилизационных особенностей, формирующих публичный порядок в праве, и наконец влияние внешних факторов в любом случае не должны служить поводом для ущемления прав человека. Правовая политика государства — члена ООН не может строиться вне правового поля, где следование общепризнанным нормам и принципам международного права является непременным условием членства в ООН и самого существования мирового сообщества. В связи с этим Всеобщая декларация прав человека является концеп-

туальной основой развития двух ветвей права — международной и национальной. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Закрепленный в Конституции РФ примат международного права является нормой для современных демократических государств. Вместе с тем само международное право есть продукт согласования воли государств, где исключено чье-либо доминирование. Сложность процесса согласования воли государств нашла отражение в структуре международно-правового регулирования в области прав человека. Современное международно-правовое регулирование основано как на универсальных документах, составляющих наряду с Всеобщей декларацией прав человека Международный билль о правах человека, так и на региональном регулировании. К нему относятся Европейская система защиты прав человека, Межамериканская конвенция по правам человека и Африканская хартия прав человека и прав народов. Следует отметить, что содержание, круг региональных участников, а главное — эффективность действия Межамериканской конвенции и Африканской хартии существенно отличаются от Европейской системы защиты прав человека.

Различия в регулировании защиты прав человека на универсальном и региональном уровнях стимулировали идею принятия максимальных универсальных стандартов. При этом подчас игнорировался тот факт, что выработка единых стандартов всегда сопряжена с необходимостью коррекции национальных право порядков. В условиях глобализации, когда преодолено противостояние биполярного мира, аргументы в пользу единообразного понимания прав человека усилились. Однако в настоящее время идеологическая, культурно-нравственная, этнорелигиозная и правовая карты мира иные, чем во времена создания Международного билля о правах человека. Современный мир определяется как многополярный, в котором единые процессы глобализма (в основном в сфере экономики, информатики, науки) встречаются с усиливающимися тенденциями сохранения национальных и цивилизационных ценностей в сфере морали, нравственности, права.

В современных условиях, когда голоса многих государств, в первую очередь стран Азии, приобрели иное, чем в 1940-х годах, звучание, процесс выработки единых стандартов прав человека и механизмов их обеспечения представляется более сложным, требующим учета особенностей цивилизационного развития всех государств мирового сообщества.

В. А. Малахов¹

ПАТРИОТИЗМ КАК ВОЛЯ К МИРУ: К СОВРЕМЕННОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ ТЕРМИНА

Слово «патриотизм» сегодня звучит воинственно. При его звуке невольно представляешь себе хмурых парней в камуфляже на каком-нибудь степном блокпосте или, на худой конец, орущую фанатку, раскрасившую лицо в цвета национального флага. Чем воинственнее, тем патриотичнее, чем патриотичнее, тем воинственнее — с этой угрюмой максимой нашего времени, по-видимому, все уже свыклись.

Что ж, времена, как говорится, не выбирают — в них порой и умирают. Однако это не значит, что мы непременно должны состоять у своего времени на побегушках. Как учил еще апостол Павел: «Не сообразуйтесь с веком сим» (Римл. 12: 2). Одной из основных характеристик гуманитарной мысли выступает ее способность к сопротивлению, в первую очередь — сопротивлению собственному времени, «веку сему». Можно предположить, что именно эта способность и делает ее по-настоящему современной².

В соответствии с приведенными соображениями целью данного доклада является попытка философской реконструкции позитивного, созидательного смысла термина «патриотизм» — смысла, убедительно представленного в творчестве Д. С. Лихачева и в наши дни приобретающего отчетливое полемическое звучание. Смысл этот яснее проступит для нас в контексте разграничения патриотизма и национализма; кстати, чрезмерное сближение упомянутых понятий также можно считать одной из характерных черт современности.

Бесспорно, общего между патриотизмом и национализмом отыщется немало — не меньше, чем между нацией и отчизной. Тем не менее важны оттенки, порой именно они решают дело. Сдвиг от нации к отчизне, от рода (*natio*) к родине, по существу, есть нечто совсем иное, чем переход-стежок в рамках единой недоброй памяти доктрины между *Blut* и *Bode*, «кровью» и «почвой». Связь по рождению и происхождению («кровь») и связь по необходимому способу поддержания жизни («почва») едины в том, что обе, во-первых, имеют эмпирически-локальный характер и, во-вторых, захватывают человека независимо от его сознания и воли. Соответственно национализм (напомню: *natio* — род; Нация — это еще и богиня рождения у древних римлян) и националистическая ревность к родной земле, поскольку они воспроизводят упомянутый тип человеческих связей уже на уровне определенных ценностных предпочтений, неизбежно таят в себе опасность, во-первых, принципиального размежевания различных человеческих общностей, во-вторых — явного или завуалированного пренебре-

жения к рефлексии, духовности и свободному самоопределению личности.

Во многих странах, в том числе и на Украине, существует сильное стремление доказать, что современный («конституционный», «демократический») национализм ничем подобным не обременен и вообще формируется на иной основе. Однако практика имплементации националистической идеологии в реальной жизни людей показывает, что национализм без национальной обособленности и без заигрывания с «кровью» и «почвой» — вещь невозможная. Языковая политика (а язык, согласно Хайдеггеру, есть дом бытия), конструирование национального мифа и его внедрение в сознание граждан, соответствующая перестройка в области образования и воспитания — во всех этих сферах, жизненно важных для государства, ориентированного на современный «цивилизованный» национализм, без прямых или косвенных апелляций к «кровно-почвенному» фактору так или иначе не обойтись. Повторяю, проблема, которая предстает перед нами, есть по сути проблема практическая, и практика, например современной украинской жизни вполне убедительно, на мой взгляд, демонстрирует неизбежность упомянутых апелляций.

В любом случае понятие «нация» (соответственно и «национализм») в современном употреблении оказывается чрезвычайно эффективным именно в силу его двусмысленности: приобретает легитимность на высоком уровне конституционно-политического дискурса, оно затем, в другой своей ипостаси, обосновывает право на существование таких реалий, которым в современном мире вовсе, казалось бы, уже не место — вплоть до этнических фильтров и т. п.

Что же касается понятия «родина», «отчизна», то оно лишь на первый взгляд отсылает нас к тому же кругу представлений о «роде» и родовой исключительности. Если «нация» — та протяженность бытия, в которой рождаются (а вместе с тем, хотя бы отчасти, и для которой), то «родина» — место, откуда рождаются; уже согласно этому изначальному смыслу понятие родины не несет в себе того оттенка замкнутости, обособления, который, как ни старайся, невозможно вытравить из понятия «нация». Общую родину могут иметь представители самых различных наций и культур: киевляне Н. Бердяев, М. Булгаков, М. Рильский, В. Горовиц, Р. Глиэр, И. Эренбург — люди разной национальной принадлежности, тем не менее родина у них одна. Чувство родины единит, не разъединяя.

Если размышления о нации и национальной принадлежности, как нетрудно убедиться, невольно влекут человеческое внимание *вниз*, к происхождению и корням, то чувство родины ориентирует принципиально иначе. Родина — не столько почва под ногами, сколько произрастающие на ней леса, поля и сады, и окружающие ландшафты, и небо над головой. И в более «внутреннем», идеальном смысле понятие родины приобщает нас к своеобразной «онтологии сверху», прививает способность различать и ценить высшие аспекты человеческого

¹ Главный научный сотрудник Отдела философии культуры, этики и эстетики Института философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины (Киев), доктор философских наук, профессор. Автор книг: «Культура и человеческая целостность», «Стыд (Философско-этический очерк)», «Наука расставанья...», «Этика: Курс лекций» (укр. яз.), «Уязвимость любви», «Этика общения» (укр. яз.), «Право быть собой» (укр. яз.), «По сию сторону ясности» и др.

² См., например: Агамбен Дж. Что современно? Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2012. С. 45–61.

бытия. Мы легко говорим о духовной родине; не только о природных, но и о культурных, духовных ландшафтах, становящихся для человека родными и формирующими его этос, его нравственную предрасположенность. Вместе с тем понятие родины вообще более человекомерно, чем понятие нации. В отличие от последнего, оно не прячет человеческую личность в собственные недра, словно в шкаф, а, напротив, дает ей возможность ярче выявить свои неповторимые черты, свою свободу, свою творческую душу. Вместо унылой предопределенности «крови и почвы» отношение человека к родине отсылает скорее к категории *окликнутости*: нас окликают знакомые пейзажи, воспоминания детства, города, в которых мы впервые вдохнули пьянящий воздух свободы и любви. Эта окликнутость не висит на нас тяжелым грузом, а манит высь, открывает наш разум и волю. Родину человеку свойственно покидать, пускаясь в самостоятельное — на свой страх и риск! — житейское странствие, но не менее соответствует природе человеческой и то, что на родину возвращаются — тоже по своему свободному произволению, подытоживая тем самым свой жизненный опыт, свои нравственные искания: для всего, что есть человеческого в человеке, небо родины оставляет простор.

И «нация», и «родина» — слова, способные звучать громко. Однако, в отличие от «нации», «родина» имеет целый регистр камерного применения, соответствующий рассмотренному аспекту человекомерности данного понятия. Киевлянину в связи с этим невозможно не вспомнить Александра Вертинского: «Киев — родина нежная...» О потенциале тишины, ласковости, уюта, заключенном в идее родины, написано много проникновенных страниц. Достаточно неожиданно суждение А. Ф. Лосева, который при всей, в общем, бравурности развиваемого им понимания родины, тем не менее отмечает: «Только Родина дает внутренний уют, ибо все родное — уютно, и только уют есть преодоление судьбы и смерти»¹.

Представляется очевидным, что развитое патриотическое сознание призвано отображать человеко-творческий смысл представлений о родине во всей его целостности. Научное и публицистическое творчество Д. С. Лихачева не только предоставляет для этого конкретный материал и методологический инструментарий, но и, я бы сказал, задает некую общую тональность, чрезвычайно важную для сохранения *позитивной нравственной основы* патриотизма, находящейся в наши дни под угрозой. Особенно актуальной — *полемически* актуальной — представляется в этом отношении неизменно занимавшая Дмитрия Сергеевича тема *русского*². На широком фоне русских просторов, русской природы и культуры, архитектуры, иконописи и, разумеется, русского словесного творчества ученый ведет разговор о принципиальной значимости позитивных, светлых черт национального характера, прежде всего доброты. При этом речь вовсе не идет о каком-то приукрашивании. Речь о том, что для всех нас должно быть в нашей истории важно, о том, какими нам, сформированным всеми прошедшими веками, быть сегодня и что передать будущему³.

¹ Лосев А. Ф. Жизнь. Повести, рассказы, письма. СПб.: Комплект, 1993. С. 49.

² См.: Лихачев Д. С. Заметки о русском : сб. М. : Колибри : Азбука-Аттикус, 2014.

³ Ср. замысел сборника работ ученого: Лихачев Д. С. Прошлое — будущему : статьи и очерки. Л. : Наука, 1985.

И вот Лихачев говорит о доброте. По глубине и серьезности отношения к этому негромкому нравственному качеству я бы поставил Лихачева в один ряд с такими немногими современными ему мыслителями, как писатель В. С. Гроссман, философ Э. Левинас.

Но если Лихачев прав, если чувство подлинного патриотизма действительно направляет нас в сторону добра и света, то не должен ли настоящий патриот более всего ценить и беречь *невозмущенные*, не искаженные ненавистью состояния своей родины, позволяющие ей раскрыться в ее внутреннем самобытии? В полноте этого самобытия находилось ведь место и для монументального историзма, и для подвигов удалых, и для нежной застенчивости души, и для той «тишины умиротворенного самоуглубления», которой проникнуты произведения Андрея Рублева, «Повесть о Петре и Февронии Муромских»...⁴

Так логика размышлений о патриотизме выводит нас к точке пересечения с другой, не менее злободневной и вместе с тем извечной человеческой проблемой — проблемой мира. Тот, кто действительно любит свою родину, не может не желать ей блага, а условием всякого блага как осмысленного совершенствования бытия является мир. Не только бомбы и снаряды, но и сам дух войны разрушает совместную человеческую жизнь; он способен до неузнаваемости изуродовать облик нашей милой отчизны, нашего родного очага. Отсюда вывод: если ты и вправду патриот своей родины, если ты боишься ее потерять — прежде всего желай ей мира. Ведь мир — это не просто отсутствие военных действий; сам по себе он имеет позитивный ценностный смысл. Согласно В. В. Колесову, мир издревле есть «то, что мило, а мило прежде всего спокойствие, тишина, покой и согласие между людьми и племенами»⁵. Не случайно в древних текстах, как и в современном русском языке, мир-покой и мир-общность обозначаются одним и тем же словом. В намеченной здесь перспективе не будет, пожалуй, преувеличением рассматривать мир как организованное пространство совместного существования не только разных людей, но и различных человеческих родин. Поэтому патриотизм — это воля к миру.

Разумеется, бывают времена, когда родина и мир поставлены на грань уничтожения. Тогда война как сопротивление хаосу и злу, сколь это ни трагично, становится делом правым: в ее огневом кольце человек, нация, родина, мир сосредоточиваются, мужают, заново обретают себя. Последнее до сего дня подобное испытание в нашей истории — Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Нынешние события, думается, не таковы. Нынешняя злосчастная война именно деформирует, калечит, лишает идентичности родину и мир, какими мы их унаследовали. Любые потери на этой войне, с какой бы то ни было стороны, есть потери нами самих себя. В этом убеждает, в частности, внимательное чтение трудов академика Д. С. Лихачева.

⁴ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М. : Наука, 1970. С. 93–96.

⁵ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 226.

Хуан А. Марк¹**МИР УЖЕ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ПРЕЖНИМ: ГРЯДУТ БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ**

Мы живем в период перемен, происходящих во всех сферах нашей жизни — от общения до охраны здоровья. Наша повседневная жизнь резко отличается от той, которую вели наши родители. То же самое происходит и в глобальном масштабе: стремительно сменяют друг друга, расцветают и увядают нации, регионы и мировые силы. СМИ извлекают выгоду из особенностей времени, потому что не бывает недостатка тем для обсуждения. Хотя, как правило, фокус внимания СМИ сосредоточен на частном, а не на общем: пресса стремится обсудить малейшее свидетельство успеха или неудачи в эволюции стран и регионов. На мой взгляд, гораздо интереснее обсудить общие тенденции, которые, как сейсмические волны, сотрясают более глубокие слои и являются причиной сильных трансформаций на поверхности.

Эта тема настолько обширна, что ее можно обсуждать достаточно долго, анализируя перемены, которые происходят на наших глазах. Но так как все собравшиеся здесь являются экспертами в сфере международных отношений, я ограничусь лишь тем, что назову изменения в сфере политики, которые, по моему мнению, заслуживают рассмотрения.

Основной интерес представляет то, как развиваются четыре региона, в которых сосредоточены основные мировые силы: США, Китай, Евросоюз и Россия. Разумеется, в мире существуют и другие влиятельные государства, например Индия, а также перспективные регионы (Латинская Америка, Средний Восток и страны Персидского залива), но я хотел бы сосредоточиться на четырех вышеупомянутых регионах, так как перемены, происходящие в них, влияют на остальной мир.

На США, Китай, Европейский Союз и Россию приходится 80 % мирового валового продукта; в четырех регионах сосредоточен основной мировой военный потенциал, 90 % всех изменений в мире происходит здесь. Но впечатляет не это, а то, как по-разному меняются эти регионы.

Рассмотрим Соединенные Штаты Америки. США — удивительно сбалансированная страна. Ее политическая и экономическая системы ориентированы на проблемы, которые тревожат население: улучшение материальных условий, свобода, безопасность и новые возможности. Страна прекрасно адаптируется к переменам, происходящим вокруг. Слабость США заключается в относительно низкой для супердержавы XXI века численности населения: 300 млн человек не-

достаточно для ведущей мировой державы. Поэтому США для удержания главенствующей позиции в мире приходится устанавливать альянс с другой мировой силой. Проблема состоит в том, что США трудно вступить в такой альянс. Союз со странами Латинской Америки едва ли возможен. Европа могла бы подойти в качестве союзника, но для многих американцев Старый Свет является символом прошлого и отжитого. Решение этого вопроса до сих пор не найдено, а без ответа туманным остается и будущее.

Теперь рассмотрим Китай. Здесь к будущему готовятся и смотрят в завтрашний день с уверенностью. Изменения, происходящие здесь, можно назвать фантастическими. Они происходят вследствие комбинирования трех факторов: быстрый рост доходов на душу населения (380 долларов США в 1992 г. И 7200 — в 2014-м), крупный рынок (1,5 млрд людей, эффективно политически организованных) и политика «Одна семья — один ребенок», обеспечивающая новое поколение достаточной родительской опекой в процессе социализации в новом обществе. Эти три фактора обеспечивают каждому китайцу твердую уверенность в завтрашнем дне и, без сомнения, превратят Китай в ведущую мировую державу в ближайшие 25 лет. Это повлияет и на остальной мир.

Я считаю, что Китай может столкнуться с проблемами через 50 лет, когда политика «Одна семья — один ребенок» приведет к спаду численности населения (с 1,5 млрд до 1,3). Но до этого момента в Китае будет складываться общество нового образца с большим количеством профессионалов во всех областях. На данный момент численность молодого населения Китая (10–22 года) составляет 200 млн человек. Каждая семья стремится к тому, чтобы ребенок достиг успеха, потому что, во-первых, от этого зависит его будущее (ребенок больше не будет находиться под опекой государства) и, во-вторых, будущее его семьи (так как на государственную опеку приходится рассчитывать все меньше, ребенку в будущем придется обеспечивать своих родителей).

Итак, в современном Китае проживают 200 млн человек, активно готовящихся к будущему. Для нового поколения трансформации из крестьянина в архитектора, врача или юриста не будут удивительными. Разумеется, жизнь гораздо сложнее, чем теория, некоторые не достигнут успеха, но я хотел бы обратить внимание на цифры. Из 200 млн около 25 % не станут успешными профессионалами, однако в Китае в ближайшие 15 лет появятся 150 млн первоклассных специалистов. Для сравнения: в США численность молодого населения составляет 35 млн.

Современные условия таковы, что молодое поколение подвергается гораздо меньшему давлению (причины этого разнообразны, начиная с того, что устройство системы дает людям право на ошибки, и заканчивая личными причинами и поэтому менее определяющими), вследствие чего примерно половина молодых людей предпочтет профессиональной карьере другие сферы деятельности.

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011). В 1989–1993 гг. — постоянный представитель Европейской комиссии при Комитете по поддержке организации по сотрудничеству и экономическому развитию. Работал генеральным директором Института Иберо-американского сотрудничества Испанского агентства по международному сотрудничеству, советником посольства Испании в Великобритании (1996–2001) и Мексике (2001–2004). Посол — постоянный представитель Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве (2004–2008). Автор книги «Жди меня в Гаване», ряда публикаций по проблемам современных международных отношений.

Оставшиеся 17 млн молодых людей в США станут квалифицированными специалистами, но и из них лишь половина будет стремиться к профессиональному успеху. Сравнение цифр дает впечатляющие результаты: через 15 лет на американском рынке труда появятся в лучшем случае 9 млн новых профессионалов, на китайском же — 175 млн. Учитывая процесс глобализации и возможность свободного перемещения, последствия такого перевеса не останутся незамеченными.

Теперь рассмотрим Европейский Союз. Для европейского пространства характерен баланс: более 500 млн человек живут организованно, пользуясь такими современными благами, как жилье, транспорт, образование, здравоохранение, социальные службы и т. д. Но будущее Европы представляет проблему. Благодаря развитию здравоохранения здесь значительно выросла средняя продолжительность жизни. В некоторых странах ЕС эта цифра составляет более 80 лет. При сохранении текущей тенденции к росту средняя продолжительность жизни в Евросоюзе достигнет 85 лет. К этому фактору можно добавить отсутствие эффективного реального общеевропейского правительства, уменьшение численности молодого населения, огромные затраты на поддержку существующих учреждений, жесткое трудовое законодательство, устанавливающее 65 лет как средний пенсионный возраст, а также общественное недоверие к инновациям и быстрым изменениям (чего нет в США). Все вышперечисленное неблагоприятно сказывается на перспективах Европы.

Многие могут возразить, что такая мрачная оценка является преувеличением, и указать на существующие сильные стороны: современную политическую структуру ЕС, успех системы образования, разнообразие индустрии, научный потенциал и т. д. Все это имеет место и делает ЕС процветающим регионом. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что может произойти в ближайшие 20 лет: затраты будут огромными, уровень дохода будет снижаться, а такая комбинация в условиях высоких стандартов и требований к уровню жизни может быть очень неблагоприятной. Я опасюсь, что малочисленное молодое население не захочет брать на себя ответственность, а значит, к 2030-м годам она ляжет на плечи государства. Нельзя забывать, что за привилегии придется кому-то платить. Таким образом, в будущем ЕС столкнется с серьезной проблемой, решать которую нужно с создания эффективного общеевропейского правительства. После его создания необходимо разработать меры, для того чтобы Европа оставалась процветающим регионом и в будущем. Одно из направлений развития, геополитическое, имеет непосредственное отношение к России (я вернусь к этому вопросу после характеристики страны).

Итак, Россия. Это страна видела немало грандиозных исторических событий; страна, спасшая мир от нацизма. Уже хотя бы по этой причине мы находимся в долгу перед Россией. Кроме того, Россия продемонстрировала, что коммунизм, каким бы привлекательным он ни казался в теории, на практике является неуспешным способом организации современных обществ. Коммунизм принес России несчастье вместо ожидаемого прогресса, тиранию и контроль вме-

сто свободы и благополучия. Можно возразить, что Россия делала это для себя, а не для других. Благодаря России мы имеем два положительных явления к концу XX века: победу над нацизмом и отказ от экспериментов с коммунизмом.

Проблемы современной России частично связаны с этими двумя историческими эпизодами. Стране пришлось взять на себя роль супердержавы, которую она старается сохранять, несмотря на то что к такой роли, по сути, не готова и выгоды от нее не получает. Для национального эго идея супердержавы является привлекательной и вызывает поддержку у населения. Но в современных условиях важно быть реалистами и формулировать политические амбиции так, чтобы их результаты приносили выгоду людям. Россия в XX веке достигла удивительных результатов в своем развитии, пережила грандиозные события, но много людей были принесены в жертву: 25 млн человек были убиты нацистами, 23 млн стали жертвами сталинских репрессий.

В конце прошлого века Россия вступила на новый путь — свободы и модернизации. Проблема России заключается в том, что для нее открыты большие возможности, но при этом страна нуждается в новой экономической системе, чтобы воспользоваться этими возможностями и извлечь из них долгожданную выгоду. У России есть много преимуществ: высокий научный потенциал, огромный запас природных ресурсов, русский язык является общеупотребительным на огромной территории, национальное самосознание. Важно также отметить такие проблемы, как низкая средняя продолжительность жизни (всего 59 лет для мужчин), снижение численности населения (с 148 млн до 129, предсказанных к 2035 г.) и неудачные последствия диверсификации экономики. Российские компании имеют значительное мировое влияние только в нефтегазовом и товарном секторах. Для страны таких масштабов, богатой природными ресурсами, обладающей научным потенциалом, население которой способно и образованно, достижения весьма посредственны.

В современном мире преимущества могут вызвать проблемы, которые, в свою очередь, могут стать источником новых решений. В случае с ЕС и Россией очевидно, что, несмотря на неблагоприятные перспективы, совместными усилиями они могут достичь грандиозного успеха.

Начнем с ЕС. Региону необходим многосторонний внешний проект, способный вдохновить людей на работу во имя всеобщего блага. В ином случае Европа ждет откат назад. Объединение сил с Россией позволило бы создать большой внутренний рынок, хорошо интегрированную экономическую систему на основе избытка сырья в высокотехнологичных сферах индустрии (аэрокосмическая, фармацевтическая, компьютерная и т. д.), а также вдохновить молодое поколение. Объединение научного потенциала также очень важно, наука — ключевой фактор, который нужно учитывать тем, кто хочет процветать в эпоху глобализации в XXI веке.

Если Россия изберет путь объединения с ЕС, ей придется диверсифицировать экономику за счет малого и среднего бизнеса. Последствия этого (в понятиях по-

купательской способности населения, занятости и новых перспектив на рынке труда) не останутся незамеченными. Научный потенциал также сыграет большую роль. Бывший премьер-министр России Анатолий Чубайс однажды сказал: «У нас, россиян, хорошо получается переводить деньги в науку, но переводить науку в деньги нам пока не удастся», имея в виду трудности интеграции науки в сферу гражданской индустрии. Россия сможет быстро перенять умение малого и среднего бизнеса в ЕС сотрудничать с университетами и научными сообществами.

В общем, ЕС и Россия могут стать успешными партнерами. Россия — огромная страна, но процессы модернизации всегда начинались с Запада, через Санкт-Петербург и Москву. Отсюда инновации и новые традиции проникали в глубь России. Некоторые считают, что сейчас будущее России нужно связывать с Азией и сотрудничать с азиатскими соседями. Те, кто придерживается этого мнения, забывают о том, что азиатская часть России, хотя и огромна по площади, малонаселенная (на территории, составляющей 70 % от общей площади, проживает менее 20 % населения). Это усложняет укрепление связей и поиск новых партнеров в Азии. В дополнение к этому существует множество других факторов в поддержку европейского партнерства: близость, социальная и историческая общность.

Объединив силы, Евросоюз и Россия создадут пространство свободы и процветания на огромной территории с населением более чем 800 млн человек. Это составляет всего лишь половину населения Китая, но пространство потенциального российско-европейского альянса будет отличаться большей социальной целостностью. Численность населения на этом пространстве будет в три раза выше, чем в США. Шансы российско-европейского региона стать ведущей мировой силой очень велики.

Главная проблема заключается в том, чтобы правильно политически сбалансировать регион, не позволяя отдельным группам стран доминировать. Как организовать политическую систему, выгодную всем жителям региона? Пример желательной организации — США, которые, хотя и называются союзом штатов, в действительности являются союзом граждан. Американцы хотят называться американцами, потому что для них существует ряд общих вопросов, делающих сосуществование в союзе привлекательным и выгодным. В США взаимоотношения строятся между американскими гражданами и государством, а не между гражданами отдельных штатов и государством. Итак, вопрос заключается в том, как на этой большой территории, которую я называю «Большая Европа» (то есть ЕС и Россия), создать политическое пространство, единый политический организм, выгодный всем гражданам. Это сложная, но ключевая задача, решения которой должны требовать у политиков жители Евросоюза и России. Если это является ахиллесовой пятой Европы, значит, тем больше усилий нужно вложить в решение этой проблемы.

Создание Большой Европы может вызвать тревогу у многих слоев населения. Во-первых, небольшие

европейские страны, наученные горьким опытом, будут опасаться того, что крупные политические объединения могут подавлять их потенциал. Многие из этих стран входят в состав ЕС, где находят защиту благодаря уважению организации к идее консенсуса. Такие страны не будут заинтересованы в новом проекте, если он будет воплощаться в жизнь под старым лозунгом о централизации. Я считаю, что в этом они абсолютны правы. Невозможно организовать новое пространство, пользуясь старыми методами. Нам необходимо построить Европу XXI века, где управление находится в руках граждан, а отдельные государства являются всего лишь образованиями, решающими локальные вопросы во благо всеобщего процветания. О политическом пространстве, возглавляемом четырьмя или пятью крупными государствами, не может быть и речи. Необходимо продумать политическое пространство с общими ключевыми правилами, обуславливающими стабильное развитие на всей территории.

Также следует уделить внимание вопросу, какое влияние в мире может иметь новый регион. Его геостратегические позиции будут очень сильны. Позиция Большой Европы в Совете Безопасности ООН будет очень заметна, общая армия региона — невероятно впечатляющей, научный потенциал — исключительным. Многие полагают, что таким образом может возродиться старая имперская Европа. Действительно, крупные объединенные силы имеют тенденцию вмешиваться в дела других государств. Многочисленные примеры можно найти в деятельности всех супердержав. Крупные политические образования всегда распространяли свое влияние вовне. Иногда им приходится это делать, так как они считают, что ответственны за порядок (в случае с США, присоединившимися к Европе в борьбе против нацизма), иногда их цели более сомнительны (вторжение США в Ирак). Европейцы устали от того, что их государства ввязываются в войны, и приветствовали проект создания Европейского Союза, так как его воплощение принесло расширение политического пространства без реальной возможности внешнего военного вмешательства. Проблема состоит в том, что и проект Большой Европы был разработан подобным образом. Европе придется воссоздать себя. Я считаю, что единственным решением могут быть четкое понимание опасностей «имперской модели» и организация нового пространства таким образом, чтобы оно служило прежде всего гражданам, а не нациям.

Вопрос, как новое пространство воспримут другие страны, также важен. Существующие мировые силы могут с недоверием отнестись к появлению нового геополитического пространства. В нашу задачу входит воплощение нового проекта, невзирая на недоверие. От нового проекта зависят наше будущее, процветание и возможность с уверенностью смотреть вперед, вместо того чтобы готовиться к выживанию. Необходимо самостоятельно выбрать свою судьбу, пока за нас этот выбор не сделали другие. Нам придется превратить проблемы в возможности, а трудности — в решения.

Ни в коем случае нельзя игнорировать текущий украинский кризис. В данный момент ситуация очень

напряженная, но я уверен, что мы сможем не только разрешить украинский конфликт, но и создать новый канал связи между Россией и ЕС. Кризис может являться предвестником новых достижений. После Первой мировой войны была создана первая всемирная организация — Лига Наций. Нельзя забывать о том, что после Второй мировой войны начался процесс создания Евросоюза и бывшие враги стали партнерами. Люди, пережившие войны и потерявшие близких, не были готовы поверить в то, что такое партнерство основано на искреннем желании мира. Но они видели, что у представителей их наций появилось по крайней мере больше возможностей для построения мирного будущего. По моему мнению, украинский кризис является гораздо менее значительным, чем мировые войны, и мы можем разрешить его таким образом, чтобы это положило начало новой эре отношений между Россией и ЕС, в которой мы будем называть себя одним словом «Европа».

Нужно понять, что если мы не начнем принимать правильные решения, нас ждет провал. В контексте глобального соревнования с постоянно возникающими новыми зонами сосредоточения капитала и общественных изменений, происходящих благодаря технологическим инновациям, у европейцев нет права на ошибку. России следует отказаться от старого образа действий в сферах влияния, а ЕС нужно перестать видеть в России опасность или ненадежного партнера. Перестав верить в факторы, задерживающие наше развитие, мы сможем наметить новые цели. Украинский кризис усугубляет наше недоверие друг к другу и препятствует возможности построения общего будущего. Давайте воспользуемся возможностью и извлечем пользу из этой трудной ситуации, сделав ее решение первым шагом на пути к созданию новой Большой Европы — общего проекта, который сможет показать миру, что одна из старейших мировых цивилизаций, европейская, также является и ведущей цивилизацией современности.

Колин Б. Мойнихен¹

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В АРКТИКЕ. ПЕРСПЕКТИВА БЛИЖАЙШЕГО СОСЕДСТВА

Характеризуя текущий этап развития мирового общества сквозь призму условий, тенденций и механизмов реализации национальных интересов в современной глобальной ситуации, в данной статье мы хотели бы особое внимание уделить стратегическому значению Арктики.

В XXI веке Арктика является областью особого интереса по трем причинам: она обуславливает изменения геофизического состояния Земли и климата, представляет собой арену столкновения бывших, настоящих и, возможно, будущих сверхдержав за стратегический контроль над международным торговым Северным морским путем и доступом к минеральным и энергетическим ресурсам и, наконец, является ареной столкновения разных философий управления (суверенитет против международного права). В совокупности эти факторы влияют на стратегическое, геополитическое и экономическое значение околополюсного Севера. Грамотный подход должен заключаться в сохранении стабильности в процессе глобализации региона.

В феврале 2015 года в Великобритании специальный Арктический комитет палаты лордов подготовил доклад «Отвечая на изменения в Арктике», в котором предпринята попытка оценить соответствующие роли членов Арктического совета, взаимоотношения между странами в связи с этим регионом, проблемы окружа-

ющей среды, торговли и политики в этом регионе. В современном мире данные проблемы являются ключевыми и глобальными.

Итак, необходимо отметить следующее. *Арктика изменяется.* Температура воздуха в регионе возросла в два раза по сравнению с глобальным средним значением, что привело к ряду изменений в окружающей среде. Лед становится все тоньше и отступает, а талая вода с ледников стекает в море. Процессы, происходящие в Арктике, потенциально могут привести к таянию ледников и глобальному потеплению. Знания же об окружающей среде Арктики и о том, как она реагирует на происходящие изменения, очень ограничены.

Одним из ближайших соседей Арктики является Великобритания. Объединенное королевство имеет давние политические, экономические и культурные связи с государствами, входящими в этот регион, и народами, там проживающими (особенно это касается научных исследований).

Поскольку изменения в Арктике таят в себе потенциальные как возможности, так и риски, в последнее время возрос международный интерес к региону. Список стран, проявляющих интерес к Арктике, значительно расширился и теперь включает межправительственный Арктический совет, азиатские страны, такие как, например, Китай, Индия, Япония, Сингапур и Южная Корея. Сохраняющаяся долгое время напряженность в отношении международного сообщества к Арктическому региону неизбежно влечет за собой ответную реакцию.

Много внимания уделяется также добыче углеводородов в Арктике. Ситуация с нефтью на рынке такова, что возникает необходимость в ближайшем будущем найти альтернативы для производства нефти, и здесь

¹ Государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента, бизнесмен. Председатель Британской олимпийской ассоциации (2005–2012). Министр по делам спорта в правительстве Маргарет Тэтчер (1987–1990), заместитель министра энергетики (1990–1992). Директор Лондонского организационного комитета Олимпийских игр и член Олимпийского совета, осуществлявшего надзор за соревнованиями (2012). Спортсмен, серебряный призер Московской Олимпиады–1980 (гребля).

вновь внимание обращается к Арктике как потенциальному источнику добычи нефти и газа в арктических водах. Изменения арктического климата могут обусловить новые экономические возможности, например возникновение новых морских путей. Несмотря на то что это еще неопределенные возможности, все заинтересованные стороны внимательно наблюдают за происходящими изменениями, чтобы вовремя оценить их и использовать.

Ответственность за развитие при одновременной защите окружающей среды на большей части территории Арктики лежит на суверенных арктических государствах. Это не касается центральных вод Северного Ледовитого океана, которые считаются международными. Сейчас наиболее остро стоит вопрос о будущем рыбных ресурсов в этом регионе, все заинтересованные государства должны быть вовлечены в обсуждение вопросов будущего грамотного управления этими ресурсами. Специальный комитет палаты лордов уже потребовал, чтобы был введен мораторий на рыбную ловлю в этих краях, во всяком случае до тех пор пока не будет согласована схема управления рыбными ресурсами в регионе.

Ввиду возросшего интереса к региону и, как следствие, увеличению потока туристов в Арктику (с перспективой роста количества морских перевозок на крупных судах) возникает необходимость выработать системный подход к сохранению ресурсов и экологии в арктических водах.

Все заинтересованные государства должны прежде всего развивать сотрудничество в вопросах сохранения Арктики и преодолевать разногласия, не касающиеся развития региона. Арктика всегда выступала регионом сотрудничества, и роль Арктического совета заключалась в поддержке развития этого сотрудничества. Сейчас, когда регион претерпевает множество изменений, важно сохранить былую стабильность и правильно реагировать на происходящие изменения.

Климат и окружающая среда Арктики существенно меняются, что оказывает особенное воздействие на криосферу Арктики — ту часть Арктического региона, которая находится в состоянии вечной мерзлоты, — и может привести к таянию ледников и вечной мерзлоты.

Эти изменения влекут за собой серьезные последствия. Таяние льдов несет множество рисков, возможностей и угроз, которые до сих пор не проанализированы должным образом. Уменьшение площади многолетних морских льдов (в числе прочих изменений) может способствовать появлению новых торговых морских путей, открывая большое количество возможностей для улучшения связей между регионами и для доступа к морским ресурсам Арктики. В то же время возникает риск глобального изменения климата, последствия которого до конца не оценены учеными.

Разнообразие Арктики

Северный Ледовитый океан окружен пятью прибрежными государствами: Канадой, Данией (Гренландией), Норвегией, США и Россией. Арктическая суша — это суверенная территория, в то время как

воды Северного Ледовитого океана являются международными и регулируются национальными правовыми нормами и Конвенцией ООН по морскому праву, принятой в 1982 году. Пять стран, имеющие выход к Северному Ледовитому океану, известны как «Арктическая пятерка». Существует также «Арктическая восьмерка» — государства, у которых есть территории в области Полярного круга, но они не граничат с водами Северного Ледовитого океана. В «Арктическую восьмерку», кроме перечисленных пяти стран, входят Финляндия, Исландия и Швеция.

За Полярным кругом проживает примерно 4 млн человек — больше, чем в 70 странах — членах ООН. Население Полярного круга состоит из народов стран «Арктической восьмерки», из них большая часть — граждане России, являющейся самым большим государством в этой «восьмерке» и потенциально оказывающей наибольшее влияние на регион¹. Населенные пункты, расположенные за Полярным кругом, очень различаются по размерам — от небольших деревень и поселков до крупного портового города Мурманска с численностью населения более 300 тыс. человек.

Порядка 500 тыс. жителей Арктики принадлежат к местным этническим группам², каждая группа имеет свой язык, культуру и уклад жизни. Эти народы жили в Арктике на протяжении многих тысячелетий. Изменения, происходящие в регионе, различно влияют на эти народы, и сами они по-разному реагируют на них.

Возрастание международного интереса к Арктике

Причины возросшего интереса

Возрастание интереса к Арктике частично объясняется желанием стран найти новые возможности для развития экономики и дополнительные ресурсы. Увеличение спроса на железную руду диктует необходимость разработки новых залежей в Арктическом регионе³. Кроме того, согласно данным Международного энергетического агентства 2013 года, «есть все основания полагать, что Арктика содержит большую часть ресурсов нефти и природного газа, которые могут составить до 13 % всех запасов природного газа и 30 % нефтяных запасов в мире»⁴.

В то же время климатические изменения в Арктике, особенно таяние ледников, делают ее природные ресурсы более доступными для коммерческих целей. Однако никто не может знать, чем обернется изменение климата, поэтому перспективы использования природных ресурсов Арктики не вполне определены⁵. Как уже упоминалось, таяние ледников может также способствовать развитию транспортных морских путей вдоль северного побережья России (Северный морской путь), через Северо-Западный пролив (в меньшей степени) и даже через центр Северного Ледовитого океана.

¹ Q 138 (Том Пэтерсон).

² Сайт Арктического совета: <http://www.arctic-council.org/index.php> [доступен с 19 февраля 2015 г.].

³ Записано со слов доктора Дугала Гудмана.

⁴ По данным OGP.

⁵ Записано по данным Национального океанографического центра.

на¹. Коммерческое рыболовство может расширить свои границы к северу, так как больше водного пространства будет открыто для рыболовных траулеров. Экономическое развитие Арктики подразумевает выстраивание инфраструктуры и оказание более широкого спектра услуг ее жителям. Улучшение технологий и коммуникаций в регионе сделает его более доступным.

По словам посла Финляндии в Великобритании Пекки Хухтиниеми, «экономические возможности Арктического региона действительно очень велики». Согласно информации Королевского института международных отношений, инвестиции в Арктику в период с 2012 по 2022 год могут составить до 100 млрд и более. Представители Международной организации инжиниринга, технического и экономического развития и морского классификационного сообщества отмечают, что вложений может быть как значительно больше, так и значительно меньше².

Арктика является «областью всевозрастающего соревнования», как коммерческого, так и географического³. Лондонское королевское сообщество по развитию знаний о природе трактовало изменения в окружающей среде Арктики как «пробуждение национальных интересов в сферах природных ресурсов, рыболовства, судоходства и туризма». С возрастанием коммерческих возможностей Арктики увеличился и интерес к странам с различными отраслями промышленности, причем число этих стран постоянно росло⁴.

Изменение климата в Арктике вызывает интерес не только с коммерческой, но и с научной точки зрения, а также привлекает различные сообщества, такие как Гринпис и Всемирный фонд дикой природы.

Иногда борьбу за охрану окружающей среды используют как прикрытые для достижения коммерческих интересов и оказания влияния на территорию Арктики⁵. Под видом борьбы за сохранение природы Арктический регион все больше втягивают в процесс глобализации.

С открытием доступа к водам Арктики этот регион все более вызывает международный интерес с точки зрения экономики и политики. США и Россия в Арктическом регионе находятся в непосредственной близости. По существующим возможностям Арктику сравнивают с Китаем, считается, что этот регион может значительно ослабить влияние Китая на глобальную экономику. Китай даже называет себя «родственником Арктики»⁶. Как видно из вышесказанного, коммерческое соревнование в Арктике часто интерпретируется в аспекте межгосударственных взаимоотношений. Европейский политический научно-ис-

следовательский центр в Университете Стратклайда позиционирует Арктику как «регион растущего стратегического значения», доктор Дмитрий Тулупов из Санкт-Петербургского государственного университета разделяет эту точку зрения⁷.

Люк Коффи из Фонда наследия высказывал опасения по поводу таяния ледников, считая, что это может привести к военному конфликту между большим количеством стран. Другие свидетели происходящих в Арктике изменений не склонны разделять такую точку зрения, считая, что военно-стратегическое значение этого региона преувеличено. Независимость Гренландии от Дании может способствовать усилению геополитического интереса в регионе, особенно если независимая Гренландия решит не вступать в НАТО, оставаясь за пределами Европейского Союза.

В отчете «Глобальные стратегические тенденции—2045» Министерства обороны Великобритании сообщается, что экономическое развитие региона «уже испытывает влияние управления». В данном случае имеется в виду, что межгосударственные споры относительно Арктического региона скорее всего обострятся с открытием доступа к арктическим ресурсам, но это не должно привести к военным столкновениям.

Усиление глобализации

В условиях прогрессирующей глобализации Арктика рассматривается как последний рубеж на подступах к новым ресурсам и стратегически важным территориям⁸. Несмотря на некоторое преувеличение этого заявления (которое исторически не беспрецедентно), тем не менее Арктика выходит из изоляции и относительной недоступности и постепенно становится частью глобальной геополитической, торговой и нормативно-правовой сети, вызывая все больший интерес к своим ресурсам⁹.

В качестве примера: в 2009 году, когда Евросоюз запретил продавать продукцию из тюленей, некоторые народы Арктики (эскимосы — инуиты) ощутили на себе влияние этого запрета и потребовали гармонизации экономических рынков в условиях развивающейся глобализации. Таким образом, инуиты заявили о своих правах на международном рынке в соответствии с Декларацией ООН о правах коренных народов и заставили признать, что они являются полноценным партнером в решении вопросов, связанных с Арктикой.

Спецпредставитель США по делам Арктики Дж. Папп в декабре 2014 года писал, что Арктика «очень быстро становится мировым краеугольным камнем для научных и академических исследований, торговли и туризма» и что «мы все испытываем влияние Арктики и с точки зрения глобальных изменений климата, и с экономической точки зрения в связи с развитием международной торговли, и, наконец, с научной точки

¹ Записано по данным Lloyds Register.

² Записано со слов Даниеля Кохиса, см.: Arctic Opening: Opportunity and Risk in the High North. Chatham House-Lloyd's Risk Insight Report Chatham House and Lloyd's (Арктические чтения: Возможности и риски на Крайнем Севере. 2012).

³ Профессор Джеффри Бултон, посол Пекка Хухтиниеми, доктор Джеффри Мазо и Кристиан Мьер.

⁴ Записано по данным Департамента дружбы народов.

⁵ Петиции Гринпис в защиту Арктики: «Защита природных ресурсов Арктики — дело каждого из нас» и «Защити природу Арктики».

⁶ Заявление посла Китая в Швеции на встрече между шведским руководством Арктического совета и исследователями (6 ноября 2013 г.).

⁷ Записано по данным, предоставленным ЕПРС и доктором Дмитрием Тулуповым.

⁸ Записано со слов Хью Маккея, Майкла Джонатана Дэнджерфилла, Дункана Делледжа, доктора Джона Кэмпбелла, Клода Перраса. Чарли Кроник из Гринпис сказал, что Арктика является «границей, от которой требуют расширения».

⁹ Записано по данным, предоставленным «Arctic Advisory Group» и профессором Терри Каллаганом.

зрения»¹. В ряду других факторов изменение климата в Арктике влияет не только на окружающую среду, но и на политику, экономику и культуру региона.

Схватка за Арктику?

Притязания на Арктику

В рамках популярного современного сюжета «схватка за Арктику» развивается идея о том, что Арктика не должна быть объектом притязаний, однако эта идея далека от истины². Суша Арктики является частью восьми государств (России, США, Канады, Исландии, Норвегии, Дании, Швеции и Финляндии), в то время как арктические воды находятся в исключительных экономических зонах пяти из перечисленных восьми государств (России, США, Канады, Дании и Норвегии). Между восемью арктическими государствами существуют пограничные конфликты, но ни один из них не угрожает двусторонним отношениям и безопасности в регионе³.

Конвенция ООН по морскому праву

Использование арктических вод регулируется в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву (UNCLOS), которой подчиняются все арктические прибрежные государства, кроме США⁴.

Притязания на Северный полюс

Доклады арктических государств, претендующих на Северный полюс, вызывают большой общественный интерес. Несмотря на установление российского флага на дне Северного Ледовитого океана в 2007 году, Россия не притязает на суверенность прав в отношении Северного полюса, кроме тех, что определены в UNCLOS. В соответствии с этой конвенцией Россия, Дания, Исландия, Норвегия и Канада в разной степени взаимодействуют с Комиссией по вопросу о границах континентального шельфа⁵. Россия и Дания претендуют (как, впрочем, и Канада) на то, что морское дно в районе Северного полюса является частью морских шельфов их стран и это дает им право его использовать (при условии уплаты соответствующих лицензионных платежей Международному морскому сообществу), но воды и воздушное пространство в центральном Северном Ледовитом океане не могут быть предметом притязаний⁶.

В 2008 году в Декларации Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана (Илулиссат, Гренландия) пять береговых государств Арктики взяли на себя обязательства по урегулированию притязаний на арктическое морское дно. По мнению Мэттью Уиллиса из Королевского института объединенных служб

¹ Адмирал Роберт Дж. Папп «Америка — арктический народ».

² Записано со слов Мэттью Уиллиса.

³ Примерами могут быть спор Дании и Канады об острове Ганса, а также споры Канады и США по поводу моря Бофорта (записано со слов доктора Дмитрия Тулупова, профессоров Робина Черчилля и Филиппа Стайнберга). В 2010 году Норвегия и Россия разрешили свои споры по поводу Баренцева моря (записано со слов профессора Робина Черчилля).

⁴ Записано со слов профессора Робина Черчилля и профессора Мориса Мендельсона.

⁵ Записано со слов профессора Робина Черчилля.

⁶ Информация по данным Королевского сообщества.

по исследованию международных вопросов, «разногласия решаются путем переговоров о текущих и будущих различиях». Споры «в верхах» о территории Арктики «не имеют твердых оснований», утверждает представитель IISS (International Institute for Strategic Studies) доктор Джеффри Мэзо.

Более того, притязания на морское дно Северного полюса могут иметь политическое значение, пока не будет достоверных данных о ресурсах углеводородов в Северном Ледовитом океане⁷. Ни одно государство до сих пор не добывает минералы с континентальных шельфов за пределами 200 морских миль⁸. Доктор Мэзо и господин Ле Мье «не видят никаких доказательств гонки за ресурсами Арктики», поскольку 90 и 95 % известных ресурсов Арктики составляют нефть и газ, которые могут быть добыты в землях, не вызывающих споры или расположенных в эксклюзивных экономических зонах. Поэтому они считают необоснованным предположение о международной борьбе за энергетические ресурсы Арктики.

Распространено мнение, что добыча углеводородов в Арктике требует как политической стабильности, так и международных консорциумов, чтобы она была совместным действием и предметом экономического и политического взаимодействия в регионе⁹.

Мирный и стабильный регион

Бытует мнение, что борьба государств за ресурсы Арктики, поддерживаемая военными силами, невозможна в таком стабильном и мирном регионе, как Арктика, и что в данном случае не существует рисков возникновения военных конфликтов. Декларацию Илулиссата 2008 года и двустороннее разрешение спора между Россией и Норвегией о морских границах в Баренцевом море в 2010 году обычно упоминают как яркий пример мирного разрешения разногласий, касающихся Арктического региона.

Юлиан Бразнер, член британского парламента, пресс-секретарь Министерства обороны, отметил, что полярный регион является «областью, где Россия заинтересована сохранять стабильность и правовую структуру».

Мы пришли к выводу, что популярный сюжет о «схватке за Арктику» несколько надуманный: территориальные споры в регионе по большей части улажены, а оставшиеся вопросы решаются в рамках международных правовых норм. Ведь участники этих споров понимают, что агрессивное разрешение конфликтов не принесет должных результатов и повлечет за собой нежелательные убытки, поэтому все выбирают взаимодействие и мирное разрешение ситуации.

Международный правовой режим управления арктическими водами очень важен и должен поддерживаться арктическими государствами и всем международным сообществом.

Единственным прибрежным арктическим государством, которое не поддерживает Конвенцию ООН по морскому праву, являются Соединенные Штаты

⁷ Со слов Тима Рейли.

⁸ По информации Министерства иностранных дел и по делам Содружества и профессора Филиппа Стайнберга.

⁹ Со слов Мэттью Уиллиса.

Америку, так как, признав этот закон, они не смогут претендовать на расширение континентального шельфа¹. США реагировали бы положительно на правовое сотрудничество в Арктическом регионе и поддержали бы Конвенцию ООН по морскому праву, если бы это не шло вразрез с их интересами. Хотя сохранение мира в Арктике выгодно всем участникам споров, в том числе и США.

Арктический совет

Восемь арктических государств признали целесообразность международного правового подхода к решению вопросов региона и необходимость взаимодействия. В результате в 1996 году был создан Арктический совет — главный орган для поддержки международного сотрудничества в регионе.

Каждые два года Арктический совет проводит встречи (каждый раз организатором встречи является одно из государств). Деятельность совета обеспечивает работа шести групп, решающих оперативные задачи. Действия совета в основном предпринимаются шестью постоянными рабочими группами и рабочими группами, ограниченными во времени. В сентябре 2014 года заседание Арктического экономического совета проводилось под руководством Канады в рамках бизнес-форума. В Арктический совет входят 32 наблюдателя, включая 12 неарктических государств (в том числе Великобританию), 9 межправительственных и межпарламентских организаций и 11 неправительственных организаций.

Перевооружение России?

Региональное взаимодействие по обеспечению безопасности и выстраиванию «безопасной архитектуры», тем не менее, отводит на второй план политическое, природоохранное и экономическое сотрудничество в Арктике. Дункан Делледж (Лондонский университет) высказал мнение о том, что «самой сложной задачей при регулировании вопросов в Арктике является выстраивание взаимоотношений между Россией и другими арктическими государствами (а также странами-наблюдателями Арктического совета)»².

Летом 2013 года Россия усилила военное присутствие в Арктическом регионе, укрепила Северный флот (в том числе ледоколами и атомными подводными лодками). Россия также модернизировала военные силы на трех граничащих с Арктикой территориях (на Дальнем Востоке, в Сибири и Мурманской области). Были созданы новые арктические бригады и начато строительство радара раннего обнаружения³.

Господин Коффи высказался по данному вопросу следующим образом: «Северный флот России, который базируется в Арктике, составляет две трети всего российского военно-морского флота. К 2015 году будет сформирована новая арктическая бригада, задачей которой станет координация российских военных действий в Арктическом регионе. В течение следующих нескольких лет арктические бригады будут постоянно базироваться в Арктическом регионе, также будут проводиться плановые учения российского спецназа в этом регио-

не. Конечной целью России является создание объединенной военной силы в Арктике к 2020 году, и, кажется, русские уже неплохо в этом преуспели»⁴.

Некоторые наблюдатели усмотрели в этом военное восстановление России, утверждая, что конечной целью России является возобновление ее военного присутствия, как это было до холодной войны. Нужно отметить, что другие государства, такие как Канада, Дания и Норвегия, также вкладывают средства в усиление своих военных ресурсов в Арктическом регионе.

На наш взгляд, наращивание военной мощи должно рассматриваться как усиление обороны региона, необходимость которого диктуют задачи по обеспечению безопасности и сохранению природных ресурсов, предполагающие бесперебойный контроль и патрулирование для предотвращения контрабанды и браконьерства, оперативное реагирование на разливы нефти и пр. С этими задачами как нельзя лучше справляются военные силы, так как они оказываются наиболее подготовленными для выполнения подобных задач в тяжелых условиях арктического климата. Главной задачей в Арктическом регионе является создание к 2020 году передовой стратегической основы управления природными ресурсами. Именно этим объясняются инвестиции России в укрепление военных сил в регионе.

Джулиан Брайзер пришел к выводу, что Россия стала намного более активной в Арктике, но члены Арктического совета отмечают, что все действия Россия осуществляет при надлежащем уведомлении участников совета.

Королевское общество утверждает, что «споры относительно экологической безопасности, ведущиеся в рамках международного пространства, могут нести в себе определенные риски. Необходимо разъяснить роль вооруженных сил в Арктическом регионе, чтобы не возникало щекотливых дискуссионных вопросов по этому поводу»⁵.

Из этого, однако, не следует, что Арктический комитет палаты лордов считает, что Россия угрожает другим странам путем наращивания военных сил в этом регионе. Ведь у России в Арктическом регионе самая протяженная береговая линия, и было бы странно, если бы она не инвестировала средства в развитие военных сил. Основная проблема заключается в том, что необходимо правильно интерпретировать позицию России в регионе и не путать усиление средств обороны региона с военной угрозой другим государствам.

Достижения Арктического совета

С точки зрения британского правительства, Арктический совет обеспечил возможность сотрудничества стран в решении проблем региона и выстроил основу для принятия взвешенных политических решений. Послы арктических государств одобряют деятельность совета. По мнению Тима Рейли, представляющего Группу по вопросам Арктики, совет воплощает удивительную модель международного сотрудничества сверхдержав⁶.

¹ Записано со слов профессора Мориса Мендельсона.

² Записано со слов Дункана Делледжа.

³ Записано со слов доктора Эндрю Фоксалла.

⁴ Записано со слов Люка Коффи.

⁵ Записано по данным Королевского общества.

⁶ Записано со слов Мишеля Кингстона.

Мануэль Ф. Монтес¹**СОВМЕЩЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ
КАК ВЫЗОВ XXI ВЕКА**

19 июля 2014 года Открытая рабочая группа Организации Объединенных Наций утвердила черновой вариант комплекса из 17 целей устойчивого развития (ЦУР, ООН 2014а). Усилия по соглашению относительно ЦУР рассматриваются как логическое продолжение Целей развития тысячелетия (ЦРТ). Помимо 17 специфических целей, проект ЦУР включает также 169 связанных с ними задач (ООН 2014а).

Увеличение количества целей и задач отражает амбициозную концепцию ООН в плане «устойчивого развития», которая была сформулирована в 1992 году на конференции в Рио-де-Жанейро как совместная реализация трех направлений: восстановление/оздоровление окружающей среды, социальный прогресс и экономическое развитие.

Финансирование процесса развития

Процесс FfD (Financing for Development — финансирование развития), заявленный в итоговом документе «Монтеррейского консенсуса», стремится «продвигать устойчивое развитие» (ООН 2003, § 1). Глобальное соглашение по FfD было достигнуто после азиатского финансового кризиса конца 1990-х, который разорил экономики, восторженно встретившие глобализацию. Новое соглашение было призвано восстановить доверие в международной экономической системе. Оно выдвигает на первый план собственную процедуру пересмотра решений и, будучи итогом деятельности ООН, официально привлекает к участию основные институты глобального экономического регулирования: Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Всемирную торговую организацию (ВТО) и ЮНКТАД (*Конференция ООН по торговле и развитию*). FfD также предусматривает участие в своих дискуссиях гражданского общества и частного сектора.

Субстантивная структура FfD, представленная в шести главах «основных действий», обозначает ключевые сферы, где развивающиеся страны встречаются и с препятствиями, и с возможностями при мобилизации финансовых ресурсов для поддержки долгосрочного инвестирования в новые виды экономической деятельности, необходимые для стимулирования структурных изменений. Эти шесть глав охватывают внутреннюю мобилизацию ресурсов, прямое ино-

странное инвестирование и потоки инвестиционных портфелей, международную торговлю, официальное содействие развитию, внешнюю задолженность и системные проблемы (См.: ООН 2003).

Например, название первого из шести основных действий — «мобилизация финансовых ресурсов для развития» — свидетельствует о том, что внутренние частные сбережения, для которых требуется устойчивый и долговременный макроэкономический рост, и государственные доходы обеспечивают огромный объем финансирования развития. Подбор глав воплощает тонкий баланс между обязательствами развивающихся стран и их международных партнеров. Можно возразить, что внутренняя мобилизация ресурсов — это суверенное мероприятие, в которое не должны вмешиваться внешние стороны. Однако развитые страны-партнеры должны принять обязательства, детально изложенные в других главах. С момента начала процесса FfD лучшее исполнение обязательств имело место при внутренней мобилизации ресурсов — в развивающихся странах. С 2002 до 2011 года доходы от налогов в этих странах возросли более чем вдвое, увеличившись с 838 млрд до 1,86 трлн долларов США. В целом можно считать, что развивающиеся страны выполняют свои обязательства в большей степени, чем их партнеры, участвующие в процессе FfD.

Ситуация в глобальной экономике

Глобальная экономика все еще находится в бедственном положении, пытается преодолеть последствия коллапса международной финансовой системы 2007–2008 годов. В отличие от предыдущего, этот кризис зародился в развитых странах.

Развивающиеся страны являются чистыми финансовыми инвесторами в финансовые секторы развитых стран. Международная система не мобилизует финансирование развития на нетто-основе в пользу развивающихся стран. Центральные банки в развивающихся странах создают свои международные резервы в форме самострахования от какого-либо внезапного разворота частных инвестиционных потоков, разорившего экономику Восточной Азии в конце 1990-х. На рис. 1 показаны финансовые потоки между развивающимися и развитыми странами после расчета всех возможных потоков: официальная поддержка развивающихся экономик со стороны развитых, частные инвестиции, главным образом из развитых в развивающиеся страны, выплаты за права интеллектуальной собственности, в основном от развивающихся развитым экономикам, изменения в международных резервах, направленные преимущественно из развивающихся в развитые страны, и т. д. Как видно, в течение почти 20 лет чистый поток инвестиций шел из развивающихся стран в развитые.

Для развивающихся стран хороший размер резервов достигается за счет внешних заимствований. Если

¹ Старший советник по вопросам финансов и развития Южного центра (Женева, Швейцария), доктор экономики. Мануэль Ф. Монтес ранее был руководителем направления стратегий развития Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам. Координатор региональной программы ПРООН (региональный центр в Коломбо, Шри-Ланка). Участник программы международной экономической политики Фонда Форда в Нью-Йорке (1999–2005). Координатор по вопросам экономики исследований в Центре «Восток–Запад» в Гонолулу (1989–1999). Адъюнкт-профессор экономики Университета Филиппин (1981–1989). Автор публикаций по проблемам макроэкономической политики, стратегии развития, неравенства доходов, изменения потока финансирования и промышленной политики. Имеет степень доктора философии в области экономики Стэнфордского университета.

бы власти развивающихся стран больше доверяли способности МВФ обеспечивать адекватную, своевременную и антициклическую ликвидность в случае полной перестановки инвестиционных портфелей в частном секторе, они бы снизили резервные накопления. В конце концов, МВФ создавался именно как кооперативное сообщество для поддержки ликвидности своих участ-

ников в чрезвычайных ситуациях. Резервы самострахования также уменьшились бы при лучшем международном финансовом регулировании. Эта проблема включена в ЦУР как проектная цель 10.5: «совершенствовать регулирование и мониторинг глобальных финансовых рынков и институтов и усилить реализацию этих регулятивных норм» (ООН 2012а).

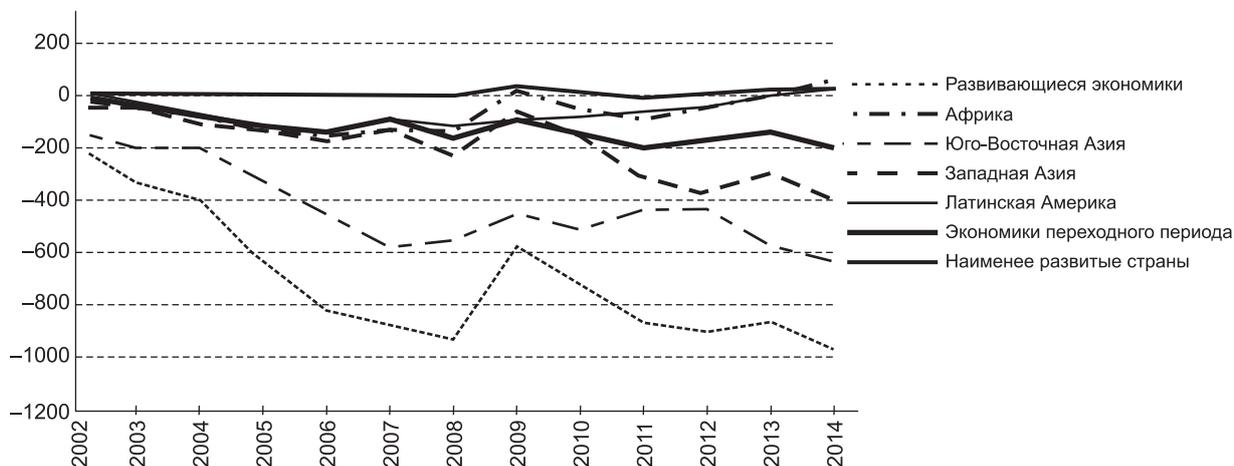

Рис. 1. Нето-объем трансфертных платежей из развивающихся в развитые страны¹

В 2015 году развивающиеся страны и страны, не эмитирующие резервную валюту, такие как Российская Федерация, испытывают еще один удар извне, спровоцированный не ими, но связанный с угрожающим повышением процентных ставок в США и разворотом потоков частных инвестиционных портфелей. В 1980 году решение Федеральной резервной системы США повысить ставку до 20 %, чтобы мгновенно снизить инфляцию, вызвало долговые кризисы в развивающихся странах. Международные резервы развивающихся стран способны противостоять какой-либо потенциальной проблеме, но насколько эти резервы велики, проверить нельзя.

Сегодня международная экономика раскалывается многими инструментами государственной политики, чтобы отслеживать и контролировать изменчивые движения частного капитала. Существовала теория, что более свободное перемещение капитала расширит возможности для финансирования развивающихся стран и тем самым повысит уровень инвестирования. Возможности для частного финансирования действительно до некоторой степени расширились, пока подобная активность не прекратилась из-за кризиса 2007–2008 годов. К сожалению, даже в годы бума частных инвестиций фактический результат оказался незначительным или не показал никакого увеличения (рис. 2).

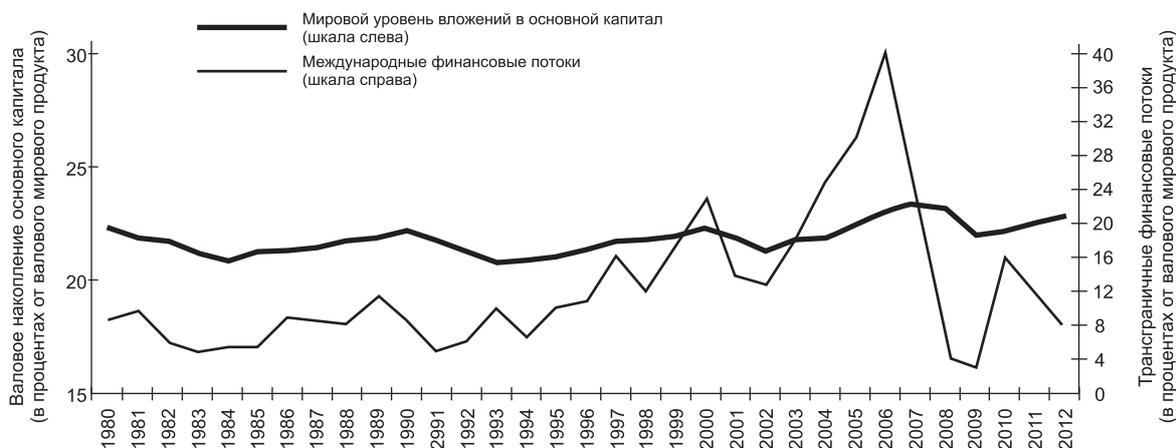

Рис. 2. Потоки свободного частного капитала незначительно влияют или не оказывают никакого воздействия на глобальный уровень инвестиций

¹ Источник: ООН (2015). Рис. III.1. С. 65.

Полученные данные заставляют предположить, что основная проблема не в *недоступности финансирования*, государственного или частного, а в отсутствии спроса на инвестиции из-за ощутимого сжатия пространства государственной политики. Например, мобилизация финансирования посредством инфраструктурных проектов не увеличит инвестиции в основной капитал, если страны не имеют политического пространства, чтобы планировать и осуществлять такие проекты в соответствии со своими национальными приоритетами.

По-видимому, недавнее внезапное обнаружение глобального инфраструктурного пробела — это кульминация многолетней проциклической политики расходования средств на государственные нужды в развивающихся странах с целью установления верхнего предела дефицита государственного сектора (См.: Комитет по развитию 2006 (и последующие публикации по странам в 2006–2007)). Чтобы не превышать предельный размер дефицита государственного сектора, правительства многих развивающихся стран урезали расходы на инфраструктуру и положились на помощь от программы ЦРТ, стараясь защитить инвестиции в социально значимые проекты. Анализ Комитета по развитию (2006) подразумевает, что отложенные в развивающихся странах затраты на инфраструктуру ставят под сомнение перспективы среднесрочного роста, так как препятствуют частному инвестированию из-за неадекватной инфраструктуры, например энергообеспечения.

Поскольку взаимозависимость между величиной процентной ставки, обменным курсом валюты и уровнем инфляции варьируется от страны к стране, необходимо восстановить возможности для управления *счетом движения капиталов* или регулирования, так как это поможет создать государственное политическое пространство для поддержания внутреннего спроса на долговременные инвестиции. Контроль капитала также крайне необходим, чтобы сделать реальной налоговую политику с целью уменьшения неравенства, увеличения заработной платы и расширения государственного налогообложения/расходования средств на социальные цели.

По оценкам, масштабы потоков финансирования, необходимых для ЦУР и для плана развития после 2015 года, представляют большие величины, но вполне укладываются в рамки способности глобальной системы к финансированию. В августовском 2014 года отчете Межправительственного комитета экспертов по финансированию устойчивого развития (ICESDF) (ООН 2014b) отмечалось, что глобальная экономика ежегодно генерирует накопления в 22 трлн долларов США (ООН 2014, § 36). По оценке ICESDF, для одной только инфраструктуры ежегодно потребовалось бы 5–7 трлн, а для искоренения крайней нищеты — 66 млрд долларов ежегодно (ООН 2014, § 33). Конечно, возможные сферы финансирования частично совпадают, например если инфраструктурное инвестирование можно направить на повышение занятости необученных людей, это поможет снизить уровень крайней нищеты. Инвестирование в возобновляемые источники энергии, если раз-

вивающиеся страны могут себе это позволить, расширяет доступ к современным услугам водоснабжения, санитарии и энергоснабжения, снижает процент заболеваний.

Политические дебаты в Открытой рабочей группе дают представление о будущих переговорах по FfD. Два аспекта выдвигаются на первый план.

1. Различные виды частного финансирования в противовес государственному финансированию развития.

2. Выбор приоритетов: масштаба и направления финансовых потоков, с одной стороны, и создания международной среды, благоприятной для финансирования развития, — с другой.

В рамках этих двух тем также возникают вопросы о финансировании деятельности по изменению климата с учетом парижского 2015 года саммита ООН по изменению климата.

Частные финансовые потоки против государственных

Процесс FfD уделяет внимание как частному, так и государственному финансированию и тому, как действия государственного сектора мобилизуют финансы для развития частного.

Соглашения по FfD с самого начала признавали потенциал государственно-частного партнерства. Но было также признано превосходство национальных приоритетов и решающая роль, которую играют государства при направлении частного финансирования согласно этим приоритетам. По этой причине важно то, что контрастирующие роли государственного и частного секторов усиливают друг друга, при этом принимаются во внимание многие уроки, полученные в результате фактического воплощения данного партнерства.

Недавние дебаты, однако, подчеркивают перспективу того, что арифметически доминирующая роль, которую частный сектор всегда играл в сфере финансов в рыночной экономике, (а) неоправданно смешивалась с идеей, что частный финансовый сектор способен заменить государственный при финансировании развития и (б) часто оправдывала вызовы со стороны государственного сектора финансирования, включая официальную помощь в целях развития (ОПР), для субсидирования и смягчения рисков от инвестиционных проектов в частном секторе. Инфраструктурные проекты, например, финансируются путем размещения правительственных облигаций в частном секторе. Однако это не следует интерпретировать так, что частный сектор способен осуществлять аналогичные проекты сам по себе или что он является доминирующим игроком в деле развития, даже если обеспечивает все финансирование путем покупки проектных правительственных облигаций. Частному сектору могут быть также предоставлены государственные гарантии по облигациям для инфраструктурных проектов. Тем не менее государство не должно принимать на себя весь проектный риск, в противном случае оно могло бы и само осуществлять проекты и не допускать создания фантастического частного богатства с ограниченной отдачей для социальных нужд.

ОПР и государственно-частное партнерство

В последние годы, стараясь экономить сократившиеся в результате глобального экономического кризиса государственные финансы, развитые страны сделали упор на частное финансирование развития, призванное заместить ОПР. Даже до наступления нынешних трудностей развитые страны, за исключением нескольких, в основном скандинавских, так и не достигли целей ОПР. В § 42 «Монтеррейского консенсуса» вновь подтверждено обязательство развитых стран: «0,7 % от валового национального продукта (ВВП) в качестве ОПР — официальной помощи развивающимся странам и от 0,15 до 0,20 % ВВП — от развитых стран наименее развитым» (ООН 2003). Фактические цифры составили менее половины от целевых: 0,3 ОПР развивающимся странам в 2013 году и 0,9 ОПР наименее развитым странам (НРС) в 2012 году. Недавно обнародованные цифры ОПР наименее развитым странам также демонстрируют неравномерность из-за значительных колебаний в помощи Афганистану и списания долгов Мьянмы в 2012 году.

Для наименее развитых стран (НРС) финансирование из частного сектора не может заменить ОПР. Во-первых, ОПР способна пожертвовать до 40 % государственных финансов некоторым НРС, надеющимся исключительно на ОПР. Такая зависимость не может быть изменена в одночасье и потребует переходного периода. Во-вторых, внутренние финансовые рынки НРС развиты слабо, доступность финансовых инструментов, с помощью которых зарубежные финансисты могут направлять финансирование, ограничена. Финансирование за счет активного сальдо торгового баланса нестабильно и может стать отрицательным. Многие НРС являются экспортерами предметов потребления и получили выгоду от высоких цен на эти товары до текущего экономического кризиса. Исторические примеры взрывного спроса на предметы потребления, после которых следуют падения, предвещают сложные перспективы для финансирования развития в среднесрочном периоде для многих НРС и других экспортеров предметов потребления.

Наряду с активной поддержкой ОЭСР (*Организация экономического сотрудничества и развития*) разворачивается также дискуссия о модернизации ОПР, в ходе которой предложена самая заметная инновация — использовать ОПР, чтобы смягчить риск частных инвестиционных проектов. Таким способом доноры надеются расширить или «задействовать кредиты» в своих ОПР-потоках за счет частного инвестирования.

Первый вопрос: всегда ли в мире возможного использования денег ОПР частный сектор является необходимым партнером в проектах высокой приоритетности? Например, в вопросе помощи институциональному прогрессу в наименее развитых странах с целью уменьшения зависимости государственных доходов от ОПР. Действительно ли имеется малое количество проектов, которые могли бы совместно осуществить государственные секторы стран-доноров и стран-реципиентов, если в этом не участвует частный сектор? Стоит лишь указать на условия финансирования, пред-

лагаемые Стамбульской программой действий, чтобы продемонстрировать масштаб потребностей, не подходящих ОПР.

Второй вопрос: чей частный риск будет смягчен путем «задействования кредитов» в потоках ОПР? Если риски для частного сектора из страны-донора смягчаются, тогда использующая кредиты ОПР становится обусловленной помощью, так же как страны-доноры любят подсчитывать прием иностранных студентов или списание запросов на обслуживание их долговых обязательств на страны, получающие ОПР. Может ли так случиться, что увеличение возможностей частных компаний из стран-доноров через посредство основанной на кредитах ОПР приведет к вытеснению местных частных секторов в развивающихся странах?

Отчет ICESDF (*Межправительственный комитет экспертов по финансированию устойчивого развития*) (ООН 2014b) выдвинул на первый план потенциал государственно-частного партнерства (ГЧП) с целью мобилизации финансирования инфраструктурных проектов. Такие методы предлагают возможность упрощения инвестиций от государственного сектора в финансирование ключевых проектов, доверяя частному сектору принять на себя часть финансирования посредством займов, которые должны обслуживаться за счет выручки от операций по проекту. Однако ГЧП обнаруживает множество существенных недостатков даже в развитых странах. Так, в 2002–2003 годах при модернизации лондонского метро долг частных лиц становился позднее обязательством короны, если частные партнеры оказывались не способны обслуживать свои займы (Ahmad 2014). Сам отчет ICESDF предупреждает, что «недостаточно продуманное государственно-частное партнерство и иные смешанные структуры могут привести к высоким доходам для частного партнера, в то время как государственный партнер остается наедине со всеми рисками» (ООН 2014b, § 135).

Финансирование в управление климатом

До настоящего времени при финансировании деятельности, связанной с изменениями климата, использовались, в частности, средства «климатических» инвестиционных фондов Всемирного банка. Рамочная конвенция ООН по изменению климата 1992 года устанавливала для развитых стран обязательство по обеспечению финансирования для развивающихся стран с тем, чтобы последние смогли гарантировать смягчение и адаптацию действий. Согласно конвенции, деятельность, связанная с проблемами климата, не волонтаристский акт со стороны развитых стран, но обязательство государственного сектора в системе совместного несения расходов при глобальных усилиях по борьбе с изменениями климата.

В декабре 2010 года страны, участвовавшие в Рамочной конвенции, согласились выделять на эту деятельность в развивающихся странах 100 млрд долларов США в год «из широкого многообразия источников, государственных и частных, двусторонних и многосторонних, включая альтернативные источники» (Рамочная конвенция ООН об изменении климата 2011, § 99). Это обещание развитых стран есть пример того, как го-

сударственный сектор предпринимает действия по финансированию от лица частного сектора. Уполномочены ли правительства принимать такие обязательства? Насколько надежно и осуществимо (и проверяемо) исполнение этих обязательств?

Внешний долг

Страны-должники долго искали основанный на системе правил, неслучайный, предсказуемый, всеобъемлющий и своевременный способ для разрешения кризисов, связанных с выплатой внешних долгов. Тема внешнего долга занимает целую главу в материалах Монтеррея, а урегулирование этого вопроса обрело важное государственно-частное измерение. Частный внешний долг в большей степени, чем суверенные долговые обязательства, был виновником крупнейших кризисов развивающихся экономик недавних времен, включая азиатский кризис 1990-х годов, давший толчок «Монтеррейскому консенсусу», и кризисы Еврозоны в Испании, Ирландии и Португалии. В отличие от внутренних долгов, когда можно применить процедуру банкротства, урегулирование международного долга происходит хаотично. Государства вынуждены брать на себя задолженность частных компаний, осуществлять жесткие программы, чтобы справиться с бюджетным дефицитом, возросшим из-за новых обязательств, и использовать для помощи частному сектору деньги налогоплательщиков, в том числе и находящиеся в международных институтах, например МВФ.

Со времени азиатского кризиса вновь и вновь раздаются призывы изменить процесс реструктуризации долгов частного сектора и лишить фонды-стервятники возможности получения прибыли от недисциплинированной системы. В 2003 году «Монтеррейский консенсус» в § 51 уже предусматривал «справедливое распределение бремени между государственным и частным секторами и между должниками, кредиторами и инвесторами». В сентябре 2014 года развивающиеся страны на Генеральной Ассамблее ООН с большим перевесом голосов над развитыми странами заставили начать переговоры о создании многосторонней официальной структуры для урегулирования долгов.

Мотивы портфелей ценных бумаг как доминантная модальность частного инвестирования

В наши дни модно говорить, что в инфраструктурном инвестировании наблюдается значительный пробел. Еще одна модная идея: инфраструктурные проекты должны привлекать значительные финансы для обеспечения развития и таким образом побуждать частный сектор увеличивать инвестиции в развивающиеся страны. Но эта предпосылка неверна, так как частный сектор уже является кратковременным инвестором в развивающиеся страны и никогда не сможет обеспечить долговременное финансирование, которого требуют инфраструктурные проекты.

Однако частный сектор вкладывает огромные суммы в новоявленные развивающиеся страны — около 400 млрд долларов США в год (чистые финансовые

вливания) — до и после атаки глобального финансового кризиса. Их инвестиции главным образом состоят из кратковременных позиций по активам, зависящих от переменчивых настроений глобальных инвесторов. Например, в 2007 году в частных секторах стран с развивающимися рынками входящий поток составил 1,2 трлн долларов США, исходящий — 825 млн долларов, приток нетто 460 млн долларов. В 2010 году — 908 млн долларов входящих и 500 млн исходящих, приток нетто частного капитала — 408 млн. Эти синхронные колебания огромной амплитуды свидетельствуют об ослаблении малых экономик и валютных рынков развивающихся стран.

Модно также настаивать на том, что для стран требуются открытые и мягкие условия бизнеса для того, чтобы привлекать и аккумулировать инвестиции. Это «закодированное» стратегическое послание, призывающее к отказу от регулирования счета капитала. Такая стратегия ошибочна, так как регулирование счета капитала вовсе не подразумевает заключение в клетку внешних инвесторов или местных богачей с инвестиционными связями за границей. Регулирование должно поддерживать внутренний финансовый сектор, оно подпитывает долговременный инвестиционный климат путем обуздания деструктивного натиска на национальные биржи и сдерживания процентных ставок, которые зависят от перепадов настроения в международном частном секторе и от ключевых стратегических игроков в развитых странах.

В течение двух ближайших лет эти портфели изменят направление и активы вернутся в Соединенные Штаты и некоторые относительно безопасные экономики Европы (Еврозона все еще остается непривлекательным местом в этом смысле). Репетиция обратного движения капитала состоялась в апреле-мае 2013 года, когда Федеральная резервная система заявила о намерении завершить свою программу количественного смягчения. Обменные курсы валют в большинстве развивающихся стран (включая Индию, Южную Африку и Бразилию) быстро упали, потеряв до 10 % стоимости всего за неделю. Между тем единственное, что сделала Федеральная резервная система, — заявление, что она продолжит печатание денег для скупки долговых обязательств, но по мягко снижающейся процентной ставке, чем она и занималась после этого более 12 месяцев. Это пример смены настроения в частном секторе, который иллюстрирует, почему частные инвестиционные портфели в их нынешнем нерегулируемом виде непригодны для финансирования инфраструктурных и других инвестиционных проектов.

Глобальная система, способствующая финансированию развития

Процесс FfD последовательно касается (1) масштаба и направления финансирования с целью развития и (2) институциональной среды как двух сторон одной монеты. Более того, столь же тесно связаны внутренняя и международная среда. Развивающиеся страны, например, способны мобилизовать внутреннее финансирование за счет национальных сбережений и налогов ради развития, но такая попытка может оказаться за-

губленной из-за утечки капитала и уклонения от уплаты налогов, если международное сотрудничество недостаточно развито для того, чтобы отслеживать и сокращать эти нелегальные потоки.

Вот почему важно добиться отчетливого прогресса и привлечь средства для мониторинга и обеспечения подотчетности при построении глобальной системы, способствующей финансированию развития. В соответствии с шестью монтеррейскими основными направлениями деятельности здесь имеются некоторые ключевые сферы, где должен быть достигнут институциональный прогресс.

Мобилизация внутренних финансовых ресурсов для развития

С 2002 по 2011 год внутреннее государственное финансирование в развивающихся странах возросло более чем вдвое — с 838 млрд долларов США до 1,86 трлн. Этот положительный момент в процессе FfD следует подкрепить международным сотрудничеством. Вот некоторые действия, которые необходимо предпринять.

1. Совершенствовать международное сотрудничество в сфере налогообложения и предпринимать многосторонние усилия, направленные против бегства капитала. Институциональная инновация, включающая усиление этой деятельности и выдвигание на первый план ее межправительственного характера (вместо того чтобы полагаться исключительно на ОЭСР), может оказаться эффективной, и только благодаря всеобщности, объективности и прозрачности. ОЭСР, находящаяся под давлением стран с крупными транснациональными корпорациями и финансовыми компаниями, испытывает трудности в стремлении к более простым и практически целям отчетности/регулирования финансовых потоков и обращении с трансфертным ценообразованием.

2. Перезаключить договоры по секторам природных ресурсов с целью повышения платы за право на разработку и доходы. Увеличить прогрессивность внутренних систем налогообложения. Выборочно повышать тарифные ставки, согласующиеся с прогрессивностью и повышением доверия к внутреннему спросу.

3. Дальнейшее развитие внутренних финансовых систем в развивающихся странах с целью мобилизации более крупного долгосрочного финансирования. Здесь требуется не только улучшение внутреннего финансового регулирования и надзора и контроль за счетом капитала. Понадобится внешняя поддержка, чтобы сделать эффективными средства управления капиталом в развивающихся странах. Достичь этого будет невозможно без совершенствования финансового регулирования и надзора в развитых странах и финансовых центрах, если даже ограничиться информированием развивающихся стран по поводу активов и платежных обязательств их граждан, проживающих за границей, и зарубежных инвесторов.

4. Дальнейшее развитие внутренних финансовых систем в развивающихся странах потребует также совершенствования работы стратегических финансовых посредников, таких как банки развития, и создания внутренней базы инвесторов. Появление новых источников международного финансирования, таких как Но-

вый банк развития в рамках стран БРИК и, возможно, Зеленый климатический фонд, потребует создания и укрепления внутренних финансовых институтов, которые способны программировать долгосрочное финансирование.

5. Способствовать продуктивному взаимодействию всех стран в сфере государственно-частного партнерства путем усиления возможностей государственного сектора в деле планирования и заключения договоров, которые минимизируют асимметричность информации и позволяют справедливо распределять риски.

Мобилизация международных ресурсов для развития: прямые иностранные инвестиции и частные потоки

Частные инвестиции в развивающиеся страны зависят от стимулов портфелей ценных бумаг. Эффективное регулирование частных портфельных инвестиций, в настоящее время составляющих основную долю финансовых потоков и значительную долю национальных финансовых секторов, должно стать приоритетным. Преобладание такого типа потоков, которые способны повернуться в обратном направлении в угоду вкусам толпы, поощряет политику «разорения соседа», стимулируя кратковременные инвестиции посредством дерегулирования и пагубной налоговой конкуренции. С учетом прежних ошибок существенный прогресс может быть достигнут при соблюдении следующих условий.

1. Эффективное регулирование движения капитала и портфельных инвестиций для того, чтобы воспрепятствовать кратковременным позициям и поддержать более крупные вложения от долгосрочных институциональных инвесторов.

2. Усиленное и эффективное регулирование зарубежных банковских операций во внутренних финансовых секторах, включая требование к иностранным банкам стать субъектами национального контроля за капиталом и проведение операций через внутренние дочерние компании, а не через филиалы.

3. Регистрация всех иностранных инвестиций и защита исключительно зарегистрированных инвестиций программой национальной защиты инвесторов. Все иностранные инвесторы должны признавать права государства при осуществлении политики для целей государственных нужд. Необходимо поддерживать усилия развивающихся стран по заключению таких договоров об инвестициях, которые обеспечат защиту инвестора в обмен на его обязательства.

4. С учетом все возрастающей доступности информации приступить к перестройке в сфере отчетности и мониторинга иностранных инвестиционных операций и потоков капитала. На международном уровне обеспечивать и развивать систему идентификации предприятия и выгодоприобретателей — собственников зарубежных активов.

Международная торговля как двигатель развития

Торговля главным образом осуществляется в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) и рас-

пространяющихся соглашений о свободной торговле (ССТ). Недавно были заключены соглашения с США в центре Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантического партнерства по торговле и инвестициям. В целом менее чем многосторонние соглашения включают более строгие ограничения для национальной политики. Для содействия развитию важно усилить эффективность многостороннего режима торговли. Как объяснялось выше, увеличение финансирования не поднимет норму инвестиций в основной капитал, если политическое пространство для такого инвестирования чрезмерно сдерживается международными обязательствами — как из-за самих правил, так и вследствие сокращения ожидаемых частных прибылей на инвестированный капитал. Многие из этих ограничений присутствуют в торговле.

1. Итог финансирования развития (FfD) должен повторять процесс обозрения многосторонних, двусторонних и прочих соглашений, чтобы уберечь развивающиеся страны от повышения норм своих долговременных инвестиций. Такие процессы могли бы развернуться на стадии экспертного изучения, а сообщения и дискуссии по ним — на периодических встречах по FfD.

2. Новая информация и вспышка интереса к «глобальным цепям создания стоимости» (ГЦСС) дает хороший шанс международной дискуссии, основанной на выученных уроках о том, как использовать для развития деятельность международных корпораций. Процесс FfD должен содействовать дискуссиям о давлении на ГЦСС в целях развития и о том, как можно изменить внутреннюю политику и глобальные правила, чтобы смягчить их неблагоприятное воздействие и максимизировать благоприятный импульс. Большинство развивающихся стран оказались не способны овладеть существенной долей стоимости, добавленной из этих цепей, многие из которых захватили монопольные позиции на глобальных рынках.

3. Как призывает проект ЦУР, надо добиться прогресса в реформировании субсидирования сельского хозяйства. Сегодня режим субсидирования подрывает благосостояние и продовольственную безопасность многих развивающихся стран.

4. По прошествии 20 лет мы имеем достаточное количество данных, чтобы оценить действенность режима защиты прав на интеллектуальную собственность (IPR), навязанного посредством торговых санкций в ВТО. В академических кругах уже начинают исследовать воздействие этого режима. Процесс FfD должен поддерживать такие исследования и обсуждать, каким образом их результаты могли бы помочь в выработке предложений по переоформлению режима IPR и смягчению его неплодотворных воздействий, связанных с развитием и правами человека. Подобная реконфигурация также важна, поскольку поддержание темпов роста в развивающихся странах на фоне сокращения эмиссии нуждается в применении новых технологий в тех странах, где наиболее высок потенциал смягчения и адаптации.

5. Усилить возможности государства в формировании и внедрении требований к рабочим характеристикам иностранных инвесторов, таких как примене-

ние местных комплектующих и материалов, внутренний наем. Эти инструменты помогут гарантировать, что принимающие страны сумеют получить выгоду от иностранных инвестиций. Инициировать пересмотр положений ВТО и ССТ, которые чрезмерно ограничивают пространство регулирования иностранных инвестиций.

6. Недавний успешный опыт развивающихся стран (таких как Индонезия и Кения) в применении таможенных пошлин для мобилизации инвестиций во внутренние процессы и привлечения новых налоговых поступлений вызвал интерес к экспортным пошлинам. Будущие ССТ не должны предусматривать ограничения такой политики. Международным организациям по развитию следует помогать развивающимся странам изучать и развивать подобную политику.

Усиление международного финансового и технического сотрудничества в целях развития

«Монтеррейский консенсус» призывает к «эффективному партнерству между донорами и получателями... основанному на учете факта национального руководства разработкой планов развития» (ООН 2003, § 40). Это стало основой для повестки эффективной помощи, выработанной в Париже в 2005 году, результатом которой стали предложения о соблюдении правил для доноров и политическая поддержка. Эта повестка привела к провалу попыток преодолеть политику обусловленности в 2008 году, поддержать уровни ОПР и вовлечь в процесс новые страны. Возрождение этих усилий потребует возврата к основным принципам, связанным с национальным руководством разработкой планов развития и передачи всего комплекса проблем вновь в ведение ООН.

1. Отказаться в ОПР от политики обусловленности. Для целей ОПР потребуются пересмотр процессов выделения грантов и мер безопасности.

2. Страны-доноры должны придерживаться календарного плана, чтобы достичь 0,7 % от ВНД для ОПР.

3. Процесс FfD должен включать рассмотрение предложений от донорского сообщества относительно переопределения значения и измерения помощи развитию, содействовать межправительственным исследованиям и дискуссиям, чтобы углубить взаимное ознакомление и координацию в репрограммировании и использовании помощи развитию для смягчения рисков частного сектора при инвестировании в развивающиеся страны.

4. Страны — члены ООН должны придерживаться линии на восстановление основного финансирования агентств ООН по вопросам развития. Эти ресурсы важны для поддержки перспективных исследований стратегий развития и их воздействия.

5. Практика FfD включения в дискуссии МВФ, Всемирного банка и Всемирной торговой организации должна быть расширена. Развивающиеся страны испытывали величайшие потрясения в ходе долгового кризиса, включая программы экономических реформ (под покровительством МВФ и Всемирного банка в координации со странами-донорами), созданные в ответ на этот кризис. С учетом перспективы падения спроса на предметы потребления и сложностей

с платежным балансом процесс FfD должен стать более эффективным в привлечении ключевых международных агентств.

Внешний долг

Глобальное усилие многосторонних правовых рамок для суверенитета инициировано в ходе Генеральной Ассамблеи и основано на резолюции A/68/L.57/Rev1 от 9 сентября 2014 года. Элементы основанного на правилах, всеобъемлющего и беспристрастного процесса урегулирования долга хорошо известны. Межправительственное соглашение должно распространяться на эти элементы. Перед FfD следует поставить задачу активизировать этот процесс и поддерживать как формальный, так и неформальный его мониторинг. Можно выделить следующие ключевые элементы урегулирования долга.

1. В целях международного урегулирования долга надлежит: (1) избегать кризисов ликвидности, спирально раскручивающихся на фоне кризисов платежеспособности и (2) в ситуации банкротства гарантировать, что результаты восстановят основание для будущего роста и доступа к кредитным ресурсам.

2. Процесс должен быть всеобъемлющим и включать как частный, так и государственный долг и все виды внешней задолженности. В процесс финансового оздоровления при перепрофилировании или реструктуризации любого долга должны быть включены все стороны.

3. Процесс должен сочетать рыночные (договорные) и законодательные меры. Рыночные методы могут оказаться наиболее эффективными в обычных условиях и на ранних стадиях долговых проблем. Рыночные особенности в качестве условий для коллективного действия нуждаются в реконфигурации, чтобы содействовать перепрофилированию долга и договорному урегулированию приостановок в обслуживании. Оценки приемлемых уровней задолженности должны быть более своевременными и вызывать большее доверие у всех заинтересованных сторон. Может возникнуть необходимость проводить такую оценку вне институтов кредитора (сейчас оно проводится во Всемирном банке, институте кредитора).

4. Недавние дебаты по фондам-стервятникам показывают, что у рыночных методов есть пределы. Законодательные инструменты нужны для того, чтобы избежать беспорядочного спиралевидного сползания в банкротство и оградить частных игроков от вмешательства с целью подрыва свободных рыночных процессов. Нормативное установление приоритетов потребует изменений во внутреннем законодательстве тех юрисдикций, где имеет место задолженность. Недавний пример — реформа в законодательстве Великобритании в ответ на внезапную вспышку активности фондов-стервятников против беднейших стран с большой задолженностью (НРС), когда стороны — частные лица — устроили «рейд» по новым ресурсам частного сектора, созданным в результате списания долговых требований международных финансовых институтов.

5. Практическая целесообразность законодательных методов потребует легализации и материальной

поддержки при приостановке выплат от должников. Эти инструменты включают валютный контроль, кредитование МВФ по задолженностям и установление очередности погашения задолженности по кредиту после декларации о приостановке. Новые ресурсы следует задействовать после приостановки, чтобы защитить прирост и финансово необходимый импорт, но не для обслуживания исков по выплате долга, выдвинутых до приостановки.

6. Практическая целесообразность законодательных методов потребует также исключения существующей зависимости процессов реструктуризации от доминирующих форумов кредиторов и доноров, таких как Парижский клуб. Конфликт интересов, нарушение базового принципа добросовестного управления — это характерные черты форумов по реструктуризации долгов, где доминируют кредиторы. Для процесса, предписанного законом, потребуются, чтобы независимое юридическое лицо определяло, является ли приостановка оправданной. Это независимое юридическое лицо не должно быть постоянно действующим институтом, хотя может и быть таковым.

Адресация системных проблем: усиление согласованности и связанности международных монетарных, финансовых и торговых систем в поддержке развития

То, что развивающиеся страны в целом являются чистыми инвесторами в развитые страны, есть отражение глубоких потайных путей в глобальной финансовой системе. Другой индикатор — продолжающийся финансовый кризис, который зародился в развитых странах и ныне угрожает погрузить развивающиеся страны в кризисы платежного баланса. Процесс FfD должен отслеживать прогресс системных реформ, которые происходят благодаря «Монтеррейскому консенсусу».

1. Использовать прогресс в целях международного сотрудничества, чтобы усилить финансовое регулирование и надзор за системно значимыми финансовыми компаниями. В 2009 году Генеральный секретарь ООН призвал к «реформам... видоизменяющим регулятивные системы, чтобы идентифицировать и учитывать макропруденциальные риски, расширяющим периметр регулирования и надзора за всеми системно значимыми финансовыми институтами, инструментами и рынками, смягчающими процикличность в пруденциальном регулировании, усиливающим управление капиталами и рисками, переориентирующим принципы управленческого вознаграждения, чтобы минимизировать необдуманные рискованные действия, и улучшающим стандарты оценки и подготовленности к работе. В финансово интегрированном мире с конкурирующими национальными финансовыми центрами, где финансовые компании могут сосредоточивать особые виды деятельности, чтобы использовать регулятивное преимущество, эти реформы станут полезны только в случае координации на международном уровне». (ООН 2009, § 53).

Развитые страны, особенно те, в которых размещаются финансовые центры, должны возглавить переупо-

рядочение финансов. В ходе процесса FfD стоит поразмышлять над тем, достаточен ли объем регулятивной реформы и не возродит ли возврат к первоначальным регулятивным реформам (в результате лоббирования со стороны крупных финансовых компаний) слабые звенья при финансировании развития.

2. Поддерживать развивающиеся страны в их усилиях по управлению своими счетами движения капитала и по улучшению регулирования и надзора за их внутренними финансовыми секторами.

3. Инициировать процесс разработки и подписания международных документов со странами, выпускающими резервные валюты. Содействовать попыткам постепенного сокращения зависимости глобальной платежной системы от американского доллара. МВФ может выпускать новые СДР (Special Drawing Rights — специальные права заимствования) ежегодно в количестве, соответствующем росту мирового торгового оборота. Новые СДР можно распределять в тех странах, которые более всего нуждаются в укреплении своих резервов. Распределение особых временных СДР также можно организовать на случай глобальных спадов.

В 2009 году Генеральный секретарь ООН признал (ООН 2009, § 55): «Продолжающийся в настоящее время финансовый кризис вызвал среди мировых лидеров дискуссию о неполноценности существующей международной валютной системы, где национальная валюта, доллар США, служит доминирующим источником международных иностранных валютных резервов... реформирование глобальной резервной системы таким образом, чтобы обеспечить основание для увеличения объемов торговли и финансирования в целях развития, потребует дополнительных мер по упорядочиванию эмиссии доллара и/или целенаправленной эволюции в сторону по-настоящему глобальной валютной резервной системы. Технически возможно сочетать и то и другое, особенно если учесть политические проблемы, которые надо преодолеть для обеспечения прогресса в этом насущном вопросе».

4. Завершить реформу управления МВФ. В качестве приложения к обязательству FfD-сторон по поводу «добросовестного управления на всех уровнях» (ООН 2003, § 4) инициировать оценивание и международные дискуссии, а также ускорить управленческие реформы в основных международных сообществах, таких как МЦУИС (*Международный центр урегулирования инвестиционных споров*), и в авторитетных частных организациях, устанавливающих стандарты, таких как IOSCO (*Международная организация комиссий по ценным бумагам*) и FASB (*Совет по стандартам финансового учета*), но ограниченных ответственностью перед государством в отношении установления налоговых обязательств международных корпораций, регулирования финансов и государственного сектора в политическом пространстве.

Новая суверенизация для очеловечивания второй волны глобализации

Мир переживает второй период глобализации. Первый период закончился в 1914 году и привел к двум ми-

ровым войнам, разрушениям, дезорганизации и миллионом смертей. Первая версия глобализации оказалась неустойчивой и сама себя погубила.

Правила и механизмы первой версии глобализации посеяли семена саморазрушения. Хотя глобальная экономика была весьма продуктивной и создала огромные состояния, она основывалась на подавлении народов посредством колониализма, безответственном уничтожении природных ресурсов и политическом превалировании немногочисленных конкурирующих элит. Согласно правилам первой глобализации, национальные государства конкурировали друг с другом в плане контроля над территорией, торговлей и вооружениями.

После Второй мировой войны глобальное сообщество дало обет извлечь уроки из этих катастроф. Чтобы предотвратить их повторение, человечество создало такие институты, как, например, Организация Объединенных Наций. Национальные властные органы обязаны были отвечать за уважение, защиту и исполнение индивидуальных прав человека. Соразмерно этой ответственности национальные властные органы были наделены полным суверенитетом в отношении своих ресурсов и надзора за своими частными секторами.

Давление глобализации принуждает к отходу от этих правил и к ослаблению полномочий и ответственности национальных лидеров. Конкурируя за инвестиции, главным образом иностранные, государства снижают свои налоги и требования к частному сектору и пресекают требования более высоких доходов и жизненных стандартов со стороны своего населения.

Тенденции такого рода существуют для европейского экономического пространства. Европейские страны ощущают интенсивное конкурентное давление и приносят в жертву программы социальной защиты, нарушают общественный договор государства с гражданами.

Когда в 2007–2008 годах разразился долговой кризис, политический выбор склонился в сторону спасения частных кредиторов. Государствам пришлось не только финансировать государственные нужды, но и заниматься обеспечением занятости, особенно среди начинающих карьеру, поддерживкой важнейших систем жизнеобеспечения и инфраструктуры.

Как утверждают некоторые экономисты, например Дани Родрик, имеется некая трилемма. При глобализации ни в какой стране невозможны три вещи одновременно — демократическая политика, национальный суверенитет и глубокая глобальная интеграция. Страны вынуждены поступаться одним из этих направлений, чтобы достичь большего в двух других.

Система, созданная после Второй мировой войны и с учетом уроков XX столетия, ограничила глобальную интеграцию, чтобы сделать возможным национальный суверенитет и демократическую политику. К сожалению, глобальные правила, ориентированные в основном на конкуренцию за частные инвестиции, заставляют страны соперничать друг с другом и принуждают их оставлять в стороне демократическую политику или национальный суверенитет.

Выбор Европы состоит в том, чтобы ограничивать глобальную интеграцию, но развивать демократическую политику. В противном случае глобальная интеграция может активизировать экстремистские политические движения, которые в конечном счете разрушат демократическую политику, как это однажды уже случилось в XX веке.

Важно осознать, что глобальная экономическая система, если даже она формально нацелена на демократическую политику, в действительности вовсе не собирается продвигать и защищать демократию. Глобальная экономическая система защищает самых крупных частных игроков, главным образом в финансовом секторе.

Глобальная система крайне нестабильна, но это выгодно для экономически доминирующих стран. Нестабильности не хочет никто, кроме тех стран, которые в этих условиях контролируют огромные финансовые ресурсы.

В зоне риска — благоприятная международная обстановка, когда менее могущественные страны (а не только две-три доминирующие) способны продолжать развиваться и выполнять свои обязательства перед гражданами в деле защиты прав человека. Чтобы подчеркнуть неустойчивость международной системы, употребляется термин «системные проблемы», подразумевающий, что в международной системе имеются серьезные трещины, которые могут стать препятствиями на пути развития.

Проблемы в основном делятся на два типа. Во-первых, нужна уверенность в том, что международная система не наносит вред и поощряет, несмотря ни на что, ориентированную на человека политику. Во-вторых, необходимо эффективное управление на международном уровне, затруднительное из-за дисбаланса во власти и влиянии.

В международной системе много вредных черт.

Развивающиеся страны в целом являются чистыми инвесторами в развитые страны уже почти 20 лет. Их центральные банки боятся от нестабильных частных финансов, которые опустошили азиатские экономики в конце 1990-х годов. Подразумевалось, что система МВФ будет аккумулировать ресурсы, чтобы отдельные страны могли удовлетворять свои финансовые потребности. Но (1) страны не уверены в том, что МВФ не усугубит проблему, когда она возникнет, и (2) даже ресурсы МВФ в настоящее время слишком малы для данной цели в условиях свободного движения частного капитала.

Частный капитал имеется в достатке, но, как гласит межправительственный отчет экспертов по финансированию устойчивого развития, деньги направляются не туда, куда следует. Они недоступны для долгосрочных инвестиций, необходимых для социального и экономического развития. Частные средства вкладываются главным образом в ценные бумаги, и эти вложения зависят даже от незначительных изменений процентных ставок.

Регулирование потоков капитала на международном уровне посредством согласования и объединения

норм разных стран становится, таким образом, существенным элементом международного сотрудничества. Для регулирования потоков частного капитала необходима общая ответственность, поскольку какая-либо нерегулируемая юрисдикция может привлечь частные инвестиции и вызвать проблемы для других, но ответственность должна дифференцироваться, так как наличие серьезное разнообразие в размере и сложности финансовых рынков.

В системном вопросе глобального управления наиболее известна проблема дисбаланса при голосовании в МВФ, которое не отражает изменений глобальной экономической структуры.

Еще более важен дисбаланс в системе из-за различия между экономическим весом и возможностями. В итоге некоторые страны утрачивают политическое пространство, тогда как могущественные государства обладают всеми инструментами для самозащиты и выбора тех стран, которым надо помогать экономически. США, Европа и другие развитые страны обладают огромными возможностями. Они могут быстро найти 17 млрд долларов США для финансирования Украины, даже не будучи уверенными, что эта страна способна реформировать свою экономику.

Дальнейший дисбаланс и нестабильность не приведут к предсказуемому режиму, но позволят развитым странам сохранять контроль и свободу действий. Во время кризиса 2007–2008 годов Федеральный резервный банк США обеспечил обмен долговыми обязательствами (без условий для экономической реформы, которую требовали программы МВФ) для 14 центральных банков. Это дает США власть решать, кого спасать. Среди получивших срочную помощь был Бразильский центральный банк, но случилось это до того, как разразился скандал по поводу электронного шпионажа. Никто не желает нестабильности и непредсказуемости, но контроль и свобода действий остаются за сильнейшими экономиками.

Эти нарушения баланса обеспечивают политическое пространство для экономически могущественных стран, чтобы они могли поводить независимую национальную политику, даже если это окажет вредное воздействие на более слабые страны. Такая безнаказанность не мотивирует влиятельные страны к тому, чтобы проводить более последовательную политику с хорошими долговременными результатами на международном уровне. Эти препятствия на пути ориентированной на человека экономической политики вдобавок могут привести к коллапсу глобализации в том виде, в котором она происходит в настоящее время.

Очеловечивание процесса глобализации потребует возрождения национальных возможностей и перестраивающих решений, бережливых для международных органов власти и рынков, с целью возврата к национальному контролю. В противном случае, как и в первую волну глобализации, преобладавшую человечеству множество уроков, мир вернется к изоляционизму, возведению барьеров между регионами и расчету исключительно на грубую силу и войну как средства урегулирования конфликтов.

Литература

Ahmad, Etishad (2014) "Public Finance Underpinnings for Infrastructure Financing in Developing Countries." London School of Economics and Political Science. February 2014.

Development Committee (2006) "Fiscal Policy for Growth and Development." Washington DC : Joint Ministerial Committee of the Boards of Governors of the Bank and the Fund On the Transfer of Real Resources to Developing Countries. DC2006-0003. April 6, 2006. Available at: <http://siteresources.worldbank.org/DEVCOMMINT/Documentation/20890698/DC2006-0003%28E%29-FiscalPolicy.pdf> (accessed: 28 November 2014).

OECD (2014) "Aid to developing countries rebounds in 2013 to reach an all time high." Available at: <http://www.oecd.org/newsroom/aidtodevelopingcountriesreboundsin2013toreachanalltimehigh.htm> (accessed: 19 January 2015).

UNFCCC (2011) Report of the Conference of the Parties on its sixteenth session, held in Cancun from 29 November to 10 December 2010. FCCC/CP/2010/7/Add.1, English language version available at: <http://unfccc.int/resource/docs/2010/cop16/eng/07a01.pdf> (accessed: 28 November 2014).

United Nations (2003) The Monterrey Consensus. The final text of agreements and commitments adopted at the International Conference on Financing for Development, Monterrey, Mexico, 18–22 March 2002. Available at: <http://www.un.org/esa/ffd/monterrey/MonterreyConsensus.pdf> (accessed: 28 November 2014).

(2009) Follow-up to and implementation of the Monterrey Consensus and Doha Declaration on Financing for Development : Report of the Secretary-General. A/64/322. New York. 25 August 2009.

(2012a) The Future We Want. New York. United Nations General Assembly A/RES/66/288. 11 September 2012. English language version available at: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/66/288&Lang=E (accessed: 20 September 2012).

(2014a) Report of the Open Working Group of the General Assembly on Sustainable Development Goals. New York. United Nations General Assembly A/68/970. 12 August 2014. English language version available at: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=a/68/970&referer=/english/&Lang=E (accessed 28 November 2014).

(2014b) Report of the Report of the Intergovernmental Committee of Experts on Sustainable Development Financing. United Nations General Assembly A/69/315. 15 August 2014. English language version available at: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/69/315&Lang=E (accessed 20 September 2014).

(2014c) Synthesis report of the Secretary-General on the post-2015 sustainable development agenda. New York. United Nations General Assembly, A/69/700. 4 December 2104.

(2015) World Economic Situation and Prospects. New York. United Nations publication Sales No. E.14.II.C.2.

Мигель А. Моратинос¹

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ. СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОТИВ ВЫЗОВА. ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

По прошествии 25 лет с момента падения Берлинской стены в мире все еще преобладает невозможность прогнозирования и нерешительность, порожденные противоречивыми тенденциями и сложными преобразованиями. Если эпоха после холодной войны была ознаменована резким сокращением количества войн (по данным Центра системного мира, 2013), то сейчас гражданские войны, массовые убийства и повторяющиеся случаи жестокости, подогреваемые проповедями религиозного фанатизма, представляют собой значительную угрозу принципам и механизмам системы коллективной безопасности, созданной более полувека назад после Второй мировой войны. По мере того как ставится под сомнение уместность международных организаций, занимающихся поддержанием мира и безопасности, односторонние военные интервенции супердержав и провальные миротворческие операции также ослабляют многосторонний режим, отчаянно пытающийся самореформироваться. Аналогичным образом многие секторы международного сотрудничества пострадали от отсутствия многостороннего консенсуса.

¹ Дипломат, юрист и политик, министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004–2010). Награжден орденами Сербского флага I степени (Сербия), Креста земли Марии I-го класса (Эстония), королевским орденом Карла III (Испания), гранд-офицер ордена Трех звезд (Латвия), кавалер королевского ордена Изабеллы Католической, рыцарь ордена «За гражданские заслуги» и др. Почетный доктор университетов Гранады, Мальты, Бен-Гурион и Аль-Кудс (Израиль). Почетный доктор СПбГУП.

Что касается проблем глобального правления, то здесь есть два основных препятствия, с которыми столкнулись ключевые международные игроки, особенно после сентября 2001 года. Во-первых, должно ли международное сообщество вмешиваться, если какие-то страны не могут или не хотят защищать собственное население? Во-вторых, каким должен быть коллективный ответ на преступления транснациональных террористов?

В рамках первого пункта Организация Объединенных Наций (2005) инициировала принцип «обязанности защищать» (R2P) после отчета Международной комиссии по вопросам интервенции и государственного суверенитета (ICISS, 2001). Достаточно провокационным образом Комиссия ввела концепцию суверенитета в виде «обязанности». Отныне жизнестойкость государств должна оцениваться не по их намерению контролировать территорию или различные природные ресурсы, но в первую очередь по их способности и решимости защищать собственное население. Государство, у которого это не получается, теряет право на суверенитет, а в отдельных случаях, в частности при совершении массовых убийств, осуществляется международное вмешательство с целью защиты находящегося в опасности населения. В ряде стран, где происходили ожесточенные военные столкновения, был реализован принцип R2P с тем, чтобы легализовать военное вмешательство непосредственно под эгидой ООН или под эгидой третьей стороны: Кот-д'Ивуар

(Резолюция Совета Безопасности ООН № 1975, 2011), Ливия (РСБ ООН № 1970 и 1973, 2011), Центральноафриканская Республика (РСБ ООН № 2127, 2013).

После резолюций в отношении Ливии членов Совета Безопасности обвинили в том, что они просто использовали принцип R2P в качестве инструмента для смены режима, искажая само понятие и угрожая его легитимности. Неуверенность мирового сообщества и его неспособность вмешаться в войну в Сирии в 2011 году — это превосходная иллюстрация двусмысленности концепции R2P и неустраняемых препятствий при установлении функциональной системы коллективной безопасности. Если несколько стран в одностороннем порядке решат вмешаться в дела Сирии, помогая деньгами или оружием той или иной стороне, в надежде изменить ход войны, такой тип вмешательства не приведет к долговременному миру. Только скоординированное международное вмешательство посредством сотрудничества между государствами, неправительственными и международными организациями способно помочь гражданским обществам пережить военный конфликт и предусмотреть реконструкцию и стабилизацию. Поощрение какой-либо из сторон в войне влечет за собой многочисленные риски утраты международной легитимности.

Современное глобальное правление нуждается в установлении более четких границ для антикризисного управления и международного вмешательства. В этом плане стратегические интересы не всегда противостоят этическим ценностям. Напротив, стратегические интересы набирают силу и обеспечивают легитимность операций по установлению мира и безопасности. В конце концов, выстраивание коалиции для борьбы с глобальным гипертерроризмом, особенно с «Аль-Каидой» и ИГИЛ («Исламское государство», действующее в Ираке и Сирии), столкнется с теми же вопросами: как стабилизировать политические системы, реконструировать сообщества и поддержать безопасность при разумных затратах? Помимо многостороннего сотрудничества, как можно раньше должны быть привлечены международные организации, чтобы обеспечить эффективность и легитимность на более длительный срок.

В сфере мира и безопасности уже начиная с конца 1945 года по всему миру работают исследовательские и аналитические центры, обрабатывающие статистические данные по эволюции вооруженных конфликтов. Изучая данные, накопленные за многие годы Центром системного мира, можно увидеть, как резко сократилось количество войн между государствами за 70-летний период времени. Если возникают новые типы конфликтов, то есть внутригосударственные или общественные, включающие яростное противостояние по этническому признаку или широкомасштабное массовое насилие, то стоит обратить внимание на то, что общее количество жестоких политических конфликтов постепенно снижается после окончания холодной войны. Оказывается, войны по большей части концентрируются в определенных регионах, обладают специфическими и повторяющимися характерными особенностями и включают некоторое количество «частных

субъектов», которые вызывают к новым дипломатическим стратегиям (не только военным), дающим возможность находить общий язык с самыми разнообразными субъектами, государственными и частными.

Ознакомление с этой научной и экспертной информацией могло бы помочь дипломатам и руководителям справиться с усиливающейся сложностью и возрастающей неопределенностью. Современные конфликты по сути отражают хрупкость государств и сообществ. В своем стремлении укрепить глобальную стабильность дипломаты должны знать, как обращаться с хрупкими государствами, сообществами в переходный период, как справляться с постконфликтными последствиями и гражданскими волнениями.

В отчете «Обязанность защищать» (R2P), выпущенном в 2001 году Международной комиссией по вопросам интервенции и государственного суверенитета (ICISS), основное внимание было уделено предотвращению конфликтов как приоритету для будущих дипломатических стратегий. Под председательством Гарета Эванса и Мохамеда Сахнуна ICISS предложила радикально изменить понятие государственного суверенитета. Отвечая на вопрос Генерального секретаря ООН Кофи Аннана о том, как следует поступать международному сообществу, когда происходит или назревает грубое нарушение прав человека, авторы отчета отмечали, что суверенитет влечет за собой не только права, но и обязанности, в частности обязанность государства защищать свой народ от серьезных нарушений прав человека. Теперь уже речь шла не о праве на вторжение или вмешательство во внутренние политические дела других стран, а об «обязанности защищать» граждан и отдельных лиц во всем мире от массовой жестокости и вымогательства. Более того, отчет ICISS декларировал, что если государство «не может или не хочет» защищать свой народ, то эта обязанность должна быть делегирована международному сообществу.

Стратегия обязанности защищать выстроена на трех основных элементах: обязанности предотвращать, обязанности реагировать и обязанности реконструировать. По сути, принцип R2P расширил защиту отдельных лиц от доконфликтного периода (предотвращение) до постконфликтных попыток реконструкции и примирения. Всесторонний подход к управлению и урегулированию конфликтов доказал центральную роль превентивной дипломатии.

На мой взгляд, это и есть ключевой аспект. Сегодня особенно важной становится роль дипломатии в отношении конфликтов и на дипломатов возлагается особая задача усиления превентивных действий и решения проблем путем постоянных переговоров. В условиях нарастающей нестабильности XXI века существенным вкладом дипломатии должно стать в первую очередь поддержание переговоров открытым путем. Сохранение пространства для договорных стратегий по каждому сектору международного сотрудничества окажется исключительно благотворным для глобальных игроков и в то же время укрепит статус дипломата, наделив его действия еще большей легитимностью. В эпоху все возрастающей неопределенности дипломаты должны создавать стимулы для перегово-

ров. Креативность и новаторство требуются для того, чтобы усадить за стол переговоров совершенно разных политических игроков. Такие стратегии подразумевают способность адаптации к быстро меняющимся обстоятельствам и готовность к кризисам, сотрясающим политические институты и гражданские сообщества по всему миру.

Итак, несмотря на то что кризисы пошли на убыль и способность к контролю над ними усилилась, масштабные кризисы все еще продолжаются. Таким образом, роль дипломатии становится более решающей, чем когда бы то ни было, и сводится к удержанию кризисов под контролем, к тому, чтобы побудить глобальных игроков найти решение и озвучить его. В глобализованном мире, где современные информационные технологии позволяют главам государств и правительствам взаимодействовать непосредственно, где все министерства — от министерства финансов до министерства по проблемам окружающей среды — имеют собственных специалистов по ведению переговоров и где регионы и города вовлечены в дипломатическую деятельность, традиционные дипломаты, видимо, рискуют оказаться невостребованными. Но во всех случаях роль дипломатии существенна.

Позвольте сослаться на два масштабных кризиса, имеющих место в наши дни. Эти кризисы заслуживают особого внимания, а ключевые политические игроки должны предпринять все усилия для их нейтрализации. Я имею в виду кризис на Ближнем Востоке в самом широком смысле этого слова, а также украинский кризис.

Начнем с ближневосточного кризиса. На сегодня имеются четыре сценария кризиса: проблема Палестины, война в Сирии, дестабилизация Ирака и переговоры с Ираном. Думаю, все могут согласиться с тем, что Ближний Восток пребывает в конфронтации с новой парадигмой. Со времени Версальского договора 1919 года, когда было подписано соглашение Сайкса-Пико, мы никогда не наблюдали более сильных волнений в этом регионе. Мы погружаемся в конвульсивный и фрагментированный сценарий в ходе общего процесса появления новых игроков и новой повестки дня. Таков общий каркас всей ситуации, которая отражает четыре упомянутые выше проблемы.

Что касается израильско-палестинского конфликта, здесь мы сталкиваемся с процессом стагнации. Метод двухгосударственного решения имеет последнюю возможность воплотиться в реальность. Выборы в Израиле, разногласия на палестинском политическом фронте и крайне слабая вовлеченность международного сообщества приводят нас к негативным и пессимистическим оценкам. Тем не менее основные игроки, такие как США, Евросоюз, Россия, и некоторые арабские страны должны отреагировать на этот переломный момент. Возможно, настало время для новой политической инициативы, которая должна постараться внедрить то, что я называю «методом двойной колеи». То есть Палестина должна быть признана западным миром, а Израиль — арабскими и мусульманскими странами. Это станет до некоторой степени осуществлением арабской мирной инициативы. Если мы,

международное сообщество, проявим политическое мужество, чтобы продвигаться в данном направлении, то сможем в конечном счете установить первый уровень стабильности на Ближнем Востоке.

Что касается сирийского кризиса, самое время положить конец войне и жестокому насилию. Более чем когда-либо здесь нам нужна дипломатия. Мы должны призывать к урегулированию путем переговоров, поскольку стали свидетелями того, что не существует военного решения сирийского кризиса. Если так, почему бы нам не призвать к Женеве-3, с новым кругом полномочий и новыми участниками, включая Иран? Госсекретарь США Джон Керри заявил, что в конечном счете мы должны договориться с президентом Башаром аль-Асадом. Давайте сделаем это, чтобы найти компромисс, защитить тысячи жизней и избавить сирийский народ от бесконечных страданий. Если мы преуспеем в этом, то получим дополнительные шансы на успешную борьбу с радикальным «Исламским государством» и выйдем на второй уровень стабильности в этом регионе.

Экспансия и радикализация так называемого ИГИЛ связана с двумя предыдущими проблемами, хотя оно было создано после вторжения в Ирак. Сегодняшний вызов гораздо более серьезен, чем просто внутренняя борьба в границах Ирака. Это не просто проблема борьбы с терроризмом. Это одна из главных угроз на международной повестке дня, и реагировать на нее надо соответственно, прибегая к политическому и дипломатическому механизму. Это не значит, что мы не должны использовать военную силу для сдерживания этого движения, но важнее то, чтобы арабские страны вместе с Россией, Европейским Союзом и Турцией призывают к новой стратегии для нейтрализации этой все возрастающей угрозы.

Наконец, регион, сопротивляющийся новому соотношению сил, — Иран. Эта страна, которая в последние десятилетия была исключена из формальной региональной роли, могла бы быть признана в качестве нового регионального игрока. Переговоры по ядерному вооружению связаны с новой ответственностью этой страны за различные кризисы в регионе. Ее влияние в секторе Газа и связь с Хамасом содействовали бы объединенному правлению в Палестине. Ее тесные отношения с правительством Башара аль-Асада будут весьма важны для позитивного выхода из сирийского конфликта. Наконец, крайне необходимо привлечь Иран на нашу сторону, чтобы сражаться с ИГИЛ. Это необходимо, и мы должны это сделать, пока не поздно.

Эти четыре сложные проблемы лежат в основе кризиса, развернувшегося на Ближнем Востоке. И мы не должны прятаться, а должны действовать креативным и решительным образом. Время не работает на нас, но пока еще оно у нас есть. Давайте проявим мужество, будем смело действовать, чтобы контролировать этот кризис, прежде чем он выйдет за рамки и безграничный очаг жестокости и разрушения укоренится на долгое время в ключевом геостратегическом регионе мира.

Обратимся к кризису на Украине. Это очень болезненный конфликт в центре Европы, который углу-

бляет линию раздела между Россией и европейскими странами. Это очень плохо по многим причинам. Первое. Поскольку Россия является частью Европы, то ее отделение от остальных европейских стран повлечет тяжелые последствия во многих сферах деятельности — от культурных аспектов до экономики этой зоны. Второе. Кризис возрождает российский изоляционизм и топит мечту России выступать в качестве супердержавы, чтобы вновь обрести зону влияния. С моей точки зрения, это тоже плохо, так как Россия нуждается в своих ресурсах, чтобы продвигаться вперед в XXI столетии. Так много предстоит сделать в процессе модернизации страны — от дорог до автострад, от аэропортов до новых высокоскоростных поездов, от закрытия старых загрязняющих природу предприятий до открытия новых высокотехнологичных, — поэтому нельзя терять время и тратить силы впустую. Огромен список срочных и сложных задач, которые должны быть решены, чтобы обеспечить населению высокие жизненные стандарты, коих оно заслуживает. И поэтому, я считаю, не следует перенаправлять ресурсы, вливая их в вооруженные силы и оживляя нереалистичные модели.

Нынешняя ситуация печальна и плоха, поскольку Россия и Европа должны быть вместе и должны объединять силы, чтобы избежать упадка в новой глобальной эре с вновь возникающими державами. Этот конфликт задерживает наше взаимодействие. Мы, Россия и ЕС, должны вернуть ситуацию к исходному состоянию. В последние месяцы Евросоюз предпринял некоторые попытки, чтобы остановить эскалацию напряженности. Я знаю, что Брюссель отдает себе отчет в том, что кризис не может принести ничего хорошего никому из нас. Некоторые эксперты идут дальше: они полагают, что кризис должен заставить всех игроков переосмыслить будущее в новом свете. Сразу после урегулирования должна быть запущена новая схема в наших отношениях. Нам придется вместе подумать, как преобразовать такую динамику отрицательных воздействий в новое креативное восстановление дружеских отношений, которое принесет нам блистательный совместный проект. Этот проект должен стать, как некоторые говорят, «Большой Европой», а я определяю его как создание общего пространства для гармоничного развития наших сообществ.

Мы должны создать пространство с твердым намерением содействовать организации сообществ, предприятий, приумножению совместных инвестиций во всем мире. Вы можете сказать, что я лишь мечтаю, что все движется в совершенно ином направлении. Я отвечаю: если вы сохраните невозмутимость и всерьез задумаетесь над тем, что мы, ЕС и Россия, приобретаем и что теряем от этого конфликта, то поймете, что очень скоро мы окажемся в большом проигрыше, тогда как остальные — в крупном выигрыше. Поче-

му мы должны позволить другим воспользоваться нашей глупостью, когда мы вовсе не глупы? Из гордости? Из-за инертности? Из-за того, что никто не в состоянии быть достаточно скромным, чтобы поменять свои решения? Давайте реагировать! Мы — умные народы, цивилизованные нации, мы способны поставить рассудок выше страстей и таким образом превратить мрачную ситуацию в новый оптимистичный период истории. Давайте сделаем ставку на то, чтобы стать коллективно мудрыми и повернуть вспять нынешнюю ситуацию.

Как приняться за дело? Есть возможность назначить группу мудрых людей с огромным опытом в сфере международных отношений от четырех сторон — России, Украины, ЕС и Соединенных Штатов, — чтобы отыскать путь для установления твердого мира и бесповоротно разрядить напряженность. После этого один представитель от России и один от ЕС должны представить план общего будущего. Мы должны быть проницательными, верить в силу идей и положительных проектов. Даже более сложные мечты стали реальными.

Вспомните Мартина Лютера Кинга и ситуацию с расистскими сообществами в США в 1960-е годы и взгляните теперь на президента Обаму и НАТО и на то, как расистские сообщества живут в спокойной атмосфере в США. Вспомните кровопролитие, затопившее Европу в 1940-е годы, и посмотрите, как оказалось возможным восстановление дружественных связей между Францией и Германией и как у них получилось создать новое общее пространство — ЕС. Или вдумайтесь, каким образом Германия вновь стала единым государством, в то время как многие считали, что пройдет еще много времени, прежде чем их страна окажется объединенной. И поэтому я не вижу причин, почему мы не можем повернуть кризис в мирное русло, которое нас объединит.

Если мы достигнем этого, то будущее старой Европы станет еще более ярким и не лишенным надежды и здравого честолюбия. Молодые поколения станут обладателями великого политического проекта, а общество извлечет пользу из лучших перспектив, равно как и экономика станет сильнее, подкреплена новыми, более широкими возможностями.

Сейчас наступил момент, когда надо мыслить масштабно и разумно. Мы, жители старого континента, не должны считать, что будущее уходит в сторону Азии, а мы пребываем в фазе упадка. Мы вновь должны объединить усилия и сконцентрировать нашу энергию на реализации крупного проекта мира и процветания. Нашим приоритетом должны стать наши граждане, и мы должны добиться результата в соответствии с их ожиданиями. Ничто не потеряно, все можно использовать во благо, если мы умны и активны. Давайте начнем действовать!

Д. В. Мосяков¹**СТРАНЫ ВОСТОКА И КРИЗИС
СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Сегодня наиболее развитые страны Востока, участвующие в процессе глобализации, все активнее формулируют собственную повестку дня, выстраивают такую модель жизнеустройства, которая отвечала бы их национальным интересам. Такие страны, как Китай, Индия или Турция, все меньше оглядываются на западные рецепты национального строительства и международной политики и формируют новую реальность исходя из своих традиций, интересов и принципов. Этим они опровергают ключевые положения, сформулированные западными «отцами» современной модели глобализации, о том, что это процесс формирования в странах Востока открытой экономической модели, либерального политического режима, прозрачной культурной позиции. Глубокому сомнению подвергается и то, что распространение западных политических идей и институтов есть универсальное и однозначно положительное явление, а существующий вариант западной глобализации — единственно возможный и безальтернативный. Вариант, что страны Востока смогут в перспективе формулировать и продвигать свои правила глобальной интеграции и свое видение будущего мира на Западе, до последнего времени никогда серьезно не рассматривался.

В странах Востока к модели глобальной интеграции существует двойственное отношение: с одной стороны, возрастающая взаимозависимость наиболее развитых стран Востока и Запада дает участникам глобальных рынков из числа стран Востока огромные возможности в ускорении экономического роста и повышении уровня жизни в национальных сообществах. С другой — модель современной глобализации отражает господство интересов США и стран Запада, которые распространили по всему миру потоки финансового капитала, опутали его разнообразными транснациональными корпорациями (ТНК). Ответом на очевидную и сегодня подчиненность восточных обществ западному диктату и правилам является усиление антизападных тенденций в экономической и общественно-политической жизни в ряде стран Востока, подъем традиционализма, патриотизма и регионализма. Ситуация развивается не совсем так, как предсказывали западные аналитики и желали бы западные политики.

В такой ключевой сфере, как распространение норм либеральной демократии, в странах Востока никакого

заметного движения не отмечается. Более того, не либеральные, а авторитарные по своему устройству режимы с коммунистическими партиями во главе, как, например, в Китае или во Вьетнаме, показывают сегодня наибольшие темпы экономического роста. Их влияние в мире, особенно это касается КНР, растет настолько, что Пекин через некоторое время вполне сможет предложить мировому сообществу свой, а не американский глобализационный проект.

Высокие темпы экономического роста демонстрируют и страны Юго-Восточной Азии, где в той или иной форме господствуют авторитарные режимы — и в Сингапуре, и в Малайзии, и в Таиланде, и в Лаосе, и в Бирме. Причем Сингапур, Малайзия, Таиланд и даже Вьетнам (с единственной руководящей силой — Компартией страны) интегрируются в проект глобализации, практически не меняя политические и идеологические основы своего устройства. Если к этим странам добавить еще и Турцию, где установился авторитарный режим Т. Эрдогана, то вывод о том, что для участия в глобализационном проекте странам Востока необходимо формировать либеральную политическую систему, оказывается ошибочным. Страны Востока показывают, что на самом деле форма и характер правящего режима для интеграции в глобальные рынки особого значения не имеют. Значение имеет то, достаточно ли эффективна политика правящего режима и насколько благоприятные условия для притока и вывоза капитала он способен создать.

Еще одним примером особенности участия стран Востока в глобализации может служить ситуация с заимствованием и аккультурацией западных культурных стереотипов в восточных социумах. Турция, которая, несомненно, является одним из интегрированных членов глобальной семьи, сегодня все решительнее движется не по пути укрепления основ светского государства, а скорее возрождает исламизм как государственную идеологию, жестко выступает с критикой культурных стереотипов, приходящих с Запада. В этой стране авторитарный политический режим, ориентированный на сближение с Европой, превратился в режим, направленный на пантюркизм и культурную интеграцию в исламский мир. При этом архаизация системы образования и даже способа мышления, которые все больше возвращаются в религиозные рамки ислама, не мешает Турции показывать высокие темпы экономического роста и позволяет без серьезных проблем интегрироваться в глобальные рынки.

Усиление тенденций традиционализма и регионализма отчетливо просматривается в Индии, странах Юго-Восточной Азии, вполне интегрированных в глобальные рынки. В большинстве стран Востока западный стиль жизни распространяется и доминирует в довольно узких, преимущественно городских, социальных стратах, так или иначе задействованных в глобальной интеграции. Они могут быть влиятель-

¹ Руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой регионоведения Московского гуманитарного университета. Автор более 150 научных публикации, в т. ч. монографий: «Социально-политическое развитие Камбоджи в XX веке. Деревня и власть», «История Юго-Восточной Азии», «Юго-Восточная Азия: проблемы формирования цивилизационной общности», «История Камбоджи. XX век», «Политика Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем» и др. Организатор проекта «Мониторинг современной истории стран Юго-Восточной Азии», читает учебные курсы в Казанском государственном университете, Йельском университете (США), Университете Хосэй (Япония) и др. Член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня».

ны и активны, но численно на порядки уступают сегодня очень активным в восточных социумах традиционалистским силам. Во многих странах даже возникает определенное противоречие между настроениями наиболее успешной части городских слоев мегаполисов и подавляющего большинства сельского и городского населения, что угрожает стабильности глобализационного вектора их национального развития. Из всего этого следует, что принятие восточными социумами западного образа, стиля и атрибутов жизни не является значимой предпосылкой для участия в процессе глобализации. В этот проект успешно интегрируются восточные общества, ориентированные в целом на сохранение традиционных ценностей. Достаточно только того, чтобы в них существовала небольшая по численности, принявшая западные ценности социальная страта, которая и выступает посредником глобального рынка.

Как видим, в настоящее время в странах Востока глобализация не является таким всеохватывающим и сложным процессом, каким была в свое время модернизация. В рамках длительного и противоречивого процесса модернизации происходили глубокие перемены во всех сферах жизни общества — в способе мышления, образовании, стандартах жизни, политических и культурных идеях, системе политической и экономической власти. Причем процесс перемен затрагивал и широкие слои населения, и правящие, и интеллектуальные, и бизнес-элиты. В глобализации такого размаха перемен и близко нет. Перемены в странах Востока носят социально узкий и, можно сказать, прикладной характер. Во многих из них сегодня можно видеть такую картину: стоят суперсовременные предприятия, связанные с глобальным рынком, а рядом крестьянин мотыгой обрабатывает веками принадлежавший ему земельный участок. Подобная ситуация ведет к несбалансированности национального развития, подрывает интерес к глобализации.

Правящие элиты большинства стран Востока уже не скрывают своего недовольства существующей моделью глобализации и готовности участвовать в ней только до тех пор, пока это будет выгодно их государствам. Любой кризис или снижение позитива от глобальной взаимозависимости может легко разрушить ориентированный на интересы США экономический механизм. Альтернативой ему многие рассматривают стремительно растущий и в Юго-Восточной Азии, и на Ближнем и Среднем Востоке, да и в Восточной Азии регионализм.

Такая перспектива вполне возможна, так как большинство ТНК доминируют в международном пространстве, а на национальном уровне их интересы отнюдь не решающие: в наиболее успешных странах Востока преобладает экономика национальная, причем чаще всего основанная не на господстве частных акционерных обществ, а на смешанном государственно-частном партнерстве. В Сингапуре, Турции, Южной Корее, Китае и Вьетнаме, да и в Японии роль государства в экономике несравнимо более значима, чем в США. В связи с этим можно утверждать, что на Востоке отдельные элементы социалистической модели

модернизации остаются актуальными и поныне, более того, даже если не брать Китай и Вьетнам, а взять, например, Сингапур и Южную Корею, то и там влияние идеологии социализма проявляется вполне явно. Ведь и Ли Куан Ю, создавший современный Сингапур, начинал свою карьеру как левый политик, адвокат рабочих профсоюзов и был долгое время очень близок с коммунистами и социалистами, а Пак Чжон Хи — «отец корейского экономического чуда», в молодости вообще являлся членом Компартии Кореи.

Их знакомство с социализмом позволило им нащупать наиболее успешную модель развития, когда национальная экономика развивается не столько как частная, сколько как смешанная, с огромной долей государственно-частного партнерства, где решающее слово всегда за государством. Именно такая экономика и в Китае, и в Южной Корее, и в Индии, и в Турции, и в Сингапуре — это основа формирования национального ВВП и главный источник национального экспорта. Несмотря на регулярно повторяющиеся попытки отдельных прозападных либеральных политиков разрушить госсектор или сделать его незначительным, его предприятия продолжают и сегодня выступать в качестве ядра национального развития. Для правящих элит во многих странах Востока представление о сильном государстве стойко связано с сильным госсектором, который создает иллюзию их потенциальной независимости.

Следует сказать, что особняком среди наиболее развитых и влиятельных стран Востока стоит Иран. Эта страна не только не интегрировалась в глобальный рынок, но даже целый набор наложенных на нее западных санкций и ограничений не помешал ей превратиться в одного из политических гегемонов Ближнего и Среднего Востока. Опыт Ирана свидетельствует о том, что в современном мире, чтобы быть сильным, необязательно участвовать в глобализационном проекте, что глобализация и национальная мощь суть разные понятия и можно быть сильным в мире и без интеграции в глобальную экономику.

В связи с вышесказанным можно отметить, что перспективы современной модели глобализации сегодня уже не представляются столь бесспорными, как раньше. По крайней мере на Востоке правящие элиты во многих странах все чаще задают вопросы о том, где начинается национальный суверенитет, где находятся главные центры существующей политико-экономической системы, впрочем, как и штаб-квартиры ТНК, и насколько их интересы совпадают с интересами национальных государств. Складывается впечатление, что правящие элиты стран Востока уже сейчас реально ищут альтернативу глобализации и ограничивают свое участие в ней чисто экономической выгодой. Все остальное, что связано с современной моделью этого процесса, все больше рассматривается как непосредственная угроза суверенитету и решительно отвергается. Такие настроения господствуют сегодня везде — от Турции до стран Юго-Восточной Азии.

Может быть, в связи с этим в последнее время можно наблюдать определенное замедление процесса глобализации, которая пока не способна не только охва-

тить большую часть населения планеты, но и сформировать прочный, устроенный на международном праве мир. И хотя существует точка зрения, что глобализация — это не одномерный процесс, как по времени, так и по своему внутреннему содержанию, что по времени он дискретен, то есть периоды ускорения глобальной интеграции перемежаются с периодами долгого застоя, факт остается фактом: в последние годы мы наблюдаем нарастание проблем в продвижении этого процесса. Причины называется множество: от влияния глобального экономического кризиса 2008 года до новых политических рисков, связанных с усилением в странах Востока национализма, традиционализма и регионализма. Но главная причина все-таки кроется в другом: в Вашингтоне явно не удовлетворены тем, что происходит на Востоке, где быстро растут вызовы американскому доминированию.

У сформулированной на Западе модели глобализации оказался существенный дефект — отсутствие реальных механизмов политического давления и контроля за внутренними процессами в странах Востока. То, что было в эпоху модернизации, отсутствует в эпоху глобализации. В результате вместо блока либеральных прозападных режимов, тянущихся к США, там укрепились политические режимы авторитарного и полуавторитарного толка, ориентированные на защиту национальных интересов, бросающие вызов США. Поэтому в Вашингтоне уже не так активно ратуют за глобализацию и, скорее наоборот, стремятся

спровоцировать в ключевых регионах Востока новые конфликты, чтобы подорвать процесс национализации и регионализации как наиболее опасную альтернативу глобальному господству.

Подводя итог, можно сделать вполне определенный вывод о том, что западная концепция глобализации и реальные процессы в странах Востока по ключевым позициям сильно расходятся друг с другом. И если проанализировать вектор их современного развития, то это расхождение имеет явную тенденцию к увеличению. Страны Востока слишком разнообразны, самобытны и независимы и во все большей степени сами определяют не только свою судьбу, но и вектор развития глобального мира. Сегодня мы в некотором смысле находимся на переломе глобальной тенденции, когда Запад уже не может диктовать свои правила и принципы глобальных интеграционных процессов. Все большую роль здесь играют страны Востока. В рамках модернизации они сумели аккультурировать и интегрировать в национальную культуру очень многое из опыта и культуры стран Запада. В то же время они сохранили испытанный веками взгляд на мир, традиционные быт и культуру, систему принципов и приоритетов. Этот культурный синтез сформировал ядро новых представлений, отношений и взглядов, придавших странам Востока мощный импульс к развитию. Сегодня многие из них достигли глобальной мощи и влияния и, вполне вероятно, в скором времени смогут предложить свой вариант развития мира.

Сейид М. Мохагхег Ахмадабади¹

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ВСЕОБЩИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ И РЕСУРСЫ СОГЛАСИЯ

Начиная с ранних этапов, когда мировое сообщество стало проводить политику регулирования прав человека, возник конфликт интересов между Всеобщей декларацией прав человека и национальным суверенитетом государств — членом мирового сообщества. В связи с этим появилось множество различных школ философии права, среди них наиболее известной является направление транснационализма. Сторонники транснационализма считают национальный суверенитет препятствием для реализации политики международных прав человека и утверждают, что роль национального суверенитета должна быть ослаблена. Основоположник этой школы Ричард Фальк полагает: «Без достижения нового мирового порядка, который не должен основываться на суверенитете отдельных стран, права человека не получат всемирной поддержки и будут вытеснены на периферию». Возникает вопрос: как это возможно и когда мы сможем этого достичь? В то же время прагматически настроенные политики полагают, что вопрос о правах

человека — это дело отдельной страны, а не международная задача. Среди сторонников этой точки зрения — Генри Киссинджер.

Из этих двух позиций, несмотря на то что права человека действительно должны быть делом отдельного государства, тем не менее наиболее актуальной по содержанию философских принципов представляется первая точка зрения, которой придерживается транснациональная школа. Рассмотрим ее более подробно. Большинство последователей школы считают, что концепция международных прав человека была разработана в работах немецкого философа эпохи Просвещения Иммануила Канта (1724–1804). В 1775 году он опубликовал сочинение «Вечный мир» — философский очерк, в котором раскрывается понятие «человеческое достоинство». Кант пришел к выводу, что, пока государствами управляют люди, войны неизбежны. Философ рассуждает о государствах с республиканской формой правления, в которых закон — это основа национальной жизни. Развивая тему о государствах, основывающихся на законе, Кант приходит к выводу, что именно такие государства в наибольшей степени способны поддерживать стабильные мирные взаимоотношения с другими странами.

¹ Профессор права и исламской философии, доктор философии Тегеранского университета, глава отделения изучения ислама Академии наук Исламской Республики Иран. Автор ряда публикаций, в т. ч. книги «Религиозное просвещение». Преподает дисциплины «Права личности» и «Философия ислама».

Учреждение республиканского правительства, основанного на конституционном законе, подразумевает, что люди целесообразно задействованы в общественном договоре. Такая система отражает глубинный смысл общественной воли. Республиканское государство зиждется на трех основаниях:

1) принцип свободы, поскольку все члены общества являются свободными людьми;

2) все члены общества должны подчиняться единому закону;

3) все члены общества равны перед законом.

Гражданские и общечеловеческие права — важнейшая основа республиканского государства. Более того, вечный мир не может быть достигнут, пока существуют разделение и автономность исполнительных, законодательных и судебных органов. Учреждение государства, в котором органы едины, позволило бы воплотить представления о рациональности, справедливости, этике, основанные на едином законе.

Другой вопрос, как республиканизм, проповедующий права человека и гражданина, сможет снизить риск возникновения войн и общественных конфликтов. Когда правительство, не получившее общественной поддержки, начинает войну, в конечном счете ему приходится платить за человеческие жертвы и финансовые издержки конфликта. Когда же люди сами отвечают за управление обществом, они понимают, что в случае войны расплата за ее последствия ляжет на их плечи, поэтому приходят к разумному решению сделать все, чтобы сгладить конфликт и избежать войны.

В апреле 1919 года, после Первой мировой войны, был разработан проект конвенции Лиги Наций, что в итоге привело к ее созданию. В тот момент вопрос о правах человека еще не ставился во главу угла, и поэтому образование Лиги Наций не помогло мировому сообществу сохранить мир. Вопрос о правах человека еще раз остро встал после Второй мировой войны, в результате была создана ООН. Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году, состоит из развернутого вступления и 30 статей, регулирующих всеобщие права человека.

Первое предложение Декларации содержит фундаментальный принцип, который делает утверждение прав человека глобальным феноменом, особенно для правительств и наций, — это признание единства «человеческого рода». Использование таких понятий, как «свобода» и «глобальный мир», по отношению к человечеству напрямую соотносится с постулатами школы транснационализма. Этот принцип служит основополагающим для других принципов, таких как братство, равенство, свобода и т. д.

Признание концепции единства человечества соотносится с теорией глобального гражданства и опровергает любые проявления националистических предрассудков. Тем не менее эта концепция не отменяет национальных интересов. Права человека затрагивают и некоторые транснациональные интересы, касающиеся человечества в целом. Признание такого единства — первый шаг на пути к глобализации, оно требует нового отношения к человеческому обществу. Основанные

на таком отношении глобальные изменения не воспринимаются как неблагоприятные, а глобализация сама по себе рассматривается как процесс, в рамках которого появляются возможности управлять рисками и продвигать национальные интересы.

Что мы подразумеваем под нацией, когда говорим о национальных интересах? Нация — это большое сообщество людей, имеющих общую культуру и общее историческое развитие. Национальные общности (при различии этнических основ, языковой принадлежности, вероисповедания и политических интересов) объединяет общее понятие «национальные интересы». До тех пор пока все члены мирового сообщества не будут уверены в соблюдении своих прав и интересов, они не будут заинтересованы в соблюдении общественных интересов других членов сообщества. Несоблюдение интересов хотя бы одного из членов сообщества приведет к конфликту национальных интересов и может иметь губительные последствия для всех членов сообщества. Такое понимание национальных интересов созвучно с философией о правах человека, с ее верой в общие интересы и отрицанием доминирующих интересов любого из членов мирового сообщества.

В соответствии со своими национальными интересами, которые идентичны у всех наций и не приемлют преобладания одной этнической группы или нации над другой, члены мирового сообщества должны делать все, чтобы воспрепятствовать возникновению войн и кровопролитию. В этом смысле идея о правах человека основывается на понимании единства человеческого рода и призвана предотвращать нежелательные последствия конфликтов интересов. Таким образом, чем шире распространена идея о правах человека, тем менее вероятны войны и конфликты в мире.

Трагедия, разыгравшаяся в бывшей Югославии, — острейший конфликт последней декады XX века, свидетелями которого мы стали, — результат слепого отстаивания национального превосходства. Этот конфликт за короткое время уничтожил экономические ресурсы целого народа, унес жизни людей и разрушил целое государство. В истории существует много примеров, доказывающих, что войны, обусловленные национальной нетерпимостью, всегда самые кровопролитные и разрушительные. Также в современном мире имеются противоположные примеры, когда мультинациональные государства живут и процветают благодаря прогрессивной мысли и культурным ценностям, которые не позволяют ни одной из населяющих это государство наций ставить себя выше другой нации. В таких развитых мультинациональных странах цвет кожи и разрез глаз не могут воспрепятствовать соблюдению прав одного человека по отношению к другому, люди в таком государстве мирно сосуществуют. В таких странах различия в этнической принадлежности не приводят к конфликтам, а, наоборот, способствуют взаимному развитию наций.

Равенство человечества — основной принцип всех религий, включая ислам. Коран адресован прежде всего человечеству (*Nās*). В одном из стихов Корана говорится о принципах человеческого рода и утверждается, что различие этносов и рас — лишь один из спосо-

бов взаимодействия людей: «О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга. Ведь самый благородный из вас перед Аллахом — самый благочестивый» (XLIX: 13).

К сожалению, в современном мире из-за неправильного толкования религиозных текстов привержен-

цы разных религий оказались вовлечены в конфликты и войны, забыв о главном общем постулате всех мировых религий — о равенстве и братстве всех людей на Земле. Чтобы решить современные проблемы человечества, необходимо вспомнить этот постулат и направить усилия мирового сообщества в правильное русло — в русло разума, терпимости, согласия и мира.

А. Д. Некипелов¹

О ПРИРОДЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ЭКОНОМИСТА

Нынешние Лихачевские научные чтения посвящены злободневной проблеме. Мировое сообщество сталкивается сегодня с уникальной комбинацией глобальных вызовов. В частности, одна группа вызовов связана с имеющими планетарный характер естественными проблемами. Специалисты ведут дискуссии по поводу того, в какой мере такие процессы, как интенсивно происходящие изменения климатических условий или деградация окружающей среды, являются результатами человеческой деятельности. Однако каким бы ни был ответ на этот вопрос, он не изменяет того факта, что человечеству приходится искать ответ на острые проблемы, имеющие прежде всего природный, а не социальный характер. Вторая группа глобальных вызовов относится к нарушению сбалансированности интересов (интуитивно ощущаемому всеми) основных участников мирового процесса, прежде всего различных национальных государств и их объединений. Социальная природа этих вызовов очевидна: речь идет о болезненном процессе изменения самой конфигурации мирового сообщества. Именно второму кругу вопросов мне и хотелось бы посвятить свои размышления.

Общеизвестен факт: крах мирового социализма во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов кардинальным образом изменил условия функционирования мирового сообщества во всех сферах: политической, экономической, социальной, культурной. Казалось бы, мир в результате устранения раскола на капиталистический и социалистический лагери должен был стать гармоничным по сути, лишенным межгосударственных противоречий. Эта благостная перспектива связывалась с превращением рынка в универсальную форму организации хозяйственной жизни, а демократии — жизни политической. В условиях однотипности экономических и политических систем ясной представлялась и перспектива формирования однородной рыночной среды, распространяющейся на весь мир, равно как и постепенное усиление роли межгосударствен-

ных и надгосударственных политических механизмов. В сущности, такая перспектива с той или иной степенью категоричности была представлена в многочисленных исследованиях, предметом которых стал процесс глобализации.

На практике все развивалось иначе. Мы имели возможность убедиться в том, что процесс глобальной реструктуризации мирового сообщества оказался далеко не бесконфликтным. Создание однородной рыночной среды то здесь, то там наталкивается на несовпадающие интересы стран. Вместо прежнего противостояния двух социально-экономических систем усилилась дифференциация национальных интересов, стали формироваться новые коалиции государств. Значение геополитических соображений при принятии решений по фундаментальным вопросам мировой политики резко возросло. На мировой арене появились силы, о существовании которых прежде мало кто догадывался. Складывается впечатление, что ломка мирового порядка, инициированная уходом социализма в историческое небытие, просто разрушила прежде существовавшее равновесие, не создав нового. Возникает вопрос о причинах такого хода событий. Поиск ответа на него призван не просто удовлетворить наше любопытство, но и помочь как в прогнозировании возможных сценариев развития событий, так и в поиске оптимальных решений.

Вопрос о природе интересов, движущих участниками мирового процесса, очевидно, является решающим. Проблема, однако, состоит в том, что, активно оперируя понятием «интерес», исследователи далеко не всегда опираются на более или менее стройную модель, позволяющую объяснить механизмы его формирования. В результате дело сводится к общим призывам о необходимости учета интересов различных участников того или иного процесса, важности применения с этой целью эффективных механизмов их согласования.

Проблема интересов в экономической науке (по понятным причинам) является ключевой, и именно поэтому ее изучению уделялось и уделяется большое внимание. Это обстоятельство и подтолкнуло меня сформулировать возможные подходы к поставленным выше вопросам, касающимся нынешней ситуации в мировом сообществе.

Начать следует с того, что интересующая нас тема хорошо разработана в экономической теории примени-

¹ Директор Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от “робинзонады” до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

тельно к уровню индивидуума. Модель формулируется следующим образом. Каждый человек обладает системой предпочтений, позволяющей ему ранжировать (то есть выстраивать по степени предпочтительности) все мыслимые состояния «окружающего мира». Стоящая перед индивидом задача заключается в том, чтобы выйти на такое состояние «окружающего мира», которое обеспечивает максимизацию уровня благосостояния при имеющихся у него ресурсах. Понятие индивидуального интереса, таким образом, оказывается тождественным понятию оптимального выбора, имеющему четкое количественное представление.

Но как быть с группами и их интересами? Этот вопрос для наших рассуждений является ключевым: ведь мировое сообщество представляет собой сложнейшую конфигурацию групп разного масштаба и значимости. Причем состав этих групп не является неизменным. Это значит, что необходимо разобраться и в том, какие силы приводят к возникновению групп, формированию их интересов, а подчас и к их исчезновению.

Соблазнительна попытка распространить на группу вышеупомянутый подход к индивидуальным интересам. Если предположить, что группа, подобно индивидууму, обладает собственной системой предпочтений и собственными ресурсами, то подход к решению проблем индивидуального и социального выбора окажется идентичным. Но здесь возникают три непростые проблемы.

Первая связана с необходимостью ответа на вопрос: должны ли мы просто постулировать существование у группы некой системы предпочтений (так называемый холистский подход) или выводить такую систему из индивидуальных предпочтений членов группы? Наш жизненный опыт подсказывает, что групповые решения не могут быть независимыми от предпочтений составляющих группу лиц. Однако знаменитая «теорема о возможности» К. Эрроу свидетельствует о том, что однозначное согласование этих двух видов предпочтений возможно только в одном случае — когда предпочтения одного из членов группы (он был назван «диктатором») в отношении возможных состояний «окружающего мира» распространяются на группу в целом. В свою очередь, подход с позиций холизма оказывается бесплодным в практическом отношении и, кроме того, создает большое пространство для произвольных трактовок сути групповых предпочтений.

Вторая проблема касается определения ресурсных возможностей группы. Дело в том, что применение в чистом виде того же подхода к интересам группы, что и к индивидуальным интересам, требовало бы исходить из того, что собственность членов группы является ее собственностью. Если же допустить возможность самостоятельного принятия каждым членом группы решения в отношении того, какие средства он готов передать в ее распоряжение, то мы неизбежно наталкиваемся на необходимость дать объяснение, каким образом члены группы договариваются о величине таких вкладов. Тем самым нарушается внутренняя непротиворечивость подхода: для объяснения механизма принятия решений группой приходится «перескочить» через проблему принятия решения о величине

не средств, выделяемых на функционирование группы ее членами.

Третья проблема состоит в том, что подход с позиций существования особых групповых предпочтений в любом его варианте ничего не дает с точки зрения объяснения механизмов возникновения и распада групп. Между тем из собственного опыта мы знаем, что каждая группа имеет дату «рождения», а некоторые — и дату «смерти».

Альтернативный подход к проблеме социального выбора состоит в том, чтобы рассматривать интерес группы как результат согласования индивидуальных интересов ее членов. Здесь на место представления о способности группы самостоятельно ранжировать различные состояния «окружающего мира» приходит взгляд на общественный выбор как своеобразную точку, в которой пересекаются индивидуальные интересы. Но согласование требует наличия алгоритма согласования, который сам может быть согласован только членами группы. С логической точки зрения налицо очевидная тавтология. Кроме того, сама «точка» согласования интересов не является единственной: при разных алгоритмах принятия решений результат будет различным.

Казалось бы, этих обстоятельств вполне достаточно, чтобы отказаться от такой интерпретации проблемы социального выбора. Но неожиданно оказывается, что тавтологичность логической конструкции может быть не только недостатком, но и достоинством. В подтверждение этого странного утверждения сошлемся на практический опыт. Учреждение многих организаций начинается с принятия уставных документов, определяющих порядок принятия решений. Обратим внимание и на то, что отсутствие «жесткой привязки» к точке согласования индивидуальных интересов позволяет дать логичное объяснение причинам наблюдаемых на практике корректировок алгоритмов принятия решения в рамках групп, а также самому их появлению на свет и распаду.

Хорошим примером инструмента социального выбора, обеспечивающего согласование интересов участников общественного разделения труда и товарного обмена, является рынок. Принятие решений рынком базируется на признании частной собственности товаропроизводителей и обязательности выполнения ими взятых на себя обязательств. Обмен, основанный на этих принципах, в данном случае представляет собой тот самый алгоритм принятия решений, о котором речь шла выше.

Но рынок выявляет только часть предпочтений индивидов, а именно ту, которая характеризует их, пользуясь известным выражением А. Смита, как «экономических людей», ориентирующихся в своих действиях исключительно на собственное благосостояние в узко эгоистическом смысле слова. При таком подходе завершенность согласования интересов находит в рыночной экономике свое проявление в достижении общего равновесия. Это состояние, как известно, характеризуется так называемой Парето-эффективностью: из него нельзя перейти к другому состоянию, не ухудшив положения хотя бы одного из членов социума. Не случайно

общее равновесие в условиях совершенной конкуренции является для «экономических людей» чем-то вроде земного воплощения рая.

Здесь важно отметить, что если бы природа людей сводилась к природе «экономического человека», то у национального государства не было бы места в современном мире. В этом случае не существовало бы никаких препятствий для учреждения единой мировой валюты, формирования единой планетарной власти, обеспечивающей на единообразных основах защиту частной собственности, соблюдение условий заключенных сделок и выполнение прочих функций, являющихся сегодня функциями национальных государств. Для людей не имело бы никакого значения, на какой территории проживать и с кем преимущественно общаться. Им было бы также абсолютно все равно, в какой части мира производственная деятельность процветает, а в какой приходит в упадок. Тем самым в полной мере подтвердилась бы мысль К. Маркса о том, что в буржуазном обществе частные интересы «разделяют каждую нацию на столько же наций, сколько в ней имеется взрослых людей»¹.

Дело обстоит принципиально иным образом именно потому, что «экономическая ДНК» человека не обрывается там, где заканчивается сфера интересов «экономического человека» А. Смита. В систему предпочтений каждого индивида входит и отношение к таким характеристикам «окружающего мира», которые не связаны с уровнем его благосостояния как «экономического человека». Каждого из нас в той или иной степени интересует не только собственное благосостояние в узком смысле слова, но и благосостояние окружающих нас людей, гармоничность отношений в обществе. Но эта часть индивидуальных предпочтений не выявляется рынком, поскольку соответствующие блага невозможно сделать объектом товарного обмена.

К такого рода «нерыночным благам» относятся и система ценностей, формирующаяся в результате длительного общения людей друг с другом, которое на определенном этапе приводит к формированию национальных государств. Общие ценности сближают людей, проживающих в одном государстве, и нередко отличают их от людей в других государствах. Не случайно, например, мы наблюдаем разное, «усредненное» по членам социума, отношение к дифференциации доходов: достаточно сослаться на различия в подходе к этому вопросу в США, с одной стороны, и Скандинавских странах — с другой.

Само наличие не вовлекаемых в рыночный оборот индивидуальных предпочтений означает, что согласованное представление граждан любой страны об *экономическом* оптимуме в общем случае не совпадает с *рыночным* оптимумом, причем масштаб расхождения зависит от того, какое место в системе предпочтений членов социума занимают нерыночные, ценностные

компоненты. Этот разрыв так или иначе «закрывается» деятельностью государства (ведь эта деятельность не сводится только к тому, чтобы обеспечить защиту прав собственности и соблюдение условий заключенных сделок), а также различных институтов гражданского общества. Именно поэтому меры экономической политики, используемые для коррекции действия рыночного механизма, неверно трактовать как «вмешательство» государства в (объективные) рыночные процессы по политическим (вроде как субъективным) взглядам.

Планетарное сообщество является своего рода «мегагруппой», члены которой — не только (и не столько) отдельные жители планеты Земля, но и разные созданные ими группы, в числе которых особое место занимают национальные государства. Все эти многочисленные группы движимы собственными устремлениями, поэтому в сфере международных отношений возникает необходимость их согласования. Различия проявляются в сфере международных экономических связей, например относительно масштабов и скорости процессов либерализации движения товаров, услуг и капитала. Точно так же они неизбежны и в политической сфере, где конкурируют различные модели демократии, позиции по правам человека, этнических групп, наций.

Ценностные, культурные составляющие систем индивидуальных предпочтений не остаются неизменными; они трансформируются и под влиянием взаимодействия с ценностями других народов. Но этот процесс крайне медленный, и попытки его форсирования, как свидетельствует история, ни к чему хорошему не приводят.

Сегодня мегагруппа под названием мировое сообщество находится в процессе коренной трансформации. Формируются новые коалиции, изменяется соотношение сил. Мы являемся свидетелями того, что не только ушло в прошлое прежнее равновесие на мировой арене, но и налицо кризис многих институтов, обеспечивавших решение глобальных проблем. Для достижения нового равновесия необходимо утверждение на практике общепризнанного механизма согласования интересов. Но сделать это непросто. Ситуация носит игровой характер, причем степень неопределенности для участников «игры» резко возрастает. В условиях, когда многие из прежних правил поведения поставлены под сомнение, а новые еще не сформировались, возникает соблазн использования методов жесткого давления, информационной борьбы без правил с целью внести раскол в ряды оппонентов.

В таких условиях велика опасность выхода ситуации из-под контроля. Совет может быть только один: участники «игры» должны уделять особое внимание оценке рисков, связанных с их действиями, и прилагать максимум усилий для согласования, а затем и неукоснительного следования согласованным принципам поведения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 102.

Маркус Пападопулос¹

РУСОФОБИЯ: ПРОЧНО УКОРЕНИВШАЯСЯ И НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЗАПАДА

Сегодняшний мир уже вступил в эпоху глобализации, но по-прежнему сохраняет многие типичные черты, характерные для прошлых столетий. Когда мы говорим о мире, то имеем в виду прежде всего правительства и то, как они проявляют себя на международной арене, преследуя свои национальные интересы.

Каждое независимое государство имеет право отстаивать свои интересы на международной арене, если оно соблюдает международное законодательство и действует, не нарушая постулатов ООН. Тем не менее страны, имеющие господство на мировой арене и стремящиеся сохранить его любой ценой, даже путем войны, воспринимают это право как проблему и реальную угрозу.

В реальной политике Запад XXI века — это, по сути, Соединенные Штаты Америки, которые, в свою очередь, получают поддержку от своего верного сторонника и союзника — Великобритании (так было и во второй половине XX в.).

В действительности оба государства могут быть описаны как родственные по духу и как ядро англосаксонского мира. С тревогой и подозрением смотрит Запад на страны, которые называют Востоком или, говоря современным языком, Азией². Россия для Лондона и Вашингтона — главный представитель Азии, поэтому она никогда не станет частью Европы. Такое восприятие России сложилось исторически, о чем свидетельствуют исследования западников, посвященные России и русскому народу.

Когда в 1553 году между Лондоном и Москвой установились дипломатические отношения, британцы, находясь под сильным влиянием ментальной географии древнегреческих и древнеримских философов, разделявших мировое пространство на Запад и Восток, цивилизацию и варварство, а также будучи уверены в мировом англосаксонском господстве, воспринимали Россию и русских как воплощение «азиатского варварства» и «азиатского деспотизма»³. В частности, один британский исследователь отмечал: «Даже в природе их [русских] алфавита чувствуется варварство, и это отвратительно»⁴.

К XIX веку волна русофобских настроений прокатилась по всей Британии, особенно они были сильны в Лондоне. Британские политики считали Россию варварской и деспотической силой, которая ставила под

угрозу безопасность и стабильность Европы⁵. Парламентарий Дэвид Уркварт относился к России как к «воплощению дьявола»⁶, в то же время другой парламентарий сэр Чарльз Дильке считал русский народ низшей расой по отношению к англосаксонцам и называл их «веселыми пигмеями»⁷. Более того, страх перед Россией отчетливо виден в британских исследованиях: например, английский офицер, оказавшийся в русской армии, писал о русских солдатах: «Их невозможно победить, их можно только убить»⁸.

Во время Октябрьской революции 1917 года негативное восприятие России в среде британских офицеров значительно усилилось. Британский офицер, генерал-майор Эдвард Спирс, служивший в Париже, сообщал о том, как большевики сжигают людей заживо, выбрасывают детей из поездов на полном ходу и убивают больных ослабевших людей топорами⁹. Уинстон Черчилль не без тревоги говорил: «Призрак русского медведя идет через необъятное заснеженное поле»¹⁰. Многие британские политики считали, что поведение большевиков в первые дни после революции — яркий пример варварства России¹¹.

Несмотря на союзничество с Россией в период Второй мировой войны, британские политики продолжали воспринимать Россию как дикую страну. Уинстон Черчилль не раз отмечал, что «русские — это вовсе не люди»¹², и высказывал серьезные опасения, что «случится непоправимая катастрофа, если русское варварство распространится на культуру и независимость древних европейских государств»¹³. В конце 1945 года британский военный атташе в Варшаве так прокомментировал поведение русских солдат в столице Польши: «Глупо ожидать англосаксонских манер от примитивных азиатов»¹⁴.

Кроме того, американское правительство целенаправленно продвигало в массы беспощадные суждения о России и русских и их поведении в годы войны.

⁵ Чтобы иметь представление об истории русофобии в Британии, см.: *Глисон Джон Хоус*. Генезис русофобии в Великобритании: изучение взаимного влияния политики и ментальности. Кембридж, 1950.

⁶ *Ветсель Д.* Крымская война: история дипломатии. Нью-Йорк, 1985. С. 146–147.

⁷ *Николлс Д.* Потерянный премьер-министр: жизнь сэра Чарльза Дильке. Лондон, 1995. С. 29.

⁸ *Энгерман Д.* Модернизация с другого берега: американские интеллектуалы и роман о развитии России. Кембридж, 2003. С. 112.

⁹ *Эггемон М.* Под двумя флагами: жизнь генерал-майора Эдварда Спирса. Лондон, 1998. С. 86.

¹⁰ *Хэйг Р. Г., Моррис Д. С., Петерс А. Р.* Неудачные приземления: британско-советские взаимоотношения; Гражданская война в России и интервенция 1917–1920 гг. Шеффилд, 1980. С. 63.

¹¹ *Хьюгс М.* Внутри Энигмы. Британские политические деятели в России, 1900–1939. Лондон, 1997. С. 180.

¹² *Пимлотт Б.* Вторая мировая война. Дневник Хью Далтона, 1940–1945. Лондон, 1986. С. 486.

¹³ *Гилберт М.* Дорога к Победе: Уинстон Черчилль, 1941–1945. Лондон, 1986. С. 239.

¹⁴ FO 371/47954/№ 14520. Доклад британского военного атташе в Польше «Дисциплина российских сил в Польше». 1 октября 1945 года.

¹ Издатель журнала «Politics First», обозреватель и эксперт по России и другим странам бывшего Советского Союза, доктор (Великобритания).

² Дискуссии на тему Востока описаны в статьях Эдварда Вади Саида «Ориентализм: западные концепции Востока» (Лондон, 2003), А. Л. Макфи «Ориентализм: читатель» (Эдинбург, 2000) и Зияуддина Сардара «Ориентализм» (Букингем, 1999).

³ См.: *Кросс Э.* Англо-Руссика: аспекты культурных взаимоотношений между Великобританией и Россией в XIX — начале XX века. Оксфорд, 1993.

⁴ *Андерсон М. С.* Исследование России Британией. 1553–1815. Лондон, 1958. С. 87.

Так, один американский военнопленный, освобожденный красноармейцами, жаловался на еду, которую ему давали русские; он требовал, чтобы к американским солдатам относились «как к белым людям и давали им нормальное питание, а не капустный суп»¹. Восприятие американцами России как низшей, варварской страны, несущей угрозу свободе и цивилизации всего мира, сохранилось у американцев и во время холодной войны.

В период холодной войны США старались показывать советскую Россию как злостную угрозу миру и цивилизации. Кульминацией стало выступление Рональда Рейгана, в котором он назвал Советский Союз «империей зла».

Несмотря на крушение Советского Союза и окончание холодной войны, США сохранили недоверие к России, что отразилось в «Руководстве по планированию защиты Пентагона», опубликованном в 1992 году (известном как «Доктрина Вулфовица» по имени автора Пола Вулфовица). Этот документ подчеркивает необходимость американского унилатерализма и призывает прибегнуть к военным действиям, если потребуются доказать глобальное господство Вашингтона после распада Советского Союза. В доктрине говорится: «Нашей главной задачей является предотвращение появления нового соперника как на постсоветском пространстве, так и в любом другом месте земного шара, который будет представлять угрозу, схожую с той, что представлял для нашей страны СССР. Мы должны понимать, что изменения в России не являются необратимыми и что, несмотря на серьезные проблемы, Россия остается сильнейшей военной державой в Евразии и единственным государством, способным разрушить США»². Эта доктрина легла в основу проекта будущей экспансии НАТО на восток, за восточные границы Германии. Между 1999 и 2004 годами НАТО под управлением США расширило свое присутствие в Европе до западных границ с Российской Федерацией.

Кроме того, западный военный союз строит щит противоракетной обороны в Европе, компоненты которого будут расположены в Средиземном, Черном морях, Польше и Румынии. Присутствие НАТО на границе с Россией и строительство противоракетного щита в Европе представляют вероятную угрозу российской национальной безопасности и российскому стратегическому обеспечению безопасности.

С приходом к власти в 2000 году В. Путина Россия резко изменила свою политику на международной арене. Сегодня российская экономика представляет собой мощную структуру, а правительство Российской Федерации активно отстаивает свои интересы на международной арене (на что имеет право каждое государство). Повысился уровень жизни российского народа, у россиян появилось то, что для них всегда было наиболее важным, — стабильность, защищенность, уверенность в завтрашнем дне. Россия восстановила былой статус супердержавы и таким образом обрела крайне неудоб-

ное для американского и британского правительств положение.

Непрекращающаяся вражда и недоверие Запада по отношению к России объясняют нынешнее серьезное противостояние между Западом и Россией. Ни при каких обстоятельствах Москва не допустит экспансию НАТО вблизи своих границ, особенно на Украину.

Возмущенные тем, как Россия противостоит экспансии НАТО и мировому господству Запада, США и Великобритания проводят жесткую политику в отношении России и президента В. Путина, обвиняя последнего в тирании. Запад до сих пор не может простить России ее вмешательство в войну с Грузией в 2008 году, несмотря на то что в этом конфликте Россия защищала свои национальные интересы и безопасность (помешав тем самым попыткам США временно включить страны Южного Кавказа в НАТО). Не могут простить России и поддержку, которую она оказывает легитимному президенту Башару Асаду и правительству Сирии в конфликте с исламистскими боевиками. Абсолютно неприемлемо для Запада то, что Россия занимает бескомпромиссную позицию в отношении Украины после спровоцированного Западом переворота в феврале 2014 года и свержения демократически избранного украинского лидера Виктора Януковича (мешая тем самым стремлению НАТО временно включить Украину в свой состав).

Чтобы достичь геостратегической цели включения Украины в состав НАТО, таким образом завершив окружение России в Восточной Европе западным военным альянсом (что в случае достижения этой цели сильно ослабит положение России в Европе и соответственно в мире), а также чтобы установить противоядерный щит в Европе (что, образно говоря, лишит Россию стратегически важного ядерного сдерживающего фактора), Запад обвиняет Россию в варварстве и агрессии в Европе и призывает НАТО к увеличению затрат на оборону. Для Вашингтона и Лондона важно раздуть общественный резонанс вокруг какого-нибудь инцидента, чтобы убедить другие страны в том, что Россия проводит политику тирании и агрессии, и чтобы мировая общественность поддержала их в борьбе с агрессором. Таким образом, они способствуют достижению своих глобальных целей по ослаблению позиции России на международной арене.

Язык, который сегодня используют американские и британские ведущие политики и журналисты, когда говорят о России, удивительно похож на тот, с помощью которого описывали Россию британские политические деятели в XVI веке — в нем отчетливо прослеживаются расистские настроения.

Редакция «The Washington Post» призвала Запад к сдерживанию «нового русского варварства»³, при этом генерал в отставке в интервью «Fox News» говорил, что американское правительство должно начинать «убивать русских» на Украине⁴. Министр обороны Великобритании М. Фэллон высказал мнение, что Россия — «это такая же большая угроза для Европы,

¹ Костиглилола Ф. Как звери или хуже // История дипломатии. Т. 28 (204). С. 763; Холодная война. 2000. Авг. С. 103–128; Международный исторический обзор. 1998. Дек. С. 791–805.

² Аналитика: почему российский медведь сражается с американским орлом // Tribune. 2008. 7 сент.

³ Редакционная коллегия // The Washington Post. 2014. 21 июля.

⁴ Лу Доббс сегодня, генерал-майор Роберт Сكيلс // Fox News. 2015. 11 марта.

как и исламские государства»¹, а министр иностранных дел Великобритании Филип Хэммонд добавил, что «в течение 50 лет поведение России постоянно напоминает миру о потенциальной угрозе его безопасности»². Необходимо отметить, что упоминание о России как о «варварской» стране в британской прессе имело место и в годы, предшествующие украинскому кризису. К примеру, в 2008 году в газете «The Independent» появилась статья под названием «Российское варварство нельзя оставлять без внимания»³.

Два главных лидера западного мира — Барак Обама и Дэвид Кэмерон, давая оценку России, идут по пути своих предшественников. Президент Обама высказал мнение, что США возглавляют мировое противостояние «русской агрессии по отношению к Украине, которая являет собой угрозу для всего мира»⁴. Премьер-министр Кэмерон со своей стороны обратился к государствам — членам НАТО с просьбой «единогласно отзываться об агрессии России»⁵.

Формулировки, которые используют западные политики, высказываясь о России в украинском кризисе, предельно провокационные и изобилуют расистскими предубеждениями: в частности, что Россия является варварской страной и представляет угрозу миру и свободе Европы и всего мира.

Сегодня западные политики утверждают, что они используют понятия «русское варварство» и «русская угроза» по отношению к русскому правительству, а не к русскому народу в целом. Но ведь русское правительство состоит из русских людей! И как мы видели ранее, мнение Запада о России, по сути, повторяет восприятие XIX века, особенно когда речь идет об украинском кризисе. Многие ли политики и журналисты на Западе позволяют себе говорить о «еврейском варварстве» или «еврейской угрозе» в свете осуждения израильских военных действий в секторе Газа? Такие отзывы были бы справедливо восприняты мировой общественностью как расизм и отсутствие толерантности. Так почему же Запад позволяет говорить о «русском варварстве» и «русской угрозе» в адрес России? Ведь нет никакой разницы. Расизм есть расизм, и ему не должно быть места в мире, тем более в 2015 году, который ознаменован 70-й годовщиной освобождения от нацизма.

Таким образом, Запад, изображая Россию как угрозу миру, использует выражения, свойственные расизму. Западные политики и журналисты не имеют моральных устоев и без угрызений совести используют такие выражения, как «русское варварство» и «русская агрессия». Они без колебаний обвиняют Россию в трагических событиях, которые на самом деле используются лишь для того, чтобы разжечь антироссийские настроения и усилить русофобию. К примеру, через

несколько часов после крушения малайзийского авиалайнера МН-17 в Восточной Украине в июле 2014 года западные журналисты обвинили Россию в этой трагедии, но они не имели никакого отношения к расследованию трагедии и соответственно никаких оснований для подобных обвинений. Простые обыватели в США и Британии попали под влияние этих обвинительных статей в адрес России и стали воспринимать русских людей как жестоких, беспринципных и хладнокровных, способных сбить самолет с 298 мирными гражданами на борту. В свое время уже выдвигались обвинения в антисемитизме в адрес журналистов и политиков Запада, некорректно отзывающихся о событиях в Израиле, пришло время уличить Запад в расизме по отношению к России.

Роль западных СМИ — быть инструментом воздействия на общественность в отношении России. Несмотря на то что западные политики и журналисты на каждом углу кричат о свободе слова и независимости средств массовой информации, на деле все оказывается совсем не так. Как сказал бывший лидер боснийских сербов Радован Караджич, роль западных СМИ в «демонизации» сербов во время гражданской войны в Боснии была значительной, и западные журналисты «наделали больше вреда для сербов, нежели натовские бомбы»⁶. Иначе говоря, американские и британские СМИ неукоснительно выполняют задачи Госдепартамента и Министерства иностранных дел. Журналисты США и Британии активно участвуют в передаче официальных настроений правительства своих стран⁷.

Западные СМИ являются одним из самых мощных орудий в арсенале Запада. Во время гражданских столкновений в Югославии западные журналисты, чтобы помочь западному правительству достичь поставленных геостратегических целей на Балканах, убеждали общественность в том, что сербы (которые исторически тесно связаны с Россией) были «неонацистами в Европе», и поэтому для искоренения «нацизма» в Европе члены НАТО взяли на себя обязательства по проведению военных действий против сербов⁸.

В случае с Россией западные СМИ успешно продвинулись в убеждении общественности в том, что Россия — это «агрессор» по отношению к Украине, а Запад борется за ее свободу и процветание. Соцопрос, опубликованный на «YouGov», показывает, что 72 % британцев считают, что Россия представляет «угрозу для Запада», 46 % верят в то, что западная политика по отношению к России «недостаточно жесткая»⁹. В другом соцопросе на «YouGov» 42 % британцев убеждены в том, что Россия «переживает экономический кризис из-за санкций Запада»¹⁰ и 62 % британцев поддерживают санкции Запада в отношении России¹¹.

⁶ Радован Караджич: обратная сторона боснийской истории // Politics First. 2011. Май.

⁷ Брок П. Журналистика и трагедия в Югославии. Лос-Анджелес, 2005.

⁸ Раковая опухоль в сердце Европы // Tribune. 2009. 18 марта; Конфликт, который необходимо предотвратить // Morning Star. 2009. 3 дек; <http://serbianna.com/analysis/archives/745>; Morning Star. В аспекте войны в Боснии. URL: <http://davidaslindsay.blogspot.co.uk/2009/12/how-pseudo-west-destroyed-yugoslavia.html>

⁹ Россия // YouGov. 2015. 9 марта.

¹⁰ Санкции против России // YouGov. 2014. 18 дек.

¹¹ Россия и Украина // YouGov. 2015. 12 февр.

¹ Новая холодная война: Владимир Путин представляет новую угрозу // Mail Online. 2015. 20 февр.

² Путин может стать главной угрозой безопасности Британии // The Telegraph online. 2015. 10 марта.

³ Русское варварство нельзя оставлять без внимания // The Independent. 2008. 31 авг.

⁴ Русская агрессия на Украине — угроза миру // Reuters. 2014. 15 нояб.

⁵ Саммит НАТО 2014: Дэвид Кэмерон об агрессии России на Украине // Wales Online. 2014. 3 сент.

Главное отличие сегодняшних выпадов Запада против России от выпадов во время холодной войны заключается в том, что сейчас в России у власти находится сильный, целеустремленный лидер, жестко отстаивающий позицию своей страны на международной арене (Запад в период холодной войны привык к слабому президенту 1990-х гг. Борису Ельцину). Британская газета «The Spectator» опубликовала статью о В. Путине, которая называлась «Новый план Владимира Путина по завоеванию мирового господства»¹, а в CNN появилась статья под заголовком «Путин — олицетворение зла»². Вице-президент США Джо Байден сообщил средствам массовой информации, что во время встречи с президентом Путиным он сказал российскому лидеру: «У вас нет души»³. А если задуматься — позволили бы себе западные СМИ опубликовать статью под названием «Новый план Биньямина Нетаньяху по завоеванию мирового господства»? Думаю, нет. Такое название, очевидно, посчитали бы антисемитским. Но почему-то все молчат о том, что в названиях приведенных выше статей сквозит русофобия.

Еще одним способом эффективного воздействия на общественное сознание Запада является сравнение президента Путина с Адольфом Гитлером. Сообщается, что во время встречи с европейскими лидерами в Брюсселе премьер-министр Кэмерон позволил себе такое высказывание: «Мы столкнулись с риском повторения роковых ошибок, допущенных в Мюнхене в 1938 году. Мы не можем знать, что произойдет дальше. Сейчас мы не должны идти на поводу у Путина. Он уже захватил Крым, и мы не можем допустить, чтобы он захватил всю страну»⁴. Британский принц Чарльз, по некоторым сведениям, сказал женщине, которая потеряла родных во время холокоста, что «Путин делает примерно то же самое, что в свое время делал Гитлер»⁵. В США сенатор Джон Маккейн заявил: «Путину позволили войти в суверенное государство от имени русскоязычных людей, а разве это не то же самое, что делал Гитлер во время Второй мировой войны?»⁶. Збигнев Бжезинский, бывший советник по национальной безопасности в администрации Джона Картера, имеющий вес среди американских представителей власти, следующим образом описывал Путина: «Комичная пародия на Муссолини и копия Гитлера»⁷.

Кроме того, «Forbes» опубликовал статью, содержащую рассуждения на тему того, является ли Путин вторым Гитлером. В конце статьи автор пришел к выводу, что является, и заключил: «Путин... ведет себя так, будто он правит миром. Только, к сожалению, не хватает голоса Черчилля, который звучал бы как тревожный звонок и побуждение демократического мира к действиям»⁸. Сравнение президента Путина с Гитле-

ром порождает страх в сознании простых обывателей Британии и США, что помогает правительствам этих стран получать поддержку своего народа в действиях, направленных против Москвы.

То, что мы сегодня наблюдаем в мире (и то, что на самом деле происходило со времен распада Советского Союза), — это попытка Запада укрепить свои господствующие позиции путем подавления стран, которые проявляют независимость и находятся в конфликте с интересами Вашингтона. Сербь в Хорватии и Боснии подверглись нападению, потому что хотели сохранить нерушимость Югославии (и потому что были исторически близки России). США бомбили Сербию в 1999 году, чтобы закрепить свои позиции на Балканах (американская военная база в Косово и военный лагерь «Бондстил» являются самыми масштабными плацдармами со времен Вьетнама). Сирия попала под удар, потому что является главным противником Израиля и союзником и близким другом России, таким образом укрепляя положение Москвы на Ближнем Востоке (так же как связь с Израилем и Саудовской Аравией укрепляет положение США в этом регионе). Именно западные СМИ в большой мере способствуют созданию негативного имиджа стран (и лидеров этих стран), которые мешают Западу.

По отношению к России и русским Запад использует старые расистские лозунги, чтобы дискредитировать российское правительство на международной арене и достичь своих целей по ослаблению России и ее влияния в Европе и чтобы в конечном счете Америка сохранила свое господство на мировой арене.

Парадокс тактики Запада по отношению к России заключается в том, что, обвиняя Москву в агрессии и варварстве, Вашингтон и Лондон используют расистскую терминологию, что, по сути, заставляет усомниться в их собственной цивилизованности. О какой цивилизации может идти речь, когда, нарушая все международные законы ООН, США бомбят и/или вторгаются в независимые государства — Сирию, Ирак, Ливию, когда в Сирии и на Украине они свергают законное правительство, приносят гибель тысячам невинных людей, когда устанавливают тесные союзнические отношения с Саудовской Аравией с ее нетолерантным, жестоким, экстремистским правительством.

Русофобия живет и процветает в Вашингтоне и Лондоне. Это яркий пример того, как и США, и Британия не гнушаются ничем в своей борьбе за господствующее положение в мире. Удивительно то, что это имеет место в цивилизованном мире в эпоху глобализации. Для США и Британии их интересы превыше всего. Именно этим объясняется постоянный конфликт ядерных держав Запада и России, который представляет потенциальную угрозу для всего человечества.

¹ Новый план Владимира Путина по завоеванию мирового господства // The Spectator. 2014. 22 февр.

² Путин — олицетворение зла // CNN. 2014. 25 июля.

³ Повестка дня. Байден // The New Yorker. 2014. 28 июля.

⁴ Дэвид Кэмерон: «Путин поступает как Гитлер!» // The Guardian. 2014. 2 сент.

⁵ Принц Чарльз сравнивает Путина с Гитлером // The Telegraph Online. 2014. 20 мая.

⁶ 12 известных людей, которые сравнили Путина с Гитлером // Business Insider. 2014. 22 мая.

⁷ Там же.

⁸ Путин — второй Гитлер? // Forbes. 2014. 5 мая.

Васил Проданов¹

БОЛГАРИЯ И РОССИЯ МЕЖДУ ЛИБЕРАЛЬНО-УНИВЕРСАЛИСТСКИМИ, ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМИ И НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

1. Либерально-универсалистские ценности против цивилизационных и национальных

Эпоха Просвещения дала толчок развитию универсалистских либеральных идей об общем направлении и общих ценностях развития всех стран. Эти идеи, однако, могли быть реализованы на определенном этапе в одном наиболее развитом государстве. Гегель считал, что это Пруссия, позже воплощение идеи увидели в Великобритании, а в 1989 году Фрэнсис Фукуяма сказал, что самое высшее ее воплощение — это США. Однако параллельно с этим развивались различные локалистичные философии истории. Все они в той или иной степени отказались от целенаправленного движения с ценностной точки зрения в каком-то направлении, не отрицая прогресса технологии и науки, но сделали акцент на специфических национальных и цивилизационных ценностях той или иной общности.

В целом представление об универсальности воплощено в основных принципах либерального мышления, которое навязывается в ситуации экономической, военной и политической гегемонии одного государства в отношении всех других в мировой системе.

Между цивилизационными и национальными ценностями как инструментами формирования общностей, объединенных общим сакральным пространством с конечными целями, установились сложные и противоречивые отношения. Цивилизация связана с большой исторической традицией, объединяющей людей по происхождению, религии, длительности совместного проживания, взаимодействию и солидарности между ними. Таковы, например, отношения между русскими и болгарами. Однако одновременно с этим в случае обособления различных цивилизаций ведущую роль могут играть различные факторы. Западная цивилизация по модели С. Хантингтона включает западную и протестантскую Европу вместе с США, но не включает, например, католическую Латинскую Америку. А Португалия и Испания, где говорят на тех же языках, что и в Латинской Америке, включены в западную цивилизацию. Одновременно с этим Болгария и Греция, где говорят на разных языках, имеющих различные происхождение и азбуки, включаются в одну и ту же цивилизацию вследствие их православной принадлежности.

И обратный пример: Украина, которая связана и по языку, и по происхождению со славянской цивилизацией, из-за католического вероисповедования в ее западной части рассматривается как «территория разлома» — встречи и противопоставления двух цивилизаций.

Тогда же неопределенность мы находим и в образующих нацию признаках: в различных нациях мы можем открыть ведущую роль элементов с различной степенью значимости. Эта нестабильность цивилизационно и национально образующих признаков создает возможность для разделения, противопоставления, конфликта между различными общностями, которые формально связаны с одной цивилизацией. И это используется внешними силами, особенно имеющими гегемонию в военном и политическом плане, для взаимного обессиливания конфликтующих наций.

После Второй мировой войны США и СССР предлагали свои модели в качестве универсальных и действительных для всех, а себя видели как символы хода истории и воплощения универсальных ценностей. В борьбе за третий мир США пытались внедрить свою универсальную модель через теории модернизации, а СССР свою — через теории некапиталистического развития.

Большая экономическая и пропагандно-идеологическая мощь США дала им возможность взять верх, и советская система утратила свои позиции и распалась. СССР и бывшие социалистические государства во время начавшейся «оттепели» усилили экономические, культурные, политические связи с Западом, и это резко увеличило их зависимость от капиталистического центра. Это дало возможность США в период правления Рейгана предпринять ряд мер, которые сделали Запад победителем в холодной войне. А это, в свою очередь, позволило им собрать идеологические и политические дивиденды с претензией на то, что их модель нелиберального капитализма является воплощением универсальных ценностей.

Однако очень скоро появились сомнения в этом универсализме. Сэмюэль Хантингтон в 1993 году написал статью о столкновении цивилизаций, в которой идеологическая модель, идентичность, ценности, предлагаемые либеральным Западом, не только не становятся целью, к которой стремятся остальные, а даже вступают в неизбежные столкновения с собственными цивилизационными моделями. На Балканах столкновение цивилизаций началось в 1990-е годы. Югославия распалась, и разные ее части вели войны на цивилизационной основе: православная Сербия против мусульманских Боснии и Косово и католической Хорватии, но не против православной Македонии. Это было время, когда славянство и православие отступали везде. В России господствовали западники-либералы и нелибералы. Неолиберальная капиталистическая цивилизация через соответствующую западническую интеллигенцию предлагала свою модель как универсальную и значимую для всех.

Однако еще в 2003 году американской «мягкой силы» оказалось недостаточно, чтобы убедить большую часть остального мира, что имеются основания напасть на Ирак, и иракцы встретили их не цве-

¹ Член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дльжимо», «Познание и ценности», «Биосоциальные ценности», «Биозтика», «Гражданское общество и глобальный капитализм», «Насилие в современную эпоху», «Будущее философии», «Социология философии», «Теория болгарского перехода» и др. Член редколлегий ряда научных журналов.

тами, как освободителей, а бомбами. В то же время Китай приблизился к США в экономическом плане, опровергая западные утверждения, что успешное экономическое развитие возможно, только если будут приняты их либеральные ценности, нормы, правила, институции. Россия продемонстрировала ускоренное восстановление после разрухи 1990-х годов и обратилась к поиску идентичности в своей культуре и традициях. Глобализация привела к ослаблению большей части национальных государств, и тогда появилась идея о «возвращении империй» в формате великих сил, связанных экономически и цивилизационно. Мультиполярность начала оформляться не только как экономическая, но и как цивилизационная основа.

Мировой экономический кризис ускорил развитие противоречий, конфликтов, разделение; продемонстрировал сильно возросшее неравенство и кризис неолиберальной демократии в развитых западных странах; резко увеличил задолженность США и усилил ощущение ослабления их возможностей. В условиях кризиса оказалось, что из него нельзя выйти, как это было в 1933 году, путем стимулирования внутреннего потребления, и прежде всего через открытие новых рынков и стимулирование экспорта за счет чужого потребления или извлечение ресурсов других стран. Это резко усилило агрессивный и экспансионистский характер действий не только мирового гегемона — государств капиталистического центра, но и других крупных капиталистических сил. Цивилизационные характеристики, идеологические объяснения, оправдания соответствующими ценностями, моралью и правами человека становятся инструментом легитимации соответствующих, все более агрессивных политик, к ведению которых вынуждает государства глобальный капитализм. Мир приближается к ситуации, сходной с описанной в большой дискуссии об империализме, империалистической стадии развития капитализма в начале XX века.

Противопоставление геоэкономическое, но каждая из основных сил пытается собрать вокруг себя остальные на основе цивилизационной солидарности и идентичности. Россия пытается создать Евразийский союз с государствами постсоветского пространства на основе общего прошлого и общего языка. В то же время европейская интеграция застопорилась, разрываясь между 23 языками и 3 азбуками, из-за трудности создать общую идентичность.

Противопоставления обусловлены кризисом капитализма и возрастающим неравенством. Они стимулируются экономическими интересами отдельных стран и регионов. Глобализация движения рабочей силы по планете приводит к столкновениям больших масс людей на этнической, религиозной и национальной почве. Большое количество иммигрантов в западных государствах отрицательно влияет на уровень зарплат и занятость местных работников, и это порождает противоречия между приезжими и постоянными жителями страны. С другой стороны, в условиях конкуренции за рабочие места иммигранты вынуждены соглашаться на нищенские условия, поэтому социально-классовые противоречия в развитых западных странах

приводят к столкновениям на этнической и религиозной основе.

2. Болгария и Россия в контексте изменяющихся цивилизационных отношений и баланса сил

Болгарское Возрождение начинается с формирования национальной идеи, опирающейся на русофильство, и, может быть, нет более русофильских художественных произведений в мире, чем те, которые написаны болгарскими поэтами и писателями, такими как Иван Вазов и Петко Славейков. Россия предстает там как символ могущества, опоры, братства.

После освобождения от османского ига Болгария разрывается между Россией и Западной Европой, но то же разделение мы находим и в самой России между славянофилами и западниками. В этом разделении внутри двух государств есть общие и различные моменты. В России западники, или либеральные универсалисты, противопоставлялись почвенникам, националистам, консерваторам, сторонникам цивилизационной модели, славянофилам. В Болгарии тоже были западники (либералы, универсалисты, сторонники европейской модели), а альтернативные им почвенники являлись русофилами, потому что видели специфику национальной идентичности неотделимой от общих славянских, православных, языковых, письменных корней с Россией. Баланс между ними изменяется в соответствии с геополитическими переменами, из-за которых Болгария оказывается в геополитической зависимости или от Запада, или от России.

Однако независимо от геополитических перемен русофильство оставалось глубоко в сознании народа, что привело к уникальной ситуации, когда Болгария включилась во Вторую мировую войну на стороне Германии, объявила войну США, но с Россией в войну не вступила.

После 1944 года стала популярной фраза Георгия Димитрова о роли СССР для Болгарии как «солнца и воздуха для каждого живого существа». Болгария была очень близка к России в культурном отношении до 1989 года, что проявлялось в широчайшем распространении русской культуры, в частности газет, журналов, книг, фильмов. В Болгарии не было диссидентов, они стали плодом советской перестройки и появились как поклонники Горбачева из так называемого «клуба гласности и перестройки».

Позже произошел распад СССР и был триумфально установлен однополярный мир в 1990-е годы и в первой половине следующего десятилетия, когда Россия заняла подчиненное Западу положение и отдала власть олигархам.

Когда премьер-министр Болгарии Жан Виденов в 1996 году посетил с официальным визитом Москву и заявил Б. Ельцину: «Мы не будем вступать в НАТО и ЕС, но вы должны нам помочь с экономическими проектами», Ельцин, находясь под американским влиянием, ответил: «Делайте что хотите, это нас не интересует». После этого болгарский президент Петр Стоянов призвал к «новому цивилизационному выбору»¹, имея

¹ Решетников Л. САЩ промиват мозъка на българина. URL: <http://bgnews.me> (дата обращения: 07.09.2014).

в виду вступление Болгарии в НАТО и ЕС, то есть ее присоединение к западной цивилизации. Для применения западной «мягкой силы» были созданы специальные «мозговые тресты» и НКО, через которые осуществлялось финансирование переписывания болгарской истории в прозападном, русофобском и антисоветском духе, преуменьшая ее славянские и православные элементы.

Второй этап конфликтности цивилизаций наступил после 2007 года, когда новые тенденции в России, связанные с созданием Евразийского союза и утверждением русской идентичности при сильном государстве и консервативной традиции, изменили положение дел. В связи с кризисом и разочарованием от ЕС, геополитической газовой войной на Балканах, положением дел на Украине в массовом сознании снова усилилось противопоставление «русофилы–русофобы».

Что нам говорит целый ряд социологических исследований последнего десятилетия в Болгарии по этому вопросу?

Ряд исследований по шкале социальных дистанций Богардуса, которые имеют болгары в отношении представителей других этнических общностей, показывает, что наименьшими являются социальные дистанции в отношении русских, то есть болгары воспринимают русских как самую близкую из всех этнических общностей. Это люди, с которыми болгары в самой высокой степени готовы поддерживать приятельские отношения, быть соседями, вместе работать, вступать в брак. Показательно, что русских воспринимают даже более близкими, чем бессарабских болгар и македонцев, которые намного более тесно связаны с Болгарией¹. Эти данные подтверждаются и после начала конфликта на Украине в исследованиях этих проблем в период с 16 июня по 6 июля 2014 года².

Болгары — самые большие русофилы в Европе. Это подтверждают данные международного исследования «Трансатлантические тенденции», проведенного в 2008 году в 12 европейских государствах и США. При ответе на вопрос: «Какие чувства болгары испытывают к данным странам?» использовалась шкала, согласно которой 100 означает «очень теплые», а 0 — «очень холодные»; средний ответ проанкетированных болгар в отношении России показал оценку 66. В то же время наблюдается тенденция, согласно которой положительное отношение к США ослабевает. Исследования центра «Пью Рисерч» 2007 года показывают, что только 51 % болгар положительно относятся к США, то есть за пять лет наблюдается спад на 21 %. И наиболее вероятно, что основной причиной этого стало нарушившее все международные законы вторжение американцев в Ирак и Афганистан, повлекшее за собой бедственные последствия для этих стран.

Можно говорить о двух этапах русофильства в Болгарии в течение последнего десятилетия. Первый этап проблемно и непротиворечиво сочетает-

ся с еврофильством, а также с американофильством до 2002 года. В сущности, и Россия в это время была готова к активной интеграции с Европой. А международное исследование «Трансатлантические тенденции» 2011 года еще раз показало, что болгары являются самыми большими русофилами в Европе: огромное количество (88 %) болгар положительно относятся к России, в то время как в среднем по Европе эта доля составляет 50 %. Только 10 % не любят Россию. Одновременно с этим болгары вместе с румынами имеют наиболее позитивное отношение к ЕС (90 %). Поэтому партии правого толка организуют русофобские демонстрации, в то время как Болгарская социалистическая партия пытается сочетать прозападные и прорусские взгляды.

Однако два события 2013 года положили начало новой геополитической и геоэкономической ситуации, имеющей отношение к русофильству в Болгарии. Речь идет о перевороте на Украине и начавшейся геополитической войне за нее между Западом и Россией, а также о геополитических баталиях, связанных с энергетикой и «Южным потоком», где Болгария являлась центром событий. Все это совпало с усиливающимся разочарованием от результатов членства Болгарии в ЕС и привело к резкому обострению отношений между русофилами и русофобами. Разумеется, это нашло свое отражение и в результатах новых социологических исследований.

Например, во время национального исследования агентства «Альфа Рисерч», проведенного в конце апреля 2014 года, задавался вопрос: «Если бы сегодня был проведен референдум и вам бы пришлось выбрать между присоединением Болгарии к ЕС или Евразийскому союзу (России), как бы вы проголосовали?». Были получены следующие ответы:

- присоединение Болгарии к ЕС — 40 %;
- присоединение Болгарии к Евразийскому союзу — 22 %;
- не знаю/не буду голосовать — 28 %.

Сторонники вступления в ЕС сегодня не получили бы абсолютного большинства. Цивилизационное разделение происходит внутри каждой партии, но в разных пропорциях. Наблюдается зарождение когерентного антиевропейского блока, который официально не афишируется, не имеет предпосылки развития в следующие годы, то есть болгарское общество демонстрирует цивилизационную разобщенность, подобную той, которую мы наблюдаем на Украине. Неспоримый факт, что в сущности это цивилизационное разделение возникло еще после освобождения Болгарии от османского ига и постоянно присутствовало в болгарской истории, за исключением времени социализма.

Другое представительное социологическое исследование, проведенное агентством «Медиана» с 21 февраля по 1 марта 2015 года, во время пропагандистского обострения противостояния между Западом и Россией, особенно в связи с убийством Бориса Немцова, подтверждает подобные данные. Пропагандистское представление ведущими болгарскими телевизионными каналами и огромным количеством финансируемых аме-

¹ См.: Пампоров А. Социални дистанции и етнически стереотипи за малцинствата в България. София: Ин-т «Отворено общество», 2009.

² Пампоров А. Новите цигани // Политики. 2014. № 3. URL: http://politiki.bg/?cy=285&lang=1&a0i=224111&a0m=readInternal&a0p_id=1106

риканцами НПО образа России как агрессора, а США и НАТО — как радетелей мира, справедливости и демократии, расходится с общественным мнением.

Ответственность за события на Украине намного в большей степени ложится на США, чем на Россию. Соответственно нагнетание напряжения в отношениях с Россией усиливают антинаатовские настроения. Большая часть совершеннолетних (68 %) придерживаются мнения, что болгарское правительство подчиняет страну чуждым экономическим и политическим интересам, и только 32 % полагают, что кабинет отстаивает национальные интересы. Существует огромная разница между официальной позицией о России, Украине и США, представляемой ведущими СМИ, президентом и министрами иностранных дел и обороны, с одной стороны, и общественным мнением и позицией — с другой. Образ России как агрессора, а США и НАТО — как радетелей мира, справедливости и демократии не выдерживает критики в общественном мнении. Только 11 % считают, что Россия спровоцировала события на Украине. Намного больше процент тех, кто полагает, что в том, что там происходит, виновны США, — 23 % респондентов. Только 6 % болгарских граждан поддерживают позицию США на Украине, а в четыре раза больше — 24 % — поддерживают позицию России. По мнению 33 %, при возможном конфликте НАТО–Россия Болгария должна выйти из ЕС, и только 9 % считают, что страна должна остаться в альянсе. В пользу размещения в Болгарии баз НАТО высказываются лишь 14 % болгар, против — 52 %, то есть при проведении референдума болгарский народ проголосовал бы против американских баз, которые воспринимаются как направленные против России¹.

Оппозиция «русофилы–русофобы» в Болгарии во многих отношениях совпадает с оппозициями ле-

вых–правых и коммунистов–антикоммунистов. В Болгарии самые «пещерные» антикоммунисты и такие же русофобы. С самого начала, после 1989 года, правые и прозападные силы в Болгарии демонстрировали ярко выраженные антисоветские и антикоммунистические настроения, воспринимая Запад как идеальную модель, к которой должна была стремиться Болгария, но этому помешал СССР. Во многих отношениях антисоветизм и антикоммунизм как позиция были перенесены и на Россию. И наоборот, у левых сил наблюдается ностальгия по периоду до 1989 года, связанному с СССР, и соответственно по тесным связям с русским народом. В связи с этим левые силы, хотя и в различной степени, являются доминирующе русофильскими. При этом мы наблюдаем разделение и в геополитической ориентации, и во взглядах на мир. Русофобы остаются в мире Фукуямы, в то время как русофилы живут скорее в мире Хантингтона, откуда американская гегемония ушла или постепенно уходит. США не могут быть образцом, мы должны учитывать наши исторические связи и ценности.

Во всяком случае, когда речь идет об отношении к России, Болгария демонстрирует ряд специфических моментов, которые отличают ее от других государств ЕС: а) Болгария — самая близкая к России в цивилизационном плане страна ЕС; единственная славянская, православная и использующая кириллицу страна в Евросоюзе, по инициативе которой даже эта азбука нашла в нем место; б) население Болгарии показывает самые сильные русофильские настроения; в) Болгария имеет самые значимые меньшинства на Украине и в России и поэтому очень обеспокоена тем, что там происходит; г) Болгария сильно заинтересована в экономических связях с Россией, потому что новая холодная война Запада с Россией, как это было при распаде СССР, будет иметь тяжелые последствия для ее экономики.

Г. М. Резник²

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: УРОКИ КОМПАРАТИВНОСТИ

Вступив в Совет Европы и ратифицировав Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 30 марта 1998 года, Россия признала юрисдикцию Ев-

¹ См.: «Медиана»: Общественного ням доверие в управлението. URL: <http://www.vesti.bg/bulgaria/politika/mediana-obshtestvotoniama-doverie-v-upravlenieto-6032533> (дата обращения: 04.03.2015).

² Вице-президент Федеральной палаты адвокатов, профессор кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, заслуженный юрист России. Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ» и др. Член Общественной палаты РФ. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по вопросам совершенствования правосудия при Президенте РФ. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, знаком общественного признания «Символ Свободы» Союза журналистов России. Почетный доктор СПбГУП.

ропейского суда по правам человека (суд) обязательной по вопросам толкования и правоприменения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения этих договорных актов. За 15 лет, прошедших с момента первого рассмотренного в публичном слушании дела «Калашников против России» (18 марта 2001 г.), Суд принял порядка 2 тыс. постановлений по российским делам, большей частью признавая нарушения Российской Федерацией разного рода норм европейского права.

Некоторые решения Суда вызывали обостренную реакцию со стороны российских властей: в них усматривалась политизированность (дело Илашку 2006 г.; Кононова — 2010 г.) либо превышение своей компетенции (дело Маркина 2007 г.). В частности, председатель Конституционного Суда В. Зорькин и Президент РФ Д. Медведев заявляли, что Россия не пе-

редавала Суду часть своего суверенитета, позволяющую принимать решения по изменению российского законодательства.

В последнее время на фоне обострения международной обстановки в связи с украинскими событиями критика Суда усилилась. Зазвучали призывы покинуть Совет Европы и выйти из-под юрисдикции Суда. Довод об ослаблении суверенитета подкрепляется социокультурной аргументацией — навязыванием России чуждых ей западных ценностей. И вот уже норма Конституции о приоритете международного права над национальным объявляется руководителем Следственного комитета А. Бастрыкиным диверсией правового регулирования.

Межгосударственные распри и ура-патриотическая риторика праву, конечно, не союзники. Но положительный момент в политической турбулентности все же есть: повышается общественный интерес к вопросам обеспечения мирового и внутригосударственного порядка, в массовом сознании и прессе расширяется спрос на профессиональные знания ученых-юристов и культурологов, им предоставляется шанс содействовать хотя бы частичному переводу разожженных оголтелой пропагандой эмоций в рациональное, опирающееся на факты обсуждение.

Соотношение международного права и государственного суверенитета — проблема давняя, перманентно актуальная. Европейская конвенция была принята в 1950 году вслед за Всеобщей декларацией прав человека ООН 1948 года и содержит те же основополагающие нормы о гражданских и политических правах и свободах. Оба эти акта преследуют общую цель — обеспечить всеобщее признание и осуществление провозглашенных в них прав, но имеют существенное отличие — в эффективности контроля за их соблюдением. Декларация, согласно Уставу ООН, носит лишь рекомендательный характер, и юридическую силу ее положения получили значительно позже в двух договорах — Пакте о гражданских и политических правах и Пакте об экономических, социальных и культурных правах, вступивших в силу только в 1976 году. При этом так и не были преодолены сложности с их имплементацией.

Реализации международных обязательств на внутригосударственном уровне препятствовала как раз абсолютизация СССР и его восточноевропейскими сателлитами, а также рядом стран азиатского региона принципа государственного суверенитета. В итоге Факультативный протокол к Пакту о гражданских и политических правах, наделяющий специальный Комитет по правам человека компетенцией принимать и рассматривать сообщения от лиц, которые утверждают, что являются жертвами нарушения какого-либо из прав, изложенных в Пакте, СССР и странами, входящими в социалистический лагерь, не был ратифицирован. За таким решением стояло нежелание тоталитарного режима соблюдать политические права на свободу мысли и слова, совести и религии, собраний и ассоциаций, передвижения. Но Протокол не предусматривал никаких санкций за нарушение прав человека. Единственная неприятность для государства-нару-

шителя, ставшего участником Протокола, — попадание в ежегодный доклад Комитета для Генеральной Ассамблеи ООН. СССР, не ратифицировавший Протокол, и от этой неприятности был избавлен.

Европейская конвенция отличается от всех других международных актов о правах человека введением действенной гарантии защиты нарушенных прав — Суда, рассматривающего индивидуальные жалобы на нарушения Конвенции и полномочного накладывать санкции на государство-нарушителя в виде компенсации за причиненный пострадавшему вред. Закономерно, что столь решительный рывок к системе обеспечения верховенства права, плюралистической демократии, прав человека сделала послевоенная Европа. Но, как справедливо замечает Петер Лепрехт, интернационализация прав человека обязана «не столько заслугам и успехам Европы, сколько ее ошибкам и падениям, чудовищным преступлениям, явленным миру при тоталитарных, фашистских и нацистских режимах, взрыву варварства, разразившемуся в самом сердце так уверенного в своей цивилизованности европейского континента».

Руководствуясь доводом «Больше никогда!», творцы Конвенции из 12 европейских стран в то же время осознавали сложности создания наднациональной юрисдикции, ее столкновения с вековыми традициями государственного суверенитета. В своей первоначальной редакции Конвенция образовывала два органа — не только Суд, но и своего рода фильтр — Европейскую комиссию по правам человека, которая первой принимает жалобы неправительственных организаций и отдельных лиц на нарушения их прав государствами — членами Совета Европы и решает, следует ли их передать на рассмотрение Суда. На первых порах активность Суда была крайне низкой. Так, первое дело по индивидуальной жалобе он рассмотрел только в 1968 году.

Тем не менее идея транснационального правосудия в области основных прав и свобод человека уживалась в западноевропейском пространстве длительное время. Первоначально против предоставления индивиду права на подачу жалобы в комиссию и против обязательной юрисдикции Суда возражало большинство государств. В 1953 году Конвенцию ратифицировали всего восемь стран, и только в 1975-м ее участниками стали все члены Совета Европы. Осознание того, что защита и развитие прав человека являются действенным средством достижения единства между европейскими странами, и возросший авторитет Суда обусловили принятие в 1994 году Протокола № 11 к Конвенции, который повысил уровень наднациональной защиты прав человека, упразднив Европейскую комиссию и открыв индивиду, неправительственным организациям и группам лиц прямой доступ со своими жалобами в Суд, а государства-участники обязались не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

Чем объясняется удовлетворение Судом большинства жалоб, признанных им приемлемыми, от граждан всех без исключения европейских государств — правда, с учетом того, что более 90 % обращений отбра-

ковываются как не подлежащие рассмотрению? Ведь права и свободы, изложенные в Конвенции, закреплены в национальном законодательстве каждой страны — члена Совета Европы. Механизм защиты, установленный Конвенцией, имеет дополнительный характер по отношению к национальным системам гарантий прав человека и запускается только путем искового производства после исчерпания внутренних средств правовой защиты. Никуда не делись в Конвенции и публичные интересы, ограждаемые национальными законами: государственная безопасность, территориальная целостность, общественное спокойствие, здоровье и нравственность, борьба с беспорядками и преступностью. В своих постановлениях Суд ориентирует национальную юстицию на поиск справедливого баланса между защитой прав человека и требованиями обеспечить общие интересы. Практика Суда показывает, что этот баланс нередко нарушается. Причина тому — сформированные за длительное время этатистские традиции, в свете которых даже при демократическом режиме права человека и публичные интересы в лучшем случае считают равновеликими ценностями.

Но естественно-правовая доктрина, положенная в основу Конвенции, утверждает иное. Права и свободы человека — это принцип, а публичные интересы — его ограничение. Поэтому приоритет этих интересов *ad hoc* должен базироваться на двух критериях — не только предусматриваться законом, но и быть необходимым в демократическом обществе. Такую необходимость Суд толкует как настоятельную потребность во вмешательстве государства для того, чтобы предотвратить злоупотребление индивидом своими правами. Именно об этот критерий постоянно спотыкаются национальные власти. Достоинство постановлений Суда, признающих выдвинутые государством условия или наложенные санкции недопустимыми либо явно непропорциональными, состоит в разработке конкретных ориентиров для национального правоприменения.

В качестве примера можно привести практику Суда по жалобам на ст. 10 Конвенции о праве на выражение своего мнения. В постановлении по делу «Линген против Австрии» Суд указал на необходимость разграничивать утверждения о фактах и оценочные суждения — последние не подлежат проверке на истинность, посему нельзя требовать доказательств их соответствия действительности. В последующих своих постановлениях Суд разъяснял, что при рассмотрении дел данной категории в отношении прессы национальным судам следует учитывать следующие обстоятельства:

- наличие или отсутствие общественного интереса — освещение вопроса, важного для демократического общества;
- статус диффамируемого лица: публичным фигурам (политическим деятелям, звездам спорта и шоу-бизнеса, известным журналистам) предоставляется меньшая защита от критики в СМИ, чем рядовым гражданам;
- срочность освещения вопроса: новости — скоропортящийся товар;

- добросовестность журналиста: он должен был предпринять попытки проверить надежность информации;

- выступление в СМИ — ответ на выдвинутые в ходе политической дискуссии обвинения;

- недопустимость предъявлять к точности высказываний политиков, общественных деятелей и журналистов о правонарушениях те же требования, что к актам правоохранительных органов и судов.

Такого рода разъяснения содержатся и в постановлениях Суда по применению других статей Конвенции: о справедливом публичном разбирательстве дела независимым и беспристрастным судом; об уважении частной и семейной жизни; о праве на свободу совести и религии; о праве на свободу мирных собраний и свободу ассоциаций.

При этом Суд постоянно подчеркивает, что в его функцию не входит оценка *in abstracto* соответствия законодательных или конституционных норм требованиям Конвенции, неоднократно признавая право внутригосударственных органов на свободу усмотрения в особо острых случаях конфликта интересов, в частности свободы самовыражения и оскорбления чувств верующих, свободы мнений и коммерческой рекламы.

В тех случаях, когда Суд сталкивается с тем, что нарушения прав человека вызываются одной и той же дисфункцией на национальном уровне, он может выбрать одну или несколько из повторяющихся жалоб, приоритетно их рассмотреть и принять так называемое пилотное постановление. Отличие пилотной процедуры состоит в том, что Суд может «заморозить» на некоторое время рассмотрение однотипных дел при условии, что будут незамедлительно приняты меры по исправлению системной проблемы. Каким образом — решает само правительство под надзором Комитета министров Совета Европы. Если проблема оперативно не решается, Суд возобновляет рассмотрение приостановленных дел.

Пилотные постановления Суд выносил по делам против 13 государств, в том числе Германии, Греции и Великобритании. Интересно развитие событий после вынесения двух пилотных постановлений по делам против России. По делу Бурдова (15 января 2009 г.) была выявлена структурная проблема: неисполнение судебных решений о взыскании денежных средств по более чем 200 жалобам, рассмотренным Судом с 2002 года. Суд предписал в течение шести месяцев создать эффективное внутреннее средство правовой защиты или комбинацию таких средств, которые обеспечили бы адекватное и достаточное возмещение за неисполнение или несвоевременное исполнение национальных судебных решений.

Следуя данному пилотному постановлению, в Российской Федерации через год были приняты законы № 68-ФЗ и 69-ФЗ, которые предусматривают право направить в российский суд жалобу, содержащую требование о компенсации за задержку исполнения судебного решения, вынесенного против государства, или за чрезмерную длительность рассмотрения дела в суде. В двух своих решениях о неприемлемости жа-

лоб против России от 24 сентября 2010 года (Наговицын и Нальчиев, Фахретдинов) Суд указал, что заявители должны были исчерпать новые внутренние средства правовой защиты, а также отметил, что он может пересмотреть свою позицию в будущем в зависимости от последовательной практики российских судов по данному вопросу.

Значительно сложнее оказалось решать системную проблему, на которую указал Суд в деле Ананьева (10 января 2012 г.): ненадлежащие условия содержания под стражей (острая нехватка личного пространства в камерах, нехватка спальных мест, ограниченный доступ к свету и свежему воздуху, отсутствие приватности при пользовании санузелом). Суд в более чем 80 своих постановлений, вынесенных с 2002 года, квалифицировал такое положение как нарушение ст. 3 и 13 Конвенции (право не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и право на эффективное средство правовой защиты). Еще более 250 аналогичных дел находились на рассмотрении Суда.

Выяснилось, что в стране практически отсутствуют СИЗО, соответствующие международным стандартам. Чему есть простое объяснение — за 70 лет советской власти не было построено ни одного следственного изолятора, росли одни колонии для осужденных — стройкам коммунизма требовалась дешевая рабсила. Прецедент Ананьева содействовал продвижению Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы», предполагающей строительство к 2016 году 12 СИЗО, удовлетворяющих современным требованиям.

Данное пилотное постановление имело еще один положительный эффект: в Государственной Думе и Верховном Суде наконец-то прислушались к доводам правозащитников об избыточности применения в качестве меры пресечения содержания под стражей. Сажать до суда стали меньше, расширилось применение залога и подписки о невыезде. Однако в силу фундаментального характера права на защиту от бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращений Суд решил не откладывать рассмотрение поступивших к нему аналогичных жалоб.

Озабочился Суд и справедливостью определения суммы компенсации за нанесенный нарушением Конвенции моральный вред. Все страны разделены на четыре зоны в зависимости от уровня экономического развития: 100, 80, 60 и 40 %. Сто процентов компенсации с государства получают жители Западной Европы. Россия помещена в 60-процентную зону, а Молдавия и Грузия, например, — в 40-процентную. То есть за одинаковое нарушение россиянину присудят почти вдвое меньше, чем, скажем, англичанину.

Недовольство Судом время от времени выражают разные страны, в том числе пионеры Совета Европы — Франция, Голландия, Швеция. Лидирует Великобритания, периодически грозящая выходом из-под юрисдикции Суда. Антистрасбургские настроения вызвали постановления о защите прав военнослужащих, мигрантов и беженцев, а также пассивного избирательного права у осужденных. Нет оснований усма-

тривать здесь влияние каких-то глубинных национальных традиций. У всех стран европейского континента общая судьба: каждая переживала территориальную раздробленность, видела костры инквизиции, изощрялась в формах смертной казни, переходила от религиозного к светскому государству, от сельского к городскому образу жизни, участвовала в войнах и политических блоках. У многих с таким трудом обретенный национальный суверенитет подчас рождает болезненную реакцию на критику наднациональным органом устоявшейся управленческой практики. Понятны и амбиции Британии, обоснованно считающей себя первопроходцем на пути развития свободы и прав человека — Великая хартия вольностей (1215), Habeas Corpus Act (1689).

Россия была избавлена от всех сложностей принятия юрисдикции Суда. За пять лет до вхождения в Совет Европы Конституция Российской Федерации установила, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2), «признаются и гарантируются... согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» (ст. 17). Ссылка на международное право имеет здесь чисто политическое значение, поскольку все без исключения международные принципы и нормы о правах человека закреплены в нашей Конституции. Как сказано в ст. 15, «являются составной частью ее правовой системы». Вот почему критика гуманитарных норм международного права есть на самом деле отрицание основы конституционного строя Российской Федерации.

С сожалением приходится отмечать, что в последние годы в государственной политике и жизни нашей страны наблюдается движение вспять. Цель консолидации граждан вокруг власти, особенно усилившаяся после присоединения к Российской Федерации Крыма, очевидное стремление церкви взять реванш за 70 лет гонений породили ряд законов — о запрете усыновления российских детей иностранцами, об иностранных агентах, об уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств, за организацию и участие в несанкционированных митингах — умаляющих, ограничивающих политические права на свободу слова, собраний и ассоциаций. История с постановкой оперы Вагнера «Тангейзер» поражает всплеском мракобесия. Законопроект о введении в уголовный процесс категории истины с возложением обязанности ее устанавливать на суд уничтожает конституционные принципы презумпции невиновности и состязательности, возвращает неоинквизиционное советское судопроизводство.

Не «духовные скрепы», не культурные традиции, не национальные особенности, а политическая конъюнктура и особенности развития мысли в отдельных национальных властных головах — вот истинные причины шельмования либеральных ценностей, ставки на архаику и невежество, призывов покинуть Совет Европы, выйти из-под юрисдикции Суда. И это в то время, когда идея наднациональных гуманитарных судов завоевывает мир: созданы Межамериканский и Африканский суды по правам человека, прорабатывает-

ся вопрос о создании Исламского и Азиатского судов. Россия — многоконфессиональная страна, но уже свыше тысячелетия принадлежит европейской цивилизации. Европейский суд — ее выдающееся достижение, он создан для защиты простых людей от посягательств государства, под влиянием его решений совершенству-

ются внутреннее законодательство и судебная практика. Не нужно забывать, что каждое постановление Суда против государства принимается в пользу гражданина этого государства. Правовое государство должно приветствовать повышение уровня защиты прав и свобод своих граждан.

Винсент дела Сала¹

ЕВРОПА — МЕРКУРИЙ, РОССИЯ — ПЛУТОН: СЛОЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Во время военных действий в Ираке в 2003 году между Европой и Соединенными Штатами Америки возникли разногласия. Тогда Роберт Каган написал свою знаменитую ныне книгу, в которой утверждал, что Соединенные Штаты прибыли с Марса, а Европа — с Венеры. Мифические фигуры олицетворяли собой предпочтение Европы действовать мирными методами урегулирования конфликтов между субъектами в международной системе, в отличие от Соединенных Штатов, которые придерживались классического типа международной политики, определенных властных отношений.

Мы можем использовать эти мифические фигуры, чтобы дать представление о том, как каждая сторона рассматривает другую и может ли это приблизить к точке непримиримых разногласий, которые могут привести к нестабильности в Европе и за ее пределами. Мой доклад будет сфокусирован прежде всего на том, каким образом ЕС видит себя в качестве глобального игрока и каковы общепринятые и распространенные мнения о России в разных частях Европы.

Я надеюсь, что мои комментарии помогут пролить свет на то, как Европейский Союз видит и формирует себя, как действует и как это может повлиять на отношения с Россией. Я не буду говорить о том, как другие страны, например Россия, интерпретируют ЕС, предоставлю это экспертам, которые знают факты лучше меня. Моя цель — проиллюстрировать, каким образом ЕС презентует себя как новый вид политической структуры; показать, что такое видение ЕС по определенным внутренним причинам является одним из препятствий в работе с остальными странами мира, что часто приводит к опасной ситуации недопонимания друг друга.

В римской мифологии Меркурий рассматривается не только как бог торговли и финансовой выгоды, но и как бог красноречия. Проворный и ненавязчивый, он стремится получить прибыль от все большего количества обменов, которые предположительно всем несут пользу. Плутон — темная фигура, бог подземного мира и хранитель подземных сокровищ, медленно реагирующий на изменения в мире. Я бы сказал, что эти две модели очень хорошо показывают, как ЕС вос-

принимает себя в мире и как видит Россию. Возможно, они также помогут понять, как Россия видит Европу, но я оставляю это тем, кто знает Россию намного лучше меня.

Смысл, который занимает центральное место в идентификации ЕС, — это именно то, что Энтони Гидденс называет онтологической безопасностью, так как ЕС представляет собой новый вид политического актора, который, по словам Жана Монне, одного из отцов-основателей Евросоюза, предназначен для замены современного государства-нации. Это государственное устройство определено не в рамках стратегического использования мощности, а в рамках этических ценностей и решения общих проблем. Оно не может не нести на себе бремя времени, фактов, истории и даже географии. Как утверждает Юрген Хабермас, «общества судьбы» собрались вместе для выполнения общей миссии. Напротив, ЕС представляет собой структуру, которая не гонится за политической властью, но ищет рациональные решения коллективных проблем для плодотворного сотрудничества. Катализатором этого процесса является общий интерес всех государств — членов Союза, которые стремятся к расширению торговли и созданию единого экономического пространства. Поскольку экономические системы стали более интегрированными, им необходимо решать множество вопросов — от изменения климата до движения к социальной сплоченности.

Независимо от цели ЕС рассматривает себя как модель для решения политических проблем современного мира. Он считает национализм искусственным барьером для решения проблем, а не средством влияния на граждан. Это история, которая наделяет ЕС идентичностью. Как и всем политическим системам, Евросоюзу нужны основания, чтобы придать своим действиям легитимность. Правдива эта история или нет — неважно, важнее, насколько это очевидно и приемлемо для граждан. Это основание придает ЕС как игроку на международной арене признаки «исключительности». Есть также правовая основа для этой позиции внешней политики — это ст. 21 Договора о Европейском Союзе, в которой указано: Союз на международной арене должен руководствоваться в своих действиях принципами, которые вдохновили его собственное творение, развитие и расширение и которые он стремится упрочить в мире: демократия, верховенство закона, универсальность и неделимость

¹ Адъюнкт-профессор политических наук кафедры социологии и социальных исследований Университета Тренто (Италия). Автор публикаций по политэкономии, европейской интеграции и демократической законности.

прав человека и его основных свобод, уважение человеческого достоинства, принципы равенства и солидарности, а также уважение принципов Устава ООН и международного права.

Договор гласит, что ЕС должен построить отношения с третьими лицами, которые разделяют эти ценности, так как это необходимо для объединения под властью закона, что способствует расширению демократии, помогает в ликвидации бедности, гарантирует устойчивое развитие мира. Что нам дает представление о ЕС в качестве игрока, который опирается только на взаимную выгоду и дипломатию для решения обычных проблем? Все это коренится в самой идее его создания и смысле существования. Рядовой обыватель видит создание ЕС не как результат холодной войны, вынудивший поделить Европу на сферы влияния, а как желание извлечь уроки из истории. Это научило таких политических лидеров, как Конрад Аденауэр, Роберт Шуман и Альчиде Де Гаспери, смотреть на национализм и стандартные понятия суверенитета и власти как на несоответствующие современному миру.

Фактически, держась за эти догмы, понимание мира просто оказалось ненужным ограничением и бременем, которое предотвратило поиск эффективных решений проблем граждан. Прагматизм и податливость, то есть быстрая смена позиции, должны были стать качествами нового принципа в послевоенную эпоху, а также инструментами, которые должны были принести мир и стабильность континенту, разоренному по крайней мере тремя главными войнами, произошедшими между 1870 и 1945 годами. Ключевым было использование постепенно нарастающей экономической взаимозависимости для установления нового порядка в мире. Эта прагматическая, гибкая модель управления, согласно фактам, несла ответственность за обеспечение беспрецедентного процветания в Европе и давала понять, что даже большинство укоренившихся геополитических и геостратегических конфликтов могут быть решены посредством действия закона, взаимного интереса и объединенного суверенитета.

Эти постулаты всегда сталкивались с внутренними трудностями и напряженными отношениями в пределах ЕС, прежде всего потому, что существовали отличия во внешней политике ЕС и самих государств-членов. Очевидно, что после холодной войны Великобритания и Франция были участницами многих военных вмешательств — от Косово до Ливии и Сирии. ЕС может быть и Венерой, и Меркурием, но некоторые его государства-члены действовали, преследуя свои стратегические интересы и/или используя военную силу для так называемых гуманитарных вмешательств. Еще более важно для описания Евросоюза, что большинство его государств — члены НАТО. С точки зрения ЕС действия государств-членов во внешней политике могут быть далеки от европейского уровня и преследовать национальные цели и интересы. Однако они также неотделимы от ценностей и политики ЕС, поскольку государства все более вовлечены в общую внешнюю политику и политику безопасности, которая отражает обязательства, принятые Лиссабонским договором. Это сложное взаимодействие сильно запутывает мно-

гих граждан Евросоюза, а тех, кто находится за его пределами, — еще больше. Судя по всему, это также дает повод для некоторых весьма противоречивых действий, которые идут вразрез со многими основополагающими принципами послевоенной международной системы, такими как, например, неприкосновенность государственного суверенитета.

Для ЕС как Меркурия прежде всего важно найти пути к взаимной выгоде для всех сторон, используя для достижения этой цели красноречие и смекалку, а не власть. Евросоюзу необходимо составить описание других игроков международной системы, которые представляют ЕС иначе. Поэтому сравнение Соединенных Штатов с Марсом, которое сделал Роберт Каган, было хорошо воспринято в Европе, так как выделяло их в трансатлантических отношениях как более аргументированного и разумного партнера, искавшего решения проблем, а не просто использовавшего власть. Европа любит презентовать себя как глобального игрока, который ищет пути к миру и дипломатии, в то время как другими странами в XXI веке движет жажда удовлетворения собственных интересов.

Отношения Европейского Союза как игрока, опирающегося на правила, с Россией всегда стимулировала самоидентичность, дающая основания для установления нового порядка. Как утверждают многие ученые, ЕС во время холодной войны создал «риторическую провокацию», то есть его картина мира и процветания, возникшая вследствие поиска экономической взаимозависимости как способа регулирования даже глубоко засевавших разногласий, фактически означала, что он не в состоянии помочь, но после падения Берлинской стены был настроен на расширение в сторону Центральной и Восточной Европы. Он не был нацелен на расширение сферы влияния или поиск своего рода геостратегического баланса. По словам лидеров ЕС, это являлось простым, логическим следствием привлекательности постмодернистского подхода к управлению. Евросоюз расширял не границы, а идею и модель. Кроме того, в мобильной модели ЕС важные исторические события, такие как переход к рыночной экономике и либеральному демократическому строю с международными обязательствами, не были бесмысленными. Либерально-демократические государства не существуют за счет интересов других игроков, потому что не считают себя обособленными. По факту они — часть продолжающегося и, возможно, необратимого процесса расширения и углубления взаимозависимости.

Решение о расширении в Восточную и Центральную Европу в 2004 году было принято десятилетием ранее. Конец холодной войны помог положить начало этому процессу, мир пришел в Европу, и больше не возникали политические и геополитические конфликты, которые невозможно было бы решить при новой форме правления, основанной на политических постулатах. ЕС представлял собой систему будущего и основу нового миропорядка на территории от Ирландского моря до, по крайней мере, Урала. Расширение было отмечено почти как естественное развитие, которое не меняло, не затрагивало любой геостратеги-

ческий баланс и не угрожало безопасности пограничных государств.

Европейская политика соседства (ENP) и связанное с ним Восточное партнерство (EP) были выработаны в пределах ЕС вновь не в качестве стратегического шага, а как средство для продвижения демократии и помощи пограничным государствам в экономическом переходе. Так как захват сферы влияния никогда не был частью официальной концепции Евросоюза, попытка установить отношения с такими государствами, как Украина и Грузия, рассматривалась просто как следование принципам ЕС: использование собственного влияния для распространения демократии и рыночного капитализма как способа установления нового международного порядка, основанного на законе, а не на ресурсе власти. Для других игроков ЕС кажется либо очень наивным, либо очень циничным, используя риторику и концепцию «нормативной» или «этической» власти, маскировать стратегические интересы.

В соответствии с таким подходом Евросоюз рассматривает себя в качестве порядочного, нравственного игрока, а Россию — как темного игрока, которым движет основной инстинкт. Напряженность в отношениях достигла кульминации в 2013–2014 годах по вопросу государств, которые участвовали в переговорах по присоединению к Евразийскому союзу и, возможно, подписывали договоры о сотрудничестве с ЕС. Несмотря на устоявшиеся убеждения, все это не было направлено на ослабление традиционного влияния России в регионе, хотя трудно было предположить, что она не расценит это как угрозу. Договоры о сотрудничестве предписывали участие государств в широком диапазоне реформ, чтобы скорректировать их национальное законодательство к стандартам Евросоюза, что положит начало процессу преобразования, который расширит влияние ЕС не только в регионе, но и в пределах мирового сообщества.

Это был традиционный метод, который использовал Евросоюз для интеграции в конце столетия, и это является причиной видения себя в качестве Меркурия. Может быть, в 2015 году эта ситуация покажется иной, но тогда ЕС полагал, что работа по интеграции с такими государствами, как Украина, свободна от любых геостратегических соображений и не угрожает стратегическим интересам России. Именно эта неспособность нравственного игрока видеть реальность вне собствен-

ной идентичности стала ошибкой Евросоюза, поскольку события на Украине обернулись неконтролируемым бедствием. Казалось, что для протестующих на Майдане модель ЕС — это модель будущего, луч солнца в темном царстве для тех, кто видел «конец истории». Эта же концепция приводит нас к выводу, что любая страна, так же как и Россия, которая наблюдает со стороны за стратегическими интересами ЕС и политикой власти, остается пойманной в ловушку истории.

Я уверен, что собственные установки ЕС также заманивают Россию в ловушку, а схемы мышления являются одновременно и рычагами, и ограничениями. Но кризис на Украине вызвал у Евросоюза вопрос о том, насколько его самоидентичность верна. Очевидно, что государства — члены ЕС не настолько близки к Меркурию, как сам Евросоюз, и совершают поступки, опираясь на стратегические линии, рассчитывая отстаивать национальные интересы в той же мере (если не в большей), в какой они продвигают постмодернистское видение нового порядка. Проблема для ЕС заключается в том, что большая часть его самоидентичности, или, как мы ранее говорили, онтологической безопасности, зависит от действий, базирующихся на представлениях о Меркурии. Наиболее гибкий стратегический игрок искал бы способы уладить споры с Россией, отталкиваясь от того, были ли под угрозой жизненно важные интересы, а не принципы. Евросоюз этого сделать не может (что не относится к его государствам-членам), так как если он отказывается от принципа, основанного на правилах нового порядка, сразу возникнет вопрос о необходимости его существования.

Таким образом, Россия и ЕС пойманы в ловушку истории, которая определила основных игроков и установила границы возможных решений. Я считаю, для того чтобы выйти из кризиса, обеим сторонам следует осознать общий миф о своих отношениях, что позволит поддерживать их онтологическую безопасность и даст им возможность скоординировать общие и различные интересы. Для того чтобы это свершилось, ЕС должен найти способ понять свою концепцию самоидентичности, осознать, что он — стратегический игрок, и принять это как данность. Это послужит фундаментом для поиска точек соприкосновения в решениях конфликтов с другими партнерами. Если он останется погруженным в концепцию самоидентичности, то он будет не Меркурием или Венерой, а двуликим Янусом.

Жак Сапир¹

КРИЗИС ГЛОБАЛИЗАЦИИ. НОВЫЙ КОНТЕКСТ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

В начале XXI века экономическая глобализация переживает регресс. История и политика вновь выдвигаются на передний план. Это означает возвращение на мировую арену государств, считавшихся ранее слабыми, и отступление рынков, которые считались всеведущими. Такая глобализация обусловила противоречивые мнения: одни ее превозносят, другие ругают. Сегодня, когда она «отступает», некоторые видят в этом регресс, а другие приветствуют как прогресс.

Однако в отступлении глобализации не следует видеть проблему. Миру известно много периодов подъема и спада. Миф о *doix commetse*, подменяющий военные конфликты, устарел. Во все времена военные корабли предшествовали торговым. Господствующие державы постоянно пользовались силой, открывая новые рынки и изменяя условия в свою пользу.

I. Новый экономический контекст

Результатом кризиса стали дискредитация *финансализации* (процесса перевода банковских кредитов в акционерно-облигационную форму) и необходимость реформ. Современный кризис обострил эту проблему. Однако отмена международного валютного и финансового порядка, навязанного США, началась в 1998 году. Ранние кризисы породили стратегии, которые обусловили нынешний кризис. В то же время последствия кризиса 1997–1999 годов оказались недостаточными для принятия структурных решений.

Тем не менее можно утверждать, что вопрос контроля за потоками капиталов представляет собой причину конфликта между правительствами, желающими прибегнуть к таким механизмам, и США². Защита экономического суверенитета государств несовместима с целями американской политики. Роберт Вейд (Robert Wade), один из крупных специалистов по промышленным стратегиям азиатских стран³, отождествляет контроль за движением капиталов с будущими конфликтами между США и странами, которые желают сохранить суверенитет своей экономической политики⁴.

¹ Профессор экономики Высшей школы социальных наук (EHESS, Париж), директор Центра исследований индустриализации SEMI-EHESS, визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Сталинизм и нацизм — сравнение двух диктатур» (в соавт.), «Экономические изменения в СССР в 1941–1985 гг.», «Работа и рабочие в СССР», «К экономической теории неоднородных систем — опыт исследования децентрализованной экономики», «Российская трансформация — 20 лет спустя» (в соавт.). Консультант Министерства иностранных дел и Министерства обороны Франции. Член редакционных коллегий ряда научных журналов Франции.

² Voir B. J. Cohen. Contrôle des capitaux : pourquoi les gouvernements hésitent-ils? // Revue économique. 2001. Mars. Vol. 52, № 2. P. 207–232.

³ Il faut ici citer son remarquable ouvrage R. Wade // Governing the Market. Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization. Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 1990.

⁴ Wade R. The Coming Fight Over Capital Controls // Foreign Policy. Hiver 1998/1999. Vol. 113. P. 41–54.

Можно ли регламентировать финансовую глобализацию?

Современный кризис, наступивший после многих других, вызвал к жизни новые попытки урегулирования рынков. Однако до настоящего времени эти усилия были малоуспешными, за исключением ужесточения правил, касающихся «налогового рая», а также желания ограничить некоторые виды доходов. Более 20 лет назад Международная организация комиссий по ценным бумагам (l'International Organization of Securities Commissions, IOSCO) определила список целей и принципов регулирования рынков⁵. В исследовании 2007 года, предшествовавшем началу кризиса, отмечались границы этой регламентации⁶. Пруденциальное регулирование на финансовых рынках обрело возрастающее значение с начала 1980-х годов.

Предполагается, что текущая рыночная стоимость, на которую ссылается пруденциальное регулирование, поможет стабилизировать рынок и его дальнейшее развитие. Она возникнет лишь в том случае, когда рынок стабилен, в противном случае невозможно установить текущую рыночную стоимость. Условием стабильности рынка является то, что ценные бумаги торгуются по текущей рыночной стоимости. Доверие, определяющее эту стоимость, предполагает, что ценные бумаги реализуются на рынке, который может функционировать только исходя из их текущей рыночной стоимости⁷. Такая логика цикличности рассуждений типична для либеральной мысли неоклассического толка. Тавтологический характер «текущей рыночной стоимости» был показан несколько десятилетий назад Э. Шаллем⁸.

К возврату запретительной регламентации?

Международный валютный фонд (МВФ), который невозможно заподозрить в экономической неортодоксальности, отмечает, что текущая рыночная стоимость ведет к возрастанию рисков финансовой нестабильности⁹. Это приводит к пересмотру идеи пруденциальной регламентации, возникшей из вакуума, порожденного постепенным исчезновением внешних регламентаций рынка¹⁰.

⁵ IOSCO // Resolution on the Regulation of Securities Market. Madrid, 1983. Avr. ; IOSCO // Objectives and Principles of Securities Regulation, Madrid, 1998. Sept. ; OICV–IOSCO // Methodology for Assessing Implementation of the IOSCO Objectives and Principles of Securities Regulation. Madrid, 2003. Oct.

⁶ Carjaval A., Elliot J. Strengths and Weaknesses in Securities Market Regulations: A Global Analysis // IMF Working Paper. Washington (D. C.) : FMI, 2007. Nov.

⁷ Brian Voir E., Walter C. Puissance de calcul et conditions de prévision // Critique de la valeur fondamentale / dir. E. Brian, C. Walter. Springer, 2007. P. 165–182.

⁸ Challe É. Valeur fondamentale et efficacité informationnelle // Critique de la valeur fondamentale / dir. E. Brian, C. Walter. Springer, 2007. P. 26–54.

⁹ Containing Systemic Risks and Restoring Financial Soundness // Op. cit. P. 64. Box 2–4, et p. 65.

¹⁰ Sapir J. L'illusion prudentielle (Ch. 8) // Nouvelles normes financières — S'organiser face à la crise / C. Walter (sous la direction

Пруденциальная регламентация регулярно терпела неудачи во время кризисов, которые следовали друг за другом начиная с 1987 года. То же самое мы наблюдали и в разгар кризиса, в сентябре-октябре 2008 года. Тогда власти финансовых рынков Лондона решили временно запретить продажу ценных бумаг на срок без покрытия (*short selling*). Те же действия были предприняты Государственной комиссией по ценным бумагам и фондовому рынку (SEC) на Уолл-стрит¹.

В этом случае следует критически отнестись к комплиментарным высказываниям Мишеля Альяета (Michel Aglietta) и Лорана Берреби (Laurent Berrebi) по отношению к американской пруденциальной регламентации в 2007 году². Эти авторы возвели американский пример в ранг нормы, которой должна следовать Европа³. Встает вопрос: какие причины способствовали возникновению кризиса? Излишнее доверие к функционированию финансовых рынков — в неподобающих условиях — в силу пруденциальной регламентации возникает на основе глобального доверия. Не случайно Мишель Альяета полагает, что уже с начала 1990-х годов финансовая глобализация является «вынужденной авантюрой»⁴.

Рыночная дисциплина имеет смысл, если она применяется на равных ко всем акторам рынка. Если быть реалистом (считающим, что равенство на рынке — это миф), то следует отказаться от принципа рыночной дисциплины как регулятора рынка. Действительно, история спекуляций и кризисов, начиная с «тюльпанового безумия» до современного кризиса⁵, демонстрирует тщетность использования рыночной дисциплины как спасительной формы. В теоретических работах показана важность риска заражения, а также то, что это происходит вопреки всевозможным пруденциальным регламентациям. Если рынок можно рассматривать как механизм, позволяющий диверсифицировать риски⁶, возможность заражения выражается с особой вирулентностью, даже если некоторые авторы склонны смешивать диффузию с заражением⁷. О заражении можно говорить, когда вследствие шока возникает внезапная положительная корреляция между различными инвестициями. Если бы это возвращение имело негативный характер или было ориентировано на снижение, можно было бы говорить

de). P. ; Berlin ; Heidelberg ; N. Y. : Springer-Verlag France, 2010. P. 161–188.

¹ Voir S. Kennedy. SEC Bans Short Selling Hundreds of Financial Stocks. Regulator Says Ban Is Needed to Protect Market Integrity; Banking Stocks Soar // Marketwatch.com. 2008. 19 sept. URL: <http://www.marketwatch.com/News/Story/sec-bans-short-selling-hundreds/story.aspx?guid=%7BFF3CA343%2D2485%2D4B0C%2DB971%2D7FBFA0AD4611%7D>

² Aglietta M., Berrebi L. Désordres dans le capitalisme mondial. Odile Jacob, 2007. P. 121.

³ Ibid.

⁴ Aglietta M., Brender A., Couderc V. Globalisation financière: l'aventure obligée. Economica, 1990.

⁵ Crises financières / dir. Voir J. Gravereau, J. Trauman. Economica, 2001.

⁶ Herring R., Santomero A. What is Optimal Regulation? / Pennsylvania Financial Institution Center, Philadelphie (Pa.). Université de Pennsylvanie, 2000.

⁷ Allen F., Gale D. Financial Contagion // J. of Political Economy. 2000. Vol. 108, № 1. P. 1–33 ; Nier E., Yang J., Yorulmazer T., Alentorn A. Network Models and Financial Stability // J. of Economic Dynamics and Control. 2007. Vol. 31. P. 2033–2060.

о процессе, описанном Хайманом Минским как “*debt-deflation*”⁸.

Необходимо обратиться к так называемой запретительной регламентации, ограничивающей свободу финансовых инноваций и субъектов рыночной экономики. Только такая регламентация способна нивелировать неопределенность ситуации, сложившейся на рынке. Должен быть поставлен вопрос о несовместимости такой регламентации с финансовой глобализацией в том виде, в каком она развивалась в течение последних сорока лет. Может быть либо то, либо другое, но не оба явления одновременно.

II. Кризис глобализации

Современный кризис показал границы не только финансовой глобализации, но и международной валютной системы. Мы живем в рамках системы эталонного доллара, который сам находится в кризисе. В то же время начиная с 2009 года мы удостоверились в невозможности использования евро как альтернативной валюты в рамках учреждений экономического и валютного союза. Структурный кризис евро преимущественно связан с условиями, в которых происходило его введение, но также и с непреодолимой ограниченностью институтов, его обеспечивающих⁹. Действительно, экономики имеют тот уровень инфляции, который соответствует их производительным, финансовым и социальным структурам; попытка подняться над этим уровнем может привести к длительному кризису в экономике и обществе¹⁰. Необходимо размышлять о постоянстве различных уровней инфляции в разных странах. Итак, единая валюта требует общих границ, что обуславливает важные различия между уровнями конкурентоспособности (с учетом временного фактора).

В то же время происходит возникновение механизмов ренационализации как финансовых, так и товарных потоков¹¹. Показатели свидетельствуют, что наступил кризис глобализации, который вернет государствам, по крайней мере тем, кто вовремя определит наиболее важные проблемы, существенную власть над международной экономикой.

Кризис финансовой глобализации

Некоторые авторы считают, что американский дефицит может быть компенсирован накоплениями азиатских стран¹². В так называемой Бреттон-Вудской системе II дефицит был вполне обоснованным, при этом она рассматривалась как стабильная. Это положение недав-

⁸ Minsky H. P. The Financial-Instability Hypothesis: Capitalist Processes and the Behaviour of the Economy // Financial Crises: Theory, History and Policy / dir. C. Kindleberger, H. Laffargue. Cambridge : Cambridge University Press, 1982.

⁹ Sapir J. Faut-il sortir de l'Euro. Le Seuil ; P., 2012 ; Idem. Les scénarii de dissolution de l'Euro (avec P. Murer et C. Durand) // Fondation ResPublica. P., 2013. Sept.

¹⁰ Voir G. A., Akerlof W. I., Dickens G. I. Perry Options for Stabilization Policy // Brookings Institution Policy Brief. 2001. Févr. № 69.

¹¹ Sapir J. La démondialisation. Le Seuil ; P., 2011.

¹² Dooley M. P., Folkerts-Landau D., Garber P. An Essay on the Revived Bretton Woods System // NBER Working Papers Series. Cambridge : National Bureau of Economic Research, 2003. № 9971.

но подтвердил ряд авторов в своих работах¹. Известен тезис об излишке накоплений или *global saving glut*, популяризированный Бенем Бернанке², президентом американской Федеральной резервной системы, а также Лоуренсом Саммерсом (Lawrence Summers³). Действительно, системе изначально была присуща нестабильность, выразившаяся в быстром распространении так называемых «вредных» долгов, которые благодаря финансовой глобализации получили развитие в различных банках и финансовых учреждениях планеты. Другие авторы высказывали тревогу начиная с 2005 года⁴.

Гипотеза излишка накоплений опиралась на критикуемую теорию кредитных ресурсов, бессодержательность которой показал Кейнс (Keynes) в 1937 году⁵. Отнюдь не являясь механизмом стабилизации финансовой глобализации, кредитные ресурсы привели к росту нестабильности. Решения, которые могут быть приняты в рамках финансовой глобализации, лишь ускорят кризис⁶. Кризис доллара в данных условиях будет нарастать.

Сегодня евро и доллар поддерживают друг друга, причем евро находится на крайней линии защиты доллара. Если евро обрушится, доллар столкнется с международной спекуляцией. Решение, поддерживаемое европейскими и некоторыми американскими экономистами⁷, будет заключаться в замене доллара на евро как основную валюту международной системы. Многие руководители, в частности французские, придерживаются этой идеи. Но такое решение имеет призрачные последствия, что подтверждает кризис, начавшийся в сентябре 2009 внутри еврозоны. Нынешний кризис породил устойчивое сомнение в будущем и надежностности евро. Действительно, евро в лучшем случае выступало эквивалентом (с точки зрения обменного курса) «золотого эталона». Но это не обеспечивало приспособляемости, которую гарантирует сохранение национальных валют, позволяющее девальвировать валюту, когда экономика страны сталкивается со структурными трудностями.

Чтобы состояться как валюта международного резерва, нужно нечто большее, чем относительно однородная экономика (чего нет в зоне евро). Сила доллара связана с особым положением США с геостратегической точки зрения. Европа и зона евро не могут заменить США в этой роли и не имеют на это средств, даже если бы они это планировали. Следовательно,

еврозона не сможет долгое время оставаться в своих границах.

Финансовая глобализация сегодня достигла своих пределов. Она ставит задачи не только перед правительствами стран, но и перед общественным мнением и организованными общественными силами (профсоюзами, ассоциациями). Либо надо довольствоваться второстепенными изменениями, чтобы дать шанс финансовой либерализации⁸, и тогда ее «смертоносная» сила приведет к серии кризисов, все более усиливающимся и разрушительных для общества. Либо принимается решение об ограничении драстическим образом финансовой глобализации. Процесс деглобализации в данном случае может быть только политическим и волонтаристским. Конечно, меры, с помощью которых он будет воплощаться, не должны быть технически связанными (когерентными)⁹. Впрочем, ограничения финансовой глобализации уже появляются (спонтанно и неорганизованно) во многих частях света¹⁰. Но следует привести их в соответствие.

Таким образом, возникает вопрос: может ли деглобализация стать фактом одной страны или она должна стать фактом группы стран, пытающихся организованно и согласованно освободиться от этой системы? Упорядоченную деглобализацию можно осуществить только в рамках группы стран. Но деглобализация может быть и неупорядоченной. Инерция и отсутствие воли у партнеров предоставляют стране право проанализировать свое положение. Государство также может предпринять ряд инициатив, чтобы вынудить своих партнеров либо принять ситуацию, эффективность которой намного ниже по сравнению с первоначальным положением страны, либо последовать ей.

Конец торговой глобализации

Торговая глобализация тоже достигала сегодня допустимых пределов. Это очевидно с экологической точки зрения (природе нанесен урон, вызванный логикой глобального развития, которому мы следовали примерно двадцать лет) и с точки зрения экономического и социального развития.

С экономической точки зрения торговая глобализация оказалась неспособной помочь развивающимся странам, более того, она привела к глубокому социальному регрессу в развитых странах. Эта политика «делает более бедными бедняков богатых стран и более богатыми богачей бедных стран».

Настало время вернуться к скоординированной национальной политике, которая способна одновременно обеспечить развитие и социальную справедливость¹¹. Такая политика уже разрабатывается в некоторых странах. В этом отношении запаздывание европейско-

¹ Dooley M. P., Folkerts-Landau D., Garber P. Bretton Woods II Still Defines the International Monetary System // NBER Working Papers Series. Cambridge : National Bureau of Economic Research, 2009. № 14731.

² Bernanke B. The Global Saving Glut and the U. S. Current Account Deficit : remarques // Federal Reserve Board. 2005. 10 mars.

³ Summers L. H. Reflections on Global Current Account Imbalances and Emerging Markets Reserve Accumulation // Jha L. K. Memorial Lecture, Reserve Bank of India. 2006. Mars.

⁴ Roubini N., Setser B. Will the Bretton Woods 2 Regime Unravel Soon? The Risk of a Hard Landing in 2005–2006. N. Y. : Mimeo : New York University, 2005.

⁵ Keynes J. M. Alternative Theories of the Rate of Interest // Economic J. 1937. Vol. 47, № 4.

⁶ Bibow Voir J. Insuring Against Private Capital Flows: Is It Worth the Premium? What Are the Alternatives? // International J. of Political Economy. 2008. Sept. Vol. 37, № 4. P. 5–30.

⁷ Chinn M., Frankel J. Why the Euro Will Rival the Dollar // International Finance. 2008. Vol. 11, № 1. P. 49–73.

⁸ Aglietta Voir M. Comprendre la crise du crédit structuré // Lettre du CEPIL. 2008. Févr. № 275.

⁹ Goodhart Voir C., Avinash P. How to Avoid the Next Crash // Financial Times. 2008. 30 jan.

¹⁰ Gallagher Voir K. P., Coelho B. Capital Controls and 21st Century Financial Crises: Evidence from Colombia and Thailand // PERI Working Paper Series. Amherst (Ma.) : University of Massachusetts Amherst, 2010. Jan. № 213.

¹¹ Sapir J. Le protectionnisme et la fureur de ses ennemis // Chang H.-J., Halimi S., Lordon F., Ruffin F., Sapir J. Le Protectionnisme et ses ennemis / éd. Les Liens qui Libèrent. P., 2012. P. 55–72 ; Sapir J. Retour vers le futur: le protectionnisme est-il notre avenir ? // L'Économie Politique. 2006. 3ème Trimestre. № 31.

го континента может быть охарактеризовано как трагическое. Под предлогом строительства Европы, политически «распыленной» и неспособной реализовывать реальную промышленную и социальную политику, мы отказались от проведения такой политики. Но, как напоминает Дани Родрик (Dani Rodrik), проблема заключается не в том, почему проводится такая политика, а в том, как она реализуется¹. Такая политика обязана быть глобальной и включать вопросы обменного курса и подготовки и развития инфраструктур.

Сегодня можно констатировать, что по большинству этих пунктов Евросоюз, судя по тому как он функционирует, оказывается препятствием. Именно Евросоюзу мы обязаны политикой открытости, ускорившей структурный кризис в нашей промышленности начиная с 1990-х годов. Сегодня есть возможность изменить эту политику. Но если сопротивление окажется слишком сильным, необходимо решиться на ренационализацию нашей экономической систе-

мы. Действия на европейском уровне предоставили бы нам максимум возможностей, но при этом не следует исключать действий на национальном уровне, если не удастся достигнуть соглашения с нашими партнерами. Феномен торговой глобализации достиг своих пределов, как социальных, так и экологических, и сегодня становится угрозой для части правящих классов в некоторых странах.

В настоящее время мы наблюдаем процесс дезинтеграции экономического порядка, который создавался начиная с 1971 до конца 1990-х годов. Такая дезинтеграция может происходить хаотичным образом (впрочем, так она и начиналась). Но она также может быть результатом согласованных действий при условии признания, что США следует координировать экономическую политику. Необходимо осознать нынешний кризис и его последствия в полной мере и вернуть США контроль над экономическими структурами².

В. С. Степин³

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ПРОБЛЕМА СТРАТЕГИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализацию обычно определяют как усиление взаимосвязей и взаимозависимости различных стран и регионов планеты. Интегративные процессы постепенно объединяют взаимодействующие компоненты в целостную систему. В процессе глобализации возникают объединения государств с различной степенью интеграции (ВТО, ШОС, БРИКС, СНГ, ЕАЭС, ЕС и др.). И по мере усиления интеграции в них все

¹ Rodrik D. Industrial Policy: Don't Ask Why, Ask How // Middle East Development J. 2008. P. 1–29.

² Sapir J. L'économie est-elle une anti-politique? // Cahiers d'économie politique. 2004. Automne. № 47. P. 111–126.

³ Руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философии науки и философии культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 700 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Становление научной теории», «Философская антропология и философия науки», «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание» (2000, пер. На исп. яз. — Stiorin V. S. El Saber Teorica. Estructura, Evolucion Historica, 2004; на англ. яз. — Stepin V. Theoretical Knowledge. Springer, 2005), «Философия науки: общие проблемы», «Цивилизация и культура», «Научное познание в социальном контексте», «История и философия науки», «Человеческое познание и культура», «Философия и методология науки», «Философская антропология и философия культуры» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член национальных академий наук Белоруссии, Украины, действительный член Международного института (академии) философии (Париж), действительный член Международной академии философии науки (Брюссель), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный доктор Новгородского государственного университета, Ростовского государственного университета, почетный профессор Института философии Академии общественных наук КНР (Пекин), почетный профессор Белорусского государственного университета (Минск). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

отчетливее проявляется фундаментальная закономерность сложных систем: компоненты (части), включаемые в систему, становятся лишь относительно автономными. Воспроизводство системы определяется параметрами порядка, выражающими особенности целого, что накладывает ограничения на воспроизводство и функционирование включенных в него частей (подсистем и их компонентов).

Все эти системные особенности интеграционных процессов являются объективной основой обострения проблем суверенитета и национальных интересов в глобализирующемся мире. Чем сильнее интеграция, тем в большей мере требуется согласование национальных интересов. А это предполагает выявление в них общего содержания, которое и обеспечивает возможности согласования различающихся интересов.

Как известно, интересы детерминированы ценностями. Структура интересов соответствует структуре ценностей, которая, в свою очередь, определяется взаимодействием уровней их системной иерархии — личностными, групповыми (корпоративными), классовыми, классовыми, этническими, национальными. Национальные интересы и ценности выступают своего рода фундаментом для всех остальных уровней.

Но это не предельное основание ценностной структуры современных обществ. Существует еще более фундаментальный уровень ценностной иерархии, который определяет взаимоотношение национальных интересов. На стадии современной глобализации этот уровень представлен жизненными смыслами и ценностями техногенного типа цивилизационного развития. Исторически он возникает в результате трансформаций культур, традиционных обществ, которые при всем их многообразии имели общие черты, позволяющие рас-

смаатривать их как различные варианты традиционалистского типа цивилизационного развития.

Я уже не раз писал в своих работах об отличительных признаках этих двух возникших в истории человечества типах цивилизационного развития. Эти признаки коренятся в особенностях мировоззренческих универсалий культуры, ее фундаментальных категориальных смыслах, выражающих понимание человека, его деятельности, природы, общества и личности, традиций и инноваций, рациональности, власти.

В техногенных обществах эти понимания не только отличаются от доминирующих мировоззренческих смыслов традиционалистского типа развития, но и во многом альтернативны им. Только в техногенной цивилизации приоритетным становится идеал креативной деятельности, понимание природы как закономерно упорядоченного поля объектов для преобразующей деятельности, как бесконечного резервуара ресурсов, обеспечивающего технологический прогресс.

В отличие от традиционных культур, в техногенной цивилизации инновации имеют приоритет перед традициями, рациональность выступает главным способом организации различных форм деятельности с акцентом на научную рациональность, обеспечивающую знание законов, в соответствии с которыми преобразуются природные и социальные объекты. Формируется идеал автономной и суверенной личности в противовес традиционалистскому идеалу личности как жестко связанной с принадлежностью к определенной корпорации (клану, касте, сословию). Власть понимается не только как власть человека над человеком (что присуще и традиционалистским обществам), но прежде всего как власть над объектами, природными и социальными. Отсюда ставшие почти символическими в техногенной культуре идеи господства человека над природой, контроля над социальными ситуациями, процессами и институтами, которые также предстают как объекты технологического манипулирования.

Эта система ценностей продуцирует ряд других особенностей техногенной культуры. Она выступает своего рода ядром генома техногенного типа развития, основой его культурно-генетического кода.

Техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь. Наука, образование, технологический прогресс и расширяющийся рынок порождают новый образ мышления и жизни, преобразуя традиционные культуры.

По мере развития техногенная цивилизация оказывала все большее давление на традиционные общества. Многие из них были поглощены ею в процессе колонизации, другие ступили на путь модернизационного развития. Они заимствовали технику, технологии, систему образования, а вместе с тем и определенные фрагменты техногенной культуры, которые трансплантировались в традиционалистские культуры, вызывая их изменения.

Таков был, например, путь России, которая прошла через несколько модернизационных эпох, основанных на трансплантации западного опыта (реформы Петра I, Александр II, большевистская революция и ускорен-

ная индустриализация советской России в первой половине XX века).

Модернизация определила переход от традиционалистского к техногенному типу развития и для многих других современных обществ (Японии, Китая, Индии, ряда стран Латинской Америки и арабского мира).

Во второй половине XX века техногенный тип цивилизационного развития был представлен не только странами Запада, сформировавшими на собственной основе в ходе своей истории ценностную матрицу этого развития, но и странами, заимствовавшими в процессе модернизации ряд ключевых компонентов этой матрицы и соединившими его с рядом пластов своей традиционной культуры, с некоторыми ее смыслообразцами, символами, идеями и паттернами.

В конце XX столетия модернизационные процессы перерастают в глобализацию. Техногенная культура внедряется практически во все регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию и мировой рынок. Ядро ее культурно-генетического кода породило особое отношение к научно-технологическому прогрессу и экономическому росту. Они воспринимаются как высшие ценности и цели, обеспечивающие улучшение качества жизни людей. Это отношение к экономике и научно-технологической деятельности включено в систему национальных интересов всех стран — участниц глобализации. Индикатором успеха предлагается считать рост потребления.

В цепочке ценностей «новые технологии — экономический рост — увеличение потребления» последнее звено рассматривается в качестве приоритетного компонента. В явной или неявной форме все акты глобализации принимают эту ценностную цепочку как выражение общечеловеческих ценностей и необходимую основу интеграционных процессов.

Но дело в том, что общечеловеческие ценности, как правило, функционируют в виде идеала, осуществление которого предполагает его конкретизирующую интерпретацию. Именно различие интерпретаций служит основой столкновения интересов. Во всех мировых религиях можно обнаружить нравственные принципы общечеловеческой значимости, но они жестко сцеплены с определенными интерпретациями, что всегда порождало разногласия и столкновения вплоть до ожесточенных религиозных войн.

В общем виде идеал роста потребления на путях научно-технологического прогресса и экономического развития принимался в техногенной цивилизации разными идеологическими доктринами — от либеральных концепций капитализма до коммунистических идей переустройства социальной жизни. Вместе с тем этот ценностный инвариант конкретизировался в альтернативных интерпретациях (доминирующей ценности свободного рынка, с одной стороны, командно-плановой экономики — с другой). Соответственно обозначились разные стратегии практического воплощения провозглашаемого идеала.

Социальная практика формирования общества потребления в развитых странах Запада свидетельствовала об успехах выбранной ими стратегии развития. Это послужило для них основанием позиционировать себя

в качестве образцов по отношению к другим странам глобализирующегося мира. Привычная еще с эпохи модернизаций роль ментора, обогнавшего другие страны в цивилизационном развитии, стала воспроизводиться в новой социально-исторической ситуации конца XX — начала XXI века. Эта позиция в последние годы открыто провозглашается США, претендующими на всеобъемлющий контроль за процессами глобализации. Но между эпохами догоняющих модернизаций XIX — первой половины XX века и современностью есть ключевое различие. То, что в XIX веке находилось в зачаточном состоянии, во второй половине XX столетия отчетливо проявилось в глобальных кризисах, порожденных техногенной цивилизацией.

Распространение оружия массового уничтожения, экологический и антропологический кризисы породили ранее немислимую, а сегодня реальную угрозу деградации биосферы и самоуничтожения человечества. Так в структуре ценностей обозначился еще один, самый глубинный уровень, который ранее не попадал в сферу рефлексии, а полагался неявно, само собой разумеющимся. Этот уровень конституирован двумя высшими ценностями — сохранение биосферы и сохранение человечества. Именно эти ценности безоговорочно имеют общечеловеческий статус.

Но тогда необходимо соотнести с ними те стратегии экономического, технологического развития и установку на рост потребления, которые позиционированы развитыми странами Запада в качестве выражения общечеловеческих ценностей. Увеличивают ли они либо уменьшают вероятность обострения глобальных кризисов?

На эту тему я уже высказывался в своих публикациях и в выступлениях на предыдущих Лихачевских чтениях при обсуждении современных проблем диалога культур. Поэтому изложу соответствующие соображения в конспективной форме.

В современном экономическом развитии доминирует принцип «чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики». Рост потребления связан с повышением спроса, который, в свою очередь, стимулирует экономический рост. Современная экономика функционирует как развивающаяся система с обратными связями. В ней важнейшую роль играют механизмы формирования потребительского спроса. Исторически возникли два ключевых механизма, обеспечивающих решение этой задачи. Первый из них связан с расширением и интенсификацией рекламы и периодической сменой моды на определенные товары.

Еще в середине XX века один из исследователей потребительского спроса американский экономист и социолог В. Лебов писал, что реклама и пропаганда рынка в СМИ должны приучать людей активно потреблять и изнашивать вещи, выбрасывать даже сравнительно новые и годные к потреблению предметы, заменяя их еще более новыми и модными, и все эти процессы обновления потребляемых вещей должны протекать с ускоренной быстротой. Сегодня эти установки реализовались в обществе потребления и постепенно становятся обыденностью рыночных отношений в их расширяющихся масштабах. Известный футуролог, психо-

лог и социолог Эрвин Ласло отмечал, что современная цивилизация за последние 50 лет потребила столько же товаров и услуг (по стоимости в неизменных ценах), сколько все предыдущие поколения, вместе взятые¹. Понятно, что такая система экономики может развиваться, только поглощая все большее и большее количество природных ресурсов и увеличивая загрязнение окружающей среды.

Второй механизм повышения спроса связан с расширением практики дешевого кредитования. Это жизнь в рассрочку, в долг.

Во второй половине XX века широкие масштабы приобрело кредитование не отдельных лиц, а корпораций и стран. Расширяющийся обмен валют и биржевые спекуляции превратили деньги в особый товар. Возник посредник в обмене этого нового товара — мировая валюта. Им стал доллар США. И тогда изготовление этого нового товара стало источником прибыли. США, увеличивая эмиссию доллара и выпуск государственных бумаг, получили возможность кредитовать сами себя, постоянно наращивая уровень потребления. Возник феномен супердержавы, обладающей огромной военной мощью, которая живет в рассрочку. Долг США сегодня превышает 17 трлн долларов. Тем не менее это государство продолжает политику увеличивающегося бюджетного дефицита, наращивая расходы и обеспечивая рост потребления.

Но жить в долг — значит жить за счет будущих поколений. Э. Ласло в своей книге «Макросдвиг» рассматривает принцип «чем больше мы потребляем, тем лучше живем» как путь к экологической катастрофе. Он отмечает, что новые стратегии развития цивилизации должны быть связаны с отказом от этого принципа. Но тогда возникает новый вопрос: каковы возможности столь радикальных перемен?

Здесь нужен специальный анализ тех изменений в структуре современной экономики, которые вносят экономика знаний, рост информационного потребления и возможности новых технологий. Важно также определить возможности изменения структуры финансового рынка на путях межнационального контроля за мировой валютой, перехода к такому виду мировой валюты, которая, будучи наднациональной, одновременно не является валютой одной отдельно взятой страны.

Пока трудно сказать, каковы перспективы такого сценария и как именно он может осуществиться. Но что можно бесспорно зафиксировать, так это рассогласование доминирующих сегодня стратегий экономического развития и роста потребления с задачами преодоления глобальных кризисов. Отсюда следует, что эти стратегии, выраженные в форме национальных интересов ведущих мировых держав, не имеют достаточных оснований для своего позиционирования в качестве общечеловеческих ценностей.

Современные глобальные кризисы, порожденные техногенной цивилизацией, требуют пересмотра прежних стратегий развития. Это, в свою очередь, предполагает критический анализ базисных ценностей техногенной культуры и обнаружение точек роста новых ценностей. С этих позиций вполне вероятно, что

¹ Ласло Э. Макросдвиг. М., 2004. С. 70.

в трансформации ценностей и выработке новых стратегий решающую роль могут сыграть те страны, в которых сохранились адаптированные к новым реалиям фрагменты традиционных культур.

Новая система ценностей, скорее всего, сформируется в диалоге культур, и это является дополнительным позитивным аргументом в пользу идеи полицентризма глобализирующегося мира.

Вебстер Г. Тарпли¹

ИДЕИ ПО СОХРАНЕНИЮ МИРА В ЕВРОПЕ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

В наши сложные времена я все чаще вспоминаю о встрече с академиком Георгием Аркадьевичем Арбатовым в октябре 1993 года в его кабинете в Хлебном переулке в Москве. Тогда я приехал к Арбатову, чтобы передать ему копию моей книги «Неизвестная биография Джорджа Буша», вышедшей в 1992 году. Эта книга была написана по настоятельной просьбе другого выдающегося советского востоковеда Григория Львовича Бондаревского, который был советником при правительстве Узбекской ССР и советником Сталина. Холодная война спровоцировала ожесточенные споры, но мы согласились с тем, что она закончилась, что прошлое должно остаться в прошлом, и все, что делали патриоты во время холодной войны, было достойным, если они действовали во благо своей страны.

Академик Арбатов был очень любезен. Он напомнил мне, что Россия всегда приходила на помощь Соединенным Штатам Америки, когда их существование оказывалось под угрозой. Сначала он упомянул Лигу вооруженного нейтралитета, которая была сформирована с участием императрицы Екатерины II. Эта Лига помогла новым США выжить во время Американской революции. Позже император Александр I воспрепятствовал тому, чтобы Британская империя сконцентрировала свои наземные войска в Северной Америке после поражения Наполеона. Россия выступила посредником при подписании Гентского договора между Англией и США в 1815 году. Арбатов также привел пример времен Гражданской войны в Америке, когда Россия была единственным иностранным государством, оказавшим реальную помощь президенту Линкольну в его борьбе с рабовладельческим строем. Эта помощь состояла в предоставлении российских линейных кораблей, которые 21 сентября 1863 года прибыли в Нью-Йорк, а затем и в Сан-Франциско.

Я говорил об этом в лекции в Национальном клубе печати (Вашингтон, округ Колумбия), когда отмечалась 150-я годовщина входа российских судов в гавань Нью-Йорка. Эта лекция была опубликована в кабельных сетях C-SPAN к 150-летию Гражданской войны и стала очень популярной вместе с другими материалами, посвященными той войне. Это говорит о доброжелательном отношении к России в наши дни, несмотря на пропаганду, которая активизировалась в США.

¹ Писатель, журналист, публицист. Президент Washington Grove Institute (США), доктор философии. Автор книг: «Кто убил Альдо Моро?», «Джордж Буш. Несанкционированная биография» (в соавт.), «9/11 — синтетический террор», «Анатомия государственного переворота: учения и маневры Пентагона как основной канал тайного правительства для осуществления террористической атаки «9/11»», «Обама и заговор постмодернизма» (в соавт.), «Обама. Несанкционированная биография» и др.

Академик Арбатов, конечно, упомянул и антигитлеровскую коалицию во время Второй мировой войны. Нет сомнений, что победа Советского Союза над фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне является самым масштабным военным успехом за всю историю человечества. Фрэнк Нокс, министр ВМС США, не раз цитировал высказывание, прозвучавшее в начале документального фильма Фрэнка Капры «За что мы сражаемся»: «Мы и наши союзники должны признать и признаем себя в неоплатном долгу перед войсками и гражданами Советского Союза».

В 1993 году еще никто не мог предвидеть события 11 сентября 2001 года, которым я в свое время посвятил отдельное исследование. Гибкий и дальновидный подход президента Путина к этим событиям, возможно, помог избежать опасных эскалаций в ближайшей перспективе. Если когда-нибудь будет открыт доступ к архивам ЦРУ, то мир сможет лучше разобраться в этом вопросе.

Россия столь часто протягивала руку помощи США, что невозможно перечислить все подобные случаи. Один из недавних примеров такой поддержки — получение американскими ФБР и ЦРУ от российского разведывательного ведомства информации о тех самых братьях Царнаевых, в отношении одного из которых в настоящее время ведется судебный процесс в Бостоне. Эта жизненно важная информация, возможно, могла бы предотвратить теракт на Бостонском марафоне, но она была грубо проигнорирована американскими спецслужбами. Позже стало известно, что дядя этих двух братьев-террористов был женат на дочери главного чиновника ЦРУ по связям с Кавказским регионом.

На основании этих фактов я прихожу к своему первому выводу, что краеугольным камнем любой внешней политики, если она стремится обеспечить безопасность для Соединенных Штатов, должны быть дружественные двусторонние взаимоотношения с Российской Федерацией в духе сотрудничества. Американская политика, разжигающая вражду и конфронтацию, пагубна, убийственна и опрометчива. Конфликтов с Россией нужно избегать и в принципе, и ради собственного спокойствия. В данном случае все разногласия вторичны, и ими можно пренебречь ради общего блага.

Существуют неопровержимые доказательства того, что 70 лет назад, в период между Ялтинской конференцией и смертью американского президента Франклина Рузвельта, Генри Уоллес, Самнер Уэллс и Гарри Хопкинс не только работали в направлении объединения

«большой тройки», но и думали о перспективе создания советско-американского кондоминиума, который, по их мнению, должен был появиться в результате распада колониальных империй и его следствия — подрыва могущества Великобритании. Но Рузвельт умер слишком рано, и такие деятели мировой политики, как Гарри Трумэн, Аверелл Гарриман и Джеймс Бернс, смогли навязать миру противоположную политику англо-американского блока, направленную против Москвы, в результате которой была развязана бессмысленная и трагичная холодная война.

Идея Рузвельта об Организации Объединенных Наций заключалась в том, что великие державы, объединенные в Совете Безопасности, будут взаимодействовать, чтобы сохранить мир на планете, дисциплинируя непокорные малые государства, представляющие угрозу международной безопасности.

В 1945 году в ситуации с Польшей (и сегодня это актуально в связи с Украиной) англо-американские идеологи пропагандировали абсолютную свободу избирателей в выборе правительства, называя это демократией и опрометчиво игнорируя последствия такой политики для мира во всем мире. Любой рациональный политик отверг бы эту идею как абсурдную. Да и сами Соединенные Штаты никогда не практиковали такой подход к демократии, и на то были причины. Действительно, основой американской внешней политики в 1823–2013 годах была доктрина Монро, воплощенная Джоном Куинси Адамсом, которая заключалась в провозглашении американского континента закрытым для вмешательства европейских колониальных империй.

Ни в одной из стран мира не должно быть такой свободы выбора, которая давала бы возможность выбрать правительство, угрожающее международному миру и безопасности. Предотвращение войны — вот что должно быть приоритетом, а не личные амбиции той или иной группы людей, рвущихся к власти. Нельзя позволить непредсказуемой политике небольших стран, погрязших в истории взаимных обид и вендетт, угрожать будущему человечества.

Китайская Республика на Тайване не имеет права выйти из континентального Китая. Израильское правительство Нетаньяху не имеет права свести на нет 35 лет переговоров относительно Палестинского государства. У неонацистских групп, поддерживаемых натовской военной кликой, нет права на организацию жестокого переворота в Киеве. Нельзя позволять Украине, Грузии и Молдавии разжигать международные конфликты, настаивая на своем вхождении в состав НАТО. И не только НАТО. Лиссабонский договор обязывает страны — члены ЕС поддерживать политическую линию НАТО, а это значит, что членство в ЕС автоматически влечет за собой подчинение НАТО. Таким образом, дверь в ЕС для этих государств должна быть закрыта.

Интерес России в сохранении сферы своего влияния или санитарного кордона против военного союза под управлением Соединенных Штатов вполне разумен и должен быть вписан в международное право Советом Безопасности ООН как можно скорее.

Госсекретарь США Джон Керри, глава СНБ Кондолиза Райс, мадам Нуланд, посол Пяятти будто не знают о трех основных истинах, которые изучаются еще в средней школе в курсе истории Европы.

Во-первых, Россия неоднократно противостояла агрессии захватчиков. Среди исторических примеров — вторжение короля Швеции Карла XII в 1707 году, Наполеона в 1812-м, Гитлера в 1941-м. Этот опыт сформировал национальную решимость воспрепятствовать существованию враждебных государств у границ России или в их близости. Есть все основания, чтобы Соединенные Штаты уважали такую позицию.

Вторым важным фактором выступает потребность России в незамерзающих морских портах, таких как порты Крыма. Наличие таких портов было и остается жизненно важным для России. Оспаривать тот факт, что земли Крыма исторически принадлежат России, могут только пропагандисты или шарлатаны. И у США нет никаких видимых причин вмешиваться в политику России в данном вопросе.

В-третьих, вследствие неисчислимых жертв, понесенных во Второй мировой войне, Россия крайне болезненно реагирует на любые проявления фашистской и нацистской идеологии где-либо, и в особенности в пограничных с ней странах. Политические силы, совершившие переворот в Киеве 21 февраля 2014 года, используют нацистские знаки различия, руны СС и портреты украинского предателя и нацистского лидера Степана Бандеры.

По этим причинам Россия не может позволить пограничным и близлежащим государствам войти в состав НАТО. Более того, расширение НАТО уже зашло слишком далеко и должно остановиться. После известных событий в Ливии возникает вопрос: а не должно ли НАТО вообще прекратить свою деятельность?

Керри и Нуланд могут быть заинтересованы в том, чтобы Украина или Грузия присоединились к НАТО, но какой смысл увидит в этом безработный черный американец из квартала или житель ввергнутого в нищету Аппалачского региона, которым предложат сражаться и умирать за амбиции импульсивных, мстительных и безответственных политиков стран Балтии, которые испытывают ностальгию по временам нацизма и притесняют русскоязычное меньшинство? Мы понимаем, что крикливая госпожа Грибаускайте всегда будет готова сражаться до последнего американца, но настало время освободить американские национальные интересы от бремени турбулентных малых стран.

Европейские государства, ведущие политику нейтралитета, после 1945 года добились хороших результатов. Любой честный гражданин Швеции, Швейцарии или Австрии это подтвердит. Присоединившись к агрессии Гитлера против СССР в 1941 году, Финляндия, возможно, ожидала драконовского наказания, но вместо этого ей было позволено занять нейтральную позицию. Даже Генри Киссинджер разделяет высказываемое мной мнение, что Украина должна пойти по стопам Финляндии.

Для достижения устойчивого мира в Европе должна быть решена одна важная проблема — так называемые «цветные революции». «Цветная рево-

люция» равнозначна войне. Одним из основополагающих принципов деятельности Организации Объединенных Наций является принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Сегодня это должно касаться и «цветных революций». Идею дестабилизации положения во многих странах можно проследить в деятельности пробританских групп Мадзини в 1848 году при активном содействии Маркса и Энгельса. Возможно, первой современной «цветной революцией», или тематической революцией, стал марш Муссолини в Риме в октябре 1922 года. Ко времени свержения президента Филиппин Маркоса в 1986 году, спланированного ЦРУ, основные контуры такой стратегии стали очевидными.

Затем следует черный список подобных событий: «бульдозерная революция» в Югославии в 2000 году, «тюльпановая революция» в Киргизии, «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине в 2004-м. Можно вспомнить также «революцию кедров» в Ливане и попытку свержения правительства Ирана в 2009 году. Два последних события особенно интересны, потому что показывают: пропаганда «цветной революции» лучше всего работает среди населения, разнородного в политическом и социальном плане, и зависит от телевидения и Интернета, откуда поступает нужная для разжигателей путчей информация. В государствах с хорошо организованным политическим управлением массовая манипуляция затруднительна.

«Арабская весна» 2011 года дает нам более свежие примеры. К этому времени «цветная революция» потеряла преимущество внезапности. Хорошо знакомая с Интернетом «золотая молодежь», агитирующая на городской площади, обычно является «дымовой завесой» для переворота, организованного ЦРУ и другими структурами. Например, в Тунисе переворот сопровождался взяточничеством, шантажом, угрозами, и эта схема работала достаточно хорошо — путч прошел гладко. В Ливии и Сирии подобная схема не сработала.

Мы отмечаем, что состав толп обманутых людей, вовлекаемых в организацию переворотов, резко упал в качестве. В 2004 году в киевских событиях участвовала «золотая» украинская молодежь, но Майдан–2014 уже опирался на фашистские бригады, преступные группировки, сообщества авантюристов и иностранных наемников.

За демонстрантами скрываются неправительственные организации (НПО). Всем известно, что они работают под руководством западных спецслужб или их фондов. В соответствии с Распоряжением № 12333 президента Рейгана многие функции ЦРУ в период холодной войны были переданы фондам, коммерческим структурам или закомуфлированы еще каким-либо образом.

Очевидно, что «цветные революции» должны быть запрещены почти так же, как ранее был запрещен ядовитый газ. Такой запрет будет, несомненно, отклонен главными организаторами «цветных революций», так что пока имеет смысл просвещать население, рассказывая о возможной угрозе, методах та-

ких революций, приводя примеры из истории, такие как «арабская весна».

Уже в начале 2008 года было очевидно, что под руководством Обамы американское разведывательное ведомство увеличит использование «цветных революций» на порядок выше того количества, что было прежде. Сама кампания по выборам президента Обамы была своего рода «цветной революцией» в Соединенных Штатах. Американское разведывательное ведомство использовало во внутренней политике те же методы, что были применены от Манилы до Киева, Бейрута и Тегерана. В 2008 году во время демократической предвыборной кампании я написал книгу «Обама: постмодернистский переворот». Значительная часть книги посвящена «цветной революции» в том виде, как ее представляли Национальный фонд демократии и Институт им. Альберта Эйнштейна в Кембридже (штат Массачусетс).

Таким образом, мы видим внешнюю политику Соединенных Штатов, которая строится на поддержке фашистов в Восточной Европе и самых жестоких невежественных варваров на Ближнем Востоке. Это заставляет нас задуматься о том, почему правящий класс Соединенных Штатов выбирает сотрудничество именно с такими личностями. Здесь есть два аспекта — стратегический и социологический.

Стратегический аспект включает цели дестабилизации и «цветных революций». Будет заблуждением полагать, что Государственный департамент просто заменяет одну группу стареющих политических марионеток другой, более молодой и более подходящей для его потребностей на данный момент. Здесь кроется нечто более зловещее. Государственный департамент и разведывательное ведомство расценивают иностранные государства — не важно, кто во главе, — как потенциальный барьер для экономического и финансового грабежа и эксплуатации со стороны Уолл-стрит и лондонского Сити. Их целью является примитивное накопление богатства от природных ресурсов, работающих промышленных предприятий и оборудования, сельскохозяйственного производства и рабочей силы. Любая политическая единица, которая квалифицируется как современное государство, может воспрепятствовать этому примитивному накоплению или, по крайней мере, попытаться отрегулировать его. Уолл-стрит не может этого допустить.

Как только началась «арабская весна», стало ясно, что реальная цель этих событий выходила далеко за пределы простой смены режима, как на Филиппинах в 1986-м или на Украине в 2004-м, и, скорее, заключалась в разрушении самих национальных государств. Новый сценарий ЦРУ был направлен на создание несостоявшихся государств, микросоциальных, мини-государств, этнокультурных сепаратистских движений и военных диктатур. Демократия, реформы или любой другой вид конструктивного изменения никогда не стояли в повестке дня. Бернард Льюис, ветеран британского Арабского бюро, который долго работал в Институте специальных исследований в Принстоне (штат Нью-Джерси), разработал прославивший его план действий относительно Ближнего Востока. Этот

план включает разделение Ливана на микросоударства, Ирана — на четыре или пять частей, Пакистана — на три-четыре части, а также дробление Турции, Сирии и других стран. Разделение Судана на две части, долго готовившееся британским Арабским бюро, является свершившимся фактом. Ирак также близок к подобному разделению.

В другом регионе такая участь постигла Сербию. В Ливии сейчас беспорядки, там одновременно действуют по крайней мере два правительства. Йемен разваливается у нас на глазах. Западные спецслужбы ностальгируют по такому дроблению государств, какое происходило в Китае 1920-х, когда государство было разделено по меньшей мере между двумя дюжинами военачальников. Наконец, есть план Бжезинского относительно разделения России, который бесспорно существует и как намерение, и как документ. Британцы настолько увлечены разделением, что продемонстрировали такой проект на собственной стране, организовав референдум о независимости Шотландии.

Не каждый участок земли, который хочет объявить независимость, обладает необходимыми для этого предпосылками с точки зрения природных ресурсов, современной разносторонней экономики и трудовых ресурсов. На Украине, например, нет многих из этих условий, поэтому она вполне может стать несостоявшимся государством. К тому же это искусственное государство, которое появилось на карте благодаря Брест-Литовскому «хлебному» мирному договору 1918 года с подачи фельдмаршала фон Гинденбурга и генерала Людендорфа из немецкого Генерального штаба, когда они пытались максимизировать продовольственные поставки в центральные империи и противостоять британской морской блокаде. Идея Украины внушалась российским заключенным в немецких лагерях военнопленных.

На закате Советского Союза верховные правители союзных республик разыграли карту национализма и сепаратизма. Многие получившиеся государства, в том числе и Украина, никогда прежде не существовали долго, их границы были чисто произвольными. Поэтому нет гарантий, что эти новоиспеченные государства докажут свою жизнеспособность.

Мы подходим к теме социологического портрета правящей элиты Соединенных Штатов. Откуда берутся эти люди? Почему они творят такие странные дела? Почему игнорируют действительность? Говоря о них, мы не можем избежать темы идеологического упадка. Большинство социологов и историков склонны избегать этой проблемы, так как трудно рассчитывать на грант, финансирующий критическое исследование упадка социальной группы, которая сама же эти гранты и распределяет.

Эта проблема уходит корнями прежде всего в массовую деиндустриализацию американской экономики, которая началась в 1970-х годах и продолжается до сих пор. Экономика, основанная на материальном, физическом, товарном производстве, вводит в общество фактор объективности: такому обществу, можно сказать, повезло. А сервисная экономика, наоборот, часто

является сферой субъективной прихоти, основанной на мнениях и предубеждениях или на рыночных силах. Продвинутое индустриальное общество, которое теряет свои позиции, может продолжить функционировать еще некоторое время, живя на средства банковского счета от прежних накоплений, но будущего у него нет. Страна может оценивать себя по конкурентоспособности на внешних рынках. Если она не может конкурировать, то ей могут показаться привлекательными военные средства.

Сегодня финансист с Уолл-стрит, специализирующийся на финансовых деривативах, в значительной степени заменил промышленника прошлых времен как типичного образца правящей элиты. Доминирующим типом личности стал не производитель, а биржевой игрок. Вторичные фондовые рынки Чикаго, торгующие деривативами, составляют приблизительно 1 квадрильон долларов — 1000 трлн или 1 000 000 000 000 000 долларов. Это чисто спекулятивные и зачастую вредоносные финансовые инструменты. В этот показатель не входит почти такая же величина внебиржевых активов, которые существуют как контракты между контрагентами. Эти колоссальные средства должны каким-то образом обеспечиваться активами, циркулирующими в реальной экономике нашей планеты.

Поэтому именно ситуация на американских финансовых рынках диктует жажду к примитивному накоплению. Сами финансисты обычно платят минимум федеральных налогов или не платят вовсе, уклоняясь от подоходного налога на компании. При этом спекулятивная торговля или выпуск новых деривативов не облагаются налогом с продаж или налогом Тобина. В этом смысле американский финансист похож на французского дворянина старого режима, также не платившего налогов. Большинство средних американцев не знают об этой привилегии. Политическая партия Tax Wall-Street («Обложи налогом Уолл-стрит») сейчас работает над тем, чтобы исправить ситуацию.

Поскольку поколение, родившееся в годы послевоенного демографического взрыва, постепенно сходит со сцены, лидерство переходит к так называемому поколению X, своего рода новой интерпретации потерянного поколения Первой мировой войны и 1920-х годов. Поколение X выросло в жестоком мире социального дарвинизма, где правительство Рейгана разрушило систему социальных гарантий, благодаря которой предыдущее поколение получало образование в колледжах. Поколение X в полной мере ощутило снижение уровня жизни в Соединенных Штатах, которое в настоящее время не превышает 50–65 % от такового в годы президентства Линдона Джонсона. Поколение X также в большой степени способствовало развитию американского военного авантюризма.

Верхушка, составляющая 1 % американского общества, теперь управляет огромным национальным богатством и активами. Социальная мобильность общества в Америке уступает ситуации в любой стране Западной Европы, за исключением Великобритании. Профсоюзы, которые, возможно, смягчали эту тенден-

цию, были в основном разрушены. Нет никакого военного призыва, который заставил бы людей из правящей элиты непосредственно участвовать в кровопролитных войнах, чтобы они стали большими реалистами. Типичная американская идеология науки, технологии, промышленности и прогресса была вытеснена мальтузианским пессимизмом слева и неolibеральной жадностью справа. Такая ситуация не может не ужасать. Американская элита пребывает в состоянии предельной развращенности, но, к счастью, большинство из 99 % еще можно спасти, по крайней мере теоретически.

Американская история отмечена периодическими массовыми движениями. Один из подходов к нынешнему кризису — политическая организация для провозглашения необходимости радикальной реформы. Работа в этом направлении уже ведется. Я обращаюсь к ученым и людям творческих профессий во всем мире: давайте прекратим прославлять американский правящий класс и начнем изображать его реалистично. Новые возможности может предоставить сатира. Главное, что может сделать Россия со своей стороны, — оставаться сильной.

Поскольку геополитические темы исключительно важны, мне пришлось пренебречь тем, что я расцениваю как основной фактор, влияющий на возникновение конфликтов. С 2008 года мир страдает от экономической и финансовой депрессии, сопоставимой с кризисом 1930-х, но более серьезной и глубокой. Мы вновь переживаем все те же три фазы: депрессия—диктатура—война. Необходимо вырваться из этого фатального круга. Общие интересы в восстановлении экономи-

ки могут послужить мощным инструментом для преодоления любых конфликтов. Банк БРИКС предлагает альтернативу тупиковой политике Международного валютного фонда и Всемирного банка. Сейчас самое время для банка БРИКС участвовать в решении проблем в таких странах, как Греция, Египет и Венесуэла. Папа Римский Павел VI в своей незабываемой энциклике о развитии третьего мира (*Populorum Progressio*) утверждал, что именно развитие должно быть новым названием мирного существования. Значительная часть планеты нуждается в многолетних проектах развития, в проектах послевоенной реконструкции, подобно плану Маршалла.

Более чем полвека назад Джон Кеннеди пригласил Никиту Хрущева поучаствовать в гонке мира в пользу обеих стран и человечества в целом. Сегодня, когда мы видим вокруг все больше признаков новой гонки вооружений, я предлагаю вернуться к символам тех лет. Конкретным примером служит ИТЭР — проект международного экспериментального термоядерного реактора на юге Франции, в котором объединили усилия специалисты из многих стран мира. Я также предлагаю бросить все силы на поддержание международного сотрудничества в освоении и колонизации космоса, так как это сотрудничество — сильное противоядие отравленной дипломатической атмосфере здесь, на Земле. Международные кампании по биомедицинским исследованиям, направленным на поиски методов лечения болезней, которые являются бичами человечества с незапамятных времен, должны также войти в повестку дня мировой политики.

В. А. Тишков¹ ЯЗЫКИ НАЦИЙ

В 2009 году ЮНЕСКО опубликовала «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», в котором из существующих в мире 6 тыс. языков были объявлены исчезающими 2,5 тыс. Под угрозой исчезновения находятся и 116 языков на территории России-

ской Федерации. Также приводится схема, какие языки умирают окончательно, какие находятся под угрозой исчезновения (среди них оказались удмуртский, калмыцкий, чукотский, северокавказские языки) и какие пребывают в опасном положении (среди 20 языков значились в том числе чеченский, тувинский, белорусский). Была даже принята мировая программа в пользу исчезающих языков, хотя вывод авторов проекта был неутешительным: к концу XXI века в мире останется всего несколько сотен языков, остальные исчезнут. Все это, конечно, похвально с точки зрения заботы о языках и сохранения языкового разнообразия в мире. Тем не менее в этом вопросе уважаемая организация оказалась в плену кабинетно-романтических и политизированных представлений о языке, его роли в жизни современных людей, обществ и государств.

Вымирают или нет языки в России?

Язык — это прежде всего средство общения людей и одна из важных культурных характеристик того или иного народа или его части. В отличие от одежды или пищи, которые один народ легко может перенимать у другого, освоение языка требует усилий. Языку учат-

¹ Академик-секретарь Отделения историко-филологических наук и член Президиума РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор свыше 400 научных и научно-публицистических работ, в т. ч. монографий: «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады», «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология», «Общество в вооруженном конфликте», «Опыт этнологического мониторинга», «Наука и жизнь. Разговоры с этнографами», «Устойчивость и подвижность этнокультурных границ», «Российский народ: История и смысл национального самосознания» и др. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Член редакционных коллегий журналов «Этнографическое обозрение», «Федерализм», «Ethnic and Racial Studies» и др. Член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, научных советов при Совете безопасности и министре иностранных дел РФ, совета Российского гуманитарного научного фонда. Награжден орденом Почета, медалью «За трудовую доблесть», орденом Русской православной церкви Святого благоверного князя Даниила Московского III степени.

ся с раннего детства. Поэтому часто родной язык еще называют материнским. Это первый выученный язык, знание которого обычно сохраняется на всю жизнь. Но современный человек живет, работает и путешествует среди разноязыкой публики. Многие (в России таких около четверти населения) родились и выросли в смешанных семьях и часто в равной мере владеют языком матери и отца. Подлинно двуязычным (а часто и трехязычным) в современном мире может быть население целых стран или отдельных их регионов. И здесь Россия также не является исключением. Два и три языка, включая русский и другие языки российских национальностей, знают и используют миллионы россиян, как правило, нерусской национальности. Кроме того, десятки миллионов изучают и владеют иностранными языками. Перепись 2010 года показала, что жители России указали на знание 230 языков, из которых 170 — это языки российских национальностей или их отдельных групп. У марийцев и мордвы — по два отдельных языка, у андо-цезских народов, входящих в аварскую национальность, — около дюжины сохранившихся языков. Есть так называемые одноаульные языки, когда одно-два горных селения, в которых проживают несколько сотен человек, веками сохраняют свой «сельский» язык и владеют языками более многочисленных групп, а также русским. Если говорить о малочисленных северных народах, то сегодня некоторыми языками владеют всего десятки человек.

Так вымирают или нет языки, в том числе и в России? И еще более важный вопрос: исчезает ли народ с утратой отдельного языка? Эти вопросы волнуют миллионы простых людей, ученых и политиков. На первый вопрос отвечаем, что массового вымирания нет, как предсказывают некоторые ученые и общественные активисты. О скором вымирании языков среди российских северян и горских народов писали разные авторы еще в XIX веке, но за весь XX век в нашей стране исчезли носители убыхского языка и сиреневского диалекта эскимосского языка. Действительно, в России могут уйти из жизни носители двух-трех миноритарных языков, ибо их осталось совсем мало и все они преклонного возраста. Но даже в этом случае язык может возродиться, как это в последние десятилетия произошло с гавайским, корсиканским, уэльским и некоторыми другими языками.

Однако среди таких языков, конечно, нет ни одного из тех, что названы в упомянутом Атласе. Чеченский, якутский, тувинский, чукотский и другие языки — это могучие языки со своей письменностью, литературой, фольклором и даже с местной бюрократией. Большинство носителей нерусских языков в России имеют возможность изучать язык и даже обучаться на нем, а также получать государственные услуги и информацию на территории российских республик и автономных округов, а также в крупных городах страны. Это, кстати, важнейший аргумент в пользу сохранения нынешнего российского федерализма, включая республики и округа.

На второй вопрос: исчезает ли народ с утратой отдельного языка, мы однозначно отвечаем: «Нет!». Язык — важная отличительная черта народа, но совсем не обязательная. Есть десятки народов, которые говорят

на одном языке или его вариантах (например, весь латиноамериканский мир и все арабские страны, а также пять англоязычных стран). Есть народы, среди которых бытует несколько языков, и народы, значительная часть которых перешла или переходит на другой, как правило, более мощный и более распространенный в стране и мире язык, но представители этих народов не утрачивают своего самосознания. Для крупных государств с многоэтническим составом населения, к каковым относится и Россия, этот вопрос имеет важное, в том числе эмоциональное и политическое, значение.

Языковой переход

Ученые называют феномен смены языка языковым переходом или языковой ассимиляцией. В обычном представлении, а также некоторые политики и специалисты считают это явление негативным, своего рода отказом или предательством языка своей национальности. «Умер язык — умер народ», — полагают отдельные граждане, особенно писатели. Но это только часть правды и реальной языковой жизни. Существует право человека и право родителей на выбор языка для себя и своего ребенка. Выбор делается на основе не только идеологических, эмоциональных представлений, но и практических, рациональных расчетов. Как правило, такой выбор делается в пользу языка, на котором говорит большинство населения страны, он обладает официальным статусом, и с его помощью можно добиться жизненного успеха. В России с момента образования Российского государства таким языком является русский (когда-то он назывался российским языком, великорусским наречием русского/российского языка). Во все времена на нем говорило большинство населения, хотя собственно великороссы до 1991 года составляли меньшинство населения страны, а до 1917 года среди российской знати преобладал французский язык.

Согласно переписи 2010 года в России русским языком владеют более 98 % населения страны. Фактически все население способно общаться на одном языке, это можно назвать языковым единством российского народа. Далеко не все крупные и даже средние полиэтничные нации имеют такое преимущество в языковой ситуации. Более того, это не просто владение русским языком, а во многих случаях полный или частичный переход на русский язык как второй родной или как единственный родной язык! Это важно знать и признавать как норму, а не как аномалию, что многие россияне нерусской национальности, их родители или даже давние предки перешли на русский язык как основной язык знания и общения. Русский язык стал их родным языком.

До 1917 года языковая русификация могла быть насильственной, в раннее советское время, наоборот, поощрялась коренизация, то есть обязательное обучение и использование языков национальных меньшинств, в позднесоветское время республиканские элиты с энтузиазмом занимались распространением русского языка в республиках, но и нерусские языки получали поддержку. В итоге добровольного выбора в современной России среди нерусских народов знание и исполь-

зование русского языка распространено больше, чем языка, который соответствует этнической принадлежности гражданина. Самый низкий уровень владения нерусскими языками среди белорусов (24 %), украинцев (35 %), бурят (45 %). Утратили свои языки многие представители народов, которые давно пребывают в составе Российского государства и среди которых распространено православие. Это поволжские народы (мордва, марийцы, удмурты), из северокавказских прежде всего осетины, а также малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Перешли на русский язык также представители тех национальностей, которые не проживают компактно в той или иной местности, а населяют главным образом города.

Самое важное в проблеме смены языка в пользу русского — это добровольность и преимущества, которые получает гражданин, свободно владеющий русским языком с детства. Кстаги, лучше всего это понимают родители. Здесь также важно не только признать право на смену языка, но и поощрять русско-этнонациональное двуязычие и даже признать за частью жителей право на указание двух родных языков. Никакая наука и международная правовая норма не устанавливают, что у человека должен быть только один родной язык! Признание такого права хотя бы в ходе переписи населения снимет напряженность и некоторую неловкость, которые возникают, когда россиянам приходится выбирать между родными для них языками родителей или просто между двумя в равной мере родными для них языками.

Язык нации

Язык имеет огромное значение не только для отдельного человека или этнической общности, но и для государства и того народа, который объединен под его суверенной властью, будь это россияне, испанцы, бразильцы, канадцы, и т. д. Государство — это прежде всего институты, бюрократия, армия, тексты законов, технические инструкции и т. д. Конечно, лучше, дешевле и даже безопаснее, если государство говорит на одном языке — языке большинства населения. Армейские приказы и технические регламенты электростанций и реакторов должны быть написаны на одном языке. Язык демографического большинства (в редких случаях — язык политически господствующего меньшинства) устанавливается в качестве государственного (официального). В Российской Федерации по Конституции и отдельно закону таким языком является русский. Этот факт никем не оспаривается, ибо это язык не только русских, но и фактически всего российского народа. Но так получается далеко не всегда, ибо не во всех странах есть такой язык и тем более такой, который относится к так называемым мировым языкам, как русский.

Самое главное — во многих странах существуют отличающиеся от титульной национальности, но очень значимые части населения, которые делают то или иное государство двуобчинным, как, например, в Канаде, Шри-Ланке, Латвии или на Украине. Есть страны, которые состоят только из одних меньшинств и где нет господствующего народа и его языка.

В мире накоплен опыт языковой политики, реализуемой в сложных обществах. Самый простой, хотя и недешевый, вариант — это полное официальное дву-

язычие, как, например, в Канаде. Принятие в 1968 году закона об официальном двуязычии спасло эту страну от раскола и сделало канадскую нацию фактически двуязычной, по крайней мере на уровне государственных институтов и служб. В Шри-Ланке первый президент этой независимой страны сделала сингальский язык единственным государственным, что вызвало несогласие местных тамиллов. Тамилы в Шри-Ланке при поддержке 40 млн тамиллов, проживающих в Индии, вели кровопролитную войну за реформу конституции и свои права. Все закончилось компромиссом и исправлением ошибок в языковой политике. В постсоветских странах именно отказ от признания за русскоязычной частью населения права на официальное двуязычие является основным фактором внутреннего конфликта и угрозой их суверенности и стабильности.

В России утвердился другой вариант государственной языковой политики — придание статуса государственных, помимо общегосударственного русского языка, языкам национальностей, преимущественно проживающих в субъекте Федерации (республике). Таких языков в России около 40, если считать не только 13 языков в Дагестане и четыре языка (кроме русского) в Карачаево-Черкесии (карачаевский, черкесский, абазинский и ногайский), но и языки со статусом местных официальных, как, например, в Якутии (долганский, чукотский, эвенкийский, эвенский, юкагирский). Эта система неплохо работает уже более двух десятилетий и фактически представляет собой оригинальный вариант отечественной языковой хартии (в отличие от Европейской хартии региональных языков, которую по ряду причин в нашей стране трудно ратифицировать, прежде всего в связи с упрощенностью взглядов этой хартии на языковую ситуацию в странах Европы).

Существуют ли у нас проблемы с языковой системой? Конечно, существуют, прежде всего случаи нарушения равноправия языковых запросов и потребностей граждан, проживающих в республиках. Определять языковую политику и нормы в регионах нужно, отталкиваясь от сложившейся среди населения языковой ситуации, а не от того, как называется республика. Нельзя было делать башкирский язык государственным и обязательным для изучения, когда в регионе исторически проживает не меньшее по численности татарское население и когда далеко не все башкиры владеют башкирским. Ситуацию исправили, но проявления языкового национализма со стороны меньшинств кое-где сохраняются. Если бы в Башкирии сделали государственными башкирский и татарский языки, помимо русского (как в Карачаево-Черкесии сделали ногайский и абазинский языки), не возникла бы напряженность и не высказывались бы жалобы, как было в этой республике при прежнем руководстве.

В заключение хочу сказать, что в России сочетаются две выдающиеся языковые ипостаси. С одной стороны, наша страна обладает уникальным и сохраняющимся языковым разнообразием, каких мало осталось в мире. С другой стороны, Россия сохраняет и несет перед миром и самой собой ответственность за один из немногих национальных языков, без которого невозможно представить мировую культуру и современную цивилизацию.

П. П. Толочко¹

ЕВРОИНТЕГРАЦИОННАЯ ДРАМА УКРАИНЫ

Необходимо признать, что в глобальном соревновании за Украину между Россией и США–ЕС победа осталась за евро-американцами. Они были более последовательны в подготовке на Украине своих сторонников, тогда как Россия уповала преимущественно на традиционное этническое родство русских и украинцев, полагая, что оно и без дополнительных стимулов будет нерушимым и никуда эти украинцы не денутся. Такое представление оказалось глубоко ошибочным.

Лавры евроинтегратора в западный мир, несомненно, увенчают пятого президента Украины П. Порошенко, но если быть справедливым — придется признать, что посильную лепту в этот процесс внесли и четыре его предшественника. Только на заре своей государственной суверенности Украина заявила о внеблоковом статусе. Затем постепенно и независимо от политического окраса президентских команд стала все реже вспоминать о своей декларации. Во времена президентства Л. Д. Кучмы Верховная Рада приняла закон об основах внешней политики, в котором курс на сближение с ЕС и НАТО был объявлен одним из важнейших государственных приоритетов. Правда, в нем оговаривалось, что наряду с этим Украина остается верной и стратегическому партнерству с Россией.

После так называемой «оранжевой революции» конца 2004 — начала 2005 года и прихода к власти президента-западника В. А. Ющенко о положении стратегического партнерства с Россией забыли, но зато в пользу вхождения Украины в ЕС и НАТО была развернута беспрецедентная агитационная кампания. Объявили даже всеукраинский натовский всеобуч. По распоряжению Министерства образования и науки Украины новый учебный год (2008) в общеобразовательных школах начался с единого урока, посвященного Североатлантическому альянсу. По всему чувствовалось, что «оранжевыми» властями выполнялось негласное обещание американским и натовским чиновникам подготовить Украину к определенному сроку к членству в НАТО.

По существу, мало что изменилось в вопросе о европейской интеграции и во время правления прези-

дента В. Ф. Януковича. В полном согласии с оппозицией власть развернула активную пропаганду европейских ценностей и образа жизни. Дружно убеждали народ в том, что с подписанием ассоциации он обретет все возможности, которыми обладают европейцы. На обоснованные предостережения ведущих украинских и российских экономистов (В. Мунтян, С. Глазьев, В. Геец и др.) о том, что Украина в случае включения ее в европейскую систему политических и хозяйственных отношений потеряет основные технологические производства, превратится в рынок сбыта европейских товаров, а также в резервуар дешевой рабочей силы, старались не обращать внимания. Как и на предупреждения России о невозможности сохранения с Украиной нынешнего уровня экономической кооперации в случае подписания Соглашения об ассоциации с ЕС.

В. Янукович и его окружение прозрели только за несколько дней до Вильнюсского саммита, где должно было состояться подписание этого соглашения. То ли не читали раньше многостраничного его текста, то ли были невнимательны к его содержанию, то ли, что более реально, до последних дней надеялись на многомиллиардную помощь Европы. Полагали, и, надо сказать, не без основания, что отрыв Украины от России стоит того, чтобы быть хорошо оплаченным.

Оказалось, однако, что европейский золотой дождь над Украиной проливаться и не собирался. Кроме демократических европейских ценностей, ничего более существенного ей обещано не было. Команда В. Януковича решила отложить подписание соглашения на некоторое время, пока не будут более четко определены объемы и условия экономической помощи от ЕС, а главное — статусность зон свободной торговли с Россией и Западом.

Но США и ЕС ждать уже не хотели. Совместно с украинской оппозицией, ими же и вскормленной, они устроили в центре Киева так называемый евромайдан. С его трибуны евро-американские чиновники призвали украинцев к свободе и демократии, а фактически к восстанию против законной власти. По существу, Майдан, центр управления которым, как теперь выяснилось, находился в посольстве США на Украине, на долгие месяцы стал альтернативной властью. Ярким примером этому может служить синхронный штурм 12 областных администраций, последовавший 23–24 января 2014 года, 9 из которых оказались в руках майдановцев. После оставления Киева президентом В. Януковичем в ночь с 21 на 22 февраля 2014 года власть полностью перешла в руки Майдана. Именно с его одобрения Верховная Рада утвердила временное правительство и временного президента Украины. Правда, суверенные действия Майдана были весьма относительными. Судя по телефонному разговору посла США на Украине Д. Пайетта и помощника госсекретаря В. Нуланд, именно США принимали решение, кто должен возгла-

¹ Директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Древний Киев», «Древняя Русь», «Древнерусский феодальный город», «Историчні портрети» («Исторические портреты»), «Русские летописи и летописцы X–XIII вв.», «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность, воображаемая или реальная», «Власть в Древней Руси X–XIII вв.», «Украинцы в России» и др. Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии. Лауреат Государственной премии УССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии Национальной академии наук Украины им. М. С. Грушевского, премии Макариевской и Александра Невского (Россия). Награжден орденом князя Ярослава Мудрого V, IV, III степеней, орденами «Знак Почета», Дружбы (Россия).

вить новую власть в Киеве. Не случайно, и. о. премьер-министра А. Яценюк был немедленно принят президентом США Б. Обамой.

После этого никаких препятствий к подписанию Соглашения об ассоциации с ЕС не стало. Уже 21 марта 2014 года А. Яценюк в присутствии лидеров 28 государств — членов ЕС поставил под ним свою подпись. Правда, только под его политической частью, но это уже было и не столь существенно. Всем стало ясно, что за политической ассоциацией неизбежно последуют и все остальные: экономическая, военная и др. 27 июня 2014 года президент Украины П. Порошенко подписал полностью все Соглашение. 16 сентября 2014 года его синхронно ратифицировали Европарламент и Верховная Рада Украины.

Конечно, это были юридические формальности. Фактически уже после государственного переворота Украина рассматривалась США и европейским сообществом как союзная им страна, властям которой они стали оказывать не только экономическую, но и военную помощь, в том числе и для ведения войны с собственными регионами — Донецкой и Луганской областями. Примечательно, что решение и. о. президента Украины А. Турчинова о начале так называемой антитеррористической операции было принято в дни визита в Киев директора Центрального разведывательного управления США Д. Бреннана. Вслед за ним последовали наставнические визиты в Киев вице-президента США Д. Байдена, сенатора Д. Маккейна, помощника госсекретаря В. Нуланд. О том, что именно США были «посредником» при смене власти на Украине, признался в конце января 2015 года президент Б. Обама.

Навязчивое американское наставничество привело к тому, что в стране фактически было введено внешнее управление. В министерствах были учреждены должности иностранных советников, а вскоре, после очередного визита в Киев Д. Байдена, П. Порошенко и вовсе объявил о «своей» инициативе назначить на некоторые министерские должности специалистов из других стран, мотивировав это тем, что они не будут связаны на Украине ни родством, ни кумовством. Ну а то, что они связаны «кумовством» с Вашингтоном и Брюсселем и их участие в управлении неизвестной им страной лишит ее суверенной конфиденциальности, его никак не озаботило. Поразительно, что «рулить» Украиной приглашаются даже люди, преступившие закон в собственной стране и находящиеся в розыске по линии Интерпола.

Можно сказать, что у США и ЕС с Украиной начался медовый месяц. Однако, если продолжить этот метафорный ряд, придется признать, что брак неравный и заключен не по любви, а скорее по расчету, причем обоюдному. США и ЕС полагают, что получают дополнительный рынок сбыта своих товаров и дешевую рабочую силу, а Украина надеется без прилюдного собственных усилий обрести европейские стандарты жизни. Именно этим власти объясняют своему народу столь неестественный мезальянс.

«Что мы можем получить от России? — вопрошают они. — Там такая же бедность, как и у нас, и такая же коррупция. А вот у богатых Европы и США, явля-

ющихся образцами свободы и демократии, мы можем обогатиться принципиально иными цивилизационными и технологическими ценностями».

Как говорится, дай Бог. Но только как бы не просчитаться. Ведь точно такие же расчеты строили Болгария, Румыния и некоторые другие новые страны ЕС, которые радикального улучшения жизни так и не обрели. Да и многие другие страны сообщества, такие как Греция, Кипр, Португалия, не могут похвалиться таким уровнем развития и жизни, как в Германии, Франции или Великобритании. Отчего же для Украины будут созданы особые условия, позволяющие ей встать в ряд наиболее развитых стран?

Недавно мне довелось прочитать книгу известного украинского экономиста П. Гайдуцкого «Незалежна економіка України» (2014). Две ее главы посвящены проблемам интеграции Украины в евразийское и евросоюзное сообщества. Несмотря на евроинтеграционный пафос автора, не скрывающего своих симпатий к ЕС, фактологический материал заставляет тем не менее усомниться в безусловности такой ориентации. Оказывается, что товарооборот с Евросоюзом в 2014 году все еще меньший (31,4 %), чем с Таможенным союзом (33,3 %). При этом отрицательное сальдо внешней торговли Украины с ЕС возросло в 8 раз и составило 10,5 млрд долларов. Что касается торговли продукцией АПК, то Украина имеет положительное сальдо с Таможенным союзом (2 млрд долларов), тогда как с ЕС — только 0,8 млрд. В торговле продукцией машиностроения с Таможенным союзом Украина имеет положительное сальдо 4,8 млрд долларов, а с ЕС — отрицательное в размере 7,2 млрд долларов¹.

Автор приводит и другие содержательно близкие показатели, которые свидетельствуют, что интеграция в ЕС на безальтернативной основе грозит Украине серьезными экономическими трудностями. Разумеется, все это знает и президент П. Порошенко, поэтому и заявил перед подписанием экономической части Соглашения с ЕС, что интеграция с Европой не должна исключать нормальных экономических отношений с Россией и другими странами Таможенного союза. Вот только удастся ли это?

Одним из неоспоримых аргументов в пользу евроинтеграции является якобы «извечная европейскость» украинцев. Но это скорее свидетельство исторического невежества новых руководителей Украины. Во-первых, в стране проживают не только украинцы, а во-вторых, даже и они больше евразийцы, чем европейцы. Разумеется, это не приговор и ничего плохого в этом нет. В продолжение тысячелетий цивилизационная граница между Европой и Азией проходила не столько по Уралу, сколько по линии разграничения степи и лесостепи. В исторически обозримое время в лесостепи жили восточные славяне, в степи — гунны, авары, печенеги, торки, половцы, монголо-татары. Большинство этих народов сегодня нет на исторической карте, но они не исчезли с лица земли без следа, а растворились в восточнославянском, а позже и в украинском этносах. Это заметно по антропологическому облику насе-

¹ Гайдуцкий П. Незалежна економіка України. Киев, 2014. С. 472–477.

ления современной Украины, языку, культуре, стереотипам поведения и др.

Сказанное не означает, что Украина не может интегрироваться в Европу. Конечно, может. Но, выстраивая планы будущего, новым ее поводырям необходимо осознавать, что значительная часть населения Украины не готова отречься от своего прошлого, не может принять формулу «одно государство — один народ — один язык». Пренебрежение интересами второй по численности этнической группы населения Украины — русской (и шире — русскокультурной), по существу, и стало причиной гражданского конфликта на юго-востоке страны.

Далеко не второстепенную роль здесь играет и религиозный фактор. Многие украинцы, исповедующие православную веру и являющиеся верными Украинской православной церкви Московского патриархата, не могут смириться с тем, что их церковь подвергается гонению как церковь чужой страны. И только потому, что она пребывает в каноническом единстве с Русской православной церковью. Ни греко-католики, ни католики, ни многие другие конфессии, имеющие свои сакральные и управленческие центры за рубежом, не рассматриваются как верные чужих церквей. Стоит ли доказывать, что столь несправедливое отношение к основной церковной конфессии не может не порождать в обществе серьезных противоречий?

Разумеется, сотрудничество Украины с Западом не только возможно, но и необходимо. Важно только, чтобы оно не вело к новому цивилизационному выбору Украины, как об этом неустанно заявляют евроинтеграторы. Это означало бы фактическую утрату украинцами, большей их частью, культурно-исторической идентичности. В дискуссиях на эту тему от новых этноидеологов постоянно слышатся успокоительные заверения, что ни они, ни Запад такой цели не преследуют, да это и невозможно в принципе.

Но как сказать. Наверное, и во времена Брестской церковной унии 1596 года православных русинов Галичины также уверяли, что этот церковный акт ничем не угрожает их вероисповедальной идентичности. Тем не менее значительная часть населения исторической Киевской Руси, столетиями исповедовавшая православие и находившаяся в каноническом единстве с Константинополем, в одночасье превратилась в католиков и стала окормляться римским престолом. По существу, тогда на Украине произошел цивилизационный разлом, разделивший некогда единый этнос на два — родственные по языку, но различные по цивилизационной принадлежности. Негативные последствия брестского церковного переворота, осуществленного Римом и Варшавой, Украина ощущает до сих пор.

Определившись со столь радикальным выбором в пользу интеграции с США и ЕС, нынешние власти (как и их евро-американские наставники), думается, не отдавали себе отчета, на что обрекали Украину. Оказалось, на гражданское межкультурное противостояние и даже на утрату целостности страны. И как бы кто ни обвинял в этом Россию, надо признать, что механизм распада был запущен Майданом, так заботливо взлелеянным США и их европейскими союзниками.

К сожалению, ничего нового здесь нет. Украина не первая и, наверное, не последняя в ряду стран, осчастливленных американской свободой и демократией. И не было еще случая, когда бы американское вмешательство заканчивалось где-либо миром и процветанием. Наоборот, везде неутраченные гражданские войны и распад государств, а еще десятки и сотни тысяч беженцев. Из-за войны на юго-востоке край покинули около 1 млн граждан, в основном это женщины и дети. Большая их часть бежала в Россию, меньшая — в материковую Украину. Когда и как они вернуться к своим пепелищам, не знает никто.

И, конечно, не надо обманываться: США и Запад воспылали такой любовью к Украине вовсе не из гуманистических соображений. Она им нужна в первую очередь как форпост против России, территория, на которой они собираются разместить свои военные базы. А о том, что будет именно так, говорит опыт истории. По существу, нет ни одной страны, вошедшей в ЕС или НАТО, где бы не было их военного присутствия. Будет оно и на Украине. Тем более что новоизбранный президент уже попросил об этом Б. Обаму. Но вызов, как известно, всегда порождает ответ. И нетрудно предположить, чьим и каким он будет. Определенно это в интересах старых и новых членов ЕС и НАТО. В случае военного конфликта с Россией не они первыми окажутся на передовой. Но почему Украину должна устраивать такая перспектива?

Наблюдая за тем, с каким упоением новые украинские руководители ведут Украину на Запад, невозможно отрешиться от мысли, что делается это не столько в интересах своей страны, сколько в пику России. При этом режут, что называется, по живому как в экономической, так и в гуманитарной сфере. Есть что-то противоестественное в разрыве вековых отношений, а тем более в противостоянии Украины и России, особенно учитывая историческое прошлое наших народов. Общей их родиной была Киевская Русь. Затем более 300 лет украинцы и русские жили в единой стране, которую вместе же и создавали. В нашей общей истории все настолько тесно переплетено, что мы просто не в состоянии без нравственных потерь разделить это наследие между украинцами и русскими.

Здесь нет места подробному курсу в историю (этой теме я посвятил отдельную монографию «Украинцы в России в XVII–XX вв.», 2013), поэтому остановлюсь только на особенностях этнического развития двух народов. Политически они, безусловно, разные, поскольку живут в отдельных государствах, разговаривают на разных, хотя и близких, языках и имеют разное гражданство. Но этнически являются, по существу, единым народом. И дело не только в том, что оба проросли из общего корня и имеют своим предком древнерусскую народность. Может, более существенным здесь является их позднейшая смешанность, обусловленная межэтническими брачными связями и широкой взаимной переселенческой подвижностью. Не уверен, что есть точная статистика того, сколько украинцев проживают в России и русских на Украине, но определенно их десятки миллионов. А людей со смешанной русско-украинской этничностью — и того больше. Несколько

изменив известный афоризм, можно сказать: «Поскребите хорошо русского и вы обнаружите в нем украинца» или «Поскребите хорошо украинца и вы обнаружите в нем русского».

Может ли сказанное быть залогом того, чтобы нынешние два восточнославянских народа жили в дружбе и согласии? Теоретически ответ здесь очевиден: конечно, может. Но практически так получалось не всегда. Вот и сейчас восточнославянское единство переживает серьезное испытание. Новая политическая элита Украины, экономически и политически интегрированная с Западом, не только спровоцировала кризис в отношениях с Россией, но и разрушила хрупкий межэтнический и межкультурный мир внутри страны — страны, которая в современных границах не представляет собой органического этногеографического и культурного единства. По существу, она — административно-территориальное образование, сформированное в советское время. В этот период в ее состав вошли Новороссия, Галичина, Закарпатье, Буковина и Крым. За небольшой по историческим меркам срок совместного проживания они не смогли стать Украиной в культурно-историческом смысле, чего не понимали украинские националистические элиты, затеявая очередной майдан. К сожалению, не хотят понимать и теперь. Упорно настаивают на незыблемости унитарной формы Украинского государства. Между тем мирное будущее Украины возможно только в условиях федеративного государственно-территориального устройства.

Если исходить не из временных и конъюнктурных соображений — наличия у политико-экономической элиты Украины счетов в европейских банках и «хатынок» на лазурных берегах, а из долговременных и прагматичных для всего украинского народа, то разрыв Украины с Россией представляется драматической ошибкой. Украина идет в союз, обладающий высокими технологиями, но практически исчерпавший свои природные ресурсы и очень перенаселенный, ко-

торый при этом стремительно меняет свою цивилизационную сущность. Уже сейчас некоторые его страны на четверть состоят из переселенцев из мусульманского мира, не поддающихся европейской аккультурации. И, судя по всему, процесс этот будет продолжаться. Нет никаких сомнений, что он захватит и Украину.

Прогнозы ведущих украинских и российских экономистов относительно технологического будущего Украины в составе европейского сообщества также далеко не радужны. Она, скорее всего, утратит статус индустриальной державы, потеряет машиностроительные отрасли, превратится в рынок сбыта европейской продукции и резервуар дешевой рабочей силы для стран ЕС.

Наверное, можно жить и так. И все же интеграция с Россией, обладающей несметными природными ресурсами и необъятными жизненными пространствами, для Украины была бы более приемлемой альтернативой. При умной кооперации страна могла бы стать фактическим пайщиком всех этих богатств. Как известно, на нефтяных и газовых промыслах России и сейчас работает большое количество украинцев. К тому же существенной долей Украины в этом общем пае была бы ее газо- и нефтетранспортная инфраструктура. Вместе бы добывали и продавали. И не было бы никаких обходных газопроводов, как «Северный поток» по дну Балтийского моря, «Голубой» и «Турецкий» — по дну Черного.

Нет сомнений, что тесное сотрудничество с Россией и другими странами постсоветского пространства помогло бы Украине сохранить и развить такие отрасли промышленности, как космическую, авиационную, судостроительную. Необъятный рынок России мог бы стать залогом успешного развития сельского хозяйства Украины и его перерабатывающей промышленности. К сожалению, в нынешних условиях о евразийской интеграции Украины можно говорить только как об утраченной возможности. Но, хотелось бы верить, утраченной не навсегда.

Ж. Т. Тошенко¹

ТРАВМА КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (Полемические заметки)

Развитие мировой цивилизации на современном этапе столкнулось с феноменом, еще слабо изученным

¹ Заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 650 публикаций, 19 монографий и 5 учебников, в т. ч.: «Парадоксальный человек», «Социология труда», «Гезаурис социологии», «Вехи социологии» (отв. ред.), «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)», «Политическая социология» (отв. ред.), «Социология управления», «Фантомы российского общества» и др.

и малоизвестным, который мы называем травмой. Дело в том, что в мире происходят значительные, значимые и знаковые события, которые невозможно определять и квалифицировать в прежних понятиях, описывающих и отражающих происходящие изменения. То, что произошло в 2000–2010-е годы в Тунисе, Египте, Ливии, Ираке, Сирии, Афганистане, выпадает из общепринятой и понятной логики общественного развития. Не менее впечатляющи и события, происшедшие во многих бывших союзных республиках Советского Союза, ныне — независимых государствах. Особен-

но это касается событий в Грузии, Молдавии, Киргизии, а сегодня на Украине. Не избежала такой участи и Россия, модель развития которой «можно представить в виде велосипеда, в котором руль — социалистический, а педали — капиталистические»¹. Однако, несмотря на существенные различия, все эти страны объединяет одно — они пережили или переживают большие потрясения.

Но как охарактеризовать эти социально-политические катастрофы? Есть ли у них нечто общее при всем разнообразии происходящих процессов? На наш взгляд, для их анализа недостаточно использовать наработанные и даже устоявшиеся понятия «эволюция» и «революция», при помощи которых описывались и интерпретировались происходящие изменения в зависимости от их характера. *На наш взгляд, при трактовке этих катастроф в названных странах с позиций двух основных путей развития — революции и эволюции — все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реально происходящих своеобразных процессов и событий. Поэтому, на наш взгляд, нужно использовать понятие «травма» как некий специфический, промежуточный вариант между двумя названными путями.* Ведь нередко в этих странах складывалась ситуация, когда изменения происходят, а отнести их к революционным преобразованиям затруднительно. Но и считать их эволюционными тоже весьма спорно, ибо они частично демонстрировали постепенное, поступательное движение при решении основополагающих вопросов общества.

Характеризуя новую трактовку особого состояния общества, стоит напомнить, что понятие «социальная и культурная травма» в научную литературу впервые ввел П. Штомпка, анализируя проблемы развития. Описывая всю совокупность изменений, происходящих в большинстве стран, он рассматривает *травмы* как социальные трансформации, в основе которых лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (агенсу) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов»².

Он подчеркивал, что при анализе травмы надо уделять внимание «коллективному агентству — активной движущей силе социального изменения, присущей человеческим коллективам», а также «признанию структурного и культурного давления агентства, имеющего доступ к ограниченному фонду структурных и культурных ресурсов»³.

На наш взгляд, эту трактовку происходящих изменений можно расширить до понятия «травма общества», если иметь в виду противоречивый, турбу-

лентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения сущности, понимания и использования понятия «травма». Соглашаясь с основными объяснениями П. Штомпки, нам хотелось бы уточнить применение этого понятия, предложить иное его объяснение или, вернее, объяснить иной подход.

Прежде всего рассмотрим некоторые сущностные характеристики травмы как социального феномена, данные современными исследователями при анализе социальных катастроф ныне существующего мира.

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». В современной медицинской и психиатрической литературе этот термин понимается не только как рана на теле, но и как рана в сознании, в результате эмоционального шока, который нарушает «осознание времени, себя и мира»⁴. Постепенно при изучении травмы стали обращать внимание на ее социальное содержание. Современные ревизии классического определения социальной травмы связаны с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в европейском обществе⁵.

Социальная трактовка травмы была использована при исследовании проблем коллективной идентичности, в том числе религиозной и этнической⁶. При изучении происходящих в западных обществах потрясений Н. Смелзер определял культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом»⁷. Д. Александер утверждает, что некоторые события в современном мире сами по себе травматичны, то есть являются непосредственными причинами деформирующего эффекта⁸.

Травматическое воздействие на судьбы народов, их национальное самосознание описал З. Бауман⁹. Р. Айерман писал, что некоторые события, такие как, например, политические убийства, могут создавать условия для появления социальной травмы¹⁰.

Что касается отечественных исследователей, то, не употребляя данный термин, о травмирующих аспектах писали О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, В. Л. Иноземцев, М. Ф. Делягин, Р. С. Гринберг (в экономике), Ю. А. Красин¹¹, В. К. Левашов, В. В. Федоров (в поли-

⁴ Caruth C. Trauma. Explorations in Memory. Baltimore, 1995.

⁵ Habermas J. Legitimation crises. Boston : Beacon Press, 1975.

⁶ Narrating trauma: on the impact of collective suffering. Boulder : Paradigm Publisher, 2011.

⁷ Smelser N. J. Psychological trauma and cultural trauma // Cultural trauma and collective identity / [Alexander J. C. et al.]. University of California Press, 2014. P. 38.

⁸ Cultural trauma and collective identity / [Alexander J. C. et al.]. University of California Press, 2014.

⁹ Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Ithaca : Cornell University Press, 1989.

¹⁰ Eyerman R. Social theory and trauma // Acta sociologica. 2013. Vol. 12, № 1.

¹¹ Красин Ю. А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полит. исследования. 2003. № 4. С. 124.

¹ Лившиц В. Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. М. : Ленард, 2013. С. 202.

² Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. исследования. 2001. № 1. С. 6–7.

³ Там же. С. 7.

тике), М. К. Горшков, Ю. А. Левада, В. А. Ядов (в социальной сфере), В. А. Межуев, О. Н. Смолин, А. С. Запесоцкий (в сфере культуры).

Исследователи состояния, тенденций и проблем развития стран в современном мире применяют несколько подходов к интерпретации травмирующих процессов и явлений.

Во-первых, используется понятие «цветные революции», которые называются по-разному — «арабская весна», «оранжевая» или «тюльпановая революция», «революция роз» и т. п. По сути, они означают кардинальные качественные изменения, смену господствующего строя методами мобилизации «групп давления», осуществляющих агрессивные действия вплоть до открытых форм насилия¹.

Во-вторых, источники травмированного развития видятся в действиях *экстремистских религиозных и националистических сил*, которые под флагом защиты этнических и конфессиональных ценностей стремятся навязать их, не считаясь с интересами и устремлениями других, не менее значимых, но менее активных общественных групп².

В-третьих, эти травмы объясняются *вмешательством внешних сил*, которые стремятся навязать путем скрытого или косвенного воздействия свои представления о путях развития этих стран, нередко механически перенося свои представления без учета их исторических и культурных особенностей, что приводит к дезорганизации государственной и общественной жизни³.

Если обобщить теоретическое осмысление и практическую интерпретацию неоднозначных и противоречивых турбулентных процессов в названных странах Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, то мы можем сказать, что эти процессы привели к возникновению и закреплению *новых травмирующих черт (характеристик) общества и его культуры*, отличающих их от предшествующих состояний на предыдущих этапах их развития и функционирования.

Во всех названных странах травма проявилась в том, что *ни в одной из них не была четко сформулирована стратегия действий по преобразованию государства и общества*. Люди не понимали, какое общество должны строить после происшедших потрясений (войн, переворотов).

В этих условиях стал возрождаться образ того, что было утрачено, но стало цениться по-другому исходя из новых реалий. Большинство людей в этих странах сначала поверили обещаниям построения такого общества, которое будет реализовывать идеи справедливости.

¹ См., например: *Кара-Мурза С. Г.* Экспорт революции. Ющенко. Саакашвили. М., 2005.

² См., например: *Барсамов В. А.* Этнонациональная политика в борьбе за власть: стратегия и тактика в период общенациональной смуты. М., 2001; *Тошенко Ж. Т.* Этнократия: история и современность. М., 2003; *Он же.* Теократия: фантом или реальность. М., 2009.

³ Подробнее см. об этом: *Брутенц К.* Обреченная политика // *Международная жизнь*. 2015. Март; *Брутер В. И.* Украина и политика абсурда // *Россия в глобальной политике*. 2014. Т. 12, № 1.

Однако реальная жизнь быстро охладила эти мечты — идеи западной демократии в национальном исполнении дискредитировали себя еще быстрее по сравнению с тем, как это случилось с идеями на предшествующем этапе развития⁴.

Практически в каждом из обществ травмы происходило *игнорирование исторического опыта или манипулирование историей развития своего народа*. Развились и окрепли различные формы манкуртизма, игнорирования исторических и национальных традиций. Появились «труды», исчисляющие историю, например, украинского народа со времен фараонов или появления древних укров из арийских племен Индии, русских — с появления их на исторической арене еще до нашей эры, или легенды об исключительной роли мусульманства⁵.

Во всех этих странах с учетом особенностей каждой из них произошла *дезорентация и дезорганизация общественной жизни*. Практически ни в одной из анализируемых стран не было выдвинуто отчетливой долгосрочной программы преобразования страны. Очевидно, что после турбулентных событий в каждой из них в 2000–2010-е годы при ожидании позитивных сдвигов происходили нежелательные изменения — расхищение национального богатства и сосредоточение его в руках сравнительно небольшой группы лиц, рост коррупции и безработицы, раскол общества на бедных и богатых, приоритет наживы, потеря возможности социальной защиты, несоблюдение принципов справедливости. Общественному сознанию в этих странах, в том числе и в России, была нанесена колоссальная травма, поскольку произошла потеря прежних ориентиров, а новые не могли сформироваться⁶.

В этой ситуации реальные процессы, происходящие в общественном сознании в этих странах, демонстрируют еще одну важную травмирующую особенность: оно становится *злострадательным*, остро, но не всегда адекватно реагирующим на происходящее в жизни. Долгое время люди жили ожиданием того, что коррупционные и другие негативные процессы будут обузданы, что новые перемены обязательно сделают жизнь лучше. Но шли годы, а вместо позитивных сдвигов люди получили не только консервацию прошлого, но и оскорбительную для них ситуацию, сопровождающуюся обогащением причастных к власти людей и массовым обнищанием народа. Тем самым создаются условия для того, чтобы пассивное ожидание перемен переросло в активный общественный протест, который далеко не всегда приводит к власти силы, ратующие за интересы народа.

Тревожность людей в обществах травмы имеет под собой основания, ибо они убеждены, что как ранее су-

⁴ *Волков А. И.* Идеи правят миром // *Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние*. Научные записки и очерки / рук. проекта и ред. О. Т. Богомолов. М., 2008. С. 56–57.

⁵ Национальные истории в постсоветском пространстве / под ред. К. Айермахера, Г. Бордюгова. М., 1999.

⁶ *Сомов В. А.* Феномен советскости: историко-культурный аспект // *Социол. исследования*. 2015. № 2.

ществовавшая, так и ныне существующая политическая власть не отражает позиции большинства населения, а ориентируется на интересы двух групп — государственной бюрократии и богатых слоев населения. Такая оценка не могла не сказаться на снижении доверия к политическому строю и основным политическим институтам. Анализ данных показывает, что травма начинается с негативной оценки деятельности политического руководства, многократно превосходящей процент позитивных оценок.

В политических концепциях есть такая аксиома: «Народ нельзя обмануть. Если же это случается, то ненадолго». Посулы «цветных» или иных революций сначала были встречены с одобрением и вдохновением (большинство населения признавало, что «так жить нельзя»). Но люди довольно быстро осознали порочность и гибельность предложенных преобразований, что привело к политической смерти многих «творцов» реформ.

Современному общественному сознанию в этих странах во все большей мере присуща и такая характеристика, как *критичность*. Люди не желают мириться с бедностью, просчетами, коррупцией, хищениями, преступностью, существование которых многие политики пытаются объяснить объективными причинами. Продолжает оставаться высоким уровень отвержения преобразований в экономической и социальной жизни. В условиях восхваления псевдорыночных преобразований, торжества коррупционных схем и теневых (криминальных) методов работы не уменьшаются и даже растут негативные оценки социально-экономической ситуации, ее последствий для общественной и личной жизни. Применительно к России это раскрыто в ряде социологических исследований¹.

Травма наносится и потому, что ожидания при начале обещанных реформ в реальности не оправдались. Анализ положения в травмированных странах показывает, что складывается весьма противоречивая, парадоксальная картина. С одной стороны, на первых этапах происходил рост доверия к некоторым обещаниям и даже преобразованиям. С другой стороны, одновременно ухудшались оценки изменений с точки зрения влияния этих же параметров на жизнь людей. Особенно поразительно то, что некоторые показатели (безработица и уровень благосостояния) практически не только не изменились, а даже ухудшились. Исследователями отмечается увеличение нищеты и бедности после так называемых революций и в Египте, и в Ираке, и в Ливии, не говоря уже об Афганистане и ряде новых независимых государств — Украине, Грузии, Молдавии.

Эти данные характеризуют еще одну особенность травмы общества, связанную с суждением людей о том, отвечают ли встряски (революции, перевороты) их интересам, ожиданиям, насколько они совпадают с официальными заявлениями. Травма общества

¹ Российское общество и вызовы времени / М. К. Горшков [и др.]. М., 2015.

проявляется и в том, что в общественном сознании растет сумятица, которая позволяет людям переходить от одной позиции к другой даже под впечатлением случайных обстоятельств. Причем, несмотря на разнообразие мировоззренческих убеждений, люди, оценивая перспективы развития своей страны, продолжают надеяться на стабильную жизнь. Это наглядно демонстрирует анализ мнений людей как по основополагающим проблемам, так и по проблемам повседневной жизни, которыми они руководствуются при принятии решений текущего и перспективного характера².

Из травмирующих составляющих в рассматриваемых странах следует отметить еще и тот факт, что продуктом систематического обмана, резко изменившихся условий жизни стали такие черты травмы общественного сознания, которые невозможно игнорировать при оценке его состояния и тенденций: *увеличение влияния изоляционизма и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости*.

Анализ травм общественного развития позволяет сделать еще один вывод: в этих турбулентных условиях резко увеличивают свой вес и воздействие на общество различные амбициозные и реваншистские силы, рвущиеся к власти, для которых два основных ориентира — рынок и демократия — являются лишь прикрытием эгоистических групповых целей. Для этого, по словам Шумпетера, используются различного рода утверждения, к примеру, что Россия, как и весь мир, «переживает очередной этап созидательного (?) разрушения»³.

Таким образом, среди новых явлений на современном этапе развития приобрели особую значимость и четкую определенность такие черты в жизни ряда обществ, как травмированность, выражающаяся в расколе, раздвоении, противоречивости и конфликтности развития.

В заключение следует отметить, что именно такое затруднение отразила дискуссия о том, что же произошло в России на рубеже 1980–1990-х годов. Многие политики, ученые, журналисты, используя некую совокупность данных, настаивают, что произошел слом социалистического строя и начался процесс возвращения в испытанное и проверенное опытом человечества капиталистическое устройство общества (см.: Гайдар, Мау, Кох⁴ и др.).

Другие представители этих же социальных групп, опираясь на опыт новой России, не менее убедительно доказывают, что имеет место пусть сложный и трудный, но эволюционный процесс развития страны (Бузгалин⁵, Иноземцев⁶). На наш взгляд, не происходит

² Левада Ю. А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М., 2006.

³ Цит. по: Делягин М. Крах оптимистических иллюзий и отправной пункт экономического оздоровления // Российский экономический журнал. 2014. № 1. С. 22.

⁴ Авен П., Кох А. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М., 2013.

⁵ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социол. исследования. 2014. № 1, 3. С. 120–130.

⁶ Иноземцев В. Л. Потерянное десятилетие. М., 2013.

ни того, ни другого. Россия представляет собой травмированное общество, которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки. На наш взгляд, развитие российского общества характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией части социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, но не отказом от принципов рыночного либерализма и попытками следовать по пути, по которому идет «европейская цивилизация», однако с учетом особой евразийской ориентации.

Все это позволяет сделать вывод, что травмированность в обществе возникает тогда, когда «появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом»¹. Именно эта ситуация породила такие многочисленные необычные социальные феномены, как парадоксальность, кентавризм, различные формы этнократии и теократии.

Ташансу Тюркер²

ИСТОРИЯ НАЦИИ: ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА НА РОССИЙСКУЮ И ТУРЕЦКУЮ ИМПЕРИИ

Цель этого доклада состоит в сравнении представлений об империи и нации в Турции и России в период с начала XIX до начала XX века, когда восприятие этих понятий формировалось новой политикой. Таким образом, могут быть сделаны определенные выводы касательно современного самовосприятия и проблем демократии обеих стран с их отличительными особенностями.

С начала XIX века Османская империя вступила в эпоху упадка, и представители интеллигенции, наряду с правящей государством элитой, хорошо осознавали сложившуюся ситуацию. Осознание процесса падения империи спровоцировало несколько попыток важных реформ, которые не были связаны с модернизацией или вестернизацией, а, напротив, предпринимались с целью борьбы с Западом, а также для защиты государства и сохранения статус-кво. Известно, что такое положение дел сохранялось почти до конца XIX столетия с одним-единственным изменением: произошло осознание не только технического, но и глобального превосходства Запада, что привело к более значительным реформам с начала XIX века. Следует отметить, что истинная цель этих реформ заключалась в защите государства.

Именно в такой обстановке и проводились реформы. Вполне естественным было то, что первоначально они были ориентированы не на всеохватывающую вестернизацию, а на нужды империи и вынужденную борьбу с кризисом в ней. Лишь в период правления султанов Селима III и Махмуда II область дей-

ствий реформ начала расширяться, а затем изменилась и их направленность. Длительный процесс преобразований, известный сегодня как вестернизация, начался немного позднее. Несмотря на то что начался он с коренных изменений в государственном и общественном строе империи, большое влияние на общество оказало формирование интеллектуальной элиты, способной понять западную культуру. Основание «Терджюме Одасы» (дословно Палата переводчиков) в 1821 году является поворотным моментом, так как поколение молодых людей, занимающихся в переводческом центре, глубоко осваивало не только иностранные языки, но и западную культуру. Процесс реформирования начался по большей мере благодаря османской интеллигенции.

Связь между реформами и понятиями «империя» и «нация» прослеживается в процессе национального пробуждения. Первоначально оно являлось движением, спровоцированным представителями христианской общины, а позднее было выявлено у мусульман нетурецкого происхождения. Турки-османы были озабочены главным образом идеей о спасении империи. Понятие национализма не существовало в традиционной структуре этого государства, которое основывалось на системе миллетов с религиозными группами, владеющими разными языками и отличающимися этническим происхождением. Каждая община существовала автономно при условии сохранения лояльности по отношению к центральной власти империи. На протяжении XIX века развитие национального мышления происходило быстрыми темпами, что в конце концов привело к распаду Османской державы. В такой ситуации главной заботой османских интеллектуалов стал поиск альтернативы идеям национализма, так как увлечение ими препятствовало достижению основной цели по спасению государства. Представители османской интеллигенции не только смогли утвердить идею

¹ Штомпка П. Указ. соч. С. 8.

² Директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, адъюнкт-профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция). Сфера научных интересов: история Оттоманской и Российской империй, современная иностранная политика России и Турции. Автор научных публикаций по истории Оттоманской и Российской империй и вопросам современной международной политики.

логию тюркизма, но и стали в ряды сторонников имперского порядка, чтобы противостоять национальной идентификации.

При изучении западных и противостоящих им концепций нетрудно заметить, что для османской интеллигенции систематическое развитие соответствующего антизападного идеала было запоздалым и слабым по той причине, что концепция вестернизации стала ослабевать, и скептическое представление о западничестве, присущее многим основоположникам реформ, препятствовало разработке альтернативного подхода и в какой-то степени ослабляло его. Тем не менее сама обстановка вынуждала искать возможности сочетания западных ценностей с традиционными нормами и способствовала развитию идей, защищающих империю.

Значимость идеологии османства при таких обстоятельствах увеличивалась. Смешение западных понятий «родина» и «патриотизм» с традиционными представлениями о верности и справедливости должно было оправдать попытку создания единой османской нации. Неудачу этой попытки нельзя объяснить поверхностным подходом к такому начинанию. Вполне понятно, что при выборе такой политики сила государства играет решающую роль, однако в XIX веке Османская империя уже не владела такой силой.

Эпоха реформ Танзимата была наиважнейшей в османстве. Представления о роли правителя и верности султану — ключевые понятия в традициях империи — были уменьшены бюрократической элитой; понятие «верность» было заменено понятием «родина». Согласно идеологии «новых османов» само понятие «родина» должно было дополняться понятием «равные права и свободы граждан». Несмотря на то что предположение об участии государства во всех уровнях управления на первый взгляд могло показаться несерьезным, в дальнейшем оно обеспечило устойчивость империи.

Следующий вклад идеологии «новых османов» состоял в упомянутом альтернативном подходе к Западу. Первое систематическое изложение было связано с «Ислахат ферманы» (Декрет о реформах, 1856) как свидетельством вмешательства Запада. Однако суть оппозиционности определялась скорее требованием сопротивления вмешательству, которое в рамках понятия «патриотизм» можно было бы интерпретировать как требование сохранения независимости государства. Именно здесь концепция османства дала трещину. В связи с этим немусульманские элементы считались проводниками влияния Запада. Именно из-за внешнего вмешательства в первом внутреннем конфликте концепция османства понесла урон. В результате численность немусульманских элементов в империи уменьшилась, а последователи имперской идеи стали относиться к исламу как к новому критерию идентификации. Данная идеология, представленная как панисламизм, должна рассматриваться как специфический вариант западной идеологии. Теряя свое значение как религия и трансформируясь в показатель идентификации, ислам мог способствовать утверждению влияния идей Запада.

Концепция панисламизма не столько оспаривала идеологию османства, сколько поддерживала его. Идея спасения государства приобрела новую форму заботы о том, что осталось позади, и, с одной стороны, необходимо было учитывать принцип исламской идентификации, а с другой — постараться не оттолкнуть немусульманские элементы. При своей утопичности исламская идентификация считалась альтернативой национализму. Исходя из предположения о том, что подчеркивание различий противоречит постулатам ислама, она призывала к единению всех мусульман. Возрастает значимость идеологии тюркизма во время развития националистических настроений среди арабов, особенно среди албанцев.

Само понятие «тюркизм» появилось в Османской империи явно после обретения каждой этнической группой своего национального сознания и впервые стало использоваться в XX веке. Оставаясь частью исламства, данная идеология не была точно сформулирована ни в период Балканских войн, ни в период Первой мировой войны. Как и в исламстве, начальная часть «пан» термина «панисламизм» не означала действительно иного его значения. Внутреннее отражение этого понятия выявилось после создания Турецкой Республики при систематическом сравнении с термином «вестернизация». Тюркизм и западничество выступали как разные формы современного национализма. В связи с этим отказ от начальной части «пан» способствовал утверждению представления о независимой турецкой нации среди других современных наций. Идеология тюркизма продолжала придерживаться принципа «гражданской общности» в противовес принципу «гражданской особенности» (основная черта национализма). В этом смысле современная Турецкая Республика и курс кемализма являются смешением двух понятий «родина» и «нация». Организация государства и общества на основе этой модели показывает, что сторонники тюркизма придерживались прозападной позиции, однако опасались диктата со стороны Запада. Кроме того, они понимали необходимость вестернизации, но хотели сделать акцент на роль турецкой нации и опирались на принцип гражданства.

При изучении ситуации в России первое важное отличие от Османской империи состоит в постоянном преумножении могущества государства. К усилению российской державы привело освоение западного опыта в ходе реформ Петра I. В течение XIX века без участия России невозможно было решить ни одного вопроса, связанного с Европой. И снова сравнивая с ситуацией в Османской империи, Россия укрепила центральную власть и устранила противников самодержавия. Помимо экономического роста, в это время также наблюдался значительный прогресс в сфере просвещения и культуры. Развитие дворянской элиты происходило посредством создания научных и образовательных учреждений, что значительно повысило потенциал государства.

Для предмета настоящего исследования важно выделить первую черту, свойственную интеллектуалу в великой России и заключающуюся в уверенности в своих силах. В то время как османская интеллиген-

ция занималась поисками способов по спасению империи, представители российской интеллигенции могли обратиться к решению более широкого круга проблем. Другая особенность российского интеллектуала была связана с его происхождением. В Османском государстве интеллигент был выходцем из бюрократической среды, в России же в большинстве случаев он имел дворянское происхождение. Рассмотрение вышеупомянутых реформ Петра I, и особенно их кульминации в период правления Екатерины II, позволяет увидеть еще одну важную особенность. Она заключается в том, что реформы в России начали осуществлять твердо и решительно, в отличие от непоследовательной и нерешительной модернизации в Османской империи.

С начала XIX века ситуация в России охарактеризовалась системной и глубокой оппозицией Западу, чего прежде не происходило в Османской империи. Антизападное отношение в России было выражено в постановке вопроса: «Кто мы против Европы?» и отразилось в появлении русской идентификации. Она отражала сущность явления, которое может быть названо «ранним консерватизмом».

С другой стороны, в этот же период появляется «ранний либерализм», сформировавшийся в 1825 году по стопам движения декабристов, в основе которого лежала концепция, поддерживавшая процесс вестернизации России и выступившая за создание новой системы общественных отношений и западных ценностей. Необходимо принять к сведению, что использование разработанных на Западе понятий «родина» и «патриотизм» предполагает также и обращение к теме политической борьбы. Проведен анализ, как сопутствующие современному понятию «родина» политические требования относительно ограничения самодержавной власти становятся постоянными положениями политики.

Верным будет утверждение, что эта концепция схожа с идеологией османизма, так как на основе разбираемого понятия выстраиваются в обеих странах как заимствованная на Западе модель организации власти, так и курс на объединение всего населения. В России такой либерализм пришел в полное противоречие с негативным восприятием Западом. Основные свидетельства этому обнаружались в ходе дискуссий 1840-х годов. Эти дискуссии, известные как спор западников и славянофилов, привели к тому, что западники выдвинули свои положения раннего либерализма, однако приверженцы раннего консерватизма сделали шаг вперед в определении русской идентичности, и именно эта концепция стала более последовательной — в ней русская идентичность представлена как переходная от национальной идентичности к цивилизованной. Если постараться передать более полное определение, то эта концепция выступает как вид национального самовосприятия, которое отрицает понятие каких-либо границ и включает имперские элементы. Другая особенность, присущая этой концепции, позволяет понять, что она предполагает аполитичность, а не выступления против абсолютизма.

Изменение указанной позиции вылилось в потерю веры русских просвещенных аристократов в Европу.

Это разочарование, четко проявившееся у Герцена, нашло свое выражение в идее о необходимости придать политический характер русской идентичности. Как раз именно то, что западник пришел к выводу о несостоятельности западной точки зрения, значительно увеличило веру и убеждение в противостоящую западному миру русскую идентичность.

Политизация подобных убеждений реализовалась благодаря Данилевскому, который переосмыслил понятие панславизма в России и объединил немецкую философию с революционализмом французов. В своих соображениях, высказанных в труде «Россия и Европа», он, предвосхищая Шпенглера и Тойнби, обосновал понятие цивилизации и сформулировал тезис о превосходстве славянорусской цивилизации над западной. В рамках этого союза в качестве центра следует поставить русскую общность как самую мощную силу данной цивилизации, хотя это положение касается союза славян. В связи с этим следует отметить, что из членов названного союза равноправных братьев именно Россия призвана в качестве старшего брата или даже отца создать подобный союз и политически преобразовать мир в новую высшую цивилизацию. Именно противостояние Западу является основным мотивом в рассуждениях автора, а концепт о границе не обозначается в дискуссии. Согласно данной концепции, большое количество людей, живущих за пределами России, тоже были ее частью, и все они были способны это доказать.

Во времена правления Александра III ввиду некоторых волнений эта политика перестала быть агрессивной, и внимание властей было обращено на внутреннюю ситуацию в государстве. Несмотря на сохранение прежней тройственной формулы «православие, самодержавие и народность», являющейся смыслом официальной идеологии в начале столетия, одновременно резко активизировался курс на русификацию. В эпоху подъема национализма традиционной идеологии тройственной формулы было очень тяжело удерживать империю от распада.

В политике и обществе ориентация на понятие «родина» сохранялась, а также в качестве основной уже была принята идея, что Россия отличается от Запада, и это отличие всеми разделялось. Это означает, что была подорвана сила всех тех, кто защищал понятие «родина» западными средствами. Распространялись и другие идеи, как правило, делавшие упор на русскую идентичность.

Отдельного внимания заслуживает позиция, представленная одним из последних защитников имперского политического мышления — К. Н. Леонтьевым, представителем имперского космополитизма, основанного на традициях Византии и Рима. По его мнению, необходима была альтернатива для противостояния Западу, и ею могла быть византийская модель. Поддерживая идею славянского союза, Леонтьев выступал не за сам союз, а за новую систему, которая не была бы в своей основе западной. Леонтьев полагал, что славян не за что любить, разве что за новую незападническую систему. Цивилизационная полемика повлияла на всех русских интеллектуалов, даже анархистов.

Один из них — Бакунин — полагал, что социализм может быть построен общинами, которые не развращены западной цивилизацией.

В дальнейшем при всех спорах все же сохранялась тенденция к превращению Российской империи в Русскую державу (территориальное расположение — этническое обозначение / российский — русский). Однако с ней покончил ленинизм, проводивший политику, в основе которой лежало понятие «родина», и выдвинувший проект союза наций на базе еще более высокого, классового понимания общности в виде пролетарского интернационализма. Эта идеология основывалась на праве наций на самоопределение в форме отдельных государств. Тем не менее в ней на первый план вместо понятия «нация» вновь было выдвинуто понятие «родина». Спустя столетие реализовался замысел инициаторов движения декабристов, которые в начале XIX века добивались его осуществления в рамках «раннего либерализма». Начался период, отмеченный тесной связью понятий «гражданство» и «социализм» и ведущей ролью Коммунистической партии.

При сравнении двух стран в качестве ключевых слов, определявших противостояние двух начал, выступали: традиционная империя, модернизм, родина, реакция против реформ, нация. Хотя обе державы, каждая по-своему, представляли традиционную империю,

но в начале XIX века они уже различались по уровню политического могущества. В то время как Османской империи, раньше пережившей свой классический период, модернизация была навязана, Россия в процессе модернизации стала подлинной империей. Этот процесс Османская империя пережила в очень облегченной форме, Россия — в очень жесткой. Из-за этого антизападные настроения в Османском государстве были столь же слабыми, сколь в России они были сильными. В подобных условиях османский духовный мир еще был полон чувства имперского превосходства, в России же очень рано зародилось национальное сознание. У османов на первом плане был имперский статус, в России упор делался на «русскую идею». С распадом Османской державы на этом географическом пространстве утвердилась западная модель государственной организации, а в России противостояние Западу только усилилось, потребовав выработки альтернативной модели.

Если обратиться к нынешним временам, то и в России, и в Турции дискуссии о «родине» и «нации» до сих пор актуальны. Со временем раскроется, какое из этих понятий займет ведущее место в обеих странах при влиянии культуры вестернизации, демократии и отношений с Западом, а также исторических событий этих стран.

**В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²**

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ РОССИИ И НОВЫЕ УСЛОВИЯ ДИАЛОГА В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической культурной миссии России... Миссия России определяется тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты.

Д. Лихачев. Русская культура в современном мире

Осознание культурной и цивилизационной миссии России многим представляется очень простой задачей, поскольку ее легко спутать с задачами совершенно другого плана. И *первая задача* лежит в плоскости прогностической деятельности. Именно в ее рамках складывается представление о целях средне- и долгосрочного развития, которое с необходимостью обусловлено анализом политической конъюнктуры и геополитической ситуации. При этом, что особенно важно, мы опираемся на знания, в том числе на общедоступную и/или инсайдерскую информацию, о том, какие стратегии и программы уже приняты, реализуются или не реализуются, а какие программы могут быть приняты в обозримой перспективе.

Вторая задача связана с самим процессом стратегического планирования, то есть с теми же программами и проектами, которые включают, как правило, элементы альтернативного прогнозирования в контексте глобальных проблем.

¹ Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор и соавтор многих научных открытий и изобретений, более 700 научных работ, в т. ч. 34 монографий, 14 книг: «Иммунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др.; 2 руководства по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 6 учебников; 11 учебных пособий для вузов. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» ("Russian Journal of Immunology"), «Вестника Уральской медицинской академической науки», Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», «Иммунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012). Почетный доктор СПбГУП.

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования»; «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам»; «Философия и методология политического планирования»; «Цивилизационное наследие славянского мира»; «Умная политика и культура планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006).

Третья задача сводится к реконструкции истории и выведению на этой основе некоей «национальной идеи», созвучной устоявшимся представлениям (как в РФ, так и за ее пределами) о национальной истории и культурным традициям.

Большинство исследователей, впрочем, не различают эти разноплановые задачи, полагая, что заняты открытием (точнее, изобретением) некоей миссии, что приводит к постоянной подмене понятий, а в случае, когда такие опыты становятся востребованными при выработке государственной политики, — к грубым ошибкам стратегического характера. Примеров тому множество, в том числе и в российской истории.

Кроме того, во всех этих случаях обычно пользуются методом, который иногда называют нарративацией истории и который сводится, по сути, к попыткам подменить логически выстроенными историями-рассказами реальный срез исторического развития. При этом подлинная логика развития вряд ли нам доступна во всей полноте, а некритическое использование таких способов в исследовательской, аналитической, а тем более в политической работе порождает массу ошибок. И действительно, чем убедительнее покажется рассказ, тем выше риск принять за истину одну из возможных версий, показавшихся более достоверной среди прочих.

В этом смысле особый интерес представляет позиция Д. С. Лихачева, согласно которой миссия России во многом связана с той ролью, что играло Российское государство в культурном развитии и обеспечении безопасности народов, исторически связанных единой цивилизационной судьбой. При этом важно заметить, что осознание и обеспечение этой миссии — одна из самых сложных задач, поскольку нет, пожалуй, более политизированной темы, чем анализ феномена исторической предопределенности. Это вдвойне верно, когда речь идет о долгосрочном развитии народов. Причем именно цивилизационное измерение этой проблематики открывает дальние и сверхдальние временные горизонты прогнозирования и планирования.

Сама же попытка раскрыть логику становления и эволюции локальных цивилизаций как метаисторических общностей требует особой осторожности и по той причине, что даже самые жизнеспособные цивилизации, сохраняющие жизненную энергию в течение столетий и тысячелетий, смертны. А одна из причин их гибели — узурпация отдельными людьми или группами права предрешать судьбы народов и навязывание

вать им высший смысл существования, то есть подменять непреходящее преходящим, неконъюнктурное по своей сути — изменчивой конъюнктурой.

Такая «рационализация истории» и попытки «приватизировать будущее» не имеют ничего общего с логикой цивилизационного развития, хотя в соответствии с известной позицией А. Тойнби цивилизации возникают или гибнут в зависимости от того, способны ли «творческие меньшинства» найти способы разрешения кризисов эпохи¹.

Но предложение определенного пути разрешения кризисов — не то же самое, что «присвоение» цивилизационной миссии. Перефразируя Камю, можно сделать вывод: мы, по сути, отказываемся от самой миссии, когда передаем ее в руки доктринеров-истолкователей². Последние особо опасны для миссии, когда видят только себя в качестве ее самозванных «проводников», «носителей» и «толмачей».

Именно смена эпох вносит свои коррективы как в общую направленность взаимных контактов локальных цивилизаций и процессы общецивилизационного развития, так и в коллективную память и языки народов, фиксирующих эти изменения. Такая коррекция позволяет судить об адаптационном потенциале каждой из цивилизаций, о ее способности отвечать на глобальные проблемы (одним из возможных толкований этого феномена может служить концепция «вызова и ответа» А. Тойнби³). Решение проблем такого класса предполагает использование всего потенциала межцивилизационных контактов и связей, а не только возможностей отдельных стран-лидеров и межгосударственных союзов, что было характерно для эпохи модерна.

В связи с этим можно говорить о начале новой эры, которую иногда называют эрой межцивилизационного диалога, хотя это и не самое точное определение. Дело в том, что диалог является лишь одним из условий сотрудничества в рамках пока еще не сформированной общей стратегии, основанной на уважении к различным цивилизационным мирам. Не менее важные условия — очевидность тупика, в который заводит человеческое сообщество технологическая гонка (техноло-

¹ П. Бьюкенен, исследуя причины упадка западной цивилизации в книге с говорящим названием «На краю гибели», начинает анализ именно с этого тезиса А. Тойнби, делая акцент на деструктивной роли элит, не способных или не желающих подчинять конъюнктурные личные или групповые интересы логике исторического развития (см.: Бьюкенен П. На краю гибели. М.: АСТ, 2008. С. 8).

² Камю в книге «Бунтующий человек» говорил о миссии пролетариата и том, что именно социалисты авторитарного толка оказались первыми, кто отверг эту миссию, когда решили передать ее горстке доктринеров во имя ускорения истории, которая, по их мнению, движется чересчур медленно.

³ Как известно, данная концепция занимает особое место в цивилизационной теории Тойнби. Опираясь на эту концепцию, Бьюкенен, известный тем, что называет вещи своими именами даже в тех случаях, когда это нарушает принципы политкорректности, останавливается на трех смертельных угрозах (вызовах), способных сокрушить любую цивилизацию. Эти угрозы — депопуляция, культурная дезинтеграция и непротивление вторжениям (в том числе непротивление неконтролируемой миграции, изменяющей цивилизационный код всех ведущих стран современного мира). На этом основании Бьюкенен прогнозирует фазы распада западной цивилизации, который, по его мнению, можно воочию наблюдать в США, Великобритании и других странах Европы. Аналогичные тенденции он обнаруживает и в современной России.

гический прогресс отождествляется с *технологической цивилизацией*, унифицирующей многоцивилизационный мир и сопряженной с непоправимыми поломками планетарных социоприродных систем), а также выравнивание статуса участников диалога на основе признания самоценности локальных цивилизаций.

Осознанию этих тенденций (условий диалога) мы обязаны не постмодернистским теориям и школам, поскольку они не спровоцировали поиск новых решений, а лишь предложили свои варианты объяснения объективного процесса девальвации «больших рассказов» и «великих учений» (политических идеологий). Причина и не в демонтаже социальных систем, основанных на этих учениях, в том числе и в первую очередь — биполярной геополитической системы. Все это важные факторы, не исключающие наличия главной причины: эра межцивилизационного диалога — закономерный и неизбежный итог восстановления статуса жизнеспособных локальных цивилизаций. Когда ослабли искусственные «идейные оболочки», разделявшие людей, семьи и нации по враждующим «лагерям» (лагерь социализма и лагерь капитализма), открылась подлинная, метаисторическая, то есть исторически непреходящая, социальная реальность — многоцивилизационный мир. Таким образом, цивилизационные миссии вновь приходят на смену идеологическим инверсиям.

Впрочем, роль «отдельных лиц» в эпохальных исторических преобразованиях, а следовательно, и в опосредованной коррекции цивилизационной миссии, трудно не заметить уже по той причине, что иногда наиболее значимые периоды в жизни общества носят имена выдающихся вождей и героев, мыслителей или творцов. Среди них наряду с «добрыми сеятелями» и просветителями есть представители армии «цивилизаторов», распространявших свою веру (религиозную и/или политическую) с мечом в руках, не оставляя камня на камне от культур и языков «варварских народов».

В качестве иллюстрации достаточно вспомнить устойчивые обороты речи, некоторые из них имеют отчетливую оценочную коннотацию. В связи с этим можно вспомнить о шекспировских и пушкинских временах, эпохах Петра Великого или королевы Виктории, временах царствования Екатерины II или сталинской эпохе. Однако все чаще на смену им приходят «сниженные» наименования, выбор которых продиктован популярностью субкультур, например музыкальных — от «эпохи Битлов» (в ее рамках выросла целая индустрия) до «эпохи Высоцкого» в России.

В наши дни смена эпох становится в какой-то степени управляемым процессом, что продиктовано как сменой технологических укладов (феномен информационного общества), так и коммерциализацией всех или почти всех сфер жизнедеятельности, в том числе и политической (большая политика — крупный бизнес). Подобная смена происходит уже не в течение столетий, а на глазах одного поколения.

При этом она сознательно ускоряется (провоцируется), находя свое отражение в массовом сознании, где уходящие и идущие им на смену эпохи все чаще ассо-

цируются с именами «падающих звезд» — кумиров поколений, благодаря чему становятся возможными межпоколенческая дифференциация и принудительная самоидентификация возрастных групп. Одно из следствий такого ускорения — перемещение укладов жизни из сферы многовековых традиций в область ком-

мерческих проектов. Другое следствие — дерзновенное стремление технологов от политики сделать предметом коммерции, товаром и саму цивилизационную миссию, поставив на поток «производство миссий»: новые миссии — новые потребности — новые спрос и предложение.

Чжан Дюнь Юн¹

КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И КОМПЛЕКСНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. СПОСОБНЫ ЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА «ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ ВЗАИМНО ДОПОЛНИТЬ ДРУГ ДРУГА?

В ноябре 2012 года Коммунистическая партия Китая пережила плавную смену лидера. Центральное руководство КПК всегда придавало большое значение отношениям со странами-соседями. После того как в марте 2013-го Си Цзиньпин получил пост председателя партии, первым направлением международного сотрудничества была выбрана Россия. Во время визита Си в Россию китайский лидер и его российский коллега Владимир Путин обязались усилить всестороннее стратегическое сотрудничество между своими странами. Путин заявил, что Китай и Россия придерживаются схожих взглядов на многие глобальные вопросы, разделяют интересы друг друга, а также имеют перспективы успешного сотрудничества². Стороны согласились применять разнообразные механизмы сотрудничества и поощрять совместные стратегические проекты. Визит Си в Россию является свидетельством того, что Китай придает огромное значение отношениям с ней.

В сентябре 2013 года Си Цзиньпин был с визитом в Центральной Азии. В своей речи в Назарбаев Университете он предложил организовать экономическую зону «Шелковый путь». Это предложение вызвало живой интерес международного сообщества и получило положительный отклик стран, входящих в планируемую зону. Инициатива Си является грандиозным проектом по усилению сотрудничества евразийских стран в Новое время. Он посетил также и саммит G20 в Санкт-Петербурге. На протяжении менее чем одного года двое лидеров встречались шесть раз; такая частота встреч — явление редкое в китайской дипломатии³. В отличие от лидеров таких западных стран, как США, Великобритания, Франция и Германия, китайский лидер высказался в поддержку зимних Олимпийских игр в Сочи; впервые в истории глава Китайской Республики посетил церемонию открытия крупного зарубежного спортивного мероприятия. Развитие партнерских и дружеских отношений между Китаем и Россией положило начало новой эре.

¹ Заведующий кафедрой экономики Национального университета путей сообщения (г. Шицзячжуан, КНР), доктор экономических наук, профессор.

² http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-03/24/content_16340725.htm

³ <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?cid=1501&MainCatID=15&id=20141128000021>

После распада СССР практически все бывшие республики в декабре 1991 года вступили в Содружество Независимых Государств (СНГ). Данное соглашение было первым шагом на пути к процессу интеграции. Со времени возникновения СНГ страны-участницы предпринимали множественные попытки организации новых союзов. Однако достигнуть интеграции оказалось не так-то просто. 18 ноября 2011 года лидеры Белоруссии, Казахстана и России подписали соглашение, установившее 2015 год временем создания Евразийского союза. Данное соглашение включало план будущей интеграции и основывало Евразийскую комиссию (по примеру Европейской комиссии), а также Евразийское экономическое пространство, начавшее работу 1 января 2012 года. Концепт был предложен президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым в речи 1994 года в Московском университете.

Центральная Азия расположена между Китаем и Россией, что делает регион неизбежным направлением внешней политики стран. Россия приняла стратегию «Опорный пункт», явно отличающуюся от принятой США большей ориентацией на сдерживание⁴. Китай граничит с тремя из пяти стран Центральной Азии; общая длина границы с регионом составляет более 3 тыс. километров. Принимая во внимание такое географическое положение, общность интересов Китая и России в данном регионе более чем естественна.

Стратегии организации экономической зоны «Шелковый путь», предложенные как Си, так и Евразийским союзом, фокусируют внимание на Центральной Азии.

Китайские ученые провели немало исследований Евразийского союза, подкрепляющих идею создания экономической зоны «Шелковый путь». Но тут мы сталкиваемся с новым вопросом: способны ли экономическая зона «Шелковый путь» и Евразийский экономический союз взаимно дополнить друг друга? в своих исследованиях китайские ученые придерживаются различных взглядов на Евразийский союз. Уже в 1995 году вышла академическая статья «Интеграция государств СНГ: реальность и будущее». Автор считает, что процесс интеграции государств СНГ находился в стагнации, в то время как темп прогрессирования билатеральных и мультилатеральных связей был неве-

⁴ <http://www.thewashingtonreview.org/articles/pivot-to-asia-us-strategy-to-contain-china-or-to-rebalance-asia.html>

ротно высок. По тем или иным причинам только три страны предприняли упреждающие меры по основанию Таможенного союза, обеспечивающего свободную торговлю¹. В ноябре 2011 года аналитическая статья «Создание Евразийского союза: подоплека, цели и возможности» была опубликована в шанхайском журнале «Современные международные отношения». Автор считает, что Россия не извлекла выгоды из взаимоотношений с Западом, утрачивая свое стратегическое пространство. Переориентация была и необходима, и целесообразна, так как Азиатско-Тихоокеанский регион сегодня процветает. Для достижения интеграции к 2015 году была разработана четырехшаговая процедура. Автор статьи утверждает, что на пути к интеграции возникнут определенные препятствия².

Нетрудно заметить, что за период 2013 и 2014 годов появилось еще больше работ по исследованию Евразийского союза. Возможно, что это является следствием успешного сотрудничества Китая и России. В одной из статей 2013 года автор заявляет, что Евразийский союз не будет создан по примеру Советского Союза, о чем беспокоились США. Неудивительно также, что некоторые ученые настроены положительно по отношению к Евразийскому союзу, а другие — отрицательно. Украинский кризис приносит еще больше неуверенности.

Еще перед тем, как Си предложил проект экономической зоны «Шелковый путь», на пути к созданию Евразийского союза было много трудностей. Большинство исследований фокусируются внимание на таких вопросах, как позиция Синьцзян-Уйгурского автономного района, развитие туризма и сотрудничество в сфере энергетики. Исследования носят в основном внутренний, а не международный характер. Моя позиция по отношению к экономической зоне «Шелковый путь» и Евразийскому союзу заключается в том, что культурный диалог и прямое общение между народами гораздо важнее, чем торговля и экономика.

Насколько я знаю, оба концепта были представлены в университетских речах лидеров. Это иллюстрирует пригодность университетов как платформ для распространения новых идей и концептов. Приложив практические усилия, мы сможем воплотить новые идеи в реальность. Идеи создания экономической зоны «Шелковый путь» и Евразийского союза не возникли на пустом месте, а имеют под собой веские основания. Исторически центр Азии был самым изменчивым и процветающим регионом в мировом экономическом пространстве. В регионе велась энергичная торговля: купцы из Западной Азии меняли шелк, драгоценные камни и специи на лошадей, железные инструменты, ткани и шерсть.

Это длилось сотни лет. Под влиянием различных факторов некоторые евразийские страны заново открывают путь к процветанию. Они находятся в критической стадии экономического и социального развития, сталкиваясь с требующими срочного решения вопросами экономических реформ и модернизации. Страны

Центральной Азии тратят огромные средства на перевозку из-за отсутствия у них выхода к морю и современной сети автомобильных и железных дорог. Эти страны осознали, что развитие в изоляции невозможно. Для того чтобы извлечь пользу из таких своих потенциально сильных сторон, как популяция, ресурсы, рынок и технологии, евразийским странам необходимо и дальше открываться миру и искать новые возможности сотрудничества. Эпистемология очень важна, потому что данный раздел философии относится к нашему мышлению.

И Россия, и Китай придают огромное значение Центральной Азии; необходимо проводить дальнейшую совместную работу для укрепления отношений как между странами Центральной Азии, так и между двумя крупными соседями. Стратегические партнерские отношения между государствами бывшего Советского Союза и Китаем давно установились и процветают. Все партнеры заинтересованы в стабильности и развитии. Для того чтобы укрепить отношения, евразийским странам необходимо принять на вооружение такие концепты, как взаимное доверие, взаимная выгода, равенство и координация, взаимная поддержка. Как билатеральная, так и мультilaterальная кооперация не должна наносить ущерб ни одной из сторон.

Экономическая зона «Шелковый путь» — проект, открытый для обсуждения. Россия, Центральная и Южная Азия и другие страны и регионы приглашаются для участия в этом обсуждении. Коммуникация является основной идеей проекта, а именно, как предложил Си, пять сфер коммуникации: политическая, транспортная, содействие в торговле, обращение валют и прямое общение между людьми. Идея создания Евразийского союза была предложена еще в 1994 году. Для того чтобы сделать проект максимально успешным, мы ожидаем, что к нам примкнут и другие страны Центральной Азии и Южного Кавказа. Возможным результатом такого сотрудничества будет организация, похожая на Европейский Союз, во вступлении в который не заинтересованы ни Россия, ни Китай. По мнению Китая, экономическая зона «Шелковый путь» должна простираться от Тихого океана до Балтийского моря, где постепенно должна быть организована транспортная система, связывающая Восточную, Западную и Южную Азию, облегчающая культурную и экономическую кооперацию. Проект Евразийского союза также открыт для обсуждения. Между отдельными блоками и зонами не должно быть делимитированных границ; доступ к другим экономическим организациям должен быть открыт.

Экономическая зона «Шелковый путь» — важная сфера внимания; для того чтобы успешно реализовать этот проект, необходимо провести очень большую работу. В основе проекта лежит скорее гибкое сотрудничество, нежели интеграция. Целью же Евразийского союза будет облегчение свободного обмена товарами, услугами, трудом, а также денежными средствами. Необходимо заранее предпринять меры, позволяющие двум организациям взаимно дополнять друг друга. Достижение баланса между кооперацией и конкуренцией — главная тема современности.

¹ Cai Wei. Integration of CIS States: Reality and Future // Studies on Eastern Europe and Central Asia. 1995. № 4. P. 64–69.

² Li Xin. Eurasian Union Proposal: Its Background, Objectives and Possibility // Current International Relation. 2011. № 11. P. 4–10.

На 18-м съезде Коммунистической партии Китая страна поставила своей целью всестороннюю открытость; создание экономической зоны «Шелковый путь» является только одной из инициатив на пути к ее достижению. Например, была создана Китайская (Шанхайская) зона свободной торговли, а после и другие зоны. На форуме в Боао премьер Госсовета Китая Ли Кэцян заявил, что Китай готов строить планы по созданию экономического коридора Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма. Существуют также планы по активизации работы Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и по обновлению соглашения о свободной торговле между Китаем и АСЕАН. Морской «Шелковый путь», предложенный Китаем, также ожидается на повестке дня.

Китай уважает пути развития и политику стран-соседей и обещает никогда не вмешиваться в их внутренние дела. Он не преследует цели занять доминирующую позицию среди стран региона и расширить сферу своего влияния. С запуском железной дороги Чунцин–Синьцзян–Европа открылся новый транспортный и логистический путь, связывающий Европу

и Азию. Многие ученые считают это знаком того, что Китаю следует обновить свою международную логистику. Хотя часть вышеупомянутой дороги и проходит по территории России, Китай надеется, что планы по созданию Паназийской железной дороги также будут воплощены. Правительство Китая предлагает евразийским странам скооперироваться с целью создания единой евразийской дороги и обновить проект «Евразийский мост» так, чтобы он включал вопросы транспорта, нефте- и газопровода, телекоммуникационных кабелей, логистики и торговли. В этом проекте, где ведущую роль будет играть Россия, заинтересованы также Южная Корея и Япония.

Многообразие культур евразийского региона обеспечивает динамичное общение между людьми. Китай и многие другие страны Евразии проводят тематические годовые и месячные мероприятия. Евразийским странам необходимо и далее придерживаться принципа взаимного уважения, равенства, инклюзивности, учиться друг у друга, поддерживать обмен в сферах образования, науки, культуры и прессы и поощрять взаимопонимание и дружбу между нашими народами.

М. В. Шмаков¹

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ТРУДЯЩИХСЯ РОССИИ — ОТВЕТ ПРОФСОЮЗОВ НА НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Чтения проходят в довольно сложный период развития нашей страны, резко отличающийся по своим параметрам от того, что происходило еще два года назад. Состояние отечественной экономики и финансовой системы довольно резко ухудшилось в силу внешних и внутренних причин. Такой поворот поставил в актуальную повестку дня как новые, так и уже порядком забытые старые вопросы экономической политики. Вполне обоснованно можно утверждать, что наша страна столкнулась с глобальными вызовами, происхождение которых носит стратегический характер.

«Игры разума» геополитиков-теоретиков относительно «управляемых кризисов», «перманентных зон нестабильности», технологий «цветных революций»

¹ Председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета профсоюзов Международной конфедерации профсоюзов, Президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, Председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП. Автор научных трудов и книг по вопросам социально-трудовых отношений, социальной политики, теории и практики рабочего и профсоюзного движения, в т. ч.: книги «За достойный труд» — избранные выступления и публикации; статей для научных сборников, среди них — «Совершенствование деятельности профсоюзов в условиях глобализации», «Двадцать лет на защите трудовых прав и жизненных интересов работников»; учебных пособий для профсоюзных работников и активистов: «ФНПР в меняющемся обществе» и др.; руководитель авторских коллективов «Комментария к Трудовому кодексу Российской Федерации», книги «История профсоюзов России». Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Член Административного совета Международной организации труда. Награжден орденами «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III, IV степени.

на наших глазах обрели материальную сущность непосредственно у границ нашей страны. Динамизм и стремительность происходящего заставляет российские профсоюзы в сжатые сроки, буквально на ходу, искать ответы на эти вызовы, обеспечивая защиту не только социально-экономических прав и интересов членов наших организаций, но и национальных интересов Российской Федерации.

Вместе с тем совокупность внутренних проблем не следует полностью списывать на то беспрецедентное внешнее давление, которое умело направляется нашими в недавнем прошлом союзниками и «друзьями» и обусловлено независимой суверенной политикой, которую мы ведем в отношении кризиса на Украине. Значительная часть ответственности за кризис лежит на исполнительной власти, экономическом блоке правительства и работодателях.

В феврале текущего года Федерация независимых профсоюзов России проводила внеочередной съезд, в фокусе которого находились эти глобальные вызовы и поиск ответов на них. Опираясь на результаты съезда, мы можем оценить текущее положение, уточнить направления работы на ближайший период. Съездом были приняты решения о направлениях, по которым пойдет дальнейшее развитие не только российских профсоюзов, но и мирового профсоюзного движения, значительной частью которого мы являемся.

Не подлежит сомнению, что в связи с введением санкций против экономических субъектов Российской Федерации идет грубое нарушение международного гражданского, торгового и финансового права. Назы-

вая вещи своими именами, надо признать, что против нас, всей нашей страны, ведется война — современная, «гибридная», с большим арсеналом разнообразных методов — информационных, пропагандистских, финансово-экономических, — по своей разрушительной силе не менее эффективных, чем традиционное оружие. Корректируют «огонь» — кто по умыслу, кто по глупости — с нашей же территории, отсюда, из России. И ничто не страхует нас от полного развала и уничтожения, кроме нашей сплоченности.

Несмотря на это, у России есть возможность совершить экономический рывок и вернуть себе роль одного из центров влияния, определяющего мировое развитие.

Что для этого нужно?

Кризис, который мы сейчас переживаем, исключительно рукотворный — сделан руками «неолибералов», засевших в финансово-экономическом блоке правительства и в присоединившемся к нему Центробанке. При этом управленческие решения формируются людьми либо фатально некомпетентными в комплексных экономических вопросах, либо глубоко и искренне верующими, например, в рынок или «демократические институты межстрановой конкуренции». И те и другие по итогам их работы одинаковы. Именно они в погоне за пополнением казны хотели девальвировать рубль (правда, ненамного), но просчитались и упустили контроль над спекуляциями с национальной валютой. Решение (базирующееся на вере в либеральную экономическую теорию и советы МВФ) отпустить рубль в свободное плавание вошло в резонанс с падением цен на нефть и экономическими санкциями Запада против России, чтократно усилило разрушающее воздействие на экономику России и фактически завело страну в тупик. При этом санкции вводились как будто по наводке изнутри страны, прицельно били по самым слабым местам.

Попытки правительства России и Центрального банка выправить ситуацию пока не принесли ожидаемого результата. Более того, решение Центробанка о повышении ключевой ставки в декабре прошлого года до 17 % лишило реальную экономику оборотных средств, ограничило доступ к кредитам под разумный процент. Постепенное снижение ставки в текущем году, в частности состоявшееся 30 апреля, принесло весьма слабое утешение, так как ставка в 12,5 % по-прежнему слишком высока для реального сектора экономики. Сегодня можно с фактами на руках говорить о том, что лишенные и западных, и российских кредитов предприятия ускоренно разоряются, а их работники пополняют армию безработных.

Лекарство правительство видит в структурных преобразованиях, на которые, как сетуют в том же правительстве, общество не готово.

Какие структурные преобразования тормозит (по словам первого заместителя председателя правительства) «безмозглое общество», лишенное «здорового смысла»? Повышение пенсионного возраста, закрытие школ и больниц. Но это, по его мнению, наиболее эффективно с точки зрения экономики, с точки зрения его «здорового смысла». То есть Правительство Российской Фе-

дерации предлагает продолжить «экономику казино» за счет народа.

Российская Федерация снова демонстрирует всему миру, как не надо действовать, на собственном опыте показывая пагубность либеральной экономической и финансовой политики. Хотя мировой экономический кризис 1920–1930-х годов и Великая депрессия 1929–1933 годов наглядно продемонстрировали последствия, к которым приводит в экономике либеральный подход. (Это, фактически, «ультралиберальный» экономический фундаментализм, как и фундаментализм леворадикалов в 1917 году, оба эти явления сродни слепой религиозной вере).

Необходимость вмешательства государства в макроэкономическое функционирование рыночного хозяйства очевидна, как очевидна и необходимость повторения классической экономической азбуки — про труд как фактор производства.

До начала мирового кризиса (2009–2010) профсоюзы предупреждали о кризисе системы трудовых отношений, который стал тормозом глобального развития и источником проблем.

Основной причиной кризиса системы трудовых отношений является дефицит достойного труда. Не случайно Международная организация труда — глобальный орган социального партнерства — взяла курс на достойный труд как основу устойчивого развития.

Формируют каркас достойного труда для достижения устойчивого экономического роста достойная заработная плата, занятость, фундаментальные права в сфере труда, социальная защита и эффективный социальный диалог.

За последние 15 лет, особенно если сравнивать с 1990-ми годами, произошел существенный рост реальной заработной платы. Хорошими темпами до кризиса 2009 года рос минимальный размер оплаты труда (МРОТ). Однако сегодня реальная заработная плата работников опять стремительно уменьшается.

Рост зарплаты, который происходил в течение последних пятнадцати лет, лишь в недавнее время приблизил ее к сопоставимым цифрам дохода работников в последние годы СССР. Но Россия, в отличие от Советского Союза, не имеет прежних общественных фондов, которые дополняли доходы работника, например и в свободе передвижения (при низких ценах на билеты на транспорте), и в возможности лечения и восстановления здоровья (бесплатная медицина и льготные путевки).

С учетом этого (чтобы догнать СССР) зарплата в современной России должна была бы расти как минимум в три раза быстрее и составлять сегодня не менее 70 тыс. рублей. А с учетом обвала рубля — и все 100.

Сложная ситуация с зарплатами бюджетников. С одной стороны, на общих цифрах они выросли — почти в соответствии с целевыми показателями президентских указов 7 мая 2012 года. С другой — во многих регионах этот рост был обеспечен либо за счет увольнений работников и экономии фонда оплаты труда, либо за счет совмещения должностей, что не повышает качество работы.

Проблема доходов работника, его заработной платы напрямую связана с проблемой расходов. Умалчивать о расходах — значит недоговаривать. Ведь даже если при росте зарплаты до 100 тыс. рублей пропорционально, а то и быстрее растет квартплата, стоимость коммунальных услуг и электроэнергии, цены в магазинах — значит, этот рост иллюзорен. К слову, дешевый труд противоречит и постулатам рыночной экономики. Труд — ресурс; у него есть собственник (сам работник); в рыночной экономике собственник ресурса должен получать доход (возмещение издержек плюс прибыль); нет этого — труд теряет качество, собственник «банкротится», предложение труда сокращается. А труд — важнейший фактор производства, а не нагрузка на бизнес! Только в виртуальной экономике финансового «казино» труд и человек не нужны, и они только мешают!

В последние годы происходит фактическое увеличение прямых и косвенных сборов с работника. То, что раньше стоило меньше или вообще оплачивалось из общественных фондов, перекладывается на плечи гражданина. Я имею в виду и фактическое сокращение бюджетных мест в системе высшего образования — при том что в Конституции по-прежнему говорится о возможности получения бесплатного высшего образования на конкурсной основе. Необходимо учитывать и фактические платные услуги в учреждениях здравоохранения — несмотря на имеющиеся конституционные гарантии. Растет нагрузка на имущество, которым обладает работник. Переход на оплату налога на недвижимое имущество по кадастровой стоимости, которую хотят приравнять к рыночной стоимости недвижимости, серьезно ударит по бюджету семей российских работников и по доходам предприятий. Как будут компенсироваться работнику эти новые расходы? по состоянию на сегодня — никак.

Профсоюзы продолжают настаивать на том, что система распределения доходов и расходов в сегодняшней России откровенно несправедлива. На одном и том же предприятии разница в зарплатах между топ-менеджерами и работниками может достигать ста и более раз. Эти цифры учитывают только заработную плату, оставляя в стороне доходы собственника в виде дивидендов и пр. И эту сегодняшнюю несправедливость не оправдывает то, что 20 лет назад дело обстояло еще хуже.

В очередной раз, как это бывает во времена кризисов, профсоюзы сталкиваются с тезисом о необходимости повышать низкую производительность труда в нашей экономике путем усиления эксплуатации работников: увеличения продолжительности рабочей недели, пересмотром структуры заработной платы в сторону увеличения премиальных и стимулирующих выплат с одновременным снижением тарифной составляющей.

Нередко можно слышать, что в стране низкая производительность труда и потому якобы «работнику и так платят слишком много». Но производительность труда — это функционал организаторов производства, собственников и менеджеров. С другой стороны, остается загадкой: как при такой «низкой» произво-

дительности труда и низкой зарплате работников собственники предприятий, где трудятся эти работники, являются миллиардерами и мультимиллионерами? Профсоюзы утверждают, что доход работника напрямую связан с его рабочим местом. Однако при этом нужно учитывать, что сам работник не может повлиять не только на производительность рабочего места, но и на его безопасную организацию. Безопасное рабочее место, оборудованное современной техникой, — это тоже компетенция работодателя. Здесь мы видим две проблемы. Во-первых, многие работодатели предпочитают использовать технологии прошлого века, опираясь и даже публично декларируя необходимость низких зарплат у работников. Во-вторых, пытаясь сократить свои расходы, некоторые работодатели, используя переход на новую модель специальной оценки условий труда, пытаются «переписать» вредные рабочие места в безвредные либо виртуально снизить уровень вредности.

Мы, профсоюзы, прекрасно понимаем, что за последние 30 лет технологии защиты здоровья работника на рабочем месте улучшились. Но это не повод грязное называть чистым. Нам нужны чистые рабочие места, которые определены таковыми не в результате манипуляций с системами экспертизы. Работодатель, который не в состоянии обеспечить безвредные условия труда, должен заплатить работнику за причиненный ущерб его здоровью. Но — за реальную, а не вымышленную вредность. При переходе на спецоценку условий труда нужна без преувеличения жесточайшая система контроля деятельности экспертных организаций. Обеспечить ее — задача и обязанность государства на федеральном уровне. Профсоюзы готовы со своей стороны наладить функцию общественного контроля. Это особенно важно в связи с решением Правительства РФ провести в 2015–2016 годах специальную оценку условий труда в больших масштабах и в обязательном порядке на крупных предприятиях промышленности, транспорта и связи.

Пенсионные реформы нельзя назвать новым вызовом благосостоянию наших трудящихся. Они перманентно идут в стране уже два десятка лет. Регулярно россияне водят по большому кругу туманных ответов на два конкретных вопроса: «Что такое пенсия? Из чего она должна состоять?». Ответы на эти вопросы давно известны.

Пенсия работника — это не бюджетные средства, которыми распоряжаются чиновники. Пенсия — это отложенная зарплата работников. То, что работник уже заработал и что должно быть использовано на его «последующую» жизнь.

Она складывается из двух основных частей. Из части государственного обязательного пенсионного страхования, которая выплачивается из сегодняшних взносов в Пенсионный фонд. И из добровольной накопительной части, которую сам работник должен определять — в каком размере откладывать и в каком негосударственном пенсионном фонде размещать.

Мы не удивлены тем, что отказ от обязательного накопительного элемента в обновленной пенсионной системе вызвал бурю негодования со стороны негосу-

дарственных пенсионных фондов. Их отлучили от дешевой и бесконтрольной кормушки, в которую до недавнего времени государственным насосом перекачивались деньги работника. Теперь негосударственным фондам придется привлекать накопления работников под гораздо более серьезным контролем государства. Выживут немногие. Но для работников, интересы которых представляем мы — профсоюзы, такой подход сулит большую выгоду.

Поддерживая исключение накопительного элемента из системы государственного *обязательного* пенсионного страхования, мы не отрицаем негосударственные фонды.

При этом мы прекрасно понимаем, что рост пенсий зависит не только от действующего пенсионного механизма, но и от размеров зарплат работников. Только в мечтах работодателей из сегодняшней зарплаты может возникнуть завтрашняя обеспеченная старость. Требуя и добиваясь повышения зарплаты, мы — профсоюзы — не только выступаем за стимулирование развития внутреннего спроса, то есть реального роста экономики, но и за формирование финансовой базы для роста пенсионных выплат работникам.

Изменить экономическое положение наемного работника должны объединенные усилия государства и общества в лице профсоюзов и социально ориентированного бизнеса. В сфере экономики все, кроме либеральных фундаменталистов, уже давно отошли от идеи «невидимой руки рынка», которая выправит все перекосы без участия государства. Но при этом многие продолжают считать, что «невидимая рука производительности труда» каким-то волшебным образом сама увеличит зарплаты работников. Мы жили в тучные годы роста российской экономики, мы пережили тощие годы кризиса. Поэтому можем сравнивать политику работодателей в отношении доходов работников. Она проста и незатейлива, укладывается в два предложения.

В период роста — доходы предприятия тратятся на дивиденды и приобретение новых активов, а зарплата в лучшем случае индексируется в размере чуть выше инфляции. В период спада — экономить начинают на фонде оплаты труда, перекладывая заботу об уволенных на плечи государства. Даже если завтра производительность труда в стране увеличится в два раза, это никак не изменит модель поведения работодателей. Новые доходы просто уйдут в дивиденды, а работникам достанется инфляционная индексация. Утверждать иное можно только в расчете на аудиторию без памяти.

Мы выступаем за профсоюзное ответственное участие в выработке и реализации государственных решений. И мы уже сегодня участвуем в выработке этих решений. Не только на уровне Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, но и в каждом регионе России в системе социального партнерства, где трехсторонняя комиссия — и место для дискуссии, и место для принятия сбалансированных решений.

Развитие и повышение конкурентоспособности реального сектора экономики это:

— создание во всех отраслях экономики новых производств и высокотехнологичных (высокопроизводительных) рабочих мест с достойной заработной платой и условиями труда;

— активное стимулирование внутреннего спроса — именно такой вариант развития страны поддерживают профсоюзы России.

В периоды рецессии государство должно проводить активную политику стимулирования спроса, в том числе за счет увеличения бюджетных расходов, как это было сделано в период кризиса 2008–2009 годов. Повышение покупательной способности граждан, с одной стороны, обеспечит рост внутреннего спроса на товары и услуги, а с другой — простимулирует население к сбережениям, которые обеспечат возможность кредитования бизнеса.

Однако все кредитование российской промышленности невозможно «повесить» исключительно на сбережения населения. Ситуация, когда предприятия могли получать «длинные» и дешевые кредиты в основном в иностранных банках, завершилась. И теперь российская банковская система должна повернуться к российской промышленности. К сожалению, на сегодня вместо поддержки экономики банки предпочитают загонять в кредитное рабство и российских граждан, и российские предприятия.

Не лучше выглядит и позиция бизнеса. Необходимость модернизации производства зачастую пытаются подменить увеличением эксплуатации работников при одновременном снижении их реальных доходов. И это не случайно. Руководствуясь принципом «кому война — а кому мать родна» многие отечественные капиталисты даже кризис и внешнюю угрозу стране используют для личного обогащения. Причем одновременно воюя с профсоюзами, которые пытаются защитить права и интересы работников. Для России — это путь в никуда.

Мы остаемся верны позиции: не человек для экономики, а экономика для человека. Российская экономика сегодня оказалась без кредитов, а российский работник под ударом роста цен. Эту ситуацию нельзя исправить никакими «невидимыми руками». Мы хотим видеть твердую руку государства, которое поддерживает российское производство и российского труженика.

Переориентация экономики на внутренний спрос, ее реструктуризация не могут проходить без серьезного общественного контроля, который со стороны работников осуществляют профсоюзы, а на уровне предприятий — первичные профорганизации. Именно те первичные профорганизации, которые сегодня защищают своих членов профсоюза, оказываются под ударом со стороны работодателя. Отдельные экономисты либерального толка считают, что сильные институты представительства работников являются «путями на ногах» экономики. Им так считать можно: они теоретики и прожектеры. Практики, которые имеют дело с конкретными проблемами людей, знают точно: успешными будут только те решения, которые идут не только от сугубо финансовых интересов, но и от людей, их нужд и потребностей, учитывают их мнение, позитивно от-

ражаются на их семьях и в которых люди активно участвуют прежде всего через профсоюзы. Иметь сбалансированный бюджет, безусловно, важно, но не в ущерб сбалансированности человеческой жизни.

В этом докладе сконцентрированы основные вызовы, с которыми столкнулись профсоюзы современной России и наше видение ответов на них. Некоторые вызовы внутренние, «доморощенные», какие-то — результат внешнего давления на страну, но в их ряду

я не вижу ни одного вызова, с которым мы не в состоянии были бы справиться. Нам необходимо сосредоточиться и сообща, отбросив навязанные извне идеологические догмы и шаблоны, повернуться лицом к человеку труда и, ориентируясь на реальное производство, отечественное сельское хозяйство, собственную науку, опираясь на тысячелетнюю культуру, преодолеть очередной «рукотворный» кризис, выйдя из него более сплоченной, сильной страной.

Нурхан эль-Шейх¹

СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ: НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И ГЛОБАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Вокруг понятия «национальный интерес» идет много споров, в частности в связи с его определением, поскольку этот термин имеет различное содержание в зависимости от контекста и цели его употребления. Кроме того, не только среди политиков и руководителей, но и в научной литературе о международных отношениях нет единого мнения относительно целей и приоритетов национальных интересов.

Национальный интерес может быть определен как «рамки, в которых руководители формируют и организуют внешнюю политику». Национальный интерес подобно компасу направляет и определяет поведение государства на международной арене. В связи с этим понятие «национальный интерес» включает широкий круг вопросов, которые можно классифицировать по трем основным направлениям.

1. Безопасность, поскольку безопасность является первичной и основной потребностью, как для людей, так и для государств. Безопасность страны и ее границ, защита общества от внутренних и внешних угроз — это основная цель любого государства. Безопасность означает не отсутствие угрозы, а, скорее, способность успешно с ней справиться и защищать страну и народ от рисков и достижение стабильности, необходимой для развития и прогресса в различных областях. Безопасность больше не ограничивается традиционной военной составляющей, сейчас этот термин включает широкий диапазон невоенных угроз. Например, не менее важными являются энергетическая и водная безопасность.

2. Экономическое развитие: достижение экономического роста и развития, самодостаточность основных потребностей и повышение уровня жизни и предоставляемых услуг входят в круг приоритетов национальных интересов.

3. Сохранение национальной идентичности, ценностей, традиций и культурного наследия также входит в круг приоритетов национального интереса.

Хотя решение вопросов во всех трех направлениях должно идти параллельно, в большинстве случаев каждая из стран отдает приоритет только одному. Приоритетное направление зависит от страны, и даже от исторического периода развития страны. Ключевую роль в выявлении национальных интересов и расстановке приоритетов играет политическое руководство. Руководство прежде всего несет ответственность за определение и принятие политики, обеспечивающей национальные интересы. Но политики не работают в вакууме, внутренняя и внешняя обстановка влияют на их возможный выбор решений.

Возможно, вопрос о пределах национальных интересов также важен. Другими словами, приемлема ли агрессия против суверенного государства ради национальных интересов другого, как это сделали США в Ираке?

Не существует никаких сомнений, что право любой страны защищать свои национальные интересы должно осуществляться с уважением интересов других стран. Необходим баланс интересов, в рамках которого каждая нация может осуществлять деятельность по защите своих интересов. Такой баланс интересов является предпосылкой для мировой стабильности. Тем не менее общая тенденция международных отношений свидетельствует о неизбежном столкновении интересов между нациями, а также о конфликте между ними.

Столкновение интересов и новая холодная война

Соединенные Штаты приняли глобальную стратегию распространения своего влияния и глобальной гегемонии. Несмотря на относительное снижение авторитета Америки и ее неудачи в решении многих международных и региональных кризисов, Вашингтон настаивает на продолжении экспансии в мире под прикрытием глобализации. Американская стратегия национальной безопасности 2015 года, объявленная Президентом США Бараком Обамой, подчеркивает, что укрепление политики американской власти в военном и экономическом отношении и сохранение американского лидерства в мире является ее главной целью. Для достижения этой цели Вашингтон действует в трех областях.

¹ Профессор политологии Каирского университета, член Египетского совета иностранных дел. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Теория международных отношений», «Советское и российское отношение к арабскому единству», «Российская международная политика на Ближнем Востоке», «Перестройка российской международной политики в 1985–1996 годы», «Процесс принятия решений в России» и др.

Первая область — экономическая, в том числе попытка контролировать нефтяные и газовые источники и трубопроводы и влиять на энергетический рынок в качестве экспортера энергии на мировом энергетическом рынке.

Соединенные Штаты очень быстро стали основным экспортером готовых нефтепродуктов, сжиженного природного газа и других нефтепродуктов, включая этанол, а также сырую нефть, при этом совокупный валовый экспорт всех этих продуктов достиг 5 млн баррелей в день (барр./день) в 2014 году.

Хотя Соединенные Штаты и являются вторым крупнейшим потребителем энергии (около 50 % энергии страны вырабатывается из нефти и природного газа), некоторые данные свидетельствуют, что Соединенные Штаты сократили чистый импорт нефти (то есть общий чистый импорт сырой нефти и нефтепродуктов) на 8,7 млн барр./день за очень короткий период времени, а это больше, чем общий объем производства любой страны, кроме Соединенных Штатов, России и Саудовской Аравии. Всего восемь лет назад, в августе 2006 года, Соединенные Штаты импортировали чуть более 13,4 млн барр./день сырой нефти и нефтепродуктов; к середине 2014 года, этот показатель упал до 4,7 млн барр./день. Ожидается, что дефицит импорта нефти будет полностью закрыт к концу десятилетия, возможно к 2019 году или к 2018-му, и за это время Соединенные Штаты должны стать чистым экспортером сырой нефти и нефтепродуктов, вместе взятых.

То есть Америка готова начать разрушительные изменения на глобальных нефтяных, торговых и инвестиционных рынках. И по мере развертывания этого процесса на фоне глобальной энергетической картины появятся новые победители и проигравшие.

Некоторые считают, что Соединенные Штаты «сржиссировали» украинский кризис с основной целью — ударить по российской экономике, подорвав экспорт энергоносителей в Европу и повторив сценарий развала Советского Союза, когда резко упали цены на нефть, что повлияло на советские экономические возможности. Это стало основным фактором, приведшим к распаду Советского Союза в начале 1990-х годов.

Вашингтон пытается переключить мировую энергетическую карту в связи с обнаружением больших запасов сланцевого масла и газа в Соединенных Штатах. Американские компании смогли произвести сланцевое масло в больших количествах при относительно низких ожидаемых затратах. Горючие сланцы образуют около 29 % от общего американского производства нефти, в то время как на долю сланцевого газа приходится около 40 % от общего объема производства природного газа в Соединенных Штатах по оценкам 2012 года, по сравнению с 1 % в 2000 году.

Значение нефтяных и газовых трубопроводов возросло, они перестали быть просто способом передачи топлива и превратились в артерии жизни многих стран и инструмент, позволяющий увеличить свое влияние, это и объясняет политику США по отношению к некоторым регионам, богатым источниками энергии или служащим фактическим или потенциальным передаточным звеном энергии.

Некоторые объясняют политику США в отношении Сирии и их роль в эскалации конфликта в стране попыткой проложить линии энергопередачи через территорию Сирии. Согласно геологическому отчету США, в восточном бассейне Средиземного моря, включая побережье Ливана, Сирии, Палестины и Кипра, существует около 120 трлн кубических футов полезного газа. В случае американского контроля Сирии или некоторых ее частей эти природные резервы перейдут к Америке, в результате чего Россия и Иран не смогут работать и инвестировать в проекты помощи Ливану и Сирии по разведке и разработке своих ресурсов. Сирия также является ключом к Азии благодаря пути следования воображаемого маршрута, идущего от Ирана через Туркменистан в Китай и обратно из региона Каспийского моря, — маршрута, который может простирается от Ирана через Ирак, Сирию и Ливан к морю (Новый шелковый путь).

В регионе Каспийского моря Соединенные Штаты вкладывают инвестиции в такие проекты, как трубопровод Баку–Тбилиси–Джейхан для транспортировки нефти из Азербайджана на Средиземноморское побережье и оттуда в Европу через Грузию и Турцию. Соединенные Штаты поддержали еще один мегапроект — «Набукко», который включает строительство газопровода из трех стран в Центральной Азии: Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, по западной части дна Каспийского моря до Азербайджана, а оттуда в Грузию, затем Турцию и далее в Европу, чтобы конкурировать с Россией на европейском рынке газа. Соединенные Штаты имеют серьезные опасения по поводу растущего влияния России на глобальном энергетическом рынке, так как Россия — без сомнения, крупнейший игрок в области энергетики. Энергетические ресурсы нефти и природного газа являются не только коммерческими товарами, но и стратегическими геополитическими ресурсами.

Это объясняет стремление американских компаний инвестировать в энергетический сектор в Азербайджане и Центральной Азии. Дик Чейни, бывший американский вице-президент, в своей речи на саммите НАТО в 2006 году призвал диверсифицировать европейские источники энергии. Европейский Союз также неоднократно заявлял о намерении уменьшить роль российской компании «Газпром» в Европе посредством привлечения других источников из Средней Азии и Кавказа. В свете крайней напряженности, преследующей отношения между Россией и Западом, и взаимных санкций между двумя сторонами, так называемой войной санкций, Вашингтон и Брюссель снова завели разговор о необходимости диверсификации источников энергии для Европы.

И Соединенные Штаты, и Европейский Союз настойчиво начали высказывать угрозы наказания и изоляции Москвы. Они предприняли ряд эскалационных действий, направленных на российский энергетический сектор и крупные компании в этой области. Европейский Союз обсудил возможность снижения своей зависимости от российского газа в попытке оказать давление на Россию и задуть ее экономику. ЕС подтвердил необходимость диверсификации источни-

ков энергии, поставляемых в Европу, совместно с Соединенными Штатами в рамках Трансатлантического соглашения о свободной торговле, включая поставку американского сланцевого газа в Европу и сотрудничество между двумя сторонами в области применения новых технологий по сохранению энергии. Также активизировались усилия по реализации проекта «Южный коридор», инициативы Европейской комиссии, для транспортировки энергетических ресурсов из Азербайджана, Туркменистана и других стран в Европу, минуя Россию.

Некоторые сомневаются, что в краткосрочной перспективе эти предложения могут быть реализованы. Альтернативным линиям энергии нужны значительные инвестиции и время. Американский нефтяной сланец и газ остаются намного дороже, чем российский газ, в то время как европейская экономика сталкивается с трудностями и не желает нести дополнительные расходы. Очевидно, что в ближайшем будущем Европа не сможет обойтись без российской энергии.

С другой стороны, наращивание международной «поляризации» может привести к тому, что Россия обратит внимание на азиатские энергетические рынки. Приоритетом России будет усиление стратегического и экономического сотрудничества, уже существующего между Россией и азиатскими державами, в первую очередь Китаем и Индией.

Холодная война возвращается, но не по идеологическим соображениям, как это было между Советским Союзом и США, а в результате столкновения интересов между Россией и Западом.

Существует и столкновение интересов между Соединенными Штатами и Китаем, особенно в области Южно-Китайского моря, где проходит треть мирового объема перевозок морских грузов. Количество нефти, перевозимой с Ближнего Востока в Восточную Азию, оценивается примерно в три раза больше, чем то количество, что перевозится через Суэцкий канал, и примерно в 15 раз больше по сравнению с нефтью, перевозимой через Панамский канал. Это количество составляет около двух третей поставок энергоносителей в Южную Корею, 60 % в Японию и на Тайвань, 80 % в Китай.

Регион Южно-Китайского моря также содержит огромные запасы нефти и природного газа, которые оцениваются примерно в 7 млрд баррелей нефти и около 900 трлн кубических метров природного газа. В этом отношении Южно-Китайское море похоже на Персидский залив с точки зрения роли на мировом энергетическом рынке в ближайшем будущем. Не удивительно, что Вашингтон поощряет Вьетнам и Филиппины занять прочные позиции против Пекина в отношении спорных островов в Южно-Китайском море, особенно после того, как Китай начал использовать свои ресурсы посредством «China National Offshore Oil Company» (CNOOC) — китайской государственной компании, национализированной в мае 2014 года.

Вторая область — военная, ей способствует менталитет и шаблонное мышление времен холодной войны, эта область проявляет себя в расширении НАТО, привлечении новых членов и партнеров и осуществ-

лении новых функций. Наглядным примером является укрепление американской ПРО и усиление возможностей Альянса вблизи российской границы в Восточной Европе, особенно в Польше, странах Балтии, а также на Черном и Балтийском морях. Альянс недавно объявил о создании сил быстрого реагирования в несколько тысяч солдат в Восточной Европе. НАТО также собирается разместить пять военных баз в странах Восточной Европы и отправить им тяжелое вооружение, в том числе танки и бронемашину, в первый раз с тех пор, как эти страны стали частью западной системы ПРО и вступили в НАТО в 1999 и 2004 годах. В Москве считают это нарушением обязательств НАТО от 1997 года в отношении России, в соответствии с которыми НАТО не должен размещать постоянные военные базы в Восточной и Центральной Европе.

Карта партнеров НАТО значительно расширяется. На саммите НАТО в октябре 1993 года Соединенные Штаты начали программу «Партнерство ради мира» для установления обширных военных связей с Содружеством Независимых Государств. Программа стартовала в январе 1994 года, и соответственно СНГ присоединился к ней.

В то же время в 1994 году НАТО инициировал Средиземноморский диалог, который в настоящее время включает в себя семь не входящих в НАТО стран Средиземноморского региона: Египет, Алжир, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко и Тунис. Десять лет спустя на саммите Альянса в 2004 году была запущена Стамбульская инициатива о сотрудничестве НАТО, предлагающая странам ближневосточного региона практическое двустороннее сотрудничество с НАТО в области безопасности. Она включает в себя Бахрейн, Катар, Кувейт и Эмираты.

Помимо своих официальных партнеров, НАТО на индивидуальной основе сотрудничает с рядом стран, не входящих в члены Альянса. Они называются «партнеры по всему миру» или «глобальные партнеры» и включают Афганистан, Австралию, Ирак, Японию, Республику Корею, Монголию, Новую Зеландию и Пакистан. Некоторые из них активно способствовали операциям НАТО в военной или иной сфере.

Американский министр обороны заявил, что в 2012 году Соединенные Штаты намерены развернуть основную часть флота (до 60 %) между Тихим и Атлантическим океанами, 40 % придется на долю Тихого океана, швартуясь в максимально возможном количестве портов в зоне до Индийского океана; и параллельно с этим в их намерения входит укрепление военного партнерства для активизации роли Америки в этом жизненно важном для будущего США регионе. То есть часть новой американской военной стратегии, представленной Бараком Обамой, отводит стратегический приоритет Азии, а не Европе, в дополнение к Ближнему Востоку.

В связи с этим в декабре 2013 года Вашингтон подписал с Вьетнамом соглашение о поддержке сил вьетнамской береговой охраны по защите своего суверенитета в Южно-Китайском море. Также Соединенными Штатами была достигнута договоренность об использовании филиппинских баз американскими кораблями и самолетами.

Третье направление американской глобальной стратегии — политические требования распространения демократии, насильственно в Ираке, посредством «цветных революций» в странах, окружающих Россию, и через «арабскую весну» в арабском регионе.

Во время этого процесса Соединенные Штаты уничтожили национальный суверенитет многих арабских стран, в частности в Ливии, Сирии и Йемене, которые потеряли свою независимость и территориальную целостность. Вашингтон пытается разбить крупные объединения в арабском мире на небольшие религиозные, конфессиональные и сектантские группы, разжигая конфликты и гражданские войны в арабских государствах, что, в свою очередь, угрожает крупномасштабными региональными войнами.

А что вызывает еще большие опасения, так это американская поддержка террористических организаций и исламских экстремистских движений по свержению режимов, не нравящихся Вашингтону. С 1950-х годов и на протяжении более чем шести десятилетий США входил в союз с исламскими экстремистскими группами, якобы для противостояния коммунизму. Вашингтон и ряд европейских столиц, в частности Лондон, открыли двери и приняли «Братьев-мусульман», бежавших из Египта и других стран Ближнего Востока после совершения актов насилия и террора.

Этот союз между Вашингтоном и экстремистскими группировками был усилен после советской интервенции в Афганистан, когда «Братья-мусульмане» сотрудничали с ЦРУ и подталкивали тысячи своих последователей на войну в Афганистане ради поддержания планов Вашингтона. Кроме того, Соединенные Штаты поддерживали создание новых террористических организаций, служащих американским интересам. Подобно тому как в свое время, в 1920-х годах, Британия поддержала создание «Братьев-мусульман» в Египте, чтобы разобщить египетское общество и инициировать египетское национальное движение с требованием независимости, так и ЦРУ создало «Аль-Каиду» и поддерживало бен Ладена во время операции по укреплению афганских моджахедов против Советского Союза. ЦРУ финансировало и обучало их, снабдило оружием для нанесения ударов по СССР. Вашингтон и его союзник Пакистан выступали также за формирование «Талибана», чтобы обеспечить влияние этих двух стран на Кабул.

Несмотря на распад Советского Союза и исчезновение «коммунистической угрозы» в начале 1990-х годов, западные политики не изменили своего отношения к исламским движениям. США и ЕС продолжают поддерживать эту группировку. В отличие от многих других стран, они отказываются включить «Братьев-мусульман» в списки террористических организаций, разрешают им осуществлять свою деятельность на территории США и ЕС и служить группой давления в процессе принятия решений в Вашингтоне и Брюсселе. Некоторые из «Братьев-мусульман» стали влиятельными советниками президента Обамы и в органах ЕС. Соединенные Штаты помогли им достичь власти в Боснии, затем в Турции, и поощряют их притязания на власть в арабских странах, где с 2011 года произошел ряд революций.

С другой стороны, Запад воспользовался нестабильностью в арабских странах, особенно в Сирии, и попытался избавиться от экстремистов, чье количество значительно увеличилось в Европе и стало предметом озабоченности, поощряя их пойти на джихад в Сирию. «Радио Свободная Европа» и имамы по всей Европе призывали молодых людей идти на Ближний Восток, особенно в Сирию. Эта операция известна как «Чистка Европы» от экстремистов, поощряя их добровольный уход на Ближний Восток. Она согласовывалась с повесткой дня «Братьев-мусульман», которые воспользовались возможностью взять под контроль власть в Сирии, Ливии и других странах и сформировали армию наемников под лозунгом «Джихад». Запад и Турция также поддержали «Исламское государство в Ираке и аль-Шаме» деньгами, оружием, информацией и подготовкой тысяч европейцев-экстремистов, которые влились в ряды ИГИЛ под предлогом свержения режима Башара аль-Асада.

Ключевым поворотным моментом, приведшим к краху западных планов не только в Египте, но и во всем арабском регионе, стала революция 30 июня, свергнувшая власть «Братьев-мусульман» в Египте, что совпало с усилением влияния про-сирийских настроений в Сирии. Планы Запада провалились, и это привело к возвращению назад в Европу многих европейских экстремистов, подготовленных и имеющих боевые навыки использования оружия, что повлекло за собой деятельность террористической организации на территории ЕС. Экстремисты из европейских стран, таких как Великобритания, Германия, Франция и Нидерланды, прошли подготовку в так называемых террористических лагерях лояльных к «Аль-Каиде» боевиков в северной Сирии, близ турецкой границы. Это было как бы репетицией методов, используемых полицией при террористических атаках в городах. Инцидент «Шарли Эдбо» четко показывает, что и до сих пор экстремисты во Франции и других европейских странах ожидают возможности напасть.

Европейская мечта избавиться от экстремистов превратилась в кошмар, когда профессиональные террористы вернулись в Европу. Европейские страны не могут препятствовать их возвращению, потому что те являются европейскими гражданами, а следовательно, европейской дилеммой. Возвращающиеся из Сирии угрожают стабильности в Европе. Британский министр внутренних дел считает их основной террористической угрозой, с которой столкнулась Великобритания со времени нападения на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года. В Лондоне произошли десятки терактов, в том числе попытки атак с применением огнестрельного оружия на улицах, заговор с целью взорвать Лондонскую биржу, планы крушения пассажирского самолета и др.

Несмотря на строгие и жесткие меры безопасности, принятые в европейских столицах для противостояния угрозе террора, включая аресты, судебные процессы, депортацию опасных лиц, изъятие паспортов и авиабилетов, терроризм все еще угрожает европейской безопасности, стабильности и жизни граждан.

На пути к многополярному миру

После двух десятилетий абсолютной американской гегемонии в международных и региональных делах в контексте однополярного мира международная система претерпела глубокие изменения в направлении многополярности с начала текущего десятилетия. На мировую арену возвращается Россия, чтобы играть ключевую роль и оказывать влияние на международную политику, стали более заметными подъем и влияние Китая и ряда азиатских стран на международную систему, особенно в экономической области.

Кажется, что «стареет» не только Европа, как заявил бывший американский президент Буш, симптомы старения проявляются и в Америке. Великие экономические и военные державы выходят за рамки Европы и Северной Америки, баланс экономической мощи явно смещен в сторону азиатского континента, азиатских тигров или азиатских драконов, а вторая по величине мировая экономика Китая сильно конкурирует с Соединенными Штатами и может обойти их и подняться на первое место. Китай стремится перевести свою экономическую мощь в военную. Глобальные военные расходы Китая вторые по величине, с большим отрывом после Соединенных Штатов, а их военные отрасли быстро растут. Страна последовательно развивает военные технологии. Кроме того, с 1960-х годов Китай является военной ядерной державой.

Россия и Китай возглавляют группу стран, противостоящих американскому высокомерию и двойным стандартам в борьбе с международными и региональными кризисами. Эти две страны несколько раз смог-

ли обуздать Соединенные Штаты и противостоять их действиям; особенно во время кризиса в Южной Осетии в 2008 году, сирийского кризиса в марте 2011 года и украинского кризиса, начавшегося в конце 2013 года и до сих пор оказывающего влияние не только на российские отношения с Западом, но на всю международную систему, которая является свидетелем новой эры холодной войны.

Усиливает эту тенденцию и относительный спад американского влияния по нескольким причинам, среди наиболее важных — экономические проблемы в свете финансового кризиса 2008 года и социальное насилие после обострения вопроса о расовой дискриминации в отношении афроамериканцев, а также провал американских военных кампаний в Афганистане, Ираке, кампании против Исламского государства, снижение доверия и авторитета президента Обамы после его неспособности выполнить свои обещания.

Переход к многополярному миру — факт, который нельзя проигнорировать, а однополярность уходит в прошлое. Появляется новое международное противостояние прагматических интересов двух блоков. Присоединение к любому из блоков происходит добровольно — на основе совпадения интересов и видений, а не на идеологической основе, как это было во времена холодной войны. Первый блок включает Соединенные Штаты и их партнеров в Европе и Азии. Второй — Россию, Китай и их партнеров в Азии и Латинской Америке, тех, кого не устраивает американская политика, кто стремится к лучшему положению в более сбалансированном и справедливом международном порядке.

А. В. Яковенко¹

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОТЯСАНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

События, происходящие в последнее время на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА), выдвинулись на передний план мировой политики. Хрупкость властных структур в арабских странах и вероятность социально-политических потрясений достаточно давно отмечались экспертами, однако масштаб и стремительность поднявшейся в регионе волны перемен действительно было трудно предсказать. Наряду с накоплением кризисных явлений в мировой экономике эти события стали одним из наиболее явных признаков того, что

процесс формирования новой международной системы вошел в зону турбулентности.

Трансформационные процессы в арабском мире были вызваны целой серией глубинных факторов — как объективных, так и субъективных. В основном эти причины носят социально-экономический и политический характер. Власти не смогли в полной мере обеспечить насущные потребности населения, оказались не готовы вовремя почувствовать «ветер перемен», прежде всего с точки зрения необходимости преобразований в сторону большей демократичности и открытости. На это наложились хронические проблемы, связанные с коррупцией, неравенством, безработицей. Свою роль сыграли процессы глобализации, оборотной стороной которых является стремление народов к сохранению своей культурно-цивилизационной самобытности.

Когда началась «арабская весна», появилась надежда, что она приведет к кардинальной демократизации региона, росту благополучия и процветанию народов БВСА. Однако эти ожидания на уровне теории не оправдались. К прежним противоречиям, которые так и не удалось устранить в рамках «арабской вес-

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (с 2011 г.), доктор юридических наук (международное право), профессор. С 1976 г. работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Заместитель министра иностранных дел России (2005–2011). Автор ряда книг по международному космическому праву, а также более 200 публикаций по международным отношениям и вопросам внешней политики, науки, образования, культуры. Действительный член РАЕН, член Российской академии космонавтики, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж), почетный профессор Эдинбургского университета (Великобритания).

ны», на революционной волне добавились новые вызовы. Наряду с теми участниками политической жизни, которые принимают конституционные правила игры, подняли голову силы откровенно экстремистской направленности, готовые в собственных интересах воспользоваться уязвимыми местами в системе государственного управления и общественной жизни в переходный период.

Процесс смены режимов привел к расшатыванию системы региональной безопасности, возникновению очагов вооруженных конфликтов, новой волне экстремизма. На волне протестных настроений на арабском Востоке «второе дыхание» обрели террористические группировки. Их потенциал укрепляется за счет связей с преступными трансграничными группировками, подпитывается наркотрафиком, контрабандой оружия и торговлей людьми. В регионе чуть ли не ежедневно стали террористические акты, бесконтрольно распространяется оружие, увеличивается численность боевиков. Заметно обострились этноконфессиональные отношения, серьезный взрывоопасный потенциал несет в себе рост напряженности между суннитами и шиитами, подогреваемый сирийскими событиями. Эхо конфликта в Сирии способствует росту религиозной нетерпимости в странах Ближнего Востока.

Много вопросов возникает в связи с подходами, применяемыми некоторыми нашими партнерами в регионе БВСА. Позволяет ли поддержка выступлений за смену режимов оправдывать террористические методы? Можно ли в одной конфликтной ситуации воевать с теми, кого поддерживаешь в другой? Как застраховаться от того, чтобы незаконно поставленное тобой оружие в зону конфликта не было обращено против тебя самого? Кто из правителей является легитимным, а кто — нет? Когда допустимо сотрудничать с авторитарными режимами, а когда допускается поддерживать их насильственное свержение? В каких случаях надо признавать силы, пришедшие к власти в результате демократических выборов, а в каких — отказываться от контактов с ними? Какими критериями и стандартами все это определяется?

На эти вопросы важно искать совместные честные ответы, тем более что в отношении конечных целей усилий по урегулированию кризисов у стран Евро-Атлантики гораздо больше объединяющих моментов, чем разногласий. Ведь все мы хотим, чтобы в регионе БВСА, как и в других регионах, была обеспечена стабильность, созданы условия для устойчивого развития, чтобы народы расположенных там государств смогли продвинуться к демократии и процветанию и чтобы были гарантированы права человека.

Если это наши общие цели, то следует договориться о прозрачных и понятных правилах, которыми должны руководствоваться все внешние игроки в своих практических действиях. Надо договориться о том, что все мы будем поддерживать демократические реформы во вставших на путь преобразований государствах, но не навязывать им извне какую-то шкалу ценностей, признавая множественность моделей развития; что будем содействовать мирному урегулированию внутригосударственных конфликтов и прекращению насилия через создание условий для широкого диалога с уча-

стием всех национальных политических групп; что будем последовательно и твердо противодействовать экстремизму и терроризму во всех их формах и проявлениях, требовать обеспечения прав этнических и конфессиональных меньшинств.

По сути, ни один из случаев внешнего силового вмешательства за последнее десятилетие не привел к искомым результатам, а лишь способствовал накоплению дополнительных проблем и усугублению страданий гражданского населения, искажению естественного хода развития событий. Увеличение количества очагов нестабильности в результате осуществления силовых акций и операций по смене режимов ведет к опасному расширению зон турбулентности в международных отношениях, усиливает в них элементы хаоса.

В этом плане показателен пример Ливии, где все начиналось с призывов к защите гражданского населения от «тирании Каддафи». Адепты концепции «ответственности по защите» через силовые методы называли ливийский сценарий чуть ли не образцом эффективного кризисного реагирования. Кризис не заканчивается там, где с помощью извне опрокидываются негодные правительства. Он только начинается и может превратить страну в «несостоявшееся государство». Происходящее сегодня в Ливии вызывает серьезную обеспокоенность, поскольку события развиваются именно в этом направлении. Провозглашенные на начальном этапе ливийской эпопеи цели защиты гражданского населения оказались очень быстро забыты. Охвативший страну хаос, рост межплеменных противоречий, попытки лидеров отдельных регионов объявить о своей самостоятельности ведут к эскалации насилия, жертвами которого становятся в первую очередь мирные граждане.

Нельзя сбрасывать со счетов и региональный аспект ливийского кризиса: бесконтрольное расползание оружия из этой страны, а также бегство из нее высокопрофессиональных военных дестабилизируют ситуацию в соседних странах. И это уже ощущается, в частности в Мали. Проявления этой тенденции можно наблюдать в различных регионах мира. Попытки «пересадить» на почву других стран собственные модели государственного устройства и развития, «экспортировать» свои ценности, игнорируя традиции, ценности и культуру других, как правило, успеха не приносят, разрушают, но не создают. Теперь на Ливию распространило свою активность «Исламское государство».

Оснований более чем достаточно для того, чтобы применительно к наиболее острой сегодня ситуации в регионе — сирийскому кризису — подходить максимально взвешенно. Понятно, что после того, что произошло в Ливии, было невозможно идти по пути принятия решений Совета Безопасности ООН в духе так называемой конструктивной неопределенности, оставляющих свободу их интерпретации тем, кто не прочь поэкспериментировать со своим вмешательством. Любой мандат, выдаваемый от имени всего международного сообщества, должен быть предельно ясным и конкретным, не оставляющим пространства для двусмысленных толкований. В отношении Сирии мы последовательно руководствуемся императивом верховенства международного права и принципов Устава ООН,

в первую очередь неприменения силы и невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Серьезную озабоченность вызывают радикализация сирийской оппозиции, доминирование в ней группировок ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» и прочих террористических структур, их планы превратить эту страну в свой главный плацдарм на Ближнем Востоке с целью последующего распространения террористической активности на другие государства. Джихадисты активно вербуют и готовят боевиков — и не только в регионе, но и в европейских странах, куда они возвращаются с готовностью реализовывать накопленный боевой опыт и привлекать под свои знамена новых сторонников радикализма и насилия. Еще большему обострению конфликта и усугублению положения сирийского населения способствуют регулярные столкновения между радикальными группировками, которые не могут поделить сферы влияния, территории и ресурсы. Закладываются предпосылки для новых очагов вражды и конфликтов, возрастают риски углубления межцивилизационных и межконфессиональных противоречий.

Очевидно, что с самого начала волнений в Сирии западные члены Совета Безопасности ООН не очень-то пытались разобраться в глубинных причинах происходящего и преподносили его лишь в качестве очередного витка «арабской весны». Не придавали они значения и тому факту, что в рядах оппозиции лавинообразно растет число боевиков-иностранцев, обладающих современным оружием, в том числе поставленным им с разграбленных ливийских складов. По мере разрастания конфликта и радикализации сирийской оппозиции Запад начал осознавать опасность роста влияния джихадистов. Твердая и принципиальная позиция России и ее усилия в рамках Совета Безопасности ООН вынудили задуматься о том, к чему может привести дальнейшая эскалация конфликта, в первую очередь в плане распространения радикального экстремизма.

Качественный поворот в ситуации вокруг сирийского урегулирования обозначился в сентябре 2013 года, когда Совет Безопасности ООН единогласно одобрил Резолюцию № 2118 в поддержку принятого в Гааге решения Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) о постановке под международный контроль сирийского химического оружия с его последующей ликвидацией. Достигнутое в мае 2013 года российско-американское понимание необходимости созыва мирной конференции по Сирии вкупе с Резолюцией Совета Безопасности № 2118 продемонстрировало, что наличие политической воли и готовность договариваться в рамках международного права могут при поддержке международного сообщества материализоваться в конкретные дела.

Требование немедленного ухода Б. Асада вопреки воле той немалой части сирийского общества, его «молчаливого большинства», которое продолжает связывать с нынешним режимом свою безопасность и благополучие, означает подталкивание Сирии в пучину затяжной и кровопролитной гражданской войны. Роль ответственных внешних игроков должна заключаться в том, чтобы помочь сирийцам избежать этого, обеспечить реформирование системы политической

власти в Сирии эволюционным, а не революционным путем, через общенациональный диалог, а не силовое принуждение извне.

Стержнем политического урегулирования сирийского конфликта стал прямой межсирийский инклюзивный диалог на основе Женевского коммюнике от 30 июня 2012 года, нацеленный на достижение всеобъемлющего политического урегулирования в этой арабской республике. Для сирийских сторон это уникальный шанс прекратить кровопролитие и начать договариваться о будущем устройстве страны. В условиях, когда можно наблюдать целый ряд примеров катастрофических последствий применения силы в отношении суверенных государств в нарушение международного права для достижения узкоконъюнктурных целей, женевский процесс может стать примером слаженной коллективной работы по урегулированию сложнейшего кризиса современности на основе международного права через кропотливый поиск компромиссов. Только так возможно не допустить размывания основанного на Уставе ООН миропорядка, который призван обеспечить свободу и независимость народов и в соответствии с которым война как средство урегулирования межгосударственных споров находится вне закона. Необходимо приложить все усилия для того, чтобы в международных отношениях был гарантирован примат международного права, а в Сирии — долгосрочное урегулирование конфликта, которое позволит всем сирийцам жить в мире, безопасности и равноправии.

Особую тревогу Россия испытывает в отношении христиан, чье двухтысячелетнее присутствие на Ближнем Востоке оказалось под угрозой в результате деградации региональной обстановки. Сегодня все большее число христиан, измеряемое миллионами, подвергаются преследованиям, издевательствам и дискриминации, становятся жертвами бесчеловечных расправ. Вот лишь самые вопиющие примеры: после американского вторжения в Ирак в 2003 году христианское присутствие в этой стране уменьшилось с 1,5 млн человек до 150 тыс. Места своего традиционного проживания были вынуждены покинуть сотни тысяч христиан. Те, кто остался в районах, контролируемых радикальными группировками, живут в условиях постоянной угрозы расправ, пыток, насильственного обращения в ислам. Сотни христиан находятся в заложниках у боевиков.

В этом плане драматичная ситуация сложилась в Сирии, которой исторически были присущи полиэтничность и многоконфессиональность. В результате попустительства экстремистским силам, которых пытались использовать в борьбе против президента Б. Асада, разрушается уникальная модель мирного, взаимоуважительного сосуществования различных религиозных общин. Разгул на территории Сирии и Ирака террористических группировок, объявивших о создании так называемого халифата, сопровождается разрушением десятков христианских храмов, включая древние святыни, массовым исходом христиан. Целые города — как, например, Мосул — фактически полностью лишились традиционного христианского присутствия. На землях халифата джихадисты творят ужасные преступления,

силой насаждают мракобесие: христиан, включая священнослужителей, убивают, сжигают заживо, продают в рабство, грабят, вытесняют с родных земель.

Наносимые сейчас американцами и их союзниками ракетно-бомбовые удары по позициям исламистов, особенно в Сирии, где это происходит в обход Совета Безопасности ООН и без санкций со стороны законного правительства в Дамаске, также могут иметь тяжелые последствия для христианского населения. В данном вопросе следует опираться на международное право и международный консенсус, а антитеррористические операции должны подкрепляться соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН.

Исход христиан из ближневосточного региона — процесс, который может иметь самые негативные последствия в плане его влияния на структуру арабских обществ и сохранение исторического и духовного наследия, значимого для всего человечества.

С самого начала политических потрясений в регионе Россия призывала не отдавать процессы перемен на откуп религиозным экстремистам, выступала за урегулирование кризисов политико-дипломатическими средствами, коллективными усилиями всего мирового сообщества и на строго правовой основе, за продвижение назревших реформ через общенациональный диалог, поиск мира и согласия между всеми конфессиональными группами, включая различные течения ислама и христиан.

Всего этого не было бы, если бы с самого начала трансформационных процессов на обширных пространствах региона все общественно-политические проблемы решались исключительно мирным путем, посредством диалога и без внешнего вмешательства, за что Россия всегда выступала и выступает сегодня. Наша позиция принципиальна, она не подвергалась никаким конъюнктурным изменениям.

По линии МИД РФ ведется целенаправленная работа по консолидации международного сообщества по защите христиан. Эта тема по инициативе России регулярно поднимается в ООН, в том числе в Совете по правам человека, а также в Парламентской ассамблее Совета Европы, в рамках других многосторонних механизмов в области прав человека.

Общей задачей должно стать объединение усилий для борьбы с экстремизмом и терроризмом в регионе БВСА. Важные шаги в этом направлении сделаны с принятием резолюций Совета Безопасности ООН, в том числе № 2170 и 2199. Но решающее значение будет иметь способность международного сообщества надежно перекрыть любые каналы поддержки террористов, включая ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусру» и им подобных, используя созданные в Совете Безопасности механизмы. Не менее острая задача — не позволить джихадистам владеть умами и душами молодых людей, вербовать их в свои ряды. Чрезвычайно важны в этом плане инициативы христианских и мусульманских лидеров в регионе, направленные на то, чтобы единым фронтом выступить против попыток экстремистов любых мастей осквернять и извращать высокие нравственные принципы великих мировых религий.

Еще один вывод из трагических событий на Ближнем Востоке заключается в том, чтобы раз и навсегда

отказаться от искушения делать судьбы целых народов заложниками геополитических амбиций, реализуемых путем грубого вмешательства в дела суверенных государств.

События на Ближнем Востоке и Севере Африки определенным образом отражаются и на жизни Старого Света: они тесно связаны с Европой, поскольку для широких кругов оппозиционеров, независимо от их отношения к выбору средств борьбы с властями в своих странах, она послужила местом укрытия от политических репрессий, а кроме того, события в регионе БВСА оказывают непосредственное воздействие на радикализацию в Западной Европе. Исламистская угроза перемещается из беспокойных регионов Азии и Африки в благополучные страны. На авансцену вышел новый тип террористических организаций, состоящих из небольших групп и даже отдельных лиц, не требующий больших финансовых вложений. Страны ЕС превратились в одного из крупнейших поставщиков иностранных террористов-боевиков.

На сегодняшний день Европа не способна ответить на большинство этих вопросов. Сложность заключается в том, что процесс радикализации Европы напрямую связан с ситуацией на Ближнем Востоке и в исламском мире в целом. А учитывая, что различные формы исламизма доминируют во многих арабских и исламских странах уже несколько десятков лет, иногда при прямой поддержке Запада, было бы странно ожидать, что этот тренд не дойдет и до Европы.

Внутриисламские разногласия между суннитами и шиитами, которые так очевидно проявляются в конфликтах на Ближнем Востоке, выплеснулись на улицы европейских городов. И этот процесс может привести к крайне неприятным социальным потрясениям. Терракт в Париже может быть работой одиночек, но эхо выстрелов в редакции «Шарли Эбдо» отзовется очередной попыткой понять, почему же молодые мусульмане так и не смогли интегрироваться в западное общество.

Европейским правительствам нужно вести диалог с лидерами мусульманских общин. До сегодняшнего дня отягощенная чересчур фундаментальным, максималистским подходом к соблюдению прав личности Европа пыталась интегрировать мусульман через политкорректность, мало что делая в социально-экономическом плане. Как сейчас видно, эта линия привела к созданию мусульманских гетто и исламистских ячеек.

Угроза терроризма сегодня гораздо более комплексная и широкая с точки зрения географии. Противодействие ей может быть эффективным только при условии глубокого и всеобъемлющего исследования проблем экстремизма и терроризма на пространстве БВСА во всей их совокупности. Необходимо изучить глубинные причины, а не просто симптомы подъема волны экстремизма. Следует честно обсудить последствия войн и вторжений прошлого, причины захода в тупик переговоров по очень застарелым конфликтам, включая ближневосточный узел. Требуется консолидация международных, региональных и национальных усилий, достижимая лишь при отказе от политики «двойных стандартов» и реализации своекорыстных геополитических устремлений.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Ш. АЗИЗ премьер-министр Пакистана (2004–2007)
- А. А. АКАЕВ Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик Академии наук Киргизской Республики, иностранный член РАН, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор
- Д. АРДАКАНИ президент Академии наук Исламской Республики Иран, доктор философии, профессор
- О. Т. БОГОМОЛОВ академик РАН, советник РАН, доктор экономических наук, профессор, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН
- Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии, профессор
- Г. М. ГАТИЛОВ заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- Р. ГЕРРЕРО Чрезвычайный и Полномочный Посол Мексиканских Соединенных Штатов в РФ
- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- М. С. ГУСМАН первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ
- Д. К. ГЭЛБРЕЙТ профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- П. ДУТКЕВИЧ директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- А. ИРАВАНИ директор Центра исламских и ближневосточных исследований (Вашингтон, США), доктор философии
- Т. КЕНТ заместитель главного редактора агентства «Ассошиэйтед Пресс» (США)
- Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета им. Л. Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ заведующий Сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- Е. И. МАКАРОВ заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП
- К. МОЙНИХЕН государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
- С. М. МОХАГХЕГ АХМАДАБАДИ профессор права и исламской философии, доктор философии Тегеранского университета, глава отделения изучения ислама Академии наук Исламской Республики Иран

А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, профессор кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
В. делла САЛА	адъюнкт-профессор политических наук кафедры социологии и социальных исследований Университета Тренто (Италия)
В. С. СТЕПИН	руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Т. ТЮРКЕР	директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, адъюнкт-профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция)
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
ЧЖАН ДЮНЬ ЮН	заведующий кафедрой экономики Национального университета путей сообщения (г. Шицзячжуан, КНР), доктор экономических наук, профессор
Н. эль-ШЕЙХ	профессор политологии Каирского университета, член Египетского совета иностранных дел

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Международные Лихачевские научные чтения являются крупнейшим в мире ежегодным форумом по широкой проблематике гуманитарной сферы, актуальным проблемам современности. В этом зале сегодня присутствуют представители свыше 30 стран, крупнейшие ученые, философы, мыслители, дипломаты, государственные и общественные деятели, видные журналисты современности. Мы не являемся государственной или правительственной организацией, мы свободный Университет, и то, что здесь происходит, — это часть научной жизни.

Уважаемые коллеги, позвольте мне сказать несколько слов от имени Оргкомитета. Прежде всего хотелось бы поприветствовать вас и пожелать Чтениям успешной работы. Традиция Международных Лихачевских научных чтений берет свое начало с 1993 года, когда первым Почетным доктором нашего Университета стал академик, выдающийся исследователь российской культуры Дмитрий Сергеевич Лихачев, инициировавший проведение здесь Дней науки. Конечно, 1993 год — это чрезвычайно сложное для нашей страны время, период, когда во многом царил хаос и анархия, но, тем не менее, ученые России не могли оставаться в стороне от актуальных проблем современности. Они не переставали думать о науке и ее возможностях в деле решения крупнейших современных

гуманитарных проблем, в том числе и России, находившейся тогда в трагическом положении. Мы воплотили эту идею Дмитрия Сергеевича в жизнь, ежегодно собираясь здесь и посвящая Лихачевские чтения актуальнейшим гуманитарным проблемам современности, имея в виду, что это проблемы и идеологии, и политики, и экономики, и юриспруденции, и средств массовой информации — всего того, что придает объемность понятию культуры.

После ухода Дмитрия Сергеевича Лихачева из жизни мы с Даниилом Александровичем Граниным от имени Конгресса петербургской интеллигенции, который был создан нами по инициативе академика, обратились к Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину в 2001 году с просьбой выпустить указ, увековечивающий память академика Лихачева. Я должен сказать, что Указ «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» был подписан Президентом России через три дня после того, как мы с Граниным отправили свое письмо. Думаю, это удивительный факт российской истории, чтобы указ президента по поводу гуманитарной проблематики, а конкретнее — по поводу увековечения памяти ученого-гуманитария был подписан за три дня. В такой реакции президента Путина на наше обращение я вижу продолжение давней российской, советской традиции, которая для нас чрезвычайно важна, — пристальное, обостренное, взволно-

ванное духовно-нравственное внимание к гуманитарным проблемам современности. Поэтому и для Президента России, и для нас чтить память Лихачева — это значит не «хранить пепел», а поддерживать огонь знания, духовности, нравственности.

С тех пор, с момента выхода Указа Президента РФ, наш ежегодный научный форум, который раньше назывался «Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов», получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений. Подчеркиваю, сегодня это крупнейшее в мире ежегодное мероприятие в научно-гуманитарной сфере. Я очень рад, что здесь присутствует большое количество наших зарубежных гостей, рад традиционному участию крупнейших российских ученых. Сегодня в этом зале около 15 выдающихся, уникальных по своему масштабу отечественных ученых, членов Российской академии наук. Я рад присутствию руководителей научно-исследовательских учреждений, профессуры, представителей вузовской общечеловечности, дипломатов, молодежи и студентов, что для нас чрезвычайно важно. В этом зале находятся лучшие студенты нашего Университета, которым предстоит в будущем принять знамя служения идеалам науки, духовности, нравственности, идеалам Дмитрия Лихачева. В связи с этим присутствие и участие студентов в Лихачевских чтениях имеют для нас принципиальный характер.

Здесь присутствуют представители практически всех континентов, кроме разве что Австралии и Океании. Для нас чрезвычайно важен этот широкий мировой контекст проведения Лихачевских чтений. Я очень рад, что к нам в этом году присоединились выдающиеся ученые из Ирана, крупные государственные деятели из Пакистана. Думаю, что представители стран, которые я не назвал, на меня не обидятся, потому что, еще раз подчеркну, сегодня здесь присутствуют представители более 30 стран практически со всех континентов.

Лихачевские чтения на сегодня являются именно такими, какими хотел бы их видеть Дмитрий Сергеевич Лихачев. Наши Чтения свободны от административных барьеров, политических влияний и веяний в худшем смысле, когда мыслителей, деятелей науки, культуры и искусства пытаются использовать в тех или иных политических интересах. Мы принципиально публикуем все доклады, которые к нам поступают, хотя зачастую они приходят от представителей стран, даже не участвующих в дипломатическом общении друг с другом. Например, в нашем сборнике есть доклады от представителей арабских стран, от представителей Ирана и Израиля, которые на дипломатическом уровне сегодня практически не ведут диалог.

Я очень рад, что здесь присутствуют представители научных, дипломатических, политических кругов тех стран, с которыми у России на данный момент напряженные отношения, — это и Соединенные Штаты Америки, это и страны Евросоюза, такие как Польша, например. Мне кажется чрезвычайно важным, что мы здесь можем вести откровенный, искренний диалог

и обсуждать острейшие проблемы мирового развития. Наверное, государственные чиновники, дипломаты могут не разговаривать друг с другом, но чрезвычайно важно, чтобы мы с вами продолжали общение, потому что, если уж мы не будем вести диалог, тогда его будут вести только пушки и танки, а мы этого допустить не можем, тем более что в последние годы ситуация в мире чрезвычайно обострилась. Для меня очень важно, что ни один из авторов 200 докладов не допустил в присланной нам работе каких-либо резких выпадов в адрес других стран. Это означает, что мы здесь реально готовы к уважительному и доброжелательному диалогу. Мы готовы все вместе стремиться сделать мир лучше, хотя не всегда и не всем это дается просто и легко. Но какой бы сложной ни была обстановка в мире, есть люди, которые готовы всегда, в самых сложных ситуациях высказывать свои убеждения честно, принципиально и доброжелательно по отношению к другим участникам.

Должен сказать, что при том, что наши Чтения проходят с 1993 года, бывали случаи, когда участники не могли прибыть в Петербург по каким-то причинам административного характера, личной занятости, того, что называется форс-мажором. Конечно, никому не запрещали участвовать, но иногда совершенно неожиданно возникали важные обязательства. В этом году впервые случилось так, что традиционный участник Лихачевских чтений не смог к нам прибыть, потому что был убит у себя на родине буквально за несколько недель до нашей встречи. Это украинский писатель Олег Бузина, который жил в Киеве. Мы не будем здесь сегодня совершать каких-либо символических политических жестов по этому поводу, но, я думаю, мы поступим правильно, если в начале Лихачевских чтений первому предоставим слово одному из представителей Украины, а мы очень дорожим нашими научными, культурными, образовательными, экономическими контактами с этой страной. И если сейчас отдельные персоны на Украине отказываются от родства с Россией, мы от этого родства не откажемся никогда.

Предоставляю слово выдающемуся украинскому ученому, историку Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Александр Сергеевич, спасибо за приглашение. Участвовать в этом форуме для меня всегда большая честь. И не потому, что я могу высказать с этой высокой трибуны свои откровения, а потому, что я слушаю здесь умных людей, вижу молодых студентов, от которых подпитываюсь энергией, и это очень дорого для меня. Тема моего доклада — «Евроинтеграционная драма Украины». Сформулирована она достаточно мягко, можно было бы и жестче — «Евроинтеграционная трагедия». Раздумывая над этой драмой, я вспоминаю наш давнишний разговор с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Считаю его своим учителем. Не знаю, считал ли он меня своим учеником, которому не читал лекции. Но мне кажется, что учителем является не тот, кто непосредственно учит, а тот, у кого учатся. А общался я с Дмитрием Сергеевичем всякий раз, как он приезжал в Киев. Так вот, в этом разговоре (а это было время распада Советского Союза) Дмитрий

Сергеевич сказал: «Ну ладно, пусть все уходит, но восточнославянские народы должны остаться вместе». Как видим, не получилось. И прежде всего потому, что строители общей Европы имели плохой проект (к тому же он был плохо исполнен).

Люди так устроены, что всегда анализируют последствия, а не причины. Последствия — это мятеж Юго-Востока Украины. Ответственной за него объявлена Россия. Она определенно имеет к нему отношение. Но ведь его причины на совести США и Европы, породивших Майдан и государственный переворот. Это они разодрали украинское единство. При этом, пытаясь вовлечь Украину в европейское сообщество, сделали две фундаментальные ошибки. Первая заключается в том, что, не желая видеть в Европе такую Украину, которая сложилась в течение веков, они решили ее изменить. В связи с этим появился тезис «новый цивилизационный выбор Украины». Я раньше думал, что это изобретение украинских этнополитологов, потом оказалось, что подобный лозунг, как сказал коллега из Болгарии, был и у них. Православная Болгария также шла в Европу за новыми цивилизационными ценностями.

Однако цивилизационная переориентация сопряжена с непредсказуемыми, часто трагическими последствиями. Мне, как историку, казалось, что такого вообще не может быть, что цивилизационный выбор был сделан святым равноапостольным князем Владимиром Святославичем, и это на тысячелетия. Но я был наивен. За 24 года украинской суверенности новым идеологам во многом удалось перекодировать общественное сознание, особенно молодежи, которая училась по новым учебникам. В результате на Украине сегодня считается нормальным утверждать, что украинцы — это исконные европейцы, не имеющие родства с русскими. С наукой это утверждение не имеет ничего общего, но наука в нынешней Украине не очень-то и нужна. Главное — патриотические убеждения.

Это трагическая ошибка, потому что она расколола Украину и территориально, и духовно. Эта трещина прошла зачастую даже по семьям. Не все могут отречься от памяти дедов и прадедов и той нашей истории, которую мы прожили. Это то, чего не учитывали и, по-моему, до сих пор не учитывают наши европейские учителя и наставники. Нельзя через колено ломать народ.

Вторая ошибка в том, что евроинтеграторы не учли особенностей формирования Украины в нынешних границах. Это не исконная территориально-этническая данность, но страна, собранная на марше. Завершающий этап проходил на глазах новой истории. Во время Великой Отечественной войны к Украине присоединили Галицию, Бессарабию, Закарпатье, а в 1954 году — Крым. При формировании Советского Союза В. Ленин «прирезал» к Украине так называемую Донецко-Криворожскую Советскую республику. Игнорирование этого обстоятельства уже привело к потерям и может привести к ним в будущем. Евроинтеграторам, отечественным и зарубежным, нельзя было вести себя на Украине, как слону в посудной лавке. Именно они породили драму Украины. Она оказалась разобщенной

и разделенной по разным направлениям. Сегодня уже и православие у нас вроде бы не такое, и желательно, чтобы оно совсем отошло от Московского патриархата. И Великая Отечественная война — уже не наша война, а война Сталина с Гитлером. Прославляются люди, мягко говоря, нерукопожатные в нормальном обществе, а героизируются и вовсе те, на совести которых много жертв среди своих соотечественников.

Создается впечатление, что это уже не та Украина, в которой мы жили до этого. Я не убежден, что Европе нужна именно такая Украина. Разумеется, в том, что последняя стремится в Европу, ничего плохого нет. Но слишком дорогую цену платит она за это. И, судя по всему, ничего оптимистичного на этом пути Украину не ожидает. Как историк знаю, что она уже была в Европе, однако под угрозой потери своей национальной и вероисповедальной идентичности была вынуждена воссоединиться с Россией. Об этом сегодня не принято вспоминать, но история имеет обыкновение повторяться. Жизнь народов длинная, и вовсе не исключено, что после евроинтеграционных метаний украинцы через какое-то время вновь вернутся в семью восточнославянской православной общности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, здесь присутствуют представители самых разных отраслей знания, но есть одна область научной деятельности, которая является базовой, фундаментальной для всех остальных, — это философия. Приглашаю на трибуну выдающегося российского философа Вячеслава Семеновича Степина.

В. С. СТЕПИН: — Лихачевские чтения стали уникальной площадкой, где, во-первых, проводится междисциплинарный анализ и, во-вторых, этот анализ всегда связан с практическими предложениями. Это в этом смысле уникальное дело. И я думаю, что вся направленность наших встреч аккумулирует главный импульс современных исканий и рассуждений о будущем человечества, цивилизации. Мы живем в переломную эпоху. Сейчас меняется тип цивилизационного развития. Тот тип, который возник примерно 400 лет назад, я называю техногенной цивилизацией, ему предшествовали традиционалистские общества с их культурами. Этот тип сейчас доминирует. В процессе модернизации все традиционалистские общества перешли на путь техногенного развития, и сейчас их практически не осталось в чистом виде. Существуют два типа техногенных обществ, которые сегодня взаимодействуют, они сформировали духовную матрицу на собственной основе, а это особая система ценностей.

Не смогу сейчас всего раскрыть, но в моих работах это есть. Отмечу самое главное, что это неординарная личность, креативная деятельность; понимание природы как поля ресурсов для деятельности и как поля, которое должно преобразовываться в деятельности; понимание рациональности как важнейшей компоненты духовной жизни, которая может организовать отношения людей, это должно быть и в праве, и в по-

литике. И высшее достижение, высшее воплощение рациональности — наука, дающая знание законов, по которым должна разворачиваться деятельность людей по преобразованию мира. Это понимание личности как суверенной, которая не изначально становится личностью благодаря связи с кастой, кланом, сословием, а самостоятельно может выбирать социальные связи, только при таком понимании возникает идея прав человека. И это понимание власти не только как власти человека над человеком, что было распространено в традиционалистских культурах, а как власти человека над объектами. И в качестве таких объектов выступают все состояния социальной жизни и социальные институты. И провозглашается тезис о контроле над объектами природы и социальной жизни.

Эти идеи развивались совершенно альтернативно, всегда имели альтернативную конкретизацию, но были тем общим, что соединяло различные духовные и политические течения — от либерально-демократических до коммунистических и марксистских. Идеи деятельности, творческой личности, научно-технического прогресса, развития экономики всеми принимались и считались общечеловеческими. Это как инвариант, и сейчас это остается. И когда мы говорим о столкновении и взаимодействии национальных интересов, то очевидно, и это общеизвестно, что за интересами стоят ценности. Структуры интересов изоморфны структуре ценностей, и там есть целая иерархия — личностные, групповые, кастовые, клановые, этнические и национальные интересы. Национальные считаются базисом. Но этот базис имеет еще более глубокую основу — это те ценности, которые определены типом цивилизационного развития. И до середины XX века все было замечательно и хорошо, все считали, что существовало направление будущего прогресса, счастливого будущего человечества. Кстати, идея коммунизма возникла именно в рамках этого понимания.

Так вот выяснилось, что именно эти ценности и установки привели человечество к глобальным проблемам, породили экологические, антропологические кризисы, создали оружие массового уничтожения, которое несет угрозу существованию самого человечества как рода. Возникла небывалая вещь, которая никогда не осознавалась, что человечество может быть смертным. Если это так, то под ценностями, которые фиксируют техногенный тип цивилизационного развития, есть еще более глубокий пласт, вот он-то и является общечеловеческим. Высшей ценностью тогда становится сохранение биосферы как среды обитания человечества. С этим надо соизмерять все, в том числе и экономику, и тогда мы сможем увидеть, какие в ней есть изъяны, проблемы и какие кризисные ситуации могут возникнуть.

Здесь я выделил две проблемы. Первая проблема — это то, что сформировалось еще в середине XX века. Американский идеолог рынка болгарского происхождения Виктор Лебов высказал очень интересную мысль, что СМИ, пропаганда, реклама, мода должны обеспечить особое состояние человеческого сознания, приучить людей портить, изнашивать и выбрасывать вещи. И чем быстрее мы будем это делать, тем лучше

для экономики, потому что это будет рождать спрос, а спрос, в свою очередь, даст виток экономическому развитию, возникнет система с обратной связью. Великий футуролог Ласло написал на эту тему в своей книге «Макросдвиг», что это путь к экологической катастрофе. Но именно спрос сейчас лежит в основе экономического развития, и об этом надо думать.

И вторая проблема — жизнь в кредит. Когда речь идет об индивидуальных, как говорится, деяниях, то это хорошо. Еще Роулс писал, что это справедливо, поскольку мы, получая кредит, можем человека из до-существования его в среднем классе сделать его членом среднего класса, и это повысит его статус. Но сейчас идея кредита стала идеей финансирования корпораций и государств, и здесь все выглядит совершенно иначе, потому что тогда нужна мировая валюта, чем является валюта одной страны — США, и тогда можно управлять финансовыми потоками и жить в долг. Если у страны 17 трлн долларов долга, считается, что это должен быть почти мусорный рейтинг, а там самый высокий рейтинг. И это тоже проблема. Это все проблемы современной рыночной экономики, от которых никак нельзя избавиться. Надо думать, какие здесь могут быть сценарии. Кстати, будущее только сценарно, его никогда жестко детерминистски не предскажешь.

И вот в основе всех этих проблем, кризисных ситуаций лежат ценности, которые подвергаются проблематизации. И создать какую-то новую структуру ценностей, выяснить, в каком направлении надо двигаться, — это глубинные смыслы, по которым может жить человечество. Когда-то в эпоху Ренессанса основы двухсот гуманистов Возрождения заложили основы той матрицы ценностей, по которым потом бурно развивалась цивилизация. Сейчас настает пора духовной деятельности. Убежден, что духовные революции всегда предшествовали политическим, и сейчас именно такое время.

Скажу полушутливую вещь, что наши Чтения, учитывая тот масштаб, который они сейчас принимают, и тенденцию их развития, возможно, и станут для будущего историка чем-то вроде тех двухсот флорентийских ученых, которые определили направление развития цивилизации. Во всяком случае, в этом направлении мы движемся в понимании того, что такое ценности культуры, как они могут программировать людей, в понимании того, что культура — это главное, что определяет и формирование *homo sapiens*, и воспитание человека, и направление его социальной жизни. Это действительно геном социальной жизни, и пока он не изменится, ничего в социальной жизни не произойдет. Поэтому все проблемы экономики, политики сводятся к проблеме ценностей.

То, что на Лихачевских чтениях обсуждается диалог культур, как соединить ценности, где найти общее, как решить проблему национальных интересов, — это оборотная сторона, мы опять приходим к идее диалога культур. И это не случайно, без этого ничего не получится, потому что, пока мы не сумеем найти некие общечеловеческие основания, с которыми сможем соизмерять все остальное, нам будет трудно договариваться, а договариваться надо обязательно. Кем-то была

выведена одна формула: если XX век был веком конфликтов и противодействий, то XXI век должен стать веком человека договаривающегося, а не конфликтующего. И если не будет человека договаривающегося, тогда не будет никаких других веков. Так вот наша задача состоит в том, чтобы облегчить процесс появления человека договаривающегося.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, сегодня в нашем зале присутствуют представители шести зарубежных академий наук. И среди них есть президент Академии наук Ирана господин Ардакани, которому я хотел бы предоставить слово. Иран, конечно, — удивительная страна, которая, несмотря на все санкции (а санкции в отношении Ирана западный мир применил максимально жесткие), не потеряла свою идентичность и ценности.

Д. АРДАКАНИ: — Разрешите поприветствовать всех присутствующих на Международных Лихачевских научных чтениях, поблагодарить организаторов этого форума за возможность, которая была предоставлена мне и членам моей делегации, присутствовать здесь. Мне очень приятно находиться среди столь уважаемых и известных людей. Мы прекрасно знаем, кем был господин Лихачев — самым известным российским мыслителем. Мы очень хорошо знакомы с его трудами. Мы понимаем, что одна из задач проведения Лихачевских чтений заключается в том, чтобы найти духовные, культурные возможности для того, чтобы в определенной степени решить также и политические вопросы. Как вы знаете, политика никогда не находилась отдельно от культуры и идеологии. Если мы посмотрим на историю, то увидим, что в каждом историческом обществе, где были развиты мышление и культура, на высоком уровне находилась и политика. Это также можно увидеть и на примере нашей страны.

Думается, что очень большое преимущество проведения сегодняшней конференции заключается в том, что духовные вопросы, вопросы культуры могут тесно обсуждаться и увязываться с различными политическими аспектами. Это то, в чем, на наш взгляд, сегодня больше всего нуждаются мир и практически все мировые лидеры. Большое спасибо за то, что пригласили нас на Лихачевские чтения, что предоставили мне возможность выступить. Желаю успеха Лихачевским чтениям.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в адрес Чтений поступил ряд приветствий. С вашего позволения я приведу фрагменты некоторых из них.

Госпожа И. Бокова, глава ЮНЕСКО, обращаясь к нам, пишет: «Тема Чтений “Современные глобальные вызовы и национальные интересы” имеет большое значение для ЮНЕСКО. Особенно актуальна она в настоящее время, когда обострились проблемы, накопившиеся за несколько десятилетий сложных политических и человеческих взаимоотношений».

Глава Федерации независимых профсоюзов России, председатель Попечительского совета нашего

Университета М. В. Шмаков отмечает, что «объединяя миллионы трудящихся России, Федерация независимых профсоюзов России заинтересована в мобилизации интеллектуальных ресурсов ведущих ученых, способствующих своими исследованиями осмыслению тенденций мирового развития. В условиях обострения отношений между трудом и капиталом всем здравомыслящим людям необходимо следовать принципам международной солидарности, укреплять взаимное сотрудничество и сплоченность».

Президент Российской академии наук В. Е. Фортов пишет, что за четырнадцать лет своей истории наши Чтения стали «крупнейшим по мировым стандартам форумом интеграции ученых-гуманитариев, о чем свидетельствуют проблемно-тематический масштаб докладов и дискуссий, а также высокий интеллектуальный потенциал участников и духовно-нравственный нерв обсуждаемых проблем. Лихачевские чтения неизменно вызывают интерес российских и зарубежных ученых, известных государственных и общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции с активной научной и гражданской позицией, объединенных пониманием глобальных вызовов современной цивилизации».

Министр труда и социальной защиты РФ М. А. Топилин утверждает, что «тематика нынешних Чтений, как всегда, актуальна, проникнута духом современности, гражданственности и социальной ответственности».

Министр культуры РФ В. Р. Мединский пишет, что за прошедшие годы этот представительный форум стал важной площадкой для дискуссий по стержневым проблемам человеческой цивилизации. Интеллектуальный фундамент, заложенный Лихачевым, имеет непреходящее значение.

Председатель Государственной Думы РФ С. Е. Нарышкин, приветствуя нас, отмечает, что «обретая свой уникальный опыт, нации делятся с человечеством всем лучшим, что создали на протяжении своей истории. Так формируется взаимное уважение, возникает единство непохожих, так создается мир, в котором культура и цивилизация ведут диалог, обогащая друг друга».

Поступило приветствие и от Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева: «Желаю участникам Международных Лихачевских чтений плодотворно поработать, обменяться мнениями и предложить перспективные пути укрепления гуманитарного сотрудничества, основанного на общечеловеческих ценностях и взаимном уважении».

Зачитаю небольшой фрагмент из приветствия в адрес Лихачевских чтений губернатора Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко. Губернатор «рад приветствовать всех вас в Санкт-Петербурге — городе, в котором жил и трудился великий ученый, настоящий подвижник отечественной культуры академик Дмитрий Сергеевич Лихачев». Губернатор констатирует, что «на повестку дня Чтений выносятся важные и острые темы, способствующие глубокому осмыслению наследия великого российского ученого», и желает успехов.

Таковы фрагменты из некоторых приветствий. Поблагодарим их авторов и постараемся оправдать те надежды, которые на нас возлагаются.

Сейчас позвольте предоставить слово представителю МИД России Геннадию Михайловичу Гатилову.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Уважаемые участники Лихачевских чтений, прежде всего хочу обратить внимание, что это уже XV Чтения, своеобразный юбилей. Министерство иностранных дел на протяжении последних лет являлось надежным, как я смею надеяться, партнером Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов по проведению этого крупного форума. Для нас участие в данном мероприятии имеет большое значение не только с точки зрения формальной поддержки Лихачевских чтений, а также того, что делают ректор Александр Сергеевич Запесоцкий, его коллеги по организации Чтений. Наряду с этим важно узнать, что думают в настоящий момент участники, зарубежные гости, какие высказываются мнения по поводу текущего момента, изменившейся в мире ситуации. И, естественно, мы, выслушивая все это, делаем свои выводы и стараемся применить высказанные соображения на практике. Причем главным сейчас является не то, в чем мы расходимся, в чем не согласны, а что нас объединяет, та общая основа, опираясь на которую, можно строить отношения и решать возникающие проблемы.

Вчера в беседе господин Моратинос высказал мысль о том, что нужны новые механизмы для того, чтобы найти оптимальные пути решения сложившихся проблем. На мой взгляд, очень правильная мысль, действительно нужны новые механизмы, и с моей точки зрения, таким механизмом должна стать единая повестка дня для всего международного сообщества. Нужно избавить международное сотрудничество от мессианства, попыток утвердить какую-то одну систему ценностей. По-моему, такой подход становится все более очевидным. Не должно быть двойных стандартов ни в проведении политики, ни в оценке социальных, культурных событий. И наша общая задача, если мы хотим выйти из того трудного положения, в котором оказались, — это уважать многообразие современного мира, развивать равноправный и взаимоуважительный диалог без попыток доказать исключительность своих взглядов другим.

А такие попытки, к сожалению, в настоящий момент предпринимаются, и все вы о них хорошо знаете. Поэтому просто нужно искать точки соприкосновения, с помощью чего мы совместными усилиями сможем противостоять угрозам и решать те проблемы, с которыми сталкиваемся.

Вроде бы, на первый взгляд, могут сказать, что сейчас таких точек нет, что все идет очень плохо, не в ту сторону, и когда наступит выход из этого тупика — сказать трудно. Но я с этим не согласен и не готов принимать такую пессимистическую точку зрения, потому что если посмотреть поглубже, то такие точки соприкосновения есть, и мы с нашими партнерами, в первую очередь с западноевропейскими и американскими, находим их и стараемся конструктивно рабо-

тать. Во всяком случае, с нашей стороны такое желание есть.

Например, проблема терроризма. Сейчас это приоритетная задача всего международного сообщества. И мы в России это хорошо осознаем, так как многократно сталкивались с этой напастью. То же самое происходит и со многими другими странами: и в Европе, и в Азии, практически во всех уголках мира. Поэтому понимание у нас есть, и мы стараемся вместе находить пути решения этой проблемы, смотреть, как мы можем противостоять этой растущей угрозе. В том числе и на площадке Организации Объединенных Наций принимаются конкретные решения, которые помогают государствам бороться с этим злом.

Есть множество других вопросов, по которым в настоящий непростой момент мы все-таки находим точки соприкосновения и возможность для диалога. Например, вместе мы договорились о том, как добиться химического разоружения Сирии, что и было успешно проведено; совместно ищем ответы на то, как бороться с гуманитарными катастрофами. Все знают о том, что происходило некоторое время назад в связи с лихорадкой Эбола в Африке, и мы вместе с нашими партнерами смогли внести серьезный вклад в борьбу с этим заболеванием.

Думаю, культура — это та сфера, которая в первую очередь призвана объединять государства, вне зависимости от того, что происходит в их межгосударственных отношениях. С чем мы сейчас сталкиваемся на Ближнем Востоке? Разрушение христианских памятников в Сирии, Ираке. На эту проблему обращают очень серьезное внимание все страны международного сообщества. И опять-таки на площадке Организации Объединенных Наций, в Совете Безопасности ООН, в ЮНЕСКО принимаются конкретные решения, которые предполагают совместные действия государств по недопущению варварского уничтожения памятников исторического наследия.

Очень остро стоит проблема защиты христиан на Ближнем Востоке. Буквально несколько месяцев назад в Женеве прошло специальное заседание, посвященное этой проблеме, которое мы инициировали совместно с Арменией и Ливаном. Ватикан активно подключился к этой тематике. То есть эта тема тоже является в какой-то степени объединяющей.

Но на фоне позитивных решений есть и проблемы, по которым мы до сих пор не можем найти точки соприкосновения. Прежде всего по целому ряду региональных конфликтов. Существует и проблема героизации нацизма, которая, казалось бы, очевидна для всех. Нельзя допустить роста героизации и глорификации этого явления. Мы регулярно поднимаем данную тему на различных площадках и будем продолжать это делать. В то же время некоторые страны считают, что это не героизация и не поощрение нацизма, а просто реализация прав отдельных групп общества на выражение своего мнения. Вряд ли такой подход можно оправдать.

Еще одна проблема — отношение к журналистам. Здесь то же самое — двойные стандарты. Одни страны критикуются за притеснение журналистов, а в дру-

гих их попросту убивают, запрещают телевизионные каналы и т. д. Такие двойные стандарты для нас неприемлемы.

Совсем недавно мы отпраздновали 70-летие Победы. Это было важнейшее событие года. Все видели, как оно проходило в Москве и других городах. Этот праздник неразрывно связан и с другим важным юбилеем — 70-летием создания Организации Объединенных Наций, который будет отмечаться через несколько месяцев. По сути, эта организация, несмотря на то что происходит сейчас в мире, в межгосударственных отношениях, является той уникальной площадкой, где мы можем работать с нашими партнерами по всем вопросам — и политическим, и гуманитарным, и социально-экономическим. В принципе это признается всеми нашими коллегами. И, конечно, мы будем продолжать выступать за то, чтобы организация оставалась тем механизмом, который помогает искать объединительную повестку дня, который, задействуя заложенные в него ресурсы, сможет и в дальнейшем с успехом использоваться для решения насущных проблем современности.

В этом плане мы опираемся также на неправительственные организации, гражданское общество, и Международные Лихачевские научные чтения — это, по сути, часть этого процесса. Надеюсь, что в ходе дискуссии мы сможем определиться, в каком направлении движемся и какими средствами и механизмами можем в дальнейшем пользоваться, для того чтобы искать и находить ответы на насущные вопросы современности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Геннадий Михайлович. Прошу на сцену выдающегося дипломата, добившегося успехов в решении многих глобальных проблем современности, господина Мигеля Моратиноса.

М. А. МОРАТИНОС: — Дорогие участники, уважаемый ректор, это не первый мой визит сюда. Могу с уверенностью сказать, что это мой Университет. Мне присвоили звание Почетного доктора, поэтому я являюсь частью вашего сообщества, мы — единая семья.

Название сегодняшних Лихачевских чтений заставляет меня вспомнить то, что мы иногда забываем. Мы живем уже в новом мире. Сейчас 2015 год, и мы празднуем День Победы, которая произошла 70 лет назад. Мы должны усвоить уроки из того, что было тогда. И первое мое соображение, что сегодня мы все-таки должны осознавать, что в 2015 году следует думать о новой войне. Она сложная, непонятная и глобальная. Усложняет эту войну концепция ее ведения. Философы говорят, что если мы хотим решить проблему, то должны рассматривать ее холистически, то есть в общем и целом, со всеми аспектами. Мы не можем решить проблему, только разделив ее на различные аспекты, например экономические и культурные. Мы должны понимать глобальность и взаимосвязь всех этих факторов, учитывая всю сложность проблемы целиком.

Второе соображение — это то, что новая война неопределенная, неясная. Мы все хотим быть защищенными, жить в более безопасном обществе, чувствовать безопасность, но в то же время мы ощущаем, что опасность возрастает. А когда мы чувствуем себя в опасности, начинаем бояться, и это чувство страха, конечно, от неопределенности. Мы не знаем, что может произойти здесь или там, включая и природные катастрофы. Таким образом, если мы хотим предотвратить эти факторы войны, то, конечно, должны придать новый импульс процессу безопасности. Но мы не можем на 100 % защитить наши интересы в будущем.

И третье соображение заключается в том, что мы живем в глобальном мире, который взаимосвязан. О том, что происходит, например, здесь, в Латинской Америке, Азии, Африке, Европе, мы узнаем сразу же, через мгновение. Это новый мир. Каким образом мы собираемся отвечать на эти вызовы? Как будем справляться с нашей национальной ответственностью? Как найдем коллективную, международную платформу? Каким образом дипломатия и политика будут соответствовать новому веку? Необходимо найти ответы на эти вопросы. История дипломатии говорит о том, что тысячу лет назад, когда было образовано древнейшее государство Сирия, возникли основные принципы дипломатического поведения. Они развивались и постепенно привели к двусторонним переговорам, двусторонним решениям. Но сейчас эта система гораздо более сложная, и мы имеем уже целые альянсы, союзы государств.

Уже после Первой мировой войны появилось осознание, что не должно быть соглашений между двумя агентами, необходимо создать всеобщую систему. После Второй мировой войны мы окончательно утвердились во мнении, что люди, нации должны работать вместе, и в Сан-Франциско приняли это решение. А сегодня мы обнаружили, что разделены. Но надо понимать, что мы часть системы коллективной безопасности и вместе мы сможем быть гораздо более сильными. Поэтому и возникают локальные союзы — Европа против России, Китай против США. Опять мы возвращаемся к двуполярным переговорам, двуполярным войнам. Мы должны обратить внимание на систему всеобщей безопасности. Это наш вызов, международная общественность должна работать над системой коллективной безопасности, и тогда мы сможем понять друг друга на новом уровне. Это жизненно необходимо, если мы хотим продвинуться вперед в нашем коллективном поиске путей построения Большой Европы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Глубокоуважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги, друзья, участники XV Лихачевских чтений, студенты, прежде всего позвольте передать привет от Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, от Президиума Российской академии наук и Президиума Уральского отделения РАН.

Мне кажется, тематика этих Чтений очень подходит к облику и масштабу личности Дмитрия Сергеевича Лихачева, и к нему, как ни к кому, приложимы слова Льва Николаевича Толстого, который писал: «Оценивая жизнь великих людей, нужно всегда указывать только дату рождения, потому что они уходят от нас не в прошлое, а в будущее и уходят лишь только для того, чтобы остаться навсегда». Уважаемые коллеги, проблемы глобализма ведут отсчет в мировой литературе обычно с 1971–1972 годов, когда эти вопросы впервые поставили участники так называемого Римского клуба. Ученые Европы — политологи, философы, медики, биологи, демографы — собрались в Риме и заговорили о том, что мир действительно входит в стадию техносферы, о которой предупреждали предшественники, и в том числе Владимир Иванович Вернадский, наш выдающийся ученый и академик. И надо предпринимать какие-то меры, чтобы бороться с проблемами питания, рождаемости, перенаселения, качества воды, экологии, изменения климата и, конечно, войны. Одна из самых глобальных — проблема войны и мира. Как сохранить мир и сделать так, чтобы не возникали войны?

Обо всем этом рассуждали и высчитывали коэффициент качества жизни — пытались что-то умножить на зарплату, разделить на средний класс и так далее, — все закончилось ничем. Ничего не надо умножать. Существует один признак качества жизни — ее продолжительность — и все. Понятно, если продолжительность жизни составляет 75 или 84 года. А если я скажу: 42 года, то вы у меня спросите: неужели в наше время такое бывает? Да. Вся Центральная Африка имеет такую среднюю продолжительность жизни. То, что у нас было в начале XIX века. В основном губят население инфекционные заболевания и аллергия. То есть в глобальном развитии все имеет свои закономерности и свое развитие.

Предшественником глобализма, как многие считают, является Владимир Иванович Вернадский. Мощнейшая фигура, выдающийся ученый, Леонардо да Винчи XIX и XX веков. Он родился в последней трети XIX века, умер 6 января 1945 года. Прожил 82 года. Он первым стал использовать глобальный подход. В 1915 году, накануне революции, создал СОПС — Совет по изучению производительных сил. Из СОПСа выросли 20 научно-исследовательских институтов. Вернадский возглавил Институт радия и спрогнозировал развитие атомной отрасли в нашей стране. Весь атомный проект — это Вернадский, Ферсман, Курчатов, Флеров и другие, уже хорошо известные ученые. Владимир Иванович очень много внимания уделял образованию и науке, понимая, что одного без другого не бывает. Как говорил Пирогов, образование, конечно, светит и освещает и маяк хороший, а наука еще и греет. Поэтому надо, чтобы в наших учебных заведениях было светло и тепло. И хорошо, чтобы это было в равных дозах. А если науки больше — совсем хорошо, потому что тогда и воспитывается настоящий специалист, профессионал.

Владимир Иванович Вернадский в 1941 году предсказал даже год наступления Победы. Он сказал: по-

терпим 3,5 или 4,5 года, и все нормализуется. Так писал ученый, когда в декабре 1941 года немцы были под Москвой и шли на Ленинград. Именно в это время в Свердловске, где находился эвакуированный Президиум Академии наук СССР, Вернадский внес предложение немедленно создать в Президиуме, наряду с другими, комиссию по восстановлению разрушенного хозяйства. Он попросил академика Александра Александровича Скочинского возглавить эту комиссию. Казалось бы, развал полный, а тут комиссии... Вот что значит прогноз, вот что значит настоящий гений, который верит в силу своего народа и понимает законы глобального исторического развития. К сожалению, он умер не дожив пять месяцев до Победы. А сегодня День Победы 9 Мая посмотрите, во что превратился. Можно проследить динамику развития этого праздника. После торжественного парада 24 июня 1945 года у нас в стране День Победы не отмечался 20 лет. Были скромные торжества, никаких парадов, никаких указов, что это государственный праздник, и т. д. Только в 1965 году впервые после июньского парада 1945-го по-настоящему отметили День Победы. Вышел указ, что это праздничный день и т. д.

Посмотрите, какая диалектика: праздник постепенно набрал силы, окреп и в последние 20 лет превратился в главное торжество, в опорную точку России. Это сегодня понимаем и мы, это понимают и те, кто старается стереть этот праздник, эти события из мировой памяти; они понимают, что День Победы сам стал мощнейшим оружием. И хотя, конечно, о Великой Отечественной войне, о Второй мировой войне написано много книг, но главная еще впереди. Еще даже не все архивы открыты. Вот сейчас, спустя 70 лет, архивы открыли, и мы узнали, что, оказывается, Красная армия принимала участие и в иранских событиях 1941 года. А сколько еще мы узнаем? Не все сразу можно выдавать, надо постепенно. Но мы уже знаем, что и дипломатия, и ученые вели активную работу, чтобы отодвинуть врага от границ Советского Союза, чтобы не дать начаться войне — в целом страна была еще не готова. И поэтому главная книга еще впереди, но исторические параллели провести можно.

Ведь и главная книга об Отечественной войне 1812 года вышла через 60–70 лет после ее окончания. Лев Николаевич Толстой не участвовал в ней, он родился в 1828 году, более чем через 20 лет после войны. Но он участвовал в Крымской войне, изучил массу документов, провел огромное научно-исследовательское изыскание и создал свой шедевр — исторический роман, грандиозную эпопею «Война и мир». За него писатель сразу был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук и пять раз (кстати, мало кто об этом знает) с 1902 по 1906 год выдвигался на Нобелевскую премию по литературе, а в 1909-м — еще и на Нобелевскую премию мира. Но каждый раз Толстой писал в комитет: «Прошу снять с номинации мою фамилию, потому что, если премию присудят, — неудобно отказываться, а премия, кроме того, — это еще и деньги. А я считаю, что деньги — это то, что приносит самое большое зло». Вот так Россия лишилась еще одного нобелевского лауреата. Почитайте по-

следние опубликованные письма Льва Николаевича Толстого и узнаете, какую переписку вел наш литературный гений.

Я считаю, когда главная книга о Великой Отечественной войне будет написана (а это обязательно произойдет), то, конечно, большой раздел будет посвящен науке, которая в годы войны проявила себя очень достойно. Приведу в пример медицинскую науку. Наша медицина в годы войны восстановила 72 % раненых, поэтому и говорили, что войну выиграли раненые. По четыре-пять раз люди возвращались в строй, 91 % больных тоже был возвращен в строй. Ни одна из воевавших стран таких показателей не имела. Даже Германия с ее дисциплиной и всем остальным вернула в строй всего 60 % раненых. Я уже не говорю о других странах. Так было, и наша страна щедро одаривала, награждала ученых. В 1943 году, в самый разгар войны, еще до Курской битвы была создана Академия педагогических наук, через год — 30 июня 1944-го — Академия медицинских наук. Вот что такое отношение к науке и отдача науки.

Но прошли годы, и сегодня наука погрязла в реформах. Два года ведутся реформы, и главную проблему мы обозначаем как реформу управления наукой. Вот что надо делать в первую очередь, потому что система управления не работает. Ее надо менять, безусловно. Но опыт реформирования Академии наук подтверждает, что нельзя рубить сплеча, одним указом или законом ничего нельзя сделать. Можно только постепенно, масштабно моделируя, создавая пилотные проекты и набирая положительный опыт. Потому что мы видим, что на развалинах первым вырастает чертополох, а до культурных растений дело может вообще не дойти. Поэтому надо возрождать систему воспитания руководящих кадров, которую мы утратили. В этом деле мы либо лежим, либо бежим, то на боку, то на скаку, а ритма, золотой середины, системы нет. А надо делать, возрождать, менять и поднимать на более высокий уровень, учитывая, что большинство россиян не падки до власти. И в этом трагедия не только их самих, но и власти, а значит, и конкретного дела, и России в целом. Мы понимаем, что каждый талант, в том числе и талант руководителя, надо лелеять, вырастить, ухаживать за ним, доверять и проверять, чтобы бездарность случайно не оказалась наверху. Кроме того, мы прекрасно понимаем, что, как и всякий талант, талант руководителя легко раним и беззащитен. Следовательно, чтобы этот талант уберечь, надо обладать выдержкой, мужеством, спокойствием и уравновешенностью космонавта или сапера, а не горячностью влюбленного в свое детище гения-реформатора. Если мы этого не поймем, то останемся на обочине исторического процесса с вынужденным приглашением на руководящие должности иностранных специалистов.

Вот на что еще хотелось бы обратить внимание. Мы должны понимать: чем большую силу и уверенность набирает наш реальный и прагматичный мир, чем больше мы можем просчитать, измерить, вычислить, обсчитать в семейных, государственных, научных, учебных, любых других отношениях, тем яснее и очевиднее становится каждому из нас значение в жизни

того, что нельзя посчитать и измерить, но без чего нет ни человека, ни государства, ни семьи, ни творчества, ни судьбы. А здесь уже речь идет (о чем говорили сегодня) о высоких нравственных, духовных началах, о патриотизме. И удивительная вещь, которая сейчас интересует специалистов: более 30 государств участвовали во Второй мировой войне, а самые яркие, душевные, трогательные песни о войне где? В Советском Союзе. Не в Италии — на родине оперы, не во Франции. Это говорит о том, что война была народной, война была священная. И все идущее от сердца, характеризовало тех, кто в основном в этом участвовал, кто отстаивал, кто принес победу и кто больше всего понес потерь. И, конечно, все эти душевные песни — «Темная ночь», «На позицию девушка...», «Вернулся я на родину», «Катюша» — можно перечислять очень долго. Они лучше любых бравадных маршей поднимали бойцов в атаку, приближая победу.

Лето 1945 года было связано не только с запомнившимся Парадом Победы, но и с торжествами, посвященными 220-летию Академии наук СССР. Отметили грандиозно: в Ленинграде в течение двух недель проходила конференция, которая завершилась в Москве. В ней участвовали 123 ученых из 19 стран мира во главе с нобелевским лауреатом Марией Складовской-Кюри из Франции. И на заключительном заседании в Большом театре нобелевский лауреат, выдающийся химик из Америки Ирвин Ленгмюр произнес: «Грандиозна, величественна та страна, которая имеет такую науку». К этому можно добавить слова Петра I, которые он произнес, подписывая Указ о создании Санкт-Петербургской академии наук и художеств 8 февраля 1724 года. Обращаясь к Правительствующему Сенату — а мы-то сегодня понимаем, что обращался он прежде всего к нам, его потомкам, — он произнес: «Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть, и при жизни нашей, пристыдят все просвещенные народы своими успехами в науках, неутомимостью в трудах и величием твердой и громкой славы». Летом 1945-го это время пришло.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, позвольте пригласить на трибуну Международных Лихачевских чтений видного государственного деятеля Пакистана господина Азиза.

Ш. АЗИЗ: — Итак, мы сегодня обсуждаем вызовы современности, и я перечислю некоторые из них. Первый вызов, который стоит перед человечеством, — это распространение экстремизма и терроризма, что так или иначе оказывает воздействие на жизнь всех людей. И я думаю, что мир пока еще до конца не понял, почему это происходит, каковы корневые причины роста этого явления. По моему мнению, мы пропустили один из таких ключевых факторов — это обеднение, лишение групп населения чего-либо. Это может быть недостаточный уровень заработной платы, возможностей выражать свои взгляды или же просто свобод. И когда люди оказываются в такой ситуации, когда их лишают чего-то, они больше подвержены тому, чтобы перейти к экстремальным действиям. У нас сейчас

происходит целый ряд событий, которые так или иначе связаны с иррациональным поведением, терроризмом. Все эти проявления нужно внимательно изучить. И я вижу по крайней мере одну из причин, которая стоит за этими явлениями, — это депривация, вызванная лишением этих людей возможности удовлетворения самых необходимых жизненных потребностей. И это не вопрос безопасности, а вопрос о том, как справиться с лишениями, в которых живут эти люди, как исправить ситуацию, чтобы устранить эту причину и тем самым не допустить проявлений экстремизма и терроризма. Это так или иначе влияет на всех нас. И многие из нас были в той или иной степени жертвами проявлений экстремизма.

Второй вызов — это дефицит, который распространен в мире. Мы говорим о финансовом дефиците, о других видах дефицита, а я вижу дефицит лидерства — тоже важный фактор. У нас много политиков, но очень мало лидеров. Хороший лидер способен вести за собой, может отвечать на вызовы современности, пусть даже за определенную политическую цену, которую он вынужден заплатить. Лидерство — это то, что нам нужно, чтобы справиться с проблемами. Этим качеством обладают, например, канцлер Шредер и другие политики; некоторые из них, даже потерпев поражение на выборах, тем не менее отстаивают свою точку зрения. Есть много примеров, когда люди все-таки проявляют свои лидерские качества, принимают правильные решения, тогда возможна правильная политика. То есть лидерство очень важно, и его дефицит мы наблюдаем. Политика не делает человека лидером автоматически, он должен быть таким изначально.

Третий вызов — это статус и текущее состояние глобальной экономики. Мы видим рост, развитие, но, тем не менее, пропасть между бедными и богатыми нациями увеличивается. И мы должны как-то сбалансировать этот рост и развитие, чтобы бедные не становились еще беднее, а богатые — еще богаче. Нам нужно, чтобы весь мир развивался в определенном балансе, и тогда мы сможем успешно справиться с глобальными проблемами. Конечно же, для того чтобы улучшить экономику даже в одной стране, нужны реформы. А это часто означает дополнительную боль, дополнительные усилия или какие-то недовольства. Тем не менее мы должны достичь общего согласия и в стране, нуждающейся в этом, преодолеть нежелание провести реформы, которые позволят экономике развиваться более успешно.

Четвертый вызов, который уже упоминался здесь другими докладчиками, связан с новым мировым порядком. Мы видим некоторые элементы этого нового порядка — это появление новых стран в глобальном плане, рост влияния некоторых стран. Китай, например, стал очень сильным игроком. Сегодня Соединенные Штаты Америки, Россия, Китай и Европа — самые сильные игроки. Кроме этого, развивающиеся, вновь возникшие страны формируют различные блоки, участвуют в них. Такое разнообразие само по себе неплохо, но необходимо, чтобы происходил обмен, признавались интересы друг друга, проблемы решались совместно, а не по отдельности. Нужна го-

товность выслушать других людей. Никто не имеет монополии на мудрость, мы все так или иначе соображаем, но нужно объединить наши усилия, чтобы лучше понимать друг друга и адаптироваться к новой жизни.

Пятый вызов — это состояние окружающей среды, климата. Мы недостаточно делаем для того, чтобы справиться с загрязнением окружающей среды, глобальным потеплением. Так или иначе, но это все больше будет влиять на нашу жизнь, тем более на жизнь поколений, которые придут за нами. Мы должны объединить усилия в решении этой проблемы.

Последний, шестой, вызов, который я бы хотел назвать, — это человеческое, гуманитарное развитие. Оно включает также здравоохранение, образование, вопросы, касающиеся старения населения и поддержки пожилых людей; вопросы материнства и детства — в каких условиях рождаются дети, какую о них проявляют заботу. Конечно, все это требует инвестиций, но это инвестиции в будущее поколения. Это тоже вызов, поскольку в ответ на эти инвестиции мы получим будущее, в котором будет жить новое здоровое поколение. Эта деятельность необходима, потому что, если у нас будет здоровое население, мы сможем более успешно справиться с другими проблемами.

Хочу завершить свое выступление мыслью о том, что пришло время объединить усилия всех лидеров, всех политиков, только таким образом мы сможем найти решения этих вызовов и проблем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, я сейчас позволю себе небольшое отступление от формального ведения Чтений. Дело в том, что все наши гости — люди очень яркие, интересные, совершавшие в своей жизни какие-то необычные поступки. И я хочу рассказать об одном очень необычном поступке следующего нашего докладчика. Этот человек в 1980 году был юным, но очень сильным спортсменом. Он был членом национальной олимпийской сборной Великобритании по гребле, выполнял функции рулевого. В 1980 году страны Запада приняли решение бойкотировать московскую Олимпиаду. И премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер — очень влиятельный в своей стране политик — тогда не рекомендовала британским спортсменам ехать в Москву. А этот человек убедил свою команду поехать. И она не просто выступила, а заняла 2-е место и получила серебряные медали Московской Олимпиады. Время прошло, и Маргарет Тэтчер не только признала правоту этого человека, но и помогла ему по достоинству занять высокие места в политической структуре Великобритании.

Конечно, мне как хозяину сегодняшней встречи хотелось бы сказать, что этот человек — друг России. Не знаю, но это на самом деле и не важно. В первую очередь он гражданин и друг своей страны, что важнее. И что еще очень важно — это человек, для которого диалог культур является принципом его жизни. И этому человеку, делом доказавшему приверженность диалогу культур, я сейчас хочу предоставить слово. Лорд Колин Мойнихен, прошу Вас.

К. МОЙНИХЕН: — Прежде всего я хотел бы поблагодарить Александра Сергеевича, ректора этого Университета, за то, что меня пригласили участвовать в Лихачевских чтениях. Академик Лихачев, конечно, известен своими исследованиями в российской культуре, он жил в Санкт-Петербурге и был своего рода хранителем национальной культуры, человеком, обеспечивающим сохранение наследия. Учитывая цель сегодняшней конференции, хочется вспомнить, как один из участников форума в прошлом году сказал, что если человек не знает истории своих предков, у него нет духовного дома, куда он может прийти. Поскольку все это определяет наше сегодняшнее и завтрашнее существование, нашу жизнь, нам нужно черпать уроки из истории. И никто не может приехать в такой город, как Санкт-Петербург, не вспомнив так или иначе его наследие, культуру.

Несмотря на все сложности, существующие в сегодняшнем мире, которые касаются, скажем, выброса метана в атмосферу, других проблем, мы должны объединять усилия для того, чтобы разработка новых месторождений, новых ресурсов проводилась безопасным образом. Этого легче добиться, если мы будем заодно. Мы должны признать, что арктическая территория, по крайней мере на 50 % и даже больше, — это все-таки российская акватория, и поэтому, конечно же, Россия должна играть ключевую роль в освоении Арктики. Нам надо понять это и объединить усилия, чтобы помочь вашей стране. Прежде всего я имею в виду ученых, которые могут внести значительный вклад в освоение Арктики. России даже с ее огромным потенциалом трудно делать это в одиночку. Нужно найти баланс между интересами экономики и интересами защиты природы. Это будет легче сделать, если мы объединим усилия в рамках Арктического совета с другими странами, соседями региона Арктики, включая Великобританию, где мы стараемся укрепить уже существующие связи и понять, как их можно было бы развивать в дальнейшем. Я хочу подчеркнуть, что, несмотря ни на что, связи существуют.

Академик Лихачев подчеркивал важность диалога между разными странами, что позволяет также прояснить наше понимание. Холодная война была трудным периодом, но мы смогли выйти из него. Окончание холодной войны было полезно для всех сторон. Тем не менее остаются некоторые трудности. Это проблемы суверенитета, исторического подтверждения и юридического закрепления определенных границ и территорий, которые еще являются спорными. Также очень важна так называемая «мягкая власть», которая приобретает все большее значение. Это деятельность различных социальных групп, движений, средств массовой информации. Мы считаем, что все это поможет нам правильно понять Россию, а России — правильно понять Запад. Как здесь было сказано, нам нужны новые механизмы.

Я приехал сюда после парламентских выборов, возможно, вы о них слышали. У нас есть определенные опасения в отношении экономического развития Великобритании, но, тем не менее, мы знаем о сложностях, которые существуют и в других странах, на

пример кризис на Украине, другие проблемы. У нас тоже есть подобная проблема — это Шотландия, которая хочет отделиться, и мы пытаемся это преодолеть. Но, тем не менее, победа Консервативной партии Великобритании основывалась не на радикализме, усилении роли этой партии, мы просто дали ей еще один шанс для выстраивания более правильного курса дальнейшего продвижения нашей экономики, управления страной на принципах уважения и справедливости. Диалог — это очень важный механизм, особенно когда мы видим определенные различия. Начиная диалог, мы стараемся прояснить ситуацию. Есть еще ряд проблем, по которым некоторые страны не могут прийти к согласию. Но хорошо, что есть люди, которые, несмотря на это, прилагают усилия для выстраивания диалога. У нас, как вы помните, два уха и один язык, один рот, поэтому мы всегда должны быть готовы слушать больше, чем говорить. Думаю, это позволит нам преодолеть разногласия, недопонимание. Мы должны ориентироваться на поиск сотрудничества, а не подчеркивать различия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, позвольте предоставить слово выдающемуся российскому экономисту и организатору науки академику Александру Дмитриевичу Некипелову.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, студенты, для меня большая честь принимать участие в Лихачевских чтениях. Я это делаю не в первый раз и всегда с огромным удовольствием. Мне хотелось бы взглянуть на проблему, которая вынесена в название этого форума, с позиции экономиста. Мы все хорошо помним, когда в Советском Союзе началась перестройка, стало ясно, что в дальнейшем наша страна присоединится к числу стран, экономика которых будет функционировать, и уже тогда начинала функционировать, на основе рыночных принципов. Серьезные изменения происходили в политической сфере, в направлении демократизации общественной жизни. И тогда у многих из нас стало возникать ощущение, что весь мир, и мы в том числе, переходит в некое принципиально новое состояние. Противостояние двух систем завершено, вся мировая экономика так или иначе, с известными региональными особенностями основана на действиях рыночного механизма, в политической сфере тоже идет определенный конвергентный процесс. И были такие, как сейчас представляется, немного наивные суждения о том, что мы вступили в период достаточно легкого развития без всяких препятствий и обречены на то, чтобы двигаться от хорошего к лучшему.

К сожалению, мы видим, и это очень отчетливо звучит на нашем сегодняшнем форуме, что жизнь пошла существенно более сложным путем. Это касается и экономической, и политической, и в чем-то даже культурной сферы. На поверхности появились силы, существование которых в те времена трудно было себе даже представить. Это касается и внутрисударственных вопросов, и проблем на международной арене. И стало ясно, что проблема национальных интересов

опять вышла на передний план, как и геополитические проблемы. Когда я сказал о том, что мне было бы интересно взглянуть на это с позиции экономиста, то я имел в виду те многолетние, даже многодесятилетние дискуссии, которые ведутся в экономической науке, экономической теории по сути и проблемам динамики экономических интересов. Мы очень часто оперируем этими терминами и, разумеется, будем оперировать ими и дальше, но при этом мы не всегда можем четко определить конкретное содержание понятия интереса, что за этим стоит.

В экономической науке этому вопросу уделялось и уделяется очень большое внимание, ведутся непрекращающиеся дискуссии. Концепции, более или менее удовлетворяющие всех, существуют и в отношении индивидуальных интересов и индивидуального выбора. И бесконечные дискуссии, которые определяются сложностью самой проблемы, касаются групповых интересов. А наше общество — и глобальное, и мегаобщество, и общество отдельных стран — состоит из огромного количества групп, и поэтому принятие групповых решений невозможно без понимания того, как и на основе чего это делается, без этого очень сложно разобраться в происходящих событиях.

Раньше существовали два направления в трактовке групповых социальных интересов. Одно пыталось спроецировать тот подход, который сформировался в отношении индивидуальных интересов, а именно представить дело таким образом, что группа, так же как отдельный человек, в состоянии ранжировать, выстраивать по степени важности различные общественные состояния. Но затем, в конце 1950-х годов, почти как гром среди ясного неба, прозвучала теорема выдающегося американского ученого, нобелевского лауреата Кеннета Эрроу о возможности, иногда ее еще называют теоремой о невозможности. Она показала, что переход членов группы от индивидуальных к групповым предпочтениям возможен только в том случае и с таким условием, если в группе есть диктатор. В другом случае невозможно перейти к консистентной системе групповых предпочтений. Другой подход заключается в попытке рассматривать проблему общественного выбора не в терминах групповых предпочтений по аналогии с индивидуальными предпочтениями, а в терминах согласования интересов, то есть вместо возможности ранжирования важности различных состояний нахождение некой точки согласования интересов.

И вот в экономической теории, а точнее в теории рыночной экономики, общее равновесие является в некотором смысле идеалом. И действительно, рыночный механизм — мощнейший механизм социального выбора, но существует большая проблема, которая тоже хорошо осознается в экономической теории. Она заключается в том, что рынок, к сожалению, не в состоянии уловить весь комплекс индивидуальных предпочтений, а улавливает только то, что характеризует каждого из нас, пользуясь словами Адама Смита, как «экономических людей». Но как бы то ни было, в этой области ситуация оказывается очень подвижной. И даже если можно, опираясь на некоторые допущения, представить себе некий аналог общественного равновесия

на рынке, подобного рода равновесие в более широкой сфере, то и тогда оказывается, что мы попадаем в некую систему круговых тавтологических рассуждений, когда для того, чтобы определить состояние согласованности интересов, вначале надо согласовать правила, по которым мы это будем делать.

Эта известная логическая тавтология, так сказать, отмечалась многими исследователями, но при этом представляется, что на самом деле тавтологичность является не свидетельством некоего провала в нашем мышлении, а отражением реальной ситуации в этой области. В самом деле, во многих случаях с чего начинается создание тех или иных формальных групп? С принятия неких уставных документов, то есть первоначально принимается решение о том, каким образом в дальнейшем будут приниматься решения. Я говорю о том, что сегодня мы — я имею в виду нашу планету, — видимо, находимся в такой ситуации, когда многие из действовавших, и в общем достаточно надежно, правил взаимоотношений поставлены под сомнение, а новые, к сожалению, не сформированы до конца. И эта ситуация сопряжена с серьезными рисками. И надо понимать эти риски, с которыми мы все сталкиваемся, и нашу ответственность, и то, что задача состоит в том, чтобы мы совместными усилиями какие-то из этих принципов возродили, новые сформировали, а главное — в дальнейшем их соблюдали.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, разрешите предоставить слово известнейшему польскому экономисту Гжегожу Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Я бы хотел сказать несколько слов касательно мировой экономики, потому что вопросов очень много. Некоторые докладчики говорили о вызовах, проблемах, с которыми ведется борьба в современном мире и продолжится в будущем. Я написал книгу под названием «Куда идет мир: политическая экономия будущего», в которой говорится о том, что нет хорошего будущего для нашего мира в рамках неолиберального капитализма, но также его нет и в рамках государственного капитализма. Мы в нашей части мира — в государствах бывшего Советского Союза, в Центральной, Восточной Европе, в частности в Польше, — уже поняли, что надо решать экономические проблемы на основе рыночной экономики. Сейчас разразился кризис мировой экономики. Можно сказать, что это кризис рыночной экономики, потому что мировая экономика является рыночной. Но кризис американский — это кризис неолиберального капитализма, а, например, кризис, который продолжается в таких странах, как Венесуэла, или на юге Украины, — это, конечно, кризис государственного капитализма.

Заглядывая в будущее, считаю, что у нас только один путь — это то, что я называю в своих книгах новым прагматизмом. Новый прагматизм — это теоретическая концепция и пропозиция экономической политики, политики экономического роста и развития, можно сказать, эклектическая, которая на основе социальной рыночной экономики говорит о балансах

современности. Это не только экономический баланс производства, продаж, инвестиций, экспорта, импорта, бюджетных колебаний и тому подобного, но также и баланс в социальном смысле, инклюзивная экономика. С этой точки зрения раздел доходов — это очень большая проблема. Конечно, России будет трудно добиться успехов, если не будет решен вопрос о неравномерности доходов. То же самое можно сказать о Китае, Соединенных Штатах Америки, где коэффициент Джини больше 40 — это очень большой вызов для социально-экономической политики, это просто уже небезопасно. Есть еще третий баланс — экологический — между нами и природой. И только в рамках подхода к этому колебанию, балансу с этих трех точек зрения, можно подумать и сделать что-нибудь хорошее для будущего.

Но сейчас в мировой экономике самая большая проблема и с политической, и с институциональной точки зрения — как использовать стратегию развития и координацию экономической политики в мире. Существует G20, в которой принимает участие Россия, точнее это G43, потому что там, помимо 28 стран Европейского Союза, участвуют еще 15 стран. Можно сказать, что эти страны составляют 80 % производства мировой экономики и там проживают 80 % населения Земли. В этой группе ведется координация по вопросам безопасности, окружающей среды, экономического роста, передела капитала, миграции людей, создается механизм разрешения экономических процессов.

Самый большой вызов сегодня — как использовать координацию экономической политики в мире, потому что глобализация неизбежна. Она уже есть и будет продолжаться. И сейчас вопрос в том, как использовать этот новый прагматизм в координации мировых и других процессов. Есть предложение делать это в рамках нового прагматизма, а не в рамках неолиберального или государственного капитализма. Государственный капитализм существует, и не только на Украине или в Венесуэле, но и в Саудовской Аравии и здесь, в России. И надо уходить от такой экономической системы, экономической политики в направлении нового прагматизма, потому что на этой основе можно разрешить и существующие проблемы, и те, которые могут возникнуть в будущем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется выдающемуся российскому правоведа профессору Андрею Геннадьевичу Лисицыну-Светланову.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Глубокоуважаемые коллеги! Мне очень приятно присутствовать здесь и затронуть несколько вопросов, связанных с правом. Тема нашего форума касается национально- и глобального. Право изначально возникло и развивалось как сугубо национальное явление. Только на определенном этапе, когда появились равные государства, сформировался принцип “*Pax in pace non habet imperium*” («Равный над равным не имеет власти»). Тогда и возникает международное право, начинаются процессы, выходящие за рамки национально-

го. И соответственно возникает вопрос: как сбалансировать национальный интерес, выраженный в праве, с теми международными тенденциями, которые существуют?

И вот создается международное право. Каким оно было сначала? Наиболее яркий источник, который говорит об этом, — это великий труд Гуго Гроция «Право войны и мира». То есть изначально возникает право войны. Оно создает свои институты, например, *jus ad bellum* — право на войну, или *casus belli*, то есть повод для начала войны. Закладываются идеи ведения войны. В идеале это идеи рыцарской войны, которые, правда, не всегда соблюдались. С точки зрения глобальных процессов практически это было европейское право, действовавшее между европейскими государствами, оно совершенно не принимало в расчет другие территории, на которых велись войны. Это продолжалось достаточно долго, но привело к кризису. В эпоху «Война и мир» Л. Н. Толстой через 60 лет после вторжения Наполеона в Россию пишет: «12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие».

Следовательно, развитие и построение международных отношений на основе силы начинали рушиться, и практически то право войны, которое существовало на протяжении нескольких столетий, перестает восприниматься как явление естественное, требующее лишь правовой регламентации. Идеи возможности обеспечения государством своих интересов рухнули полностью в ходе Первой и Второй мировых войн — их нельзя назвать рыцарскими войнами. Это были трагедии, преступления.

Итоги двух войн заставили человечество развивать созидательную сторону международного права — право мира, права международных договоров, их добросовестного соблюдения — “*Pacta sunt servanda*” («Договоры должны соблюдаться»). То есть закладывалась идея добросовестности тех обязательств, которые берут на себя государства. Достаточно ли было этого тогда, когда Большая Европа, включая СССР, вместе с молодой страной — Соединенными Штатами Америки — закладывали новый правопорядок на международной арене? Тогда да! Этот правопорядок формировался в сложившемся цивилизационном центре, способном его обеспечить. Принимал ли активное участие в этом процессе остальной мир? Наверное, нет. Сейчас мы говорим о серьезном кризисе международных отношений, а соответственно и о кризисе международного права. Что делать дальше? У нас было право войны, существовало право мира. Каким будет новое право? Что будет его цивилизационной основой?

Правовая карта мира меняется. Если во всех приведенных примерах мы говорили о Европе и родственной ей цивилизации — североамериканской, которые формировали правопорядок, то в настоящее время карта полностью изменилась. Мы чаще говорим о Китае и Индии как о колоссальных рынках, меньше об арабском Востоке. Мы говорим о нескольких миллиардах населения земного шара, составляющих более его половины. С точки зрения истории цивилизации куль-

тура Китая и Индии исторически намного превосходит даже европейскую цивилизацию. Но мы забываем о том, что развиваются и другие страны. Давайте посмотрим цифры. Если население такой страны, как Вьетнам, составляет сейчас около 100 млн человек, а в 2016–2017 годах, думаю, оно перейдет эту границу, то это почти четверть населения всего Евросоюза. Как видим, складываются совершенно новые реалии, формирующие новую правовую карту мира.

Обсуждая проблемы, связанные с дальнейшим цивилизационным развитием, национальными интересами и международным балансом этих интересов, мы должны исходить из тех новых реалий, которые объективно существуют. Реалии имеют свое проявление с точки зрения и экономики, и менталитета, и традиций, и приверженности своей истории, культуре. Думаю, что эти вопросы будут предметом обсуждения на наших дальнейших встречах.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Евгению Ивановичу Макарову.

Е. И. МАКАРОВ: — Уважаемые участники и гости, уважаемый президиум! Прежде всего позвольте мне от имени учредителя Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов — Федерации независимых профсоюзов России — приветствовать вас на XV Международных Лихачевских чтениях, традиционно проводимых в дни, совпадающие с днем рождения Университета, и в преддверии дня основания нашего замечательного города. Профессиональные союзы Российской Федерации придают большое значение этой, поначалу общественной, инициативе — Лихачевским чтениям, с годами превратившейся в крупное научное и культурное событие международного масштаба. Состав участников, дискуссионные вопросы, обсуждаемые на площадке Чтений, безусловно, являются актуальными, затрагивают глубокие, я бы сказал, фундаментальные проблемы развития нашего общества, диалога и взаимодействия культур. Я и мой коллега, председатель Федерации независимых профсоюзов России Михаил Шмаков, уверены, что нынешние Чтения, проходящие в весьма напряженной и динамично меняющейся международной обстановке, как всегда, послужат укреплению мира и согласия, предотвращению конфликтов и снижению напряженности. Благодарю вас за время, которое вы уделили для участия в этом важном и нужном мероприятии.

Обращаясь к нашим уважаемым иностранным участникам, хочу напомнить цитату Уинстона Черчилля, который как-то сказал: «Россия — это даже не страна, Россия — это секрет, завернутый в загадку и укрытый непроницаемой тайной». У вас, уважаемые гости, в отличие от Черчилля, есть шанс раскрыть секрет, разгадать загадку, открыть тайну. Желаю вам это сделать во время пребывания в нашем городе.

Несколько слов о докладе, который я подготовил для сегодняшних Чтений. Он посвящен новой политической реальности, неформальному межгосударственному объединению Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики (БРИКС), точнее

той части этого нового международного явления, которая относится к профсоюзному движению. Нет ничего удивительного, что из девяти лет существования БРИКС в разных форматах профсоюзная составляющая работает уже шестой год. В докладе я раскрываю те мотивы, которые заставили национальные профсоюзные центры стран-участниц образовать этот новый формат взаимодействия — профсоюзный форум БРИКС. Я говорю об актуальной повестке дня, которая послужила базой для контактов, о том, какие темы, затрагиваемые на государственном уровне, оказались созвучны профсоюзным позициям, что мы поддерживаем, чем обеспокоены, на что обращаем внимание лидеров стран.

Особое внимание уделяется идее переноса в социально-трудовую сферу стран БРИКС так называемой «интегральной модели социального партнерства» на все уровни присутствия бизнеса и профсоюзов, которая более ста лет является фундаментальным основанием деятельности Международной организации труда, работающей на основе трипартизма. По нашему мнению, именно этот подход позволит мобилизовать человеческий потенциал доброй половины земного шара на его устойчивое и справедливое развитие. В докладе содержится ответ на критику, раздающуюся в адрес тех, кто активно продвигает идею укрепления БРИКС. Я обращаю внимание на то, что БРИКС не может трактоваться как альтернатива другим международным организациям, так как является неформальным объединением, лишенным бюрократии, основанным на общем понимании будущего устройства мира, построенным на уважении политического, государственного суверенитета и невмешательстве в дела друг друга. БРИКС — это инновационная попытка построить более справедливую модель отношений, лишенную родовых травм англосаксонской системы взглядов на мироустройство.

В июле этого года в столице Республики Башкортостан Уфе состоится саммит БРИКС, и там же в это же время будет проведен Профсоюзный форум БРИКС. Председательство Российской Федерации в этом межгосударственном объединении предоставляет российским профсоюзам удачную возможность выдвинуть профсоюзные инициативы, реализация которых позволит существенно изменить качество социального диалога в рамках БРИКС и в определенной степени продвинуть реализацию главных идей этого объединения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в работе Международных Лихачевских чтений принимает участие ряд крупных, известных во всем мире журналистов. И я бы хотел пригласить на трибуну профессора Михаила Соломоновича Гусмана.

М. С. ГУСМАН: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги, друзья, для меня большая честь участвовать в Лихачевских чтениях. Журналистика играет все большую роль в современном мире. Наверное, это тоже неслучайно. Бесконечно уважаемый и любимый Дмитрий Сергеевич Лихачев очень

уважительно относился к журналистике, хотя немножко опасался журналистов. А они его обожали. Он редко отказывал журналистам и был всегда желанным гостем и на страницах наших газет, и в радиозфире. Хотя его врожденный такт и некая щепетильность всегда как-то его сдерживали, он действительно был любимцем нашего сообщества. Поэтому естественно и органично то, что одна из секций Лихачевских чтений посвящена журналистике.

Тема нашей секции «Информационные вызовы XXI века и свобода СМИ», на мой взгляд, действительно актуальна. В этом зале присутствует интеллектуальная элита России, да не только России, большей части мира. Наверное, невозможно даже вычислить коллективный IQ всех присутствующих на этих Чтениях. И поэтому вряд ли я буду оригинальным, если скажу о том, что мы живем в век информации, новых информационных технологий. И здесь я не хотел бы показаться ретроградом и консерватором, но в этих современных информационных вызовах, технологиях, на мой взгляд — взгляд человека, который уже несколько десятилетий занимается информационной журналистикой, таится очень большая опасность. Мне кажется, эти современные информационные технологии все больше вызывают необходимость того, чтобы мы, может быть, даже на самых ответственных, важных международных площадках, в том числе Организации Объединенных Наций, попытались выработать какие-то правила взаимодействия в современном информационном мире.

Мы сегодня привычно произносим слова типа Facebook, Twitter, все это очень современно, актуально и связано с каждым. Мы стали называть социальные сети средствами массовой информации, хотя, на мой взгляд, они таковыми не являются, и я принципиально разделяю понятия «средства массовой информации» и «социальные сети». Постольку поскольку социальные сети, я считаю, служат прежде всего средством коммуникаций и таковыми являются, а отнюдь не являются СМИ. Эта некая путаница в умах, по моему мнению, очень опасна, потому что сегодня общество в целом не до конца понимает определенную угрозу, которая таится в информационных технологиях. Конечно, здесь мы говорим не о бытовом, а о профессиональном, общественном уровне использования социальных сетей, с точки зрения использования их в самых разных, подчас далеко неблагоприятных целях.

Мы живем в век, когда хакерские атаки могут приводить к самым ужасным последствиям и производить самый страшный эффект. Если мы вовремя не договоримся о правилах игры в этом современном информационном мире, я сильно опасаясь, что нас ждут большие беды. Вы понимаете, когда сто с лишним лет назад появились первые автомобили, то на них не было номеров, а на улицах не было уличных знаков. И только после того, как участились аварии, появились знаки дорожного движения, а когда автомобили стали воровать, появились номерные знаки. Сегодня у меня такое ощущение, что мы используем современные информационные технологии, как те самые первые владель-

цы автомобилей, без правил на улицах и без номеров на своих машинах.

Можно привести миллион примеров, показывающих, какие могут возникнуть опасности в такого рода ситуации, если от этого не пытаться оградиться и защитить себя. Самый простой пример. Здесь находится мой давнишний коллега и близкий друг Том Кент — один из руководителей выдающегося информационного агентства «Ассошиэйтед Пресс». Мы с ним знакомы несколько десятилетий. В позапрошлом году в результате хакерской атаки был взломан сайт их агентства и появилось сообщение, что в Белом доме произошел взрыв и президент Обама тяжело ранен. И это абсолютно фальшивое сообщение было подхвачено тысячами СМИ во всем мире. К сожалению, даже мое родное агентство «ТАСС», от которого, если честно, я меньше всего этого ожидал, тоже попало на эту фальшивку. Сообщение провисело, может быть, несколько десятков секунд или пару минут, но успело облететь весь мир. Даже на этом примере видно, какие могут быть страшные последствия и какие опасности таятся в этом.

Мы много говорим о свободе слова, но в ней тоже таится угрозы. В прошлом году мы отметили столетие Первой мировой войны. Но вряд ли кто-нибудь знает, что в прошлом же году следовало бы отметить столетие первой мировой информационной войны. Если человек, который интересуется историей, и в частности историей журналистики, откроет прессу столетней давности, он увидит, что первый всполох информационной войны произошел именно тогда, во время Первой мировой войны. Да, тогда еще не было ядерного оружия, телевидения и нейтронного оружия Интернета, но уже были кавалерийские атаки газет и достаточно мощная артиллерия радио. Я это говорю к тому, что, к сожалению, сегодня, когда мы отмечаем столетие Первой мировой войны и пытаемся сделать какие-то выводы, хотя многие говорят, что не способны делать выводы из войн, информационные войны продолжают, и современные информационные технологии, которые встали им на службу, представляют особую угрозу и опасность. Я бы не хотел выглядеть алармистом в своем выступлении, но именно эти опасения привели меня сегодня в этот зал, на Лихачевские чтения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Следующим выступит наш гость из Соединенных Штатов Америки, известный в мировом сообществе экономист Джон Гэлбрейт.

Д. ГЭЛБРЕЙТ: — Мне очень приятно выступать здесь, на Лихачевских чтениях. Мне вспомнился один эпизод из всемирной истории: осенью 1963 года президент Кеннеди попросил моего отца стать послом в Советском Союзе, на что он согласился. Нет сомнения, что у президента была какая-то цель, но разговор не продолжился. И потребовалось 25 лет, а также другой лидер, чтобы настала новая эра международных отношений. А тогда эта возможность была упущена. Понятно, что те, кто живет в Америке, продолжают соблюдать то, что мы по-прежнему называем традицией,

основанной Кеннеди и Рейганом, которая определяет наш подход к сотрудничеству. Это тем более правильно, если мы говорим о долгосрочном сотрудничестве, об обществе, о том, что можем сделать, чтобы повысить шансы на успех. Я был очень впечатлен, когда в газете прочитал статью известного ученого, академика Богомолова, посвященную этой конференции. Он написал, что социальная критика подразумевает, тем не менее, какое-то исправление, получение, позволяет принять разнообразные подходы, сохранить различные традиции и тем самым создать систему ценностей, которая была бы не односторонней, а всесторонней и разнообразной.

В связи с этим я продолжу придерживаться идеи, что надо больше общаться с обычными людьми, чтобы каким-то образом бороться с пропагандой, сохранить достоинство. И учреждения или объединения, которые позволяют более демократичное представительство, участие людей в подобных процессах, дают возможность балансировать интересы правительства, которые, по мнению многих людей, не всегда оптимальны. Проблемы, связанные с эффективным гражданством, так или иначе касаются нас всех. Особенно если мы говорим о процессе восстановления и укрепления демократии. Мой собственный очень скромный вклад, в частности в сфере науки, заключается в том, что я пытался приоткрыть завесу, изучая экономическую статистику. Это, можно сказать, очень прозаичная задача, но, тем не менее, у меня был интерес к этой сфере. Я хотел что-то определить, сделать, чтобы подчеркнуть важность тех или иных изменений в обществе, которые видны из статистики и позволяют развеять определенные мифы.

Это работа, которой я занимался некоторое время, и сейчас это уже охватывает весь мир, приводит нас к определенным интересным выводам. Упомяну некоторые из них. Первое: рост экономического неравенства, который мы наблюдаем повсеместно. Это аспект финансовой глобализации. Это не поощрение само по себе за успешную напряженную работу или приобретенные таланты, а концентрация финансовых ресурсов, финансовой мощи.

Второе: глобальный аспект или масштаб этого процесса, который опять-таки связан с тем фактом, что финансовая власть концентрированная, она получает возможность воздействовать на самые удаленные регионы. И иногда это воздействие выражается в обратном эффекте, не в том, который изначально заявлен или служит целью. И третье: это то, что тенденция не кажется какой-то постоянной, невозвратной, неизменяемой. Она, может быть, иногда меняется не так быстро, как хотелось бы. Тем не менее политическая воля может менять эту тенденцию, этот ход развития, если мы объединим наши усилия и если будет достаточно сил для этого. История — это очень длительный процесс, и не все в ней было справедливо, как об этом говорил господин Мартин Лютер Кинг. И я ему верю. Тем не менее я также знаю слова Уильяма Оранжа, который сказал: чтобы продолжать какое-то действие, необязательно надеяться на лучшее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну нашего гостя из Мексики, который работает в Москве, господина Рубена Альберто Бельтрана Герреро.

Р. ГЕРРЕРО: — Уважаемые господа, я бы хотел выразить благодарность ректору и его коллегам за удовольствие выступить перед вами. Я озвучу пять пунктов, которые отражают то, что я подготовил для этой конференции.

Первое: взаимоотношения между странами не существуют в каком-то вакууме. Иногда мы оцениваем отношения между странами в определенной связи, которая образовалась или существует. Предложу конкретные ситуации. В частности, в этом году мы отмечаем 125-летие установления дипломатических отношений между Мексикой и Россией. Это очень важная дата. И мы уверены, что отношения между нашими странами нельзя оценивать только лишь непосредственно за этот период. Это исторический процесс: они начали развиваться еще до того, как были установлены официально. В то время, когда мы их установили, даже еще не было Советского Союза. Теперь это другая страна, но мы остаемся партнерами, друзьями и очень гордимся этим. Если ваша страна участвует в глобализации, то вы не сможете выбирать только то, что вам нравится в этом процессе. Вы не можете сказать, что эта сторона глобализации вам нравится, а эта нет. Нужно разработать такую стратегию, чтобы вы могли интегрироваться в процесс глобализации наилучшим образом.

Второе: если страна хочет достичь определенного уровня развития, необходимо отойти от макроэкономических показателей, поскольку они говорят, что у нас таких-то ресурсов больше или такая-то макроэкономическая политика наиболее эффективна. Есть вещи, которые не исчисляются цифрами и напрямую не связаны с благосостоянием населения. Прежде всего развитие должно быть нацелено на улучшение человеческого благосостояния, на молодежь, которая является человеческим капиталом. Потому что самое большое богатство страны — это и есть человеческий капитал. В Мексике проживают 120 млн человек, и средний возраст населения — 27 лет. Поэтому будущее моей страны — в молодежи. Вся наша политика должна учитывать это, чтобы были определенные выгоды, определенная польза, прежде всего для развития молодежи.

Третье: нужны реформы, чтобы что-то улучшить в определенной сфере. И чтобы это сделать, необходимо составить определенную повестку дня, собрать людей и сказать: вот такая повестка, давайте ее выполнять. Это прагматический подход. Я хочу подчеркнуть, что сегодняшнее правительство составило своего рода пакт Мехико — это усилия правительства по объединению всех слоев общества, которые должны участвовать в формировании этой повестки дня. Недостаточно проводить реформы только с помощью политиков. Нужна поддержка широких слоев населения, поскольку именно они будут воплощать в жизнь эти предложения, эту повестку дня, которая окончательно определяется в политике. Спустя 20 месяцев после прихода

да к власти действующего президента он предпринял усилия, чтобы начать в стране юридическую, культурную, образовательную, энергетическую, политическую реформы. Все эти реформы должны дать своего рода толчок, стимул нашему обществу, нашей стране, чтобы лучше интегрироваться в современную международную ситуацию. Конечно же, важны и ВВП, и валовой национальный продукт, и другие ключевые показатели, но мы должны все больше соответствовать вызовам глобализации. Как я уже говорил, мы не можем войти односторонне в этот процесс. Такая растущая молодая экономика, как Мексика, не уйдет от этого, нам необходимо интегрироваться.

Четвертое: для развития важна экономика. Мексика является одной из самых открытых экономик в мире. У нас очень много торговых соглашений, рынок составляет примерно 1,4 млрд долларов. 30 % всего экспорта Латинской Америки приходится на Мексику. Это довольно большая доля. Мы стараемся, чтобы наша экономика стала более открытой и интегрировалась в мировую.

И последний, пятый пункт: Россия и Мексика должны расширять сотрудничество, для того чтобы чаще участвовать в различных форумах, совместных программах. Мы входим, в частности, в ОПЕК, а также в «Большую двадцатку». Мы вместе с Россией участвуем в работе Международной торговой организации, пытаемся продвигать наши точки зрения в рамках ООН и других международных организаций. Это все подразумевает более широкий диалог. Страна должна быть готова преодолеть некоторые барьеры, трудности для того, чтобы этот диалог был расширен и проходил более успешно. Времена двусторонних отношений прошли, не потому, что они недостаточно хороши или несправедливы, просто их время ушло. У нас многополярная реальность. И мы должны воспользоваться преимуществами, которые она дает: расширить наше сотрудничество, охватить все больше участников в этом процессе. И особенно важным это становится в год празднования 125-летия наших отношений с Россией. Завтра я поеду на Байконур, и я очень горд тем, что в ближайшем будущем Роскосмос запустит мексиканский спутник.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предоставляю слово выдающемуся философу, Почетному доктору нашего Университета, академику Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я хотел бы сосредоточиться на общей теме наших юбилейных Чтений — глобальные вызовы и национальные интересы. Фокус рассмотрения необычайно точен — национальные интересы. Это важный фактор глобальных процессов, на них оказывают противоречивое воздействие, во многом национальные интересы являются оппонирующей силой и сами стали своего рода глобальным вызовом современного мира.

Национальные интересы и национальный фактор вообще (в составе сил, которые определяют общественное развитие) играют намного более важную

роль, чем мы думаем и чем это отражается в нашей литературе, являются более весомым фактором и оказывают мощное мотивирующее воздействие.

Сегодня прозвучало интересное свидетельство: Петр Петрович Толочко из Украины привел разговор с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, который в момент распада Советского Союза сказал: «Пусть все другие уходят, но три славянские республики останутся вместе». Он был в этом уверен. Так же думал и даже развил свою концепцию Александр Исаевич Солженицын. Но они ошиблись. Этот пример свидетельствует о том, что наше представление о нации, национальных движениях, их силе не всегда соответствует тому, что происходит на самом деле.

В настоящее время преобладают два подхода к нации: нация понимается, с одной стороны, как этнокультурная общность, принадлежность к которой определяется рождением и воспитанием, с другой — как политическая общность, принадлежность к которой определяется гражданством. Конечно, это односторонние представления, но они не ложные. И даже соединенные вместе, эти определения не дают полного представления. Сейчас важно скорее не переосмыслить, а проблематизировать вопрос о нации.

Хочу обратить внимание на два момента. Первый: нации возникают как формы человеческого постсословного общежития, то есть вместо сословной организации общества. Возникновение нации совпадает с образованием демократических государств. Национальное, демократическое, буржуазное государство — это разные формулировки одного и того же явления. Возникновение нации связано с демократическими процессами, правами человека, превращением общества из полуобразованного в образованное, людей из подданных — в граждан. То есть понятие «нация» реализует два постулата из знаменитого лозунга Французской революции «Свобода, равенство и братство» — свобода и равенство.

Но нация — это не только постсословная историческая общность, но и определенная духовная общность, которая исторически приходит на место религиозной. То есть это пострелигиозное духовное объединение людей. Это обнаруживается в тех исторических опытах, где нация разделена конфессионально. Основной принцип состоит в том, что национальное единство выше религиозных, политических различий. Этот же принцип проявляется, когда речь идет о международной политике, но там он представлен в другом виде — национальные различия важнее религиозного единства, будь то единство католического, православного или мусульманского мира. Везде мы наблюдаем похожие тенденции. Это говорит о том, что нация — исключительно важная духовная общность. Нация воплощает в себе аспект, в котором реализуется третье понятие триады Французской революции — братство.

Что такое свобода и равенство — понятно. Братство связано с формированием и развитием наций и обнаруживает себя тогда, когда оказывается, что служение народу, нации — высокий общественный мотив. В этом смысле нация как носитель более высокого духовно-

го начала, чем то, которым руководствовались люди до возникновения наций, связана с идеей общественной справедливости. Нация берет на себя обязанность в этих пределах реализовать общественную справедливость, которая переносилась, скажем, в религиозных утопиях в потусторонний мир. Если мы выдвигаем идею, что благо нации — высокий мотив общественно-го поведения (например, патриотизм), то возникает вопрос: в чем заключается это благо? Тем самым мы начинаем видеть некую внеациональную перспективу, согласно которой нация — это уже не последнее слово в истории. Значит, нужно выработать такое понятие нации, которое не закрывает пути развития, предоставляет выход в другую сферу, чему в наших изысканиях мы уделяем недостаточно внимания.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Наш следующий докладчик — иностранный член РАН, выдающийся ученый Аскар Акаевич Акаев.

А. А. АКАЕВ: — 2015 год является переломным, ключевым для мировой экономики, которая только начала восстанавливаться после мирового финансово-экономического кризиса 2008 года и великой рецессии 2009-го. На этом пути мировая экономика, начав восстановление в 2012, в 2013 году показала темпы роста 3,5 %, в 2014 — несколько ниже, 3,3 %. Но это очень встревожило видных экспертов мира, которые разделились на два лагеря. Оптимисты говорят, это был случайный сбой и в 2015 году мировая экономика вновь наберет темпы, они достигнут 4 %, а может быть, и больше. Эксперты основываются на том, что лидеры развивающегося мира — экономики Китая, Индии — уверенно продвигаются вперед высокими темпами — 7 % и более. Главный локомотив мировой экономики — Соединенные Штаты Америки — вышел из депрессии и встал на путь устойчивого экономического роста с потенциальными темпами 3 %. Пессимисты говорят, что спад продолжится и в 2015 году темпы мировой экономики опустятся ниже 3 %.

Неопределенность в развитии мировой экономики, которая сложилась в 2014 году, определяется не экономическими факторами, рисками, а исключительно ростом геополитической напряженности, о чем на всемирном Далласском форуме было сказано, что не экономические, а геополитические риски послужат фактором дестабилизации мировой экономики и вообще стабильности в мире.

Пессимисты указали на самое слабое звено мировой экономики — это экономика еврозоны, где продолжается стагнация. Наша группа, занимающаяся компьютерным моделированием в Московском государственном университете, обнаружила, что экономика еврозоны в 2014 году испытала бифуркацию. Это состояние неустойчивого равновесия, когда любой позитивный шок может подтолкнуть экономику к подъему, если это переходо-устойчивый рост, и любой малый отрицательный негативный шок спроса может подтолкнуть экономику еврозоны к спаду и привести к повторной рецессии. Проблема заключалась в том, чтобы заработать позитивный шок. Мы выяснили, что в качестве

позитивного шока может служить только разрядка напряженности на европейском континенте — окончательная отмена взаимных экономических санкций, поскольку Россия для еврозоны является третьим крупнейшим торговым партнером. Только отмена санкций и торгово-экономическое сотрудничество с Россией могут послужить позитивным шоком, который приведет экономику еврозоны к подъему и переходу на траекторию устойчивого развития.

Это один из ключевых факторов, обусловивших то, что политические лидеры Евросоюза, канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Франсуа Олланд, выступили в феврале 2015 года с мирной инициативой по урегулированию кризиса на Украине. Мы полагаем, что европейские аналитики, эксперты также информировали своих лидеров. Хотя санкции Запада наносят большой ущерб экономике России, наша компьютерная модель показывает, что они могут нанести гораздо больший урон экономике еврозоны, поскольку она находится в состоянии бифуркации, что может подтолкнуть европейскую экономику к рецессии.

В частности, французский экономист Жак Сапир подсчитал, что в 2014 году из-за взаимных санкций Германия потеряла 0,5 процентных пунктов роста (при росте 1 % это имеет большое значение), Франция — 0,25, Венгрия — 0,8, Польша — 1 %. Жак Сапир и другие эксперты (в частности, наши компьютерные модели) показали, что в 2015 году потери еврозоны были бы гораздо больше, если бы усиление санкций продолжилось. Но мудрые политические лидеры Евросоюза в лице канцлера Германии и президента Франции упредили этот шаг. Мы наблюдаем, что число сторонников разрядки напряженности в европейской зоне, европейских странах растет. Последние прогнозы экспертов свидетельствуют о том, что еврозона все-таки испытает позитивный шок. В этом году экономика еврозоны вырастет до 1,5 %, тогда как в 2014 году было 0,8 %.

Я привел эти данные в подтверждение тезиса, сформулированного академиком Вячеславом Семеновичем Степиным. Он сказал, что в XXI веке только договаривающиеся лидеры будут играть созидательную роль (мы это наблюдаем на примере лидеров еврозоны). Чем дальше, тем больше должно быть таких договаривающихся лидеров, играющих созидательную роль. Европейская зона преодолела бифуркацию в сторону роста, перешла к устойчивым темпам роста. Это облегчит и участь России: российская экономика испытает легкую рецессию, и начнется подъем. Все это будет способствовать более устойчивому высокому темпу роста экономики.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Следующий оратор — представитель гражданского общества России, Почетный доктор нашего Университета, адвокат Генри Маркович Резник.

Г. М. РЕЗНИК: — Я подхватываю посыл двух наших выдающихся философов: Вячеслава Степина — относительно того, что XXI век должен быть веком людей договаривающихся, и Абдусалама Гусейнова, кото-

рый напомнил фразу Клаузевица: «У страны нет вечных друзей и вечных врагов, а есть только вечные национальные интересы». Нации в государстве должны понимать, что их деятельность способствует подъему на более высокий наднациональный уровень.

Что сейчас происходит в России? Разворачивается драматическая ситуация — в конфликт вступили две близлежащие страны. В этом смысле полностью поддерживаю то, что сказал Абдусалам Абдулкеримович. Ошибки свойственны и великим людям. И академик Лихачев, и писатель Солженицын исходили из ошибочного тезиса о том, что украинцы и великороссы, как их называли, развивались как один этнос. Эмпирически это не подтверждается. Все исторические изыскания свидетельствуют о том, что, в общем, культурно, этнически они формировались по-разному.

Нынешний этап обострения, политической турбулентности очень опасен. Пропагандисты, журналисты, ученые и вообще представители научного мира мобилизуются для того, чтобы сплотиться вокруг руководства страны, которое приняло определенное решение. Правда не просто искажается, она затаптывается, и в этой ситуации разжигается ненависть, всякое критическое слово воспринимается как враждебное. Любой оппонент определяется как представитель некой «пятой колонны». Эта ужасная ситуация развивается, как справедливо заметил мой друг В. Т. Третьяков, и, к сожалению, не смягчается.

Главное для ученых, то, чему они посвящают жизнь (я, несмотря на то что работаю в адвокатуре уже 30 лет, человек, «ушибленный» наукой), — истина. Мы привержены правде. Возможна свобода мнений, но не может быть свободы факта. Когда намеренно или ошибочно факты извращаются, правда замалчивается, она мстит через определенный промежуток времени (может быть, сразу либо через десятки и сотни лет). У лжи — короткие ноги, у правды — длинные руки. Сейчас на Украине мы наблюдаем итог ошибочного представления о развитии двух разных наций, цепи ошибок двух государств: и Украины, и России. Это ошибочность нашей политики на Украине и политики украинского руководства, которая все более усугублялась.

В 2015 году мы отмечали 70-летие нашей Победы. Это живой праздник, потому что живы люди, которые отстояли нашу независимость, благодаря которым мы живем. Меня как еврея не покидает ощущение, что я мог бы не жить, если бы отца за месяц до Ленинградской блокады направили бы не ректором консерватории в Саратов, а, например, в Харьков, мы не успели бы эвакуироваться. Великолепная идея — бессмертный полк. Ее подала, может быть, единственная независимая телекомпания в Томске. Но эту компанию закрыли, потому что она независимая, отстаивает ценность свободы слова и свободы массовой информации.

Какие итоги вынесли народы из Второй мировой войны? Они ужаснулись тому, что может сделать тоталитарное государство с людьми, что может сотворить со своей страной и миром культурнейшая нация, считающаяся себя верхом цивилизации. Из этого возникли международные договоры, пакты о гражданских и по-

литических правах, Европейская конвенция о защите прав человека.

Чем опасна ситуация нагнетания ненависти, умножения лжи? Сейчас звучат ужасные призывы депутатов Госдумы о выходе России из Совета Европы, из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека, норма о приоритете международного права над национальными законами называется диверсией. Это ненормально

Думаю, что в период политической турбулентности наша задача как ученых возрастает — мы должны «промывать мозги». Сейчас возможность высказаться перед многомиллионной аудиторией есть не у каждого. Поэтому нужно объяснять студентам, простым людям, положения Конституции. Нет ни одного общепризнанного принципа и нормы международного права, которые не были бы закреплены в Конституции РФ.

Международные договоры, если обнаруживаются противоречия с национальным законодательством, подлежат применению, они приоритетны. Договор предполагается, что, подписав его, стороны, государства, договорились его исполнять. Существует Венская конвенция о праве международных договоров. Страна может выйти из международного договора, если он ее не устраивает. Что же в современной ситуации предлагают ответственные государственные деятели? Мы заключили международные договоры, выходить из них не будем, но и выполнять не станем.

Периоды турбулентности, обострения между государствами не должны перечеркивать главного достижения, которое нужно развивать в следующем направлении: над национальными законами, суверенитетом стран стоят права и свободы человека. Россия, присоединившаяся к Европейской конвенции, заявила: «Мы согласны, чтобы наше законодательство, правоприменение главным образом ограничивалось международными нормами». Я, как европеец, хочу сказать: только достоинство и свобода личности могут в перспективе обеспечить устойчивость международного развития всех стран.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Пленарное заседание началось с выступления Петра Петровича Толочко об Украине и продолжилось выступлением Генри Марковича Резника о правах человека (но в начале его выступления тоже звучала тема Украины), ошибках Солженицына и Лихачева.

Ошибки Солженицына и Лихачева, с моей точки зрения, связаны с тем, чего не смог предвидеть Карл Маркс. Я хочу сказать несколько слов об этом в связи с Украиной и проблемой массовых коммуникаций.

Я, как и Генри Маркович, считаю себя европейцем (а в начале 1990-х гг. я был еще и американцем). Однако люблю Россию и всегда считал, что жить в России — счастье. Если бы не Россия, то я, пожалуй, хотел бы жить в США (стране разных национальностей, культурных корней и т. д.).

Генри Маркович, я принял бы Ваши рассуждения о Европейском суде по правам человека и Европарламенте, если бы не следующий момент. Любой суд можно принять, если уверен на 100 % в том, что он по отно-

шению к тебе будет справедлив. Я не уверен, что Европейский суд по правам человека намного справедливее, чем российский по отношению к российским гражданам, что этот суд проявит исключительную принципиальность, когда речь будет идти об интересах Запада и России и тем более о Европарламенте. Это сложная структура, на обывательском уровне возникает много вопросов, что такое Совет Европы или Парламентская ассамблея Совета Европы, из которой Россию исключают и не дают права голоса. Люди из других отраслей знания хотели бы в этом разобраться. Не исключено, что, разобравшись, мы придем к такой же точке зрения, но может возникнуть и иная точка зрения. Действительно права человека — важная ценность, и нам хотелось бы, чтобы в российской практике эта ценность все больше утверждалась.

Несколько слов об Украине. Петр Петрович высказал свои соображения по поводу Украины, Генри Маркович — свои. Различие видится в том, что Петр Петрович считает, что украинцы не являются единым этносом, а Генри Маркович, что Россия и Украина являются разными этносами. Я принял бы обе точки зрения, но считаю, что Украина не является этносом вообще, в целостном понимании. Там, наверное, должны были пройти процессы, объединяющие различные этнические группы, религиозные конфессии, что создало бы основу для реального национального единства. На мой взгляд, антироссийские настроения и мифический путь в Евросоюз — не основа для национального единства. Недостаточно провозгласить в газетах движение в Евросоюз и даже подписать договор, чтобы стать единой нацией, тем более европейской, для этого нужны другие условия.

Об этих условиях мне и хотелось бы сказать несколько слов. Петр Петрович выразил удивление, что с Украиной очень быстро произошли такие метаморфозы. Вызывает сомнение, что они произошли со всей Украиной. Я думаю, что эти изменения затронули сравнительно небольшую социальную группу, которая в данном случае получила власть. Вряд ли Донецк, Луганск, Днепрпетровск, Одесса сегодня едины в этом порыве вместе с Киевом и Львовом. Там протекают все-таки более сложные процессы. Не думаю, что на Украине есть единая нация. Конечно, украинцы сегодня имеют существенные отличия от нас, хотя и в России, если мы посмотрим на Татарстан, Москву, Петербург и Камчатку, тоже возникает вопрос о единой нации. Но она все же есть, хотя существуют значительные различия на территории огромной России. Сомневаюсь, что различия между, допустим, Москвой и Татарстаном меньше, чем различия между Москвой и Одессой или между Москвой и Донецком.

В чем ошибались Лихачев, Солженицын и чего не предвидел Карл Маркс? Они не предвидели, на мой взгляд, радикального изменения капитализма, произошедшего во второй половине XX века и практически неизученного фундаментальной наукой. Суть дела в том, что продукция на современном этапе развития капитализма изготавливается не на производстве, а в головах людей. Предметы обретают свою потребительскую стоимость, которая может быть очень не-

большой, но люди платят за них огромную цену в магазинах. В магазине французские духи стоят 80 евро, на производстве — 1 евро. Разница в 79 евро — это смысл, который сформирован в головах людей. В этом отличие нашей эпохи от эпохи Маркса. Мы называем это информационной революцией, но на самом деле центр тяжести производства переместился с фабрик в головы людей.

Средства массовых коммуникаций производят в головах людей смыслы. В итоге люди обладают смыслами, к которым они не пришли путем познания, сравнения, размышления. С ними работают на совершенно ином уровне — на уровне подсознания. В результате автомобиль «Бугатти», который стоит на заводе примерно 25 тыс. евро, продается за 1 млн евро. Появились технологии манипуляции массовым сознанием. Лихачев и Солженицын об этом не думали, хотя они уже наблюдали массовые манипуляции — и сталинские, и гитлеровские, и много других.

В XX веке реклама сначала рекламировала кофе, потом создавала имиджи политиков, а сейчас средства массовой коммуникации входят в наше сознание и формируют его. На Украине оказалось возможным за несколько лет, если не за несколько месяцев, сформировать в головах миллионов людей представление, что украинцы являются особой нацией — древними украинцами, которые когда-то создали Древний Рим. Любопытно, кто изучал историю, знает, что Древний Рим был создан не древними украинцами.

В массовое сознание внедрялся миф о том, что украинец — это западный европеец. Потом, через несколько лет, неизбежно придет понимание, что эти размышления расходятся с реальностью. Точно так же россияне в 1990-е годы решили стать европейцами. Мы были в начале того пути, на котором сегодня находится Украина. Мы тоже ориентировались на Запад, хотя и не говорили, что станем частью Евросоюза. Потом оказалось, что наши реальные объективные качества совершенно иные, чем смыслы (во многом даже прекрасные), которые у нас появились в начале 1990-х годов. Произошла революция, но она не в свободе Интернета (там нет никакой свободы), а в свободе манипуляций человеческим разумом. Это огромная опасность, которую, как мне кажется, нам еще предстоит осознать.

Генри Маркович, я благодарю Вас за интересное выступление, мы должны видеть многомерность ситуации. Слово предоставляется нашему гостю из Канады Петру Дуткевичу.

П. ДУТКЕВИЧ: — Уважаемые коллеги, сегодня мы смотрим друг на друга в лучшем случае взглядом таможенника, а в худшем — военного, который стратегически планирует уничтожение другого. Я хочу показать, что в макросоциологическом и макрополитическом плане мы похожи друг на друга, сталкиваемся с одними и теми же проблемами.

Первый пункт моих размышлений: независимо от качества режима (демократический, авторитарный или диктатура) все страны сталкиваются с одинаковыми проблемами управления: мы затрудняемся навести

порядок, уменьшить разницу в доходах и т. д. Это уникальный момент в истории, когда проблемы большинства стран начинаются внутри государств. Конфликты редко навязываются извне.

Крупные международные проблемы начинаются с локальных проблем. Этому существуют два объяснения. Первое предложил болгарский социолог Иван Крастев: за последние 80–90 лет произошла циклическая переориентация нашего отношения к рынку и государству. После кризиса 2008 года большинство граждан пришло к мнению, что нельзя доверять ни рынку, ни государству. Но, на мой взгляд, рынку и государству надо доверять. Я продолжу мысль, которую сегодня высказал профессор Колодко, и мысль макросоциолога Зигмунта Баумана, который поясняет это следующим образом: происходит разрыв между властью и политиками. Политики могут обещать что угодно, но на самом деле в рамках национального государства у них мало рычагов, чтобы выполнить обещания. Разрыв между политическим планированием и реальностью власти приводит к еще одному последствию — гражданам не доверяет не только рынку и государству, но и собственной власти. Данный процесс объясняется сложностью управления в глобальном масштабе независимо от политического строя страны.

Второй пункт. В такой ситуации, когда кто-то не может решить собственных проблем, встает вопрос о том, что такое сильная власть, сильное государство. Одни говорят, что сильное государство — это сильные институты, другие — что сильная армия, третьи — хорошая экономика. Но возникает новый феномен — «государства-лисицы», которые хитро умудряются свои проблемы перекладывать на других. Речь идет об экстернализации (внешнем проявлении) силы. Даже небольшие страны обладают огромной силой, проявляющейся в том, что они могут навязать другим свои правила игры. Греция, как и Сирия, — небольшие страны, но у европейского сообщества могут возникнуть большие проблемы с этими государствами. Экстернализация собственных проблем делает крупные и небольшие страны сравнимыми с точки зрения их властного потенциала.

Третий пункт. Политики приходят к заключению, что надо увеличить степень суверенитета. Если страна станет более суверенной, таким способом она ограничит риски, как внутренние, так и внешние. Но поскольку существует разрыв между властью и политикой, они не могут уже достичь стопроцентного суверенитета в условиях глобализации, где все страны связаны. Более того, существует опасность, что крайняя степень суверенитета доведет ситуацию до того, что правящие группы, элиты будут суверенными по отношению к собственному обществу, гражданам. Так происходит во многих странах мира, даже демократических. Возникает вопрос: что такое суверенитет?

Четвертый пункт: оказывается (и в этом я поддерживаю ректора Запесоцкого), что суверенные страны могут навязать другим свою повестку дня. Почему мы думаем, что демократия — это хорошо? Что неолиберализм — это спасение мира? Что либерализм — это хорошая идеология? Способность, возможность навязывания

своей повестки дня сейчас начинает быть ключевым элементом суверенитета страны. Тем самым ограничиваются рамки мышления, и как следствие, рамки мышления накладывают ограничения на поведение.

Пятый пункт: что с этим делать? Сейчас возникает много конфликтов, в которых мы повседневно участвуем. Они заключаются, например, в том, что мы говорим западным странам, что они должны быть либеральными и демократичными, а вы говорите, что ваш либерализм — вовсе не либерализм и не демократия. И в таком ключе мы продолжаем этот диалог. Получается, что мы навязываем модель, а вы эту модель отвергаете (по разным причинам). Но может быть и другой выход. Профессор Колодко говорил о прагматическом капитализме. Я говорю о том, что это завершение модели, какой бы она ни была: капиталистическое государство, государственственный капитализм, неолиберализм и т. д.

Китайцы и россияне пытаются сделать что-то иное, и я думаю, что за ними — будущее. Китайцы навязывают не модель, а процесс. Этот процесс со временем должен доказать свою жизнеспособность. Это означает, мы не выбираем, не имитируем и не тиражируем эти модели в глобальном мире. Есть определенный процесс, с которым можно не соглашаться, но если вы будете в нем участвовать, то получите все блага, которые связаны, с одной стороны, с глобализацией, а с другой — с регионализацией поведения. Для того чтобы мы перестали друг на друга смотреть взглядом таможенника, вместо модели нужно внедрять процессы, и жизнеспособность этих процессов докажет правоту идей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается наш гость из Турции господин Ташансу Тюрккер.

Т. ТЮРКЕР: — Я хотел бы поговорить о концепции цивилизаций. Что она означает в политическом смысле, как используется в истории и сейчас? Нации развиваются в противоречии друг с другом. Идентичность — изменяемое понятие, по-разному понимаемое разными людьми в разное время.

Во времена Римской империи правил один император и политическая ответственность была единой и однородной. (Позже, в эпоху Просвещения, начали возникать империи, например Германская, Османская, Российская и др. И процесс начал развиваться по-другому.) Сейчас это уже невозможно, потому что у каждой страны, региона своя культура, свои подходы. Это мы называем системой стран-государств. После Вестфальского мира государства стали суверенными, но, тем не менее, они являются участниками всей мировой системы в числе других государств. Границы государства священны, никто не должен их нарушать или изменять. Тогда мы должны принять, что признаем все границы. Нельзя говорить о том, что одна граница признается, а другая — нет.

Что произошло с этой идеей? Распался Советский Союз, большая страна, вследствие чего была утрачена стабильность. Этот факт имел негативные последствия, это своего рода выпадение из организованной

системы, когда мы признаем другие государства, традиции, границы. Распад СССР вышел за рамки системы. Всемирная история сталкивалась с целым рядом таких явлений, которые, хотя и происходят нечасто, тем не менее радикально меняют картину мира, затрагивают целые регионы. Сейчас мы наблюдаем определенные тенденции централизации, это наднациональные изменения. Некоторые страны, присоединившиеся к этому движению, все больше сближаются (на основе расовых различий, религии, языка — основы могут быть разные, но, тем не менее, этот процесс имеет место).

Следующий пункт моих размышлений — это политическая мотивация, возможность и способность той или иной нации самоорганизовываться, организовывать других вокруг себя. Государство меняет свой характер, это уже не одно государство, а несколько стран, например Евросоюз. Наблюдается и противоположная тенденция — регионализация. Можно выделить целый ряд новых региональных центров. Эта тенденция развивается параллельно с централизацией. Россия после распада Советского Союза определенное время находилась в замешательстве, потом мы стали наблюдать процессы объединения. Подобные явления изучались многими учеными, например Данилевским еще в 1860-е годы, согласно которому выделяется частичная Вселенная, Вселенная в рамках одного союза, огромного региона, который определяет процесс упорядочения, централизованного развития.

Сегодня во всем мире образуются вакуумные центры, влияющие на изменение структуры, которые объединяют регионы и раньше не были объединены совместной деятельностью. Некоторые регионы внезапно «оживают», в зависимости от того, в каком процессе они участвуют. Подобные вакуумные центры влияют на окружение, стремятся к использованию силы, создают конфликты — в результате все приходит в движение. Есть такое выражение «Плохой мир лучше, чем хорошая война». Но если смотреть более прагматично на эти изменения, может быть, они могут привести к созданию более устойчивой новой системы. Может быть, в результате этих изменений мы обнаружим что-то реально функционирующее, жизнеспособное. Такие изменения в истории неоднократно приводили к улучшению ситуации, несмотря на то что были и негативные последствия. Нужно как можно больше изучать подобные региональные центры власти, задействовать их, подключать к разным процессам, чтобы избежать конфликтов. Региональные организации, напрямую, а не только через центр общающиеся друг с другом, позволят нам избежать новых конфликтов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Университета Инсбрука господину Гансу Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Мое сообщение затрагивает тему мирового порядка и национальных интересов, которую можно осветить с учетом того, что здесь уже говорилось, и вопроса о том, как национальные интересы можно отстаивать с достоинством, несмотря на гло-

бальную ситуацию. Мы должны стараться избегать недопонимания или конфликтов, что станет возможно, если мы проведем различие между нацией и государством.

Национальные интересы, их значение в сегодняшнем глобальном дискурсе можно сравнить с национальным суверенитетом. Национальный суверенитет означает суверенитет государства (которые в основном сейчас входят в ООН). Государство может состоять из разных наций. Поэтому любой человек может сказать: «Я — гражданин такого-то государства и в то же время принадлежу к определенной нации в рамках этого государства». Существуют государства, в котором всего одна нация, а есть страны, включая европейские, где несколько наций. В Европе много стран, неоднородных по своему этническому составу, они все мультикультурны. То, что сегодня называется национальными интересами в международном мире, на самом деле — суверенитет сообщества граждан, представляющих разные нации, но в рамках одного государства. Таким образом, это коллективная воля людей, которые живут на определенной территории в рамках конкретного признанного государства, оно выполняет объединяющую роль всех этносов на его территории. Конечно, государство должно способствовать соблюдению их прав, позволять им развиваться, обеспечивать их права на культурные и прочие виды идентичности, включая язык.

Такая поликультурная империя уже была в истории, например Австрийская, где были представлены небольшие народы, в частности словенцы и др. Уже тогда был мультикультурализм. Вопрос сейчас заключается в том, как сохранить национальные интересы конкретного государства, несмотря на происходящие изменения, в частности глобальный мировой порядок. Пока он по-прежнему однополярный. Существует тенденция глобального государства, которое распространяет национальные интересы как универсальные для всего человечества. По закону универсализма существует доминирующее государство и процесс, который вызывает целый ряд конфликтов, потому что не все готовы мириться с такой ситуацией. Если есть доминирующее государство, которое навязывает или говорит о превалировании своих интересов во всех уголках мира, то небольшие страны вынуждены укладывать свои интересы в рамки этой общей структуры. Но, тем не менее, они стремятся к тому, чтобы расширить границы своих интересов, увеличить свою роль.

Таким образом, национальный интерес можно понимать как коллективный интерес всех этносов, которые проживают в рамках одного государства. Такое государство на планете не одно, поэтому необходимо, чтобы оно признавало права и возможности других, также в рамках этого государства оно должно обеспечивать равноправие, равные интересы и права своих меньшинств и этносов. Мы можем обеспечить свои права, только если будем признавать права других. Нельзя подходить к этому эгоистически, утверждая, что только мои права важны, а другие — нет. Такая система не будет работать. Мы не сможем эффективно жить и работать в рамках такой структуры.

Я предлагаю уточнить понятие «национальные интересы», включить в него совместные глобальные интересы, которые так или иначе влияют на ситуацию. В глобальном мире мы все взаимозависимы и должны с пониманием относиться к необходимости учитывать интересы других, в частности если мы говорим об окружающей среде. Если одно государство намерено принять определенные законы, чтобы его население не страдало от негативного воздействия на окружающую среду, ввести ограничения по негативному воздействию на экологию, чтобы обеспечить здоровье своих граждан, оно не сможет это сделать в одиночку. Мы не достигнем прогресса в этом направлении, если не будем объединяться с другими. Например, если мы хотим избавиться от токсичного материала, конечно, можно вывезти его в Африку или на другую малонаселенную территорию, но делать это нужно в рамках конкретных договоренностей.

Следует также учитывать такой аспект, как качество международных отношений. Этот принцип пытаются проводить Организация Объединенных Наций, ратующая за равные права. В частности, хартия ООН говорит о том, что все государства, являющиеся членами ООН, равны в правах. И только когда мы признаем, что важны не только наши интересы и права, но и права других, мы сможем мирно сосуществовать в нашем сложном мире.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается академик Олег Тимофеевич Богомолов.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Я хочу затронуть тему, которая уже прозвучала с этой трибуны, но по поводу которой высказываются разные точки зрения. Несколько лет назад Давосский экономический форум проходил под девизом «Великая трансформация и формирование новых моделей». Президент форума Клаус Шваб сказал, что капитализм в его современном виде уже не отвечает реалиям, миру вокруг нас. Поэтому у него возникла мысль обсудить, в каком направлении будут проходить эволюция и устранение недостатков, которые выявились во время глобального кризиса 2008–2009 годов. Я начал интересоваться этой темой, читать литературу и следить за дискуссией, которая к тому времени уже началась.

К какому обществу мы придем? В советские времена один из лидеров нашего государства сказал, что мы не знаем общества, в котором живем. И сегодня такая постановка вопроса может быть отнесена к России и целому ряду других стран. Мы говорим о национальных интересах, но какой тип общества возникает, какая эволюция и в каком направлении происходит? Философ Эрвин Ласло написал, что социальная эволюция достигла такой фазы, которую можно было бы назвать кардинальным сдвигом в общественном развитии во всем мире. Этот сдвиг связан с целым рядом процессов, которые мы теперь называем революцией: научно-технической, информационной, геополитической. То есть кардинальные перемены в самом устройстве жизни на нашей планете совершаются и сопровождаются рядом последствий. В первую

очередь перемены, особенно в области техники, развитии науки, открывают новые возможности. Но так как они происходят достаточно быстро, человеческое сознание не все может воспринять, возникают смуты и деструктивные явления. Самое главное, что власти тоже не знают, как реагировать на происходящие перемены. Эта тема, мне кажется, заслуживает того, чтобы ее обсуждать, кроме того, необходимо поразмышлять о тех моделях или процессах, которые нас ждут в результате объективно происходящих глубоких революционных сдвигов во всей жизнедеятельности на нашей планете.

В советские времена мы говорили и даже преследовали тех, кто издавал книги на тему «план и рынок». Это подвергалось остракизму. В период перестройки тоже существовало увлечение рыночными процессами и переменами. Говорили следующее: либо рынок, либо план и плановая экономика. Однако сегодня процессы, происходящие во многих странах мира, свидетельствуют о том, что роль государства вопреки мнению ультралибералов возрастает. Согласно статистике, за прошлый век роль развитых государств мира в перераспределении национального продукта или валового внутреннего продукта возросла с 10–16 до 60 %. То есть государство все больше направляет экономический процесс. С другой стороны, без рынка нельзя обойтись. Опыт Советского Союза и целого ряда других стран свидетельствует, что рыночное решение многих проблем необходимо и рынок — неотъемлемая составляющая развития.

Сегодня в литературе дискуссия касается того, какую роль в экономической системе должно играть государство и какие сферы и области должен направлять в своем развитии рынок конкуренции и частный интерес. Многие полагают, что влияние государства должно очевидно возрастать, но вместе с тем оно должно направлять развитие рыночных отношений, иначе возникнут коррупция и другие проблемы, разлагающие общество. Я обратил внимание на то, что возрастает интерес к тому, что высказывалось еще в прошлом веке, — теории конвергенции. Происходит сближение различных экономических систем и в современном капитализме, и в том, что происходит после распада Советского Союза, в отказе от многих сторон социалистической организации производства, то есть возрастание попыток соединить рыночные отношения, командные высоты и направляющую роль государства. Споры сегодня ведутся вокруг того, какая роль отводится государству, где пределы его воздействия на экономические процессы. Это одна из проблем, которая волнует ряд ученых.

Но возникает и другая проблема. Государство должно влиять на экономические процессы, потому что без этого влияния мы будем сталкиваться и с мировыми экономическими кризисами, и со многими проблемами внутри отдельных стран. Но каким должно быть воздействие государства? Оно может быть государственной машиной, которая защищает интересы состоятельных слоев населения и которому не важно, как живет основная масса людей. Здесь возникает вопрос о социальной ориентации политики государства.

Если государство проводит политику в интересах богатой части общества, то общество не будет прочным, не сможет нормально развиваться. Проблема социальной ориентации экономической политики, как мне кажется, — одна из острейших сегодня.

Речь идет о том, чтобы человек, его способности, интеллектуальное развитие, культура играли все большую роль в экономической политике и конвергентном обществе. Сегодня когда мы говорим о конвергенции, то подразумеваем не только теоретические концепции. Целый ряд стран создает общество, в котором значительны социальная ориентация развития, роль государства. В частности, это относится к северным странам Европы, где есть бесплатная медицина и образование. Контрастно выглядит либеральная политика в России, которая стремится сделать и здравоохранение, и образование, и многие другие отрасли коммерческими, то есть подчиненными наживе. И люди от этого страдают. Германия после окончания Второй мировой войны предприняла немало усилий, чтобы придать своему развитию социальную ориентацию. Я уже не говорю о Китае, Вьетнаме и целом ряде других государств. Таким образом, конвергентная модель общественной организации становится фактом, а не исключением.

Лихачевские чтения должны помочь ответить на вопрос: как сблизить организацию общественной и экономической жизни? Сильные стороны и западной цивилизации, и той, которую мы, к сожалению, не сумели создать, — социалистические принципы, бесплатная медицина и — главное — направляющая роль государства. Мы должны думать не только о сегодняшних проблемах, но и том, как встретить будущее, к какому обществу мы должны прийти и что это будет за общество, каковы его главные характеристики и свойства.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Мохагхегу Ахмадабади из Тегеранского университета.

С. М. МОХАГХЕГ АХМАДАБАДИ: — Мой доклад посвящен правам человека и национальным интересам. В настоящее время мы можем наблюдать установление законов, ограничивающих права человека. Все началось с Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН. Если мы посмотрим на ситуацию с точки зрения философии, то можно наблюдать транснациональную тенденцию. Сама идея национального суверенитета служит препятствием к соблюдению всех принятых международным сообществом прав человека. Поэтому необходимо смягчить идею суверенитета. Сторонники этой идеи полагают, что это невозможно без установления нового мирового порядка, в котором идея суверенитета будет отодвинута во имя прав человека.

Возникает следующий вопрос: как может образоваться новый мировой порядок? Прагматики, те, кто проводит политику, полагают, что вопрос о правах человека должен быть оставлен как внутреннее дело каждого государства. Принципы внешней политики уже неприменимы к правам человека.

Мы сравниваем два подхода: права человека — это либо международная сфера, либо внутренняя сфера государства. И в данном случае более важен обмен информацией и передача мыслей, чем просто философские рассуждения. Большинство ученых считают, что концепция прав человека восходит своими корнями к известному философу XVIII века Иммануилу Канту. Он возводил права человека к достоинству и откладывал установление такого миропорядка на то время, когда люди будут управлять государством, — тогда и станет величайший мир. Это единственный путь, который он обозначил, — к великому миру. Кант также писал о республиканском государстве, в котором закон определяет жизнь нации, парламенты способны гарантировать устойчивый мир. В своем докладе я подробно обсуждаю вопрос о том, каким образом можно сочетать права человека и национальные интересы в любых конфликтных ситуациях.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается наш гость из Италии профессор Винченцо делла Сала.

В. делла САЛА: — Микеланджело Буонарроти однажды сказал, что трудно понять правду, когда уже слишком поздно. Перефразируя, можно сказать, что роль науки — не открыть правду, а внести свой вклад в знания. Может быть, это знание позволит предотвратить природную катастрофу, экономические кризисы, войну. И я надеюсь, что мой скромный вклад тоже позволит расширить наши знания.

США негативно влияют на другие страны. Я хочу обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, во многих докладах обсуждается напряженность, которая наблюдается сейчас в мире, и как она согласуется с национальными интересами.

Европейский Союз можно рассматривать как модель, демонстрирующую способы улучшения этих взаимодействий. Одна из проблем, которую мы наблюдаем в модели Европейского Союза, — что там не все хорошо функционирует и в связи с этим что-то необходимо предпринимать. Нужны диалог, сотрудничество, важно знать и помнить историю. История в каком-то смысле может стать препятствием для диалога, необходимо преодолеть это препятствие, использовать историю для того, чтобы расширить диалог. Тогда мы более успешно будем справляться с международными проблемами.

Европейский Союз представляет собой модель, которая преодолевает конфликт суверенитетов с помощью общих интересов и истории. Европейский Союз вряд ли можно обсуждать, не ссылаясь на исторические факты, не учитывая историю. Тем не менее это несколько другая модель, она направлена в будущее, особенно в постисторическое будущее, к которому мы идем.

Возможно, коммерция позволит решить проблемы. В частности, Европейский Союз создает единый либеральный рынок, в котором коммерция — это процесс. Это позволит более эффективно, несмотря на все различия, взаимодействовать в рамках такого объедине-

ния. Это важный посыл для всех других, что можно развиваться в этом направлении. Тем не менее, чтобы достичь успехов, нужно учитывать и интересы других групп в историческом или географическом плане.

Частично напряженность на Украине обусловлена тем, что Европейский Союз представляет себя как нечто вне истории, преодолевшее историю, смотрящее в будущее, а Россия осталась в рамках истории. Господин Баррозу однажды сказал: «К сожалению, есть еще государства, которые по-прежнему завязли в истории». Он имел в виду Россию и Украину. Это разное видение того, как им двигаться дальше. В случае с Россией подразумеваются такие базовые ценности, как природные, энергетические ресурсы, которыми богата эта страна.

Проблема модели Европейского Союза состоит в том, что Европа — это не только царство бога коммерции. Есть и другие точки рассмотрения нашего сложного мира, в частности история, где по-прежнему возникают исторические барьеры, которые мешают торговому процессу. С одной стороны, коммерция, общие ценности, с другой — не удается полностью отказаться от национальных интересов. Различные группы имеют свои интересы и пытаются распространять их на других.

Мы живем в мире, который наполнен мифами. Мы пытаемся решить проблемы в глобальном масштабе. Наверное, необходимо создать единый миф, который будет устраивать всех или отразит общие интересы. Тогда мы сможем реально двигаться вперед по пути объединения наших интересов и преодоления сложностей, которые нас разделяют.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается выдающийся российский философ академик Владислав Александрович Лекторский.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Сегодня прозвучало много интересных докладов, кратких, но содержательных. Глобальные вызовы и национальные интересы — тема очень интересная и, по-моему, одна из актуальных. Национальные интересы, интересы определенных стран, регионов всегда существовали, постоянно возникали сложные отношения между разными странами, конфликты, союзы, объединения, великие империи в истории, которые сыграли свою и положительную, и отрицательную роль, потом они распались. Взаимосвязи между странами устанавливались и 100, и 150 лет назад. Что же нового происходит сейчас? Или это продолжение того, что было?

Процесс, который назван глобализацией, возник относительно недавно, несколько десятков лет назад. Новый контекст ставит новые проблемы, и даже те проблемы, которые кажутся похожими на то, что было раньше, на самом деле приобретают иной смысл.

Что такое глобализация? Это не просто общие проблемы, которые всегда были и как-то решались или не решались, а поворотный пункт в истории человечества. Человек стоит на краю пропасти: либо он взлетит еще выше, либо упадет в пропасть. Возникла новая ситуация, которой никогда не было раньше. Прежде всего это распространение рыночных отношений на все

страны мира (транснациональные корпорации, ряд наднациональных организаций, начиная с ООН, Декларация прав человека, международное право и т. д.), а самое главное — это новые технологии, информационно-коммуникационные средства, которые сейчас охватывают весь мир и рушат условия, в которых люди жили тысячи лет. Происходит слом оснований бытия человека. Это в той или иной степени касается всех стран мира, то есть из-под ног уходит почва, на которой стоят люди.

С чем это связано? Интернет — великое открытие, которое позволяет выйти из провинциальности, локальности, приобщиться к тому, что делается во всем мире, но это одновременно, в том виде, в каком он сейчас представлен, и угроза (об этом сегодня много говорили), потому что привычные нормы поведения, способы обсуждения, способы дискуссии — все уходит в прошлое. Можно делать все что угодно, манипулировать сознанием и не нести никакой ответственности за это. Непременное условие поступка — это ответственность, то есть человек должен нести ответственность за то, что в результате получится. А в Интернете можно делать что угодно, творить под вымышленным именем, писать бог знает что. Некоторые люди считают, что Интернет означает конец литературы. Никаких фильтров не существует, цензура (как способ отсева плохого от хорошего) отменена.

Когда возникла глобализация и о ней стали писать (два-три десятилетия назад), в научной литературе высказывалось мнение, что идея национальных интересов утратила всякий смысл, это анахронизм. В частности, в России об этом писал ряд политологов: «Какие национальные интересы?! Сейчас по всему миру распространяется глобализация». Глобализация приводит к тому, что национальная культура подрывается в сущности, потому что возникает массовая культура, которая повсюду одинакова, начиная с США и заканчивая Китаем или Японией.

Глобализация в том виде, в котором она сейчас существует, в каком-то смысле неизбежна. Но в том виде, в каком она осуществляется, глобализация подрывает основы культуры, не только традиционной, которых на Востоке много (на Ближнем, Дальнем Востоке), но и европейской. Любая культура основана на том, что есть правда и ложь, есть то, что можно, и то, что нельзя делать, а если между правдой и неправдой размывается граница, что легко делать с помощью Интернета, если непонятно, что можно делать, а что нельзя, где хорошо, а где плохо, тогда можно жить как угодно. Это вызов не только традиционным, но и всем культурам, в частности европейской.

В связи с глобализацией, новыми технологиями, которые сейчас активно развиваются, обсуждается идея трансформации, проектирования человека, его мозга, психики, телесности, трансчеловека, постчеловека и т. д. Мы думаем о том, как сделать так, чтобы человек не упал в пропасть, а, наоборот, взлетел с помощью того, что уже сделано. И приходим к выводу, что опираться нужно на то, что всегда делает человека человеком, чтобы не расчеловечиться, — использовать ресурсы традиционной культуры.

Традиционная культура существует в национальных формах, развитие невозможно без национальных форм культуры, национального государства. Национальные интересы — это защита, геополитические, экономические интересы и культура вообще. Все, что создает национальную идентичность, основано на культуре. Без культуры существование нации лишается всякого смысла. Поэтому, когда мы говорим о защите национальных интересов России, речь идет о защите российской культуры, науки, искусства, чтобы она не была подменена массовой культурой и шоу-бизнесом, что сейчас происходит повсеместно.

Вопрос заключается в том, как национальные культуры должны вести себя в подобной ситуации. Они не могут не быть включенными в процесс глобализации. Значит, нужно найти способы реагирования на этот процесс, потому что изоляция, самоизоляция бессмысленна, это гибель. Найти ресурсы, ответы на те вызовы, которые сейчас возникают. Удается это или нет — вопрос открытый. Разные культуры, разные регионы в этом смысле по-разному реагируют. Один из таких безрассудных способов реакции на глобализацию — международный терроризм, это новое явление (в таком виде его не было раньше) тоже продукт глобализации.

Для того чтобы человек выжил и чтобы на вызовы глобализации можно было ответить, нужно обращаться к культуре, использовать ресурсы традиционной культуры, но адаптировать ее к тому, что происходит сейчас. Разные культуры в этом смысле могут оказаться в различном положении. И, может быть, культуры, которые нам казались традиционными, смогут найти ресурсы, ответы на эти вызовы, которые в других культурах отсутствуют.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается известный американский журналист господин Томас Кент.

Т. КЕНТ: — Я хотел бы затронуть довольно узкий вопрос: может ли журналистская этика быть относительной? Существует ли международная этическая система, которая должна быть принята всеми журналистами, или это история и культура отдельной страны? Этот вопрос чрезвычайно важен в настоящее время, поскольку послания журналистов все больше пересекают международные границы. Должны ли журналисты стараться работать в соответствии с какими-либо международными нормами или писать исходя из своего национального и культурного контекста, не учитывая, как аудитория в другой части планеты будет относиться к этому материалу?

В своем докладе я обсуждаю этот вопрос в контексте одного из проектов международной организации «Online News Association» — «Do-It-Yourself Ethics Code» («Сделай сам свой этический кодекс»). Цель проекта — позволить журналистам, блогерам, журналистским организациям создавать кодексы, которые отвечают современным потребностям.

В результате двух лет работы участники проекта «Online News Association» пришли к выводу, что долж-

ны быть некоторые принципы, общие для всех журналистов. Хотя во многих вопросах честные журналисты из разных стран и принадлежащие к разным культурам могут расходиться. Среди обязательных принципов журналистов — пишите правду, исправляйте ошибки, избегайте конфликта интересов, который может нанести ущерб, в частности, корреспондентской работе. В то же время другие принципы могут отличаться в зависимости от стран и культур.

Проект помог сформулировать более 40 вопросов, по которым журналисты могут придерживаться разных мнений. Например, может ли журналист-расследователь скрывать свою личность? И должен ли он откровенно называться журналистом? Когда журналист берет интервью у официального лица, может ли он предоставлять ему заранее список вопросов, которые будет задавать? Может ли журналист называть имена людей, обвиняемых в совершении преступлений, до вынесения обвинительного приговора? Особенно в цифровом журналистском пространстве (Михаил Соломонович об этом знает) все чаще возникают новые этические проблемы. В каких условиях новостные организации будут удалять статьи и фотографии из своих онлайн-архивов? Как проверить подлинность фотографий и видео, которые появляются в Интернете? Этические кодексы будут отличаться у разных журналистских организаций. У моего агентства «Ассошиэйтед Пресс» есть свой этический кодекс, конкретный и неотносительный.

Любая журналистская организация должна тщательно обдумывать свой этический кодекс, обеспечивать его соблюдение и четко излагать свое мнение читателю. Общество имеет право быть в курсе этических убеждений тех, кто готовит новости, которые оно читает.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Чжан Дюнь Юн.

ЧЖАН ДЮНЬ ЮН: — Я представляю Национальный университет путей сообщения (Китайская Народная Республика). В своей деятельности мы пытаемся улучшить функционирование и транспортную инфраструктуру. Кроме того, мы реализуем проект так называемого Шелкового пути с целью улучшения сообщения между нашей страной и Европейским Союзом. Китай имеет довольно разветвленную сеть скоростных железных дорог, стремится обеспечить более быстрый способ путешествий по суше. Россия и Китай могли бы расширить свое добрососедское сотрудничество в этой области, если ваша страна будет активно участвовать в этой программе.

В 2013 году президенты Китайской Народной Республики и Российской Федерации встречались шесть раз, что редко бывает в дипломатической практике. Китайский президент Си Цзиньпин также приезжал в Москву для участия в праздновании 70-летия Победы.

Начиная с 2000 года Китай и Россия стараются полностью закрыть вопросы, связанные со спорными приграничными территориями. Китай и Россия понимают, что если между странами установится мир и сложатся

добрососедские отношения, сотрудничество, обе страны выиграют от этого, поскольку получают значительный стимул для развития, основывая сотрудничество на экономических интересах. У наших стран взаимодополняющие экономики: Китаю нужны природные ресурсы, Россия богата ими, поэтому обе страны могли бы выиграть от расширения сотрудничества.

После того как распался Советский Союз, в Центральной Азии образовалось несколько независимых государств. Но не все из них эффективно развиваются. Проект «Шелковый путь», разрабатываемый в нашем университете, призван помочь развитию этих стран. Этот проект, помимо того что он соединит Китай с Европейским Союзом, как сказал господин Си Цзиньпин, должен охватить и центрально-азиатские республики (которые тоже могли бы получить выгоду и активно участвовать в этом проекте). Университет предоставляет платформы для обсуждения, изучения новых идей, дополнительных наработок в рамках данного проекта. Мы стараемся разрешить существующие открытые конфликты на всей протяженности «Шелкового пути». Для этого необходимо образовать ряд центров вдоль этого пути и дополнительно оснастить их, обучить людей, которые будут обеспечивать их функционирование, улучшить коммуникации между ними.

Такой экономический проект позволит решить много других проблем, напрямую с ним не связанных. В частности, он активизирует интерес к изучению русского языка. В Китае все больше людей изучают русский язык, и русские студенты проявляют большой интерес к китайскому языку. Это один из примеров того, как в нашей совместной деятельности конкретный проект способствует развитию разных отраслей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется замечательному российскому журналисту Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ¹: — В своем выступлении я в первую очередь отреагирую на то, что услышал здесь. Итальянский коллега сказал, что, может быть, нужно выработать единую мифологию и по ней всем жить непротиворечиво. Единую мифологию уже давно и активно вырабатывает телевидение. Я против того, чтобы существовала единая мировая и даже единая европейская идеология или мифология, ибо ясно, кем она создается и кому она навязывается — всем остальным, в том числе и России. Именно поэтому я отношусь к тем, кто (вопреки мнению Генри Резника) выступает за выход России из Совета Европы. А телевидение в этом смысле особенно важно, ибо оно по-прежнему остается самым мощным и влиятельным СМИ. Интернет не вытеснит телевидение, поскольку способ рас-

¹ Декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор и ведущий программы «Что делать?» (телеканал «Культура»). Автор ряда научно-публицистических и учебных работ, в т. ч. книг: «Русская политика и политики в норме и в патологии: Взгляд на события российской жизни, 1990–2000», «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» (сборник статей), «Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики». Лауреат премии ТЭФИ, премии «Золотое перо» Союза журналистов России, кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание».

пространения информации, сигнала — не самое важное. Важно, что передается, то есть тексты и «картинка». А они создаются как раз телевизионщиками и по законам телевидения.

Современные глобальные вызовы и национальные интересы — так звучит тема Лихачевских чтений. Национальные интересы — довольно двусмысленный термин. Если понимать национальные интересы как интересы разных стран, то одним из главных глобальных вызовов современности являются национальные интересы некоторых других стран (во всяком случае в той трактовке, в которой они эти интересы истолковывают). В первую очередь это относится к национальным интересам США, которые почему-то обнаруживаются в любом уголке мира. Или, например, национальные интересы Канады, маленького по численности населения государства. Какие «свои национальные интересы» имеет это государство в Европе? Абсолютно никаких, но тем не менее Канада входит в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Или обратная ситуация: каким образом Северная Корея угрожает национальным интересам любой западноевропейской страны? Никак. Однако они почему-то регулярно говорят об опасности, исходящей от Северной Кореи. Я, разумеется, не говорю, что в Северной Корее все замечательно и мне нравится тот политический режим, который там царит. Однако если кого это и затрагивает, то только самих корейцев, Южную Корею, пограничные страны, но уж никак не Западную Европу. И речь по существу идет о том, что западные страны взяли себе за правило вмешиваться в чужие дела, а все остальные почему-то это терпят на протяжении уже десятков лет.

Кроме того, я хотел сказать несколько слов о неравенстве стран. Солидарен со многими положениями, высказанными Петром Дуткевичем, о государственном суверенитете и т. д. Надо прямо признать, что наблюдается абсолютное неравенство стран при многократном повторении того, что все страны равны. В ООН входят уже около или чуть более 200 стран. В такой ситуации всегда возникает иерархия, ибо совершенно исключено, чтобы при таком количестве формально суверенных стран все они были реально равны и равноправны. Но если бы эта иерархия учитывалась, была бы официальной (своеобразный табель о рангах), это было бы честно. И декларациями о равенстве не прикрывалось бы реальное неравенство, а точнее говоря, подчиненность одних другим.

Меня в этом смысле не устраивает ООН, хотя я понимаю ее важность для России до того момента, пока не будет найдена новая модель универсальной международной организации.

Кстати, якобы равенство всех формально суверенных стран, в том числе и членов ООН, не мешает, например, США составлять свой табель о рангах и объявлять одни страны «цивилизованными» и добропорядочными, а другие нанизывать на «ось зла».

Я, кстати, тоже считаю, что существуют «вредные» страны. И в первую очередь это те, которые распространяют свои законы и нравы на других или прямо

вмешиваются во внутренние дела и конфликты в других странах, в том числе и непосредственно вооруженным путем. Когда громко жужжащие и больно кусающие насекомые летают далеко от тебя, тебе все равно, есть они или нет. Но ты понимаешь, что они нужны для сохранения биологического разнообразия мира. А вот когда эти насекомые начинают проникать в твой дом, это уже вредные насекомые.

Я представляю такую идеальную ситуацию: раз в году коллективное собрание ученых мужей, например академиков, из разных стран составляет список стран, проводящих вредную по отношению к другим политику. Это было бы полезно, кстати, и для журналистов. Меня всегда умиляет, когда журналисты в своих хартиях (я сам профессиональный журналист и по образованию, и по роду деятельности) на сходке человек в тысячу после долгих дискуссий приходят в конце концов к выводу о том, что надо писать правду. Меня этому мама учила в детстве, даже когда не подозревала, что я буду журналистом.

Мы сегодня время от времени упоминали о войнах. С одной стороны, никто не признается в любви к войне, с другой — никто даже гипотетически не ставит вопрос о том, нужны войны или нет. Между тем история человечества — это история войн. И надо думать, это не случайно. Я считаю, что половина конфликтов, которые происходят на Земле, развязана посторонними лицами, в частности теми, кто сует свой нос в дела других стран. И этих войн можно было бы избежать. Но другой половине военных конфликтов лучше дать произойти и завершиться чьей-либо победой. Некоторые войны быстрее и с меньшими жертвами разрешают проблемы, чем это случается тогда, когда в их разрешение вмешиваются доброхоты, в частности из Европы, которая, между прочим, и разожгла все мировые войны, известные человечеству. И вот внуки этих поджигателей мировых войн учат остальную мир, как нужно бороться против войны.

Интересно было бы провести конференцию на тему, можно ли изжить войны вообще. Война есть предельная стадия кризиса, которого не избежать. Но нужно ли все войны относить к числу плохих и тем самым ставить перед собой задачи, которые в принципе нерешаемы? В своих, часто ложных, пацифизме и миролюбии современные государства, в первую очередь западные, поскольку они самые мощные и самые вооруженные, лицемерно минимизируют свое военное вмешательство с помощью государственных армий, но максимизируют с помощью частных армий. Еще один пример лицемерия под маской благочиния. В настоящее время Запад уже возродил фактически средневековые частные армии, действуя их руками при формальном невмешательстве или даже «миротворчестве».

Всеми этими реальными и честно поставленными проблемами и нужно заниматься тем, кто озабочен вызовами, брошенными миру (во всех смыслах этого слова) нашим временем, а точнее и чаще всего — конкретными субъектами мировой политики.

Я против ханжества и лицемерия при описании, освещении и анализе международных событий. Понимаю, что трудно призывать мужчин, готовящихся пой-

ти в стриптиз, к моральному поведению, — я имею в виду мировое сообщество, которое привыкло жить таким образом. Тем не менее нужно хотя бы теоретически однажды попытаться честно обсудить некоторые проблемы и глобальные вызовы и тех, кто эти проблемы создает и эти вызовы бросает.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, Ваше выступление должно быть осмыслено. На трибуну приглашается профессор Каирского университета госпожа Нурхан Эль-Шейх.

Н. эль-ШЕЙХ: — Нас очень интересует тема, которая обсуждается на Лихачевских чтениях. В настоящее время мы можем говорить о противоречии или конфликте интересов, а не цивилизаций — так мы понимаем возникшую сегодня напряженность. Конфликт интересов вызван американской стратегией, которая базируется на трех столпах.

Первый столп — США хотят контролировать все энергетические ресурсы, их перемещение и выйти на все энергетические рынки в качестве основного конкурента. Это проявляется и в наращивании их присутствия в Каспийском море, на Ближнем Востоке, даже на юге Китая — в Южно-Китайском море, куда они собираются прийти.

Второй столп — с точки зрения Америки интересы оправдывают многие конфликты, включая конфликт на Ближнем Востоке, откуда я приехала. Возможно, некоторые могут объяснить этими причинами и то, что произошло на Украине, поскольку там они расширяются на восток Европы. Своего рода это расширение американского доминирования, в частности военного. Этот процесс также предполагает создание дополнительного ракетного щита, который направлен, в частности, против России. Все это создает дилемму безопасности. Они стараются увеличить свою мощь, силу, но другие страны в противодействии должны также повышать свою обороноспособность.

Третий столп — это продвижение демократии (в понимании США) и прав человека. Этот лозунг они продвигают, в частности, используя технологии цветных революций. «Арабская весна» охватила ряд арабских стран. Эти революции были призваны защищать права человека, демократию, но уже разрушили три страны в арабском мире: Ливию, Сирию и Иорданию. Они мешают нам отстаивать наше основное право — жить и развиваться в мире. Более 2 млн иракцев погибли в результате военного вторжения. Я не думаю, что это было сделано с целью защиты прав человека.

Наконец, в глобальном плане стратегия, которую продвигают США, приводит к разделению мира на два лагеря. Одна группа стран согласна с подходом, что США помогают им, поэтому не возражают против их гегемонии. Другая группа государств продолжает сопротивляться, будучи несогласной с таким доминированием, они хотят жить в мире для всех. Защищая свои национальные интересы, свою культуру, Россия, Китай и многие другие страны стараются отстаивать свои интересы, несмотря на очевидное давление. Мы должны позволить развиваться нашему народу и населению со-

седних стран так, как они хотят, а не как им диктуют из-за океана. Мы должны создать такую систему, которая позволит развиваться всем. Поэтому участие в данном форуме представляется очень важным.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Ежи Вятру.

Е. Й. ВЯТР: — Прежде всего я хочу сказать, что счастлив находиться в России в дни празднования Великой Победы, считаю это нравственной обязанностью. Мы, поляки и россияне, живем в особый период нашей общей истории. Впервые на протяжении многих столетий между Польшей и Россией нет конфликтов национальных интересов, и я хотел бы это подчеркнуть. В интересах Польши иметь хорошие стабильные отношения с Российской Федерацией, поэтому мы должны восстановить их.

Второй момент, напрямую связанный с темой нашей конференции, касается национальных интересов. Национальные интересы приводят к конфликтам: то, что входит в интересы одной нации, необязательно находится в пределах интересов другой страны. Это естественный закон международной политики. Такого рода конфликты могут быть разрешены на основе компромиссов.

Единственный способ выйти из кризиса на Украине, о чем уже говорилось и в польских, и в российских источниках, — прийти к компромиссу. Если кто-то полагает, что одна страна может навязать свою волю другой, то это наивная и опасная точка зрения.

Взаимоотношения, основанные на национальных интересах, сложны, но это гораздо лучше, чем идеологические конфликты, которые мы наблюдали раньше. Идеологические конфликты во времена холодной войны были фундаментально важны. Президент США Джордж Буш говорил, что это была борьба за души человечества. И в данном случае уже трудно прийти к согласию и примирение невозможно. Холодная война завершилась глубокой переоценкой и пересмотром идей, еще до того как лидером стал президент Горбачев (я считаю, что президент Горбачев за это заслуживает Нобелевскую премию).

Существует одна форма преследования национальных интересов, которая очень опасна, — установление мира гегемонии. Это означает, что одно государство может диктовать свою волю любому другому, что глубоко противоречит национальным и общим интересам. Я оптимист, поэтому надеюсь, что гегемонистские тенденции не победят.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю к микрофону нашего гостя из Вашингтона господина Ахмада Иравани.

А. ИРАВАНИ: — Я хотел бы поблагодарить всех, кто организовал эту конференцию, в частности Александра Сергеевича и его коллег. Разумно предложить человеку, занимающемуся религией, выступить в конце пленарного заседания (поскольку такие люди накапливают знания, пытаются проанализировать их и вынести уроки).

В своем выступлении я хочу затронуть тему национальных интересов, которые представляют собой вызов и ставятся под сомнения. Концепция национальных интересов является источником противоречий с тех пор, как она стала популярной. Понятие «национальные интересы» перестало определять цели внешней политики государства. Существуют разные трактовки этого понятия.

В течение XX века менялись ситуация, внешняя политика государств. Необходимо учитывать глобальные трансформации последних двух десятилетий, которые полностью изменили картину мира. Например, появление новых действующих лиц, которые требуют идентификации как участники процесса, пытаются представить свои национальные интересы, особенно это характерно для Ближнего Востока и Африки, где возникают новые явления и движения. Все это представляет развитие понятия «национальные интересы». Это новый уровень сложной картины современного мира. Новые центры считают, что должны отстаивать свои интересы. Мы занимаемся изучением вопросов, как религия стала важной составляющей, во многом определяет теперь национальную политику, в частности внешнюю политику различных государств, какую роль она играет и что нужно учитывать в связи с этим.

В моем докладе дается определение концепции национального интереса. Все определения этого понятия являются традиционными, но они различаются, потому что в разной степени учитывают новшества, изменения, которые происходят на международной арене. Также описываются четыре основных вызова, которые стоят перед нами и касаются национальных интересов. Во-первых, речь идет об эрозии территориальных границ государства, национальном, наднациональном и сверхнациональном уровнях власти. Во-вторых, сегодня мы живем в информационную эпоху, которая отличается по скорости и объему обмена информацией, используются новые технологии. В-третьих, климатические изменения также влияют на эту проблематику и представляют своего рода вызов. В-четвертых, развитие экстремизма в разных частях мира влияет на все остальные аспекты. Этот феномен уже не ограничивается конкретной страной или регионом и пересекает границы, он расширяется в своем влиянии и охватывает все больше стран. Также терроризм приводит к возникновению новых войн, расширяет военное противодействие целого ряда стран и влияет на другие вызовы.

Терроризм в последнее время представляет собой серьезную угрозу и вызов, поскольку террористические атаки, которые мы наблюдали, уже не единичны, а цикличны. Это делается, как заявляют инициаторы терактов, в интересах религии, отстаивания религиозных взглядов. И те, кто участвует в терроризме, пытаются подвести под это идеологическую основу, которая позволит им оправдать жесткие методы воздействия.

В докладе я также пытаюсь осмыслить новый источник конфликта: как можно использовать религию — как источник конфликта или мира, чтобы предотвратить проявления терроризма и оправдать тем самым

исламские страны и сообщества. Я желаю великой России процветания, мира и успехов!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Георгию Борисовичу Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Лейтмотив сегодняшних выступлений — сочетание глобального и локального. Я хотел бы сосредоточить ваше внимание на одном эффекте, в котором глобальная тенденция, наблюдаемая сейчас в развитых западных странах, на мой взгляд, не совпадает с тенденцией, которая распространена в России. Многие западные страны, субъекты экономики, организации изменили направление своей деятельности в сторону, отходящую от непосредственных целей коммерциализации. Возникло огромное число явлений, которые противоречат целям коммерциализации (я не говорю о волонтерстве, краудсорсинге или о том, что крупнейшие владельцы состояний, заработанных честным путем, отдают их на благотворительность, а не на свою семью), например санкции против идейных противников. Наблюдение за этим процессом позволяет сделать вывод о том, что экономики западного мира отходят от коммерциализации и склоняются к некоммерческому результату.

Что происходит в России? В нашей стране процесс пока идет в обратном направлении. Переходя в 1990-х годах к рыночной экономике, мы поставили коммерциализацию в центр. Вокруг этого центра и продолжают вращаться наша экономическая практика и экономическая теория. Деньги как процесс — исходная точка и результат. Такая точка зрения на экономику, как мне кажется, должна быть преодолена.

И в этом аспекте совпадение глобальной и локальной тенденций является желательным. Теоретическим основанием для этого является мониторинг — теория, согласно которой и фактор, и результат измеряются деньгами, что позволяет сопоставлять разные вещи. Это очень удобно и стало причиной формирования многих моделей, теорий и практических рекомендаций.

Что можно противопоставить или, точнее, что может отчасти заменить мониторинг? В поисках этого направления науки обращается, тем более в стенах этого Университета, к культурологии. У меня есть мечта (и мне кажется, что она не так уж далека от воплощения) — чтобы культурология стала средством измерения результатов труда. Не цена как количественное коммерческое выражение, а ценность. Этот сложный вопрос не решается просто голосованием, рынком. Но в сочетании таких явлений, как общество, государство, хозяйствующие субъекты и другие участники экономической деятельности, мы можем рассчитывать на то, что культурология станет тем самым фундаментом, на котором будет построена и новая экономическая теория, и новая экономическая практика. Я надеюсь, что здесь, где неоднократно выступали выдающиеся мыслители, произойдет рождение новой экономической теории — культурономики, которая соединяет культурологию и экономику.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, пленарное заседание подошло к своему завершению. Завтра дискуссии продолжатся: мы, лучше узнав наши позиции, будем дискутировать на секционных заседаниях. Думаю, что это будет способствовать успеху Лихачевских чтений. Спасибо!

Секция 1

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЖИЗНЕННОГО УСТРОЙСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ (“Is the West the best?”)

15 мая 2015 г. Конференц-зал гостиницы «Рэдиссон SAS»

Руководители секции:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Д. АРДАКАНИ	президент Академии наук Исламской Республики Иран, доктор философии, профессор
М. А. МОРАТИНОС	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

В. А. Авксентьев¹

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК МОДЕЛЬ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Выбор оптимальной модели жизнеустройства России в XXI веке существенно отличается от постановки проблемы в первое постсоветское десятилетие. Идеологию 1990-х годов выразил писатель и философ И. М. Клямкин, утверждавший, что «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код»². Этот тезис является одним из наиболее цитируемых в современной российской *цивилизациологии*, чаще всего в критическом ключе, однако после распада СССР он был очень популярен в разном терминологическом оформлении. Эта идея представляется сегодня важной с двух точек зрения. Во-первых, это признание самостоятельности российской цивилизации, наличия некоего «цивилизационного кода». Во-вторых, это негативное отношение к этому «цивилизационному коду» и сформулиро-

ванное в императивной форме предложение отказаться от собственного цивилизационного кода или, говоря современным языком, от своей идентичности.

В первое десятилетие XXI века отношение к проблеме существенно изменилось. Стало очевидно, что избранная подражательная модель не оправдалась. Она не просто не реализовалась во внутреннем жизнеустройстве. Попытка стать частью Запада хотя бы в качестве «периферийной цивилизации», «цивилизации-спутника» не была воспринята самим Западом, который по-прежнему рассматривал Россию в качестве чуждой цивилизационной субстанции. Этот культурологический факт выражается как в традиционном наборе стереотипов и клише о России, так и в широком спектре предложений по «выправлению» ситуации, чтобы Россия стала «нормальной» западной страной. Примечательно, что отношение элитных групп Запада к России определяется не столько их плохой информированностью или устойчивостью шаблонных предубеждений, сколько их осознанным отрицанием всего связанного с Россией, воспринимаемой как страна не только чуждая им в культурном и ценностном смысле, но и проводящая политику, ущемляющую интересы Запада³. При всей значимости геополитического фак-

¹ Директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы», «Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем?» (в соавт.), «Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе» (в соавт.), «Российская цивилизация: в поисках идентичности» (в соавт.) и др. Вице-президент Международной ассоциации конфликтологов.

² Цит. по: Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 1995. С. 21.

³ Вайнштейн Г. Рациональное и иррациональное в восприятии России Западом // Агентство политических новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/print10945.htm> (дата обращения: 11.04.2014).

тора современный раскол между Россией и Западом имеет глубинное социокультурное основание, и поиск альтернативной модели развития начался более чем за десятилетие до геополитического кризиса, вызванного событиями вокруг Украины.

Справедливости ради отметим: ведущие западные эксперты понимают, что выведение России за скобки западного мира не отвечает его интересам. «Если Западу не удастся заключить долгосрочный стратегический союз с Россией, то это может обернуться для него глобальной изоляцией», — отмечал З. Бжезинский в 2012 году¹. Тем не менее развитие глобальной ситуации с конца 2013 года в контексте разрастания украинского кризиса показало, что Запад продолжает действовать в русле старых представлений о месте России в мире и исходящих от нее «угроз», столь красочно описанных в предшествующих работах З. Бжезинского². Сам американский политолог также остался в рамках привычного дискурса крайнего русофоба, рассуждая, например, о том, что если Президент России Владимир Путин решит напасть на Латвию и Эстонию, российский войска могут занять Ригу и Таллин за один день³.

Американский антрополог и социолог А. Смит отмечает: «самое плохое и для России, и для Запада — позволить геополитическому конфликту раскрутить спираль, которая через экономические санкции, политические запреты и культурную изоляцию приведет к размежеванию, которое можно будет обозначить как межцивилизационный раскол»⁴. То, о чем предупреждает А. Смит, уже произошло. Однако геополитический конфликт не породил, а перевел в манифестное состояние межцивилизационный конфликт.

Для России императивом ее дальнейшего развития становится новое обретение себя в современных геополитических условиях. Ширятся ряды евразийцев, точнее, неоевразийцев, которые смотрят на ситуацию не с метафизических позиций классического евразийства, а в контексте постмодерна. Европа медленно, но неуклонно теряет импульс развития, центр экономического роста так же неуклонно перемещается в Азию, и «промежуточное» положение России из источника маргинализации превращается в преимущество. При этом России придется отказаться от некоторых стереотипных представлений о Южной Азии, в частности об Индии и Китае, как о странах, способных развиваться только на основе использования за-

падного опыта. Эти страны предложили вполне удачные модели гармонизации традиционализма и модерна и развития на основе собственной культурно-цивилизационной матрицы.

Кроме того, становится все более очевидно, что социальные системы, основанные на коммунитаризме, имеют долговременные преимущества перед системами, основанными на индивидуализме. И если мы действительно имеем дело со столкновением цивилизаций, то его контуры все более зримы: общества, основанные на взаимной связи и ответственности людей, граждан, с одной стороны, и государства, общества — с другой, в которых культурой и идеологией предусматривается возможность подчинения индивидуальных интересов общественным, более жизнеспособны в исторической перспективе, чем общества, зжидущиеся на абсолютизации личной свободы, идеологии «усыхания государства», от которой в последние годы отказываются по причине несоответствия реалиям. Сдвиги в гендерной ситуации на Западе (от регистрации и даже церковного оформления однополых браков до предложений легализовать инцест) перестали выглядеть как экзотические выходки отдельных экзальтированных либералов и скорее укладываются в концепт мейнстрима.

Россия, опять же в силу ее транскультурного положения, демонстрирует обе тенденции, что позволяет абсолютизировать одну из них для «доказательства» доминирования западного или незападного вектора ее развития. Противоречивую ситуацию в общественном сознании показывают и социологические исследования⁵.

Таким образом, Россия находится в ином социокультурном пространстве, чем Европа. Различия не носят ситуационный характер и не вызваны геополитическим столкновением вокруг Украины. Это экзистенциальное различие, порожденное различием в социокультурных матрицах России и Запада, лишь обостренное до предела украинской катастрофой 2013–2014 годов. Поэтому провалы в политической коммуникации с европейскими контрагентами имеют долговременный характер и являются манифестацией ценностных различий Европы как части Запада и России как части не-Запада. России предстоит обрести свою самость в меняющемся мире, обрести свою новую цивилизационную идентичность и на этой основе вести диалог с западной цивилизацией как равноправным партнером.

¹ Brzezinski Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. Basic Books, 2012. URL: http://royallib.ru/read/Brzezinski_Zbigniew/Strategic_Vision_America_and_the_Crisis_of_Global_Power.html#275215 (дата обращения: 07.07.2014).

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Междунар. отношения, 2009.

³ Бжезинский: Путин может занять Ригу и Таллин за один день. URL: <http://gordonua.com/news/worldnews/Bzhezinskiy-Putin-mozhet-zanyat-Rigu-i-Tallin-za-odin-den-62578.html> (дата обращения: 09.03.2015).

⁴ Anthropologist: Bronze Age offers lessons for Ukraine // Cornell Chronicle. 2014. June 10. URL: <http://www.news.cornell.edu/stories/2014/06/anthropologist-bronze-age-offers-lessons-ukraine> (дата обращения: 24.10.2014).

⁵ См., например: Россия — страна левого индивидуализма // Независимая газета. 2014. 17 июня. URL: http://www.ng.ru/ editorial/2014-06-17/2_red.html (дата обращения: 18.06.2014).

Ф. А. Асадуллин¹

МЕГАПОЛИС КАК ЗЕРКАЛО ГЛОБАЛИЗАЦИИ: АВТОХТОННЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА

Сложные и неоднозначные процессы, происходящие в современном мире, свидетельствуют о том, что человеческая цивилизация на наших глазах претерпевает качественные изменения, приблизительный результат или итог которых (если исключить эсхатологические прогнозы) сегодня вряд ли кто-нибудь способен предугадать. Возникшая на стыке тысячелетий новая глобальная социальная реальность характеризуется активным, «броунообразным» взаимопроникновением разных культур, религиозных и национальных традиций, что дает повод говорить об эволюционной неопределенности дальнейшего развития человеческого общества. Этот мир, который иногда из-за существующих катаклизмов называют турбулентным, все более приобретает черты мира конкурирующих цивилизационно-ценностных моделей. Каким образом и в какой форме эта конкуренция (которую некоторые исследователи образно называют «фехтованием цивилизаций») в обозримом будущем будет осуществляться, сегодня сказать трудно. Однако очевидно, что доминировавшая до недавнего времени европейско-христианская ценностная модель, которая исторически сложилась в большинстве стран Запада, знакомясь с миром исламских, ибероамериканских или буддистско-конфуцианских ценностей, определит как контуры будущего мироустройства, так и ход человеческой истории в XXI веке.

Еще в первой половине прошлого века выдающийся русский востоковед С. Ф. Ольденбург отмечал, что «об истории человечества можно будет только тогда говорить, когда в нее полноправно войдет история Востока». Для России, где проживает более 190 национальностей, это актуально, поскольку ускорившийся ход исторического развития сегодня несет угрозу потери исторической памяти и, как следствие, чувства преемственности с прошлым, которое во многом связано не только с Западом, но и с Востоком. Процессы урбанизации, происходящие во все расширяющих свои границы городских социумах, ярко обнажают это «фехтование цивилизаций», которое в городском пространстве можно наблюдать каждый день на примере столкновения (что не исключает взаимной адаптации) разных культурных и религиозных традиций, национальных обычаев и этических представлений. Мир, в котором мы живем, разительно отличается от мира

наших родителей и предков. Одним из важнейших его отличий является то, что впервые в истории более половины населения Земли живет в городах и мегаполисах, многие из которых имеют статус мировых центров человеческой цивилизации.

Мировые города (как преимущественная форма расселения людей) являются своеобразными аккумуляторами истории, в которых через длящийся веками диалог разных культур и религиозных традиций кристаллизуется архетип каждой известной нам цивилизации. Образ «вечного города», воссозданный Титом Ливием в его знаменитой «Истории Рима от основания города», — прекрасная иллюстрация истоков формирования европейской цивилизации, один из главных очагов которой почти три тысячелетия назад возник на Апеннинском полуострове. По мнению современных исследователей-урбанистов, города-лидеры — Париж, Лондон, Стамбул, Каир или Токио (с присущей им особой исторической родословной и столичной ментальностью) — являются исключительно эффективной формой территориальной организации человеческой жизнедеятельности². Любая столица — это в миниатюре вся страна. Москва как город, имеющий столичный статус и символическое значение в сознании каждого россиянина, в этом смысле не исключение. Ее многовековая история способна отразить глубину и особенности российской цивилизации, возраст которой не намного больше возраста российской столицы³. Согласно мнению видного российского историка Л. В. Милова, «Москва всегда была средоточием всех важнейших функций российского социума»⁴.

В последние годы научный интерес к историческому прошлому Москвы приобрел не только комплексный характер, но и принципиально иные, чем ранее, масштабы и измерение, что способствовало появлению десятка новых разножанровых исследований, публикаций и книг. Это можно объяснить открытием и привлечением историками и краеведами новых архивных источников и нарративов и расширением благодаря этому границ исследования указанной проблемы. Вышесказанное связано также и с изучением жизни и быта разных населяющих ее народов, в том числе мусульманских, или, по определению известного теоретика евразийства Н. С. Трубецкого (1890–1938), «евразийских магометан»⁵. Обращение к мусульманскому прошло-

¹ Советник председателя Духовного управления мусульман России и Совета муфтиев России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук, заслуженный деятель культуры Республики Татарстан. Автор более 100 научных публикаций по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и межрелигиозным отношениям, в т. ч.: «Ислам в Москве», «Очерк истории ливийской литературы, XIX–XX вв.», «Москва мусульманская», «Главная мечеть России», «Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации». Шейх. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга.

² Ланно Г. М. География городов. М., 1997. С. 17; см. также: Линч К. Образ города. М., 1982.

³ Михайлов С. В. Феномен столичных мегаполисов // Полития. 2002. № 3. С. 5–7; Петрова Е. В. Столичный мегаполис как движущая сила общенациональной модернизации: зарубежный опыт и российская специфика // Вестник российской нации. 2010. № 1–2. С. 128–140.

⁴ История России XVIII–XIX вв. / под ред. Л. В. Милова. М., 2006. С. 11.

⁵ Трубецкой Н. С. История. Культура, Язык. М., 1995. С. 424. Следует заметить, что наименование «магометанин»/«мусульманин» маркирует не только религиозную принадлежность к ис-

му Москвы подчеркивает одну из главных ее граней и особенностей как исторического многонационального города, способного отразить глубину и многообразие российской цивилизации, специфику ее становления и происходящих в ней эволюционных процессов. Современная столица Российского государства представляет собой многослойное социальное образование, которое несет отпечаток разных эпох и одновременно является источником формирования проверенных временем духовных ценностей, где сосредоточено огромное историко-культурное наследие и хранится историческая память евразийских народов, издавна ее населявших и живущих поныне.

Средневековая Москва включала различные культуры евразийских народов расширяющего свои границы государства, а также его восточных и западных — далеких и близких — соседей: греков, поляков, сербов, итальянцев, немцев (в Средневековье под ними подразумевали практически всех западноевропейцев: голландцев, англичан, скандинавов), армян, мордвы, грузин. В Москве можно было встретить послов, представлявших «Чагатайский улус и Ливонский орден, южную Грузию и северную Каянскую землю, Ватикан и Венецианскую республику, Датское королевство и ганзейские города, императора Священной Римской империи и турецкого султана»¹. По словам известного французского литератора и путешественника маркиза А. де Кюстина (1790–1857), «гостеприимные обычаи древней Азии и изящные манеры цивилизованной Европы назначили здесь друг другу свидание»². Результаты этого «свидания» людей разных национальностей и духовных традиций, о чем подробно сказано дальше, можно наблюдать по сей день.

Полиэтнический состав горожан определил и разнообразие конфессий, что, в свою очередь, отразилось на духовной жизни общества, особом облике города, включающем ряд социокультурных пластов и их специфическое функционирование на каждом этапе его исторического развития. Вместе с тем Москва всегда была (и остается) не только ареной важнейших исторических событий, но и центром притяжения десятков народов, принадлежащих к арабо-мусульманскому ареалу. «Историческая прописка» евразийских народов, этнически и духовно связанных с исламом, которых русская летописная традиция по разным источникам именовала «бесермены» (или «басурмане»), «половцы», «печенег», «сарацины», «агаряне», «измаильтяне», «турченя» или «татары» (понятие «татары», включая собственно казанских, крымских и касимовских татар, в XVI–XIX вв. было сводным и часто объединяло всех выходцев с Востока), началась, как показывают данные археологических раскопок, еще до образования Московского государства и тех населенных пунктов, которые со временем вошли в границы Москвы. Использование локаль-

ной московской микроистории способно, на наш взгляд, существенно дополнить либо прояснить отдельные эпизоды формирования российской государственности и таким образом повлиять на обобщения более «высокого» макроисторического характера³, что в целом подтверждает хрестоматийное замечание выдающегося русского историка Н. М. Карамзина: «Кто был в Москве, знает Россию». Актуальность этого тезиса подчеркивается тем фактом, что сегодня в Москве, в которой проживает около 10 % населения страны, как в фокусе, отражается многообразная действительность Российского государства с интенсивным характером социополитических и культурных изменений. На полиэтничность как неизменную константу российской истории, в эпицентре событий которой практически всегда была Москва, обращают внимание не только отечественные ученые, начиная с автора первой «Истории Российской» В. Н. Татищева (1686–1750)⁴ (живо интересовавшегося историей тюрков в связи с историей России), но и такие известные зарубежные исследователи, как А. Каппелер, Дж. Хоскинг и Э. Каррер д'Анкокс⁵.

Тезис о восточноазиатском характере столицы, брошенный в глаза многим отечественным и иноземным исследователям московской старины, сегодня в исторической науке благодаря современным открытиям получил подкрепление, создав условия для новых научных обобщений, прежде всего для понимания уникальности многонациональной российской цивилизации. «В сущности, Азия предчувствуется уже в Москве, — писал в 1926 году известный русский религиозный мыслитель и публицист Г. П. Федотов (1886–1951). — Европеец, посетивший ее впервые, и русский, возвращающийся в нее из скитаний по Западу, остро пронзены азиатской душой Москвы»⁶. Это важное наблюдение исследователя российской истории можно проиллюстрировать известными примерами из действительности прошлого и сегодняшнего дня столицы, например московской топонимикой, через века сохранившей практически все исконно «азиатские», вернее тюрко-мусульманские, наименования более десятка исторических улиц: Балчуг, Арбат, Таганка, Ордынка, Остоженка или Китай-город, а также несущими отпечаток Востока шатровыми храмами и другими образцами культовой и городской архитектуры.

Традиционные шатровые завершения башен Кремля послужили высотными ориентирами для начала строительства в 1947 году в Москве семи «сталинских высоток», что в результате оказалось, возможно, самым важным послевоенным достижением московского зодчества, сформировав общий панорамный вид столицы. Расположенный на Красной площади собор Василия Блаженного, который французский писатель Теофиль Готье (1811–1872) назвал «волшебное-невероятным»⁷, — зримый пример архитектурного

ламу как вероучению, но и принадлежность к определенному цивилизационному пространству, в историческом формировании которого важное место наряду с верой принадлежит внерелигиозным факторам, связанным с культурой, политикой, вековыми традициями организации хозяйственной жизни и быта.

¹ Подробнее об этом см.: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

² *Кюстин А. де.* Николаевская Россия. М., 1990. С. 14.

³ *Архангельский С. И.* Локальный метод в исторической науке // *Краеведение.* 1927. № 2. С. 181–194.

⁴ *Татищев В. Н.* История Российская. М.: Л., 1962. С. 271–274.

⁵ *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. М., 1997; *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000; *Каррер д'Анкокс Э.* Евразийская империя. М., 2007.

⁶ *Федотов Г. П.* Три столицы // *Новый мир.* 1989. № 1–2. С. 209–217.

⁷ *Готье Т.* Путешествие в Россию. М., 1988. С. 219.

влияния (прямого либо опосредованного) арабо-мусульманской культуры в историческом облике Кремля и в целом Москвы. «Золотая дремотная Азия опочила на куполах» — эти строки С. Есенина, возможно, навеяны великолепием этого храма, возведенного в честь завоевания Казани. Построенный сто лет назад в мавританском стиле знаменитый особняк купца Арсения Морозова на Воздвиженке (где в советское время располагался Дом Дружбы) есть не что иное, как перенесенная на московскую почву копия знаменитого замка Синтра (рядом с Лиссабоном), когда Иберийский полуостров входил в состав Арабского халифата. Образами Востока наполнена архитектура исторического здания Константинопольского подворья на углу Петровского бульвара и Крапивинского переулка, которое украшено мусульманскими узорами, или фасада «Чайного дома» на Мясницкой, китайская символика которого сразу различима.

Как и любой европейский мегаполис, современная Москва представляет достаточно пестрое в этнокультурном плане образование с заметной составляющей азиатско-мусульманских народов, насчитывающих, по разным источникам, от 1,5 до 3 млн человек. Оглядевшись вокруг, легко заметить, что мусульманский Восток стал сегодня неотъемлемой частью столичной действительности и каждодневного бытия. Московские дворы, которые приводятся в порядок и содержатся в чистоте выходцами из бывших среднеазиатских республик, или московские мечети, пространство вокруг которых в дни исламских религиозных праздников заполняется мусульманской молодежью, — это новые, доселе неизвестные реалии московского быта XXI века. Магазины татарской кулинарии «Бахетле», сеть ресторанов узбекской и азербайджанской кухни «Чайхона № 1», «Бабай-клуб», «Павлин-Мавлин», «Хаям», различные турецкие и арабские точки общепита, число которых превысило несколько сотен, — еще один зримый, знакомый всем сегмент современной городской жизни.

В то же время, в отличие от других европейских столиц, где феномен ислама в его социорелигиозном и культурном проявлениях масштабно возник только в последней четверти XX века, Москва как столица многонационального государства сама изначально была многонациональной и поликонфессиональной, во всяком случае тюрко-славянской и христиано-мусульманской. На эту особенность российской столицы, одновременно фиксируя сложные этнополитические и социальные реалии современной жизни много-

национального мегаполиса, обращают внимание западные исследователи Ширин Хантер¹ и Гордон М. Хаан², отмечающие возросшую актуальность глубокого и разностороннего исследования исламской составляющей в истории Москвы и России. В этих фундаментальных работах исламская проблематика рассматривается на широком историческом фоне и в контексте общей социально-исторической трансформации российского общества последних двух-трех десятилетий. Авторы признают, что исламский фактор в жизни Москвы и Российского государства в целом играет и будет играть долговременный и неоднозначный характер, являясь источником все новых вызовов.

В современной исторической урбанистике, являющейся междисциплинарной областью исследования и комплексно изучающей феномен городской среды, получили распространение концепции, авторы которых подчеркивают, что город — не просто социально-экономическое явление, но прежде всего духовный, культурный и психологический феномен, неразрывно связанный с особым самосознанием ее жителей и спецификой коммуникации в городской среде³. Изучение структуры социальных связей в средневековом городе и становление специфической ментальности, присущей его горожанам, целесообразно рассматривать вместе с историческим контекстом колонизации края или местности, где в результате разновременных миграционных потоков формируется прообраз или прототип главного города государства⁴.

Привлечение малоизученных и новых материалов о жизни мусульманских этносов столицы способно создать более объективную, адекватную картину бытования в ней народов, историческими и духовно-культурными традициями и корнями связанных с исламом и исламской цивилизацией в целом. Многослойность и многофакторность московской истории — возможно, ключ к пониманию синкретически сложной и противоречивой природы российской цивилизации в целом, исламская составляющая которой имеет в современной глобализирующейся действительности бесспорное научное, культурное и общественное значение. Прогнозирование будущего облика как самой столицы, так и Российского государства в целом без учета этномусульманского фактора сегодня представляется невозможным. В известном смысле бурно развивающаяся и раздвигающая свои границы Москва начала XXI века во многом моделирует завтрашний день Российского государства, одной из главных исторических характеристик которого остается многонациональность.

¹ Hunter Shireen T. Islam in Russia. N. Y., 2004.

² Hahn Gordon M. Russia's Islamic Threat. New Haven ; L., 2007.

³ Рейснер Л. И. Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада // Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен. М., 1990. С. 7–12, 34–35.

⁴ См.: Глазычев В. Л. Урбанистика. М., 2008.

Антон Беблер¹

О ПОЛИТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТАХ РУССКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

С 2013 года внутренний кризис на Украине является предметом пристального внимания международного сообщества. Вскоре разразился русско-украинский конфликт из-за Крыма и связанная с этим гражданская война на Юго-Востоке Украины. По существу, крымский конфликт отчасти напоминает другие конфликты на южной периферии бывшего Советского Союза в 1990-х годах — в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. История подчинения этих земель России насчитывает более двух веков. До того как эти территории попали под власть России, они подчинялись Османской империи. В XVIII–XIX веках эти территории вошли в состав Российской империи путем завоевания или самостоятельно присоединения. Эти исторические события имели не только политические, но и демографические, этнические, религиозные, лингвистические и культурные последствия, которые в значительной степени повлияли на происхождение и развитие пяти постсоветских конфликтов.

Экспансия Российской империи в Черноморский регион и на Кавказ была отрицательно воспринята западными державами — Великобританией, Францией и Австрией/Австро-Венгрией. Эта ситуация привела к прямой военной конфронтации в XIX веке, главным образом на территории Крыма. Непосредственным поводом для Крымской войны 1854–1855 годов послужил захват Россией двух дунайских княжеств. В январе 1854 года в Черное море прибыл британский и французский флот. После того как Россия отклонила ультиматум Британии, которая настаивала на выводе российских войск из Валахии и Молдавии (современные территории Румынии и Молдовы), Великобритания и Франция объявили России войну. В сентябре 1854 года почти 1 млн османских, французских и британских солдат высадились в Крыму и начал годовую осаду Севастополя. В январе 1855 года к коалиции присоединилось Королевство Сардиния. Антироссийская коалиция потеряла более 300 тыс. солдат, главной причиной смерти стал мор. В конце концов западные державы и османцы выиграли войну против России (которая потеряла приблизительно 400 тыс. солдат), разгромили российский Черноморский флот и разрушили крепость Севастополь. Но тем не менее они не смогли вытеснить Россию из Крыма. Все эти события происходили в геостратегических условиях, значительно отличающихся от тех, что существуют сегодня. Почти 160 лет спустя на Западе никто не ре-

шится осуществить подобную операцию против Российской Федерации.

После распада Советского Союза в декабре 1991 года бывшие советские государства стали развивать свои этнические, лингвистические и культурные особенности. На Украине произошло разделение населения на коренное, с одной стороны, и русскоязычное — с другой. При этом на территории Восточной и Южной Украины и в Крыму русскоязычное население составляло большинство. С самого начала Российская Федерация была косвенно, но ощутимо вовлечена в этот внутренний конфликт. Интенсивность этого участия в Крыму существенно увеличилась в 2013 году, достигнув к февралю 2014-го максимального уровня за счет прямого военного вмешательства. Ситуация на Украине во многом напоминает вооруженные конфликты с сербскими националистами, происходившие в Хорватии и Боснии и Герцеговине в 1991–1995 годах. Эти попытки были активно поддержаны Федеративной Республикой Югославия (Сербией и Черногорией). Сходство с событиями в бывшей Югославии основано на реализации национальной политики после окончания Второй мировой войны. В 1945–1946 годах неосведомленные о других, более успешных моделях федерализма новые югославские коммунистические правители почти скопировали Конституцию Советского Союза 1936 года и переняли главные особенности советского этнического федерализма. В конечном счете и советские, и югославские социалистические федерации потерпели неудачу и пережили несколько кровавых вооруженных конфликтов и войн. Текущий русско-украинский политический конфликт может быть рассмотрен как побочный продукт распада Советского Союза.

Историческая подоплека крымского конфликта

Испокон веков Крым находился под властью разных государств и империй и менее четырех десятилетий был независимым. Названия полуострова немного различаются в двух родственные восточнославянских языках — Крiм и Крым. Название произошло от тюркского слова *qırım* — так в XIII веке называлась столица области, которой управляла татаро-монгольская Золотая Орда. Другое название Крыма — Таврида — произошло от древнегреческого *Tauris/Taurica*. Топоним Севастополь, как и названия других старых городов (Симферополь, Феодосия и т. д.), также восходит к древнегреческому языку. Первыми жителями Крыма были тюрки и греки.

После завоевания Крыма Россией в 1783 году полуострову дали новое название — Таврическая губерния. Многочисленные войны, развитие в составе Российской империи, а затем СССР существенно изменили демографию, культуру, экономику и политику Крыма. Он пережил массовые казни, масштабное бегство и изгнание мусульманских татар и турок, снос мече-

¹ Профессор факультета общественных наук Университета Любляны (Словения), доктор политических наук. Посол, постоянный представитель Республики Словения в Организации Объединенных Наций (1992–1997). Автор ряда научных работ, в т. ч.: «Южная Европа и европейская безопасность», «Европейский Союз, НАТО и “арабская весна”», «Опыт федерализма в юго-восточной Европе и постдейтонской Боснии и Герцеговине», «Словения и политика безопасности Европейского Союза», «НАТО и транснациональный терроризм» и др. Президент Атлантического совета Словении.

тей и других исламских памятников и роспуск всех исламских учреждений. В XIX–XX веках русификация крымского населения сопровождалась масштабным переселением этнических русских из центральной и северной России, учреждением государственных школ, распространением русского языка как основного, обращением в христианство, а позже, в советские годы, — и распространением русскоязычных средств массовой информации и установлением коммунистического режима. К весне 1945 года из Крыма были высланы все представители татарского, греческого и болгарского меньшинств. Считается, что почти половина высланных крымских татар умерла во время или сразу после высылки в Среднюю Азию. В отличие от других высланных меньшинств, крымских татар в течение нескольких десятилетий не пускали на родину. Несмотря на то что по закону 1967 года они были реабилитированы, а с декабря 1991 года получили разрешение вернуться в Крым, тем не менее в получении компенсации за утрату собственности и смерть родственников им было отказано.

Законный статус Крыма с 1917 по 2014 год

Со времен краха Российской империи полуостров несколько раз менял название и официальный статус. Когда к власти в России пришли большевики, они изменили названия многих областей, городов, районов, кварталов, улиц и т. д. В соответствии с новой национальной политикой Иосифа Джугашвили (Сталина) предыдущее наименование «Малороссия» было заменено новым официальным названием «Украина». Как дружественный жест по отношению к Турции Кемаль Ататюрка предыдущее официальное название полуострова было заменено на более старое тюркское Крым. В октябре 1921 года Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика была объявлена единицей РСФСР. Новые название и автономный статус помогли выявить в Крыму наличие многочисленных нероссийских меньшинств. С 1922 года территория Крыма входит в Советский Союз, в пределах которого он оставался до его распада в декабре 1991 года. В 1945 году, после радикальной этнической чистки, Крым был лишен своего довоенного статуса автономии и стал обычной областью РСФСР. В том же году Украину, без территории Крыма, приняли в ООН.

Менее чем через год после смерти Иосифа Сталина, в феврале 1954 года, Президиум Верховного Совета СССР издал указ о передаче Крымской области РСФСР Украинской ССР. Передача официальной советской пропагандой была описана как символический братский жест в честь 300-летия присоединения Украины к Российской империи. Этот важный декрет президиума (а не федеральный закон и поправка к Конституции, принятая Верховным Советом СССР) дал сомнительное юридическое обоснование решению, фактически принятому Политбюро Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Декрет нарушал ст. 14 и 18 Конституции СССР, действующей в тот момент, в соответствии с которой требовалось формальное соглашение между советскими социалистическими республиками для любых изменений

границы. Верховный Совет СССР (а не президиум) мог подтвердить такое соглашение, но не был вправе самостоятельно принимать такого рода федеральный закон и поправку к Конституции. В случае с Крымом ни одна парламентская процедура не была соблюдена должным образом, не было проведено ни одной парламентской сессии, не было дебатов, не было принято и подписано ни одного соглашения. Кроме того, крымское население было лишено права выбора — соглашаться или не соглашаться с принятием нового статуса своей территории. Таким образом, передача Крыма Украине была незаконной.

Следующее изменение статуса Крыма произошло во время распада Советского Союза в 1990–1991 годах. После общеукраинского референдума в феврале 1991 года Крымская область вновь получила статус автономной республики, на сей раз в пределах Украины. Летом 1991 года в Крыму произошла попытка государственного переворота (пытались свергнуть Михаила Горбачева, который там отдыхал). Переворот, его последствия и референдум о независимости Украины 2 декабря 1991 года фактически решили судьбу СССР. На последнем референдуме никто не спросил жителей Автономной Республики Крым, хотели бы они после распада СССР остаться в составе Украины или желали воссоединиться с Российской Федерацией. Советский Союз распался 8 декабря 1991 года (соответствующий документ был подписан в ходе встречи глав Российской Федерации, Украины и Белоруссии). На этой встрече в Беловежской пуще российский лидер Борис Ельцин не ставил перед украинским лидером Леонидом Кравчуком вопроса о возвращении Крыма России.

26 февраля 1992 года Верховный совет Крымской АССР без согласия центральных украинских властей изменил официальное название территории на Республику Крым. 5 мая 1992 года крымский парламент объявил независимость Крыма и принял первую Конституцию. Под давлением Киева 6 мая 1992 года Крым стал частью Украины. 19 мая 1992 года провозглашение крымского самоуправления было аннулировано украинской Радой. В качестве компенсации Киев согласился усилить автономный статус Крыма. Ввиду этих юридических прерогатив крымский парламент, основанный 14 октября 1993 года, утвердил пост президента Крыма. 17 марта 1995 года украинский парламент аннулировал Конституцию Крыма, отправил в отставку президента Юрия Мешкова и распустил кабинет министров. Президент был обвинен в антигосударственных действиях, а также в пропаганде отсоединения Крыма от Украины и воссоединения с Россией.

Воссоединение Крыма с Российской Федерацией

Начиная с распада СССР в политических отношениях между Россией и Украиной выявилось много проблем. Основные вопросы были связаны со статусом Крыма, разделением советского Черноморского флота между двумя государствами, правом на российский Черноморский флот в Севастополе, использованием военных объектов в Крыму, а также с численно-

стью и статусом российских военнослужащих на территории Украины. В июне 1993 года Государственная Дума РФ приняла резолюцию, определяющую Севастополь как российский город. В 1996 году видный российский геостратег Сергей Караганов написал о возможном распаде Украины и поглощении ее части Россией. В 2008 году Министерство иностранных дел Украины выступило против массового распространения российских паспортов в Крыму, усматривая в этом проблему наряду с заявленной политикой России, которая не исключала возможности военного вмешательства для защиты своих граждан, живущих за границей. В августе 2009 года в Крыму вспыхнули антиукраинские демонстрации, люди обращались к России с просьбой действовать таким же образом, как в Южной Осетии и Абхазии во время войны с Грузией в 2008 году.

Подобные демонстрации и массовые волнения проходили в Крыму зимой 2013/14 года и достигли своего апогея сразу после переворота в Киеве 22 февраля 2014 года. 16 марта 2014 года мирно и организованно под защитой российской армии был проведен референдум. Тем не менее он отчасти не соответствовал высоким демократическим стандартам. Избирательный бюллетень содержал два вопроса, и только один положительный ответ считался действительным.

1) Вы поддерживаете воссоединение Крыма с Россией и новый статус Крыма как субъекта Российской Федерации?

2) Вы поддерживаете восстановление Конституции 1992 года Республики Крым и статус Крыма как части Украины?

Избирательный бюллетень не учитывал два других возможных варианта — Крым в составе Украины в соответствии с действующей конституцией или Крым как независимое государство. Нехватка времени не допускала проведения реальных независимых общественных дебатов по столь важной проблеме. Согласно информации крымского правительства, 81,36 % зарегистрированных избирателей приняли участие в референдуме Крыма, 96,77 % из них проголосовали за его отделение от Украины и воссоединение с Россией. Официальные данные об участии избирателей и их выборе не могли быть должным образом проверены наблюдателями ОБСЕ и, возможно, были преувеличены, чтобы узаконить вхождение Крыма в состав Российской Федерации.

Несмотря на многочисленные недостатки референдума, можно предположить, что русскоязычное большинство крымского населения, которое всегда поддерживало выход Крыма из состава Украины, действительно избрали путь воссоединения с Россией. Подобные настроения были вызваны глубокой неудовлетворенностью населения Украины решением экономических и политических вопросов, широко распространённой некомпетентностью властей страны и необузданной коррупцией как в Киеве, так и в Восточной Украине. В этом смысле настроения крымских русскоязычных граждан в основном совпали с настроениями этнических украинцев, а также тех, кто выступал против Майдана. Недалековидный законопроект

украинского парламента, отменяющий официальный статус русского языка как государственного в двенадцати восточных регионах, вызвал негативную реакцию у многих русскоязычных граждан на Украине (на закон скоро было наложено вето президентом Украины, и он не вступил в силу). Большинство русских в Крыму больше не хотели быть национальным меньшинством на Украине, подвергаться давлению со стороны властей и вынужденно использовать другой официальный язык. Кроме того, сторонники воссоединения с Российской Федерацией ожидали материального улучшения и повышения уровня жизни, принимая во внимание, по крайней мере, вдвое более высокую заработную плату в России и высокие по сравнению с Украиной пенсионные пособия. Таким образом, политический конфликт между новыми киевскими властями и большинством русскоязычных граждан Крыма был основан на языковых и экономических проблемах, которые в основном объясняют результат мартовского референдума на полуострове.

17 марта 2014 года Крым объявил свою независимость и попросил воссоединения с Российской Федерацией. 18 марта 2014 года в Москве было подписано соглашение о слиянии Крыма и Севастополя с Россией. Всего за пять дней Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» был принят российским Федеральным собранием, подписан президентом России и вступил в силу. Президент Владимир Путин, объясняя воссоединение Крыма с Россией, в качестве главного аргумента использовал право населения Крыма на самоопределение. Также приводилась история принадлежности крымских земель России. Действительно, Россия завоевала Крым и де-факто обладала им в течение приблизительно 168 лет — намного дольше, чем Украина (60 лет). В своем обращении к Федеральному собранию 4 декабря 2014 года президент Путин подчеркнул, кроме того, стратегическое значение полуострова и его культурно-историческое значение для России. В частности, приводился тот факт, что Великий князь Владимир принял христианство и был крещен в Крыму. Согласно президенту В. Путину, Крым важен для России, как Храмовая гора в Иерусалиме для последователей ислама и иудаизма. Кроме того, воссоединение с Россией в 2014 году отменило неконституционное и незаконное отделение Крыма от России, которое произошло шестьдесятю годами ранее. В отличие от военного вмешательства НАТО в события в Федеративной Республике Югославия в марте-июне 1999 года, разделение Крыма и Украины было проведено без жертв.

Согласно Конституции Украины проведение референдума 16 марта 2014 года и декларация об отделении Крыма были незаконными и неконституционными. Статья 73 Конституции Украины гласит: «Исключительно всеукраинским референдумом решаются вопросы об изменении территории Украины». Также известно, что большинство деклараций о независимости были неконституционными, включая Декларацию

независимости США 1776 года и позже Декларацию независимости Косово 2008 года. Однако Международный суд ООН в июле 2010 года пришел к заключению, что косовская декларация не нарушала норм международного общественного права. При этом в Крыму, в отличие от Косово, не потребовалось введения внешних войск для защиты населения, чтобы оно осознало свое право на самоопределение. Кроме того, русскоязычное большинство в Крыму относительно мирно выразило и осуществило это право в соответствии с п. 8 Хельсинкского заключительного акта. Две многочисленные группы меньшинств Крыма (украинцы и татары), очевидно, согласились с желанием русскоязычного большинства. Эти факты придают законность воссоединению Крыма с Россией. Опрос общественного мнения, проведенный компанией Canadian Berta Communication в январе 2015 года, подтвердил, что подавляющее большинство населения одобрило это воссоединение.

Гражданская война на Западной Украине

Между конфликтом в Крыму и событиями, которые привели к гражданской войне на Юго-Востоке Украины, существует прямая связь. Однако между этими ситуациями имеются и существенные различия. Новороссия и особенно область Донбасса были в экономическом плане наиболее тесно связаны с Российской Федерацией. В отличие от Крыма Новороссия по закону была частью Украины с 1921 года. В дополнение к общей неудовлетворенности волнения в Донбассе выявили региональные разногласия с киевскими центристами и сильную оппозицию украинским ультранационалистам и фашистам, которые организовали переворот в Киеве. Защита права на использование русского языка фигурировала в мотивации русскоязычных повстанцев в Донецке и Луганске. Так же как и в ситуации со швейцарским франком в Югославии в 1990–1991 годах, Запад оказал медвежью услугу государственной целостности Украины, когда правящие круги Запада открыто вмешались во внутренние дела Украины и поддержали одну из сторон в этом конфликте (в том числе вооруженных украинских ультра-националистов и неофашистов). Эта опрометчивая политика Запада усугубила конфликт и определила события, которые подорвали территориальную целостность Украины.

Воссоединение Крыма с Российской Федерацией внушило оптимизм русскоязычным повстанцам в Восточной и Южной Украине, которые, очевидно, надеялись, что Москва повторит тот же сценарий. В апреле 2014 года во многих украинских городах прокатилась волна массовых волнений. В Харькове, Донецке и Луганске были объявлены народные республики. Украинское правительство, вместо того чтобы принять политическое решение, приказало национальной армии и силам безопасности уничтожить «террористов» в Донецкой и Луганской областях. Это усугубило ситуацию, и локальные столкновения переросли в полноценную гражданскую войну. Артиллерийские и ракетные удары по населенным городским районам, главным образом украинскими силами, стали серьезным нарушением международного гуманитарного пра-

ва. К февралю 2015 года гражданская война на Юго-Востоке Украины затронула более 5 млн жителей, привела к гибели, по официальным данным ООН и ОБСЕ, 6 тыс. человек (реальное число погибших, вероятно, превышает 10 тыс.). Более 11 тыс. человек были ранены, количество беженцев достигло 1,5 млн, экономика страны полностью подорвана. Кроме того, гражданская война и ее последствия серьезно осложнили среднесрочные отношения между двумя крупными восточнославянскими странами — Россией и Украиной.

События на Юго-Востоке Украины отличались от событий в Крыму. Президент В. Путин инициировал два соглашения о перемирии, которые были достигнуты в Минске в сентябре 2014-го и феврале 2015 года. Он публично говорил о пользе реинтеграции Донбасской области в «общее политическое пространство Украины». Российские чиновники на высшем уровне одобряют федерализацию Украины и широкую автономию, предоставленную ее русскоязычным областям. Эти заявления указывают на вероятные стратегические намерения Москвы: 1) создание русскоязычной автономной области в составе Украины, но экономически, культурно и политически связанной с Россией; 2) запрет на вхождение Украины в НАТО. Очевидно, провинция Квебек в Канаде и Сербская Республика в Боснии и Герцеговине близки к модели, одобренной Москвой. Завершение военных действий и нормализация ситуации на Украине могут последовать только за политическим соглашением. Это решение должно быть компромиссным и затрагивать государственную структуру Украины, отношения между ее центральными учреждениями и областями и национальными меньшинствами, а также ориентировать Украину на долгосрочные экономические отношения, сохранение безопасности и регулирование внешней политики между Западом и Россией.

Русско-украинский конфликт и мировая общественность

Крымский конфликт и гражданская война на Юго-Востоке Украины получили широкий резонанс со стороны мировой общественности, которая, кроме двух непосредственно участвующих в данных событиях государств, включает и других важных игроков мирового пространства: ЕС, НАТО, ОБСЕ, ООН, США, Германию, Францию, Польшу и т. д. Российское правительство много лет открыто выступало против перспективы членства Украины в НАТО. Эта позиция России была известна западным лидерам, но проигнорирована ими.

В своей речи на объединенной сессии двух палат российского парламента 18 марта 2014 года президент В. Путин дал геополитическое объяснение воссоединения Крыма с Россией, обозначив главной ее целью предотвращение включения Крыма в Североатлантический альянс. Действия России в 2014 году, связанные с Украиной и Крымом, обусловлены в основном реакцией на действия ЕС и расширением НАТО на бывшем советском пространстве. Это следствие опрометчивого обещания членства в НАТО, данного правительством США (при Дж. Буше) Украине и Грузии. Другие чле-

ны союза тогда необдуманно поддержали Буша и согласились включить обещание в протокол Бухарестского саммита 2008 года. Вследствие этой опрометчивой стратегии США и НАТО в большой степени ответственны за кризис на Украине. В сентябре 2014 года НАТО косвенно признало свою ошибку, когда Декларация саммита в Уэльсе не дала повторного обещания Украине.

В 2014 году Соединенные Штаты и позже Европейский Союз в дополнение к другим политическим мерам ввели финансовые и другие экономические санкции против России. Применение санкций вызвало много вопросов. Истинные цели санкций никогда отчетливо не декларировались. Очевидно, среди них могли быть: а) реституция Крыма Украине; б) прекращение поддержки Москвой автономии на Юго-Востоке Украины и принуждение этих областей к принятию централизованной системы власти Киева; в) вынуждение Москвы согласиться на дальнейшее расширение ЕС и НАТО на постсоветском пространстве; г) смена руководства в Москве и «сковывание» непослушного российского «медведя». Президент В. Путин, очевидно, полагает (и, по-видимому, не без оснований), что кризис на Украине служил только предлогом, а главной и истинной целью американских санкций являлось свержение существующего российского правительства¹. Как ни странно, США, которые больше всех требуют введения санкций против России, уже имеют печальный опыт применения подобных санкций в отношении более слабой и уязвимой Кубы с целью ослабления режима Фиделя Кастро. Кроме того, западные санкции против России до сих пор не достигли и вряд ли когда-нибудь достигнут хотя бы одной из вышеупомянутых целей.

Было высказано много предложений по поводу того, какие меры нужно принимать в отношении Украины и русско-украинского конфликта. Некоторые западные источники попытались возродить холодную войну, рассматривая поведение России как угрозу для международной безопасности, международного права и даже либерального Запада. В более реалистических комментариях признается ошибка, совершенная НАТО, и высказываются предложения, чтобы Альянс гарантировал Москве отказ Украине в членстве в НАТО

(Г. Киссинджер, З. Бжезинский). Два других исследователя — М. О'Хэнлон и Дж. Шапиро — выступили с предложением провести повторный референдум в Крыму, на сей раз под международным наблюдением. Кроме того, они выдвинули другие условия постепенного усиления западных санкций — изгнание российских «волонтеров» из Восточной Украины, требование гарантий от России вернуть территориальную целостность Украине, завершение расширения НАТО и установление взаимоотношений Украины с ЕС, подобно тому как если бы Украина была членом Союза.

Соглашение четырех сторон, достигнутое 12 февраля 2015 года в Минске и подписанное высокими представителями России, Украины, Германии и Франции, наметило путь к мирному разрешению вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины. Когда согласованные меры будут реализованы, будет восстановлена целостность Украины и удовлетворены требования Донбасской области о политической, экономической и культурной автономии. Реформа действующей Конституции Украины (которая должна вступить в силу до конца 2015 г.), как ожидается, положит конец основным разногласиям в стране, дискриминации украинских меньшинств, в том числе русскоязычного населения. Конечно, эти реформы не прекратят острого конфликта на Украине, но если они будут проведены добросовестно, то по крайней мере станет возможно мирное управление страной в последующие годы.

Литература

- Барановский В.* Россия и Европа — срочная программа по безопасности / В. Барановский // SIPRI Yearbook. — 1997.
- Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины / М. Грушевский. — Донецк, 2008. (переиздание: Спб., 1911).
- Караганов С.* Россия и мир / С. Караганов // Новая эпоха. — М., 2008.
- ОБСЕ. Миссия по правам человека на Украине. — Гаага; Варшава, 2014. — 12 мая.
- Сахаров А.* История России / А. Сахаров. — М., 2010.
- Танцура Б.* Политическая история Украины / Б. Танцура. — Київ, 2008.
- Фридман Л.* Украина и искусство кризисного управления / Л. Фридман // Survival, IISS. — L., 2014. — Т. 56, № 3 (июнь–июль). — С. 18–21.

¹ Конференция с В. Путиным 18 декабря 2014 года.

В. В. Горшкова¹

ПОЧЕМУ “THE WEST IS NOT THE BEST”

При осмыслении культурологических характеристик современности все явственнее осознается ее кризисно-переходное состояние. Это понимание приводит к выводу, что западная цивилизация движется в тупиковом направлении, что “the West is not the best”.

Исследователи определили три опорные точки западной культуры: это Логос (исток которого лежит в греческой философии — «любви к мудрости»), то есть акцентированность интеллектуальной основы; римское право (закон и порядок) как социальная основа и христианство как духовная основа. Однако эти несущие опоры, с одной стороны, неравноценны, с другой — каждая из них в своей проявленности изначально обладает некой спецификой.

Греческой мудрости и рафинированности сопутствовали явные черты декаданса — разъедающий скептицизм, упадок нравов, недостаточная сила государственной воли. Последнее способствовало завоеванию греков римлянами, чья воля к господству и имперская сила сочетались с продуманными нормативами социального упорядочивания. Отличаясь практической хваткой и самоуверенностью, они завоевывали все новые и новые земли, распространяя на них свой закон и порядок, ощущая за собой мощь империи, которая преобразовывала окружающий разнообразный мир в одномерный — и в политическом смысле, и в хозяйственно-административном.

Поскольку для процветания римскому народу был необходим постоянный приток добываемых мечом ресурсов, то собственная культура Рима сосредоточилась на формировании солдат империи и хватких администраторов. Убедившись на примере греков в несовместимости рефлектирующей образованности и неумной напористости, мудрости и могущества, римский социум отдал предпочтение напористым, восполняя недостаток собственных интеллектуальных ресурсов их покупкой в Греции и других странах. Наблюдая разворот современной культурной ситуации, нельзя не заметить параллели с описанной дуальной структурой, при которой роль Рима играют Соединенные Штаты, а роль Греции — Западная Европа.

Обратимся к третьей опоре — духовной. Если Греция и Рим, несмотря на описанные выше различия, все же обнаруживают несомненное сходство — экстравертный характер, то в христианстве воплощена интенция интроверсии, что создало противостояние, которое усиливалось трансцендентной устремленностью

христианства, обращенностью к иному, высшему измерению бытия в противовес фиксации на делах и успехах земных, характерной для Античности. Эту разницу отмечают все чаще. Так, французский философ Жак Эллиоль пишет: «Философское совершенство греческого гения и институциональное совершенство римской культуры представляют собой то же самое движение, тот же самый порыв... тогда как христианство выступает его абсолютной противоположностью...», подчеркивая далее, что логика развития Запада влечет культуру по пути вытеснения духовности христианства языческим тяготением к земным благам, к успеху любой ценой и в итоге — к торжеству бездуховности.

В этом контексте выход из кризиса способны найти страны с ориентацией на внутреннее, а не внешнее, на ценности, а не цели (в терминах веберовского культурологического анализа). К таким странам относятся, безусловно, и Россия.

Существует и другой вектор осмысления текущей кризисной ситуации, похожий на описанный пример, но с несколько иной акцентировкой. А именно: катализирующим фактором кризиса является расхождение между доминирующими рациональными интенциями современной западной цивилизации и внерациональными началами — религиозными, нравственными, этическими.

Осмысление данного критического расхождения прослеживается с начала прошлого века. В это время существовавшее ранее восторженное преклонение перед рациональностью, воплощенной в научно-техническом прогрессе, начинает постепенно ослабевать. Пересмотр рациональных начал в наиболее радикальной форме кристаллизуется как идея саморазрушения техногенной цивилизации. Эта концепция цивилизационной динамики, восходящая к теориям Ницше и Хайдеггера, наиболее развернуто впервые обосновывается Шпенглером, показывающим западную цивилизацию как находящуюся на стадии умирания, заката.

Причина такого состояния связана именно с кризисом нравственного начала, проявляющимся в мировых и локальных войнах, разгуле жестокости, массовых психозах. Культурная агония Запада инициирована бездушным техницизмом, при котором массовая культура и спорт заменяют высокое искусство, приводя к затуханию творческого начала. Рациональный формат мышления на данном этапе осознается как не способный объяснить живую меняющуюся реальность, как жесткий мертвый конструкт, который не может быть инструментарием, позволяющим человеку решать возникающие перед ним глобальные проблемы культурного, экономического, политического и другого характера.

В художественном творчестве первой половины XX века обнаруживается и формирующееся противостояние рациональной доминанте. Так, описывая суть романтизма в искусстве данного периода, Н. Бердяев говорил, что этот романтизм является направленной

¹ Декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор. Автор около 400 научных публикаций, в т. ч.: «Проблема субъекта в педагогике», «Межсубъектная педагогика: тенденции развития», «Гуманитарная миссия педагогики», «Диалог в образовании человека», «Педагогическая философия Джона Дьюи», «Диалог как технология социальной работы», «Взрослый как субъект непрерывного профессионального образования», «Мир конфликта: субъект и реальность» и др. Член редколлегии научного журнала «Человек и образование», «Педагогического журнала». Отличник народного просвещения. Награждена медалью К. Д. Ушинского «За заслуги в области педагогических наук», грамотами Министерства образования и науки РФ.

против технизации реакцией природно-органической составляющей культуры. Интуитивная по происхождению и символическая по способу выражения, эта реакция была апелляцией к запредельному, иррациональному как форме, противостоящей рациональному. В импрессионизме такая апелляция выражена размыванием предметности светом и цветом, в модерне она проявлена в соединении органического с условным: в архитектурном декоре и орнаменте — в акцентировке органических форм; в поэтическом творчестве — в мощном движении символистов (А. Блок, В. Иванов, Ф. Сологуб, Ш. Бодлер, М. Метерлинк, П. Верлен, А. Рембо и др.), в чьих текстах проступает отказ от социальной детерминированности, склонность к мистицизму, отторжение рационального.

Критическое осмысление рационального усилилось после открытия бессознательного как мощной двигательной силы. Психика человека оказалась руководима не столько сознанием, сколько бессознательным, активно участвующим как в личностной, так и в культурной динамике. Недооценка бессознательных процессов, попытка подавить их приводит к обратному эффекту: «Если девальвация создающего символа бессознательного несет с собой резкий разрыв между рациональным сознанием и бессознательным, то эго-сознание, само того не замечая, будет подавлено теми самыми силами, которые оно отрицает и стремится изгнать».

Однако тенденция к рационализации мышления, усилению техногенной составляющей современной

жизни продолжает нарастать. Западная цивилизация не смогла отказаться от удобств, которые несет человеку техника, меняющая мир под его потребности. Представляется, что причина такого положения дел коренится в специфике доминирующей на Западе культурной интенции: с эпохи Возрождения для европейской ментальности характерно противопоставление субъекта и оппозиционного, внешнего по отношению к нему мира.

В то же время отличительной чертой русской ментальности является осмысление человека как растворенной в мире или коллективном целом личности. Начальная разомкнутость в мир русского человека порождает и специфический путь становления личности, при котором первичной формой познания является познание мира, и только после этого становится возможным познание самого себя. При такой последовательности внешний мир не отчуждается от субъекта, а неразрывно с ним соединен. Распространение именно такого подхода есть способ построить иные отношения с природой, миром, социумом, при которых гармоничное сосуществование будет выступать основой для культуры нового типа.

Таким образом, исследование показало не только правильность утверждения “The West is not the best”, но и дало возможность осознать ответственность, лежащую на России, которая благодаря имманентно присутствующим ей характеристикам вполне может в наступившем веке стать носительницей миссии духовного обновления и просвещения.

Е. Э. Дробышева¹

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Тема национальных моделей жизненного устройства, сформулированная в качестве центральной для предстоящей дискуссии, лежит в междисциплинарной плоскости, поскольку затрагивает исторические, философские, культурологические, политологические и экономические аспекты жизнедеятельности той или иной культурно-исторической общности. Наша задача — тезисно представить проблему кризиса цивилизационной идентичности, переживаемого сегодня российским обществом, в культурфилософском дискурсе.

1. Под *цивилизацией* в данном контексте вслед за С. Хантингтоном мы понимаем «культурную общность наивысшего ранга, самый широкий уровень культурной идентичности людей», определяемый «на-

личием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей»². В своей программной статье 1993 года «Столкновение цивилизаций?» С. Хантингтон рассматривает цивилизацию в качестве культурной общности, задающей парадигмальные рамки и создающей условия для процедур самоидентификации. Именно цивилизационная идентичность, по мнению мыслителя, станет основанием для архитектоники будущего мироустройства. «Я полагаю, — писал он, — что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой»³. Глобальные векторы развития сегодняшнего мира подтверждают тезис Хантингтона — на «полях культуры» идут самые настоящие сражения за умы современников.

2. Для более детального исследования цивилизационных процессов российским исследователем Д. В. Су-

¹ Профессор кафедры философии, истории и теории искусств Академии русского балета им. А. Я. Вагановой, доктор философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Аксиология постмодерна: ирония», «Архитектоника культуры: опыт культурфилософского анализа»; статей: «Апология уместности в пространствах самоидентификации», «Аксиология науки: о ценности и стоимости научного высказывания», «Образовательные стратегии в структуре сервисной реальности» и др. Член Российского философского общества, Санкт-Петербургского культурологического общества.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>

³ Там же.

воровым был предложен термин «субцивилизации», понимаемые как «особые «исторические организации, являющиеся модификациями целостной цивилизации», «наиболее крупные сегменты целостной цивилизации, отличающиеся пространственно-временной, ценностно-духовной, культурно-материальной и социально-организационной спецификой, позволяющей выделить данный феномен из цивилизации в целом». Опираясь на концепцию «пяти разных России», предложенную Н. А. Бердяевым («Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию»¹), автор делает вывод об особенностях «фундаментальной семантики отечественной цивилизации» — о сочетании единства и дискретности². Используя данный концепт, отметим, что сегодня особый тип российской/постсоветской субцивилизации находится в состоянии активного становления, идет процесс формирования актуального формата национальной идентичности, что находит свое выражение в соответствующей *культурной картине мира*.

3. Культурная картина мира — метафизический концепт, используемый для описания механизмов существования той или иной субцивилизации. Сюда входят имманентно присущие социокультурной общности мифологические представления, ценностные установки и особенности художественного видения. О. Шпенглер определял народ как «единство души», писал о «картинах души отдельных культур»³ и отдельных культурно-исторических эпох: «Каждое столетие, в конце концов, отражается в собственной картине души»⁴. В данном дискурсе проводимые Шпенглером различительные процедуры между понятиями *культуры* и *цивилизации* мы оставим в стороне, исходя из избранного исходного понимания *цивилизации* (см. тезис 1). Именно «картина души» народа становится краеугольным камнем *архитектоники цивилизационного мироустройства*.

4. В «картине души» современной российской субцивилизации нас интересует ее *ценностная состав-*

ляющая, связанная прежде всего с процессом самоидентификации. Представляется, что проблемы в этом аспекте социокультурного бытия вызваны именно незрелостью актуальной аксиосферы. Под «незрелостью» понимается состояние общественного ценностного самосознания, характеризующееся отсутствием конвенционального понимания базисных для социума представлений и, как следствие, неустойчивостью ценностных установок.

5. Под *основными ценностными установками* мы понимаем действенные представления об основных задачах человеческого существования. Причем эти установки, которые мы условно соотнесли с вопросами И. Канта о человеке: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?», касаются как личностной аксиосферы, так и общественной. В данном дискурсе на первый план выходит проблема коллективного цивилизационного самосознания.

6. Состояние актуальной аксиосферы российской субцивилизации можно оценить как *псевдоморфозное*. «Историческими псевдоморфозами» О. Шпенглер называет «случаи, когда чужая старая культура так властно тяготеет над страной, что молодая и родная для этой страны культура не обретает свободного дыхания и не только не в силах создать чистые и собственные формы выражения, но даже не осознает по-настоящему себя самое»⁵. В исследуемом контексте под «чужой старой культурой» следует понимать условный «западный» тип культуры, базовые ценности которой во многом противоречат самобытной картине мира, характерной для российской «души народа».

7. Таким образом, проблема обретения устойчивого субцивизационного самосознания имеет ярко выраженную аксиологическую окраску и напрямую связана с еще одним предложенным для обсуждения вопросом: «Is the West the best?». В этом смысле нам кажется интересной геополитическая концепция В. Цымбурского, изложенная в его работе «Остров Россия», где он предлагал сместить фокус внимания на территории за Уралом, предпочитая говорить «не о России-Евразии, а о России в Евразии»⁶.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 7.

² Суворов Д. В. Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России: автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2006. URL: <http://che-loveknauka.com/smena-subtsivilizatsiy-i-modernizatsionnye-volny-v-kulturno-istoricheskom-razviti-i-rossii#ixzz3V8uypUiU>

³ Шпенглер О. Закат Европы / пер. Н. Ф. Гарелина. Т. 1: Обзор и действительность. С. 487. URL: http://modernlib.ru/books/osvald_shpengler/

⁴ Там же. С. 483.

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. С. 193.

⁶ Цымбурский В. Л. Остров Россия // Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5–28.

О. В. Каширина¹

ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВРЕМЕНИ МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Страстный обвинитель искусственно создаваемой стратегической нестабильности «как глобальной нестабильности современного мира в целом, так и стратегической социальной нестабильности, связанной с реформами и модернизациями в отдельных странах, в том числе и в России» А. С. Панарин (1940–2003) строил свою аналитику «на попытках объяснения ментальности и поведения сильных (агрессоров) и слабых (жертв) в ходе совместного производства ими ситуации стратегической нестабильности»². Стратегическая нестабильность порождается дестабилизацией ситуации сильными и сама порождает фундаментальную неопределенность слабых.

1. *Вызовы цивилизационного времени как императивы нестабильности.* Вызовы с легкой руки английского историка А. Тойнби, сформулировавшего социологический закон «вызова–ответа», признаются объективными, неотвратимыми и якобы не зависящими от людей, то есть императивными, что должно успокоить слабых. А ответы — это субъективные факторы, меры, якобы принимаемые сильными, призванные создать иллюзию участия слабых в принятии судьбоносных решений. При этом всячески игнорируется, что любое событие, называемое *вызовом*, должно пройти экспертизу со стороны и сильных, и слабых на предмет соответствия/несоответствия (аутентичности) современному моменту (требованиям внешнего, западноевропейского, и метавнешнего, американского, цивилизационного времени), а *ответы* — экспертизу на предмет их адекватности нашим внутренним возможностям и способностям.

Главными вызовами всему эволюционному процессу человечества, как считал выдающийся философ и социолог А. А. Зиновьев (1922–2006), явились западнизация, американизация и глобализация, инициаторами которых стал западный мир. С их началом «человечество вступило в эпоху новой глобальной войны нового типа... Это война гораздо более глубокая и масштабная — это война эволюционная, война за всю последующую эволюцию человечества... Коварство войны нового типа состоит в том, что она не воспринимается как война. Более того, она преподносит

ся в пропаганде и воспринимается массами людей как стремление избежать войны»³. В этой войне Россия остается противником Запада, как был СССР, который тоже пытался развиваться иным путем, качественно отличным от того, какой навязывается «западнистским сверхобществом». Следующим этапом идущей мировой войны, считал А. А. Зиновьев, будет война против мусульманского (арабского) мира. Затем предстоит война западного мира с Китаем, и важно установить, какая судьба ожидает нашу страну в этой войне. Таким образом, нестабильность эволюции всего человечества уже запланирована стратегами Запада на весь ХХI век. Эта угроза является постоянным фактором дестабилизации сознания молодежи.

Следовательно, вызовы цивилизационного (в отличие от природно-эволюционного) времени, являясь императивами нестабильности, формируются сильной властью, сильной элитой, сильной идеологией, сильной альтернативой настоящего будущему и прошлому. Они нуждаются в постоянной экспертизе, детекции ошибок и ловушек. Молодежь, если она сильна, сможет принять участие в общественной экспертизе аутентичности вызовов и адекватности ответов. Однако «роевое» состояние сознания, вызванное постоянным фактором дестабилизации, приводит к раздвоению сознания молодого поколения.

2. *Молодое поколение: транзитивная общность или «плюральный субъект»?* «Роевое» состояние сознания и поведения молодежи, то есть состояние фундаментальной неопределенности как состояния социокультурного шока, легко превращается то ли в транзитивную общность, в возрастную переходность, в значимого субъекта производства и производственных отношений (М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги), то ли в феномен «плюрального субъекта», где человек становится «манипулируемым существом», а «общий вектор социальной, политической и идеологической жизни подчиняется дирижерским движениям вождя» (Л. В. Скворцов)⁴. Однако авторы и первой, и второй точек зрения упускают из вида очень важный факт, что новая картина жизни, в которую погружает нас «рыночный либерализм», является также дестабилизационной: она чревата опаснейшим расколом человечества на избранных и неизбранных, отлучением неизбранного большинства от цивилизованного существования и, как следствие, глобальной гражданской войной.

Возможно, образцом такой войны может послужить ситуация на Украине, где гражданское население Киева и северо-запада, превращенное в условиях информационного террора и блокады в «плюрального субъекта», пока выступает на стороне хун-

¹ Профессор кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук. Автор 115 научных публикаций, в т. ч. трех монографий: «Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования» (в соавт.), «Культура времени в современной картине жизни», «Информационное поле культуры: информационный отбор — цивилизационный выбор» (в соавт.); статей: «Метаобразование как креативная технология конструирования российско-европейской идентичности молодежи», «Этнокультурный мир Северного Кавказа в условиях современного кризиса позднего капитализма» и др. Член Российского философского общества, Научно-образовательного культурологического общества, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

² Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в ХХI веке. М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. С. 10–11.

³ Зиновьев А. А. Распутье. М.: Элефант, 2005. С. 274, 277.

⁴ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь: истоки и этапы социологического изучения // Гуманитарий Юга России. 2012. № 3; Скворцов Л. В. Продромы (симптомы опасности) поля современной геополитики // Россия и мусульманский мир. 2012. № 12 (246).

ты, захватившей власть. А гражданское население юго-востока, образовавшее ополчение, оторвавшись от мирного индустриального труда, противостоит им. При этом внешнее влияние Западной Европы и метавнешнее (глобальное) воздействие США проявляются пока в экономических и политических санкциях против России, естественно выступающей в защиту русских на Украине, но существует уже и военная помощь США хунте наемниками и вооружением. Выход из этого тупика один: мирное возвращение воспитания молодежи к модели просвещения на новой основе. Там человек выступает не как алчный потребитель благ, «потребительский человек», «поденщик повседневности», а в первую очередь как творец-производитель, творец богатства, главная производительная сила и патриот своей Родины, вдохновленный ее возможностями собственного развития и красотой идентичности с нею, как «очарованный странник прогресса», как цивилизационный субъект и транзитивная общность, а не «плюральный субъект».

3. *Культура времени и культурно-временной подход — методология и метод аналитики аутентичности вызовов цивилизационного времени и адекватности ответов на них.* Создавая эту методологию, основанную на диалектико-триалектической парадигме социального времяведения¹, мы пытаемся доказать, что соответствие/несоответствие макропроцессов современности, например геополитики и геозко-

номики, можно объяснить при помощи диалектики, используя ее опережающую функцию в умозрительном времяведении на коллективно-пространственной горизонтали макросистем. Вместе с тем для анализа микропроцесса требуется триалектика (взаимодополняемость) внутреннего, внешнего и метавнешнего в сравнительном времяведении на индивидуально-временной вертикали: целостности настоящего как синтеза преемственности прошлого и целесообразности будущего.

Исключительно важно при этом использовать феномен *синергии времени* — свойство времени быть самотрансцендентным (самоорганизующимся, синергетическим, кумулятивным), «присутствующее» в образе времени в качестве легитимизации прошлого и будущего как актуального в настоящем и являющееся определяющим компонентом окружающей среды, датчиком времени в ней, *времяздатчиком*. Транзит образа прошлого в настоящее происходит при помощи кумулятивности образа времени, который является неорганическим, духовным катализатором энергии человеческой культуры, открытой В. И. Вернадским (1863–1945). Эта энергия придает образу времени в культуре *смысловую времяцелостность*, выражающуюся в единстве культуры самосознания, культуры индивидуального поведения и культуры коллективной деятельности молодого поколения как цивилизационного субъекта.

В. А. Конев²

ДВА ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВА СОВРЕМЕННОСТИ: ВЫЗОВ ГОСПОДСТВА И ВЫЗОВ СВОБОДЫ

Среди многочисленных вызовов современности можно особо выделить два действительно глобальных, которые условно обозначены как вызов господства и вызов свободы. Первый вызов обращен к народам и государствам, второй — к конкретному индивиду.

Отношения господства как доминирования того или иного народа (или государства) над другим народом (или государством) были ведущим типом отношений в истории. Войны и имперские устремления определяли главные события мировой истории. Но до XX века в эти отношения, хотя они и были распространены по всей ойкумене, вовлекались, как правило, народы и государства, соседствующие друг с другом. Сфера господства была ограничена техническими возможностями распространять свое влияние на определенное географическое пространство. Ойкумена была расцвечена как лоскутное одеяло локальными сферами влияния.

¹ Каширина О. В. Культура времени в современной картине жизни. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007.

² Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор 270 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского “Символ и сознание”», «Метрика пространства человеческого бытия», «Три постулата философии ценностей» и др.

Топология господства зависела от географии и техники преодоления пространства.

Тогда, когда существенно изменилась транспортная инфраструктура, позволившая быстро (иногда почти мгновенно) перемещать людей, вещи, информацию и капиталы в любую географическую точку, не могли не измениться и отношения господства. В условиях транспортной и информационной глобализации локальный тип господства стремится трансформироваться в глобальный. История международных отношений XX века показала, что войны стали *мировыми*, что *мировой* порядок требует усилий, если не всех, то всех экономически и политически влиятельных государств. Поэтому после Первой мировой войны создается Лига наций — первая попытка регулирования глобального порядка, оказавшаяся неудачной, а после Второй мировой — Организация Объединенных Наций, которая благодаря принципу единогласия пяти великих держав (СССР, Китай, США, Англия, Франция) сумела создать достаточно благоприятные условия для стабилизации мирового порядка.

В этих условиях отношения господства модифицировались в отношения уравнивания сил, что выразилось в «мирном сосуществовании двух социально-экономических систем» и возникновении двухполяр-

ного мира. Однако «мирное сосуществование» основывалось отнюдь не на сотрудничестве и диалоге, а на изоляции систем друг от друга и на противостоянии сил.

Известные события конца 1980-х — начала 1990-х годов (обсуждение причин которых не является предметом данного доклада) ликвидировали один из полюсов противостояния, тем самым разрушив ситуацию сосуществования в условиях «равновесия сил» и снова открыв простор для возрождения на мировой арене отношений господства. Но теперь уже лидером, утверждающим свое господство, становится только один полюс. В течение последних десятилетий, опираясь на очевидное превосходство в креативных секторах экономики, благодаря развитию современных наукоемких технологий Соединенные Штаты Америки к своему военному потенциалу добавили информационный потенциал господства, позволяющий незаконно контролировать мировые потоки информации. Опираясь на эти ресурсы, США, как показывают события последнего года, стремятся установить свою гегемонию в международных отношениях.

Этот вызов реставрации отношения господства — подчинения в геополитическом масштабе ставит перед народами и государствами задачу — найти адекватный данному вызову ответ. Совершенно очевидно, что таким ответом со стороны Российской Федерации (а именно наша страна стала главным объектом атаки со стороны США при стремлении установить свою геополитическую гегемонию) не может быть возвращение к ситуации холодной войны середины XX века и попыткам создать некий противостоящий США военно-политический центр. Реальная глобализация всех сфер жизни современного общества просто не допускает возможности проведения линий изоляции. Вероятно, единственно возможный ответ в этой ситуации — необходимость осознания народами и государствами солидарной ответственности за все последствия их действий. Как этот ответ воплотить в жизнь — это дело политиков, конкретных людей и элит, принимающих государственные решения. Но ясно одно, что такой ответ должен основываться на новых отношениях политики и этики, на обязательном включении этики в политику. О настоятельной необходимости этого включения свидетельствуют последние события на юго-востоке Украины.

И здесь я хотел бы обратиться ко второму глобальному вызову современности, который был назван вызовом свободы. Если отношения господства складывались прежде всего в сфере взаимодействия общественных групп различной природы, то отношения свободы выстраивались в действиях конкретных личностей. При всем многообразии толкований этого понятия «свобода» всегда рассматривалась как характеристика действия человека, указывающая на то, что источник этого действия укоренен в человеке, который действует. Свобода выражается в способности человека самостоятельно принимать решения, в возможности проявления свободной воли. Свободное действие человека порождает особую зону внутри общественных отношений, которая освобождает человека от существу-

ющих в социальной среде зависимостей и противопоставляется отношениям господства. Эта зона и является областью отношений свободы.

В чем смысл отношений свободы?

Отношения свободы — это отношение человека к самому себе, отношения, в которых утверждается личностный статус индивида и его индивидуальность. В этом случае происходит изоляция индивида от окружения, так как индивидуальность как неделимость основана на том, что личность, обладающая уникальностью и неповторимостью, не делит ни с кем и ни с чем свой мир, свою сущность. Монада (а это и есть полная онтологическая природа индивидуальности) не имеет ни окон, ни дверей, открытых в мир вне ее. Она является самодостаточным бытием. Но тогда неизбежно возникает коллизия между социальностью, общностью и индивидуальностью, отдельностью, отделенностью от общего. Отношения свободы, рождающие индивидуальность, всегда были вызовом социальному, которое основывалось на общем и типичном. Разрешением этой коллизии, ответами на вызов свободы оказывались найденные культурные формулы — человек и Судьба, человек и Бог, человек и Разум: “*Sapere aude!*” — имей мужество пользоваться *собственным* умом, как определил Кант сущность Просвещения. Эти культурные формулы задавали условия определения личности и ее траектории жизни при признании неизменности и независимости от конкретного человека второго члена оппозиции — Судьбы, Бога, Разума. В отношении именно этого второго члена оппозиции выстраивалась всякая оценка свободного деяния человека.

Просвещенческая культура, выросшая из ренессансного признания значимости интересов и привязанностей человека, закрепившая его право на личную инициативу и способность самостоятельного постижения истины, в конечном счете в индустриальном обществе закрыла человека экраном вещей, знаков и институций. Общество и культура модерна подчинили человека дисциплине труда, языка и тела. Отчуждение, доведенная до кафкианского абсурда рациональность бюргерского существования обезличивают человека, и человеку, осмысленному в границах труда, жизни и языка и растворенному в них, грозит исчезновение, «как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» (М. Фуко).

Кардинально меняется ситуация в современных условиях. Индивидуальность ворвалась в жизнь: каждый человек стремится культивировать ее в себе даже тогда, когда этот культ становится модой; каждый старается обустроить жизнь по-своему даже тогда, когда она выстраивается из стандартных вещей. И если волны времени смыли общий профиль человека, начертанный универсальной рукой Просвещения на песке истории, то вместо него перед взором каждого вдруг объявилось огромное количество лиц — селфи (*selfie*), которые моментально рисуются с помощью различных гаджетов на виртуальном полотне Инета. Пусть это модное увлечение, пусть это «пена» на поверхности жизни, но, как утверждали диалектики, и «пена есть выражение сущности». А сущность в том, что индивидуальность

не только стала ценностью, но и получила возможность заявить о себе в культурном пространстве.

Современная эпоха отнюдь не отказывается от призыва Канта. Напротив, именно "*Sapere aude!*" становится лозунгом нынешней эпохи. Но теперь *личное*, а не *публичное* применение разума завоевывает сферу мысли. Современная эпоха перестала быть монологичной, когда в культуре звучал только один голос — голос разума, и истина для всех была одна. Наша эпоха — это эпоха диалога и плюрализма. Парадоксальность нынешнего времени в том, что, несмотря на рост цивилизационной стандартизации, экономической и информационной глобализации, в культуре утверждается приоритет случая, игры, ситуативности и индивидуализации. В этих условиях *sapere aude* открывается другой стороной — стремись *понимать* (*sapere* = быть мудрым, понимать). В нашу эпоху мыслить самостоятельно значит видеть и понимать разнообразие, понимать *смысл*, который у одной и той же истины может быть различным. Утверждается логика смысла, которая управляет сферой личностного применения разума. Если мысль классической эпохи *modern age* нашла отражение в «Науке логики» Гегеля, то мысль современного состояния культуры ищет свое отражение в «Логике смысла» Делеза.

В таком случае возникает новая культурная формула, задающая условия определения личности и траекторию ее жизни — человек и Смысл (человек в ситуации конкретного события). Но смысл всегда событие, конкретен, он принадлежит индивидуальному сознанию, инициирует личностное действие в *этой* ситуации и конфигурирует сферу свободного действия. И тогда возникает вопрос: если современный человек (человек постиндустриального общества и времени глобализации) определяется своим отношением к смыслу (тем, что и как он принимает и понимает), а смысл не является постоянным (как постоянными были Судьба, Бог и Разум), более того, смысл конституируется самим человеком в конкретной ситуации, то есть ли какой-то объективный, универсальный критерий приемлемости смысла, а следовательно, какой-то объективный, универсальный противовес свободе?

Чем и как общество может ответить на вызов свободы?

Этот вызов с особой остротой ощущается нашим обществом, в котором за последние два-три десятилетия произошли кардинальные изменения во всех сферах жизни — в политике, экономике, социальных отношениях, культуре, образовании, настроениях и ожиданиях, быту и повседневном укладе жизни, ценностных ориентациях и предпочтениях. К тем условиям индивидуальной свободы, которые создает современное цивилизационное развитие, в нашей стране добавились условия переходного периода, когда разрушены опоры старого порядка и еще не созданы основания но-

вого. Когда вихри свободы с особой силой обрушиваются на человека, тогда-то и возникает ощущение, что нет никакой другой опоры, кроме самого мнения человека, его собственных предпочтений, его воли. «Я так думаю!», «Это мое мнение!», «У каждого своя точка зрения!», «Я так хочу!» и так далее — вот наиболее частые аргументы в устах современного молодого поколения. И это, конечно, несомненное достижение современного общественного развития. Но здесь же таится и опасность...

Где основания мнения, возможно ли их согласование, имеет ли воля ограничение?

Такое основание — в самой свободе. Свобода мнения и свобода действия — это последний предел того и другого. *Но тогда именно предел ставит границу свободе.* Свобода основана на *опыте предела*. Поэтому культивирование свободы — это формирование в человеке опыта предела.

Идея предела и трансгрессии рождена культурой постпросвещения и активно осмысливается современной философией в различных ее проявлениях, испытывается современным искусством, практически осваивается службами чрезвычайных ситуаций и т. п. Это тема особого рассуждения, но применительно к обсуждаемой здесь проблеме нужно сказать, что опыт предела — это собственно культурный опыт.

Пространство культуры — это пространство различий, пространство своеобразия, пространство произведений, а не набор тиражированных продуктов. Поэтому освоение культуры — это не просто приобщение к тому или иному содержанию культурных феноменов и артефактов, а овладение самой архитектурной культурного пространства, основанного на границе, на различии и различении. Не искусство само по себе, не религия сама по себе, даже не моральные ценности как таковые, а именно культура, искусство как культура, религия, мораль в их культурном самоопределении; не добро, не красота, а мера, вкус — вот что порождает опыт предела, опыт дозволенного.

Человек как «существо преступающее», по выражению С. С. Хоружего, постоянно нуждается в опыте предела. Вхождение в культуру в современных условиях — это обязательное включение, как выражался В. С. Библер, в горизонтальные и вертикальные связи культур. Культура только тогда становится для меня ясной и, очевидно, только тогда раскрывает весь свой потенциал, когда оказывается в диалоге с другими культурами. На границах культур лучше всего видятся их возможности. Поэтому подлинное овладение своей культурой не может не быть и признанием ценности других культур.

Именно поэтому в конечном счете ответ как на вызов господства, так и на вызов свободы связан с пониманием значимости культуры как таковой, с постоянным обращением к ней и ее потенциалу при принятии решений — и политических, и личностных.

Алка Ламба¹

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ (На примере Индии)

Вопросами внешней политики и обеспечения безопасности в большинстве стран занимается немногочисленная элита. Индия — не исключение. После антиколониальной борьбы за свободу, с учетом ведущей роли Индии в Движении неприсоединения, открытия экономики для иностранных инвестиций в 1991 году и диверсификации внешней политики, отчасти как следствие этого, но также и в результате обдуманного выбора в международных отношениях приоритетом для Индии стали ее национальные интересы.

В настоящее время правительство Индии стремится поддерживать контакты практически со всеми ведущими державами мира, а также с рядом менее крупных стран, таких как Южная Корея и Германия. Премьер-министр Нарендра Моди, с тех пор как вступил в должность в 2014 году, совершает много поездок по миру, приглашает иностранных лидеров. Например, в прошлом году Индию посетил президент Китая Си Цзиньпин. Контакты способствуют укреплению суверенных интересов Индии. Официальная позиция различных партий заключается в том, что Индия не должна вступать в альянсы ни с одной державой, занимающей доминирующее положение на мировой арене. Нам необходимо сохранить возможность проводить независимую политику в многополярном мире.

В то же время существует мнение, что Индия тяготеет к странам западного мира, то есть к США, Канаде, Японии, Южной Корее, Австралии и основным государствам Западной Европы. Кроме того, Индию традиционно связывают хорошие отношения с Россией и, с начала 1990-х годов, с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии. Но эти отношения ни в коей мере не направлены против Китая, с которым Индия поддерживает прочные экономические связи, несмотря на пограничные споры. Экономическое взаимодействие с Россией, к сожалению, не достигло высокого уровня, за исключением оборонного сектора.

До сих пор сохраняется напряжение в отношениях с Пакистаном, хотя правительство Национально-демократического альянса, крупнейшая партия которого — «Бхаратия джаната парти», придает особое значение улучшению отношений с непосредственными соседями Индии в Южной Азии, а также с островными государствами Индийского океана.

Интересы Индии в глобализирующемся мире и аспекты отношений Индии и Китая в рамках БРИКС

Уделим особое внимание некоторым интересам Индии в глобализирующемся мире и одновременно рассмотрим основные внутренние проблемы.

¹ Депутат Законодательного собрания Дели (Индия). Председатель некоммерческой организации “Go India Foundation” (учреждена в 2006 г. для защиты прав молодежи и поддержки их участия в политическом, социальном и экономическом развитии Индии). Экс-президент Национального студенческого союза Индии. Лауреат премии Индиры Ганди.

Моя страна сталкивается с огромными внутренними проблемами. Хотя средний класс быстро растет, значительное количество людей живет менее чем на два доллара в день, то есть практически за чертой бедности или совсем немного лучше. Сельское хозяйство переживает кризис. Это связано, во-первых, с более низкой общей производительностью этой отрасли по сравнению с другими странами Азии и, во-вторых, в значительной степени с тем, что мы выращиваем неорошаемые культуры, а значит, их урожай зависит от сезона дождей. Очевидно, что в ближайшие годы изменение климата и его последствия станут основной проблемой для Индии. Поэтому исключительно важными для нас будут результаты Конференции сторон конвенции 21 (КС 21), запланированной на декабрь 2015 года в Париже.

В Индии преобладает молодое население, что может превратиться в «демографическое проклятие», если нам не удастся улучшить профессиональные навыки нашей молодежи и обеспечить ее трудоустройство.

Поскольку Индия наряду с Бразилией, Китаем, Россией и Южной Африкой является членом БРИКС, я хочу обратиться к некоторым положениям доклада «Антикризисное управление и предотвращение рисков в процессе модернизации стран БРИКС. Сведения об Индии» (в значительной степени сосредоточусь на примере Индии, а также приведу ссылки на двусторонние отношения между Индией и Китаем).

На мой взгляд, важно выработать четкое понимание системы власти и ее внутренней динамики в различных странах БРИКС.

Некоторые данные о многочисленном обществе Индийского союза

Население Индии в 2014 году составляло примерно 1,27 млрд человек (для сравнения: в Китае в настоящее время проживают 1,37 млрд). К 2028 году Индия обгонит Китай по этому показателю и станет наиболее населенной страной в мире (1,45 млрд человек). В 2050 году согласно прогнозам в Индии будут проживать 1,6 млрд человек, в то время как в Китае — 1,3 млрд. Население Индии увеличится почти в пять раз за сто лет с момента обретения независимости в 1947 году, что окажет влияние на экологическое равновесие.

Тем не менее контроль государства за приростом населения в Индии политически невозможен, поэтому требуется безотлагательное создание возможностей для трудоустройства и развития профессиональных навыков молодежи, поскольку огромное количество молодых людей не обладают специальными знаниями и умениями.

Ежегодно около 12 млн человек выходят на индийский рынок труда, характерной чертой которого уже сейчас стала массовая безработица. Как удовлетворить

эти потребности в условиях экономического роста без создания рабочих мест?

В Джамму и Кашмире, а также в Северо-Восточной Индии действуют сепаратистские группы, использующие силу и террористические методы. Стремящиеся к автономии группы в рамках Индийского союза в основном применяют мирные методы. За многие годы государству удалось, в том числе с помощью военной силы, подавить сепаратистские движения, наделить особыми полномочиями мирные образования, требующие независимости, и/или предоставить им автономию.

Кроме того, в различных частях страны действуют вооруженные группировки под руководством Коммунистической партии Индии (маоисты).

Социальные тенденции

Влияние индийской кастовой системы постепенно ослабевает («тихая революция»), тем не менее до сих пор можно наблюдать доминирование традиционных высших каст, которые представляют меньшинство населения (17–18 %) в ключевых секторах и на руководящих позициях в экономике и социальной сфере. Кастовая иерархия также нашла отражение в группах религиозных меньшинств.

Традиционное структурное противодействие, в частности далитам (угнетенным или неприкасаемым), насчитывающим около 160 млн человек, и адиваси (коренным жителям или аборигенам), составляющим около 100 млн, постепенно должно быть преодолено в рамках государственного строительства, повышения эффективности управления. Актуальной задачей является культурное развитие угнетенных и обездоленных слоев общества.

Хотя коэффициент Джини в Китае выше, чем в Индии, в обеих странах растет число людей, получающих многомиллиардные доходы, происходит накопление материальных ценностей, увеличивается количество представителей среднего класса.

Вовлечения в политическую и социальную жизнь страны всех слоев населения и социального равенства трудно достичь, если большая часть не имеет доступа к рынку труда и/или живет за чертой бедности. Необходимо решить проблему растущего разрыва в уровне доходов между богатыми и бедными, а также оправдать ожидания людей, особенно молодежи, от нового правительства Индии. В противном случае разочарование может привести к обострению социальных конфликтов и даже бунту.

Индии, безусловно, необходимы более продуктивные инвестиции в общество, производственный сектор, инфраструктуру, здравоохранение и образование.

Укрепление демократических структур

За исключением короткого периода с 1975 по 1977 год, у нас осуществлялось непрерывное демократическое развитие. Тем не менее массовое движение, выступившее за активизацию борьбы с коррупцией в 2011–2012 годах, продемонстрировало значительный дефицит демократии в Индии.

Моя партия во главе с Арвиндом Кеджривалом, главным министром Дели, объявила своей основной целью борьбу с коррупцией в рамках кампании «Индия против коррупции».

Такие явления, как системная коррупция, политические династии, распространившиеся во всех уголках страны, а также плутократические и даже криминальные тенденции, наметившиеся в среде политиков, подрывают качество индийской демократии. Отсутствие реальной внутренней демократии можно наблюдать в отношениях между партиями. В долгосрочной перспективе это может привести к увеличению давления и проведению настоящих реформ.

На региональном и местном уровнях можно наблюдать возникновение и деятельность контрэлиты. Движение по борьбе с коррупцией в 2011–2012 годах поставило под сомнение само существование и легитимность политического класса.

В течение длительного времени народ зачастую голосует против правительства, но в то же время переизбирает тех, кто продемонстрировал эффективное управление. Важно, чтобы не только 15 % средств фондов развития достигали целевых групп, как это происходило в прошлом. В идеале сумма должна быть потрачена в полном объеме («прямые денежные переводы»).

Социалистические партии практически исчезли, а коммунистическая партия находится в глубоком упадке. Тем не менее, учитывая макроэкономические и социальные модели, в Индии остаются свободными ниши просвещенной левой силы и социально-демократического движения.

Выбор в пользу плюрализма, а не диктатуры большинства станет основой в ходе социальной интеграции малых народностей, различных этнических и религиозных групп.

В определенной степени Индия в политическом плане представляет собой противоположность Китаю с его монополией коммунистической партии. Но необходимо понять, возможно ли в Индии внутреннее обновление легитимного постколониального демократического класса.

Экономические приоритеты

Валовой внутренний продукт Китая почти в пять раз превышает ВВП Индии. Однако значительная часть индийской экономики формируется по принципу так называемой «теневой экономики».

Индия располагает огромным внутренним рынком. После того как в 1991 году страна открылась для глобальной внешнеэкономической деятельности, к нам поступает все больше международного капитала. Новое правительство, опираясь на лозунг «Сделай в Индии», стремится привлечь прямые иностранные инвестиции в различные секторы экономики (инфраструктура, страхование, производство продукции военного назначения и т. д.) и расширить производственный сектор.

Огромные и в значительной степени незадействованные человеческие ресурсы (во многом из-за отсутствия должного профессионального обучения) должны быть конструктивно использованы («двойная си-

стема») для того, чтобы усовершенствовать секторы производства, инфраструктуры и энергетики. Компания «Свачч Бхарат» («Чистая Индия») призвана кардинально изменить сложившуюся экологическую обстановку.

Процесс модернизации требует перехода от аграрной экономики (где были широко распространены самоубийства фермеров) к созданию новых рабочих мест в индустриальных отраслях, не зависящих от сектора услуг.

Противоречия между Индией и Китаем

Индия расположена в сложном регионе, здесь действуют несколько очагов кризиса в Южной и Западной Азии. Это требует больших военных расходов, так как, по крайней мере теоретически, вероятность войны на двух границах — с Китаем и Пакистаном — не может быть полностью исключена. Поэтому в настоящее время Индия является крупнейшим импортером оружия в мире. Пакистан следует стратегии «тысячи порезов»: террористы постоянно нападают на мирное население, чтобы ослабить Индию.

Но Индия с Китаем имеют опыт мирных, цивилизованных отношений на протяжении тысяч лет. Тем не менее спорная недемаркированная граница и китайские территориальные претензии на индийский штат Аруначал-Прадеш (Китай считает эту территорию Южным Тибетом) затрудняют конструктивное взаимодействие внутри БРИКС и ставят под угрозу важные экономические отношения между Индией и Китаем, а также общие позиции наших стран на международном уровне, например в вопросах климатических изменений и реформ международных организаций.

Вторжения подразделений Народно-освободительной армии Китая, в частности во время визитов высокопоставленных китайских лидеров, и постоянная опасность таких вторжений свидетельствуют о том, что нормальные отношения между двумя странами пока не достигнуты, особенно если учесть военную поддержку Пакистана со стороны Китая в течение десятков лет. По мнению ведущих индийских аналитиков, Китай оказывает эту помощь Пакистану с целью ослабить позиции Индии в Южной Азии.

Двусторонняя торговля между Индией и Китаем достигает значительных объемов, но могла бы быть еще больше, если бы не огромный дефицит торгового баланса и отсутствие перспективы стабильности.

Хотя сегодня это кажется утопией, Индия обладает потенциалом, чтобы обогнать Китай и через несколько десятилетий стать крупнейшей экономикой мира.

Перспективы

Возможное вступление Индии в качестве полноправного члена в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), где важную роль играет Россия, безусловно, приветствуется. Такие шаги и дальнейшие меры по укреплению доверия, а также расширение социальных контактов могут — спустя 63 года после войны на границе Индии и Китая — нивелировать существующие до сих пор опасения и недоверие наших

граждан по отношению к Китаю. Между представителями двух стран проводятся консультации по проблемам Афганистана и стран Центральной Азии, а также обмен данными по уровню воды в реке Брахмапутра (в Китае ее называют Ярлунг-Цангпо Цзян, а в Тибете — Тсангпо).

В Индии с интересом следят за инициативами Китая по созданию экономического пояса Шелкового пути — морского и континентального. Намерение Китая инвестировать в нашу экономику 25 млрд долларов в течение следующих пяти лет (Япония намерена инвестировать 30 млрд долларов, а США — предположительно 40 млрд долларов) может послужить дальнейшему укреплению сотрудничества между странами.

Каким образом Индия и Китай могут улучшить свои отношения? Такие вопросы должны составлять часть конструктивных двусторонних диалогов, а также дискуссий между различными группами элит из стран БРИКС. Бывший премьер-министр Индии доктор Манмохан Сингх заявил, что существует достаточно возможностей для одновременного мирного роста Китая и Индии на международной арене и участия в решении международных проблем, таких как предотвращение резкого изменения климата, распространения ядерного оружия и терроризма.

Могут ли государства БРИКС создать альтернативную модель устойчивого развития, в которой учитывались бы ошибки стран Запада, и расставить приоритеты относительно социально-политической жизни и окружающей среды? Согласованные реформы, в которых учитываются характерные особенности каждого общества, стали насущной потребностью в Индии и других странах БРИКС.

Таким образом, антикризисное управление и предотвращение рисков как внутри стран, так и на международном уровне между странами БРИКС в ближайшие годы — необходимое условие стабилизации международной системы с серьезными вызовами.

Туризм как фактор развития страны

Уважение к Индии в мире, интерес к ее древнейшей культуре можно значительно повысить с помощью туризма. В нашей стране много достопримечательностей, занесенных в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, в частности, в Дели — знаменитый Красный форт, который до 1857 года был резиденцией императоров из династии Великих Моголов (1527–1857), гробница Хумаюна — архитектурная предшественница мавзолея Тадж-Махал и Кутб-Минар. В настоящее время рассматривается вопрос о том, чтобы внести в этот список также улицу Чандни-Чоук, известную прекрасной архитектурой расположенных на ней зданий.

Каждый уголок Индии имеет богатое и разнообразное культурное наследие, потенциал которого до сих пор полностью не раскрыт. Например, Аруначал-Прадеш. На недавней конференции, посвященной Северо-Востоку Индии, было предложено создать своего рода «коридор наследия» из Бутана через Таванг в Аруначал-Прадеш, возможно, до Мьянмы, и не только для тех, кто интересуется буддизмом, но и для тех, кто хо-

тел бы пройти по следам гуру Нанака Дэва — основателя религии сикхизма, или совершить паломничество в Индию.

Образцы «высококачественного» туристического предложения представляют Бутан и Сикким. Их опыт необходимо изучать и применять в других частях Индии. В этом деле можно занять местное население, организовать его профессиональное обучение и тем самым обеспечить людям достойное вознаграждение и жизненный уровень.

Штаты Индии, расположенные в Гималаях, имеют высокий туристический потенциал. Возможно, следует наладить регулярный обмен информацией с Австрией, Швейцарией, другими регионами Европы и мира и создать международную ассоциацию жителей горных районов, чтобы делиться практическими знаниями, в том числе по преодолению разрушительных последствий массового туризма.

Фермеры и другие сельские жители, например в Кумаон (штат Уттаракханд), могли бы работать в сфере туризма для малых групп и индивидуальных путешествен-

ников, что создало бы дополнительные рабочие места и принесло прибыль, не подрывая традиций и социальных структур. В области познавательного туризма необходимо задействовать различные слои населения, заинтересовать их. Здесь можно воспользоваться опытом массового туризма на Гоа или Майорке в Испании.

Фонд Ага Хана совместно с Археологическим управлением Индии и частными лицами провели большую работу с участием местных жителей, отреставрировав гробницу Хумаюна и памятники в дельтском районе Низамуддин-Вест. Таким образом, развитие туризма в Индии имеет очень высокий потенциал. В частности, перспективным представляется установление связей с буддистами, проживающими в других странах — России, Китае, государствах Восточной Азии и Европы. Распространение знаний о многовековой истории Индии, ее культуры и отношений с другими странами будет способствовать достижению устойчивого мира и взаимопонимания. Такова в данный момент одна из целей Индии — быстро растущей и развивающейся мировой державы.

Гэри Литтлджон¹

ИСЧИСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА. АФРИКА И БРИКС

Национальный интерес

Давно признано, что с понятием «нация» связана проблема: почти во всех современных национальных государствах есть довольно большие этнические и лингвистические меньшинства. Это может стать основой для оспаривания законности существующих географических границ государства, то есть, по сути, законности любого национального государства [1]. Подобные размышления в последнее время возобновились. Для этого есть несколько причин.

1. Возрастающее агрессивное стремление к мировому господству как частично скрытый план западных правительств и межправительственных органов, таких как Евросоюз и НАТО.

Это стремление выражается в фактическом отказе от Вестфальской системы международного права, разработанной *in embryo* в конце Тридцатилетней войны (1618–1648) в Европе. Такое право формирует основу самого существования международных органов, таких как ООН, и некоторых национальных государств, которые обязаны своим законным существованием определенному признанию под покровительством ООН [2].

2. Нарастающий кризис самого Евросоюза. По причине того, что единая монетарная система не подкрепляется большей фискальной интеграцией, а в государствах — членах Евросоюза разные уровни производи-

тельности, возрастает разрыв в показателях экономической эффективности. Этот разрыв усилился из-за режима экономии, введенного в ответ на финансовый кризис 2007–2008 годов. Реакция на кризис в ЕС усугубилась навязыванием новых правительств государствам — членам ЕС (Греция, Италия) и экономической политики населению, у которого все больше растет неприятие такой политики. По этим причинам наднациональная программа продвигается с очевидными затруднениями.

3. Открытая и все более красноречивая региональная или национальная оппозиция централизованному управлению правительствами, которые по разным причинам больше не считаются легитимными в глазах значительной части их электората, — в первую очередь на ум приходят Шотландия, Каталония, Валлония и «Новороссия».

Вдобавок к понятиям «нация» и «национальное государство», проблематичность которых все больше проявляется в некоторых странах, существует еще понятие «национальный интерес», который часто представляют как естественным образом следующий из некоторых действий государства, чья деятельность во многом определяет нацию. Тем не менее зачастую это всего лишь риторический прием, используемый в попытке убедить электорат в необходимости непопулярных мер или усиления власти существующих или даже новых государственных структур. Этот термин сейчас часто употребляют при обсуждении объема и содержания государственного слежения за использованием электронных средств связи [3].

Однако без определенного представления о национальном интересе трудно увидеть, как разумная и стройная правительственная политика может быть

¹ Экономист, социолог (Великобритания). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Социология Советского Союза», «Кризманизм и аграрные марксизмы» (в соавт.), «Эндрю Шик и развитие советской африканистики» (в соавт.), «Кризис во время перестройки» и др. Участник международных научных конференций по проблемам экономики и социологии СССР, стран Восточной Европы и Африки.

правильно сформулирована, не говоря уже о том, чтобы быть успешно выполненной. Признание многообразия и разных уровней и измерений компетентности должно быть как-то согласовано с минимальным единством цели, потому что без такого единства национальное государство рано или поздно потерпит неудачу. Соответственно вместо того чтобы относиться к «национальному интересу» как к просто возникающему из обычных действий национального государства, его следует считать формой политической выгоды.

Идея национального интереса связана с понятием рациональной выгоды и действия национального государства. Но это тоже, по сути, проблематично [4]. Существуют различные причины проблематичности рациональной выгоды. Некоторые из них связаны с объемом и видами знаний, на которых основываются оперативные решения и политика, другие включают временные рамки, в которых предполагается осуществление политики. Есть и причины, связанные с возрастающей общей тенденцией «захвата государства» специфическими рентиориентированными группами. Такие размышления усугубляют проблематичность понятия «национальный интерес» в изначально демократических государствах.

Между тем, в то время как национальный интерес в моем видении — вопрос выгоды, это не просто технократическая задача, потому что такая выгода (расчет) требует принять во внимание текущую форму (конфигурацию) власти внутри и вне страны. Эта форма зависит от исхода борьбы на различных аренах (в разных сферах), соответственно ее трудно проанализировать и она постоянно изменяется в некотором отношении. Политическую власть можно проанализировать как результат взаимодействия дискурсов, источников, арен борьбы и форм социальной организации. Можно сказать, что политическая власть как таковая ситуационна, так как не определен результат этого сложного взаимодействия [5]. В частности, соединение арен борьбы может означать, что стагнация на одной арене может завершиться потерей власти на ней, в то время как события где-то еще могут привести к тому, что учреждения и деятели на этой особой арене будут захвачены «внешними» событиями и таким образом станут относительно беспомощными или неуместными.

Именно это происходит сейчас с Евросоюзом. Пример неудачной и неадекватной реакции ЕС на события, влияющие на него, — энергетическая политика. Вице-президенту Европейской комиссии по энергетике Марошу Шефковичу во время его визита в Москву в январе сказали, что газопровод «Южный поток» перенаправляется в Турцию. Очевидно, что его службы не проинформировали его о том, что об этом решении в России сообщили еще в декабре 2014 года. Любое продолжение газопровода в Южную Европу должно было быть построено Евросоюзом, а не Газпромом. Также Россия объявила, что газопровод через Украину в Западную Европу будет закрыт через три года и Евросоюзу вскоре придется принимать решение о строительстве нового газопровода из Турции. Причина — слишком затянувшееся выполнение этого инфраструктурного проекта. Ответом было объявление

нового плана создания единого европейского энергетического рынка с передачей большей части функций Европейской комиссии [6]. Неудивительно, что это предложение вызвало возражения в Европарламенте и во многих государствах — членах ЕС. Следовательно, сейчас маловероятно, что новый газопровод будет построен из Турции через Грецию или Болгарию, чтобы своевременные поставки газа в Восточную и Южную Европу компенсировали закрытие украинского маршрута. Таким образом, Евросоюз не только не осознал, что он становится лишним, но его ответ на стратегическую неудачу всего лишь продемонстрировал попытку заново утвердить контроль в манере, которая приведет в дальнейшем к потере контроля.

В случае с коалиционным правительством Великобритании сочетание стагнационной политики, отсутствие четкой стратегии и плохо организованной системы принятия решений также вызвало международную маргинализацию. Последовавшие неудачи во внешней политике, которые отражают неудачи во внутренней политике, привели к тому, что Специальный комитет палаты лордов выступил с критическим докладом по внешней политике. Этот доклад отмечает некомпетентность Министерства иностранных дел и по делам Содружества, особенно в отношении стран — бывших республик СССР, что отчасти объясняет, почему премьер-министр Великобритании недавно пригрозил исключить Россию из системы международных платежей SWIFT в очередном раунде экономических санкций. Очевидно, он не в курсе, что Россия уже разработала систему платежей для замены SWIFT именно на такой случай. Этот пример показывает, что из-за неадекватного анализа и преобладания тактики над стратегией национальные интересы Великобритании соблюдаются плохо, и иллюстрирует важность «дискурса» в определении национального интереса, так как без четкого анализа политическая выгода влечет за собой неверно направленные усилия.

Капитал (форма социальной организации, которая увеличивает динамичный контроль над ресурсами) — это не политическая власть сама по себе (*per se*). Однако как форма экономической власти и благодаря влиянию на ресурсы и на другие формы социальной организации капитал влияет на политическую власть через динамическое взаимодействие с дискурсами и аренами борьбы. Арену борьбы могут включать мирные политические дебаты в парламенте, а также внепарламентскую борьбу, конкуренцию между крупными корпорациями и государственными организациями, легальные обсуждения и открытые конфликты. Последние могут принимать различные формы и различаться по географическому охвату.

Несмотря на эти характерные трудности в определении национального интереса, у тех, кто хочет защитить Вестфальскую систему, выбор небольшой: только предложить некую версию национального интереса или набора интересов, так как мы желаем защитить право национальных государств преследовать и защищать эти интересы в рамках международного права. Напротив, если глобализацию рассматривать как установление глобальной гегемонии в однополярном мире,

то это ведет к подавлению национальных интересов. Такая форма глобализации сделала бы невозможной географическую демаркацию демократических национальных арен, таким образом подвергая человечество глобальному милитаристскому доминированию финансового капитала.

Многие из этих проблем распространены в африканских государствах и в региональных организациях, которые пытаются скоординировать политику на надгосударственном уровне. Примеры таких надгосударственных организаций: так называемые REC (Региональные экономические советы), ECOWAS (Экономическое сообщество африканских государств), IGAD (Межправительственное управление западноафриканских стран) и SADC (Южно-Африканское сообщество развития), или спонсируемая ООН организация, созданная, чтобы сократить торговые барьеры, — COMESA (Общий рынок Восточной и Южной Африки), или UN ECA (Экономическая комиссия по Африке), и, конечно, AU (Африканский союз). Многие из этих организаций имели неоднозначные результаты, некоторые уже исчезли. Только одна такая неудачная организация — «Восточно-Африканское сообщество» — вернулась к жизни. Другие выжившие, например «Южно-Африканский таможенный союз», имеют проблемы в отношениях с государствами, с которыми граничат. Само существование такого количества организаций, которые плохо согласуются между собой, а некоторые из них были переименованы, чтобы заново начать функционировать, может резонно считаться симптомом провала. Они также осложняют определение национальных интересов, политики и стратегии в едином национальном государстве.

Африка

Почему Африку начинают воспринимать как относительную неудачу после оптимизма, порожденного победой над апартеидом в Южной Африке, и обещаний африканского ренессанса?

Конечно, недавний рост многих африканских экономик — показатель того, что континент преодолел тяжелый момент кризиса. К сожалению, даже те, кто сочувствует Африке, столкнувшейся с проблемами, вынуждены признать, что она остается на обочине международных дел [7].

Это отчасти связано со слабой экономикой, которая ограничивает политическое влияние: примерно 14 % населения мира и всего 2 % мирового ВВП и торговли свидетельствуют о том, что Африка не достигает таких же результатов, как ведущие регионы, например Восточная Азия. Это несоответствие часто комментировали в последние 40 лет. Нельзя объяснить плохие показатели только долгом из-за рециклирования нефтедолларов вслед за резким подъемом цен на нефть в 1970-х. Это поощрение задолженности частично обуславливает относительно низкие успехи Африки в экономическом развитии, однако другим регионам удалось найти политические средства и экономические ресурсы, чтобы минимизировать такую задолженность и даже избавиться от нее. Такая стратегия со стороны однонациональных стран, иногда действующих сообща

или оказывая друг другу поддержку, вызвала сопротивление репрессивным и коррупционным режимам. Это прослеживается в Латинской Америке, где Меркосур и идеалы Боливара — организационные и дискурсивные факторы, которые используются как часть долгосрочной стратегии для обретения национальной автономии от международных финансовых учреждений [8]. Однако понятно, что Африке не удалось остановить утечку капитала с континента, то есть этот капитал не использовался для продуктивного инвестирования в экономику африканских стран.

По грубым подсчетам, за период с 1970 по 2010 год Африка лишилась 800 млрд долларов США, а это гораздо большая сумма, чем прямые иностранные инвестиции FDI плюс иностранная помощь. Если учесть все деньги, перечисляемые диаспорой, то Африка получила немного больший поток финансирования, чем противоположная сторона. Однако большинство внутренних переводов идут на потребление, поэтому эти фонды мало что дают для формирования капитала. Следует также обратить внимание на то, как мала общая сумма за эти 40 лет. Для сравнения: Сенат США выделил 700 млрд долларов на поддержку крупных американских банков в начале финансового кризиса 2007–2008 годов. Кроме того, основной доход Африке приносят ископаемые и продовольственный сектор, в частности какао. Очень немногие страны осуществляют эффективную стратегию для развития собственной инфраструктуры [9].

Необходимо признать, что слабая экономика Африки — это во многом результат осознанной и неосознанной дестабилизации и раздувания вооруженных конфликтов. Дестабилизация принимала разные формы, включая финансовую дестабилизацию (внешнее регулирование валюты и контроль выплаты процентов), разрушение транспорта, коррупцию, финансирование и поддержку мятежей и убийств. Последние часто преподносятся как таинственные авиакатастрофы. Мотивы для таких мер включали неокOLONIALИЗМ и монополизацию ресурсов (нефть, другие полезные ископаемые, вода, сельскохозяйственные земли). Такие формы конкуренции за ресурсы дестабилизировали экономику и отвлекали инвестиции от других форм производственной деятельности.

Один аспект такой потери контроля над экономикой (и последующая неспособность самостоятельно определить национальный интерес), который привлекал внимание с 1980-х годов, состоит в последствиях неолиберальной политики, следовавшей из программ структурного приспособления. Обычно критика этих программ была связана с растущим неравенством, бедностью, сокращающейся программой государственного финансирования, особенно медицины и образования, и с негативным влиянием выплаты долга на национальные фонды инвестирования и соответственно на экономический рост. Однако задолженность лишь увеличила власть финансовых учреждений в африканских странах, что отвлекло финансирование от ранее продуктивных секторов экономики [10] и привело к изменению морали — возрастанию цинизма и потере взаимного доверия среди населения. Широко рас-

пространившееся изменение морали привело, в свою очередь, к краткосрочности перспектив и к так называемому микромеркантилизму, то есть к постоянным попыткам получить преимущества в рыночных отношениях вместо общего стремления обеспечить будущее процветание за счет взаимовыгодной деятельности.

Никакая иностранная помощь не может быть названа абсолютно выгодной. С одной стороны, такая помощь часто диктуется интересами стран-доноров, а не приоритетными нуждами страны-реципиента. С другой — помощь и кредиты от международных агентств зачастую являются просто догматическим проведением неolibеральной экономической политики, которая имеет тенденцию внедрять негативную экономическую спираль в странах-реципиентах. Смягчающие меры также часто осуществляются неправильно и не только с учетом докладов по стратегии сокращения бедности, которые страны-реципиенты «добровольно» разрабатывают: даже такие явно похвальные программы, как «Цели развития тысячелетия», не учитывают текущих расходов. Дело в том, что без эффективной стратегии экономического роста в соответствующей стране даже те показатели, которые успешно достигаются, не будут устойчивыми, потому что они требуют дополнительных инвестиций, а финансовый кран будет закрыт рано или поздно.

Но самая очевидная проблема в африканских государствах, большинство из которых зависят от экспорта полезных ископаемых, — захват государства. Это связано с уже упомянутой дестабилизацией. Якобы демократические органы правления манипулируют, чтобы обеспечить контроль над ресурсами. Это привело к развитию «трофейного будущего» в некоторых странах, когда ищут поддержки из-за границы вооруженного восстания или вторжения с обещанием будущего контроля какого-нибудь минерального ресурса данной страны. Эта и другие формы того, что экономисты вежливо называют «поведение поиска ренты», очевидны во многих странах, а вытекающая из этого зависимость от незаконного использования силы и культура безнаказанности широко распространены в некоторых странах [11]. Одно из негативных последствий нарушения прав человека — то, что экономическая деятельность концентрируется вокруг самого доходного сектора.

Это привело к ряду дальнейших иностранных интервенций с целью захвата и возобновления контроля над ресурсами, особенно когда мирная конкуренция невозможна. Например, еще в 2002 году старший офицер Европейского командования вооруженных сил США (EUCOM) утверждал, что Африка является приоритетным направлением для американских военных. Это было открыто связано с растущими китайскими инвестициями в Африку. Другими словами, так как маловероятно, что мирная экономическая конкуренция сохранит желаемый результат, ответом должна стать попытка военного доминирования. Первым признаком того, что осуществляется новый подход, было образование Комиссии по Гвинейскому заливу в 2006 году. Эта комиссия была образована по инициативе Министерства обороны США и представляла 11 стран, дав-

ших согласие на различные формы сотрудничества в вопросах морской безопасности, и сейчас ее постоянный штаб находится в Анголе.

Это военное сотрудничество по обеспечению безопасности с различными африканскими странами было предназначено для того, чтобы проложить путь последующим действиям, а именно — основанию Командования по Африке, которое состоялось в 2008 году. Хотя ни одна африканская страна не дала согласия на размещение главного штаба этого командования, оно продолжает работать в Штутгарте в Германии. Вдобавок к растущему контингенту американских войск в Африке эта организация негативно повлияла на исследования в области социальных наук по Африке в США.

Не стабилизируя обстановку в Африке, военная интервенция, напротив, резко усилила нестабильность и свела на нет экономические и социальные завоевания прошлого. Этот шаг назад особенно заметен в Ливии, где свержение правительства несомненно дискредитировало так называемый либеральный интервенционизм и ответственность за защиту, но его дестабилизирующие последствия можно увидеть и в других странах.

Другие формы интервенции также дестабилизировали различные страны. Вот известный пример: восстание туарегов в Мали было не просто ответом на приток оружия от конфликта в Ливии. Этому предшествовали месяцы активности мусульманских фундаменталистских благотворительных обществ, финансируемых странами Персидского залива. Начинаясь восстание туарегов, обиженных отношением правительств африканских стран, стало дополнением к более фундаменталистскому восстанию после первоначального столкновения этих двух сил. Туареги тогда были побеждены фундаменталистским движением, которое вскоре распространилось на юго-запад через Мали, угрожая свергнуть правительство. Этот пример иллюстрирует сложность некоторых восстаний и влияние похожих событий в других странах, но можно цинично поинтересоваться, не обеспечила ли деятельность этих мусульманских благотворителей удобный повод для вторжения французской армии в страну с большими запасами урановой руды. Ведь Франция получает 75 % электричества за счет атомной энергии, а мировые запасы урана не так велики. Эти примеры показывают, что дестабилизация африканских стран не закончилась с окончанием апартеида.

БРИКС

Африканский член БРИКС — ЮАР — возможно, крупнейшая и наверняка самая продвинутая экономика на континенте. Другие относительно развитые страны — Египет, Нигерия и Ангола, но ни одна из них не обладает такой многоотраслевой экономикой и сферой услуг, как ЮАР. К сожалению, ЮАР избрала «неолиберальный поворот» во время переговоров CODESA, которые привели к окончанию апартеида в 1994 году, и сейчас страдает от проблем, сопровождающих потерю национальной автономии и имеющихся в других африканских странах. Главным горнодобывающим компа-

ниям было разрешено перейти на Лондонскую биржу. Это значит, что их прибыль теперь экспортируется, нанося ущерб национальному платежному балансу.

Автономия ЮАР подрывается также слабостью разведки в деле защиты национальных интересов [12]. Она пережила определенную утрату законности, что отражается в потере голосов при голосовании в Африканском национальном конгрессе при обвинениях в коррупции и репрессивных реакциях на забастовки. Она недостаточно инвестировала в энергетический сектор, чтобы обеспечить нужды растущего населения и развивающейся экономики, в результате было введено нормированное потребление электричества. Но это можно изменить, если инвестировать в новые атомные станции и в предлагаемый проект «Река Конго».

Однако ЮАР, как и остальная Африка, страдает от нехватки инвестиций. Основной надеждой на перемены остаются FDI (прямые иностранные инвестиции) наряду с политикой Нового Шелкового пути для Евразии. Основным источником FDI в Африке в этом веке является Китай [13]. Такой подход, а не вредный подход прошлого может помочь Африке вернуть контроль над потоками капитала и инвестировать в более продуктивное будущее в мультиполярном мире. В итоге БРИКС мог бы стать средством освобождения мировой экономики от доминирования милитаризованного западного финансового капитала.

Примечания

1. *Зубайда С.* Теории национализма. Власть и государство. — Лондон : Крум Хелм, 1978.

2. Одним из примеров является Израиль, который, тем не менее, отказывается признать различные резолюции ООН, влияющие на то, что эта страна определяет как «национальный интерес».

3. Это сейчас, несомненно, очень серьезный вопрос для Африки, особенно для Южной Африки, с учетом докладов об утечке информации разведывательных служб. См.: *Гардиан*. 2015. 25 февр. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/feb/24/africa-el-dorado-espionage-leaked-intelligence-files>

Другие материалы на эту тему можно найти на этой веб-странице, под новостным разделом. Правительство ЮАР может использовать этот скандал с утечкой информации в законной борьбе против разоблачителей и других критиков в национальных интересах.

4. *Хиндесс Б.* Гуманизм и теология в социологии. Социологические теории экономики. — Лондон : Макмиллан, 1977.

5. Этот аргумент сопоставим с утверждением Ильи Пригожина относительно необратимости событий: *Пригожин И.* Конец уверенности. — Нью-Йорк : The Free Press, 1997.

6. См.: *Гардиан*. 2015. 25 февр. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/feb/24/eu-blueprint-energy-union-russian-gas-gazprom-maros-sefcovic>

По поводу комментария, поддерживающего неадекватный ответ, который не упоминает трехлетний срок для переноса украинского газопровода, см.: *Гардиан*. 2015. 25 февр. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/27/eu-energy-union-vladimir-putin-russia-europe>

Но эта статья упоминает многие национальные препятствия в деле достижения соглашения с ЕС. Можно предполагать, что Россию будут обвинять в энергетических проблемах Восточной и Южной Европы, когда прекратится поступление газа.

7. В подтверждение этого вывода см.: *Ндонго Самба Силла*. От маргинальной до поднимающейся Африки? Критический анализ // *Обзор Африканской политэкономии*. — Т. 41, № 143 (доп. вып.). — С. 7–25.

8. Продолжающиеся волнения в Венесуэле и предполагаемые попытки свергнуть законно избранное правительство свидетельствуют о том, что этот процесс далек от завершения.

9. Заметное исключение — Ангола, как утверждает в неопубликованной работе Х. Фофака, служащего World bank (2015).

Ретроспективный анализ роста и возрождения Африки в пост-НИРС. Преодоление риска роста обнищания. Фактически Ангола не только финансировала кабель из микроволокна в Бразилию и кабель между прибрежными городами, но и запускает собственный спутник Ангосат и будет развивать оптическую сеть из микроволокна, соединяющую главные города.

10. Это задокументировано в неопубликованной работе о финансиализации в Нигерии «Финансиализация и экономический рост в Нигерии» (Ejike Edeogu, 2014).

11. Там же.

12. *Сандерс Дж.* Друзья апартеида: возрождение и падение Секретной службы ЮАР. — Лондон : Джон Мюррей, 2006 ; *Чикане*. То, что нельзя сказать. — Кейптаун : Пикадо, 2013.

13. Для оценки прямых инвестиций КНР в Демократическую Республику Конго см.: *Чакрабарти М.* Рост торговли КНР и инвестиции в Демократическую Республику Конго — благословение или проклятие? // *Обзор Африканской политической экономики*.

Е. И. Макаров¹

ПРОФСОЮЗНЫЙ ФОРУМ БРИКС: НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ОТСТАИВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРОФЦЕНТРОВ СТРАН-УЧАСТНИЦ

В последние три-четыре года в мировом профсоюзном движении обозначились тенденции, которые свидетельствуют о расширении арсенала инструментов, используемых профсоюзами для защиты интересов своих членов. Появляющиеся новые формы взаимодействия тесно связаны с процессами глобализации экономической жизни во всем мире, но было бы неверно объяснять эти явления лишь экономическими мотивами. При ближайшем рассмотрении оказывается, что наряду с экономикой в фокус внимания национальных профцентров ряда стран переместились более общие вопросы. Глобализация в классическом определении подразумевает интеграцию экономик и обществ во всем мире. Многими она трактуется как неизбежный процесс и интерпретируется как дальнейшее развитие демократии на наднациональном уровне. В практическом плане условиями ее осуществления являются свободный и равноправный доступ к информации, инфраструктуре, ресурсам; свобода перемещения товаров и услуг, ресурсов и многое другое.

Однако не все в мире согласны, что экономическая и политическая, а тем более культурная глобализация — процессы одного порядка, развитие которых должно идти параллельно и независимо друг от друга. Во многих странах граждане и власти готовы воспринимать положительные аспекты экономической глобализации и строить справедливые отношения обмена, но в вопросах политической и культурной глобализации общего понимания не найдено. Более того, реализованный европейский политический проект, который мог бы служить ориентиром для дальнейшего применения, в политическом и культурном плане выглядит все более проблемным.

Профсоюзы далеки от абстрактной политики, их прежде всего интересуют такие аспекты глобализации, как занятость, условия труда, экология и безопасность на рабочем месте, преодоление бедности, права работников, их здоровье и образование. Так вот в этих сферах за все три волны глобальных изменений положение стран, не относящихся к «золотому миллиарду», изменилось незначительно, а в некоторых случаях перераспределение богатства произошло отнюдь не в их пользу.

В крупных развивающихся государствах сегодняшние достижения в сфере экономики были получены вовсе не в результате каких-то глобальных влияний «неви-

димой руки рынка», а иногда вопреки усилиям международных финансовых институтов, лишь за счет неимоверных усилий национальных экономик, развитие которых обеспечивалось политическим суверенитетом. До сих пор в сфере экономической интеграции существуют неравенство и несправедливость, на что указывают возникающие время от времени экономические кризисы, приводящие к дальнейшему углублению глобальных проблем.

Новое строительство экономических барьеров, избирательность допуска к ресурсам и инфраструктуре, в том числе к знаниям и технологиям, не могут оставаться незамеченными в развивающихся странах. На этом фоне идеи политической и культурной глобализации рассматриваются через призму продвижения в сфере экономической интеграции и должны быть строго соразмерены. Профсоюзы в этом смысле придерживаются прагматического подхода и готовы поддерживать любые усилия правительств и бизнеса, направленные на улучшение экономического положения трудящихся в своих странах, при условии соблюдения их прав, предусмотренных национальным законодательством и международными нормами, но не готовы следовать курсом неолиберального догматизма в ущерб собственным национальным интересам.

Старт ускоренной кристаллизации новых идей и инструментов в профсоюзном сообществе был дан после саммита в Екатеринбурге в 2009 году, когда было объявлено о создании нового неформального международного объединения четырех государств: Бразилии, России, Индии и Китая (БРИК). Показательно, что менее чем через два года круг стран-участниц расширился до пяти, и с присоединением Южно-Африканской Республики объединение стало называться БРИКС.

На самом раннем этапе формирования БРИКС профсоюзы обратили внимание на два важнейших аспекта этой инициативы. Во-первых: генеральные идеи, вокруг которых она выросла, оказались созвучны темам, остро волновавшим профсоюзы на протяжении последнего десятилетия. В частности, предложения, а иногда и требования о реформировании мировой финансовой системы, системы международной торговли, рейтинговых оценок, определяющих формирование инвестиционного климата, повторялись в решениях съездов и конференций национальных профцентров многих стран и большинства глобальных отраслевых профсоюзов. Профсоюзы поддержали концепцию устойчивого развития, принятую в 1992 году в Рио-де-Жанейро, не получившую своего реального развития в условиях существующих политических и экономических режимов, и увидели в Совместном заявлении стран БРИКС ту новую роль, которую участники объединения готовы придать этой парадигме экономического развития. Наконец, идеи о более справедливом демократическом миропорядке, учитывающем реальную картину мира

¹ Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП. Председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1991–2000). Заместитель (2000–2004), помощник (2004–2012) полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. Автор ряда публикаций по профсоюзной проблематике, в т. ч.: «Трудовые отношения и профессиональные союзы», «Трудовые конфликты. История, теория, методы мониторинга» и др. Действительный государственный советник 2-го класса.

и построенном на верховенстве международного права, — тема, над которой профсоюзы постоянно работают с момента учреждения в 1919 году Международной организации труда — старейшего в структуре ООН специализированного учреждения, осуществляющего регулирование трудовых отношений на основе трипартизма. Во-вторых, профсоюзы во всем мире ассоциируют бюрократический аппарат, особенно на международном уровне, с будущим провалом любой, даже самой привлекательной инициативы. В случае с БРИКС как неформальным объединением бюрократизация не оказалась самоцелью, что стало для профсоюзов дополнительным аргументом в пользу развития контактов в этом новом формате.

После интенсивных предварительных консультаций национальные профсоюзные центры стран — участниц БРИКС в декабре 2012 года приняли решение об образовании Профсоюзного форума БРИКС и подписали по этому поводу Декларацию. Символично, что обсуждение и подписание Декларации состоялось в Москве в дни, когда там же проходила Международная конференция высокого уровня по вопросам достойного труда под эгидой Международной организации труда. Особенность атмосферы, в которой принималось это решение, заключалась в том, что концепция достойного труда весьма гармонично сочетается со взглядами профсоюзов стран БРИКС на будущее социально-трудовых отношений в каждой из них. Более того, Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС в г. Санья (Китай) в апреле 2011 года, содержала внушительную повестку будущего сотрудничества и развернутый план действий, которые не вступали в противоречие с намерениями профсоюзов.

С этого момента началось взаимодействие национальных профцентров стран-участниц в новом неформальном международном формате. В дальнейшем профсоюзные форумы проводились регулярно и параллельно с саммитами лидеров. Показательным в этом плане можно считать Профсоюзный форум, состоявшийся в городе Форталеза в период председательства в БРИКС Бразилии (председательство в Профсоюзном форуме ежегодно переходит от одной страны — участницы БРИКС к другой по аналогии с председательством в межгосударственном объединении). В нем приняли участие представители национальных профцентров всех стран-участниц и большое количество бразильских профактивистов. В ходе Профсоюзного форума была принята Декларация, которую его участники вручили президенту Бразилии Дилме Руссефф.

Очевидно, что столь плотное взаимодействие должно иметь рациональное объяснение, ведь мировое профсоюзное движение достаточно четко организовано и без этого нового формата. Существует крупнейшее глобальное объединение профсоюзов — Международная конфедерация профсоюзов, есть ее региональные организации. Многочисленные глобальные отраслевые объединения взаимодействуют на своем уровне, решая задачи на всех континентах. Кроме того, профсоюзы довольно большое внимание уделяют встречам на высшем уровне в формате G20, параллельно проводя собственные встречи и обсуждая актуальную повестку дня

в рамках Профсоюзного саммита L20, получившего официальный статус в 2011 году. Не являются ли избыточными попытки национальных профцентров стран БРИКС сформировать новую профсоюзную площадку и обсуждать какие-то вопросы отдельно? Не стоят ли за этими попытками какие-то другие интересы, кроме желания лучше и полнее защищать интересы собственных членских организаций и наемных работников в этих странах? Эти вопросы не только требуют ответа с точки зрения разумного распределения ограниченных профсоюзных ресурсов, но и должны быть озвучены для тех партнеров по профсоюзному движению, которые не входят в круг стран — участниц БРИКС.

Не секрет, что среди экспертов в сфере международных отношений периодически возникают мнения о том, что БРИКС является «надуманной» и бесперспективной формой взаимодействия. В числе аргументов этой позиции приводятся следующие критические соображения:

— страны — участницы БРИКС, кроме России и Китая, не имеют общей сухопутной границы, удалены друг от друга — расположены на разных континентах, и значительные транспортные издержки в ходе экономического и гуманитарного взаимодействия перечеркнут выгоды от него;

— население стран — участниц БРИКС весьма сильно отличается по численности, историко-культурным характеристикам, относится к различным цивилизационным, этническим, языковым и религиозным группам. Социальные структуры общества в странах БРИКС настолько различны, что о какой-то схожести их систем ценностей, совпадающего понимания национальных интересов и способов ответа на глобальные вызовы и речи быть не может;

— внешняя схожесть стран БРИКС по их доле в мировой и региональных экономиках, темпам, направленности развития и другим параметрам является ситуативной, ежегодно изменяющейся и весьма неоднородной. Более того, их экономические отношения ориентированы отнюдь не внутрь рамок объединения, а в противоположном направлении, и преодолеть эту ориентацию невозможно.

Приведенные выше аргументы не лишены оснований. Однако при оценке перспектив объединения, что для профсоюзов немаловажно, необходимо сконструировать систему координат, где такая оценка будет корректной, и, возможно, переосмыслить традиционные шаблоны, которыми привыкла мыслить международная бюрократия, выискивая в каждом новом международном формате ответ на вопрос: «Против кого дружить будем?». Профсоюзы за потоком критических статей и скептических высказываний увидели тривиальное продолжение старой и проверенной политики, направленной на отрицание всего, что способно изменить «статус-кво» в нынешнем, по нашему мнению, несправедливом распределении богатства и влияния в мире, против которого, собственно, и выступают страны — участницы БРИКС.

Однако реальность способна скорректировать самые мрачные прогнозы насчет будущего БРИКС. Объединение за девять лет своего существования в разных форматах не исчезло с современной политической кар-

ты. Более того, с каждым годом в его рамках растет количество инициатив в самых разных областях: от создания Банка развития, предназначенного для осуществления проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС, по масштабам средств сопоставимого с потенциалом Международного валютного фонда, через рассмотрение направлений реформирования ООН и Совета Безопасности и до обсуждения вопросов развития малых и средних предприятий в странах-участницах. Более того, не только количество направлений и взаимно востребованных интересов, но и политическое пространство диалога внутри БРИКС непрерывно расширяется. В 2014 году это пространство включало 23 формата на межгосударственном уровне, в том числе Профсоюзный форум.

Какова же актуальная повестка дня, побуждающая профсоюзы столь разных и удаленных друг от друга стран искать новые формы взаимодействия и уделять ему внимание в период достаточно динамичных явлений в национальных экономиках, имеющих выраженный кризисный характер? Она в некоторой степени симметрична межгосударственной, но построена на независимых, собственных взглядах профсоюзов на вопросы внешней и внутренней политики. Прежде всего внешней и внутренней экономической политики, которая должна быть нацелена на создание достойных рабочих мест как основного средства преодоления бедности и постоянно растущего неравенства. Экономика внутри стран должна способствовать инвестициям в реальный сектор экономики, инфраструктуру, образование, здравоохранение, науку и технологии.

Политические системы должны обеспечивать профсоюзное представительство в трудовых отношениях и юридические гарантии прав работников, включая право на забастовку. Профсоюзы видят, что международные финансовые институты могут играть значительную позитивную роль в инвестиционных проектах, справедливой международной торговле. Для этого существуют два пути: реформирование существующих институтов и строительство новых, основанных на ресурсах стран-участниц.

Важное значение профсоюзы придают технологическим изменениям, происходящим в мире, видя в этом огромный потенциал для рывка и перевода собственных экономик на более высокий конкурентоспособный уровень. Профсоюзы полагают, что современным социально-экономическим отношениям, построенным на эффективном использовании человеческого потенциала, соответствует «интегральная модель» социального партнерства государства, бизнеса и профсоюзов на всех уровнях их присутствия.

Модель трипартизма, без малого сто лет практикуемая в рамках МОТ, доказала свою эффективность и должна стать преобладающей в рамках БРИКС. Перечень тем, по которым профсоюзы взаимодействуют на межгосударственном уровне, не исчерпывается приведенным выше кратким перечнем наиболее значимых вопросов. Среди них есть и темы экологии, темы труда женщин и молодежи, миграции, продовольственной безопасности и много других, отвечающих интересам национальных профцентров стран-участниц. Как видно, среди этого многообразия невозможно найти то, что можно охарактеризовать как «противостояние» или «противопоставление». Напротив, идеи, закладываемые сегодня в деятельность Профсоюзного форума БРИКС, способны дать положительный «кумулятивный» эффект не только для стран-участниц, но и для всего мирового сообщества.

В апреле 2015 года Российская Федерация вступила в права председателя группы и активно готовится к проведению саммита БРИКС в Уфе, который состоится 8–9 июля 2015 года. В рамках саммита предусмотрена обширная программа встреч и мероприятий в самых разных форматах, в том числе и Профсоюзный форум. Федерация независимых профсоюзов России уже подготовила и представила своим партнерам пакет российских профсоюзных инициатив, реализация которых позволит существенно продвинуть качество социального диалога в рамках БРИКС и в определенной степени реализацию идей, сплотивших национальные профцентры БРИКС в интересах трудящихся, которых они объединяют.

А. П. Назаретян¹

ГЛОБАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА И «АГЕНТУРА ВЛИЯНИЯ»

Обострение украинского кризиса последних полутора лет с особой наглядностью обнаружило не толь-

¹ Главный научный сотрудник, руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН, профессор Международного университета «Дубна», доктор философских наук, кандидат психологических наук. Главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории». Автор около 350 научных публикаций, вышедших в СССР, России, США, Японии, Китае, Западной Европе и Латинской Америке, в т. ч.: «Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы», «Агрессивная толпа, массовая паника, слухи», «Психология стихийного массового поведения» (2001, 2005), «Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории» (2001, 2004), «Антропология насилия и культура самоорганизации» (2007, 2008, 2012, 2015), «Evolution of non-violence: Studies in Big History, self-organization and historical psychology», «Нелинейное будущее» (2013, 2014, 2015) и др. Член Всемирной исторической ассоциации.

ко патологии в глобальной геополитической системе, но также слабости концептуального и информационного обеспечения российской внешней политики. В личных беседах политологи и общественные деятели разных стран говорят, что именно неуклюжее информационное сопровождение мешает им публично поддержать антифашистскую борьбу украинцев и сочувствующих им российских властей. Собеседники приводят безответственные заявления публицистов, выдержанные в агрессивно-патриотическом или религиозном духе, тиражируемые в западных СМИ и социальных сетях и представляемые как образцы «русской идеологии».

Психологическая беспомощность, незнание известных технологий конверсивного воздействия на деле

только подкрепляют в сознании обывателя желательный для оппонентов образ большой экспансивной России, терзающей маленькую Украину, и аналогии с действиями немецких нацистов, обращенные не на их прямых наследников — бандеровцев и дивизию СС «Галичина», — а на российскую власть. Официальные посылы руководства (типа «защиты русского мира») более или менее привлекательны для внутреннего потребителя, но не способны заинтересовать бескорыстных лидеров мнения и исключают эффективную «агентуру влияния» за рубежом.

Между тем без такой агентуры внешнеполитическая деятельность в современном мире бесперспективна, а формирование агентов влияния чаще всего не требует крупных финансовых затрат — важнее яркая, привлекательная идея. Более того: опыт международных контактов позволяет утверждать, что миллионы людей в странах Америки, Азии, Ближнего Востока и Европы, замечающие обвальные процессы в мировом сообществе, ждут именно от России внятной *космополитической* программы, способной вдохновить на совместные действия для достижения глобальных целей.

Далее тезисно представлены соображения, которые, по мнению автора, могли бы служить контуром такой программы, сделав российскую политику притягательной для формального и неформального партнерства.

Геополитические процессы сложились в глобальную систему с синхронизированными зависимостями в XX веке, пережив напряжения двух мировых войн и сразу вступив в преддверие третьей. На фронтах холодной войны погибли в сумме до 25 млн человек, но фронты были рассредоточены в пространстве и времени, находились далеко от Европы и Северной Америки, а главное — в сравнении с ожидавшимися миллиардами жертв их реальное число показалось чуть ли не «малой кровью».

Действительно, в начале 1960-х годов напряжение достигло такого накала, что возник вопрос о физическом выживании человечества. Смертельную угрозу представлял не только прямой ядерный конфликт между сверхдержавами: последующие расчеты показали, что, если бы активность цивилизации оставалась такой же «экологически грязной», какой она была в 1950-х годах, то в 1990-х жизнь на Земле стала бы невыносимой.

К концу 1970-х годов мир обрел относительную устойчивость. Остались позади несколько чудом преодоленных обострений, вопреки бесчисленным разногласиям был заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, который со временем признали и не подписавшие его ядерные державы — Франция и Китай. Благодаря жесткой позиции советского правительства американская армия отказалась от замысла использовать тактическое ядерное оружие (согласно на это дипломаты пытались «продать» несколькими годами ранее). Человечество культурно и психологически «притерлось» к новейшим технологиям, которые сделались теперь гарантом взаимного сдерживания. С одной стороны, поблекли грезы о «мировой

пролетарской революции». С другой стороны, страх перед международным революционным движением заставлял поддерживать самые одиозные режимы как заслон против «левых». Спецслужбы противостоящих блоков, комфортно усевшись на хлебных должностях, пестовали сторонников за рубежом — от «агентов влияния» до кровавых диктаторов и боевых террористических организаций — и занимались взаимным «разваливанием», не рассчитывая на стратегический успех и даже не сильно стремясь к нему. В охотку устраивались обоюдные «подлянки» для ежегодных отчетов, но творцы холодной войны понимали, что она служит стабильным источником их социального и финансового благополучия.

В декабре 1979 года советское правительство, поддавшись на уловки противника, позволило заманить наши войска в Афганистан. Мстительная мечта американцев о «советском Вьетнаме» обрела плоть и кровь, но никто еще не предполагал, что это станет «началом конца» одного из противостоящих военных блоков. Не задумывались и о перспективе террористических движений, формирование которых приобрело теперь особую интенсивность...

В конце 1980-х годов по обе стороны океана распространилось ожидание приближающегося бесплодного (или многополярного) мира и даже грядущего «конца истории». Согласно одноименной статье-бестселлеру Ф. Фукуямы главной проблемой нового бесконфликтного мира станет... скука. Но в такой конфигурации будущего и силовые структуры, и спецслужбы теряют почву — и новый бестселлер не заставил себя ждать. Другой американский идеолог С. Хантингтон предрекал, что религиозный ренессанс разделит планету на семь или восемь региональных цивилизаций, конфликт между которыми составит новое содержание политических процессов — и это будет пострашнее уходящего коммунизма.

Реальность по прошествии четверти века кажется соответствующей хантингтоновой модели, но только на первый взгляд. Так называемое столкновение цивилизаций на поверку чаще всего представляет собой конфликт сосуществующих во времени исторических эпох, вызванный системным геополитическим кризисом. Вопреки благодушным ожиданиям ментальная матрица массового политического сознания осталась двухполюсной, и опустошение одного из полюсов спровоцировало эффект, хорошо знакомый специалистам по экологии и теории систем.

Опустошение экологической ниши чревато либо деградацией биоценоза, либо тем, что ниша заполняется неспецифическим видом — и это также чревато дисфункцией. Хрестоматийными примерами могут служить результаты кампаний 1950-х годов по уничтожению воробьев в Китае (посчитали, что так будет сохранен значительный объем зерновых) и по отстрелу волков в России.

В первом случае обнаружилось, что птичий рацион составляет не столько зерно, сколько насекомые и их личинки, а оставшись без естественного врага и безмерно расплодившись, эти вредители обрушили экологию агроценоза. Во втором случае место волков заняли

одичавшие псы, справиться с которыми оказалось гораздо труднее: собаки были не столь «простодушны», не боялись огня, веревок, флажков и прочих ловушек и, в отличие от волков, активно ненавидели людей. Чтобы устранить это бедствие, пришлось восстанавливать популяцию волков, которые быстро вытесняли конкурентов из своей «законной» ниши.

Тот же системный эффект проявился и в глобальной геополитике конца XX — начала XXI века. Опустевший полюс стал заполняться террористическими группировками, которые в предыдущие десятилетия взращивались спецслужбами противостоящих блоков и, больше не нужные прежним хозяевам, быстро одичали.

Так, параллельно с небывалым уплотнением планетарных процессов сложилась угрожающая патология полюсов мировой геополитики.

На одном полюсе — американская элита, охваченная эйфорией победы в холодной войне, ощущением всемогущества, вседозволенности и тем психическим состоянием, которое голландский политолог П. Слоттердейк (изучавший настроение европейцев на пороге Первой мировой войны) обозначил как *комплекс катастрофофилии*. Наши исследования антропогенных катастроф показали, что этот массовый комплекс, воспроизводящийся в различных исторических эпохах и выражающийся иррациональной жадью «маленьких победоносных войн», служит компонентом кризисного поведения.

В последние два десятилетия отчетливо прослеживается снижение интеллектуального качества американской политической элиты. Если в 1960–1980-х годах осуществлялись блестящие многоходовые операции, направленные преимущественно на сохранение status quo с участием высококлассных страноведов и психологов, то в 1990-х на смену гроссмейстерам пришли игроки пятого разряда, самоутверждающиеся ценой сиюминутных побед и не умеющие просчитать их последствия на пару ходов вперед. С 1999 года едва ли не каждое масштабное внешнеполитическое действие оборачивается эффектом бумеранга для его инициаторов. Я писал об этом в американской печати после югославской и иракской авантюры, доказывая, что их мотивами служили не экономические или «национальные» интересы, а та же иррациональная жажда демонстративных побед, резонирующая с настроениями достаточно широких слоев населения¹. Потом были военные «успехи» на Ближнем Востоке и в Северной Африке, превратившие политически стабильные регионы в гнезда террористов.

Так импульсивными действиями из-за океана произвольно, но последовательно усиливается противоположный полюс — средоточие сил, жаждущих уже не «маленьких победоносных войн», а тотальной войны за утверждение всемирной власти шариата. Эта пассионарная идеология в чем-то сродни коммунистической образца столетней давности, но еще Хантингтон заметил, что находить общий язык с ее адептами значительно труднее, чем с коммунистами. Комму-

низм, как и либеральная демократия, был наследником гуманистических утопий Нового времени, тогда как теперь их нишу заняли выходцы из Средневековья.

В итоге по большому счету самодовольной элите США (и частично примыкающей к ней элите Западной Европы) противостоят еще более безответственные, необученные системному мышлению и долгосрочному прогнозированию религиозные фанатики — и глобальная геополитическая система идет вразнос. Международное право, «общечеловеческие ценности», готовность к компромиссам остаются такими же ностальгическими воспоминаниями, как свободная журналистика, а на смену им приходят множественные стандарты, информационная война и безусловное обоюдное неприятие. Чего же следует ожидать, если ситуация в скором будущем радикально не изменится?

На прошлых Чтениях в 2014 году я рассказывал о независимых расчетах, проведенных учеными разных стран и специальностей и показавших, что в XXI веке так или иначе должна разрешиться интрига планетарной истории. Около середины века наступит точка *сингулярности*, за которой либо начнется деградация антропосферы, либо эволюция выйдет с планетарной на космическую стадию². В наши дни складываются решающие предпосылки для выхода на тот или иной аттрактор, и они определяются тем, будет ли один из полюсов заполнен трезвой ответственной силой, которая вытеснит из ниши средневековых фанатиков и вернет качество вменяемости основным геополитическим конкурентам. Если этого не случится, то, вероятнее всего, цивилизацию Земли ждет необратимый коллапс.

Перспектива большой сингулярности хорошо известна ученым (в 2008 г. при НАСА образован Университет сингулярности, аналоги которого формируются и за пределами США), но их выводы пока не востребованы в политических кругах. *Те политики, которые, оторвавшись от партийных и национальных амбиций, раньше других освоят эту идею, могут получить важнейшее конкурентное преимущество.*

Внешняя политика СССР, особенно в период его расцвета, получала поддержку широких демократических кругов благодаря привлекательной интернационалистской идеологии. Его оппоненты еще в 1950–1960-х годах объясняли свои неудачи отсутствием внятной стратегической задачи — чего-то более содержательного, чем просто «борьба против коммунизма», — и правительством США учреждались «комиссии по выработке национальной цели». Такая работа проводилась успешно, и лозунги вроде «наведения мостов» или «американского образа жизни» усилили эффект агентурной работы.

Крах коммунистической идеи оставил в российском обществе духовный вакуум, который со временем стал частично заполняться патристическими и религиозными настроениями. О внутриполитической перспективе таких акцентов в полиэтничной и поликон-

¹ Nazaretyan A. P. Power and wisdom: Toward a history of social behavior // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2003. Vol. 33, № 4. P. 405–425.

² Назаретян А. П. Национальная идея в «век бифуркаций» // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 415–417.

фессиональной стране можно спорить, но ясно, что они сужают перспективу ее утверждения в качестве ключевого субъекта международных отношений.

Вспышка украинского кризиса была спровоцирована очередной авантюрой властей США, которые, открыто поощряя вооруженный переворот с привлечением местных движений нацистского толка, едва ли сознательно намеревались устроить войну в центре Европы. Активное сопротивление «пророссийских» сил на Украине и их поддержка российским правительством стали для них такой же неприятной неожиданностью, как раскрепощение исламских фанатиков в результате «арабской весны».

В России это сопровождается патриотическим энтузиазмом большей части населения и недовольством в кругах либеральной интеллигенции. Истерические нотки из обоих лагерей затемняют глобальное содер-

жание регионального конфликта, суть которого заключается в том, насколько очевидным окажется очередной провал в авантюрной практике США и насколько прочно утвердится в результате новый независимый центр мировой политики. Я думаю, что решающий перелом был бы обусловлен смещением акцентов в российской внешней политике с «национальных интересов» на актуальную общечеловеческую тему: *восстановление устойчивости глобальной геополитической системы*. Стратегический курс на сохранение планетарной цивилизации в XXI веке и его грамотная раскрутка сделают действия российского руководства более привлекательными для демократической общественности как внутри, так и вне страны. В этом контексте приобретает новые смыслы и образование международных ассоциаций типа БРИКС и Таможенного союза...

Ненад Попович¹

БАЛКАНСКИЙ РЕГИОН В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Природа всех глобальных конфликтов обусловлена столкновением противоположных интересов и целей. В классической геополитике конфликт всегда ставится в центр международных отношений. В качестве основных в современном мире выделяются военно-политические, экономические, социальные конфликты. В конце XX века также получили широкое распространение этнонациональные и этноконфессиональные конфликты.

Противоречивые процессы глобализации, происходящие сегодня в мире, обострили существующие или породили новые проблемы. Среди основных военно-политических и экономических **глобальных угроз можно назвать** терроризм, религиозный экстремизм, этническую вражду, неконтролируемую миграцию, незаконную торговлю оружием и др. Все эти угрозы обуславливают необходимость незамедлительных совместных действий всех стран мира по их устранению.

В статье я подробно остановлюсь на проблемах Балканского региона, который с уверенностью сегодня

можно назвать центральной частью глобальной «дуги нестабильности».

Помимо стратегической роли Балкан в геополитических комбинациях, важнейшим фактором нестабильности на полуострове остается незавершенность процессов национально-государственного строительства. Последние события в Балканском регионе ознаменовали начало нового этапа в его национально-государственном дроблении. По сути, происходит возвращение к ситуации конца XIX — начала XX века, с присущими тому времени взаимными территориальными претензиями и этническим национализмом.

Последние события на Балканах, произошедшие в конце XX века, ознаменовали начало нового этапа в национально-государственном делении региона, наглядно продемонстрировали ошибочность расчетов на долговременную стабилизацию обстановки.

Решение Международного суда ООН, признавшего декларацию об одностороннем провозглашении независимости Косово «не противоречащей международному праву», было воспринято как сигнал к действию в двух потенциально «горячих» точках региона — на территориях компактного проживания косовских сербов и в боснийской Республике Сербской.

Сегодня аналогичные тенденции к пересмотру существующих моделей урегулирования межэтнических конфликтов и дальнейшему перекраиванию существующих государственных границ активизировались и за пределами Балкан. Об угрозе повторения косовского и боснийского сценариев в последнее время все громче заявляют в Киргизии и других республиках Центральной Азии.

Не случайно один из идеологов неоглобализма Збигнев Бжезинский определяет район Закавказья, Центральной Азии термином «евразийские Балканы»

¹ Председатель Сербской народной партии, президент группы компаний «АБС Электро», основатель благотворительного фонда «АБС Электро», доктор экономических наук. Профессор кафедры экономики и планирования горного производства Московского государственного горного университета (с 2000 г.). Автор 11 книг и 211 научных работ в области экономики и регионального развития, в т. ч.: «Откровенно об экономике Косово и Метохии» и др. Председатель почетного совета Общества российско-сербской дружбы. Член Попечительского совета фонда «Единство православных народов», возглавляемого Патриархом Московским и Всея Руси, Попечительского совета Русской православной церкви в Белграде. Председатель Попечительского совета фонда «Русский некрополь в г. Белграде». Удостоен почетного звания Министрства энергетики РФ «Почетный энергетик» (2014). Награжден медалью «За гуманизм» (Сербия и Черногория), орденами Дружбы, «За заслуги перед Чувашской Республикой», Святого Саввы II степени, преподобного Серафима Саровского II степени, Святого благоверного князя Даниила Московского III степени, преподобного Сергия Радонежского III степени.

и указывает, что они «действительно напоминают более старые, более знакомые Балканы в Юго-Восточной Европе: в политических субъектах не только наблюдается нестабильная ситуация, но они также являются причиной вмешательства со стороны более мощных соседей, каждый из которых полон решимости оказать сопротивление доминирующей роли другого соседа в регионе. Именно это знакомое сочетание вакуума силы и всасывания силы и оправдывает термин “евразийские Балканы”»¹.

Традиционно Балканы всегда представляли собой потенциальный геополитический объект притязаний в борьбе за европейское господство. Основная причина — географическое расположение Балкан, находящихся на стыке всех торговых путей между богатыми странами Евразии и промышленно развитыми государствами Запада.

Особенностью новых глобальных вызовов в современном мире является то, что в последнее время стал четко проявляться ренессанс агрессивного этнического сепаратизма уже за пределами Балканского региона — в Румынии, Словакии, Венгрии и других государствах — членах Европейского Союза. Именно под влиянием косовского прецедента существенно возросла непредсказуемость дальнейшего развития двух «замороженных» конфликтов на территории бывшего Советского Союза — приднестровского и нагорно-карабахского.

Все это дает основания охарактеризовать Балканский регион в его современном виде — спустя более 20 лет после начала кровавого распада Югославии — «как важнейшую составную часть глобальной “дуги нестабильности”», простирающейся «от Африки на Ближний Восток, Балканы, Кавказ, Южную и Центральную Азию и часть Юго-Восточной Азии...»²

Роль Балканского полуострова в этих процессах обусловлена рядом факторов, в том числе связанных со сложными переплетениями межэтнических, межрелигиозных и межгосударственных противоречий в регионе: «На протяжении всех веков Балканы всегда были местом жестоких кровавых столкновений чужих интересов. Карту Балкан много раз перекраивали, не считаясь с волей самих жителей полуострова. Отсюда во многом и та самая балканская незаконченность межэтнического и межгосударственного разграничения разных народов, постоянные кризисы и войны...»³

Поэтому найти сегодня оптимальное и долгосрочное разрешение имеющихся конфликтов и противоречий на основе традиционных моделей, с привлечением существующих миротворческих инструментов в лице ООН, ОБСЕ, Европейского Союза, НАТО и других институтов, практически невозможно.

Все это открывает широкие возможности для реализации в регионе США и ведущими европейскими странами собственных стратегий, предусматривающих

как отработку на данной почве механизмов обеспечения геополитического доминирования непосредственно в Балканском регионе, так и решение своих более масштабных задач.

Подтверждением этого может служить заявление бывшего американского конгрессмена Тома Лантоса о том, что роль США в создании мусульманской Боснии и Герцеговины в центре Европы должны по достоинству оценить «не только соответствующие лидеры мусульманских государств, но также и джихадисты всех возможных мастей»⁴. «...именно поэтому поддержка действий администрации США на Балканах боснийскими мусульманами, а заодно и косовскими мусульманами-албанцами особенно важна для американцев на пропагандистском уровне в их взаимоотношениях с мусульманским миром...»⁵

Велика роль Балкан и в обеспечении общеевропейской стабильности, точнее говоря, нестабильности. С конца XIX века за Балканским полуостровом прочно закрепилась репутация «порохового погреба Европы». Великие державы постоянно разрабатывали (и продолжают реализовывать) планы по использованию Балканского региона как плацдарма для дальнейшего проникновения в стратегически важные районы мира. Одним из основных направлений подобной экспансии выступало использование морских и сухопутных балканских транспортных артерий — как существующих, так и планируемых (прямая аналогия с сегодняшними баталиями вокруг маршрутов транспортировки энергоресурсов).

Подтверждение этому — история всех войн на Балканах. Уже в начале XX века острые балканские проблемы — албанская, македонская, боснийская — решались великими державами «в рамках их территориальных претензий на Балканах и доминирования в Средиземноморье и на Ближнем Востоке...»⁶

В системе современных международных отношений агрессивная политика западных держав в Балканском регионе, наглядно проявившаяся в натовских «гуманитарных» бомбардировках Югославии 1999 года и последующем продвижении идеи о самопровозглашенной независимости Косово, несет в себе более масштабные угрозы, нежели те, с которыми столкнулись европейские державы в начале XX века.

Сегодня уже очевидно, что политика США и НАТО на Балканах ведет «к эскалации насилия и преступлений, подрывает успехи демократии, ставит крест на перспективах разоружения и определенного контроля над ядерным оружием, а также над другим оружием массового поражения, и, конечно, может не оставить безъядерным государствам другого выбора, кроме как “приобрести ядерное оружие” в целях самообороны...»⁷

Однако не следует недооценивать значимости разногласий между США и Европейским Союзом в уре-

⁴ The Huffington Post. 2007. 20 April.

⁵ Каргановић С., Симић Љ. Сребреница: деконструкција једног виртуелног геноцида. Београд, 2010. С. 129.

⁶ Стојанов П. Македонија во политиката на големите сили во времето на Балканските војни 1912–1913. Скопје, 1979. С. 183.

⁷ Хомский Н. Новый военный гуманизм: уроки Косова. М., 2002. С. 273–274.

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2009. С. 161.

² Мир после кризиса. Глобальные тенденции–2025: меняющийся мир : докл. Национального разведывательного совета США. М., 2009.

³ Модели стабильности в Черноморско-Кавказском регионе. М., 2006. С. 34.

гулировании проблем Балканского региона. Подобные расхождения проявились уже в первой половине 1990-х годов в разгар распада Югославии, а сегодня они серьезно влияют как на выработку Евросоюзом единой внешней и оборонной политики, так и на развитие двусторонних отношений ЕС с отдельными государствами региона, в первую очередь с Сербией и Турцией.

Как справедливо указывает в своих мемуарах бывший канцлер Германии Герхард Шрёдер, «США и ныне не могут решить, как им быть с Европейским Союзом. То и дело из-за океана звучат ободряющие призывы к большей самостоятельности и установлению партнерства, основанного на общей системе ценностей. Однако как только вопрос о реальном усилении независимости Европы ставится на повестку дня, американцы стараются этому воспрепятствовать...»¹ Более того, по словам Шрёдера, «ради собственных интересов некоторым американским политикам всегда милее Европа, раздираемая спорами...»¹

Помимо стратегической роли Балканского полуострова в общеевропейских, а после Второй мировой войны — также и в глобальных геополитических комбинациях и расчетах, важнейшим фактором нестабильности в этом регионе остается незавершенность процессов национально-государственного строительства (это касается этнических и межэтнических аспектов).

Распад Югославии в первой половине 1990-х годов обусловил серьезную девальвацию международно-правовых норм кризисного и посткризисного урегулирования. Это было связано как с отсутствием у мирового сообщества наработанных моделей, так и с двойными стандартами, навязывавшимися западными игроками в лице США, НАТО и Европейского Союза.

Противоречивое отношение международных организаций к самопровозглашенным в ходе кризиса на территории бывшей Югославии государственным образованиям — от республики Сербская Краина в Хорватии и Республики Сербской в Боснии и Герцеговине до Косово в составе Сербии — породило у балканских народов и государств, недовольных своим статусом, ощущение «игры без правил», когда на смену принципам нерушимости границ и сотрудничества пришли нормы *Realpolitik*, исходящей из приоритета силовых односторонних действий с опорой не на международное право, а на центры силы и закулисные комбинации.

Сегодня мы можем заявить, что все события, произошедшие в Приднестровье, Косово, Абхазии, показали неспособность и бездеятельность международного сообщества, которое расписалось в собственном бессилии найти решение проблемы непризнанных государств. Единственное, что было найдено, — дейтонский вариант, но и тот сегодня сознательно и целенаправленно уничтожается его авторами.

В настоящее время в Балканском регионе, по сути, происходит возвращение к ситуации конца XIX — начала XX века (взаимные территориальные претензии, этнический национализм и т. п.). Более того, последо-

вательное развитие событий в Косово, Боснии и Герцеговине и Македонии можно рассматривать как «отложенную цепную реакцию открытых вопросов времен Балканских войн 1912–1913 годов»².

Отправной точкой для современных глобальных вызовов и начала новых дестабилизационных процессов на Балканах следует считать великоалбанскую идею, провозглашенную еще в конце XIX века и перешедшую в практическую плоскость реализации в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

Как подчеркивалось в политической декларации Координационного совета албанских политических партий в Югославии, принятой 12 октября 1991 года, в случае изменения югославских границ «албанская часть Югославии посредством принятия основной декларации по результатам плебисцита решится на территориальное объединение с Албанией». В качестве идеологического обоснования новой перекройки границ в документе указывалось, что «в процессе определения государственных границ Албании были проигнорированы этнические принципы и воля албанского народа»³. Правовой основой такого курса стали результаты проведенного в сентябре 1991 года в Косово албанскими сепаратистами «референдума по вопросу суверенитета и независимости», не признанного ни Белградом, ни целым рядом международных институтов. Последующее развитие событий в албанонаселенных районах Балкан полностью укладывается в данную программу.

В настоящее время в качестве «ядра собирания албанских земель» выступает Косово, к которому лидеры албанцев в различных балканских странах намерены уже в ближайшее время присоединить обширные территории Южной Сербии, Македонии, Черногории и, возможно, Греции. Это подорвет хрупкий мир и стабильность в Боснии и Герцеговине, где боснийские сербы и хорваты уже открыто говорят о намерении повторить косовский сценарий самоопределения.

В условиях этнической «чехарды» на Балканах и отсутствия внятных международно-правовых механизмов урегулирования местных конфликтов великодержавные планы албанского этноса закономерно ведут к усилению аналогичных тенденций в среде других балканских народов — прежде всего сербов, хорватов, македонцев и болгар.

В настоящее время вопрос о положении сотысячного сербского населения в двухмиллионном Косово международные эксперты обсуждают почти исключительно в контексте насильственной интеграции косовских сербов в структуры самопровозглашенного Косовского государства и их последующей этноконфессиональной ассимиляции. Сегодня стало понятно, что Белград или косовские сербы никогда не согласятся даже на расширенную автономию, они прямо указывают на «отсутствие каких-либо признаков для осуществления этого». Однако эксперты Международной кризисной группы в своих докладах продолжают убеждать международное сообщество, что только эта стратегия

² *Chashule S. Kosovo, a Joint Venture of Democracy // Macedonian Affairs. 2005. Vol. V, № 4. P. 31.*

³ *A Political Declaration // The Truth on Kosova. Tirana, 1993. S. 338–339.*

¹ *Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике. М., 2007. С. 144.*

может помочь добиться признания Сербией независимости Косово.

Вместе с тем очевидно, что изменения границ между сербскими и албанскими анклавами могут вызвать массовую миграцию косовских сербов, проживающих в настоящее время к югу от реки Ибар. Одновременно с этим изменение границ вызовет резкий всплеск албанского сепаратизма в соседних Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине.

И если в Македонии на повестку дня выходит дальнейшее обособление албанской общины (составляющей, по разным данным, от четверти до трети населения страны), то в Боснии и Герцеговине повторение косовского сценария неизбежно будет означать возобновление кровавой братоубийственной этногражданской войны «всех против всех». Вооруженные конфликты в Боснии и Герцеговине и Косово — это явления одного порядка.

Подтверждением «взрывоопасности» Балканского региона является высказывание авторитетного американского социолога сербского происхождения Богдана Денича, который заявил, что в случае с единой Югославией «невозможно себе представить какие-либо новые “более справедливые” границы, установление которых не приводило бы к бесконечному кровопролитию...»¹

Умышленное забвение (но отчасти и неумышленное) этого обстоятельства в начале 1990-х годов породило нынешний виток непрекращающейся нестабильности на Балканах, в рамках этой стратегии все более явно просматривается разделение не только Косово, но и Македонии, Боснии и Герцеговины.

Сейчас уже можно открыто спросить у мирового сообщества: «Если косовские албанцы согласно решению Международного суда ООН и мнению большинства ведущих мировых держав имеют право отделиться по причине этнической ненависти и отсутствия единства с Сербией, то почему сербы не могут сделать то же самое в Боснии и Герцеговине?».

В последнее время все чаще стали появляться утверждения целого ряда международных наблюдателей о том, что нынешняя ситуация в Боснии и Герцеговине во многом повторяет развитие ситуации в зоне палестино-израильского конфликта, ибо положение боснийских сербов и хорватов аналогично положению арабских граждан в Израиле: Израильское государство «не позволяет им становиться полностью израильтянами», и они вынуждены оставаться «маргинальными израильтянами»².

Однако сложные межнациональные отношения на Балканах в ближайшее время могут отойти на второе место, а на первое выдвинется еще более опасный фактор — религиозный, способный сделать регион зоной острых межконфессиональных столкновений.

По свидетельству Якуба Селимовского, отвечающего за религиозное образование в мусульманской общине Македонии, ваххабизм в Македонии, на Балканах и в Европе за последние 10 лет стал более агрессивным. По его данным, ваххабиты, как представите-

ли наиболее радикального течения в исламе, имеющего тесные связи с международными террористическими структурами, уже присутствуют «на постоянной основе» на македонской территории, где их ранее не было. Более того, деструктивные, радикальные и экстремистские силы пытаются взять под контроль и возглавить местную исламскую религиозную общину. При этом следует отметить, что главенствующие позиции среди мусульман Македонии занимают албанцы. По имеющейся информации, не менее пяти крупных мечетей в македонской столице Скопье контролируются ваххабитами. Их духовный лидер Рамадан Рамадани распространял среди местных мусульман ультиматум, требуя признать его лидером всей исламской общины Македонии. По данным македонских средств массовой информации, в контролируемых исламистами мечетях транслируются воззвания в поддержку террористической группировки «Исламское государство».

Ваххабиты также активно действуют в Боснии и Герцеговине, Косово, во всей остальной Сербии, Черногории, Хорватии, а «в последнее время появились в Болгарии». С середины 1990-х годов на территории Болгарии на средства зарубежных мусульманских стран и организаций сооружено более 150 мечетей и так называемых «образовательных центров», через которые напрямую распространяются идеи ваххабизма. Как подчеркивает бывший болгарский верховный муфтий Недим Генджев, действующие в Балканском регионе мусульманские организации стремятся создать «фундаменталистский треугольник», образуемый Боснией, Македонией и горным Западно-Родопским районом в Болгарии.

Действующие там исламские центры поддерживают тесные связи не только с Саудовской Аравией, но и с более радикальными силами, включая внесенные в списки террористические организации, такие как египетские «Братья-мусульмане» и группировка «Исламское государство». В контролируемых ими в Болгарии центрах за последние 25 лет, по самым скромным оценкам, прошли подготовку более 3 тыс. молодых мусульман³.

Постоянный рост активности радикальных исламистов отмечается сегодня и в Сербии, прежде всего в исторической области Санджак, на стыке сербской, черногорской и боснийской границ. Сербским властям не раз удавалось пресечь деятельность ваххабитских центров в данном регионе, в частности в 2007 году в районе административного центра Санджака, в городе Нови-Пазар, функционирование крупного тренировочного лагеря ваххабитов. В ходе проведенного сербскими властями расследования было выявлено, что целью ваххабитских группировок являлась организация террористических актов не только в Санджаке и Нови-Пазаре, но и в Белграде, направленных против посольств США и ведущих европейских стран. Оружие ваххабитам поставлялось из Албании через Косово. Не следует забывать, что именно с Албании в начале 1990-х годов началось проникновение на Балканы «Аль-Каиды», установившей тесные связи с тогдашними албанскими лидерами во гла-

¹ Chandler D. Bosnia: Faking Democracy After Dayton. L.; Sterling, 2000. P. 198.

² Pickering P. Peacebuilding in the Balkans. The View from the Groud Floor. Ithaca; L., 2007. P. 167.

³ EU-Balkans-Radical Islam // AP News Report. 2010. 19 Sept.

ве с президентом Сали Беришей и спикером парламента Скендером Ѓинуши.

Следствие также вскрыло тесные связи новопазарских ваххабитов с единомышленниками в Боснии и Герцеговине. По данным ЦРУ США, сегодня в Боснии и Герцеговине не менее 3 тыс. человек разделяют идеи ваххабизма и число их сторонников продолжает расти, особенно популярны идеи ваххабизма среди боснийской молодежи.

Что касается роли исламского фактора в самопровозглашенном «независимом» Косово, то, по свидетельству международных экспертов, местные радикальные исламистские группы зарабатывают себе очки «на негативных настроениях, которые рождает беспечность международного сообщества». Такие группы взяли под контроль распределение «еды, одежды, мест в лагерях для беженцев», а также сельхозтехники для выращивания скудного урожая местным населением. Это позволяет провести аналогии с действиями исламистских групп в Афганистане. Политика стран Запада после прекращения конфликта в Косово «дает основания полагать, что именно они несут прямую ответственность за создание в Европе своего “Талибана”»¹.

Активное проникновение ваххабитов в Косово началось сразу после ввода на территорию края в 1999 году многонационального контингента НАТО. Главными финансистами исламских радикалов стали государства арабского мира и многочисленные мусульманские фонды и организации, в первую очередь базирующиеся в Саудовской Аравии так называемый «Комитет помощи Косово и Чечне» и фонд «Аль-Харамейн». Обнаруженные полицией Сербии в районе города Нови-Пазар документы свидетельствуют, что конечной целью исламистов на Балканах является создание шариатского государства в составе Косово, Боснии и Герцеговины и Санджака, с возможным присоединением к нему Черногории и Албании и установлением тесных связей с другими аналогичными образованиями, способными возникнуть в регионе Ближнего и Среднего Востока и Передней Азии.

В Косово и Албании практически открыто действуют ячейки террористической сети «Аль-Каида». О том, что в пропаганде «джихада против неверных» на Балканах используются те же методы, что и в остальных узловых пунктах глобальной «дуги нестабильности», свидетельствует, в частности, содержание очередного заявления «Аль-Каиды», озаглавленного «Мировой фронт борьбы против евреев и крестоносцев». В нем, в частности, говорится, что «Америка и Израиль убивают слабых мужчин, женщин и детей в мусульманском мире и везде», они же «лишали мусульман Косово, Боснии и Герцеговины оружия, оставляя их беззащитной добычей сербов-христиан». Подобные утверждения дают идеологическое обоснование для последующих действий и операций международных террористических структур.

Ведущий американский эксперт по проблеме деятельности ваххабитов Майкл Шойер рисует следующую географию операций этого реакционного ис-

ламского течения: Таджикистан, Узбекистан, Чечня, Дагестан, теракты в российских городах, Филиппины, Алжир, Кашмир, Западный Китай, Восточная Индия, Киргизия, Малайзия, Йемен, Индонезия и Африканский Рог, относя к этой схеме «сектантское кровопускание» в Боснии и Косово. Подтверждением расширения географии реакционного исламского течения стало недавнее заявление главы Исламского движения Узбекистана Усмона Гози о присоединении этой террористической организации к боевикам «Исламского государства».

Подведем некоторые итоги. Место Балканского региона как составной части глобальной «дуги нестабильности» определяется тремя основными факторами: его ролью в геополитических планах и расчетах великих держав, сложностью и нерешенностью межнациональных и межконфессиональных противоречий и активизацией деятельности радикальных исламистов, укрепляющих свои позиции на Балканах для дальнейшего проникновения в Европу.

Эти факторы все больше переплетаются друг с другом, поскольку «и большой, но раздираемый внутренними конфликтами Афганистан, и маленький анклав Косово в центре Европы с их почти стопроцентной теневой экономикой — всего лишь пешки в схватке за мировое господство.

Международный терроризм с его изощренной псевдоисламской риторикой и провозглашением “всемирного джихада”, включающего так называемый наркоджихад, — это способ использовать мусульманское пушечное мясо в войне за интересы ведущих западных держав Атлантического блока»².

Кроме того, именно Балканский регион, как и столетие назад, является плацдармом для последующего проникновения западных держав в регионы Ближнего и Среднего Востока, Причерноморье, на Кавказ и в Центральную Азию. Например, одной из главных причин того, что организатором развала единой Югославии выступила тогда только что объединившаяся Германия, стало ее стремление создать в регионе долговременный очаг нестабильности, добиться перевода туда со своей территории американских баз и затем разыгрывать самостоятельные партии не только на Балканах, но и далее по всем ключевым пунктам «натиска на Восток» (*нем. Drang nach Osten*): «...немцы очень элегантно освободились от американских дивизий. За ними двинулись немецкие силы и в третий раз в этом веке оказались в Боснии и Югославии, затем в Косово и на всех Балканах...»³

Подобный расклад представляет собой вызов для России — как с точки зрения ее исторических позиций на Балканах, так и относительно поддержания стабильности вдоль ее южных границ и в районах международных транспортных и энергетических коридоров.

Уход России с Балкан автоматически будет означать коренное ослабление ее позиции далее в восточном направлении — вплоть до Кавказа, Ирана и центрально-азиатских республик.

² Черкесов А. Наркобизнес + терроризм = наркоджихад // Аналитические записки. 2007. Окт. С. 123–124.

³ Јанковић В. Словенски синдром на прагу трећег миленијума & Drang nach Osten. Београд, 2004. С. 11.

¹ Хомский Н. Гегемония, или Борьба за выживание: стремление США к мировому господству. М., 2007. С. 92.

Мишель Файетта¹

МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА В БОЛЬШОМ МИРЕ: ШВЕЙЦАРИЯ И ЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Современные глобальные проблемы и национальные интересы

В этом году Генеральное консульство Швейцарии снова удостоено чести участвовать в Лихачевских чтениях, и мне бы хотелось поблагодарить организаторов за интерес к моей стране.

Маленькое государство в сердце Европы, объединяющее три различные культуры, Швейцария не является ни основной политической, ни военной мировой силой. И тем не менее, перед Швейцарией, как и перед другими странами, стоят глобальные проблемы, и ее политика и конституция, так же как и у других, направлены на защиту национальных интересов.

Глобальные проблемы, возникающие перед Швейцарией, мало чем отличаются от проблем, с которыми сталкиваются другие европейские страны, соседствующие с ней. Проблемы в основном касаются общей политической обстановки, экономической ситуации на рынках страны, защиты окружающей среды, а также вопросов безопасности. В Швейцарии существуют различные политические организации, разные направления в культуре и три национальных языка, и все проблемы должны рассматриваться с учетом этих особенностей.

Нейтралитет не означает, что Швейцария держится в стороне от событий в мире

Главные политические силы в Европе подтвердили нейтралитет Швейцарии на Венском конгрессе в 1815 году. Это было очень важным событием, которое получило серьезную поддержку от российского императора Александра I. Это важнейшее событие в истории Швейцарии на долгие годы определило ее зарубежную политику и менталитет швейцарского народа. Тем не менее сохранение нейтралитета не означает, что мы безучастны к политическим событиям в мире. Наоборот, Швейцария, абсолютно не скрывая своих целей, активно направляет свою деятельность на обеспечение стабильности в мире. К примеру, она зачастую выступает представителем различных стран, у которых нарушены дипломатические отношения, а также нередко принимает международные конференции, целью которых является снижение напряженности при решении каких-либо конфликтов между странами. Яркими примерами могут служить проходящие в Швейцарии встречи на высшем уровне по иранскому вопросу, а также представление интересов России в Грузии, или представление интересов США в Иране и на Кубе. В 2014 году бывший президент Швейцарии Дидье Буркхальтер возглавлял ОБСЕ — организацию по обеспечению мира и безопасности в Европе, а в настоящее время ищет

все возможные пути для урегулирования украинского конфликта.

Нейтралитет не позволяет Швейцарии вступать в военные союзы, такие как НАТО, но не мешает нам принимать участие в программе «Партнерство ради мира» (PfP) с 1996 года. Эта программа является политической инициативой, поддерживаемой НАТО и 22 партнерствующими государствами. Цель программы — усиление демократии, мира и безопасности в Европе и сохранение сплоченности перед лицом мировых угроз. Для Швейцарии программа PfP является очень важным политическим форумом. Она позволяет нам заявлять о своих интересах по отношению к НАТО и другим партнерствующим государствам, а также выгодно обмениваться информацией и быть в курсе событий в мире. Сотрудничество в рамках программы «Партнерство ради мира» основано на чисто добровольных началах и не влечет никаких обязательств перед законодательством. Каждая страна имеет право сама определять степень своего участия в программе. Именно поэтому она доступна и для таких сохраняющих нейтралитет государств, как Швейцария².

Глобальные проблемы, с которыми столкнулась мировая общественность, — непрекращающиеся войны на Ближнем Востоке и в Северной Африке, напряженный конфликт на Украине — влекут за собой очень серьезные последствия, затрагивающие не только национальные интересы непосредственных участников этих событий, но и всю мировую общественность, включая Швейцарию. Беженцы из зон конфликтов находят убежище в других странах, например в России, да и по всей Европе, и в моей стране в том числе. Для нас, и не только для нас, это является глобальной проблемой, которая должна решаться на международном уровне.

Экономика, ориентированная на экспорт

Объем международной торговли, то есть импорта и экспорта, между Европейским Союзом и Швейцарией составляет 1 млрд евро за один рабочий день. В этом году объем торговых сделок между Швейцарией и Россией составил 18 млн евро за один рабочий день. Экономический спад в одной из стран Европы или в любой другой стране мира сразу сказывается на экономической активности в Швейцарии. Конечно, моя страна не одинока в данной ситуации, но около 50 % ее валового национального продукта состоит из экспорта, поэтому Швейцария очень сильно зависит от мирового экономического климата и правил, устанавливаемых Всемирной торговой организацией.

Усиление швейцарского франка по отношению к евро в настоящее время представляет серьезную проблему для нас. Наши отрасли промышленности, такие как автомобилестроение и фармацевтика, конкуриру-

¹ Генеральный консул Швейцарии в Санкт-Петербурге. Окончил Высшую школу экономики в Лозанне (Швейцария). Успешно работал в различных дипломатических представительствах Швейцарии в Кельне, Тегеране, Белграде, Джедде, Бразилии, Франкфурте-на-Майне, Бордо, Дублине, Марселе и Лионе.

² Источник: Министерство обороны, гражданской защиты и спорта Швейцарии (DDPS).

ют с Еврозоной, затраты на данные отрасли увеличились на 58 % в период с 2007 по 2015 год из-за повышения стоимости швейцарского франка. Оборудование стоимостью 1 тыс. швейцарских франков в 2007 году при переводе его стоимости в евро стоило бы 600 евро, сегодня это же оборудование будет стоить 960 евро. Эффективность производства сама по себе не сможет компенсировать этот разрыв. Курс швейцарского франка возрос от значения 1 евро = 1,67 швейцарского франка в 2007 году до практически паритетного значения. Сегодня 1 евро = 1,04 швейцарского франка. Столкнувшись с этой проблемой, Швейцарский национальный банк установил минимальное паритетное значение курса, при котором 1 евро равен 1,2 швейцарского франка, чтобы туризм и торговля не пострадали от сложившейся в экономике ситуации. Но после четырех лет поддержки курса швейцарского франка Национальный банк вынужден был снова позволить ему вырасти по отношению к евро. В настоящее время нашими банками введены отрицательные процентные ставки для держателей депозита, что дает возможность контролировать значение курса швейцарского франка, то есть снижать его стоимость по отношению к другим валютам.

Это еще один пример той проблемы, которая отражается на наших национальных интересах и с которой мы вынуждены справляться один на один. Как сказал однажды министр финансов США: «Валюта наша, а проблемы ваши». В нашем случае и валюта наша, и проблемы наши.

Объединяя три европейские культуры в одной стране

Как я уже отметил, Швейцария объединяет три различные европейские культуры — немецкую, французскую и итальянскую. Около 65 % населения Швейцарии говорят на немецком, 22 % — на французском и 8 % — на итальянском языке. Федерализм — это главный принцип моей страны. И он проявляется, например, в том, что люди из разных кантонов Швейцарии имеют возможность получать образование в соответствии со своей культурной и языковой принадлежностью. Такой демократический подход привел к коренным изменениям в образовательной программе, которые заключаются прежде всего в том, что английский язык стал основным в некоторых школах Швейцарии. Лично я считаю, что это влечет за собой негативные тенденции, так как существование двух основных национальных языков в Швейцарии мешает сохранению национального единства. Безусловно, английский язык очень важен и обязательно должен изучаться молодыми людьми, но я не могу понять, почему он должен стоять на первом месте в приоритете по отношению к немецкому, французскому и итальянскому. Конечно, это скорее наша внутренняя, а не глобальная проблема, но она наносит удар по нашим национальным интересам. Ведь народное единство и взаимопонимание — это ключевые ценности Швейцарии. И мы рискуем потерять их, если не будем ничего делать для сохранения сплоченности в нашей стране.

Федерализм позволил нам жить в мире, несмотря на наши различия. Ведь он наделил нас равными правами. С четырьмя национальными языками, 26 кантонами различного размера и экономической важности федерализм был существенным инструментом в становлении нашего государства. В результате из трех небольших государств, которые объединились в 1291 году, получилась та Швейцария, которую мы знаем сегодня.

Разделяя природные богатства с нашими соседями

Самая низкая точка Швейцарии — озеро Маджоре на высоте 195 м над уровнем моря. Истоки четырех крупнейших рек, среди которых Рона, Рейн и По, находятся в Швейцарии. Это означает, что все наши воды текут вниз к другим странам. И это накладывает на нас особую ответственность за сохранение чистоты этих вод для наших соседей. А вот качество воздуха в Швейцарии зависит как раз от них, так как в большинстве областей преобладают западные ветры. Наши соседи несут ответственность также за безопасность ядерных установок, располагающихся вблизи наших границ.

И в этом взаимном сохранении безопасности окружающей среды заключается еще одна глобальная проблема Швейцарии, с которой она не может справиться в одиночку. При решении этой проблемы моей стране нередко приходится поступаться своими национальными интересами.

Имеет ли значение размер?

Являясь небольшой, но очень важной для мировой экономики страной, Швейцария зависит от мироустройства, организованного международными сообществами, такими как Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности ООН или Совет ООН по правам человека. «Большая двадцатка» и «Большая восьмерка» являются важными инструментами для решения таких серьезных проблем, как, например, экономический кризис 2008 года. Хотя эффективность этих инструментов не радует, как отмечал председатель 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Жозеф Дайс в своей вступительной речи в тематических дебатах, проходивших 28 июня 2011 года в Нью-Йорке¹. Маленькие страны, возможно, даже больше, чем крупные, нуждаются в мировом порядке, основанном на общих для всех принципах. И для этого международные организации, и в особенности ООН, должны быть достаточно сильными и уметь учитывать интересы всех стран мира.

Согласно ст. 54 Федеральной конституции Швейцарии, Конфедерация должна гарантировать стране сохранение ее независимости и благосостояния. Это должно способствовать соблюдению прав человека и демократии, достижению мирного сосуществования народов, а также сохранению природных ресурсов².

¹ www.un.org/en/ga/presidenbt/65/statemenbts/globalgovernance/E280611.shtml

² Федеральная конституция Швейцарии от 18 апреля 1999 г. (изд. 18 мая 2014 г.). URL: <http://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19995395/index.html>

То, что эта амбициозная цель не может быть достигнута одной только Швейцарией, очевидно. Международные организации должны поддерживать мировой порядок, который существует в форме различных институтов и соглашений ООН, к примеру закон о защите окружающей среды, или ВТО.

Обладея силой и властью, только такие организации могут гарантировать всем странам, в особенности

малым государствам, что их права будут соблюдаться в равной степени независимо от их величины или экономической значимости. На самом деле эти проблемы глобальны, и каждая страна стремится сохранить собственные интересы. Но разве благосостояние самых слабых стран не является показателем силы и стабильности международной организации, в которую они входят?¹

М. Н. Фомина²

МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ³

В условиях глобализирующейся культуры традиционно сложившиеся социокультурные пространства становятся не только сферой распространения инкультур, но и сферой интеграции национальных моделей культур. Это является одним из условий формирования новой модели социально-культурно-экономического развития, которая (по логике вещей) должна опираться на традиционные национальные ценности, выступающие в данном случае как интегрирующее начало. Не обошел этот процесс и Азиатско-Тихоокеанский регион, который, сформировавшись исторически на грани пересечения геополитических интересов, представляет собой мощный культурный фактор, приоритетом его становится решение социокультурных проблем комплексного гармоничного развития общества.

Современные российско-китайские отношения (политические, экономические, культурные) в региональном пространстве формируют политику не только двух стран, а также государств Азиатско-Тихоокеанского региона, но и мировую. Поэтому одним из результатов взаимопроникновения культур становится формирование «новой» культуры, которая обусловлена географически (так как формируется в Азиатско-Тихоокеанском регионе), этнически (так как регион характеризуется межэтническим взаимодействием), социально (так как основана на экономических, правовых и других факторах). Прошлое народов, среди которых русские переселенцы, в результате политических событий оказавшиеся на китайской территории, показало возможность интеграции национальных моделей культур, что отразилось во влиянии традицион-

ной русской культуры на быт и повседневную культуру, архитектуру северо-восточных китайских городов. Не случайно Харбин вошел в историю Китая как русская китайская столица.

В данном контексте исторически сформировавшаяся интеграция двух составляющих начал этого процесса — духовной культуры Китая и российского православия, вновь становится одним из вопросов, вызывающих у китайских специалистов новую волну интереса. Если позиция о духовной культуре китайцев исторически была сформирована даосизмом и конфуцианством и не требует доказательств, так как китайский народ исповедует даосизм, а когда дело касается культуры, он становится конфуцианцем, то вопрос о соотношении православной веры и конфуцианского учения китайскими учеными рассматривается однозначно. Так, например, Ли Юйтан отмечает, что христианство в Китае обречено на поражение⁴. Но страна имеет достаточно богатую историю развития православия на своей территории. Это связано с работой православных миссий, ролью русской эмиграции в распространении православия в Китае. Церковь стала для русских, как указывает Чжэн Юнван, источником духовного хлеба, опорой веры и полезным лекарством, излечивающим тоску по родине, символом терпения, которое является одной из ценностей для китайского народа⁵.

Для китайцев терпеливость — не только результат приспособления всей нации к условиям окружающей среды, но и великая добродетель. И если в христианстве Иисус Христос сказал, что благословляет кроткого и послушного человека, который будет наследовать весь мир, то терпеливость китайского народа позволит ему наследовать и управлять половиной материка Азии⁶. По мнению Чу Иенхуа, образ Христа явился символом терпения, дорогой к Богу, которая, став един-

¹ Перефразируя Преамбулу Федеральной конституции Швейцарии от 18 апреля 1999 г.

² Профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета (Чита), доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы Читинской области. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч. статей: «Логико-методологическое обоснование культуры», «Глобализация и диалог культур по-китайски», «Глобализация по-китайски и модернизация», «Стратегия культурного ресурса российского и китайского варианта “мягкой силы”» и др. Член Комитета по делам общественных и религиозных организаций при администрации губернатора Забайкальского края. Награждена грамотой Министерства образования и науки РФ.

³ Перевод аутентичных текстов, использованных в статье, подготовлен Чжан Фань.

⁴ Ли Юйтан. Китайцы — моя страна и мой народ. Пекин : Сюэ Линь, 1995. С. 329 (на кит. яз.).

⁵ Чжэн Юнван. Русское православие и культура провинции Хэйлуцзян // Эхо истории православия на территории провинции Хэйлуцзян. Харбин : Издат. дом Хэйлуцзянского ун-та, 2010. С. 202 (на кит. яз.).

⁶ Лю Сюаофен. От отчаянной философии до философии Библии — Шестов и критика метафизики России. Пекин : Религия, 1988. С. 232 (на кит. яз.).

ственной, лишила человека другого выбора¹. Но если для русской нации чувство страдания связано с православными идеями, то для китайского народа, как об этом пишет Ли Юйтан, способность терпеть страдания может продолжаться бесконечно, так как обусловлена всем ходом его жизни². Поэтому для китайских исследователей соотношение духовных культур китайского и российского народов в общем пространстве не представляет собой проблемы, так как речь может идти о распространении православия на культурном пространстве Китая, но не о формировании «китайского православия».

Китайские ученые отмечают, что русская нация обладает глубокой нравственной традицией, где нравственное чувство является главным признаком русской культуры, совпадая со стремлением к нравственности в христианском духе. А конфуцианское учение создает основу общества (через идею преданности родителям и старшим братьям), которое идет по пути единства моральных норм, политики и религии. Таким образом, православное вероисповедание и конфуцианское учение возникают и развиваются в различных культурах и исторических традициях, различие между ними очевидно. Для русских в Китае православие было не только частью духовной, но и основой их повседневной жизни. Как отмечает Чжэн Юнван, православная церковь не только способствовала поддержанию целостности русской национальной идеологии в Китае, но и выступала в целях защиты русского населения от ассимиляции китайским народом³.

При этом церковь вела большую работу по привлечению китайцев к православной вере. Этому была посвящена деятельность православной миссии в Пекине под руководством первого митрополита Пекинского и Китайского Иннокентия. Он способствовал тому, чтобы не только русские изучали китайский язык, но и китайцы изучали православную веру. Под его руководством были сделаны переводы «Катехизиса», песнопений на официальный китайский язык. Митрополит Мефодий, в свою очередь, способствовал их распространению среди китайского населения провинции Хэйлунцзян. После его смерти митрополит Мелетий продолжает его деятельность в этой провинции. Можно сказать, что в распространении христианства в целом большую роль сыграли и переводы Библии, ко-

торые делали не только католические, православные миссионеры, но и китайские специалисты. Первые переводы были сделаны в эпоху династии Тан, и продолжалась эта деятельность почти 14 веков⁴. В 1992 году был опубликован единый перевод Библии на современном китайском языке.

Православие, которое олицетворяло в Китае национальную модель российской культуры, никогда не было враждебно традиционной китайской культуре. Хотя китайцы всегда мало интересовались религиозными вопросами, оно все же находило отклик в сердцах и умах некоторых из них. Можно ли утверждать, что распространение православия в Китае было фактором формирования китайской христианской культуры? Если буддизм синтезировался с китайскими народными верованиями и представляет собой смесь буддийской традиции и китайской национальной религии, то можно сказать, что китайский буддизм, так же как и даосизм, конфуцианство, является фактором, формирующим национальное самосознание китайцев. Как отмечает Ли Чжинган, духовные культурные элементы имеют решающее значение в формировании национальной идентичности, в продвижении национального единства⁵. Православие же занимает в этой системе «сопутствующее» место. Приобретет ли оно «китайское лицо»? Католики еще в XVIII веке предприняли попытку соотнести традиционную китайскую духовную культуру и христианство. Результатом этого можно считать некоторые иконы христианских храмов в Китае, которые изображают лики святых с китайскими чертами лица...

Как отмечает Цзэнь Лия, духовная культура Китая — это не только душа народа, материальное выражение национальной культуры, но и сущность национального характера⁶, а русские эмигранты смогли воспроизвести культурное наследие России, которое явилось достойной частью культуры Китая⁷. Поэтому можно предположить, что когда речь идет о национальных моделях культур и возможности их интеграции, необходимо проанализировать, во-первых, пространство, которое открыто для этой интеграции; во-вторых, присущие взаимодополняемость / отторжение / инертность интегрирующихся культур по отношению друг к другу; в-третьих, совместимость / совпадение духовных основ интегрирующихся культур.

¹ Чу Иенхуа. Религиозное пояснение русской идеи. Пекин: Восточ. издат. дом, 1998. С. 97–98 (на кит. яз.).

² Ли Юйтан. Указ. соч. С. 40.

³ Чжэн Юнван. Указ. соч. С. 203.

⁴ Чу Иенхуа. Указ. соч. С. 97.

⁵ Ли Чжинган. Понятие духовной культуры и национальной идентичности // Нации в мире. 2010. № 2. С. 4–5 (на кит. яз.).

⁶ Цзэнь Лия. Размышление о традиционной духовной культуре КНР // Общество и науки. Цзянси. 2003. № 11. С. 144 (на кит. яз.).

⁷ Чжэн Юнван. Указ. соч. С. 206.

Е. В. Харитонова¹ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И КОНФЛИКТЫ
В ЗЕРКАЛЕ АФРИКАНСКИХ СОБЫТИЙ

Четыре месяца — четыре месяца! — вы бомбите нашу страну, и все боятся даже сказать слова осуждения. Будь еще в мире Россия, настоящая Россия, единая и великая Россия, защищавшая слабых, вы не посмели бы. Но ее нет, ее нет, и вы торжествуете. Но вы забыли одно: жизнь умеет разворачиваться, и многое может случиться в будущем².

Муаммар Каддафи

Африканский континент в процессе и в результате мировых глобализационных процессов в полной мере вовлечен в самые острые проблемы новейшей истории.

С позиций системного анализа историю человечества можно рассматривать как процесс глобализации, в результате которого происходит концентрация средств управления обществом в одном центре принятия решений. Это было невозможно без развитой глобальной транспортной системы и систем коммуникации, включая интернет-технологии, охватившие практически всю территорию земного шара. Впервые официально о новом миропорядке заявил Дж. Буш-старший во время выступления в ООН в 1991 году, констатируя установление однополярного мира. В это же время перестали существовать социалистическая система и Советский Союз.

С тех пор прошло более двух десятилетий, и сейчас мы уже можем ответить на ключевые вопросы: за это время мир стал более безопасным, более справедливым? Мир стал менее циничным во взаимоотношениях между народом и элитой? На все эти вопросы существует только один ответ: «Нет». Этот более чем двадцатилетний период был связан с полным доминированием Соединенных Штатов Америки.

Поэтому совершенно по-новому воспринимаются слова британского историка и политика лорда Джона Актона, что «власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно»³.

¹ Старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России», «Зимбабве на перепутье. Стратегическая «ниша» России в многополярном мире», «Китай в Африке: есть чему учиться?», «О некоторых критериях международных сопоставлений (на примере региона Африки к югу от Сахары): опыт эмпирического исследования. (К поиску методологии и оценке компаративистских подходов в международных сопоставлениях)», «К поиску методологии и оценке компаративистских подходов в международных сопоставлениях», «Цивилизационные альтернативы Африки в глобализирующемся мире: политико-правовые и этические способы разрешения конфликтных ситуаций (на примере ЮАР и Руанды)» и др. Директор Русско-Африканского фонда научного, культурного и делового сотрудничества, член Делового совета Россия-ЮАР, член Координационного комитета по экономическому сотрудничеству со странами Африки.

² Речь Каддафи на похоронах мирных граждан, убитых натовскими ракетами. URL: <http://aphorism-citation.ru/index/0-791>

³ Колкер Ю. Лорд Актон: свобода и нравственность / пер. Ю. Колкера. Л.: Overseas Publications International Ltd., 1992.

Из опубликованной впервые в 1989 году работы Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории» следовало, что активное распространение либеральных ценностей в виде новых демократий — «венец» эволюционного развития человечества⁴. Эта идеологема с момента ее внедрения развязала руки западной элите и позволяла оправдать любые ее действия.

Исходя из того что на протяжении двух десятилетий фактически существовала модель однополярного мира, можно обозначить ее основные элементы:

— *субъектом управления* является западная элита, доминирующую роль в которой играют элиты США и Великобритании;

— *объект управления* — социум, или все человечество;

— *механизмы управления* — мировоззренческие (религии, язык, идеологии, ценностные ориентации, философское описание мира, история и пр.); *финансово-экономические* (использование единой финансовой системы с контролем над эмиссионными центрами резервных валют, Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, контроль над инвестиционными центрами, система различных «общественных» фондов и некоммерческих организаций, связанных с оппозицией в подконтрольных государствах; введение санкций и пр.); *военные* (использование вооруженных сил под видом оккупационных коалиций, миротворческих сил, проведение операций специального назначения, военных и государственных переворотов и пр.).

Перечисленные механизмы в полной мере начинают применяться глобальным центром управления по отношению к России как к «периферии», пытающейся выйти из-под контроля этой системы и отстаивать свои национальные интересы, а также к другим странам, стремящимся проводить самостоятельную политику.

В связи с этим следует более внимательно рассмотреть процессы, происходящие на африканском континенте, где в жесткой форме со времен Давида Ливингстона и Сесиля Родса успешно «обкатываются» технологии социального управления, которые затем применяются в других регионах мира. *Африка — это зеркало, в котором мы можем увидеть будущее и принять меры по блокированию катастрофических*

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.

процессов, но можем и пропустить эти важнейшие уроки.

Рассмотрим конфликт в Руанде в 1994 году¹, где успешно была применена технология «разделяй и властвуй», в арсенале которой множество средств — провокация или непредотвращение вражды среди «меньших игроков», разжигание недоверия и вражды между местными правителями и целыми народами, а также наделение одной из сторон конфликта качествами избранности и превосходства. Другая сторона дискредитируется, обесценивается, объявляется низшей и в своем крайнем проявлении «расчеловечивается». Во время геноцида в Руанде народы тутси были названы «тараканами», и хуту — те, кто убивал тутси, — уничтожали не людей, а тараканов.

Через 21 год эта схема была использована на Украине. Существует прямая аналогия между тем, что происходит в новейшей истории Украины, с событиями в Африке. Чтобы снизить в сознании людей порог запрета на убийство, была проведена интенсивная информационная кампания (как элемент «гибридной войны»), в результате которой все несогласные с политикой новых властей Украины превратились в «ватников» и «колорадов», которых уничтожают без жалости. Как только этот образ укоренился на сознательном, а затем и бессознательном уровне, убивать стало просто и счет жертв пошел на тысячи. В Руанде эта технология позволила уничтожить около миллиона человек. Неужели все еще впереди?

Итак, возникает социальная модель, которая приводит к понижению «порога смерти». На базе таких моделей оправдано массовое убийство «нелюдей», структурируются такие организации, как «Боко Харам»², выступающая против западного образования, западной культуры и науки, а также против христианства. Подобные идеи противопоставляют людей и приводят к экстремизму и геноциду.

Особую опасность это представляет для страны, которую населяют более двухсот народов, — России.

Вернемся к Африке и напомним последние события на континенте. Прошедший 2014-й и начало 2015 года ознаменовались всплеском многочисленных и разнообразных конфликтов, поражающих размахом и жестокостью. К странам Африки к югу от Сахары³ после так называемой «арабской весны» и трагических событий в Ливии присоединилась Северная Африка.

14 апреля 2014 года мировые СМИ заговорили о нигерийской террористической группировке «Боко Харам» в связи с одной из самых резонансных акций — похищением 276 школьниц в городе Шибок на северо-востоке Нигерии. В мае 2014 года Нигерия

¹ Харитонова Е. В. Цивилизационные альтернативы Африки в глобализирующемся мире: политико-правовые и этические способы разрешения конфликтных ситуаций (на примере ЮАР и Руанды) // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2014.

² Группировка была основана в 2002 году как секта салафитов. Официальное название — Jama'atu Ahlis Sunna Lidda'awati wal-Jihad, в переводе с арабского — Общество приверженцев распространения учения пророка — джихада. В переводе с языка хауса означает «Западное образование — грех» (ТАСС-ДОСЬЕ / Т. Хорунжая. 2014. 24 июня. URL: <http://tass.ru/info/1277290>).

³ Этот регион традиционно является зоной нестабильности.

обратилась в контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН⁴, но, несмотря на это, терроризм в регионе продолжает нарастать.

В январе 2015 года боевики «Боко Харам» сожгли 16 городов и деревень на севере Нигерии, включая 10-тысячный город Бага на берегу озера Чад. 12 января был атакован камерунский город Колофат. С начала 2015 года от рук «Боко Харам» погибло больше людей, чем за все время существования этой организации, то есть с 2002 года⁵. По мнению экспертов и свидетелей страшных событий, количество жертв «Боко Харам» в Нигерии не поддается подсчету⁶. В марте 2015 года боевики «Боко Харам» присягнули на верность ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта).

Резко усилилось напряжение в Южном Судане⁷. 14 декабря 2014 года Пан Ги Мун осудил лидеров государства за неспособность урегулировать мирным путем конфликт между доминирующей в стране народностью динка, к которой относится президент Южного Судана Сальва Киир, и племенем нуэр, представителем которого является бывший вице-президент Риек Машар Тени. По данным правозащитников, за время боевых действий в Южном Судане погибло около 10 тыс. человек, свыше 1,7 млн стали вынужденными переселенцами. По мнению гуманитарных организаций, в случае продолжения конфликта стране уже в текущем году грозит голод⁸.

Дестабилизация обстановки на африканском континенте тесно связана с событиями так называемой «арабской весны» и убийством ливийского лидера Муаммара Каддафи. Ливия погрузилась в хаос. Оружие, оставшееся после ливийской войны, разошлось по африканскому континенту. Колоссальный размах приобрела террористическая деятельность ИГИЛ, которое устраивает показательные казни заложников. Регулярно взрываются заминированные машины, гибнут люди. «Неизвестные вооруженные группы» взрывают нефтепроводы и нефтеперерабатывающие заводы⁹. Национальная нефтяная компания Ливии (ННК) 5 марта 2015 года объявила форс-мажор по 11 место-

⁴ Нигерия официально попросила Совет Безопасности ООН ввести санкции против группировки «Боко Харам». URL: <http://www.aa.com.tr/ru/news/331725>

⁵ «Боко Харам» действует также в Камеруне, Чаде и Нигере. Численность группировки достигает 30 тыс. человек. Начались бои с нигерийской армией. Главы государств, вовлеченных в конфликт, договорились о создании международного военного подразделения. Это позволяет изменить терминологию и говорить не о террористических актах, а о войне.

⁶ Цукерман Э. Риафан, Абуджа, 12 января 2015 г. URL: <http://riafan.ru/193549-za-pervuyu-nedelyu-novogo-goda-boko-haram-ubila-bolshe-lyudey-chem-za-ves-proshlyiy>. При этом отмечено, что нигерийский президент Гудлак Джонатан выразил свою поддержку французам из «Шарли Эбдо», но ни слова не сказал о жестокой резне в городе Бага.

⁷ Ситуация в Республике Южный Судан нестабильна с момента обретения страной независимости 9 июля 2011 года. См.: Харитонова Е. В. О визите делегации РФ в Республику Южный Судан и Республику Уганда // Официальный сайт Торгово-промышленной палаты РФ. URL: <http://www.tpprf.ru>.

⁸ Зеленин О. ООН, 15 декабря 2014 г. ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1646196>

⁹ Аладдин М. Подрыв трубопровода сковал поставки нефти на юго-востоке Ливии. Бейрут, 14 февраля 2015 г. РИА «Новости». URL: <http://ria.ru/world/20150214/1047712074.html#ixzz3TiDfnqUR>

рождениям и предупредила, что может прекратить все работы¹.

При рассмотрении вышеизложенной модели управления сквозь призму происходящих на африканском континенте событий хаотичные, казалось бы, процессы приобретают системную форму с четкими причинно-следственными связями. Становятся видны стратегические цели. *Поэтому ответная реакция на события и разрушительные процессы может строиться не с запаздыванием, а с опережением, опорой на эффективное прогнозирование.*

В африканских трагедиях есть две составляющие: объективная и субъективная. *Объективная* — сотни племен и народов, проживающих на континенте в условиях ограниченности ресурсов; разнообразные верования и конфессии². *Субъективная* — применение технологий, проводящих и усиливающих противоречия. Технологии бывают мягкими, незаметными, предполагают достижение целей в отдаленной перспективе, например технологии в области истории, образования, мировоззрения, где получение результата связано со сменой поколения и в дальнейшем — с заменой элиты на лояльную Западу. Для достижения целей в кратчайшие сроки используются более жесткие технологии, которые связаны с применением военной силы в виде оккупационных войск, миротворческих сил и спецопераций. Весь этот спектр технологий используется на африканском континенте. Военную силу, как правило, применяют против страны, возглавляемой сильным лидером, способным заблокировать негативное влияние со стороны внешнего центра управления в мировоззренческой и финансово-экономической областях.

Особое внимание следует уделить технологиям изоляции или уничтожения лидеров — *носителей объединяющей идеологии*, которые противостоят влиянию внешнего центра управления. Самый яркий и трагический пример новейшей истории на африканском континенте — убийство 20 октября 2011 года ливийского лидера полковника Муаммара Каддафи, который пытался реализовать альтернативную модель жизнеустройства не только в Ливии, но и на континенте в целом, в рамках африканского союза.

В чем заключаются особенности жизнеустройства общества, разработанные Каддафи? Прежде всего это выход из долларовой финансовой системы, закреплённой Бреттон-Вудскими соглашениями; осуществление торговли с внешнеэкономическими партнерами не в долларах, а в национальных валютах; обеспечение национальной валюты золотом и энергоносителями (эмиссия золотого динара); подчинение национального банка правительству страны; национа-

¹ ННК объявляет форс-мажор по 11 месторождениям. URL: <http://www.libyaherald.com/2015/03/05/noc-announces-force majeure-at-11...>

² При всем этническом и языковом разнообразии Африки южнее Сахары ее объединяет не только общая судьба, но и ряд совпадающих культурных признаков: «По всей Африке пока сильно самоопределение в соответствии с племенной идентичностью, но среди африканцев быстро возрастает чувство общей идентичности, и, по-видимому, Африка южнее Сахары может стать отдельной цивилизацией» (*Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003).

лизация природных ресурсов и справедливое распределение доходов от ренты между гражданами страны³; бесплатное образование (в том числе высшее), здравоохранение, жилье; выдача беспроцентных кредитов, уход от внешних инвестиционных центров с привлечением внутренних инвесторов, получение прибыли, в первую очередь от реализации социально значимых проектов, а не от использования спекулятивных финансовых операций.

Основные принципы нового, справедливого жизнеустройства Муаммар Аль-Каддафи изложил в своей «Зеленой книге», в которой рассматривал вопросы, касающиеся всех сфер жизни — от форм государственного правления до роли женщины в обществе, и предлагал модель идеального жизнеустройства и модель управления в противовес западной демократии.

Каддафи была создана модель социально защищенного справедливого общества, привлекательного для населения большинства африканских стран независимо от конфессиональной и этнической принадлежности. Его целями были объединение Африки, отказ от западной финансовой системы, создание единой африканской системы безопасности, решение основных для Африки социальных и гуманитарных проблем.

Мало кто знает о самом грандиозном проекте Каддафи — Великой рукотворной реке (The Great Manmade River, GMR). Это огромная система труб, акведуков и более 1300 колодцев глубиной более 500 м, которая снабжает водой из нубийского водоносного слоя пустынные районы и побережье Ливии, города Триполи, Бенгази, Сирт и др. Сам Каддафи назвал эту реку «восьмым чудом света»⁴. Существует мнение, что именно этот проект является основной причиной устранения Каддафи⁵.

Это могло бы показаться утопией, но в Ливии очень многое из перечисленного переводилось в реальную плоскость. Успех был налицо, в перспективе Африка превращалась из земли, большая часть территорий которой — пустыня, непригодная для сельского хозяйства, в цветущий континент, способный прокормить себя самостоятельно и обеспеченный пресной питьевой водой на 3–4 тыс. лет.

Когда его идеи получили одобрение и резонанс в рамках Африканского союза, было принято решение об устранении Каддафи и блокировании его стратегии развития африканского континента. Свержение Каддафи происходило по технологии проведения «гибридных войн»: началась информационная атака с целью дискредитации и «демонизации» лидера⁶; была исполь-

³ Президент Зимбабве Р. Мугабе также реализует политику контроля над ресурсами и сохранения прав на природные богатства для коренного населения — «индигенизацию». См. об этом: *Харитонова Е. В.* Зимбабве на перепутье // *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 3. На нашей встрече с руководящим составом партии «Зану-ПФ» на фартуке у женщины, подававшей чай, было написано: «Земля и минеральные ресурсы — зимбабвийскому большинству!» (“Land and mineral resources to Zimbabwean Majority!”).

⁴ Грандиозный проект Каддафи «Великая рукотворная река». URL: <http://aftershock.su/?q=node/5886>

⁵ *Ионов А.* Каддафи. Рукотворная река — истинная причина гибели? URL: <http://za-kaddafi.org/node/22547>

⁶ Подробно хронология событий изложена в статьях бывшего российского посла в Ливии В. Чамова. Владимир Чамов о ливийской трагедии. Ч. 1, 2. URL: <http://za-kaddafi.org/node/33941>

зована внутренняя оппозиция для дестабилизации обстановки внутри страны. Наличие оппозиции, замкнутой на внешний центр управления в этой стратегии ведения войны, обязательно¹.

Процессу свержения и убийства Каддафи сопутствовала «демократическая» составляющая, обеспечившая видимость борьбы народа против диктаторского режима. Народ послужил средством реализации принятого управленческого решения². И наконец, была применена внешняя военная сила для свержения лидера и изменения существующего строя³.

Во время бомбардировок Ливии мишенью были и рукава «рукотворной реки Каддафи». Великий гуманитарно-экономический проект во имя процветания Африки был заблокирован. Золотой динар так и не был введен. Африка — по-прежнему континент бедности, безработицы, низкого уровня образования и медицины (что влечет за собой голод, лихорадку Эбола, дефицит чистой питьевой воды). И как следствие — полная зависимость от иностранных инвестиций и гуманитар-

ной помощи, позволяющая ведущим экономикам мира, прежде всего странам Запада, получать сверхприбыль и пользоваться ресурсами Африки.

Лишенная объединяющей идеи и лидера, способного реализовать эту стратегию, Африка обречена на разъединение по религиозным, этническим, расовым, культурным и другим критериям.

Аналогичная схема применялась против Саддама Хусейна, Слободана Милошевича, применяется против Башара Асада в Сирии.

Мир един и действительно глобален, поэтому можно увидеть применение одних и тех же технологий с одним и тем же эффектом в разные эпохи в разных странах и отдаленных регионах. Ученым и политикам необходимо в полной мере проанализировать и осмыслить конкретные уроки и примеры истории. Уроки Африки могут предоставить богатейший материал для выработки эффективных объяснительных принципов происходящих в мире событий и моделей прогнозирования и управления социальными процессами.

А. Б. Цинкер⁴

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИЛИ САМОИЗОЛЯЦИЯ? К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Не ошибусь, если скажу, что нам выпало жить в очень непростое, судьбоносное время, когда вновь, как в первые годы после окончания Второй мировой войны, решается вопрос, по какому пути будет развиваться человеческая цивилизация, на каких принципах будет строиться диалог между культурами, странами и народами.

К этому факту можно относиться по-разному. Уместно вспомнить старинное китайское проклятие «Чтоб ты жил в эпоху перемен», а также процитировать Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», то есть усмотреть в нашем существовании в эпоху перемен некую высшую миссию, попробовать осмыслить происходящие процессы и внести

свою, пусть и скромную, лепту в выбор оптимальной модели развития цивилизации на ближайшую временную перспективу.

Вне сомнения, одной из ведущих тенденций развития в последние десятилетия стал процесс глобализации. Кажется, в наши дни стерлись не только границы между странами, но и различия между людьми, живущими в этих странах. Сегодня многие все чаще задаются вопросом о том, что же этот процесс несет миру — благо или зло?

Многие полагают, что нет ничего плохого в том, что сотни миллионов людей во всем мире в условиях всеобщей глобализации получили возможность перекусить в типовом дешевом кафе, приобрести по доступным ценам телевизор, компьютер и другие блага цивилизации.

Но правы и те, кто видит в глобализации процесс обезличивания человечества, превращения его в однородную серую массу, лишенную духовных и социальных устремлений и легко управляемую небольшой группой людей, образующих финансовую и интеллектуальную элиту.

Полагаю, нет и не может быть для любого человека ничего страшнее, чем потеря индивидуальности, ощущения собственной самобытности, которая основывается в числе прочего на принадлежности к определенному народу со сформировавшейся на протяжении столетий культурой, передаваемой из поколения в поколение.

Опасность такого развития событий еще в первой половине XX века предвидели многие выдающиеся мыслители. Наиболее четко, на мой взгляд, суть этой опасности была сформулирована в работах философа

¹ *Сторожевский С.* Всемирный исламский халифат и Соединенные Штаты // Росинформбюро. URL: <http://www.rosinform.ru/2013/08/08/vsemirnyu--islamskiy--khalifat-dyadi-sema>

² Интересно мнение С. Хантингтона: «Вторжение масс в политику порождает напряженность, что может создать угрозу для политической стабильности и, как следствие, для самого развития» (*Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004).

³ Часть исламского населения Африки считает Муаммара Каддафи святым мучеником. Самая большая мечеть Уганды и одна из крупнейших мечетей Африки носит имя Каддафи (он финансировал ее строительство). Я была в этой мечети и могу сказать, что там Каддафи оплакивают до сих пор.

⁴ Директор Института стран СНГ и Восточной Европы (Тель-Авив), заместитель председателя Координационного совета организаций российских соотечественников в Израиле, доктор философии. Депутат кнессета XV созыва (1999–2003). Ведет научно-исследовательскую и экспертно-аналитическую деятельность в области изучения стран Восточной Европы и СНГ, темы экспертного анализа: международные связи, страны СНГ и процессы войны и мира на Ближнем Востоке, взаимовлияние славяно-христианской и еврейской культур и менталитета в странах СНГ и Израиля.

Герберта Маркузе, предсказавшего возникновение общества массового потребления и, как следствие, появление убогого, «плоскостного» человека, довольствующегося удовлетворением своих первичных потребностей, не имеющего никаких духовных устремлений. Человека, которым легко манипулировать.

То, что сегодня философия Маркузе вновь становится чрезвычайно популярной у молодежи разных стран, что эта молодежь активно протестует против глобализации, вне сомнения, является закономерным и знаковым явлением. Люди не желают превращаться в безличную массу «плоских», «картонных» человечков, едящих стандартную пищу, живущих в стандартных квартирах и проводящих досуг в стандартных развлечениях.

Но вопрос заключается не в том, является глобализация злом или благом, а в том, как, принимая все положительное, что несет в себе этот процесс, избежать превращения в «плоских» человечков, всеобщей унификации и потери индивидуальности человеческой личности? В конце концов можно жить в глобальной деревне, но так, чтобы дома в ней строились не по типовым проектам, а каждый нес бы на себе отпечаток личности хозяина...

В поисках ответа на этот вопрос приведем пример. Как уже было сказано, независимо от национальности, религии и прочих различий нас объединяет ряд общих человеческих ценностей. Представим себе некую двумерную систему координат XY , в плоскость которой укладываются все общечеловеческие ценности.

Но каждая культура является одновременно и носителем своих специфических ценностей, представлений о взаимоотношениях, счастье, семье. Таким образом, помимо общечеловеческих ценностей, укладываются в плоскость XY , у каждой культуры существует третья, культурное, измерение — ось Z . На основе этого каждый народ и творит свое неповторимое культурное пространство — общечеловеческое и индивидуальное одновременно.

Человеческая цивилизация представляет объединение культурных пространств XYZ_1 , XYZ_2 , XYZ_3 и т. д. Каждое пространство бесценно, так как вбирает всю сокровищницу опыта того или иного народа, а исчезновение любого элемента этого объединения является трагедией, в итоге обедняет человечество в целом.

Если глобализация сводится к полному стиранию этих различий, то есть к уничтожению оси Z , то она ведет к двумерному, плоскому, унифицированному миру, и тогда ее последствия исключительно негативны.

Но ведь существует и иная возможность, которая заключается в продолжении процесса интеграции мировой экономики, создании межрегиональных экономических пространств с одновременным сохранением каждой нации, этнической группы, каждого уголка Земли в своей уникальности и добавлением в копилку общечеловеческих ценностей таких важных понятий, как толерантность к чужой культуре, желание понять и принять ее. В нашей модели это означает, что пространства XYZ_1 , XYZ_2 , XYZ_3 и так далее, сближаясь и проникая друг в друга, будут образовывать новые многомерные модели сосуществования культур.

В этом случае вместо «плоскостной», унифицированной в результате глобализации мы получим интегральную мультикультурную цивилизацию, члены которой свободно перемещаются из одного культурного пространства в другое и весьма комфортно себя чувствуют в любом из них. Таким образом, человек нового мира может быть отнюдь не «плоским», как это виделось Маркузе, а «мультипространственным», для которого представляются тесными рамки существовавших в XX веке культурных измерений.

О том, что создание такого мультипространственного общества реально, можно судить на примере современных России и Израиля.

Сегодняшняя Россия — многонациональное и многоконфессиональное государство. Мы все являемся свидетелями того, как успешно реализуемая идея федерации привела к сохранению самобытности ее регионов с одновременным утверждением в сознании понятия «россиянин», которое не входит в противоречие с тем, что человек считает себя русским, татарин, башкиром и т. д. Этот опыт России бесценен и заслуживает того, чтобы быть заимствованным остальным миром.

Столь же многомерное пространство образовалось и в Израиле, где сегодня проживают евреи, приехавшие из разных стран мира, подчас разительно отличающиеся друг от друга по ментальности, культуре и системе ценностей. Когда в Израиле преобладала идея «плавильного котла», отказа от прошлого и взращивания некоего абстрактного «нового еврея», это привело лишь к обострению внутренних конфликтов в израильском обществе. Но как только от этой идеи отказались и каждая община получила возможность сохранения привезенных с места исхода языка, обычаев и культуры, возникла почва для диалога между культурами. В результате на свет появилось новое еврейское общество Израиля, в котором каждый чувствует себя членом некой конкретной общины, определяемой страной исхода, и — одновременно! — связан общей национально-религиозно-культурной «осью координат» с еврейским народом в целом. Это в итоге определяет его национальную идентификацию как еврея и израильтянина одновременно.

Более того, такая «мультипространственность» израильского общества делает израильтян открытыми для принятия любых других человеческих культур, поэтому мои соотечественники весьма комфортно чувствуют себя почти в любой точке планеты.

В то же время мы отчетливо видим, к чему может привести стремление того или иного культурного сообщества к изоляции, замыканию на самом себе. Именно такой путь выбрали некоторые крупные общины иммигрантов в современной Европе. В результате вместо того, чтобы интегрироваться с соседними культурными пространствами, они стали пытаться поглотить их, навязать другим свои религиозные, культурные и прочие коды — и конфликт между ними стал неизбежен.

В то время как в европейском обществе проходил процесс интеграции и взаимопроникновения, на базе которого формировалась новая самоидентификация

«европеец», «гражданин объединенной Европы», отдельные группы населения, стремившиеся к самоизоляции и единоличному доминированию сообщества, предпринимали попытки расширения своего культурного пространства путем поглощения и вытеснения последних.

Ярким примером этой тенденции стал произошедший в 2012 году инцидент в датском городе Коккедаль, где правление одного из районов, большинство жителей которого составляют мусульмане, отказалось финансировать празднование Рождества, чтобы не вызвать у жителей района отрицательных эмоций. В 2013 и 2014 годах подобные прецеденты произошли уже в других городах Скандинавии, прежде всего в шведских Уппсале и Мальме, но они уже никого не удивили. Сегодня, если верить международным СМИ, в Мальме жизнь города, по сути, подчинена законам шариата, и любая попытка изменить такой порядок, вернуться к мультикультурности подвергается остракизму. Аналогичные процессы происходят в Дании, Норвегии, Франции, Великобритании, где в городах образовались целые районы, изолированные от остального общества и настаивающие на своем праве на эту изоляцию.

Причины бурных волнений представителей мусульманской общины во Франции, свидетелями которых мы стали, не исключительно социальные, их следует искать в неустроенности и бедственном материальном положении выходцев из мусульманских стран. Однако сегодня во Франции и других странах Европы вполне устроенные, обеспеченные молодые люди из этих общин переходят на позиции радикального ислама, объявляющего всех, кто не придерживается их взглядов, «неверными», не имеющими права на существование. Это означает только одно: основа данного конфликта отнюдь не социальная, а культурологическая, и подобные конфликты будут наблюдаться повсюду, где некая культурно-религиозно-этническая общность вместо пути органической интеграции изберет путь самоизоляции и поглощения других общностей. Если сидеть сложа руки, не пытаясь, используя легитимные инструменты, обратить этот конфликт вспять, он может приобрести острые формы. И тогда вместо реализации мечты «о едином человечьем общежитии» мы окажемся отброшенными в Средневековье.

Наблюдая за тем, что происходит сегодня на Ближнем Востоке, как организация «Исламское государство», пытаясь навязать свои нормы и представления

всему миру, совершает преступления, которые не могут не вызывать содрогания, мы видим, как стремление той или иной культуры к изоляции и доминированию в итоге приводит к отказу от общечеловеческих ценностей — от общей плоскости ХУ — и, по сути, к выводу ее вообще за пределы человеческой цивилизации, противостоянию ей.

Настало время четко сформулировать и принять на основе широкого международного консенсуса общепризнанные критерии, выход за границы которых означает выход за рамки человеческого сообщества, мультипространственного мира вообще. В таком мире не может быть места тем, кто отрицает право любого государства на существование или призывает к уничтожению целых народов, религиозных и этнических групп и т. д.

При этом меньше всего мне хотелось бы, чтобы меня заподозрили в антиисламских настроениях. На примере России мы видим, что ислам может играть позитивную роль в сохранении национально-религиозной самобытности народов, исповедующих его, активно участвуя в диалоге культур и создании единого поликультурного пространства.

Нет сомнений, что наблюдающийся процесс рождения мультипространственного общества следует приветствовать и развивать. Значительная ответственность за то, чтобы все произошло именно так, лежит на правительствах, политических и общественных деятелях, религиозных лидерах различных стран. Именно они должны объединить усилия, способствующие развитию межнационального, межкультурного и межконфессионального диалога, являющегося основой данного процесса. Международные Лихачевские чтения, вне сомнения, — один из тех форумов, которые непосредственным образом способствуют такому диалогу.

Среди прочего, мне хотелось бы озвучить идею, которая витает в воздухе. Более ста лет назад была создана Лига Наций, затем трансформировавшаяся в ООН. Так, может быть, следующим этапом должно стать создание некой Организации Объединенных Цивилизаций? Такая организация могла бы рассматривать вопросы культурного взаимодействия цивилизаций, не ограничивая себя государственными границами, тем более что в Европе многие границы уже давно утратили значение.

Давайте помнить, что чужое может не быть любимым, но оно не должно стать враждебным в цивилизованном обществе!

В. А. Шамахов¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: НЕИЗБЕЖНОСТЬ, ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Глобальные проблемы и неизбежность глобализации человечества

Исходно термин «глобализация» с XIX века связывали с рыночной цивилизацией обмена и международной торговлей, в течение XX столетия определение этого понятия значительно расширилось. Теперь оно связывается в большей мере с последствиями глобального наступления рыночной цивилизации, с глобальными проблемами, угрожающими выживанию в биосфере человечества как вида. Глобальными называют проблемы, которые требуют для своего решения объединенных усилий, совместных действий всех государств и народов. Как отмечал Н. Н. Моисеев, актуальнейшей задачей человечества становится разработка «стратегии человека», согласованной со «стратегией природы». Стратегия человечества выступает как органический идеал его целеполагающей деятельности в планетарном масштабе. Эта стратегия не может быть реализована несколькими избранными народами, это дело человеческого сообщества в целом [6].

Таким образом, под понятием «глобализация» мы понимаем неизбежный процесс интеграции человечества для разрешения глобальных проблем своего выживания.

Анализ этих проблем является достаточно крупной научной проблемой, имеющей сложную мировоззренческую структуру, логически связанную со всей историей познавательно-практической деятельности человечества.

Систематизация глобальных проблем с выделением «проблем-причин» и «проблем-следствий» (на основе результатов исследований глобальных проблем, проведенных российскими и зарубежными учеными) показывает следующее.

¹ Директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, действительный государственный советник РФ 1-го класса. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Внешнеторговое ценообразование» (в соавт.), «Таможенное регулирование в Таможенном союзе в рамках ЕврАзЭС» (рук. авт. кол.), «Реформа государственной службы и задачи подготовки кадров государственных и муниципальных служащих» (в соавт.), «Роль филиалов СЗАГС в формировании единого образовательного пространства в сфере подготовки государственных и муниципальных служащих», «Профессионализм на государственной гражданской службе: технологии достижения» и др. Член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации РФ, Экспертно-консультативного совета при Законодательном собрании Ленинградской области, Экономического и Кадрового советов при губернаторе Санкт-Петербурга, Комиссии по формированию и подготовке резерва управленческих кадров в Санкт-Петербурге. Председатель Научно-технического совета Дирекции по развитию транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Удостоен благодарности Президента РФ В. В. Путина, награжден десятью медалями, орденами Льва Финляндии, Святого Владимира и Святого благоверного князя Даниила Московского III степени Русской православной церкви и другими знаками отличия.

1. Глобальные проблемы выживания человечества сводятся к трем комплексным группам: *глобальной* экологической проблеме, *глобальной* цивилизационной проблеме человечества, *глобальной* антропологической проблеме.

2. Глобальные проблемы выживания человечества тесно взаимосвязаны. Комплекс цивилизационных проблем человечества является причиной *глобальной* экологической проблемы, а причиной цивилизационных проблем является комплекс антропологических проблем.

3. Глобальный «антропологический кризис» определяет систему негативных тенденций современного общества, ведущих к *патологическим* и другим отрицательным явлениям в природе человека и заметно снижающих его личностный потенциал.

Идея устойчивого развития возникла в ответ на глобальные проблемы человечества. Наиболее логично, на наш взгляд, концепция устойчивого развития представлена в работах ученых Международного университета природы, общества и человека «Дубна» [5]. Согласно этой концепции существуют два мировоззренческих взгляда, определяющих выбор направления разрешения глобальных проблем человечества:

1) Земля — замкнутая система, и жизнь возможна только на ее территории. При таком миропонимании возникает идея «предела развития» и искушение геноцида «лишнего населения» (идея «золотого миллиарда», достойного для дальнейшего проживания на Земле);

2) Земля — открытая система, и все живое на ней есть космическое явление. Здесь возникает не только идея сохранения развития человечества на Земле, но и идея продолжения развития человечества в космосе.

Первый мировоззренческий подход основан на механической картине мира, «теории обмена как кредо образа жизни» (по выражению А. С. Панарина [7]) и активно реализуется в неолиберальном проекте глобализации человечества. Теоретики «золотого миллиарда» считают Землю закрытой системой, а жизненные ресурсы ограниченными, потому готовы уничтожить лишних людей. Сочетание инструментального рационализма с наличием глобальных целей превращает неолиберальный проект в «машину интенсивного хищничества».

Второй подход миропонимания базируется на современной научной картине мира — универсальном эволюционизме и наследии русского космизма. Русский космизм как целое в философии, науке и искусстве осуществил необходимую для человечества глобальную рефлексию для генезиса универсального эволюционизма. Русские космисты, понимая, что невозможно остановить рост человечества, распахивают ему путь во Вселенную. Они считают Землю системой преимущественно открытой, «колыбелью человечества» и полагают, что настала пора для освоения человечеством космоса и его ресурсов.

Перестройка всех оснований науки, ее отход от позиций механицизма к органицизму осуществлялись в течение всего XX века, и к его завершению окончательно сформировался универсальный эволюционизм как общенаучная картина мира. Вклад русских космистов и их последователей — российских ученых — в последнюю версию научной картины мира никто отрицать не может. Смена масштаба хронотопа у космистов приводит их к новому пониманию человечества как части космического разума, а отсюда, от целого, возникают новые цели бытия и новая космическая нравственность. В работах русских космистов человечество уже существует как единый новый организм, новое целое с новыми свойствами. Движущей силой исторического *развития* общества являются люди, способные генерировать и реализовывать в жизнь идеи, обеспечивающие рост возможностей не только для текущего времени, но и в будущем. Таким образом, воспроизводство и формирование людей, способных генерировать и воплощать идеи непрерывного развития общества, — основная идея и правило концепции устойчивого развития человечества [5].

Вызовы, стоящие перед Россией

Как отмечает А. С. Панарин: «Монетаризм — больше, чем одно из экономических течений. Он является сегодня, может быть, самой агрессивной доктриной, требующей пересмотра самих основ человеческой культуры. Вопрос не в обмене как таковом, вопрос в том, чтобы все на свете сделать отчуждаемым — причём в глобальном масштабе» [7].

Монетарная глобализация совершает экологическое преступление против жизни на Земле, так как оказалась неспособной оберегать и накапливать экологические блага. Это означает отсутствие такой специфической характеристики цивилизации, как *интенсивный путь развития*. Решение глобальных проблем требует интенсивного рывка, качественного развития человека и преобразования практик в природопользовании, но нелиберализм привязан к экстенсивной экономической практике.

Теперь, когда мы наблюдаем действительные последствия безграничного рыночной либерализации, важно распознать тайну «обаяния» рыночной теории. Она заключена в праве на гражданскую пассивность: рыночный автоматизм якобы столь чудодейственно устроен, что безо всякого напряжения политической и моральной воли, при полной социальной пассивности граждан и государства сам по себе даст наилучшие экономические результаты.

Акцент делается на меновой теории, народ превращается в неорганизованный конгломерат безответственных менял, которые выносятся на глобальный рынок все. Меновая теория допускает и тотальное превращение населения страны в сообщество конкурирующих между собой менял. Современные апологеты рентабельности не проговаривают всех вытекающих отсюда следствий, а прямо указывают на непримиримый конфликт двух *типов рациональности*: кратковременной экономической и долговременной социальной — из разных научных картин мира. Сегодня

итоги холодной войны выдают за победу либерализма над коммунизмом. Однако в тот период все знали, что в ходе нее сталкиваются два больших проекта, каждый из которых вышел из европейского Просвещения, связанного с созданием единого большого пространства и единого в своей направленности большого исторического времени. Речь шла не о разности целей, а о разном понимании способов их достижения, цели провозглашались единые: свобода, равенство, благосостояние, просвещение и пр. СССР строился по проекту, в котором соединились учения Мора и Кампанеллы, Оуэна и Сен-Симона, Маркса и Лассаля. Всех их объединяла идея рационально организованного общества, преодолевшего стихии природы и истории [7].

Сегодня Россия стала мишенью, против которой направлены усилия игроков на понижение. Ее репутация чернится всеми способами. Без представления России в качестве источника мирового зла и беспорядка невозможно закрепить плоды победы в новой холодной войне. Когда «либеральные» теоретики рассуждают о тоталитаризме, они делают упор на традициях русской общины, на причудах несправимого национального менталитета, словом — на особенностях природы русского человека. Научный анализ подменяется своеобразной расистской антропологией, назначение которой — изобличить несправимую наследственность, якобы ставящую русский народ в конфликтное отношение к демократической современности. Без всемерного ослабления и дробления такой исторической субстанции, как народ, невозможно добиться победы неолиберального проекта глобализации. Но скрепами этой субстанции являются единство территории, истории, образующей источник коллективной культурной памяти, и ценностной нормативной системы, служащей ориентиром группового и индивидуального поведения. Несмотря на очевидную нелепость мероприятия, американские миссионеры и их ученики на местах не оставляют надежд на исчезновение коллективной субстанции — русского (российского) народа.

Возможности устойчивого развития России

Глобализация (интеграция) человечества для решения глобальных проблем неизбежна, для России это вызов, открывающий самые широкие возможности. Россия как сочетание гигантского природного и человеческого потенциала — основа проекта глобализации человечества, противостоящей паразитарному неолиберальному проекту.

Ученые отмечают непосредственные связи антропологического кризиса с глобальными цивилизационными и экологическими проблемами человечества в таких понятиях, как «мировоззренческие ценности», «общественное сознание», «общественный интеллект» и «менталитет». Другими словами, глобальные проблемы человечества можно свести к проблемам гуманитарного характера, к проблемам общественного сознания, общественного интеллекта и менталитета [1]. Глобальный ментальный конфликт, с которым человечество столкнулось при попытке разрешить цивилизационные и экологические проблемы, состоит в том, что одновременно сосуществуют не только топо-типо-

логически, но и хроно-исторически разные ментальности. И Россия может синтезировать единый менталитет устойчивого развития человечества и предъявить человечеству свою формулировку общечеловеческих ценностей как инвариант ценностного освоения мира, который будет разделен всеми народами. Эти общечеловеческие ценности применимы к человечеству в целом в его отношениях к природе, космосу, самому себе, процессам воспроизводства. Гармонизация свободы общества и свободы личности, когда личность, сохраняя свою индивидуальность, поднимаясь в своем сознании до проблем общечеловеческого бытия, использует свою свободу, свое творчество и свой интеллект — ради выживания человечества.

Все существующие сегодня логики относительно будущего развития человечества, на наш взгляд, сводятся к металогике устойчивого развития человечества в XXI веке, или к управленческой парадигме развития человечества. Управленческая парадигма становится и условием, и императивом выживания человечества. В своем выступлении на саммите АТЭС «Бизнес и глобализация» в 2000 году В. В. Путин отметил: «Наш соотечественник В. И. Вернадский еще в начале XX века создал учение об объединяющем человечество про-

странстве — ноосфере. В нем сочетаются интересы стран и народов, природы и общества, научное знание и государственная политика. Именно на фундаменте этого учения фактически строится сегодня концепция устойчивого развития» [3].

Литература

1. Александров Н. Н. В. И. Вернадский и неклассический менталитет XX века / Н. Н. Александров // Академия тринитаризма. — Эл. № 77-6567, публ. 10421. — 2003. — 19 мая.
2. Александров Н. Н. Менталитет и устойчивое развитие / Н. Н. Александров // Академия тринитаризма. — Эл. № 77-6567, публ. 16895. — 2011. — 15 окт.
3. Выступление Президента России на саммите АТЭС «Бизнес и глобализация» // Дипломатический вестник Российской Федерации. — 2000. — № 12. — С. 12.
4. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке / П. Ф. Друкер. — М.; СПб.: Вильямс, 2000.
5. Кузнецов О. Л. Система природа–общество–человек: устойчивое развитие / О. Л. Кузнецов, П. Г. Кузнецов, Б. Е. Большаков. — М.; Дубна: ГНЦРФ ВНИИ геосистем: МУП ОЧ «Дубна»: Ноосфера, 2000.
6. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера / Н. Н. Моисеев. — М.: Мол. гвардия, 1990.
7. Панарин А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. — М.: Эксмо-Пресс, 2002.

Я. Г. Шемякин¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ УЧАСТНИКОВ БРИКС И ПРОБЛЕМА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

1. К числу факторов, обусловивших появление объединения БРИКС, относятся как особенности мировой социальной, экономической и геополитической конъюнктуры рубежа XX–XXI веков, так и условия долговременного исторического действия. Именно такими являются факторы цивилизационной идентификации, то есть идентификации с наиболее значимыми, укорененными в той или иной традиции ценностными ориентациями.

2. Обобщение опыта стран БРИКС приводит к выводу, что для них оказалась характерна *единая идентификационная стратегия*. В ее основе — общее для этих стран и принципиально отличное от западной трактовки понимание характера и задач процесса модернизации. Запад склонен считать свою модель модернизации оптимальной и в связи с этим универсально значимой, а потому и «обязательной к исполнению» для всех, кто стремится идти в ногу со временем. Все без исключения страны БРИКС выдвигают на первый план идею органического синтеза ценно-

стей модернизации и собственной цивилизационной традиции.

3. Формирование общей идентификационной стратегии оказалось возможным в силу того, что при всей разнице традиций участников БРИКС в самой глубокой основе их цивилизационного строя лежит общий комплекс ценностей. Краеугольным камнем всех представленных в БРИКС цивилизационных традиций является духовное наследие «осевого времени» 1 тыс. до н. э. (по К. Ясперсу) — того периода в истории, когда почти одновременно (по макросторическим меркам) в ведущих центрах Евразии (Индии, Китае, Палестине, Иране и Элладе) возникли все основные направления философской мысли и наиболее исторически значимые религии и религиозно-философские системы (буддизм, конфуцианство, даосизм, зороастризм, религия еврейских пророков, духовно-мировоззренческий комплекс, воплощенный в «Упанишадах»), а также были заложены предпосылки возникновения христианства, ислама и индуизма.

В эту эпоху впервые были ясно осознаны и сформулированы идея Абсолюта — духовной первоосновы всего сущего, неуничтожимой сердцевины бытия, и принцип сопричастности человека Абсолюту, нашедший свое наиболее полное проявление в идее бессмертия души. Из мысли о сопричастности человека Абсолюту следовал вывод о несводимости его к роли простого функционера или винтика социального или космического целого. Базовые компоненты насле-

¹ Главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», «История мировых цивилизаций. XX век», «В поисках смысла. Из истории философии и религии» и др.; статей: «К вопросу о методологии цивилизационных исследований», «Мыслеобраз границы: социокультурные проекции», «БРИКС в свете цивилизационного подхода» и др. Член редакционного совета научного журнала МГУ им. М. В. Ломоносова «Исторический журнал: научные исследования».

дия «осевого времени» прослеживаются и в различных версиях христианства (в том числе католицизма и протестантизма в Бразилии, православия в России, протестантизма в ЮАР), и в трех основных составляющих традиционной духовной культуры Китая — конфуцианстве, даосизме и китаизированном буддизме, и в индуизме.

4. Для осуществления синтеза собственной традиции и ценностей модернизации ключевое значение имеет решение проблемы личности, ее активности. То или иное решение этой проблемы всегда связано с самыми глубокими основами мирозерцания человеческой общности. И в этом плане центральную роль играла и играет «общеосевая» идея сопричастности каждого человека духовному Абсолюту. Именно на нее в конечном счете опирались те составляющие духовного наследия представленных в БРИКС цивилизаций, которые так или иначе акцентировали значимость личностного начала.

Следует отметить, что связь человека и Абсолюта трактовалась представителями различных традиций совершенно по-разному. Интерпретация этой связи в христианской традиции в принципе самым непосредственным образом побуждала человека занять активную позицию по отношению к окружающему миру. Острое переживание противоречия между «сущим» (то есть наличной действительностью, отмеченной первородным грехом) и «должным» христианского идеала; рождающееся отсюда стремление в той или иной мере привести «сущее» в соответствие с нормами, диктуемыми Божественным Абсолютом, и вместе с тем невозможность полной реализации небесного идеала в «земной» реальности вследствие ее неизбывной (вплоть до второго пришествия) греховности, соответственно невозможность присвоения кем бы то ни было привилегии на абсолютную святость; неизвестность времени второго пришествия и вытекающая из этой мысли обязанность христианина постоянно поддерживать себя в состоянии готовности к встрече с Христом — все эти обстоятельства обрекали человека на постоянное «бодрствование» (Матф. 24:42), то есть на непрерывное становление личности. А такой дар Бога человеку, как свобода воли — выбора между добром и злом, возлагал на его плечи тяжелый груз ответственности за сделанный выбор.

Китайская традиция во многих отношениях совершенно иная, тем не менее и здесь идеал духовной активности личности воплотился в лапидарной формуле «бодрствование одинокого»¹. Китайское понимание духовного Абсолюта основывается на убеждении в исчерпывающей полноте его присутствия во всех предметах и явлениях мира. Поэтому их постижение требует от человека постоянных усилий. Согласно одному из главных конфуцианских канонов «Да сюэ», «для всех и каждого — от Сына Неба и до простолюдина — усовершенствование своей личности является корнем»².

¹ *Малявин В. В.* Тайцзицюань: Классические тексты. Принципы. Мастерство. М.: Кнорус, 2011. С. 14.

² *Кобзев А. И.* «Великое учение» и учения великих конфуцианцев. М., 2011. С. 25.

Усиление внимания к Конфуцию как родоначальнику национальной идеи и к конфуцианскому наследию в целом отчетливо прослеживается начиная с 1980-х годов в КНР, где сложилась своя школа интерпретации этого наследия, представители которой стремятся трактовать его как главное выражение «китайской специфики», вполне совместимое с социалистическим идеалом.

Для *индийской цивилизационной традиции* характерно совершенно иное, чем для китайской, понимание соотношения между окружающей человека повседневной действительностью и духовными реалиями. Тем не менее обе великие цивилизации Азии объединяет очень важная общая черта: идея о том, что Абсолют непосредственно присутствует во всех элементах мироздания, в том числе и в людях. Так, в индуизме «всякая индивидуальная душа является частью Абсолюта»³. Там наличествует множество богов, между которыми существует определенное «распределение ролей», и при этом индус свободен в выборе божества, которому он желает поклоняться. «Один бог по семейной традиции или по личному выбору является для верующего главным, а все остальные — его ипостасями. Но в восприятии верующего все они существуют как аспекты единого целого — универсального Абсолюта»⁴.

Главным парадоксом традиционной индийской цивилизации было сочетание подобной религиозной свободы с поразительно жесткой регламентацией социальных ролей в рамках варно-кастовой системы. Идея сопричастности каждой индивидуальной души Абсолюту не могла не породить протеста против данной системы в рамках самого индуизма. Этот протест с наибольшей силой выразился в духовных движениях бхакти, для которых была характерна усиленная акцентировка личностного начала, а впоследствии в трудах и деятельности реформаторов индуизма XIX–XX веков (Рам Мохан Рой, Вивекананда, Тагор, Ганди, Неру, Радхакришнан).

5. Выявление общих духовных оснований представленных в БРИКС цивилизационных традиций, особенно в том, что касается подхода к вопросу об активности личности, приобретает особое значение в современной идеологической ситуации, которая характеризуется развертыванием глобальной информационной войны. И в этой войне страны Запада в качестве своего главного оружия используют определенную интерпретацию концепции прав человека. В подобных условиях необходимо заново переосмыслить проблематику прав человека, поскольку та их интерпретация, которая до сих пор преобладает как в науке, так и в политическом дискурсе, ограничена рамками одной цивилизационной традиции — западной.

Как известно, главная мировоззренческая база современной версии идеологии прав человека — Всеобщая декларация прав человека 1948 года. Ее авторы основывались на разработанной европейской политической и правовой мыслью теории естественного права, в соответствии с которой права человека

³ *Ванина Е. Ю.* Основные ценности и институты индийской цивилизации // Индийская цивилизация в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО РАН, 2005. С. 31.

⁴ Там же. С. 32.

обусловлены человеческой природой, единой для всех людей. Из текста Декларации следует, что речь идет о «человеке вообще» безотносительно к конкретно его историческим, культурным и иным особенностям. Предполагается, что декларируемыми правами должен пользоваться каждый из живущих на Земле индивидов. Но ведь любой из жителей нашей планеты принадлежит к определенной общности (как правило, одновременно к различным общностям разного типа — этническим, языковым, культурным, территориальным и т. п.), существует и действует в той или иной социальной, культурной и природной среде. «Человека вообще» в реальности нет нигде, как не существует и человеческой природы «вообще» безотносительно к живым людям и обстоятельствам их жизни. Человек всегда конкретен, неотделим от этих обстоятельств, а следовательно, необходимым образом принадлежит к той или иной культурной традиции.

Если обобщить содержание Всеобщей декларации прав человека, то можно констатировать, что в основе всех остальных прав человека лежат два: право на жизнь и право на свободу выбора во всех сферах жизнедеятельности. Однако выбор может быть действительно свободным лишь в том случае, если это сознательный выбор. Такой выбор способен сделать только мыслящий человек, обретший смысл своего существования. Обретение же смысла возможно лишь при условии, что найден путь решения ключевых проблем-противоречий человеческого бытия. Выработав тот или иной подход к их решению, человек

определяет тем самым основные черты собственного культурно-исторического облика, то есть свою идентичность. Таким образом, обретение идентичности означает обретение смысла существования. Следовательно, формирование собственной идентичности является предпосылкой действительно свободного выбора, а тем самым и реализации всех остальных основанных на нем прав. Если это так, то в реестр основных прав человека в качестве основополагающего должно быть внесено право на идентичность, реализация которого является предпосылкой осуществления всех остальных прав за единственным исключением — права на жизнь. Но что означает право на жизнь без права на идентичность? Получается, что это — право на жизнь без смысла, то есть практически право на биологическое, проще говоря, животное существование, но никак не право на жизнь человека разумного. Таким образом, и право на жизнь для человека именно как человека, а не биологической особи может быть реализовано лишь в том случае, если одновременно осуществляется право на идентичность.

По нашему мнению, признание права на идентичность в качестве одного из основополагающих прав человека имеет особое значение для участников БРИКС, перед которыми объективно стоит труднейшая задача осуществления синтеза собственной цивилизационной традиции и императивов современности. Усвоение этих императивов будет подлинным лишь в том случае, если оно будет творческим. А на творчество способен лишь тот, кто сохранил в своей душе прочный стержень, то есть свою идентичность.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Ш. АЗИЗ премьер-министр Пакистана (2004–2007)
- А. БЕБЛЕР профессор факультета социологии Университета Любляны (Словения)
- Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии, профессор
- Г. М. ГАТИЛОВ заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- П. ДУТКЕВИЧ директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- В. ИНГИМУНДАРСОН профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии
- А. ИРАВАНИ директор Центра исламских и ближневосточных исследований (Вашингтон, США), доктор философии
- Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета им. Л. Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- К. Б. МОЙНИХЕН государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
- Д. В. МОСЯКОВ руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор
- А. П. НАЗАРЕТЯН главный научный сотрудник, руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН, профессор Международного университета «Дубна», доктор философских наук, кандидат психологических наук
- Г. М. РЕЗНИК вице-президент Федеральной палаты адвокатов, профессор кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- В. делла САЛА адъюнкт-профессор политических наук кафедры социологии и социальных исследований Университета Тренто (Италия)
- П. П. ТОЛОЧКО директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
- М. ФАЙЕТТА Генеральный консул Швейцарии в Санкт-Петербурге
- Е. В. ХАРИТОНОВА старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент
- А. Б. ЦИНКЕР директор Института стран СНГ и Восточной Европы, заместитель председателя Координационного совета организаций российских соотечественников (Израиль), доктор философии
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Н. эль-ШЕЙХ профессор политологии Каирского университета, член Египетского совета иностранных дел
- Я. Г. ШЕМЯКИН главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук

Г. М. ГАТИЛОВ: — Дорогие друзья, рад вас приветствовать на нашей секции. Прежде чем мы перейдем к обсуждению темы, вынесенной в название секции, я хотел бы предоставить слово Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Многие средства массовой информации просили нас об аккредитации журналистов на данной секции, но мы решили, что этого делать не стоит. Для нас важно, чтобы ученые могли здесь свободно обсуждать различные проблемы и обмениваться мнениями. Понятно, что все мы граждане разных стран и думаем в первую очередь об интересах своего отечества. Но в то же время мы представители научного мира, заинтересованные в обстоятельной дискуссии без эффектных жестов и политических заявлений. Наша задача — искать точки соприкосновения, потому что налицо тревожные приметы того, что мир не просто возвращается к холодной войне, но может скатиться и к «горячей». Особенно опасно, что во всех сложных ситуациях, которые возникают в мире, участвуют и ядерные державы или те, что вплотную приблизились к обладанию ядерным оружием. Никто из нас не хочет возвращения былого противостояния и рисков, поэтому я призываю вас к обстоятельной и доброжелательной дискуссии, уважительному отношению к разным точкам зрения, чтобы в этом зале прозвучал не набор монологов, а полноценный и содержательный диалог.

Мы видим, например, как затруднительно сегодня вести диалог целому ряду государств. В частности, сложные отношения сформировались между Россией и странами Запада, Израилем и странами арабского мира, да и внутри арабского мира между его представителями. Мне думается, что в рамках нашей дискуссии необходимо преодолевать эти противоречия, показывать пример того, как научный мир может соответствовать требованиям времени, спокойно и корректно обсуждать сложности сегодняшней жизни. Если мы, ученые, сможем это продемонстрировать, то, наверно, и политикам будет легче договариваться. При всем разнообразии наших мнений я хотел бы выразить удовлетворенность тем, как корректно прошел вчера наш диалог. Думаю, что мы и дальше будем следовать этой линии.

Будучи ректором петербургского университета, хочу сказать, что мы в Университете намерены продолжить традицию, которая всегда была важна для России, — уважение к различным религиям и конфессиям. В Петербурге есть храмы всех ведущих традиционных религий мира. Здесь нашлось место и для мечетей, и для синагог, и для католических храмов, и для протестантских. И, конечно, здесь всегда есть место для различных научных идей тех ученых, которые уважительно относятся к своим коллегам. От себя лично скажу, что наш Университет всегда в вашем распоряжении, не только во время Лихачевских чтений, но и в любое другое время. Если вы приедете в Россию и вам захочется заехать в Петербург, мы всегда с радостью примем вас и будем счастливы, если кто-то из вас захочет прочитать лекции нашим студентам. И, разумеется, мы будем ждать вас

в мае следующего года на XVI Лихачевских чтениях, приуроченных к дням славянской письменности и культуры. Это наша традиция. Благодарю вас!

Г. М. ГАТИЛОВ: — Большое спасибо, Александр Сергеевич, за Ваше напутствие. У нас, как Вы верно сказали, очень представительная секция, поэтому, думаю, состоится действительно интересный разговор.

Рассматриваемая тема затрагивает вопросы, которые вызывают оживленные дискуссии на международных площадках. В наше время все отчетливее проявляются признаки конкуренции между различными цивилизационными и культурными традициями. Представители некоторых из них пытаются свою, с их точки зрения, привлекательную цивилизационную оболочку распространить на весь мир, я бы даже сказал, навязать свои принципы и понятия и таким образом создать ситуацию, когда остальные страны шли бы в том русле, которое им предлагается. Но такие действия, с нашей точки зрения, способны лишь обострить межкультурные и межрелигиозные противоречия, повышают риски конфликтов на почве культурной идентичности и в целом подрывают усилия по формированию устойчивой системы глобального развития. Мы помним, как несколько лет назад Соединенные Штаты Америки вознамерились демократизировать Ближний Восток и привнести туда свои ценности. И сейчас мы видим, что там на самом деле происходит в результате таких подходов.

В связи с этим назрела необходимость выработки единых правил поведения на международной арене. Требуется также уважать уже существующие правила, прежде всего те, которые закреплены в Уставе ООН и других международно-правовых документах глобального характера. 70 лет назад, создавая ООН, ее отцы-основатели мечтали об организации, которая бы объединила все народы, стала своего рода опорной конструкцией межгосударственных отношений, равноправного сотрудничества и диалога в интересах всех государств и обладала необходимыми полномочиями для адекватного реагирования на все многообразие рисков и угроз.

Одно из достоинств Организации Объединенных Наций заключается в том, что государства способны опираться на согласованные нормы поведения, договариваться о совместном реагировании на угрозы глобальной безопасности. Но так было не всегда и, к сожалению, в последние годы мы все чаще от этого отступаем. Формула «делаю, что хочу» нередко берет верх. В результате возникают двойные стандарты, в частности государственный переворот на Украине считается нормальным делом. А такие же события в Йемене, вынудившие президента покинуть страну, — это плохо, президента надо вернуть. Похоже, что происходит нарастающая эрозия международного права и международных отношений в целом.

Независимо от того, какие полезные решения принимаются мировым сообществом, между ними и реальной жизнью находится барьер политической целесообразности и геополитических интересов. Мы должны помнить, что подобных барьеров часто попросту

не существует у террористических группировок, которые действуют вне всяких правовых рамок. Все это добавляет серьезный негативный элемент в ситуацию, складывающуюся на международной арене.

Считаю, что необходимо доводить до людей в своих обществах ту точку зрения, которую они объективно не смогут получить через свои средства массовой информации или получают ее в предельно предвзятом виде. Об этом, кстати, вчера достаточно интересно говорил Михаил Соломонович Гусман. Что касается нас, то мы готовы к открытому и транспарентному диалогу, а если потребуется, то и к борьбе идей. Важно, чтобы и в западных обществах не создавалось препятствий в информировании граждан об альтернативных точках зрения. А мы знаем, что такие случаи там имеют место.

Большую роль в предупреждении конфликтов, особенно на почве культурной и религиозной идентичности, могут сыграть и религиозные деятели. Мы поддерживаем инициативы христианских и мусульманских лидеров в регионе Ближнего Востока, направленные на то, чтобы единым фронтом выступить против попыток экстремистов любых мастей осквернить и извратить высокие нравственные принципы мировых религий. Общий моральный знаменатель, всегда существовавший в них, востребован сегодня в вопросах мировой политики и международных отношений. Он играет роль компаса, своего рода ориентира, с которым сверяют действия те, кто принимает политические решения.

У нас в России есть поговорка «Не в силе Бог, а в правде». Значение этих слов в своей повседневной жизни мы ощущаем постоянно. Некоторое время назад в российском экспертном политологическом и религиозном сообществе обсуждалась идея концепции привнесения в современные международные отношения вектора моральных ценностей, справедливости и правды.

Нравственность и внешняя политика — понятия не просто совместимые, но идущие рука об руку. Крайне важно, чтобы проблемы, с которыми сталкивается современный мир, решались на основе справедливости, поскольку, как только утрачивается нравственность, возникает несправедливость, появляются идеи, которые не способствуют решению проблем, а, наоборот, загоняют их вглубь. Укрепление нравственного основания международных отношений мы рассматриваем в качестве части большой политики.

Еще важны такие подходы, как толерантность и терпимость, об этом тоже вчера говорилось в ходе пленарного заседания. Они буквально выстраданы непростой российской историей. Без них наша многонациональная и многоконфессиональная страна не смогла бы достичь гармонии между представителями многочисленных народов и этносов, культурных и религиозных традиций. Необходимым условием поступательного развития, да и самого существования нашей страны было постоянное созидание межкультурного согласия на основе толерантности. Именно этим обусловлена та особая роль, которую Россия может сыграть в наши дни в деле сопряжения инте-

ресов всех государств независимо от их культурно-цивилизационных различий, что, собственно, и является ключевым фактором решения острых проблем современности.

Уважаемые коллеги, в ходе нашей дискуссии будет предоставлено слово всем, кто пожелает принять в этом участие. Уже есть первый желающий выступить — господин Аноп Погосович Назаретян. Пожалуйста.

А. П. НАЗАРЕТЯН: — Несколько дней назад в Государственном астрономическом институте им. П. К. Штернберга состоялась встреча ученых разных специальностей — физиков, астрономов, антропологов, психологов. Одним из вопросов была подготовка обращения ученых к политикам. В основу этого обращения положены два обстоятельства. Во-первых, серии расчетов, проведенных независимо друг от друга учеными в разных странах — Австралии, России, США — показали, что примерно в середине XXI века наступит так называемая точка сингулярности. Это фазовый переход в эволюции Земли, не имеющий прецедента не только в истории человечества, но и в истории эволюции биосферы. Произойдет либо обвал (начало нисходящей ветви), либо прорыв в какую-то новую запланетарную космическую стадию развития.

Во-вторых, в последние два года обнаружен целый ряд планет во Вселенной, в том числе и в нашей Галактике, очень похожих на Землю по всем параметрам. Уже почти полвека идет интенсивный поиск признаков деятельности внеземных цивилизаций во Вселенной. Но остается в силе так называемый парадокс Ферми «Молчание космоса», которое формулируется в виде вопроса: «А где они?». Потому что никаких признаков активности, хотя бы косвенных, не было. Но в последнее время усиливаются косвенные аргументы в пользу того, что все планетарные очаги цивилизаций рано или поздно угасают — либо на стадии биосферы, либо на стадии, сопоставимой с тем, что мы называем антропосферой. Они не выдерживают развития технологий и рано или поздно себя уничтожают.

Мы знаем, что наша цивилизация уже неоднократно находилась на грани самоуничтожения, последний раз около полувека тому назад. Сейчас, в XXI веке, не нужна война для того, чтобы цивилизация сама себя истребила. Есть масса других способов. В частности, мы вернулись в ситуацию древнего каменного века, когда размыта грань между войной и миром, между оружием и другими технологиями. Непонятно, что страшнее по разрушительной силе — танк или современный навороченный компьютер. Великий английский поэт Элиот писал: «именно так и кончается мир — не взрывом, а всхлипом». Если в XX веке мир мог закончиться взрывом, то теперь, в век «знаний массового поражения», история планетарной цивилизации может завершиться всхлипом. К сожалению, политики этого не осознают. Сейчас в Центре мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения мы готовим некоторые предложения для российского правительства по поводу того, как изменить акценты внешнеполитической деятельности, чтобы она стала

более эффективной. Те политики, которые первыми сумеют отрешиться от личных, партийных и национальных амбиций и выйти на задачу сохранения и восстановления устойчивости глобальной геополитической системы, получат большие преимущества и в актуальном, и в перспективном плане. Если же политика будет оставаться такой, какова она сейчас, то есть ориентированной на национальные интересы стран, то человеческая цивилизация не переживет XXI век.

Английский астроном Мартин Рис 10 лет назад опубликовал книгу “Our final century” («Наше последнее столетие»), в которой он оценивает наши шансы пережить XXI век — 50:50. Мы тогда давали такую же оценку, но во втором десятилетии XXI века, к сожалению, геополитическая система пошла вразнос. Все стало стремительно ухудшаться. Как психолог, я могу сказать, что весь мир поражает мощная психическая эпидемия, которой современный философ и политолог Петер Слотердаjk дал название «массовый комплекс катастрофофилии» — тоска по маленьким победоносным войнам, по острым событиям и переживаниям. Это хуже, чем лихорадка Эбола и все прочие инфекции, потому что психическая эпидемия гораздо хуже осознается. Если в ближайшие годы не удастся резко отрезвить политиков во всех уголках Земли — в России, Америке, на Ближнем Востоке и так далее, переключить их с патриотических лозунгов, которые по сути своей являются оборонческими, на глобальное космополитическое мировоззрение, на задачи сохранения мировой цивилизации, то, скорее всего, придется признать, что Мартин Рис отличался большим и неоправданным оптимизмом, как и мы 10 лет тому назад.

Г. М. ГАТИЛЛОВ: — Спасибо большое. Сейчас я хочу предоставить слово господину Антону Беблеру.

А. БЕБЛЕР: — Я остановлюсь на одной из тем нашей дискуссии. В последние два года произошли четыре кризиса, так или иначе связанные с Украиной. Два из них разразились внутри Украины и два можно определить как межгосударственные конфликты. У каждого случая несколько аспектов, но я скажу только об одном аспекте конфликта между Украиной и Россией. Мы проявили себя с сильной стороны, когда был изменен статус Крыма и Севастополя. Евросоюз и другие страны обвиняли нас в том, что фактически мы совершили агрессию, нарушили Устав ООН, Хельсинкские соглашения и еще ряд других межгосударственных договоренностей. Факт изменения статуса Крыма называют по-разному. В документах НАТО он квалифицируется как агрессивное действие, украинское правительство — как агрессию и аннексию. А в Российской Федерации это описывается словом «воссоединение». Воссоединение с Российской Федерацией. Разница в терминах показывает, какое значение придается этому событию.

На крымскую тему, естественно, высказывались не только политики, но и представители СМИ. В частности, говорили, что акция Российской Федерации в отношении Крыма возвращает в европейские отно-

шения политику с позиции силы, что период мирного развития на континенте завершается восстановлением духа холодной войны, и это сделала Российская Федерация в форме возвращения такой политики. Но мы можем утверждать, что политика с позиции силы никогда не исчезала, в том числе и в Европе, и в действиях европейских государств за пределами континента. Не буду упоминать колониальные войны, которые велись когда-то. В последние годы были атаки со стороны Франции и Великобритании против Ливии и Египта, Великобритании против Ирака и т. д. Это были акты вооруженного наступления. А список примеров, когда использовалась политика силы со стороны США во всем мире, достаточно длинный, я не буду его воспроизводить. Но утверждение, что возвращение Крыма в Российскую Федерацию — это действие с позиции силы, лишено оснований. В Европе уже были соглашения, когда территории возвращались от одной страны к другой, были и войны, например в Словении. Проявления политики с позиции силы в Европе продолжают. К этому прибегало и украинское правительство, и власти Грузии.

Второе утверждение состоит в том, что воссоединение Крыма представляли первые носители изменения государственного статуса в Европе. Но в XX веке можно наблюдать два варианта изменения межгосударственных границ на континенте. Первый был осуществлен после Второй мировой войны, когда были передвинуты границы Италии и Австрии. Изменение по второму варианту произошло после окончания холодной войны: падение Берлинской стены, демократизация социалистического блока и распад Советского Союза. В то время четыре государства исчезли с карты Европы — Германская Демократическая Республика, Советский Союз, Федеративная социалистическая Республика Югославия и Чехословакия. Вместо этого появилось 29 государств, 23 из которых получили международное признание. Остальные по существу также являются европейскими государствами, но пока не получили всеобщего признания. Я насчитал более 40 переносов межгосударственных границ в Европе за этот период. И изменения границы между Россией и Украиной на Перекопе — только один из многих случаев.

Но первое насильственное изменение границ между государствами после Второй мировой войны совершили именно европейские страны, когда турецкая армия напала на Кипр, захватила часть его территории и основала Турецкую Республику Северного Кипра. Это государство существует до сих пор. Другое насильственное изменение границ и статуса целого государства случилось в самом центре Европы: ГДР фактически была аннексирована Федеративной Республикой Германии, западная граница ГДР исчезла и была установлена новая восточная граница ФРГ.

Можно провести параллель между воссоединением двух Германий и воссоединением Крыма с Россией. В обоих случаях мы имеем соглашение двух государств, обусловленное правом на самоопределение. Оба воссоединения реализовались без жертв, в соответствии со ст. 8 Хельсинкского акта и были поддержа-

ны большинством местного населения. Конечно, имеются и различия, но сейчас я говорю об общих особенностях.

В Европе есть прецедент, результатом которого стало появление независимого государства, но это было сделано насильственным образом. В 1999 году НАТО произвело атаку на Федеративную Республику Югославию. Конечно, крымский случай имеет определенные аналогии с косовским. И то и другое было нарушением территориальной целостности государств, отделением с применением силы, без разрешения Совета Безопасности ООН. Но в обоих случаях реализовывался принцип самоопределения в соответствии с Хельсинкскими соглашениями, и изменения были поддержаны большинством населения, что подтвердили референдумы. А главное различие между двумя этими событиями — отсутствие и наличие жертв. Если Крым воссоединился с Россией без кровопролития, то отделение Косово стоило нескольких тысяч жизней. Существенно и то, что воссоединение Крыма никому не причинило экономического ущерба.

Таким образом, когда мы говорим об изменении статуса Крыма, необходимо делать это в контексте сравнения с другими событиями, происходящими на европейском континенте.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Большое спасибо, господин Беблер. У меня только одна ремарка. Россия не находится в конфликте с Украиной, а помогает найти способ разрешения кризиса на юго-востоке страны. На Украине есть разные политические силы: с одной стороны, партии войны, с другой — те, кто хочет добиться мирного урегулирования. Думаю, что в ходе нашей дискуссии мы еще вернемся к этому вопросу.

Слово Елене Владимировне Харитоновой. Пожалуйста.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Поскольку я представляю Институт Африки, мне хотелось бы остаться в рамках проблематики, касающейся этого континента. В странах Африки мы видим концентрированное проявление тех теневых управленческих факторов, которые присутствуют и в других регионах мира. Среди участников Чтений такого же мнения, на мой взгляд, придерживается госпожа Нурхан эль-Шейх. По форме это, безусловно, конфликт. Но какой именно? Конфликт интересов? Или идеологическая война, которую отрицает господин Вятр? Или это отражение неких процессов глобализации, которые включают не только развитие коммуникационных и транспортных технологий, но и концентрацию средств управления и принятия решений в одном пункте?

То, что мы называем дефицитом лидерства, можно рассматривать как уровни управления, которые можно обнаружить на африканском континенте. Вот эти уровни. Первый — мировоззренческий, он может проявляться в виде воздействия СМИ, формирования идеологии, системы ценностных ориентиров. Это то, что господин Вятр, цитируя Буша, называет «борьбой за души человечества». Мы знаем, что эта борьба отражена во многих религиях. Второй уровень управле-

ния — финансово-экономический. Мы видим, как он во всей полноте реализован в виде санкций по отношению к России и российских контрсанкций. К этому же уровню относится деятельность Международного валютного фонда, различных некоммерческих организаций, которых становится все больше. НКО — это не что иное как способ финансирования и поддержки через гранты идеологически выстроенной деятельности, учебников и т. д. В странах Африки финансово-экономическое воздействие присутствует постоянно — в форме гуманитарной помощи и создания условий, которые порождают необходимость в такой помощи. Третий уровень — военный: в виде поставок оружия, специальных военных операций, которые проводятся на территории того или иного государства.

Примером попытки освободиться от финансово-экономического и мировоззренческого воздействия может служить Ливия, печальная судьба которой нам всем известна. Это разрушенное государство. Ливия, не будучи ядерной державой, попыталась выйти за пределы этих трех управленческих контуров, но попала под военное воздействие. Один из моментов был связан с тем, что Муаммар аль-Каддафи хотел выйти из-под влияния финансовой системы Запада с помощью эмиссии «золотого динара», гуманитарных проектов, в частности Великой рукотворной реки. Дело в том, что в недрах под Нубийской пустыней были обнаружены огромные запасы пресной воды, и при помощи израильских технологий проектировались и строились акведуки. Это должно было освободить Африку от финансово-экономической зависимости от Запада.

Фактически была сделана попытка объединения Африки — и в финансово-экономическом отношении, и в плане безопасности, и для решения социальных проблем, которые там существуют в очень острой форме. Все это было пресечено грубыми военными средствами. Тем не менее это была, безусловно, гибридная война, включавшая дискредитацию лидера, массу информационных посылов о диктаторском режиме, о нарушении прав человека. Все это дает нам представление о модели западного воздействия на регионы, которые входят в их сферу интересов. Я согласна с коллегой эль-Шейх, что гораздо больше, чем культурные и цивилизационные конфликты, сегодняшнюю действительность определяют конфликты интересов, даже если они представляются как борьба идеологий или даже межкультурный диалог. За этим всем надо искать экономические интересы, в частности стремление к владению энергоресурсами, и не столь важно, в какой форме они воплощаются.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо за выступление. Экономическая составляющая событий в Ливии не так широко известна, формальным обоснованием было массовое нарушение прав человека. Этот же тезис сейчас используется повсеместно, в том числе относительно Сирии и еще целого ряда стран с режимами, неугодными Западу.

Сейчас я предоставляю слово господину Гансу Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — В течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны был баланс сил в двухполярном мире, который удерживали две глобальные сверхдержавы. Разрушение этого баланса США объяснили преимуществом своей идеологии. Под этим же предлогом США претендуют на глобальное лидерство и используют это положение для того, чтобы легитимизировать свои действия в духе войны с позиции силы. В результате мы имеем полную дестабилизацию мирового порядка и военную интервенцию в нескольких странах, включая Ирак, Ливию и еще раньше — Балканы. Все это следствия политического вакуума. Некоторые из арабских политических движений в странах Среднего Востока добились успеха, но их идеология расходится с официальной либеральной идеологией западных стран. Это касается и моей страны — Австрии, и вообще большинства стран Европы. Наши идеологи полагают, что западная модель взаимоотношений между индивидом и обществом отличается от таковой в других цивилизациях. Индивидуализм, насаждаемый в США и Западной Европе, уже привел к тому, что мы построили «общество потребления». Главная идея — наслаждаться жизнью, не учитывая последствий. Поэтому мы не должны удивляться, что не все страны мира согласны на такую крайнюю форму индивидуализма.

Но мы высокомерны. Мы настаиваем на своем и рассылаем миссионеров, чтобы обучать и переобучать тех, кто имеет иные системы ценностей и по-другому видит взаимоотношения между индивидом и обществом.

В планетарном масштабе баланса сил больше нет. Сейчас мы находимся в процессе приближения к многополярному миру, но пока он однополярен. ООН в таких условиях не может нормально функционировать, потому что она была создана после Второй мировой войны как организация коллективной безопасности, в основе которой лежит принцип сдержек и противовесов без доминирования каких-либо сил. Сейчас эта система безопасности перестала действовать, и страны поступают так, как считают нужным для их национальных интересов, которые скрываются под личиной идеологической конкуренции.

Сегодня, в 2015 году, мы видим, что даже сильная страна должна получать одобрение от Совета Безопасности ООН, иначе ее действия будут интерпретированы в негативном ключе. Совет Безопасности с помощью права вето может предотвратить те или иные действия любого государства — члена ООН. Поэтому я считаю, что пока не будет достигнут реальный баланс сил в глобальном масштабе, ООН не сможет нормально работать. Еще важнее то, что такие государства, как Российская Федерация, Китай и другие растущие глобальные сверхдержавы, координируют свою политику и действуют совместно на международных форумах. В конце концов это приведет к новому балансу сил, и тогда ООН сможет функционировать лучше.

Несколько замечаний по поводу Украины. Еще в прошлом веке часть Украины входила в Австро-Венгерскую империю. А несколько месяцев назад премьер-министр Австрии выступил с предложени-

ем, чтобы Украина приняла нейтральный статус. Это означало бы, что ей не придется поступаться своими амбициями для того, чтобы присоединиться к какому-либо международному союзу или региональной организации. В связи с этим расскажу об опыте Австрии. После Первой мировой войны Тироль был отдан Италии. Но эта область населена не итальянцами, а тирольцами, которые говорят по-немецки. Это привело к длительному периоду напряженных отношений и даже гражданскому сопротивлению. В конце концов конфликт был разрешен с помощью соглашения между Австрией и Италией, в котором предусматривался статус полной и реальной автономии Тироля. Решением проблемы стала договоренность между двумя суверенными государствами.

Таким же образом можно рассматривать части восточной территории Украины, в которых сейчас сложилась конфликтная ситуация. Моя концепция Украины — государство, устроенное на федеративной, а не унитарной основе.

И последнее. Когда мы говорим о праве на самоопределение, то часто придерживаемся двойных стандартов. Я же считаю, что если на некой территории проживают люди, которые этнически отличаются от остального населения страны и имеют другие традиции, и большинство этих людей выступают за политическую самостоятельность, то в этой ситуации должен быть применен принцип самоопределения. Но это решение должно быть принято в рамках всего государства, а иначе принцип сохранения целостности территории теряет свою силу. Мы видели, как население Шотландии решало, следует ли им отделиться от Великобритании, в то время как жителей других регионов об этом не спрашивали.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Благодарю Вас, господин Кёхлер. Очень интересные соображения, особенно пример Тироля, показывающий, что подобные проблемы могут решаться мирным путем. Думаю, что в определенной степени это возможно и на Украине.

Что касается Организации Объединенных Наций, то я совершенно согласен с Вами: она зачастую не способна решить какие-то острые проблемы. Но еще господжа Тэтчер говорила о том, что ООН — это отражение всех наций, то есть нас с вами, поэтому мы можем требовать от этой организации только то, что сами привносим в нее. И еще хочется напомнить слова, сказанные в свое время вторым Генеральным секретарем ООН господином Хаммаршёльдом. Он сказал, что ООН создана не для того, чтобы человечество попало в рай, а для того, чтобы не скатилось в ад. С этой точки зрения организация все же выполняет свои задачи, хотя я совершенно согласен: ее необходимо реформировать, и сделать так, чтобы она более эффективно отвечала и сложившимся мировым реалиям, и тем вызовам, с которыми сталкивается человечество в настоящий момент.

Приглашаю на трибуну господина Шауката Азиза.

Ш. АЗИЗ: — Человечество столкнулось с различными вызовами — дипломатическими, экономически-

ми и т. д. Какой вклад мы можем внести в решение этих проблем?

Первое. Получилось так, что мы живем в однополярном мире, но большинство считает, что для устойчивого роста необходима многополярность. При этом мы надеемся, что переход к многополярному миру произойдет мирно, без крови и насилия. Как это сделать? в настоящий момент, когда группа наиболее сильных стран или даже одна страна решает за всех, мы не можем ничего изменить. Этот переход автоматически приводит к ослаблению Организации Объединенных Наций, что не позволяет эффективно противостоять развитию некоторых опасных конфликтов. Мы, будущи гражданами мира, должны это признать.

Второе. Мы наблюдаем очень тревожную тенденцию к росту экстремизма и терроризма, угрожающую людям во многих регионах мира. Террористические группы формируются по разным принципам. Нам нужно сфокусироваться на этой опасности и всем вместе заняться решением проблемы. Террористы приезжают непонятно откуда, совершают свои страшные действия и исчезают в неизвестном направлении. У них нет конкретного места обитания, что значительно усложняет их поиск. Надо, чтобы весь мир осознал эту опасность и оценил всю ее серьезность.

Третье. Думаю, что важно развивать партнерство между Россией и Китаем, поскольку это сотрудничество стало бы хорошим противовесом Западу. Если этого не будет, то достичь сбалансированного многополярного мира будет очень сложно. Поэтому я надеюсь, что Россия и Китай продолжат сотрудничество, расширят договор по газу (это был очень важный шаг). Это ключевой момент обеспечения безопасности и стабильности в мире.

Четвертое. В сегодняшней геополитике использование военной силы не достигает целей. Важны другие виды воздействия, поэтому мы должны стремиться к развитию нашего экономического потенциала. При сильной развитой экономике мы сможем успешно противостоять вызовам, в том числе и военным. Надо предпринимать усилия по всем направлениям.

И последнее. Разрешение конфликтов в условиях, когда Организация Объединенных Наций уже не так сильна, как раньше, становится трудным делом. Поэтому мы должны искать новые подходы и методы. Надо дать больше полномочий другим международным организациям, но и ООН нельзя сбрасывать со счетов. Крупные страны, такие как Россия, могут сыграть значительную роль в усилении ООН, наделении ее дополнительными возможностями и полномочиями, чтобы эта организация стала более эффективной. Сейчас Совет Безопасности часто принимает тенденциозные решения, что может привести не к преодолению проблем, а, напротив, к их умножению.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Следующий выступающий — господин Петр Дуткевич.

П. ДУТКЕВИЧ: — Я хотел бы поделиться некоторыми соображениями. В последние месяцы все чаще приходится слышать обвинения в адрес Запада в при-

менении двойных стандартов относительно ситуации на Украине. К этим упрекам следует приглядеться более пристально. Думаю, что здесь неуместно говорить о двойных стандартах, поскольку такой подход становится нормой в международных отношениях, и мы должны это признать. Произошло изменение в правилах: переход от кодекса к конкретному случаю, к прецеденту. Мы все больше отклоняемся от права континентальной Европы к системе британского права, в котором каждый отдельный случай рассматривается как прецедент, основа для новой нормы.

Давайте посмотрим на украинский конфликт с точки зрения других случаев. Канада следует правилу, которое мы считаем важным: у стран должно быть право защищаться. Эта концепция определенным образом «встроена» в подход Совета Безопасности ООН. Думаю, в случае с Украиной можно утверждать, что в Крыму мог произойти кровавый конфликт, если бы Россия не вмешалась и не предотвратила его. Мое предложение заключается в том, что к понятию ответственности можно добавить право предотвращать разрастание конфликта, если оно назревает со всей очевидностью и его можно избежать более или менее мирными способами. Не надо ожидать, пока произойдут массовые нарушения прав человека, которые дадут безусловное основание для вмешательства. Признание права предотвращения конфликта, на мой взгляд, является таким элементом, который можно было бы задействовать как обоснование такого рода действий как правильных.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Благодарю вас, господин Дуткевич, за Ваш короткий, но емкий комментарий. Я бы дополнил Ваши тезисы: да, защищать надо, но надо также нести ответственность за то, как вы это делаете.

Предоставляю слово госпоже Нурхан эль-Шейх.

Н. эль-ШЕЙХ: — У меня есть некоторые вопросы, которые я хотела бы задать и по возможности услышать ответы от присутствующих здесь ученых. Какковы сегодня наиболее важные конфликты, которые влияют на стабильность в глобальном масштабе? Можем мы считать таковым украинский конфликт, является ли он гражданской войной? Например, на Среднем Востоке конфликты часто приводят к различным осложнениям. Сегодня напряженность в отношениях между Западом и Россией в большой степени зависит от ситуации на Украине, и этот конфликт невозможно разрешить без сотрудничества с Россией.

И второй вопрос: должны ли мы ждать, когда будет достигнут тот баланс сил, о котором сказал господин Кёхлер? Или надо сфокусироваться на том, о чем говорил господин Азиз, — на общих вызовах? Весь мир сталкивается с кризисами и терроризмом, так что, может, лучше сконцентрировать внимание на этих проблемах? Вероятно, это приведет к тому, что США изменят свою политику и станут более терпимы в отношении России. Какие имеются возможности, чтобы сделать соответствующие шаги в рамках ООН? Конечно, мы понимаем, что ООН не является центральным пун-

ктом принятия решений, имеются и другие центры. Насколько легко мы можем маневрировать, чтобы повлиять на Пентагон, на Конгресс США? Когда мы говорим об Украине, все сводится к тому, что это действующие лица. Еще один вопрос — насколько мы можем повлиять на изменение политики внутри Соединенных Штатов? Или мы вынуждены ждать, пока там в 2017 году сменится президент?

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо большое. Дмитрий Валентинович Мосяков, пожалуйста.

Д. В. МОСЯКОВ: — Спасибо огромное за возможность выступить на таком интересном форуме. Я хотел бы вернуться к проблемам, связанным с кризисом современной модели глобализации и с альтернативами этому кризису.

Как задумывалась глобализация? Каким вообще предполагался весь этот процесс? Многие западные авторы описывают его как нечто единое и однородное. С их точки зрения, глобализация есть процесс формирования либеральной политической модели и либеральной экономической модели, то есть развития частной экономики и массовой культуры на базе западных стандартов в тех странах, которые участвуют в глобализации.

Опыт стран Востока показывает, что этот вариант глобализации оказался нереализованным. Более того, там сейчас фактически реализуется совершенно иная модель. В первую очередь это можно сказать о политических процессах: либеральная модель практически нигде на Востоке не работает. Более того, если мы посмотрим, какие страны показали наивысшие темпы экономического роста (а это Китай, Вьетнам, Южная Корея, Сингапур), то обнаружим, что все это страны с авторитарными политическими режимами, которые в значительной степени контролируют ситуацию в обществе, отчетливо понимают цели, которых они хотят добиться, осознают свои национальные интересы и, в общем, достаточно последовательно развиваются по этому пути. В этих странах практически не ощущается даже намек на движение в сторону либеральной политической модели. Экономического прогресса в рамках процесса национального развития также достигли те страны, которые не шли по пути развития частной экономики.

Китай, Вьетнам, Южная Корея, Сингапур и другие быстро развивающиеся страны в значительной степени практикуют смешанную экономическую модель: с одной стороны, используется частный интерес, с другой — все ключевые компании находятся под контролем государства. Например в Южной Корее под руководством Пак Чон Хи рыночные реформы начались с того, что были закрыты все частные банки, прекращен вывоз капитала, приняты пятилетние планы, определены основные экономические направления, где государство будет прикладывать усилия для развития. То же самое можно сказать о Сингапуре в пору премьерства Ли Куан Ю. Те основные направления, в которых Сингапур достиг успеха, — в первую очередь тяжелая промышленность, нефтепереработка

и так далее — опять-таки находятся в руках государства. И сегодня именно государство в значительной степени регулирует экономические процессы.

Наконец, третий процесс — формирование массовой культуры, создание некоего социокультурного поля для глобализации. Здесь возникают трудности, потому что отдельные городские страты в странах Востока в значительной степени интегрируются в рамки этой культуры, в то время как подавляющее большинство населения остается крайне далеко от новых стандартов. Это глубокое внутреннее противоречие, подрывающее вектор модернизации в этих странах. Поэтому напрашивается вывод: кризис современного мира связан с тем, что сегодняшний вариант глобализации не устраивает страны Востока.

Доминирование Соединенных Штатов и развитие глобальной экономики в их интересах все больше оспаривается на Востоке. Однако все отчетливее видно, что современная модель не устраивает и Соединенные Штаты тоже. Проблема заключается в том, что в свое время в рамках процесса модернизации в значительной степени был обеспечен прямой контроль стран Запада над развитием стран Востока — через систему колоний и протекторатов, в условиях же глобализации отсутствует такой наднациональный орган, который контролировал бы процессы политического развития в странах Востока. Если процесс модернизации охватывал практически все сферы — от способа мышления до аграрного производства, то процесс глобализации связан с достаточно узкими социальными кругами. На Востоке можно увидеть, как рядом с суперсовременным заводом крестьянин обрабатывает землю традиционным плугом.

В связи с этим возникает вопрос: что дальше? Какая модель придет на смену нынешней, которая уже сейчас вызывает массу конфликтов? На мой взгляд, идея конвергенции была вполне обоснованно высказана вчера на пленарном заседании. Мирная перспектива развития в глобальном плане — это постепенная эволюция модели глобализации от варианта, в котором выигрывают преимущественно Соединенные Штаты и другие страны Запада, к более сбалансированной модели, которая учитывала бы и опыт, накопленный в странах Востока. Эти страны, с моей точки зрения, уже сейчас готовы предложить новые принципы будущей модели глобального мирового устройства.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Большое спасибо. Интересный взгляд через призму экономических отношений на межгосударственную систему. Действительно, новые экономические центры в развивающихся странах меняют соотношение сил в мире.

Сейчас выступает господин Ежи Вятр.

Е. Й. ВЯТР: — У меня два комментария на тему двойных стандартов, затронутую Петром Дуткевичем. Я согласен с высказанным здесь утверждением, что мораль в политике важна. Но, принимая это, мы действительно должны стремиться к тому, чтобы избегать двойных стандартов. Однако в западной прессе можно часто увидеть, как одни и те же люди приветствуют от-

деление Косово от Сербии и в то же время обвиняют Россию в присоединении Крыма. Либо мы осуждаем оба этих акта как неприемлемые, либо принимаем оба, иначе мораль заменяется идеологией и подменой понятий. Поэтому, когда я пишу о международной политике, то стараюсь избегать моральных оценок и представлять картину с точки зрения конфликта национальных интересов, поскольку это с большей вероятностью позволит найти подходы к преодолению конфликта и примирению сторон.

Вообще по поводу Крыма я согласен с комментарием Антона Беблера, но хотел бы дополнить его. Прежде всего о внутренней ситуации на полуострове. Известно, что русскоязычное население Крыма еще в 1990-х годах в основном стремилось к воссоединению с Россией, об этом, в частности, свидетельствуют региональные выборы, на которых побеждали пророссийские силы. Но Российская Федерация 20 лет ничего не предпринимала в этом направлении, а приняла ситуацию такой, какой она сложилась: Крым оказался в составе Украины, может быть, против воли большинства его населения.

Я проанализировал эту ситуацию. Россия поддерживала хорошие отношения с Украиной, это было важнее, чем удовлетворить пожелания местного населения в Крыму. Но все изменилось, когда рухнула власть Януковича. Конечно, мы должны признать, что украинское правительство было коррумпированным и вообще недостойным, но такая радикальная мера, как свержение, была неоправданной. В результате подняли голову националистические силы и полукриминальные группировки, именно это побудило Россию заявить, что после Майдана ситуация кардинально изменилась.

Ситуация действительно изменилась, это можно подтвердить конкретными данными. Тем не менее Запад приветствовал антироссийские силы, пришедшие к власти в Киеве. Чтобы понять это, мы должны вернуться к коллапсу американской гегемонии. После окончания холодной войны США долго доминировали в мире, имели достаточный потенциал, чтобы диктовать свою волю. С этой позиции они решали и косовский конфликт. В России в то время был период ослабления, хаоса и неуверенности, поэтому ее протесты не были услышаны. Затем была развязана война в Ираке. Блестящий стратег Збигнев Бжезинский тогда сказал, что администрация Буша совершила катастрофическую ошибку. В результате иракской войны гегемония США стала ослабевать. В то же время Россия восстановилась, опять заняла место среди сильных стран и стала оппонировать США. Этот фактор оказывает ключевое влияние, хотя считается, что Запад все еще является доминирующей силой. Тем не менее эта сила уже ставится под сомнение.

Киев хотел использовать доминирующее положение Запада. Понимание этого позволяет понять и действия России — радикальное изменение отношений с Украиной и решимость воссоединиться с Крымом. В основном это результат того, что после Майдана коренным образом изменился расклад сил. Не могу сказать, что я полностью это одобряю, но, будучи аналитиком, я пытаюсь понять причины и вижу эту связь.

Считаю, что в настоящее время есть возможность компромисса, но решение должно выйти за рамки локального конфликта. Частью этого компромисса должно стать принятие западными странами — Соединенными Штатами, Европейским Союзом — законного права Российской Федерации. Я имею в виду, что у России тоже есть национальные интересы, и они должны быть признаны всеми сторонами. Москва должна заявить об этом. Может быть, конгресс в Вене позволил бы окончательно договориться о мире и о том, как будет формироваться баланс сил в Европе, особенно в том, что касается отношений между крупными странами. Законные права всех стран необходимо уважать, тогда можно будет разрешить не только этот конфликт, но и более широкий круг вопросов.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Теперь я хотел бы предоставить слово господину Валуру Ингимундарсону.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Я хотел бы продолжить дискуссию о напряженности, возникшей в международных отношениях. Что можно сделать, чтобы прекратился украинский конфликт? Германские эксперты тоже думают о том, какие возможности для этого есть, какой статус может получить Украина. Применим ли в этом случае боснийский вариант? Правда, в Боснии далеко не все складывается хорошо, но, возможно, на Украине создание такого рода автономии будет более удачным.

Что касается отделения Крыма, то оно, на мой взгляд, прошло достаточно благополучно. Тут надо учитывать все факторы. Если большинство населения поддержало этот процесс, то он вполне оправдан. В истории есть прецеденты, когда подобные вопросы решались с помощью плебисцита, например в Квебеке, Восточном Тиморе, других постколониальных образованиях. Результаты референдума в Косово не были признаны, несмотря на то что большинство проголосовало за независимость. То есть этот процесс отделения территории довольно сложный, и в данном случае, конечно, нужно учитывать интересы России. Референдум в таких случаях — лучшая технология, поскольку позволяет узнать общественное мнение, тем не менее это не универсальный, не единственный способ.

Отделение территорий рассматривается как угроза национальному суверенитету, поэтому правительство не склонно с этим мириться. Но если право на самоопределение существует, то надо разработать и соответствующие взаимоприемлемые правила его реализации. Сербия признала Черногорию, но когда Косово попыталось идти тем же путем, то получило отказ под предлогом того, что для такого отделения нет установленных правил. Если территории разделяются по взаимной договоренности, то это обычно происходит легко и быстро, как в случаях с Восточным Тимором, Южным Суданом и др. Но когда страны, участвующие в этом процессе, не могут прийти к согласию, то приходится прибегать к помощи других стран, международных организаций. Случай с Крымом как раз из этой категории конфликтных, в этой ситуации можно было бы руководствоваться правилами, в которых должны быть

прописаны все шаги по урегулированию. Поэтому такие правила необходимо разработать, чтобы не допускать подобных конфликтов в будущем.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется господину Якову Георгиевичу Шемякину.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Мое выступление будет отчасти репликой и продолжением той темы, которую затронула Елена Владимировна Харитоновна. Я во многих отношениях согласен с ней, единственное, пожалуй, что хочется добавить: все-таки в рамках этой проблематики ни в коем случае нельзя недооценивать цивилизационные факторы. Потому что первый контур управления, о чем Вы говорите, — это, в общем-то, идеология прав человека, которая используется везде, и почему-то именно она выдвигается на первый план. Как раз эту проблематику я и хотел бы затронуть.

В основе современного варианта идеологии прав человека лежит Всеобщая декларация прав человека 1948 года. И те, кто анализировал текст этого документа, в частности американские ученые, констатировали, что это, несомненно, продукт в первую очередь западной цивилизационной политической правовой традиции. Участие представителей иных цивилизаций в ее создании было почти неощутимо и практически не наложило никакого отпечатка на текст Декларации. В частности, Глен Джонсон, профессор Вассарского колледжа, в юбилейном издании ЮНЕСКО писал, что подготовка Всеобщей декларации выявила значительные философские различия в понимании прав человека. Однако можно отметить, что вопросы, обсуждавшиеся в то время, и точки зрения, которые нашли отражение в окончательном варианте Декларации, касаются главным образом традиционной европейской философской проблематики.

Традиции в области естественного, позитивного, а также марксистского права прочно уходят корнями в эволюцию европейской философии права. Неевропейские философские правовые традиции, которые могли бы предложить иные или дополнительные условия в области прав человека, редко упоминались во время проходивших дебатов. Даже те члены комиссии по правам человека, которые, в общем, и формировали текст Декларации и представляли неевропейские страны, по большей части имели традиционную западную подготовку или получали ее в учреждениях, созданных представителями колониальных европейских держав в их собственных странах. Хотя иногда и были ссылки на идеи, относящиеся к неевропейским традициям, таким как конфуцианство или ислам, общая направленность на европейские традиции в подавляющем большинстве случаев господствовала в ходе обсуждения, которое предшествовало появлению Всеобщей декларации прав человека.

Итак, та интерпретация прав человека, которая дана во Всеобщей декларации, ограничена рамками определенной цивилизационной традиции. Может быть, просто дело в том, что Запад в лице своих мыслителей первым додумался до этих идей? Все-таки давайте будем последовательны. Если эти идеи действительно уни-

версальны, их трактовка просто не может быть ограничена рамками одной цивилизационной традиции. Это означало бы игнорирование реального многообразия мира людей. Абсолютизация западной традиции, о которой я говорю, вообще-то обусловлена и более глубокой причиной, связанной с общей установкой создателей текста Всеобщей декларации. Будучи вдохновлены идеей единства человечества, что, в общем-то, было вполне понятно в тех условиях, они вместе с тем явно недостаточно учитывали его многообразие. При таком подходе неизбежно появляется опасность отождествить универсальное начало в жизни людей с характерными чертами той цивилизации, которая доминирует на планете. Но факт такого доминирования отнюдь не превращает «западный» в синоним «универсального» нигде на планете. Главный, так сказать, недостаток этого универсального текста — это недооценка реального разнообразия человеческого мира.

В связи с этим, кстати говоря, оказалась слабо разработанной тема гарантий декларируемых прав, что вполне закономерно, поскольку эти гарантии по сути своей обусловлены в большей мере конкретной ситуацией тех или иных стран и регионов, то есть тем самым фактором многообразия. В связи со сложившимся тогда положением была ли потребность в дальнейшем развитии, расширении, углублении представлений о правах человека и, разумеется, о гарантиях этих прав в ходе взаимодействия различных цивилизационных традиций? Фактически уже тогда была поставлена и до сих пор продолжает оставаться на повестке дня задача реальной универсализации этих представлений в результате преодоления цивилизационной ограниченности при интерпретации концепции прав человека, которая была изложена во Всеобщей декларации. И, естественно, это возможно только в результате реального диалога основ цивилизационных традиций. В общем, задача суперсложная, но тем не менее более чем актуальная. Надо сказать, что если брать картину в целом, по ступеням эволюции, то здесь эта задача четко прослеживается. В документах ООН поставлен вопрос о значимости этой организации, особенно в деятельности ЮНЕСКО, что вполне закономерно, потому что культурные сферы более чувствительны к реалиям многообразия мира людей. Без признания его кардинальной значимости вообще любой разговор о культуре беспредметен.

Ну и, конечно, расширение состава ООН за счет новых государств в результате крушения колониальной системы сыграло свою роль. Тот же Глен Джонсон, о котором я упоминал, отмечал, что изменение большинства в ООН объясняется смещением приоритетов между Всеобщей декларацией, выступлениями, резолюциями и последующими декларациями в области прав человека. Смещение приоритетов в деятельности ООН и в рамках отдельных стран происходило и происходит по двум основным направлениям: это расширение и углубление социальных прав и акцентировка значимости экологической и культурной составляющих проблематики прав человека. Необходимо отметить, что тем не менее эта тенденция развивается очень медленно, и на пути расширения трак-

товки прав человека постоянно возникают какие-то препятствия.

В связи с этим напомним одно любопытное обстоятельство. Еще при голосовании по тексту Всеобщей декларации по ст. 23, утверждающей право на труд, которая в итоге была принята, одно государство проголосовало против. Этим государством, между прочим, были Соединенные Штаты Америки. И эта тенденция, так сказать, очень настороженного отношения к попыткам расширения социальных прав сохранилась, в том числе в Западной Европе. Есть такие документы, как Европейская социальная хартия (подписана в рамках Совета Европы в 1961 г., пересмотрена в 1996-м), Европейская хартия об основных социальных правах трудящихся (1989), которые напрямую касаются социальных прав. В отличие от Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) они, в общем, не были инкорпорированы в единую правовую систему ЕС. Кстати, Генри Маркович Резник в своем выступлении на пленарном заседании упомянул об этой Конвенции как о безусловном образце, которому обязательно нужно следовать во всем. Это, так сказать, идеальное воплощение идеологии прав человека.

В связи с этим хочу зачитать несколько статей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод для того, чтобы было понятно, о чем идет речь.

Статья 8. Право на уважение частной и семейной жизни: «1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. 2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

Статья 9. Свобода мысли, совести и религии: «1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии... 2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Статья 10. Свобода выражения мнения: «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий. 2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые

предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений...»

Статья 11. Свобода собраний и объединений: «Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими... 2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом...»

Вывод следующий: Конвенция о защите прав человека и основных свобод — это документ, который, в отличие от Всеобщей декларации прав человека, четко определяет условия, при которых эти права ограничиваются. Главный критерий, как видите, состоит в обеспечении безопасности соответствующего государства.

В заключение хотелось бы добавить, что концепция прав человека сейчас требует переосмысления в том контексте, о котором уже говорилось. И я предлагаю в реестр основных прав человека включить право на идентичность. Разумеется, это не универсальная отмычка; утверждение этого права в качестве одного из основных имеет смысл только в том случае, если рассматривается вместе с правами на жизнь и свободу. Но тем не менее что означает право на свободу? Свободный, сознательный выбор может сделать только тот человек, который имеет стержень в душе, осознает себя. А этим стержнем не может быть ничто другое, кроме той традиции, в рамках которой он сформировался.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Я хотела бы добавить несколько слов. Мы здесь много говорим о том, что многие действия, в том числе и агрессивные, осуществляются под благородными лозунгами внедрения демократии и защиты прав человека. Ф. Фукуяма в своей книге говорил о том, что либеральные ценности и ценности демократии являются венцом, так сказать, человеческого творения в областях политики и общественной организации. Вместе с тем сейчас, например, существует такое понятие, как карго-культ. Я не знаю, слышал ли кто-нибудь об этом. Этот термин возник следующим образом: в годы Второй мировой войны американский самолет совершил вынужденную посадку на одном из островов Меланезии. И местные жители с большим удовольствием принимали подарки от американцев в виде сладких напитков, шоколадок и т. д. Потом летчики починили самолет и улетели, а успевшие привыкнуть к нему аборигены построили из тростника макет самолета и продолжали ему поклоняться.

Здесь уже многие упоминали о том, что демократия нуждается в некотором переосмыслении. Мы говорим и о современности, и об истории. Еще Аристотель в свое время говорил, что это хорошая форма правления до тех пор, пока не превращается в демагогию и словоблудие. Не будучи ярым противником демократии, а будучи человеком, принадлежащим к мировой цивилизации, я бы хотела сказать о том, что поклонение современной демократии определенным образом напоминает тот самый карго-культ. К тому, что го-

ворил Яков Георгиевич Шемякин, хочу добавить, что, действительно, постоянные нарушения и прав человека, и свободы слова, и свободы неприкосновенности частной жизни мы можем наблюдать в том числе в очень цивилизованных европейских странах. Думаю, всем известны эти факты. Например, гонения на Би-би-си в Англии после разоблачения иракской программы, когда были опубликованы данные о том, что в Ираке вовсе не было оружия массового поражения. Возможно, и на самом деле не было. То есть говорить, безоговорочно декларировать, что где-то свобода слова есть, а где-то ее нет, наверное, слишком смело и безальтернативно.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Для выступления приглашается господин Мишель Файетта.

М. ФАЙЕТТА: — Большое спасибо за предоставление слова, г-н ректор. Как представитель небольшой страны — Швейцарии, хочу внести свой посильный вклад. В самом начале карьеры меня, как молодого дипломата, направили в 1975 году в Тегеран, затем в Югославию. И эта дискуссия задела меня за живое, так как я не понаслышке знаком с реалиями этих стран. Такая маленькая страна, как Швейцария, находящаяся в центре Европы, конечно, зависит от своего непосредственного окружения, которое должно быть безопасным и предсказуемым. Мы не можем реально влиять на действия стран-соседей, не говоря уже о крупнейших державах мира. Стабильность данного окружения должна быть гарантирована сильными международными институтами, такими как ООН — для обеспечения мировой безопасности или ВТО — для регулирования мировой торговли. Такая организация, как ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), существует уже 40 лет. Тем не менее она не смогла предотвратить конфликты в Косово и Грузии, да и на Украине оказалась бессильна справиться с ситуацией. Поэтому все эти институты нуждаются в дополнительном укреплении.

Война, в особенности ядерная — это не вариант разрешения конфликта и никогда им не станет. «Большая двадцатка» (G20) и «Большая восьмерка» (G8) — это, конечно, эффективные институты, но эффективность не подразумевает легитимность, как сказал в своем выступлении Председатель Генеральной Ассамблеи ООН г-н Йозеф Дайс. То есть необходимо укрепление ООН. Это тот момент, на который Вы обратили внимание в своем докладе вчера, г-н председатель, и на который сделал особый акцент в своем выступлении я. Какие изменения возможны, а какие необходимы, это большой вопрос. Малые нации могут вносить свои предложения, но только при помощи больших наций эти предложения могут быть реализованы. Как только что сказал экс-премьер-министр Пакистана, нам нужны сильные лидеры, я могу только согласиться с этим. Мы должны быть уверены, что в этих странах не будут применяться двойные стандарты и что там отсутствуют скрытые подтексты, которыми эти страны будут руководствоваться в своих действиях. Возвращаясь к Швейцарии и ее соседям, хочу сказать в заключение,

что нейтралитет Швейцарии был официально утвержден на Венском конгрессе в 1815 году, и мы очень благодарны России в лице императора Александра I, который инициировал поддержку закрепления статуса нейтралитета со стороны крупнейших мировых держав. Федеративное устройство государства позволяет нам жить в мире как с собственным населением внутри страны, говорящем на трех различных языках, так и с нашими соседями.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется политологу из Италии господину Винченцо делла Сала.

В. делла САЛА: — Мои комментарии будут касаться выступлений А. Беблера, П. Дуткевича и некоторых других участников. Первое: будучи экспертом в сфере политики, я осторожно подхожу к использованию концепций, потому что мы используем их иногда не совсем так, как это необходимо для объяснения глобализации, суверенитета и т. д. Если говорить о глобализации, то это фрагментированный процесс, а не что-то такое единое и легко применяемое. Мы говорим также об однополярном, многополярном мире. Опять же не все так однозначно. Если нет четкого, продуманного плана, как изменить ситуацию к лучшему, а просто предпринимаются какие-то разрозненные попытки, тогда мы еще больше углубляемся в ситуацию, когда наши интересы не учитываются, и нам не удается достичь сбалансированного мира. То есть создается такое впечатление, что у нас получается оркестр, у которого нет дирижера, и это усложняет ситуацию. Кто-то сказал на пленарном заседании, что у нас дефицит лидерства. Так вот эта концепция, думаю, не позволяет таким лидерам появиться.

Второе: на пленарном заседании посол Мексики сказал, что мы не можем однобоко войти в глобализацию, потому что одно нам нравится, другое не нравится, то есть трудно опять загнать этого джинна в бутылку, поскольку никто, по сути, им не управляет из единого центра. А процесс развивается, и он включает целый ряд других процессов. И нет какого-то одного центра, и ни у одной страны нет возможности контролировать или предотвращать процесс глобализации, даже координировать его трудно. Если даже изменить к лучшему все эти учреждения и организации — «Большую двадцатку», международные организации, существующие на постоянной основе, и тому подобные, — этот процесс не остановить. Вопрос в том, как странам сохранять суверенитет? Джинн выбрался из бутылки, и процесс глобализации идет. Какую структуру мы в результате получим, что создадим? Мы должны по крайней мере постараться как-то управлять этим процессом, направлять его.

Третье: процесс глобализации будет связан с конфликтами до тех пор, пока будет существовать мир, состоящий из национальных государств, то есть реальный мир. Тем не менее у нас есть и какой-то идеалистический мир, есть группы людей, которые хотят, чтобы ситуация с защитой прав человека стала лучше, продвигают какие-то идеалистические лозунги, но все это довольно сложно применить на местах.

Несколько слов об Украине. Я считаю, что со стороны Европейского Союза было безответственно заявлять, что Украина сможет к нему присоединиться в ближайшее время. Такое заявление безответственно, потому что не учитывает внутреннюю политику Европейского Союза, у которого в настоящее время нет стремления к дальнейшему расширению, независимо от того, есть у Украины желание присоединиться или нет. Сейчас неподходящее время для расширения Союза, чтобы включить туда еще и Украину. Это заявление безответственно, потому что эта идея не может быть реализована. И еще: конфликт между Украиной и Россией касается Европейского Союза. Нужно учесть, что, скорее всего, США не настолько заинтересованы в более глубоком участии в судьбе Украины. Их уже не так интересует эта страна, этот конфликт, они просто встали на сторону Европы, поскольку сами не имеют конкретного решения. А Европейский Союз в свою очередь кивает на Америку, чтобы привлечь ее к решению конкретных конфликтов. Я считаю, нам нужно повзрослеть в этом отношении. Мы должны реально взглянуть на ситуацию и рассматривать ее как взрослых, мудрых люди.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Думаю, что если бы события на Украине пошли иным путем, страна бы, может быть, уже и была в Европейском Союзе, потому что тогда шли переговоры, как вы знаете, и все было возможно. Сейчас, конечно, ситуация совершенно другая. Слово предоставляется господину Резнику Генри Марковичу.

Г. М. РЕЗНИК: — Я зацепился за понятие конвергенции, которое было упомянуто здесь коллегой Дмитрием Валентиновичем Мосяковым. Как известно, в свое время о конвергенции писал наш великий соотечественник Андрей Дмитриевич Сахаров, размышляя о мире, интеллектуальной свободе и прогрессе. Говорить о конвергенции на экономическом уровне, как мне кажется, вообще малопродуктивно, потому что эти экономические модели из идеологической сферы ушли в область чистой технологии. Есть разные модели, которые меняются, и в демократических государствах, например, бывают периоды, когда принимаются решения, другой вопрос — разумные они или нет, и усиливается присутствие государства в экономике. Бывают такие ситуации, когда ставка делается на частный бизнес. И вообще я бы сказал, что, наверное, процесс, происходящий в последние несколько веков в экономической сфере, можно определить как конкурентное, скажем так, либеральной и социальной идей. Плохо то, когда одна идея полностью поглощает другую.

На пленарном заседании академик Богомолов сказал, что сейчас присутствие государства в экономике достаточно заметно, и проиллюстрировал это почему-то таким примером, что до 60 % налогов взимает государство. То есть, как мне кажется, это был аргумент, не совсем подтверждающий его тезис (с которым я в принципе согласен), потому что в данном случае речь идет о распределении, а не об участии в производстве. Бывало так, что государства в свое

время, как мы знаем, действительно к этому прибегали. Например, деятельность президента Рузвельта в Америке, или модель государственной корпорации в Южной Корее; собственно говоря, сейчас у нас такой этап. Все это, в общем-то, действительно определяется разумным выбором стратегии и, повторяю, выливается в то, что налоги могут уменьшаться или увеличиваться. О какой конвергенции здесь можно говорить? Вообще, как мне представляется, прямая задача каждого правительства состоит в том, чтобы создать такую ситуацию, чтобы богатые не воровали, а бедные добросовестно работали, и чтобы бедные не особенно завидовали богатым.

Теперь несколько слов относительно уже иной сферы — сферы культурной, ценностной. Возможна ли здесь конвергенция? Отвечаю — невозможна. Это не означает, что должно быть состояние войны между разными системами ценностей. Мы вчера с лордом Мойнихеном вспомнили о юбилее — в этом году исполняется 800 лет Великой хартии вольностей, которая была принята в 1215 году. И для Запада как понятия не географического а социального эти ценности — основа, на которой развивалось общество, это те ценности, за которые, как мне представляется, вообще можно пойти в бой и даже погибнуть. Я в своем докладе очень внимательно проанализировал то, о чем говорили до меня, и для этого не надо было зачитывать статьи Европейской конвенции.

Вы знаете, у англичан есть такая поговорка: «Для того чтобы узнать, каков пудинг, надо его попробовать». У меня есть одно преимущество, а может быть, это и недостаток по сравнению с присутствующими, потому что несколько сужает сферу моих рассуждений: я уже шесть лет в Европейском суде по правам человека читаю лекции по соблюдению ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод — это право на свободу выражения мнения. И в связи с этим какие акценты расставлены? Дело в том, что все нормы, которые записаны в Европейской конвенции, сформулированы в законодательствах и конституциях всех стран, которые входят в Совет Европы. Я уже обращал внимание, что эти нормы есть и в Конституции России, потому что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации.

В чем же дело? Почему с такими сложностями формировался Совет Европы и с таким трудом европейские страны шли под юрисдикцию Европейского суда? у всех есть публичные интересы: это интересы государственной безопасности, территориальной целостности, здоровья населения, общественной нравственности — все сформулировано. Но когда говорят о том, что публичные интересы и права человека — равноположенные, что это ценности одинаковые, что баланс состоит именно в равновесии — это неправильно с точки зрения как раз европейского права, потому что нормы о правах человека, что, кстати сказать, вытекает из международных пактов о гражданских и политических правах, это нормы-принципы. А публичные интересы, которые есть, и они не выдуманы и действительно очень важны для того, чтобы в обществе был

правопорядок, чтобы общество развивалось, являются ограничениями этих принципов. Здесь надо сделать очень важный акцент: эти интересы должны быть, как записано в нормах Европейской конвенции, не только предусмотрены законом в обязательном порядке, но и необходимы в демократическом обществе.

Европейский суд по правам человека, которому я ставлю твердую положительную оценку, показывает нам, каким образом должны приниматься решения в конкретных случаях. Абсолютно правильно коллега Дуткевич говорил о том, что вообще решение каждого вопроса в Европейском суде прецедентно, и это обязательно прецедент, который создает новые нормы. Европейский суд нам показывает, сколь сложная штука правосудие. Вы знаете, что по ст. 10 «Свобода выражения мнений» крайне редко решения суда принимаются консенсусно: 7:0 в палате — это редкость, чаще всего 5:2 и не единично 4:3, потому что сама эта материя исключительно сложная. И государства, которые входят в Совет Европы, сильно обижаются, когда какие-то решения выносятся таким образом: вообще законом было предусмотрено, но знаете, ребята, вы здесь увлеклись, нельзя так права человека ограничивать.

Вы знаете, кто лидер среди европейских стран, которым не нравится Европейский суд по правам человека? Какая страна сейчас акцентирует внимание на том, чтобы провести референдум и выйти из-под юрисдикции Европейского суда по той причине, что он, как выражается глава этой страны, устанавливает судебский империализм? Великобритания — вот та страна, 800 лет назад принявшая Хартию Иоанна Безземельного, юбилей которой мы в этом году должны отмечать. Магушка Россия тоже не отстает: когда Европейский суд отказывается признать политическую мотивацию в первом деле Ходорковского, мы ему рукоплещем, а когда он выносит решение о том, что нельзя так попирачить частную собственность, право миноритарных акционеров, мы, конечно, строим кислую мину.

Дело в том, что когда принимаются решения, попирающие права человека, решения о межгосударственных отношениях, все это касается национального интереса. Вообще надо задумываться, действительно ли решения, которые принимают люди во власти, соответствуют национальным интересам? у меня возникает совершенно обоснованное суждение о том, что речь идет не о национальных интересах, а об особенностях развития мысли в некоторых национальных властных головах. И поэтому могу только сказать о том, что не может западная цивилизация смириться с массовыми нарушениями прав человека, которые происходят в других странах, хотя они к ней не относятся. Но есть разные страны, например Китай, что с ним сделаешь? Поэтому события на площади Тяньаньмэнь проглотили, а геноцид, который был устроен в Югославии Милошевичем, — нет. И еще необходимо отметить, что мощный удар по международному праву нанесло вторжение в Ирак. Почему? Потому что в голове у конкретного президента Соединенных Штатов Америки то ли что-то замкнуло, то ли обида за папу всплыла — разные версии были предложены на этот счет. В общем, в основу этого вторжения в Ирак была положена ложь.

Повторяю, это был очень мощный удар по международному праву. Но все-таки лучше, когда во главе правительства стоят циничные прагматики, чем религиозные фанатики.

В заключение отмечу, что мне понравилось в наших обсуждениях: что мы не залезали глубоко в историю, не копались где-нибудь в античном мире и не вспоминали о каких-то древних походах. Почему? Потому что мне очень по душе фраза Норберта Винера: «Чем дальше вглубь, тем меньше вес». Мы должны рационально решать те проблемы, которые возникают, дискутировать. И, конечно, критикуя друг друга, мы должны не утверждать, что кто-то из нас лучше, кто-то хуже, а просто говорить, что мы другие, пока другие. Все-таки я думаю, свобода и достоинство личности получают признание во всех странах мира. Но пожить в эту пору прекрасную мне, разумеется, не удастся. Спасибо.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо большое, Генри Маркович, я во многом с Вами согласен и очень рад, что Вы привели пример Соединенного Королевства, потому что он действительно доказывает, что правосудие — это материя очень сложная и, как бы мы ни сопротивлялись, все-таки политизированная. И я согласен с тем, что сказал А. С. Запесоцкий в своем выступлении: да, и Европейский Суд, и Совет Европы — это все организации политизированные, и надо с этим смириться.

Г. М. РЕЗНИК: — Геннадий Михайлович, я могу сказать конкретно, по каким решениям Европейского суда возмущаются страны, входящие в Совет Европы. Иногда это напоминает даже детство какое-то. Поэтому когда обсуждаются спорные вопросы, к сожалению, очень часто представитель России вынужден принимать консенсусные решения по болезненным для нашей страны делам. Почему? Потому что суд этот независимый. И он должен быть таковым. Таких судов должно быть больше, и сейчас по примеру Европейского суда по правам человека, Совета Европы идет весь мир. Уже созданы Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и народов. И это очень актуально. Кстати, обсуждается вопрос создания исламского и азиатского судов по правам человека. Должны быть органы, в которые можно обратиться и обсудить свои интересы. Право и суд — это, как мне кажется, необходимые инструменты современного мира.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Позвольте высказать несколько слов по этой проблематике. Граждане России подаю много жалоб в Европейский суд по правам человека, в том числе частных, к нам постоянно приходят запросы, и мы на них отвечаем, согласовывая со всеми ведомствами, давая аргументацию и т. д. Я согласен с уже высказанным здесь мнением, что если мы взяли на себя обязательства по конвенциям и участию в определенных организациях, то обязаны их выполнять. Если мы не хотим этого делать, не нужно хлопать

дверью и говорить, что мы не будем их исполнять, необходимо делать это цивилизованным образом, например путем выхода из соглашения. Но до тех пор положения, уставы нужно соблюдать.

А. П. НАЗАРЕТЯН: — Генри Маркович свое выступление начал с заявления, что конвергенция в области ценностей невозможна, а закончил тем, что она необходима и будет осуществлена фактически (за счет принятия единой системы ценностей).

В теории систем действует закон иерархических компенсаций, который гласит, что рост совокупного разнообразия системы обеспечивается унификацией несущих подструктур. Для того чтобы система развивалась, должно ограничиваться разнообразие подструктур. Этот закон действует в физике, химии, лингвистике, социологии и т. д. Если не будет обеспечиваться доминирование общечеловеческих ценностей, прав, то может возникнуть следующая ситуация: мы строим государство, а рядом живет племя, например, апачей. Как и всем традиционным племенам, им необходимо периодически выходить на тропу войны. Либо мы его цивилизуем, адаптируем к нашей системе ценностей, либо должны будем расположить в резервации. Оптимальный сценарий сохранения цивилизации предполагает, что будут приняты основы, иначе взаимодействие будет конфликтным.

Г. М. РЕЗНИК: — Важный момент: в суд обращаются страны, которые признают его юрисдикцию. Это вопрос договора, если страны считают, что образован суд, которому они доверяют и где могут решить свои проблемы, они в него обращаются. Если не доверяют — нет.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется господину Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — И вчера, и сегодня на наших Лихачевских чтениях звучит тема Украины. Рефреном проходит мысль, что это конфликт между Россией и Украиной. Давайте будем честны: это конфликт не между Россией и Украиной, а между интересами России, с одной стороны, и ЕС и США, с другой. Правда, я не очень понимаю, отчего эти интересы должны быть у США, находящихся от Украины за 12 тыс. километров. При этом вполне сознаю интересы России. Она — сосед Украины, в которой проживают 8 млн русских. Конфликт уже приобрел трагические формы. А ведь его могло и вовсе не быть. 21 февраля 2014 года Президент Украины В. Ф. Янукович при посредничестве европейских послов подписал акт о капитуляции и согласился провести досрочные выборы в октябре того же года. Если бы у наших младореволюционеров и их евроамериканских наставников хватило терпения дождаться выборов, конфликта вообще не было бы. И Крым остался бы в составе Украины, и на Донбассе не было бы войны. Но ждать они не хотели, осуществили государственный переворот, что и сдвигало последующий кризис.

Один из участников наших Чтений сказал, что задача больших стран — предотвращать конфликты. Думаю, было бы хорошо, если бы они не вмешивались и не «подогревали» их. Конфликт на Украине однозначно был «подогрет» американцами и европейцами. Всем памятно, как заместитель госсекретаря США г-жа Нуланд раздавала пирожки на Майдане и выступала с майданной трибуны. Кроме нее, на этой трибуне побывал еще добрый десяток евроамериканских «демократов», призывавших украинцев бороться за свою свободу. В результате из повиновения центральной власти вышла сначала Западная Украина, а после переворота уже и Юго-Восточная.

Первоначально юго-восток (русскоязычный в своей основе) выдвигал требования сохранения русского языка, большей экономической и территориальной самостоятельности. Желающих получить это в Киеве называли террористами, объявили антитеррористическую операцию и направили в этот регион войска. Кстати, случилось это после посещения Киева вице-президентом США Д. Байденом. Разумеется, это была трагическая ошибка нового руководства Украины. И стоила она многих тысяч жизней. Конфликт зашел слишком далеко, однако я убежден, что и сейчас еще есть шанс мирно договориться. Лидеры Донецка и Луганска заявляют, что не хотят отделяться от Украины, просят лишь федеральный статус для своих областей.

Ничего нереального, а тем более опасного в этом нет. Вся Европа организована на федеральных началах и живет неплохо. Почему же для Украины это неприемлемо? Думается, лидеры Донбасса сделали такие заявления не без подсказки России. Таким образом, Россия прошла свою часть пути. Теперь это же должны сделать страны НАТО и США. Было бы разумно с их стороны подсказать своим украинским подопечным, чтобы те вступили в прямой диалог с лидерами восставших регионов и настроились на мирное решение гражданского конфликта. Ведь невозможно достичь результата, если отказываться от прямых контактов. Я уверен, что только так можно избежать будущих жертв и сохранить мятежные регионы в составе Украины.

Г. М. ГАТИЛОВ: — На трибуну приглашается господин Ахмад Иравани.

А. ИРАВАНИ: — Хочу начать свое выступление с ремарки относительно политики двойных стандартов, морали и нравственности. Исламские революции, которые я наблюдал, и другие революции во всем мире — это часть сущности власти. Если человек получает власть, он готов принести в жертву многое ради нее. Например, коммунистическая, социалистическая партии, исламское, демократическое правительства — как бы мы их ни называли — везде защищают свою власть. Так, в конфликте в Сирии принимают участие русские, американцы и другие, но цена — жизни сирийцев. Они говорят о своих национальных интересах. Здесь необходимо провести различие — анализируя внутренние проблемы отдельной страны, можно сделать вывод, что эти страны более демократиче-

ские и люди там получают больше возможностей для реализации своих прав. Но ситуация далека от идеала. В США чернокожее население до сих пор страдает, ситуация далека от идеала. В странах, в которых нарушается свобода слова и свобода вообще, у власти находятся диктаторы, которые играют в демократические игры, — там ситуация другая.

Сегодня, в век информатизации, наметились положительные тенденции: движение в сторону гражданского общества, созданы некоммерческие организации и много людей приезжают из-за границы, чтобы защитить право на выражение своего мнения. Многие страны не могут полностью воплотить это стремление к свободе, но страны, которые хотят ограничить доступ своих граждан к информации, уже не способны это сделать.

Г. М. ГАТИЛОВ: — К микрофону приглашается господин Александр Цинкер.

А. Б. ЦИНКЕР: — Я как депутат кнессета с 2000-х годов часто посещаю страны Европы по приглашениям министерств внутренних дел с целью анализа, как решаются вопросы интеграции больших групп населения из стран бывшего Советского Союза. Следует отметить, что чем дальше, тем проблемы самоизоляции все более усугубляются. Мы недавно наблюдали это во многих странах Европы, в частности во Франции.

Когда один из докладчиков говорил об интеграции в современном мире, следует отметить, что глобализация массовой культуры не реализуется. И чем дальше, тем ситуация только ухудшается.

Я возглавляю центр, который занимается изучением избирательных систем. Мы неоднократно посещали Украину начиная с «оранжевой революции» 2004 года. Постоянно ведется полемика, в том числе в Интернете. Я задавал вопрос, почему на Украине возникла проблема с русским языком — ведь там живет большое количество русскоговорящих людей. Мне ответили: «Представьте себе, если бы в Израиле говорили на арабском языке». Хочу заметить, что с момента образования государства в Израиле два государственных языка — арабский и иврит. Почему Украина, учитывая большое количество людей, говорящих на русском языке, боится этого?

Хочу обратиться к правоведам-юристам. Недавно в составе международной миссии наблюдателей (в которую в основном входили европейцы) я посетил Нагорный Карабах. В прессе много писали о непризнании результатов выборов. Но уже 24 года существует это территориальное образование, в котором живут люди. Есть две альтернативы: или бандитизм, когда непонятно кто руководит этой территорией, или выборы, в процессе которых выбирают власть (из всех наблюдений по СНГ самые прозрачные выборы прошли в Нагорном Карабахе). И если завтра минская группа или представители других организаций захотят решать проблемы, связанные с этой непризнанной республикой, по крайней мере есть с кем говорить, за властью стоит народ, который ее выбрал. Наша организация поехала туда

не признавать эту республику, а посмотреть, как технологически проходят выборы. Законы о выборах почти во всех странах одинаковые, они прекрасно написаны. В этой республике даже оппозиция не заявляла о фальсификациях, что, в общем, часто наблюдается в других странах СНГ. В Нагорном Карабахе нельзя решить вопрос, если руководитель (кстати, это уже шестые выборы, там действительно все проходит законно) не участвует в переговорах. Как можно решить проблему, когда нет представителя страны? Для правоведов это было бы интересно.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется господину Гжегожу Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — То, что происходит, определяется сущностью стран и соображениями политической безопасности. Сегодня наступило время хаоса, когда мы ожидаем нового мирового порядка. Это не окончание холодной войны. Новый порядок устанавливается вследствие того, что возникают явления, которые несколько лет назад невозможно было предусмотреть, в частности это «арабская весна» и украинский синдром, финансово-экономический кризис в США.

России следует вспомнить меры, которые она предприняла в конце существования Советского Союза. Тогда ВВП России был в три раза больше, чем ВВП Китая, а сейчас ситуация обратная. Польская экономика теперь в три раза больше, чем экономика Украины (раньше Украина была в три раза более экономически сильной, чем Польша). Это наводит на определенные размышления.

Европейский Союз смотрит на Китай, на войну, Саудовскую Аравию, поддерживаемую США, и другие очаги нестабильности. И здесь мы не должны следовать за близорукими лидерами, которые определяют политику. Конфликт между Китаем и Тайванем не должен разжигаться, так как возможны санкции, ухудшение экономической и политической ситуации. Про Сомосу, диктатора Никарагуа, говорилось, что он может быть сыном дьявола или ведьмы. Но это наши ведьмы или дьявол. Этим негодяям в свое время покровительствовали сильные страны. С таким положением должно быть покончено, оно не должно приветствоваться США и Европой, которые борются за демократию.

Сейчас наступил период невозвратной глобализации. Глобализация предполагает, что мы взаимозависимы, взаимосвязаны и должны решать проблемы вместе в политике, культуре, экономике и т. д. Мы должны искать ответы на вопросы организации нового мирового порядка. С этой точки зрения необходимо рассматривать способы достижения положительного баланса между рынком и государственным вмешательством. Необходимо вывести эту проблему с национального на международный уровень, что гораздо труднее того, что мы делаем сейчас внутри Европы, и того, что мы делали во времена холодной войны.

Необходимо продумать проект, дизайн нового мирового порядка. Россия должна рассматриваться как важная сторона, которая вносит свой вклад в формирование модели нового мирового порядка. У России есть

и ресурсы, и военная сила, она остается членом Совета Безопасности ООН. Экономика России сейчас меньше, чем экономика Бразилии, соответственно меньше и ее вклад во всемирный ВВП. Тем не менее прагматизм должен занять место коррупции. Все дискуссии должны привести к созданию необходимых институтов и организаций, которые помогут выработать меры по выходу из кризиса.

Мы говорили о демократии, экономике в России и Польше. Сейчас мы размышляем о том, каким образом управлять модернизацией, демократизацией, в том числе в моей небольшой, но великой стране Польше. Мы добились определенного успеха, если сравнить ситуацию в Польше с ситуацией в Венгрии, на Украине или в России. Конечно, здесь может возникнуть много возможностей для манипуляций, обмана, наивно полагать, что все будет решено автоматически. Мы должны осознать, что такое экономика, основанная на знании и честности. Рыночная экономика должна быть включена в новый мировой порядок.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется лорду Колину Мойнихену.

К. Б. МОЙНИХЕН: — Прежде всего хочу затронуть тему двойных стандартов и национальных интересов. Двойной стандарт — это применение разных принципов в одинаковой ситуации. Люди все больше ставят под сомнение национальные интересы (данные Школы международных отношений). Политики во всем мире должны интерпретировать, более четко анонсировать цели, амбиции, которых они собираются достичь в области национальных интересов. Мы стараемся уйти от однополярного мира и перейти к многополярному. Реальность такова, что сейчас мы живем в другом мире, особенно если речь идет о социальных средствах воздействия и взаимодействия. Эти средства дали больше власти каждому индивиду. Политики должны учитывать это в своих действиях, кроме того, мы должны задействовать механизмы для более тесного взаимодействия в рамках международных отношений.

Несколько слов о международных отношениях и России. Должно быть больше моментов, которые нас объединяют, чем тех, что нас разделяют. Сейчас всех волнует проблема международного терроризма. Мы совместно с Россией должны продолжить борьбу с этим злом, что сделает наши отношения более важными. Кроме того, на повестке дня стоит вопрос о конфликтах в Сирии, Иране и других странах.

Арктический вопрос также очень важен в настоящее время. Нужно вычленив отдельные проблемы и решать их постепенно. В такой ситуации лучше искать общее, чем фокусироваться на различиях. Встречи в Сочи, которые состоялись на этой неделе, тоже будут способствовать прогрессу в поиске правильного решения. Мы живем в мире, в котором существует много проблем. Их невозможно решить единым способом, нужно учитывать разнообразие при поиске решений, используя диалог и сотрудничество. Все выиграют, если будут совместно подходить к решению проблем,

искать точки соприкосновения, чем фокусироваться на том, что нас разделяет.

Г. М. ГАТИЛОВ: — На трибуну приглашается господин Мигель Моратинос.

М. А. МОРАТИНОС: — Я с интересом выслушал выступления и хочу сказать следующее в связи с Украиной и Европейским Союзом. Полностью согласен с итальянским коллегой делла Сала, который говорил об ответственности Европейского Союза в высказывании своего мнения. ЕС должен признать, что у него не было реальных намерений включить Украину в Европейский Союз. Это было ложное заявление. Но такая ситуация недопустима, потому что люди должны ответственно подходить к заявлениям подобного рода, особенно те, кто делают заявления от имени организаций, союзов, отражают мнения тех, кто принимает решения.

На Лихачевских чтениях была создана хорошая атмосфера, которая способствовала продуктивному обсуждению проблем, поднимались вопросы соблюдения прав человека и др. Мои опасения вызваны тем, что, несмотря на то что мы встречаемся каждый год, общая ситуация лишь ухудшается. Между Западом и исламским миром не удастся найти общих точек соприкосновения. Каждая конференция проводится в ситуации, которая становится все сложнее. Может быть, мы делаем что-то не так и должны сосредоточиться на решениях и предлагать конкретные меры, которые могут быть применены на Ближнем Востоке, помогут разрешить конфликт между Израилем и арабским миром. Необходимо прекратить дальнейшее развитие терроризма. Усилия западного мира и других участников диалога должны сфокусироваться, чтобы мы разрешили украинский кризис, ситуацию в Йемене, Ливии, Иране.

Такие отношения полностью изменят парадигму. Необходимо сосредоточить усилия на тех моментах, которые помогут улучшить ситуацию, преодолеть конфронтацию. Каждый раз, когда мы встречаемся (неважно где — в Европе, здесь, в Москве, Мадриде), мы констатируем усложнение ситуации. Наш коллега Азиз сказал, что даже если будут применяться военные средства, убит бен Ладен, потери будут восполнены, на их место придут другие, «Аль-Каида» продолжит расширяться. Как бы ни назывались подобные организации («Исламское государство» и др.), необходимо что-то более действенное, иначе мы не будем соответствовать тем устремлениям, идеям, которые продвигал Лихачев. К сожалению, пока не удастся достичь улучшения ситуации.

В частности, на Лихачевских чтениях было высказано предложение реформировать ООН. Этот процесс идет уже более 15 лет, но, к сожалению, кардинальных реформ так и не было проведено. Нужен новый многосторонний форум, который был бы посвящен вопросу перехода от однополярного к многополярному миру. Что конкретно нужно делать? Какие шаги будут ответственными? Мы не должны допустить, чтобы был открыт ящик Пандоры, что усугубит ситуацию, может привести к войне и т. д.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется господину Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Хочу сказать несколько слов о Крыме. У меня много родственников в Севастополе, и начиная с 1950 года, уже более 60 лет, ежегодно посещаю город, в котором я учился. Мои друзья, капитаны первого ранга, отслужившие много лет, после объединения России и Крыма сказали: «Было принято гениальное решение. Мы волновались, когда на Майдане объявили и Рада утвердила, что русский язык исчезнет в Крыму и Севастополе и пора наводить порядок: полная украинизация и т. д.». Что произошло бы, показала Одесса 2 мая, когда были сожжены 48 человек. В Севастополе 80 % населения — русскоязычные, 10 % говорят на татарском языке, 20 тыс. составляют вооруженную группировку и Черноморский флот.

Сегодня говорили о Невском проспекте, назвали его проспектом стабильности и т. д. Но одновременно это проспект консерватизма и веры. Мало кто знает, что Невский проспект около десяти раз переименовывали. Первый раз до революции — Николаевский проспект в честь Николая I. Потом он назывался проспект 25 Октября, затем — проспект Революции. В 1948 году Ленсовет принял решение, что Невский проспект больше не будут переименовывать, потому что народ не воспринимает новые названия.

Тема секции — «Национальные модели жизненного устройства и международные конфликты». Естественная наука является мощной составляющей любого жизненного устройства. На заседании говорили о том, что Россия часто принимает нестандартные решения. Создание Академии наук было одним из таких решений. Петр I в неграмотной стране, где было всего два высших учебных заведения (и оба имели церковную направленность: Спасские школы в Москве и Киево-Могилянская академия), принял решение создать Академию наук. Царь 25 лет вынашивал эту идею, четыре раза встречался с Лейбницем, посетил Лондонское королевское общество (Royal Society), Германскую и Парижскую академии (Петр I был избран академиком Германской и Парижской академий наук). Он принял решение создать все сразу: и университет, и лицей, и академию одним указом. Но где взять кадры? Из Европы: Петр I пригласил 17 молодых зарубежных ученых, 13 академиков, 4 адъюнктов и объявил их Санкт-Петербургской академией наук. Потом началась война интересов, поскольку не избирали наших и т. д.

В самые сложные времена Академия наук продемонстрировала, что соблюдает устав, правила и принимает нестандартные решения. Кстати, это продемонстрировало и Лондонское королевское общество, которое в 1930-е годы вопреки всему избрало Капицу действительным членом (не почетным и иностранным). Пример показала Россия: в 1843 году Санкт-Петербургская академия наук избрала лорда Родерика Импи Мурчисона, действительного члена Лондонского королевского общества (который на основе исследований ископаемых на Урале пришел к выводу, что в истории Земли есть пермский геологический период; в 1945 г. Парижская академия наук утвердила это название), академиком. Как действительный член, он получал надбавку ординарного академика до конца жизни. В прошлом году были изданы его воспоминания о пребывании в России. Два года Родерик Импи Мурчисон вел полевые работы, встречался с геологами и простыми людьми. Он описал свой быт, мошкату, зиму, русский народ и пр. Три раза исследователь встречался с Николаем I, бесчисленное количество раз — с президентом Императорской академии наук Сергеем Семеновичем Уваровым.

Родерик Импи Мурчисон, в частности, пишет: «Посреди такого народа исчезает сама мысль о невозможностях и затруднениях. Стояла погода сухая или мокрая, знойная или холодная, никогда не было никакого ропота. И единственным ответом этих мужественных, простых, замечательных, прекрасных людей всегда было только одно слово — “можно”». Всего можно добиться и достичь, нужно лишь ставить благородные, высокие цели и иметь желание всего общества их достичь.

Г. М. ГАТИЛОВ: — На этой позитивной ноте мы завершаем нашу секцию. Хочу поблагодарить всех участников (всего выступили 23 человека) за интересные сообщения. Наша дискуссия была открытой и откровенной и показала, что существуют различные мнения в области развития международных процессов и отношений между государствами. Есть проблемы, которые следует решать. Но в то же время есть и пути, на которые мы должны ориентироваться, и решения задач, которых можем добиться совместными усилиями. Особую благодарность, как человек государственный, хочу выразить академикам, научному сообществу, которое заинтересованно относится ко всему происходящему в мире и пытается со своей стороны помочь нам решать проблемы. До новых встреч!

Секция 2

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

15 мая 2015 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

А. А. ГУСЕЙНОВ	директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ	заведующий Сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
В. ПРОДАНОВ	член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор
В. С. СТЕПИН	руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков¹

СОЦИАЛ-КОНСЕРВАТИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Ключевой тезис моего выступления состоит в следующем: воссоздание в сегодняшнем национальном самосознании базовых ценностей, составляющих специфику российской культуры, актуализация духовных лидеров и возрождение консолидирующего общества национального идеала возможны в том случае, если альтернативой сегодняшнему курсу буржуазно-демократического радикализма станет идеология социал-консерватизма, отвечающая сущности всякой культуры, ее доминантной ориентации на сохранение и наиболее органичная и продуктивная в контексте отечественной культуры.

Идея целесообразности и необходимости утверждения в обществе консервативных ценностей убедительно прозвучала на XIV Лихачевских чтениях, участники которых подчеркивали, что консерватизм становится для России велением времени — приходит понимание того, что без утверждения базовых моральных ценностей реформы в экономической и социальной сфере обречены на провал (А. А. Громыко). Для утверждения идеологии консерватизма имеются значи-

тельные ресурсы в традициях и ментальных матрицах «русской цивилизации», народ которой обнаруживает удивительную стабильность базовых ценностей даже в ситуации не всегда продуманного реформирования. Опросы последних лет показывают, что для большинства наших сограждан главными ценностями являются счастье, забота о своей семье, социальный мир, справедливость и безопасность. Опыт сближения с Западом оказался опытом разочарования, и российское общество ответило неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стали отрицание либерализма и фундаментальная переоценка ценностей, причем на уровне подсознательных переживаний и глубинной смысловой структуры картины мира (М. К. Горшков). Традиции, с одной стороны, представляют собой общий знаменатель для различных культурных традиций и основных мировых религий, с другой — служат средством поддержания нравственных устоев общества, способом передачи его ценностей от поколения к поколению и обеспечения, условием социальной сплоченности (А. В. Яковенко).

В то же время различные социально-политические силы современной России оказывают сопротивление утверждению консервативных ценностей. Препятствием на пути консерватизма становится безрадостная картина «кладбища» реформ, в том числе и в судьбоносных для жизни общества областях. Очевидно, что у данной проблемы, как и у всех сложных проблем, существует целый комплекс причин. Одна из ключе-

¹ Главный редактор издательства «Наука и культура», кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Свобода в истории европейской цивилизации. Размышления о свободе и справедливости» (в соавт.), «Патриотизм и интернационализм: к вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов в международном левом движении» (в соавт.), «Модернизация России — социальное измерение» (в соавт.), «Справедливость как высший закон? Социально-гуманитарно-экономические этюды из истории культуры России», «Диалог культур прошлого и будущего: “экономический век” и “общинный социализм”» и др.

вых — пресловутая ст. 13 Конституции России, согласно которой Российской Федерации воспрещается иметь государственную идеологию¹.

Другая причина, не менее важная, — отсутствие у правящего класса осознания своей ответственности перед народом, неизменное запаздывание социального эффекта любых реформ. В связи с этим понятие консерватизма должно быть дополнено термином «социальный», что, с одной стороны, придает ему четкое общественное значение, с другой — отвечает определению Российской Федерации как социального государства (ст. 7 Конституции)².

В этом контексте остро встает проблема соотношения прав и свобод личности, необходимости сохранения социального порядка, защиты целостности национально-культурного жизненного мира. Право народа быть самим собой — это право иметь историческую память, являющуюся частью исторического наследия, обладать национальным духом и цивилизационной идентичностью. «Правильно понятая идея общей судьбы с точки зрения идеологии должна помочь избежать крайностей национализма, который всегда основывается на культе избранности, эксклюзивности и который всегда опасно экспансивен», — отмечает Г. А. Гаджиев.

Национальная идеология — это один из трех «китов» (помимо системы власти и управления, хозяйствования и экономики, ментальных особенностей народа), на которых держится всякое достаточно большое и устойчивое во времени человеческое объединение (А. А. Зиновьев). Национальная идеология, исключая зарождение и развитие идеологии шовинизма и фашизма, предполагает «любовь к историческому облику и творческому акту своего народа», опирается на «веру в его духовную инстинктивную силу, его духовное призвание, волю к творческому расцвету моего народа — в земных делах и небесных свершениях» (И. А. Ильин). В этом качестве она становится необходимой компонентой духовной жизни общества, условием и формой его самопознания и развития.

Социал-консерватизм как мировоззрение — это признание эволюционного пути развития как единственно допустимого и продуктивного; это понимание России как целостного и исторически устойчивого духовного организма; это осознание и утверждение свободы человека лишь в связи с надличностными ценностями; это права и свободы человека и гражданина, включая экономические, социальные и культурные; это строительство правового государства на основе естественного продолжения и законодательного закрепления веками формировавшегося миропорядка; это органичность, преемственность и традиционность способа восприятия и познания человека, общества, мира. Возрождение аутентичной идеологии социал-консерватизма — это прежде всего восстановление культурно-исторической преемственности самосознания путем введения в контекст сегодняш-

ней культурной жизни духовных поисков Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, Вл. Соловьева, представителей первой русской эмиграции — Ф. Степуна, Н. Федотова, И. Солоневича, Н. Трубецкого и других, идеи которых должны и могут стать основой мировоззрения и жизнестроительства; это воспитание самосознания народов России как представителей единой и великой духовной культуры, имеющей общую историю, судьбу, традиции, ценности.

Но прошлое, как предупреждал Вл. Соловьев, «не должно гнетом ложиться на настоящее», оно обязано «служить ему устойчивой основой, не исключать будущее, но быть в единстве с ним». Следовательно, социальный консерватизм как доминанта мировоззрения — это не только сохранение и воспроизводство исторически устойчивых форм человеческой жизни, но и проверка и «тестирование» культурных инноваций с позиции преданий. Это отбор исторических проектов в соответствии с нуждами и проблемами современности.

В пользу продуктивности и перспективности идеологии социального консерватизма в контексте российской культуры свидетельствует тот факт, что, с одной стороны, в истории России именно традиционно мыслящая и консервативно ориентированная часть русской интеллигенции защищала от деформации духовные основы общества, противостояла экспансии ценностей «буржуазности». С другой стороны, именно национально-культурная неукорененность значительной части либеральной интеллигенции обернулась в свое время общероссийской бедой (и ее виной): выступая как интеллектуальная сила, претендующая на понимание исторической ситуации в России, и проповедуя гуманистические идеалы, интеллигенция практически оказалась не на высоте своих же задач, она не смогла понять природу российского характера, учесть его слабые и сильные стороны.

Сегодня, когда отечественная либеральная оппозиция окончательно дискредитирована и маргинализована, а левые силы недостаточно сильны, преодоление духовного кризиса общества во многом будет зависеть от позиции просвещенного класса как носителя национально-культурного самосознания, от ряда особенностей и характера его социально-культурного творчества. Без охранительной роли самосознания экспансивные *ценности-средства* западного мира могут превратиться для многих в ценности *абсолютные*, определяющие их смысл жизни. Последствия подобного рода самоопределения — дальнейший разрыв с национальной духовной традицией, утрата смыслообразующих ориентиров в жизни нации и человека.

Национально-культурное назначение нашей интеллигенции в ситуации духовного кризиса — переосмыслить в контексте проблем дня сегодняшнего традиционные ценности патриотизма, государственности, социальной справедливости, православия, рассматривая последние не только как элемент религии, но как «фермент, могущий войти в разные культуры и стимулировать их развитие в определенном направлении, не упраздняя их самобытности и своеобразия» (Н. С. Трубецкой); понять культурную уникальность

¹ См.: Панищев А. Л. Государственная идеология и соблюдение прав и свобод граждан: к вопросу об отмене 13-й статьи Конституции РФ // Юрист вуза. 2015. № 1. С. 22–31.

² См.: Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitution.kremlin.ru>

России и стать носителем социальной инициативы в поисках интегрирующей нацию идеи.

Объединяющим фактором (и одновременно стержнем национальной идеологии) может стать идея духовного преображения России на пути воссоздания и развития «евразийской цивилизации» как уникального национально-культурного мира, в образе которого непротиворечиво соединялись бы, с одной стороны, ценности демократического устройства жизни и современной экономики, с другой — идеалы социальной справедливости, патриотизма, духовного мес-

сианизма. В рамках такой идеологии можно будет «снять» крайности как индивидуализма (в том числе и усиливающегося этноцентризма народов России), так и насильственного коллективизма, разрешить конфликт между этими полюсами — на основе утверждения идеи солидарности и соборности, понимания свободы человека не в смысле индивидуальной вседозволенности, а как искусства личностного самоопределения в соотношении с надличностными ценностями, имеющими в русской культуре прочную историческую традицию.

Б. В. Аксюмов¹

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ²

Двадцать три года прошло с момента крушения Советского Союза и образования новой политической, культурной, геополитической реальности — постсоветской России. Длительный и тяжелый трансформационный период, вместивший в себя почти катастрофическую ситуацию 1990-х годов и постепенное возрождение 2000-х, похоже, подходит к концу. Сегодняшняя Россия — это уже не осколок советской империи, испытавший все тяготы поражения в холодной войне, а сложившийся субъект мировой истории и современной геополитики; у России есть все инструменты и возможности полноценного и, не будет преувеличением, решающего воздействия на формирование мира XXI века.

Окончательный переход Российской Федерации из постсоветского в новый период исторического развития происходит на наших глазах и связан с событиями на Украине. Украинский кризис обострил либо эксплицировал многие вопросы, если не находившиеся на периферии исследовательского интереса, то считавшиеся или решенными, или само собой разумеющимися. По словам Л. Ивашова, «в мире сложилась революционная геополитическая ситуация: Москва бросила вызов американскому беспределу, беззаконию и наглости, остановила неонацизм на подступах к своим границам. И получила (явную или скрытую) поддержку международной общественности в лице Китая, Индии, Латинской Америки, Ирана, Турции, значительной части ис-

ламского мира, Африки. За спиной России Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), да и ряд стран Европы наверняка молчаливо приветствуют шаги российского руководства. А это уже совершенно новый мировой расклад сил»³. Действительно, однополярный мир с диктаторскими полномочиями Запада (а фактически США) уже не историческая реальность, а скорее обращенный в прошлое ностальгический концепт, используемый западными идеологами в целях удержания своего падающего могущества хотя бы в информационно-символическом пространстве. Наступает эпоха многополярного, или полицентричного, мира, приход которой уже достаточно давно предсказывали многие политики и ученые, особенно представляющие «не-западные» страны.

Одним из центров силы формирующегося нового мира неизбежно станет Россия. В отношении нашей страны необходимо принять геополитическую аксиому, имеющую скорее метафизический характер: положение России на глобусе не оставляет ей иного выбора, кроме как быть одним из крупнейших геополитических центров. Поэтому многочисленные советы о превращении России в «нормальную» страну имеют целью предотвратить ее становление как центра геополитического притяжения и в конечном счете обеспечить утрату ею самодостаточного статуса в будущем мироустройстве. Однако для обретения Россией нового геополитического статуса как мощного цивилизационного центра недостаточно восстановления экономической и военной мощи, усиления политического и геополитического влияния на происходящие процессы. В этих условиях для эффективной реализации Россией своих национальных интересов необходимы поиск и формирование мощной надэтнической интегрирующей макроидентичности. В данном случае, по нашему глубокому убеждению, речь может идти только о цивилизационной идентичности, основные принципы и конкретное содержание которой только предстоит

¹ Профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук. Автор 115 научных работ, в т. ч.: «Формирование цивилизационной идентичности как социальный капитал современной России», «Идеологические основы религиозно-политического экстремизма и терроризма на Северном Кавказе», «Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона» (в соавт.), «Этнополитические проблемы как предпосылка экстремизма на Северном Кавказе» (в соавт.), «Конфликт цивилизаций: Pro et contra (мнение экспертов)» (в соавт.) и др.

² Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Формирование цивилизационной идентичности как стратегия преодоления межэтнических и межконфессиональных противоречий в современной России». Грант РГНФ № 13-03-00323а.

³ *Ивашов Л. Г.* Украина на геополитических перекрестках // *Обозреватель—Observer.* 2014. № 4. С. 9.

разработать совместными усилиями научной и общественно-политической мысли.

По мнению И. Кондакова, «размывание евроидентичности, как и других разновидностей континентальной цивилизационной идентичности, в современных условиях делает проблематику российской цивилизационной идентичности в известной мере эталонной и “первопроходческой”»¹. Действительно, в современном глобализирующемся мире, несмотря на складывание крупных политико-экономических союзов и объединений, явственно ощущается кризис макроидентичностей. В то же время очевиден запрос со стороны самой эпохи на формирование таких макроидентичностей. В этом смысле, если проект российской цивилизационной идентичности будет успешно реализован, это может стать существенным конкурентным преимуществом России, позволит ей не только решить внутренние проблемы межнациональных и межкультурных отношений, но и усилить позиции на международной арене.

По словам З. Жаде, «цивилизационную идентичность можно определить как категорию социально-политической теории, обозначающую отождествление индивида, группы индивидов, народа и так далее с их местом, ролью, системой связей и отношений в определенной цивилизации. Можно сказать, что это такой уровень идентификации, выше которого может быть только идентификация планетарного масштаба. В ее основании лежит сформировавшаяся крупная межэтническая мегаобщность людей, длительно проживающих в одном регионе, основанная на единстве исторической коллективной судьбы разных народов, взаимосвязанных близкими культурными ценностями, нормами и идеалами. Это чувство общности формируется на базе различия и даже противопоставления “своего” и “чужого”»². Важно отметить, что подобное противопоставление будет иметь в таком случае не дезинтегрирующий, а, напротив, консолидирующий характер, поскольку речь будет идти о противопоставлении не различных этносов и этнических групп друг другу внутри России, а российской цивилизации — другим цивилизационным системам мира. В связи с этим само собой разумеется, что цивилизационная идентичность новой России должна фундаментально опираться на надэтнические и надконфессиональные основы. Как отмечает М. Мчедлова, «параметры российской цивилизации позволяют акцентировать необходимость надэтнических и надрелигиозных, а именно цивилизационных, идентификационных проектов, способных цементировать социальное пространство»³.

Интерес к цивилизационной идентичности как новой (в контексте кризиса политики мультикультурализма в США и Европе) возможности обеспечения национального единства России особенно актуализировался после предвыборной статьи В. В. Путина

«Россия: национальный вопрос». По словам автора, «цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь»⁴.

При всей своей научной непроясненности понятие «цивилизационный код» выполняет важнейшую функцию по закреплению представлений о непрерывности континуитета бытия России в мире в менталитете россиян. Именно мифология цивилизационного кода лежит в основе формирования цивилизационной идентичности современного российского общества. «Несмотря на всю неопределенность самого понятия цивилизации, оно широко используется в российской политике, как правило, в тех же целях, в каких обычно используется этнический национализм. Прежде всего для консолидации общества на основе представлений об общей историко-культурной сущности, а также для противопоставления своей особой, уникальной общности “чужим”»⁵. В подобной практике нет ничего плохого, поскольку в построении любой сложной идентичности выраженный элемент конструирования неизбежно присутствует. В то же время очевидно, что без наличия объективной основы, а именно солидного культурно-исторического бэкграунда, все усилия по формированию макроидентичности, подобной цивилизационной идентичности, обречены на провал.

В России, в отличие от Европы, подобный культурно-исторический бэкграунд присутствует. В этом смысле главной составляющей формируемой сегодня цивилизационной идентичности является представление о единстве и незыблемости тысячелетнего исторического опыта существования России, убеждение в сохраненности неких культурно-цивилизационных констант, перешедших в наличествующую современность, несмотря на крушения в разные эпохи государственных систем России — Киевской Руси, Московского царства, Российской империи, Советского Союза. По мнению В. Пантина, «основами российской национально-цивилизационной идентичности остаются русский язык, особая и довольно сложная история России, русская и российская культура, православное христианство и умеренный ислам, сохранившиеся, несмотря на все катаклизмы советского и постсоветского периодов, традиции и обычаи»⁶.

В этом контексте новое Российское государство представляет собой исторически обусловленную модификацию той культурно-цивилизационной тради-

¹ Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 283.

² Жаде З. А. Российская цивилизационная идентичность в меняющемся мире // Власть. 2014. № 4. С. 56–57.

³ Мчедлова М. М. Национальный вопрос сегодня: ракурсы осмысления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107). С. 103.

⁴ Путин В. В. Россия: национальный вопрос. Сайт Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина // URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17831/> (дата обращения: 30.01.2014).

⁵ Верховский А. М., Паин Э. А. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Политическая концептология: журн. метадисциплин. исслед. 2013. № 4. С. 24.

⁶ Пантин В. И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 2. С. 49.

ции, которая развивается уже более тысячи лет. В опоре на тран исторические цивилизационные принципы, символизирующие непрерывность развития, целокупность тысячелетнего существования России в мировой истории, должно осуществляться формирование не только цивилизационной, но и гражданской идентичности новой России. Слабость гражданской идентичности, отмечаемая многими авторами, обусловлена несформированностью цивилизационной идентичности, утратой глубинной связи с цивилизационным кодом России и ее культурно-историческим наследием. Как следствие, гражданская идентичность конструируется преимущественно в опоре на новое Российское государство и его символы, во многом утратившие в менталитете россиян свою историческую ауру и сакральный смысл.

Полноценная гражданская идентичность, конституирующая такие важнейшие параметры жизни человека, как ценности, смыслы, принципы, культурные нормы и прочее, возможна только на основе цивилизационной идентичности. Поскольку последняя находится в настоящий момент лишь в стадии зарождения, рефлексируясь в качестве абстрактного цивилизационного кода, граждане России часто не чувствуют своей общности, у них по существу отсутствуют общие социокультурные ценности и ориентиры, что приводит в том числе к межнациональным и межконфессиональным

конфликтам. Как отмечает Л. В. Савинов, «в России проблема гражданской нации — это главным образом проблема совпадения кодов национальной (универсальной) и этнических (уникальных) идентичностей с русской цивилизационной (социокультурной и исторической) матрицей»¹. Можно констатировать, что на данный момент подобного совпадения нет.

Этнокультурные различия граждан многонационального Российского государства, не попадая на общую интегрирующую культурно-цивилизационную основу, становятся конфликтогенным фактором, а не тем преимуществом России перед другими государствами, о котором так часто говорят высокие российские политики. Этнокультурное многообразие России только тогда станет фактором развития и модернизации, когда будет фундироваться на общероссийском культурно-цивилизационном базисе, вобравшем в себя квинтэссенцию позитивного опыта бытия российской цивилизации в ее тысячелетней истории. Цивилизационная идентичность, призванная отображать данный базис, представляет тем самым огромный социальный капитал современной России, способный реально содействовать гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, обеспечению национального единства Российской Федерации, а также реализации национальных интересов нашей страны в сложных условиях современного мира.

О. Н. Астафьева²

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: НОВЫЕ АКЦЕНТЫ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Для национальных государств в современном мире вопрос о выборе модели межкультурных коммуникаций приобретает особый смысл, поскольку разные культурные ценности и традиции, язык, образ жизни и стили поведения приводят к необратимым, порой трагическим, последствиям, если встреча культур

¹ Савинов Л. В. Концепт нации, конституция и этнополитика // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 77.

² Заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «Культурная политика как теоретическое понятие и управленческая деятельность», «Культурология. Теория культуры» (в соавт.), «Современная культурная политика как креативная деятельность: управление и инновации» (общ. ред., соавт.); «Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы», «Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика» (2-е изд., в соавт.), «Право и культура» (в соавт.), «Постнеклассические практики: опыт концептуализации» (общ. ред., соавт.) и др. Член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, член экспертных советов (ВАК Минобразования и науки РФ, РГНФ и РНФ), член Союза композиторов России, Российского философского общества, председатель Московского филиала Научно-образовательного культурологического общества и др. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

не является свободным взаимодействием и происходит в контексте особого геополитического дискурса. Историко-культурный опыт человечества показывает, что любые проявления, будь то «насильственная культурная ассимиляция» при (военном или политическом) доминировании одной культуры над другой либо «добровольное заимствование» при позитивных социальных установках, вызывают сложный комплекс последствий, оценить которые можно лишь по прошествии ряда лет³. Ранее всего проявляются признаки кризиса культуры и ориентации на смену национально-культурной идентичности, что связано не только с запросами элит на новую картину мира и реформатированием исторической памяти, но и обуславливается общими культурно-цивилизационными трендами. Основным инструментом достижения этих целей становится культурная политика, корректирующая как общую стратегию развития, так и повседневные практики социального жизнеустройства и бытия человека в культуре.

Зарубежный опыт показывает, что стимулом для подобного рода трансформаций выступают разные факторы, влияющие на сложившиеся легитимированные модели межкультурных коммуникаций. Во Фран-

³ См.: Гавров С. Н. Взаимодействие культур и поиск новой идентичности // Вопросы социальной теории : науч. альм. М., 2010. Т. IV. С. 501–503.

ции таковыми выступили: утрата устойчивости коллективной идентичности и ослабление рамок гражданской идентичности под давлением этнокультурных процессов и обострившихся социальных проблем; в Великобритании — усиление постколониального дискурса и расширение миграционных процессов, приводящие к появлению гибридных идентичностей¹. Следует признать, что это заставило правительства названных стран задуматься об уточнении (а в ряде случаев и о смене) ориентиров культурной политики, повышении внимания общества к правам человека в культуре и признании важности соблюдения норм, обеспечивающих открытость взаимодействия для всех граждан, независимо от этнокультурной и религиозной принадлежности, расширении поддержки государственного языка в системе образования и других специализированных институтах культуры. Как показывает практика, такое понимание задач культурной политики позволяет обеспечить пусть далеко не бесконфликтное, но продвижение этих стран по выбранному пути развития (с оценкой которого можно соглашаться и о достижениях которого можно дискутировать).

В целом, начало тысячелетия характеризуется изменением отношения к взаимодействию культур, принципам межкультурных коммуникаций, которые стали рассматриваться в контексте национальной безопасности не только европейскими государствами. Причинами такого отношения выступают: усиление дискурса о смысловом пересмотре концепции разнообразия со стороны социальных и культурных меньшинств как способе реформирования сложившейся европейской системы ценностей; «нагруженность» идей культурных различий политическим фоном; проявление в некоторых странах этнического гегемонизма и/или следование идеям этнического фанатизма; отсутствие источников пополнения ресурсов множественной идентичности в глобализирующемся мире и др. Пути преодоления этих проблем — культурный протекционизм и активное распространение установок на социальную интеграцию и межкультурный диалог, в основе которых заложены принципы уважения к разным культурам. В рамках стратегии сближения культур как долгосрочной перспективы на ближайшее десятилетие такой подход можно рассматривать как концептуальную основу для долгосрочного планирования социокультурного развития в условиях нестабильности, инструмент для снижения напряжения между тенденциями партикуляризма и универсализма в условиях глобализации, совершенствование практик межкультурного диалога².

Обратим внимание на то, что идеи культурного разнообразия и самобытности этнических культур, составляющих национальную культуру, не всегда закреплены в законодательно-правовых системах государств, хотя и содержатся в международных актах ЮНЕСКО, в силу чего носят рекомендательный ха-

рактер. В то же время идеи стихийного саморазвития национальной культурной среды как способности стирать границы между культурами в эпоху глобализации оказывают не менее сильное влияние на социокультурные процессы. На наш взгляд, плюралистическое понимание межкультурного взаимодействия в культурных политиках разных стран приобретает сложный характер, ибо в редких случаях выступает как обязательное следование тенденциям либо культурного релятивизма, либо мультикультурализма, либо иным теоретическим конструкциям. Значительно более продуктивными представляются концепции культурной политики, основанные на понимании значимости социальных и человеческих интересов, трактовке взаимосвязи и взаимозависимости традиций и инноваций как сложного единства, достигаемого за счет признания значимости культурных констант национальной общности (ценностей и смыслов), придающих устойчивость национально-культурной идентичности (при условии, что это единство динамично и открыто как для саморазвития, так и для социокультурного регулирования).

Не случайно наиболее популярны технологии управления, нацеленные на достижение такого состояния культуры, при котором ценности одной культуры могли бы свободно использоваться представителями других культур. Это состояние предлагается обозначить термином «метакультура», она способна рефлексивно использовать достижения других культур для творческого саморазвития³. Данный подход к культуре, закрепляемый в соответствующей модели межкультурных коммуникаций в глобализирующемся мире, в той или иной интерпретации уже излагался в динамических концепциях культуры (диалоговые, полилоговые, синергетические концепции, в синергичной антропологии), где идеи пограничья, переходности, нелинейности и автопоэзиса, достижения когерентных образований и синергичных эффектов составляют методологическую базу. В целом, поддерживая введение понятия «метакультура» в научный социально-гуманитарный дискурс, обратим внимание на то, что политика идентичности, более всего соответствующая современной ситуации, предполагает отношение к границам как к тому, что, с одной стороны, обеспечивает безопасность и определенность, в силу чего должно быть охраняемо, с другой — поддерживаемо, как обеспечивающее свободное творческое самоопределение на границах культурных сред⁴.

В контексте обсуждения проблем межкультурной коммуникации, размышления о метакультуре и ситуации государственных границ не только как территориальных, но и границ автопотоков, информационных и культурных обменов приводят нас к мысли о том, что каждая страна выбирает собственную комбинацию векторов развития, соответственно моделей регулирования в «переходных» состояниях границы, а значит, и правил межкультурного взаимодействия. Многослой-

¹ См. об этом подробнее: *Астафьева О. Н.* Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории : науч. альм. М., 2010. Т. IV. С. 255–281.

² См.: План действий по проведению Международного десятилетия сближения культур (2013–2022) : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 68/126 от 10 декабря 2013 года.

³ См.: *Ячин С. Е., Киреев А. А.* Исследование культур в метакультурной перспективе // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. XVI. Вып. 3–4, № 83–84. С. 92.

⁴ См.: *Иконникова Н. К.* Символические границы местных сообществ // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития. М., 2010. С. 74–77.

ность или многоаспектность межкультурных коммуникаций естественно порождают столкновения, которые во многом связаны с расхождением в целях, ценностях, взглядах и интересах. Соответственно многие исследователи обращают внимание на разброс векторов границ, разделяющих людей, народы, культуры, экономики и пр., при динамично увеличивающемся давлении глобализации. Актуальность их изучения неизмеримо возрастает: без перехода нет развития. В свою очередь развитие в переходный период не является стихийным поиском собственного вектора вслепую, поскольку предполагает корректное управленческое воздействие на процессы самоорганизации. Заметим, возрастание требований к культурной политике национальных государств ведет к повышению ответственности за уровень компетенций людей, ее осуществляющих.

Таким образом, политические и цивилизационные вызовы XXI века меняют культурные приоритеты разных национальных государств, которые в настоящее время являются членами многих глобальных и региональных объединений. Исходя из этого, решение вопросов внутренней политики в социальной и культурной областях уже не может рассматриваться вне понимания проблемы согласования интересов разных сообществ, поскольку это связано с преодолением дисбалансов между инновационными глобализационными трендами и локализацией, ориентированной на сохранение традиций и национально-культурной самобытности. Следование любому из этих векторов, без учета потенциала каждого из них, в конечном счете не способствует ни поддержке культурного разнообразия, ни стимулированию современных тенденций общественного развития. Фокусирование внимания политиков и ученых на комплексном подходе к анализу регионального социокультурного развития в условиях глобализации с учетом этнокультурного состава местных сообществ закладывает основания для особой модели культурной самоорганизации и гражданского общества. Исторически складывающиеся по этнокультурным и/или религиозным признакам местные сообщества в настоящее время чаще всего различаются по формальным административно-территориальным признакам и организуются в новые смешанные типы социальных групп. Местные сообщества дробятся искусственно, поскольку граница разделяет территорию и местную власть, но не традиции жизнеустройства и культуру в целом. Это одна из проблемных зон многих современных национальных государств, когда наряду с рисками открытых конфликтов могут закладываться основания для поддержки среды межкультурного диалога. В равной степени эти разновекторные по-

люсы (этнокультурного разнообразия или культурной гомогенности) вносят коррективы в приоритеты региональных и локальных культурных политик, сказываются на состоянии коллективной идентичности людей, проживающих на одной территории.

Политика идентичностей, демонстрирующая сдвиг в сторону пограничной множественной идентичности, связывается в западных странах с необходимостью понимания того, что быстро сменяемые модели межкультурных коммуникаций и образа жизни обусловлены социальной мобильностью населения. Динамика перемещений, заложенная в концепциях открытости, активное освоение новых видов деятельности и культурных практик в разных странах с очевидностью показывают, что идеи социального сплочения и общей коллективной идентичности уходят на второй план; вопрос о приверженности европейским ценностям людей, проживающих на общей территории, является значительно более сложным, чем социально-экономические достижения¹. В контексте такой постановки вопроса о коллективной идентичности уместным представляется использование понятия «идентичность» во множественном числе, что соответствует характеристике обществ как фрагментированных. Коллективная идентичность выступает как набор «коллективных идентичностей», разделяемых ситуативно. Отсюда — возрастание потребности в общих целях, распространение модели культурной политики, опирающейся на концепцию устойчивого развития в понимании ЮНЕСКО, раскрывающую эффективность комплексного подхода к использованию творческих ресурсов культуры в общественном развитии в разных странах². Привлекая внимание к общим целям человечества, ресурсосбережению и внедрению «зеленой экономики», преодолению бедности и повышению грамотности населения разных стран, расширению пространства экономической деятельности за счет использования уникальных товаров, культурных событий, туристических продуктов и пр., то есть быстро растущих секторов³, формируется общая мировоззренческая позиция уважительного отношения к природе и культуре, подход к оценке вклада культуры по качественным показателям — повышению качества жизни, расширению возможностей активного участия в культурной жизни и творческой самореализации человека, созданию условий для комфортного совместного проживания представителей разных национальностей на одной территории. Центральной задачей остается идея гармоничного взаимодействия культур и цивилизаций, достижение которой связывается с разработкой разных моделей культурной политики, таких как партисипативная культурная политика и др.

¹ См.: *Barry B. Culture and Equality: an egalitarian critique of multiculturalism.* Cambridge, 2001.

² См.: «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развития»: Декларация ЮНЕСКО, принятая в Ханчжоу (май 2013 г.). URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/final_hangzhou_declaration_russian.pdf

³ См.: *Fleming T. A Creative Economy Green Paper for the Nordic Region / Tom Fleming Creative Consultancy, UK in cooperation with the Nordic Innovation Centre (NICE). November, 2007. P. 5.*

М. Н. Ветчинова¹

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ИДЕЯХ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Осмысливая сегодня труды Д. С. Лихачева, приходишь к выводу, что, изучая вопросы развития русской культуры и русского языка, их влияния на российскую государственность, на формирование русской национальной идеи, ее воздействия на народы, населяющие территорию Российского государства, отечественный гений сформулировал постулаты о развитии нации, национализма, интернационализма, их взаимовлияния, которые в настоящее время оказались как никогда актуальны.

Связано это с тем, что в последнее время остро чувствуются национальная и культурная разобщенность людей, отсутствие душевных переживаний и духовности, усиление нигилизма, агрессии, что является угрозой культурной самобытности нашей страны. Это выдвигает в повестку дня повышенные требования к сохранению и приумножению духовного и интеллектуального потенциала нации, к устойчивости базовых доминант национальной культуры. Именно это обеспечит благоприятные условия для формирования национального самосознания, достоинства нации, позволит преодолеть вызовы современного мира.

Общая культура и общий язык — вот те национальные особенности, которые сближают, выявляют духовную уникальность народа. Однако за такими глобальными понятиями стоят отдельные люди, их интересы и чаяния. Но именно культура и язык являются связующей нитью, консолидирующим потенциалом прошлого, нынешнего и последующего поколений в одно великое историческое целое.

Культура, по оценке Дмитрия Сергеевича, — это то, что «в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации... Культура — это святости народа, святости нации»². Он уподобляет культуру народа «горному леднику, движущемуся медленно, но необычайно мощно»³. Этим самым он поэтично показывает великую силу культуры, ее значение и подчеркивает, что нравственный климат в обществе определяется степенью его культуры.

Д. С. Лихачев, великий патриот России, в своих рассуждениях о русской культуре справедливо призывал не забывать, что русское государство всегда было многонациональным, и сила России всегда была в том, что она гордилась своей многонародностью. В истории народа он видел не историю территорий, а историю культуры. Он считал, что ценности культуры раз-

ных народов несоизмеримы, а культура каждого народа бесценна.

Такие выводы подчеркиваются современными событиями. Территории и народы, находившиеся долгое время под влиянием русской культуры, но в силу исторических событий сегодня обособлены от нее, не могут прервать ее влияние на все аспекты жизнедеятельности этих этносов, что объективно свидетельствует о главенствующей роли культуры в развитии национального самосознания.

Между тем Д. С. Лихачев предостерегал от того, что нельзя преувеличивать национальные черты, делать их исключительными. Это очень важное суждение, поскольку именно в национализме кроется источник ненависти между людьми, агрессии между народами.

В национальных особенностях он видел только «некоторые акценты», а не качества, отсутствующие у других. Он также выступал против любого национализма, который считал проявлением слабости нации, а не ее силы, был убежден, что от крепости национального духа зависит крепость нации. Крепость же национального духа, согласно Лихачеву, во многом зависит от богатства национальной культуры и прочности национальных традиций. По нашему мнению, это является и надежной основой национального единства.

В то же время ученый указывал, что «национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, к гибели ее индивидуальности»⁴. Отмечал Дмитрий Сергеевич и тот факт, что «для русских другие нации всегда представляли особую притягательную силу»⁵.

Особенно это актуально в наши дни — время заметного национального обособления, роста национального напряжения, эскалации национальных противоречий во многих регионах мира.

Лихачев полагал, что для существования и развития настоящей, большой культуры в обществе должна наличествовать высокая культурная осведомленность; более того — культурная среда, владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству. Он напоминал и о том, что культура не имеет границ и обогащается в развитии своих особенностей от общения с другими культурами.

Размышляя об историческом типе русской культуры, Дмитрий Сергеевич утверждал, что русская культура и культура российских народов — европейская, универсальная культура; культура, изучающая и усваивающая лучшие стороны всех культур человечества. Именно поэтому он считал первейшей и насущной задачей не дать ослабнуть европейской общечеловечности русской культуры и сильно поддержать равномерное существование всей нашей культуры как единого целого.

¹ Профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Изучение иностранных языков в эпоху глобализации и диалога культур», «Родное слово К. Д. Ушинского», «Культурологическая идея концепции коммуникативного иноязычного образования», «Женское гимназическое образование в Курской губернии во второй половине XIX — начале XX века», «Изучение иностранных языков в гимназиях России (вторая половина XIX — начало XX в.)», «Образ преподавателя иностранного языка: вчера, сегодня, завтра» и др.

² Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 9.

³ Там же.

⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 19.

⁵ Там же. С. 27.

Следовательно, русскую культуру нельзя определять монокультурой, поскольку она основана на взаимовлиянии многих национальных культур. И в большей степени ее следует считать общечеловеческой многонациональной культурой.

Опасаясь угасания именно «русской культуры», Д. С. Лихачев выделил причины умирания культуры. Он видел их «в отрицании своей ценности как нации, небрежении собственным культурным достоянием, враждебности к образованному слою — творцу, носителю и проводнику высокой культуры, а также “ущемленном патриотизме”, проявляющем себя в крайних, зачастую бескультурных, формах национализма (также сейчас у нас развившихся). Здесь мы имеем дело с двумя сторонами одного и того же явления — национальной закомплексованности»¹.

Чтобы преодолеть национальную закомплексованность, он призывал «решительно отвергнуть попытки увидеть спасение нашей культуры исключительно в нашей географии, исключительно в поисках прикладных геополитических приоритетов, обусловленных нашим пограничным положением между Азией и Европой, в убогой идеологии евразийства»².

Однако сегодня идеология евразийства не кажется такой уж неприемлемой, а даже получила исторический ренессанс. И если обратиться к доводам Л. Н. Гумилева, который ратовал за «восточный» генозис российской культуры и государственности, то в современных условиях они представляются весьма актуальными. Реалии самой жизни к извечному спору между западниками и славянофилами добавили евразийцев. Вероятно, их суждения и доводы могут быть разрешены и оценены только временем и историей. Тем не менее это свидетельствует о многополярности мнений (и каждое из них разумно и конструктивно) о происхождении российской национальной идентичности, различном понимании истоков возникновения нации. В то же время их видение в свете сегодняшнего дня может оказать продуктивное воздействие на формирование национальной идеи, вокруг которой сплотятся народы многонационального Российского государства.

Мудрым является мнение Дмитрия Сергеевича о том, что согласие между людьми, разными народами — это самое драгоценное и сейчас самое необходимое для человечества. Особенно это важно для многонациональных государств, в которых наблюдается рост национальных движений, поиск национальной идеи, а вопросы национальной идентичности и межнациональных отношений не находят решений, превращаясь в тлеющие конфликты.

Д. С. Лихачев одним из самых главных проявлений культуры считал язык. Язык для него — это не просто средство коммуникации, но прежде всего творец, создатель: «Не только культура, но и весь мир берет свое начало в Слове... Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир»³.

На наш взгляд, многообразие языков, на которых говорят народы нашей страны, следует рассматривать как источник духовного богатства, а не средство разобщения людей.

Безусловно, соотношение языка и культуры — вопрос сложный и многоаспектный. Язык занимает первое место среди национально-специфических компонентов культуры. Он играет огромную роль в процессе создания и интерпретации «образа мира», проникновения в мировую культуру и осознания своей национально-культурной принадлежности, является инструментом социального взаимодействия. Но великое значение языка, по оценке Дмитрия Сергеевича, не только в том, что он является средством общения, но, что самое главное и ценное, это хранилище духовной культуры, «ее сгущение до алгебраической полноты»⁴.

В связи с исключительной ролью культуры в формировании национального самосознания, что в конечном счете будет способствовать единению нации, Д. С. Лихачев советовал обратить особое внимание на преподавание истории, литературы, искусств, пения, то есть на предметы гуманитарного цикла, которые призваны расширять у людей возможности восприятия мира культуры. Это, безусловно, поможет понять национально-культурные различия народов, их систему мировоззрения и ценностных ориентаций, что окажет влияние на установление взаимопонимания между людьми различных культурных традиций для содействия толерантности, предотвращения конфликтов.

Нельзя забывать и важное наставление ученого: если мы хотим создать нормальное общество, добиться нормального экономического, научного, технического развития, нам следует принимать широкие и глубокие меры по поднятию культуры в нашей стране. Главную задачу он видит в том, чтобы дать полную возможность культурного развития всем людям. Он призывает «не оставлять у людей “незанятого” мозга. Ибо пороки, преступления таятся именно в этой части мозга. И потому еще, что смысл человеческого существования в культурном творчестве всех»⁵. Это то, что, на наш взгляд, безусловно, окажет влияние на формирование отечественной национально-культурной ментальности.

В свете рассуждений о важности русской культуры и русского языка весьма своевременно звучит мысль Д. С. Лихачева о том, что «новое мышление, которым знаменуется наше столетие, влечет за собой коренной пересмотр оценки наций и народов — их вклада в мировую культуру, их нравственных достоинств»⁶. Призывает Дмитрий Сергеевич помнить о важной роли русской культуры, которую она оказала на мировую культуру, чего нельзя забыть и вычеркнуть из истории.

Сегодня еще более насущными и не утратившими своего значения становятся его слова, что нравственное достоинство нации куда важнее достоинства физического.

Исходя из вышеизложенного, в очередной раз убеждаешься в том, что глубокие идеи Д. С. Лихаче-

¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 19.

² Там же.

³ Там же. С. 14.

⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 83.

⁵ Там же. С. 125.

⁶ Там же. С. 82.

ва о культуре, языке, национальном самосознании, их влиянии на формирование российской многонациональной культуры, создание многонародного единого общества являются архиважными. Они позволяют определить направления и механизмы культурной политики, увидеть новые философские, научные, полити-

ческие и идеологические векторы, которые помогут понять, оценить и минимизировать резко возросшие в современном мире межкультурные и межнациональные противоречия, скрепить современную российскую государственность, четко определить ее роль в решении вызовов современности.

В. С. Глаголев¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ

«И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово!» Эти строки Анны Андреевны Ахматовой были написаны и прозвучали по радио в годовщину величайшего испытания нашего народа — в первый период Великой Отечественной войны. В нашей истории вряд ли была национальная мобилизация такого масштаба и напряжения — и с точки зрения человеческих ресурсов, принесенных на алтарь Великой Победы, и с точки зрения нагрузки на все сферы общественной жизни — от экономики до психологии, и с точки зрения затрат военной экономики (которая всегда затратна). Сформулированная великим поэтом сверхзадача Победы — сохранение и трепетная передача грядущим поколениям ценнейшего достояния народа — его национальной культуры, воплощенной в Слове, развивающейся и сообщаемой через речь. Речь матери, обращенной к ребенку, речь педагога, художника слова, народного пророка. Утрата речи, отмечал А. И. Солженицын, создает для онемевшего огромное беспокойство, неуверенность, психологическую неустойчивость, травмирует его. Писатель говорил об онкологическом больном. Но образ из «Ракового корпуса», как и все художественные образы, имеет обобщающий смысл.

Утрата речи — это утрата идентичности культуры, как индивидуальной, так и национальной². Она влечет за собой уязвимость к негативным воздействиям внешней среды. Последствия такой утраты для нации — капитуляция перед внешними силами и разрушение глубоких связей, сформированных историей. Как поэт глубочайшей философской культуры, Ахматова знала об этом. Поэтому для нее, не имевшей никаких оснований трепетно любить советскую власть, Великая Отечественная война не была лишь противостоянием двух режимов, большевистского и фашистского (как утверждают некоторые историки последнего времени). Для нее это была борьба за выживание и достойное будущее своего народа. Будущее, невозможное без культуры и родного языка культуры.

В то же время понятие родного языка, если подходить к нему исторически, предполагает широту взгля-

да, исключаящую лингвистическую ксенофобию и другие разновидности этого распространенного порока³. Полноценный родной язык живет и развивается в перекрестках духовных и культурных влияний, связанных изначально с внешней лексикой, грамматикой и другими особенностями строя живой и письменной речи. Тем самым он по определению открыт миру. Попытки лингвистической самоизоляции — путь к новоязам, предназначенным либо для продвижения победы мировой революции, как полагал простоватый герой М. А. Шолохова, либо для сакрализации практики тоталитарного государства Дж. Оруэлла.

Открытость же языка миру, как и творческое взаимообогащение культур, предполагает обдуманную, сбалансированную политику в этой области. Симптоматично издание в СССР в 1943 году третьего тома «Истории философии» («Серой лошади» на сленге студентов философского факультета МГУ), основная часть которого была посвящена немецкой классической философии и отвечала критериям научности, принятым среди профессионалов-философов того времени. Только что были освобождены Орел и Белгород. Наступление Красной армии на запад лишь начиналось. Напряжение зашкаливало. И в это время учебник утверждает тезис о всемирно-исторических гуманистических ценностях великой немецкой философской культуры (разумеется, при оговорках о заблуждениях и ошибках, свойственных идеализму, как того требовал политико-философский ритуал, основанный на «Вопросах ленинизма» И. В. Сталина и «Кратком курсе истории ВКП(б)»). Здесь проявилась широта видения перспектив неизбежного строительства новых отношений с немецким народом после войны. Как известно, когда победа была уже близка и Красная армия переходила немецко-польскую границу, существовавшую до 1 сентября 1939 года, в одной из популярнейших в войну газет любимый на фронтах писатель И. Г. Эренбург напечатал статью «Убей немца!». Она отразила ту жажду отмщения, которая вела воинов почти четыре года. Эту жажду питали страдания и смерти тысяч и тысяч солдат и еще большего числа мирных жителей страны; расчетливое, изощренное палачество завоевателей и их приспешников из числа так называемых «националов», примкнувших к гитлеровским войскам. И, конечно, призыв Эренбурга, как опытного психолога,

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Религия караимов», «Религиозно-идеалистическая культурология: идейные тупики», «Практическая психология для дипломатов», «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (в соавт.), «Cooperation of technologic and scientific knowledge in development» и др. Член Российского философского общества.

² См.: Лихачев Д. С. О языке письменном и устном, старом и новом // Русская культура. СПб.: Искусство-СПб, 2007.

³ Лихачев Д. С. Патриотизм и национализм. URL: <http://mkuznetsova.blogspot.ru/2013/05/blog-post.html> (дата обращения: 20.03.2015).

владеющего словом военной публицистики, имел целью сконцентрировать силы наступающих для последнего решительного удара. «Сверху», однако, писателя одернули: в газете «Правда» появилась заметка «Тов. Эренбург упрощает», проводившая, если пользоваться современным языком, политкорректное различие между отношением к врагам-фашистам и «орудию» исполнения их воли — массам немецкого населения, в том числе и носившего солдатскую форму.

В этом столкновении двух установок — тогдашнего «политтехнолога» Эренбурга и партийно-государственного официоза — позиция последнего представляется более взвешенной, обдуманной и перспективной. Она исходила из многоуровневого комплекса задач, стоявших перед государством, которое на рубеже 1944–1945 годов расширяло свои реальные международные связи и возможности их многопланового использования. Другой вопрос: насколько удачно эти возможности были реализованы в последующей политике?

Позволю себе привести семейную историю. Мой отец, Глаголев Сергей Михайлович (1906–1978), преподаватель русского языка и литературы и директор школы рабочей молодежи в Туле, был мобилизован в Красную армию в сентябре 1941 года. Направлен в огнеметный батальон. Командир батальона после знакомства со списками новобранцев вызвал его к себе и спросил: «Глаголев, ты единственный из рядового состава в нашем батальоне имеешь высшее образование. Кем ты работал?» — «Детей учил русскому языку и литературе, товарищ командир». — «После войны учителя нам понадобятся! Будешь при мне, в группе управления. Шансов уцелеть тоже немного, но все-таки больше, чем если ползти с трубой огнемета к немецкому доту».

Отец остался в живых и учил русскому языку и литературе детей и взрослых до своей кончины. Я не знаю ни имени, ни биографии командира батальона. Но помню о его по-крестьянски бережном отношении к учителю-солдату. В этом отношении — такая же широта взгляда и обоснованность линии поведения, что и в упомянутой заметке «Правды».

Как любое творческое дело, культура развивается в первую очередь усилиями людей одержимых, «пассионарных». Среди них немало тех, кто знает «одну, но пламенную страсть», людей одной идеи, которую приходится соотносить с другими и лишь таким путем встраивать в плоть и кровь культуры — живого и сложного организма, чутко реагирующего не только на внешнюю среду, но и на свои внутренние состояния. Лекала, алгоритмы и стандарты культуры — ее «овнешнивающие» инструменты, средства утверждения обязательных правил и норм. Но глубины культуры — пространства непрерывной саморефлексии, где разворачивается далеко не всегда видимая извне напряженная внутренняя работа. Условием ее устойчивости и креативности всегда является надежда на реализацию в теле культуры ее внутренней жизни. И, разумеется, признание значимости, важности для общества тех, кто совершает этот труд, требующий от личности непрерывных психологических, интеллектуальных, нравственных и эстетико-образных усилий¹. Осушествляя национальную мобилизацию, власть далеко не всегда задумывается о значимости и неприменности этой стороны культуры. Но тогда у нее растет соблазн обходиться с людьми как с «винтиками» или «гвоздями». Однако каждый человек, включенный в творческую жизнь культуры, незаменим и уникален. По крайней мере для ее данных пространственно-временных координат. «И вчерашнее солнце на черных носилках несут...», — выразил свое отношение к уникальности и трагедии человеческой жизни О. Мандельштам.

Поскольку любая мобилизация — массовое мероприятие, проводимое в ограниченные сроки, она неизбежно сопряжена с издержками. Опасно, однако, списывать их по принципу «щепки летят». Происходят утраты, часто незримые, не поддающиеся измерению, не имеющие четко определенного веса. Такие, как нерожденные дети, поэты, не пробившиеся к аудитории, «простойные» способные кинорежиссеры, не говоря уже о массе профессоров и преподавателей, озвучивающих с кафедр упрощенные, одномерные идеологические установки.

Ю. А. Гринин²

СОХРАНЯТСЯ ЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ? УГРОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В докладе обосновывается мысль, что угрозы существованию национальных и многонациональных

¹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. Электронный ресурс: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/8/lihach.html (дата обращения: 20.03.2015).

² Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии, доктор философских наук, профессор. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм: история и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее» и др.; статей: «Глобализация: диалектика исторических форм осуществления», «Национальная идентичность перед вызовами глобализации», «Модернизация России: в колее "зависимого развития"» и др.

государств в XXI веке инспирируются рядом современных интеллектуальных течений, политикой мультикультурализма и политкорректности. Противостоять их влиянию способна продуманная государственная политика, сочетающая традицию и современность в деле сохранения национальной идентичности.

1. Вопрос о судьбе национального государства в современном мире продолжает оставаться в рамках неопределенности. В настоящее время дискуссии о судьбе национального государства выстраиваются по принципу «оптимисты–пессимисты». По мнению У. Бека, европейцы лишь «делают вид, будто все еще существу-

ют Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Португалия и т. д. Но их давно уже нет, так как закрытые национально-государственные держатели власти и отделенные друг от друга границами государства стали ирреальными самое позднее с введением евро»¹.

2. Думаю, это ошибочное утверждение. Но верно то, что угрозы всем национальным и многонациональным государствам Европы эпохи постмодерна связаны с эрозией их «культурного фундамента» (культурного кода), на котором выстраиваются национальные идентичности. Вызовы последним инспирируются не только идеологией неоллиберализма, воплотившейся в политических принципах толерантности, политкорректности и мультикультурализма, но и распространением комплексного идейного течения (мировоззрения) постмодернизма, выразившего трансформацию духовности евроатлантической цивилизации, ее отказа от ценностей христианства и Просвещения. Вместе они формируют массовую культуру «глобального потребителя», экспансия которой вызвана действием институтов неоллиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти.

3. Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментации культуры гражданская и культурная идентификация осуществляются через потребление. Принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современности: она идет не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде специфическую идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с конвейера, поставлена на поток. В свою очередь растущая множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу.

4. Массовая культура так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, формирующий новую *идентичность глобального потребителя*, в которой читаются нивелировка и допущенная, более того, «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая борьба все в большей степени становится борьбой информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради их усвоения потребителем и роста прибыли. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растет манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни.

5. Хотя ведущие национальные государства Запада все еще остаются основными субъектами глобальной экономики и политики, продолжая выращивать и контролировать на своих территориях глобальные ТНК,

и даже обрели новые функции², в грядущих цивилизационных битвах их ждет незавидная судьба «самоупразднения» в ходе тотального изменения культурно-национального ландшафта. После выхода скандальной, но во многом пророческой книги Тило Сарацина «Германия упраздняет себя» о необходимости отказа от политики мультикультурализма стали откровенно говорить не только ученые-интеллектуалы (Н. Больц, М. Вевьорка, Дж. Сартори, П. Нольте, Г. Хайнсон и др.), но и ведущие государственные деятели (А. Меркель, Д. Кэмерон и Н. Саркози), официальные заявления которых в 2010–2011 годах о «крахе мультикультурализма» произвели эффект разорвавшейся бомбы. Но значительных политических последствий этот демарш до сих пор не возымел.

6. Поэтому перспективы отказа Запада от принципов мультикультурности, толерантности и политкорректности многие связывают с приходом к власти «неоконсерваторов», делающих ставку на традиционные ценности — семейные, гражданские и национальные. Последние бьют тревогу, показывая, что современные демографические процессы в развитых странах, неразрывно связанные с необратимыми изменениями морального климата, могут привести к гибели традиционной Европы в ходе тотального изменения ее национально-культурного ландшафта.

7. Это может случиться и с Россией, перспективы которой как особой локальной цивилизации, так и не преодолевшей противостояние западников и славянофилов, но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны. Ряд действительно общезначимых евроатлантических ценностей и институтов в массовом сознании остаются чем-то необязательным и условным, а многие собственные традиции сведены к этнографически рудиментарному состоянию. Они сегодня объединены по принципу «абсурдной дополнительности», а не в рамках долговременного проекта строительства национального государства, об отсутствии которого приходится только сожалеть.

Если массовая культура современной Японии представляет собой «кентаврическое образование», в котором западные и национальные ценности соединены на основе общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в обществе, но и в политическом классе. Свидетельство тому — наше телевидение. Формально государство взяло под контроль важнейшие эфирные каналы. Но почему тогда в сетке вещания «Первого канала», ВГТРК, «ТВ Центра», НТВ и ТНТ продолжают преобладать американские боевики, низкопробные сериалы и многочисленные ток-шоу и реалити-шоу? Почему с телеэкранов льются высосанные из пальца сенсации и скандалы, пропагандируются «мистические истории», «битвы экстрасенсов», «Х-версии» и другая псевдонаучная чушь?

8. Рационально объяснить это можно как минимум двумя причинами: либо госструктуры, имеющие контрольные пакеты акций в указанных телекомпаниях, не контролируют произведенный ими телеконтент,

¹ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 7.

² О них см.: Гранин Ю. Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб., 2014. С. 183–191.

либо он их вполне устраивает, поскольку соответствует их культурному багажу. Последнее было бы абсурдно, если бы не опыт новейших российских модернизаций (реформ в сфере образования и науки). Это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяются мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Неслучайно

протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных «элитах» даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки.

9. Как и на Западе, перспективы России в качестве национального государства связаны с продуманной государственной политикой, сочетающей традицию и современность в деле сохранения национальной идентичности.

П. С. Гуревич¹

ЭТНОС В ОКОЁМЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный мировой политический процесс, как правило, мобилизует группы по этническому основанию. Мировое сообщество столкнулось с тем, что в активное историческое развитие включились молодые страны, где особую роль играли этнические группы архаического или традиционного типа. Кроме того, глобализация в ряде стран вызвала сопротивление. Многие страны мечтают сегодня обрести независимость и автономию. При этом все еще остаются нерешенными многочисленные проблемы, связанные с этническим бытием. У народов возрастает интерес к этнической идентификации. Формирование нации или этноса предполагает прежде всего опору на социальные исторические факты. Однако современная трактовка этноса включает и анализ работы воображения, который используется в социальном конструктивизме.

Глобализация продолжает оставаться господствующей тенденцией современного мира. Укрепляются мировые хозяйственные отношения. Паутина экономических связей оплела весь мир. Политики вынуждены считаться с международным общественным мнением. Европейский уклад жизни интенсивно проникает во многие страны, где еще недавно господствовал традиционализм. Массовая американская культура распространилась по всему миру.

Однако в державном течении глобализации не все гладко. Она все чаще наталкивается на угрозы и опасности, многие из которых никто не предвидел, по крайней мере в том варианте, в каком они обнаружили себя в современной реальности. Страны боятся зависеть друг от друга. Заметным явлением сегодня стал национализм. Возникают пассионарные проекты создания «новой нации», как это происходит на Украине, получает идеологическое оправдание антиглобализм, усиливаются сепаратистские настроения.

Разумеется, сепаратизм отличается тем, что с предельной остротой заявляет о своих правах и интересах. Порой при этом не учитываются заботы других стран. Вместе с тем нарастание этой тенденции заставляет вернуться к обсуждению многих вопросов этнической политики. Политики все чаще обращаются к противостоянию двух теоретических позиций — примордиализма и социального конструктивизма в этнологии. Сегодня можно говорить о трех базовых подходах к этнополитике: эссенциалистском, или примордиалистском, конструктивистском и инструменталистском.

В научных дискуссиях конца минувшего и начала нынешнего столетия началось концептуальное переосмысление национального вопроса. Исследователи заговорили об исторической изменчивости самого понятия «нация». Обратили внимание на тот факт, что этот термин часто наполняется самым разноречивым содержанием. Между модернистскими и постмодернистскими концепциями этноса появился серьезный водораздел.

Представители модернистских теорий либо не различают и поэтому отождествляют национальное и этническое, либо рассматривают нацию как наиболее сложную форму этнической общности в ряду цепочки: род–племя–народность–нация. В основе этноса неизменно усматривается ведущий экономический фактор. Гражданское понимание наций отвергается. Постмодернисты, напротив, недооценивают исторические детерминанты, обращают основное внимание на фиктивность, иллюзорность всяких национальных образований².

В первую очередь становится актуальным вопрос о том, чем отличается понятие этноса от понятия этничности. Под этносом подразумевается исторически сложившаяся на конкретной территории стойкая община людей, которые располагают прочными общими чертами, особенностями культуры и языка. Но есть еще одна линия, без которой определение этноса будет неполным: этноса нет, если его представители не осознают свое внутреннее единство, свое отличие от других этносов.

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор. Автор более 650 научных публикаций, в т. ч.: «Основы философии», «Философия культуры» (в соавт.), «Философская интерпретация человека», «Философское толкование человека», «Расколотовость человеческого бытия», «Религиоведение», «Психоанализ» и др. Академик РАЕН, вице-президент Академии гуманитарных исследований. Почетный профессор Калифорнийского университета.

² См.: *Фадеечева М. А.* Человек в этнополитике. Концепция этнонационального бытия. Екатеринбург : УрО РАН, 2003.

Известно, что понятие этноса было введено русским ученым С. М. Широкогоровым в 1923 году. В русском языке сходный смысл имеет слово «народ». Истоки культурного, этнического творчества людей можно видеть в культовой, религиозной (ритуализм) или социальной (социологизм, социальная антропология) деятельности.

Что касается этничности, то в качестве самостоятельной научной категории это понятие известно с 1960-х годов. Оно получило распространение в европейской философской антропологии и социальной философии при изучении национальной культуры, национальных форм символизации, национально-этнического характера. В определенной мере это понятие пошатнуло академическую убежденность в том, что процессы национальной самоидентификации в странах Европы и Северной Америки уже завершились. Однако социокультурная реальность неожиданно изменилась. Потерпела крах концепция мультикультурализма. Новую силу обрели этнические и национальные конфликты. Социально-политические процессы столкнулись с новой версией этнического фактора.

Возникает вопрос: чем продиктована потребность еще в одном термине — «этничность»? Не избыточно ли это понятие? Нет, оно закономерно и выражает глубокие и серьезные изменения, которые происходят в мире в эпоху глобализации. Уже отмечалось, что для атрибуции этноса особую роль играет этническое самосознание. Древние греки называли этносом те племена, которые греками не являлись. Но для древнегреческого самосознания черты этноса не были главенствующими. Сегодня многие люди ощущают свое кровное родство со своим народом, но могут быть при этом разделены с ним. Так, русские люди в Крыму были отлучены от русской культуры, русского языка. Здесь возникает теоретический вопрос: содействует ли интеграция народа растворению этнических особенностей? На современном этапе мы видим, что стремление отдельных стран ассимилировать чужаков не увенчивается успехом, а, наоборот, рождает этническую солидарность.

Есть все основания полагать, что этничность как понятие выражает не столько очевидные, явные черты этноса, сколько внутреннее родство и метафорическое единство тех людей, которые в известной степени отлучены от этноса, не могут слиться с его основным характером. К этничности, судя по всему, можно отнести прежде всего символы групповой сплоченности, метафоры и знаки общей культуры. События на Украине хорошо раскрывают этот процесс. Он имеет не только социальный, но и символический аспект. Здесь с особой яркостью обнаруживает себя механизм идентичности. Существование этносов в чужой культуре стало переосмысливаться. Обнаружились исторические связи и параллели. Этничность выражает именно идею этнической идентичности, общности почвы и судьбы.

Преодоление прежних традиционных представлений об этносе стимулировалось не только политическими факторами. К концу 1970-х годов обнаружился кризис социального познания как метода эффективно-

го исследования новой реальности. Трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля утвердила представление об активном конституирующем характере сознания в процессах общественного взаимодействия. Социальный конструктивизм оказал огромное влияние на осмысление феномена этничности. Так называется социологическая и психологическая теория, изучающая процессы социопсихологического конструирования социальной реальности в человеческой активности. Социальная реальность и социальное взаимодействие индивидов рассматриваются как совокупность мыслей, идей и ценностей и не сводятся к материальным условиям.

В современной социальной философии подверглась критике концепция примордиализма. Представители этого направления рассматривали этнос как изначальное, неизменное объединение людей. Их «кровность» рождала убеждение в том, что каждый этнос имеет стабильные черты, по существу не подверженные преображению. Эти взгляды родились еще в античной философии и получили развитие в работах Э. Дюркгейма о групповой солидарности. Предполагалось, что разные народы в различные эпохи сохраняли собственное движение и особый облик.

Внутри примордиализма можно выделить два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое. Приверженцы социобиологии полагают, что этнос можно рассматривать как сообщество людей, имеющих общность биологических признаков, которые в ходе истории преобразуются в социальные. Приведем в качестве примера, как размышляет по этому поводу историк и политолог из «Горбачев-Фонда» В. Д. Соловей. Он полагает, что русскость — не культура, не религия, не язык, не самосознание. Этот феномен он оценивает как метафору крови в качестве носителя социальных инстинктов общественной активности.

«Социобиологическое направление представляет когнитивную модель объяснения этнического в терминах преимущественно биологического детерминизма, — отмечает Ю. В. Мухлынкина. — Этничность представляется своего рода изначальной (примордиальной) характеристикой человечества. Осознание групповой принадлежности как бы заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции. В крайнем варианте этого подхода этничность рассматривается как изначальный инстинктивный импульс, а этнические общества — как результат расширения кровнородственных связей (Поль ден Берг)¹.

Исследователи такой же подход усматривают в теории этносов Л. Н. Гумилева. Он полагает, что ошибочно считать этнос феноменом, который рожден социальными, лингвистическими, идеологическими или психологическими факторами. Этнос он уподобляет биологическому организму. Вместе с тем в учении Л. Н. Гумилева этнос относится все же к более высоким ступеням самоорганизации, чем те, что встреча-

¹ Мухлынкина Ю. В. Вариативность трактовок понятия «этничность» // Тенденции. Философские проблемы социально-гуманитарного знания. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2009. С. 86.

ются в природе. Это все же является сложной формой организации коллективной жизни людей. Самое главное в этносе — его способность осознавать свою самоидентичность и противопоставлять себя другим общностям.

По мнению русского философа С. Н. Булгакова, такая апелляция к крови является признаком расизма. Началу крови, по его мнению, должно быть отведено соответствующее место в учении о человеке, и прежде всего должна быть отмечена ложная и еретическая идея о том, что кровь есть единственное и всеопределяющее начало в человечестве¹. Расизм, по его мнению, с одинаковым негодованием отмечает как идею духовного персонализма с признанием самобытного духовного центра в каждом человеке, так и идею единого универсального всечеловечества.

Представители эволюционно-исторического направления полагают, что по своей сущности этнические признаки социальны. Они исходят, как правило, из определения, которое дал в свое время Ю. В. Бром-

лей: этнос — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также общим самосознанием, зафиксированным в самоназвании. Но ни один из этих признаков, как показала теоретическая критика, не является базовым. Можно назвать, к примеру, языковые, культурные, территориальные группы. Сложение этих признаков не рождает понятия «народ».

Приверженцы этих концепций (их можно назвать также культурным вариантом примордиализма) толкуют этничность как такое объединение, которое имеет постоянные социальные признаки. Перечень их значительно расширен: сюда входит территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и даже психический склад². Порой в качестве психологического признака обозначаются архетипные образования (Н. Глейзер, Д. Мойнихен). К этой тенденции можно отнести исследования К. Гирца, Г. де Воса, Л. Романуччи-Рос.

**В. Ю. Дунаев³,
В. А. Курганская⁴**

ПОНЯТИЕ НАЦИИ И СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Специалистами в области общественно-политической теории активно дискутируются две основные стратегии нациестроительства. Первая стратегия направлена на формирование единой нации из полиэтничного по своему составу социума на основе общности гражданства, под которой понимается не просто юридическая фиксация факта гражданской принадлежности, а высокий уровень гражданской самоидентифи-

кации представителей разных этнических групп. Такой подход получил название «гражданского национализма». В традиции «разумно-правового республиканизма», как отмечает Ю. Хабермас, «государствообразующий народ считается не какой-то дополнительной данностью, а продуктом общественного договора» [1, с. 241]. Хотя сам договор и является «разумно-правовой фикцией», но бремя социальной интеграции дифференцированного общества не может быть переложено на дополитический субстрат, то есть этнос.

¹ *Протоиерей Сергей Булгаков*. Христианство и еврейский вопрос. Р. : YMCA-press, 1991.

² *Тишков В. А.* Этничность // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2001. Т. 4. С. 483.

³ Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. индивидуальных и коллективных монографий: «Человек и социальное государство» (в соавт.), «Социальная политика: модели и стратегии» (в соавт.), «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Логическая структура и экзистенциальный смысл философской онтологии» (в соавт.), «Социоинженерные технологии в управлении трансформациями казахстанского социума» (в соавт.), «Социокультурное развитие Казахстана в условиях виртуализации информационно-коммуникативных практик» (в соавт.) и др.

⁴ Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч. индивидуальных и коллективных монографий: «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования», «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.), «Постиндустриальные тренды в стратегии инновационного развития Республики Казахстан» (в соавт.), «Управление рисками в сфере внутренней политики Республики Казахстан» (в соавт.), «Экология культуры в формировании современной картины мира» (в соавт.) и др.

Сторонники альтернативной стратегии национально-государственного строительства исходят из того, что построение единой («гражданской») нации в мультиэтническом социуме невозможно, поскольку этническая самоидентификация индивида будет всегда довлеть над его идентичностью с представителями иных этнических групп и потому — над его гражданской идентичностью: «...культурная и религиозная идентичность намного серьезней, фундаментальней и глубже, чем нормативы и коды гражданского общества» [2]. Этот подход получил название «этнокультурный национализм».

Между приверженцами этих двух моделей ведется борьба по целому ряду вопросов: гражданства, представительства этнических групп в органах власти, языковой проблемы и т. д. В теоретическом плане эта борьба сводится к проблеме разрешения противоречия между гражданским и этнокультурным пониманием нации. Точку зрения либерализма на эту проблему последовательно проводит Ю. Хабермас: «У нации два лица. В то время как нация граждан государства (продукт волевого стремления) является источником демо-

кратической легитимации, нация соотечественников (продукт природы) обеспечивает социальную интеграцию» [1, с. 211]. Причем в понимании Ю. Хабермаса это «двуличие» нации а) транзитивно и б) асимметрично. Во-первых, гражданское лицо нации, то есть политическая воля граждан, должно обладать собственной интегративной силой, обеспечивающей ценностный консенсус, взаимное признание этнокультурных форм жизни, как и нация соотечественников должна служить опорой конституционному порядку, порождая своеобразный «конституционный патриотизм». Во-вторых, амбивалентность остается относительно безопасной, пока космополитическое понимание сохраняет первенство над этноцентрическим, пока «реальная (!) нация граждан» сохраняет превосходство над «воображаемой (!) нацией соотечественников».

За гражданской и этнокультурной концепциями нации, их политическими импликациями и вытекающими из них различиями стратегий национально-государственного строительства лежат принципиальные различия в понимании социальной онтологии и методологии социального познания, а также различия в системах политических ценностей. Концепция гражданской нации соотносится с конструктивистской парадигмой и политической идеологией либерализма, этнокультурная концепция — с примордиалистским подходом и консервативной идеологией. Но если дело обстоит именно таким образом, то в задаче объединения гражданской и этнокультурной моделей в стратегиях достижения межнационального согласия имплицирована проблема интеграции двух принципиально различных типов онтологии и семантики социально-политической реальности. На этом обстоятельстве необходимо заострить внимание.

К духовно-онтологическим основам формирования и устойчивого развития национально-государственных образований относится согласие членов общества относительно институционализированных в политико-правовой системе государства нормативно-ценностных параметров социальных взаимодействий. Важнейшими структурными компонентами общественного согласия являются гражданский и межнациональный виды согласия. Обращаясь к онтологическим импликациям семантики слова «согласие», нужно отметить, что в русском языке оно имеет несколько смысловых оттенков, среди которых выделим два основных для нашей темы.

Во-первых, согласие может означать артикулированную, ясно выраженную идентичность (сходство, частичное совпадение) позиций субъектов в интерпретации и оценке каких-то вещей, событий, идей, символов и т. д. Согласие в этом случае имеет смысл, выражаемый словосочетанием: «Стороны пришли к согласию». Если я согласен с кем-то, то всегда относительно чего-то, то есть согласие не предпослано, но устанавливается (или не устанавливается) в результате сопоставления взглядов, мировоззрений и т. д. В таком понимании слова «согласие» межнациональное согласие достигается через институты гражданского общества на основе процесса взаимного согласования позиций, нахождения компромиссов и тому

подобного с использованием разного рода переговорных социальных технологий и механизмов политического согласования дифференцированных интересов этнических групп.

Во-вторых, согласие может пониматься как некая сплоченность, солидарность, коллективная тождественность. Этот оттенок слова содержится в словосочетании «мир и согласие». Согласие в этом социально-психологическом плане имеет смысл непосредственно доступной теплой человеческой связи, аморфного и неартикулируемого взаимного понимания, устанавливающегося поверх каких-либо институциональных форм. На это обстоятельство обращал внимание М. К. Мамардашвили: «Мы погружены в непосредственную человечность и часто не способны разорвать *связь понимания*. Мы как бы компенсируем взаимным пониманием и человеческим обогревом неразвитость нашей социальной гражданской жизни» [3, с. 9]. Однако справедливость проводимого М. К. Мамардашвили противопоставления вызывает обоснованные сомнения. Связь понимания — это и есть тот самый «фоновый субстанциальный консенсус относительно основополагающих моральных норм» [1, с. 108], которым в равной мере обусловлены как структуры непосредственной социальности традиционных обществ, так и аутопойезис (У. Матурана, Н. Луман) современных сложно дифференцированных социальных систем с их мировоззренческим плюрализмом и декодифицированной моралью.

Если обратиться к первому смыслу слова «согласие», то очевидно, что главная роль в достижении общегражданского и межнационального согласия должна быть отведена разуму, дискурсии, способности рационального мышления. Именно в таком контексте развивается Ю. Хабермас теорию делиберативной демократии, опираясь на предложенную И. Кантом процедуралистскую концепцию «публичного употребления разума». В публичном дискурсе частные интересы и мотивы должны иметь возможность обрести форму intersубъективно признанных норм и ценностей, которые могут быть приняты всеми участниками. Достигнутое в ходе такой дискуссии решение, будучи легитимным и рациональным, остается вместе с тем социально-ситуационным — открытым для пересмотра в свете новой информации и новых аргументов.

С одной стороны, для того чтобы не рвалась сеть гражданской солидарности и достигалось разумное согласие чуждых друг другу людей, в современном правовом государстве «предварительный, обеспеченный культурной гомогенностью фоновый консенсус не нужен» [1, с. 243]. С другой стороны, согласие как сознательно сконструированный консенсус или компромисс, достигнутый в результате применения процедур рационального сопоставления позиций и аргументов, предполагает в качестве своего условия молчаливое согласие относительно субстанциального основания социальной коммуникации. Нравственное признание «другого» становится не только результатом, но и условием коммуникации. Ю. Хабермас отмечает: в традиционных обществах нравственные нормы считались онтологическими элементами картины мира, объективного порядка вещей. Но и после обесценивания метафизиче-

ческих объяснений и конфессиональных догм как решающих аргументов в публичном дискурсе «граждане молчаливо допускают в отношении друг друга обладание моральным сознанием или чувством справедливости, проникающим сквозь мировоззренческие границы, научаясь в то же время с терпимостью относиться к мировоззренческим различиям как к источнику разумных разногласий» [1, с. 162–163]. На таком молчаливом, то есть рационально не артикулированном, априорном, дорефлексивном и тому подобном допуске *интерсубъективно разделяемого контекста возможного взаимопонимания* основана возможность приведения противоречивых групповых интересов к общему знаменателю посредством публичного обсуждения социальных, политических, экономических и тому подобных проблем.

«Делиберативная демократия является наследницей той традиции в истолковании политики, которая была заложена Аристотелем: политика должна быть свободным от принуждения и предрассудков взаимодействием равных граждан, которые, взаимно формируя и просвещая друг друга, обретают в этом общении знание, позволяющее им выработать решения относительно совместной жизни» [4, с. 45]. Но это наследие преобразуется прежде всего в том отношении, что добываемые в публичном применении разума знания и соглашения, представляя собой рациональную конструкцию, вместе с тем не претендуют на истинность, онтологическую релевантность. Н. Луман отмечает: в современной демократии «политика более не легитимизируется истинной» [5, с. 91]. А. С. Панарин в унисон с ним утверждает: «Демократический разум прямо-таки обязывает быть онтологически поверхностным» [6, с. 145].

Онтологическая поверхность делиберативной модели демократии обусловлена тем, что в рационально конструируемом пространстве публичного политического диалога исчезает духовная основа диалогического отношения. Неограниченный дискурс свободных и равных граждан основывается не на глубинном общении, в которое вовлекается духовное средоточие личности, но на добродетели терпения, толерантности.

Быть может, онтологическая глубина оснований межнационального согласия раскрывается в рамках второй из отмеченных выше семантических возможностей интерпретации термина «согласие»? Внутренняя, происходящая вне формальных опосредствований согласованность наших установок квалифицируется М. К. Мамардашвили как варварское, архаическое состояние в мире, предполагающем сложную артикуляцию опосредствований и формализаций социальной и гражданской жизни. Этот «человеческий, слишком человеческий мир», просачиваясь в социально-экономические и политические структуры, создает в них анклавы неинституционализированных практик. Тем самым сужается пространство формирования гражданской нации как субъекта социальной демократии, а потому и субъекта подлинно национального суверенитета. «Для меня национальное освобождение, — категорически заявлял М. К. Мамардашвили, — это форма, ведущая к рождению гражданского общества» [7, с. 347].

Но может ли, с другой стороны, формальное право компенсировать этот разрыв связи понимания? Если

поэтика солидарности, «над которой грешно смеяться» (Б. В. Марков), уступает циничной прозе рыночных отношений, то духовно-нравственные основы гражданского единства и межнационального согласия вытесняются из институтов макросоциального мира и локализируются в сфере внеюридических межличностных отношений, на задворках социального порядка.

Духовно-нравственные ценности и нормы являются имманентной структурой функционирования системы социальных взаимодействий, формирования и удовлетворения базовых социальных потребностей членов социальной общности любого типа — семьи, племени, рода, нации, государства. В то же время принцип структурирования социально-политического пространства посредством соглашения, договора действителен и в наиболее архаических обществах. К. Леви-Стросс на основе полевых наблюдений над индейцами племени *намбиквара* приходит к выводу о том, что принятие окончательного решения определяется через зондирование общественного мнения: «Согласие является источником власти, и оно же закрепляет ее правомочность» [8, с. 401], а также налагает на нее ограничения. «Договор» и «соглашение» являются первичными элементами общественной жизни, и нет такой политической организации, подчеркивает К. Леви-Стросс, в которой бы они ни существовали.

Таким образом, односторонняя ориентация как на рационально-дискурсивные, так и на бессознательно-архетипические формы структурирования социальных взаимодействий ведет в теоретические тупики. Нация существует в двух основных модальностях: как гражданская нация (политико-правовой субъект государственности) и как этнонация (культурно-исторический субъект). Онтологически доброкачественные отношения между этими модальностями строятся не на началах субординации, а на принципе синергетического взаимодействия. Последовательное проведение этого принципа должно быть положено в основу построения концептуальных моделей и разработки стратегии национально-государственного строительства.

Литература

1. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. — СПб.: Наука, 2001.
2. Дугин А. Геополитика постмодерна: интервью информационно-аналитическому portalу «ОПЕС.RU», 8 ноября 2005 г. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://royallib.com/book/dugin_aleksandr/geopolitika_postmoderna.html
3. Мамардашвили М. К. Проблема человека в философии / М. К. Мамардашвили // о человеческом в человеке. — М.: Политиздат, 1991.
4. Бусова Н. А. Делиберативная модель демократии и политика интересов / Н. А. Бусова // Вопросы философии. — 2002. — № 5.
5. Луман Н. Власть / Н. Луман. — М.: Практикс, 2001.
6. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. — М.: Алгоритм, 2003.
7. Мамардашвили М. К. Жизнь шпиона / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 1992.
8. Леви-Стросс К. Печальные тропики / К. Леви-Стросс. — Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1999.

О. П. Зубец¹

ВНЕНАЦИОНАЛЬНОСТЬ МОРАЛИ

В философской этике, понимающей мораль как субъектное бытие человека в качестве единственного и абсолютного автора индивидуально-ответственного поступка, нет и в сущности не может быть понятия нации и национальности. Мораль возникает как выражение разрушения слитости не только человека с природой, но и индивида с социумом (племенем, группой любого рода): она есть ответ на тот исторический сдвиг, когда человек перестает быть только природным и социальным существом. Философское осмысление *самого себя* как самодостаточного (свободного от природной, социальной или какой-либо иной необходимости) привело к пониманию морали как способа бытия человека, который выражается в полагании себя абсолютным началом поступка.

Эта идея стала сердцевинной морали и основой философской этики. Очевидно, что в таком случае в морали человек поступает не от имени группы, а, наоборот, исключительно от собственного имени, порывая с какими-либо групповыми детерминантами своего решения о поступке. Он поступает от имени самого себя, как «я», причем в качестве абсолютного начала поступка это «я» бескачественно, то есть лишено физических или социокультурных свойств, в том числе и национальности, и принадлежности к нации. В морали «я» поступает не как русский, англичанин или еврей и не как гражданин какой-либо страны. В то же время мораль, видимо, нельзя признать и космополитичной, так как она задает свой миропорядок, свой космос, не преодолевающий национальные границы, не отрицающий национальные различия, а лишаящий их какого-либо бытийного основания. В обществе существуют и иные явления, пытающиеся уничтожить национальное начало: к ним можно отнести аристократизм и аристократию, в своей эмпирической жизни и сфере ценностей существующую поверх (или вне) национальных границ. Поверх и помимо национального существуют наука и некоторые религии, для которых «нет ни эллина, ни иудея».

Моральный поступок является самодостаточным, то есть его цель не может лежать вне его самого. Так, мужественный поступок мужествен сам по себе, а не в силу того, что он совершен ради чего-то или кого-то: ради Родины, человечества или любимого человека. Есть ли моральное различие в мужестве поступков, защищающих свой народ или чужой народ? Видимо, нет. Каков тогда тот поступок, который именно в своей самодостаточности выражает добродетель патриотизма (как любви и привязанности к Родине)? Почему индивидуальная половая любовь, значение которой в человеческой жизни огромно, тем не ме-

нее не сочетается с какой-либо ценностно-нормативной идеей или добродетелью, подобной патриотизму? Не свидетельствует ли это о том, что патриотизм, провозглашаемый ценностью, лишь выражает конкретный интерес сообщества?

Субъектом морали может быть лишь индивид, человек в его единственности (даже понятие личности оказывается в данном случае неприемлемым в силу того, что основано на индивидуализации сочетания социально-психологических черт и характеристик), соответственно нация или какая-то иная социально-культурная группа не может быть субъектом морального поступка (об этом в дискуссии о философской этике говорит А. А. Гусейнов). Но и апелляция к патриотизму как основанию поступка означала бы принятие некоего сообщества, его бытия в качестве цели поступка. Но в пространстве морали я поступаю не как принадлежащий некоторому сообществу, а как принципиально не принадлежащий ему. Сам язык отвергает возможность дать морали национальное определение: не существует русской, таджикской или еврейской морали. Существуют национальные *нравы* (они составляют важную часть культуры), но нет национальной *морали*: решение принимается лишенным не только национальности, но и возраста, и пола, и профессии, и характера, и какой-либо еще качественной определенности субъектом. Для взгляда извне не есть *ничто*, но он есть *все* в оптике собственного субъектного ответственного взгляда. Поэтому философски оправданно задать вопрос, что есть национальность именно в последней инстанции, то есть за что моральный человек несет ответственность². Иными словами: может ли национальность быть поступком, включена ли она в пространство морали как поступок, может ли моральный поступок иметь национальный смысл именно в своей моральности? Мне видится лишь негативный ответ.

К патриотизму чаще всего апеллируют, когда хотят, чтобы человек совершил нечто, что он ни за что не совершил бы, если бы был абсолютным началом мира и поступка: когда хотят, чтобы он убивал или лгал. Патриотизм является такой же внеположенной самодостаточности поступка идеей, как и всякая иная идея блага той или иной группы или человечества в целом. Ведь и преступления нацистов совершались «ради общего блага», в первую очередь ради блага их нации, соплеменников. Собственно, мораль как воплощение самодостаточности и абсолютности человека в качестве субъекта подменяется в идее патриотизма социальностью человека, его принадлежностью к разнообразным социальным сообществам.

¹ Старший научный сотрудник Сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Мораль: разнообразие понятий и смыслов», «Предпочтение жизни самого себя», «Об одном месте из “Никомаховой этики”», «От дискуссии о лжи к молчанию о Холокосте», «Ложь как самоустранение», «Аристократизм как основание поступания», «Динамика нравственной жизни. Ценностное сознание и социальное время» и др.

² Перекликающиеся с этим идеи выражены в статье «Патриотизм» И. Примораца, допускающего в пространство морали лишь так называемый этический патриотизм, суть которого в заботе о моральной идентичности собственной нации, важной для моральной идентичности данного индивида. См.: *Primoratz I. Patriotism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. E. N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>*

Я являюсь человеком морали не в силу своей национальной принадлежности, а вопреки ей, вне ее. В силу этого никакая нация не может приписывать себе какие-либо моральные добродетели, претендовать на приоритет в сфере морали: в пространстве морали наций не существует.

Общности людей историчны: в перспективе разрушения государственных границ и национальных ограничений и нация, видимо, будет заменена новой формой человеческого общежития. Уже сейчас, например, в сфере Интернета социальные черты индивида утрачивают прежние формы, возникают новые эмпирические облики. Если субъект считает нацию выражением самого себя, своего мировоззрения, то он, не отказавшись от своей субъектности, не может положить границу этой нации в мире людей и с необходимостью расширит ее до человечества и даже мира в целом, уничтожив таким образом смысл самого понятия нации.

В пространстве морали, для которой центральным является отношение человека с самим собой, идея патриотизма приобретает специфический смысл. Любовь к семье, родителям, роду в Античности, то есть в период генезиса морали и ее философского осмысления-задания, принадлежит к сфере природного существования, к миру необходимости, связанному с удовлетворением основных потребностей человека. Домовладению, домохозяйству противостоит полис как пространство свободного общения граждан: именно полис есть пространство морали. В философской этике полис осмысливается как форма существования в мире морального индивида, поэтому отношение с ним есть форма отношения человека с самим собой. В таком смысловом поле этическое понимание патриотизма становится возможным лишь как понимание любви человека к самому себе и его верности собственной развернутости в мир. Иными словами, моральный индивид относится к себе как к началу мира, его любовь-дружба с собой есть воплощение и образец любой иной любви-дружбы: он в этом смысле предельное воплощение патриотизма, так как сам является собственной родиной и всегда и всюду несет ее с собой. (Отдаленной иллюстрацией этой идеи может служить наблюдение Честертона о том, что Англия находится в любом месте, где находится англичанин.) Идея нации, возникающая в Новое время, опирается на разросшееся до границ государства домохозяйство: в силу этого она генеалогически есть постороннее, чуждое морали пространство.

По замечанию Н. Бердяева, национальное импонирует своей глубокой укорененностью в длительную жизнь. Мораль в своем генезисе связана со стремлением человека к бессмертию, но она открывает такую возможность не через принадлежность к более длительно существующему сообществу, а через отвержение временности через вневременность поступка, совершаемого навсегда. Бессмертность человеческого дела была бы сомнительной, если бы обеспечивалась памятью сограждан или единоплеменников.

Если патриотизм понимать как любовь к своему (а именно так его понимает ряд мыслителей, относящихся к патриотизму в лучшем случае иронически),

то в этическом ключе он оказывается как раз некоторым исходным, первичным отношением, из которого уже вырастает отношение с миром и собственно сам этот мир. Аристотель разворачивает дружбу с Другим и сам полис из дружбы человека с самим собой. Можно было бы предположить, что именно из привязанности к самому себе рождается то, что называется патриотизмом. В моральном смысле привязанность к себе означает полагание себя началом и ответственным (что одно и то же): патриотизм, таким образом, означает собственную ответственность за те поступки, которые совершают другие. Ответственность русского за то, что совершают русские, армянина — за совершаемое армянами. Но такая идея не выдерживает критики в силу того, что в моральной ответственности не могут быть помыслены не только национальные, но и какие-либо другие границы: ответственность неизбежно распространяется на все человечество. Так что и такая попытка найти национальному месту в морали оборачивается провалом.

Вывод о том, что понятие патриотизма является внеэтическим, а патриотизм как ценность не находит места в пространстве морали, оставляет им право на существование в качестве внеморальных: как явления социальной жизни, выражения социального интереса, ценности культуры и т. п. Человек многокачествен: мораль ни в коем случае не лишает его этого богатства, но лишь задает основу, возможность присваивать себе мир и самого себя и нести ответственность за многообразие своего существования и саму бытийственность.

Если даже принять идею патриотизма как утверждение человека в его национальном качестве, в его привязанности к национальному началу, родственности и тому подобном как если не моральную, то не чуждую морали, то превращение этой идеи в провозглашаемую государством или обществом ценность, ее идеологизация крайне обостряют отношения этой идеи с моралью и философией. (Печальным примером может служить учебник по школьному курсу «Светская этика», в котором мораль, ориентированная на патриотизм, сводится к абсолютному послушанию.) Не случайно патриотизма нет в перечне моральных добродетелей не только в Античности, если ориентироваться на Аристотеля, и среди основополагающих христианских добродетелей, но и гораздо позже, когда идея нации становится центральной для идеологии. Философы, в том числе этики (за редким исключением, если вспомнить Фихте), не интересовались понятием патриотизма вплоть до середины прошлого века, когда к нему обратились Э. Олденквист и А. Макинтайр.

Последний в лекции «Является ли патриотизм добродетелью?»¹ считает патриотизм важнейшей моральной добродетелью в силу того, что мораль всегда есть мораль определенного сообщества и «Я могу быть моральным субъектом (agent) потому, что Мы являемся моральными субъектами». Данное утверждение предельно симптоматично: патриотизм обретает значение моральной ценности и добродетели исклю-

¹ MacIntyre A. Is Patriotism a Virtue? (The Lindley Lecture). Lawrence: University of Kansas, 1984.

чительно при допущении множественности моральных субъектов и (или) человеческого сообщества как морального субъекта (если не понимать это суждение как банальное утверждение социальности человека). А. Олденквист находит место патриотизму в морали, понимаемой как лояльность, верность сообществу. Эти теоретические обоснования патриотизма как морального и философско-этического понятия очень симпто-

матичны и свидетельствуют лишь о том, что в рамках философской этики понятие патриотизма не может найти позитивного смысла и места, хотя это не отменяет его локализованности в различных областях моралеведения.

В идее философской этики, тождественной видению субъекта морали, мир есть *мой* мир — и в национальном, и в общечеловеческом обличье.

С. Н. Иконникова¹

МЕНТАЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР: КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Ментальность и национальный характер относятся к числу наиболее дискуссионных проблем широкого спектра гуманитарных наук. Дискуссии относительно исторического образа народа, стиля отношений с другими народами, почитания уникальных памятников и событий, использования языка как средства межкультурного взаимодействия и другие проблемы находятся в центре внимания специалистов по социологии, этнологии, культурной антропологии, культурологии. Научное обоснование соотношения понятий «этнос», «народ», «национальность» содержит немало противоречий и требует согласования.

Глобализация культуры, опасения утраты самобытных черт и достоинств этнического и национального облика усиливают интерес к реконструкции национального характера и ментальности. К числу традиционных проблем прибавились новые: необходимость анализа взаимоотношений в коллективах транснациональных производственных и торговых предприятий; особого внимания требует международная трудовая миграция в российских мегаполисах; студенческие обмены в системе высшего образования; организация международного туризма; виртуальные сети массовой коммуникации; международные спортивные состязания и фестивали искусств.

Рассматривая эти проблемы в культурологическом измерении, можно назвать ряд вопросов для обсуждения:

- как соотносятся понятия «ментальность» и «национальный характер»;
- какие черты сознания и поведения являются базовыми, составляют кристаллическое ядро национального характера и ментальности;
- какие исторические события ведут к коренному изменению и даже утрате национального характера;

— какие черты ментальности подвержены переменам и в чем заключается «матрица ментальности»;

— создает ли глобализация тип человека «всемирной ментальности» и в чем его достоинства и утраты.

Ряд вопросов можно продолжить и задать другие вопросы, относящиеся к постановке и поиску решения сложной социальной и культурной проблемы.

Национальный характер выражает наиболее устойчивые черты сознания и поведения народа в различных исторически сложившихся обстоятельствах.

Именно поэтому национальный характер используется для описания портрета конкретного народа: русских или испанцев, французов или англичан. Но подобное описание дает представление о наиболее общих свойствах и привычках человека, типичных чертах антропологического внешнего облика, способах и формах поведения в различных ситуациях общения. Особенности национального характера закреплены в распространенных привычках, типичных формах поведения, отношениях между поколениями, мужчиной и женщиной, начальником и подчиненным и в других формах. Они проявляются в процессе повседневного поведения и влияют на формирование стереотипа о характере народа, создают ситуацию ожидания от встречи с представителем иного этноса. В определенном смысле знание национального характера формирует установку на предстоящие контакты: радость встречи или настороженность, тревогу и опасения. Именно поэтому важно достоверное описание черт национального характера, влияющее на отношения между народами. Это тем более важно, что в национальном характере закрепляются черты далекого прошлого, но они в силу инертности повторяются в этнических особенностях сознания и поведения. Именно эти черты создают мифы о национальных привычках и склонностях поведения народа в современных условиях².

Образы нации нередко не совпадают с индивидуальным обликом конкретного человека, так же как общие черты городской жизни отличаются от облика конкретного горожанина. Национальный характер имеет различные грани сочетания общего, особенного и единичного.

Возникшие стереотипы представлений о национальном характере содержат немало предрассудков,

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ», «Диалог о культуре», «История культурологических теорий», «Контур исторической культурологии», «Философские основы развития культурологии», «Хронотоп культуры как основа диалога поколений», «Энергия творчества и обаяние личности», «Гармония “цветущей сложности” — союз этики и эстетики», «Теория культуры» и др. Президент Санкт-Петербургского культурологического общества. Лауреат премии Ленинского комсомола. Награждена орденом «Знак Почета».

² Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2006. С. 17.

предубеждений, мифов и легенд, которые влияют на отношения между народами, вызывают иронию, недоверие, иногда презрение и вражду. Стереотипы суждений о национальном характере передаются от поколения к поколению, распространяются в массовом сознании, вызывают негативные эмоции, столкновения, конфликты, состояние группового безумия и слепоты. Именно поэтому важно проводить исследования и уметь предотвращать подобные ситуации, содействовать формированию взаимного уважения и понимания в отношениях между народами.

Национальный характер выражает исторически сложившиеся психологические и культурные черты сознания и поведения народа, интеллектуальные и эмоциональные особенности: любовь к природе и своему краю, распорядок семейных обязанностей и особенности отношений между родными и близкими, детством и старостью; почитание мужчин и женщин; ценность труда и различных профессий; отношение к религии и светской власти; нормы повседневного распорядка жизни и ритуалы религиозных и светских праздников. Национальный характер воплощается и проявляется в мифологии и фольклоре, пословицах и поговорках, загадках и анекдотах, символах и образах, сказаниях и легендах, песнях и танцах, прикладном народном творчестве, национальной художественной литературе и искусстве, религиозных заповедях и нормах.

В описании национального характера все его проявления наделяются определенным историческим и культурным смыслом. Особого внимания заслуживает антропологический облик человека, принадлежность к определенному этносу. Эти особенности отражаются в таком жанре искусства, как портрет, в узнаваемости родословных черт родных и дальних членов семейного клана.

В последние годы стали популярными обращение к семейной родословной, составление генеалогического древа с упоминанием родных мест, основных занятий и достоинств его представителей, сохранение фотографий.

Антропологический тип и внешний облик личности, символика жестов и интонаций, мимическое выражение радости и печали, дистанции общения и ритмы беседы, формы гостеприимства и кулинарные особенности повседневного и праздничного застолья, особенности обычной и праздничной одежды, убранство дома и всего места обитания — все это находит отражение в национальном характере, содержит модели сходства и различия. Национальный характер — своеобразный эскиз к портрету этнической общности, в котором органично сочетаются индивидуальные черты и массовые формы образа мысли и поведения человека.

Российская культура и цивилизация имеют тысячелетнюю историю, на протяжении которой произошло немало перемен. Русский народ располагает огромным историческим опытом социальной и культурной устойчивости, успешного освоения новых экономических, политических и культурных факторов создания новой системы. Динамика социального развития России характеризуется национальной устойчивостью, сохранением основных ценностей национального характера

и русской идентичности, ментальности и самосознания. Известный философ Николай Бердяев писал: «В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию»¹.

Несмотря на исторические перемены и социальные трансформации, Россия остается страной старой культуры, сохраняющей общий облик и национальный тип, духовные ценности православия, любви к природе, открытости и сочувствия другим народам, богатство русского языка.

Для русского народа характерно совмещение язычества и православия, многообразия восточных и западных культурных ценностей, природной стихийности, христианского аскетизма, послушания и бунтарства, трудолюбия и лени, сострадания и соборности. Однако устойчивость российской культуры сопровождается исторической изменчивостью, возникновением новых форм и отношений, ценностей и символов.

Идею трансформации российского национального характера под влиянием Октябрьской революции высказал русский философ Г. П. Федотов: «Каждая нация, проходя через революционные катастрофы, меняет свое лицо, создавая новый культурный тип, непохожий на своих предков. Но означает ли это “новое лицо”, что навсегда утрачены черты национального характера, что исчезла “русскость”, отличающая данный народ от других народов»².

Размышляя о национальном характере русского народа, Г. П. Федотов предлагал проникнуть в таинственную глубину истории славянства, попытаться обнаружить основное ядро русской души. Эти древние пласты «русскости» он называл «подземной галереей славянской Психеи», состоящей из трех уровней. Первый пласт связан с почитанием природной стихии матери-земли, без которой человек утрачивает жизненные силы. Второй слой образуют православная вера, стремление к общности и соборности. Третий слой связан с «удельно-вечевым периодом» бунтарства и непокорности, склонности к кутежам и разгулу, веселью и безалаберному артистизму русской души.

Исторический подход к проблеме описания черт национального характера позволяет увидеть немало новых культурных пластов. Сохраняя основное ядро в национальном характере, возникают временные отклонения. Революция устранила авторитет и преимущества прежних культурных слоев — аристократии, дворянства, чиновничества, духовенства. Возникает новый тип национального характера, который Г. П. Федотов называет «европоамериканским». В нем преобладают прагматические установки, стремление овладеть техникой, деловитость, образованность, интерес к спорту (в частности, к парашютному), популярность воинской службы. Г. П. Федотов называет эти изменения в национальном характере «рационализацией русского сознания», романтической верой в политические идеалы и перспективы новой жизни.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7.

² Федотов Г. П. Судьба и грехи России : в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 163.

Современная Россия переживает переходный период. Изменились общественный строй, политические структуры власти, экономические основы общества. Прошлое называют «советскими временами». Современное общество именуют по-разному: информационное, сетевое, открытое, предпринимательское, рыночных отношений. Социальные процессы определяются глобализацией, модернизацией, трансформацией.

Эпоха перемен — особое состояние социальной и духовной жизни общества, характеризующееся как позитивными, так и негативными чертами и особенностями, надеждами и разочарованиями, предчувствием катастроф и ностальгией по прежним временам. Постепенно или стремительно отмирают старые социальные институты и структуры, создается фундамент для нового строя, конструируется новый порядок. Распространение новых технологий, средств массовой информации, свобода слова и творчества, потребительское изобилие и приватизация, развитие туризма свидетельствуют о позитивных переменах. Однако неравенство уровня жизни, социальное расслоение, распространение коррупции и преступности, снижение уровня образования, примитивность культурных интересов, вандализм вызывают всеобщее недовольство, обуславливают «социальную травму» в национальном характере и типе ментальности. Современную культуру часто называют «другой».

Мир культуры представляют как «открытое произведение»: пространство неограниченных возможностей и стилей, когда нет центра и периферии, много дорог и перекрестков, когда элитарное становится массовым, общее — индивидуальным, бесплатное — ком-

мерческим, трагическое переходит в комическое. Современная культура стремительно впитывает разные стили и ценности, соединяя Восток и Запад, сближая Север и Юг. Пространственное поле культуры постоянно меняет свои очертания. На поверхности культурного ландшафта различают мозаику событий, когда правое становится левым, трагическое переходит в комическое, праздничное — в повседневное. Современная культура стремительно впитывает разные стили и направления, архаичные ценности и практики, смешивая восточные мотивы и западные традиции.

Все эти перемены отражаются в ментальности и национальном характере современного человека. Ментальность и национальный характер связаны, но имеют различия. Ментальность характеризует образ мысли, мировосприятие, отношение к окружающей жизни. В ней содержатся символические образы и смыслы культуры, которые отражаются в самосознании и оценке действительности. Ментальность как способ самопознания выражает определенное унастроение в отношении к исторической и современной жизни, прошлому, настоящему и будущему; оптимизм или пессимизм; надежды и опасения; предчувствия и прогнозы. Ментальность образует менталитет социальной группы — этноса, семьи, профессии, поколения и иных общностей. Это форма индивидуального и группового сознания, представления о сущности жизни, культурном пространстве и времени, отношениях между поколениями, ценностями труда и досуга, смысла жизни и радости общения. В ментальности отражаются представления об истории народа, его достоинствах и недостатках, религиозных верованиях и культурных символах.

Е. А. Кайсаров¹

ХРИСТИАНСКО-ВИЗАНТИЙСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ РУСИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА ИЛИ СУДЬБОНОСНЫЙ ВЫБОР?

В октябре 1836 года петербургское общество, начиная с литераторов, духовенства и кончая вельможами и модными дамами, было взбудоражено опубликованной в № 15 (Т. 24) журнала «Телескоп» статьей П. Я. Чаадаева под заглавием «Философические письма к госпоже***. Письмо первое». Впечатление общества от статьи передает письмо Софьи Карамзиной своему брату, в котором, в частности, указывается: «Преимущества католицизма перед греческим исповеданием, источником, как он говорит, всяческого зла и варварства в России, стеной воздвигнутой между Россией и цивилизацией, — исповеданием, принесенным из Византии со всей ее испорченностью и т. д. Он добавляет разные хорошенькие штучки о России,

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 90 научных и учебных публикаций, в т. ч. учебных пособий «Культурология», «История культуры и искусства», мультимедийных учебников «История культуры Петербурга. XVIII век», «История культуры Петербурга. Пушкинский Петербург» и др.

“стране несчастной, без прошлого, настоящего и будущего”, стране, в которой нет ни одной мыслящей головы, стране без истории... Это письмо вызвало всеобщее удивление и негодование»².

Статья П. Я. Чаадаева положила начало острой дискуссии о роли православной церкви в развитии самосознания русского народа, влиянии христианско-православного начала на историческую судьбу Российского государства, которая с разной степенью интенсивности и напряженности продолжается по сей день.

В условиях новой исторической реальности осмысление русской национально-культурной идентичности ставит ряд важных проблем научно-исследовательского характера, решение которых неотделимо от объективного понимания истоков возникновения нации, природы этого явления, принципов и процессов ее образования и развития. Обращение к христианско-визан-

² Блистательный Санкт-Петербург. М., 2002. С. 531.

тийским корням русской цивилизации имеет при этом принципиальное значение.

Одной из предпосылок исторического выбора Древней Руси является ее геополитическое положение; нахождение между Западом и Востоком. Был выбран западный вариант религии — христианство, но в восточной форме. Перекрестное влияние различных цивилизаций было плодотворным для культуры русского народа, но и обуславливало критические моменты русской истории и реальную угрозу раскола нации.

Преимущественную обращенность Руси на юго-восток предопределил географический фактор: нахождение между лесами и болотами северо-запада и бескрайним открытым пространством юго-востока. Основной обмен культурными ценностями и людьми на протяжении веков шел в южном и северном направлениях, следуя течением рек Восточно-Европейской равнины, соединявшей разбросанные поселения восточнославянских племен. Христианство стало проникать на Русь именно по этому пути — с юга, из Византии, задолго до того, как оно утвердилось на севере.

К военно-политическим факторам принятия христианства в православной форме можно отнести то, что главная военная угроза для Древней Руси исходила именно с юго-востока, со стороны диких степных кочевников; поэтому установление контроля над степью стало для Руси главной неукоснительной задачей, от решения которой зависела ее судьба как государства и нации.

Вектор древнерусских интересов (идейных, торгово-экономических и внешнеэкономических) показывал именно на юг и восток. Даже для людей Запада Византия была источником богатств, ибо оттуда поступали самые ценные товары ее собственного или чужеземного производства: роскошные ткани (шелк, секрет которого она получила от Китая в VI в.), золотые монеты (которые на Западе называли безантом, это доллар Средневековья) и др. Какую зависть пробуждали эти богатства! Западные хронисты оставили восхищенное описание Константинополя. Для латинян, которые вели убогую жизнь в примитивных и жалких местечках (западные «города» насчитывали лишь несколько тысяч жителей, и городская цивилизация была там неизвестна), Константинополь с его миллионным населением, монументами и лавками был откровением: «Сколь благороден и прекрасен Константинополь! Сколько в нем монастырей и дворцов, построенных с изумительным искусством! Сколько удивительных изделий выставлено на его площадях и улицах! Было бы слишком долго и докучно говорить подробно об изобилии всевозможных богатств, о золоте, серебре, тысяче видов тканей, святых реликвиях, которые находятся в этом городе, куда во всякое время многочисленные корабли привозят все, что необходимо людям...»¹

Все основные контакты Русь установила с Византией — наиболее экономически развитой, культурной и сильной в военно-политическом отношении. Ее отличие от все еще полуварварской Европы было разительным. Недаром летописец вложил в уста послов,

побывавших на латинском богослужении, такие слова: «И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой».

Владимиру предстояло решить сложную политическую задачу — принять христианство от Византии и не попасть к ней в зависимость. Византия стремилась окрещенные через нее страны поставить под свой политический контроль через подчинение Константинопольской патриархии вновь образованных церквей. Решение об избрании христианства в качестве новой государственной религии Руси было принято Владимиром примерно в 987 году. В это время византийскому императору срочно понадобилось получить от Руси военную помощь. Для Василия II это был вопрос жизни и смерти: в стране одновременно вспыхнули два больших восстания против правящей династии. Киевский князь согласился направить в распоряжение императора отряд численностью 6 тыс. воинов в обмен на обещание выдать за него замуж сестру Василия II принцессу Анну. В результате этого брака европейский монарх впервые становился юридически равен византийскому императору.

Принцесса Анна родила Владимиру двух сыновей — Бориса и Глеба, которые после смерти отца были убиты вступившим на престол князем Святополком, стремившимся избавиться от соперников — претендентов на киевский трон. Борис и Глеб, сыновья порфиросной принцессы Анны, были объявлены православной церковью первыми русскими святыми мучениками.

Юго-восточное направление социокультурной ориентации Руси было вызвано не только социально-практическими интересами (геополитическими, экономическими, государственно-политическими). За этой ориентацией стояла духовная доминанта, предвосхищающая соответствующие социально-практические цели и стремления и предопределяющая выбор религиозно-культурной традиции народом и страной. Эта духовная доминанта, подтолкнувшая Русь к выбору восточного христианства (будущего православия), была обусловлена менталитетом русской культуры, нашедшим свое воплощение в восточнославянской мифологии, культурных традициях, массовой психологии, хозяйственном укладе и образе жизни. Так, древнерусскому язычеству с его политеизмом была близка идея триединого бога. Для сравнения можно назвать существовавшее у восточных славян божество Триглав. На Востоке христианство приобрело типичные черты восточной мировой религии с ее абсолютизацией пространственного единства мира — отсюда его статичность, идейная и институциональная неизменность, слабая приспособляемость к исторической динамике, традиционность, акцент на коллективное и всеобщее, конечное слияние. Все эти черты были ментально близки восточнославянскому язычеству, а значит, облегчили переход от религии предков к мировой религии².

Приняв христианство, князь Владимир совершил великий исторический выбор, который определил историческую судьбу Российского государства.

¹ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 173–174.

² *Кондаков И. В.* Культурология: история культуры России. М., 2003. С. 38, 46.

Этот выбор был шагом на пути к Западу, цивилизации европейского типа. Русь стала в полном смысле европейской державой, с которой стремились заключить союз и династические браки могущественные европейские монархи. Крещение отделило Русь от Востока и вариантов культурного развития, которые связаны с иудаизмом и мусульманством. Не будь этого акта, вся последующая история Руси, ее культуры и духовности могла бы сложиться совсем иначе.

На месте разрозненных и слабо развитых в экономическом, социальном, политико-государственном и культурном отношении восточнославянских племен, разбросанных на периферии европейского континента, на границе между оседлыми поселениями и Великой Степью возникло централизованное государство, сплоченное единой идеологией и созидательными устремлениями.

Русские люди не только приняли новую веру, но и приобщились к высокой византийской культуре, а через нее — к тысячелетнему наследию античной культуры. На Руси стала распространяться славянская письменность. Грамотность проникала в широкие слои древнерусского общества. Осваивались книгопечатание и монастырские библиотеки, школы при монастырях, расцветали церковное зодчество и храмовая

живопись. Русь быстро выдвигалась на почетное место среди самых развитых стран Европы.

Важным было воздействие христианства на нравственность русских людей. Православная церковь искореняла язычество в бытовой жизни: многоженство, кровную месть, жертвоприношения. Она выступала против грубости и жестокости, внедряла в сознание понятие греха, проповедовала благочестие, терпимость и гуманность.

А. С. Пушкин в своем письме к П. Чаадаеву 19 октября 1836 года не согласился с его высказываниями о том, что «источник, откуда мы черпаем христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и призираема». У греков, указывает он, «мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство до Феофана было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы Реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве». Завершая свое послание к П. Я. Чаадаеву, Александр Сергеевич с гордостью восклицает: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»¹.

В. М. Капицын²

ДОМИНАНТА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И РАЗРУШЕНИЕ «ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проблему политизации этнической идентичности можно обсуждать с позиций конструктивизма, неореализма, теории идентичности, привлекая эмпирический материал Балкан, Восточной Европы, России, Украины. Хотя формирование национальных и этнических идентичностей связано с реальной территорией и населением, на что делает упор примордиализм, тем не менее это формирование значительно изменяется благодаря искусственно конструируемым образам и соответствующим интерпретациям³. Возрос потенциал средств и методов, вызывающих доминирование этнических идентичностей за счет их политизации.

Миф на основе такой доминирующей этнической идентичности становится основой перестройки на-

ционального (исторического) нарратива. Такой конструкт способен подвинуть контрэлиту и часть населения на разрушение власти «старой» элиты. Контридентификационный подъем активного меньшинства поддерживается внешними силами. Часть населения присоединяется к протесту, надеясь уменьшить коррупцию. Такой эффект «слияния» усилий получил название «цветных» («оранжевых») революций по имени романтизированных символов (апельсин, мак, роза и т. д.), означающих ненасильственное сопротивление народа.

Идея «разрыва с империей» и доминанта этнической идентичности. Проявлению открытого недовольства украинцев по отношению к России предшествовали процессы, инициированные украинскими элитами и национальными движениями, начиная с поздней перестройки и особенно после распада СССР. В августе 1991 года Л. Кравчук настоял на расторжении договора о создании СССР от 1922 года. Идея разрыва с СССР–Россией («империей») проявилась в символической легитимации президента Украины на специальной церемониальной сессии Верховной рады 22 августа 1992 года (годовщина провозглашения независимости от СССР 21 августа 1991 г.). Президент Украинской Народной Республики — УНР (в изгнании) Н. Плавьюк передал Л. Кравчуку регалии УНР и грамоту, подтверждающую, что новая Украина стала правопреемницей УНР. 19 июня 1992 года президент

¹ Блистательный Санкт-Петербург. С. 535–536.

² Профессор кафедры сравнительной политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Приручить Левиафана. Молодежь в меняющемся мире политики», «Социальная политика Московской области на пороге XXI века» (в соавт.), «История политических и правовых учений» (в соавт.), «Права человека и механизмы их защиты», «Социальная работа с мигрантами и беженцами» (в соавт.), «Политическая идентификация и политическое участие», «Политология» (в соавт.) и др. Член редакционных коллегий журналов «Общество. Государство. Политика», «Европейский омбудсмен», «ПолитБук», «Научный результат», «Инновационная Россия». Член Российского философского общества, Российской ассоциации политических наук, Российского общества социологов.

³ Hadfield A. British foreign policy, national identity and neoclassical realism. Lahnham, 2010. P. 206.

Л. Кравчук подписал закон об исключении из Конституции Украины 1978 года всех упоминаний об СССР¹, демонстрируя разрыв с историей советской Украины.

Наметился разрыв и со всей историей России, в том числе постсоветской. Власти Украины не ратифицировали устав СНГ. Л. Кучма в своей книге «Украина — не Россия» обозначил национальную идентичность как негативную по отношению к России. В период правления В. Ющенко отход от России приобрел характер националистической антироссийской идеологии.

Как отмечают социологические службы, в 2014 году значительная часть украинцев негативно воспринимала Россию². Кабинет министров Украины в марте 2015 года инициировал законопроект об осуждении коммунистического и нацистского режимов на Украине и запрете их пропаганды.

Алгоритм и средства «войны за идентичность». Концепция «войны за идентичность» позволяет ответить на вопросы: что является объектом «разборки» (разрушения) в процессе «войны за идентичность», каковы ее средства?

«Разбираются» сложные национально-государственные (союзные, исторические) идентичности, формировавшиеся у народа (союза народов) в течение долгого времени как объединяющие. Они основаны на большом (историческом) нарративе (“long narrative”). Конциентальные войны («войны за идентичность»)³ ведутся с целью изменения национально-государственной идентичности. При разрушении такой объединяющей идентичности, особенно в многонациональном (полиэтничном) государстве, последнее становится удобным объектом атак националистов и внешних сил. После разрушения старой национально-государственной идентичности формируются гибридные (смешанные, составные) идентичности.

С помощью чего осуществляется «разборка» национально-государственной идентичности? Используются социально-когнитивные и институциональные средства. В качестве социально-когнитивных средств применяются два их вида: некие «разрушители» и «образец», на который необходимо ориентироваться при «разборке». В качестве «разрушителя» используются негативные идентичности — ориентации сознания, общие для определенных групп, критически настроенных по отношению к государственной власти. Негативные идентичности могут выступать как конструктивные, способствовать борьбе со злоупотреблением власти.

Однако такие идентичности могут перерасти в контриденциальности, влияние которых активизируют

деструктивные идеи, программы и движения, направленные на разрушение национально-государственной идентичности. Такие контриденциальности могут возникать на основе доминанты этнической идентичности. Причем это предполагает некую архаизацию сознания (ориентация «свои–чужие»). Для формирования контриденциальностей применяется такое социально-когнитивное средство, как образ врага (внутреннего и внешнего).

Но для критики нужен не только образ врага, но и определенный образец, позитивный пример; ради стремления приблизиться к нему формируются контриденциальности на основе доминанты этнической идентичности. В годы поздней перестройки таким образом выступали образ жизни и демократические системы США и Европы. Для части населения Украины в 2013 году таким образом стало некое состояние общества и государства, которое должно возникнуть благодаря подписанию с ЕС соглашения об ассоциации. Причем такой европейский образец причудливо сочетался с архаичной доминантой этнической идентичности.

Институциональные средства. В качестве институциональных средств «разборки» объединяющей национальной (союзной, исторической) идентичности используются те же институты, которые способствовали формированию государств: школа, книга, музей, газета, церковь. Кроме того — СМИ, Интернет, школьные и вузовские учебники по истории и литературе, а также государственные органы, ответственные за образовательную, культурную, медийную, национальную политику. Также народные сказки, памятники истории и культуры, государственные праздники⁴. Все это институты, способствующие «разборке» и «сборке» объединяющей идентичности.

Для политизации этничности школьный учебник стал важнейшим средством. Учебник истории оперирует социально-когнитивными средствами (образами, идентичностями), закрепляя или, наоборот, принижая ценность тех или иных событий. Такова природа школьного учебника по истории как института формирования объединяющей идентичности.

Сразу после распада СССР, обусловленного «разборкой» объединяющей союзной идентичности (разрушением советского нарратива), перед Украиной встала острая проблема обеспечения новыми учебниками по истории. Некоторое время в школах Украины занимались по учебникам истории, подготовленным в США, где многие события истории России и Украины рассматривались с позиций, которые так или иначе отражали национальные интересы США, а не Украины. Затем были подготовлены собственные украинские учебники.

Была применена концепция украинского историка М. С. Грушевского о параллельном и независимом развитии Киевской Руси (изобретен топоним «Украина-Русь») и Суздальско-Владимирской, а затем Московской Руси (Московии, Великороссии). Пребывание Украины в составе России трактуется в некоторых учебниках как «препятствующее культурному и по-

¹ Закон Украины «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Украины» (Ведомости Верховного Совета Украины. 1992. № 35. Ст. 514).

² Отношение украинцев к России замерялось в феврале, мае, сентябре 2014 года Киевским международным институтом социологии. Количество украинцев, негативно относящихся к России, выросло в 2014 году с 13 % в феврале до 38 % в мае, 41 % в сентябре, а положительно относящихся к России снизилось соответственно с 78 % до 52 и 48 % (опросы в 110 населенных пунктах всех областей Украины; с помощью интервью опрошено в феврале и мае 2022 респондента, в сентябре — 2035). См.: Korespondent.net. 2014. 17 июня. URL: www.unian.net (дата обращения: 15.03.2015).

³ Громько Ю. Антропология политической идентичности. М., 2006.

⁴ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009.

литическому развитию украинского народа», причина «отрыва от европейской цивилизации и деградация», «ликвидации независимой украинской государственности и автономии»¹. Учебник истории стал важнейшим средством «разборки» исторической идентичности и «сборки» национальной идентичности независимой Украины. Его материал обнажает значимые составляющие процесса политизации этнических идентичностей, что убедительно показано экспертами².

Анализ составов комитетов Верховной рады и их влияния на политизацию этничности демонстрирует, что экономические элиты и формирующийся олигархат Украины из центральных и юго-восточных областей с самого начала стремились направить своих «аффилированных» депутатов прежде всего в комитеты по собственности, бюджету, промышленности. Таковой была и позиция Партии регионов. Так, в Верховной раде V созыва ее представители возглавляли восемь комитетов: по вопросам правовой политики; правосудия; государственного строительства, региональной политики, местного самоуправления; борьбы с организованной преступностью и коррупцией; регламента, депутатской этики и обеспечения деятельности Верховной рады; вопросам бюджета; транспорта и связи; здравоохранения³.

Какие же партии превалировали в составе комитетов по культуре, образованию, науке? Они долгое время контролировались депутатами от партий, выдвигающих идею разрыва с империей, националистических партий. В составе Верховной рады V созыва оппозиционные партии, пропагандирующие негативное отно-

шение к России (Блок Ю. Тимошенко — БЮТ и блок «Наша Украина», включающий Народный рух Украины, Конгресс украинских националистов), возглавляли 13 комитетов, например БЮТ — комитеты по вопросам семьи, молодежной политики, спорта и туризма, вопросам свободы слова и информации, вопросам культуры и духовности⁴.

В Верховной раде VI созыва партии из блоков БЮТ и «Наша Украина — Народная самооборона» возглавляли 14 комитетов, в том числе по вопросам культуры и духовности; науки и образования; семьи, молодежной политики, спорта и туризма; европейской интеграции⁵. В Верховной раде VII созыва оппозиционные партии возглавляли 14 комитетов из 30, в том числе комитеты по вопросам национальных меньшинств и национальной политики; науки и образования; культуры и духовности, европейской интеграции⁶.

Результат такого доминирования оппозиционного институционального влияния на образование и культуру — изменение учебников истории, а с их помощью — формирование контриденностей на основе доминанты этнической идентичности, образа врага и образца. Это привело к ослаблению таких элементов общеукраинской идентичности, как целостность государства, полуофициальное украинско-русское двуязычие, причастность значительного числа украинцев вместе с народами России к Великой Победе над нацизмом. Но, как показывают события 2015 года, не удалось сформировать и национальную идентичность на моноэтнической основе.

С. М. Климова⁷

ВИЗУАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ПОХОРОН КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Сегодня визуализация фактов и процессов исторической и повседневной жизни выступает одним из распространенных исследовательских приемов в культурологии, социологии, антропологии, журналистике.

¹ Струкевич О. К. Історія України: підручник для 9-го класу. Київ, 2009. С. 26.

² Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках новых независимых государств / ред. А. А. Данилов, А. В. Филиппов. М., 2009.

³ Верховная рада Украины V созыва. URL: <http://dictionary.sensagent.com> (дата обращения: 27.03.2015).

⁴ Верховная рада Украины. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/381473> (дата обращения: 13.03.2015).

⁵ Рассел Дж., Коэн Р. Верховная рада Украины VI созыва. Киев, 2013.

⁶ Постановление Верховной рады Украины VII созыва от 25 декабря 2012 года № 1010 «О комитетах Верховной рады Украины».

⁷ Профессор школы философии Высшей школы экономики, доктор философских наук. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч. статей: «Логомифия Мих. А. Лифшица как преодоление “исторического бреда”», «Реформа высшего образования: “Свои” и “Чужие”», «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Размышления участника Лихачевских чтений, сидящего на балконе», «Барьеры и помощники на пути карьерного роста женщин-деканов в системе высшего образования: поисковые исследования во Вьетнаме», «Гуманитарная экспертиза трансгуманистических проектов» и др. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

Предметом нашего внимания станет визуализация недавних событий, явившихся своеобразными маркерами элементов русского национального самосознания. Это — анализ фоторепрезентации двух похорон: прощание с убитым в ночь на 28 февраля 2015 года известным политиком-оппозиционером Б. Е. Немцовым и прощание с русским писателем В. Г. Распутиным, умершим в больнице 14 марта 2015 года, за день до своего 87-летия. Похороны, включающие семантику прощания с умершими и акты погребения, являются важнейшими символами любой культуры, отражением ее фундаментальных архетипов. Перефразируя известного культуролога Л. Г. Ионина, который ввел в обиход понятие «некросоциология», можно сказать, что по тому, как мы прощаемся-хороним, почитаем наших соотечественников, можно судить о нашем национальном самосознании.

Национальное самосознание — сложный нравственно-мировоззренческий конструкт, который имеет набор базовых черт, характеризующих любой этнос, и периферийных характеристик, связанных с бытованием различных нарративов о реальных или мифологических ситуациях, о героях и антигероях, о мораль-

ных установках и т. д. Важную роль, безусловно, играют способы формирования национального самосознания, включающие и рациональные, и иррациональные установки. Практически все можно выявить, описать и сознательно позиционировать внутри этноса. А вот визуализация необязательно является контролируемым процессом и зачастую протекает стихийно. Поэтому визуальный ряд важных для нации процессов и событий может стать маркером каких-то ее явных, и особенно латентных, установок.

В связи с этим целесообразно обратиться к методологии «иконического поворота»¹, позволяющего переключить внимание с вербального анализа к визуальным репрезентациям социально-культурных реалий. «Господство нового средства коммуникации изменяет существо восприятия, что в конечном итоге ведет к изменению понятия реальности»². Современный человек тотально втянут в водоворот визуального мировоззрения, которое перестало восприниматься как какой-то объективный и отстраненный *взгляд* на мир, событие или объект, но стало его *мировидением* (неким образным выражением умо-зрения), соединяющим смотрящего субъекта с его же собственным конструированием реальности, на которую он смотрит. Посредниками выступают объектив, камера, визуальные гаджеты, играющие роль «очков» реальности, ставших оптическим «дьяволом визуализации» (В. Бачинин).

Рассмотрим фотоархивы упомянутых событий. Если для науки второй половины XX века принципиально важным было утверждение о том, что фото — это документ реальности, до такой степени объективный, что в нем есть нечто от смерти и воскрешения (Р. Барт), то сейчас ясно, что любая фотореальность есть система визуально представленных (постановочных) образов, которые мы *воспринимаем* как реальность. Фотография — не просто сертификат присутствия (Р. Барт), она становится доказательством реального существования и мира, и человека, и события. Сегодня ситуация включения субъекта в мир визуальных репрезентаций является доказательством его собственного существования и принадлежности к определенному, также визуализированному, сообществу с его ценностями, моралью, идеями и т. д. Нагляднее всего это демонстрирует фото типа selfie. «Я», сам себя фотографирующий на фоне событий, становлюсь гарантом реальности «фона»³, как одновременно и наглядным доказательством того, что я существую, принадлежу «фону» ценностно и оценочно (принимаю его или протестую против него). Желание стать непосредственным участником «реальных событий» благодаря разным формам технической обработки оборачивается психологической потребностью не только в визуальной самоидентификации, но и идентификацией идейной, культурной, национальной в том числе.

¹ См.: Орех Е. А. Визуальные методы в изучении социального пространства города // Человек. 2014. № 6. С. 35–36.

² Савчук В. В. Философия фотографии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 10.

³ В этом контексте можно по-новому прочесть строки Окуджавы, наполнив их глубоко ироническим и, увы, как оказалось, пророческим смыслом, когда Пушкин стал лишь «фоном» для снимающегося семейства и только благодаря этому факту «существует» в истории и значим для этого семейства.

Используя некоторые методики социологического и культурологического анализа фотографий с мест событий, выложенных в Интернете и социальных сетях, мы попытались раскрыть некоторые элементы российского самосознания и способы его семиотизации.

Эмпирическая база исследования:

- 1) официальные фотографии;
- 2) постановочные фотографии — монтажи участников действий, кодирующих определенную аксиологическую символику;
- 3) создание пространства selfie как переключение события «на себя»;
- 4) использование вербальных элементов в визуальных материалах: слов и выражений для маркировки идейных тезисов участников фотосъемок;
- 5) символизация мест и символизация пространства и его границ в акте прощания и похорон.

Какие ассоциации вызывают фотоотчеты с траурных мероприятий? Смерть и похороны/прощание, как и отношение к ней, традиционно характеризуют многие элементы национального самосознания. Особенный символизм они обрели при похоронах и прощании с Б. Е. Немцовым и В. Г. Распутиным.

Б. Е. Немцов — символический образ перестройки, эпохи перемен, развала империи — Советского Союза, один из разрушителей традиционных ценностей и социальных устоев прошлого века. Он — представитель современной российской интеллигенции левого толка, весьма схожей по своим характеристикам с русской революционной интеллигенцией двух прошлых веков: его отличала страсть к действиям-преобразованиям, ориентация на Запад, оппозиционность официальным властям (звучит парадоксально, так как он почти все время был представителем власти). Между современной оппозиционной интеллигенцией и народнической (XIX в.), однако, есть принципиальное отличие: нынешнюю не волнует «народ», интересы которого были самозначимы для прежней русской интеллигенции. Как прошлая, так и сегодняшняя либерально и радикально настроенная интеллигенция оперируют в своих построениях (программах) принципами абстрактного гуманизма и такой же риторикой.

В. Г. Распутин — великий русский писатель-деревенщик, почвенник, «нравственник» (выражение А. Солженицына), последний апостол русской земли и своего народа; он никогда ничего не разрушал и никого к подобным действиям не призывал. При этом его произведения и гражданские акции полны протеста против уничтожения русского человека, живущего на земле, против бесчеловечной экономики, политики и городской цивилизации. Он не был оппозиционным интеллигентом, но он был плоть от плоти русского крестьянства, которое всегда было синонимом «русского народа»; поэтому в традициях русской культуры о нем уместнее было бы сказать как о представителе русского народа, ставшем его символом.

Что же мы обнаружили в ходе анализа фотоматериалов похорон/прощания с двумя символическими представителями русского общества?

Теперь к фактам. Во-первых, и официальные, и постановочные фотографии зафиксировали наличие би-

нарной асимметрии похорон/прощания: в прощании с Б. Е. Немцовым участвовали десятки тысяч его поклонников, разделяющих не только законное негодование против насильственного убийства человека, но и его оппозиционную точку зрения, то есть идеи оппозиционной интеллигенции. Отпевание/прощание с В. Г. Распутиным привлекло внимание нескольких сотен граждан, включая представителей власти и духовных лиц. Интеллигенции там практически не было, за исключением некоторых деятелей культуры. Естественно, на первых похоронах официальных лиц не было, на вторых были и президент, и ряд членов правительства. Отпевал писателя патриарх Кирилл.

Во-вторых, фотоматериалы прощания с Б. Е. Немцовым позволяют безошибочно зафиксировать идею «смерти героя». Насильственная смерть превратила фигуру оппозиционера в героический образ жертвенника во имя свободы, борьбы с властью. Герой — традиционный образ «протестного» революционного сознания, подлинный символ российской интеллигенции («болотной»), активных или пассивных борцов с режимом. Его образ был мгновенно мифологизирован, а имя приобрело символическую коннотацию «Борись». Появились фото, призванные создать мифологему мученичества на манер первомученичества христиан. Христианская символика усилена сотнями свеч вокруг его портретов и места убийства и прощания. Русский оппозиционер по законам жанра превратился в «святого мученика». Святые герои — типичный образ революционной интеллигенции. Наличие огромного потока людей на его похоронах должно было продемонстрировать властям и обществу силу и мощь оппозиции.

Что же репрезентирует фото демонстрации прощания?

Первое, поверхностное, восприятие — масштабность политизации и идеологизации настроений интеллигенции, которая в разы превышает интерес к народному писателю, а через него — к литературе, русской традиционной культуре и косвенно к самому народу.

Весьма символичны места прощания с Б. Е. Немцовым и В. Г. Распутиным: прощание с первым проходило в *Сахаровском центре*, идеологическом символе инаковости-оппозиционности официальной России. Распутина отпевали в *Храме Христа Спасителя* — официальном символе русского православия, русской духовности. Место его подлинного прощания — город Иркутск, символ русской провинции — русского мира, весьма отдаленного и пространственно, и духовно от столицы и ее идеологических волнений. Другое место, прочно ассоциирующееся с убийством и прощанием с Немцовым, отражено в траурном марше памяти — это *Кремль*, на фоне которого происходил ряд текущих событий: его убийство, многотысячная демонстрация-шествие (марш)¹ соратников с его портретами 1 марта, фактически на глазах (или под пристальным оком) ненавистной власти.

¹ «...на шествие, которое власти неожиданно разрешили провести в центре столицы, пришли не менее 50 тысяч человек. Марш прошел практически без происшествий. Его участники с цветами и российскими флагами в руках прошли от Китай-города до места убийства Немцова на Большом Москворецком мосту». URL: <https://meduza.io/feature/2015/03/01/eti-puli-v-kazhdogo-iz-nas>

Таким образом, пространство похорон/прощания было определено двумя официальными символами России — *Кремлем* и *Храмом Христа Спасителя* и двумя неофициальными — *Сахаровским центром* и *русским городом в Сибири*.

Как это ни парадоксально звучит, но визуальный ряд позволяет нам показать оппозицию двух официальных пространств — Кремля и Храма Христа Спасителя и двух неофициальных — *Сахаровского центра* и *Сибири*. Кремль, Красная площадь, Васильевский спуск и так далее, портреты героя и демонстрационная форма движущейся толпы провожающих оказались в одном семантическом пространстве с официальной государственной властью. Храм Христа Спасителя выполнил свою классическую функцию духовного прощания и уединенности в таинстве отпевания. Эти два локуса продемонстрировали полное соответствие тем акциям, которые в их границах разворачивались, то есть становится очевидным санкционирование, разрешение, одобрение этих действий властью и церковью.

Второй пространственный маркер — марш памяти в районе Красной площади по прилегающим улицам — не столь семантически очевиден, но вполне репрезентативен; он отражает традиционную символику культуры демонстраций и шествий в России еще с советских времен. Именно визуальная картина демонстрации прощания с оппозиционным политиком подтверждает идею лояльности данному действию со стороны властей, а проход на фоне Красной площади визуально схож с первомайскими демонстрациями советского периода, что наводит на мысль о негласной организации данного мероприятия вышестоящими структурами. Движение «народа» с портретами «вождя» — закрепленный образ единения с властью. Возникает обидная для оппозиции идея организации властью протестного движения в России и манипуляции им. Огромное количество участников ассоциируется с традиционной для властей принудительностью массовых заказных мероприятий, побуждающих людей участвовать в них.

Ситуация со вторым прощанием совсем иного типа. Она официально организована и проведена по регламенту принятой культурной традиции и практики религиозной жизни. Но практическое отсутствие масс, шествий, потока официально скобящихся показывает нам все особенности происходящего. Присутствие президента и патриарха на отпевании В. Г. Распутина — достаточный повод для организации масштабных действий, что было легко сделать. Их отсутствие позволяет предположить формальное отношение присутствующих к акту прощания. Непостановочность происходящего очевидным образом вытекает из увиденного.

Кого же отпевали в Храме Христа Спасителя и кто отсутствовал в очаге духовного центра России? Вопрос странен, а ответ очевиден: в Храме Христа Спасителя 18 марта 2015 года прошли тихие проводы русского человека и русского народа, не замеченные шумной оппозиционной интеллигенцией, нашими героями. Отсутствие масс в храме — символ утраченного Россией: потери почвы, русского крестьянства, русского народа.

Хотелось бы затронуть еще один момент визуализации данных событий — это реакции людей, отражающие ту или иную степень их самоидентичности. В коммуникативной реакции на реальность, зафиксированной либо участником событий (селфи), либо официальной хроникой, либо неофициальными лицами, мы видим, с одной стороны, непосредственный эмоциональный отклик людей на событие, а с другой — проявление специфики современного самосознания в моменты экзистенциальных переломов. Самосознание через селфи: селфи — это новый тип визуализации субъективной оценки происходящего.

Посмотрим на реакцию людей при прощании с Б. Е. Немцовым в Сахаровском центре и с В. Г. Распутиным в Сибири (последних практически нет в Интернете). Фотографии запечатлели живые реакции людей на скорбное событие, но в то же время они показывают подготовленность этих реакций (через коллажи, смонтированные фотографии героя, самопиар, заранее приготовленные и принесенные плакаты). Наблюдается специфически современная ситуация использования события для самопозиционирования: речь не только об официальных фотографиях — напоминаниях и до-

казательствах принадлежности к группе, но и о фотографиях-селфи на фоне событий; здесь, конечно, реакция не может быть неподготовленной, тем не менее это тоже способ идентификации со своей референтной группой.

На фото из Иркутска нет ни известных медийных лиц, ни селфи; как известно из официальных источников, с В. Г. Распутиным пришли проститься 15 тыс. его земляков. Траур по русскому писателю был объявлен только в этом городе (2,5 млн жителей), что еще раз подтверждает суживание пространства русской культуры до одной локальной точки на карте великой оппозиционной России. Рассмотрение визуальных образов последних значимых событий в нашей стране порождает вопрос о том, кто в нашей стране находится в оппозиции — интеллигенция или народ.

Конечно, мы понимаем ограниченность метода визуализации социально-культурных символов и смыслов. Проведенный анализ зафиксировал противоречивость современного национального самосознания. Является ли это естественной нормой его бытования или может повлечь негативные последствия в дальнейшем — вопрос, требующий более масштабного изучения, чем приведенное исследование.

М. И. Козьякова¹

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: КОНСОЛИДАЦИЯ И КОНФЛИКТ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Специфика современного этапа развития общества характеризуется масштабными трансформациями, происходящими в различных областях жизни. Утрачиваются еще вчера, казалось бы, незыблемые закономерности, уходят в прошлое органичность и целостность культурного универсума, ликвидируются его стабильность и предсказуемость. Вместе с нарастающей скоростью и радикализмом происходящих перемен нарушается устойчивость среды обитания — она все больше подвергается виртуализации и субъективации, в ней нарастает онтологический солипсизм. Темпы социокультурной динамики настолько возросли, что мир становится «ускользающим» (Э. Гидденс).

Уходит в прошлое последовательность традиционного, линейного типа развития, замененная сложными типами траекторий, в том числе цикличностью, возвратом и повторением, новыми принципами взаимодействия порядка и хаоса. На место предсказуемого, значимого мира приходит мозаичное многообразие, разнообразие сценариев возможного будущего, не поддающегося каким-либо прогностическим про-

цедурам — так называемый «конец социального». Перспектива становится неопределенной, увеличиваются экономические, политические, социальные, экологические риски, которые превращаются в «неотъемлемую принадлежность прогресса» (К. Бек).

Общество стремится консолидироваться вокруг потенциальных опасностей, осознавая многие из них, стараясь спрогнозировать и предотвратить их последствия. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования системных стабилизаторов, в том числе основных, базовых идентичностей, таких как национальная, социальная, конфессиональная принадлежность, идеологические маркеры, а также факторы, опосредующие процесс идентификации. Нация и национализм, перспективы их развития, национальный вопрос и национальные интересы перемещаются с периферии общественного внимания в центр ожесточенной политической, идеологической, экономической борьбы, проецируются в фокус важнейших проблем современности.

Актуализации данной проблематики способствует также развитие глобализационных тенденций, охватывающих различные регионы мира. Территориальные границы становятся все более проницаемыми, утрачивается неповторимость национальной культуры, возможности ее сохранения («конец географии» Р. О'Брайена и П. Верилио). Доминирующая североатлантическая либо европейская модель навязывает остальному миру собственную систему ценностей, стереотипы образа жизни, тем самым провоцируя воз-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий: «История. Культура. Повседневность», «Эстетика повседневности», «История материальной культуры, быта и костюма», «Красное»; статей: «Культура и миф: прощание с модерном», «Утилитарные интенции искусства и архетип Европы», «“Звездная область” свободы: на пути к модерну», «Этнокультурный диалог как исторический опыт России», «“Третий Рим” как современность» и др. Член Московского культурологического общества.

никновение ответной реакции: глобализация, амбивалентно влияя на каждый отдельный социум, практически повсеместно генерирует локальный традиционализм — «местный национализм оживает в ответ на глобализационные тенденции»¹.

Понятие нации, а также связанного с ней феномена национализма является в настоящее время предметом дискуссий. В отечественной научной литературе нация определяется чаще всего как историческая общность, базирующаяся на общем языке, территории, экономике, культуре, то есть как современная форма этноса, что в свое время нашло отражение в классическом сталинском определении. В том или ином приближении оно апеллирует к этническому своеобразию, к умеренному, историко-эволюционному примордиализму, что, имея веские основания, отнюдь не исчерпывает современную националистическую проблематику, не способствует прояснению причин ее актуализации.

Если рассматривать зарубежные подходы, то оппозицией примордиализма выступает конструктивизм, в котором нации репрезентируются как искусственные политические образования, «национальные проекты», инициируемые политическими (властными, интеллектуальными, культурными) элитами. Репрезентативной является классическая концепция Б. Андерсона, в которой он определяет нации как «воображаемые сообщества» — некие конструируемые субстанции, являющиеся продуктом индустриальной эпохи. Здесь также имеются исключительно важные аспекты, поскольку данный концепт опирается на реальные исторические факты: рождение современных наций происходит в период Нового времени. В этом генезисе исходным пунктом являлась борьба за национальное и социальное освобождение — первоначально нации формировались в ходе национально-освободительной борьбы в Латинской Америке, в США; политически же феномен нации конституализировался во время Великой Французской революции, объединив народ в новую гражданскую общность вместо «подданства французской короны».

Рождение наций идет рука об руку с рождением национализма. Более того, национализм, как теория и практика целевого взаимодействия, служит средством, инструментом реализации «национального проекта», является для него «повивальной бабкой». В политическом плане нации определяются достаточно однозначно — это сообщества людей, обладающих суверенной государственностью, они соотносимы с гражданскими сообществами (политические или гражданские нации). В политике, в сфере международного права нации легитимизированы как символы и синонимы государственных образований: Лига Наций, Организация Объединенных Наций. Они формализуются по признаку гражданства как произвольно конструируемые и потому могут быть изменчивыми, непостоянными. Нации, конечно же, детерминируются этническими факторами, но их политический аспект напрямую не связан с этническим основанием и может варьироваться в достаточно широких границах — так,

они могут быть полиэтничными (широко распространенный вариант) или моноэтничными.

Длительные дискуссии, проходившие в научном сообществе, различия в трактовках данного феномена несколько не препятствуют его функционированию в реальной жизни, хотя и не позволяют однозначно определить научное содержание категории «нация». Наиболее распространенным в настоящее время является субстанциональный, онтологический подход к данному явлению как к реально существующей общности, обладающей определенными характеристиками. Постмодернистские трактовки, прокламирующие отказ от жесткой формализации, акцентируют в связи с этим отсутствие константных структур, лабильность формализуемых объектов, нарастание метаморфоз. И потому в категории «нация» все больше актуализируется переход субстанциональных качеств в процессуальные — она интерпретируется не как фиксированная, статистически референтная социальная группа, а как некие практики, объединяющие людей, способности (потребности) к ассоциации, определяемые контекстуально.

Содержательный потенциал смыслогенетически родственных явлений — нации и национализма — в современных условиях поляризуется, они получают различные, как правило, диаметрально противоположные этические оценки. Так, нации, национальное представительство, национальные интересы, национальные проекты наделяются положительными смыслами как институции (деятельность), способствующие стабилизации, упорядочению социальных и институциональных структур, организации социального взаимодействия. Национализм же априорно оценивается негативно, снабжается отрицательными коннотациями, ассоциируется с шовинизмом и ксенофобией, поскольку был скомпрометирован идеологией и практикой германского национал-социализма, современными проявлениями в виде геноцида и этнических чисток.

Национализм, однако, многогранен: он не только постулирует превосходство отдельного народа, нации, этноса. Освобожденный от крайностей радикализма, он может нести положительную мотивацию консолидации общества, служения национальной идее, внимания к родной культуре, языку. В известной степени национализм замещает в современных условиях такие доминантные в прошлом базовые идентификаторы, как конфессиональные, сословные, классовые. Важнее, однако, иное: на отечественной почве он в любом случае не мог получить значительного развития, так как российские условия не содержали необходимых для этого феномена предпосылок. Национализм — теория и практика борьбы за территории, ресурсы, в том числе людские, а в нашей стране они имеются в изобилии, главная проблема — их освоение. Русский национализм проявлялся в ситуациях жесткого противостояния, в периоды национально-освободительной борьбы, где принимал форму патриотизма.

Россия в своем историческом бытии всегда являлась суперэтносом (Л. Гумилев), универсальным государством (А. Дж. Тойнби), «нацией наций», поскольку с самого начала своей истории русская государ-

¹ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 30.

ственность формировалась как полиэтническая цивилизация. Русь изначально строилась на фундаменте разнообразного этнического «материала», чье богатство в дальнейшем опосредовалось многообразными культурными влияниями. Это были не только номадические волны с их разрушительными, катастрофическими для оседлой земледельческой цивилизации последствиями. Была экспансия Запада — повторявшиеся с трагической неумолимостью нашествия и интервенции — польская, шведская, французская, немецкая и др. Закладывая архетипические установки витального противостояния врагу, они, однако, вместе с тем формировали привычку к взаимодействию с иными, чужими и чуждыми мирами; привычку к борьбе и одновременно к диалогу, ставшему впоследствии одной из доминантных характеристик русской культуры.

Россию изначально пронзали «токи двух крайне несхожих влияний» (Д. С. Лихачев) — Скандинавии и Византии. Влияние Византии, распространившей на Русь православное христианство, оказалось особенно важным, судьбоносным, определило сердцевину русской духовности. ни в древности, ни в Средние века страна не пребывала в изоляции, «не страдала болезнью национальной замкнутости и национальной исключительности» (А. М. Панченко). Д. С. Лихачев говорил в связи с этим об отсутствии в древнерусской культуре четких национальных границ, об общности культурного развития славянского региона — русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов, румын¹. У восточных и южных славян фиксировалось наличие «культуры-посредницы», общей для *Slavia orthodoxa*. Та же ситуация характерна и для последующих периодов, несмотря на татаро-монгольское нашествие и последовавшее затем двухсотлетнее чужеземное иго.

В Новое время важный этап во взаимодействии с Европой начался с Петровских реформ, «вестернизации», жестко ориентировавшей дворянство и городские слои на европейские нормы, коренным образом преобразовавшие мировосприятие правящего класса. Гегемония французской культуры была поколеблена у поколения, пережившего наполеоновское нашествие. «Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французами, которым страстно хотелось стать русскими», — писал об этой важной перемене О. В. Ключевский².

Отечественная война и вызванный ею патриотический подъем ознаменовали важную веху в развитии национального самосознания: на вызов, предложенный нашей национальной культуре в виде давления чужой иноязычной системы, был дан мощный ответ русского «национализма». Это был ответ русской самобытности, составивший золотой фонд русской культуры, поставивший произведения отечественной литературы и искусства в один ряд с величайшими достижениями других национальных культур. Национализм проявился в XIX веке не только в патри-

отическом подъеме, но и в государственной политике в теории «официальной народности». В ней самодержавная Россия противопоставлялась Западу, зараженному идеями либерализма, а «народность» рассматривалась в качестве оплота политической и социальной стабильности — идеологема «самодержавие, православие, народность».

Эпохальные катаклизмы Первой мировой войны, Октябрьской революции преобразовали социальную систему. Революционная теория поднимала на щит идеи пролетарского интернационализма, а коммунистическая ортодоксия возрождала мессианский призыв универсалистского государства. Москва снова становилась «Третьим Римом», начертавшим на своих знаменах новый секуляризированный вариант вселенской доктрины. Однако за время своего более чем полувекового господства коммунистическая теория претерпела известную эволюцию: постепенно произошел отход от воинствующего космополитизма, в годы Великой Отечественной войны вернулась память о героических подвигах предков, получили свои права советский патриотизм, любовь к Отечеству. Марксистская идеология парадоксальным образом соединилась с историей Российского государства, выполняя важнейшую функцию консолидации советского общества. Дважды на протяжении прошедшего столетия был преобразован идентификационный комплекс: государство разрушалось и воссоздавалось заново. Однако национальные ценности, определившие лицо русской культуры, оставались неизменными, обеспечивая жизнестойкость и уникальность «русского мира».

Россия никогда не принадлежала к западному цивилизационному универсуму: не вдохновлялась картезианским рационализмом, не признавала протестантскую этику мотивации труда и потребления, не принимала собственность как альфу и омегу жизненного мира. Не внушали ей особого пиетета и либеральные ценности. А. С. Пушкин в свое время дал исчерпывающий ответ: «Не дорого ценю я многие права...» Свобода при этом мыслилась не столько «от» чего-либо, сколько «для», подлежа суду преимущественно не закона, но нравственных канонов.

Россия — иная европейская цивилизация. Сохранение и поддержка традиционных ценностей, русской культурной доминанты поставлены сегодня в повестку дня, что подчеркивает в своих выступлениях президент В. В. Путин³. Универсалистские ориентации, приверженность привычному для многих поколений россиянам образу страны как великого государства формируют солидарность, органическую целостность общероссийской идеи, восстанавливают еще недавно, казалось бы, утраченную идентичность. Патриотизм, имплицитно присутствующий в российском архетипе, недавно ярко проявился в связи с крымскими событиями как гордость за страну, отстаивающую свои позиции на мировой арене, мирным путем восстанавливающую свои исторические границы.

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. С. 6.

² Ключевский О. В. Курс русской истории: в 9 т. М.: Мысль, 1987–1990. Т. V. С. 167.

³ Речь на заседании Совета по культуре и искусству, выступление на Валдайском форуме, Послание Федеральному Собранию, статья «Россия: национальный вопрос».

Г. Г. Коломиец¹

КОРРЕЛЯТ НАЦИОНАЛЬНОГО И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО В ИСКУССТВЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Тема «Нация и национализм», как нам представляется, имеет оборотную сторону проблемы «Нация и транснациональное», которую мы обнаруживаем, в частности, при рассмотрении бытия искусства в современном глобализирующемся мире. Национализм в искусстве, как правило, имеет негативный оттенок, подразумевает националистическую интерпретацию произведений искусства, когда искусство, особенно музыка, используется ангажировано как средство идеологического воздействия². Однако в современном мире следует обозначить «инобытие» идеи-темы на примере искусства, связанное с транснациональным подходом.

Прежде чем определить соотношение национального и транснационального в искусстве и его роль в глобализирующемся мире, подойдем к вопросу через толкование понятия «нация». По словам А. А. Гусейнова, существуют два подхода к пониманию нации, которые определили, с одной стороны, концепцию этнокультурной нации, а с другой — концепцию гражданской нации. Согласно первой теории индивида вне нации не существует, национальную принадлежность не выбирают, национальная идентичность осознается как причастность к определенной историко-культурной общности. Другая концепция — гражданской нации — «отождествляет национальную принадлежность человека с его гражданством и относит ее тем самым к таким характеристикам человека, которые могут быть изменены актом сознательного выбора»³, то есть речь идет об осознании принадлежности какого-либо лица к определенному социально-политическому сообществу, которое принимается как свое.

Что касается человека, выражающего космополитические взгляды, для которого нация является некоторым ограничением его бытийной характеристики, то он также несвободен от национальных оснований. И в одном, и в другом, и в так называемом космополи-

тическом случае национальное самосознание фундаментирует чувство собственного достоинства, обеспечивает самодостаточную пространственно-временную детерминанту в существовании индивида и его ориентацию в жизненном мире как в целом. В области искусства творческая личность, обладая талантом, гениальностью, имеет врожденную способность к художественной деятельности, антропогенные способности разума, души, духа, реализуемые в определенном историческом контексте жизни человеческого общества, из которого она черпает материал для своего творчества. В удивительной эстетической способности благорасположения к игре рассудка и воображения, в высших моментах интенсификации или энергии разума, духа гениальность рождает новое. Гений к тому же обладает даром глубочайшего проникновения в глобальные проблемы бытия, проблемы человеческой жизни, способностью узреть зарождающиеся процессы в духовной жизни, культуре. Национальная идентичность представляет собой глубоко укорененную структуру личности, обусловленную, на наш взгляд, прежде всего биосоциокультурными факторами и модифицированную вторичными надэтническими, социополитическими условиями жизненного мира.

Рассмотрим в этом контексте проблему коррелята национального и транснационального в мире искусства. Очевидно, ее можно представить сначала также в разных качествах, а именно: как национальное этнокультурное многообразие искусства, шире — как национально-гражданскую позицию, ценностно выраженную в искусстве, либо космополитическую мировоззренческую установку, формирующую художественный метод. Национальное в художественном творчестве часто отождествляется с народными истоками, с коренными народно-национальными традициями, обрядами, языковыми особенностями, однако при этом, как считают представители национальных культур, искусство должно быть общенациональным по смыслу и назначению. Так, армянский художник М. Сарьян, восхищаясь цветом и светом, которые символизируют любовь к жизни, писал, что «цвет должен выражать присущее нам понимание сути жизни. Мы связаны с солнцем. Приходят новые поколения, а солнце всегда остается в человеке, в каждом из нас... Природа всегда и везде прекрасна, потому что чиста. Народы на нашей планете дополняют друг друга и составляют одно целое. Чем отчетливее и чище национальные особенности, тем богаче и интереснее целое. Значит, насколько оно национально, настолько и общечеловечно»⁴. Национальное искусство духовно питает и нацию, и всеобщую культуру в великом транскультурном пространстве, доставляет удовольствие, подпитывает разум, дух и душу разных народов. Таким образом, обнаруживается еще один модуль существования искусства — транснациональный, онтологически обоснованный.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных работ, в т. ч.: «Национальное и сверхнациональное в искусстве: из евразийских идей. Евразийская интеграция», «От либеральных к наднациональным ценностям в современном культурном пространстве», «Искусство как способ быть в мире, или К вопросу о коммуникативной функции искусства», «Функции музыки в социуме. Фундаментальные проблемы культурологии», «О тенденции сближения научного и художественного способов познания. Научное искусство»; «Философия искусства: о творчестве, творческом процессе и вдохновении», «О достоинстве, толерантности, ответственности в "точках роста" новых ценностей», «Этика человеческого достоинства в Новое время», «К вопросу о новых тенденциях прагматической эстетики», монографий: «Ценность музыки: философский аспект», «Музыкально-эстетическое воспитание: аксиологический подход» и др. Член Президиума Всероссийского научного совета по музыкальному образованию, член Российского философского общества.

² См.: Коломиец Г. Г. Функции музыки в социуме // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб. : Алетей, 2008. Т. 4 : Культурная политика. С. 259–273.

³ Гусейнов А. А. Философия — мысль и поступок : статьи, доклады, лекции, интервью. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 83.

⁴ Сарьян М. Цветы. М. : Сов. художник, 1987. С. 11.

Мы будем исходить из того представления, что: 1) любое произведение искусства национально, оно создано тем или иным национальным художником, который либо стремится ярко выразить этнокультурное начало, либо в основе своего художественного метода выбирает государственно-гражданскую либо космополитическую позиции; 2) произведение искусства стремится к статусу транснационального, в талантливом, гениальном творчестве претворяется сверхнациональное. Так создается национальное искусство с разными национальными подходами, то есть по своей сути искусство всегда национально и вместе с тем транснационально, стремится к выходу в сферу «бесконечной» коммуникации. Великие произведения искусства, признанные в широком мире транскультурного пространства, призваны стать сверхнациональными по своей бытийной сущности, смысловому всечеловеческому прочтению. Истинное бытие искусства в становлении форм жизненного мира осуществляется исключительно духовным способом, и не важно, какую материальную запечатленность оно имеет: в нотах, картинах, книгах, драматургии, кинолентах и т. д.

Чем привлекает национальное искусство, став транснациональным в восприятии реципиентов? Удовлетворяя любопытство, будит воображение и фантазию, привлекает целесообразностью форм. Привнося чувство новизны, непривычного, прекрасного, великого, национальное искусство в своем транснациональном бытии выполняет этически-толерантную, коммуникативную, адаптивную, познавательную и многие другие функции, которые обеспечивают человеку расширение взаимодействия в транскультурном, цивилизационном пространстве глобализирующегося мира, способствуя миропониманию в диалоге культур.

Выход за пределы национального, того, что рождалось как национальное культурно-этническое искусство или творчество, созданное национальным художником с определенной гражданской или космополитической установкой, при этом ставшее всеобщим, всечеловеческим, транскультурным, назовем транснациональным искусством или искусством в формате транснационального восприятия в современных условиях. Коррелят национального и транснационального в мире искусства обнаруживает то, что произведения национальнoго характера, к примеру картины Леонардо, Рафаэля и музыка Моцарта, Бетховена или картины Кандинского и музыка Шнитке, а также произведения ярко выраженного национального колорита, такие, скажем, как картины Сарьяна и музыка Свиридова, приобрели сверхнациональное восприятие, детерминированное глобализирующимися процессами. В частности, музыка Свиридова звучит в метро Афин, а музыка Шопена — в метро Киева, а музыка Моцарта, Чайковского — в гостиницах Сеула.

Всечеловеческое, транснациональное звучание получают произведения авангардистов. К примеру, когда мы говорим о композиторах Нововенской школы Шенберге, Берге, Веберне или «Черном квадрате» Малевича, то мы вовсе не подразумеваем национальную природу принципов их творчества, хотя она, конечно, присутствует, но нас интересует выход за пределы ти-

пичного, национального, новый транснациональный стиль. Какое философско-эстетическое объяснение мы можем найти, осмысляя соотношение национального и транснационального в искусстве? Цивилизационное пространство XX века изменило представление о мире, что стало одним из условий эстетического освоения расширенного визуального и звукового поля в мире искусства. Так, с одной стороны, стало возможным всечеловеческое наблюдение объективного мира не только с высоты птичьего полета, но и с космической высоты, что нашло выражение в искусстве, а с другой — человечество, совершенствуя свой повседневный мир, продвигаясь вперед по жизненному миру, миропониманию, осмысляет свое существование в диалоговом пространстве наций и культур.

Одновременно художественное творчество новейшей эпохи в высшей степени выражает стремление XX–XXI веков к расширению границ звуковой и визуальной экспрессии, отвечающей философской диалектике и духу времени. Так, например, принадлежа Европе и Азии, С. Губайдулина выступает как гражданин мира, интегрируя в присущем ей философско-религиозном сознании разные подходы, обуславливающие плюралистически философское восприятие звука. со всей очевидностью реализуется характерное стремление современного искусства погружаться в глубину материального пространства и вместе с тем проникать в глубину человеческой души. С точки зрения коррелята национального и транснационального в мире искусства ценным представляется то, что мир искусства находит сверхнациональную, транскультурную точку мировосприятия.

Проблема коррелята национального и транснационального в мире искусства связана с транскультурными процессами, поиском новых подходов миропонимания, рассматриваемыми в философии. Так, Ю. Хабермас выдвинул концепцию перехода «от картин мира к жизненному миру», где «жизненный мир» трактуется как «совокупность условий возможности интенционального отношения к миру, взаимного перенимания перспектив...»¹ Понимание жизненного мира, по Гуссерлю, есть целостность возможного горизонта опыта, в рамках которой воспринимающе-познающее «я» обращено к предметности. Жизненный мир согласно трансцендентальной феноменологии строится на достижениях трансцендентальной субъективности, поскольку объективные науки выступают как субъективные результаты мирожизненной практики и возникают из конститутивной деятельности субъекта. По мнению Хабермаса, настоящее нашего образа мира подвело философию «к детрансцендентализации деятельной субъективности, выходящей за рамки Гуссерля и Хайдеггера». Если «Гуссерль говорит о трансцендентальной “горизонте” жизненного мира и его “приземленной” функции», то «жизненный мир» Хабермаса предстает как переживаемый мир, который «захватывает и носит» нас как конечных существ, который является интуитивно сопровождающим горизонтом опыта, фоном нашего присутствия, «нашего персонального, вы-

¹ Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру // Вестник Москов. ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 1. С. 4.

текающего из исторической ситуации, телесно воплощенного и коммуникативного обобщественного повседневного существования».

Таким образом, проживая «повседневный мир», мы осознаем себя в качестве перформативных субъектов, включенных в органические жизненные процессы, обобщественных (социальных) и субъектов действующих (вещающихся в мир). Скажем, мы есть биосоциокультурные существа, включенные в единый жизненный мир как фоновый. Следовательно, есть антропологическая, сверхнациональная точка отсчета человеческого бытия, если мы, люди, — продукты космической эволюции. Полагаю, что именно такая транскультурная точка отсчета в миропонимании может выполнять функцию плодотворного взаимодействия, «договоренности» национального и транснацио-

нального в диалоге культур и наций, какая совершается в мире искусства. В искусстве, имея разные формы выражения, она интуитивно присутствует, а главное — осуществляется как в творческом процессе, так и в эстетическом восприятии произведений искусства. Следовательно, можно говорить о транснациональном существовании национального искусства в пространстве жизненного мира.

В заключение замечу, что национальный интерес в глобальных вызовах выступает неким парадоксом, который заключается в том, что нация стремится не столько к защите от влияния извне, сколько стать транснациональной. Процесс этот в мировом масштабе осуществляется в «малом масштабе» в мире искусства как своеобразной проекции жизненного мира, детерминанты глобализирующихся процессов.

С. С. Комиссаренко¹

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК КУЛЬТУРНАЯ ДИЛЕММА

Национальный вопрос в России традиционно называют сложным, подразумевая при этом, что национальные отношения еще не сложились в константную систему и во много связаны не с ответами, а именно с вопросами выстраивания этих отношений. Это свидетельствует о том, что в нашей стране, впрочем, как и во всем мире, национальный вопрос находится в процессе своего оформления. Сегодня национальные отношения в мире больше связаны с состоянием турбулентности, чем со стабильностью и гармоничным развитием. Мир населен огромным количеством наций и национальностей, которые обречены взаимодействовать друг с другом вследствие глобализационных процессов и жизненной необходимости объединяться, чем разъединяться и замыкаться в своей жизнедеятельности, ограничиваясь этническими признаками. Однако сегодня мир все больше разобщается, нации стремятся к обособлению и сохранению своей исконной идентичности. Нации и народы не находят долговременных точек для соприкосновения ввиду различий территориального, политического, экономического, но больше всего языкового, ментального, культурного характера. В национально-аксиологическом контексте культура может выступать пространством, которое не соединяет нации, а разъединяет их по разным ценностным объектам, моделям жизни, мировоззренческим позициям и ментальным представлениям. Культура — это прежде всего ценности, которые можно отвергать, в лучшем случае игнорировать, а в худшем — ниспровер-

гать, разрушать. Разность в языках, традициях, образах жизни легче использовать для разъединения людей, чем искать культурную аутентичность для их сближения и единения. Чем жестче глобализационные процессы заявляют о себе, игнорируя национальные проявления различных культур, тем острее обнажаются национально-культурные проблемы в различных странах мира. Культурное своеобразие каждой нации заявляет о себе разными способами, вплоть до развязывания войн и гражданских конфликтов.

Признание факта остроты национального вопроса в России является сегодня уже хрестоматийным. Межнациональные отношения годами выстраивались по самопроизвольному принципу. Криминализация, разобщенность, игнорирование миграционных процессов явились результатом отсутствия в стране четкой национально ориентированной политики, учитывающей культурное разнообразие.

Национальный вопрос в России имеет сегодня две тенденции в своем развитии. Одна из них связана с точкой зрения на признание русского народа титульной нацией, то есть государствообразующей, доминирование которой признается другими нациями и народами, проживающими на территории России. Данную тенденцию можно обозначить как «Русский мир», строительство которого должно происходить не только за счет русских в России, но и тех, кто в силу разных причин оказался за ее пределами, особенно в странах СНГ. Объединить всех русских по этническому признаку — приоритетная задача идеологов «Русского мира». Вторая тенденция называется «цивилизационная», ее сутью является равенство всех наций, проживающих на территории России, с определением людей не по национальному признаку, а по гражданскому. В результате чего граждане, проживающие в России, являются россиянами. Данная тенденция не провозглашается официальной идеологией, но считается при-

¹ Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Формирование личности: концепции, институты, технологии» (монография), «Модернизация как качественное изменение социально-культурных процессов», «Российский этос: социально-культурный дискурс», «Гуманизм как основа диалога культур в эпоху глобализации», «Духовные миры отечественной культуры: модели современных трансформаций», «Мир пушкинского бытия: ценностно-смысловые доминанты» и др.

ритетной в национальной политике государства. Она находит приверженцев в различных слоях общества, ибо, по их мнению, обладает ресурсом нейтрализации сложных межнациональных отношений в России.

Сущность дилеммы национальных отношений во многом связана с многонациональным составом населения России и численным преобладанием русских. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в РФ проживает 142,9 млн человек. В составе населения России насчитывается более 180 национальностей. Русские — самый многочисленный народ, их численность составляет 111 016 896 человек, или 77,71 %. Второй по численности этнос — это татары, их численность — 5 310 649, или 3,72 %. На третьем месте находятся украинцы — 1 927 988 человек, их доля в составе населения России составляет 1,35 %. При этом в переписи было зафиксировано, что 138 млн человек (99,4 %) владеют русским языком¹. Исходя из данных переписи населения, можно сказать, что каждая из двух тенденций национальной дилеммы имеет право на существование как теоретическая проблема, а в практической плоскости национальный вопрос России более сложный и многоаспектный, чем эти две точки зрения. Вследствие идеологизации данных тенденций, на наш взгляд, национальные вопросы в стране обостряются.

Сегодня народы России начинают изолироваться, самообособляться в пределах своих территорий. Разрываются культурные связи, наступает локализация их национально-культурного развития. Утрачиваются традиции укрепления межнациональных связей, сложившиеся в советское время. В то время в образовательном процессе высшей школы гуманитарного направления обязательно присутствовала дисциплина «Литература народов СССР». Произведения Р. Гамзатова, Ч. Айтматова, Э. Межелайтиса не только знали, любили, но и имели в личных библиотеках.

Сегодня исчезают как сами библиотеки, так и знание литературы народов России. Информационные каналы культурного обмена «закупорены», средства массовой информации систематически не освещают культурную жизнь республик. Даже канал «Культура» обходится без постоянных обращений к культуре народов России и не имеет программ, рассказывающих об их традициях. Отсутствуют фестивали, выставки, а гастроли национальных театров не носят организованного и целенаправленного характера. Культурные акции, направленные на укрепление межнациональных связей, имеют либо ситуативный, либо хаотичный характер.

Выстроенная система культурных отношений между народами отсутствует. В связи с этим республики все больше обособляются в своей культурной жизни. С одной стороны, это способствует их самостоятельности, а с другой — приводит к искусственной самоизоляции, к созреванию национализма, который по своей

природе противопоставлен России. Национализм связан с доминированием одной культуры над другими и с агрессивным подавлением прав других на культурную самобытность. Идея «Россия для русских» в стране, где проживает более 30 млн человек иных национальностей, катастрофична. Также в России неприемлем национализм татар или иных этносов.

При этом в структуре Правительства России отсутствует министерство межнациональных отношений². Складывается парадоксальная ситуация — проблемы есть, а многонациональное государство не имеет структуры, вырабатывающей основы и поддерживающей национальные отношения. Национальная политика претворяется рядом правительственных документов, которые, казалось бы, и должны реализовывать культурную национальную политику и выстраивать взаимоотношения между различными национальными республиками. Так, в «Концепции государственной национальной политики» провозглашается: «...обеспечить сохранение и развитие традиционных форм хозяйствования, приумножение духовных ценностей, создаваемых искусством и литературой, народным творчеством, развитие и расширение сферы применения национальных языков, утверждение принципов культурного плюрализма, двуязычия и многоязычия при интегрирующей роли русского языка; использовать федеральные, региональные и местные средства массовой информации как инструмент обмена духовными ценностями народов России»³. Однако в реальной культурной практике происходит иное.

В «Литературной газете» от 2 февраля 2015 года было опубликовано Открытое письмо народных писателей тринадцати национальных республик Президенту РФ Владимиру Путину. Поводом для обращения к президенту стало торжественное открытие Года литературы во МХАТе им. А. П. Чехова. В частности, в письме говорится: «Национальных писателей возмутило, что на этом празднике не было сказано ни одного слова о литературах народов России, более того, в плане федеральных мероприятий ничего не обозначено по существующим проблемам перевода на русский язык, издания книг национальных авторов». Это, по мнению писателей, свидетельствует «о существующем пренебрежении к национальным литературам, невнимании к творческим процессам, которые идут в литературах, создаваемых на ста языках народов России. Год литературы должен на самом деле сплотить народы многонациональной России, обозначить духовно-нравственные ориентиры, поднять статус писателя»⁴.

Россия — это полиэтничный мир культуры. Исторически духовные миры России никогда не были моноэтническими. Многообразие определяло их сущность, как и саму культуру, сложным «многоцветьем» или «цветущей сложностью» (К. Леонтьев). Разнообразие миров с различными культурами, обычаями, традициями всегда было характерно для России.

¹ Национальный состав населения России. URL: megabook.ru/article

² <http://government.ru/gov/>

³ russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051

⁴ http://ysia.ru/news/30006/pisateli_natsional_nih_respublik_obratilis_s_otkritim_pis_mom_k_vladimiru_putinu.html

Т. В. Кузнецова¹

НАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ

Широкомасштабные процессы экономической интеграции размывают границы национальных культур, создавая возможность новых культурных синтезов. В зарубежной политологии, особенно англо-американской, стало даже модно говорить о фиктивном характере национальных общностей. Вместе с тем общество приобретает совершенно новую социальную структуру, существенно отличающуюся от классовых стратификаций индустриальной эпохи с присущим им относительно четким разделением «верхов» и «низов».

Теоретическое осмысление современных модернизационных процессов в России и эволюции ценностного сознания населения страны опирается на фундаментальное положение о законообразном характере развития общества и происходящих на этой основе социализации личности, взаимодействия объективных и субъективных факторов в ее развитии. Общим методологическим принципом исследования является междисциплинарный, позволяющий рассматривать исследуемые феномены с разных точек зрения.

В России, как и в большинстве других стран, они носят проблемный характер, что выявляет необходимость целенаправленного изучения российского менталитета и основ его формирования, в том числе православных, в сопоставлении с ментальной спецификой стран Запада, связанной преимущественно с протестантской религиозной традицией.

Все нарастающие цивилизационные столкновения становятся ведущим трендом мирового развития, разрушая традиционные нормы и алгоритмы функционирования планетарного антропофактора и личных экзистенций. Мир сегодня вступает в эпоху перехода от «столкновения цивилизаций».

Подлинной альтернативой унификации и обезличиванию мира становятся, как показывают события Новейшей истории, не только так называемые «регионализация» и «суверенизация» мировых политических субъектов, но и их «очеловечивание» — стремление многих народов к сохранению самобытности, уникальности и свободы, в том числе через осознание и укрепление многообразных идентичностей и объединение в союзы с близкими в культурно-ценностном смысле странами.

Народная культура рассматривается как культура непосредственно передаваемой (устной) традиции, продолжающей существовать в синкретических формах и сохраняющей актуальность в современном мире.

Для многонациональной России разнообразие народного творчества — не просто бесценное наследие,

это общенациональное преимущество. Именно традиции народов страны выполняют ключевую объединяющую роль, способствуя сближению людей и утверждению принципов согласия и толерантности.

Философский анализ в большинстве постсоциалистических стран во многом определяется мерой культурных традиций/новаций в реализации курса реформ. В связи с этим исследование специфических особенностей национального характера и ментальности народа, осуществляющего радикальное изменение своего социального бытия, позволяет выявить ментальные конструкты, которые следует учитывать властным структурам при реализации курса реформ и формировании такого общественного идеала, который способствовал бы сплоченности и взаимному доверию, сохранению национального достоинства и уважения к своей самобытной истории и культурным традициям. Поэтому изучение феномена массового сознания ценностей, норм и идеалов обеспечивает реальные социальные прогнозы относительно развития массовых процессов современного российского общества.

Заметную роль в становлении культуры Нового времени сыграла идея народности. Эта идея постоянно присутствует в идейно-эстетических дискуссиях и творческом процессе. Идея народности соединяла традицию с творческим поиском. Она придавала последнему определенные ориентиры и вместе с тем национальную окраску, выражающую многообразие и самобытность, без которых творческий процесс, в сущности, невозможен.

Особенно глубоким содержанием идея народности была наполнена в русской идейно-эстетической традиции и искусстве. Чувство связи с народом и его судьбой, служение народу были одними из характерных черт русской интеллигенции на протяжении почти двух столетий. Народная культура рассматривалась как непосредственно передаваемая (устная) традиция, продолжающая существовать в синкретических формах и сохраняющая актуальность в современном мире.

Формирование русской нации началось на основе складывания единого общероссийского рынка еще в середине XVII века и продолжалось примерно два столетия. Победа над Наполеоновскими войсками пробудила в передовых кругах общества уважение к человеку из народа, его традициям, стремление понять и изучить их, связать собственную культуру с народной традицией. Достаточно вспомнить Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Глинку, Гурилева, Варламова, Алябьева, Кольцова — художников, активно использовавших народно-фольклорные мотивы в качестве исходного материала для творчества.

Сближение и взаимопроникновение народно-фольклорного пласта культуры и «профессиональной», «ученой», художественной традиции — объективная и всеобщая закономерность становления национальной культуры, то есть культуры нации как специфической исторической общности, формирующейся в процессе

¹ Профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 70 научных работ, в т. ч. монографии «Парадигма народности в эстетической теории», главы «Понятие народности в западноевропейской и русской эстетике» (в кн. «Национальная политика и традиционная культура») и статей: «Эстетика в XX веке: основные тенденции», «От трагического к комическому», «Вклад в гуманитаризацию образования», «Современные проблемы эстетики» и др. Член редколлегии журнала «Вестник Московского университета», серия «Философия». Член Российского философского общества.

преодоления локальных особенностей культуры на почве усложнения социально-экономических отношений и превращения всей территории, занятой данным народом или государством, в единый хозяйственный организм.

Национальное — это не только культурные истоки данного народа, его исторические реликвии, прошлое. Это и сегодняшний день его развития. Иногда в научной литературе встречается попытка связать национальное своеобразие искусства исключительно с устойчивой, практически неизменной художественной традицией и некоторыми другими устойчивыми культурными явлениями (обрядностью и т. п.). Эта точка зрения опирается на два ложных посыла. Во-первых, национальное трактуется при этом как культурно-психологическая константа. Во-вторых, предполагается, что неизменность основных черт национальной психологии позволяет выделить в художественной культуре народа нечто устойчиво сохраняемое на всем протяжении истории данной культуры; это постоянное ядро будто и выступает как концентрированное художественное воплощение устойчивого национального духовного типа и определяет собой национальную принадлежность всей кристаллизующейся вокруг него системы эстетических ценностей, творческих приемов и более пластичных, динамичных, исторически изменчивых слоев художественной культуры.

Внимательное историческое исследование легко обнаруживает неправильность обоих посылов. Во-первых, национальный культурно-психологический тип не остается постоянным, он изменяется по мере развития социально-экономических условий, в которых живет данный народ. Можно, пожалуй, отметить некоторые устойчивые эстетические предпочтения и вкусы, сохраняющиеся и развивающиеся в культуре данного народа (таково, например, сочетание проникновенного лиризма с напряженной экспрессивностью, отличающее и русский фольклор, и русское профессиональное искусство), но они имеют различные формы выражения и воплощения, не остающиеся постоянными.

В современной художественной культуре можно выделить две основные формы существования традиций народного творчества. Это, с одной стороны, его собственная среда, а с другой — сфера искусства, создаваемого профессиональной художественной интеллигенцией, использующей элементы народно-фольклорной традиции в качестве материала для творческого переосмысления и обработки. Только такое использование народно-фольклорных традиций может способствовать формированию и развитию подлинно национального современного искусства. В противном случае оно превращается в стилизацию, лишенную глубокого содержания. Фактически здесь можно говорить об эстетическом переосмыслении и активной переработке национального фольклора и традиционного прикладного искусства. Но переосмысляются они с иной эстетической позиции, чем в «профессиональном» искусстве, — не извне, а изнутри народной традиции. Искусство, лишенное национального своеобразия, оторванное от традиций широких масс, может быть

лишь достоянием какого-либо весьма узкого общественного слоя.

Ведущую роль в развитии эстетического воспитания, приобщении подрастающего поколения к сокровищнице культуры, формировании у молодежи способности ценить и понимать прекрасное призвана сыграть реформа школьного образования. Качественное улучшение преподавания литературы, введение в практику школьной работы изучения истории искусств и основ музыкальной культуры, несомненно, будет способствовать более полному выявлению творческих возможностей самых широких слоев нашего народа, вовлечению людей в процесс эстетического творчества именно в том возрасте, когда складываются их вкусы, мировоззрение, ценности.

Однако духовные, нравственные, творческие ценности отстают под натиском функционально-технократических технологий.

По словам президента России В. В. Путина, сегодня страны Запада столкнулись с «кризисом... модели «национального государства» — государства, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности... При всей внешней схожести ситуация у нас — принципиально иная... Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство... Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь»¹.

Диалог культур, совместный мониторинг глобальных процессов и коллективное решение существующих проблем суть неотъемлемое решение актуальных вопросов.

Одним из важнейших факторов эволюции ценностей в трансформирующемся обществе является преемственность поколений, которая обеспечивает трансляцию культуры от старших поколений к младшим.

Изменяется система народного образования во всех его звеньях — от дошкольного до высшего образования, аспирантуры и докторантуры. Коммерциализация образования предполагает становление новой цели — так называемое сервисное обслуживание населения. Существенно меняются образ жизни и хозяйственный уклад населения, особенно в быту.

Менталитет, понимаемый как совокупность установок воспринимать мир определенным образом, характеризует образ мышления не только этноса, группы людей, но и отдельного человека. Будущее российского общества настоятельно требует коренных изменений в деятельности социальных институтов, ответствен-

¹ Путин В. В. Россия: национальный вопрос. URL: <http://putin2012.ru/#article-1>

ных за социализацию молодежи, гражданского общества, семьи, системы образования, СМИ, смещение их активности в сторону формирования сильной личности, способной жить и работать в непрерывно меняющемся мире, личности саморазвивающейся и социально ответственной, способной взять на себя смелость осуществлять необходимые изменения в целях радикального обновления современной России.

Гуманитарные ценности, человеческое в человеке (как духовное, нравственное, творческое) уступают место функционально-технократическим. Отчуждение

человека становится все более многообразным и всеобъемлющим, в процессе поиска людьми и народами эффективных моделей социализации — как способа защиты от глобализации и порождаемой ею новой тотальности — все чаще выходят на передний план национальные, конфессиональные и планомерно-групповые идентичности.

Перед Россией открываются возможности суверенного развития, что стимулирует российские гуманитарные науки к поиску ответов на ключевые вопросы новой повестки дня.

Д. Э. Летняков¹

ИДЕЯ ИМПЕРИИ И НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Советский период имеет особое значение для судьбы националистической и империалистической идеи в России, поскольку именно в эту эпоху указанные идеи из сугубо элитного дискурса проникли в массовое сознание наших соотечественников. Это было связано с советской модернизацией, которая среди прочего впервые за много веков по-настоящему перевернула традиционный уклад жизни русского крестьянства: была упразднена передельная община, началась форсированная индустриализация страны, что вело к «вымыванию» из деревни значительной массы населения. Параллельно и в саму деревню все активнее проникают различные модернизационные тенденции: развиваются средства коммуникации между городом и селом, начинается «культурная революция», строятся школы и дома культуры, появляются радио, газеты и кино.

Какое отношение эти явления имели к национализму? Известно, что для возникновения нации как социального конструкта нужны определенные условия. Принцип национализма начинает заменять собой прежнюю лояльность населения правящей династии и господствующей церкви лишь с конца XVIII — начала XIX века, но для того, чтобы смена лояльностей произошла, необходима модернизация общества, включающая урбанизацию, создание общегосударственной системы школ, развитие коммуникаций между разными частями страны, разрушение сословных перегородок и т. д. Только после осуществления указанных процессов солидарность между людьми, родившимися в одной деревне или молящимися в одной церкви, заменяется солидарностью между людьми, живущими

в одной стране и говорящими на одном языке. Последнее и есть идея нации.

Иными словами, необходимо принципиальное изменение социального бытия людей, для того чтобы «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон) под названием «нация» проникло в их сознание. Ранее крестьянские массы не воспринимали себя в качестве французов, немцев или англичан — слишком велики были языковые и вообще региональные различия между частями страны, слишком замкнуто друг от друга существовали отдельные локальные сообщества и т. д.

Существует классическая работа Ю. Вебера, в которой он показывает, что национальное самосознание у французских крестьян возникает лишь к началу Первой мировой войны, и происходит это вследствие целенаправленных усилий со стороны государства². Данное замечание равным образом справедливо и для русских крестьян (вплоть до сталинской коллективизации они составляли подавляющее большинство населения нашей страны — не менее 85 %), идентичность которых также в течение многих веков ограничивалась принадлежностью к общине, православной церкви и подданством царю. Более того, в дореволюционной России описанная ситуация усугублялась отсутствием системы всеобщего образования, слабым уровнем урбанизации, сохранением многих сословных пережитков, довольно поздним появлением представительного органа и т. д. Поэтому Р. Суни был прав, когда писал, что «царское правительство не смогло превратить крестьян в русских»³, и народное сознание вплоть до советской эпохи было донациональным. И лишь социальные трансформации советского периода принесли широким массам населения национальную идентичность. Формирование национальной идентичности затронуло, естественно, и другие этнические группы, но мы ограничимся в этом описании только русскими как крупнейшей частью российской политической нации.

¹ Заместитель заведующего Сектором истории политической философии Института философии РАН, кандидат политических наук. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Очерки истории русской политической мысли» (учеб. пособие), «Всегда ли «культура имеет значение»? О продуктивности культурцентричных подходов в политической науке», «Существует ли «российская цивилизация»? Опыт критического анализа цивилизационных концепций», «Истоки гражданской политической традиции в России», «О способности русского мира к демократии. Попытка оптимистической интерпретации отечественной истории», «Полемика нестяжателей и иосифлян как предмет политологического исследования» и др. Член Российской ассоциации политической науки.

² Weber E. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914. Stanford, 1976.

³ Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского. Казань, 2004. С. 188.

То же касается и идеи империи. Распространено убеждение, что имперское сознание в России существует едва ли не со времен Ивана Грозного, что русские на протяжении большей части своей истории являются имперским народом. В действительности же крестьянин имел весьма смутные представления о государственных институтах и политических процессах, происходящих в стране, они были ему чужды и непонятны. Все авторы XIX — начала XX века, исследовавшие особенности крестьянского сознания (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Энгельгардт и др.), подчеркивали факт радикального отчуждения крестьян от властных институтов, находящихся за пределами общины, писали о недоверии народа ко всему, что исходит от власти (например, крестьяне боялись попасть в суд даже в качестве свидетелей), «локализме» и стихийном анархизме крестьянского мировоззрения. Поэтому крестьянские массы никогда не идентифицировали себя с имперскими институтами, не понимали геополитические задачи, которые империя ставила перед собой, им была абсолютно чужда идея русского мессианства (хотя бы потому, что они не ощущали себя русскими) или мессианства православного, так как народное православие — это прежде всего что-то простое и наивное (окропление пашни святой водой перед началом сева или свеча в храме «за упокой души»), а не сложная метафизика концепции «Москва — Третий Рим». Советская модернизация покончила с традиционным крестьянским мировоззрением. Абстракции нации и государства, недоступные неграмотным крестьянам прежней эпохи, постепенно вошли в сознание советских людей, в том числе живущих в деревне.

Еще один важный момент заключался в том, что вместе с форсированной индустриализацией страны, необходимой на случай военного противостояния с капиталистическими государствами, власть начинает возрождать и русский патриотизм. С начала 1930-х годов в связи с отказом большевиков от идеи мировой революции уходит в прошлое и прежнее отношение к России как к «тюрьме народов», начинается восстанов-

ление позитивного образа дореволюционной России. В реанимированной имперской парадигме русские как крупнейший народ страны занимают особое место — достаточно вспомнить знаменитое выступление Сталина на приеме в Кремле вскоре после Победы, в котором он говорит о русском народе как о «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза», как о народе, играющем роль «руководящей силы в великом Советском Союзе»¹. В условиях модернизированного общества эти имперские идеи уже не были достоянием узкой прослойки образованных людей, теперь они находили отклик и в массовом сознании.

Можно долго спорить о том, был ли СССР империей. Во всяком случае это было импероподобное образование, использовавшее элементы имперской политики. И русские в этой империи являлись «государствообразующим» народом — крупнейшим по численности; народом, чей язык был *lingua franca* на всей территории страны, представители которого вместе с национальными кадрами занимали руководящие посты во всех пятнадцати республиках. Образ «старшего брата» применительно к русским активно использовался в историческом нарративе, культуре, официальной пропаганде. Русских в качестве имперского народа воспринимало титульное население республик; русские во многом и сами ощущали себя именно так.

Таким образом, необходимо понимать, что, когда мы рассуждаем о русских применительно к досоветской эпохе, используем прием постфактической рационализации, то есть, мысля сегодня в национальных категориях, мы задним числом включаем в члены русской нации наших далеких предков, не знавших о том, что они русские. Кроме того, когда мы говорим о тех же русских как об имперском народе, игнорируем специфику политической культуры традиционного крестьянства, которое не могло разделять никаких имперских идей. Имперская и национальная идентичность — это один из элементов советского наследия, доставшегося нам от этой поворотной во многих отношениях эпохи.

И. В. Малыгина²

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ: ОТ ИДЕИ НАЦИИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

Тот факт, что проблема национализма, насчитывающая по меньшей мере двухсотлетнюю историю,

¹ Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999. С. 42.

² Заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор. Автор более 100 публикаций, в т. ч.: «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности», «Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика», «Россия на рубежах истории и границах цивилизаций», «Российская идентичность в контексте культурных “разломов” глобального и локального», «Идентификационный ресурс культурной памяти: от “помнящей культуры” к “культуре забвения”» и др. Член Российского культурологического общества.

к сегодняшнему дню не только не исчезла из международного социально-гуманитарного дискурса, но выходит на новый виток обсуждения, лишней раз говорит о том, что глобальной культуры не случилось, а вопросы самоопределения и национальной идентичности приобретают в современном мире особый смысл и дополнительную остроту. В ряду идентификационных стратегий теории и практики национализма неожиданным стали востребованными в разных регионах мира.

Сложная природа данного явления и отсутствие общепринятой дефиниции привели к самым противоречивым интерпретациям и оценкам национализма: от его осуждения как кризисного явления и деструктивной формы культурно-исторического процесса до культиви-

рования в качестве здорового признака независимости народа. Мы же склонны рассматривать национализм как форму этнокультурной идентичности.

Этнокультурная идентичность — сложный социально-психологический феномен, содержание которого включает осознание индивидом единства с этнонациональным образованием (этносом, нацией) на основе разделяемой культуры; глубинное эмоциональное, почти сакральное переживание этого единства и, наконец, культурные практики манифестации этого единства, как индивидуально-личностные, так и коллективные.

Таким образом, сложная структура идентичности представляет собой три взаимосвязанных компонента, образующих *устойчивую синхроническую «горизонталь»*: рефлексивный, эмоциональный и поведенческий.

Вместе с тем в структуре этнокультурной идентичности на том или ином этапе социокультурной динамики можно обнаружить несколько разновременных «слоев», образующих ее динамическую *диахроническую «вертикаль»*. Образно этнокультурную идентичность можно представить в виде перевернутой пирамиды, основание которой образует родовая идентичность, средний слой — этническая идентичность и верхний, самый широкий слой — национальная идентичность. При этом выделенные слои следует рассматривать как последовательные исторические модификации этнокультурной идентичности, которые в процессе исторической динамики не отрицали друг друга, а развивались по принципу взаимодополнительности.

Можно зафиксировать наличие некоторых устойчивых закономерностей, чрезвычайно важных для понимания природы национализма: на каждой новой исторической стадии произошла не отмена, а частичная трансформация, адаптация и синтез традиционных и актуальных (приоритетных) идентификационных оснований. Они не просто заменяют старые, но сосуществуют, взаимодействуют, образуют все более сложные, иерархически организованные системы. В итоге в «активе» идентификационных оснований субъектов национальных сообществ оказываются результаты сложившейся иерархической вертикали. Это значит, что во многих случаях люди нормально и, что важно, одновременно живут в двух или нескольких системах этнонациональных координат. Как результат, национальная идентичность сохраняет в своей структуре и «парадигму родства», и этнокультурные основания социальной консолидации (этнолингвистические, этноконфессиональные и др.), преломляя их, однако, через призму унифицированной гражданской идентичности.

Именно поэтому национальная идентичность носит прецедентный характер, и в условиях конкретной исторической ситуации может произойти актуализация любого из идентификационных оснований в зависимости от того, какой грани национальной целостности — территориальной, политической, языковой, конфессиональной или иной — угрожают *реальные или воображаемые* вызовы, деформации, разрушения, или может возникнуть их симультанная комбинация.

Наиболее ярко и показательно вся сложность национальной идентичности проявляется в феномене на-

ционализма, в различных видах которого актуализируются либо архаические родовые, либо этнокультурные, либо политические основания социальной консолидации. Отсюда — многообразие форм проявления национализма: расовый (тяготеющий к «чистоте крови»), лингвистический, религиозный, гражданский и др.

Существует мнение, что каждый народ в чем-то и в какой-то степени националист: «Американец понимает это как гордость тем типом либерально-рыночной цивилизации, которая сложилась в США, и совершенно не принимает в расчет ни этнические, ни расовые, ни государственные критерии. Французский националист всегда немного якобинец, сторонник «единой и неделимой Франции», его в первую очередь волнует принадлежность к французской культуре и лояльность государству, а потом уже этнический компонент. Немецкий национализм, напротив, носит чисто этнический, даже расовый характер. Национализм сербов и румын — подчеркнуто православный. Национализм испанцев — католический. Национализм португальцев и галисийцев («саудаде») — мистико-трагический. Национализм евреев — религиозный и мессианский... Русский национализм является, безусловно, религиозным, а точнее, православным, мессианским и эсхатологическим»¹.

Можно возразить автору по поводу приведенных оценок, поскольку ни одна из этих характеристик, пожалуй, не может претендовать на роль константы, определяющей континуальность историко-культурного развития любого из названных народов. Смена исторических обстоятельств, трансформация культурных связей или социально-политических приоритетов — любой из этих факторов способен стимулировать изменения в комплексе идентификационных стратегий и внутренних побуждений к этнонациональной консолидации.

С другой стороны, в один и тот же исторический момент для разных частей общности могут быть актуальны различные основания национальной идентичности.

Тем не менее данное мнение представляет для нас интерес в силу того, что все перечисленные определения «этнических национализмов» указывают на возможность существования различных оснований национальной идентичности, обусловленных уникальностью исторического опыта и культурного развития того или иного народа и являющихся доминантными основаниями социальной солидарности у разных народов или частей народа в *той или иной исторический период*.

Подобное многообразие форм проявления национализма, а также разночтения в интерпретациях этого понятия делают весьма актуальными и методологически важными выявление некоей универсальной сущности национализма и осмысление его как целостного феномена. В противном случае мы всякий раз будем иметь дело с набором уникальных конкретно-исторических форм его проявления, не поддающихся сколько-нибудь системному анализу.

Для решения этой задачи представляется продуктивным осмысление той эволюции, которую феномен

¹ Дугин А. Апология национализма. URL: <http://arctogaia.com/public/konsrev/natio.htm>

национализма прошел с течением времени и которая, как представляется, позволяет зафиксировать некоторые универсальные закономерности.

Если вспомнить, что суть первых национальных теорий составляло требование, приписываемое Наполеону: «Одна нация — одно государство»¹, то обнаружится, что первоначальный национализм означал принцип, предписывающий совпадение политических и этнических границ, иными словами, был ориентирован на совмещение государственных и этнокультурных единиц². По сути, ранний национализм воплощал *идею нации* — принципиально новый подход к мировому устройству, территориальному размежеванию народов, который в XVIII–XIX веках пришел на смену полиэтничным монархиям, построенным по династическому принципу. Таким образом, первоначальный смысл национализма был связан с теорией и практикой строительства государства, характеризующегося этнической и культурной однородностью³.

Однако идея нации изначально содержала в себе неразрешимое онтологическое противоречие. Поскольку абсолютно гомогенное в этнокультурном отношении общество возможно только гипотетически, постольку довольно сложно абстрагироваться от очевидности, что процесс нациестроительства, целью которого является этнокультурная однородность общества, почти всегда основан на реальном историко-культурном доминировании одного из этносов «национализующегося» государства. При этом все прочие народы, оказавшиеся в границах данного национального государства, приобретали зависимое положение. В таких условиях арсенал методов достижения этнокультурной однородности не исключал принудительной культурной ассимиляции, насильственной депортации некоренных народов, актов геноцида и т. д. Добавим к этому активную колонизацию Азии и Африки, протекавшую на протяжении XVIII–XIX веков, и станет понятно, почему впоследствии под национализмом стала подразумеваться идеология, политика и социальная практика подчинения одних народов другим. Отметим, что в отличие от научных исследований, где учитывается все многообразие форм проявления национализма, в общественном сознании многих народов (в том числе и русского) преобладающей стала именно эта его негативная коннотация.

Конфликт (явный или скрытый) между титульным этносом или метрополией, с одной стороны, и национальными меньшинствами или коренным населением колоний — с другой, стимулировал *дальнейшее смещение акцентов* в интерпретации феномена национализма.

Прежде всего он стал отождествляться с *идеологией социального и культурного консерватизма*, поскольку в процессе формирования национального самосознания не просто фиксировалось представление об уникальности собственного исторического опыта, культуры и социального порядка, но и осознавалась необходимость их сохранения и культивации.

¹ См.: *Актон Дж.* Принцип национального самоопределения // *Нация и национализм*. М., 2002. С. 39–41.

² См.: *Гелнер Э.* *Нация и национализм*. М., 1991. С. 5, 24.

³ См.: Там же. С. 159–160.

Одновременно происходила концептуализация прогноза относительно будущего нации, осмысление той особой роли, которую она призвана сыграть в мировом культурно-историческом процессе. Таким образом происходила сложная трансформация национализма от *идеи нации* к *национальной идее*.

Вместе с тем опыт «национального поражения», неизбежного в истории некоторых народов, стимулировал развитие «*оборонительного*» национализма, в котором доминировали поиски новых или дополнительных оснований для восстановления национальной независимости и самоуважения. И в этих обстоятельствах национализм вновь выступает как *идея нации*, поскольку подразумевает в том числе и стремление народов к обретению собственной государственности и национальному самоопределению. Круг замкнулся...

Безусловно, этим не исчерпывается множество реальных проявлений национализма. Другой распространенный опыт его осмысления и типологизации восходит к традиции разделения наций на *гражданские (или политические)* и *этнические (или культурные)*. Соответственно и различные виды национализма, рассматриваемого под данным углом зрения, определяются либо как *гражданский*, воплощающий в первую очередь преданность и лояльность национальному государству, либо как *этнокультурный*, акцентирующий общность происхождения, языка, религии, культурных традиций, этническую принадлежность. Как отмечает Э. Хобсбаум: «У национализма есть много веских оснований желать, чтобы его отождествляли с принципом этнической принадлежности, — хотя бы потому, что он обеспечивает “нацию” исторической родословной, которая в подавляющем большинстве случаев у нее... отсутствует. Он делает это, по крайней мере, в регионах с древней письменной культурой вроде Европы, где в течение долгих эпох у этнических групп сохраняются одни и те же названия, хотя, быть может, они описывают весьма разные и изменяющиеся виды социальной реальности»⁴.

В контексте третьего подхода раскрывается сущность национализма с точки зрения его *субъекта*. Если речь идет об идеологии, политике и социальной практике, осуществляемой государством или политической элитой, то говорят об *официальном* или *государственном* национализме⁵. Если же подразумевается национализм как национально-освободительное движение, то за этой его разновидностью закрепилось наименование *массового*⁶.

Таким образом, если выделить из всего многообразия интерпретаций феномена национализма некую универсальную сущность, можно определить его как историческую форму этнокультурной идентичности и обеспечения социальной консолидации общества. При этом в каждой конкретно-исторической ситуации национализм актуализирует специфические основания, мотивацию, механизмы формирования и формы манифестации этнокультурной идентичности.

⁴ *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // *Нация и национализм*. М., 2002. С. 335.

⁵ *Андерсон Б.* *Воображаемые сообщества*. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 105–132.

⁶ Там же. С. 133–135.

Ф. Т. Мамедов¹

О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Современный мир переживает нелегкие времена. Наряду с выдающимися достижениями человеческого разума, мировой культуры и науки в нем наблюдаются сложные глобальные проблемы, связанные с ростом народонаселения и сокращением природных ресурсов, стихийными бедствиями, болезнями, конфликтами культур и интересов. Кризисные процессы в мировой цивилизации, быстрые изменения и неопределенности в политике, экономике, международных отношениях требуют поиска наиболее эффективных мер и социальных технологий, выработки коллективных решений, способствующих преодолению противоречий, опасностей и деструктивных явлений, негативно влияющих на устойчивое развитие человечества.

В кризисных ситуациях, как правило, средства достижения намеченных целей развития становятся неадекватными, в результате чего нередко возникают непредсказуемые обстоятельства. По-видимому, в таких условиях трудно обойтись без системного культурологического и обусловленного им ситуационного анализа, необходимого для принятия правильных управленческих решений. Понимание этого выдвигает в повестку дня вопрос о стратегическом значении духовной культуры и культурологии для человеческого развития, достижения взаимопонимания, установления культуры мира и сотрудничества. По-видимому, всем нам необходимо проникнуться осознанием чрезвычайной важности духовной культуры для выживания человечества в условиях противоречий и конфликтов взаимозависимого мира. История мировой цивилизации убедительно показывает, что мир может спасти только высокая духовная культура, являющаяся креативным источником человеческого развития. Только она и основанная на ней созидательная деятельность способны вывести общество к новым горизонтам развития и благосостояния, обеспечить воспроизводство жизни и лучшее будущее человечества. Культура — это неисчерпаемый источник жизни, человеческого развития и счастья, благотворная энергия знаний, добра, любви и созидания. Нет более высокого критерия человеческой ценности во всем мире, чем культура. Ни национальность, ни религия, ни место рождения, ни место проживания, ни профессия не могут служить таким критерием. Высокая духовная культура — это учитель правильной жизни, основа устойчивого общественного прогресса,

источник экономического и социального благосостояния нации, конкурентоспособности и безопасности общества и государства, ключ к любви, дружбе и сотрудничеству людей, путь к миру и прогрессу человечества. Превосходство в духовной культуре, основанной на знании и этике, было, есть и будет неперемным условием выживания и развития, продуктивного производства и разумного потребления, прогрессивной идеологии и взвешенной политики.

Для того чтобы культура спасла мир, необходимо защитить ее гуманистические завоевания от процессов деградации и разрушения, от невежества, пережитков дикости и варварства. Поэтому долг каждого интеллигентного человека, политика и чиновника, любящего свой народ, состоит в том, чтобы, используя возможности образования, просвещения и информации, защитить культуру от деструктивных процессов, способствовать непрерывному совершенствованию духовной культуры личности, общества и государства. Невежество — это зло и бедность, а культура — это знание, развитие и благосостояние. Преодолеть и уменьшить зло как социальное явление, обусловленное в первую очередь невежеством людей, преодолеть чрезмерный эгоизм, гнев, алчность и коррупцию можно только путем развития и распространения высокой духовной культуры, оказывающей позитивное влияние на характер и поведение человека. Многие здесь зависят от гуманистического воспитания детей и молодежи, умения переубеждать взрослых людей на основе доводов логики, опирающейся на достижения науки и практики, разъяснения преимуществ жизни, построенной на ценностях и стандартах высокой культуры, возможностей, которые дает человеку образование.

Если мы хотим защитить культуру и способствовать формированию гуманистической цивилизации, необходимо строить свою жизнедеятельность на основе приверженности принципам гуманизма, доверия и доброй воли в межличностных отношениях, экономической свободы и социальной справедливости, позволяющим наиболее полно раскрывать и использовать творческий и нравственный потенциал человека в интересах развития общества. Это предполагает утверждение примата культуры в общественном сознании, взаимодействие и взаимообогащение национальных культур, расширение международного социально-культурного сотрудничества, основанного не только на общих интересах, но и на новом, глобальном культурогенезе, ориентированном на конвергенцию и диффузию культур. Трудности этого процесса обусловлены природой и особенностями массовой культуры — очевидного фактора, тормозящего развитие общества. Представители обыденной культуры пассивно приспосабливаются к жизни, они не способны мыслить инновационными категориями, не понимают и не признают достижений современной науки, не способны свое-

¹ Профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку), доктор исторических наук. Автор более 200 научных и научно-просветительских работ по истории и теории культуры и науки, научных концепций и проектов, нацеленных на модернизацию и социальный прогресс азербайджанского общества и государства. Среди них — фундаментальные труды: «Культурология: вопросы теории и истории», «Культурология как путь к эффективной жизнедеятельности», «Культура управления. Опыт зарубежных стран», отмеченные национальными премиями «Умай» и «Интеллект». Президент Ассоциации культуры Азербайджана. Председатель Общества культурологов Азербайджана. Главный редактор международного культурологического журнала «Симург».

временно отвечать на вызовы постоянно меняющегося мира, полного неопределенностей.

Идея благовоспитанного человека во все времена была в центре внимания великих гуманистов, в том числе Низами Гянджеви, Иммануила Канта, Федора Достоевского, Мирза Шафи Вазеха и многих других. Для творчества великого азербайджанского мыслителя и поэта Низами Гянджеви было характерно не только понимание и признание незаменимой роли интеллектуальной культуры в человеческом развитии, но и распространение универсальных знаний о жизнедеятельности людей, прославление великих идей гуманизма и мудрости. Вспомним нравственную жизненную позицию основоположника немецкой классической философии Иммануила Канта, говорившего о «нравственном законе внутри нас», о том, что «прекрасное — это символ морального добра». Высоко оценивавший нравственную красоту человека Федор Достоевский стремился создать образ «положительно прекрасного человека», обладающего добротой, человеколюбием, кротостью, способностью сострадать людским бедам и несчастьям. Великий русский писатель полагал, что зло «не может быть нормальным состоянием людей», что каждый в силах от него избавиться. Только когда люди станут руководствоваться лучшим, что есть в их душе, памяти и намерениях (добром), они будут по-настоящему прекрасны. И мир будет спасен, и спасет его именно такая «красота» (то есть лучшее, что есть в людях). Известный азербайджанский мыслитель Мирза Шафи Вазех в своих произведениях подчеркивал важность объединения добрых людей в целях выживания и торжества добра, составляющего основу человеческой жизни.

Однако недостаточно просто просвещать людей. Нужны активные действия, направленные на изменение мира к лучшему через изменение культуры людей. Это можно сделать только совместными усилиями ученых, специалистов и политиков разных стран мира, в рамках международной культурной политики, отвечающей жизненным потребностям национального и мирового развития. Осуществление такой политики, рассчитанной на долговременный период, должно открыть широкий доступ различных народов к ценностям мировой культуры, расширить их возможности для творчества, создать условия для взаимопонимания, культурного обмена и развития культурных навыков.

Все это обуславливает актуальность коллективной защиты завоеваний и приоритетного развития высокой духовной культуры человечества. Независимо от национальности, религиозных убеждений, места рождения, пола, политических симпатий или коммерческих интересов в рамках новой международной культурной политики необходимо сложение усилий людей разных стран для строительства гуманистической цивилизации, отвечающей общим интересам народов.

Такая политика предполагает и развитие мультикультурализма, основанного на принципах гуманизма, взаимоуважения и равноправного сотрудничества, конвергенции, диффузии и интеграции культур. Стабильное и безопасное развитие современных многонацио-

нальных обществ обусловлено взвешенной политикой мультикультурализма, эффективность которой во многом определяется стратегиями культурологического характера. Такие стратегии предполагают создание благоприятных условий для взаимопонимания, уважения, социальной солидарности и сотрудничества в целях устойчивого развития и благосостояния представителей разных народов, совместно проживающих в рамках одного государства.

Одним из подтверждений успешности таких стратегий является развитие Азербайджанской Республики, в которой гармонично сосуществуют культуры разных народов, успешно интегрированных в национальную культуру Азербайджана. Благодаря традиционной политике гармонизации культур и религий Азербайджан всегда служил благоприятным пространством для интеграции культур и религий представителей разных этносов. Толерантные и дружеские отношения между представителями мусульманского населения, христиан и иудеев всегда были характерны для гуманистической духовной культуры азербайджанского народа.

К сожалению, некоторые государства Запада отказались от мультикультурализма в связи с тем, что управление им является довольно сложной политической задачей. Возможно, представители некоторых народов с трудом интегрируются в национальную культуру тех или иных государств. Однако отказ от мультикультурализма не сулит ничего хорошего, ибо это путь, ведущий к непониманию, фобии, противопоставлению и противостоянию, к национальным и религиозным конфликтам, число которых, к сожалению, возрастает во всем мире. В целях обеспечения продуктивной политики мультикультурализма необходимо терпеливо воплощать в жизнь стратегии, обеспечивающие постепенный рост взаимопонимания, конвергенции и гармонизации культур и интересов, выработку механизмов оценки людей на основе меритократических принципов, мотивацию созидательной деятельности, развитие культуры мира.

В основе правильных действий лежит правильное мышление, а оно требует правильного понимания, достоверной информации, знаний о культуре и психологии противоположной стороны, достаточной эрудиции, основанной на системном гуманитарном образовании. В силу этого очень важно, начиная с детских садов и заканчивая государственными организациями и предприятиями, охватить население гуманитарным образованием и просвещением, способствующим качественному и количественному росту культурных людей, обладающих достаточным уровнем нравственности, знаний, организованности и навыков созидательной деятельности, составляющих ядро национального человеческого капитала. Широкое и повсеместное изучение истории, теории и практики мировой культуры и цивилизации по специальным образовательным и просветительским программам должно рассматриваться как стратегия, отвечающая национальным интересам каждой страны и мирового сообщества в целом. Важная роль в этом процессе отводится культурологии, незаменимой в решении сложных проблем национального и глобального характера. Мир, включая

и атом, состоит из множества сложных систем. В силу этого, как показала история, именно системный подход к исследованию явлений и событий природы и общества является наиболее продуктивным методом поиска истины. Системный культурологический подход дает возможность понять важнейшие закономерности человеческого и общественного развития, вырабатывать наиболее жизнеспособные социальные стратегии и тактики и успешно прогнозировать будущее.

Если в алхимии «философский камень», предназначенный для превращения неблагородных металлов в золото, не смог превратить мечту в реальность, то «философский камень культуры» — возможное и необходимое социальное явление. Это культурология, способная обеспечивать «производство» высокой культуры при помощи специальных исследований, технологий образования и просвещения людей разных возрастов, национальностей, религий, социального происхождения и убеждений. Достоинства и неоспоримые преимущества культурологической науки обусловлены и тем, что она позволяет решать сложные задачи, эффективный анализ которых невозможен только методами отдельных наук, таких как история, антропология, философия, психология, социология, политология, филология, педагогика, экономика, правоведение и др. Культурология дает многомерное видение мира и создает большие перспективы как для совершенствования и повышения эффективности действующих политических и социальных систем и структур, так и для конструирования новых стратегических, конкурентоспособных структурных и управленческих моделей государственного строительства и управления.

Используя преобразовательные возможности культурологии, необходимо формировать, совершенствовать и распространять культурные стандарты универсального характера, адекватные требованиям времени, признаваемые и одобряемые представителями различных культур как универсальные базовые ценности. Конечно, это очень непростая задача, так как многие народы имеют давно сложившиеся традиционные ценности и нормы, по которым живут столетиями. Сложность проблемы обусловлена и тем, что на планете живут люди совершенно разных культур, имеющие различные системы ценностей, этические нормы, мировоззрение, представления о смысле жизни. Тем не менее в интересах сохранения жизни на земле необходимо идти путем преобразования и сближения культур, развития международного сотрудничества. У нас нет выбора, если мы хотим выжить и развиваться.

Преодоление культурных различий предполагает разработку и осуществление согласованных международных программ аккультурации людей на основе общечеловеческих стандартов культуры, включающей ментальные и поведенческие компоненты. Безусловно, такая стратегия потребует определенных компромиссов между ценностями национальных культур и потребностями выживания и развития, ценностями самой жизни в условиях современного взаимозависимого мира. Миру нужны культурологические программы и проекты, предусматривающие специальное образование, интерактивные тренинги и воспитание

культурных людей, подготовку экспертно-аналитических материалов, разработку инновационных моделей и технологий общественного развития, прогнозов и рекомендаций, необходимых для принятия взвешенных политических решений в области культуры международных отношений. Исследовательская и просветительская деятельность международных экспертов должна быть поставлена на службу росту общекультурного уровня народов разных стран, формированию высокой культуры труда и человеческих отношений, выработке высоких стандартов интеллектуальной, этической, правовой, управленческой, производственной, бытовой, межнациональной, политической и социальной культуры на основе активного вовлечения в этот процесс различных слоев населения. Наряду с регулированием экономических вопросов необходимо заботиться о формировании и развитии культурных ценностей и норм, в основе которых лежат общие для всех ценности самой жизни. Оказывая влияние на генетику культуры путем образования, просвещения и воспитания детей и взрослых, необходимо расширять социальную базу культурной среды, в которой априори доминирует приоритет общечеловеческих ценностей.

Как мне кажется, пути решения этих проблем нужно искать в двух основных направлениях. Первое — формирование осмысленных потребностей, обусловленных важностью развития высокой человеческой культуры как магистрального «пути жизни» в каждой отдельно взятой стране. Второе — изменение условий, формирующих характер глобальных вызовов социально-политического свойства, создающих опасности для мира, сотрудничества и развития, путем совершенствования стандартов этической культуры человечества и выработки новых подходов к коммуникации. Необходимо обеспечивать взаимопонимание и согласование в ценностях, что невозможно без новых интерактивных методов просвещения людей, разъяснения жизненной необходимости установления во всем мире приоритета базовых человеческих ценностей и новой жизненной философии, основанной на высокой духовной культуре.

Одним из инструментов международной культурной политики могла бы стать реализация ранее выдвинутого Ассоциацией культуры Азербайджана «Симург» предложения по разработке и внедрению международной программы перехода от человека типа *Homo sapiens* к человеку типа *Homo culturalis*, для которого характерна высокая интеллектуальная и этическая культура, эмпатия и альтруизм. Такой человек должен отличаться благородством, доброжелательностью и толерантностью, быть свободным от негативных стереотипов мышления, от поведения, основанного на манипулировании людьми, агрессии и враждебности по отношению к другим, от негуманистических решений и действий, обусловленных разрушительной психологией «свой–чужой». «Производство и тиражирование» в разных странах таких людей постепенно будут способствовать формированию культурных идентичностей, благоприятной среды для устойчивого и бесконфликтного развития во всем мире.

В рамках международных программ и проектов необходимо системное исследование проблем развития мировой культуры, анализ рисков и новых возможностей развития культуры и человеческого капитала. Применение в таком анализе «поведенческого», «системного» и «ситуационного» подходов, теорий «мягкого мышления» Питера Чекланда и «нечеткой логики» Лютфи Заде позволит просчитывать все факторы, включая ситуационные переменные управления процессами развития культуры в условиях неопределен-

ности и постоянных изменений в современной цивилизации. Будущее мира во многом зависит от доброй воли и созидательной деятельности ученых и политиков, от их готовности изменить мир к лучшему, от правильных социально-культурных и политических решений, совместной разработки и воплощения в жизнь международных инновационных культурологических стратегий и технологий, обеспечивающих культуру мира, гармоничное, устойчивое и безопасное развитие человечества.

А. П. Марков¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК СМЫСЛ И СУДЬБА «РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Понимание сущности и специфики национальной идеи «русской цивилизации» обретает сегодня особую значимость. Во-первых, социологические исследования показывают все возрастающую ориентацию российского общества на самобытное, «исключительно собственное» развитие, которое основано на специфике исторического пути России, особенностях русской культуры, национального менталитета» (*Ж. Т. Тоценко*). Во-вторых, острота проблематики понимания смысла национального существования связана с усиливающимся кризисом идентичности, который проявляется в утрате чувства духовной самобытности и разрушении национально-культурного образа «мы» во всех временных ипостасях: прошлом, настоящем и будущем. В-третьих, ключевой проблемой общественного сознания является глубинный раскол, который провоцирует всплески социальной напряженности: сегодня в мировоззренческом пространстве «русской цивилизации» сталкиваются разные стратегии, в основе которых свое видение прошлого, настоящего и будущего, обнаруживаются существенные различия в сценариях выживаемости и развития, которые блокируют и разрушают друг друга. В-четвертых, современный мир стремительно меняется, и перспективы даже ближайшего будущего становятся весьма неопределенными. В этом контексте понимание духовной специфики «русской цивилизации», осознание ее миссии в общемировом процессе следует рассматривать в качестве предпосылки минимизации острых проблем современного этапа развития — как России, так и мира в целом.

Проблема понимания и осознания национальной идеи — это не только поиск ответа на вопрос, как эффективно выстраивать экономику и успешно конкурировать на геополитическом пространстве. Это ответ

на вопрос о том, зачем существует Россия как культурно-историческое образование и сможет ли она существовать дальше. Грядущая (гипотетическая) трагедия России — утрата идеи ее существования, утрата «великой культуры с ее вселенской миссией нахождения “мостов” между конфессиями и культурами, духовного объединения во имя спасения всех», «коллективного поиска выхода» из цивилизационных тупиков (*В. М. Межуев*).

Смысл национальной идеи

Смысл является универсальным способом самопознания субъекта культуры, глубинным условием идентичности и солидарности общности «мы», он одухотворяет бытие, «освящает» его цели и высвечивает главные достижения. Разрушение смысловой культуры представляет чрезвычайную опасность для жизнедеятельности общества: утрата объединяющих духовное поле культуры смысловых матриц понижает уровень сложности культурной системы, способствует дезорганизации, деструкции и примитивизации социально-культурной жизни общества и дезадаптации личности и в конечном счете грозит энтропией социально-культурного организма. В ситуации дефицита смыслов в массовом сознании расширяется пространство особого типа мировосприятия — «деградирующего», «кризисного», в пределе — катастрофического (*С. С. Хоружий*). Такое сознание, с одной стороны, свидетельствует о психологической и духовной усталости народа, с другой — носит демобилизирующий характер, лишая смысла человеческую жизнь и девальвируя базовые ценности — труд, семью, счастье, любовь².

Пространством генерирования смыслов является национальная культура, которая «онтологически есть

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор 131 публикации, в т. ч.: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Духовный опыт России как ресурс национально-культурной идентичности (аксиологические и антропологические аспекты)», «Основы социокультурного проектирования», «Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Становление культурологической парадигмы», «Культуроцентристская модель высшего образования» (в соавт.) и др.

² Именно с разрушением смыслового пространства отечественной культуры, вызванным деградацией основных культурных институтов смыслополагания, связаны пессимистические настроения и прогнозы относительно будущего: невиданный размах потребительской идеологии разрушает мировоззренческую основу солидарности и социальной справедливости — важнейших экзистенциальных ценностей, поддерживающих мотивацию жертвовать личным во имя общего; эгоистический императив и гедонистический разгул вытесняют жизненные стратегии духовности, нестяжательства и честного труда, обрекая проекты модернизации на провал.

не что иное, как внесение в мир смысла» (*М. М. Бахтин*). Создаваемые в пространстве культурного творчества смыслы являются «душой» культуры — ее связующим элементом, стягивающим все ее многообразие в духовную целостность. Смысл — это осознанная идея чего-то, результат понимания глубинных характеристик феноменов и явлений. Важно подчеркнуть творческий, онтологический характер смысла, который становится *за-мыслом* фундаментальных конструкций культурной системы, мировоззренческой рамкой объяснения ее прошлого, идеей настоящего и проектом будущего.

В этом качестве национальную идею (которая в отечественной гуманитарной мысли получила название «русской идеи») можно трактовать как процесс и результат осознания институтами гуманитарной культуры *смысла бытия «русской цивилизации»*. Эта идея есть «концентрированное выражение смысла бытия нации», она «открывается сознанию этого существа как его верховный долг». Идея нации есть «не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности», поэтому она есть «такая же роковая необходимость, как и законы физического мира, — эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает это она двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места. Ни человек, ни нация как моральное существо не могут освободиться от власти идеи, являющейся выражением смысла их бытия, но от них зависит носить ее в сердце своем и в судьбах своих как благословение или как проклятие»¹.

Для русской цивилизации национальная идея — это не просто стержень национальной идеологии, но и эсхатологическое учение, заполняющее отсутствующие звенья истории и связывающее ее «начала и концы»; это способ анализа эмпирических фактов истории и «вычисление» из этой суммы исторической миссии России, особого пути ее развития и роли в мировом историческом процессе; это не только «отгадка, откровение или предвидение будущего, но и целеполагание, воление, проект будущего, реализованный или оставшийся в качестве «запасного хода» истории» (*Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская*). Идея русского народа «заключает в себе такую великую силу», которая «повлияет на всю дальнейшую историю нашу», а так как эта идея уникальна, то и «история наша не может быть похожа на историю других европейских народов, тем более ее рабской копией». Непонимание этой истины и стремление «переделаться в Европу без всякой особенности» может кончиться национальной бедой (*Ф. М. Достоевский*).

«Всечеловеческая» миссия «русской идеи»

Попытки понять и концептуализировать национальную идею подобны интеллектуальным усилиям по выявлению основы генотипа — в обоих случаях надо постичь «некую скрытую сущность, которая вос-

производится во времени через внешние признаки» (*С. Г. Кара-Мурза*). В то же время «русская идея» — в значительной мере состоявшийся проект, детально и глубоко исследованный русской философско-гуманитарной мыслью. Отечественная гуманитарная культура уже содержит в себе «сценарии» предназначения и миссии России в мире, выполненные с учетом духовных подвигов народа и поражений, она зафиксировала «образы будущего», выстраданные верой и выведенные любящим сердцем отечественных мыслителей. Поэтому национальную идею сегодня не надо изобретать — ее необходимо вспомнить коллективной «духовной памятью». В условиях естественного развития общества будущее народа, замысел и смысл его культуры становится продолжением и развитием тех пиковых эпох исторического прошлого, подвиги и трагедии которых максимально полно выражали сущность и призвание России. Критерием подлинности русской идеи является не «сиюминутное общественное мнение», а путь нации, засвидетельствованный совестью и религиозным опытом народа, указанный важнейшими событиями и личностями его истории (*Вл. Соловьев*).

В отечественной гуманитарной мысли последних десятилетий разброс мнений по проблематике русской идеи значителен — от отрицания ее социально-культурного смысла, признания исторической и философско-культурологической исчерпанности ее концепта до утверждения национальной идеи как мировоззренческой матрицы «русской цивилизации», выражающей ее уникальную миссию во всемирной истории.

Воплощение русской идеи в различные исторические периоды (в рамках национальной идеологии и государственной политики) показывает, что ее смысловые акценты всегда зависели как от внутреннего, так и от внешнего «контекста» (особый нравственный накал русская идея получала в критические для Российской империи и общества моменты: русско-турецкая война, Балканский кризис, Первая мировая война, революция и последующие беды российского народа, сегодняшняя ситуация, связанная с распадом «социалистического мира» и капиталистическим обвалом). Интерес общества и его интеллектуальной элиты к поиску национальной идеи возникает в ситуации кризиса самосознания, при этом гиперболизация национальной идеи выступает компенсаторным механизмом, позволяющим «снять» чувство национальной неполноценности, обрести национально-культурную идентичность (преимущественно путем солидарности общности «мы» в границах «виртуального» величия и самобытности), а также в условиях цивилизационных вызовов. Духовно-нравственная напряженность («воинственность») и патриотический нерв национальной идеологии в таком случае определяются остротой и значимостью задач обеспечения национальной безопасности.

Базовой характеристикой «русской идеи» является ее наднациональный («всечеловеческий», всемирный), универсалистский характер, который определялся православием как религией всемирной и вырос на ментальной почве русского человека. Духовную основу

¹ Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 187.

всемирной устремленности русской идеи определяет нравственная доминанта русской души: «Гений народа русского» — его всемирность и всечеловечность, способность «из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия»¹. Поэтому «истинная русская идея» не в том, «что делает Россия «через себя и для себя», а в том, что «что она должна сделать во имя христианского начала, признаваемого ею и во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается» (Вл. Соловьев).

Мировоззренческие доминанты национальной идеи в XXI веке

Учитывая духовные истоки «русской цивилизации», позитивный и негативный опыт воплощения русской идеи, можно предположить, что в перспективе мировоззренческие ориентиры русской идеи будут складываться из «кирпичиков» нескольких проектов (которые одновременно можно рассматривать в качестве «строительного материала» для национальной идеологии и геополитических стратегий).

1. Традиционный (и судьбоносный) для русской культуры и истории вариант русской идеи «Москва — Третий Рим», восходящий к XV веку, когда впервые осознается и формулируется историческая миссия Руси. Эта идея, обеспеченная авторитетом православной церкви, со временем приобрела государственный, национально-политический характер и успешно выполняла объединительные и экспансионистские задачи. Ее основные составляющие: государственность как форма сохранения национальной самобытности и территориальной целостности; ценности православия, органично и глубоко вошедшие в «ткань» русской культуры; понимание национально-культурной уникальности и духовной самобытности России, ее специфической судьбы в христианских цивилизациях.

2. Не исключено, что «классические» контуры русской идеи будут скорректированы и содержательно дополнены «социалистической аксиологией», которая для значительной части населения не потеряла актуальности. Трудно не согласиться с тем, что принцип справедливости есть норма отношений, отражающая «онтологический закон гармонических соотношений частей в единстве целого», а социализм, понимаемый как форма осуществления социальной справедливости, «имеет полное основание рассматриваться и с гуманистической, и даже с религиозной точки зрения имеющим на себе некоторое историческое благословение» (С. А. Аскольдов).

3. Новое звучание получает *евразийская концепция русской цивилизации* (преимущественно в геополитическом пространстве «Россия–Восток»), характеризующая Россию как особый культурно-исторический мир, синтезирующий в себе восточную и западную культуры, как уникальный и самодостаточный духовный центр евразийского континента². Основные

¹ Достоевский Ф. М. Пушкин // Русская идея. М., 1992. С. 145, 146.

² Зародившаяся в начале 1920-х годов в трудах философов и культурологов Трубецкого, Флоровского, Бицилли, Савицкого,

идеи евразийства, определившие специфику этой концепции: отказ от культурно-исторического «европоцентризма»; отрицание «универсалистского восприятия культуры», которое господствует в европейском самосознании и следствием которого является классификация народов на «культурные» и «дикие»; понимание России как особого культурного и духовного единства, географической и этнографической целостности — Евразии и утверждение особых путей ее развития; обоснование органичной связи культуры народов России с православием как «вселенской» религией и одновременно обусловленность русской культуры «пространством» (то есть влиянием «восточного» элемента); представление о нации как о «симфонической личности» — коллективном носителе культурных ценностей.

4. Геополитический пласт русской идеи (в координатах «Россия–Юг») представлен в *мессианской парадигме России как всемирного лидера народов-изгоев* (А. С. Панарин). Ее исходным принципом является утверждение, что по критериям могущества, успеха и богатства России уже не быть сверхдержавой, поэтому соревноваться с геополитическими лидерами по данным критериям — глобальная ошибка, которая может привести к окончательному истощению ресурсов, в том числе и духовных. Следовательно, Россия может и должна стать сверхдержавой неперспективных, достойных человеческой жалости и сострадания, должна стать «сверхдержавой людей неудач», уберігающей мир от либерального геноцида «золотого миллиарда».

Реализация данного проекта предполагает отказ от традиционной геополитической борьбы за пространство (с надеждой на успех здесь могут бороться равновеликие) и переход в плоскость социально-психологической, духовной борьбы — за судьбы неприкаемых и нуждающихся в «социальной реабилитации». Россия должна подняться над национальным эгоизмом, над моралью успеха, стать империей, открытой сердцем для всех «нищих духом». Как только все «второсортное» население мира поймет, что, кроме России, у него нет надежды, заказ на ее роль сверхдержавы будет сформирован. Успех этого проекта — в его мистической, религиозной энергетике.

В свое время христианство совершило чудо — оно возлюбило тех, кому носители светской морали отказали в сочувствии, возлюбило безнадежных (слабых, больных, бедных), которые стали носителями новой человеческой надежды. Сегодня требуется аналогичный поворот всемирного масштаба: возложить миссию спасения на народы неадаптированные, «неперспективные» по критерию успеха, силы, славы и богатства. Проблемно-цивилизационный контекст «нового мессианизма» — ограниченность ресурсов природы, которой долго не выдержат активности «эффективных» и «успешных», поэтому залог выживания человечества состоит в том, чтобы на арену цивилизации вышли культуры и народы, согласные довольствоваться малым, переставшие мерить смысл жизни крите-

Сувчинского, эта концепция нашла продолжение и развитие в работах Н. Рериха, Н. Гумилева, а в последние годы начинает оказывать существенное влияние на формирование идеологии национальной солидарности и геополитические приоритеты России.

рием успеха. Для таких культур Россия может стать образом надежды, особым метафизическим пространством, «обетованной землей бедных», что очень важно для внутреннего самочувствия загоняемого в «социальные резервации» большинства мира. В контексте данного проекта русская идея — это идея всемирной империи «новых бедняков», отлученных «либеральной церковью», новых изгоев сегодняшнего мира. Такая держава появляется в надматериальном, метафизическом пространстве (в отличие от идеи большевизма, в которой изначально доминировал критерий «политического успеха»). «Ментальный капитал» проекта — солидарность, сострадательность, эмпатия русского человека, а его культурным, нравственным ресурсом являются духовность и аскетизм. Дух русской культуры, отмечает А. С. Панарин, всегда был обращен к неудачникам, он дарил человеку достоинство независимо от его социального статуса и экономического успеха.

5. Адаптированной к современным реалиям разновидностью мессианской идеи может стать проект «Россия как центр гармонии цивилизаций» (пространство консолидации народов и государств на принципах сотрудничества и развития, площадка для совместного выхода цивилизации из глобального кризиса). Концепция строительства мира на основе «цивилизационной гармонии», во-первых, сможет «облагородить» проект глобализации, который модифицируется в новый этап развития «единого живого организма человеческой цивилизации во всем многообразии ее цивилизованных типов и планеты как среды обитания», цель которого — не унификация, а сохранение культуры каждого народа, расширение общего поля развития человеческой цивилизации. Консолидирующая парадигма мира станет альтернативой сегодняшней глобальной идеологии, основанной на конкуренции, угнетении и эксплуатации слабых, она позволит обеспечить «переход от взаимоподавления и противоборства цивилизаций к сотрудничеству и взаимоподдержке», когда благополучие и успех каждой станут определяться развитием и поддержкой со стороны всех других (Л. И. Иваишов). Эта вселенская по радиусу устремленности идея, с одной стороны, вытекает из духовных глубин, исторических традиций и ценностей «русского мира», с другой — не противоречит чаяниям других народов, каждый из которых стремится максимально полно воплотить свое предназначение в истории. «Русскому миру» есть что предложить в качестве альтернативы тупико-

вому процессу глобальной унификации и конкуренции. Духовную основу проекта «гармонизации цивилизаций» должны составить традиционные ценности семьи, счастья, справедливости, нестяжательства, солидарности и «всечеловечности»¹.

Во-вторых, идея «спасения цивилизации» должна стать значимым поводом для уважения России со стороны других народов мира (при соответствующей имиджевой поддержке), основанием возрождения национального самосознания (и прежде всего чувства гордости за прошлое, настоящее и будущее своего народа), она будет работать на повышение «индекса оптимизма» и веры в будущее, без которой нация теряет смысл бытия и энергию созидания. В процессе продвижения «духовного капитала» русской идеи на международные площадки активное участие должны принимать СМИ, искусство, реклама и *Public Relations*, которые обязаны активно использовать национальную символику, референтные образы исторических деятелей, пропагандировать значимые для мира события (в том числе обеспечение спасения западной цивилизации от нашествия «восточных варваров», а также сил зла, родившихся в недрах собственной культуры), ключевую роль в которых сыграла Россия. Необходимо целенаправленно восстанавливать (и в значительной степени реабилитировать) имидж России, пропагандируя традиционные ценности русской культуры и ментальную привлекательность народа. Даже частичная реализация этого проекта станет чрезвычайно важным условием возрождения национальной идеи во всех ее смыслах, средством утверждения достойного геополитического статуса России и духовно-нравственной миссии культуры.

Перечисленные выше модификации (границы, аспекты) национальной идеи не противоречат, а скорее дополняют друг друга, фиксируя ее государственно-собирательную, геополитическую и социально-культурную функции, подчеркивая религиозно-духовные и миссионерские смыслы. Востребованность цивилизационных и культурно-идентификационных ресурсов русской идеи предполагает вменяемую политику в области образования и культуры, адекватность в позиционировании России на международной арене. Она требует немалых интеллектуальных усилий и духовных напряжений общества, на общекультурном уровне предполагает активную работу национального самосознания, а в масштабах индивидуальной биографии — свободный и ответственный выбор каждого из нас.

¹ Эти преимущества были не только отрефлексированы отечественной гуманитарной мыслью, но и отмечены европейскими мыслителями. В частности, Вальтер Шубарт считал русских носителем «нового солидаризма», «нового идеала личности и свободы», который может «освободить человечество от индивидуализма сверхчеловека и коллективизма массового человека», противопоставив «автономной личности, идеалу Ренессанса» — «душу, связанную с Богом и со Вселенной, а насильственному объединению людей — свободное сообщество таких душ. ... Россия — единственная страна, которая способна спасти Европу... Как раз из глубины своих беспримерных страданий она будет черпать столь же глубокое познание людей и смысла жизни, чтобы возвестить о нем народам Земли. Русский обладает для этого теми душевными предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов». См.: Шубарт В. Европа и душа Востока // ОНС. 1993. № 4. С. 171, 176.

О. В. Мартышин¹**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС В СИСТЕМЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Тема XV Международных Лихачевских научных чтений является достаточно острой и актуальной. Под глобальными вызовами можно понимать не только изменение климата на планете или международный терроризм, но и определенные явления в межгосударственных отношениях. Сама постановка вопроса предполагает конфликт национального, государственного, и внешнего, которое действует если не постоянно, то настолько часто, что его следует признать нормальным явлением. В основе любого конфликта такого рода лежит несовпадение интересов, а его идеологическое оформление выглядит как коллизия нравственных ценностей.

В последние годы праведы уделяют аксиологии больше внимания в связи с введением в юридическое образование философии права. Этот предмет неслучайно иногда называют наукой о ценностях. Отталкиваясь от этики, философия права концентрируется на ценностях, имеющих отношение к государству и праву, рассматривает преломление универсальных нравственных принципов в этой особой области. Национальный интерес, безусловно, принадлежит к числу ценностей, теснейшим образом связанных с государством и правом.

Этические ценности пребывают в многоплановых и противоречивых связях друг с другом. Коллизии — неизбежное свойство любой системы ценностей, а разрешение коллизий предполагает признание иерархии ценностей, хотя она может быть не абсолютной, а устанавливаемой применительно к конкретному случаю. Национальному (государственному) интересу часто противостоят права (и законные интересы) человека, с одной стороны, и интересы мирового сообщества — с другой.

Споры по поводу путей решения коллизий между этими ценностями не затихают. Чтобы не сводить их к частным, конкретным случаям, где предметом спора служат факты, подтверждающие правоту или неправоту каждой из сторон (все реальные конфликты именно таковы), обратимся к идеальной модели коллизии, которая предполагает добросовестность сторон, то есть справедливость, обоснованность их взаимных притязаний. Только в этом случае проблема будет решаться не на основе практических интересов, которых участники конфликта стремятся добиться любыми средства-

ми, апеллируя к справедливости лишь в демагогических целях, как это сплошь и рядом бывает в реальной жизни, а исходя из нравственных ценностей.

В том, что касается противоречия между правами человека и интересами государства, в современной российской юридической литературе популярен тезис о приоритете прав человека. Ссылаются на ст. 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». При этом забывают о ч. 3 ст. 55, устанавливающей основания ограничения федеральным законом прав и свобод человека. Все они (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны и безопасности страны) связаны с государственными или национальными интересами.

Идея «приоритета прав человека» подрывает вечный принцип общественной жизни. Аристотель сформулировал его так: целое всегда предшествует части. Иными словами, целое важнее, целое — это общее благо, представляющее от древности до наших дней важнейший компонент справедливости. Такая постановка вопроса вовсе не предполагает нарушения прав человека. Речь идет об отрицании не либерализма, а его эксцессов. Классическому либерализму чужда идея приоритета прав личности. Они всегда соизмерялись с интересами государства. Так рассуждал один из первых идеологов неотчуждаемых прав человека — Джон Локк. Монтескье видел движущий принцип демократии в политической добродетели, понимаемой как готовность принести свои интересы в жертву интересам общества. Подлинный либерализм предполагает необходимость ограничения прав и свобод личности в определенных случаях. Они перечислены во Всеобщей декларации прав человека. Положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ соответствуют этому документу.

Не менее сложен второй конфликт — между национальными и глобальными интересами. Можно ли уподобить его коллизии частных и государственных интересов, представив национальное как часть, а глобальное как целое? Такое сравнение было бы убедительным только в том случае, если бы глобальная система представляла собой единство, своего рода мировое государство, но оно остается утопией.

Различия между двумя конфликтами бросаются в глаза. В антитезе «национальное–глобальное» частные интересы в строгом смысле слова отсутствуют, здесь обе противоположности представляют собой носителей публичных интересов.

Глобализация — противоречивый процесс. В нем есть элементы прогресса, объединения усилий всех стран во имя общих целей, но есть и элементы неравенства, экспансии сильнейших стран Запада, осуществляемой путем давления, а подчас — и прямого насилия. Негативный аспект глобализации представляет собой современные формы империализма. В таких условиях речь не может идти о столкновении глобальных

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: монографий «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др.; учебников «История политических и правовых учений», «Теория государства и права» (отв. ред. и один из авторов); научных статей «Несколько тезисов о перспективах правового государства в России», «Политическая обязанность», «О либертарно-юридической теории права и государства», «Революция и развитие российской государственности», «О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры», «Идеология и формирование новой политической и правовой системы в Российской Федерации» и др.

общечеловеческих и национальных интересов, потому что за всеобщий интерес выдается позиция определенной группы стран. Сопrotивление национальных государств, становящихся объектом давления или насилия, неизбежно. Модель «целое—часть» в данном случае неприемлема из-за отсутствия органического целого. Индивидуальное самопожертвование всегда воспринималось как высшая форма нравственности. Национальное самопожертвование представляется абсурдным.

В рамках государства приоритет общего над частным обеспечивается законами, реализуемыми государственной властью. Юридические гарантии подкрепляются авторитетом нравственных принципов.

В международных отношениях иная степень единства и организованности в сравнении с государством, иные формы связи частного и общего, национального и глобального. Здесь первичным звеном системы является не гражданин, обязанный подчиняться законам, а суверенное государство. Здесь глобальные цели рассматриваются с точки зрения национальных интересов и корректируются в соответствии с ними. Здесь нет бесспорного высшего арбитра, наделенного властными полномочиями. Применение международных санкций предполагает определенный консенсус между государствами, что, как правило, делает меры принуждения проблематичными. Система международных отношений не знает ни юридических, ни нравственных оснований для следования принципу «Целое всегда предшествует части». Национальный интерес и на международной арене предстает в качестве цели и функции государства.

Средства, применяемые мировым сообществом для того, чтобы не допустить подмены законного национального интереса национальным эгоизмом, не столь надежны, как полицейские меры государства. Прежде всего это требование соблюдения норм международного права с оговоркой, что санкции за их нарушение не всегда неотвратимы и зависят от многих обстоятельств. Другое средство — разумное ограничение национальных интересов. Оно осуществляется посредством внешнего давления, но намного ценнее нравственное самообуздание.

Преследование национальных интересов не должно превращаться в воинствующий, слепой национализм. Проявления националистической ограниченности многообразны. Это вражда к другим народам, шовинизм и агрессивность. Это и идея национальной и культурно-исторической исключительности и превосходства над другими народами, замыкание в кругу национальной истории, внедрение обскурантизма под флагом консерватизма, нетерпимость к критиче-

ской оценке прошлого и настоящего состояния страны. Это и превращение нации в фетишизированный объект лояльности, отрицание социальных противоречий, отождествление государства с этической общностью.

При советской власти национализм в нашей стране рассматривался как зло, пережиток капитализма. Ему противопоставлялись идеи дружбы народов и пролетарского интернационализма, что не мешало последнему служить формой утверждения национальных интересов СССР как великой державы, а затем и сверхдержавы. Раскол мира на два лагеря способствовал некоторому ослаблению национализма. Крушение «социалистического содружества», распад СССР привели к бурному возрождению национализма как на Западе, так и на Востоке. Национализм превращается в государственную идеологию. Лозунг или требование изживания, преодоления национализма, характерный для марксистской коммунистической идеологии, представляется ныне нереальным. Но задача дифференцированного отношения к национализму, избавления от его отрицательных свойств актуальна как никогда. «Пролетарский интернационализм» должен быть заменен новой формой интернационализма, не исключающей, а дополняющей и облагораживающей нормальные, непатологические проявления национализма. Международное право служит испытанной формой утверждения такого рода национализма.

Таков идеальный план соотношения национальных интересов с глобальными вызовами и целями. Что же касается действительности, то, несмотря на важные достижения в современном мироустройстве, связанные с деятельностью ООН и других международных организаций, она все еще далека от идиллии. В прошлом году вышел сборник статей, речей и писем А. И. Деникина. Кадровый военный, которого революция вовлекла в политическую борьбу, с наивным изумлением открывал для себя вечные законы политики. Вот что он обнаружил: «Кровавый оскал войны глядит со всех сторон — более страшный, чем когда бы то ни было... Причины — глубокие, органические — в кризисе общечеловеческой морали, во вседозволенности средств для торжества национальной или социальной идеи и в утрате всякого доверия к договорам — клочкам бумаги. Обман в общественных взаимоотношениях считается преступлением, в государственных становится часто методом внутренней политики, а в международных — оружием внешней политики». Много ли изменилось с тех пор? И это свидетельствует о необходимости и трудности защиты подлинных государственных интересов.

А. М. Мелихов¹

ОБЪЕДИНИТЬСЯ В НЕБЫВАЛОМ

Более 20 лет назад я написал в своей «Исповеди еврея», что нацию создает общий запас воодушевляющего вранья. Если убрать эпатуирующее заострение, я и сейчас считаю, что национальная принадлежность облуживает главным образом не экономические, а психологические потребности личности. Точнее, принадлежность к нации — к чему-то могущественному и долговечному — обеспечивает экзистенциальную защиту индивида от совершенно обоснованного ощущения собственной мизерности и кратковременности. Национализм, бесконечно идеализирующий собственную нацию, убежденный, что отщепенцы, лишённые национального убежища, обречены вести жалкое существование, в состязании грез одолел даже классовую сказку. Грандиозный успех националистической грезы, скорее всего, объясняется тем, что она сделалась суррогатом угасающей религии.

Империи тоже не сумели противопоставить национализму более привлекательную интернациональную сказку и практически все распались, уступив место национальным государствам. Более того, националисты сумели само слово «империя» сделать почти ругательством, нагрузив и перегрузив его всеми злодеяниями, без которых не обходится история ни одного государства, благородно умалчивая о злодеяниях собственных. Хотя национальная толерантность зародилась именно в империях, имперская аристократия открыла важнейшие принципы, которыми можно воспользоваться и в сегодняшних многонациональных государствах: управлять национальными меньшинствами руками их собственных элит, что минимизирует национальное унижение; наиболее энергичным и одаренным представителям меньшинств облегчается доступ в имперскую аристократию; имперские законы по возможности стараются не задевать культурные традиции, осуществляющие экзистенциальную защиту меньшинств: им предоставляется право молиться, жениться и даже судиться по собственным законам, если только они не вступают в слишком опасное противоречие с законами федеральными. Эти принципы могут быть приложены даже к сегодняшним национальным общинам при условии, что их лидеры сумеют удержать в своих руках пассионариев.

Запомнившийся пример. После знаменитого побоища в Кондопоге в подобный же северный город меня пригласили поговорить за круглым столом о толерантности, и глава тамошней азербайджанской общины —

¹ Заместитель главного редактора журнала «Нева» (Санкт-Петербург), писатель, публицист, литературный критик, кандидат физико-математических наук. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот», «Роман с простатитом», «Любовь-убийца», «Мудрецы и поэты», «Нам целый мир чужбина», «Чума», «В долине блаженных», «Любовь к отеческим гробам», «Интернационал дураков», «Дрейфующие кумиры», «Броня из облака», «Ключий треугольник», «Бессмертная Валька», «Каменное братство», «Как сохранить радость жизни в трудное время» (в соавт.) и других, а также 60 научных работ по математике. Лауреат Набоковской премии, премии им. Гоголя, премии Правительства Санкт-Петербурга и др.

милейший улыбчивый адвокат и бизнесмен с золотыми зубами, золотой мобилой и золотым внедорожником очень дружелюбно мне объяснял, что у них такое невозможно. Потому что надо работать с силовыми органами. Появляется отморозок — община сама сообщает начальнику полиции: такой-то скоро что-то натворит, прижмите, пожалуйста. Если кто-то не хочет вступать в общину — тоже никто не заставляет. Но когда случится неприятность, прибежит. И ему помогут. Но если забудется, напомнят: ты что, хочешь для нас неприятностей? Смотри, получишь их первым.

Не стану утверждать, что эта система безупречна с точки зрения либерального права, требующего всеобщего равенства перед единым законом и отсутствия каких-либо внесударственных правовых структур, но несколько лет назад она работала вполне эффективно, создав некие мини-имперские структуры.

Этого при благополучном течении событий может оказаться достаточно, чтобы межнациональная неприязнь не выходила за рамки, угрожающие существованию государства. Однако для того чтобы создать наднациональное государственное единство, требуется единство исторических задач. Только наличие общей цели способно ослабить межнациональную конкуренцию, являющуюся главной причиной межнациональной неприязни.

Обыденное марксистско-либеральное сознание замечает лишь самую невинную конкуренцию — экономическую. Хотя наиболее острой является конкуренция психологическая — борьба за привлекательный образ самого себя и, следовательно, своего народа, ибо невозможно создать собственный привлекательный образ без такой же родословной. Свою родословную — всегда полувывымышленную — каждая национальная культура создает для самовозвеличивания, которое и защищает включенного в нее индивида от мучительного чувства ничтожности перед лицом бесконечно могущественного и равнодушного мироздания. И в этой борьбе — за звание самого благородного, самого мудрого, самого храброго, самого долговечного, самого многострадального народа — мира достичь неизмеримо труднее, чем в материальных конфликтах. Состязание культур больше похоже на конкурс красоты, чем на спор акционеров: деньги можно поделить на всех, но на пьедестале почета могут разместиться лишь немногие.

А что делать остальным? Оттесненным? Выстраивать собственный пьедестал для внутреннего пользования и не пытаться навязать его другим. *Уничтожить борьбу за первенство невозможно, но можно добиваться первенства в разных сферах*, уверяя себя, что именно твоя сфера и есть самая главная. Так чемпион по бегу свысока поглядывает на чемпиона по поднятию штанги, который платит ему взаимностью, и в результате все довольны, хотя пренебрегают ироническим взглядом чемпиона по шахматам. Поэтому в системе общегосударственного разделения труда каждому на-

циональному меньшинству желательно подыскать особую нишу, где бы оно ощущало себя главным.

Общаться же народам лучше всего посредством своих рационализированных элит и прагматизированных периферий, а соприкосновение культурных ядер желательно свести к минимуму. Главные трудности межкультурного общения возникают тогда, когда в соприкосновение вступают массы, ибо у них нет тех корпоративных систем экзистенциальной защиты, какие имеются у групп, и без того ощущающих себя избранными, — у интеллигенции, преуспевающих бизнесменов и политиков, у истинно верующих, для кого все земное тлен и суета, и т. д.

Культурные коммуналки — вот главные источники межнациональной вражды, а их-то глобализация и формирует в невиданных доселе масштабах. Однородное всечеловеческое единство невозможно прежде всего потому, что люди стремятся не к равенству, а к превосходству друг над другом. Экзистенциальную защиту им способна обеспечить лишь уверенность в том, что они принадлежат к какой-то наиболее привлекательной, древней, благородной, долговечной группе. А по отношению к кому может ощущать чувство превосходства единое человечество? По отношению к марсианам?

А между тем подавляющее большинство человечества ощущает себя униженным разделением народов на модернизированные и немодернизированные. Если бы мы сегодня пожелали найти замену советскому клише «все прогрессивное человечество», это было бы словосочетание «все модернизированное человечество». Слово «модернизация», однако, означает всего лишь «осовременивание», уподобление каким-то современным стандартам. Стандарты при этом, как всегда, задают сильнейшие, победители, поэтому модернизироваться означает уподобляться сильнейшим. То есть в период расцвета арабского халифата или монгольской империи модернизация требовала бы уподобиться монголам либо арабам, а лет через сто, возможно, потребует уподобления китайцам либо индусам.

Лично я склонен считать современными всех, у кого хватает сил выживать в современном мире, становиться тем или иным способом конкурентоспособными. В биологическом мире конкурентоспособность обеспечивается самыми разными и даже противоположными доблестями, а с чьей-то точки зрения, даже пороками: индивидуальной силой или плодовитостью, агрессией или робостью, напором или уклончивостью, коллективизмом или эгоцентризмом, стремительностью или неторопливостью, броскостью или скрытностью, способностью объедаться впрок или умением довольствоваться малым. Не странно ли, что в социальном мире конкурентоспособность начинает определяться лишь объемом ВВП или производительностью труда? Если бы в какой-то период весь животный мир уподобился тогдашним победителям — каким-нибудь саблезубым тиграм или мамонтам, — жизнь на Земле давно прекратилась бы, ибо не раз оказывалось, что к новым вызовам лучше готовы не те, кто блистает на авансцене, а те, кто на заднем плане влачит незаметное на первый взгляд существование.

Драгоценно разнообразие не только доблестей, но и слабостей, не только «прогрессивностей», но и «отсталостей», ибо они, возможно, тоже доблести, еще не дождавшиеся своего вызова, — они составляют фонд рецессивных аллелей человечества, всего человечества, а не только прогрессивного.

Сильные, а следовательно, прогрессивные (любовь к прогрессу есть не что иное, как преклонение перед успехом), однако, всегда стремятся вписать слабых в собственную игру, и в не столь уж далекие бесхитростные времена главным оружием для этого было завоевание. Но после Первой мировой войны — верю, что из лучших намерений, — Вудро Вильсон пожелал уравнивать малые и слабые народы с большими и могучими, провозгласив право наций на самоопределение, сослужив тем самым миру и самим малым народам очень дурную службу, ибо они тут же сделались разменной монетой в большой игре великих держав.

Тем не менее вера в фельдшерское средство национального самоопределения сохранилась в неприкосновенности, и после распада социалистической системы всем, кто этого очень уж сильно хотел, снова было выдано по национальному государству. Увеличило ли, однако, национальное самоопределение возможности самоопределения культурного? И насколько способны национальные государства малых и слабых народов защищать людей от чувств бессилия и эфемерности в безжалостной реке времен? А в этом я вижу главную миссию государства, поскольку все прочие его функции могут выполнять и частные корпорации.

Сегодня это азбучная истина: государство существует для людей. Но людям для счастья мало ВВП, ЖКХ, ПМЖ и ГСМ — они льнут к государству ради защиты от чувства своей мизерности и бренности. Однако государство не в силах их защитить, само оставаясь мизерным и бренным, не бросая векам ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда. Тем не менее никто и не думает оценивать «прогрессивность» государств по этому важнейшему критерию — *по числу гениев, возросших в его пределах*, по шансам его граждан обрести бессмертие в исторической памяти.

Защищаться посредством обретения исторической субъектности стремятся почти все, но никто не сознает, что порождать гениев — это самая надежная и безопасная форма исторического служения. Имперская «отсталая» Россия прекрасно с этим справлялась — имена Толстого, Достоевского, Мусоргского в представлении не нуждаются, — но справится ли Россия «прогрессивная»? Или ее ждет прогрессивное бесплодие?

Я уже давно мечтаю о специальной государственной программе «Производство гениев», ибо ничто другое не стоит так дешево и не защищает так надежно. Широкая сеть школ и вузов, учеба в которых сулит большие труды и не сулит особых денег, — вот рецепт отбора самых одаренных и романтических. И многонациональные пьедесталы почета, на которые под звуки российского гимна восходят представители всех народов и народностей России, — это и есть наиболее впечатляющий символ общегосударственного единства. Такие же пьедесталы необходимы не только в спорте, но и в науке, музыке, литературе, кино, технике...

Мы слишком долго боролись за звание нормальной, то есть ординарной, страны — за звание второсортной копии, а этого совершенно недостаточно для экзистенциальной защиты, то есть для национального выживания. Русским, как и всем прочим народам, необходимы какие-то хотя бы узкие ниши, в которых они были бы уникальными, не повторяли бы чужие достижения, как того требует теория модернизации, но творили бы

нечто *небывалое*. Они вовлекали бы в это творчество и национальные меньшинства, которым в одиночку такие задачи не по силам.

Лишь участвуя в проектах исторического масштаба, национальные меньшинства могут выйти на мировой уровень, обрести историческую субъектность, которая и выстраивает экзистенциальную «крышу». А общая «крыша» и создает государственное единство.

Л. А. Меньшиков¹

МИРАЖИ НАЦИОНАЛЬНОГО В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ. ОТ СИМУЛЯЦИИ К РЕАЛЬНОСТИ

Национальное самосознание во второй половине XX — начале XXI века столкнулось с большим количеством трудностей общекультурного характера. В результате у многих возникло ощущение, что наряду со многими другими провозглашенными постмодерном «смертями» наступил и конец национального. Но практика истории показала, что это не так — без него невозможно сохранение и воспроизводство культуры даже (и в особенности) в условиях глобального мира. И нынешняя эпоха ознаменовалась новым всплеском интереса к проблемам национального как системообразующего начала культуры. Но сегодняшнее восприятие национального сохраняет на себе отсветы постмодернистского взгляда на культуру. Они — возможно, лишь миражи, искаженные взгляды на сущность культуры, но они позволяют нам конструировать расхожие модели в современном мире.

Первый мираж — «гиперадминистрирование» — объяснен Зигмунтом Бауманом в его концепции постмодерна, в значительной степени выпадающей из общего направления трактовок постмодерна по причине того, что ученый обращает особое внимание на национальную и политическую сторону изменений, происходивших в мире во второй половине XX века, как на системообразующий фактор. Среди причин, вызвавших подобное его отношение к проблеме постмодерна, можно назвать фактор биографический — он воспитывался, учился и рос как ученый в польской и советской интеллектуальной среде после Второй мировой войны, до своего отъезда в Великобританию в 1968 году. Бауман рассматривает мир постмодерна в «административной перспективе», постмодернистская эпоха становится для него историческим испытанием для предопределенных в XX веке к имперскому существованию России и Польши. Постмодернистская эпоха для Баумана — время отсутствия административного и национального порядка как в его положительной, так и в отрицательной специфичности.

¹ Заведующий кафедрой общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, кандидат философских наук, доцент. Автор более 60 научных публикаций по семиотике культуры, теории постмодернистского искусства, в т. ч.: «История культуры как “вечное возвращение” стиля», «Тотальное искусство за порогом молчания», «Интермедиа как синтез искусств», «Художественные манифесты 1960-х годов» и др.

Порядок исчез вследствие кризиса национального государства — империи, под знаменем которой проходила история Нового времени. Национальное государство имело значительный положительный потенциал, оно выражалось в ценностях культуры — культуры, которую Бауман рассматривает как исторически преходящий проект, могущий исчезнуть в современную эпоху развития человечества. Среди основных причин кризиса — «гримаса» административной перспективы, которую Польша испытала в XX веке — административный проект германского фашизма. Фашистский проект был своеобразным «антишедевром» национального администрирования, но при этом отвергавшим важнейшие приоритеты административной перспективы — культуру и гуманизм. Результатом стал кризис доверия ко всем глобальным проектам, причина такого недоверия одна — дискредитировавший себя национально-государственный проект. В этом Польша и Россия XX века близки — они в полной мере испытали на себе все негативные стороны, даже ужасы «гиперадминистративного» общества.

Постмодернистская перспектива национального проста — наблюдение за обществом и поиски в нем «вечного», или «абсолютного», смысла. Поэтому постмодерн должен был стать проектом критическим, плюральным, ироническим, в этом Бауман вторит Р. Барту и многим другим теоретикам постмодерна. Отвечать за это должна, по его мнению, культура, которая теперь уже не может быть административной и подавляющей, репрессивной и однозначной, а должна помогать строить «множественного» человека, всякий раз в своей судьбе ищущего собственный, уникальный, индивидуальный гуманизм и смысл — только для себя, но не против другого, гуманизм, который всегда строится на базе национальной культуры.

Второй мираж произрастает в пародийных тенденциях глобальной культуры. Он обнаруживается в разных формах в любой культуре второй половины XX века как осмеяние национального. Например, он проявился в российском постфольклоре второй половины XX века, в котором весьма популярным жанром стали анекдоты, посвященные отношениям русских с представителями других народов. Герои их чаще всего наделены рядом псевдонациональных черт, отражающих, по мнению массового сознания, национальный

характер. Эти анекдоты стали почти единственным проявлением этноцентрических тенденций в советской культуре, без которых невозможно существование национального самосознания.

На уровне анекдота формулировались жизненно важные доминанты этнической идентичности. Подобные анекдоты демонстрируют со всей четкостью и определенностью противопоставление «мы—они», «свой—чужие». Это противопоставление себя и своего коллектива окружающему миру составляет основу этнического сознания и выражается в оппозиции «свое—чужое», которая отражает «обычное для живого человека ощущение “своего” и “чужого” пространства»¹. Герои этих анекдотов всегда существуют в рамках двух оппозиций, на которых базируется любой этноцентризм. Это оппозиции по признакам принадлежности или непринадлежности к этнической общности и дружественности или враждебности. В таком анекдоте всегда присутствуют следующие персонажи: свой (русский или представитель иного народа СССР, например чукча), чужой, но близкий по мирознанию (чаще всего поляк, реже француз или американец) и отрицательно маркируемый чужой (чаще всего немец, реже американец). Эти три героя соответствуют трем персонажам традиционного мифа — трикстеру, прохожему и вредителю.

Сам же герой в анекдоте наличествует лишь как фигура умолчания. Героя в возвышенном смысле в анекдоте нет и не может быть, но его положительный образ подразумевается. Герой как персонаж, ведущий себя в соответствии со сложившейся системой ценностей, существует в анекдоте как некое усредненное целое всех действующих лиц. Семантически отношение трех персонажей может быть представлено как «движение от дружбы между двумя персонажами к отсутствию дружбы или вражде»², снимаемое нейтральным третьим. Порицаемые и осмеиваемые персонажи, в общем-то, действуют правильно, а носитель этнического самосознания, как всегда, напоминает своим поведением Ивана-дурака, трикстерная функция которого в анекдоте только усиливается. «Свой» персонаж в анекдоте выступает как «наивный делатель»³. Положительный образ, который сочетает в себе черты всех трех героев, в анекдоте может прочитать каждый. Этот образ и представляет в наиболее общем виде национальную идею, поскольку «свое» (пусть даже смешное и несуразное) всегда побеждает, оказывается незабываемым и единственно верным.

Мифологизация национальной идеи именно в анекдоте демонстрирует постмодернистский стиль мышления носителей советского и постсоветского фольклора и постмодернистский стиль бытования национального самосознания. Фундаментальный принцип постсовременной эпохи, согласно которому все высокое развенчивалось, а повседневное поднималось до возвышен-

ного, явно действует и в анекдоте. Этот жанр постфольклора на общепонятном, доступном, часто вульгарном, массовом языке несет крайне содержательные идеи. Он делает общедоступным знанием вполне сакральные и высокие представления о патриотизме, великой русской истории. Приземленный образ русского из анекдота гораздо более действенно формирует этническую идентичность, чем высокие, но мало кому понятные лозунги. Так происходит формирование второго миража — видимой легкости и несерьезности национального. В этом выражается и фундаментальный для постмодернизма принцип двойного кодирования — «постоянное пародическое сопоставление двух (или более) различных способов семиотического кодирования эстетических систем»⁴, который позволяет обнаружить в анекдоте китчевое начало — претензию на новую трактовку истории и национальной психологии.

Эта новая трактовка содержит, конечно же, большую долю гротеска и самоиронии, проявляющихся в традиционном для постмодернистской эстетики увлечении «черным юмором». Сюжеты и темы анекдотов о русском всегда находятся на грани дозволенного, они высмеивают героическое и возвышенное, демонстрируя его беспомощность перед пошло-насмешливой изобретательностью персонажа-трикстера, не верящего ни в какие ценности, но волей-неволей оказывающегося вынужденными им подчиниться. Важной составляющей анекдотов этого типа является их ориентированность на заимствование, цитирование и пересказ. Сюжеты их — часто сниженные события из учебников истории, всем хорошо известных фильмов. Персонажи их часто отсылают нас к известным фактам, интерпретируя их с одной-единственной целью — продемонстрировать хаотичность нашего вроде бы традиционного сознания и тем самым разрушить лженациональные мифы. Но, разрушая их, анекдот создает новую национальную идею — из возникшего хаоса интерпретаций великой истории возникает новое повествование, воздвигающее по-новому структурированное представление о национальном и его отношении к инациональному — этноцентрическую картину новой эпохи.

В творчестве писателя-постмодерниста Джулиана Барнса представлено функционирование третьего миража — он дает ряд интересных моделей описания национальных особенностей Великобритании в ее постсовременном состоянии, которые демонстрируют коллажный принцип бытия национального в современной культуре. Продолжая в художественной форме дело, начатое Ж. Бодрийаром в «Америке», Барнс дает целостные образы английской культуры в сборнике «Письма из Лондона» и романе «Англия, Англия». К осмыслению «английскости» Барнс обратился после создания аналогичных образов «французскости» в сборнике рассказов «По ту сторону Ла-Манша» и романе «Попугай Флобера». Во всех этих сочинениях автором применена методика деконструкции национальной идентичности, состоящая из нескольких эта-

¹ Еремеев А. Ф. Первобытная культура: происхождение, особенности, структура : в 2 ч. Саранск, 1996. Ч. 1. С. 139.

² Рафаева А. В. Методы В. Я. Проппа в современной науке // Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 1998. С. 476.

³ Рылева А. Н. Наивное видение как мир впервые : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2006. С. 10.

⁴ Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. С. 222.

пов. Сначала мы наблюдаем собирание того или иного образа национального, затем попытку его фиксации, превращение в «идола» и, наконец, пародийную деконструкцию. Коллективная память, являющаяся основой любой национальной идентичности, дает сбой в постсовременном обществе. Символом этого для Барнса становится школьная считалочка, помогающая детям усвоить основные даты и события, существенные для формирования образа Великобритании и национального самосознания. Складывающийся в результате образ страны — пустышка, за которой нет никакого смысла. Английскость выступает как набор оберток, упаковок, в которых хранятся никогда не извлекаемые на свет представления о стране и ее истории. Актуальные же идеи об английской идентичности состоят из набора общих мест, крайне ограниченных содержательно.

Один из сюжетов романа Барнса «Англия, Англия» — строительство парка развлечений под названием «Англия» (отсюда — двойное название романа, представляющее собой адрес — остров Англия в Англии). Эта Англия в квадрате оказывается симулякр, поскольку предшествующее ее строительству изучение феномена национального самосознания посредством составления рейтинга на основании социологических опросов оказывается лишь набором стерео-

типов, не имеющих реальной культурной ценности. Характерная постсовременная методика поиска истины — через анализ общественного мнения — не способна открыть смысл, а способна лишь выявлять и закреплять ложные стереотипы. Единственной истинной моделью оказывается пазл — детская игра, представляющая карту Англии с изображением графств, которую собирает главная героиня романа; каждое из графств имеет в сознании ребенка свои неповторимые форму и образ. Даже не предполагая, что они представляют собой в реальности, ребенок одушевляет их, формируя живой и непосредственный образ Родины-Англии. Но пазл в конце концов не собирается — обретение подлинного понимания английскости в современной культуре все равно оказывается невозможным. В итоге образ национального — это незаконченный коллаж, за которым теряется его реальное содержание.

Глобальная культура создает много препятствий для эффективного осуществления национального в современной культуре. Но, наблюдая за действием этих препятствий, еще очевиднее становится необходимость преодоления постмодернистских миражей и выстраивания реального образа национального на фоне тех опасностей, которые таит в себе глобальная культура.

А. Н. Мосейко¹

РУССКИЙ МИР В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: ВЫЗОВЫ, РАСКОЛЫ, ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Понятие «русский мир» в последнее время постоянно фигурирует в научном и публицистическом дискурсе. В то же время трактовки этого понятия неоднозначны, часто расплывчаты, что создает серьезные трудности в понимании и интерпретации проблем русского мира, прежде всего — в связи с украинским кризисом. Поэтому необходимо уточнить понятие, его содержание и составные компоненты.

Русский мир можно определить как сложное, многоаспектное, внегосударственное культурно-цивилизационное, в основном русскоязычное пространство, в котором доминирующими являются русские культурные ценности, смыслы, традиции, русский ментальный код и архетипы культуры. Это пространство распространяется на большинство стран и регионов мира, в которых живут выходцы из России и их потомки, сохранившие приверженность русским ценностям и культуре. В данном случае этнический фактор отходит на второй план, в силу чего акторами русского мира во все периоды его существования часто ста-

новились люди, не принадлежащие к русскому этносу, но идентифицировавшиеся с русской цивилизацией, языком, культурой и ментальностью.

Базовым цивилизационно-образующим компонентом русского мира всегда было Российское государство во всех его исторических ипостасях. На Россию ориентируется русский мир в кризисных ситуациях, когда необходимо сделать часто нелегкий выбор. В условиях таких мощных вызовов важна цивилизационная позиция России, ее четкое определение своей стратегии на будущее, формулирование такой главной идеи, которая смогла бы не только объединить и воодушевить наш народ, но и стать привлекательной для других стран, а главное — для всего русского мира.

В последнее время постоянно возникает вопрос, входят ли в состав русского мира Украина и Белоруссия. Вопрос этот особенно актуален в связи с разразившимся украинским кризисом. Существует мнение, что русский народ состоит из трех частей: великороссов, малороссов и белоруссов² (ниже увидим, как к этому относятся украинские националисты). Украина и Белоруссия, будучи суверенными государствами, не входят в русский мир, хотя на их территории проживает русское население, которое включено в состав русского мира.

Кризис на Украине заставляет по-новому взглянуть на русский мир сегодня, высвечивает пробле-

¹ Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарные исследования» (в соавт.), «Мужчина и женщина. История, культура, мифология» (в соавт.) и др. Награждена грамотами РАН, медалью «В память 850-летия Москвы».

² См.: Литературная газета. 2014. 3–9 дек. (№ 48). С. 4.

мы и вопросы, которые можно лишь наметить в докладе. Первая из этих проблем — отношение Украины к России, к русскому миру и вообще к русскости. Несмотря на органическую близость (историко-цивилизационную, конфессиональную, этнолингвистическую, культурную) этих стран, существует давнее отторжение Украины от России, неприятие всего русского, яростная русофобия, обострившаяся в последнее время до предела. При этом противостояние связано не с этническими, а с мировоззренческими, психологическими и политическими факторами. Прежде всего это такой политический фактор, как глобальные вызовы со стороны Запада, прежде всего США, которые, в свою очередь, являются ответами на изменяющееся мироустройство, на усиление роли России на международной арене. Многоаспектная поддержка Украины Западом вместе с экономическими, политическими, информационными атаками на Россию свидетельствует, что украинский кризис используется Западом во главе с США как орудие борьбы против России для достижения собственного доминирования в мире.

Серьезной ментально-психологической причиной украинского кризиса является социоисторическая неоднородность развития ее регионов. Восточные области Украины формировались преимущественно как промышленные регионы с рабочим городским населением, в большей степени русским. Западные области на протяжении практически всей истории находились под властью других государств, испытывая национальное унижение. Это унижение стало той «избранной (исторической) национальной травмой», которая сохраняется во многих поколениях, обрастая мифами, фобиями, рождая эмоции отчуждения, возмездия и реванша. Значение этого фактора прекрасно понимали нацистские психологи, неслучайно фашистское руководство, заняв в 1941 году западные территории Украины, провозгласило его население «избранным» народом, близким к арийцам. Степан Бандера возглавил этих «новых арийцев», которые стали мстить полякам, евреям, русским. Борьба с бандеровцами длилась более 10 лет (до 1956 г.), в ней с каждой стороны погибло как минимум по 60 тыс. человек. Более полумиллиона бандеровцев были арестованы и сосланы в Сибирь. А потом у них родились дети, внуки, получившие в наследство эту «избранную травму», усугубленную обидой и ненавистью к русским и ностальгией по «бандеровским временам». Травма эта сегодня подогревается западными психологами и политиками¹.

Во многом с предыдущим фактором связаны неравномерность формирования украинской нации, срывы и противоречия в этом процессе, приводящие к всплыванию радикального национализма, корни которого уходят в начало XX века. Сложился украинский национализм на базе «национальной трагедии» — поражения национальной революции и борьбы Украины за независимость 1917–1920 годов. Поэтому общими для различных направлений национализма являются два признака: крайне обостренное чувство национальной идентичности и «мужество национальной самокритики». Суть «национальной самокритики»

заклучалась в том, что причины поражения национальной революции виделись не столько в иностранной интервенции и роковых ошибках вождей, сколько в исторической «несформированности нации», ее неготовности к независимости в силу вековой «болезни безгосударственности»².

Формирование украинского национализма приходится на 1920–1930-е годы в украинском зарубежье, особенно в Польше и Чехословакии. Видным идеологом и теоретиком украинского национализма был Д. Донцов. Из всей панорамы националистических идей можно выделить два условных направления: первый — это умеренный национализм Пантелеймона Кулиша, для которого был характерен «путь от украинофильства, через национальную самокритику — к примирению с Россией», которую он считал «гарантом выхода Украины на магистраль мировой цивилизации»³. Представителем второго направления радикального национализма был, например, Евгений Маланюк, член кружка националистической молодежи, объединившегося вокруг журнала «Вісник» («Вестник»). Национальную самокритику Маланюк понимал как способ очищения от «москофильских мифов» и борьбы с «позорным клеймом малороссийства, этого духовного, нравственного капитулянтства»⁴.

Радикальный национализм в своей русофобии доходил до крайних проявлений. Так, в цикле «Антистрофы» Е. Маланюк жестоко оскорбил и унизил великую поэтессу Анну Ахматову (Ганну Горенко), заявив в 1953 году, что трагедия ее жизни является возмездием за «утрату национальных корней», уход в «петербургский парадиз»⁵.

Заслуживают внимания суждения Генри Киссинджера в статье, опубликованной в газете «The Washington Post» 5 марта 2014 года: «Украина была независимой в течение лишь 23 лет; прежде она с XIV столетия пребывала под разного рода иностранным правлением. Неудивительно, что ее лидеры не усвоили искусства компромисса, еще менее они знают об исторической перспективе. Политика Украины... показывает, что корень проблемы лежит в стремлениях украинских политиков навязать свою волю непокорным частям страны...»⁶

Приведенные положения, возможно, недостаточны для объяснения конфронтации Украины с Россией, но они позволяют сделать некоторые выводы.

1. Формирование и консолидация нации на базе ненависти к близкому по всем параметрам народу и в противоборстве с частью собственного народа может породить новые национальные травмы и объекты ненависти.

2. Ненависть к России порождает ненависть ко всему русскому миру, в том числе к его компонентам в собственном государстве.

² Барабаш Ю. Я. Иеремиады Евгена Маланюка // Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности. М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. Вып. 1. С. 125.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ Цит. по: Томсинов В. А. Украинский кризис и тайны современной геополитики. М. : Вече, 2015. С. 12.

¹ См.: Литературная газета. 2014. 30 июля — 5 авг. (№ 30). С. 9.

3. Конфронтационное отношение Украины к России, подогреваемое Западом, всколыхнуло русский мир и вызвало в нем новые процессы и изменения.

Самой серьезной деформации подверглось русское население Украины по разным направлениям и различными способами. Наступление ведется прежде всего на русскую национальную идентичность. Удары направлены на главные ценности русской цивилизации — русский язык, культуру, русское православие. Недавно в своем блоге выступил советник президента Украины Юрий Бирюков (этнический русский и русскоязычный), возглавляющий волонтерское движение помощи украинской армии. Он заявил, что у него «пропала воля к борьбе», причиной чего стали заявления радикалов из партии «Свобода», причисливших всех русскоязычных жителей Украины к предателям.

В данном случае давно начавшееся наступление на русский язык дошло до предела. Русский уже объявляется языком предательства. Политика дерусификации Украины, поддерживаемая Западом, направлена на перевод проблемы разделенного народа в проблему двух враждебных сообществ — украинского и русского. В таких условиях неизбежен раскол в русском сообществе на Украине. Посмотрим на статистику русского населения. По переписи 1989 года на Украине проживало 11 335 852 человека (более 22 %). По единственной переписи, проведенной в независимой Украине, в 2001 году русских было уже 8 334 100 человек (около 17 % населения). Это значит, что за 12 лет русское население Украины уменьшилось более чем на 3 млн. Часть русских уехала, но массовых перемещений не было. Не было и геноцида¹.

Что это значит? Судя по всему, произошла смена идентичности. С целью избежать притеснений и приспособиться к ситуации часть русских в процессе переписи назвали себя украинцами. Очевидно, сейчас этот процесс стал еще интенсивнее. Русские вынуждены либо уезжать, либо уходить в глубокое подполье, либо изменять национальную идентичность.

Выбор национальной идентичности далеко не всегда связан с этничностью, языком и фамилией. Этот выбор — мировоззренческий. Русский человек, говорящий по-русски и имеющий русскую фамилию, поддавшись пропаганде и информационному давлению, вполне может не только стать русофобом, но и добровольно сражаться в украинских войсках против своих соотечественников. И таких на Украине немало. И, наоборот, украинец с украинской фамилией может быть истинно русским человеком, выбравшим русскую идентичность и русские ценности. Таких тоже немало. Глубочайшая трагедия Украины — в расколе народа. По существу, в Новороссии шла гражданская война внутри русского народа. Раскол произошел в семьях, в душах людей.

При поверхностном рассмотрении причинами смен национальной идентичности часто являются бытовые, житейские мотивы: страх, приспособленчество, стремление «выбиться в люди» для молодежи (если по-

сулили «теплое» место, машину, квартиру). Но и в этом случае глубокие причины — мировоззренческие или политические.

Эта политика использует религиозный фактор как основу культуры, направляя главный удар на раскол Православной церкви и полный разрыв духовных связей двух родственных народов. Руководство Украинской православной церкви Киевского патриархата, активно поддержавшее Майдан и обвиняющее Россию в агрессии, требует создания «единой поместной УПЦ». Для этого оно всеми средствами добивается поглощения УПЦ Московского патриархата с последующим переходом под «омофор» подконтрольного Вашингтону Константинопольского патриархата. Единая УПЦ должна стать духовной скрепой, обеспечивающей социальную базу поддержки фашистского режима².

Острейшие процессы нашей современности затронули и другие центры русского зарубежья. Санкции США и Евросоюза против России, информационная клевета в ее адрес разделили русский мир, ослабили русскую идентичность, а также вызвали ужесточение политики в отношении русских правительствами стран проживания.

Так, в Прибалтике, где русские оказались в трудных условиях выживания после 1991 года и, по словам информанта из Латвии, испытывали чувство брошенности Россией, русская идентичность несколько притупилась. Она поддерживалась и оживлялась 9 Мая, в День Победы, когда русские выходили на улицы, вспоминали Россию, а также в момент посещения русских православных храмов. Как для верующих, так и для атеистов это была связь с Россией. Всколыхнуло русских известие о референдуме в Крыму и его воссоединении с Россией. В Латвии, например, русские испытали гордость за Россию и за свою русскость; они, как рассказывают информанты, почувствовали силу России, и это вдохнуло в них надежду.

Во время войны в Новороссии среди русских в странах Балтии возникла инициатива по сбору средств на медикаменты, организации пунктов сбора гуманитарной помощи; некоторые русские в качестве волонтеров отправились защищать Новороссию. Эти акции вызвали отрицательную реакцию в правительственных кругах, в связи с чем был принят закон об уголовном наказании «за пособничество террористам» (срок до 10 лет). К числу «пособников» относят не только волонтеров, сражающихся в рядах ополченцев в ЛНР и ДНР, но и тех, кто собирает средства, которые трактуются как «деньги на убийства». Проверяются все, кто сочувствует ополченцам, даже в социальных сетях. В Латвии и Литве прошли обыски в пунктах сбора гуманитарной помощи, последовали аресты.

Более жестоким стало отношение правительственных кругов к урегулированию самых болезненных для русского мира в Прибалтике вопросов — вопроса о «негражданах» и вопроса о русских школах. «Неграждане» в Латвии, Эстонии (в Литве ситуация несколько отличается) — это русские, которые в 1991 году получили паспорта соответствующих го-

¹ Бывшие и настоящие : интервью с Сергеем Пантелеевым (директором Института русского зарубежья) // Литературная газета. 2015. 28 янв. — 3 февр. (№ 3–4). С. 9.

² <http://ruskline.ru/opp/2014/3/15>

сударств, где определялся их статус как «неграждан». Русские возмущены этой дискриминацией и ведут борьбу за возвращение им гражданства. Так, в Эстонии действует «Союз неграждан Эстонии», цель которого — добиться получения гражданства без всяких условий и ограничений.

Вторая болезненная для русского мира проблема — русские школы и статус русского языка. В январе 2014 года глава МИД РФ С. Лавров сообщил об инициативе России по организации в русском зарубежье русских школ, где обучение будет вестись «по российским стандартам». Эта инициатива вызвала негодование в правительствах ряда Балтийских государств. Так, в Литве советник президента по вопросам образования, науки и культуры Виргиния Буденене заявила, что эта инициатива является «попыткой распространения пропаганды», «оккупацией умов» и стремлением «создавать “пятую колонну”»¹.

В свете того, что президент Литвы Даля Грибаускайте назвала Россию террористической страной, интерпретируются и другие образовательные инициативы России. Так, летом 2014 года дети из русских школ Литвы побывали в молодежном лагере «Союз–2014 — Наследники Победы». А по их возвращении депутат Сейма Литвы Мантас Адоменас заявил, что в таких лагерях Россия готовит террористов².

Для русского мира огромное значение всегда имела пресса на русском языке. В июле 2014 года в Ялте прошел форум Международной ассоциации молодых журналистов «Зарубежные русские медиа в Крыму». В нем приняли участие журналисты из США, Швейцарии, Латвии, Эстонии, Грузии, Греции, Чехии, Великобритании, Швеции, Бельгии. Тема заседания: «Модификация зарубежных русских медиа и информирование русского мира». Журналисты из разных стран — Ольга Борисова («Суббота», Рига), Вахтанг Меладзе (Грузинское агентство Nregion), Сергей Буравлев (Pro-

file Russia) и другие — говорили о том, как нелегко порой написать и выдать в эфир новость, которая может не понравиться, а иногда и возмутить правительства их стран. Но приходится рисковать³.

Разлом, даже раскол в русском мире остро обнаруживается в СМИ каждой из стран русского зарубежья. В эмигрантских изданиях Германии в последнее время это особенно заметно — многие из них сознательно и грубо искажают факты событий на Украине. Они широко используют откровения таких известных либералов, как Виктор Шендерович, Акрам Мурзаев. Среди таких изданий выделяются еженедельник «Русская Германия», журналы «Восточный курьер» и «Партнер». Эти «русские» издания выступают с откровенно прозападных русофобских позиций.

Русский мир в своем зарубежном проявлении, таким образом, включен в острую информационную войну, и каждый, как и везде, должен сделать свой цивилизационный выбор — он с русской цивилизацией или против нее. Такой четкий выбор сделали русские на VIII региональной конференции российских соотечественников, проживающих в странах Ближнего Востока и Африки, состоявшейся 26–27 апреля 2014 года в Дубае. В своем заявлении в связи с ситуацией на Украине они выразили солидарность с позицией руководства России и обратились к мировой общественности с призывом содействовать мирному урегулированию конфликта на Украине⁴.

С обращением к лидерам Европы 16 ноября 2014 года выступили потомки белых эмигрантов. Они выразили протест против ежедневной клеветы в адрес современной России, возмущение жестокими действиями киевских властей против мирного населения Донбасса⁵ и высказали надежду, что страны, некогда приютившие их семьи, вновь встанут на путь благоразумия и беспристрастности. Под этим обращением подписались сотни потомков белых эмигрантов из разных стран мира.

С. Б. Никонова⁶

ИСТОКИ И ГРАНИЦЫ ИДЕИ НАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НОВОЕВРОПЕЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА

В XX веке национализм, понятие нации, национальная идея столь радикально и многосторонне проявили себя как действующая сила истории, что подвергнуть сомнению реальность их существования весьма сложно. Кажется, что национальная принадлежность

человека и существование наций в целом — вещь сама собой разумеющаяся, хотя мы можем иметь дело с «плохими» и «хорошими», вредоносными или благотворными проявлениями национализма. Главная проблема, связанная с национализмом, — то, как сделать эти проявления благотворными. Когда говорят о национализме, сразу вспоминаются две крайности: с одной стороны, нацизм и его катастрофические последствия (в связи с чем национализм представляется явлением крайне опасным), с другой — борьба угнетенных народов за право на национальное самосознание и самоопределение (к примеру, имевшая место в XX в. борьба колоний за свободное существование), становление, укрепление и сохранение национальных культур. Поэтому и возникает проблема следования национальным интересам: как отрегулировать «хорошие» и «плохие» стороны такого требования? Какое место в современ-

¹ <http://ru.deldi.lt/news/politics/>

² <http://www.regum.ru/news/polit/>

³ Литературная газета. 2014. 30 июля — 5 авг. (№ 30). С. 9.

⁴ <http://www.ruwek.info/>

⁵ Российская газета. 2014. 25 дек.

⁶ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Реализация виртуального в аудиовизуальном пространстве новых медиа», «Глобализация–образование–искусство: к проблеме сохранения гуманитарных знаний в контексте универсализации культуры», «Логические основания толерантности», «Нарратив: описание истории или самосознание историка?», «К проблеме кризиса и трансформации в современной культуре: варианты теоретического осмысления» и др.; монографии «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление».

ном глобальном мире эти национальные интересы занимают?

Зададимся, однако, вопросом: «Что определяет национальную принадлежность человека?» с этнической принадлежностью все понятно: она передается по рождению, по крови. Где бы человек ни жил и что бы ни думал, у него уже есть родители. Конечно, он может узнать нечто о своем происхождении, чего прежде не знал, узнать о своих предках, что они имеют этническую принадлежность, о какой он и не помышлял¹. Кроме того, возможны этнические смешения, причем весьма многообразные. Но все-таки это объективный факт, возможно, имеющий очень большое, а возможно, не имеющий вообще никакого значения для человека. Так и с принадлежностью к государству: она определяется по месту проживания, по подданству определенной власти. Его можно сменить, но в любой момент времени это объективный факт.

Но к какой нации принадлежит человек? Когда при переписи населения требуют указать национальность — ответ может быть любым. По сути, к какой нации человек себя приписывает, с какой идентифицирует — к такой и принадлежит. Таким образом, факт национальной принадлежности относится скорее к сфере ценностей, нежели к объективно-фактической. Это явление гуманитарное, а не физическое. И как таковое оно принадлежит воображению. Не случайно английский исследователь Б. Андерсон в своем фундаментальном и краеугольном для дискурса о национализме труде называет нации «воображаемыми сообществами»². Это не значит, что все факторы — этническая принадлежность, государственное подданство, а также земля, религия, культура, даже любовь — не имеют значения. Воображению все поставляет богатейший материал. Но перерабатывает оно его всякий раз по-своему.

Поэт Иосиф Бродский однажды сказал, что национальная принадлежность определяется языком. Кажется, трудно сказать более точно. На каком языке человек думает и пишет — такова и его нация. Но ирония в том, что это сказал человек, писавший и на русском, и на английском, поменявший российское гражданство на американское и настолько преданный Италии, что был даже похоронен там по решению друзей, а вовсе не на Васильевском острове, куда он собирался прийти умирать в свои юные годы. Какой язык определял его жизнь? Какая страна? Какая идея?

Этническую принадлежность сменить нельзя, в отличие от государства, которое можно легко сменить, не утратив приверженности к нации. Но смена нации меняет в человеке саму суть. Что же есть нация? Она шире этноса и далеко выходит за пределы государства. Хотя и этнос имеет первоочередное значение для определения нации, и в государственной идее нация играет

¹ Так, в романе Дж. Элиот «Дэниэл Деронда» (1876) молодой англичанин из аристократических кругов фундаментальным образом переосмысливает свою жизнь, узнав о своем еврейском происхождении, и принимает это открытие как вызов, требующий от него решительных действий в поиске и возвращении еврейскому народу Земли обетованной.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М., 2001.

существенную роль. Можно сказать, что под нацией понимают некий дух, не физическую и не юридическую, но именно духовную общность.

Интересно заметить, что разработка понятий «нация» и «дух» в истории мысли происходила одновременно. Причем и то и другое понятие в современном их применении имеет весьма недавнее происхождение. Они стали предметом пристального внимания в XIX веке, когда Гегель, венчая своей системой немецкую классическую философию, создает «философию духа», а по всей Европе победным маршем проходит становление идеи национальных культур, вдохновляемое романтизмом.

Идея «духа», сформулированная Гегелем, была новой и удивительной, поскольку лишала определение духа его религиозных коннотаций, а точнее, подчиняла его религиозную трактовку некой более фундаментальной, антропологической. Дух — это человек, входящий в историю как на арену борьбы за признание, самоопределение (борьбы, всегда связанной с пониманием его собственной конечности, смертности, условности). Только эта борьба и итоговое самоопределение приводят дух к абсолютному бытию, включающему всю тотальность развертывания мира во времени. Будучи смертным, он через сознание смертности достигает бессмертия, утверждает себя как истинную вечность.

Это атеистическое антропологическое понятие духа закрепилось в европейской мысли, разрабатываясь в категориях духа как субъекта, негативности, самосознания, способности сказать «нет» миру, выдвинутой в «ничто», и нашло наиболее радикальное оформление у А. Кожева — удивительного философа, русского по происхождению, француза по сути, повлиявшего на весь французский последующий философский дискурс, а также на французскую политику, но оставшегося в тени и известным лишь в узких кругах.

Был ли Кожев русским, или французом, или гражданином мира? Выскажем предположение: именно маргинальная позиция по отношению к обеим национальным идеям позволила ему радикально отклониться от одной и резко проникнуть в другую, чтобы оказать на нее влияние. Он сказал то, чего не мог сказать француз, но чего не мог бы сказать и русский, если бы они оставались в своей идентичности. Он вывел на поверхность то, что в обеих национальных идеях граничило с радикальным бунтом, нигилизмом.

Итак, национальная общность воображаема, и хотя идентификация с ней базируется на множестве внешних факторов, она относится к сфере ценностей, а не фактов. Эту общность можно охарактеризовать как общность духовную, причем дух следует интерпретировать в секулярно-антропологическом контексте как субъективно мыслимую определенность и конкретность в историческом процессе как процессе борьбы...

Этимология понятия «нация» — племя, народ — указывает на рождение, сыновнюю привязанность к родине. Да, эта привязанность может быть скорее духовной, чем физической, хотя и физической не быть не может. И германские нацисты видели здесь некото-

рую суть, уничтожая даже тайных евреев — тех, кто не знал о своем еврействе, выискивая еврейские корни, ощущая, что голос крови передается генетически — по роду — и потому неизбежно будет нигилистически подрывать дух нации, в которую волеется, нести в себе идею негативности. Инородность всегда мыслится как разрушительная. Как будто дух передается с молоком матери и отеческой кровью. Но это языческая идея, древняя, архаическая форма представления духа, крайне чуждая, к примеру, христианству как наднациональному мировому проекту. В христианстве перед Богом нет ни эллина, ни иудея (Кол. 3: 11), потому что душа и тело мыслятся как полностью разделенные. Что бы ни случилось с телом, дух пребывает в себе и остается руководящей субстанцией. Поэтому для христианской общности неважно, кто ты по происхождению, важно, что ты христианин. Не случайно Христос отвергает семью и род, говоря: «Враги человеку — домашние его» (Мф. 10: 36).

Начинает казаться, что нация — понятие древнее, архаическое, имеющее связь с кровью, родом, но впоследствии постепенно начинающее переосмысливаться и приобретать характер духовного единства, единства скорее веры, мировоззрения, чем происхождения... и здесь мы сталкиваемся с ярким противоречием: ведь именно происхождение, эксплуатирующееся понятием «нация», оказывается совершенно ненужным, чуждым практически любым развитым религиозно-мировоззренческим традициям. Как вышло, что после денационализованного Средневековья вдруг в эпоху Возрождения идея нации, рост национального самосознания, развитие национальных языков становятся передовой и прогрессивной идеей, если этот принцип является первобытным, архаическим?

Здесь можно обратить внимание на определения нации. По первой же ссылке, набранной в поисковой системе Интернета (то есть это лежит на поверхности!), мы видим: нация — это «социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность индустриальной эпохи». Историческая принадлежность понятия здесь описана точно. Понятие нации характеризует одну эпоху, начинающуюся от Возрождения и продолжающуюся до настоящего момента, и один тип культуры — пошедшей по пути развития промышленности и формирования буржуазного порядка (культуры западноевропейской с ее экспансией, колониями и даже глобализацией). Именно развитие этой культуры связано с актуализацией странного понятия «нация», парящего над понятием «этнос» и способствующего созданию «национального государства» — поверх этносов и в стороне от религий и мировоззрений.

Но здесь возникает еще один вопрос: «Если итогом развития этой культуры является глобальная экспансия и универсализация всех цивилизационных процессов, становление наднациональных организаций, мирового экономического порядка, системы интернациональных взаимосвязей, то есть если в конечном счете эта культура, как из пут, пытается вырваться из национализма, то как она могла быть связана с ним в своих истоках?»

В сборнике, название которого переведено на русский как «Нации и национализм», но по-английски подразумевает скорее попытку построить некую карту, проследить путь определения нации (“Mapping the Nation”. 1996), один из авторов пишет: «В свете текущих дискуссий по данному вопросу в средствах массовой информации как-то неловко припоминать, что не так уж много лет назад национализм повсеместно считался одним из самых прекрасных подарков, преподнесенных Европой всему остальному миру. Нечасто сегодня вспоминают и то, что две величайшие войны XX века, охватив практически весь земной шар, были вызваны неспособностью Европы справиться с ее собственным этническим национализмом. Национализм любой разновидности — как “хороший”, так и “плохой” — целиком и полностью был результатом политической истории Европы. Несмотря на торжество различных объединительных тенденций в нынешней Европе и политическое согласие на Западе в целом, в нынешнем забвении истоков национализма, похоже, есть нечто большее, чем признак беспокойности тем, прочно ли он присмирел на земле, в которой родился»¹.

«Неспособность Европы справиться со своим этническим национализмом» — национализмом, порожденным самой историей Европы, резко порвавшей со средневековым порядком, совершенно не учитывающим интересы этносов и индивидов. По сути, обособление нации происходит одновременно с обособлением человеческого субъекта, приобретением им автономии, декларацией его права на следование собственным интересам. Нация по отношению к этносу — то же, что субъект по отношению к биологическому индивиду. Он имеет с ним некоторую общую пространственную определенность, локализуется в нем, но напрямую к нему не привязан, является духом по отношению к тому, что индивид предстает как материя. И национальное государство — это локализованное в пространстве на базе некоей этнической общности духовное единство, ведущее к выделению суверенной субъектности своей власти, не связанной более ни с какими сакральными или метафизическими идеями. Суверенное самоопределение — основа нового демократического, секуляризованного порядка, находящего единственное эквивалентное выражение в капитале как символической мере своих внутренних взаимоотношений.

Обратим внимание, как в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс описывают процесс влияния буржуазного порядка на нации: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем... на смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходят всесторонняя связь

¹ Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает? // Нации и национализм. М., 2002. С. 284.

и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература... Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации... Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, то есть становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию»¹.

Далее, в следующем абзаце, они говорят о том, как формируются национальные государства: «Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей»².

Что мы получаем в итоге этой деятельности, какая конечная согласованность одновременного процесса стирания национальных различий в одной всеобщей буржуазной цивилизации и утверждения четко очерченных национальных государств? Мы получаем мир совершенно равномерный, созданный по единой схеме, в котором отныне действуют не различные самобытные и несводимые друг к другу образования, но равные и свободные субъекты, обладающие определенными интересами в этой единой структуре, ведущие между собой борьбу и устанавливающие определенный баланс сил.

Идея нации, национальной определенности, национальной самобытности имеет не «культурологический» смысл и не подразумевает в первую очередь сохранение своей традиции и ценностей. Эти традиции и ценности — лишь условие, бренд, товар в общем едином пространстве политико-экономической конкуренции.

Таким образом, новый порядок, подразумевающий идею нации, пользуется некоторыми свойствами и особенностями культурных различий, основанных на местных традициях, этнических разноречиях, в своих целях, а в конечном счете эти различия должны быть полностью стертые и уничтожены, выхолащены до состояния отличительного значка, обозначающего принадлежность к той или иной команде. Борьба идет на совершенно другом уровне.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М., 2013. С. 33.

² Там же. С. 34.

Тем удивительнее и яростнее оказывается вторжение национальной подосновы в эту деятельность экономико-политических субъектов, подобное вторжению непристойной изнанки перверсивных желаний в деятельность автономного практического разума, которое мы видим в явлениях национализма и нацизма последнего столетия, с которым «не может справиться Европа».

Можно сказать, что идея нации и становление национального государства сыграли в истории Европы ту же роль, что и абсолютная монархия. Резко отличаясь от прежних сакрализованных монархий, последняя ставила своей единственной целью ослабление власти родовой аристократии, сосредоточение ее в руках одного правителя, который смело мог заявить: «Государство — это я». Его власть еще могла прибегать к формальным отсылкам к религии, но на деле уже не нуждалась в священном как гаранте своей легитимности. Гораздо лучше эта система легитимности описывается в политической теории Т. Гоббса. Нужно иметь в виду, что Гоббс отнюдь не ограничивает возможные формы правления единовластием монарха. Суверен Гоббса в корне отличен от любого человеческого индивидуума. Это светская десакрализованная система законов и отношений, принимаемая как общественный договор. Способ установления власти здесь является скорее демократическим: договариваются все, именно поэтому и не могут свергнуть решения собственной воли. Следовательно, абсолютная монархия готовит плацдарм для демократического переворота и становления буржуазной республики, в наибольшей мере соответствующей идее нового порядка взаимодействия автономных субъектов на основе принципа конкуренции.

Так же и национальное государство — оно разрушает все прежние связи, сакральные, освященные религией, традицией, духом предков, родовой принадлежностью, неким «гением места», духом земли (то есть всем тем, что определяло когда-то локальную древнюю размеренную и священную жизнь деревенской общины), и выстраивает систему общности на совершенно новых, сугубо рациональных основаниях, заимствуя из древнего духа только имя для своего идеологического конструкта.

Таким образом, нация — это конструкт воображения, действенный в современной политико-экономической борьбе при условии, что мы придерживаемся капиталистического принципа этой борьбы и распределения интересов. Национальные интересы потому и существуют, что они представлены лишь в контексте глобальных вызовов, а глобальные вызовы потому и возможны, что имеется множество национальных интересов, играющих на едином поле. Однако выход из этой борьбы означает только проигрыш.

Ей может противостоять лишь теллурический, земной древний дух Отечества как земли, как крови, который в настоящих условиях также выхолащивается и становится простым определением приязни или неприязни к человеку по его внешнему виду (цвету кожи, разрезу глаз и т. п.), что в подвижном, перемешанном «постмодернистском» мире крайне странно. В конце

концов такое отношение является не более чем эстетическим, то есть оно ничего не определяет в предмете своей оценки, кроме чистого представления, так же как идея нации — ничего, кроме чистой идеологии. Дух земли проявляет себя не в идеологии и эстетике. Он живет в тайной партизанской борьбе за место, в которое уходит корень: «Он защищает участок земли, с которым он автохтонно связан»¹. Наверно, лучшее описание тайной сути такой борьбы дал писатель Л. Перуц в мистическом рассказе «Маркиз де Боливар», где буквально сама земля, освященная божественным благословением, посланным ее поселенцам, вынуждает регулярную армию рациональных и трезвомыслящих врагов отступить, совершая ряд саморазрушительных действий (рассказ вдохновлен отпором наполеоновской армии, данным партизанскими выступлениями испанцев). Но, восхищаясь духом земли и весомостью его требования, выступающего наперекор глобализационным процессам, мы должны иметь в виду, что его предельно будет не светлое новое царство духа, не торжество самобытности национальных интересов, за которое борются антиглобалисты, но достижение чего-то, подобного утопии, описанной Лао-цзы: «Лучше царству быть маленьким, а населению — редким... Пусть люди завязывают узелки вместо письма. Пусть люди наслаждаются едой и любят свою одежду, име-

ют покой в своем жилище и радуются своим обычаям. Пусть будут видны соседние селения, и оттуда доносятся лай собак и крик петухов. А люди до самой старости и смерти друг с другом не знаются»². Здесь нет и тени нацизма, потому что отсутствует сама идея встречи и коммуникации людей. При таких условиях они едва ли могут идентифицироваться как нация. Здесь есть следование традициям, но нет потребности в сознании и идентификации этих традиций.

Любая попытка познать и идентифицировать традиции делает их условными и тем самым лишает жизненной силы, обращая в музейные экспонаты и сувениры для туристов, а любая попытка обратить их дух в национальную идеологию чревата последствиями, подобными холокосту³. Также следует отметить, что пока у нас есть музеи культуры, эти последствия не могут быть окончательно признаны невозможными. И только предельная рефлексия, то есть то главное, что делает человека либо нацию автономным и суверенным субъектом, действуя вне всяких обобщающих правил и оснований, которые могли бы быть приняты какими-либо формальными интернациональными структурами в качестве законов, может удержать нас в глобальном пространстве одновременно пребывающими в своей культурной самобытности и избегающими катастроф нацизма.

А. А. Оганов⁴

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Интенсификация глобализационных, информационно-технологических процессов у многих вызывает озабоченность грядущей судьбой национальных культур и, как следствие, оскудением духовной жизни общества. Тревогу порождает вероятность вытеснения этнонационального фактора в культуре вненациональными, унификации ее ценностей, ведущих к сти-

ранию различий между традиционными национальными культурами.

Однако не преувеличиваем ли мы все эти угрозы, поспешно экстраполируя трудности и немалые издержки начального этапа глобализации на весьма отдаленное будущее? История человечества знает множество кардинальных общественных перемен, крутых социальных виражей, и ни одно из них не было совершенно безболезненным. Поэтому сегодня представляются неуместными как чрезмерный пафос и эйфория по поводу грядущих перемен, так и крайности противоположного толка.

¹ Шмитт К. Теория партизана / пер. С нем. Ю. Ю. Коринца. М., 2007. С. 139.

² Дао-Дэ-цзин. Ле-цзы. Гуань-цзы: Даосские каноны / пер. В. В. Малявина М., 2002. С. 371.

³ Не случайно английский исследователь З. Бауман связывает причины этого явления с действием в фашистской Германии капиталистической машины, а не со сбоем в ее работе и неким чудовищным и разовым индивидуально локализованным человеческим злом. Поскольку капиталистическая машина по-прежнему действует, сохраняются условия для повторения того же катастрофического события (Бауман З. Актуальность холокоста / пер. с англ. С. Кастальского, М. Рудакова. М., 2010).

⁴ Заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор 8 монографий, около 200 статей, более 30 учебников и учебных пособий, в т. ч.: «Логика художественного отражения», «Теория и история мировой и отечественной культуры: учеб. пособие» (в соавт.), «Теория культуры» (в соавт.), «Теория искусства» (в соавт.), «Эстетика» (учебник) и др. Действительный член Международной академии информатизации. Член редколлегий ежегодника «Прикладная культурология. Предпринимательство в культуре». Награжден медалями «В память 850-летия Москвы», «Шувалов» Российской академии художеств. Лауреат премии им. И. И. Шувалова.

Наблюдаемые интеграция и унификация направлены преимущественно на финансово-экономическую, политическую, научно-техническую, отчасти образовательную сферы и не распространяются с неизбежностью на национальные культуры. Далеко не очевидно и нивелирующее воздействие глобализационных процессов на этническую мозаику культуры.

Отношение современной цивилизации к нравственному, эстетическому, религиозному аспектам, собственно ко всей гуманитарной компоненте общественного бытия относительно нейтрально. Она не благоприятствует и не угнетает культуру. У современной цивилизации нет идеологического замысла совершить культурную экспансию, «смигшировать» своеобразие и многоцветье национальных культур. Культурное од-

нообразии с прагматической точки зрения не отвечает ее интересам. Цивилизация не может отменить культуру, она ею облагораживается, мимикрирует под нее, надевает ее маски, эстетизирует себя и делает всевозможные инвестиции в свои прагматические цели. Без культуры цивилизация была бы слишком непрезентабельна.

В известном смысле то, что современная цивилизация вытесняет культуру, — иллюзия. «Вина» цивилизации лишь в том, что резко возросшие темпы ее развития стали превосходить темпы развития культуры. Циклы развития цивилизации не совпали и в принципе не могли совпасть с циклами, периодами развития культуры. Последние должны быть достаточно длительными, чтобы нечто прошло стадию превращения в ценность национальной культуры, укрепилось в этом качестве, обрело свойство позитивной консервативности.

В этих условиях крайне усложнились возможности адаптации культуры к скоротечной социодинамике. Культура, ее «программное обеспечение» не успевают в своем развитии за техникой, «железом» цивилизации (С. П. Капица). В силу этого правомернее говорить не столько о кризисе культуры, сколько о кризисе ее взаимоотношений с цивилизацией.

Трудно прогнозировать, предсказывать судьбу культур слаборазвитых, незрелых, мозаично-локутных, зачастую не обретших полноценный национальный статус. Им намного сложнее противостоять потоку сильного воздействия чужеродных культур. У них не сформировано, не развито свойство избирательности; тонкий культурный слой не способен переработать, трансформировать воздействие неоднородных культур. По приблизительным подсчетам этнографов, еще задолго до глобализации канули в Лету сотни тысяч племен, народностей, языков, диалектов. Трудно представить число исчезнувших традиций, обрядов, ритуалов. Происходит своего рода естественный отбор. В перспективе на «семи ветрах» глобализации национальным культурам предстоит пройти испытание на жизнестойкость.

Происходящая в культуре кардинальная переоценка приоритетов резко снижает значимость многих привычных традиций и ценностных представлений, часто вызывая тем самым чувство духовного дискомфорта и угрозы возможностям идентификации в рамках национальных культур. Это ощущение усугубляется нарастанием вненациональных элементов в культуре. Однако ее полнота не обусловлена только этнонациональными факторами. Чем ниже уровень развития общества, тем более оно ограничено непосредственно этими факторами. В развитом современном обществе определяющая роль этнической составляющей значительно менее выражена.

В условиях информационного общества образ жизни людей наполняется новым содержанием, становится все более разнообразным, расширяется поле приложения их интересов и, как следствие, возможности выбора способов и форм самореализации. Прежние основания этнокультурной идентификации вовсе не отменяются и не сменяются. Они прирастают новыми, часто

неустоявшимися, не погружившимися в структуру бессознательного. Неизменными формы культурной идентификации могут быть только в обществе, законсервированном в своем развитии.

Все очевиднее становятся положительные результаты усиливающегося взаимовлияния культур. В культуру США вошли традиции русских театральных школ (К. Станиславский, М. Чехов). Всемирно известные костюмы используют мотивы национальных русских костюмов. В Китае укореняется традиция фестивалей и конкурсов русской и советской песни. В России прививаются некоторые западные традиции: День святого Валентина, католическое Рождество, Хэллоуин. Российская культура представляет собой типичное интегративное образование, в котором национальные культуры, взаимообогащаясь, сохраняют свою самобытность, уникальность. Интеграция культур не означает их слияния или растворения одной в другой. В этом процессе они обогащаются ценностями как близких, так и неоднородных культур, не утрачивая при этом этнических различий.

Самосохранение и постоянное самопорождение национальных культур осуществимы только при условии одновременного протекания в них процессов интеграции и дифференциации. Неизбежность дифференциации обусловлена прежде всего самобытной проявленностью, уникальностью национальной культуры. Отсюда ее избирательная активность по отношению к внешним воздействиям, отторжение всего чужеродного. Дифференциация, как и интеграция, — естественный процесс, не имеющий ничего общего с самоизоляцией культуры, обрекающей себя на постепенное угасание. Оба процесса тем интенсивнее проявляются в культуре, чем более она развита и открыта миру.

Упрощенно понимать дифференциацию исключительно как процесс отпочковывания и взаимного отторжения национальных культур. Такое явление, хотя и распространено в современном мире, имманентно не присуще культурам и, как правило, происходит вследствие прямого или косвенного вмешательства в культурный процесс политических, военных факторов, религиозных конфликтов. Так, в результате распада СССР отторглись и размежевались национальные культуры республик, ставших суверенными. Так же относительно мирно разошлись национальные культуры Чехии и Словакии, чего нельзя сказать о Югославии, где решающую роль в этом процессе сыграл насильственно-силовой, военный фактор.

Глобализация с ее информативным потенциалом кардинальным образом расширяет поле и ускоряет динамику взаимодействия национальных культур, но она не детерминирует сколько-нибудь существенно их содержательно; в нее не заложена программа ущемления их самобытности, унификации. В результате интенсивных взаимодействий увеличивается разнообразие внутри культур.

Подлинно самобытная культура неоднородна, она имеет сложную структуру, различные элементы которой «стянуты» ее ядром. Чем разнообразнее национальная культура, тем шире ее контакты с другими культурами, тем более она востребована мировым со-

обществом. Будучи замкнутой в себе, огражденной от мира, она становится все более одноликой, одномерной. В остановившемся для нее времени она медленно деградирует. Как и всякая изолированная система, культура подвержена возрастающей энтропии. Согласно изложенной У. Эшби теории информации («Введение в кибернетику») динамическая устойчивость любой системы пропорциональна ее внутреннему разнообразию.

Конечно, и прежде мир был расцвечен многообразием культур. Но лишь в наше время эта мозаика отдельных культур стала складываться в один большой «ковер» по причине их возрастающей коммуникативности и информационной доступности. Мировая культура становится ансамблевой. Культура подобна оркестру, хору, где каждая национальная культура ведет свою партию. В их едином звучании творится масштабная картина общечеловеческих культурных ценностей.

Наивно полагать, что глобализация — беспроблемный и безболезненный процесс. Его немалые издержки обусловлены неравномерным экономическим и политическим положением государств, их информативным ресурсом, ментальностью людей. Перед человечеством неизбежно встает целый ряд проблем гуманитарного характера.

В связи с этим особая роль отводится культурной политике государств, институтам управления культурой. Основными мотивами их целенаправленной деятельности являются поддержка (просветительство, материальное обеспечение) позитивного и нейтрализация негативного. Сложнее всего обстоит дело с критериями того и другого. У культуры есть интуиция, которую нельзя недооценивать: она многое может подсказать. Действенность и результативность управляющей системы достижимы при условии полного исключения элементов насильственных мер; они деструктивны для культуры, она будет отторгать их либо деформироваться.

В культурной политике важно учитывать комплекс факторов: социально-психологических, экономических, мировоззренческих, политических, техногенных. Глобальные перемены в культуре протекают одновременно с соответствующими переменами во всех сферах

общественной жизни. Их переустройство невозможно без решения актуализировавшихся мировоззренческих проблем. Они неотъемлемы от признания общей системы ценностей, новых этических норм, формирующих толерантное отношение к другим национальным культурам. Чрезвычайно опасны любые формы политизации национальной идеи, религии, клерикализации общества. Эффективное использование информационного ресурса позволит обеспечить повсеместную циркуляцию духовных ценностей, их трансляцию на отдаленные от культурных центров регионы. Часто испытываемый ими информационный голод является причиной их маргинальной участи.

На вызовы глобализации уже сегодня острее всего реагирует национальный менталитет. Между тем, как убедительно замечает в своей книге «Бегство от свободы» Э. Фромм, изменения в обществе определяются не столько экономическими и политическими факторами, сколько ментальностью народа. Константы этой наиболее устойчивой этнонациональной характеристики часто весьма консервативны и трудно преодолимы. А ведь стереотипы сознания, поведения, ценностных установок являются серьезным препятствием на пути общественных преобразований. Ожидать скорых и значительных перемен в этой сфере не приходится. Крайне важно осознание, что трансформации менталитета имеют длительные временные периоды, протекают постепенно и не всегда безболезненно.

Культура, будучи неравновесной, самоорганизующейся системой, при любых условиях не может исчерпать свои адаптивные ресурсы. Тем не менее ее способность к самопорождению существенным образом зависит от множества обстоятельств, лишь отчасти здесь упомянутых.

Конечно, глобализация чревата непредсказуемыми последствиями, о ее негативных сторонах сказано более чем достаточно. Угрозы и тревоги далеко не всегда беспочвенны, хотя нередко и преувеличены (порой до уподобления молочу, жаждущему жертвоприношений от культуры). Поэтому целесообразно показать возможность оптимистического взгляда на судьбу национальных культур.

К. С. Пигров¹

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ VS НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭГОИЗМ²

Национальный эгоизм представляет собой распространную в современном мире, но недостаточ-

¹ Профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Шепот демона: опыт практической философии», «К метафизике праздничного», учебника «Социальная философия», статьи «Созидающее слово, или Цивилизация как констелляция смыслов»; редактор коллективных монографий «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самостоятельного философствования» и др. Член редакционной коллегии журнала «Личность. Культура. Общество».

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00775а «Тинейджеры в обществе риска: социокультурная аналитика идентификации и самоидентификации».

но отрефлексированную форму «социальной болезни». В словарях национальный эгоизм понимается как оправдание приоритетного удовлетворения интересов своей нации (народа) при игнорировании интересов других наций (народов). Таким образом, национальный эгоизм мыслится как негативно оцениваемая форма национализма³. Национальный эгоизм есть именно *болезнь* общественного сознания — «воспаленное», пронизанное тяжелым рессентиментом состояние национальных интересов. Причем речь идет не только о болезни массовой общественной психологии,

³ Национальный эгоизм. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3411/Национальный (дата обращения: 28.03.15).

но и о болезни идеологии. Национальный эгоизм представляет собой превращенную форму¹ национального самосознания, его отчужденное состояние, своеобразный «симулякр» самосознания народа². Противоположностью этой социальной болезни является гораздо более широкое представление о социальном здоровье, которое в обобщенной форме предстает в многообразных видах, например как доверие³ или справедливость⁴ и тому подобное, причем не только в межиндивидуальных, но и в межнациональных отношениях.

Если в учебной и справочной литературе еще удается в основном сохранить рационально-взвешенное отношение к национальному эгоизму⁵, то поразительным образом в части нашей публицистики восхвалять его стало прямо-таки «хорошим тоном». Причем авторы, интуитивно чувствуя его порочность, вопреки естественному нравственному чувству, им органически свойственному, чуть ли не принуждают себя положительно оценивать это, безусловно, отрицательное нравственное явление национальной ментальности. Здесь видится феномен, аналогичный своеобразному обнаружению «подросткового сознания». В основном справедливо критикуется национальный эгоизм других стран⁶, но применительно к собственной стране ему делается неправомерное исключение. Он представляется как некий спасительный эликсир. Мол, «страдает сейчас простой русский человек только по причине единственной, от веков ему доставшейся жестокой болезни — а именно отсутствия национального эгоизма»⁷. Тот же автор разъясняет, что «национальный эгоизм заключается в том, что это есть защитная реакция народа, расположенного на перекрестке трех мировых цивилизаций Креста, Дракона и Полумесяца и включающего часть этих цивилизаций внутрь созданного им государства. Таким образом, это защитная реакция народа, уставшего от необходимости учитывать интересы всех его соседей и сожителей»⁸.

Для авторов статей характерны как биологическая терминология (скажем, «защитная реакция», «усталость»), так и то, что публикации, положительно оценивающие национальный эгоизм, строятся на аналогиях человеческих обществ с биологическими сообществами. Человек представляется как «животное среди

других животных» в рамках натуралистического дискурса.

Так, одна из статей о национальном эгоизме начинается с весьма характерного «методологического введения»: «Всякий вид животных стремится к своему количественному росту, во время нехватки ресурсов (пищи, укрытия) он всеми силами старается выжить. Да, во время наивысшей точки развития вида он может столкнуться (вернее, необходимо столкнется) с другим видом, тоже развивающимся, и тогда в результате конфликта произойдет популяционное выравнивание численности вида»⁹. Тот же анонимный автор дает по существу чисто биологическое определение национального эгоизма: «Национальным эгоизмом я называю совокупное усилие представителей вида (этноса, нации) по собственной защите и выживанию в среде своего обитания (проживания). Причем начинается такой эгоизм с простого возбуждения в сознании индивидов их этнических инстинктов и до прямого физического (военного, технологического) столкновения с враждебным видом (этносом, нацией)»¹⁰.

Я готов понять негативную реакцию националистически настроенных авторов на нынешнем драматическом этапе российской истории как неожиданные обнаружения эгоизма подростка. Эта реакция естественна, так сказать, «натуральна». Но мы не должны забывать, что *мы все-таки люди*, а не животные, как не должны забывать исторического урока, преподанного немецкой историей в первой половине XX века. Так называемая «консервативная революция» была выстроена так, что в ответ на национальное унижение страна будто бы «имеет право» на биологическую реакцию, забывающую все с таким трудом давшиеся завоевания цивилизованности. История показала, что попытка «забыть цивилизованность» закончилась для этой страны закономерным крахом. Причем существенно, что возникли *непоправимые* духовные потери. Германия, несмотря на нынешнее материальное процветание, возникшее благодаря мощной цивилизационной основе, сохранившейся «вопреки всему», тем не менее *навсегда* утратила нечто такое, что могло бы быть *нравственным образцом* для других народов.

Существуют достойные цивилизованные пути выхода из национального кризиса, притом такие, которые органически свойственны русскому народу. Эти цивилизованные пути ориентируются на ясный ум, стойкость, терпение и твердый характер. Развитое национальное самосознание (а российское национальное самосознание в своей основе мы имеем право считать именно *развитым*), прошедшее через тяжелый опыт русской революции и гражданской войны, а также — в духовной жизни — через серьезную рефлексию абсолютного духа, рефлексивные процедуры искусства, религии и философии, необратимо преодолевает «животную простоту» национального эгоизма. Российская духовная культура содержит исключительно высокий потенциал для преодоления национального эгоизма. Речь идет как о тысячелетнем опыте православия, так

¹ О превращенных формах в указанном контексте см.: *Лигров К. С.* Обращивание метода и превращенные формы в процессе исторического творчества // *Материалистическое учение К. Маркса и современность*. Л., 1984.

² См., в частности: *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Капитал XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // *Вопросы философии*. 2012. № 11. С. 31–42.

³ *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // *Новая постиндустриальная волна на Западе*: антол. / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 123–162.

⁴ См., например: *Ролз Дж.* Право народов // *Вопросы философии*. 2010. № 9; *Он же.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.

⁵ См., например: Национальный эгоизм: психология. URL: http://knowledge.allbest.ru/psychology/2c0a65635b2bd68a4d53a89421316d26_0.html (дата обращения: 28.03.15).

⁶ См., например: *Войнов М.* Национальный эгоизм по-американски. URL: <http://www.nbengroup.com/democratic/egoizm> (дата обращения: 28.03.15).

⁷ См.: *Чарус Н.* Русская реформа или философия национального эгоизма (Очерки по философии национального эгоизма). URL: <http://www.proza.ru/2009/04/16/439> (дата обращения: 28.03.15).

⁸ Там же.

⁹ См.: О национальном эгоизме. URL: <http://yaroslavss.livejournal.com/20951.html> (дата обращения: 28.03.15).

¹⁰ Там же.

и о позитивных цивилизационных завоеваниях социализма, благодаря которому мы имеем сегодня, например, всеобщую грамотность населения.

Что касается морально-нравственного потенциала России, то в первом ряду нравственных достижений стоит Ф. М. Достоевский. Наш «несимметричный ответ» на национальный эгоизм, как обнаруживаемый другими странами, так и стихийно возникающий в российской национальной психологии, состоит в высоко культивированной всемирной отзывчивости русской души — в «способности всемирной отзывчивости», «главнейшей способности нашей национальности»¹. Преодоление национального эгоизма лежит не в попытках захвата чужих богатств и ресурсов, а в развитии собственного потенциала, причем такого, который не наносил бы ущерба другим народам. В частности, *национальная щедрость* (разумеется, не имеющая ничего общего с бездумным и легкомысленным транжирством принадлежащих нам богатств) сплачивает народ как целое; народ, переживая свое великодушие и благородство, консолидируется. Происходит завоевание по существу главного, а именно *морального капитала* в мире.

Моральный капитал страны представляет собой важнейший момент *человеческого капитала* (human capital) — сравнительно нового понятия, которое сложилось на базе экономических теорий во второй половине XX века. Пока о моральном капитале как моменте в человеческом капитале говорят только иногда применительно к институциональному уровню², но наступает время, когда о моральном капитале следует говорить и применительно к национальному, социетальному уровню.

В самой абстрактной форме человеческий капитал обычно понимают как совокупность знаний, умений, навыков, использующихся для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом. Известно, что впервые этот термин использовали Теодор Шульц³ и Гэри Беккер⁴. Первоначально под человеческим капиталом понималась лишь совокупность инвестиций в человека, повышающая его способность к труду — образование и профессиональные навыки. В дальнейшем понятие человеческого капитала существенно расширилось. Человеческий капитал, понимаемый сегодня в широком смысле, — это интенсивный производительный фактор национального экономического развития, развития общества и семьи, включаю-

щий образованную часть трудовых ресурсов, знания, инструментальный интеллектуальный и управленческий труд, среду обитания и трудовой деятельности. Справедливо отмечается, что человеческий капитал — *главный фактор* формирования и развития инновационной экономики и экономики знаний как следующего высшего этапа развития.

Сегодня концепт национального человеческого капитала, который в национальном богатстве развитых стран составляет от 70 до 80 %, утвердился в экономических дисциплинах. Однако в этом весьма эвристичном понятии есть еще и нераскрытый в полной мере не только экономический, но и *историософский потенциал*. Становится все более ясным, что человеческий капитал является не только экономической, но и более общей категорией, характеризующей новоевропейскую цивилизацию в целом.

Известно, что если человеческий капитал первоначально рассматривался с точки зрения экономической теории только как «затратный фактор», то во второй половине XX столетия уже общепризнано, что высокий уровень и качество накопленного человеческого капитала есть условие возможности успешного обновления производства, проведения институциональных реформ, демократизации государства. Страны с образованным, здоровым и оптимистичным населением, конкурентоспособными профессионалами мирового уровня во всех видах экономической деятельности, в образовании, науке, управлении и других сферах обладают преимуществами и в экономическом развитии. В результате исследований второй половины XX века становится ясно, что ядром человеческого капитала является человек, не только образованный, созидательный, инициативный и обладающий высоким уровнем профессионализма. Необходимо сделать в логике эволюции понимания человеческого капитала и следующий шаг: *ядром человеческого капитала является человек высокосоциальный, с развитой совестью и чувством справедливости, способный к доверию, словом — человек, характеризующийся «способностью всемирной отзывчивости»*. Культивирование такой интегративной способности по ту сторону национального эгоизма действительно определит пусть не быстрый и не легкий, но надежный и *единственно достойный, действительно человеческий* выход из национального кризиса как нашей страны, так и других стран мира.

¹ Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 136–149.

² См., например: Аксенова Е. А. Корпоративная культура как инструмент управления развитием компании. Человеческий и моральный капитал. URL: <http://www.myshared.ru/slide/723566/> (дата обращения: 29.03.15).

³ Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1968. Vol. 6.

⁴ Becker G. S. Human Capital. N. Y. : Columbia University Press, 1964.

В. Ш. Сабилов¹

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИИ

В настоящее время остро стоит вопрос не только о путях развития России, но и о самом ее существовании как независимого государства, как особой цивилизации. Оно едва ли возможно без единства нации, предполагающего наличие национального самосознания или, иначе говоря, национальной ценностной самоидентификации. Поскольку человек не является абстрактным существом, но всегда принадлежит к определенной социальной общности, которая и обуславливает его человеческие свойства, то закономерно встает вопрос о качественной определенности этих общностей и степени интегрированности в них ее членов, которым прежде всего необходимы мир и согласие, и только после этого — позитивное решение конкретных социальных и политических проблем.

Можно выделить две основные трактовки понятия нации. Во-первых, нация отождествляется с этнической общностью. Во-вторых, нация трактуется как гражданская общность. По сути, одна из этих трактовок соотносится с этническим, другая — с национальным самосознанием. Рассмотрим их на примере русского народа.

В свое время Ф. М. Достоевский сделал важное открытие. Еще на каторге великий писатель обнаружил, что русским отличает отсутствие чувства племенной солидарности. Если представители других этнических групп прежде всего ищут своих соплеменников и преимущественно с ними выстраивают взаимоотношения, то для русских решающее значение имеет не столько этническая, сколько человеческая сущность людей. Потом в знаменитой Пушкинской речи Ф. М. Достоевский развил эту идею до понятия всечеловечности русских. «Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извещающего несходное, снимающего противоречия»². Однако было бы ошибкой в этом качестве видеть исключительно положительную характеристику этнических русских, поскольку нередко она приводит к целому комплексу негативных духовно-нравственных переживаний, сознанию своей неполноценности, презрению, ненависти или абсолютному равнодушию к своему же народу.

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Два главных вопроса этики И. А. Ильина» (в соавт.), «Аберрации совести» (в соавт.), «Этика и жизнь (о двух типах этического знания)» (в соавт.), «Онтология совести» (в соавт.), «Метафизические и антропологические основания этики Ф. М. Достоевского» (в соавт.), «Цивилизованность человека и общества: теоретический и методологический аспекты» и др.

² *Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1880*, август // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 131.

Наиболее показателен в этом плане феномен Смердякова — персонажа романа «Братья Карамазовы» того же Ф. М. Достоевского. Никто до Достоевского так гениально не предсказал появление *маленьких людей*, наделенных *большой злостью*. Таких людей можно часто встретить в настоящее время. Они, как правило, ничемны в социальном плане, но поистине гениальны в зле, отрицании, особенно — в отрицании всего национального. Это парадоксальное сочетание социальной, духовной, моральной и творческой бездарности, с одной стороны, и одаренности в зле — с другой, представляет собой удивительное явление, пророчески угаданное Достоевским. Этот человеческий тип легко угадывается по бесконечному количеству претензий к жизни и при этом полной невозможности реализовать конкретные социальные задачи, ибо, умея «до основанья» разрушать, он не хочет и не может создать и строить. «Я всю Россию ненавижу <...> — откровенничает Смердяков. — в двенадцатом году было на Россию нашествие императора Наполеона французского первого... и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе». Здесь перед нами, по сути, встает вечно актуальная проблема национального самопознания: откуда же берется в русском человеке такая ненависть к своей земле и своему народу, частью которого он сам является!?

В связи с этим закономерен вопрос: а нужно ли в русском человеке акцентировать его этническое происхождение и способствовать актуализации этнического самосознания? На наш взгляд, это необходимо, и не только из-за того, о чем мы уже было сказано выше, но именно потому, что русские более всех других народов бывшего СССР утратили свои этнические качества, поскольку у них оказалось размытым их этническое самосознание. Вообще русский был более «советским человеком», чем представители других этносов, в результате он практически лишился способности дифференцировать другие этнические группы и общности как в нашей стране, так и за рубежом, что часто служило и все еще служит причиной пренебрежительного отношения к нему самому. Этническое самосознание необходимо русским не для того, чтобы блюсти «чистоту крови», но для того, чтобы лучше знать себя и других. И все же для того, чтобы быть русским в широком значении этого слова, мало иметь только этническое самосознание. Нам представляется, что в высшей степени необходимо *русское национальное самосознание*, которое ни в коей мере не может быть тождественным этническому.

Национальное самосознание, основанное на понимании личностью своей принадлежности к определенной гражданской общности, имеет достаточно сложную структуру. Во-первых, оно немислимо без чувства ответственности перед государством и предполагает знание человеком своих гражданских прав и обязанностей. Так, если гражданин России, независимо от места

проживания и этнического происхождения, изъясляет готовность защищать ее интересы и действительно их защищает, то, несомненно, он в значительной имеет русское национальное самосознание. Во-вторых, важным фактором национального самосознания граждан России является русский язык. Согласно В. И. Далю, на каком языке человек мыслит, к той нации он и принадлежит. По-русски говорят и мыслят не только этнические русские. Нерусские в этническом смысле россияне в той мере *русские*, в какой они освоили и духовно восприняли великий русский язык. Так что можно быть одновременно, например, осетином (принадлежать к осетинскому этносу) и русским. Слово «русский», будучи прилагательным, может сочетаться с любым другим определением, обозначающим этническую принадлежность человека. Однако для того чтобы быть не просто *русскоязычным*, необходимо осмыслить и ценностно воспринять духовно-нравственные особенности русской культуры, которая составляет третий важный компонент национального самосознания. Принадлежность же к русской культуре означает не просто эрудицию в русской литературе, музыке, живописи, философии, даже не любовь к ним, а принятие и практическое утверждение их основополагающих ценностей.

Для русской культуры характерно специфическое понимание и переживание таких общечеловеческих ценностей, как добро и зло, свобода, справедливость, смысл жизни, любовь и др. Лучший способ овладения русской культурой и одновременного формирования национального самосознания — участие в процессе культурного творчества в парадигме национальной традиции. Можно привести множество примеров того, как люди, принадлежавшие к разным этническим группам, творили шедевры русской национальной культуры, прославляя и творчески утверждая одновременно и свой этнос. Нет сомнения в том, что Н. В. Гоголь, будучи выходцем из Малороссии, стал великим русским писателем, а С. Д. Эрзя нельзя назвать только мордовским скульптором, поскольку его творчество принадлежит всей России. То же можно сказать о И. Левитане, Ю. Олеше, Ф. Искандере, Р. Нуриеве, Б. Ахмадуллиной, С. Губайдуллиной...

Есть еще один компонент, усвоение и принятие которого свидетельствует о полноте и глубине национального самосознания, — религия, у русских — православие. Не случайно до революции считалось, что быть русским, по существу, значило быть православным. Конечно, многие граждане России не могут принять православие как свою религию, ибо исторически связаны с другими конфессиями, такими как ислам, буддизм, иудаизм, но уважать православие, знать его историю, основы вероучения, роль в жизни семьи, общества и государства обязаны все — верующие и неверующие, этнические русские и представители других народов. Мирное сосуществование людей, принадлежащих к разным вероисповеданиям, не является утопией, несмотря на современные конфликты в мире в целом и у нас на Кавказе. К примеру, осетины, волею судеб оказавшиеся разделенными на православных христиан и мусульман, остались единым наро-

дом, поскольку у между ними нет распрей на почве религии.

Религиозный компонент национального самосознания необычайно важен, ибо только с позиции высшей Божественной истины каждый народ может осознать свою правоту, свои грехи и свое высшее предназначение на земле. Русское национальное самосознание нельзя представить без покаянного принятия своей судьбы. Смирение и покаяние — высшие религиозные переживания, которые являются предпосылкой искупления грехов, нравственного совершенствования, развития во всех областях человеческой деятельности. Это касается и отдельного человека, и нации в целом, переживающих сейчас один из переломных моментов своей истории и потому остро нуждающихся в развитом и глубоком национальном самосознании.

Однако в формировании русского национального самосознания имеются существенные проблемы, над которыми необходимо задуматься. К сожалению, уровень общей культуры народа сейчас существенно ниже, чем в советскую эпоху. Одной из многих причин, порождающих это, является то, что в обществе по-прежнему живучи идеи, чрезмерно упрощающие сложные реалии современной жизни, а иногда и откровенно фальсифицирующие их. Стремление многих политических деятелей сводить все и вся исключительно к *экономике и рыночным отношениям* поражает своей ущербностью и крайне негативно влияет на самосознание народа. Именно потребность в обосновании жизни ценностями высшего надматериального порядка, удовлетворить которую свыше 20 лет не могут ни государство, ни власть, ни общественные институты, заставляет вступать людей в секты и экстремистские организации, менять вероисповедание и гражданство, моральные устои и бытовые традиции.

Россия, пережившая в XX столетии две глобальные социокультурные катастрофы (в 1917 и 1991 гг.), фактически лишена теперь самого необходимого — ясной и конкретной системы позитивных духовно-нравственных ценностей, органичных ее великому прошлому и в равной мере соответствующих ее настоящей и будущей жизни.

Одной из самых важных и острых проблем, с которыми столкнулась современная Россия, без сомнения, является вопрос ее ценностной самоидентификации. Это в значительной степени связано с тем, что до сих пор не имеется четкой государственной политики в этой сфере. Попытки внедрения в общество имперской идеи, идей евразийства и русского мира, к сожалению, не получили должного развития, обоснования и тем более — широкой общенародной дискуссии. С нашей точки зрения, игнорирование задач духовно-нравственного воспитания и развития национального сознания чревато стихийными вспышками на национальной почве.

Вернемся к проблеме этнической идентичности русских. Отсутствие серьезного и социокультурно обоснованного понимания ее на государственном уровне оборачивается фактами откровенно нигилистического отношения русских к своей национальной принадлежности. Уже выросло целое поколение молодежи,

не знающее русских песен, не видевшее шедевров национального кинематографа, не понимающее красоты и своеобразия родной земли. В то же время в бывших союзных республиках СССР и нынешних субъектах Российской Федерации, напротив, возрождаются и всячески поощряются именно национальные традиции. Получается, что этнические русские оказываются в положении еще большей дискриминации, чем их соотечественники, живущие в республиках Поволжья или Кавказа. Не в этом ли кроется одна из причин неуважительного отношения к русским со стороны других этносов? А оно в свою очередь неизбежно будет порождать конфликты, подобные тем, что имели ме-

сто в Кондопоге, Москве на Манежной площади или в Пугачеве...

В связи с вышесказанным мы приходим к выводу: если продолжать игнорировать жизненно важную проблему формирования развитого этнического и национального сознания и самосознания у граждан России, то в обозримом будущем мы можем либо услышать грозный «рев племени», о котором в свое время предупреждал один из авторов веховского сборника «Из глубины» В. Н. Муравьев, либо увидеть тотальную апатию и деградацию русского народа, что чрезвычайно опасно для существования нашего государства.

Т. Б. Сиднева¹

ДИАЛЕКТИКА ГРАНИЦЫ НАЦИОНАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Казалось бы, нет необходимости доказывать укорененность национального начала в искусстве. Чувствительное к «почве» искусство, на которой взращен художественный опыт, свою специфику и самобытность раскрывает в тесной зависимости от географической среды, природных условий, истории, мифологических и религиозных представлений, оригинальных стереотипов поведения, обычаев, особой структуры характера — всего того, что образует этнос. Установившаяся в искусстве с древнейших времен «жесткая связь с кормящим ландшафтом» (Л. Гумилев) неизменно, хотя и в бесконечном многообразии форм, проявлялась в языке, тематике, жанровых и стилевых системах. Национальная специфика и стала в истории культуры одним из фундаментальных качеств, определяющих индивидуальную неповторимость художественного опыта. Национальное начало имеет ключевое значение в структуре традиции, понимаемой как закон преемственности в искусстве, возникший на почве связи эпох и поколений определенного этноса, «на родине, взрастившей художника» (М. Хайдеггер).

Вместе с тем иллюзия того, что вопрос о национальном в искусстве давно решен, развенчивается реалиями современного искусства. События последних десятилетий подтверждают, что именно понятие «этнос» фокусирует в себе наиболее драматические и остро актуальные проблемы мировой культуры.

Возникновение глобального коммуникативного пространства, в котором происходят смешение этнических обычаев и разрушение границ культурных диалектов, привело к формированию единого резервуа-

ра ценностей и смыслов. Испытывая мощный натиск процесса глобализации — с ее изменением ценностной иерархии, преодолением традиционных представлений о вкусе, стиле, искусстве, вытеснением из современного эстетического лексикона терминов «локальный», «индивидуальный», «укорененный в почве» и тому подобных, — современная культура по-новому ставит вопрос о границах национальных традиций, диалектов, ментальностей.

Заново поднимаются вопросы: можно ли в глобализирующемся культурном мире обозначить территорию национального, каковы внутренние механизмы его существования и где одна «периодическая система» сменяется другой? Что сегодня является критерием и «единицей измерения» национального — цивилизация, отсылка к народности, государство в целом или локальные его территории? Существует ли в современной культуре более или менее отчетливо выраженный национальный характер?

При пристальном внимании к обозначенным проблемам нередко обнаруживается, что и в научном обиходе, и в повседневной практике само понятие национального в искусстве употребляется «по умолчанию», как будто заведомо известно, о чем идет речь. Не менее симптоматичным является распространенное представление о национальном как «ушедшем» или «уходящем», отсылающем к характеристике прошлых эпох и, более того, к примитивным архаическим праистокам, фольклору.

Очевидными в глобализирующемся мире становятся крайне разнонаправленные тенденции. С одной стороны, происходит превращение этнических традиций в своеобразный «музей», влекущее к консервации национального. В этом русле характерным является интерес к старине как своего рода эмблеме национального, что нередко побуждает художников образцы народного искусства превращать в «экзотический» материал для всевозможных экспериментов. И здесь не существует пределов обращения к «своему» или «чужому» прошлому. Побочным «продуктом» экспериментирования

¹ Проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор 160 публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Искусство как метафора бытия», «Эстетика постмодернизма», «Эстетика для творческих вузов»; статей: «Метакомпаративистика как музыка» (в соавт.), «Шум и музыка: логика взаимопревращений», «Современное искусство в ситуации смены парадигм» и др. Член Союза композиторов РФ, Нижегородского отделения Российского философского общества, ассоциации «Женщины в науке и образовании».

с этническим материалом является рутинная коммерческая продукция поп-культуры, во всем «изобилии» представленная на телевидении, интернет-сайтах, в социальных сетях. С другой стороны, в культуре параллельно утверждаются вне- или метанациональные стили, не имеющие этнической «прописки» — в том смысле, что они отражают стремление преодолеть какую-либо связь с конкретной локальной почвой и фиксируют появление глобализированного «интернационализма». И опять же в рамках этой тенденции широко представлен поток низкопробных образцов, свидетельствующих об угрозе утраты генетической культурной памяти. Популярны российские шоу-проекты («Голос», «Голос. Дети» и т. п.) во всей полноте демонстрируют равнодушие к национальной почве и поощряют «Иванов, не помнящих родства». Особенно вопиющими выглядят выступления детей, начинающих певческую карьеру с имитации «опыта» коммерчески состоятельных иноязычных звезд. Родной язык, отечественная музыка, национальные традиции скрыто игнорируются за отсутствием в них эпатажности и провокативности. Увы, подобные факты подтверждают пессимистические пророчества М. Хайдеггера, предупреждавшего еще в середине прошлого века об угрозе утраты корней как главной опасности наступающего техницистского века. Аксиологически неоднозначные полярные тенденции фиксируют чрезвычайную злободневность и масштабность проблемы национально-го в современной художественной культуре.

Особая актуальность проблемы национально-го сфокусирована в музыке. Это объясняется многими факторами, среди которых определяющим является исходная антиномия ее природы. С одной стороны, музыка является универсальным языком, не требующим перевода и понятным разным народностям. В этом ее глубокая объединяющая значимость, позволяющая сближать носителей разных этносов и локальных традиций, «говорить» за человечество в целом. Общепризнанна способность музыки быть безгранично «внятной» — независимо от расовой, национальной и социальной принадлежности, пола, возраста, образования — и преодолевать барьеры, существующие в других видах искусства.

С другой стороны, не менее значимой является ее «разобщающая» способность: язык музыки чутко отражает психологию, темперамент, традиции и обстоятельства жизни отдельных этносов и по степени «локализации» может соперничать с языком словесным. В. Цукеркандль в работе «Смысл музыки» утверждал, что реально существует не музыка, а «специфические музыки». Немецкий музыковед приводит весьма веские аргументы того, что «барьеры между одной музыкой и другой гораздо труднее преодолеть, чем языковые барьеры. Мы способны переводить с одного языка на другой, но сама идея перевода, скажем, китайской музыки на западный язык тонов является очевидным абсурдом»¹. По мнению А. Мерриам, музыка состоит «из множества диалектов, многие из которых так же взаимно непостижимы, как диалекты языка»². Сочета-

ние открытости и универсальности с «речевой» этнической замкнутостью определяет различное слышание музыки (даже если речь идет об одном акустическом материале!) и усложняет взаимное понимание звуковых традиций.

К началу XXI века музыка предстает перед человеком в виде огромной «энциклопедии» тонов, созвучий, ладов, тембров, жанровых и стилевых моделей — энциклопедии, авторами которой являются практически все народы земли... с момента открытия романтиками самобытной ценности национального на протяжении XX столетия происходило расширение фольклорных пластов, востребованных композиторами (варваризмы Б. Бартока, архаика И. Стравинского, К. Орфа, скифство С. Прокофьева, «прочтение» древней духовной традиции Г. Свиридовым, А. Тертеряном, А. Шнитке, С. Губайдулиной, С. Слонимским и др.), масштабным стало активное «присвоение» инонациональных лексиконов. Музыка подтверждает обоснованную Л. Гумилевым идею мозаичности антропосферы, причем в этой музыкальной мозаике происходит постоянная миграция «своих» и «чужих» этнических традиций, образуя единый мультикультурный, многонациональный звуковой лексикон.

Одним из основных для понимания диалектики национального в музыкальном искусстве является вопрос о роли фольклора: почему, говоря о национальном, непременно обращаются к наивному фольклору, анонимному народному творчеству? Признание М. Глинки («Русская народная песня дает пищу моему беспокойному воображению»), Стравинского, сообщающего о бессознательных «народных» воспоминаниях, которые «вросли» в его музыку, — эти и множество подобных суждений свидетельствуют о значимости родной среды как источнике вдохновения.

Примечательно, что Гегель, размышляя о проявлении в искусстве национального характера и народного дарования, прежде всего обращался к музыке. Народные песни, утверждал классик, «более всего национальны» и связаны с прирожденными особенностями народа, поскольку «они более всего сохраняют характер естественной наивности»³.

Свойственные народной песне характерное сочетание большой силы внутреннего душевного переживания и отсутствия рациональной ясности («сердце остается замкнутым в себе», по определению Гегеля), сосредоточенность внутренней жизни, чувственная интимность и непосредственность связи с жизненными обстоятельствами — эти качества обусловили способность жанра песни хранить генетическую память. Обладающая ярко выраженной этнонациональной доминантой, песня может быть представлена как главная метафора этнической культуры.

Немаловажное значение имеет то, что речь идет о прикладной, непрофессиональной, связанной с повседневным бытом сфере творчества, в котором непосредственно-жизненная функция «не просто доминирует, она полностью поглощает музыку-искусство»

¹ Цит. по: Орлов Г. Древо музыки. Washington ; СПб., 1992. С. 16.

² Там же. С. 18.

³ Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике : в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 332.

(В. Медушевский). Благодаря «врастанию» в жизнь народная музыка поднимает приобщенного к ней «из однократности и временности в сферу вечного» (К. Юнг), к прообразам-архетипам, свидетельствующим о глубинных связях этносов, единых корнях человечества.

В то же время понимание песни как «эмблемы» национального вовсе не означает, что для сохранения этнической идентичности почвы необходимо провозгласить лозунг «Назад к деревне!» (на это заблуждение еще в начале прошлого века указывал композитор А. Авраамов). Данная позиция противоречит пониманию этноса как «саморазвивающейся системы» (Л. Бергаланфи), ведет к утверждению его «стерильности» и замкнутости в себе.

Для осознания плодотворности обращения к национальному прошлому и постижения народной традиции важны размышления М. Бахтина: «В каждой культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались нераскрытыми, не осознанными и не использованными на протяжении всей исторической жизни данной культуры»¹.

Концептуальное значение для определения национального имеет позиция, которую можно обозначить как «взгляд со стороны». Немецкий искусствовед Н. Певзнер в книге «Английское в английском искусстве» отмечает, что в обосновании «английскости» ему помогает «свежий взгляд иностранца»². А. Шнитке заметил, что, уехав в Германию, он глубже осознал свою связь с Россией. Отстраненность внешнего восприятия позволяет фиксировать «русскую фортепианную школу», «итальянскую певческую школу» и другие явления, трудно постигаемые и формулируемые изнутри нации.

Наряду с отмеченным обстоятельством характерным способом «обнаружения» является временная дистанция. Насколько труднее говорить о национальных особенностях современного искусства, настолько очевидна связь с «почвой» в искусстве прошлого. М. Глинка, безусловно признанный основоположник профессиональной национальной традиции, многое воспринял от немецких и итальянских мастеров. П. Чайковского, ставшего общепризнанным символом русской классической композиторской школы, современники обвиняли в подражании «западным манерам», пренебрежении национальными традициями. Подобные метаморфозы восприятия (подтверждаемые в биографиях Скрябина, Метнера, Прокофьева, Шостаковича и др.) также осложняют понимание феномена «национального» в современном искусстве и подтверждают необходимость его определения только в контексте отношения различных этносов и только в континууме общемировой (внешней) и локальной (внутренней) истории.

Академическая музыка, являясь малой частью сложной и многоаспектной звуковой среды, тем не менее имеет наибольший потенциал символизации национальных моделей творчества. В этом заключается один из главных аргументов поддержки профессионально-

го творчества в стремлении сохранить неповторимое «лицо» нации. Общая звуковая среда («фоносфера», в терминологии М. Тараканова) имеет четкие национальные очертания только тогда, когда в ней существует необходимый баланс профессионального и дилетантского, авторского и анонимного, суверенного и инонационального творчества, когда сильна память «корней» и осознана необходимость межкультурного взаимодействия народов.

В современной ситуации методологически важным ключом, позволяющим раскрыть как значение этнической почвы, так и метаморфозы национального в искусстве, является категория *границы*.

Определенная Ю. Лотманом как «культурная универсалия», она основана на диалектике разделения и соединения, «изоляции» и «диалога» (М. Бахтин), граница одновременно является зоной упорядочивания, стабилизации и зоной хаотизации (разрушения порядка). Характерная двунаправленность позволяет «пограничье» (термин Д. С. Лихачева) представить как пространство взаимодействия разных культур с их суверенными законами и правилами, сферой поиска, эксперимента, творчества. Принципиальное методологическое значение границы, понятой как иерархическая полифункциональная система, заключается в том, что она дает возможность исследования структурной многосоставности и смысловой множественности понятия «национальное».

Нелинейная диалектика границы не согласуется с сепаратизмом и консерватизмом, понимание этой диалектики открывает возможности широкого диалога национальных культур. Граница подобна «фильтрующей мембране», которая «трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными»³. В этом отношении сложные процессы взаимодействия культур могут быть плодотворными и взаимно полезными: восхищение, преклонение перед «импортируемой» извне инонациональной традицией и утверждение «своей» не противоречат друг другу, и каждая культура одновременно может выступать и источником трансляции, и преемником «чужих» смыслов.

Особая чувствительность музыки к границам подтверждает неискоренимость национального и столь же неустрашимую неизбежность экстравертного движения. Актуальны в связи с этим размышления С. Слонимского, утверждающего, что сегодня в музыке «устарел любой фундаментализм — тональный, атональный, “комплексный”, минималистский, тематический, атематический, сонорный, фольклорный, антифольклорный, вокальный, антивокальный, песенный, антипесенный, симфонический, антисимфонический, театральный, антитеатральный...»⁴ в проекции на обсуждаемую проблематику жизненно необходимым для музыки является не унификация, гегемонизм какого-либо национального проекта, но осознание мультикультурной этнической множественности глобального мирового пространства.

³ Лотман Ю. Внутри мыслящих миров: Семиосфера. История. СПб., 2004. С. 262.

⁴ Слонимский С. Свободный диссонанс. Очерки о русской музыке. СПб., 2004. С. 138.

¹ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 333.

² Певзнер Н. Английское в английском искусстве. М., 2004.

Природе музыкального мышления в равной степени противоречит как унификация, нивелирование языковых различий, так и национальный сепаратизм, поскольку в ней сильна «генетическая память» (Л. Гумилев). Как верно заметил Т. Адорно, «музыка — действительно всеобщий язык, но не эсперанто». Логикой своего существования музыка с высшей степенью достоверности демонстрирует то, что национальное — открытая саморазвивающаяся система, пронизанная диалектикой границ. По мере «взростания» человечества происходит усложнение понятия «этнос». Нацио-

нальная почва неискоренима, но, как и любая сложная целостность, она не только многомерна, подвижна, труднодостижима и определима. Она также еще и хрупка, уязвима, подвержена испытаниям, подменам и имитациям. Именно поэтому национальное — как корневое, почвенное, генетически исходное для человека — должно быть осознано как проблема, которую необходимо решать. Музыка — как звуковой образ нации, существующий в пространстве мировой фоносферы, — в этом процессе способна сыграть принципиальную роль.

М. В. Силантьева¹

СОВРЕМЕННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК КОНЦЕПТ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Внимательное знакомство с особенностями и проблемами современной социокультурной и социально-политической ситуации в России позволяет предположить, что от стадии теоретических дискуссий по поводу зреющих национальных проблем, связанных с политизацией этничности², эта ситуация некоторое время назад перешла в фазу, требующую «немедленного реагирования» на локальные всплески национализма, осваивающего все новые «точки роста». Так, сегодня можно констатировать наличие тенденции объединения локальных националистически настроенных групп разной ориентации в более широкие движения, имеющие отчасти религиозную, отчасти этнокультурную направленность и при этом тесно связанные с системой землячеств (у мигрантов) или (если говорить о коренных народах России) выходящих прямо или косвенно на зарубежных партнеров. Последние нередко выступают в качестве конфиденентов и спонсоров, имеющих соответствующие «этнокультурные площадки», где специфическая коммуникация происходит на фоне коммуникации историко-культурной, научной (прежде всего лингвистической) и фольклорно-этнографической. Подобные проекты, как правило, связаны с созданием на почве этнокультурной солидарности специфических сетевых сообществ националистического толка и, как следствие, культурным обменом регионального и международного уровня. В научной литературе описаны подобные сообщества, созданные представите-

лями финно-угорских народов России³; можно также говорить о сходных процессах в тюркской (этнически и лингвистически) среде. Речь идет также о некоторых диаспорах (в частности, кавказской, северокавказской и среднеазиатской), иногда выступающих в качестве переходного образования между «коренным», отечественным, и «импортируемым» «мигрантским» национализмом.

«Импортируемый» национализм при этом имеет опору в виде «превращенной» религиозной консолидации⁴, одним из направлений которой (помимо достаточно хорошо изученного «мусульманского фактора»⁵) медленно, но последовательно становится «импортный буддизм» тибетско-китайского происхождения⁶ — в частности в таких регионах, как Калмыкия и Забайкалье.

Особое место занимает, конечно, вопрос о национализме собственно русском, если воспринимать «русский» в качестве этнонима, а не политонима, что и про-

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Философия культуры Н. А. Бердяева и актуальные проблемы современности», «Экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как метод современной философии», «Аксиологические аспекты межкультурной коммуникации в условиях глобализации», «Современная философия культуры в контексте развития теории международных отношений», «Русский язык в “имперском” формате: золотой век русской литературы и культуры как источник современной российской ментальности», «Новые принципы “философии границы” в глобальном мире — десоверенизация или “постсуверенизация”» и др. Академик Сербской академии образования. Член Российского философского общества.

² Зорин Ю. В. От национальной политики к этнокультурной: проблемы становления доктрины и практики (1990–2002). URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2003_3/Zorin_2003_3.pdf (дата обращения: 20.03.2015).

³ Шабаев Ю. П. Конструирование нового национализма финно-угров. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/446/836/1219/2004_n3_p48-70.pdf (дата обращения: 20.03.2015); Этнорелигиозные угрозы в Поволжском регионе: причины возникновения и возможные последствия: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 17–18 декабря 2013 г., Саранск / редкол.: В. А. Юрченков [и др.]; Нац. исслед. Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2014; Глазков В. С. Центристские тенденции в истории народов Урало-Поволжья / Социально-экономическое развитие народов Урало-Поволжья: материалы Республ. круглого стола, посвящ. памяти профессора, этнографа Р. З. Янгузина. Уфа, 2013. С. 13–17.

⁴ Свеча-2014. Религия, religio и религиозность в региональном и глобальном измерении: материалы Междунар. конф. «Религия и религиозность в локальном и глобальном измерении» / отв. ред. Е. И. Аринин. Владимир: ВлГУ, 2014.

⁵ Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье: докл., подгот. рабочей группой Ин-та нац. стратегии / под ред. М. Ремизова // Независимая газета. 2013. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-06-04/9_map.html (дата обращения: 20.08.2013).

⁶ Арзуманов И. А., Юрковский А. В. Модернизационные аспекты вероисповедной политики стран Северо-Восточной Азии XX–XXI вв. // Известия Иркутского гос. ун-та: в 2 ч. Сер. «Политология. Религиоведение». 2012. № 2 (9) Ч. 1. С. 106–115; Арзуманов И. А. Тибетский буддизм — историко-логический экскурс региональной специфики // Миссионерское обозрение. 2005. № 12 (122). С. 27–31.

изошло, согласно исследованиям В. Н. Расторгуева¹, в современной культуре из-за появления лингвистической лакуны как следствия сознательного манипулирования идеологов СССР соответствующей политической лексикой в конце 1920-х — 1930-х годах.

Здесь уместно предложить рабочее определение концепта «национализм» и выделить наиболее распространенные трактовки данного понятия. Это важно, поскольку именно концепт «национализм» выступает в качестве «руля высоты» в процессе принятия решений по проблемам, связанным с национальными отношениями. «Свое» видение темы как со стороны рядовых граждан, так и со стороны государственно-идеологических и управленческих структур, разумеется, может иметь место. Однако тенденция к апологетике, четко проявившаяся в этом вопросе в последнее время, думается, представляет определенную опасность и должна быть как минимум поставлена под вопрос.

Негативные коннотации, существующие до сих пор в языковом сознании русского интеллигента², опираются на разработку понятия «национализм» в работах русских философов Серебряного века. Примером может служить позиция Н. А. Бердяева³, утверждавшего, что специфика национализма состоит в компенсации чувства персональной и клановой ущербности на фоне неконструктивных психологических переживаний собственной «неуспешности» перед лицом конкретных социально значимых задач экономического, политического и другого порядка. При этом, как подчеркивает бывший «легальный марксист» Бердяев, никакое иное решение проблемы, кроме фундаментального социально-экономического, не может по существу изменить положение дел: национализм в Российской империи — следствие провала социально-экономического и, как следствие, политического сценария ее развития.

Интересно, что к сходным выводам приходят современные ученые, обращаясь к анализу возникновения и расцвета национально-освободительных движений, способствовавших распаду Османской империи. Пример — национальные движения сербов и болгар, спровоцированные, по мнению некоторых авторов, усилением налогового бремени, а не собственно «этнокультурным недовольством»⁴. Отсюда вывод: никакие запретительные меры не остановят надолго сепаратистские тенденции. Полноценно противодействовать

им может только реальное экономическое усиление государства либо (на ограниченном историческом отрезке) мобилизационные идеологические программы (все равно направленные на решение насущных, а не химерических или имитационных задач; с налаженной обратной связью и т. д.).

Как уже отмечалось, в современном публицистическом и научном — социально-философском и политологическом — дискурсе уже более десятилетия усиливается тенденция реабилитации концепта «национализм». Причем из научной и околонучной литературы она попала в журналистский лексикон, где говорится о необходимости связать национализм с идеей патриотизма, национальной консолидации и национальной мобилизации; дать философское обоснование, позволяющее показать, что без опоры на концепт национализма национальное самосознание окажется слабым, неконкурентоспособным по сравнению с «сильными» националистически ориентированными игроками политической и даже геополитической (здесь нередко упоминается «скрыто националистическая» позиция США⁵ или резкая оценка американскими политологами ситуации в России⁶) поля. Подобные работы можно рассматривать в том числе как выполнение соответствующего «заказа» со стороны отечественных националистов (преимущественно как раз «русских»), стремящихся таким образом освоить политическое пространство России, легитимируя свои «крайние» политические позиции (или вернуть свое политическое влияние, как это можно предполагать относительно, например, Союза русских общин и организаций, созданных вследствие распада целостности данной структуры в 1990-х гг.). Строго говоря, даже в случае, если высказанное предположение неверно, им не следует пренебрегать.

Рост национализма, к сожалению, — объективный показатель социально-экономического неблагополучия, и ориентироваться в возможных источниках его теоретической апологетики не менее важно, чем осознавать границы и возможности научного противодействия ему. В любом случае *иерархия идентичностей*, предполагающая сбалансированную координацию национально-государственного и этнокультурного уровней, при которой национализм оказывается в ряду негативных ценностей, — необходимый элемент поддержания социокультурного здоровья нации, адекватности ее самосознания тем задачам, которые ставит сама жизнь.

¹ Расторгуев В. Н. Политический выбор великороссов // Трибуна русской мысли. 2010. № 7. С. 11–26.

² Лихачев Д. С. Патриотизм и национализм. URL: <http://mkuznetsova.blogspot.ru/2013/05/blog-post.html> (дата обращения: 20.03.2015).

³ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда. 1989. Ср.: Шадже Ю. А. Николай Бердяев о нации и национальных отношениях (по сб. «Судьба России»). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-berdyayev-o-natsii> (дата обращения: 24.03.2015).

⁴ См., например: Фролова М. М. Н. Н. Мурзакевич и русско-болгарские культурные связи в 30–50-е годы XIX в. // Славянский мир в третьем тысячелетии: к 1150-летию славянской письменности: в 2 кн. М., 2013. Кн 1.

⁵ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Транзиткнига, 2004.

⁶ Бжезинский З. Крайний национализм охватывает значительную часть населения России: интервью радио «Голос Америки». URL: <http://tarasow-ilya.livejournal.com/37268.html> (дата обращения: 20.03.2015); Хантингтон С. Указ. соч.

С. В. Снапковская¹ПРОБЛЕМА «ЗАПАДНОРУСИЗМА» В ПЛОСКОСТИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ БЕЛОРУСОВ

Прежде всего хочу поблагодарить организаторов Лихачевских научных чтений, тематика которых по устоявшейся традиции бьет прямо в цель. Обсуждение проблемы национальной идентификации учеными такого высокого уровня — абсолютно актуальный, значимый и необходимый труд планетарного масштаба. Он свидетельствует о высоком градусе зрелости, а значит, о готовности серьезно и достаточно объективно на основе новых данных обсуждать наболевшие национально-этнические проблемы.

Тематика моих выступлений на предыдущих научных чтениях была связана с проблемой российско-белорусского культурного пограничья. И поэтому вполне правомерен вопрос: какова степень выживания белорусской культуры между двумя мощными культурами — русской и польской, между полонизацией и русификацией? Обратимся к ретроспективно-историко-культурному анализу. Процесс полонизации сверху берет свое начало с 1696 года, когда сеймом Речи Посполитой было принято решение о ликвидации государственного статуса белорусского (старобелорусского) языка и замене его польским. После присоединения белорусских земель к Российской империи в результате третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году начинается обратный процесс — процесс русификации белорусского народа в рамках борьбы с полонизацией и окатоличиванием. Русификация Беларуси представляла собой совокупность мер властей Российской империи, направленных на укрепление позиций православия и русского языка путем ослабления установившегося за предыдущие столетия господства польской культуры и католической церкви. Согласно терминологии того времени русификация означала укрепление локальной культуры всех трех ветвей «общерусского народа», при этом литературным стандартом считался русский язык, тогда как белорусский язык рассматривался как его наречие.

Идеологической основой правительственной политики в Беларуси явился западнорусизм. Известный белорусский ученый и общественный деятель А. И. Цвикевич в своей фундаментальной работе «Западнорусизм. Очерки из истории общественной мысли в Беларуси в XIX и начале XX века», изданной в Минске в 1929 году, определял западнорусизм как течение общественной мысли Беларуси, представители которого рассматривали Беларусь как Западную Россию, которая

неразрывно связана с целым — единой большой Россией, а белорусов — как часть единого русского народа². Таким образом, «западнорусы» отрицали право Беларуси на самостоятельное политическое и культурное развитие.

А. И. Цвикевич сосредоточивал свое внимание на исследовании сути, целей и эволюции концепции западнорусизма. Отмечая двойственность национального сознания и социального поведения «западнорусских» кадров, он признавался, что ему сложно ответить на вопрос, чего больше в деятельности представителей данного течения: служения общероссийским или местным национально-культурным интересам. В среде «западнорусов» существовали «левое» и «правое» крылья, отводившие самобытности белорусов большее или меньшее место.

Белорусские ученые «западнорусской» ориентации (А. Сапунов, Е. Карский, Е. Романов, В. Стукалич и др.), которые представляли правительственное направление в культуре и образовании, сыграли значительную роль в развитии белорусского национально-культурного движения. Однако в начале XX века «западнорусы» — политики и ученые — существенно разошлись. Среди политиков известных ученых уже не было, и к сфере культуры они причастности почти не имели³. После Первой русской революции 1905–1907 годов произошло расширение течения западнорусизма, который все более становился доминирующим фактором, надеждой и опорой развития правительственного направления в культуре.

При П. А. Столыпине усилилось политическое течение западнорусизма, оттеснив на задний план археологов, этнографов и других представителей культурного течения. Близкие к главе российского правительства позиции по национальному вопросу занимали и либерально-буржуазные круги российского общества. В 1911–1912 годах известный либерал П. Струве предложил для украинского и белорусского национального движения путь «скромного областного развития». По его мнению, на этом пути будет сохраняться местный язык (украинский и белорусский), возможность функционирования которого российский либерал допускал в местной начальной школе⁴.

С. И. Ожегов, которого нельзя упрекнуть в русофобии, объясняет термин «русифицировать» следующим образом — делать русским по языку и обычаям. Следовательно, проявлять воздействие извне. В разных регионах русификация проходила по-разному и имела разные по глубине и продолжительности последствия. Наибольшую известность получили в целом непродол-

¹ Заместитель председателя по вопросам культуры, педагогики и образования Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России», профессор кафедры дизайна Белорусского государственного университета (Минск), доктор исторических наук, доктор педагогических наук. Автор 238 научных публикаций, в т. ч. монографий: «У истоков национальной педагогики: из истории школы и педагогической мысли Беларуси конца XIX — начала XX века», «Образовательная политика и школа в Беларуси в конце XIX — начале XX века», «Развитие образования и педагогической мысли Беларуси во второй половине XIX — начале XX века», «История образования и педагогической мысли», «Основы культурологии», «Просвещение в контексте истории и культуры Беларуси» и др.

² Цвикевич А. Западнорусизм. Нарысы з гісторыі грамадзкай мысли на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мінск, 1993. С. 7.

³ Біч М. Заходнерусізм і беларускі нацыянальны рух: Гістарыяграфічны аспект // Беларусіка-Албаруθενіка 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзы. Мінск, 1997. Ч. 1. С. 63.

⁴ Цвикевич А. Указ. соч. С. 338–342.

жительные и неудачные попытки русификации Польши и Финляндии. Британский историк Джеффри Хоскинг указывает, что русификация входила в политику властей Российской империи, так как способствовала централизации власти, устранению местных привилегий и других аномалий. По его мнению, русификация также ставила своей задачей придать всем народам Российской империи ощущение принадлежности к России, ее прошлому и традициям.

Современная трактовка понятия «русификация», которое является ключевым по отношению к западнорусизму, демонстрирует широкий разброс определений: от насильственного внедрения русского языка за счет вытеснения родного — белорусского — до благотворного влияния русской культуры с целью «приобщения белорусского населения к своим корням». Различные подходы к данному определению — свидетельство прежде всего различной политической ориентации его авторов. Так, поборники идей западнорусизма трактуют его как историко-идеологическое направление научной, общественно-политической, этноконфессиональной и культурной жизни, возникшее в Северо-Западном крае (на территории Беларуси. — С. С.) Российской империи, основывающееся на том, что Беларусь является культурной и государственной частью России, а белорусы — ответвлением русского этноса. В начале 1990-х годов в Беларуси возник научный и общественный интерес к проблеме западнорусизма. Исключительно негативную характеристику этому течению дал российско-белорусский историк и филолог А. Кавко. Он характеризовал западнорусизм как «концепцию отказа в историчности белорусов в самостоятельной и самобытной этнической единице, отождествления их с великорусским этносом». А. Кавко определил западнорусизм как «трупный вирус в белорусском национальном организме», а также как предтечу советской и постсоветской ассимиляторской политики¹.

В это же время в Беларуси открыто начали высказывать свои взгляды и сторонники западнорусских идей, в том числе историки. В частности, они отмечали, что именно трудами сторонников этого направления были заложены основы научной белорусской историографии, филологии, этнографии и фольклористики. Ими была сформулирована весьма оригинальная точка зрения, что западнорусизм является версией белорусского национального движения. По мнению политолога и славяноведа О. Неменского, западнорусизм — наиболее естественное и историчное направление мысли в Беларуси. По его словам, современное интеллектуальное движение западнорусизма занято возрождением огромного дореволюционного наследия западнорусской мысли и сможет вновь стать важнейшим фактором белорусской культурной жизни. Он считает, что о победе западнорусизма в некотором смысле можно говорить уже сегодня, поскольку белорусы вернулись к православию и в подавляющем большинстве хотят жить в едином политическом и информационном пространстве с Россией и Украиной.

¹ *Каўка А.* Заходнерусізм // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі* : у 6 т. Мінск, 1996. Т. 3. С. 417–418.

Во второй половине 1990-х годов политологи, говоря о реальности белорусского суверенитета, видели аналог в истории Австрии: «Если Белоруссия как-то “протянет” еще лет пять, она станет привычным и уже неуничтожимым элементом европейской политической жизни. И наряду с большим Российским государством прочно укоренится и перестанет восприниматься как некая проблема маленькое, “почти русское” белорусское государство, как стало привычным и перестало восприниматься как проблема существование рядом с большой Германией маленькой Австрии, тоже не совсем вписывающейся в классическую модель национального государства и тоже прошедшей в свое время через муки самоидентификации и привыкания к самостоятельности»².

Судя по последним социологическим данным, уровень взаимного интереса белорусской и российской молодежи к своим культурам весьма невысок: только 14 % белорусов знакомилась с культурой и образованием различных народов СНГ, у россиян такой интерес не превышает 11 %. Так, все реже в Беларуси слова «мы», «наши» означают, как это было раньше, «мы вместе с Россией»; все чаще — «мы самостоятельно», «мы отдельно от России», «мы в отличие от России».

Однако суверенитет Беларуси не приводит к расширению коммуникации на белорусском языке в силу запоздалого национально-культурного возрождения белорусов. Если у южных и западных славян их возрождение и создание государств (иногда в составе конфедераций) происходили в XIX и начале XX века, поэтому основные задачи национального возрождения были решены после Первой мировой войны, то у белорусов все сложилось иначе. В период активного национального самоутверждения белорусы находились в довольно жестких рамках имперской русификации. Возможности возрождения белорусского языка были заморожены сначала образовательной политикой царизма, а затем — сталинской русификацией.

Спустя два столетия после «весны народов» религиозно-почвенническое отношение к языку стало анахронизмом; к тому же в городах для большинства приверженцев белорусского языка он не является ни материнским, ни школьным, ни основным языком повседневной жизни. При толерантности белорусского закона о языках, который, в частности, гарантирует гражданам право обращаться в органы власти на любом языке, государственный статус белорусского языка отнюдь не ущемляет права русскоязычного населения, поскольку русский язык имеет такой же статус. Выступая за двуязычие, большинство населения Беларуси фактически высказывается за сохранение существующих тенденций в языковой ситуации и, значит, смиряется с вытеснением белорусского языка русским.

Белорусы находятся в «постэтнической» стадии развития сообществ, когда «национальность» перерастает в «гражданство» и скрепляется не языком и эт-

² *Фурман Д., Буховец О.* Парадоксы белорусского сознания // *Дружба народов*. 1996. № 6. С. 121.

ничностью, но общей организацией жизни на своей земле, в своем государстве¹. Поэтому вопрос о степени самобытности и привлекательности белорусского информационного наполнения, необходимых для национальной устойчивости и гордости за свою страну,

остаётся открытым. В то же время важной особенностью демонстрации культурного контента современной Беларуси остаётся то, что белорусская элита всё чаще обращается за смыслами, продуцирующими культурный дискурс.

О. С. Соина²

О КУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЯХ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Национальная идентичность самым непосредственным образом связана с культурой. Чтобы обрести национальную идентичность, нужно постичь сущность той культуры, которая составляет ценностный фундамент нации.

Понять сущность русской культуры — значит исследовать ее предельные ценностные основания. Поскольку русская культура не единственная в мире, то постижение ее сущности неизбежно связано с сопоставлением ее, как это обычно делается, с западной и восточной культурами.

Специфическая особенность русской культуры, рассмотренной с точки зрения ее основополагающих ценностей, нашла выражение в идее *соборности*, введенной в культурный оборот А. С. Хомяковым и представляющей собой одно из величайших прозрений русской мысли. Именно в ней со всей отчетливостью просматривается уникальность России на фоне западной и восточной цивилизаций. Если *Запад* строится на принципе индивидуализма, индивидуальные свободы и личный интерес почитает более других ценностей, а *Восток*, наоборот, опирается на принцип корпоративности (коллективизма), общественные интересы ставит выше личных, то Россия *стремится* именно к *соборности*. Вл. Соловьев формулирует *соборный идеал* как *полную свободу составных частей в совершенном единстве целого*. Таким образом, принцип соборности представляет собой попытку соединения личной свободы с социальным единством людей.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что *соборность*, в отличие от принципов индивидуализма и корпоративизма, на которых построена жизнь на Западе и Востоке, имеет не столько нормативно-культурный характер, сколько *духовно-идеальный*. Иначе говоря, индивидуализм и корпоративизм — это принципы, реализующиеся в повседневной жизни людей, практически составляющие норму. *Соборность* же — это сфера устрем-

лений русского человека, к которой одни люди ближе, другие — дальше, третьи — совсем в стороне. Вот отчего соборность как принцип организации жизни русского человека и русского общества порой очень трудно зафиксировать эмпирически, непосредственно, особенно в относительно благополучные периоды русской истории. Однако в полной мере этот принцип обнаруживает себя в периоды испытаний, войн, природных катаклизмов и т. д. Необходимо отметить также, что соборность, будучи одним из принципов и признаков христианской церкви, закрепленных в символе веры, имеет корни и связь с христианской (православной) традицией. Это обстоятельство вполне объясняет духовно-идеальный характер этого принципа и в то же время предостерегает от приземленного его толкования. Высшим смыслом и главной целью человека, согласно евангельской истине, является спасение человека как личности. Только в этом контексте и можно понять русскую соборность в целом и основные ценностные понятия, ее составляющие. В идее соборности имманентно содержится много ценностных понятий. Рассмотрим некоторые из них.

Понятие *свободы* составляет один из важнейших компонентов сущности любой национальной культуры. Для русской культуры характерно особое понимание свободы, не совпадающее с тем, как ее переживают и оценивают на Западе.

Для *западного человека* свобода есть *нечто, имеющее предел*. Каждый свободен ровно настолько, насколько позволяет ему его капитал. Другое ограничение на свободу накладывается правом. Человек свободен в рамках *права*. Это необходимо, чтобы индивидуальные притязания на свободу не находились в состоянии антагонизма с притязаниями на свободу других людей. В русском же нравственном сознании свобода осмысливается и переживается иначе. Она не имеет столь жесткой фиксации с материальным богатством и правом. Часто на Руси богатство казалось тяжким бременем. Материально преуспевающий представитель правящих сословий мог испытывать угрызения совести перед бедным народом. Парадоксально, но факт, что крупные русские купцы и промышленники (такие как С. Мамонов, С. Морозов, Н. Мешков) финансировали партии леворадикального толка, выступавшие против частной собственности. В русском народе самым свободным считался странник, полностью лишенный собственности: «Странник ходит по необъятной русской земле, никог-

¹ Мечковская Н. Б. Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке? URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/m16.html>

² Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Аберрации совести» (в соавт.), «Этика и жизнь (о двух типах этического знания)» (в соавт.), «Онтология совести» (в соавт.), «Культурообразующее значение этики Сократа», «Метафизические и антропологические основания этики Ф. М. Достоевского» (в соавт.) и др.

да не оседает и ни к чему не прикрепляется. Странник ищет правды, ищет Царства Божьего, он устремлен вдаль»¹. *Русский жаждет безграничной свободы*, ничем не скованной ни собственностью, ни правом и законом. Безграничная свобода, по-русски — *воля*, манит его, и он часто из-за этой своей интенции свободы попирает законы.

Собственно говоря, преодоление силы закона и составляет сущность стремления к беспредельной, то есть абсолютной, свободе. Причем попираение или преодоление закона может осуществляться на разных уровнях. Во-первых, нарушаются юридические законы. Правда, главное тут не само нарушение закона, ибо везде, где действуют законы, есть нарушения и нарушители правопорядка, а отношение к закону, праву и правонарушению. В русском сознании до сих пор не утвердилась идея верховенства закона над человеком. Русский человек, особенно наделенный властью, как правило, считает себя выше закона: «Закон что дышло, куда повернул — туда и вышло». В этой поговорке четко прослеживается характерное для русских пренебрежение к юридическим законам и установлениям. Однако было бы ошибкой интерпретировать это обстоятельство как признак криминальности русского сознания. Просто для широкой русской души всякий закон узок, к тому же никакой законодатель не способен уследить и поспеть за многообразием и текучестью жизни в России. Во-вторых, русский способен посягнуть и на социально-исторические законы. Петровские реформы, социалистическая революция в полуфеодальной стране, программа построения основ рыночной экономики в 500 дней — таков далеко не полный перечень примеров социально-исторического волонтаризма в России, который, подчеркнем, не следует трактовать упрощенно: как проявление банального самодурства царя, маниакальной жажды власти большевиков и теоретической неискушенности молодых реформаторов-демократов.

Имеются более глубокие причины, побуждающие русских пренебрегать юридическими и социально-историческими законами. Они-то и составляют третий, с нашей точки зрения, основной уровень, на котором русский стремится преодолеть закон. Речь идет в данном случае об онтологических законах, законах бытия. Русский понимает и чувствует свободу как избавление от всякого зла, включая и зло смерти. Смерть — это закон павшего бытия. Таким образом, *абсолютная свобода* оказывается, по существу, *тождественной спасению*, а своеобразие русского понимания и переживания свободы заключается в том, что ей (*свободе*) *придается духовный, религиозный смысл*, а не экономический и юридический, как на Западе. В таком восприятии свободы есть свои плюсы и минусы. Жажда воли побуждала русского к освоению новых земель, которые, в свою очередь, требовали мощного государства, способного управлять обширными территориями.

Феномен русского космизма (весьма специфического и уникального явления русской культуры) также может быть объяснен интенциями русского созна-

ния к абсолютной свободе: если она недостижима на земле, то, может быть, ей найдется место на небе? Н. Бердяев писал: «У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть»². Жажда иного мира, иной жизни (читай: спасения или абсолютной свободы) из недовольства тем, что есть, приводила и приводит русских к самым разнообразным последствиям: святости и праведности, нигилизму и анархизму, западничеству и славянофильству, религиозному сектантству и богоискательству, бунтам и революциям. И чтобы русское понимание и переживание свободы носило конструктивный характер, его необходимо соединить с религиозным опытом и христианскими традициями. В противном случае поиски абсолютной свободы на земле, как и абсолютного добра, будут приводить к очередному рабству: какой-либо общественной идее, технике, моде, кумирам и вождям и т. д. Эту альтернативную ситуацию лучше всего выражает русская пословица «*Вольному воля, спасенному рай*» (безудержная свобода без религиозной основы *ничего* не дает человеку, а свобода во Христе означает *спасение* его личности во времени и в вечности).

В осмыслении *добра* и *зла* русским народным сознанием духовный момент долгое время преобладал над моральным. Н. О. Лосский, рассматривая специфику национального восприятия добра, писал: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием»³. Вообще же *специфика русского понимания добра* адекватно может быть воспринята только в контексте *идеи соборности*. Русские крестьяне, заставшие вора на месте преступления, не раздумывая, могли совершить над ним акт самосуда вплоть до убийства. Так проявлялась непосредственная реакция на зло и преступление. И в то же время в народе наличествовала удивительная мягкость и терпимость к осужденным преступникам, которых называли «несчастливыми». В этом контексте не стоит удивляться и тому обстоятельству, что после судебной реформы 1863 года суды присяжных заседателей часто выносили заведомо виновным преступникам оправдательные приговоры.

Народ тонко чувствовал сложную метафизику и драматизм жизни. Вот отчего на Руси так популярна была поговорка «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». У русских крестьян было глубоко развито чувство общей ответственности за зло и грех. Архимандрит Тихон из «Бесов» Ф. М. Достоевского, выразивший эту интенцию национального сознания, поучал, что греха единичного нет, что все люди буквально связаны всеобщностью прегрешений и сознанием виновности. Вот почему и спасение (окончательное избавление от зла и греха) возможно только всеобщее, соборное, а не индивидуальное или групповое.

В стремлении русского народа к абсолютному добру есть положительная и отрицательная стороны. По существу, положительная заключается в том, что

¹ Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской философской мысли XIX века и начала XX века // о России и русской философской культуре. М., 1990. С. 218.

² Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 217.

³ Лосский Н. О. Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 240.

русские, осознав какое-либо моральное или социальное зло, могут «напрячь» все свои силы и искоренить его. Так, например, накануне Первой мировой войны в России было практически покончено со взяточничеством, в советское время — с безграмотностью населения, отсталостью в некоторых отраслях промышленности. Отрицательная же сторона обнаруживается в крайней нетерпимости к людям, имеющим другие убеждения, в безудержном морализаторстве. Попытки построить на земле общество безо всякого зла также вытекают из этой интенции национального нравственного сознания. Как показывает наша история, на деле это приводит к еще большему злу и насилию над человеком. Рай на земле невозможен, а вот подобие ада вполне возможно, если всеми силами стремиться к построению общества без зла.

Любовь — одна из важнейших ценностей культуры. Однако понимание и переживание любви также имеют свои вариации в разных культурных традициях. В трактовке любви огромное и решающее значение отдается христианству.

В православии любовь была воспринята во всей полноте ее божественности. Не случайно на Руси весьма почитаемые храмы — это храмы Пресвятой Троицы (самый знаменитый из них находится в Троице-Сергиевой лавре) и Христа Спасителя (в частности, недавно восстановленный в Москве). Надо сказать, что и православный народ тонко чувствовал Божественную любовь и понимал, что она не похожа на человеческую. Раньше простые крестьяне сокрушенно говорили, что Бог их оставил, если в семье долго не было неприятностей или несчастий. Для правильно сформированного православного сознания естественно восприятие

всего, что выпадает на долю человека или народа, как прямого и непосредственного воздействия и проявления Божественной любви. Поэтому, согласно духовно-нравственным представлениям русских, Бога надо благодарить за все: за приобретения и потери, за удачу и беды, за удовольствия и страдания, за счастье и несчастье, поскольку все это дается ради спасения человеческой личности.

У М. Волошина есть строки, которые прекрасно передают это православное переживание любви:

Нам ли весить замысел Господний,
Все поймем, все вынесем любя —
Жгучий ветер полярной Преисподней —
Божий Бич! — приветствую тебя!¹

Бог изливает свою любовь на всех и каждого, любовь эта принимает такие формы и масштабы, такую ценностную окраску, какие могут послужить человеку или народу для их блага не только в пределах земной жизни, но и в вечном бытии. Пока русский народ жил этим восприятием Божественной любви, он был более человеческим, более терпимым, более смиренно выносил скорби и тяготы жизни. Он был великодушен к пойманным и осужденным преступникам, называя их «несчастными». Он жалел плененных и раненных врагов. Не гнал нищих. Стоило ему потерять это ощущение земного присутствия Божественной любви, как оскудела его человечность.

Резюмируя наши рассуждения, можно сказать, что для достижения национальной идентичности русским необходимо во всей глубине постичь сущность своей культуры во всей ее полноте и многогранности.

О. И. Ставцева²

«ОСТРОВ РОССИЯ»: ИСТОКИ САМОБЫТНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Среди многих политико-культурологических отечественных разработок привлекает внимание концепция «Острова России» филолога, историка и политического мыслителя философа Вадима Леонидовича Цымбурского (1957–2009), изложенная в его статьях и докладах³.

Основной тезис концепции Цымбурского можно сформулировать так: на протяжении различных исторических этапов, проходя сквозь разные метаморфо-

¹ Волошин М. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург, 1992. С. 221.

² Заместитель декана факультета культуры СПбГУП по научной работе, доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: монографии «Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур» (в соавт.), статей «С. Кьеркегор и западная религиозно-философская культура XX века», «В кругах сравнения... Понятие “экзистенция” у Шеллинга, Кьеркегора, Хайдеггера», «Гегелевское понятие признания, принцип толерантности и мультикультурализм», «Диалог культур на фоне кризиса мультикультурализма», «Ценности и смыслы в эпоху глобализации» (в соавт.) и др.

³ См. например: Тетради по консерватизму: альм. Фонда ИСЭПИ. М., 2015. № 1.

зы, Россия сохраняет свою геополитическую идентичность, которая основывается на определенном паттерне, идущем еще от Московского царства. Цымбурский следующим образом описывает геополитический облик России: 1) с XVI века Россия превосходит Европу своей площадью, с XVII века Россия заполняет собой пространство между Европой и Китаем, объединяя в единое государство народы Поволжья, Урала и Сибири; 2) несмотря на трудность в освоении беспредельных пространств на востоке (степей, тайги, тундры, океанов), после решения «казанского вопроса» Россия не знала угроз с этой стороны; 3) от романо-германской Европы, родины либеральной цивилизации, Россия отделена поясом «территорий-проливов», которые примыкают к Центральной Европе, но не входят в нее и которые в XVI–XVII веках не знали ни сильной государственности, ни полноценного капитализма⁴.

⁴ См.: Цымбурский В. Л. Остров Россия. Циклы похищения Европы. URL: http://www.archipelag.ru/tu_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia/ (дата обращения: 24.03.2015).

Таким образом, Россия представляется гигантским островом, окруженным на западе «территориями-проливами», которые отделяют Россию от Европы, на востоке — «трудным пространством», отделяющим Россию от цивилизаций Азии. Метафора острова необходима Цымбурскому, чтобы сочетать идею размытости российских границ с неприступностью и целостностью России. Причем географическая отгороженность от Востока была усилена культурным выбором российской элиты в пользу западной картины мира.

В начале XVIII века после победы в Северной войне и переноса столицы на северо-запад геополитический вектор российской политики оказался смещенным. Но вопреки намерениям Петра I воспользоваться плодами европейского Просвещения россияне не отказались от своей религии и культуры, а, по образному выражению В. Л. Цымбурского, осуществляли поэтапное «похищение Европы»¹.

В данном аспекте концепция Цымбурского перекликается с идеями О. Шпенглера, прямо назвавшего петровскую Русь псевдоморфозом, описывая его следующим образом: «Вслед за московской эпохой великих боярских родов и патриархов, когда старорусская партия неизменно билась против друзей западной культуры, с основанием Петербурга следует псевдоморфоз, втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, затем — XIX столетия... Примитивный московский царизм... В Петербурге был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы»². И Шпенглер, и Цымбурский подчеркивают неевропейскую социальность России, несмотря на то что в XVIII–XIX веках Россия вбирает в свой состав Прибалтику, Украину, Крым, Белоруссию, Бессарабию, Финляндию, Польшу, то есть подбирается вплотную к коренной Европе, но тем не менее оказывается несовместимой с Европой хотя бы из-за своих огромных размеров. Двойственность российской культуры увеличивается, раздваивается многократно при попытке России стать Европой, приблизиться к ней хотя бы в культурных формах, угрожает России как островной целостности. «Все, что возникло вокруг, с самой той поры воспринималось подлинной рускостью как отрава и ложь».

Настоящая апокалиптическая ненависть направляется против Европы... Москва святая, Петербург — сатана; ...Все, что возникает, неистинно и нечисто: это избалованное общество, пронизанное духовностью искусства, общественные сословия, чуждое государство с его цивилизованной дипломатией, судопроизводство и администрация. Не существует большей противоположности, чем русский и западный»³, —

так описывает российскую попытку стать европейской державой Шпенглер. Цымбурский практически вторит ему, предупреждая о смертельной опасности растворения «Острова России» в европейском континенте, отмечая принципиальный антиатлантизм России. При этом «территории-проливы», связывающие «островную» Россию с коренной Европой, могут в различные эпохи в зависимости от исторических обстоятельств то включаться в «тело» России, то отслаиваться от него⁴. Делая этот вывод, Цымбурский объясняет момент развала СССР и отчуждение от России «территорий-проливов» в пользу европейской цивилизации как акт обмена территорий на доступ к нужным технологиям и как завершение очередного этапа западнцентристского цикла российской истории. При этом он не исключает, что «территории-проливы» к России еще вернуться, когда вектор истории повернет в соответствующую сторону. При этом поворот политики России в сторону Сибири, считает В. Л. Цымбурский, может увести Россию из ареала столкновения ислама с западным либерализмом.

При этом Цымбурский подчеркивает важность федерализма в устройстве «Острова России», поскольку Россия представляет собой совместное пребывание многих народов как Центральной России (Московии), так и народов Северо-Запада, Поволжья, Заволжья, Зауралья, Сибири, Приморья. Этнический национализм несет угрозу как целостности России, так и миропорядку в целом⁵. Национальное начало, определяя человека тем, что от него не зависит (случайностью рождения, фактически принадлежностью к роду), ограничивает его в родном, затмевая вселенское. Прорываясь к абсолютному, универсальному, человек возвращает человеческое, духовное.

Исследователь Б. В. Межуев назвал творчество В. Л. Цымбурского политической критикой критика идеологии. Представляется, что идея нации предельно идеологична⁶, сконструирована правящими элитами и иллюзорна, но тем не менее действенна и может обладать мобилизационным потенциалом. В эпоху капитализма борьбу за имперскую власть сменяет соревнование культур за доминирование над территориями, причем эти соревнования организуются с помощью идеологических конструктов, основным из которых является нация, национальные символы и т. п. Критическое мышление В. Л. Цымбурского заставляет нас отойти от идеологических метафор «крови и почвы» и прийти к идее цивилизации: «Сущность цивилизации, выделяющая ее в мире, — это организующее жизнь ее народов суждение об этом мире, которое может переходить в суд над ним»⁷. Саму идею цивилизации ученый связывает с «судьбой духа как силы, противостоящей голой фактичности власти и гегемонии»⁸.

⁴ См.: Цымбурский В. Л. Указ. соч.

⁵ См. об этом: Межуев Б. В. Политическая критика Вадима Цымбурского. М.: Европа, 2012. С. 36–54.

⁶ Об этом пишут многие исследователи национализма. См., например: Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012; Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005.

⁷ Цит. по: Межуев Б. В. Указ. соч. С. 193–194.

⁸ Там же. С. 196.

¹ См.: Цымбурский В. Л. Указ. соч.

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. С. 197.

³ См. там же. С. 198–199.

Л. А. Сугрей¹

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ПУТИ ЕЕ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Неопределенность национальной стратегии у современной России существенно снижает ее роль, как ведущего субъекта современного глобального развития. Авторитет более чем тысячелетней истории цивилизационного развития за последние три десятилетия существенно растерян в результате идеологических метаний — от попытки отречения от своего «духовного греха» до стремления экзегировать идею России как Третьего Рима.

Вл. Соловьев считал, что русский народ является биологической и социально-духовной средой, где осуществляется Божий замысел, а идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней [1]. Вопрос бытия народа — это и есть вопрос реализации Божьего замысла, именно в этом заключается сущность принципа пассионарности как готовности определять свой земной путь или свободу.

Л. Гумилев понимал пассионарность как избыток биохимической энергии, проявляющийся в способности людей к сверхнапряжению [2]. Но не все народы одновременно готовы воплотить в жизнь Божий замысел, некоторым свойственно и заблуждаться, примеров тому достаточно — от поклонения золотому тельцу до обожествления вождя.

Главный вопрос: осознаем ли мы Божий замысел и его суть? Если отклонение от традиций суть испытания, ниспосланные Богом, то пройти через них, сохранив свою сущность, — это то, что задумал Бог о народе. Тогда пассионарность — это способность «взвалить» на себя ответственность за исход в деле реализации Божьей воли. Но чем прочнее существует Россия, тем настоятельнее проявляется дилемма: для чего и во имя чего она существует?

Исторический опыт показывает, что именно в катастрофические для этноса периоды возрождается и заявляет о себе национальная идея. Это было в Германии, после поражения в Первой мировой войне, в Японии — после Второй мировой, в России — после нашествия Наполеона. В этом смысле национальную идею можно рассматривать как простой инстинкт самосохранения народа, как способ защиты себя от чужеродного воздействия — от кого бы оно ни исходило: от зарубежных или своих собственных, отечественных врагов. В то же время любые идеологические системы, будучи рационально выразимыми, представленными в виде определенных идей, всегда дополняются иррациональными моментами, которые коренятся и в природе социальных процессов, и в особенностях идеологии, и в психологии народа. Здесь мы должны согласиться с Д. Лихачевым, который неоднократно выступал против непогрешимости какой-либо обязательной государственной идеологии, видя в ней прежде всего насилие над духовным миром личности [3].

Подобно И. Ильину мы вправе сказать, что национализм, к примеру, — это не просто система идей, связанных с какой-то нацией — народом, а любовь к духовно-нравственным традициям своего народа, и притом именно к его духовному своеобразию. Надо верно ощутить синергию своей духовной жизни с духовной жизнью своего народа, творчески утвердить себя в силах и средствах ее, то есть принять русский язык, русскую историю, русское государство, русскую песню, русское правосознание, русское историческое мироощущение.

Любовь к Родине на уровне бессознательного влечения к ней — аффективная — живет в душах в виде неразумной, предметно неопределенной склонности; к сожалению, она иногда вырождается в пустую форму воинственного шовинизма и тупого национального самознания. Истинный же патриот любит свое Отечество зрячею любовью, он приходит к своему патриотизму через акт духовного самоопределения [4]. И здесь, как мы видим, бессознательное темное восходит до уровня сознательно просветленного — человеческого. Подобная же трансформация происходит и с национализмом, который, соединяя в себе оба начала, рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное, становится приемлемым для нас, когда несет в себе потенциал высших, общечеловеческих ценностей. Такой национализм, именуемый И. Ильиным христианским, открывает человеку глаза и на национальное своеобразие других народов; он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство: ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по-своему.

Это особенность становления русского характера, охотно принимающего духовные ценности, соответствующие традициям полиэтничной державы, и отторгающего все чужеродное, несовместимое с нашим внутренним миром. Она не может быть воздвигнута на пустом месте или начать свое существование с нулевой отметки. Народ, за плечами которого более чем тысячелетняя история, не имеет права начинать все сызнова. Национальная идея, опирающаяся на тысячелетние традиции, не может не быть, по сути своей, идеей традиционализма.

В проблемном поле русской идеи важнейшими понятиями были понятия соборности как единства всех слоев русского общества для блага Отечества, православия, понимаемого не только как религия, но и как картина мира со своим миссионерством во имя тяги к единству народов и со своей национальной самокритикой. Нация не может совершенствоваться без социально-нравственной нормы, а выработка достойных ориентиров становится насущной необходимостью, так же как решительное очищение русской души от вредного и отжившего.

Мировой опыт свидетельствует, что национализм чреват своим перерастанием в ощущение националь-

¹ Профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор философских наук. Автор 6 монографий и более 60 научных и учебно-методических работ. Награжден знаком «Почетный работник общего образования РФ».

ного превосходства над другими или обратной крайностью — национальным самоуничижением, что, как правило, приводит к изоляционизму и ксенофобии.

К этой опасной для национального самосознания грани постоянно приближаются те, кто подвергает сомнению целесообразность русской идеи, как и любой другой, которую можно представить в роли общенациональной.

Быть или не быть русской идее — все равно что существовать или не существовать России, такая альтернатива противопоказана нашему национальному самосознанию, исходящему из непреложной истины, что бытие российского этноса — наивысшая ценность, в которой ключевыми критериями, являются общее Отечество, общечеловеческие нравственные традиции мирного сосуществования, социальная справедливость, достоинство.

Мы убеждены в том, что общенациональная идея России может быть лишь синтезом национальных идей и духовных устремлений всех населяющих ее народов. Значит, неотложной задачей является искать и находить в православии и исламе созвучия и подобию, точки схождения и единочувствия [5, с. 89]. Именно такое духовное содержание евразийства должно сыграть позитивную роль в будущей нашей истории.

Задача состоит не в изобретении абсолютно новой для россиян идеи (идеологии), а в творческой реконструкции, реставрации и модернизации всего имеющегося в распоряжении нашего народа опыта общерусской идентичности.

Несомненно, что современное мышление должно активизировать прошлое на более убедительном уровне. Русская идея — это составная часть общечеловеческой христианской идеи (И. Ильин), изложенная в терминах современной диалектики и синергетики (Л. Гумилев). Сегодня мы должны заботиться и об оригинальности (Н. Бердяев), и о предметности русской идеи (Д. Лихачев). Естественно, что сущность ее заключается не в том, чтобы «быть как никто», ни на кого не походить, ибо это нелепо, ибо нельзя жить, стараясь ни в чем не подражать и ничему не учиться у других. Нам нужно не отталкиваться от других народов, а уходить в собственную глубину и восходить из нее к Богу. Или, как выражался великий русский философ И. Ильин, *надо не оригинальничать, а добиваться Божьей Правды; надо не предаваться восточнославянской мании величия, а искать русской душою предметного служения. И в этом смысл русской идеи* [4, с. 318].

Литература

1. Соловьев В. С. Русская идея / В. С. Соловьев. — М., 1999.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. — СПб., 2001.
3. Лихачев Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. — М., 2000.
4. Ильин И. Наши задачи / И. Ильин. — М., 2008. — Ст. «О русской идее».
5. Каграманов Ю. М. Какое евразийство нам нужно / Ю. М. Каграманов // Новый мир. — 2002. — № 3.

В. Н. Томалинцев¹

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ «РУССКОГО МИРА»

Анализ постоянно усложняющихся механизмов социальной жизни требует и более искусных теоретико-методологических решений. Одно из них связано с поиском и изучением экстремальных принципов в системе «человек–общество». На практике в рамках осуществления национальных проектов по развитию нанотехнологий многими странами уже взят курс на создание предпосылок перехода к нанообществу — новому типу биосоциотехнической системы, имеющей целью реализацию экстремальных принципов жизнедеятельности человека. «Данная тенденция, — указы-

вает А. А. Давыдов, — обусловлена общесистемным принципом, действующим в технических и социальных системах, а именно принципом минимакса, в данном случае минимизацией размеров изделия при одновременном увеличении функций изделия. В этой связи принцип минимакса является одним из принципов оптимальности и обобщает экстремальные принципы, на основе которых функционирует общество»².

Универсализация, систематизация законов и принципов возможны только в рамках фундаментальных исследований. В области современной философской антропологии, общего человекознания и обществоведения назрела необходимость расширения круга закономерностей и обозначающих их понятий, служащих для объяснения новых сверхсложных социальных процессов, разворачивающихся в эпоху технотронной цивилизации. Это прежде всего касается экстремальных (вариационных) законов и принципов, позволяющих рассмотреть человека и его деятельность в системе экстремальных координат³.

¹ Старший научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Человек на рубеже тысячелетий: Парадоксы духовного развития», «Человек в XXI веке: Поиск на грани творчества и экстремизма», «Введение в социальную экстремологию: учебное пособие» (в соавт.), «Экстремаль России: прогноз развития», «Острые мысли: тематическое собрание афоризмов и изречений», «Типы личности и война между ними: комплексное исследование фактора личностного предназначения в структуре самосознания», «Самопознание таланта: Мир человеческих дарований, личностного предназначения в афоризмах, мыслях, народных изречениях» и др. Действительный член Академии гуманитарных наук. Руководитель программы «Экстремология» Фонда поддержки непрерывного образования «Университет развития». Награжден грамотой Министерства образования и науки РФ.

² Давыдов А. А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 122.

³ См. подробнее: Томалинцев В. Н. Экстремаль России: Прогноз развития. СПб., 2007.

Закономерности социальной жизни, культурного, исторического процесса, как и все в природе, отвечают требованиям общей (естественно-научной) и социальной *экстремологии* не только в части вариационности, которая путем проб и ошибок ведет поиск конечных экстремальных принципов, обладающих наиболее фундаментальным, всеобщим, универсальным характером, но и в формулировании на этой основе наиболее простых (кратчайших) и в то же время предельно эффективных путей достижения цели, оптимальной траектории развития. Не случайно экстремальные принципы определяются еще как вариационные или оптимальные.

В конкретных исторических условиях отдельным народам и странам удавалось овладевать новыми социальными закономерностями, находить более тонкие, усовершенствованные принципы жизнедеятельности, которые выводили их в мировые лидеры, предоставляя им возможность влиять на исторические события, определять систему международных отношений. Возможно, это были не вполне этически и эстетически выверенные действия, но всегда изощренные, новаторские, опережавшие время, находившие опору в неожиданных, экстремальных поступках: усилении мобильности, ужесточении иерархии и подчинения, развитии военного искусства и государственных институтов, продвижении авантюры мореплавания, дипломатии, торговли, научно-технического прогресса...

Наиболее отчетливо такие социокультурные флуктуации проявились в процессе образования мировых империй: Македонской (IV в. до н. э.), Римской (I в. до н. э. — V в. н. э.), Арабской (VII–X вв.), Монгольской (XIII в.), Османской или Оттоманской (XIV–XX вв.), Испанской (XVI–XIX вв.), Британской (XVIII–XX вв.). Сюда же можно отнести и Португалию, могущественную колониальную державу XV–XVI вв., или Древнюю Грецию, являвшуюся в свое время (V–IV в. до н. э.) величайшей культурной империей, и многие другие суперсообщества.

С этой точки зрения каждому отдельному народу предуготован свой путь исторического развития. Образно говоря, историю народов, человечества в целом можно представить в лице некоего спелеолога, который при изучении пещеры исследует не только пути к выходу, солнцу, но также фиксирует встречающиеся пустоты, обнаруженные завалы и тупики.

История, составляя карту лабиринта жизни, учитывает любой опыт, но прежде всего опыт народов, нашедших оптимальный устойчивый путь развития. Это хорошо согласуется с положением общей и социальной экстремологии о реализации экстремальных или вариационных принципов развития, которые логически связаны с математической задачей варьирования, то есть с поиском действительной ситуации или состояния путем перебора всех возможных вариантов. С помощью операции варьирования обнаруживается, как правило, минимальное, а точнее, экстремальное значение функционалов. «Кривая, как бы извиваясь, отыскивает в некотором интервале свое реальное, истинное положение и форму, которые суть кратчайшие и наиболее устой-

чивые из всех возможных (форма — экстремаль)»¹. Такая вариационная задача по оптимизации, адаптации существования возложена как на отдельные, конкретные социумы, так и на человеческое сообщество в целом. Здесь полезен любой опыт, включая трагический. Поэтому, говоря об исторических судьбах народов, необходимо придерживаться формулы дипломатии «Не плакать, не смеяться, но понимать».

Все крупные народы в периоды подъема, в условиях лидерства своей культуры обречены на создание империй. Россия и по своей природе, и по историческому предназначению всегда была и остается империей. Необходимо признать, что имперская (интегративная) модель развития составляет основу национальной идеи многих стран, в том числе России. Для России подобная идея — не блажь, не преувеличенная самонадеянность, но объективная необходимость, обусловленная тремя основными, тесно взаимосвязанными факторами существования: географическим, климатическим, геополитическим, имеющими во многом экстремальный характер, определивший историческую судьбу России, ее самостояние как евразийской цивилизации².

Важно отметить, что интеграционные процессы, инициированные русскими на евразийском пространстве, никогда не противопоставлялись историческому развитию великих держав, создававших свои империи часто за счет аннексии значительных заморских территорий. Такие заморские владения нередко подвергались насильственному присоединению к метрополии с последующим ограблением и частичным или полным истреблением коренного населения. Иное дело — Россия, развитие которой происходило в окружении огромного числа этносов и племен. Границы России всегда были протяженными, у нашей страны отмечается наибольшее число соседей, не всегда дружелюбно настроенных. Активно обороняясь, Россия вынуждена была расширять свои владения с целью контроля ситуации как можно на более дальних подступах к собственным землям.

Иначе говоря, историческая траектория движения России настоятельно требовала активного вмешательства в предотвращение нежелательных событий на границе, нуждалась в профилактическом воздействии, направленном на нескончаемые провокации и стычки, то и дело возникающие на огромных просторах прилегающих к ней пространств. То, что Россия никогда не несла угрозы крупным этнокультурным образованиям, подтверждает и тот факт, что ее армия, отражая агрессию, побывала во многих столичных и крупных городах Европы: Берлине (в 1760 и 1945 гг.), Милане (в 1799 г. во главе с А. В. Суворовым), в Париже (1814) и других, оставаясь там только по необходимости, на время.

Продвигаясь по всем направлениям, Россия включала в свои границы все новые территории, племена и народы. При этом уникальной чертой русского державного строительства оставалась способность объединить значительное число народов на добровольной основе. Среди них, например, — Молдавия, Грузия,

¹ Разумовский О. С. Оптимология. Новосибирск, 1999. Ч. 1 : Общенаучные и философско-методологические основы. С. 235.

² См. подробнее: Томалинцев В. Н. Указ. соч.

Армения, Казахстан, Кабардино-Балкария и многие другие. Одни искали собственного усиления, другие — спасения от разорения и геноцида, грозящего со стороны наступавших врагов. Так, во многих случаях весьма благосклонно к приходу русских отнеслось население Средней Азии, поскольку вскоре обнаружилось, что пошли на убыль вражда и столкновения не только между местными элитами, но и между различными мелкими аулами. Как справедливо заметил Л. Н. Гумилев: «Да и могло ли быть в принципе объединение земель и народов вокруг Москвы результатом одного лишь захвата и насилия? По всей видимости, нет. Без доброй воли и согласия это невозможно»¹.

Поэтому имперская политика России в корне отличается от милитаристской, колониальной политики классических империй. Россия, проводя линию *естественных* империй, в большей степени уповала на «мягкую» силу — взаимопомощь, умиротворение, компромисс. В результате русская интеграционная политика (русская экспансия) никогда не содержала в себе проекта глобализации.

Экспансия (от *лат.* *expansio* — распространение) — органическое свойство всего живого, подвижного, развивающегося. В истории русской экспансии всегда преобладала форма культурной экспансии, которой не свойственно проявление злонамеренной агрессии. Свидетельством тому явилось то, что в конце 1990-х годов советская империя «выплеснула» на политическую карту мира сразу полтора десятка суверенных народов, наделенных всеми атрибутами собственной государственности. И сегодня в России сохранены и представлены все народы и их культуры, вплоть до самых малых, когда-либо вошедших в ее состав. Даже в первоначальный советский период, когда возобладал идеал мировой революции, объединению народов придавался прежде всего интернациональный смысл, который содержал не националистический, а культурно-идеологический, классовый характер. При этом необходимо признать, что именно советскому периоду принадлежит заслуга нового осмысления имперской доктрины, пересмотра и перестройки внутриимперских отношений, получивших форму союзнического взаимодействия.

Конечно, это требовало не только формального теоретико-методологического обоснования, но и вполне конкретного содержательного наполнения, чего в определенный момент истории и не хватило. Но общественное развитие на этом не остановилось. Идея союзного государства успешно подхвачена и продолжает осмысливаться многими социально-политическими сообществами. Наглядным примером является строительство Евросоюза, который создавался без учета негативного и позитивного опыта СССР.

Логика экспансионистского развития, новейших политических технологий и социальных проектов привела к глобализации. В данных обстоятельствах задача крупных системообразующих культур состоит в том, чтобы не растерять свои естественные традиции, сохранить свой творческий потенциал, способность к са-

мостоянию. Необходимо, не уступая давлению извне, не впадая в политику изоляционизма, привести в процесс глобализации свои идеалы, свою систему ценностей, с тем чтобы они стали понятными, доступными и необходимыми для всех. Иначе говоря, процесс модернизации, модификации страны должен осуществляться путем не внешних уступок и послаблений, а делового компромисса, конвергенции.

Многонациональный, многоконфессиональный характер евразийской цивилизации обеспечил России хотя и многотрудную, порой весьма драматичную, но по-своему почетную роль самостоятельного центра, сглаживающего постоянные столкновения экспансионистских амбиций Востока и Запада. Не будь России, трудно представить, чем бы закончилось тысячелетнее противостояние двух великих, диаметрально противоположных культур.

В этих условиях Россия вырабатывала свою культуру, связавшую периферию Европы и Азии. Складываясь как самостоятельный Евразийский континент, Россия явила миру новую цивилизацию — Евразию. Эта цивилизация развивалась на основе идей и традиций, синтезирующих культуры окружающих народов, привнося в них элементы умеренности, примирения, диалога.

Огромная мощь интеграционной идеи, заложенной в русской ментальности, реализовалась в период объединения русских земель, в эпоху строительства Московского царства, Российской империи, формально воплотилась во времена создания и функционирования Советского Союза, ибо образование государства на принципиально новых основах, включающих союзнические отношения, явилось новым словом в политике, прорывом в области социального творчества. Создание союзного государства на бескрайних просторах Евразии обнаружило подлинное содержание национальной идеи Российского государства, подспудно реализуемой на протяжении всей его истории. Это понимал и Х. Д. Маккиндер — основатель геополитики, выдвинувший концепцию «географической основы истории» (1904), который утверждал: «Тот, кто владеет Евразией, — владеет миром».

Россия должна вернуться к тому, что в Серебряном веке было названо «чувством пути». Нельзя выпадать из процесса, тем более если он определен историей и культурой. Выход из эволюционного потока не только для отдельного человека или этноса, но и для сильного государства всегда трагичен, если не смертелен. В своей незаконченной статье «Беглецам из семьи» А. И. Солженицын писал: «Только народу, сохранившему органическую духовную связь с наследием предков, доступно обогатить и мировой духовный опыт»². Здесь также уместно обратиться к словам, сказанным в начале XX века русским патриотом Н. И. Бобриковым, занимавшим пост генерал-губернатора Финляндии: «Националистическое сознание и имперское сознание — это разные вещи. Националистическое сознание опасно для России, которую скрепляет и развивает именно имперское сознание. Край-

¹ Гумилев Л. Н. Думы о России // Учение Л. Н. Гумилева и современность. СПб., 2002. С. 238.

² Солженицын А. И. Беглецам из семьи // Российская газета. 2008. 11 дек. № 254. С. 28.

ности национализма и русского либерализма старался преодолеть П. А. Столыпин, пытаясь сохранить наиболее ценное из того и другого».

В статье «Предшествующее и последующее в контексте проблем “Большой истории”» О. С. Разумовский пишет: «Понятия (и концепция) предшествующего и предшествования как обобщений определенных видов последовательностей, их динамики и соответствующих феноменов и объектов исторического познания должны целиком лечь в основу понимания онтологии и истории объектов любого рода, феномена историчности и историзма как исторического сознания вообще»¹.

Говоря о православных ценностях накануне одной из поездок на Украину на встрече с представителями украинских СМИ, патриарх Кирилл заявил: «Это те же самые ценности, которые хранят в России, Белоруссии, Молдове и других местах. Это те ценности, которые и очерчивают параметры очень важного культурного и цивилизационного понятия, которое я бы сформулировал как “русский мир”. Русский мир не означает “российский”, тем более это не мир Российской Федерации. Это тот самый мир, который вышел из нашей общей купели — киевской купели крещения. Это тот самый мир, который существует на уровне веры, интеллекта, духовности и культуры. От того, что кто-то отрицает этот мир, ничего не меняется: этот мир существует, это объективная реальность»².

Уже в наши дни на заданный радиостанцией «Эхо Москвы» вопрос: «Должна ли Россия идти на затраты для интеграции постсоветского пространства?» большинство откликнувшихся слушателей (54 %) ответили утвердительно, соответственно 46 % — отрицательно³. По данным опроса той же радиостанции, только 25 % слушателей поддержали тезис «Россия для русских» и 75 % высказались против. Вместе с тем ту же мысль, но сформулированную иначе, — «Россия для русских в разумных пределах» — поддержали уже 54 % респондентов⁴.

Естественные формы существования всякого организма, как биологического, так и социального, предполагают развитие. Россия, представ перед миром отдельной, самобытной цивилизацией, доказала, что является самостоятельной системой, в которой все элементы развивались не случайно, а закономерно.

На новом этапе развития мирового сообщества, несмотря на возрастающие сепаратистские настроения, актуальными остаются интеграционные процессы. Новые реалии современного мира заставляют искать и обеспечивать иные пути интеграции, в том

числе и на территории постсоветского пространства. В этом смысле вступление в силу Таможенного кодекса Таможенного союза между Россией, Белоруссией и Казахстаном, курс, взятый на строительство Евразийского союза, — это правильный шаг в нужном направлении.

Вместе с тем нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что в недалеком будущем вновь может возникнуть необходимость в поиске точного риторико-терминологического (понятийного) обеспечения правильного с точки зрения политкорректности обозначения нового межнационального объединения — Евразийского союза.

Исходя из неоспоримого факта, который зафиксирован еще в советском (*Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки великая Русь*) и российском гимнах (*Славься, Отечество наше свободное, / Братских народов союз вековой*), Евразийский союз по праву может быть назван Российским Союзом Суверенных Республик (РССР), а возможно, Российским Союзом Евразийских Республик (РСЕР).

Подобное решение позволит, с одной стороны, всем вошедшим в этот союз народам ощутить себя равноправными и суверенными его членами, наравне с федеративной Россией, с другой — дает возможность признать за Россией ее объединительную роль, указать на созидательный потенциал и исторические заслуги русского (шире — российского) народа.

Виталий Аверьянов в работе «Природа русской экспансии», рассуждая о стратегическом развитии России, выдвигает принцип *динамического консерватизма*⁵, который перекликается с принципом *догматического развития* в буддизме, пришедшим на смену вековому религиозному принципу догматического консерватизма⁶. По сути, в этих двух случаях речь идет об одном — о поиске равновесного движения к рационально сбалансированной инновационности, обеспечивающей оптимальный характер развития человеческой жизнедеятельности, включенной в культурно-исторический процесс, имеющий экстремальную систему координат. При подобном подходе наилучшим образом вскрывается и глубинная, сущностная сторона национального русского архетипа.

Восстановление исторической справедливости при осмыслении русской истории и пронизывающей ее национальной идеи как интеграционной миссии, соединяющей Европу с Азией, Запад с Востоком, может явиться переломным моментом в духовном возрождении России, который благотворным образом отразится на всей Евразии, принесет пользу всему миру.

¹ Разумовский О. С. Предшествующее и последующее в контексте проблем «большой истории» // *Философские науки*. 2006. № 10. С. 82.

² Патриарх в Одессе. Начался визит главы Русской православной церкви на Украину // *Российская газета*. 2010. 22 июля. № 161. С. 10.

³ Радиостанция «Эхо Москвы». Программа «Утренний разговор». 24 марта 2007 года.

⁴ Радиостанция «Эхо Москвы». Программа «Дым Отечества». 18 января 2009 года.

⁵ Аверьянов В. *Природа русской экспансии*. М., 2003. С. 168.

⁶ Абаев Н. В. *Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае*. Новосибирск, 1989. С. 105–107.

Р. А. Уришкая¹

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОПОЗНАНИЯ (Научное наследие академика Д. С. Лихачева)

Сегодня в глобальном мире увеличивается пропасть между нацией и населением, ибо утрата культурного своеобразия втягивает огромные массы в безнациональное пребывание, утрачивающее предметность культуры, сущностную духовность, без которой нет нации, остается сосуществование безнациональных индивидов, предполагающих, что они — граждане мира.

Не может не вызывать озабоченность состояние русской национальной культуры, переживающей фазу активной трансформации в процессе всеобщей глобализации. Глубокого осмысления требует актуальное состояние этнокультурных традиций коренных народов России. При этом необходимо выделить русский (славянский) элемент в «многоликой» русской культуре, понимая ее как культуру, создаваемую мультиэтнической нацией.

В решении этих задач особое значение приобретает научное наследие Д. С. Лихачева, в частности его «Заметки о русском». Публицистичность этой работы не умаляет ее идейно-ценностного потенциала, способствующего восприятию «национального» в культуре.

Культура самоопределяется в трех основных формах: народной, религиозной и светской. Народное творчество в наибольшей степени «почвенно», с заменой и вытеснением народных песен, танцев, музыки, ремесел, художничества массовой культурой происходит угасание своеобразных наций, обезличивание в культуре, а затем и ее гибель. Народная культура — не низовая, это основа, которая позволяет расцвести усовершенствованным, профессиональным формам светской культуры (последнюю иногда принимают за собственно культуру). Когда народная культура становится этнографией, сценой, музеем, когда теряется ее живой пульс, то уже нет надежды на восхождение к высотам культуры. Народная культура либо живет в народе, либо становится чем-то внешним для людей — это симптом исчезновения культуры и народа.

В «Заметках о русском» Д. С. Лихачев напоминает о том, что русская «почвенность» неразрывно связана с такими понятиями, как «простор» и «пространство»: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством».

Описание стремления русского человека не к свободе, а к воле мы находим в романе Л. Н. Толстого «Живой труп». В образе Протасова автор выводит определенный архетип, не признающий ни моральных, ни социальных границ, сложившийся в безграничном пространстве. На пространственно-территориальном факторе как определяющем историческую судьбу народа построена вся отечественная историография XIX века, в том числе и работы В. О. Ключевского. Академик Лихачев упоминает о том, что ощущение пространства есть и в зачинах к былинам, описывающих русскую природу. «Восторг перед пространствами, — пишет он, — присутствует уже и в древней русской литературе — в летописи, в “Слове о полку Игореве”, в “Слове о погибели Русской земли”, в Житии Александра Невского, да почти в каждом произведении древнейшего периода XI–XIII веков. Всюду события либо охватывают огромные пространства, как в “Слове о полку Игореве”, либо происходят среди огромных пространств с откликами в далеких странах, как в Житии Александра Невского. Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека».

В своих «Заметках» Д. С. Лихачев упоминает и миф о «естественном человеке», близком природе и свободном от каких-либо проявлений культуры и цивилизации. При этом, по его мнению, противопоставление природы культуре вообще не подходит: «У природы ведь есть своя культура. <...> Природа по-своему “социальна”. “Социальность” ее еще и в том, что она может жить рядом с человеком, соседствовать с ним, если тот, в свою очередь, социален и интеллектуален сам. Русский крестьянин своим многовековым трудом создавал красоту русской природы. <...> Русский пейзаж в основном формировался усилиями двух великих культур: культуры человека, смягчающего резкости природы, и культуры природы, в свою очередь смягчавшей все нарушения равновесия, которые невольно вносил в нее человек».

Культ природы, являвшийся основой языческих верований восточных славян, не был разрушен и с приходом православия на Русь. Крестьянин, привязанный к общинной земле и обрабатывавший ее, выступал хранителем некоего литургического пространства, культивируемого им. Ухаживая за землей, работая на ней, он таким образом обеспечивал ее плодородие, за что пользовался дарами кормилицы-земли, интерпретируемой как божественная «кормящая ладонь». Помимо прочего, данные обстоятельства обеспечивали, по гениальному определению Лихачева, «духовную оседлость» русского крестьянина, не представлявшего себя вне пределов этой земли. На этой почве и возросла такая неотъемлемая черта русской национальной культуры, как патриотизм. Через крестьянскую, народную традицию и протянулась ниточка, свя-

¹ Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор более 50 научных и научно-методических публикаций, в т. ч.: «Они любили свою страну. Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г.», «Проект Европа: 400 лет истории (1610–2010)», «Взаимоотношения общества и государства», «Образование как часть политической системы современной России».

зующая этническую и национальную культуры русского народа, русской нации.

Сверхзадачей сегодняшнего образования должно стать возвращение народной культуры в души детей, чтобы эта тысячелетняя, родная для многих поколений культура стала неотъемлемой от их личностного развития, чтобы они нашли живое единение с историей.

Не будучи знакомым с сутью споров о культуре и цивилизации, возможно определить, что даже при развитой цивилизации можно не иметь собственного яркого лица культуры, тем более такое несоответствие обнаруживается в отдельных людях, обладателях цивилизационных достижений: они могут оказаться на обочине культуры, вне ее, враждебны ей. Сами по себе компьютерные игры, пользование бытовыми новинками, совершенными средствами передвижения не делают обладателя цивилизационных благ приобщенным к миру культуры.

Предошущение различия культуры и цивилизации напоминает о классических попытках их развести, порой до степени антиномичности, подобной тезису и антитезису в логике. Вряд ли случайна корневая основа слова «культура», культ духовных

ценностей всегда составлял основу культуры, и духовная сосредоточенность творила культуру. Отказ от мирского у религиозных подвижников далеких эпох был уже движением во благо культуры, а презрение к материальному процветанию, сказавшееся в жизни и восточных мудрецов, и многих греческих философов, и аскетов христианства, было первым свидетельством противоречия между культурой и цивилизацией.

Образование в России никогда не ограничивалось школой, средоточием культуры села и города были храмы. В северных землях уровень культуры в значительной степени определялся храмовой и монастырской культурой. Атеизм XX столетия не стер из народной памяти такие духовные очаги России, как Валаамский, Кирилло-Белозерский, Псково-Печерский монастыри, далекую обитель на Соловках.

Вера, обретенная народом при его духовном рождении, незаменима, как незаменимы родители в индивидуальной жизни человека. Нация гибнет, если превращается в механический конгломерат индивидов, не объединенных традицией, органикой культуры, красотой своего неповторимого лица.

А. В. Успенская¹

НАЦИОНАЛЬНОЕ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Современная историческая наука, рассматривая роль империй в судьбе человечества, подчеркивает не только их закономерный, но и прогрессивный характер. Большинство известных нам империй, несмотря на свой экспансионистский характер, несмотря на те или иные формы притеснения попавших в зависимость народов, все-таки несли им культурное развитие, цивилизационные приобретения в целом. В то же время каждая из империй прошлого, пройдя свой путь развития, оказывалась обречена на разрушение.

Для России, пережившей на протяжении XX века гибель двух вариантов имперского существования и все-таки оставшейся единой многонациональной страной, вопрос о причинах упадка империй и возможности его преодоления имеет важное значение. Учитывая литературоцентричность российской жизни, когда на протяжении трех веков своего существования словесность стремилась быть одновременно социологией и экономикой, психологией и политологией, интересно обратиться к ответам, которые пыталась дать классическая русская литература.

Большую тревогу вызывает провозглашаемая на разных уровнях необходимость поисков для России «на-

циональной идеи», понимаемой как «русская идея», что явно противоречит многонациональному характеру страны. Между тем еще на заре существования Российской Федерации находились трезвые голоса, призывающие оглянуться на опыт рухнувшей Российской империи и отказаться от такого рода национальной идеи в пользу идеи наднациональной. Ученик и сподвижник Д. С. Лихачева, замечательный филолог и историк А. М. Панченко в 2000 году говорил: «Политические взгляды можно иметь разные... а вот общего для всего народа в последнее время не было. Власть ищет национальную идею. Ну какая может быть национальная идея! Мы — страна многонациональная. Более или менее сносно жилось бы — вот и вся национальная идея»².

Национальная идея порой мыслится как некая спасительная парадигма для движения России по своему особому пути, не пересекающемуся с путями западной культуры. Неужели необходима изоляция России от мира для того, чтобы спасти ее?

Очевидно, что этот путь не подходит для страны с тысячелетней историей, с колоссальными международными связями, с величайшей культурой, пропитанной токами других культур.

А. И. Герцен, обвинявший, особенно в последние годы жизни, многонациональный, открытый миру Запад в пошлости, самодовольстве, эгоизме и других гре-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета», статей о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др.

² Панченко А. М. Власть, веди себя достойно! // Аргументы и факты. 2000. № 35.

хах, рисовал, тем не менее, удручающую картину закрытой для западных влияний Московской Руси: «*Это промежуточное существование — между геологией и историей. У этой формации свой особый характер, образ жизни, физиология, но нет биографии*». Между тем именно с петровских времен страна, воссозданная как империя, не без успеха попыталась объединить колоссальную многонациональную, мультикультурную территорию. Недаром Петр дал новой столице нового государства имя Петербург, то есть «Город святого Петра», имея в виду «истинный Третий Рим», «властелин народов», «столица многоликой империи».

Стоит отметить, что западные мыслители, негативно настроенные по отношению к России, даже знакомые с историей XVIII и XIX веков, принесших стране всемирную славу, отрицали высокий смысл существования Российской империи именно как наднационального проекта. Так, Освальд Шпенглер писал применительно к России об исторических «псевдоморфозах», имея в виду «случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот — ее родной, не в состоянии задышать полной грудью». «*Вслед за Московской эпохой великих боярских патриархов и родов, когда старорусская партия неизменно билась против друзей западной культуры, с основанием Петербурга следует псевдоморфоз, втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, затем XIX столетия. Петр сделался злым роком русскости. Примитивный московский царизм — это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня*»¹.

Одним из первых русских мыслителей, выступивших за соединение национального русского начала с наднациональным, стал Пушкин. Размышляя об исторических судьбах России, он также видел величие страны не в национальной закрытости, отъединенности от Европы, Запада, хотя он и сказал немало горьких слов об истинном отношении Запада к нам — достаточно вспомнить стихотворения «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и др.

Понятен интерес Пушкина-государственника к истории Петра I, так мощно проявившийся в конце жизни, когда поэт работал в архивах и писал концепт истории жизни Петра. Петр — фигура колоссальная именно потому, что он творец не просто русской национальной, но наднациональной идеи — империи, образовавшейся с высокой целью вернуть Россию в Европу, от которой мы несколько столетий были оторваны в результате нашествия монголо-татар. Именно по отношению к Европе Пушкин видит всемирно-историче-

ский смысл существования России. Ее первая великая заслуга — спасение западной цивилизации: «Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся Просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»

Для Пушкина главное значение деятельности Петра — возвращение России в Европу, отвоевание ее законного места в мире (войны Петра за выход к морю «были благодетельны и плодотворны»). Петр не совел страну с истинного пути, а, наоборот, поставил на единственно возможный путь, исключая автаркию, обещающий множество благотворных возможностей, и тем самым осуществил многовековые народные чаяния, ибо еще со времен Ивана Грозного и Бориса Годунова «в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою. <...> Наконец, явился Петр».

Есть, согласно Пушкину, и другая возможность реализации наднациональной идеи — объединение народов страны перед лицом угрозы с Запада: «Или от Перми до Тавриды, / От финских хладных скал до пламенной Колхиды, / От потрясенного Кремля до стен недвижного Китая, / Стальной щетиною сверкая, / Не встанет русская земля?» («Клеветникам России»).

Но все-таки главная сущность идеи, скрепляющей людей разных национальностей в единую нацию, должна лежать в сфере культуры. Это особенно явно видно не только в публицистике Пушкина, но и в стихотворении, явившемся, по сути, завещанием поэта, — в «Памятнике», написанном по мотивам двух од великого римского поэта Горация. Обычно вспоминают оду III, 30, где Гораций ставит свой поэтический дар выше пирамид и крепче меди. Но не менее важна и ода II, 20, где Гораций также пишет о бессмертии, рисуя свое посмертное преображение в лебедя. Его узнают на берегах Босфора, в Галлии, Дакии, в африканской пустыне, то есть во всех концах римской державы. Именно так происходит и в стихотворении Пушкина. «Слух обо мне пойдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык, / И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой / Тунгус, и друг степей калмык». Не только героическое прошлое, не только совместное сопротивление врагам, но и культура, в которой сливаются западные и многонациональные российские элементы, призвана стать наднациональной силой, скрепляющей Российское государство.

¹ См. подробнее: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. С. 194–201.

В. Б. Устьянцев¹**ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭТНОСА:
ГОРИЗОНТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ**

Пространственное бытие этноса неоднократно оказывалось в центре дискуссий о природе межнациональных отношений в современном социуме. Различные аспекты концепции жизненного пространства этноса прослеживаются в геополитике, политической географии, этнологии, концепты духовного пространства этических общностей обсуждаются в философии жизни, экософии, культурологии, этнографии. На фоне дискуссионных точек зрения остаются непроясненными философские вопросы о структуре жизненного пространства исторических общностей, роли национальной идентичности, обеспечении духовной безопасности этносов.

Элементы концептуализации жизненного пространства этноса разворачиваются в системе концептов и представлены на экологическом, институциональном и социокультурном уровнях (концептами), каждый из которых содержит собственный интеллектуальный потенциал, институциональные средства, способные регулировать дистанции между членами этнообщности, направлять жизнедеятельность этноса в определенное социокультурное русло, формировать пространственные механизмы этнической консолидации и безопасности.

Экологический уровень-концепт жизненного пространства включает территориальные структуры, обеспечивающие жизнестойкость и адаптацию этноса как особого социального организма по отношению к внутренней и внешней средам обитания. Экологически организованное пространство этносов включает экологические формы разделения труда, природоохранную деятельность, сложившиеся экологические отношения внутри этноса и за его пределами. Экологическое обоснование жизненного пространства этноса охватывает различные концептуальные установки — от гипотезы о биопопуляционной природе этносов до геополитических теорий жизненного пространства наций и инвайронменталистических моделей этносов. В связи с этим речь может идти о системной концептуализации экологического подхода, способного интегрировать достижения различных дисциплинарных областей науки. На экологическую составляющую пространства этноса обращает внимание Ф. Барт,

представитель классического конструктивизма в этнологии. В его теоретической модели этническая группа, занимающая территорию с варьирующимися экологическими условиями, проявляет региональное многообразие институализированного внешнего поведения². Сочетание конструктивизма с институциональным подходом в воззрениях Ф. Барта не случайно и содержит объективное обоснование.

В реальной жизнедеятельности этносов институциональное закрепление сегментов и феноменов жизненного пространства является необходимым условием для стабильной жизнедеятельности этнических групп. В связи с этим целесообразно говорить о концептуализации институционального уровня пространства этноса. Реализуясь в нормах экологического права, организационных структурах, обеспечивающих экологическую, экономическую, национальную безопасность этносов, охватывая отношения власти и правопорядка, институциональное пространство направляет социальную и духовную энергию этнических групп на воспроизводство жизненных ресурсов территорий. На институциональном уровне пространства этноса особенно заметно влияние политического фактора. Государство стремится регулировать этнические и межэтнические связи в интересах целостности многонационального социума. На национальных территориях выстраиваются сложные взаимоотношения между центробежными и центростремительными и центробежными политическими силами. В национальных движениях ключевые позиции занимают национальные элиты или противостоящие им так называемые эрзац-элиты. Закрепляя или, наоборот, ослабляя дистанции между региональными элитами, эрзац-элитами и контрэлитами, с одной стороны, и населением региона — с другой, институциональное пространство этноса предстает частью политического порядка российского социума (со всеми вытекающими последствиями).

Социокультурный уровень-концепт жизненного пространства этноса раскрывается в ценностях и традициях национальной культуры, реализуется в национальных символах, идеалах, социокультурных образцах, проявляется в пространстве коммуникаций, языковой культуре этнических общностей. Своеобразным «домом жизни» этноса выступает национальная память, ее субъекты способны оценивать и воспроизводить в настоящем исторический опыт прошлого. Обладая мощными информационными технологиями для сохранения и трансляции текстов, артефактов, национальных традиций, современные этносы расширяют социокультурные основания жизненного пространства. Причем на фоне нарастающего давления техногенной среды и обезличенных институциональных связей в национальном сознании особую значимость приобретают понятия и метафоры «родная земля», «родной

¹ Заведующий кафедрой теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 180 публикаций, в т. ч. книг: «Проблемы становления социального», «Диалектика форм становления общественно-экономической формации», «Ценностное бытие человека», «Человек, жизненное пространство, риски», «Россия и Китай: парадигмы межкультурного взаимодействия» (в соавт.) и др. Председатель Саратовского отделения Российского философского общества, член президиума РФО. Главный редактор журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». Награжден орденом «*Labore et Scientia*» («Трудом и Знанием») Европейского научно-индустриального консорциума и Российской академии естествознания.

² Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. ст. / под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 14–15.

язык», «малая родина», «родные места». В наступающую эпоху посткнижной культуры с появлением новых адаптационных кодов культуры, «гибридных текстов», информационных вирусов обнаруживаются угрозы «мнемических войн». В последнее время наглядным примером таких локальных мнемических войн являются пропагандистские кампании отдельных западных политиков, искажающие роль Советского Союза во Второй мировой войне.

Оказывая значительное влияние на жизненное пространство этнического общества, национальная память взаимодействует с другими социокультурными компонентами пространственного бытия этноса, его ценностными структурами. Ценности этноса становятся источниками его духовной силы, реализуются в национальных интересах и стратегиях жизни. Эта особенность ценностных структур этнических общностей в свое время была отмечена представителями философии жизни — А. Бергсоном, В. Дильтейем, Г. Риккертом. По мнению В. Дильтея, культурное пространство во многом обусловлено жизненной энергией и духовными действиями субъектов. «Все эти действия исполнены жизненными ценностями: радость и интенсивность нашего бытия скрыты в самой этой деятельности и извлекаются из нее»¹. В этом высказывании прослеживаются объективные тенденции ценностной динамики социокультурного пространства. Национальные ценности, способные выражать предельно общие стороны человеческой бытийственности, входят в мир общечеловеческих ценностей, становятся достоянием всего человечества.

Предложенная теоретическая конструкция жизненного пространства этноса неизбежно содержит элементы схематизма и предполагает другие горизонты концептуализации. В системе познавательных процедур понятие «этнос» выражает объективные основания национальной жизни, а этничность раскрывает субъективное восприятие пространственной бытийственности исторической общности. Концептуализация этничности как духовного освоения объективно функционирующего национального пространства возможна в системе следующих концептов: «духовная оппозиция “мы–они”», «культурно-национальная идентичность», «национализм», «рискогенность национального сознания». Между концептами устанавливаются подвижная взаимосвязь и взаимозависимость, выражающие различные проявления этничности в национальной куль-

туре, национальной политике, включая идеи мультикультуризма, стратегии национального единства. Этничность как духовный феномен проявляет себя в чувствах национальной отличительности, реализуется в социально-психологической оппозиции «мы–они». Состояние «мы», локализованное национальной территорией, национальными интересами, традициями, знаками солидарности, становится средством осуществления национальной идентичности, дает возможность разглядеть социальные очертания индивидов, объединенных в этническую общность, сформировать ценностные установки на доверительное, нейтральное или негативное отношение к «чужим».

Начала этничности, заложенные в оппозиции «мы–они», приобретают новое содержание в мифологических, художественных, религиозных образах, демонстрируя разнообразие проявлений национальной идентичности. Коллективные формы идентичности преломляются в индивидуальном сознании, способном создавать обобщенные образы жизненного пространства, обращенные в будущее. В многоплановом процессе этнической консолидации и верификации, проникающем в пространство национальной идентичности, проявляются феномены так называемой ситуативной идентичности, связанной с состояниями риска. Импульсами для рисков, возникающих в сознании этноса, становятся социальные ощущения опасности, обусловленные ухудшением условий жизни, утратой веры в действия региональных элит, нарастающее коллективное чувство страха, нагнетаемое средствами массовых коммуникаций.

Привлечение концепта риска к исследованию проблемного поля национально-культурной идентичности дает возможность выявить амбивалентность этничности, где ценности солидарности и национального единства могут сосуществовать с опасными проявлениями агрессивного национализма, феноменами этнокультурной маргинальности. Восприятие и оценка этнорисков предстают как факторы национального самоопределения. Осознавая свою этническую принадлежность, индивид неизбежно учитывает риски своей этнической группы, становится одним из субъектов национальных рисков. Изучение феноменов рискогенного сознания этноса как проявления рискогенного социума XXI века способствует расширению проблемного поля этничности и разворачиванию новых горизонтов концептуализации современного этнического общества.

¹ Дильтей В. Сущность философии. М., 2001. С. 72.

Л. И. Харченкова¹

ЭТНОЦЕНТРИЗМ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ВИДЫ

В процессе межкультурного взаимодействия в противоречие вступают нормативно-ценностная система своей культуры и «непривычная», как правило, непонятная нормативно-ценностная система чужой культуры. При этом большинство людей судят о чужих культурных ценностях, используя в качестве образца и критерия культурные ценности собственного этноса, то есть явления незнакомой окружающей действительности воспринимаются и оцениваются с позиции «своей» этнической общности, которая служит эталоном.

Данный тип ценностного суждения принято называть *этноцентризмом* или *внутригрупповым фаворитизмом*. Этноцентризм предполагает, что собственная нация или народ видится как центр мироздания. Чаще всего этноцентризм подразумевает, что собственная культура превосходит другие культуры, она расценивается как единственно правильная, другие же недооцениваются.

Сущность этноцентризма как общественно-психологического явления сводится к наличию совокупности массовых иррациональных положительных представлений о собственной культуре как о некоем «ядре», вокруг которого группируются другие этнические общности².

Корни этноцентризма кроются в реальном различии культур, образа жизни, исторического опыта отдельных групп и народов. Его развитию способствует недостаточная осведомленность людей об обычаях, верованиях, традиционных занятиях представителей других этнокультурных общностей.

Исследования этноцентризма, проведенные М. Бруэром и Д. Кемпбеллом, показали, что для него свойственно:

- считать то, что происходит в своей культуре, естественным и правильным, а то, что происходит в других культурах, неестественным и неправильным;
- рассматривать обычаи своей группы как универсальные: что хорошо для нас, то хорошо и для других;
- воспринимать нормы и ценности своей этнической группы как безусловно верные;
- оказывать при необходимости всестороннюю помощь членам своей группы;
- действовать в интересах своей группы;

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор 232 научных и методических работ, в т. ч.: «Межкультурная коммуникация в рекламе», «Диалог культур в обучении русскому языку как иностранному», «По одежке встречают... Секреты русского костюма (лингвострановедческий словарь)», «Духовные и ценностные приоритеты населения России» (в соавт.), «Прикладные аспекты межкультурной коммуникации (на примере русско-финского взаимодействия)» (в соавт.), «Креативный потенциал текстов массовой культуры (на примере рекламы)», «Смена ценностных предпочтений россиян и ее отражение в языковом сознании» (в соавт.) и др. Включена в список Золотого фонда профессионалов в сфере образования Санкт-Петербурга, 2011.

² Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. М., 1999.

— чувствовать неприязнь по отношению к другим этническим группам;

— гордиться своей группой.

Как естественное психологическое явление этноцентризм появился в силу объективных условий существования нации и выполняет ряд функций:

— *утилитарная функция, или функция выживания*. В этой функции этноцентризм способствует тому, что носители культуры усваивают ее, не подвергая сомнению ее постулаты, и составляют в итоге более однородное в культурном плане общество, жизнь в котором предсказуема и (по данному параметру) относительно легка;

— *защитная функция* — чем выше степень этноцентризма, тем радикальнее деление людей на «своих» и «чужих», тем сплоченнее выступают носители одной культуры против «чужих» и их влияния, особенно если восприятие последних «своими» негативно. Это позволяет носителям культуры избежать негативных эмоций относительно своей нации и защитить собственное эго;

— *функция выражения культурных ценностей* — позволяет выражать собственные ценности и оценивать как единственно правильные, что, в свою очередь, обеспечивает поведение всех носителей культуры в соответствии с ними и их передачу из поколения в поколение;

— *информационная функция* — обеспечивает структурированность знаний и представлений носителей одной культуры о других народах на основе собственной системы координат и таким образом создает иллюзию их подготовленности к восприятию неизвестного.

Данные функции гарантируют целостность нации и обеспечивают ее членам состояние психологического комфорта при общении друг с другом. Однако если этноцентризм эффективен при общении с носителями родной культуры, то он не срабатывает при общении с носителями других культур, так как изначально ставит родную культуру выше других и способствует тому, что индивид воспринимает «чужих» в искаженном, чаще всего враждебном, виде.

Многие исследователи подчеркивают, что этноцентризм может сочетаться с терпимым отношением к кросс-культурным различиям. Этноцентризм, при котором не критичное отношение не распространяется на все свойства и сферы жизнедеятельности своей группы и предпринимаются попытки понять и объективно оценить чужую культуру, называют *благожелательным*, или *гибким*. Однако этноцентризм может проявляться по-разному. При воинственной форме этноцентризма люди не только судят о чужих ценностях исходя из собственных, но и навязывают их другим. *Воинственный этноцентризм* выражается в ненависти, недоверии, страхе и обвинении других народов в собственных неудачах.

Рассматривая этноцентризм не как помеху в межкультурной коммуникации, а как базовую антрополо-

гическую константу, А. Моосмюллер выделяет четыре вида этноцентристских установок: жесткий, негативный, скрытый и рефлектирующий этноцентризм¹.

Жесткий этноцентризм либо не признает культурных различий вообще, либо, допуская их, относится к ним крайне отрицательно. Существующие различия воспринимаются им как отклонение от нормы и оцениваются с позиций однозначного эволюционистского подхода: другие культуры еще не достигли того уровня развития, как родная культура, но это лишь вопрос времени.

Негативный этноцентризм восторгается иными непонятными мирами, негативно относясь к собственной культуре. Таким образом, истинная культура для него — отрицание родной культуры. Эту истинную культуру он проецирует на другие или следует ей как подлинному идеалу. Он готов осудить любые отклонения от этого идеального образа, особенно когда речь идет о его собственной культуре.

Скрытый этноцентризм считает себя открытым и толерантным человеком. Он признает существование различных культур и разных стилей поведения, не видя в этом никаких проблем для общения. Будучи идеалистом, скрытый этноцентризм считает, что этноцентризм — это лишь проблема духовного развития. Однако в реальной коммуникации он нередко отступает от своих идеальных представлений, следуя этноцентристским установкам, наличие которых у себя полностью отрицает.

Рефлектирующий этноцентризм — это человек, адекватно оценивающий действительность и отдающий себе отчет в том, что одним усилием воли преодолеть собственный этноцентризм невозможно, что потребуются немало времени для распространения новых установок и способов поведения. Рефлектирующий этноцентризм надеется, что в какой-то степени он может изменить свои взгляды и проявлять толерантность. Он постепенно продвигается по пути открытости, понимания и сотрудничества с представителями других этнокультурных общностей.

Г. Хофстеде сопоставляет этноцентризм, характеризующий взаимоотношения народов и культур, с эгоцентризмом — проявлением личностно-индивидуального плана, когда свой маленький мир выступает в качестве центра мироздания. Кроме того, этноцентризм рассматривается исследователем как вторая фаза типичной психологической реакции людей на представителей другой культуры. Первая фаза — любопытство — соотносится с первой фазой культурного шока — «радостное оживление», что характерно для гостя, пребывающего за границей. Если это пребывание достаточно продолжительное и иностранец пытается вжиться в новую для него среду, стадия любопытства представителей страны пребывания перерастает в стадию этноцентрического восприятия чужака. Его поступки, манеры и в целом образ жизни оцениваются, интерпретируются с точки зрения культурных норм и образцов поведения своей культуры, и результат, как правило, бывает не в пользу гостя. Речь идет в таких случаях о якобы невежливости, странности, невоспитанности, наивности гостя и т. д. Если такое межкультурное общение носит единичный характер, то люди в основном остаются на позициях этноцентризма. При возрастании частотности и масштабности межкультурного взаимодействия фаза этноцентризма трансформируется в третью фазу, которую Хофстеде определяет как полицентризм. Данный этап взаимоотношений характеризуется осознанием существования культурных различий, пониманием того, что разные люди «измеряются» различными «мерками», поскольку они живут на основе других культурных стандартов².

Резюмируя, следует подчеркнуть, что этноцентризм, как одна из основных антропологических констант, неизменно оказывает влияние на поведение людей в их отношении к чужим культурам. В связи с этим среди межкультурных экспертов этноцентризм по праву считается крупнейшей проблемой межкультурной коммуникации, а в его преодолении многие специалисты видят основную задачу межкультурного обучения.

¹ Цит. по: Куликова Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур : моногр. Красноярск : РИО КГПУ, 2004. С. 35.

² Hofstede G. Culture's Consequences. 2nd ed. 2001. P. 297.

Н. А. Хренов¹**ОРИЕНТАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС КАК ПОРОЖДЕНИЕ ЗАПАДА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

Вопрос о национальных интересах России, особенно в ситуации перманентных и глобальных вызовов, которые дают о себе знать, в том числе и сегодня, невозможно рассматривать вне отношений нашей страны, с одной стороны, с Западом, а с другой — с Востоком. Так, украинская ситуация возвращает нас к вопросу, поставленному еще в XIX веке Н. Данилевским: «Почему каждый раз, когда происходит столкновение между разными цивилизациями, включая и Россию, Запад никогда не бывает на стороне России?». Вот и последние события снова свидетельствуют именно об этом. Наверное, это происходит потому, что Россия отпугивает тем, что она, пытаясь стать ближе к Западу, окончательно с ним породниться, стать прозападной державой, все же остается особым миром — русским миром, в подсознании которого по-прежнему активным остается влияние Востока.

Стремление русских объединиться с Западом постоянно приводит к забвению восточных корней русского человека. Но, может быть, от этого комплекса забвения пора освободиться и окончательно прояснить этот вопрос, вспоминая тех мыслителей, которые не переоценивали роль Запада в русской истории и культуре и не забывали о Востоке. Речь идет прежде всего о евразийцах, последним представителем которых был Л. Н. Гумилев.

Кажется, что о Гумилеве известно все. Мы попробуем понять близость его идеи тому, что уже давно называют вызванным к жизни Западом «ориенталистским дискурсом». Естественно, что этот дискурс связан с национальными и даже, можно сказать, цивилизационными интересами Запада. Представляется, что Л. Гумилев был первым, кто ощутил его негативное воздействие и стал его критиком. Постановка вопроса ученым выходила за пределы российской цивилизации. Но, соотнося свои идеи с национальными интересами России, он вынужден был рассматривать историю России в соотношении с ориенталистским дискурсом. Сегодня становится очевидным, что Восток — это не только составляющая нашей идентичности, но и средоточие национальных интересов. Дело уже не сводится лишь

к психологии, а реализуется в экономике и политике. Налицо поворот в политике нашего государства к Востоку. И это следует рассматривать не как вынужденную меру, а как потребность в расширении политического кругозора и культурологических представлений.

В наследии Л. Н. Гумилева одно из центральных мест занимает тема судьбы России, ее отношений, с одной стороны, с Западом, а с другой — с Востоком. Это острая тема философии истории в ее отечественном варианте. Но проблемы России Гумилев рассматривает в самом широком контексте, выстраивая этническую морфологию западных и восточных народов. Чтобы понять историческую логику русского этноса, ученый выстраивает морфологию всей мировой истории. Нечто подобное в начале XX века предпринимал О. Шпенглер. Конечно, если рассматривать идеи Л. Н. Гумилева не в кратких, а в больших исторических длительностях, то более понятными они становятся на фоне кризиса европоцентризма или кризиса проекта вестернизации мира как целого и длительного периода в мировой истории, отмеченного лидерством народов Запада. Этот кризис стал ощущаться уже в XIX веке. И вовсе не Шпенглер первым это констатировал. Ощущение кризиса европоцентризма стало основой целой цепи открытий в гуманитарной науке, подтолкнуло к возникновению науки о культуре.

Выражением этого процесса стало открытие архаического периода в истории Античности Ф. Ницше. Не менее ярким его выражением было и обращение к Востоку, начавшееся еще в XVIII веке, но продолжающееся на протяжении всего XIX века. В этом смысле идеи Гёте весьма показательны. Да и открытие России Западом по-настоящему тоже происходит в последних десятилетиях XIX века, особенно в связи со знакомством западного читателя с русской литературой и прежде всего — с книгами Л. Толстого и Ф. Достоевского. Причем, как свидетельствует это знакомство Запада с русской литературой, Россия, избравшая, начиная с Петра I, прозападный путь, осознается Западом как восточная стихия. Идеи Л. Н. Гумилева следует рассматривать следующим этапом в открытии Востока, этапом, по-новому осветившим процессы истории не только России, но и Запада, и Востока.

Многое в этом процессе начало осознаваться с момента появления книги Н. Данилевского, который, как известно, «разбудил» Шпенглера. Последний открыл культуру и заметно переориентировал историю государств на историю культур. Идеи Шпенглера не были чужды русским мыслителям, хотя они не были таковыми скорее философам, но не историкам. Может быть, лишь сегодня в связи с возникновением культурологии наша наука, подхватывая это открытие Шпенглера, начинает в нем разбираться. Для нас немецкий философ интересен и тем, что он решительно освобождал интерпретацию существующих в мире многих куль-

¹ Главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 600 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «“Человек играющий” в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Русский Протей», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха», «Избранные работы по культурологии. Культура и империя» и др. Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России.

тур от единого проекта, который можно назвать проектом вестернизации мира как предыстории реализации столь сегодня актуального проекта глобализации. Хотя к сегодняшнему дню мир сильно изменился, Запад стремится этот проект осуществлять хотя бы символическим способом. Сегодня это оборачивается новым вызовом.

Но что это за проект? Когда он появился? Кто были его творцы? А самое главное: был ли этот проект в истории идей единственным? На наш взгляд, европоцентристский подход к истории был следствием возникшего в эпоху Просвещения проекта, который Ю. Хабермас назвал проектом модерна. Его вызвали к жизни философы XVIII века, в том числе Кант и Гегель, которых Ю. Хабермас называет философами модерна. Вообще, если следовать концепции Л. Н. Гумилева, то этот проект мог быть сформирован на той фазе в истории западных народов, которая называется акматической фазой. Но эта фаза давно закончилась.

Хотя кризис этого проекта ощутим уже на рубеже XIX–XX веков, он не уходит в прошлое до сих пор. Вестернизация трансформировалась в американизацию. В переформулированном виде она сегодня предстает как глобализация. То, что вызвало к жизни вестернизацию, продолжает быть реальным в глобализации. Так что этот проект все еще дает о себе знать и трансформируется в глобальный вызов. Ж. Бодрийяр точно пишет о том, что если Запад уже давно разочаровался в идеях Просвещения, то Америка до сих пор остается верной его идеалам, стремясь их реализовать. Начиная с известного сочинения Т. Адорно и К. Хоркхаймера, этот проект постоянно подвергается критике, но от этого ничего не меняется.

Уязвимым местом проекта модерна был дискурс, называемый в современной науке ориенталистским. Он касается отношения Запада к восточным культурам, а также вопроса, связанного с научным изучением этих культур. Когда ставится вопрос о вкладе Л. Н. Гумилева в науку, то следует иметь в виду именно этот дискурс, хотя в работах самого мыслителя этот термин не употребляется. Дело, однако, не в термине, а в сути. Л. Н. Гумилев относится к ученым, внесшим весомый вклад в его разрушение. На наш взгляд, в учении Гумилева это центральный вопрос. Именно это обстоятельство увеличивает и круг последователей ученого, и круг его оппонентов. Пожалуй, этот вклад связан даже не с радикальным пересмотром отечественной историографии в вопросе об отношении к татаро-монгольскому игу, а с разрушением ориенталистского дискурса вообще.

Вслед за Ю. Хабермасом проект глобализации мира в предшествующих столетиях мы обозначили проектом вестернизации или проектом модерна. Но был ли этот проект единственным? Имел ли место в мировой науке альтернативный проект? Ставя этот вопрос, мы приближаемся к тому историческому и научному контексту, без которого идеи Гумилева не существуют. Такой проект был и благодаря таким ученым, как Л. Н. Гумилев, продолжает оказывать воздействие на наше сознание. От того, как мы этот проект понимаем и понимаем ли мы его вообще, зависит и наше представление

о том, кто мы, то есть о нашей культурной и цивилизационной идентичности.

Вопросы, поставленные Л. Н. Гумилевым в плоскости «Россия–Восток», «Россия–Евразия», «Россия — западный мир», не являются частными проблемами академической науки, которыми могут заниматься исключительно ученые. Они давно стали актуальными вопросами культурной и цивилизационной идентичности, которая нам представляется все еще смутно. Более того, в комплексе национальных интересов он становится центральным. Кажется, что на рубеже XIX–XX веков цивилизационная идентичность все еще двоилась, как будто не приняла еще окончательных форм. Кажется, мы не так далеко ушли от постановки вопроса, сформулированного еще В. Чаадаевым: «Кто мы по отношению к Западу и Востоку?». Конечно, этот вопрос снова всплыл в сознании русских людей не сегодня и не вчера. Он стал острым уже в эпоху «оттепели», когда стало ясно, что марксистская догма и имперский комплекс омертвели, а развертывающаяся по всему миру после Второй мировой войны американизация с ее потребительским идеалом оказывалась неприемлемой по разным причинам и со стороны разных слоев общества. Она отторгалась и поколением, сохраняющим революционные идеалы, и вообще народом, продолжающим сохранять традиции православия.

Возникла острая потребность в выборе для России нового пути. Лишь сегодня осознается, что один из вариантов возможного пути для России связан с научными интересами Л. Н. Гумилева. Новая общественная атмосфера воздействовала на ученого, пусть и бессознательно. Это, если хотите, был «социальный заказ» на идеи, которые могли бы, будь они реализованы в жизни, вывести Россию из тупика. Но чтобы осознать эти связи между новым состоянием России и идеями Л. Н. Гумилева, должно было пройти время. Это осознается лишь сегодня. Проблема Евразии становится лакмусовой бумажкой в определении нашей идентичности сегодня. Идентичность сегодняшнего русского продолжает оставаться проблемой. Для этого есть основания. Почему? Да потому, что в постиндустриальном или информационном обществе бушуют информационные страсти. Одновременно с точной информацией на человека обрушивается множество мифов и стереотипов, не являющихся адекватными реальности. Кроме того, в коллективном сознании продолжают всплывать и функционировать разбухшие современными катастрофами идеи и те мифологические представления, которые имели место в древности. Один из таких мифов Л. Н. Гумилев назвал «черной легендой», под которой следует понимать созданный Западом неадекватный образ Востока. В этот образ Гумилев вложил смысл, который позднее будет назван «ориенталистским дискурсом».

Циркулируемая по каналам средств массовой коммуникации информация не является нейтральной, затрагивая основы коллективного бытия, нашу идентичность. Это наводит на мысль: может быть, мощные информационные технологии придают этим мифам еще большую убедительность, и с их помощью можно внедрять несвойственные целым народам идентич-

ности? Поэтому в современную эпоху можно легко изменять не только индивидуальную, но и коллективную идентичность, разновидностями которой являются и этническая, и культурная, и цивилизационная идентичности. Мы часто верим искусственно сконструированным образам — симулякрам, не соответствующим реальности. Писал же Л. Н. Гумилев о хазарской химере, которая оказывалась Хазарией чисто внешне. Или, скажем, более близкий пример — современная Америка, воспринимаемая образцом воплощения демократического идеала в жизнь. Но как-то в последние десятилетия этот образец все больше смахивает на империю, рвущуюся к власти над всем миром, о чем пишут сами американские философы и публицисты.

Прочитываем одно место из книги проницательного, но и идеологически мыслящего американского историка Т. Ф. Мэддена, в которой он пишет: «Если мы не будем знать историю нашей цивилизации, у нас не будет возможности защищаться от тех, кто захочет ее исказить или извратить. Иными словами, своим незнанием истории мы позволяем всем желающим, включая наших врагов, определить за нас, кто мы такие и какое место в мире занимаем»¹. Мэдден затронул вопрос, ставший актуальным задолго до XX века, когда с помощью информационных технологий стали конструировать неадекватные идентичности и навязывать их целым народам. Сегодня информационная война показывает, как России такую неадекватную идентичность навязывают. История свидетельствует, что навязываемые идентичности иногда ассимилируются и принимаются. Эффект средств массовой информации поразителен. Историю взаимоотношений народов Запада и Востока невозможно рассматривать без навязывания этих неадекватных идентичностей.

В качестве примера такого навязывания сошлемся на факты, которые приводит в своей книге американский интеллектуал арабского происхождения профессор Колумбийского университета Э. В. Саид. К моменту выхода книги в 1978 году идеи Л. Н. Гумилева уже существовали, хотя и не все были известны читателю. Тот контекст, в котором развивается мысль Л. Н. Гумилева, вернее, тот контекст, который Л. Н. Гумилев стремится преодолеть, Э. Саид назвал ориенталистским дискурсом. Что под ним следует понимать? Уже введенный Э. Саидом концепт свидетельствует о том, что при объяснении функционирующих в мире представлений о Востоке он использует идеи постмодернистской философии, в частности идеи М. Фуко, доказывающего, что происхождение тех или иных идей и даже наук связано с установками имперской власти. Э. Саид доказывает связь идей, имеющих место в западной гуманитарной науке последних столетий, с имперским комплексом, владеющим народами, переживающими акматическую фазу в своей истории. Согласно Э. Саиду, ориенталистский дискурс — не только традиция или направление в гуманитарной науке, объектом которой является Восток, но и «фундаментальная политическая доктрина, навязываемая Востоку, потому что Восток слабее Запада»².

Столь радикальный вывод позволяет задуматься о функции гуманитарных наук, которым не следовало бы идти на поводу имперских амбиций, а надо бы начать им сопротивляться. В свете этого сопротивления по-настоящему можно оценить идеи Л. Н. Гумилева, активно разрушающего те представления, что были вызваны к жизни и продолжали быть реальными на протяжении многих столетий. Могла ли отечественная историография XIX века, которая в нашем сознании превратилась в нечто почти сакральное, а потому и недоступное для критики, также попасть под воздействие ориенталистского дискурса, во власти которого оказалась, как доказывает Э. Саид, западная гуманитарная наука? Не случайно эту историографию Л. Н. Гумилев критикует так же, как и западную историческую науку. «В странах же Западной Европы, — пишет Гумилев, — предубеждение против неевропейских народов родилось давно. Считалось, что азиатская степь, которую многие географы начинали от Венгрии, другие — от Карпат — обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола. Взгляды эти были закреплены авторами XVIII века, создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики. При этом самым существенным было то, что авторы эти имели об Азии крайне поверхностное и часто превратное представление. Все же это их не смущало, и их взглядов не опровергали французские или немецкие путешественники, побывавшие в городах Передней Азии или Индии и Китая»³.

Кого же имеет в виду Л. Н. Гумилев под авторами XVIII века, создателями универсальных концепций истории, философии и морали? Под ними он подразумевает творцов проекта модерна, то есть философов Просвещения. Естественно, что Россия фаустовским человеком тоже воспринималась продолжением Востока, то есть пространством дикости и варварства. Вот как об этом писал Л. Гумилев: «К числу дикарей, угрожавших единственно ценной, по их мнению, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала великого Монгольского улуса, а потом Золотой Орды»⁴.

Используя при аргументации своего концепта положение новейшей философской мысли, и в частности идеи М. Фуко, Э. Саид, к сожалению, не цитирует Ю. Хабермаса. Но очевидно, что ориенталистский дискурс находится в тесной связи с проектом модерна. Более того, навязывание Востоку особого образа является продолжением и выражением этого проекта. Именно Л. Н. Гумилев независимо от Э. Саида формулирует сверхзадачу своих исследований: «Теперь, когда весь арсенал этнологической науки в наших руках и мы знаем о невидимых нитях симпатий и антипатий между суперэтносами, настало время поставить точки над “i” в вопросе о неполноценности степных народов и опровергнуть предвзятость европоцентризма, согласно которому весь мир — только варварская периферия Европы»⁵.

¹ Мэдден Т. Ф. Империя доверия. Как Рим строил новый мир. Как Америка строит новый мир. М., 2011. С. 12.

² Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 315.

³ Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 602.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Гумилев Л. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 2012. С. 35.

В какой степени ориенталистский дискурс имел резонанс в отечественной гуманитарной науке? Как часть проекта модерна он не мог не воздействовать на российских историков. Если вся история России петербургского периода оказалась под воздействием вестернизации, то под этим воздействием оказывалась также и наука. Вот констатация Л. Н. Гумилева: европоцентристская концепция проникла в Россию и была принята без критики. Но вместе с этой усвоенной традицией Россия восприняла и тот страх Запада перед Востоком, который привел к демонизации последнего. Но этот дискурс расходился с истинным положением дел. Ведь Российская империя на практике демонстрировала единение многих этносов и конфессий, в том числе и следовавших Корану. «Идея национальной исключительности не была присуща русским людям, — пишет Л. Н. Гумилев, — и их не шокировало, что, например, на патриаршем престоле сидел мордвин Никон, а русскими армиями руководили потомки черемисов — Шереметев, и татар — Кутузов. Наши предки, жившие в Московской Руси и в Российской империи начала XVIII века, нисколько не сомневались в том, что их восточные соседи — татары, мордва, черемисы, остяки, тунгусы, казахи, якуты — такие же люди, как и тверичи, рязанцы, владимирцы, новгородцы и устюжане»¹. Но одно дело — реальность, и совсем другое — ее интерпретация в мифологическом варианте.

Можно ли писать историю иначе? И если можно, то как? Чтобы ответить на этот вопрос, следует в истории науки отыскать альтернативный проект. Был ли такой проект? Конечно, был. Но для его осознания, кажется, не оказалось своего Хабермаса. Именно поэтому он не имел того резонанса в истории мысли, какой имел проект модерна. Мы не поймем значения трудов Л. Н. Гумилева, если не выведем их из логики развития альтернативного проекта. Этот проект, конечно, возник даже не в ситуации столь острого на рубеже XIX–XX веков кризиса европоцентризма. Он возник столетием раньше и был связан с романтизмом. Прежде всего этот проект явился следствием проекта модерна. Он рождается и продолжает быть реальным как сопротивление этому проекту. Но он был этим проектом спровоцирован.

Романтизм — не только художественный стиль, но и целое мирозерцание, и даже более того: это именно проект, продолжающий во многом питать наши представления. Правда, его судьба в истории науки оказалась странной. Осознать романтизм именно как проект, альтернативный проекту модерна, мы, кажется, робеем. Между тем он не только помогает выявить и осознать негативные стороны проекта модерна, но и объясняет, почему сегодня в России столь бурно развивается наука о культуре. По сути, культурология в ее современном отечественном варианте есть не что иное, как прорвавшийся в сознание общества под другим именем альтернативный проект, для которого характерно иное отношение ко времени. Если проект модерна обращен в будущее, то проект романтизма ценит

прошлое. Но отношение к прошлому является решающим в том, значима ли культура для того или иного проекта. Проект модерна футуристичен и ценит прогресс. Поэтому, не ценя прошлое, он не видит в культуре проблемы. Он ориентирован на создание принципиально новой культуры. Проект романтизма несет на себе печать пессимизма, демонстрируя консерватизм в хорошем смысле этого слова. Культура ведь и представляет самую консервативную стихию. Она сохраняет реальность всех предшествующих состояний общества, которые нельзя оценивать лишь исходя из первостепенной значимости поздних состояний, которые в соответствии с Гегелем являются самыми совершенными. Вот почему, например, романтики открыли целую Атлантиду, под которой следует понимать те пласты культуры, которые под воздействием письменности и печатного станка были вытеснены в бессознательное культуры, но не перестали быть активными.

В ситуации «столкновения цивилизаций» человечество без диалога выжить не может. Но именно романтизм является исходной точкой диалога. Но главное — это то, что в проекте романтизма Восток предстает не как экзотическое пространство, а как группа великих и самобытных культур, требующих адекватной интерпретации. Монологизм модерна как раз этого-то допустить и не способен. Но если бы дело сводилось лишь к экзотике! Предвосхищая положения аналитического трактата Э. Саида, славянофил Алексей Хомяков в XIX веке писал: «Тут сказались исконное самоутверждение Запада, гордыня, презрение к Востоку как низшему»². В альтернативном проекте, который может считаться ранней основой для возникновения того, что мы сегодня подразумеваем под культурологией, деление мира на Запад и Восток, что в последние десятилетия привело к взрывной ситуации, исключается. В этой постановке вопроса по поводу отношения к Востоку и получает выражение альтернативный проект, соответственно которому размышляет Л. Н. Гумилев.

Вопрос об отношениях Запада и Востока, как он сформулирован в проекте романтизма, был изложен, например, в работе Ф. Шлегеля: «В истории народов следует рассматривать жителей Азии и европейцев как членов одной семьи, историю которых нельзя разделять, если хотят понять целое»³. Сегодня в ситуации глобализации эта мысль весьма актуальна. Продолжая доказывать идею о единстве восточных и европейских народов, Ф. Шлегель утверждает: «Подобно тому, как в истории народов азиаты и европейцы образуют одну большую семью, а Азия и Европа — неразрывное целое, так следовало бы во все большей мере стараться рассматривать и литературу всех культурных народов как последовательное развитие и одно-единственное внутренне связанное строение и создание, как одно великое целое, где известные односторонние и ограниченные точки зрения исчезли бы сами собой, многое стало бы понятным лишь в этой связи и все предстало бы в этом свете новым»⁴.

² Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. Томск, 1996. С. 64.

³ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 221.

⁴ Там же. С. 272.

¹ Гумилев Л. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. С. 225.

Невольно приходишь к выводу: стоило ли проливать столько крови, которая и до сих пор льется на Ближнем Востоке, чтобы оценить возникший два столетия назад альтернативный модерну проект? Но он оказался забытым и как проект в истории науки никогда не рассматривался. Почему? Да потому, что человечество находилось под воздействием исключительно транслируемого, более того, навязываемого западного проекта модерна и его составляющей — ориенталистского дискурса. Почему же этот альтернативный проект, появившись на свет еще в эпоху романтизма, не осознавался и не был реализован? Потому что про-

ект модерна выражал пассионарное напряжение романо-германских народов, свойственное акматической фазе. Потому что Запад в восприятии других культур демонстрировал нарциссистский комплекс. Альтернативный проект был отодвинут в тень, поскольку на первый план выходил проект модерна. Но для его утверждения все же были все предпосылки. Они и остаются до сих пор. Вот из этого альтернативного проекта, который тоже, как и проект модерна, есть порождение Запада, и должна исходить культурологическая мысль в ее современной форме. Впрочем, не только культурологическая...

К. И. Шарафадина¹

КОНЦЕПТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ «РУССКОЕ» В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

На рубеже XIX–XX столетий отечественными социологами было зафиксировано показательное явление: рост роли в общественном сознании функций национальной идентичности (языковой, исторической, мифологической, этнической), причем процесс этот со временем набирал темпы².

Можно с уверенностью утверждать, что ощущение необходимости проявления национальной идентичности не ослабело и характерно для многих сфер жизни современного общества. Показательным «зеркалом» является культура повседневности. В ней множатся и тиражируются персонифицированные образы, воплощающие автостереотип «русский национальный характер»: мужественность, физическая сила, пассионарность.

Для россиян «наше прошлое и наша история» к концу XX века стали главным понятиями, связываемыми «с мыслью о нашем народе» (см. опросы ВЦИОМа)³. Не только не удивительно, а скорее показательно то, что в культуре повседневности последних лет широчайшее распространение получили образы «наших предков»: россияне, как отмечают исследователи, дают очень высокую оценку этому понятию, считая его одним из главных воплощений русского характера⁴.

Апелляция к историческим и былинно-мифологическим истокам русской культуры активно используется сегодня и в маркетинговых коммуникациях — рекламном тексте, нейминге и дизайне товаров и услуг.

В современной культуре, по наблюдениям Е. В. Николаевой, актуализируются несколько диахронических культурных пластов: времена дохристианской славянской общности; Древней Руси и князей Рюриковичей; эпоха Петра Великого и Екатерининская эпоха; победа 1812 года; рубеж XIX–XX веков; победа 1945 года⁵. Она же выявила и систематизировала две группы символических репрезентантов российской истории: это «аксиологическая коллекция» культурно-исторических объектов и пантеон легендарных предков⁶.

Первая группа представлена, в частности:

— *концептами державной власти*: водка «Российская корона», «Дворцовая водка», «Имперская», «Государев заказ», «Посольская», «Бастион», банковский вклад «Казна»;

— *образами старинного быта*: водка «Граненый», «Завалинка», «Золотое кольцо», «Салют, Златоглавая!», «Старая Москва», «Арбатская», банковский вклад «Золотые зерна».

Вторая группа означена представителями:

— *древнерусского мира и российской дореволюционной социальной иерархии*: пиво «Три богатыря», «Витязь», «Купеческое», «Юнкерское», пельмени «Сварог», «Добрыня», «Барыня», «Барчутки», «Барин-Сметанин», «Владыка», «Государева трапеза», «Столичный князь», «Фабрикант», котлеты «Боярские», «Царские», «Казачьи», сигареты «Дружина», «Император», «Князь», «Мономах», водка «Династия», «Императорская коллекция», «Царь», «Царица», «Князь Серебряный», «Князь Трубецкой», «Граф Виктор», шампанское «Колье Екатерины», торт «Княгиня Ольга», туалетная вода «Буржуй»;

¹ Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук. Автор 170 научных публикаций, в т. ч.: «*“Алфавит флоры” в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы*», «*Литература в синтезе искусств*» (в 2 т., в соавт.), «*Творчество А. С. Пушкина: два взгляда на пространство смысла*» (в соавт.), «*Жизнь культуры в универсуме слова*» (в соавт.), «*Театр и литература: на пересечении границ*» (в соавт.), «*Литературно-культурный диалог двух российских столиц*» (в соавт.), «*Природно-культурный компонент “Петербургского текста” Достоевского в кросс-культурном контексте*» и др. Член Международного тургеневского общества и Российско-франко-британского общества по изучению русской культуры (Париж).

² Левада Ю. «Человек советский» десять лет спустя: 1989–1999 гг. // *Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения*. М., 1999. № 3. С. 10.

³ Там же.

⁴ Гудков Л. Д. Русский неотрадиционализм // *Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения*. 1997. № 2. С. 22.

⁵ Николаева Е. В. Исторические символы в российском рекламном дискурсе как конструкты национальной идентичности // *Семіозис и культура*: сб. науч. ст. / под общ. ред. И. Е. Фадеевой. Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2006. Вып. 2. С. 235.

⁶ Там же. С. 237.

— *выдающимися историческими личностями*: сыр «Князь Игорь», пиво «Афанасий», «Макарий», «Степан Разин», водка «Юрий Долгорукий», «Иван Калинта», «Петровская», сигареты, одеколон, крейсер «Петр Великий» и «Петр I»;

— *пассионариями*: горчица «Батяка Махно», «Малюта Скуратов», пиво «Платовское»;

— *великими полководцами, воинами XVIII–XIX веков, бойцами Красной армии, солдатами Победы* (в том числе через знаковые топосы-метонимии): шоколад «Суворов», банковский вклад и коньяк «Кутузов», кетчуп «Адмирал Макаров», банковский вклад «Бородино», водка «Калашников», «Офицер», «Победа», настойка горькая «Линия Сталина», шоколад «Флотский», «Гвардейский», «Гвардейская слава», пиво «Очаково», «Десант», «Юнкерское», коньяк «Трофейный», сигареты «Сталинградские», «Спецназ», одеколон «Прощай, оружие»¹.

Е. В. Николаева остроумно представила «историзацию» повседневности в виде ее перенасыщения неорусским колоритом: «Цари и полководцы, купцы и лотошники, гусары и барышни красуются на этикетках и упаковках шоколада, сигарет, водки, кетчупа и т. п. “Стрельцы” и “дворяне” прогуливаются возле музеев и ресторанов. Кафе называются “трактирами” и “кофейнями”... в День города по улицам шествуют “легендарные предки”. На полях вновь и вновь гремят исторические “сражения”, собственные гербы появляются даже у поселков и городских районов»².

Топика петербургской рекламно-коммуникационной среды при обследовании в обозначенном ракурсе обнаружила безудержное тиражирование концепта «русское» в приложении к товарам и услугам самого разного свойства и уровня: баня и парные, рыбалка, береста (творческая мастерская) и ива (народные промыслы), охрана и недвижимость, бригада (ремонт) и охрана, рюмочная и фотостудия, классика (издательство и магазин цветов), усадьба (художественный салон и строительная компания), деревня (строительный рынок), дорога (сервисный центр), забава (кафе), лаборатория (экспертная фирма), музыка (организация праздников), община (агропромышленное предприятие), свадьба (салон), кий (бильярдная).

Концепт «русское» реализован также через ряд близких, конкретизирующих его понятий, образующих своего рода иерархию, которая выглядит следующим образом: «Русские традиции» — консалтинговая компания, антикварный салон, банкетный зал, столовая, ТПК, «Русский стиль» — антикварный салон и мастерская по реставрации мебели, ТД и ТФ, магазин; «Русское поле» — боулинг-клуб; «Русский ма-

стер» — интерьерный салон, ремонтная фирма, строительная компания, компания по организации праздников, ПТФ; «Русский дом» — ТПК, юридическое агентство, магазин текстиля, строительная и торговая компании, риэлторская компания и ресторан; «Русская компания» — ломбард и антикварный магазин; «Русский стандарт» — банно-оздоровительный комплекс, «Русский стандарт водка» (ПК); «Русский гарант качества» (производственная компания), «Русские мастера» — ремонтно-строительная фирма; «Русские ремесла» — магазин и «Русские узоры» — ПК; «Русская сказка» — мини-отель и строительная фирма; «Русский витязь» — производственная фирма; «Русский двор», «Русский огород» — ТФ; «Русский путь» — типография; «Русский рекорд» — ТПК; «Русский ювелир» — рекламно-издательская фирма; «Русские богатыри» — фирма по организации праздников; «Русские витязи» — торговая компания, кафе и мини-отель.

Не лишены доли остроумия «русско-петербургские» названия «Русское окно» (рекламная фирма) и «Русское оконце СПб» (ПФ), обыгрывающие общезвестный прецедентный текст.

Ассортимент товаров, которые фигурируют в названиях торговых фирм, магазинов, производственных компаний, а также кафе, столовых и прочего в сочетании с определением «русский», многообразен: алкоголь, водка, блины, мясо, деликатесы, каравай, пироги, печенье, чай, а также подарки, игрушки, алюминиевые диски, амортизаторы, витраж, бумага, газоны, герметики, двери, ламинат, лен, лес, лодочные моторы, краски, магниты, обувь, часы, технологии сталей, наконец.

К числу близких к курьезным можно отнести такие сочетания, как «Русская школа хиромантии», «РИМ (Русский инструментальный мир)» (торговая компания), «Русское» (бутик одежды), «Русский бейклс» (производственно-торговое предприятие), «Русский ивент» (творческое объединение), «Русский квон» (ПФ), «Русский кейтеринг» (ресторан выездного обслуживания), «Русский пилигрим» (фирма по распространению печатной продукции), «Русский бастион» (транспортная компания).

«Пограничными» являются названия, в которых концепт «русское» соседствует с понятиями, традиционно соотносимыми с зарубежными аналогами как более авторитетными в избранной сфере («Русские страховые традиции»), строительная компания «Русский зодчий»), а также с понятиями, которые призваны как бы реабилитировать русский аналог за счет указания на «нерусский» прототип как эталонный: «Русская Версалия» (ресторан), «Русский амфир» (ресторан), «Русская богема» (меховое ателье), «Русский Ренессанс» (ПФ).

Исследование репрезентации концепта «русское» в рекламном дискурсе Санкт-Петербурга важно для уяснения культурно-языковой реализации процесса национальной идентичности, но также поучительно в аспекте социокультурной динамики, так как помогает диагностировать как традиционные, так и новейшие тенденции национальной самоидентификации.

¹ Часть примеров взята из статьи Е. В. Николаевой «Исторические символы в российском рекламном дискурсе как конструкты национальной идентичности» 2006 г. (Семиозис и культура : сб. науч. ст. / под общ. ред. И. Е. Фадеевой. Сыктывкар : Изд-во Коми пед. ин-та, 2006. Вып. 2), они дополнены новейшими примерами из собственной коллекции автора статьи.

² Николаева Е. В. Неотрадиционализм в российской культуре рубежа XX–XXI веков. URL: <http://www.ural-yeltsin.ru/usefiles/media/Nikolaeva.doc> (дата обращения: 20.02.2015).

Н. В. Эйльбарт¹**ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ СЛАВЯНСКИХ ЭТНОСОВ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ**

Территория, называемая сегодня Западной Украиной, согласно современным представлениям, включает в себя три области: Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую, однако этот термин сравнительно «молодой», как, собственно, и во многом искусственно созданная украинская государственность в ее современных границах. В прошлом (начиная с XI в.) данные земли носили название Червоная Русь или Галиция, исторически развиваясь на пограничье восточноевропейской и западноевропейской цивилизаций, являя собой пример «осколка» Киевской Руси, уже в XIII веке попавшего в орбиту влияния западных соседей. С непростой историей славянских этносов, населяющих эти земли и лишь отчасти наследующих православную религиозную идентичность Киевской Руси, связан культурно-религиозный и ментальный «разлом», столь остро дающий о себе знать в условиях распада Украины, затрудняющий самоидентификацию ее населения, в равной мере как возвращение к русским корням, так и вхождение в Европейский Союз. Всюду оказываясь «чужими», народы Западной Украины не смогут существовать в качестве самостоятельной культурной, а следовательно, и государственной единицы, не разрешив этих противоречий, поэтому данный вопрос нуждается в глубоком изучении и историческом анализе.

Название «Русь» и «русины», то есть народы, ее населяющие, иностранцы впервые начали использовать по отношению к юго-западу современной Украины, поскольку это были ближайшие к ним восточнославянские земли, о которых они узнали и с правителями которых вошли в политические, экономические и культурные контакты. Уже значительно позже Русью иноземцы назовут Киев, Новгород, Владимир, а затем и Москву, принимая во внимание общность обычаев, религии и языка восточнославянских народов. Однако в XIV веке Галицко-Волинское княжество — самое западное из русских княжеств, где правили потомки Рюрика, — утратило свою независимость и стало частью Польского и Венгерского королевств, а населяющие его славянские этносы (русины, долиняне, погоряне, бойки, лемки, гуцулы), отныне подвергаясь материальному и духовному подавлению со стороны государствообразующих народов — поляков и венгров, испытыва-

ли культурную деструкцию, теряя связь с Московской Русью, которая в то время уже начала объединять вокруг себя разрозненные феодальные земли.

Великий отечественный историк второй половины XIX века Н. И. Костомаров в работе «Две русские народности» объясняет такую судьбу прежде единого русского мира духовно-ментальными особенностями великоруссов и южноруссов, которые предопределили их пути. Московская Русь крепла и мужала в суровых условиях борьбы с монголо-татарами, ревностно оберегала собственные обычаи и православную веру, не допуская ни малейшей доли иностранного влияния вплоть до второй половины XVII века, называя его «поганым» и стремясь не только сберечь свою «русскость», но и распространить таковую на соседние народы. В то же время этносы Галицко-Волинской Руси характеризовались большей терпимостью к иноземцам и, в отличие от своих восточных соседей, ставили личное выше общественного единства. «Развитие личного произвола, свобода, неопределенность форм были отличительными чертами южнорусского общества в древние периоды, и так оно явилось впоследствии, — писал по данному поводу Костомаров. — С этим вместе соединялось непостоянство, недостаток ясной цели, порывчатость движения, стремление к созданию и какое-то разложение недосозданного, все, что неминуемо вытекало из перевеса личности над общинностью»².

«Горячность и легкомыслие» южноруссов повлекли за собой как утрату удельной самостоятельности княжества, так и в последующем, уже в конце XVI века, признание верховенства римского понтифика над православным населением Галиции. В 1596 году была принята знаменитая Брестская уния, согласно которой киевский православный митрополит Михаил Рагоза и церковные иерархи западнорусской митрополии, входящей в состав Речи Посполитой, приняли римское вероучение и признали себя частью Римско-католической церкви, сохранив, однако, богослужение на церковнославянском языке, а также православные литургические обряды. Этот красноречивый акт сближения с западноевропейской культурно-религиозной традицией показал, что ее влиянию подверглись прежде всего высшие слои галицийского общества, политические элиты, которые стремились при помощи унии стать «равноправными членами» западного правящего сообщества, порвав с прежними, «дедовскими» корнями. Уже очень скоро польская и южнорусская аристократия слились воедино, причем последняя, стремясь доказать прочность своего вхождения в среду новых ценностей, показательно враждебно воспринимала все, исходящее из Московской Руси, называя ее «варварской», «тиранической» и «ортодоксальной». Что же касается простого народа, то именно он в основной массе

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор исторических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич — исследователь Забайкалья. 1850–1936», «Портреты исследователей Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX вв.)», «Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментарированный перевод и исторический анализ», «Семья Марины Мнишек: несостоявшиеся правители России», «Лжедмитрий II: происхождение и гибель. Свидетельства польских документов Государственного архива Швеции», «Лжедмитрий I и политическая элита Речи Посполитой: мифы и факты», «Поход Сигизмунда III и королевича Владислава к Москве в письмах ксендза Якуба Задзика (1612–1613 гг.)», «Осада Смоленска Сигизмундом III в письмах ксендза Якуба Задзика (1610–1611 гг.)», «Поход гетмана Станислава Жолкевского к Москве в письмах шляхтича Яна Гридича (1610 г.)» и др.

² Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Две русские народности. СПб., 1863. Кн. 1. Т. 1. С. 42–43.

продолжал считать себя частью единого русского мира, сохранив многие черты культурной общности с великороссами. Таким образом, пребывая почти в течение шести веков под польско-венгерским культурным влиянием, славянские этносы нынешней Западной Украины в целом сохранили свою религиозно-культурную идентичность, идущую со времен Галицко-Волынской Руси, однако русская культурная традиция стала здесь достоянием простого народа, поэтому она не развивалась и как бы застыла на уровне Средневековья, когда эти земли еще имели некоторые атрибуты политической самостоятельности.

Исторические параллели, приводя нас в сегодняшний день, являют нам процесс вестернизации западноукраинской политической элиты, которая, однако, не находит поддержки среди большинства населения, в течение веков испытывавшего недоверие и ненависть к западному сообществу, поскольку ассоциировало с ним все польское и католическое, веками угнетавшее и не дававшее развиваться. Н. И. Костомаров отмечал, что, несмотря на славянское происхождение поляков и южноруссов, между ними лежит бездна «через которую невозможно построить мост» и бездна эта заключается в том, что польская колонизация Галиции поставила коренное население на уровень людей второго сорта, практически рабов пришлых хозяев, не имеющих почти ничего вплоть до конца XIX века — ни национальных школ, ни собственного литературного языка, ни права на самовыражение в рамках собственной культурной традиции. Таким образом, только немногим более ста лет назад зарождающаяся интеллигенция в Галиции осознала, что стоит перед выбором, как строить собственное государство и на какую культурную традицию при этом опираться.

Как писал по этому поводу Иван Франко, «перед украинской интеллигенцией открывается теперь огромная действительная задача — создать из громадной этнической массы украинского народа украинскую нацию, цельный культурный организм, способный к самостоятельной культурной и политической жизни». Итак, без культуры нет нации, нет политической самостоятельности и нет государства — однако какая культура должна быть взята за основу — русская или польская — на этот вопрос тогда не было однозначного ответа.

С конца XVIII века, когда Галиция отошла к Австрии, многие русины связали свою жизнь с Россией и считали себя частью единого русского народа (среди них, например, ректор Санкт-Петербургского университета Михаил Балудянский, ученый и педагог Василий Кукольник, писатель и священник Владимир Хиляк и др.). Но, как мы уже отмечали, политическая элита, тесно сотрудничавшая тогда с австрийскими властями, эти тенденции воспринимала весьма враждебно.

Подобная борьба взглядов на будущее Западной Украины очень ярко проявилась в 1915 году, когда, разгромив австро-венгерские войска, русская армия вошла в Галицию, а императора Николая II встречали во Львове как царя-освободителя. По воспоминаниям

современников, входящих в свиту государя, в самых глухих деревнях к нему с хоругвями и иконами выходили священники и крестьяне, называя Белым Царем, кричали «Ура!», так что, видя такой радушный прием, офицеры охраны, в начале пребывавшие в напряжении, даже позволили себе на время забыть о своих обязанностях. В то же время представители правящей элиты Галиции (как польского, так и русинского происхождения) агрессивно отнеслись к такому повороту событий, например львовский униатский епископ Андрей Шептицкий открыто призывал к действиям на стороне австро-венгерской армии, но на его агитацию мало кто откликнулся. Такая симпатия в отношении русского императора со стороны галицийских русинов (особенным русофильством выделялись лемки или полещуки, жители прикарпатских районов региона), стала неприятным сюрпризом для австрийских властей, а кайзер Франц-Иосиф даже приказал создать специальный концентрационный лагерь Телергоф в Штирии, предназначенный исключительно для славян из Галиции и Буковины, заподозренных в симпатиях к русским.

В 1918–1920 годах после распада Австро-Венгрии народы Западной Украины получили исторический шанс на создание собственного государства, однако во взглядах на культурную и политическую принадлежность такового вновь не было единства. Западноукраинская Народная Республика со столицей во Львове, не желавшая войти в состав Польши, вела с поляками кровопролитную войну, в то же время враждебно относилась и к Советской России, и к Украинской Народной Республике. Лемковская интеллигенция, попрежнему считая, что судьба карпатских славян неразрывно связана с Россией, провозгласила Русскую Народную Республику Лемков, которая планировала присоединиться к Советской России и не хотела быть ни в составе Западноукраинской, ни Украинской Народной Республики. Однако географическая удаленность поставила крест на этих планах, но когда Западноукраинскую Народную Республику насильственно включили в состав Польши, лемки предпочли стать областью Чехословакии, получившей название Карпатская Русь, нежели вновь возвращаться под власть польского государства.

Проанализировав таким образом веки историко-культурного развития славянских этносов Западной Украины, можно заключить, что их представления о принадлежности к единому русскому народу продолжали быть весьма сильными на протяжении всей истории, но политика элит, ведущая к политической обособленности Галиции от остальной части Украины и культурно-религиозной от России способствовала отрицанию общерусских корней, однако так и не смогла предложить взамен никакой вразумительной культурно-идеологической основы. Автор считает, что пока такая основа не будет найдена, всякие попытки создания какого бы то ни было государства на территории современной Западной Украины, обособленного от русского мира и враждебного ему, будут обречены на провал.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- В. А. АВКСЕНТЬЕВ директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Б. В. АКСЮМОВ профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук
- О. Н. АСТАФЬЕВА заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- М. Н. ВЕТЧИНОВА профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- В. С. ГЛАГОЛЕВ профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук
- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- С. Н. ИКОННИКОВА профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
- С. М. КЛИМОВА профессор школы философии Высшей школы экономики, доктор философских наук
- М. И. КОЗЬЯКОВА профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук
- Г. Г. КОЛОМИЕЦ профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук
- В. А. КОНЕВ заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Т. В. КУЗНЕЦОВА профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ заведующий Сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- Д. Э. ЛЕТНЯКОВ заместитель заведующего Сектором истории политической философии Института философии РАН, кандидат политических наук
- В. А. МАЛАХОВ главный научный сотрудник Отдела философии культуры, этики и эстетики Института философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины, доктор философских наук
- Ф. Т. МАМЕДОВ профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук
- А. П. МАРКОВ профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ
- О. В. МАРТЫШИН профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук
- А. Н. МОСЕЙКО ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент
- А. А. ОГАНОВ заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук

К. С. ПИГРОВ	профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук
В. ПРОДАНОВ	член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор
Т. Б. СИДНЕВА	проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
М. В. СИЛАНТЬЕВА	профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук
С. В. СНАПКОВСКАЯ	заместитель председателя по вопросам культуры, педагогики и образования Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России» (Минск), доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор
В. С. СТЕПИН	руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Дорогие коллеги, начинаем работу нашей секции. Обозначенная в ее названии проблема сейчас очень актуальна, особенно если говорить о национализме. Что касается лично моего интереса, то я бы предложил в качестве предмета для размышления тот факт, что за последние годы, может быть, даже десятилетия, понятие «национализм» претерпело изменения. Это понятие по традиции, не только советской, но и досоветской в рамках русской философии, употреблялось с негативными коннотациями — как выражение какой-то ограниченности, ложного толкования национальной идеи. А затем это понятие стало переосмысливаться, и даже новые философские энциклопедии, статьи (к примеру, Валерия Александровича Тишкова) истолковывали его как минимум в ценностно-нейтральном ключе. Это одно из возможных направлений нашей встречи. В то же время на пленарном заседании прозвучали выступления академиков Степина, Лекторского и многих других, в которых были высказаны интересные идеи. В общем, нам есть что обсудить.

Я хочу предоставить слово председателю Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, от имени Оргкомитета позвольте поприветствовать всех участников этой секции. Мне очень хотелось бы находиться здесь вместе с вами, потому что то, чем вы сегодня занимаетесь и что обсуждаете, — это в числе прочих предмет моих научных интересов. Но вообще я сделал свое главное дело — собрал за этим столом, в этой аудитории весь цвет российской культурологии, философии, ведущих отраслей гуманитарного знания. К сожалению, не смог приехать академик Тиш-

ков, но тем не менее я считаю, что на этой площадке собрались сегодня ведущие научные и творческие силы России, занимающиеся данной проблематикой.

А проблематика, на мой взгляд, чрезвычайно яркая и актуальная. Как вы знаете, после окончания Второй мировой войны и победы над фашизмом нам долгое время казалось, что вопросы наций и национализма отошли в историю и обсуждать их ни к чему. И вдруг за последние 25 лет в процессе глобализации эта тематика стала чрезвычайно актуальной. Существует глобальная культура, и ее объем непрерывно увеличивается, потому что все мы живем в нескольких культурах и в то же время в одной, глобальной. Наряду с экономической регионализацией наблюдается встречная тенденция — невероятный подъем национализма. Казалось бы, этот процесс идет в противоходе с общим течением истории, со строительством глобального мира. Буквально 10–15 лет тому назад мы и представить не могли такого всплеска религиозности во всем мире.

Когда мы начали получать научные данные с различных мировых форумов, конференций, из ведущих журналов о том, что во всем мире растет интерес к религии, для меня это было совершенно неожиданно, потому что все, кто выросли в Советском Союзе, были воспитаны в духе атеизма. И нам казалось, что религия — это уже какая-то древность. Но сейчас в практической жизни наблюдается невероятный подъем интереса и к религиозным, и к национальным проблемам. Не знаю, развивается история по спирали или каким-то иным образом, но факт остается фактом. Поэтому я очень рад, что наши коллеги — и Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, и Вячеслав Семенович Степин, и Владислав Александрович Лекторский — в ходе обсуждения повестки Чтений проявили интерес и по-

могли Оргкомитету выбрать эту тему. Мы ждем очень интересных и серьезных результатов от работы этой секции.

Сегодня мы наблюдаем невероятный рост влияния Интернета и заинтересованы в том, чтобы как можно больше наших мыслей и идей в разном виде, в разных формулировках вошли в информационное пространство. Хочу с вами поделиться информацией, которая для меня лично как для ректора явилась открытием. Google и прочие информационные ресурсы всем сайтам присваивают определенный весовой коэффициент. Так вот у сайта нашего Университета весовой коэффициент больше, чем у крупнейшего информационного ресурса Петербурга «Фонтанка.ру». То есть если мы опубликовали информацию на своем сайте, то для поисковиков это намного важнее, чем если это сделают многочисленные другие ресурсы. Поэтому мы с вами, конечно, заинтересованы в том, чтобы наши идеи продвигались в интернет-пространстве. Напомню, что все ваши доклады выложены на нашем сайте, поэтому в своих выступлениях прошу акцентировать внимание аудитории на центральных идеях. Я хотел бы поблагодарить всех за участие. Убежден, что здесь сегодня состоится очень яркий, важный для нашей науки разговор.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Пленарное заседание нам подсказало определенный регламент: оно началось с выступления нашего украинского коллеги Петра Петровича Толочко. А почему бы нам тоже не начать заседание секции с выступления другого нашего украинского коллеги? Слово предоставляется Виктору Ароновичу Малахову.

В. А. МАЛАХОВ: — Уважаемые коллеги, я рад возможности выступить на нынешних Чтениях. Я считаю, что культурный диалог самим фактом своего существования позволяет постепенно, шаг за шагом, миллиметр за миллиметром, заживлять, смягчать, может быть, в перспективе преодолевать чудовищные разрывы, которые являются следствием нынешних социально-политических потрясений. Вообще, мне кажется, в нынешней ситуации ярче проявляется роль культуры как незаменимого способа поддержки континуальности человеческого существования, преодоления разных травматических разрывов, которые создают преграды между людьми. И эта работа, думаю, непременно должна быть продолжена.

Я хорошо понимаю, что в нынешних условиях любое опрометчивое суждение может привести в движение инертную массу взаимной неприязни, неприятия, которая, к сожалению, накопилась сейчас в отношениях между Россией и Украиной, между людьми, живущими в этих странах. Я никоим образом не хотел бы этому способствовать. Когда-то Мераб Константинович Мамардашвили говорил, что всякая настоящая мысль есть усилие. Мне кажется, для современной гуманитарной мысли, по крайней мере в наших странах, очень важным является усилие понять и заново принять друг друга в нынешних изменившихся обстоятельствах. Это понимание, безусловно, может быть

нелицеприятным, но оно должно стремиться к адекватности.

Сегодня часто говорят, что нынешний мир становится плоским. Есть работы по этой теме, в частности известная книга Томаса Фридмана “The World Is Flat”. Я считаю, существует опасность, что в такой сверхсовременной информационной плоскости возникает соблазн подверстывать всю жизнь в больших масштабах человеческих целостностей под некоторые действительно плоские стереотипы, какие-то поверхностные представления, связанные с существующей в стране системой власти, доминирующей идеологией, ценностными предпочтениями. Под это подверстывается иногда слишком многое. Что касается внутренней системы сцеплений, как говорил в свое время Лев Николаевич Толстой, которая определяет внутренний тонус человеческой жизни, глубинных человеческих настроений, взаимоотношений, мне кажется, что все это часто игнорируется сегодня в наших представлениях друг о друге, вообще о современной ситуации. Я призвал бы к пониманию именно в таком, толстовском, смысле. А без этого что получается? Мы накладываем стереотипные представления на реальную ситуацию, которые не соответствуют ее сложности и глубине. Поэтому мы не можем адекватно ориентироваться в ней.

Я критично отношусь к тому, что происходит сегодня на Украине. Я об этом неоднократно высказывал свое мнение. Но сейчас я хотел бы поговорить не об этом. Как человек, живущий на Украине, я могу свидетельствовать, что у нас сейчас происходят очень важные, существенные изменения, касающиеся человеческого сознания, человеческих отношений, может, в какой-то мере и национального характера. Я уверен, что нечто аналогичное происходит и в России. И мне кажется, это важно понять. Многие говорят о манипуляции, сознательном вмешательстве в человеческий тип, человеческое сознание — не отрицаю, все это, к сожалению, имеет место. Но существуют глубинные предпосылки, тенденции развития национальной культуры, национального сознания в определенном направлении. Такие направления формировались на Украине на протяжении десятилетий, их замалчивали и пытались подавить. В конце концов произошел взрыв.

Последнее, что я хотел бы сказать: может быть, общее, что сегодня есть у России и Украины — это жажда к самостоянию в пушкинском смысле. Для России это, видимо, жажда самостояния вопреки и перед лицом Запада, для Украины это скорее жажда самостояния вопреки и перед лицом России. Действительно важно понимать, что такие тенденции есть, но самостояние не обязано быть самоутверждением. Генрих Степанович Батищев резко и принципиально различал эти понятия. Исключительное самоутверждение, невзирая ни на кого и заботясь только о себе, — это своеобразный центризм. Я думаю, это вполне логично. Можно предположить, что будет нарастание конфронтационных тенденций. Но центризм не может быть успешным на протяжении длительного времени, не говоря уже о его нравственной природе. Касательно темы национальных интересов, по-моему, из выступающих никто

не вспомнил, что слово «интерес» произошло от латинского глагола “inter esse” — «быть между», «быть среди», «быть внутри», то есть в чем-то участвовать, соучаствовать. Мне кажется, что плодотворными были бы те национальные интересы, которые учитывают это бытие посередине, бытие с кем-то, соучастие в каких-то общих ценностях, процессах.

Тема, по которой я написал доклад, звучит так: «Патриотизм как воля к миру». Моей основной целью было освободить понятие патриотизма от чрезмерных воинственных коннотаций, которые его сопровождают. Как мне кажется, в современной российской, украинской литературе, сознании надо принципиально различать понятия национализма и патриотизма. Национализм, на мой взгляд, своего рода понятие трикстера, которое вовлекает нас в ситуацию постоянной взаимоподмены этнического и социально-политического моментов. Вместе с тем патриотизм в последовательном развитии этой идеи оперирует к философии культуры, я бы сказал, к онтологии культуры.

На мой взгляд, онтология культуры — это чрезвычайно интересная область, которая может раскрыть более глубокое понимание самого вопроса о бытии, по-новому его поставить. Онтология культуры не может быть без осмысления таких феноменов, как родина, дом, уют, родные просторы. И в этом плане тема патриотизма, мне кажется, достаточно логично связана с системой мира. И без всякой нарочитости труды академика Лихачева заставляют, побуждают думать в этом направлении. Тема мира, как мне кажется, у нас сейчас недооценивается, и такие оценки были заметны на пленарном заседании. Это происходит из-за негативистского представления о мире просто как об отсутствии войны. Но мир — это возможность общения, покой в конструктивном смысле, возможность спокойно что-то созидать. И наконец, это возможность чувствовать невозмущенное состояние своей Родины, своей отчизны. В этом плане понятия патриотизма и мира действительно как-то перекликаются друг с другом.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Владимиру Сергеевичу Глаголеву.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Уважаемые коллеги, в своем докладе «Национальная мобилизация и фундаментальные ценности культуры» я акцентировал внимание на национальной мобилизации. Видимо, потому, что предвоенное и военное состояние, слава богу, не являются для России объективной реальностью — у нас нет тех негативных процессов, которые сегодня развиваются на международной арене. А тема, касающаяся этноцентризма, мне представляется очень актуальной, потому что понимание данного феномена позволяет избежать крайностей в восприятии современных национально-культурных процессов как некой столбовой дороги. В историческом процессе всегда происходит возвращение на, казалось бы, давно оставленные, преодоленные позиции. Тем более что глобализация втягивает в свою систему огромное количество стран и народов, ничего не слышавших о ней по крайней мере 30–40 лет

тому назад. И это расцвечивает палитру современной национальной жизни.

Я вспоминаю одно масштабное этноцентричное событие в связи с биографией одного из однокурсников Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, который по заданию соответствующих образовательных структур в конце 1970 — начале 1980-х годов поехал преподавать в Народную Демократическую Республику Йемен. И он учил молодежь той страны со всем рвением, продвигая идеи интернационализма. И все было в полном порядке, но когда наш коллега уехал, между сторонниками тогдашних двух вождей южно-йеменского народа Абделя Фаттаха Исмаила и Али Насера Мухаммеда начались столкновения. В беспорядках участвовали в том числе и его подопечные, причем так активно, что примерно за неделю в крохотной республике они уничтожили 500 танков. (Напомню, что в сражении на Курской дуге были уничтожены 700 танков.) То есть это были совершенно фантастические масштабы взаимного уничтожения. В основе этой ненависти, конечно же, лежала различная племенная принадлежность лидеров и соответственно военных сил, которые за ними стояли. В результате — жесточайшая племенная резня. И примеров такой резни мы в современном мире можем насчитать десятки, и не только на территории Африки и Ближнего Востока, но и в других уголках земного шара.

И тогда возникает очень интересный вопрос: имеет ли этноцентризм как механизм социализации в своей основе какие-либо преимущества, которые заставляют конфликтующие стороны принимать его как само собой разумеющуюся ориентацию, особенно для неискушенных людей? Думаю, да, такие особенности существуют. Во-первых, непосредственность понятий «свой–чужой», то есть то, что мы разбирали на заседании год назад. Во-вторых, простота и соответственно возможность убедительно продемонстрировать свои достоинства и уж в большей степени обстоятельно — недостатки тех, кто является чужим. Удивительно ясный язык. К примеру, одно из последних «открытий»: древние укры — это предки древних египтян.

Я недавно встретил еще одно фантастическое проявление этноцентризма уже в нашем, что называется, культурном контексте. Один мой выпускник с дипломом китаиста огорошил меня объявлением, что совершил крупнейшее филологическое открытие: согласно ему английский язык — это искаженная русская фея XVI столетия. И он настаивал, что срочно надо дать компетентное заключение на эту сенсацию в области филологического знания. Единственное, что я мог сказать своему студенту: «Ну, Саша, у вас все-таки диплом международника, китаиста. Диплом специалиста, которого английскому языку достаточно хорошо учили. Что же вы такое несете?». Тем не менее он пытался возражать. Пришлось сказать, что в такого рода авантюрах я не могу позволить себе участвовать. Это совершенно явно психологический заскок, не говоря уже, по всей видимости, о фундаментальном заскоке ментального свойства.

Голос крови, зов предков — это главные особенности этноцентризма, которые имеют место в нашей

повседневной жизни и достаточно интересно политически используются. Когда мы учились с академиком Гусейновым на философском факультете МГУ, в преддверии молодежного фестиваля студентов демонстрировали фильм, который назывался «Профессор Мамлок». Этот фильм повествовал о начальном этапе (примерно 1932–1934 гг.) зарождения фашизма на антисемитской закуске. И базовая особенность была очень простая: мой голос крови говорит, что один хороший, а другие являются плохими. И ничего с этим сделать невозможно.

От этой истории 80-летней давности перейдем к событию, произошедшему со мной два года назад на юбилее коллеги и очень хорошего человека, который праздновал свое 70-летие в кругу единомышленников. И в этом очень милом сообществе по формальным стандартам образованных людей я имел неосторожность в качестве подношения юбиляру прочитать стихотворение Пастернака «Вакханалия». И дамы, присутствовавшие в зале, мне очень популярно объяснили, что хорошо бы почитать русских поэтов. Ну я, естественно, поинтересовался, а какие это поэты. Да те, которые чисты по крови. Выяснилось, что это Тютчев, Карамзин и т. д. Я поведал, что вообще-то род Карамзинных татарских кровей. Реакция была простая: а все равно — пусть татарва, пусть еще кто-то, только бы не еврей. И это, простите, 2013 год и более или менее интеллигентное собрание. Когда я покидал это мероприятие, одна из дам напутствовала меня, что хорошо бы почитать Адольфа Шикльгрубера, потому что его концепция понимания этнопсихологических процессов современности — это путеводная нить, даже путеводная звезда в настоящее время (Шикльгрубер — настоящая фамилия Гитлера). Я не стал ей ничего отвечать. Вывод очень простой: этноцентризм был, есть и, я боюсь, будет. Соответственно необходимо вести культурную работу, показывая тушиковость, примитивность, предельную культурно-историческую ограниченность механизма этноцентризма, который в наш глобализирующийся век является пошлой, но совершенно очевидной реальностью.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Нашу встречу продолжает Маргарита Вениаминовна Силантьева.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Уважаемые коллеги, Лихачевские чтения — действительно замечательная площадка, где можно делиться своими мыслями. И самое главное — слушать и получать очно или заочно ответы на очень многие волнующие нас вопросы, поскольку наша работа — думать. То, что мне хотелось бы отметить, касается концепта национализм и тех глобальных трансформаций реальности — и фактической, и лингвистической, которые, как мне представляется, ярко выразились в смене тех самых аксиологических акцентов, о которых сейчас говорил академик Гусейнов. Думаю, что этот процесс охватывает не только российское или только европейское пространство — это процесс всемирный. И в каком-то смысле он очень четко показывает динамику сложного взаимодействия между знаками и символами современной культуры. А куль-

тура — это, в общем-то, деятельность все-таки символическая.

Здесь мне посчастливилось пообщаться со своей петербургской подругой, математиком, которая описывала ситуацию с учебниками. Математика, как известно, развивает способность думать. И начальное умение думать не на бытовом уровне приходит к ребенку именно благодаря знакомству с этим предметом. И она рассказала, как великовозрастной парня пыталась научить тому, что не удалось школьным учителям. Для этого она дала ему задачку «посчитай, что такое шестнадцать вторых». Молодой человек со считал — у него получилось 13. Она спросила сидевших за столом: «Как вы думаете, каким образом он к этому пришел?». Я говорю: «Ну это же очень просто. Единицу оставляем, а шесть делим на два. И получается 13». — «Почему?» — «Потому что это работа со знаком». Я многие годы преподаю в МГИМО логику и все время имею дело с контрольными работами. И вижу, откуда это берется. За этими знаками не стоит никакого смысла, никакой физической реальности. Человек, работая с графическим знаком, обретает визуализированное сознание и как бы погружается в эту, строго говоря, бессмысленную вне собственных рамок деятельность. То же происходит с концептом национализма. Он становится неким знаком опустошения культуры, когда очевидно выгорают какие-то предыдущие формы и люди не находят больше контакта с тем смыслом, который выше лингвистических, бытовых процессов.

Рост религиозности на самом деле эту проблему только прикрывает, как мне представляется, потому что религиозность тоже может протекать в исключительно пустых формах, не имеющих реальной референтной значимости. В то же время, как сегодня уже подчеркивалось, происходит заметная реабилитация самого концепта национализма при попытке сверять его с формой патриотизма и т. д. Здесь тоже есть, с одной стороны, пустые вещи, а с другой — очень наполненные и важные. Этнос — это связь не только по крови, но и живая связь людей. По крови — значит, через смысл. Это все-таки форма культурного общения. Поэтому этноцентризм сегодня во многих регионах — это реально один из немногих живых процессов, способных создать социальные интеграторы высокого уровня. Поэтому просто сказать: давайте сменим формат, перестанем об этом говорить — не получится.

И последнее, о чем хотелось бы сказать: меня вчера глубоко потрясло, что какие-то мои мысли совпали с очень важными и значимыми идеями, высказанными господином Клейнером относительно того, что западные экономики отходят от коммерциализации. Почему? Потому что смысл становится важнее, потому что у референции реальных процессов — не модуля, не модели, а именно реальных процессов — есть огромный запрос. Западная экономика это демонстрирует, возможно, раньше нашей, но мне кажется, у нас надежда тоже есть. И русская культура достаточно резистивна к процессам разрушения. Мы много раз возрождались из пепла и оставались самими собой.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется одному из руководителей секции Александру Петровичу Маркову.

А. П. МАРКОВ: — Тему своего выступления я обозначил как «Европейская цивилизация в точке бифуркации: между имперским духом и неонацистским соблазном». Основной тезис заключается в следующем: ключевая угроза современной цивилизации носит культурно-антропологический характер и состоит в опасности экспансии идеологий и практик национализма, включая его крайнюю форму — нацизм. Об этом свидетельствуют рост популярности расистских идей в гуманитарном знании (в частности, концепция «рас как особых исторически сложившихся форм культурной спайки и солидарности»); расширение зоны применения принципов общежития, в основе которых лежат расистские модели восприятия «другого» (в том числе и в государственной политике ряда стран, осуществляющих дискриминацию по этническим критериям); всплеск идентичностей по критерию «почвы и крови», поддерживаемому политиками. В границах европейской культуры все активнее прилагаются усилия, направленные на реабилитацию идеологии нацизма (включая его референтов, а также лежащую в его основе парадигму расизма), с неизбежным пересмотром итогов Второй мировой войны.

Реальность впечатляет и тревожит: США и Евросоюз закрывают глаза на марши ветеранов СС в странах Балтии, идет открытая реабилитация нацистских преступников, которым присваиваются звания национальных героев (на Украине такой статус уже получили Бандера и штурмбаннфюрер СС Шухевич). Не случайно, открывая парад 9 Мая, В. В. Путин сказал: «История снова взывает к нашему разуму и нашей бдительности». В общественном сознании происходит легитимация нацистских практик: зверства нацизма и страшная символика концлагерей начинают обыгрываться в смешном контексте, что нельзя квалифицировать иначе, как осквернение памяти миллионов погибших. Типичный пример. Эстонская газета *Eesti Ekspress* опубликовала рекламу «таблеток для похудения от доктора Менгеле»: на фоне повешенных истощенных узников концлагеря царит надпись «Айн, цвай, драй... средства для похудения доктора Менгеле сотворят с тобой чудо». Снизу надпись: «В Бухенвальде не было ни одного толстого!». На сайте эстонской газовой компании реклама: снимок ворот в концлагерь Освенцим с подписью «Газовое отопление — универсальное, надежное и эффективное». Представитель редакции согласился принести извинения в эфире одного из телеканалов, заявив следующее: «Мы никого не хотели обидеть, это лишь ирония, которую понимают не все».

Можно обозначить несколько причин всплеска национализма в пространстве европейского мира (в том числе объясняющих истоки очевидных усилий по реваншу нацистских идеологий и практик). Прежде всего это «политический проект» врагов России, цель которого — выбить из-под русской цивилизации базовое основание национально-культурной идентичности — Подвиг, и тем самым дискредитировать

историческую миссию России, ее вклад в спасение народов Европы от нацистской чумы. Но это слишком простая версия событий, которая не объясняет массового характера всплеска идентичностей по критерию «почвы и крови». Базовые причины возрождения национализма и попыток реставрации нацизма носят глубинный характер.

Первое. Экспансия националистической идеологии сегодня является естественным «ответом» европейского мира, переживающего глобальный кризис национально-культурной идентичности. В национализме (как крайней форме консерватизма) видится выход из сложившейся ситуации — мировоззренческого хаоса, распада и разлома духовных матриц европейской культуры. Дело в том, что цивилизационное поле «национально-культурного» удерживает и цементирует вторая составляющая — полюс культурного, который в европейском пространстве практически разрушен. Распад духовных (в своих истоках — христианских) матриц европейской культуры начался с ее ядра — гуманитарной культуры, которая последовательно разрушала образ человека. Модификация классического образа христианской культуры в философско-культурологической литературе квалифицируется как антропологический кризис. Свидетельством очевидной деформации культурной матрицы (культурного кода) евроатлантической цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер, является: расширение пространства маргинальных антропологий и практик с их интересом к «безумию», трансгрессии и патологии (включая массовое появление различного рода фриков, уродцев), легализация садомизма (сегодня однополые браки легализованы в 16 странах мира), канибализма, педофилии и инцеста, который подается в качестве европейской «гендерной нормы».

Современная гуманитарная мысль агонизирует в форме негативной антропологии, последним «достижением» которой является постмодернизм с его интеллектуальным абсурдом и провокацией, гримасами некрофилии, презрительной иронией по отношению к истории, культуре, нравственности. Деграция характерна и для искусства, шедеврами которого являются прибитые гвоздями к брусчатке на Красной площади мужские атрибуты или эпатажные фрик-шоу драматических спектаклей, имитирующие самоубийства, сношения с мебелью, издевательства над религиозной символикой и т. д. Процесс разложения наблюдается в области общественной морали. Сегодня западная культура — это культура торжествующего язычника, который реанимировал все самое отвязненное и отвратительное в человеческой истории: от содомии до педофилии и инцеста, уже получивших статус легитимных культурных практик, от шаманизма до отвратительных в своей порнографической неприглядности дионисийских массовых акций, сатанинских культов и практик жертвоприношения (включая детей).

Таким образом, сегодня мы наблюдаем разрушение духовного ядра европейской классической культуры, которое облагораживало родовые энергии, превращая агрессивные по отношению друг к другу племенные общности в нацию. Неслучайно сегодняшняя эпоха ха-

характеризуется метафорами смерти и катастрофы, фиксирующими «конец культуры», наступление «культуры Апокалипсиса» и т. д. Национализм в сложившейся ситуации — это попытка удержать, собрать пространство национально-культурного, интегрируя сохранившиеся традиции Логоса и востребова позитивную символику Мифоса (А. Дугин).

Второе. Всплеск традиционализма в форме националистических идеологий — это реакция культуры на глобальный проект «разборки мира», направленный на уничтожение национальных государств, стихийная попытка коллективного субъекта культуры спасти национальные государства. Сегодня набирают обороты два вызова национальным государствам, и прежде всего в их политической и культурной составляющих. Первый вызов — ультралиберализм, разрушающий ценностно-нормативное поле национальных государств путем активного, на грани паранойи, воплощения политических принципов политкорректности, мультикультурализма и толерантности.

Второй вызов — постмодернизм как комплексное мировоззрение и политическая практика, с одной стороны, отражающая духовные разломы европейской культуры, с другой — способствующая трансформации духовных матриц евроатлантической цивилизации, «заставляющая» ее отказываться от ценностей христианства и Просвещения, стимулируя и провоцируя, как отмечал в своих тезисах Ю. Д. Гранин, «растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований — “картин мира”, идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т. п.». В перспективе цель проекта постмодерна — демонтировать ключевые атрибуты классического мироустройства, и прежде всего модифицировать образ человека и разрушить классические структуры социальности, удерживающие совместное пространство национальных государств.

В сложившейся ситуации идеология национализма (в крайних формах — нацизма) в значительной степени выполняет компенсаторную функцию, замещая во многом утраченные национально-культурные основания идентичности, и прежде всего духовно-нравственные, источником которых является религия.

Обозначенные выше процессы и тенденции возврата к идентичности по критерию «почвы и крови» имеют не только свои причины в современности, но и свое основание в человеческой истории. Но в этом просматривается очевидная регрессия европейской цивилизации, которая строилась путем тяжелого и драматичного возвышения по ступеням идентичности: от природы и рода к духу, идее, всеобщему. В истории человеческой цивилизации можно обнаружить три базовых критерия (и уровня) идентичности: два крайних — этническая (племенная, родовая, языческая) и универсалистская (выступающая основой имперского сознания) и промежуточная — национально-культурная, которая периодически поглощается либо языческой стихией рода, либо энергетикой имперской пассионарности.

Родовая, племенная идентичность — это «первичная матрица» культуры, определяющая ментальные

основания ее носителя. Она характерна для культуры Древнего мира, который оставил нам тяжелый опыт в развитии человечества (включая расизм в его практическом воплощении — стремлении к физическому уничтожению тех, кто воспринимался в качестве «они», и прежде всего по внешне фиксируемым отличиям — цвету кожи, разрезу глаз и т. д.). На более развитом уровне развития человеческих коллективов возникает этнокультурная идентичность, объектом которой становится «культурно облагороженный» этнос.

Глобальный скачок, прорыв человеческого духа произошел в так называемое осевое время (так Ясперс назвал эпоху формирования «духовных основ человеческого бытия» между VIII и II вв. до н. э.). Возникает универсалистская, индоктринальная, духовная идентичность, которая вырывает человека из плена рода, где он был лишен свободы во всех ее смыслах, и дает ему право осознанного выбора своей судьбы, взваливая на него тяжкий груз ответственности за ее исполнение.

Но это испытание «небом» и «свободой» европейский человек не выдержал: с одной стороны, в тоске по племенному, родовому, с другой — в предстоянии высшему человечество вступает в эпоху создания национальных государств. Формируется зона национально-культурной идентичности, в которой общность «мы», с одной стороны, перерабатывает этнографический материал, преобразует и вбирает в себя этничность, с другой — консолидирует общество исторической памятью и общей судьбой, объединяет народ ценностным и смысловым основаниями.

Именно ценности и смыслы, создаваемые в пространстве культуры, становятся душой нации, ее связующей субстанцией. Появление наций означает синтез родового и универсального, вселенского. Нация представляет собой также качественно новую стадию духовного развития общества, ее в известном смысле можно считать пострелигиозной формой духовной жизни, о чем свидетельствует европейский опыт Нового времени. Таким образом, нация интегрирует родовое и вселенское, представляет собой синтез рода и духа, преобразующий их в рамках единого сплава. Национально-культурная идентичность включает в себя родину как место рождения, и в то же время она глубоко обусловлена областью духовного, рождается в идеальной плоскости, в которой субъект получает ответ не только на вопрос: кто я, но и: зачем я.

Уязвимость национально-культурной идентичности определяется прежде всего ее родовой, этнической составляющей. Национально-культурная идентичность в значительной степени преобразует энергетику рода, включая и его деструктивные импульсы. Однако природное начало, в том числе и в структуре ментальных матриц, всегда содержит неустранимую опасность соскальзывания на деградирующий уровень идентичности по критерию «почвы и крови». Вторая опасность исходит из смысловой ограниченности пространства национально-культурного, в котором зона и репертуар формул «смысла» жизни минимален. Особое место и роль национальной идентичности, по мнению

А. А. Гусейнова, «прямо замкнута на чувство нравственного достоинства», но это чувство не предполагает ответа на ключевые экзистенциальные вопросы о смысле жизни: «Зачем ты в этом мире? Во имя чего все эти невзгоды и лишения рода человеческого?».

Третья опасность обусловлена остротой момента: сегодня зона национально-культурной идентичности, с одной стороны, является основным объектом информационных войн, в рамках которых идет целенаправленное разрушение ценностно-нормативного ядра национальных культур и ментальных матриц, консолидирующих народ и превращающих его в субъект истории и культуры; с другой стороны, становится площадкой для реализации деструктивных и античеловеческих проектов (ярким примером является сегодняшняя Украина).

Национальная символика и чувство национально-го единства целенаправленно эксплуатируются и используются элитой для формирования «национальных химер», в которых национальное подменяется этническим, родовым. В системе гуманитарного знания, в том числе в рамках социобиологических концепций культурологии и антропологии, происходит биологизация этнического феномена, все более популярными становятся концепции «культурного» и «символического» расизма. Активная биологизация этносов, составляющих основу наций, происходит и в политической плоскости — когда этносы наделяются биологическими критериями различий, характерными для расизма. В такого рода политических проектах национализм становится не только искусственным способом консолидации общности «мы», но и средством легитимации внутренних репрессий и внешней экспансии (борьбы за территорию и ресурсы).

Переживаемый европейской цивилизацией кризис национально-культурной идентичности — процесс весьма болезненный. Он определяется значимостью данного критерия в системе культурных оснований и личностных идентификаций. Последствия разрушения базовых оснований национально-культурной идентичности для человека и социума имеют предельно негативный характер: распадающийся социум соскальзывает на более низкий и примитивный уровень идентичности по критерию «почвы и крови», усиливающему и провоцирующему межэтническую враждебность; размываются основания гражданской солидарности и ответственности (на индивидуальном уровне это проявляется в снижении степени политической мобилизованности граждан и превращении их в индивидуализированную массу — это мысль Ю. Д. Гранина); расширяются пространство и репертуар нетрадиционных самоидентификаций и «негативных» идентичностей, выполняющих компенсаторные функции в ситуации «идентификационной пустоты»; особую тревогу вызывает рост «контр-идентичностей», разрушающих культурные матрицы наций и основания государственного устройства.

На развалинах идентичности и руинах распадающегося социума стремительно растет интерес к этнической составляющей человеческого бытия — языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, идет активное

возрождение язычества с его расовыми и этническими стереотипами и архетипами. В культурное пространство возвращаются, казалось бы, давно вытесненные архаичные дискурсы и практики: мифы, древние формы религиозных культов, алхимия, астрология, магия, активно утверждающие себя на пространстве европейской культуры и в российских реалиях.

В ситуации кризиса национально-культурной идентичности потенциально существуют два глобальных исхода. Первый исход: в природу, род, язычество, дионисийскую стихию. Но в эту стихию Европа уже давно вошла, начиная с эпохи Реформации и Просвещения, которая обозначила поворот европейской цивилизации в противоположную сторону от Нагорной проповеди Христа — этического ядра христианской культуры. И результаты этого поворота весьма плачевные — именно языческая стихия стала мировоззренческой основой формирования расизма, составившего идеологический каркас самого страшного в истории политического проекта — национал-социализма. Погружение в «родовые стихии» сформировало ментальную основу соответствующих теорий и практик, и прежде всего расизма и геноцида.

Второй исход: восхождение к вселенскому мессианизму, имперскому духу. В таком случае общность «мы» — этноса, нации — вырастает до общности «мы-мира», «мы-цивилизации». И этот вектор заложен в самой природе национально-культурной идентичности. Полнос культурного, основу которого составляет религиозная универсальность, содержит потенциал выхода на универсализм (в том числе в форме национальной идеи и имперской идеологии). Сегодня нацизм на просторстве европейской культуры возникает в вакууме национально-культурной идентичности, в ситуации распада антропологических и ментальных матриц, на расчищенной культурной площадке, переживающей кризис аномии.

Можно обозначить два условия противостояния европейской цивилизации (включая Россию) неонацистской идеологии. Первое: сохранение в рамках сложившихся национальных культур классических оснований идентичности — путем возрождения идеологии консерватизма. Позитивная составляющая консерватизма — патриотизм с его символической большой и малой Родины, доминирующей идентичностью по месту рождения, которая снимает значимость «родовой солидарности». Дополнительным фактором национальной идентичности (особенно в ситуации ее кризиса) является гражданская идентичность, фиксирующая принадлежность к политическому сообществу, которая в значительной степени является «результатом свободного выбора личности» (А. А. Гусейнов). Второе: возвращение к универсалистской, духовной идентичности, то есть к имперскому духу, осознанию миссии во всемирной истории. Значимость второго исхода для спасения современной цивилизации от нацистского реванша велика. Дело в том, что имперский дух и нацизм находятся в фундаментальной оппозиции.

Для России реставрация имперского сознания — это возвращение к исторически оправданной фор-

муле национальной идеи, с ее «всемирным характером» и миссионерским пафосом, которая должна быть скорректирована с учетом трагического опыта XX века и сложившихся геополитических реалий. В частности, в последние годы новое звучание получила евразийская концепция русской цивилизации (преимущественно в геополитическом пространстве «Россия–Восток»), характеризующая Россию как особый культурно-исторический мир, синтезирующий в себе восточную и западную культуру, как уникальный и самодостаточный духовный центр евразийского континента.

Значительный имперский потенциал содержит мессианская парадигма России как всемирного лидера народов-изгоев (А. С. Панарин), отражающая геополитический пласт национальной идеи в координатах «Россия–Юг». В контексте рассматриваемого проекта русская идея — это идея всемирной империи «новых бедняков», отлученных либеральной церковью, «новых изгоев» мира сего. Для таких культур Россия может стать образом надежды, особым метафизическим пространством, «обетованной землей бедных», что очень важно для внутреннего самочувствия загоняемого в «социальные резервации» большинства мира.

Адаптированной к современным реалиям разновидностью мессианской идеи может стать проект «Россия как центр гармонии цивилизаций» (пространство консолидации народов и государств на принципах сотрудничества и развития, площадка для совместного выхода цивилизации из глобального кризиса). Дополнительным фактором общецивилизационного единения вокруг России может стать общий «враг» современной цивилизации — грядущая катастрофа, осознание которой будет способствовать утверждению духовной миссии русской цивилизации.

Утверждение основных составляющих имперской национальной идеи поможет «облагородить» сегодняшний проект глобализации, модифицироваться ему в новый этап развития, в основе которого будет лежать понимание человеческой цивилизации как единого живого организма, во всем многообразии ее цивилизованных типов, а планеты — как нуждающейся в сбережении среды обитания (Л. Г. Ивашов). Консолидирующая парадигма станет цивилизационной альтернативой сегодняшней глобальной идеологии, основанной на конкуренции, угнетении и эксплуатации слабых; будет способствовать переходу цивилизаций от взаимоподавления и противоборства к сотрудничеству и взаимоподдержке, к расширению общего поля развития человеческой цивилизации, построению такой модели диалога, в которой благополучие и успех каждого народа и государства будут определяться развитием и поддержкой со стороны всех других. Такая всемирная по радиусу устремленности идея, с ее духовно-нравственной доминантой, с одной стороны, вытекает из духовных глубин, исторических традиций и ценностей «русского мира», с другой — не противоречит чаяниям других народов, каждый из которых стремится сохранить себя в истории и максимально полно воплотить свое предназначение.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — В контексте Вашего выступления я хотел бы сделать одну ремарку: нацизм соединил свои идеи с империей.

А. П. МАРКОВ: — Нацизм — это химерическое образование. Он стал результатом соединения несоединимого: соединил род и идею, создав существо, обреченное на самоуничтожение.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Денису Эдуардовичу Летнякову.

Д. Э. ЛЕТНЯКОВ: — Уважаемые коллеги, на многие вещи, которые здесь прозвучали, хотелось бы как-то отреагировать. Готовясь к своему выступлению, я написал тезисы, которые в определенной степени полемичны тому, о чем здесь говорилось. В частности, пониманию национализма как некоего зова крови и почвы или рассуждению о какой-то имперскости русского народа. Честно говоря, мой доклад несколько отличается от тех, что прозвучали здесь, он носит скорее исторический, нежели политический характер. Ключевой тезис заключается в том, что советский период стал ключевым для формирования идеи империи и нации для русских. И значение этого периода часто недооценивается.

Начну с национальной идентичности. Широко известно, какое значение имел советский период для формирования национальной идентичности нерусских народов Советского Союза. Все вы хорошо знаете проекты, которые реализовывались по национально-территориальному размежеванию, коренизации, созданию национальных кадров, ликвидации неграмотности на национальных языках. Это особенно активно делалось в самом начале советского периода. Но гораздо меньше внимания обращается на ту роль, которую имел советский период для формирования национальной идентичности собственно русского населения. Потому что на самом деле концепт русской нации до 1917 года был во многом сугубо элитным проектом. То есть самим понятием «русская нация» оперировала культурная, интеллектуальная, политическая элита. Так о россиянах мог писать Карамзин или Пушкин. Но народное самосознание было абсолютно донациональным. До начала 1930-х годов крестьяне составляли 85 % населения России. Соответственно мы можем говорить о крестьянском сознании во многом как о сознании русских. Потому что русские — это крестьянский народ до сталинской модернизации. Так вот самосознание тех людей, которых позже, так сказать, будут идентифицировать как русских, было донациональным. Это связано с особенностями крестьянского уклада, образа жизни.

Существует огромное количество работ, которые сегодня считаются классическими, например труды Бенедикта Андерсона, Эрнеста Геллнера, Эрика Хобсбаума, показывающие, что национальные чувства на самом деле не есть что-то, что люди впитывают с молоком матери. Национальная идентичность возникает на определенном этапе развития человеческого общества, когда происходит модернизация,

возникает какое-то единое пространство культуры, преодолеваются сословные противоречия, возникают единая система образования, система коммуникации и т. д. До этого времени крестьяне не чувствовали себя испанцами, французами или итальянцами, у них было абсолютно локальное сознание. Они имели гораздо больше общего со своими непосредственными соседями, чем, скажем, со знатью, которая говорила на другом языке и часто даже бравировала своей непохожестью на низы. Разумеется, это вдвойне справедливо и для русского населения, потому что в России процессы, которые способствовали формированию национального самосознания, произошли гораздо позже, чем в Европе, к примеру, появились такие институты, как всеобщая призывная армия, институт парламентаризма, если говорить о Государственной думе. Гораздо сильнее оказались и сословные пережитки. Повторюсь, до 1917 года самосознание абсолютного большинства людей, живущих на территории России, было донациональным. То есть крестьяне себя не идентифицировали как русских.

И что же делает в этом смысле советский период? Начинается советская модернизация, которая разрушает традиционный крестьянский уклад. Уничтожается община, начинается культурная революция, активная урбанизация. Вчерашние крестьяне едут тысячами в города. Развиваются средства коммуникации, прокладываются дороги до деревенских населенных пунктов. Начинается кампания по ликвидации неграмотности и, как следствие, меняется, модернизируется сознание людей в абстракции государства, нации, которые были недоступны неграмотным крестьянам традиционной эпохи. Это сознание меняется. И, кроме того, СССР перестает быть крестьянской страной. Уже к середине 1950-х годов большая часть жителей Советского Союза проживала в городах.

Такое же большое значение советская эпоха имела для формирования имперского сознания. Когда рассуждают о современной ситуации в России, часто оперируют понятием «постимперский синдром», что, дескать, русские тяжело переживают распад Советского Союза как великого государства и живут прошлыми имперскими победами. Я готов во многом согласиться с этим диагнозом. Но проблема в том, что, когда мы говорим об имперском сознании в России, мы часто выводим его чуть ли не из XVI века. Сейчас очень много пишут о том, что русские осознали себя имперским народом чуть ли не со времен падения Константинополя или появления концепции «Москва — Третий Рим». Мне кажется, что подобные разговоры просто не учитывают особенностей крестьянского менталитета, картины мира крестьянского населения, которое, повторяю, сугубо локально.

Если говорить о том, что русский народ является имперским с XVI века, значит, смешивать две ситуации. То есть одно дело — жить в имперском государстве, а другое — иметь имперское сознание. И действительно, Россия формируется как имперское государство именно с этого времени, возникает та самая концепция «Москва — Третий Рим», начинается имперская экспансия в Сибирь, Поволжье. Но нельзя сме-

шивать это с имперским дискурсом, который формировала элита, и имперскими «захватами» сознания людей, живших в тот период. Потому что, как крестьянство не оперировало понятием нации, так же оно, разумеется, не оперировало понятием империи — крестьяне не считали себя имперским народом.

Для того чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с современными исследованиями, посвященными крестьянской картине мира, либо с воспоминаниями о крестьянах, которые оставили авторы XIX века. Например, Александр Герцен в своей известной работе «Русский народ и социализм» писал о том, что мировоззрение крестьянина ограничивается общиной. Все, что выходит за пределы общины, принципиально чуждо русскому народу, крестьяне боятся попасть в суд даже в качестве свидетелей. Для них взаимодействие с государством ограничивается только выплатой налогов и поставкой рекрутов в армию. Об этом же пишет Энгельгардт — известный народник, который жил в деревне в пореформенный период. Он вспоминает, что крестьяне очень интересовались Русско-турецкой войной 1877–1878 годов, но их интерес заключался в том, что вследствие войны они вынуждены поставлять большее количество рекрутов в армию, плюс мобилизация лошадей для военных целей. А само представление о войне было весьма смутное: что, дескать, англичанка не хочет переходить в нашу веру, как они говорили про Англию.

То есть не было никакого понимания реально происходящей ситуации. Об этом пишут и современные исследователи, например Светлана Лурье — исследователь из Санкт-Петербурга. У нее есть работа «Метаморфозы традиционного сознания», где она говорит о том же: что место реального государства в сознании крестьянина занимала община.

Подводя итог, отмечу, что крестьянская политическая культура была сугубо приходской, если пользоваться известной терминологией Алмонда и Вербы. Соответственно, что сделал здесь советский период? Начиная с конца 1930-х годов возрождается патриотизм, партия отходит от идей мировой революции, идет активная подготовка к войне, происходит форсированная индустриализация. И одновременно меняется историческое восприятие России, уходит в прошлое представление о нашей стране как о тюрьме народов. Соответственно начинает возрождаться другое представление об истории России. И в этой новой парадигме русский народ фактически занимает место народа имперского, то есть становится народом государствообразующим. В этой «советской империи» русские были фактически народом имперским. Потому что их язык был лингва франка на всем пространстве империи. Они были самым многочисленным народом.

Сталин после победы произносит свои известные слова о русском народе как самом могущественном, старшем брате и т. д. И теперь уже, в отличие от крестьян досоветской эпохи, русское население готово было эту идею воспринять, потому что это уже было грамотное население, готовое оперировать идеями об империи великого государства. Моя основная мысль заключалась в том, что советский период не имел клю-

чевого значения ни для национального, ни для имперского самосознания русского народа, с пережитками которого мы сегодня имеем дело.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Конев Владимир Александрович, пожалуйста.

В. А. КОНЕВ: — Я хотел бы оттолкнуться от идеи, высказанной Вячеславом Семеновичем, что происходит кардинальная смена цивилизационных основ и цивилизационного развития, и обратиться к проблеме имперского сознания. Думаю, что рассуждения об имперском сознании и нациях не могут быть продуктивными, если не рассматривать их в контексте реальной исторической ситуации. Действительно, сегодня принципы жизни европейской цивилизации радикально меняются. В связи с этим остановлюсь на двух глобальных вызовах, перед которыми сейчас стоят все нации и индивидуумы, которые действуют осознанно. Это вызовы господства и свободы.

Между государствами, народами и нациями всегда существовали отношения господства и подчинения. Когда-то это ограничивалось локальными пределами, потому что войны никому не позволяли слишком далеко распространять свое влияние. Современная технологичная цивилизация дает возможность устанавливать господство практически во всем мире. Можно показать, каким образом в XX веке решалась проблема, связанная с Организацией Объединенных Наций. Существовали две системы, которые сдерживали друг друга, затем одна из сторон рухнула, и у другой появилось стремление господствовать во всем мире. Но современная международная ситуация требует, чтобы в организации современного порядка участвовали все страны. Имперское сознание умерло вместе со старой цивилизацией, когда исчезла возможность постоянного господства одного народа над другим. Поэтому в настоящее время требуется консолидация народов и, следовательно, солидарная ответственность.

Вызов свободы касается каждого человека. Свобода — это возможность для человека действовать независимо от чего-либо. Но тогда что это за отношения свободы, которые возникают в результате этого нового вызова? Это отношение человека к самому себе. На протяжении всех предшествующих эпох человек, решая свою судьбу, ориентировался на некий маркер: на судьбу, на Бога, в эпоху Просвещения — на разум. Были универсальные критерии принятия решений. Но современная цивилизация разрушила эти маркеры. Современный человек заявляет, что он все решает сам. Молодые люди хорошо знают, что последний аргумент в любом споре — «я так считаю». Спрашивается, есть ли способ регулирования этого свободного поведения? Сказать о том, что нужно служить чему-то — разуму, Богу, судьбе — значит завести старую пластинку.

Современная история другая. Она действительно связана с тем, что современный человек абсолютно свободен. Главная ценность — индивидуальность. Обратите внимание, сколько селфи появилось в социальных сетях и вообще в информационном поле. Фуко сказал, что образ человека был написан на песке и волна

его смыла. Волна-то смыла, но в Интернете появилось огромное количество лиц. Это особенность нашего времени.

Вопрос: существует ли критерий объединения людей, независимых друг от друга? На мой взгляд, сегодня появляются новые критерии. Свобода — это последний предел принятия решений. Опыт предела — вот что становится значимым для современного человека. Опыт трансгрессии, о чем любят писать современные философы, который человек начинает обретать. В социальной реальности это чрезвычайные ситуации, неслучайно во всех государствах созданы соответствующие ведомства. Стремление к расовой и национальной идентификации — это тоже стремление к пределу. То есть мы видим, что старая идея приобретает новое содержание на других основаниях. Вот опыт предела, которому человек должен научиться. Где этот опыт зафиксирован? В культуре. Культура всегда держалась на границе. И я согласен с украинским коллегой, когда он говорит о том, что онтология культуры — это основание человеческого бытия.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Следующий выступающий — Хренов Николай Андреевич.

Н. А. ХРЕНОВ: — Вчера на пленарном заседании В. Третьяков сформулировал тот вопрос, который надо было сформулировать. Никому из докладчиков этого не удалось сделать, хотя во многих докладах ставились очень серьезные вопросы. Вот этот вопрос: национальные интересы некоторых стран могут и уже предстают вызовом. Тем самым вызовом, который вынесен в название нашей конференции. Это мы сегодня ощущаем как никогда. Затем Абдусалам Абдулкеримович попытался осмыслить, что такое нация и национальная общность. Это общность, приходящая на смену сословной общности. Единство устанавливается на основе сословной, национальной, религиозной общности. Но наше время переходное. Какого рода общности возникают в пострелигиозный период? Вероятно, это какие-то новые общности. Вообще, Абдусалам Абдулкеримович набросал проект фундаментального исследования, которое должно быть проведено, и оно будет очень актуальным.

Но есть общности, которые всегда существовали и, кстати, включали в себя религиозные общности, которые были осознаны поздно. Это цивилизационные общности, общности, существующие на цивилизационной основе. По-моему, когда употребляют словосочетание «национальные интересы», то под этим можно подразумевать «цивилизационные интересы». Это в каком-то смысле синонимы. Во всяком случае, одно без другого не существует. Но, разумеется, это не одно и то же. Я бы хотел кое-что высказать по этому поводу.

Но меня также задела фраза Абдусалама Абдулкеримовича по поводу лозунга Великой французской революции «Свобода, равенство, братство». Он задал вопрос: «Куда братство-то делось?». Это понятие забыто. Почему же о нем сегодня уже почти не говорят? Я бы хотел ответить на этот вопрос тоже, но чуть позже.

Вернусь к идее «национального интереса» как «цивилизационного интереса». Этот интерес сегодня обсуждается исключительно на политическом уровне. Но политика — лишь надводная часть айсберга. Подводная же часть — это специфическая цивилизационная ментальность.

Что мы сегодня наблюдаем прежде всего на политическом уровне? Украинский вопрос снова выстроил в ряд наших недоброжелателей многие крупнейшие государства, а точнее, правящую элиту этих государств. На политический уровень прорывается то, что формировалось и накапливалось столетиями. Что это? Полагаю, что это сформулировано еще в 1920-е годы немецким философом Эрнстом Трельчем. Он писал о нарциссическом комплексе великих культур, в том числе Запада. Запад — одна из великих культур. Никто в этом не сомневается. Э. Трельч писал, что великие культуры понимают, в сущности, лишь самих себя. Почему? Э. Трельч это положение расшифровывает так: знание чужих культур может быть чрезвычайно важным для самопознания, понимания мира практических отношений. Но во всем этом представители великих культур понимают и утверждают только самих себя, формируют, сколько бы они ни приспосабливались к чужим культурам и как бы ни воспринимали их, только самих себя такими, какими сложились и создавались в течение тысячелетий.

В истории может создаваться и образ того или иного народа. Причем создается не самим этим народом, а объединяющимися другими народами. Понятно, что такой образ далек от адекватности. Мы это сегодня не только наблюдаем, но и ощущаем. Действительно, самым существенным уровнем вызова будет не политический и ментальный, а самый определяющий — цивилизационный вызов. От него, собственно, зависят вызовы в его политических и ментальных формах. Этот вызов сопровождает контакты между разными народами.

Мы, русские, давно ощущаем вызов в цивилизационном смысле этого слова. Но дело не в ощущении. Русские первыми его и осознали. Произошло это не сегодня и не вчера. Мы просто вынуждены были это осознать. Это вопрос нашего коллективного выживания. Это вопрос коллективной идентичности. Цивилизационной идентичности. Это осознание мы превратили в предмет особого научного направления. Первым это осознал в России, а в общем, и в мире Н. Данилевский, о котором вчера на пленарном заседании упомянул докладчик из Турции. Удивительно, что в Турции помнят Н. Данилевского. Да и как не помнить, когда книга Н. Данилевского возникла как результат прозрения по поводу причин расхождения между Россией и Западом, что как раз в русско-турецкой войне и проявилось, вышло на поверхность. Это осознание подхватил Шпенглер. А системность этому направлению придал Арнольд Тойнби. Последователей этого направления сегодня легион. Вот и на Лихачевских чтениях мы постоянно на эту тему дискутируем. Все работают над тем, как преодолеть нарциссический комплекс цивилизаций, как пробиться к адекватному пониманию друг друга, которого еще нет.

Что же сделано Н. Данилевским? Напомню. Его сочинение начинается как журналистское эссе, посвященное агрессии Турции, направленной против России. Это середина XIX века. Он обратил внимание на один факт: все великие европейские державы под разными предлогами пытались помешать развитию России и соответственно искали способ унижить ее, противостоять ее национальным интересам. Кому нужен сильный соперник? Это и сейчас сохраняется. Эти страны и создали негативный образ России. В соответствии с этим образом Россия предстает, как формулирует Н. Данилевский, колоссальным завоевательным государством, беспрестанно расширяющим свои пределы, а следовательно, угрожающим спокойствию и независимости Европы. Турцию в этой войне поддерживали Англия, Франция и даже Сардинское королевство.

Полагаю, что и сегодня в сознание фаустовского человека прорывается нечто подобное. Если бы не эта установа, Турция никогда бы не рискнула объявить России войну. Это напоминает современную ситуацию. Разве могла случиться Одесса, если бы Киев не ощущал поддержку Запада? Да и во время Второй мировой войны Гитлера тоже можно было остановить раньше, если бы не срабатывал созданный на Западе образ России. Так в политике получает выражение тот вызов, что существует во взаимоотношениях между разными цивилизациями.

Но история, слава богу, не сводится к отношениям между Россией и Западом. Достоевский говорил, что русский человек не только европеец, но и азиат. Один из ключевых вызовов в мировой истории, не переставший напоминать о себе и обостряющийся в наше время, существует в отношениях между Западом и Востоком. С начала Нового времени, с Петра I в России старались быть западниками, забывая Восток. Да, наверное, русские стеснялись демонстрировать свою причастность к Востоку. Потому что хотелось походить на Запад. Ведь Запад переживал акматическую фазу. Продолжал гипнотически действовать положительный образ Запада. Взоры всех народов были обращены к Западу. Это эпоха вестернизации мира, доминирования Запада в мировой истории. Это реальность.

Но прислушаемся к пророку — Достоевскому. Он утверждал: этот стыд, что Европа сочтет русских азиатами, преследует нас уже чуть не два века. Но особенно этот стыд усилился в нас в XIX веке. Ложный стыд, привитый Западом, ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми русские никогда не переставали пребывать) очень дорого стоили русским в последние столетия. Достоевский далее говорит: «Мы заплатились за него и утрацию духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты».

Тем не менее Россия продолжала ассимилировать западные ценности и прививать их к собственной культуре, но до определенного времени. До момента

вспышки сознания о своей особости, до открытия того, что назовут «русской идеей». Но вот ведь какой парадокс. Осознание цивилизационной самостоятельности России не могло бы произойти, если бы не соприкосновение с Западом. Тут налицо позитивная роль Запада в пробуждении национального самосознания. Осознание «своего» через соприкосновение и даже конфликт с другим, «чужим». Хотя, конечно, Запад для России не совсем чужое. Дело тут не сводится к активной прививке западных ценностей с эпохи Петра I. Известно, что до Петра в России была сильна византийская традиция, которую часто противопоставляют Западу. У Византии и Запада один исток — Рим, Античность. Так что и до Петра западное влияние Россию не миновало. Точнее, не Россию, а Русь.

С XIX века Россия стала больше ценить и отстаивать свою самостоятельность, что, естественно, порождало со стороны Запада настороженность. Расхождение на цивилизационном уровне вызывало к жизни негативный и неадекватный образ России. Французский историк Жак Ле Гофф говорит, что Запад называл ромеев (так себя называли византийцы) еретиками. Но раз мы усвоили византийскую традицию, в частности религиозную, поскольку приняли православную веру от Византии, то мы, русские, с точки зрения Запада тоже стали еретиками.

Но обратим внимание на то, что и в момент расхождения и обособления от Запада полного отчуждения все же не было и не могло быть. Его и сейчас нет. Мы все-таки способны понимать друг друга, преодолевать взаимный нарциссизм.

Отдаляясь от России, держа ее на дистанции, Запад, однако, впервые открывал и постигал Россию, углублял о ней представление. В том числе через Толстого, Достоевского, Чайковского, позднее через Чехова, Тарковского, Шостаковича. Когда недавно у нас обсуждался проект государственной культурной политики, то один из наших политических деятелей сформулировал: «Россия не Запад», что вызвало бурю протеста. Но смотря какие смыслы в эту фразу вкладываются. Вот один из наших мыслителей сказал: Россия — подсознание Запада. Почему же подсознание? Это попытался объяснить в XIX веке М. Бакунин. Потому что в сознании фаустовского человека русский человек более свободен. Может быть, он даже анархист. Ведь были же в России даже философы-анархисты. Жозеф де Местр писал, что более свободного человека, чем русский, на свете нет. Это кажется странным, ведь Россия — империя. Ну какая же свобода в империи? Империя в ее старой и новой, сталинской форме. Но вот сказал же. Думаю, что он не ошибся.

Западный человек, провозгласивший ценности свободы как первостепенные, все же не является свободным в полном смысле этого слова. Он любит дисциплину. Он смог себя обуздать и потому добился большего, чем другие народы. Это произошло после Реформации, которой в России не было, хотя движение в этом направлении было. Подсознательно западный человек хотел бы быть таким же свободным, как и русский человек. С его точки зрения русский — враг порядка, организованности, государственности. Это

и могло стать причиной расхождения между Россией и Западом. Настороженность по отношению к русскому возникает в результате того, что русский ассоциируется с тем, что самому западному человеку в себе не нравится, что он в себе подавляет. Может быть, это даже причина возможного противостояния. М. Бакунин не исключал такого противостояния. Он его даже прогнозировал в форме военного столкновения между Россией и Германией. Этот его прогноз, как свидетельствует история, подтвердился.

Конечно, русская революция позволяла так посмотреть на русских. Взяли государство и разрушили до основания. Правда, потом заново вызвали к жизни. Но, позвольте, разве идеи революционного переустройства общества не пришли в Россию с Запада? Разве это не наследие Просвещения? Но исчерпывает ли созданный Западом образ России идентичность русских? Разве сталинская редакция византийской империи могла быть возведена народом-анархистом? Русский народ является в такой же степени и народом-государственником. Можно ли было выиграть войну, если бы не выстроили такую империю? Не очень хотели такое государство. Но так сложились обстоятельства. Другое дело, что причины войн связаны с революциями, являются часто следствиями этих революций.

Я вернусь к Востоку и уточню формулу, в соответствии с которой Россия является подсознанием Запада. Если это и так, то у России тоже есть подсознание, а именно Восток. Итак, формула «Россия есть подсознание Запада, Восток есть подсознание России» является решающей в том вызове, который имеет место между Россией и Западом. Не приемлют Восток, не могут до конца понять и Россию.

Осознать это помогает идея Э. Саида, который ввел в оборот понятие «ориенталистский дискурс». Такой дискурс — создание фаустовского человека, испытывающего страх перед Востоком, от которого он когда-то (еще в Античности) оторвался и создал особую и самую динамичную культуру в мире, но в который еще может вернуться, то есть потерять все созданные им впервые ценности. Собственно, задолго до появления сочинений Э. Саида эту мысль великолепно изложил К. Ясперс.

Страх перед растворением, перед возвращением к Востоку способствовал созданию защитного механизма, который предстал в неадекватном образе Востока как отсталого, агрессивного, недоразвившегося, неспособного к прогрессу региона. Это и есть суть ориенталистского дискурса. И он имеет отношение к России. Я сейчас ссылаюсь только на западных мыслителей. Но тот смысл, что Э. Саид вкладывает в понятие ориенталистского дискурса, в России давно известен. То, что имеет в виду Э. Саид, в XIX веке сформулировал еще А. Хомяков. Он писал, что тут сказалося истонное самоутверждение Запада, гордыня, презрение к Востоку как низшему.

Потом этот дискурс будет обсуждаться оказавшимися в эмиграции русскими мыслителями, которых обычно называют «евразийцами». Чтение запрещенных сочинений Льва Гумилева во второй половине 1980-х годов (а Гумилев, как известно, «последний ев-

разиец») свидетельствовало о том, что идеи, которые дотоле распространялись лишь в узкой среде, превращаются в массовые настроения. Можно утверждать, что сегодня они актуальны уже на политическом уровне. Восток выходит из подсознания и становится сознанием. Нам важно понять, как это влияет на изменения в культурной политике. Какие последствия это будет иметь для идентичности русских людей? Ясно, что последствия будут.

Я сейчас вспоминаю суждение Л. Гумилева из его книги «Древняя Русь и Великая степь». Делаю это потому, что в нем суть того, что вкладывает Э. Саид в понятие «ориенталистский дискурс». Л. Гумилев говорил, что в странах Западной Европы предубеждение против неевропейских народов родилось давно. Считалось, что азиатская степь, которую многие географы начинали от Венгрии, другие от Карпат, — обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола. Взгляды эти были закреплены авторами XVIII века, создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики. При этом самым существенным было то, что авторы эти имели об Азии крайне поверхностное и часто превратное представление. Все же это их не смущало, и их взглядов не опровергали французские или немецкие путешественники, побывавшие в городах Персидской Азии или Индии и Китая.

Самое интересное, что, как говорит Л. Гумилев, к числу дикарей, угрожающих единственно ценной, по мнению некоторых западных идеологов, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала Великого Монгольского улуса, а потом Золотой Орды.

Сегодняшний поворот к Востоку имеет предисторию. Как это иногда бывает в истории, то, что становится актуальным для политиков и даже для культурологов, сначала появляется в искусстве. Впервые Восток стал выходить в России из подсознания в сознание еще на рубеже XIX–XX веков в искусстве. У многих известных деятелей искусства (в том числе у Рериха, Хлебникова, А. Белого и др.) можно обнаружить необычайный и распространяющийся интерес к Востоку. Происходит глубокое открытие Востока, что в отдельных случаях оборачивается антизападничеством, правда, подчас поверхностным. Они словно впервые ощутили истину, изреченную Достоевским: в грядущих судьбах русского народа, может быть, Азия и является его главным исходом. Не это ли самое в 1992 году скажет Лев Гумилев: если Россия будет спасена, то только через евразийство. Может быть, в нашей сегодняшней ситуации эти пророчества пора осознать.

С некоторых пор не только мы сами стали осознавать связь России с Востоком, но это ощутил и Запад. Когда, например, французские критики откликнулись на первое издание романа Льва Толстого, они, например, обнаружили в Пьере Безухове душу индусского монаха. Вообще, через наше искусство, литературу они обнаруживали в нас восточную стихию, осознавали то, что мы сами в себе не могли осознать.

Мои суждения воскрешают еще одну значимую тему во взаимоотношениях между цивилизациями, ко-

торая сегодня более чем актуальна. Несмотря на столкновение между цивилизациями, которое время от времени обостряется (что происходит и сегодня), человечество, тем не менее, продолжает оставаться единым. Если это единство будет разрушено, оно исчезнет. Вообще, конфликты, как утверждал Г. Зиммель, способны играть не только негативную, но и позитивную роль.

Если какие-то ценности и следы влияния других культур не соответствуют настоящему моменту, они уходят в подсознание. Но не навсегда. Их воскрешение бывает позитивно, как это сегодня и происходит в России с Востоком. Россия берет курс на Восток, пытается исправить ту деформацию, которая в истории возникла в связи с трансформацией Америки в империю и ее претензиями на контроль над всем миром. Э. Саид утверждает, что с ослаблением и угасанием Запада ориенталистский дискурс не исчезает, он подхватывается Америкой и продолжает действовать. Ну как тут снова не вспомнить суждение Э. Трельча о том, что в европейском мышлении всегда присутствуют завоеватель, колонизатор и миссионер и что в этом кроется источник его практической силы и плодотворности, но и многих теоретических ошибок и преувеличений!

Провозглашая действительно значимые ценности (и прежде всего свободу личности), Америка несет с собой утилитаризм, милитаризм и, в конечном счете, отчуждение, противопоставление одних цивилизаций другим. Поэтому возникший на Западе ориенталистский дискурс Америка берет на вооружение. Бодрийяр сказал: Запад, вызвав к жизни идеи модерна в XVIII веке, успел в них разочароваться. Не то происходит с Америкой. Это что-то вроде возрожденного большевизма, фанатически уверовавшего в идею и ради нее готового на массовое жертвоприношение своего народа.

Между тем, на том же Западе еще в XIX веке был вызван к жизни альтернативный модерну проект — не разделения, а единения человечества. Он был вызван к жизни не творцами модерна, то есть просветителями, а романтиками. Сегодня этот проект как никогда актуален. И именно он должен стать основой глобализационных процессов, а совсем не тот, который навязывается всему остальному миру в национальных интересах одной цивилизации, то есть Америки, что мы сегодня и ощущаем.

Так, Ф. Шлегель, например, утверждал, что в истории народов следует рассматривать жителей Азии и европейцев как членов одной семьи, историю которых нельзя разделять, если хотят понять целое. Он доказывал, что подобно тому, как в истории народов азиаты и европейцы образуют одну большую семью, а Азия и Европа представляют одно целое, так следовало бы во все большей мере стараться рассматривать и литературу всех культурных народов как последовательное развитие и одно-единственное внутренне связанное строение и создание, как одно великое целое, где известные односторонние и ограниченные точки зрения исчезли бы сами собой, многое стало бы понятным лишь в этой связи и все предстало бы в этом свете новым.

Не порывая с Западом, Россия сегодня актуализирует свои связи с Востоком. Поворачиваясь в сторону Востока, она на этот раз готова реализовать альтернативный проект, то есть проект романтизма. Тут позвольте мне вспомнить речь польского экономиста, говорившего вчера на пленарном заседании о новом прагматизме. Конечно, понятие «национальный интерес» можно понимать в прагматическом смысле, в американском духе. Но его можно понимать и иначе, то есть по-русски. Я хочу этот смысл расшифровать. Хочу вспомнить русского философа Льва Шестова, обратившего внимание на то, что великие идеи способны порождать не только самые развитые, самые мощные и самые благополучные государства. Будем надеяться, что санкции со стороны Запада не приведут к экономической катастрофе.

Да, Запад, а затем и Америка подарили миру идею свободы. И для многих эта идея оказалась самой притягательной. Правда, было бы лучше, если бы свобода по-американски не опиралась на танки и ракеты. Но великие идеи могут возникать и в таких странах, которые долго приходится искать на карте. Когда появился Христос, Израиль был с одной из самых нищих и мало кому известных стран. Но идея-то стала всемирной. Будем надеяться, что санкции со стороны Америки и Запада, подрывающие благосостояние русских людей, не сделают Россию самой нищей страной.

И наконец, я снова обращаюсь к вопросу, заданному вчера Абдусаламом Абдулкеримовичем: почему забыли идею братства? Русские, как это было в истории не раз, и как это есть теперь, исходят не из идеи прагматизма, неважно, в новом или старом смысле этого слова, а из идеи братства. Если правда, что ментальности русских присуще мессианство, то его смысл именно в этом. Чего невозможно сказать о других народах, провозгласивших братство еще в эпоху Великой французской революции, но под воздействием духа пользы и предпринимательства забывших о нем. Ведь удалось же Америке поссорить славян между собой. Я имею в виду столь для нас актуальный украинский вопрос. И здесь я хочу процитировать А. Пушкина, писавшего: «Оставьте: это спор славян между собою / Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою, / Вопрос, которого не разрешите вы». Русские хотели бы не реализации дискурсов, способствующих противопоставлению тех, кто не разделяет точку зрения американской империи, а единения со всеми народами как самостоятельными культурами. Об этом же свидетельствует и процитированное суждение Льва Гумилева. Не случайно в отечественной философии «всеединство» — ключевое слово. Тем более единение с соотечественниками, проживающими в других государствах. Ну как не солидаризироваться с теми братьями, достоинство которых (да и та самая свобода, которая для западного, да и для всего мира — первоочередная ценность) ущемлена?

В заключение самое время вспомнить немецкого философа Вальтера Шубарта. Будучи человеком Запада, он все же уловил ментальную черту русских — жажду братства. Как утверждает В. Шубарт, русский способен искренне радоваться счастью другого челове-

ка или сочувствовать его горю. Он проникается душевными состояниями ближнего так, словно они происходят в нем самом. Он непосредственно ощущает чувства другого и живет жизнью другого. В людях вокруг себя он видит братьев, а не врагов... Чувство братства во многом облегчает русскому жизнь и делает ее более сносной, чем у западного человека с его инстинктами борьбы, хищничества, конкуренции. Вот эти инстинкты борьбы, хищничества и конкуренции и есть прагматизм. И новый, и старый. Это и есть то, что стоит за национальным интересом.

Закончу сточками из поэмы Евгения Евтушенко «Под кожей статуи Свободы»: «Морально наг, морально бос, / родителей проклятье, / все же верую, как Бернс: / все люди будут братья». Пожалуй, здесь речь идет уже не об узко понимаемом национальном интересе, а о вселенском чувстве, исключающем всякое непонимание. Но не все народы являются носителями этого чувства.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется коллеге Глаголеву.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — в связи с выступлением Дениса Летнякова у меня появился такой вопрос. Александр III характеризовал Россию как преимущественно военную державу. Мы почти не рассматриваем этот аспект, хотя вся история нашей страны после 1917 года, начиная с Гражданской войны, говорит о том, что нам придется это сделать. На мой взгляд, национальное самосознание в большой мере учитывалось Петром I, Александром I, Николаем I, Александром II, Александром III и, конечно, Николаем II в его Манифесте по случаю объявления войны в 1914 году, когда при появлении царя люди, пришедшие на Дворцовую площадь, опустили на колени. И второе. Когда наши СМИ говорят о печальной перспективе западной цивилизации, по-моему, они немного преувеличивают. Я со школьных лет помню, как в наших газетах писали о скором финансовом крахе США.

Д. Э. ЛЕТНЯКОВ: — Да, русские — народ военный, но не воинственный. Это известная цитата. В России слово «нация» начали использовать довольно поздно. До времен Александра II цензура его даже запрещала, потому что оно имело неприятную для самодержавия политическую коннотацию, особенно после Польского восстания. Не случайно князем Вяземским было придумано политкорректное слово «народность». Поэтому идея верности царю — это ни в коем случае не национальная идея. В системе ценностей русских крестьян не было места нации. Но так было не только в России. Например, представители эстонского народа вплоть до 1860-х годов называли себя «деревенские люди» в противоположность помещикам, которые были «господа». То же можно сказать о французах, итальянцах и пр. Понятие нации появилось сравнительно недавно, это не есть что-то присущее людям изначально. Поэтому надо наши нынешние представления и картину мира переносить на более традиционные эпохи. И не следует дискурс элиты, господ выдавать

за общенародный дискурс. Крестьяне, которые составляли подавляющее большинство, жили другими представлениями. То же самое с империей. Откуда может взяться имперское сознание у людей, которые живут в рамках общины?

Реплика из зала: — Я хотела бы обратить внимание Дениса Эдуардовича на то, что есть понятия рефлексивные и те, которые входят в употребление в процессе теоретизации. Мы знаем, как сформировались такие понятия, как «народы», «нации». Меня удивило его восприятие русского крестьянства как не осмысляющей свою идентичность общности. Возможно, на рефлексивном уровне это так и есть, но чувство принадлежности к своему народу, понятие русского просматривается через культурный контекст. Во-первых, возникает ощущение, что все народы живут изолированно друг от друга, поэтому нет необходимости в самоидентичности. Но ведь это не так. На самом деле и в России, и на других территориях Европы народы живут в соседстве друг с другом, в коммуникативных связях, поэтому, естественно, есть различение себя и другого, например через самоназвание. Во-вторых, в нашем языке были и есть понятия великороссов и малороссов, и в этом плане есть что возрождать. В-третьих, есть народное искусство, народная культура, в которой имеет место маркирование себя как русского человека. Поэтому, мне кажется, нужно различать теоретические пласты и то, что характеризует саму крестьянскую культуру.

И еще я хочу поблагодарить профессора Малахова за очень интересное выступление. Вы говорили о патриотизме и мире, и мне вспомнилось противопоставление Льва Толстого: «патриотизм или мир». Для него это были оппозиционные понятия.

А. Н. МОСЕЙКО: — Идею объединения угнетенных и отверженных, о которой говорил профессор Марков, уже больше ста лет. Пожалуй, самым ярким ее представителем был Маркус Гарви и созданное им широкое движение растафари, объединяющее чернокожих людей, которые считают себя угнетенными и поэтому избранными. И еще одно — негритюд Сенгора. Эта идея по-прежнему популярна в Африке, распространялась и на исламский мир. То есть она старая, но очень интересная и глубокая.

В. С. СТЕПИН: — В связи с выступлением Владимира Александровича Конева я думаю, что есть такой посыл. Необходим более широкий взгляд на национальные, этнические и другие современные процессы, связанные с опасностью фашизма, войнами и т. д. Надо рассмотреть их под другим углом зрения. В частности, я согласен с точкой зрения Николая Андреевича. Это цивилизационный взгляд. Но мы должны сделать новый шаг от идеи, на которой остановился Тойнби, — что есть разные цивилизации со своими культурно-генетическими кодами. И они развиваются циклично. Мне эта идея всегда не очень нравилась, потому что в ней идея развития исчезает. Ведь развитие происходит не просто как повторение и возврат к одно-

му и тому же, должно возникать нечто новое. По Тойнби (надо отдать ему должное), появляются новые цивилизации, а не вечно воспроизводятся одни и те же. Поэтому потребовалось понятие типов цивилизационного развития, и оно было введено. Когда мы говорим о западной цивилизации, то подразумеваем не страны Запада, а то общее, что есть у стран Западной Европы, Северной Америки, Австралии. Япония, при всем ее своеобразии, цивилизационно ближе к США, чем к традиционалистской же Японии до реформ Мэйдзи или к Китаю III века до н. э.

Так вот, идея типа цивилизационного развития требует каких-то признаков, по которым можно различить эти два типа: традиционалистские общества и современные, модерн-общества. Я попытался это сделать, ввел целую шкалу признаков, взяв универсальные культуры и основные жизненные смыслы, в частности те смыслы, на которых выросла западная цивилизация и которые дали возможность великих завоеваний. Что бы там ни говорили, технические и технологические прорывы, продление жизни людей, улучшение качества жизни — все это достижения западной цивилизации, поэтому она всегда позиционировала себя как ментор по отношению к «отсталым» странам. Все модернизации происходили под этим лозунгом: учитесь у Запада, берите у него лучшее, и тогда вы будете жить лучше, по крайней мере как на Западе.

А потом, во второй половине XX века, обнаружилось нечто такое, о чем заговорили и Римский клуб, и Будапештский клуб, и вообще все мыслители. Глобальные кризисы. Если продолжать идти по этому пути, то можно уничтожить человечество. То есть возникло общество рисков — техногенная цивилизация. Регион ее происхождения — Запад, но потом она стала распространяться по всему миру. Значит, надо менять стратегию, то есть искать новый путь. Вот под этим углом зрения, я считаю, нужно обсуждать и решать эту проблему. Но тогда надо подумать, какие ценности и в каком направлении должны меняться. Ясно, что идея, которая лежит в основе техногенной цивилизации, — что человек должен господствовать над природой, преобразовывать ее. Эта идея сейчас под вопросом. Какие перспективы здесь возникают? «Переделка» самого человека как природного существа, а дальше то, о чем вчера упомянул Владислав Александрович, да и я писал не раз. Сейчас это отдельная тема для обсуждения, если мы действительно примем идею постгуманизма — а она вытекает из мейнстрима техногенного развития. Тогда какое значение имеют этносы, если люди будут ничем по сравнению с этими сверхлюдьми, примерно как сейчас мы по сравнению с муравьями и пчелами — есть такие коллективные насекомые. Выживут ли они, неизвестно.

То есть внутри современного кода цивилизации есть изъяны, которые пока не обнаружили. Но тогда вопрос ставится иначе: надо искать новые стратегии. А как быть с нашей истматовско-марксистской идеей — нацией? Идея, в общем, правильная, нации рождаются в эпоху капитализма, и это может быть переходящий момент, а не вечная категория. Если произойдет коренное изменение типа развития, то, вполне воз-

можно, идея национальных государств будет каким-то образом трансформирована. И если уж мы говорим о глобализации, то давайте будем последовательны. Что это такое? Происходит новая интеграция, а значит, часть национального суверенитета передается какому-то более высокому слою. Но что произошло в Евросоюзе? Как только начался процесс передачи части национального суверенитета, сразу жестко обострились этнические проблемы, в частности в Бельгии начались разговоры о разделении на Фландрию и Валлонию. Глобализация ставит под сомнение существование национальных государств, и даже имперские проблемы при этом видятся иначе.

А что происходит в культурах тех обществ, которые прошли модернизацию, но сохранили пласты традиционных культур? Что могло бы послужить их выходу на новый уровень цивилизационного развития? Там можно увидеть много интересного. Напомню, что, например, в русской традиции никогда не ценилось богатство, а ценился достаток. Это очень хорошая идея. То есть должно быть какое-то внутреннее ограничение на энергетические и другие затраты для обустройства твоего предметного мира. Достаток есть — и хватит. В традиционном Китае есть похожая идея, Си Цзиньпин ее недавно сформулировал: мы хотим построить такое общество, чтобы средний достаток был у всех граждан. У китайцев также есть идеи, что истина открывается только нравственному человеку. И что если мы ведем себя безнравственно, то это может привести к природной катастрофе. После Чернобыля и Фукусимы мы задумываемся: возможно, это правда?

То есть в традиционных пластах современных культур есть много такого, что может указать переход на новое направление. То, что воспринимается как возрождение этнического национализма, возвращение к архаическим обществам, возможно, будет этому способствовать. Переход к новой стратегии развития не будет спокойным и благостным, весьма вероятны кровопролитные конфликты и войны. То есть это опасный процесс, и с этим надо считаться, бороться с возможными столкновениями мирными средствами — культурой, убеждением. Ведь националистические проявления начинаются с того, что пересматриваются ценности культуры — того богатства, которое человечество накопило за всю историю. Пусковым механизмом здесь могут стать идеи тех, кто претендует на то, чтобы быть элитой. Им нужно больше власти, освобождения от любого контроля сверху и от необходимости самоограничения. И тогда они ищут обоснование своей «элитарности»: мы самобытные, люди особой крови, у нас необыкновенная история и т. д. И вообще все рождаются неравными. В таких случаях масса достижений культуры «сбрасывается с корабля современности». Мы должны обращать внимание на это.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Фуаду Тейюбовичу Мамедову.

Ф. Т. МАМЕДОВ: — Я хочу сделать акцент на переходе от теоретического анализа к практическим действиям. В ответ на вопрос: «Что делать?» сфор-

мулирую три тезиса. Во-первых, давайте вспомним, что поведение человека меняется с изменением его культуры. Во-вторых, культура является историческим процессом — это забота о сохранении и поддержании человеческой жизни, и к этому стремятся все. Руководствуясь изначально ценностями культуры, едиными для всех базовыми ценностями, независимо от идеологии, мировоззрения, национальных интересов, хорошо бы нам всем подумать о разработке и реализации международных программ по выработке определенного уровня культурной идентичности представителей разных культур. Именно гармонизируя культуры, вырабатывая эти подходы, мы могли бы способствовать гармонизации интересов. Потому что когда есть духовное родство, решение экономических вопросов значительно упрощается.

Мне кажется, было бы неплохо подумать о переходе от человека типа *homo sapiens*, в рамках которого, мы знаем, есть культура дикости и культура варварства, феодализма и прагматизма и в то же время культура гуманизма, ради которой мы сегодня все здесь собрались, к человеку культурному, обладающему хотя бы достаточным (я не говорю высоким, если взять средний показатель) уровнем знаний, умений, организованности, нравственности и созидательной деятельности, путем аккультурации и инкультурации в различных регионах мира по определенным культурологическим и философским программам, вырабатывать такую идентичность и работать на ту самую дружбу, присущую русскому народу и вообще всем нормально мыслящим людям, о которой сегодня здесь говорилось. Сегодня дружба, к сожалению, позабыта, даже патриотизм фактически нередко воспринимается как национализм, а национализм всегда работает против самой нации.

Предлагаю конкретные меры. Давайте создадим рабочую группу по разработке концепции и программы аккультурации и инкультурации представителей разных культур и народов. Хочу выступить в защиту толерантности и мультикультурализма. Азербайджан в этом отношении является прекрасной моделью, где совместно проживают представители мусульманства, христианства, иудаизма, потому что мы традиционно старались исходить из формулы «Культура спасет мир, если мир защитит культуру».

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Василию Проданову.

В. ПРОДАНОВ: — Национальные государства, а потом и нации появились после Вестфальского мира, в конце Тридцатилетней религиозной войны в Европе. Разные этапы развития капитализма и национального сознания связаны с этапами разделения этого капитализма. Моя главная теза, что самые сильные государства и самые сильные нации были до 1970-х годов. Потом начался кризис национальных государств в условиях глобализации и процессы этнического возрождения. Сегодня ускоряются процессы распада политических наций. В начале XX века в мире было около 60 государств, теперь их количество превышает

210, то есть стало в 3,5 раза больше. Они образовались за счет распада стран на этнической почве. На Балканском полуострове четверть века назад было 6 государств, теперь 13.

В начале 1990-х я оказался в Вашингтоне, в Центре стратегических и международных исследований, возглавляемом Збигневом Бжезинским. Там я увидел карту сценария для Европы, над которым они работали: Европа, разделенная на 200 маленьких государств. Это было связано с реальными тенденциями. После Вашингтона я поехал в Уэльс и там узнал, что за 20 лет до этого уэльское самосознание было очень слабым, многие жители Уэльса даже не говорили на уэльском языке. Потом началось этническое возрождение, появились национальные телеканалы и даже дорожные знаки на уэльском языке. Тем не менее Уэльс остается территорией Великобритании.

В последние годы появился так называемый дистанционный национализм. Бенедикт Андерсон говорит, что в Чикаго больше польских националистов, чем в Варшаве. Это объясняется тем, что они живут в чужой среде и в то же время общаются с соотечественниками в виртуальном пространстве, то есть находятся в двойственном состоянии. Несколько лет назад, когда Ангела Меркель сказала, что мультикультурализм провалился, в журнале «Шпигель» сравнили, как интегрировался турецкий гастарбайтер в германское общество 1960-х годов и как сейчас. В то время муж, например, работал на заводе «Фольксваген», жена ухаживала за детьми и смотрела местное телевидение. Сегодня она тоже остается с детьми дома, но смотрит турецкое телевидение, так что интеграции не происходит. Мультикультурализм не работает. Таким образом, этнические сообщества глобализируются через масштабную миграцию, но вместе с тем нарастает так называемый этнический национализм. В итоге политические нации дезинтегрируются. Это будет одним из острейших противоречий XXI века. Есть разные сценарии дальнейших процессов — постглобализация, новый национализм и второе рождение фашизма, нацизма, расизма, ксенофобии, новые глобальные войны, новое Средневековье, посткапиталистический мир. Возможность реализации каждого сценария не равна нулю. Поживем — увидим.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Константину Семеновичу Пигрову.

К. С. ПИГРОВ: — Я с удивлением и ужасом понял, что мое выступление получается моралистическим и к тому же направлено против доклада профессора Конева, что вообще недопустимо. И у меня есть эпиграф: «Что отдал — твое навеки, что припрятал — то пропало» (Шота Руставели). Итак, это ответ профессору Коневу, который испел негативную свободу. Думаю, что, идя по пути негативной свободы, мы попадаем в тупик национального эгоизма, а это форма социальной болезни: воспаленное, пронизанное тяжелым ресентиментом состояние национального сознания. Противоположностью национальному эгоизму является национальное здоровье, которое в обобщенной

форме предстает в разных обличьях, например как доверие (мы знаем замечательные работы на эту тему), справедливость (мы все знаем автора, который продвинул нас в этом вопросе). О национальном здоровье можно прочесть в учебной литературе, но в публицистике практически стало хорошим тоном восхвалять национальный эгоизм. Авторы вопреки своему естественному нравственному чувству, которое им органически свойственно, принуждают себя положительно оценивать это отрицательное явление национальной ментальности. Методологически важны биологические ассоциации таких терминов. Подчеркивается аналогия человеческих обществ с биологическими сообществами. Но (тут начинается оппозиция) мы люди и живем не по биологическим законам.

Мы присутствуем не только в царстве необходимости, но и в царстве свободы. А что есть свобода в позитивном смысле? Если мы читаем Канта и Лейбница, то знаем, что свобода в известном смысле синоним милосердия. Вызов свободы — да. Но только как вызов милосердия. Быть свободным — значит деятельно обнаруживать милосердие. И в основе цивилизации лежит аксиологический горизонт эпохи Просвещения, в защиту которой я хочу выступить. Все мы люди Просвещения и остаемся в этом главном горизонте.

Милосердие — это и есть реализация того самого братства, которое, как кажется, где-то пропало. Речь идет, вообще говоря, о спасении новоевропейской цивилизации, которая, напомним, есть важнейший этап в мировом развитии. Это счастливый случай, удача человечества, но мы можем ее потерять. Несимметричный ответ на национальный эгоизм состоит в высококультуривированной всемирной отзывчивости русской души, в способности к всемирной отзывчивости — главной способности нашей национальности, как говорил Достоевский. Тут я бы ввел концепт национальной щедрости, которая сплывает народ как целое.

Народ, переживая свое великодушие и благородство, консолидируется, и мера национальной щедрости не может быть определена универсальной формулой, но она определяется каждый раз неповторимой способностью суждения, которая присуща или не присуща властвующей элите. Это всегда индивидуальное решение — относительно национальной щедрости. Таким образом, я хотел бы ввести еще один концепт — морального капитала, это важнейший момент человеческого капитала. С этой точки зрения человеческий капитал становится не только экономической, но и историсофской категорией, которая характеризует новоевропейскую цивилизацию в целом, в наиболее ценных ее свойствах. И ядром человеческого капитала, как показала эволюция этой идеи (вы помните, идея человеческого капитала была отмечена нобелевскими премиями), становится человек не только профессиональный, но и с развитым чувством справедливости, способный к доверию — словом, человек, характеризующийся способностью ко всемирной отзывчивости.

Мой вывод, собственно, чрезвычайно прост и лежит на поверхности — культивирование морального капитала как интегративной способности определяет

надежный и единственно достойный выход из национального кризиса как нашей страны, так и других.

Относительно Германии. Германия — это тоже наша внутренняя боль. Мы от немцев получали культуру, а в первой половине XX века немецкая история преподавала нам урок — провал консервативной революции. Ее деятелям казалось, что в ответ на национальное унижение страна будто бы имеет право на биологическую реакцию. И, мол, можно забыть все завоевания новейшей европейской цивилизации, которые дались Германии таким трудом и кровью. Чем закончилось? Мы уже можем оценить ту историческую авантюру, тот национальный провал. Да, сегодня Германия материально процветает, но в духовном плане Германия утратила нечто такое, что могло бы быть нравственным образцом для других народов. Прощение не наступило. Будем надеяться, что эта потеря не навсегда. Германия сегодня — это чувствуют люди, которые читают немецкую литературу, — все более становится духовной провинцией, и это расплата за то падение, которое совершилось.

Мы сами должны получить урок. Мы ни в коем случае не можем поддаться и изменить чувству всемирной отзывчивости русской души.

В. А. КОНЕВ: — Можно вопрос? Ваш эпитафия: «Что отдал — то сохранил». Я отдал. Вы говорите о милосердии. Это то, что моему сердцу мило. То есть исходит из человека, и поэтому вы не противоречите профессору Коневу.

К. С. ПИГРОВ: — В этом смысле да. Я бы сказал иначе: профессор Конев не противоречит мне. Мы должны вспомнить, что свобода — это прежде всего позитивное начало. И когда мы читаем Канта и Лейбница, то видим мир свободы как синоним мира милосердия.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Светлане Николаевне Иконниковой.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Я собиралась выступить на темы ментальности и национального характера, но сейчас хочу затронуть проблемы, которые обсуждаются здесь. Мне кажется, принципиальной является позиция, которая сначала столкнула, а потом соединила профессоров Конева, Пигрова и Маркова. Это перспективы европейской цивилизации и будущее нашей страны с цивилизационной точки зрения. Мне кажется, что мы должны выйти за пределы узких континентов и обратить внимание на перспективу будущего, потому что тот уровень развития, который сопровождает современную культуру, вызывает большие сомнения. Сомнения в голове, повернутой назад, стремление соединить несоединимое могут создать кентавра, который станет угрозой гуманизму. Поэтому отступление не может быть оптимистическим.

Мне кажется, что достаточно сложной является проблема отказа от перспектив развития России как европейской цивилизации и стремление так или иначе развернуться на Восток, обратиться к евразийству.

Это несколько искусственное решение, тот самый кентавр. Может быть, в далекой перспективе это произойдет. В 1920-х многие авторы — Савицкий, Трубецкой, ряд других — тоже говорили о евразийском повороте России как об очень отдаленном будущем, которое не может реализоваться только потому, что восточные мотивы присутствуют в истории России и восточные черты — в ментальности. Таким образом, мой первый тезис заключается в том, чтобы обратить внимание на дальние перспективы, без которых мы лишаемся той основы, которая может вдохновить молодежь и всех нас, — развития европейской цивилизации, и России в том числе, как основы будущего.

Второй тезис, который я тоже считаю существенным, — вопрос взаимопонимания и сотрудничества, совместной деятельности. К сожалению, мы утрачиваем взаимопонимание, которое, на мой взгляд, является высшим достижением цивилизационного развития. Взаимопонимание, понимаемое не как терпимость, когда я вас поддерживаю, что бы вы ни сделали, а как то, что делает человечество сильным, продвигает его к определенной цели. Может быть, надо еще и еще раз вместе подумать и обсудить, что именно может стать таким связующим элементом. Не хочу говорить о гумилевской пассионарности, хотя мне очень близко это понятие. Нужна некая оптимистическая надежда, а не примирение. От взаимопонимания и сотрудничества может рождаться новая перспектива, увеличивающая силы человечества, причем не столько в технических областях, а в подчинении технических возможностей высоким идеалам и направлениям. Для такой оптимистической надежды, устремленности нужен новый термин, определение, которое может соединить всех нас.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Следующий выступающий — Ольга Николаевна Астафьева.

О. Н. АСТАФЬЕВА: — Это замечательно — погружаться в такую среду, когда тема близка и понятна и вопросы появляются по ходу каждого выступления. Дискурс, который сейчас проявился, наверное, снял некоторое напряжение, которое возникло, когда мы увидели центральную проблему, вынесенную на Лихачевские чтения. Привыкнув акцентировать внимание на диалоге, мы вдруг увидели, что нам предлагается посмотреть на проблему несколько иначе, я бы сказала, значительно шире. Мне кажется, это вполне естественная логика развития. Более того, сегодня многие касаются вопросов, непосредственно относящихся к национально-культурной идентичности, и исходят из различного понимания нации. Мы прекрасно понимаем, что не случайно Абдусалам Абдулкеримович просит всех обратить внимание на это — хотя бы потому, что знаем: нация сегодня воспринимается и трактуется по-разному — и с точки зрения теории, и с точки зрения реального понимания практики, и даже на повседневном, бытовом уровне.

С одной стороны, нация — это реальная общность, имеющая свой язык, историю, которую как бы ни пытались переписать, она все равно присутствует в опре-

деленном, сложившемся, обоснованном концептуальном плане. И поэтому не случайна такая реакция на любые попытки переставить акценты.

На мой взгляд, история очень часто переписывается, особенно тогда, когда в нее включаются болезненные современные события. В то же время нация воспринимается сегодня как результат развития государства, то есть стадийно-процессуальный фактор. Это подход к материальным и транспортным инфраструктурам и т. д. С этим нельзя не согласиться, потому что если государство не сформировало устойчивую ментальную основу, его тоже не может быть. Как бы ни старались некоторые развивающиеся государства (извините за устаревший дискурс), но этого если нет, то нет по сути и национального государства. Есть внутренняя культурная оболочка — язык, религия, которые связывают все это воедино, но основания для этого есть не всегда.

Наконец, сегодня категория нации часто подменяется «национальным». То есть предполагается некий коллективный разделяемый образ — как национализм, политическая доктрина и т. д. И когда мы говорим о национальной культурной идентичности, то должны сначала осознать, о чем идет речь, и тогда станет понятно, почему возникают и теоретические, и реальные жизненные противоречия. Национальная идентичность базируется на многих компонентах, это вообще-то синтетическое, очень широкое понятие. Это социально-культурные и даже политические идеи и, конечно, ценности и смыслы, которые и составляют национальную идентичность. Ядро (многие коллеги уже об этом говорили) — это, несомненно, культура. Здесь было бы уместно выступление Валерия Александровича Тишкова о гражданской идентичности, когда принадлежность к конкретному государству не отрицает принадлежность к культуре, но вбирает ее и выстраивает определенную иерархичность этого самого главного, центрального ядра. Была и проблема другого, и проблема своего и чужого, но мне кажется, что проблема национально-культурной идентичности имеет главную и серьезную коннотацию — ориентированность на моральные факторы, сближающие людей. То есть это пространство коллективного самосознания, которое морально по своей сути. Эти рамочные условия не делают всех одинаковыми, но делают едиными. Это два разных концептуальных посыла, поэтому граница идентификационных матриц коллективных идентичностей в современном мире очень подвижна.

Реструктуризации и демаркации коллективных идентичностей — серьезнейшая современная проблема. Профессор Марков сегодня подчеркивал, что говорить о национальной культурной идентичности как стабильной идентификационной матрице вообще не приходится. Совершенно согласна, могу привести много примеров.

И еще один тезис, который мне кажется важным. Появилась новая линия, которая поддерживается в том числе и в отечественной культурологической мысли, — что транскультурная и транснациональная идентичность стала более мощной, она сегодня отвечает концепции множественной идентичности и противо-

поставляется всем другим идентичностям. Этнокультурная, этническая, религиозная идентичность. На самом деле здесь основной посыл заключается в том, что все они взаимодополняемые. Принцип взаимодополняемости конкурирующих по сути идентичностей становится, как мне кажется, той точкой, которую мы должны еще раз пересмотреть и осмыслить. Этот принцип позволяет понять, как соединить несоединимое, и способствует достижению национального единства.

Что касается других стран, то коллеги сегодня говорили о том, как формируется национально-культурная идентичность, связанная с историей, с неким порывом, с самоорганизацией, — все это замечательно, но нужно понимать, что современные государства конструируют свои национально-культурные идентичности. Имеющие глубокие традиции страны, такие как Китай, США, Франция, Япония, Иран и многие другие, позиционируют себя как страны, которые эту идентичность конструируют на уровне государства. У нас неустойчивость идентичности сегодня перенесена на Россию и Украину — только посмотрите, какой кризис идентичности переживают эти два государства. Мне кажется, это смещение акцентов, потому что неустойчивость европейской идентичности — не менее существенная и проблемная тема.

Например, во Франции актуализируется проблематика этнокультурной идентичности выходцев из стран Карибского бассейна. Сейчас они уже полноценные граждане страны, обладающие одной из устойчивых коллективных идентичностей — гражданской. В Великобритании — постколониальный иммиграционный дискурс. Включается тема английского национализма, что связано с увеличивающимися расхождениями между идентичностью англичан и британцев, для которых все очевиднее наступает время выбора пути развития — по модели европейского федерализма или по модели мультикультурализма, напряжения, национальной идентичности, гибридных образований. Для современной Великобритании британская азиатская идентичность является нормальной, как и британская идентичность черных выходцев из Африки. То есть мы видим гибридные состояния — в какой степени это будет британская идентичность, английская, национальная и т. д.?

Не менее сложными представляются идентификационные процессы на африканском континенте. С одной стороны, здесь установилась стабильная ситуация, при которой права этнокультурного большинства и меньшинства принимаются как данность, с другой — исторически сложившаяся ситуация в условиях модернизации обнажает противоречия и усиливает кризис идентичности. Эта проблема становится проблемой политической идентичности. Вызовы идентичности в арабском мире не менее сложны. Население регионов включается в конкуренцию идентичностей, при этом политические, социальные, классовые конфликты не разрушают этническую и сопровождающую конфессиональную идентичность. Ведь арабский мир ассоциируется для нас прежде всего с исламом. Но его население проявляет уважение к причастности человека уже и по клану, по крови и т. д. Здесь

тоже есть много сложных проблем, которым уделяют большое внимание и зарубежные исследователи. И мне хотелось бы сказать: очевидно (вчера об этом говорил и Петр Дуткевич), что надо смотреть на эти данности как на процессы, когда государство меняет свое отношение к культурной и национально-культурной идентичности. Надо понять и отношение нашего государства к этому. Что представляют собой документы, которые появляются и рассматриваются как критические, например «Основы государственной культурной политики»? По сути, это тоже определенная модель конструирования — но чего? Каковы цели? Хочу поблагодарить всех присутствующих за то, что все эти проблемы вынесены на обсуждение.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Аиде Николаевне Мосейко.

А. Н. МОСЕЙКО: — Изменяющийся мир вынуждает пересмотреть целый ряд классических понятий, в частности такие, как «нация», «национальное самосознание», «цивилизация» и т. д. Я занимаюсь исследованием Африки и Мадагаскара и одновременно русского мира. Эти два интереса постоянно переплетаются и помогают мне избирать подходы к преподаванию философии.

Сегодня Африка — это лаборатория, в которой проходят процессы, давно завершившиеся в Европе, например активное нациеобразование. Поэтому классическое определение нации как постсословного явления уже не подходит, потому что нации существуют вместе с сословиями и даже на основе сословий. Пострелигиозное определение нации (о чем на пленарном заседании говорил академик Гусейнов) тоже не устраивает, потому что нация иногда формируется на базе национальных ценностей. Основная национальная ценность в Африке — язык — тоже нерелевантна и имеет значение только на Мадагаскаре (где говорят на английском, французском, португальском языках и т. д.). Что остается в качестве основы? Религия как основа культуры и этика как основа жизнеустройства.

Сегодня мы говорили о том, что необходимо искать новые традиционные этические нормы. Именно это подсказывает Африка, где существует этическое понятие «убунту» (на языке банту; в переводе на русский оно близко к понятиям русской философии — идее всеединства и всечеловечности), которое используется уже несколько десятилетий.

Мне хорошо известен эмпирический материал. Нациеобразование, например, на Мадагаскаре происходило параллельно с формированием цивилизационного самосознания. В формировании нации огромное значение имеет национальное самосознание. На Мадагаскаре проживают 18 народностей. Стимулом для объединения интересов всегда служит пограничная ситуация. В частности, на Мадагаскаре в качестве такой ситуации выступало вмешательство Франции, которая провозгласила господство французской цивилизации. А на Мадагаскаре в это время уже складывалась собственная цивилизация, в рамках которой трепетно относятся к своему языку, культуре. Народ воспротивил-

ся французскому вмешательству. Республика Мадагаскар — пожалуй, единственная страна, которая с оружием в руках 66 лет боролась с колонизацией. Борьба принимала разные формы, например партизанское движение, и охватила весь остров. Погибли миллионы людей. В этой пограничной ситуации родилось национальное самосознание, которое переплелось с цивилизационным самосознанием. Это было осознание не только единой нации, но и себя как государства среди других народов. Мадагаскар заявлял, что хочет занять свое место среди других наций. Они претендовали именно на свое место — это цивилизационный момент в формировании самосознания.

Кроме того, происходит много других драматических процессов. Один из них — смена идентичности. Существует иерархия идентичности: этническая, национальная, цивилизационная. На смену нации приходит цивилизация, национальные интересы могут быть несколько приглушены цивилизационными интересами.

Здесь реализуется мой интерес к русскому миру. Сегодня говорить о том, что Украина входит в русский мир, невозможно. В частности, на Украине выходят материалы, которые так и называются — «Убить русский мир». Являются ли Украина и Россия единой цивилизацией? Ответ на этот вопрос может помочь примирению.

И вновь об Африке, где драматические процессы смены идентичности проходят следующим образом. Создается негативный образ Африки, который культивируется Западом. Кстати, мы тоже подпитываем эту идею, некоторые отечественные теоретики, например Неклесса, называют Африку континентом смерти. Негативный образ Африки приводит к тому, что сами африканцы стремятся покинуть континент. Каждый, кто получил образование, мечтает уехать на Запад и полностью сменить свое «африканство» (они считают себя французами, англичанами и т. д.). Этот драматический процесс пересекается с процессами образования нации.

Яркий пример — в прошлом году отмечалось 20-летие прекращения геноцида в Руанде, когда в борьбе с хуту погиб миллион тутси. Что произошло за эти 20 лет? Посол, который выступал в нашем институте, сказал о том, что сейчас каждый представитель тутси или хуту на вопрос: «Кто ты?» отвечает: «Я руандиец». Это еще несформировавшаяся нация, но уже присутствуют элементы национального объединения и самосознания. Возникла пограничная ситуация, которая дала толчок развитию.

За прошедшие 20 лет была сформирована традиция убунту (сайт создал белый англичанин, который является пропагандистом убунту). По всей Африке сейчас сформированы комитеты национального примирения. В частности, такой комитет во главе с африканцем епископом Десмондом Туту активно работал в ЮАР, потому что там стояли и национальный, и цивилизационный вопросы. Африканеры объявили африканцев другим народом, нигерами. И африканцы боролись не только за свое национальное освобождение, но и за право называться африканцами. Это цивилиза-

ционный момент. Нельсону Манделе, который создал комитеты примирения, удалось сгладить расовые противоречия (не национальные).

Сейчас национальные комитеты создаются на Мадагаскаре, где проходит процесс нациеобразования. Там проживает сложная, тонко организованная нация, полувосточная, полуафриканская. Она помнит об обидах, которые были нанесены ей сто лет назад, что мешает ее развитию. В настоящее время проходит процесс национального примирения.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — На трибуну приглашается Арнольд Арамович Оганов.

А. А. ОГАНОВ: — Со времен Петра I продолжается дискуссия о том, что такое Россия — Восток или Запад. А. С. Пушкин предложил оставить этот спор. Но, несмотря на то что мы не можем его оставить, мы не стали ближе ни к Востоку, ни к Западу. Это вызывает ироничное отношение к бесконечным поискам ответа на данный вопрос.

Несколько слов о понятии «национализм». Я привык вкладывать в него негативный смысл. Готов, если есть основательная мотивировка, изменить свою точку зрения. Но с помощью какого понятия в этом случае можно обозначить негативные проявления национального? Шовинизм? В ряду «объективное–объективизм», «субъективное–субъективизм», «воля–волюнтаризм», «национальное–национализм» второе понятие имеет негативный смысл. Для того чтобы различать два понятия, возникли негативные коннотации. С прагматической точки зрения понятие «национализм» носит негативный характер, оно обрело такой смысл после «оттепели». Эта проблема скорее типологического свойства, все дело в том, как его понимать.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Виктору Анатольевичу Авксентьеву.

В. А. АВКСЕНТЬЕВ: — Вчерашняя и сегодняшняя дискуссии уже сформировали довольно четкое поле для дискурса, причем с выраженными антитезами. Я оттолкнулся от двух вчерашних выступлений, связанных с украинской проблематикой. Тот факт, что первое слово и на пленарном, и на секционном заседаниях было предоставлено нашим украинским коллегам, — не просто дань уважения, сопереживание тому, что происходит — употреблю старую терминологию — в братской стране, у многих людей корни связаны с этой страной, там живут родственники, друзья. Есть и другая причина — мы смотримся в украинский кризис, как в зеркало, в котором пытаемся отыскать ответы на вопросы, что происходит и что будет происходить в России, как можно предотвратить то, чего не смогли избежать на Украине.

На пленарном заседании основные акценты были расставлены в двух выступлениях. Первое выступление — академика Национальной академии наук Украины Петра Петровича Толочко, которое он посвятил провалу идентификационного проекта на Украине

и назвал его, на мой взгляд, очень удачно, сказав, что на Украине использовался брутальный идентификационный проект. Второе выступление — Виталия Товиевича Третьякова, в котором он высказался достаточно образно (он не касался проблем Украины, но они были очевидны) о геополитическом факторе.

И то и другое сработало на Украине. Но разве украинцы сами выбрали брутальный идентификационный проект? Нет, он был навязан им. И здесь решающую роль сыграла геополитика. Украина находится в разработке у США как минимум с 1960-х годов, а в 1980–1990-е годы особенно активно — известные работы З. Бжезинского давно разобрали на цитаты. С одной стороны, никакие геополитические игры вокруг Украины не имели бы таких катастрофических последствий, если бы там был реализован другой идентификационный проект. С другой стороны, геополитическая значимость Украины такова, что вряд ли другой проект мог быть там реализован. И что здесь первично, что вторично (в том числе хронологически) — я не могу сказать. Для России это важно в плане осмысления собственных проблем.

Приведу цитату из своего доклада: «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код». Россия начинала примерно так же, как Украина, мыслила подобным образом в начале 1990-х годов. Многие в меру своих возможностей и должностного положения стремились к реализации этого тезиса. Понадобилось много лет, чтобы понять, что это не совсем так. Я здесь не согласен с профессором Иконниковой, что надо быть частью этой системы. О том, почему нас не хотят принимать на Западе, не воспринимают как свою часть, прекрасно сказал профессор Хренов. Соответственно надо быть прагматиками, выстраивать прагматические концепции.

Комментируя некоторые российские проблемы, я выделил три момента.

Первый момент. Мы выстраиваем собственное цивилизационное видение сегодня не только на основе изысканий, которые ведутся, начиная с Филофея, «Повести временных лет», но и в контексте геополитических реалий, которые сложились. В этом я согласен со специалистами по геополитике, которые считают, что решение геополитических противоречий между Россией и США в рамках существующей конструкции мира невозможно. Соответственно к этому надо приспособливаться, то есть нужно ориентироваться в своем цивилизационном выборе на жесткие реалии современного геополитического устройства мира.

Второй момент. Нельзя не замечать, что центр экономического развития, современной цивилизации перемещается из Европы, с Запада в Юго-Восточную Азию. И в этом смысле промежуточное положение, которое всегда считалось недостатком России, нашей периферийной цивилизации, выступает в качестве плюса. Почему бы не использовать эту ситуацию для собственного дальнейшего развития?

Третий момент. На мой взгляд, цивилизации, основанные на коммунитаризме или корпоративизме, имеют исторические преимущества перед цивилизациями,

основанными на индивидуализме и либерализме. Будущее — за коммунитаристскими цивилизациями.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — К микрофону приглашается Борис Владимирович Аксюмов.

Б. В. АКСЮМОВ: — Хочу сказать несколько слов о российской идентичности. Что наталкивает нас на эту идею? Помимо процессов глобализации и интеграции, современный мир испытывает сильные дезинтеграционные тенденции.

Акцентирую внимание на трех событиях, которые должны нас насторожить.

Первое — плебисцит в Каталонии, согласно результатам которого более 80 % населения этой области высказали желание выйти из состава Испании. В России много национальных республик, и в 1990-е годы часто возникала проблема сепаратизма, например в Татарстане и республиках Северного Кавказа, в Чечне прошли две войны.

Второе — референдум в Шотландии. Голоса сторонников выхода Шотландии из состава Великобритании и противников разделились поровну, и Шотландия осталась в составе Великобритании. Это событие показывает, что современные многосоставные государства неустойчивы, имеют тенденцию к раздроблению.

Третье — Украина. В связи с этим возникает вопрос, как в России обстоят дела с идентичностью. Проект новой российской идентичности был запущен после распада Советского Союза. Одна идентичность прекратила существование, и нужно было формировать другую. Как показывают наши исследования и исследования, проводимые другими учеными по всей стране, проект формирования российской гражданской идентичности в целом реализован. Даже в республиках Северного Кавказа, особенно западных (Карачаево-Черкесия и др.), более 70 % граждан считают, что быть гражданами России для них либо очень важно, либо важно. Поэтому сегодня у нас сформировалась модель, закрепленная в «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года»: мы делаем ставку, с одной стороны, на формирование и укрепление гражданской идентичности, с другой — на развитие этнокультурного многообразия. Все это должно привести к гармонизации межнациональных отношений, развитию идеи национального единства и пр.

Каковы недостатки этой модели? Во-первых, гражданская идентичность, как я уже сказал, — это реализованный проект, то есть нужно идти дальше. Тем не менее и в речи президента, и в главных нормативных документах словосочетание «гражданская идентичность» повторяется как мантра. Во-вторых, у нас существует культурное многообразие. Его, возможно, даже больше, чем нужно для реализации идеи национального единства страны. То есть получается, что модель, которая сейчас реализуется, опирается на существующее положение вещей — что есть гражданская идентичность и этнокультурное многообразие. Но нет главной третьей составляющей — гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, потому что существует конкуренция (об этом, в част-

ности, говорила Ольга Николаевна) между гражданской и этнической идентичностью.

В качестве примера приведу результаты исследования, проведенного в 2015 году в Чеченской Республике. 78 % жителей Чечни считают, что для них очень важно быть чеченцами, представителями своей этнической группы. Количество тех, кто считает, что для них важно быть гражданами России, — всего 36 %, то есть в два раза меньше. Это реальная конкуренция. В этой иерархии идентичностей у нас, к сожалению, часто на первом месте стоит этническая, конфессиональная, региональная идентичность, а российская — где-то на периферии. В перспективе это может привести к серьезным проблемам.

Мы считаем, что полностью преодолели проблему сепаратизма в 1990-е годы и можем развиваться дальше. На самом деле при любом внутреннем кризисе и внешнем давлении, которое вероятно в современных условиях, когда наши геополитические друзья активизировались (об этом много говорили на пленарном заседании), могут быть рецидивы. И не факт, что мы их успешно преодолеем, как это было сделано в 1990-е годы.

В связи с этим я предлагаю сделать следующий очередной шаг на пути к интеграции. Гражданского единства мы достигли, теперь нужно стремиться к социокультурному или цивилизационному единству. Когда речь уже идет не о том, что мы граждане одной страны, но у каждого своя культура, ценности, нормы, особенности поведения, специфика, а о том, чтобы нормы и ценности были едиными. Это не означает, что мы должны уничтожить этнокультурное многообразие. Это крайний шаг, который ни к чему не приведет. Это говорит только о том, что под многообразием мы должны подвести общий социокультурный фундамент, основанный на русской культурной и цивилизационной матрице.

— Чтобы все стали русскими? (*вопрос из зала*)

Б. В. АКСЮМОВ: — Нет, чтобы русские культурные исторические ценности стали основой для консолидации. Это не моя идея, но я с ней согласен. Об этом говорил президент, написано в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. Мы должны выбрать культурную матрицу, вокруг которой объединимся. Если это будет не русская матрица, то какая? Чеченская, татарская? Но 82 % населения — русские, поэтому мы и должны консолидироваться вокруг этой нации.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Марине Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — О чем бы мы ни говорили, все отталкивается от культуры и образования. Формирование культуры и национального сознания связано с культурой и образованием. В контексте Лихачевских чтений мне хотелось бы обратиться к словам Д. С. Лихачева, который рекомендовал в области образования в первую очередь выделить предметы гуманитарного

цикла, прежде всего историю, исключая фальсификацию исторических фактов.

Кроме того, Дмитрий Сергеевич выделял литературу. На современном этапе это особенно важно, потому что в наше время такие слова, как «рассказать», «прочитать», «повествовать», заменяются выражением «сделать сообщение». Но сделать сообщение — это нечто краткое, обездушенное, обезличенное. Когда мы читаем классику, хорошую литературу, то в первую очередь анализируем отношения людей, сталкиваемся с такими категориями, как честь, совесть. По оценкам ученых, эти слова сегодня тоже исчезают из нашего лексикона.

В третью очередь Дмитрий Сергеевич предлагает обратиться к языкам. Он много писал о языке, слове, культуре. Я добавила бы в этот список иностранные языки, потому что они расширяют окружающий мир, формируют умение коммуницировать с представителями различных культур. Мне кажется, что на такой облагороженной почве будут расти культурные растения, не чертополох. Хотя, как мы знаем, сорняки часто забивают культурные растения. Если под культурными растениями подразумевать культурных людей, то сознанием таких людей будет трудно манипулировать.

В. С. СТЕПИН: — Маленькая реплика насчет философии, которую не любил Д. С. Лихачев. Я, будучи философом, тоже не любил исторический материализм в той версии, которая представлена в учебнике Константинова, но это не значит, что мне не нравится философия. У Лихачева примерно такое же отношение.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Оресту Владимировичу Мартышину.

О. В. МАРТЫШИН: — Я хочу рассмотреть проблему, которая была затронута на пленарном заседании в выступлении академика В. С. Степина. Вячеслав Семенович сказал, что национальный интерес представляет собой нравственную, этическую ценность. Безусловно, правильная постановка вопроса. Коллизию между внешними вызовами и национальным интересом можно представить как конфликт этических ценностей. Помимо внешних вызовов, у национального интереса есть еще один потенциальный противник — частный, или личный, интерес.

Все конфликты на практике решаются просто и обусловлены соотношением сил и возможностей. Но в чем будет заключаться идеальная модель решения коллизий между тремя ценностями — частный интерес, национальный интерес и глобальный интерес или внешние вызовы? Мы признаем, что требования каждой стороны по-своему справедливы, обоснованы. Как быть, если эти обоснованные ценности сталкиваются? В том, что касается национального и личного, или частного, интереса, я, рискуя прослыть врагом либерализма, отверг бы распространенную в нашей юридической литературе последних лет мысль о том, что частный интерес должен превалировать. При этом все ссылаются на ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его

права и свободы являются высшей ценностью». Это, как мне кажется, не вполне удачное публицистическое выражение, которое грамотно опровергается в ст. 55 ч. 3 Конституции РФ, где перечислены основания, которые позволяют с помощью закона ограничивать эту высшую ценность — права человека. Лозунг «Права человека — это высшая ценность», приоритет прав человека нельзя отнести к сознанию грамотного либерала. Это результат правосознания искаженного тоталитаризма, которое строится по принципу полного отрицания того, что было. В то время высшей ценностью было государство, сейчас — права человека. В либеральной традиции этого нет и никогда не было. Во Всеобщей декларации прав человека приводятся те же принципиальные основания ограничения прав человека, что и в ст. 55 ч. 3 Конституции РФ.

Как быть с коллизией национального и глобального? Когда мы говорим «человек и государство», речь идет о части и целом. И как тут ни вспомнить Аристотеля, который сказал, что целое всегда предшествует части. Нельзя ли в коллизии национального и внешнего интересов попытаться применить модель, в которой целое всегда предшествует части?

Я думаю, что это невозможно по целому ряду обстоятельств. Прежде всего нет органического целого, потому что у государства другая степень единства по сравнению с международным сообществом, а есть суверенные державы, о чем сказано в ст. 2 Устава ООН. За глобальные интересы целого выдаются интересы отдельной группы государств, а методы и давление со стороны этой группы часто можно назвать новыми формами империализма (это слово не следует забывать, как и многие другие слова из марксистского лексикона). Если нет этого органического единства, то нет и способа осуществления глобального интереса, потому что санкции, основанные на международном праве, — условная категория, их применение затруднено и требует всеобщего консенсуса или, во всяком случае, консенсуса постоянных членов Совета Безопасности ООН, который возникает чрезвычайно редко.

Итак, следует признать, что в этой коллизии нет иерархии, высшей ценности. Нельзя говорить о том, что национальный интерес должен быть принесен в жертву глобальному. Национальное самопожертвование — совершенно невиданное явление. Это создает благоприятную почву для развития национализма. На нашей конференции неоднократно отмечалось, что сейчас мы переживаем период вспышки национализма, которой содействовал уход в прошлое биполярного мира, объединявшего страны и государства в различные группы.

Как относиться к национализму? Нужно любоваться, культивировать национализм или, наоборот, ставить препоны для его развития? Мне кажется, нужно прибегнуть ко второму методу. Для этого прежде всего необходимо четко различать защиту национальных интересов и национализм как мировоззрение. Национализм как мировоззрение при колоссальном разнообразии (он бывает сравнительно пристойным и абсолютно безобразным) обладает определенными чертами: нация — фетишизированный объект лояльности;

утверждение национального единства; не игнорирование, а отрицание социальных противоречий в рамках этой нации; нация — единый организм; любование национальными традициями, отсталостью.

Николай Семенович Лесков сказал, что так называемый консерватизм у нас чаще всего сводится к полной косности. Мы наблюдали любование национальными традициями. В связи с этим возникает чувство превосходства, потому что всякий национализм построено на идее национальной исключительности, национальной особенности. Такими мне представляются принципиальные различия между защитой национальных интересов и национализмом как мировоззрением и философией.

Национализм на основе этических соображений должен быть дополнен, облагорожен интернационализмом. Не нравится пролетарский интернационализм, который ушел в прошлое, — предложите другой вид интернационализма.

Нужно выбить из рук националистов всех мастей козырь, что национализм — это социальная программа, продемонстрировать ее убожество. Национализм, консерватизм всегда мирятся с социальной несправедливостью и неравенством. Любой консерватизм исходит из того, что мир несовершенен, он так создан и таким будет всегда. Следует демонстрировать, что одного национализма недостаточно, и показывать, какая социальная программа скрывается за национализмом.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — На трибуну приглашается Татьяна Викторовна Кузнецова.

Т. В. КУЗНЕЦОВА: — Хочу сказать несколько слов о парадигме народности в эстетической теории фольклора. Самобытное народное искусство занимает важное место в современной культуре. Генезис закономерностей развития обществ современного типа соответствует англоязычному термину «модернити», который сложно понять. Долгое время занимались изучением лишь схемы развития общества.

Народность как философско-эстетическая категория — это принцип, определяющий угол зрения на явления общественной жизни, культуры, одновременно ценность, критерий оценки общественного сознания. Народ есть продукт процесса модернизации, который формирует, утверждает и рассматривает культуру с точки зрения меры ее народности, отвечает различным эстетическим идеям и понятиям и т. д.

Разгадать тайну народности для поэта — значит быть верным действительности при изображении низших, средних и высших слоев. В народном творчестве запечатлена душа народа. Она чрезвычайно образно, ярко представляет его психологию, характер, способствует установлению взаимопонимания и выполняет символическую функцию.

Можно много говорить о структуре народности, вспомнить реминисценции из фольклорного наследия, поразительные современные инновации, зрелищные и игровые телешоу («Играй, гармонь», коллектив удмуртских пенсионеров «Бурановские бабушки», которых полюбили в России и Европе).

Дмитрий Сергеевич Лихачев писал, что культура — это святыня народа, нации. Сейчас модно говорить о ренессансе этничности, к которой неожиданно проявили интерес (в декабре 2014 г. На заседание Госдумы была приглашена кафедра эстетики). Государственные органы хотят возродить эстетическое воспитание. Но если раньше утверждали такие идеалы, как эстетическое воспитание и гармонически развитая личность, то сейчас — эстетическое воспитание в виде фольклорного творчества. Особенно ярко ренессанс этничности проявляется в современный период (например, «народники» в 1960–1970-х гг.).

Недавно вся страна отмечала День Победы, на котором было продемонстрировано единение народа, в том числе в связи с эстетической массовой жизнью, которая сейчас стремится возродиться. Например, Жуков как маршал Победы и как кавалерийский вахмистр — это разные люди. Изменились среда, язык общения, интересы, уровень образования, круг чтения и многое другое. Оставаясь наедине с самим собой, маршал любил поиграть на гармошке, на которой играл, еще будучи простым солдатом, а еще раньше — подмастерьем, скорняком. И мог ли он, родившись в смоленской деревне Стрелковке, где у него осталась мать и близкие родственники, иначе воспринимать есенинскую «страну березового ситца»?

Прошедший век оставил миру ряд проблем, от которых зависит будущее цивилизации. Жизнь стремительно развивается: интенсивная урбанизация, компьютеризация, научно-технический прогресс и т. д. Знаменитый художник Шемякин, выступая на творческом фестивале «Новелла», который проходит в Венеции, сказал, что венецианские фестивали мы можем возродить, только приглашая людей, играющих на русской гармошке, используя матрешек и петрушек. XX век богат художественными инновациями, которые могут быть названы революционными в искусстве. В истории искусств компьютер принадлежит к тем выдающимся достижениям науки и техники, которые олицетворяют новую деятельность, он подталкивает к рождению новых творческих практик.

Главный продукт творческой деятельности — человека — сейчас повсеместно стал заменять робот, который создается именно в ходе творческой деятельности. Американский футуролог Джон Нейсбитт писал, что робот возникает как продукт определенной исторической необходимости. Начиная с 2000 года японские специалисты, а также Джон Нейсбитт анализируют большую роль роботов в экономическом развитии: роботы строят роботов. Но роботов создал человек.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Светлане Мушаиловне Климовой.

С. М. КЛИМОВА: — На Лихачевских чтениях были представлены любопытные доклады и обозначены важные темы. Но иногда возникало ощущение, что гораздо проще говорить о глобальном, о том, что происходит в Европе, на Украине или в России, чем анализировать эмпирические срезы, наблюдать происходящие сегодня процессы.

Мой доклад посвящен теме русского национально-го сознания. Есть ли у нас нечто общее, о чем мы можем говорить, концептуализировать и выходить на цивилизационные срезы? Что мы представляем собой как нация? В определенном смысле сегодня в выступлениях представлена асимметрия — то, что мы говорим от имени народа и о народе.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — На трибуну приглашается Мария Ивановна Козьякова.

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Я представляю Институт им. М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России. Мы традиционалисты, Малый театр сохраняет наше культурное наследие. Это определяет русло моего выступления о национальностях. На эту тему ведутся длительные дискуссии, спорят видные отечественные и зарубежные ученые (говорят о тенденции примордиализма, конструктивизме Андерсона и др.).

Несколько слов о цивилизационном аспекте. Звучали призывы обратиться либо к Европе, либо на Восток. Но мы тоже Европа, просто другая. Еще в IV–III веках до н. э. Древний Рим разделился на восточный и западный. Восточный пал, но Византия, откуда наши корни, просуществовала тысячу лет. Мы являемся наследниками Рима и в то же время европейской цивилизацией. По всем параметрам, которые характеризуют западный цивилизационный универсум (картезианский рационализм, веберовская мотивация труда, альфа и омега буржуазной собственности, индивидуализм), мы другие. Нужно использовать арсенал «мягкой силы» — то, о чем сейчас говорят многие. Никуда не стремиться, а просто заниматься собственным развитием.

Совершенно справедливо высказался на пленарном заседании господин Дуткевич: все проблемы начинаются дома. Мы породили многие проблемы, в 1990-е годы обратившись на Запад. Национальное всегда возникает в ответ на западный вызов (после Петровских реформ началось национальное единение).

А. А. ГУСЕЙНОВ: — К микрофону приглашается Галина Григорьевна Коломиец.

Г. Г. КОЛОМИЕЦ: — Хочу вернуться к основным проблемам Лихачевского форума. Первая категория проблем связана с достоинством. Эта проблема поднималась во многих докладах, в частности австрийский философ Кёхлер сказал, что национальные интересы следует отстаивать с достоинством. О каком достоинстве он говорил? Он проводил различия между нацией и государством. Достоинство — в признаках других.

В изменяющемся мире можно найти неизменное ядро, существующее в нашем философском знании. Чувство собственного достоинства выделяется со времен античной философии, начиная с Аристотеля, и вплоть до сегодняшнего дня мы говорим о достоинстве, но уже в глобализирующемся мире. Речь идет об ответственности, умении отвечать на вызовы.

Вторая категория проблем — транснациональное. Говоря о транснациональном, профессор из Ирана выделил мысль, связанную с достоинством.

Транснациональное в искусстве — тема моего доклада. В Казани в конце апреля состоялся большой форум «Музыка как национальный мир искусства», посвященный 70-летию Казанской консерватории. Все участники признавали, что национальное связано с этническим. Но возник вопрос, что мы должны понимать под национальным, почему мы говорим «национальное», «этнокультурное»?

Здесь я возвращаюсь к выступлению А. А. Гусейнова, который высказал мысль о двух взглядах на нацию — нация как этнокультурное и как гражданское, геополитическое начало. Можно выделить и третью позицию — нация как космополитическое начало. Приведу пример из области искусства — София Губайдулина, которая родилась в Татарии (ее мать русская), но живет в Германии, она принадлежит и Востоку, и Западу. В фамилии Губайдулина поэтесса исключила второе «л», чтобы не подчеркивать, что это татарская фамилия. То есть она сторонник геополитического взгляда на мир, или гражданин мира. Как в этом плане можно представить критерии национального в искусстве? Как национальное этнокультурное, второе — как геополитическое, третье — как космополитическое. Я называю это транснациональным началом.

Любое произведение искусства создается национальным художником, но стремится стать транснациональным в своей бытийной сущности, уйти в вечность, быть признанным всеми. Не в смысле интернационального, как говорили в советское время, а именно как транснациональное, как выход, признание.

То, что происходит в искусстве, — усиление транснациональных начал — мы осмыслием здесь рационально и философски. Наверное, наше рациональное мышление еще не поднялось до интуитивного уровня, которое представлено в произведениях искусства.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Татьяне Борисовне Сидневой.

Т. Б. СИДНЕВА: — В русле обсуждаемой проблематики считаю необходимым и закономерным обращение к вопросу о границах национального в искусстве. Наиболее принципиальными здесь являются два момента.

Во-первых, эпоха глобализации открыла то, что проблема национального не существует стерильно, она неотделима от религиозных, политических, нравственных, эстетических аспектов культуры. Национальное в искусстве проявляется в сложном переплетении с социальными и психологическими процессами культуры.

Во-вторых, в национальном (и в его этническом, и в цивилизационном толковании) обнаруживается внутренняя разнонаправленность тенденций: с одной стороны, сегодня существует сверхактивный интерес к фольклору самых разных народностей, этническому прошлому, с другой — утверждаются образцы искусства, не имеющие какой-либо этнической «прописки» и даже искореняющие малейшую связь с «почвой».

В проекции на музыкальное искусство проблема национального приобретает особое значение, и в определенной степени звуковая сфера может служить ключом к пониманию проблемы в целом. Эта тонкая и трудно обсуждаемая тема открывается здесь весьма интересными гранями. На пленарном заседании академик В. А. Черешнев напомнил о колоссальной роли песни в Великой Победе, которая была больше, чем искусство. Она была знаменем духовности, патриотизма, нравственности, жизнеспособности нации.

Являясь мощной силой воздействия на сознание, музыка чутко запечатлевает структуру национального, прежде всего его внутреннюю антиномию: всеобщего и локального, архетипического и исторически преходящего. Глубокая объединяющая значимость музыки, позволяющая сближать носителей разных этносов и местных традиций и «говорить» за человечество в целом, соединяется с ее «разобщающей» способностью. Язык музыки настолько чутко отражает темперамент, традиции, менталитет отдельных этносов, что по степени «локализации» может соперничать с языком словесным, поскольку не допускает «перевода» музыки одних народностей на музыку других. Эта внутренняя антиномия музыки фиксирует важную для постижения ее смысла диалектику общего и особенного, национального и метанационального в культуре.

Музыка, фокусируя в себе остроту национального вопроса, обуславливает ключевое для понимания национального значение категории «граница». Ю. М. Лотман определял границу как фильтрующую мембрану, которая трансформирует чужие тексты так, чтобы они, вписываясь во внутреннюю семиотику семиосферы, в то же время оставались инородными. Д. С. Лихачев писал о «пограничье» как сфере укрепления национального самосознания. Диалектика границы, в ее единстве открытости и закрытости, помогает понять, что национальное — многомерная открытая целостность. Она неискоренима, но, как и любая сложная система, уязвима, подвержена всевозможным искажениям, имитациям, подменам. Это сполна подтверждает звуковая среда современного мира. Музыка неизменно сохраняет четкие национальные очертания, отражая геополитические, психологические особенности, менталитет, которые проявляются в создании, исполнении, восприятии музыкальных композиций. В то же время жизнеспособность звуковой среды проявляется не в герметичности и стерильности, но в открытом диалоге с «чужими» культурами.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Снапковской Светлане Валентиновне.

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Хочу сказать несколько слов о понятиях «нация», «национализм» и т. д. Национализм мы рассматриваем в широком и узком значениях. Здесь уместно привести слова выдающегося белорусского писателя, поэта Якуба Коласа: «Я выхував своих дзятей у самым лепшым у самым широким значении слова “национализм”» (он воспитал выдающихся деятелей науки и культуры Белоруссии, его дети — известные химики, физики, математики).

В свое время Белоруссией был избран правильный путь — суверенитет. Но сегодня основная тенденция заключается в том, что суверенитет Белоруссии не приводит к расширению коммуникаций на белорусском языке в силу запоздалого национального культурного возрождения белорусов. Если возрождение и создание государств у западных и южных славян пришлось на XIX — начало XX века, поэтому основные задачи национального культурного возрождения были решены, то у белорусов все сложилось иначе. Период активного национального самоутверждения застал белорусов в жестких рамках русификации, возможности возрождения белорусского языка были заморожены сначала образовательной политикой правительства, затем — сталинской русификацией, борьбой с так называемым нацдемом. Спустя два столетия после «весны народов» религиозно-почвенное отношение к языку стало анахронизмом, к тому же в городах для большинства приверженцев белорусский язык не является ни школьным, ни основным языком повседневной жизни.

При толерантности белорусского закона о языках, который, в частности, гарантирует гражданам право обращаться во все органы власти на двух языках, государственный статус белорусского языка не ущемляет права русскоязычного населения, поскольку русский язык имеет такой же статус. Согласно переписи 2009 года, 70 % белорусов предпочитают говорить по-русски. Выступая за двуязычие, большинство населения Белоруссии фактически высказываются за сохранение существующих тенденций в языковой ситуации, а значит, в целом смиряются с вытеснением белорусского языка русским.

Белорусы находятся на «постэтнической» стадии развития сообществ, когда национальность перерастает в гражданство и скрепляется не языком, этничностью, а общей организацией жизни в своем государстве. Вопрос о степени самобытности и привлекательности белорусского информационного наполнения, необходимого для национальной устойчивости, гордости за свою страну, пока остается открытым.

В то же время важной особенностью демонстрации культурного контента современной Белоруссии остается то, что белорусская элита все чаще обращается за смыслами, продуцирующими культурный дискурс. Так, согласно мартовским социологическим исследованиям, за последние 10 лет сложилась своеобразная ситуация: национальная идентичность белорусов укрепилась, однако все меньшую роль в этом процессе играет белорусский язык.

Приведу динамику ответов на вопросы. Чем белорусы отличаются от русских? Социологи констатируют, что белорусы все больше осознают себя отдельно от русской нации. Если в опросах 2002, 2003, 2006 годов доля респондентов, считающих, что между народами нет отличий, колебалась около показателя 40 %, то в последнем опросе она составляет примерно треть. На наш взгляд, весьма показательно и то, что изменялось наполнение этих отличий. В вопросах 2002, 2003, 2006 годов вариантом, набравшим наибольшее число голосов, был белорусский язык, однако от опроса

к опросу он утрачивал свои позиции качества, отличающего белорусов от русских. В последнем опросе он уступил лидирующую позицию отличиям в культуре, традициям, истории.

Изменение ситуации с белорусским языком, его роли в белорусском обществе нашло свое отражение и в ответе на вопрос: «Если бы завтра состоялся референдум, какой язык должен быть в Белоруссии государственным?». Данные показывают снижение доли сторонников одного государственного белорусского языка и рост приверженцев русского государственного одноязычия. Соотношение этих долей к марту 2015 года практически уравнилось. При этом социологи отмечают, что позиция государственности одного русского языка вообще не представлена в белорусском обще-

ственном дискурсе. За лишение белорусского языка официального статуса публично не выступал, пожалуй, никто. Однако это не означает, что такое мнение отсутствует в обществе. Как видим, оно присутствует и расширяет круг своих приверженцев. По последним данным, несмотря на то что сложилась подобная ситуация, значимость белорусского языка в нашем обществе возрастает, проникая в конфессиональные сферы — католичество и православие.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Уважаемые коллеги, наша дискуссия подошла к концу. Через год мы вновь встретимся и продолжим, может быть, расставив иные акценты, разговор, который ведем на протяжении ряда лет.

Секция 3 НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

15 мая 2015 г. Лекционный зал № 3, СПбГУП

Руководители секции:

А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Т. БАУЭР	профессор Университета им. И. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия)
Д. ГЭЛБРЕЙТ	профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

ДОКЛАДЫ

С. А. Антипин¹

ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный этап глобализации общественного и экономического развития обостряет целый ряд проблем, с которыми действующие международные институты справляются пока неудовлетворительно. Неравномерность роста, демографические дисбалансы, старение населения развитой части мира порождают мощные миграционные потоки, создают и обостряют серьезные межцивилизационные противоречия. Остро стоят проблемы обеспечения международной безопасности, предотвращения и урегулирования региональных конфликтов, создания средств для борьбы с международным терроризмом, преодоления кризиса нераспространения ядерного оружия. К этому следует добавить глобальные экологические проблемы, потепление климата, рост числа природных катастроф.

Усиливается неопределенность мирового развития. Возросшее число игроков, определяющих формирование мировой экономической динамики, принципиально отличает ситуацию первых десятилетий XXI века. К сложившимся в середине XX века центрам силы уже добавились такие крупные игроки, как Китай, Индия, Бразилия, Иран. К 2010 году впервые в новейшей истории ВВП развивающихся стран по паритету покупательной способности пре-

высил ВВП развитых стран. Новые центры силы оказывают растущее воздействие на все мирохозяйственные тренды, меняют конфигурацию мировой торговли, валютной сферы, потоков капитала и трудовых ресурсов. Обострение конкуренции в этих направлениях чревато рецидивами экономического национализма, протекционизма, а также изменением ряда принципов мирохозяйственного регулирования. Процессы глобализации на основе научно-технического прогресса и ускорения инновационных процессов в большинстве регионов мира, особенно в крупных развивающихся странах, приведут к увеличению их доли в мировом валовом продукте, усилят их значение в глобальном технологическом развитии.

Россия не должна оказаться на обочине этих процессов, что возможно только при реализации инновационного сценария экономического роста. Перспективы развития мировой экономики прямо зависят от темпов разработки новшеств и скорости диффузии новых технологий, формирования новых отраслей и модернизации «низкотехнологичного» сектора промышленности и услуг, встраивания предприятий традиционных отраслей в структуру «новой экономики». Все эти тенденции создают объективную основу расширения сферы научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, увеличения потребности в высококвалифицированных научно-инженерных кадрах, в финансировании научных исследований и разработок темпами, превышающими показатели экономического роста, что приведет к дальнейшему росту наукоёмкости ВВП всех стран мира.

¹ Профессор кафедры экономики, управления и бизнеса Московского государственного областного гуманитарного института, доктор экономических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Трансформация аграрных производственных структур в российской экономике», «Формирование системы организационно-экономических отношений в аграрной сфере»; статей: «АПК: экономический рост или углубление кризиса?», «Совершенствование стратегии ценообразования в АПК», «Основные тенденции в развитии ЛПХ России» и др.

Современный период будет характеризоваться структурной перестройкой мирового хозяйства, связанной с изменением баланса между ее экономическими центрами, возрастанием роли региональных экономических союзов. Дальнейшее развитие мировой экономики будет определяться балансом между сложившейся тенденцией поступательной глобализации мировой экономики и тенденциями регионализации как реакцией на рост напряженности между мировыми центрами силы и накопление диспропорций в мировой торговле и финансовой системе. При этом дальнейшее накопление диспропорций в мировой финансовой системе уже привело к финансовому кризису в США и странах ЕС, что многократно повышает риск начала глубокого финансового кризиса и резкого замедления темпов роста мировой экономики. Китай по мере роста и укрепления своих позиций активно вступает в группу стран — претендентов на лидерство и стремится играть значимую, а в перспективе и ключевую роль в решении мировых проблем и создании новой «архитектуры» глобальной безопасности и соразвития.

Для реализации проекта «глобальная держава» Китай наращивает и укрепляет свой экономический потенциал, подкрепляя его соответствующим уровнем военно-стратегического развития, уделяя должное внимание гуманитарному влиянию, которое американский аналитик Дж. Най назвал «мягкой силой». Ресурсы «мягкой силы» обеспечивают государству, претендующему на лидерство, всеобщее восхищение и готовность последовать за ним. Китайское руководство понимает этот тренд мировой политики и прилагает усилия для организации мероприятий общемирового масштаба, направленных на популяризацию китайской культуры, китайского языка и иной атрибутики, присущей Китаю. В отличие от Соединенных Штатов, лидерство которых было неоднократно скомпрометировано односторонними жесткими действиями, Китай стремится восстановить историческую справедливость с помощью бескровного «возвышения» над угнетателями, то есть модель глобального управления Китая абсолютно не вписывается в рамки модели американского лидерства, что делает честь китайской схеме мирового управления. Во многих отношениях китайское лидерство будет для России более приемлемым, чем американская гегемония.

На данном этапе усиление Китая и его политическая позиция имеют, безусловно, положительное значение для России. Особенно это чувствуется в условиях западных санкций. Китай весьма своевременно оказался новым потребителем российского газа, занял нейтральную позицию по отношению к Крыму, разделяет российское видение взаимоотношений различных государств как равноправных партнеров и в этом смысле способен стать лидером многополярного мира, гораздо более приемлемым для различных народов, нежели США. Сегодня Китай — это уже не потенциальный лидер, имеющий все шансы потеснить на мировом пьедестале уже несколько ослабевающие США. Если раньше Пекин, хотя и шел своим путем, но все же кооперировался по многим вопросам с Вашингтоном, то сегодня в рамках меняющейся международной системы он по-

степенно разводит мосты и заявляет о себе как о сильной и самостоятельной державе, как экономически, так и политически, что ведет к соперничеству с США в различных регионах мира за сферы влияния. В таких условиях Китаю выгоднее сотрудничество с еще одной развивающейся страной — Россией, которая не стремится навязывать свои интересы другим.

В рамках данной темы нельзя обойти вниманием вопрос экономического взаимодействия стран, в котором за прошедшие несколько лет произошли существенные изменения. К сожалению, нельзя не учитывать, что именно экономическое сотрудничество представляет собой наиболее слабое звено в двустороннем диалоге. Торгово-экономический уровень отношений значительно отстает от уровня политических связей, и коренная причина этого отставания зависит прежде всего от темпов реализации программы модернизации в России и проблем, связанных с прозападной ориентацией значительного сегмента российского и китайского крупного бизнеса. Это наглядно видно, если сравнить показатели российско-китайской торговли с торговлей наших стран с другими своими ведущими партнерами. Так, в 2013 году товарооборот Китая с США составил 521 млрд долларов, с Японией — 312,55 млрд, а с Россией — всего лишь 89,21 млрд долларов. Безусловно, это наивысший показатель за годы плодотворного сотрудничества, однако в мировых масштабах он крайне низок. Также сложность заключается в структуре торговли, поскольку Китай рассматривает Россию как поставщика сырья и энергоносителей, в то время как для России Китай — поставщик промышленных товаров и инвестиций. Однако даже в плане инвестиционного сотрудничества замечается невысокая динамика, хотя наше правительство осознает существование этой проблемы и старается привлечь китайский капитал в Россию.

Несмотря на достаточно большое количество совпадений в подходе стран к международной системе, у Китая существуют свои интересы, которые он не намерен согласовывать с Россией или с кем бы то ни было. Да, в данный момент позиции китайского истеблишмента близки российским, но будет ли это продолжаться долго? Ведь все мы знаем из исторического опыта о том, что Китай в свое время, имея в целом дружественные отношения с СССР, в один прекрасный момент понял, что не хочет быть «младшим братом», и переориентировался на Запад, в сторону США.

Однако вопрос заключается в следующем: может ли подобная ситуация произойти сегодня, в новых геополитических реалиях? На мой взгляд, нет, поскольку США уже не столь сильны, как раньше, и если Китай все же отвернется от России, то по совсем иной причине. Учитывая тот факт, что КНР огромными темпами наращивает свой экономический, военный и политический вес на мировой арене, существует возможность перегруппировки сил и выхода страны на авансцену мировой политики в качестве нового лидера в международных отношениях. Нужна ли будет в таком случае Россия Китаю? Возможно, да, как страна-сателлит, ведь сейчас одним из инструментов сдерживания Китая является отсутствие полноценных союзников, кро-

ме России. Но, возможно, Россия не пригодится Китаю, и он будет распространять свое влияние на близлежащие территории, затрагивая интересы Российской Федерации, в первую очередь на Дальний Восток, который уже сегодня находится в некоторой экономической зависимости от Китая, и на постсоветское пространство. Приходится думать, что России с ее политическими амбициями и некоторыми авторитарными наклонностями не понравится такое развитие событий, что приведет к конфронтации и, возможно, даже к локальному вооруженному конфликту. Однако, по мнению большинства экспертов, такой вариант развития ситуации маловероятен.

При сохраняющейся динамике взаимоотношений Китай и дальше будет прямо или косвенно поддерживать Россию во всех международных делах. При этом произойдет новый прорыв в экономическом взаимодействии между странами — наконец увеличится товарооборот, что явится признаком тесного сотрудничества на всех уровнях. Однако это возможно лишь при условии, что российским правительством будет принят ряд шагов, нацеленный на диверсификацию

российской экономики, подъем промышленного сектора и переориентацию с сугубо энергетической и сырьевой направленности на более выгодные с экономической точки зрения товары. Такое положение вещей, несомненно, усилит положение России как в мире, так и в связке Россия–Китай. Еще З. Бжезинский говорил, что если Россия и Китай станут полноценными союзниками, то эти государства создадут тот самый Хартленд, о котором писал Х. Маккиндер. А США станут «одиноким островом». Кроме того, данное взаимодействие снимет противоречия в Центральной Азии, поскольку, на мой взгляд, Китай не претендует на доминирующую роль в регионе, просто экономическая слабость России порождает предположения касательно китайской экспансии. Российская Федерация и КНР действительно могут стать не только хорошими партнерами, но и союзниками и друзьями, поскольку исторически у нас больше возможностей наладить диалог, даже при имеющихся незначительных разногласиях, нежели с США, с которыми у нас более сложные отношения на протяжении всего периода после Второй мировой войны.

К. И. Вайсеро¹

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Поиск ответов на глобальные вызовы и реализация национальных интересов неотделимы от осмысления вопроса о ресурсах, которые могут быть задействованы в этих процессах. В этом плане особый интерес представляет анализ взаимосвязи между этнокультурным разнообразием населения и состоянием социально-экономических отношений в отдельном регионе. Исторический опыт убедительно свидетельствует о том, что экономический потенциал и социальная стабильность являются важным фактором, определяющим положение страны, ее авторитет на мировой арене, возможности влияния на экономические, политические, социальные и другие процессы. В России исследование этих аспектов преимущественно осуществлялось в рамках исторической, социологической и экономической науки².

¹ Заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Московского городского университета управления Правительства Москвы, доктор психологических наук, профессор. Автор научных работ: «Коммуникативно-деятельностный компонент профессиональной компетентности военного специалиста» (в соавт.), «Активизация самостоятельной работы студентов — путь к повышению качества подготовки специалистов среднего звена», «Средства культуры и искусства как фактор социально-культурной идентификации студенческой молодежи», «Пути социально-культурной идентификации жителей города Москвы», «Психология социально-культурной деятельности в вооруженных силах Российской Федерации», «Социально-культурная деятельность: учебник» (в соавт.). Член редколлегии журнала «Армия и общество».

² Тишков В. А. Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности и развития российского общества : статьи и интервью. М. : Моск. бюро по правам человека : Academia, 2008.

Придерживаясь суждения О. Н. Астафьевой, что в демократическом обществе должен действовать «принцип когерентности (согласованности) политики, экономики, культуры»³, мы предполагаем в границах этого треугольника начать поиск ответа на вопрос, вынесенный в название данной статьи, — этнокультурное разнообразие: конкурентное преимущество или проблема?

Большинство российских и зарубежных авторов рассматривают этнокультурное разнообразие как проблемный фактор, который следует учитывать при социально-экономическом развитии определенной территории⁴. Политическая и социальная нестабильность, возникающая в процессе межэтнических противоречий, ухудшает социально-экономическую привлекательность региона или страны в целом. Приведем одно из типичных мнений, бытующих в Интернете по этому вопросу: «В абсолютном лидерстве по уязвимости целостности РФ... является этноконфликт между русскими и кавказцами, между русским центром и кавказской периферией — и по масштабам последствий,

³ Астафьева О. Н. Культура и гражданское общество: в поисках национально-культурной идентичности. URL: <http://www.mzst.ru/pages/17-o.n.-astafeva-kultura-i-grazhdanskoe.html>

⁴ Васильева В. В. Проблемы этнокультурной глобализации в развитии современного мира : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011 ; Ибрагимов М.-Р. А., Магомедханов М. М. Дагестанское этнокультурное многообразие: опыт и проблемы // Газета «Елдаш/Времена». 2008. 24–31 окт. ; Поштарева Т. В. Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Владикавказ, 2009 ; Терборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 1. С. 50–67; и др.

и по легкости разжигания. Наибольший масштаб действий (количество жертв) развернется на Ставрополье (южные районы), Москва явится резонансом ситуации, ее актуализацией, а города центральной России охватятся последствием...»¹

При явном преувеличении проблемы в вышеприведенном высказывании стоит отметить, что межнациональное согласие с точки зрения обеспечения экономического развития особо значимо для крупных городов (Москва, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбург, Новосибирска, Владивостока и др.), а также для многонациональных регионов, таких как Северный Кавказ, республики Поволжья.

В последнее время вследствие активизации миграционных процессов проблемы взаимоотношений представителей разных национальностей, религий и культур так или иначе возникают в средних и даже малых населенных пунктах России.

Поводом для возникновения межэтнического напряжения становятся различия бытового характера, несоблюдение правил культуры поведения представителями некоренного населения. Подлинными же причинами этого явления в большинстве случаев имеют социально-экономическую основу. Примерами могут служить межэтнические конфликты в Кондопоге (Республика Карелия) и Сагре (Свердловская область). В обоих случаях фигурировали экономические интересы некоренных групп населения: в Кондопоге — чеченцев, владельцев ресторана, в Сагре — цыган-наркоторговцев и их кавказских покровителей.

При этом урегулирование экономических интересов не означает автоматического снятия межэтнических проблем. Надо понимать, что «нельзя заставить жить вместе по расчету, на основе взвешивания выгод и затрат. Такие “расчеты” работают до момента кризиса. А в момент кризиса начинают действовать в обратном направлении»².

Поэтому руководство страны, весь государственный аппарат России нацелены на создание условий межнациональной стабильности. Инструментом реализации государственной экономической и социальной политики являются федеральные целевые и государственные программы. Министерством регионального развития России реализуются семь программ. Следует отметить, что три федеральные целевые программы из семи так или иначе связаны с национальной спецификой: «Социально-экономическое развитие Республики Ингушетия на 2010–2016 годы», «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2011 годы», федеральная целевая программа «Юг России (2008–2012 годы)».

В российском обществе растет понимание того, что этнокультурное разнообразие может стать фактором, повышающим конкурентное преимущество экономико-хозяйственной деятельности региона и страны в целом³. Наблюдения за развитием рыночной экономики показывают, что разные этнические группы в раз-

личных странах неодинаково приспособлялись к этому процессу. Среди причин наряду с этнокультурной спецификой называют неодинаковый стартовый уровень развития экономики, особенности политической ситуации, национальные традиции экономического обогащения и т. п.

Существует ли значимая зависимость между национальностью, этническим фактором и эффективностью экономической деятельности в рыночных условиях? Однозначный ответ на этот вопрос дать сложно. Российская национальная культура складывалась и развивалась длительное время на основе многих этнических традиций. Материальная культура, система хозяйствования русского народа исторически формировались в суровых природно-климатических условиях. Россия постоянно подвергалась воздействию разных цивилизаций, происходили культурные заимствования. В России уже давно сложилось уникальное многокультурное общество при безусловном преобладании культуры русского народа.

Следует отличать понятия «многокультурное» и «мультикультурное». Категория «мультикультурализм» имеет непростую историю. Понятие «мультикультурализм» впервые появилось в конце 1960-х годов в Канаде, а в 1971 году стало официальным термином, обозначающим новый правительственный курс на отказ от традиционной модели национальной интеграции. Впервые был официально провозглашен плюралистический подход к интерпретации сущности национального сообщества. Согласно данному подходу единство политической нации и этнокультурная неоднородность населения не исключают друг друга. Более того, условием единства нации (понимаемой как единство граждан) является признание культурного разнообразия ее составных частей. Провозглашалась цель сделать государство более чувствительным к запросам своих граждан всех культурных и языковых групп. Неофициально считалось, что для правительства мультикультурализм был и остается способом увести политические дебаты от противостояния англофонов и франкофонов и тем самым избежать дальнейшей поляризации канадского общества⁴.

Опыт Канады в целом ряде направлений специфичен. Специфика обусловлена тем обстоятельством, что становление государственности в этом случае не сопровождалось формированием однородного правового и языкового пространства. Кроме того, Канада является иммиграционной страной. Структура ее населения такова, что ни одна из этнокультурных групп не может претендовать на монополюсный статус в публичном пространстве. Поэтому интеграция этнокультурных групп иммигрантского происхождения совершается в уже существующую парадигму культурного плюрализма.

Несмотря на очевидное своеобразие опыта Канады, проблемы, с которыми она сталкивается, во многом типичны для индустриально развитых стран. Во-первых, это радикальное изменение этнического и этнокультурного состава населения, которое влечет за собой изменение социокультурной среды принимающих обществ.

⁴ *Осташкин В. Н.* Современный мультикультурализм: основные теоретические подходы и некоторые сценарии возможного развития // Проблемы мегаполиса. 2009. № 2.

¹ <http://www.rukavkaz.ru/articles/lib/406/0/>

² *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

³ *Тишков В. А.* Рыночная экономика и этническая среда // Общество и экономика. 2005. № 12.

Во-вторых, это присутствие в публичном пространстве выходцев из мусульманских стран, которое часто сопряжено с общественно-политическими напряжениями и противоречиями. В-третьих, это новый запрос на членство в политической нации, формирующийся в среде граждан иммигрантского происхождения.

Несколько позже лозунг мультикультурализма взяла на вооружение Австралия. Правительство этой страны положило конец бесперспективной политике ассимиляции иммигрантов и дискриминации «цветных» и постаралось сделать государство более удобным для проживания всех жителей независимо от происхождения и языка. Разница между Канадой и Австралией заключается в том, что канадский мультикультурализм делает основной акцент на сохранении и поощрении этнических общин, а австралийский — на свободе выбора индивидами своей культурной принадлежности и интеграции общества.

По аналогичному пути в 1975 году пошла Швеция, объединив под «шапкой» мультикультурализма политику в отношении иммигрантов и традиционных меньшинств страны.

Во всех трех случаях мультикультурализм понимался широко — как начало, объединяющее борьбу с дискриминацией, поддержку этнических неправительственных организаций, введение школьного обучения на языках иммигрантов и меньшинств и даже поощрение толерантности. Обобщенное и усредненное представление о мультикультурализме как правительственной политике сводится к следующему — это компромиссная стратегия, избегающая двух крайностей: социального исключения мигрантов и их принудительной ассимиляции¹.

Системы жизнеобеспечения различных этнических групп, некогда существенно отличавшиеся, в современную эпоху сближаются, прежде всего в силу развития мирового производства на основе общих технологий и появления сходных форм трудовой организации (частный аграрный производитель-фермер, компания, банк и т. п.). Система жизнеобеспечения — это определенный строй экономической жизни, хозяйственный опыт, трудовые традиции, трудовая этика. Эта система у разных народов складывалась и менялась на протяжении истории. Понятие «народ» может означать как этническую общность, население государства, так и его национальную традицию. Можно говорить о трудовых традициях русских, татар, чукчей, но также су-

ществуют трудовые традиции россиян, немцев, американцев и т. д.

Современное трудовое поведение членов этнических сообществ отражает некую общую установку под названием «интересы людей», которая определяется базовой для любого сообщества социальной стратегией. Элементами такой стратегии являются прежде всего желания преуспеть в жизни, обеспечить себя, свое потомство, достичь определенных жизненных благ, исполнить определенную социальную миссию, на понимание которой этническая принадлежность оказывает некоторое влияние (но это влияние никогда не было определяющим)².

Сейчас существует тенденция к снижению этого влияния. Современный человек стремится соответствовать реальным требованиям экономики. Ссылки на русские народные сказки и поговорки вроде преимуществ «лежания на печи» как явления, не просто «исконно русского», но и морального, противостоящего «бездумному» прагматизму и «презренному» стяжательству, в настоящее время несостоятельны.

В современной науке существует мнение, что стремление человека к инновациям гораздо сильнее, чем приверженность традициям. Культурно-детерминированная склонность людей к адаптации, модернизации, восприятию технологических достижений является гораздо более сильной, чем принадлежность к определенному этносу. Эта склонность формируется скорее под влиянием глобальных процессов, а не национальных традиций.

В заключение следует сказать, что современные процессы стирают понятие «российская глубинка», «кавказский аул», «сибирская глушь». Люди из провинции, наряду с теми, кто живет в крупных городах, достигают больших успехов в бизнесе. Каждый человек имеет возможность получить социально-экономический статус, соответствующий его способностям, вне зависимости от национальной принадлежности.

Таким образом, этнокультурное разнообразие может стать конкурентным преимуществом только тогда, когда общая социальная и экономическая культура, складывающаяся в рамках Российского государства и общества, станет оказывать более сильное влияние на социально-культурное развитие России, чем этнические и культурные традиции отдельных народов. Культурное многообразие России — потенциальный источник ее экономического роста.

¹ Rex J. *Ethnic Minorities in the Modern Nation State: Working Papers in the Theory of Multi-Culturalism and Political Integration*. Basingstoke: Macmillan Press, 1996.

² Тишков В. А. Рыночная экономика и этническая среда.

Ф. Б. Власов¹**СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ, ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

В глобальной экономике идет постоянная конкурентная борьба, отражающая столкновение экономических интересов транснациональных корпораций, отдельных стран, их объединений. В конечном счете это борьба за влияние в мире различных философских и религиозных учений, систем ценностей, идеологий. Их преимущество доказывается самыми разными методами, далеко не только экономическими.

Нынешняя гегемония западной либерально-индивидуалистической системы ценностей утверждалась веками. При этом использовался весь арсенал средств воздействия на сознание людей. Отличительной чертой этой системы ценностей всегда являлась установка на экспансию любыми путями и доступными средствами. Еще в эпоху колониальных захватов вместе с вооруженными отрядами европейских колонизаторов в покоренные страны проникали католические и протестантские миссионеры. В XIX столетии Великобритания продвигала свои товары на зарубежные рынки не только посредством успешной конкуренции с местными производителями, но и силой оружия. В XX веке те же методы воздействия на конкурентов использовали США, к тому времени сменившие Великобританию в роли мирового лидера. Выдвижению Соединенных Штатов во многом способствовали итоги Второй мировой войны, из которой они вышли самой могучей экономической державой мира, а доллар фактически превратился в мировую валюту. Были созданы ООН, другие международные организации. Умело используя полученные преимущества, США расширяли и укрепляли свое влияние в мире, продвигая вместе с товарами и свою систему ценностей. Принятие в 1948 году Всеобщей декларации прав человека обеспечило ей широкое международное признание.

После распада Советского Союза и завершения холодной войны, пожалуй, лишь ценности ислама активно противостоят либерально-индивидуалистической системе ценностей на международной арене. Вероятно, именно это противостояние является глубинной причиной такого глобального вызова современности, как международный терроризм. Наиболее радикальная часть исламского мира не готова мириться с чуждой системой ценностей, ущемлением своих экономических интересов и ведет борьбу военными средствами. В свою очередь США под предлогом защиты прав человека вмешиваются в дела других стран, используя вооруженные силы. В последние годы зона нестабильности в мире неуклонно расширяется, что дает Сое-

диненным Штатам повод для дальнейшего военного вмешательства. Военные победы этой страны приводят к проникновению на подконтрольную территорию американских компаний, как это было, например, в Ираке. Тем самым становится очевидным, что силовые акции США обусловлены в конечном счете их экономическими интересами.

На протяжении значительной части XX столетия альтернативой либерально-индивидуалистическим ценностям выступала система ценностей реального социализма. К сожалению, ее несостоятельность, ставшая очевидной к концу 1980-х годов, привела к отказу и от многих позитивных российских традиций. Как говорится, вместе с водой у нас умудрились выплеснуть и ребенка. Наивная вера в то, что, играя по чужим правилам, мы быстро добьемся такого же, как у них, уровня жизненного благополучия, побудила нас прилежно перенимать институты рыночной экономики в ее самом ортодоксальном варианте. С начала 1990-х годов экономическую политику России определяют либеральные догмы, касающиеся частной собственности, конкуренции, невмешательства государства, глобализации, неограниченной свободы движения капиталов. Либерально-индивидуалистическая система ценностей закреплена в российской Конституции. По образцу западных демократий перестроена политическая система.

Однако результаты либеральной политики реформ противоречивы. Бесспорным ее достижением стало насыщение потребительского рынка. Но за это пришлось расплачиваться усилением сырьевой направленности российской экономики. Не оправдались надежды на массовый приток прямых зарубежных инвестиций. Зато отток российских капиталов за границу приобрел хронический характер. Обновление основных фондов идет очень выборочно, далеко не всегда отвечая задаче технического перевооружения российской экономики в целом. Чрезмерным стал разрыв в уровне доходов населения страны. Во многом утрачена связь между квалификацией работника, его вкладом в конечные результаты и заработной платой. На рынке труда заметно сузилось разнообразие предлагаемых рабочих мест, в особенности требующих высокой квалификации, что определяет миграцию за рубеж наиболее инициативной и подготовленной части российской молодежи.

Объясняя причины провалов политики реформ, сторонники либерального курса обычно указывают на несовершенство российских институтов. Однако попытки их дальнейшего преобразования наталкиваются на консерватизм неформальных институтов, определяющих фундаментальные основы народной жизни, национальную идентичность россиян. Фактически это означает, что усилия по внедрению у нас чужеродных образцов жизнеустройства оказались во многом тщетными и не поколебали складывавшуюся веками систему российских ценностей.

¹ Профессор кафедры экономической теории и управления персоналом Государственного университета — учебно-научно-производственного комплекса (Орел), доктор экономических наук. Автор около 120 научных публикаций, в т. ч.: «Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие», «Институты и нравственные основы доверия в экономике России» (в соавт.), «Нравственно-этическая сущность экономических отношений и политика реформирования российской экономики», «Культурно-нравственный капитал: показатели, оценка и роль в экономике» и др.

Данное обстоятельство стало очевидным в свете ряда примечательных событий последнего времени.

Во-первых, это развернутая в последние годы на Западе кампания за легализацию однополых браков. Причины, породившие эту кампанию, в общем-то, понятны. Высокая насыщенность потребительского и политического рынков побуждают бизнесменов и политических деятелей бороться за любые рыночные ниши и группы электората. А господствующая либерально-индивидуалистическая система ценностей поощряет принятие самых экзотических законодательных актов. Разумеется, и в этих странах общественное мнение неоднородно. Достаточно вспомнить массовые демонстрации протеста во Франции накануне принятия соответствующего закона. Однако уступить протестующим для французской политической элиты означало бы поступиться принципами либерально-индивидуалистической системы ценностей. Отрадно, что российская политическая элита в целом единодушна в своем отрицании однополых браков.

Во-вторых, знаковым событием, подчеркнувшим несоответствие российских и либеральных европейских ценностей, стали демонстрации и борьба мнений, последовавшие за террористической атакой на парижский сатирический еженедельник «Шарли Эбдо». Наряду с осуждением терроризма как такового прошедшие в Европе выступления акцентировали внимание на защите формальной свободы слова. При этом вопрос о необходимости уважительного отношения к чувствам верующих даже не ставился.

Иные акценты прозвучали в выступлениях, состоявшихся в нашей стране. Будучи солидарны со своими западными партнерами в осуждении терроризма, многие выступавшие россияне подчеркивали, что свобода слова накладывает на журналистов особую ответственность, предполагающую учет альтернативных мнений, терпимость, деликатность в своих публикациях, уважение к людям, придерживающимся иных религиозных убеждений.

С особой силой расхождение в понимании ценностей современного мира проявилось после воссоединения Крыма с Россией. Шумиха, поднявшаяся по этому

поводу на Западе, в очередной раз продемонстрировала характерные для него двойные стандарты в оценке внешнеполитических событий. Тем показательнее единодушие российской политической элиты, самая широкая поддержка принятых решений населением. Россияне снова доказали свою способность к единению, умение забыть личные амбиции, поступиться своекорыстными интересами перед лицом внешних угроз.

Введенные Западом санкции против России еще раз высветили его готовность к применению силовых приемов в конкурентной борьбе, подчеркнули всю зыбкость либеральных принципов, на которых основана конструкция Всемирной торговой организации. Стало очевидным, что наши западные партнеры по ВТО руководствуются этими принципами лишь тогда, когда им это выгодно по экономическим или политическим соображениям.

По нашему мнению, санкции, введенные Западом против России, служат прекрасным поводом, чтобы пересмотреть условия членства нашей страны в этой международной организации. Тем более что для российской экономики и общества результаты такого членства далеко не однозначны.

Требуется определенной корректировки и вся система либеральных рыночных институтов, построенная по западным лекалам. Ведь в свое время она создавалась в интересах этих стран, и далеко не факт, что всегда и во всем будет отвечать экономическим интересам России. Например, такая рыночная догма, как свобода движения капиталов. Надежды на приток зарубежных инвестиций по большому счету так и не оправдались. Зато мы получили хроническое отрицательное сальдо в обмене капиталами с границей. Притом утекают они в основном на Запад.

Система либеральных рыночных институтов очень логична и последовательна, имеет солидную теоретическую базу, опирается на либерально-индивидуалистические ценности. Сегодня все понятнее, что они не во всем тождественны российским ценностям.

Возможно, россиянам еще предстоит переосмыслить значение для будущего России той системы ценностей и институтов, что столь поспешно были приняты нами в 1990-е годы.

Джеймс К. Гэлбрейт¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Для меня большая честь иметь возможность поделиться мыслями и идеями с коллегами в рамках XV Международных Лихачевских научных чтений.

Мой отец, родившийся в 1908 году, был современным академиком Дмитрия Лихачева. Он также был известен в литературных кругах, так как некоторое время возглавлял Американскую академию искусств и литературы и был первым экономистом на данном посту. Я горжусь тем, что продолжаю эту традицию, являясь членом Класа нравственных наук историко-филологического факультета Национальной академии деи Линчеи.

С другой стороны, так как я экономист, мои увлечения достаточно прозаичны, моя деятельность связана не с великими идеями, а с мелкими деталями. Я не являюсь последователем Рикардо в вопросе построения абстрактных моделей и математических формул, основанных на нереалистичных предположениях. Полагаю, что здравые стратегии основаны на точных знаниях, а знания, в свою очередь, частично, но не полностью базируются на тщательных и достоверных измерениях (вычислениях). Идеальный в моем понимании экономист был описан Кейнсом в его очерке о Маршалле: «одновременно целеустремленный и обращенный к небу, как истинный художник, но при этом твердо стоящий на ногах и практичный, как политический деятель».

В связи с вышесказанным мои исследования на протяжении двадцати лет были большей частью посвящены простой на первый взгляд проблеме: измерению экономического неравенства на национальном уровне. Адекватное сравнение стран или изменений во времени весьма затруднительно — в основном потому, что при получении данных приходится в большой степени полагаться на опросы. Исследования очень дорогостоящи и проводятся нерегулярно; особенно проблематичны они в бедных странах. К тому же цель и структура исследования постоянно меняются. В результате мы получаем путаницу, за исключением небольшого количества измерений, проводимых в богатых странах. Эконометристы пытались сгладить колебания при помощи сложных статистических инструментов, но получилось не вполне удачно.

Новой модной альтернативой стало использование данных о подоходном налоге, особенно для измерения доли доходов в высокодоходном сегменте. Но данные о подоходном налоге можно узнать только в тех странах, где он существует. В последнем обновлении *Top Incomes* их насчитывалось 29, при этом большинство

были англосаксонскими или странами континентальной Европы. Более того, налогооблагаемый доход определяется налоговым законодательством и различается как между странами, так и с течением времени. В США Закон о налоговой реформе 1986 года (*Tax Reform Act of 1986*) расширил определение налогооблагаемого дохода, но одновременно снизил максимальные ставки налога для высокодоходных слоев общества. Эта прогрессивная реформа в данный момент стимулирует значительное увеличение доли доходов в верхнем сегменте. Помимо этого закона, больше никаких изменений, которые могли бы спровоцировать такое перераспределение, в 1986 или 1987 годах не происходило.

Философ Чарльз Сандерс Пирс писал о Кеплере: «Он попытался провести кривую через точки на Марсе и установить время обращения этой планеты путем описания различных частей этой кривой; но, наверное, его величайшим вкладом в науку было убеждение людей в том, что, если они действительно хотят усовершенствовать астрономию, а именно это и требуется сделать, то они не должны ограничиваться исследованием того, какая из систем эпициклов лучше, но взяться за исследование фигур и выяснить, чем же в действительности является эта кривая».

Это было моим кредо на протяжении многих лет, и вопрос заключался в том, как применить это к данной сфере?

Мой ответ вытекает из рациональности и опирается на фрактальную геометрию и элементы теории информации.

Рациональность подсказывает, что нерегулярные, случайные исследования выборочных домохозяйств не являются наилучшим методом измерений. Мы должны опираться на данные, собранные последовательно, в течение длительных периодов, с широким охватом, при помощи надежных источников. Фрактальная геометрия предполагает, что можно обойтись без случайной выборки. Одного из секторов экономики, например производственного, может быть достаточно, чтобы указать общее направление распределения, также можно выглянуть в окно и узнать погоду, не проводя анализ по случайной выборке пикселей с неба.

Теория информации учила меня, что обобщенная энтропическая мера информации может быть преобразована в неравенстве статистики — статистики Тейла — с одной привлекательной особенностью, заключающейся в том, что меры, принимаемые на уровне группы (с использованием только среднего дохода и размера группы), будут совместимы по своему поведению с мерами, которые могли бы быть, но не были приняты на индивидуальном уровне.

Что касается основополагающей математики в статистике Тейла, то я заметил, что этому можно научить любого студента-выпускника за 20 минут, кроме студентов из России. Для русскоязычных студентов достаточно и 10 минут. Однажды к моей исследовательской группе присоединилась студентка из Минска; она по-

¹ Профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Балансирование: технология, финансы и американское будущее», «Рожденный неравным: кризис в американской оплате», «Меньше шока, больше терапии», «Миллиарды на звездную пыль» и др. Председатель американской организации «Объединенные экономисты за сокращение вооружений» (ECSAAR).

смотрела на формулу, повернулась ко мне и спросила: «Это все?».

Таким образом, разумеется, можно измерить сравнительные уровни и эволюцию экономического неравенства на базе собранных в течение длительных периодов административных наборов данных по налогам, торговле, промышленному планированию и др. Они были опубликованы в виде таблиц, агрегированных по какому-либо принципу классификации, как правило, промышленному, секторальному или географическому, а иногда и по набору классификаций. Оставалось проверить это утверждение, и мы обнаружили, что это легко сделать, особенно с использованием данных производственных секторов, которые собираются в большинстве стран с разумной периодичностью. Учитывая данный источник, глобальные данные о неравенстве, полученные в результате тысяч наблюдений, можно быстро получить в виде электронной таблицы.

Измерение неравенства в заработной плате между промышленными секторами является подходящим инструментом для многих целей — например, если кто-то заинтересован во влиянии на относительные зарплаты в области технологий или торговли; на макроэкономические показатели, такие как изменение уровня безработицы или обменных курсов; на глобальные экономические реалии, такие как международные процентные ставки и цена на нефть. Аналогично по региональным или секторальным данным можно разработать содержательный портрет изменений внутри страны, как мы сделали для России, Китая, Индии, Европейского Союза, нескольких крупных стран Латинской Америки и США. В случае США мы показали, как можно, связывая воедино различные источники, получить данные о неравенстве начиная с 1920 года.

Тем не менее компоненты статистики Тейла далеко не для всех интуитивно понятны. К тому же их трудно сравнивать напрямую с коэффициентами неравенства доходов домохозяйств Джини, с которыми привыкли работать многие исследователи в области экономики. Поэтому мы стремились найти ответ на вопрос, есть ли соответствие между T-статистикой, полученной в производственном секторе в стандартизированной международной системе сбора данных, а именно промышленной статистикой ООН по промышленному развитию, и набором коэффициентов Джини, основанных на исследованиях.

Мы выяснили, что при контроле доходов/расходов и ряда других характеристик в исследованиях мера Тейла является более волатильной, но в противном случае соответствие очень близко в более чем 400 случаях наблюдений.

Это открытие позволило нам создать набор данных для оценки уровня неравенства по валовому доходу домохозяйств, называемых ЕНП в формате коэффициента Джини, на базе более чем 3800 наблюдений в 149 странах в период с 1963 по 2008 год. Это крупнейший набор кросснациональных данных о неравенстве стран по уровню доходов. Он доступен на веб-сайте Техасского университета¹ наряду с рабочими документами и другими материалами, объясняющими расче-

ты и интерпретации результатов. Обновление за 2010 и 2011 годы находится в стадии реализации.

Недавнее исследование заключалось в том, чтобы проанализировать качество оценок ЕНП относительно других измерений. Они бывают двух основных категорий:

— отдельные оценки на основе исследований, которые проводятся и публикуются государственными учреждениями, частными исследовательскими компаниями и учеными для конкретных стран и периодов;

— значительные транснациональные данные, которые появились в последнее время и были опубликованы Всемирным банком, Европейским Союзом, Экономической комиссией по странам Латинской Америки и др.

Мы обнаружили, что коэффициенты ЕНП хорошо совместимы с коэффициентами измерения, в основном для богатых стран, рассчитываемыми LIS, ОЭСР и ЕС. Кроме того, ЕНП основаны на гораздо большем количестве наблюдений, чем любая из альтернатив. Есть случаи, однако, особенно среди крупных развивающихся стран, включая Бразилию и Южную Африку, где индексы ЕНП ниже, чем принято в опросах. Причины этого остаются неясными, есть предположение, что в этих странах богатство и бедность имеют нетипичный масштаб. В Соединенных Штатах ЕНП не охватывает рост налогооблагаемых доходов, показанных в верхней части шкалы доходов, после 1990 года; это неудивительно, так как этот рост, как известно, происходит в сфере финансовых рынков и рынков капитала и в меньшей степени — в увеличении неравенства заработной платы. По сравнению с ЕНП мировые показатели развития Всемирного банка служат примером несопоставимой и ненадежной агрегации мер, хотя это набор данных на основе независимых расчетов для каждого наблюдения, который был представлен как имеющий глобальный охват и измерения, сопоставимые по странам и времени.

Что же можно узнать из анализа данных о неравенстве за последние полвека? Необходимо отдать должное трудам американского экономиста белорусского происхождения Саймона Кузнеца, родившегося в Пинске в 1901 году. В 1955 году Кузнец утверждал, что есть простая модель неравенства в оплате труда, основанная преимущественно на средней разнице между промышленностью и сельским хозяйством и относительных размеров этих двух основных секторов экономики. В целом, по его мнению, по мере развития нарождающийся средний класс сокращает общее неравенство в богатых странах.

Эта модель может быть адаптирована для более диверсифицированной и дифференцированной глобальной экономики, которая существует сегодня, но основной принцип остается тот же. Межотраслевые переходы и изменения средних доходов по группам при общем росте доходов остаются основными детерминантами изменяющегося неравенства. Анализируя распределение доходов среди различных групп населения, Кузнец выдвинул гипотезу, что в странах, стоящих на нижних ступенях экономического развития, неравенство доходов сначала возрастает, но по мере роста экономики имеет тенденцию к снижению. Это предположение позже легло в основу так называемой кри-

¹ <http://utip.gov.utexas.edu>

вой Кузнеца. Но если отправной точкой является экономика страны с рабовладельческим строем или крепостным правом либо двухукладная экономика с натуральным хозяйством и добычей полезных ископаемых, то кривая будет преимущественно нисходящей во всем диапазоне. Полученные данные это подтверждают.

В настоящее время в самых богатых странах, в частности Северной Европы, уровни неравенства самые низкие. Страны, где доходы различаются значительно, относятся к развивающимся, особенно это характерно для тропических регионов — Латинской Америки, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии. Два существенных исключения — коммунистические государства, которые в свое время имели низкие уровни неравенства, и некоторые из самых богатых стран в эпоху глобализации, такие как Соединенные Штаты и Великобритания, где сильное неравенство сопровождается высокой долей доходов, получаемых на финансовых рынках. Редкий пример классического случая кривой Кузнеца в современном мире — Китай: рост неравенства наряду с ростом доходов на ранних стадиях индустриализации. Но даже в Китае пик кривой Кузнеца, вероятно, недавно был достигнут.

Второй вывод касается тенденций. Они носят континентальный и глобальный характер, а не национальный, и сильно зависят от финансовых режимов. После 1971 года, когда распалась Бреттон-Вудская система, наблюдался производственный и кредитный бум, и во многих развивающихся странах неравенство сократилось, в то время как в некоторых развитых странах, где торговля пострадала от отмены соглашения, неравенство увеличилось. После 1980 года с повышением процентных ставок и учащением долговых кризисов началось всемирное движение в сторону массового роста неравенства — в развивающихся странах, в странах социалистического лагеря и, наконец, в Азии. Можно сказать, что давление растущего неравенства было обратно пропорционально силе институциональных структур, которые ему сопротивлялись.

Определение общего направления развития и изменений в мире позволяет обойтись без удобных мифов о технологиях, образовании и квалификации. Я впервые отверг гипотезу «технологического прогресса, основанного на умениях и знаниях», как драйвера неравенства в книге, изданной в 1998 году. Многие продолжают следовать данной теории, но серьезные исследователи потеряли интерес к гипотезе неравенства навыков много лет назад.

Рост глобального неравенства достиг пика в 2000 году, когда за бумом информационных технологий в Соединенных Штатах последовал их крах, а затем изменение мирового финансового климата после событий 11 сентября 2001 года. Процентные ставки по краткосрочным активам резко упали. Затем начался общий подъем товарных рынков и промышленного развития во всем мире, и неравенство, хоть и по-прежнему высокое по историческим стандартам, снова начало снижаться. Мы документально зафиксировали это снижение в данных о заработной плате в некоторых странах Латинской Америки, Китае, Европе, России

и других постсоветских государствах. Вступили ли мы в новую эру «снижения неравенства» — покажет время.

В недавно вышедшей книге профессор Томас Пикетти из Парижской школы экономики утверждает, что увеличение неравенства неизбежно при капитализме в связи с тем, что скорость роста нормы прибыли финансового капитала превышает темпы роста доходов. Однако вышеописанные доказательства предполагают другое общее правило. Растущее неравенство сопровождается определенными моментами истории финансового капитализма, когда сильное давление на континентальном или глобальном уровне превосходит институциональную защиту, которую стремится возвести общество с целью стабильной защиты от разрушительной степени крайнего неравенства.

Таким периодом был неолиберализм; он начался в конце 1970-х годов и продолжался до конца столетия. Неолиберальная эпоха была периодом быстро растущего неравенства в большинстве стран, смягченного на мировом уровне только динамичным ростом средних реальных доходов в одной ранее бедной, но никогда не неолиберальной стране — Китае. Конец эпохи начался в 1997 году с азиатского кризиса, в 1998-м последовала девальвация в России, а в 2002-м — дефолт и последующее быстрое восстановление в Аргентине. С этого времени во всем мире развиваются альтернативные модели. Даже в самом сердце неолиберализма, США, пошла на спад идеологическая борьба с мерами, увеличивающими неравенство. Также снижается рост экономического неравенства.

Таким образом, в отличие от профессора Пикетти, я утверждаю, что экономическое неравенство — это случайное состояние, подлежащее эффективному регулированию и контролю.

В целом роль, которую играет эффективное регулирование экономической жизни, понималась неверно. Неолиберальный подход подразумевает, что, поскольку меры регулирования предполагают как издержки, так и преимущества, то в зависимости от того, что перевешивает, эти меры можно вводить или нет. Эта точка зрения свидетельствует о глубоком непонимании. Каждый техник знает, что неотрегулированная машина перегреется и выйдет из строя, как и любому биологу известно, что живой организм без надлежащей регуляции скоро погибнет.

В экономике ограничения, налагаемые регулированием, соблюдать обязательно. Без контроля и регулирования воздушного движения самолеты не смогут летать; медицинские препараты необходимо тестировать до начала продаж; мясо и молоко должны пройти санитарный контроль до поступления в магазины и т. д. Действительно, принципиальная разница между «развитыми» и «менее развитыми» экономиками состоит не в «человеческом капитале» или доступе к той или иной технологии. Различие заключается в функционировании разумных и эффективных законов и правил, готовности населения следовать этим правилам и уважать их. Контроль за экономическим неравенством и, следовательно, хищническим поведением, особенно олигархов, является необходимым ус-

ловием для успешного и устойчивого развития общества и экономики.

Таким образом, основная задача, стоящая перед национальными экономиками, — проектировать, строить и поддерживать эффективную, автономную, справедливую, компетентную регулируемую систему в условиях нестабильной внутренней и внешней среды. Эта задача включает финансовое регулирование с очевидными последствиями для неравенства. Объектами регулирования также должны быть минимальная заработная плата, трудовые права и эффективное налогообложение доходов, прибыли и земли. Также необходим контроль и борьба с изменением климата.

В крупных странах — США, России, Китае, Бразилии — эффективное регулирование может осуществляться на национальном уровне. В регионах, состоящих из более мелких образований, были опробованы международные эксперименты. Они заслуживают отдельного упоминания.

Трагедия современной Европы заключается в том, что создание ее транснациональной экономической системы происходило под влиянием госпожи Тэтчер. Поэтому данная система основывается на заблуждении о рыночном саморегулировании, распространенном в те годы. Результатом стала продолжающаяся катастрофа в странах Южной Европы, против которой протестуют их народы, в первую очередь в Греции. Новое греческое правительство наделено здравым смыслом и хорошо знакомо с исторической сто-

роной вопроса. Но там (как в случае с Европой), где неолиберальная этика равняется на национальные, а не на корпоративные интересы, и где неравенство особенно заметно за пределами национальных границ, а не только в их пределах, властные отношения особенно сильны и перспективы для эффективной реконструкции не радужны.

Я наблюдал, что крупные политические субъекты не могли пережить выход из своих рядов даже небольших регионов. Советский Союз не смог пережить выход Прибалтики из его состава. Югославия не смогла пережить отделение Словении. Соединенные Штаты в 1860 году не пережили уход Южной Каролины, потребовались война и много времени, чтобы восстановить Содружество.

Европа наиболее остро нуждается в этике трансевропейской солидарности и взаимопомощи. Ей недостает средств поддержки доходов самых уязвимых домохозяйств, где бы они ни находились. Эти средства можно было бы использовать, минуя местные или национальные правительства, которые могут оказаться неэффективными, коррумпированными или просто банкротами. Европе требуется единая программа для инвестиций, облегчения бремени задолженности и финансовой реформы — все меры, которые позволили бы сократить трансевропейский уровень неравенства. В этом отношении европейская проблема вызывает также много вопросов, которые уже были рассмотрены выше.

В. В. Зябриков¹

РОЛИ И ФУНКЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА В КОНТЕКСТЕ ЕДИНОЙ ТИПОЛОГИИ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Введение

В 1990-е годы основным направлением развития менеджмента в Российской Федерации было прямое заимствование приемов американской практики, таких как бенчмаркинг, аутсорсинг, реинжиниринг, оценка персонала и т. д. Если в начале этого периода по причине полного отсутствия в России опыта управления современным предприятием в рыночных условиях такая стратегия была единственно возможной, то в дальнейшем такое «обезьянничанье» наряду с ухудшением инвестиционного климата в стране и необоснованными налоговыми экспериментами стало одной из причин торможения развития российской экономики в 2013–2014 годах. Именно в этот период (еще до падения цен на нефть и начала санкционных войн) появились признаки исчерпанности потенциала роста российской экономики: практически перестало расти число

коммерческих организаций (3,94 млн на конец 2013 г. и 3,97 млн на конец 2014-го), а также число индивидуальных предпринимателей (3,38 млн на конец 2013 г. и 3,44 млн на конец 2014-го, для сравнения: в 2011 г. индивидуальных предпринимателей было 3,96 млн).

Примитивизируется структура российского бизнеса: в 2014 году доля обществ с ограниченной ответственностью достигла 95 % от числа всех коммерческих организаций, а доля товариществ упала до 0,02 %.

Запредельного размера в 2012 году достигло расхождение между занятыми в экономике (68 млн чел.) и среднесписочной занятостью (46 млн чел.), означаящее, что около 20 млн человек разместили свои трудовые книжки на предприятиях, но зарплату по ведомости не получают (отметим, что в 1992 г. это расхождение составляло лишь 5 млн чел.). Уклонение от уплаты налогов и серые схемы выплаты зарплаты — это тревожные признаки нарастания недоверия в экономике. Если к этому добавить систематическое увеличение коэффициента износа основных средств (с 38 % в 1990 г. до 48 % к 2012-му), снижение показателей рентабельности продаж и активов, то, по словам профессора Л. С. Бляхмана, складывается безрадостная картина рентно-долгового (а не инновацион-

¹ Доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук. Автор 48 научных публикаций, в т. ч.: «Концепция интеллектуальной организации», «Типология и эволюция организационной культуры», «Русская деловая культура в контексте иностранных типологий», «Единая типология деловой культуры», «Универсальная типология деловых культур», «Оптимальная траектория жизненного цикла фирмы» (в соавт.) и др.

ного) капитализма. В своей статье Л. С. Бляхман написал: «В России власть получила возможность подрыва конкуренции с помощью административных барьеров, рейдерства и широкого использования труда социально незащищенных иммигрантов. Эта модель привела к созданию двухсекторной псевдорыночной экономики. Экспортеры сырья монополизировали административные, финансовые и кадровые ресурсы, обрабатывающая промышленность была разрушена, госзакупки с псевдоконкурсами стали основой системной коррупции и потери профессионализма. Цены на контролируемые государством услуги (ЖКХ, транспорт, энергосети) растут, а качество падает. Зато в русском языке появились новые слова — откат, распил, халява»¹.

Надо сказать, что ведущие экономисты страны своевременно подавали сигналы тревоги по поводу необходимости смены механизма развития экономики страны. Так, директор Института экономики РАН Р. Гринберг в 2013 году сказал: «Наша экономика примитивизируется. У нас нет прорывов с точки зрения облагораживания структуры экономики. И здесь единственная альтернатива — это государственные инвестиции, индикативное планирование, государственный капитализм. Понятно, что риски сумасшедшие. Вопрос, кто что будет делать. Очень важный вопрос: где инженеры, где рабочие современные?»²

Сегодня больше невозможно сохранять стабильность и одновременно покрывать издержки неэффективного управления за счет нефтегазовых сверхдоходов, поэтому необходимым стал переход к новой промышленной политике, связанной с повышением ответственности менеджеров за принятые решения, в рамках которой на первый план должны выйти не бюрократы, а активные и компетентные «делатели» — профессионалы. Так всегда происходило в России в трудные времена: администраторов-штатистов сменяли работающие «в поле» специалисты-профессионалы, *люди дела*, которые были, правда, непросты в общении и не склонны к многословию.

Одновременно необходимо за счет предоставления большей свободы и ослабления регулятивной функции государства всесторонне развивать предпринимательскую активность, направленную на обеспечение занятости населения, чтобы за «громадьем» квазисоциалистических мегапроектов полностью не утратить рыночный характер экономики; чтобы не тормозить, а, напротив, ускорять вхождение молодых в реалии рыночной экономики, ведь для молодежи «пауз» в развитии быть не может.

Теория ролей и современный бизнес. В современном мире стать бизнесменами мечтают очень многие молодые люди, но это вовсе не означает, что все они стремятся вкладывать свои капиталы с целью контролировать деятельность фирмы, то есть осуществлять стратегическую политическую функцию (*P*) в качестве

¹ Бляхман Л. С. Промышленная политика — основа перехода к новой модели экономического роста // Проблемы современной экономики : Евразийский межрегион. аналит. журн. 2013. № 1 (45). С. 7–17.

² Гринберг Р. Российская экономика примитивизируется : интервью // Вестник Кавказа. 2014. 8 июля. URL: <http://www.vestnik-kavkaza.ru/articles/Rossiyskaya-ekonomika-primitiviziruetsya.html>

предпринимателей. Многие не желают «иметь над собой начальство», но становятся не предпринимателями, а *портфельными инвесторами*, определяющими уровень прибыли в том или ином сегменте бизнеса (экономическая функция *E*), или генеральными директорами (или, более широко, *топ-менеджерами*), играющими в первую очередь социокультурную роль (*S*) по сплочению коллектива. Наконец, многих привлекают независимость и самодостаточность профессионалов, которые владеют уникальными технологиями и осуществляют технологическую функцию (*T*) или являются консультантами.

Автор настоящего доклада считает, что распространение хорошо известного *PEST*-принципа деления факторов внешней среды фирмы и на ее внутреннюю область является обоснованным и продуктивным. Действительно, любое общественное явление на микро-, мезо- и макроуровнях имеет четыре ключевых самостоятельных элемента (своего рода «общественных атома»): политический (*P*), экономический (*E*), социокультурный (*S*) и технологический (*T*).

Продолжая дробление ролей (но теперь уже на уровне фирмы), обратим внимание, что топ-менеджер может опираться в своих действиях на свои личные качества, авторитет, харизму, и тогда он становится менеджером-лидером, а может использовать формальные полномочия, тогда он играет роль менеджера-бюрократа, администратора. Так что на фирме аббревиатура *PEST* приобретает несколько иную роль. Для того чтобы фирма успешно развивалась, необходимо реализовать в ее текущей деятельности все четыре роли: профессионала (*T*), лидера (*S*), бюрократа-администратора (*P*) и предпринимателя (*E*), причем именно в приведенной последовательности по стадиям жизненного цикла, соответственно начиная с дородовой стадии (то есть с момента возникновения бизнес-идеи), далее — детства, юности и зрелости³.

Важно отметить, что континуум четырех ролей бизнесмена на фирме (профессионал, лидер, бюрократ и предприниматель) опирается на классификацию типов власти и единую типологию деловой культуры⁴, а потому эта система ролей является полной и избыточной.

Описанные выше роли бизнесмена следует сопоставить с четырьмя функциями управления, по И. Адизесу (*PAEI*), которые в совокупности придают фирме необходимые свойства эффективности и продуктивности.

***PEST* — роли бизнесмена и функции менеджмента по И. Адизесу.** Теория функций менеджмента И. Адизеса, которые он справедливо считает «витаминами роста» фирмы, особенно актуальна в кризисные времена, поскольку в эти периоды успешное естествен-

³ Зябрикова А. В., Зябриков В. В. Оптимальная траектория жизненного цикла фирмы // Проблемы современной экономики : Евразийский межрегион. аналит. журн. 2014. № 4. С. 123–127.

⁴ Зябриков В. В. Типология и эволюция организационной культуры // Проблемы современной экономики : Евразийский межрегион. аналит. журн. 2007. № 4 (24). С. 194–199 ; *Он же*. Единая типология деловой культуры // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 491–493.

ное развитие компании, не требующее привлечения теории, зачастую оказывается невозможным.

Так, для *менеджера-лидера* в стадии детства основной должна быть направляющая функция (дословно «обеспечение целеустремленности») *P* (Purposeful), позволяющая фирме быть эффективной в краткосрочной перспективе.

Далее в стадии юности, когда идет масштабирование (увеличение масштабов) бизнеса, важнейшей фигурой становится *менеджер-бюрократ* (*администратор*), реализующий административную функцию *A* (Administrative), обеспечивающую фирме краткосрочную продуктивность.

Наконец, в стадии зрелости на первый план выходит фигура *предпринимателя*, ведущего поиск новых рыночных возможностей, обеспечивающих диверсификацию вложений для придания фирме долгосрочной эффективности, то есть реализующего предпринимательскую функцию *E* (Entrepreneurial).

Сложнее всего дело обстоит с интегрирующей функцией *I* (Integrative), которую по остаточному принципу должен реализовывать *профессионал* — владелец технологий, внедрение которых обычно предполагает разделение труда и кооперацию усилий сотрудников. Рассмотрим ее более подробно.

Интегрирующая функция в бизнесе. Недооценка в России роли профессионалов приводит к тому, что важнейшая фаза бизнеса, на которой закладываются основы будущего процветания и сплоченности собственников-инвесторов, а именно — *дородовая стадия* (от момента появления бизнес-идеи до момента регистрации юридического лица), обычно «пробегается» слишком быстро, поскольку многие не желают «репетировать» сценарии будущей деятельности и «делить шкуру неубитого медведя». Поэтому высокой оказывается «смертность» фирм «в детском и юношеском возрасте», и, как следствие, практически не удается обеспечить непрерывное движение фирмы по спектру размеров, когда лучшие из малых компаний превращаются в средние по размеру, а наиболее активные из средних затем превращаются в гигантов бизнеса.

Классик теории жизненного цикла фирмы Ицхак Адизес также считает, что в основе движения по оптимальной (а не нормальной) траектории жизненного цикла лежит повышенное внимание к «дородовой стадии» (в его терминологии «стадии ухаживания») и реализации на ней интегрирующей функции (*I*)¹. Вот как И. Адизес описывает сущность этой функции: «Осведомленность, осознание реальной и потенциальной взаимосвязанности, родственная близость, чувство взаимосвязанности и интеграция являются разными проявлениями *I*... Мой вывод состоит в том, что *I* не создается. Она всегда существует как данность. Цель *E* [предпринимательства] возникает из *I*, и чем

сильнее *I*, тем больше возникающее *E*»². Ученый описывает *I*-функцию как создание *культуры* «взаимозависимости и родственности», «ориентацию на людей в их взаимодействии», управление на основе влияния «с помощью информации, которая убеждает людей вести себя желательным образом», связи фирмы с внешней средой³. Эта роль, наконец, обеспечивает организации долгосрочную продуктивность, лежит в основе японского менеджмента и соответствует культуре профессионала.

Из столь подробного описания интегрирующей функции бизнеса ясно, что она имеет ярко выраженное культурное содержание, направленное на формирование органического «сознания фирмы», обеспечение единства на основе доверия и знания будущего. В наиболее полном объеме воплотить в жизнь интегрирующую функцию позволяет реализация модели интеллектуальной организации как самообучающейся организации биологической природы, капитализирующей знания⁴.

Теория ролей позволяет дать рекомендации не только о том, что надо делать (последовательно реализовывать все функции менеджмента, сохраняя и используя накопленный опыт), но и о том, чего делать не следует: объединять в одном юридическом лице две пары доминирующих антагонистических ролей лидера-предпринимателя и бюрократа-профессионала. В российском управлении традиционно избыточно развита бюрократическая роль, поэтому проведение *дебюрократизации управления* на всех уровнях — неперемное условие перехода к инновационному пути развития.

Выводы

1. Единая типология деловых культур позволяет выделить полную и неизбыточную систему четырех ролей бизнесмена (профессионала, лидера, бюрократа, предпринимателя), последовательно доминирующих на различных стадиях жизненного цикла (дородовой, детства, юности и зрелости).

2. Каждой роли бизнесмена (профессионала, лидера, бюрократа, предпринимателя) соответствует определенная функция менеджмента, по И. Адизесу, соответственно интегрирующая, направляющая, административная и предпринимательская. В кризисные времена на первый план в большинстве компаний должны выдвигаться профессионалы, реализующие интегрирующую функцию менеджмента.

3. Роли профессионала и бюрократа (так же как и роли менеджера-лидера и предпринимателя) являются антагонистическими, а потому они не могут одновременно доминировать в менеджменте одного юридического лица. Программа дебюрократизации управления на всех уровнях — необходимое условие перехода российской экономики на инновационный путь развития.

² Там же. С. 342.

³ Там же. С. 188–192.

⁴ Зябриков В. В. Концепция интеллектуальной организации // Проблемы современной экономики : Евразийский межрегион. аналит. журн. 2007. № 3 (23). С. 196–199.

¹ Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации / пер. с англ. под науч. ред. А. Г. Сеферяна. СПб. : Питер, 2008. С. 340.

Г. Ю. Канарш¹

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Одним из наиболее важных следствий глобализации, как известно, стало акцентирование национального своеобразия, социокультурной специфики. В общественном мнении, как и в научных исследованиях, все более заметны отход от принципов универсализма, подчеркивание приоритета ценностей национальной культуры перед универсальными «общечеловеческими» ценностями². В то же время в отечественной науке сохраняется противоречивая ситуация: в ней по-прежнему достаточно сильна тенденция к осмыслению российского социокультурного опыта, в том числе особенностей экономики, политики, в терминах концепции *догоняющего развития*, когда Запад — прежде всего США — выступает своего рода культурным образцом, а Россия — напротив, «образцом» социального недоразвития. Закономерным образом делается вывод о безальтернативности движения по пути западной цивилизации, равно как и исчерпанности исторического потенциала социокультурного традиционализма (включая и традиции советского коллективизма)³. В отношении экономики речь идет о западной индивидуалистической рыночной (капиталистической) модели как *единственно приемлемой*.

Учитывая как новейшие тенденции в мировом социально-экономическом развитии (экономический подъем ряда незападных стран в последней трети XX — начале XXI в.), так и изменения в самой теории модернизации (переход от концепции *догоняющего развития* к теории *национальной модели модернизации*; термин В. Г. Федотовой), данный подход представляется в целом неадекватным задачам сегодняшнего развития. Гораздо большим потенциалом, на наш взгляд, обладают концепции, определяющие роль социокультурной специфики, но не в негативном, а в *позитивном* ключе — например, концепция русского мира или даже — при некоторой ее спорности — концепция особой самобытной российской цивилизации. При этом нужно особо подчеркнуть: речь идет не о том, чтобы говорить только о хорошем и не замечать плохого в российской социальной истории. Скорее, более адекватной представляется выработка сбалансирован-

ного взгляда на особенности российского социокультурного развития, в полной мере учитывающего как наши «слабости», так и наши достижения.

В исследованиях, идущих в русле второго из обозначенных нами подходов, встречаются уже иные оценки и акценты, касающиеся, в частности, специфики хозяйственного уклада и трудовой деятельности в России. Так, в работах историка А. В. Павловской подчеркивается, что идея о том, что «дух предпринимательства» в принципе чужд русской натуре, — не более чем миф. Более того, как отмечает Павловская, «любое крестьянское хозяйство в своей основе было предпринимательской деятельностью»⁴. Понятно, что характер этого предпринимательства был существенно иным, чем характер предпринимательства на Западе — как и в целом отношение в России к деньгам и богатству⁵, — однако такой подход, на наш взгляд, задает совершенно иную перспективу в оценке исторического прошлого (а значит, и будущего) России.

Если говорить о перспективах современной российской экономики, то здесь значительный интерес представляет *динамика ценностных приоритетов* россиян, выявляемая, в частности, в рамках количественных этносоциальных исследований. Так, если по результатам исследований 1990-х годов можно было говорить о том, что Россия, хотя и обладает несомненно рыночным потенциалом, относится все же к культурам коллективистского типа и из существующих хозяйственных типов (англосаксонский протестантский, протестантско-католический европейский и конфуцианский) ближе всего к конфуцианскому⁶, то по аналогичным данным 2010 года нашу страну уже нельзя однозначно отнести к таковым, и на «ментальной карте мира» она оказывается уже на периферии западной цивилизации и из всех стран ближе всего к Израилю⁷. Последний факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что Россия по-прежнему остается обществом переходного типа, тяготеющим к Западу (и успевшим усвоить многое из западных ценностей), но сохраняющим (как и Израиль) в своей культурной основе *мощный традиционалистский пласт*.

Впрочем, последний момент в свете кардинальных изменений в социальной реальности и методологии изучения модернизаций не представляется чем-то отрицательным. Напротив, наличие в национальном характере и менталитете сильной традиционалистской составляющей позволяет говорить о возможно-

¹ Старший научный сотрудник Сектора социальной философии Института философии РАН, кандидат политических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация», «Роль этнокультурного фактора в истории модернизации (На примере России)», «Национально-психологические предпосылки модернизации», «Национальный характер и перспективы российского развития», «Прошлое и будущее национальной идеи в России», «Время свободы. Социально-нравственные последствия для России» и др. Член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги.

² См.: Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. Разд. 14: Приемлем ли для России западный путь модернизации? С. 298–318.

³ См., например: *Розов Н. С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011; *Супоничкая И. М.* Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М.: РОССПЭН, 2010; и др.

⁴ *Павловская А. В.* Русский мир: характер, быт и нравы : в 2 т. М.: Слово, 2009. Т. 2. С. 270.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) : в 3 ч. / под ред. Р. И. Нуреева. 2-е изд., испр. и доп. М.: МОНФ, 2003. Ч. 1. Гл. 2: Особенности российской экономической ментальности. С. 179.

⁷ По ряду количественных показателей, предложенных голландским исследователем Г. Хофстедом. См.: Готово ли российское общество к модернизации? Разд. 13: Модернизация и характеристики российской национальной ментальности. С. 290.

сти дополнить новые «модернистские» тренды в экономике ценностями и хозяйственными механизмами, характерными для *традиционной (и советской) России*. Авторитетные авторы пишут сегодня о необходимости новой индустриализации России (реиндустриализации), понятой, однако, не просто как возрождение промышленного комплекса наподобие советского, но как формирование новых *производящих индустрий*, то есть промышленных предприятий нового типа, основанных на наукоемких технологиях в рамках современной «экономики знаний»¹. Данная идея сегодня — мейнстрим экономической политики, однако можно вести речь о наличии иных, в том числе ярких, цивилизационных альтернатив. Одной из таких альтернатив традиционно является левая идея, современная суть которой — в реанимации советского опыта промышленной, а также социальной и культурной политики, скорректированной, однако, в отношении демократических ценностей, прав и свобод человека².

По-своему интересной является идея консервативных авторов, представленная Центром динамического консерватизма, — о возрождении в России та-

кой традиционной для нее хозяйственно-производительной формы, как *русская артель*, и в целом *низовой кооперации*, основанной на традиционных для России принципах солидарности, черпающих свой потенциал не из индивидуалистической культуры западного типа, но из *органического видения мира*, характерного для традиционного общества. Последнее (социальный органицизм как мировоззрение и как научная методология) оказывается неожиданно востребованным сегодня — в том числе и на Западе, — в условиях новой современности (или постсовременности)³.

В целом дополнение новейших капиталистических форм модернизации («производящие индустрии») формами, генетически связанными с разного рода *коллективистскими принципами* организации труда (в рамках левой или консервативной модели), на наш взгляд, позволит преодолеть существующие недостатки капиталистической системы, сделать экономику более «социальной» и в то же время сохранить историческую преемственность. Такой подход в полной мере отвечает задачам *национально-ориентированного пути развития*, которые стоят сегодня перед обществом.

В. И. Каширин⁴

ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ФИЛОСОФАМ: НУЖНА ЛИ РОССИИ АНТИКРИЗИСНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ?

Никто не мог предвидеть тех трудностей, с которыми столкнулась экономика России после распада СССР, оказавшаяся перед проблемой интеграции в глобальный капитализм. Этот глобальный вызов поставил перед российской философией задачу создания новой философии экономики, которая лишь набирает опыт ликвидации отставания философии от науки и освоения доктрины нравственной экономики.

Юбилей доктрины нравственной экономики. Исполняется 10 лет с момента опубликования в рос-

¹ Федотова В. Г., Колпаков В. А. Экономика и демократия в проектах модернизации России // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 323–332.

² См., например: Гринберг Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012.

³ См.: Артель и артельный человек / сост., введ. В. В. Аверьянова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014.

⁴ Ведущий научный сотрудник Института повышения квалификации научно-педагогических кадров Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук, профессор. Автор 125 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования» (в соавт.), «Информационное поле культуры: информационный отбор — цивилизационный выбор» (в соавт.); статей: «Ноосферный патриотизм — на смену мультикультурализму в международных отношениях», «“Ветвление” глобального кризиса и востребованность гуманитарной кризисологии как метатеории и философии социальных наук», «Гуманитарная кризисология как теоретическая оппозиция сетевым войнам на Северном Кавказе» и др. Член Российского философского общества, Научно-образовательного культурологического общества, академик Международной академии наук педагогического образования. Отличник высшей школы СССР.

сийской печати статьи академика РАН Д. С. Львова «Нужна ли России своя философия экономики?». Выдвинутая в ней *доктрина нравственной экономики* до сих пор остается не только теоретически актуальной, но и практически злободневной. Она основана на убеждении, что Россия должна перейти в новое идейное измерение, чтобы остановить глобальный процесс дегуманизации общества. В аксиоматическом обосновании этой доктрины автор вскрывает «самую болевую точку наших либеральных экономистов — *безвозвратную потерю времени*, отпущенного реформаторам», а проблему межстрановых сравнений предлагает рассматривать в терминах «*времени исторического творчества*», когда цена единицы времени чрезвычайно велика и ее ни в коем случае нельзя приравнивать к единице календарного времени⁵.

Идеи доктрины нравственной экономики вдохновили многих философов на поиск философских обобщений. Откликнулись и мы статьями в двух номерах журнала «Обозреватель»⁶, в которых писали, что отставание философии от науки ошибочно принимается за кризис научного и философского детерминизма, что связь эволюционного и цивилизационного детерминизма, через призму которых рассматриваются политико-экономические процессы, может осуществляться при помощи культуры времени.

⁵ Нужна ли России своя философия экономики? Академик Д. С. Львов об аксиоматическом обосновании нравственной доктрины экономического развития страны // Обозреватель=Observer. 2005. № 5. С. 5–16.

⁶ Каширин В. И., Каширина О. В. Философия экономики: вопросы методологии // Обозреватель=Observer. 2006. № 1. С. 78–87; № 2. С. 52–59.

Понятие «культура времени» в экономике, на наш взгляд, отвечает тем принципам взаимоотношений личности и общества, которые кажутся весьма важными для понимания нового взгляда на интеграцию эволюционных и цивилизационных процессов, именуемую *культурой экономической жизни общества*. В противовес традиционному экономическому детерминизму, культура времени, опираясь на эволюционный и цивилизационный детерминизм, обращается к структурам не экономического пространства–времени, а цивилизационной субстанции, где объективность предмета и самость субъекта находятся в зависимости друг от друга и вместе с культурой цивилизационного времени составляют культуру экономической жизни. В ней *идеальная связь* индивидов превращается в опору цивилизационных отношений, в том числе экономических. Она дана человеку как зов высшего мира, как *слово*, определяющее истинный путь.

Однако теперь слово перестает звучать. Сплошь и рядом оно превращается в способ достижения утилитарных, корыстных, корпоративных целей, средство обмана, рекламы и манипуляции сознанием масс. Это ярко демонстрируют в своей внутренней и внешней политике современные руководители Украины, ставшие на позиции бандеровщины и неонацизма. В этих условиях перед человеком открывается бездна неопределенности. Утрата слова требует нового обретения человеком самого себя. В этом смысле культура времени может рассматриваться как методологическая основа материального и духовного самоопределения цивилизационного субъекта. Одним из способов такого самоопределения, на наш взгляд, может служить *эффективный тайм-менеджмент*: рациональное планирование своего рабочего и свободного времени. С его помощью можно научиться качественно выполнять одно задание за другим, беречь время, рационально использовать свои талант и способности на пользу себе и людям, делать больше с меньшими затратами сил, а также по-новому оценивать роль техники, в том числе компьютеров и автоматов, в жизни человека и общества¹.

В связи с этим увеличивается роль философского диагноза цивилизационного времени² как детектора ошибок и ловушек. Благодаря диагнозу времени можно исследовать историческое, актуальное и прожективное общественное и индивидуальное экономическое самосознание как структуры-состояния, их взаимодействие и взаимообусловленность. Появляются новые единицы «времени исторического творчества», которые мы назвали *вернадами* — по имени создателя учения об энергии человеческой культуры В. И. Вернадского (1863–1945)³.

¹ См.: Кук М. Эффективный тайм-менеджмент: Как рационально спланировать свое рабочее и свободное время. М., 2003.

² Каширин В. И., Каширина О. В. Диагноз времени: сущность и структура // Вестник Российского философского общества. М., 2005. № 1 (33). С. 174–177; Диагноз времени как проблема социальной теории и практики: сб. науч. ст. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.

³ Каширин В. И. Очерки философии планетарного самосознания. Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 1996; *Он же*. Глобалистика и философия планетарного самосознания. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998.

Современная философия экономики начинается с гуманитарной кризисологии. Тот факт, что современная российская экономика больна очередным кризисом, как больна и вся глобальная экономика, не вызывает сомнения. Для нашей экономики этот процесс осложнен: «С экономической точки зрения ее специфика определяется (1) сохранением и эскалацией многих негативных черт советской экономической модели, умноженных (2) неадекватной для постсоветских условий и исторически реверсивной моделью экономических преобразований 1990-х (так называемая “шоковая терапия”) и (3) закрепленных особым типом воспроизводства, основанным на сырьевой зависимости и экономико-политической власти олигархических групп, сращенных с авторитарным государством»⁴. Эти и другие черты экономического кризиса в России являются предметом гуманитарной кризисологии⁵.

Какие выводы для философии экономики можно сделать из вышеизложенного?

1. Внешнее воздействие западноевропейского рынка на экономическую жизнь России и метавнешнее дестабилизирующее воздействие США на российскую политическую жизнь порождают необходимость создать на макроуровне новую синтезную культурфилософскую дисциплину — «Культура экономической жизни общества», интегрировав в ней геополитические и геоэкономические проблемы на основе культуры времени, объединяющей эволюционный и цивилизационный детерминизм.

2. На новый этап выходят процессы *диалектического взаимодействия* государственно-политического и социально-экономического управления на макроуровне. Важнейшее значение приобретают внутренние процессы самоорганизации российской экономики и политики с целью нейтрализации дестабилизирующих воздействий, особенно в условиях «экономических санкций».

3. Анализ развития российской экономики на микроуровне возможно осуществлять на основе гуманитарной кризисологии (общегосударственного, макро-регионального, регионального, субъектного диагноза времени как детектора ошибок и ловушек), обеспечивающей контроль и *триалектическую координацию* в аналитике действия внутренних, внешних и метавнешних (глобальных) факторов.

4. Принципы культуры экономической жизни, культуры времени и культуры самоуправления должны разрабатываться современной развивающейся дисциплиной — философией экономики, синтезирующей эволюционный и цивилизационный детерминизм на основе *диалектико-триалектической парадигмы* культурно-временного подхода.

⁴ Колганов А. И., Бузгалин А. В. Реиндустриализация как нестабильность? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1.

⁵ Каширин В. И. Гуманитарная кризисология: истоки и специфика // Гуманитарий юга России: науч.-образоват. журн. Ростов н/Д, 2014. № 2. С. 34–47; № 3. С. 90–97 (продолжение).

А. В. Костина¹

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Проблема глобализации сегодня является одной из наиболее острых, позволяющих осмысливать те процессы в актуальной социокультурной реальности, которые напрямую связаны с национальной безопасностью. В значительной степени вопрос глобализации может рассматриваться сейчас только в контексте той геополитической ситуации, которая сложилась в мире в результате воссоединения Крыма с Россией. Эта ситуация, показавшая способность России в ситуации жесткого противодействия со стороны США и стран Европы отстаивать свои геополитические интересы, вызвала резкое обострение отношений нашей страны с западным миром. В контексте активно ведущейся Западом «войны санкций» против России проблема глобализации прочитывается совершенно по-новому.

Это касается прежде всего самой трактовки глобализации. Если еще десятилетие назад понимание глобализации как объективного процесса слияния национальных экономик, испытывающих доминирующее влияние глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций², в единую общемировую систему представлялось вполне объективным и удовлетворительным, то сегодня подобные определения утрачивают операциональность. Становится очевидным, что глобализация — это процесс не только объективный, обеспеченный техническим, экономическим, финансовым и политическим развитием мира, но и в значительной степени субъективный, означающий заинтересованность в глобальном развитии конкретных игроков, прежде всего лидеров мировой экономической эффективности. Это 30 государств — членов Организации экономического сотрудничества и развития, «в которых живет чуть больше десятой доли человечества, но которые владеют двумя третями мировой экономики, международной банковской системой, доминируют на рынке капиталов. Они обладают возможностью вмешательства практически в любой точке земного шара, контролируют международные ком-

муникации, производят наиболее сложные технологические разработки»³.

Конечно, сегодня сложно найти консенсус между всеми учеными, исследующими глобальные процессы. Принципиальные различия в трактовке глобализации в значительной степени связаны с подходом к ее пониманию: в рамках экономического подхода она предстает как естественный процесс слияния экономик. Так, Э. Валлерстайн и Дж. Сорос связывают возникновение глобализации с развитием конкуренции не внутри государств-наций, а между ними, между транснациональными корпорациями, между национальными государственными и частными компаниями и рассматривают глобализацию как новую эффективную систему мировой экономики. Следствием этого являются установление «прозрачных» границ для товаров и услуг и формирование альтернативных государств-нации образований. Этот факт как положительный оценил консультант Гарвардской школы бизнеса К. Омае, который в своей книге «Мир без границ», опубликованной в 1990 году, отмечал, что «традиционные государства-нации теряют свою естественность, становятся непригодными в качестве партнера в бизнесе», в роли основных действующих субъектов на мировой экономической сцене начинают выступать «глобальные фирмы».

Таким образом, глобалисты-неолибералы постоянно подчеркивают неминуемость глобализации именно в представляемой ими модели, а противостояние неолиберальной глобализации объявляют бессмысленным⁴. Для более или менее безболезненного вхождения в глобализационные процессы странам и их народам они предлагают: проводить всевозможную либерализацию торговли и цен; осуществлять строгую фискальную политику; дерегулировать предпринимательскую деятельность; всемерно сокращать хозяйственную деятельность государства; приватизировать государственную собственность; стабилизировать финансовую систему, в первую очередь за счет расширения экспорта; сбалансировать государственные бюджеты, до предела сократив их расходные статьи, и т. д. Этот набор требований, получивший «широкую известность под названием Вашингтонского консенсуса, сыграл значительную роль в развитии мировой экономики в последней четверти XX столетия. За короткий срок в товарно-денежные отношения были втянуты новые огромные районы и сферы человеческой деятельности, изменены пропорции и расстановка сил между корпорациями и странами — субъектами хозяйствования, изменились соотношения между политикой и экономикой, финансами и производством, конкуренцией и научно-техническим прогрессом. Резко возросли масштабы деятель-

¹ Декан факультета культуры и искусства, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор. Автор 250 научных публикаций, в т. ч.: «Теоретические проблемы современного культурологического знания: методы, подходы, концепции, понятия», «Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики», «Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе», «Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» (в соавт.), «Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе» (в соавт.) и др. Академик Международной академии наук (IAS). Главный редактор журнала «Ученый совет». Член редакционных коллегий журналов: «Знание. Понимание. Умение», «Культура и цивилизация», «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке», «Politbook».

² Сорос Дж. 47 тезисов о глобализации // Русский архипелаг. URL: <http://www.archipelag.ru/temy/geoeconom-glob.html>

³ Уткин А. И. Глобализация // Глобалистика : энцикл. М., 2003. С. 183.

⁴ См.: Мунтян М. А. Глобализация: что это такое. URL: <http://www.ispr.ru/CJNFER/confer1-4.html>

ности и хозяйственная мощь транснациональных корпораций и банков, мировых деловых центров»¹.

Однако сегодня становится очевидным, что такой подход оказывается непродуктивным, так как описывает все связи мира достаточно односторонне, схематично, опираясь на факты экономического развития, но не касаясь фактов социально-политических.

Более реалистичным здесь представляется политико-идеологический подход, где глобализация выступает своеобразной идеологической доктриной. Эта доктрина естественным образом сменила неолиберализм, потерпевший крах вследствие утраты своего мобилизационного потенциала и доказавший свою неактуальность в условиях изменившейся политической, идеологической и экономической реальности. Соответственно глобализация здесь осмысливается «как результат сознательной деятельности “мирового правительства”, которое сегодня осуществляет контроль над экономикой земного шара и оказывает определяющее влияние на процессы, протекающие в сфере политики, морали, художественного творчества и т. д. Подобные функции сегодня выполняет Совет по международным связям (СМС), члены которого занимают ключевые должности в правительстве, печати, финансовых учреждениях, международных корпорациях, армии, спецслужбах практически всех стран западного мира, в том числе в Америке, Англии, Франции, Германии, Италии и т. д.»². Примерно в том же ключе — как способ установления «нового мирового порядка» — трактуют глобализационные процессы национально ориентированные российские политики и бизнесмены В. Л. Иноземцев, М. Г. Делягин, А. С. Глазьев, А. С. Панарин³.

У этих исследователей глобализационные процессы получили критическую оценку, авторы достаточно откровенно предупреждали об издержках глобализации. Они говорили о ней как о процессе изъятия финансов и интеллекта из слабых экономик, когда прогресс более развитого общества идет за счет деградации «осваиваемого»⁴. Осмысление этого процесса породило понятие «конечные страны» — те, которые окончательно утратили как интеллектуальные ресурсы, так и способность их производить. Кроме того, исследователи свое негативное отношение к глобализации объясняли тем, что она ведет к унификации культурных миров, разрушающе действует на базовые ценности национальных культур, способствует распространению и утверждению североамериканской массовой культуры как культуры-лидера среди всех культур постиндустриального общества. Ученые с тревогой отмечали падение языковой культуры, формирование новых языковых суррогатов наподобие денглиша в Германии и синглиша в Сингапуре, упрощение и примитивизацию национальных языков, что выступает сви-

детельством утраты собственных культурных кодов, отражаемых кодами семиотическими.

Авторы показывали, что формирование локальных образований, выступающих в качестве субсистем единой глобальной системы, на основе единых экономических принципов существенно затруднено. Это естественно, так как теоретическое единство социокультурных миров, включенных в глобальные экономические, финансовые, технологические, научные системы, на практике обрачивается существенным многообразием. Причем число этих специфических локальных миров соответствует количеству систем ценностей и представлений о мире. Очевидно, что этих жизненных миров чрезвычайно много — гораздо больше, чем цивилизаций, о столкновении которых говорил С. Хантингтон.

Если попытаться определить существенные различия в подходах к глобализации у отечественных и западных авторов, то здесь можно отметить, что «большинству российских глобалистов представляются наиболее сомнительными три постулата зарубежной теории глобализации: относительно кризиса и устаревания государства; о модернизации и вестернизации как естественных результатах глобализации и о “демократической однополярности” как предпочтительном способе самоорганизации международной структуры»⁵. Практика сегодняшнего дня свидетельствует о правоте этих исследователей.

Все эти обстоятельства показывают, что, во-первых, само решение вопроса о сущности и формах глобализации имеет явную обусловленность идеологической позицией автора и, во-вторых, проблема глобализации имеет существенную актуальность, которая повышается в моменты обострения экономико-политической ситуации, и решение этой проблемы наполняется новыми смысловыми коннотациями в новом социальном контексте.

Подобный интерес к проблеме глобализации в отечественной научно-философской традиции явно обозначился в 1980–1990-е годы, в период кризиса, а затем распада Советского Союза. Тема глобализации и «мировых проблем» стала предметом обсуждения на всемирных философских конгрессах — начиная с Конгресса в Брайтоне в 1988 году, а затем в Москве (1993), Бостоне (1998), Стамбуле (2003). На данном этапе тема, обсуждаемая уже с начала XX века и концептуализированная в ряде трудов «теоретиков первой волны» глобализации — Р. Кобдена, Дж. Брайта, Н. Эйнджела, получила новое наполнение фактами, связанными с функционированием совершенно иной социокультурной реальности. К 1990-м годам стала общепринятой мысль о неизбежности глобализации, о ее обусловленности экономическими и политическими причинами — прежде всего активным распространением торговли и инвестиций в глобальном масштабе (по крайней мере в первой половине XX в.), и технологическими причинами — революцией в информатике и телекоммуникациях начиная с 1970-х годов.

Распад Советского Союза и системы стран социалистического лагеря, радикальное изменение геополитического

¹ Мунтян М. А. Указ. соч.

² Шендрик А. И. Глобализация в системе культурологических координат // Культурологические записки. М.: ГИИ, 2004. Вып. 9. С. 142.

³ См.: Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / под ред. М. Г. Делягина. М., 2000; Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2000; Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. Цит. по: Шендрик А. И. Указ. соч. С. 146.

⁴ Уткин А. И. Указ. соч. С. 186.

⁵ Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству. М., 2002. С. 13–14.

тической структуры мира, нарушение мирового паритета сил, победа либеральной экономики как таковой и ее идеологического обоснования — все это знаменовало современный этап глобализации. Эти изменения были различным образом оценены как практиками — экономистами и политиками, так и учеными-теоретиками. Однако всеми было признано, что прежняя система международного разделения труда, основанная на взаимоотношениях между «развитой индустриальной основой мира» (США, СССР), полупериферией индустриализирующихся экономик и периферией неразвитых стран, изменяется в сторону создания глобальной экономики, в которой доминирует «глобальная триада» Северной Америки, ЕС и Восточной/Западной Азии¹.

Было очевидно, что формирование электронных экономик, электронных финансовых структур, электронных денег, электронных правительств снимает вопрос о возможности автономного, не включенного в данную систему отношений существования национальных государств. Об управлении всеми процессами в мире как глобальными свидетельствовала деятельность ряда международных организаций и институтов — прежде всего Международного валютного фонда, Всемирного банка и Всемирной торговой организации. О той же невозможности автономного существования и развития локальных структур свидетельствовало усиление к концу XX века роли в мировой экономике транснациональных компаний, способных контролировать более 90 % прямых зарубежных капиталовложений в странах Запада и практически 100 % инвестиций в странах с развивающимися экономиками. К началу III тысячелетия общая сумма слияний между фирмами различных стран и поглощений местных фирм иностранными составила 720 млрд долларов, и эти процессы не подвержены влиянию ни национальных правительств, ни локальных властей².

В 2000-е годы Россия впервые за новейшую историю пережила глубокий экономический кризис, который носил мировой характер. Кризис, возникший в американских банках на рынке ценных бумаг, не только быстро распространился в мировом масштабе, но и позволил выявить такой негативный фактор глобального развития, как взаимосвязанность всех процессов в современном мире как в экономической, так и в социально-политической сфере. Центром этого финансово-экономического кризиса стали три американских финансовых конгломерата — «Морган Стенли», «Ме-

рил Линч» и «Голдман Сакс», участвовавших в различных формах в 4/5 всех мировых финансовых операций по слиянию и поглощению. И слышная «весьма благоприятной в целом для всех высокоразвитых стран неолиберальная глобализация оказалась катастрофичной для многих периферийных стран»³, экономики которых не прошли процесс восстановления до сего дня. И все-таки экономические кризисы многие исследователи, экономисты и политики были склонны оценивать как неизбежные издержки в целом позитивного процесса сближения экономик и возможности полной реализации международного разделения труда.

Сегодня же в контексте тех геополитических процессов, которые обусловлены обострением российско-украинских отношений в связи с воссоединением Крыма с Россией, становится очевидным следующее: законами глобальных преобразований являются не только объективные законы, предполагающие естественное усиление взаимозависимости развития национальных экономик. Глобализацию невозможно рассматривать в контексте установок Всемирного банка только как «неизбежное явление в истории человечества, заключающееся в том, что мир в результате обмена товарами и продуктами, информацией, знаниями и культурными ценностями становится более взаимосвязанным»⁴. Глобализация есть целенаправленный процесс, обеспеченный механизмами глобального управления, будь то МВФ или механизмы мирового рынка⁵. Она интересна для стран — мировых лидеров, которые и выступают в качестве субъектов глобализации.

Естественно, что страны, инициировавшие процесс введения санкций против России, выступают за ее исключение из международной экономической системы, стремясь лишить возможности гармонично развиваться и пытаясь заставить направлять ресурсы в те области, которые прежде обеспечивались за счет международной торговли, инвестиций, международного разделения труда. При этом, подчеркнем, Россия постоянно демонстрирует заинтересованность в сохранении сотрудничества и взаимопомощи со всеми странами мира, что полностью согласуется с ее национальными интересами. В подобном контексте технологическая, информационная взаимосвязанность как объективная тенденция развития современного мира может стать фундаментом для расширения взаимодействия России со всеми субъектами мирового развития на основе взаимного признания всеми участниками процесса национальных интересов друг друга.

¹ См.: Уткин А. И. Указ. соч. С. 182.

² Шендрик А. И. Указ. соч. С. 146.

³ Мунтян М. А. Указ. соч.

⁴ Материалы Всемирного банка для учащихся. URL: <http://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml>

⁵ Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление // Свободная мысль. 2000. № 11. С. 33.

А. И. Котов¹**ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ: СОДЕРЖАНИЕ И ОЦЕНКА**

В последнее время в России все чаще обсуждается вопрос о необходимости перехода страны к новой модели развития, основанной на знаниях. Ориентация отечественной экономики в течение длительного времени на добычу и экспорт природных ресурсов, и прежде всего углеводородов, фактически привела нашу экономику к структурной деградации. Игнорирование этого обстоятельства будет оказывать негативное влияние на социально-экономическое положение страны, угрожая в конечном счете непредсказуемыми последствиями для экономического развития России. Отличительной чертой инновационной экономики является приоритетное развитие науки, образования и здравоохранения, а также высокотехнологичных и наукоемких секторов промышленности и сферы услуг, обеспечивающих конкурентоспособность и рост экономики на основе информации и инноваций.

В связи с этим для соответствующей оценки степени инновационности российской экономики целесообразно в полной мере использовать международные показатели, широко применяющиеся в настоящее время для определения уровня развития отдельных направлений. С этой целью необходимо определить наиболее характерные для экономики знаний особенности и использовать для их оценки наиболее подходящие международные показатели, рассчитываемые по специальным методикам организациями, обладающими соответствующими компетенциями.

На основе проведенного анализа автором отобраны наиболее характерные для экономики знаний признаки, а именно: 1) экономическая свобода; 2) глобальная конкурентоспособность; 3) эффективно функционирующая инновационная система; 4) высокая активность участников инновационной деятельности; 5) решающая роль и значение человеческого потенциала; 6) преобладание в структуре экономики производства продукции (услуг) инновационного характера; 7) широкое использование в экономике информационно-коммуникационных технологий; 8) высокий уровень инновационного развития; 9) низкий уровень распространения коррупции. Рассмотрим более подробно содержание перечисленных особенностей экономики знаний и основные показатели, характеризующие степень их развития.

Экономическая свобода. Уровень экономической свободы оценивается индексом экономической свободы (ИЭС), который рассчитывается исходя из десяти контрольных показателей, а именно: право соб-

ственности; свобода от коррупции; фискальная свобода; участие правительства; свобода предпринимательства; свобода труда; монетарная свобода; свобода торговли; свобода инвестиций; финансовая свобода. По итогам 2014 года, ИЭС России составляет 52,1, страна занимает в рейтинге 143-е место из 178 и находится в 4-й группе стран с преимущественно несвободной экономикой.

Глобальная конкурентоспособность определяется Всемирным экономическим форумом как «способность страны и ее институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе». Уровень глобальной конкурентоспособности оценивается на основании индекса глобальной конкурентоспособности (ИГК), составленного из 113 переменных, объединенных в 12 контрольных показателей, к которым относятся: качество институтов; инфраструктура; макроэкономическая стабильность; здоровье и начальное образование; высшее образование и профессиональная подготовка; эффективность рынка товаров и услуг; эффективность рынка труда; развитость финансового рынка; уровень технологического развития; размер внутреннего рынка; конкурентоспособность компаний; инновационный потенциал. По результатам исследования, в 2014 году ИГК России составил 4,4, в рейтинге глобальной конкурентоспособности страна занимает 53-е место из 144.

Решающая роль и значение человека, выступающего в новой экономике одновременно в качестве носителя знаний, производителя и потребителя продукции и объекта инвестиций. В связи с этим необходимость особого внимания к уровню развития человеческого потенциала становится неперенным условием экономического развития и характеризуется индексом человеческого развития (ИЧР), совокупным показателем уровня развития человека в той или иной стране, рассчитываемым ежегодно экспертами Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода ее граждан. Согласно этой методике Россия отнесена к странам с высоким уровнем ИЧР. Следует отметить в связи с этим, что самый высокий ИЧР у Норвегии (0,944), а Россию по месту в рейтинге ИЧР опережают такие страны, как Багамские острова, Белоруссия и Румыния. Развитие человеческого потенциала (капитала) неизбежно приводит к изменению структуры занятости населения, выражающемуся в росте удельного веса работников интеллектуального труда.

Инновационная активность экономики отражает степень участия в инновационной деятельности организаций, осуществляющих технологические, организационные и маркетинговые инновации на практике. Анализ инновационной активности позволяет оценить степень участия организации в инновационной деятельности на основании соответствующих показате-

¹ Специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук. Автор научных публикаций, в т. ч. статей: «Основные направления развития малого предпринимательства в Санкт-Петербурге», «Основные условия и предпосылки формирования инновационной экономики», «Экономическая политика и налоговое регулирование в регионе: курс на развитие и переход к экономике знаний», «Качество жизни как инструмент инновационного развития экономики» и др. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, благодарностями и грамотами губернатора Санкт-Петербурга, Президента РФ.

лей. В частности, к таким показателям относится инновационная активность организаций, осуществляющих технологические, организационные и маркетинговые инновации. По данным статистики, указанный показатель за 2012 год составляет для России 10,3 %. В то же время аналогичный показатель для Германии — 70 %, для Канады — 65 %, для стран Центральной и Восточной Европы — в пределах 20–40 %. Наивысшие значения показателя инновационной активности характерны для высокотехнологических секторов: в частности, для производителей радиоаппаратуры, а также аппаратуры для телевидения и связи он составляет 36,3 %, а для производителей космических аппаратов и оборудования — 33,6 %. Важным показателем инновационной активности являются внутренние затраты на исследования и разработки, оцениваемые в процентах от ВВП. По данным статистики, в 2012 году значение этого показателя в России составило 1,12 %, при том что в Израиле аналогичный показатель по данным за 2011 год составил 4,4 %. Еще одним показателем в этой сфере является удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг, выраженный в процентах. Значение данного показателя, согласно статистическим данным за 2012 год, составило 8 %, что значительно ниже аналогичного показателя в США, странах ЕС, Японии и Китае.

Преобладание в структуре экономики производства продукции и услуг инновационного характера, основанного на знаниях; при этом наиболее заметно в этой экономике значение таких отраслей, как образование, здравоохранение, наука, телекоммуникации, досуг и развлечения, компьютерные, финансовые, инженерные и управленческие услуги. Вместе с тем к экономике знаний относятся также сектора высокотехнологического промышленного производства, которые могут и не вносить решающего вклада в формирование ВВП. Главное в экономике знаний — продуктивно использовать полученные знания во всех сферах хозяйственной деятельности, в том числе и в производстве высокотехнологичной продукции. В настоящее время, по оценке Минэкономразвития России, доля высокотехнологического сектора производства и сектора экономики знаний составляет в структуре валового внутреннего продукта около 12 %. В свою очередь доля валовой добавленной стоимости от этих секторов в структуре ВВП США, ЕС и Японии составляет более 40 %.

Широкое использование в экономике информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обеспечивающее их заметное влияние на экономическое развитие и конкурентоспособность. Оценка степени использования ИКТ в экономике страны ставится Всемирным экономическим форумом в рамках проводимых исследований и публикуемых по их результатам отчетов об индексах развития ИКТ, характеризующих готовность стран к эффективному использованию ИКТ по трем измерениям: 1) общая среда для развития ИКТ; 2) готовность граждан, бизнеса и национальных правительств к плодотворному использованию ИКТ; 3) действительное использование самых современных сетевых технологий. По результатам отчета за 2010–2011 годы, ох-

ватывающего 138 стран, Россия занимает «средние» позиции — 77-е место, уступая как общепризнанным лидерам в этой сфере — Швеции (1-е место), Сингапуру (2-е место), Финляндии (3-е место), Швейцарии (4-е место) и США (5-е место), так и странам БРИК — Китаю (36-е место), Индии (48-е место) и Бразилии (56-е место).

Высокий уровень инновационного развития характеризует в обобщенном виде инновационное развитие экономики страны. Уровень инновационного развития характеризуется Глобальным индексом инноваций (ГИИ), который рассчитывается по методике международной бизнес-школы INSEAD (Франция) как взвешенная сумма оценок двух групп показателей: первая — располагаемые ресурсы и условия для инновационной деятельности и вторая — практические результаты в инновационной деятельности. Таким образом, итоговый индекс представляет собой соотношение затрат и эффекта, что позволяет объективно оценить эффективность усилий по развитию инновационной деятельности. По итогам 2014 года, в рейтинге стран мира Россия заняла 49-е место из 143, а значение ГИИ составило 39,1. При этом самый высокий ГИИ (69,1) — у Швейцарии, занимающей 1-е место.

И еще один признак, характеризующий экономику знаний. Он связан со степенью *распространенности коррупции* в государственном и экономическом секторах. Уровень распространенности коррупции оценивается на основании индекса восприятия коррупции (ИВК), рассчитываемого по методике международной неправительственной организации Transparency International, основанной на комбинации общедоступных статистических данных и результатов глобального опроса. ИВК представляет собой сводный индикатор, рассчитываемый на основе данных, полученных из экспертных источников, предоставленных международными организациями по результатам итогового отчета 2014 года, Россия заняла в рейтинге 136-е место из 176 вместе с Ливаном, Нигерией и рядом других стран.

В заключение еще об одной характерной особенности экономики знаний, которая в определенной степени интегрирует особенности, перечисленные выше. Это эффективно функционирующая инновационная система, обеспечивающая результативную деятельность и взаимодействие всех ее элементов. Исходя из обобщенного показателя, характеризующего уровень функционирования инновационных систем, Россия занимает 38-е место из 50, уступив не только соседям по БРИК — Китаю, Индии и Бразилии, но даже Турции и Таиланду.

Анализ особенностей экономики знаний и характеризующих их показателей позволяет сделать вывод, что необходимо проведение серьезного комплекса мер по переходу на инновационный путь развития и созданию условий для построения в стране экономики, основанной на знаниях. Данный вывод подтверждается также и местом России в Рейтинге индексов экономики знаний, характеризующих эффективность использования страной знаний в целях экономического и социального развития. Так, по результатам исследо-

вания 2012 года, Россия занимает 55-е место из 146, уступая, таким образом, в инновационном развитии не только традиционным лидерам — США, Великобритании, Германии и Японии, но и таким странам, как Чехия и Катар. Главной причиной столь неутешительного состояния дел в этой сфере является отсутствие действенной инновационной политики, направленной на реализацию стратегии инновационного развития российской экономики.

Литература

1. Голиченко О. Г. Переход России на инновационный путь развития и основные направления государственной политики / О. Г. Голиченко // *Инновации*. — 2011. — № 9 (155). — С. 65–80.
2. Индикаторы инновационного развития регионов России для целей мониторинга и управления / И. М. Бортник [и др.] // *Инновации*. — 2013. — № 11. — С. 21–32.

3. Индикаторы инновационной деятельности: 2013 : стат. сб. — М. : ГУ-ВШЭ, 2013.

4. Индикаторы науки: 2013 : стат. сб. — М. : ГУ-ВШЭ, 2013.

5. Информационно-аналитический портал государственной поддержки инновационного развития бизнеса «Инновации в России».

6. Киселев В. Н. Об оценке уровня инновационной активности субъектов РФ / В. Н. Киселев // *Инновации*. — 2009. — № 10 (132). — С. 77–81.

7. Отчет по заказу Опоры России «Конкурируя за будущее сегодня: новая инновационная политика для России» [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: ores.ru/data/2010/10/01/1233266294/Klimov.pdf.

8. Тимина Е. И. От экономики услуг к экономике, основанной на знаниях / Е. И. Тимина // *Россия и мировое образовательное пространство : материалы IV Междунар. науч. конф.* — М. : МИЭМП, 2008.

Е. А. Куклина¹

РАЗУМНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИИ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Отличительной особенностью современного этапа функционирования мирового экономического пространства является изменение политической архитектуры мира, что приводит к необходимости учета динамики изменения внешних факторов обеспечения национальной безопасности. Одним из таких факторов является «фактор ресурсов», когда наличие ресурсов становится важнейшим условием обеспечения национальной безопасности и одновременно ареной усиливающейся борьбы за их обладание.

Природные ресурсы оказывают огромное влияние на благосостояние нации, а непродуманная государственная политика в области их использования угрожает благосостоянию будущих поколений. Природные ресурсы в большей степени, чем другие, затрагивают государственные интересы, поэтому разумное природопользование является одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности государства и ответом на глобальные вызовы XXI века.

Разумное отношение человека к природе — это признак неизбежного перехода биосферы в ноосферу, о котором говорил В. И. Вернадский еще в начале XX века². Именно это и стало основой формиро-

вания научных предпосылок того феномена, который позже получил название концепции устойчивого развития. По В. И. Вернадскому, главное в категории ноосферы — новое состояние биосферы, в котором совокупный человеческий разум («сфера разума»), вооруженный мощной энергией хозяйствования, приобретает масштаб фактора, воздействующего на все «циклы» функционирования биосферы, в том числе и на результаты экономической деятельности человека.

Академик Д. С. Львов назвал концепцию устойчивого развития общества и экономики «концепцией третьего пути социально-экономического развития, свободного от различного рода идеологизмов и политико-экономических штампов»³.

По Эрнсту Ульриху фон Вайцзеккеру, разумное использование ресурсов, которое должно дать прогрессу человечества новое направление, приведет к кратному увеличению эффективности использования энергии и сырья⁴.

На наш взгляд, повышение эффективности использования природных ресурсов — это, скорее, следствие и цель, а не причина разумного природопользования. Разумное использование ресурсов в реалиях шестого технологического уклада, который вступит в фазу зрелости уже в 30–40-е годы XXI века⁵, предполагает, что традиционные источники энергии (уголь, нефть, газ) будут заменены новыми, в том числе ветряными, солнечными, вторичными ресурсами и т. д. Не исключено, что спрессованная микрокристаллическая вода будет приводить в движение автомобили, заменит топливо

¹ Заведующая кафедрой макроэкономического регулирования Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, доцент. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Инвестиционная стратегия развития Северо-Востока России в условиях рыночной экономики», «Формирование экономического механизма устойчивого развития горнопромышленных комплексов», «Теория и методология устойчивого развития региона на основе управления промышленными комплексами», «Современные проблемы управления социально-экономическими системами и процессами», «Устойчивое развитие России в контексте ноосферной парадигмы развития», «Российский и зарубежный опыт стимулирования частных инвестиций: инвентаризация налоговых льгот и прочих мер поддержки», «“Геометрия” развития экономических систем в глобальном контексте» и др.

² Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Айрис-пресс, 2003.

³ Львов Д. С. Свободная экономика России: взгляд в XXI век. М. : Экономика, 2000.

⁴ Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрагивает половина, отдача — двойная : новый докл. Римскому клубу / пер. А. П. Заварицына и В. Д. Новикова ; под ред. Г. А. Месяца. М. : Academia, 2000.

⁵ Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М. : Наука, 1999.

на ТЭЦ, а может быть, это будут заряженные энергией нанобатарейки.

Разумное природопользование, по нашему мнению, идеально соотносится с устойчивым развитием, при этом нами выделяются:

— слабый тип устойчивого развития (низкая/относительная устойчивость);

— сильный тип устойчивого развития (высокая/абсолютная устойчивость)¹.

Устойчивое развитие слабого типа не преследует цели сохранения материального, человеческого и природного капитала, следовательно, возможен экономический рост при низких социальных показателях или развитие за счет деградации окружающей природной среды. Обязательным условием устойчивого развития сильного типа является сохранение или увеличение всех видов капитала.

В соответствии с этим можно сформулировать три варианта выполнения условия устойчивости.

Низкая (относительная) устойчивость обеспечивается неумножением с течением времени суммы всех видов капитала (активов) в стоимостном выражении.

Математическая модель низкой устойчивости может быть представлена следующим образом:

$$A_t = M_t + Ч_t + П_t;$$

$$A_{t+1} - A_t > 0,$$

где A_t — совокупный капитал (активы) в стоимостном измерении в t -м году; M_t , $Ч_t$, $П_t$ — материальный, человеческий и природный капитал в стоимостном измерении в t -м году соответственно; A_{t+1} — совокупный капитал (активы) в стоимостном измерении в $(t + 1)$ -м году.

Важнейшим условием обеспечения низкой устойчивости является соблюдение неравенства $A_{t+1} - A_t > 0$, то есть прирост (увеличение) совокупных активов с течением времени.

Высокая (абсолютная) устойчивость обеспечивается неумножением с течением времени суммы всех видов капитала в стоимостном измерении при условии неумножения в натуральном измерении природного капитала.

Математическая модель высокой устойчивости может быть представлена следующим образом:

$$A_t = M_t + Ч_t + П_t;$$

$$A_{t+1} - A_t > 0;$$

$$n_{t+1} - n_t > 0,$$

где n_t , n_{t+1} — природный капитал в натуральном измерении в t -м году и в $(t + 1)$ -м соответственно.

Важнейшим условием обеспечения высокой устойчивости является соблюдение неравенства $n_{t+1} - n_t > 0$, то есть прирост (увеличение) природного капитала в натуральном измерении с течением времени.

На устойчивость экономической системы существенное влияние оказывает сложившаяся структура совокупного капитала (активов). Увеличение доли ма-

териального (М) и человеческого (Ч) капитала приводит к повышению устойчивости: относительной — при соблюдении условия $A_{t+1} - A_t > 0$; абсолютной — при соблюдении условия $n_{t+1} - n_t > 0$.

Природный капитал (П) структурно можно представить состоящим из четырех элементов: возобновляемый, невозобновляемый, неисчерпаемый и критический природный капитал.

Возобновляемый природный капитал (пв) представлен возобновляемыми природными ресурсами: лесными, земельными, водными, ресурсами животного и растительного мира. *Невозобновляемый природный капитал* (пнв) представлен минерально-сырьевыми ресурсами, период восстановления которых несоизмерим с периодом существования человечества, что дает основание считать эти ресурсы невозобновляемыми. *Неисчерпаемый природный капитал* (пн) представлен энергией приливов и отливов, солнечной энергией, внутриземным теплом, которые являются для человечества практически бесконечными. Категория *критического* природного капитала (пк) соотносится с такими понятиями, как озоновый слой, глобальный климат, биоразнообразие и др.

Анализ результатов хозяйственной деятельности человека свидетельствует о том, что вариант высокой (абсолютной) устойчивости является, на наш взгляд, лишь теоретически возможным, так как любая экономическая и хозяйственная деятельность базируется на потреблении топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов. Иначе говоря, неумножение невозобновляемого природного капитала принципиально невозможно. Таким образом, имеет практический смысл анализировать третий вариант устойчивости, который можно определить как нормальный (объективно обусловленный, разумный).

Нормальная устойчивость обеспечивается неумножением с течением времени суммы всех видов капитала в стоимостном измерении при условии неумножения в натуральном измерении возобновляемого природного капитала, соблюдением оптимальных темпов потребления невозобновляемого природного капитала и сохранением критического природного капитала.

Математическая модель нормальной устойчивости может быть представлена следующим образом:

$$A_t = M_t + Ч_t + П_t;$$

$$A_{t+1} - A_t > 0;$$

$$пв_{t+1} - пв_t > 0;$$

$$пнв_{t+1} - пнв_t \rightarrow \text{opt};$$

$$пк_{t+1} - пок_t = 0,$$

где $пв_t$, $пв_{t+1}$ — возобновляемый природный капитал в натуральном измерении в t -м году и в $(t + 1)$ -м соответственно; $пнв_t$, $пнв_{t+1}$ — невозобновляемый природный капитал в натуральном измерении в t -м году и в $(t + 1)$ -м соответственно; $пк_t$, $пк_{t+1}$ — критический природный капитал в натуральном измерении в t -м году и в $(t + 1)$ -м соответственно.

Важнейшим условием обеспечения нормальной устойчивости является соблюдение неравенства $пв_{t+1} - пв_t > 0$, то есть:

¹ Куклина Е. А. Теория и методология устойчивого развития региона на основе управления промышленными комплексами: моногр. СПб.: СПбГИЭУ, 2008.

— неумение с течением времени возобновляемого природного капитала в натуральном измерении;

— оптимизация потребления невозобновляемого природного капитала и объемов изъятия невозобновляемых природных ресурсов ($\Delta \text{пнв} \rightarrow \text{opt}$);

— сохранение критического природного капитала ($\text{пк}_{t+1} - \text{пк}_t = 0$).

Таким образом, формируя систему разумного природопользования на условиях нормальной устойчивости, Россия сможет адекватно ответить на глобальные вызовы III тысячелетия.

Л. Ф. Лебедева¹

ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ (Американский подход)

Поиски ответов на глобальные вызовы, разработок мер, направленных на повышение адаптационного потенциала национальных социально-экономических систем к условиям общественного развития XXI века, занимают сегодня центральное место в повестке стран мира. Но видение и восприятие новых реалий, так же как и основные подходы к решению стоящих проблем, существенно различаются, находясь под влиянием национальных интересов, приоритетов, сложившихся систем регулирования, социально-культурных факторов развития, достигнутого уровня взаимодействия государства, бизнеса, гражданского общества.

Особого внимания требует осмысление трансформации социально-экономической политики государства в США, которая оказывает непосредственное влияние на их позицию в мире, ресурсное обеспечение внешнеполитических задач, экономические возможности продвижения американских интересов, воздействия на другие страны и мирохозяйственные процессы. При этом не стоит забывать, что реализация национальных приоритетов осуществляется США в долг, который в результате накопления бюджетных дефицитов увеличился с 9 трлн долларов (62,5 % ВВП) в 2008 финансовом году до 17,9 трлн долларов в 2014-м (103,2 % ВВП), а около трети его объема приходится на иностранных держателей.

Несмотря на расхождения между республиканцами и демократами по вопросам государственного регулирования экономики, решения социальных проблем, ограничения размеров бюджетного дефицита, американская стратегия адаптации к меняющемуся мировому порядку, появлению новых игроков и укреплению их позиций на мировом рынке подчинена долгосрочным национальным интересам.

¹ Руководитель Центра социально-экономических исследований Института США и Канады РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), доктор экономических наук. Автор 228 научных публикаций, в т. ч.: «Американская модель пенсионного обеспечения в условиях усиления рисков финансово-экономической нестабильности в начале XXI века», «Позиции России и США в полицентричном мире: социально-экономический аспект», «США: государство и социальная политика», «Государственная политика в сфере НИОКР в начале XXI в.: мировые тенденции и национальные особенности», «Факторы и условия трансатлантической интеграции» (в соавт.), «Российская Федерация в мировом хозяйстве: позиции и новые задачи» (в соавт.) и др. Член редколлегии журналов: «США–Канада: экономика, политика, культура», «Человек и труд», «Россия и Америка в XXI веке», редакционного совета журнала «Безопасность: наука и технологии».

Социально-экономическая политика США свидетельствует о высокой степени прагматичности правящих кругов, вызванной необходимостью модернизации современного финансово-хозяйственного механизма, системы социальной защиты и развития человеческого потенциала. По сути, речь идет не о вмешательстве и/или невмешательстве в социально-экономические процессы, а о выборе инструментов, направлений, масштабов и продолжительности тех или иных мер, а также механизмов контроля за их реализацией².

Вопреки декларируемой приверженности к рыночным силам в годы глобального кризиса США не только лидировали по абсолютному объему прямых и косвенных расходов на поддержку экономики, но и вошли в группу стран с наиболее высокой долей таких расходов в ВВП. Наряду с решением традиционных задач по восстановлению темпов экономического роста, снижению безработицы государственные меры были нацелены на структурную модернизацию экономики.

Если эксперты Международного валютного фонда рекомендовали правительствам расходовать на антикризисные мероприятия примерно 2 % ВВП, включая как прямые расходы, так и целевое снижение налоговой нагрузки на бизнес и различные группы граждан, то План американского возрождения и реинвестиций обошелся американским налогоплательщикам в сумму около 820 млрд долларов, или 5,9 % ВВП на тот период.

Результатом широкомасштабного использования бюджетного механизма в целях экономического восстановления стал рекордный (за период с 1946 г.) рост расходной части федерального бюджета, достигшей в 2009 финансовом году 24,4 % ВВП. В последующие годы произошло некоторое снижение этого показателя — до 20,3 % в 2014-м, но, несмотря на экономический рост, наблюдаемый сегодня в американской экономике, наращивание федеральных расходов продолжается, и по прогнозам Бюджетного управления Конгресса в ближайшие годы они составят не менее 21 % ВВП.

Ключевое место в американской программе стимулирующих мер занимают стратегически значимые проекты в сферах науки, образования, здравоохране-

² Лебедева Л. Ф. Государственная политика в сфере НИОКР в начале XXI в.: мировые тенденции и национальные особенности // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2013. № 4. С. 95–106.

ния, информационно-коммуникационных технологий, транспортной инфраструктуры. Именно инновационная составляющая государственной политики в экономике и социальной сфере является одним из решающих факторов формирования комплекса передовых отраслей — по производству высокотехнологичных видов продукции, предоставления коммерческих и государственных наукоемких услуг, доля которых в американской экономике составляет около 40 % ВВП против 32 % в среднем по странам ЕС, 30 % в Японии и вдвое превышает аналогичный показатель в Китае, Индии, Бразилии, России¹.

Переход к экономическому росту после кризиса 2008–2009 годов не стал поводом для сворачивания мер поддержки экономики, а, напротив, был отмечен их расширением, направленным на ускоренное развитие отраслей инфраструктуры, проведение научных исследований и внедрение их результатов во всех сферах жизнедеятельности, повышение качества образования и подготовку кадров востребованной квалификации, модернизацию энергетического сектора на основе новейших технологий и т. п.

Особо следует отметить, что реализация государственной политики экономического роста не ограничивается прямым бюджетным финансированием тех или иных направлений социально-экономического и научно-технологического развития, но предполагает также создание условий для их реализации, взаимодействия государственных структур, бизнеса, научно-исследовательских центров, образовательных учреждений.

Кроме того, в США осознали, что инновационные подходы, содержащие решения по развитию человеческого потенциала и расширению возможностей его использования, усилению трудовой мотивации, повышению личной конкурентоспособности экономически активного населения, не менее актуальны, чем технологические инновации. Ведь от состояния, образования, навыков, умений, способности адаптации широких слоев населения к принципиально новым условиям труда и жизнедеятельности, информационно-коммуникационной среде XXI века во многом зависит и то, насколько эффективно страны мира смогут воспользоваться плодами научно-технических достижений.

В текущем финансовом году расходы по разделу «Человеческие ресурсы» оцениваются в 2,73 трлн долларов, третий год подряд превышая рекордный за всю американскую историю уровень (70 %) расходной части федерального бюджета, достигнутый в 2013 финансовом году.

И дело не только в обязательствах государства перед пенсионерами в рамках федеральной программы пенсионного страхования, которые стремительно растут в связи с массовым выходом на пенсию поколения «бума рождаемости»: в 2015 финансовом году расходы на пенсионные выплаты по этой программе должны составить около 900 млрд долларов и еще около 530 млрд — по программе медицинского обслуживания пенсионеров «Медикэр». Таким образом, федеральные затраты, связанные с пенсионерами, дости-

гают более половины расходной части федерального бюджета на социальные цели.

Увеличения затрат требует и программа доступного медицинского страхования для лиц, не имеющих медицинской страховки, осуществляемая по закону о реформе здравоохранения и защите пациентов 2010 года. В текущем финансовом году расходы на эти цели должны возрасти до 29 млрд долларов, а по прогнозу на 2016 финансовый год — до 45 млрд. Кроме того, по программе медицинской помощи малоимущим слоям населения «Медикейд», охватывающей около 68 млн американцев, ежегодные расходы с прошлого года превышают 300 млрд долларов².

При сохранении социальных программ, ориентированных на малоимущие группы населения, в начале 2015 года администрацией была выдвинута стратегическая инициатива по усилению позиций среднего класса. Фокусирование внимания на проблемах среднего класса прослеживалось в политике американского государства и раньше. Но сегодня укрепление его позиций возведено в ранг государственных приоритетов. Средний класс рассматривается как консолидирующая социальная и экономическая сила, способная обеспечить национальные интересы в новых глобальных реалиях.

Формирование системы мер развития и реализации потенциала среднего класса предполагает расширение личных возможностей на всех этапах жизни — от дошкольной подготовки, получения среднего профессионального и высшего образования, доступа к максимально широкому набору медицинских услуг до стимулирования добровольных пенсионных счетов по месту занятости.

Ценой резко возросшего финансирования политики в экономической и социальной сфере является хронический дефицит федерального бюджета, который продолжает оставаться на рекордном уровне (по оценке на 2015 финансовый год, около 580 млрд долларов), обеспечивая дальнейший рост государственного долга и выплачиваемых по нему процентов.

Расходы по статье «Выплата процентов» уже достигают около 230 млрд долларов в год (в 2014/15 финансовом году), превышая, к примеру, ежегодный объем федеральных расходов на поддержку сельского хозяйства в десять раз. Кардинального изменения ситуации в ближайшие годы не предвидится: объем государственного долга сохранится на уровне выше 100 % ВВП, а размеры процентных выплат по долгу согласно прогнозу Бюджетного управления Конгресса к 2020 финансовому году составят более 500 млрд долларов³. Учитывая, что эти выплаты должны быть осуществлены по действующему законодательству при любых условиях, а отказ от выплат по долгу или их задержка означает наступление дефолта, рост расходов по данной статье неизбежно будет ограничивать финансирование приоритетных направлений социально-экономической политики.

² Budget of the U. S. Government. FY 2016. Washington : U. S. GPO, 2015.

³ Updated Budget Projections: 2014 to 2024. Washington : CBO, 2014.

¹ Science and Engineering Indicators 2014. NSF, 2014.

А. И. Лученок¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В СИСТЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ МАКРОГРУПП

Национальные экономические интересы являются основой проведения относительно независимой (насколько это возможно в условиях глобализации) экономической политики государств, ориентированных на защиту своего национального суверенитета. Именно исходя из учета национальных интересов, в таких странах проводится макроэкономическая политика, направленная на поддержку отраслей национальной экономики. Знание национальных экономических интересов позволяет органам государственного управления четче выполнять свои функции, а коммерческим структурам определять как краткосрочную, так и долгосрочную стратегию своей деятельности.

Вместе с тем трудности реализации национальных экономических интересов в определенной степени обусловлены недостаточной разработкой теоретико-методологических подходов к трактовке этого понятия. В частности, нет единого понимания в аспекте определения носителей национальных экономических интересов.

Очевидно, что в основе национальных экономических интересов лежит обеспечение сбалансированного расширенного воспроизводства. Для этого необходимо поддержание условий, при которых достаточно полно удовлетворяются потребности участников воспроизводственного процесса и обеспечивается безопасность национальной экономической системы. Можно согласиться с точкой зрения, что главным национальным экономическим интересом является общая заинтересованность граждан в сохранении национальной экономики как единого целого, как системы, обладающей относительной самостоятельностью при принятии решений².

Некоторые авторы считают, что национальные экономические интересы отражают совокупность экономических интересов *национальной общности*, заключаются в создании условий для благосостояния населения и реализуются при выполнении государством своих функций³. На наш взгляд, такая трактовка страдает следующими основными недостатками. Во-первых, следует говорить не только об интересах населения, но и об интересах других социальных групп, которые могут быть объединены в рамках осуществления хо-

зяйственной деятельности. Во-вторых, нецелесообразно заикливаться на общности только по национальному признаку, а следует исходить из общности интересов социальных групп, постоянно функционирующих на территории той или иной страны, в том случае если эти группы участвуют в создании ВВП и не связаны с криминальной деятельностью.

В связи с этим представляется спорной позиция Л. С. Шаховской и К. В. Днепровской, считающих, что в современных условиях национальные экономические интересы Российской Федерации представлены преимущественно интересами национальных компаний, производящих ВВП и обеспечивающих целостность, конкурентоспособность и развитие народного хозяйства в условиях глобализации. Национальные компании определены авторами как основная организационная форма деятельности национального государственного и частного капитала, направленного на производство ВВП⁴. По нашему мнению, на благо реализации национальных интересов могут работать и иностранные компании при условии соблюдения ими национального законодательства.

Международный и отечественный опыт свидетельствует о наличии на макроэкономическом уровне групп влияния, ориентированных на реализацию общегрупповых интересов. Эти группы непосредственно связаны с хозяйственной деятельностью, во многом определяют приоритеты в экономической политике и оказывают непосредственное воздействие на принимаемые государственные решения, тем самым формируя национальные экономические интересы. Они обладают неформальным влиянием, которое позволяет им серьезно воздействовать на основные макроэкономические пропорции, определять специфику монетарной, фискальной и институциональной политики, существенно корректировать финансовые потоки в экономике. Такие укрупненные группы предлагается называть социальными макрогруппами (СМГ). Они предназначены для реализации следующих функций:

— во-первых, агрегирование интересов членов СМГ, установление иерархии между интересами по степени приоритетности с выработкой на этой основе общегрупповых целей. При этом предполагается не только определение наиболее значимых целей, но и прогнозирование возможности их реализации;

— во-вторых, разработка мероприятий по реализации интересов СМГ путем транслирования их в органы государственного управления и взаимодействия с этими структурами;

— в-третьих, участие в подборе кадров, выдвижении своих представителей в органы государственного управления для реализации своих групповых интересов;

¹ Заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, доктор экономических наук, профессор. Автор более 140 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Мошенничество в бизнесе», «Макроэкономическое регулирование—2010: проблемы и пути решения», «Бюджетные средства и квартирный вопрос», «Инновационное развитие и белорусская институциональная политика», «Оценка эффективности государственного регулирования в белорусской институциональной модели», «Макроэкономическое регулирование в условиях Единого экономического пространства» (в соавт.) и др.

² Загайвили В. Экономический национализм и национальные экономические интересы // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 1. С. 23.

³ Энциклопедия рыночного хозяйства. Общеэкономические основы рыночного хозяйствования / под ред. Л. И. Абалкина, А. Г. Грязновой [и др.]. М.: Путь России, 2002. С. 260.

⁴ Шаховская Л. С., Днепровская К. В. Эволюция концепции экономических интересов // Вестник ВолГУ. Сер. 3. 2007. Вып. 11. С. 43.

— в-четвертых, использование средств массовой информации для пропаганды своих интересов как в прямой, так и в завуалированной форме.

Исходя из анализа финансовых потоков и предпринимаемых мер государственного регулирования, считаем, что доминирующими СМГ в белорусской экономике являются:

- индустриально-промышленный комплекс;
- аграрно-продовольственный комплекс;
- строительный комплекс;
- банковско-финансовая сфера;
- домашние хозяйства (население).

Определенную роль в перераспределении ресурсов играют СМГ мелкие и средние предприниматели, научно-исследовательский и внедренческий комплекс, медицина, транспортный комплекс.

В состав таких групп считаем нецелесообразным включать органы государственного управления, хотя некоторые из них по своим интересам смыкаются с профильными социальными макрогруппами. Например, Национальный банк Республики Беларусь частично является органом, выражающим интересы банковско-финансовой макрогруппы, Министерство промышленности ориентировано на обслуживание интересов индустриально-промышленной макрогруппы, Министерство сельского хозяйства и продовольствия тесно взаимодействует с аграрно-продовольственной макрогруппой, а Министерство архитектуры и строительства — со строительной социальной макрогруппой. Ряд министерств представляет интересы макрогруппы домашних хозяйств (населения). Однако указанные органы государственной власти обязаны реализовывать прежде всего общегосударственные интересы, а в отношении профильных социальных макрогрупп должны выступать, с одной стороны, как помощники, а с другой — как контролеры и проводники государственной политики. В результате, в целом выполняя задачу реализации общегосударственных интересов, между органами государственной власти возникают противоречия на более низком уровне по поводу реализации представляемых ими отраслей или секторов экономики.

Наличие разногласий по поводу распределения ресурсов между различными СМГ требует совершенствования механизмов согласования их позиций в целях формирования непротиворечивых национальных экономических интересов.

А. А. Лукьянова для согласования системы экономических интересов предложила выделить стабилизационную, структурную и социальную политику государства. При этом стабилизационная политика направлена на сглаживание краткосрочных изменений в системе экономических интересов и предполагает главным образом регулирование совокупного спроса как более динамичного компонента макроэкономического равновесия, структурная политика в большей степени влияет на долгосрочную динамику системы экономических интересов и связана с воздействием на совокупное предложение. При этом интересы домашних хозяйств должна защищать социальная политика государства¹. В целом соглашаясь с предло-

женным подходом, считаем необходимым отметить, что государство должно взять на себя и функцию согласования интересов различных социальных макрогрупп.

Для такого согласования мер законодательного регулирования явно недостаточно из-за широкого распространения в институциональной среде неформальных норм решения проблем, выражающихся в достижении взаимных договоренностей, использовании административного нажима и прочих неофициальных методов. Необходимость учета неформальных норм осознали даже судебные органы, все чаще прибегающие к практике несудебной медиации, когда сторонам предлагается заключить мировое соглашение на принципах, которые могут существенно отклоняться от оговоренных в законодательных актах, но вполне соответствуют неформальным нормам, действующим в обществе.

Поэтому для выработки согласованных национальных экономических интересов приоритетными задачами институциональной политики должны стать не только совершенствование формирования системы правовых институтов, регулирующих экономическую деятельность социальных макрогрупп, но и повышение уровня разработки инструментов регулирования системы неформальных институтов. Они позволят более сбалансированно регулировать экономические отношения с целью получения максимального эффекта от использования всех видов материальных, трудовых и финансовых ресурсов, ограничат возможность получения отдельными социальными макрогруппами преференций в ущерб экономическим интересам других макрогрупп. Это повысит стабильность социально-экономического развития страны и обеспечит улучшение качества экономического роста.

В таких условиях возникает необходимость создания при правительстве координирующей комиссии из представителей различных социальных макрогрупп. Основными задачами этой комиссии должны стать:

- координация деятельности министерств, ведомств и организаций по разработке проектов программ дальнейшего социально-экономического развития и реализации национальных экономических интересов;
- подготовка докладов и планов действий по согласованию экономических интересов социальных макрогрупп и обеспечению сбалансированного институционального развития;
- рассмотрение и анализ представляемых министерствами докладов и аналитических материалов об их деятельности по реализации национальных экономических интересов в разрезе видов экономической деятельности с учетом нужд населения и других социальных макрогрупп;
- рассмотрение предложений по перераспределению бюджетных ресурсов и льготных кредитов между министерствами, ведомствами и организациями. При этом следует согласиться со специалистами, считающими налогово-бюджетную политику в нашей стране недостаточно эффективной из-за значительного объема бюджетных средств, используемых для финансиро-

¹ Лукьянова А. А. Согласование экономических интересов в системе государственного регулирования социально-экономических процессов : дис. ... канд. экон. наук. Пенза, 2006.

вания и предоставления льгот государственным предприятиям в ущерб расходам, направленным на повышение человеческого потенциала (в науку, образование, здравоохранение); порядок формирования доходов бюджета является следствием формирования расходов бюджета, а не наоборот (доходная часть бюджета формируется после согласования расходов бюджета). Это приводит к ухудшению финансового состояния рентальных предприятий¹.

Составным элементом институциональной политики, направленной на формирование национальных экономических интересов нашей страны, должно стать создание условий в экономической сфере, которые позволили бы постепенно перейти к реальному индикативному планированию, что потребует:

— наряду с подготовкой нормативной правовой базы индикативного планирования осуществить работу по ее признанию на уровне неформальных норм и правил, что требует постепенного переучивания и перестройки работы всех органов государственного управления;

— создания институциональных условий для постепенного отказа от доведения до субъектов хо-

зяйствования обязательных для выполнения показателей;

— формирования системы управления государственными предприятиями, обеспечивающей реализацию национальных экономических интересов без доведения обязательных к выполнению так называемых «прогнозных» показателей;

— создания системы мониторинга эффективности управления при переходе на индикативное планирование с соответствующей коррекцией в случае сбоев в новой системе управления.

Таким образом, национальные экономические интересы нами рассматриваются через систему интересов социальных макрогрупп, которые согласовываются в рамках механизма государственного регулирования или же в форме процедур медиации между представителями заинтересованных макрогрупп. При этом большое значение имеет недопущение чрезмерного учета запросов одних социальных макрогрупп в ущерб другим, что может привести к кризисным социально-экономическим процессам и неудовлетворительной реализации национальных экономических интересов.

Т. Б. Малинина²

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ (Потребительно-стоимостной подход)

Процесс глобализации характеризуется возрастающим влиянием экономических, политических, культурных факторов на социальное развитие человека и общества. Некоторые специалисты считают, что процесс глобализации приведет ко всеобщему повышению благосостояния в мире. Однако интеграция человека в единое пространство отрицает развитие человека как личности, унифицируя его потребности и способности, усугубляя социальное неравенство.

Анализируя процесс глобализации сегодня, можно констатировать распространение экономического, культурного и политического влияния США всевозможными средствами навязывания своей воли другим странам.

В мировом сообществе экономический рост уже давно принято рассматривать не как самоцель, а толь-

ко как инвестиции в человека, средство достижения более гуманных целей стратегического общественного развития.

Современные реалии заставляют осознать необходимость переориентации производства, государственной политики и самих принципов организации строя экономики на цели развития человека, улучшения окружающей среды, сохранения природных ресурсов для будущих поколений. В противном случае мировая экономика достигнет пределов экономического роста, он прекратится и придет конец саморазвивающейся экономике, базирующейся на стоимости и рынке.

Появление концепции «общества потребления», пытающейся осмыслить происходящие в мире изменения, связано с осознанием нового взгляда на потребление как своеобразное отношение к миру, иную основу для социальной стратификации, новый способ интеграции человека в современную цивилизацию, новую форму воспроизводства экономических отношений.

По мнению ведущего представителя современной неомарксистской исторической социологии И. Валлерстайна, мировую капиталистическую экономику ждет крах в первой половине XXI века (отсутствие дешевой рабочей силы, истощение сырьевой базы, экологический и демографический кризисы).

Обычно в концепциях развития перспективы и будущее общества оцениваются под углом зрения стоимостной парадигмы, которая по мере роста производи-

¹ Оценка итогов социально-экономического развития Республики Беларусь, угроз национальной безопасности и предложения по их преодолению : аналит. записка / Мин-во экономики Республики Беларусь. Минск, 2014.

² Доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук. Автор научных публикаций по статистическим методам измерения в социологии, социальной статистике и демографии, в т. ч.: «Высшая математика для социологов», «Мера труда и мера потребления», «Сбалансированность и пропорциональность производства и потребления в хозяйстве региона» (в соавт.), «Экономия труда как мера социального развития», «Производство и потребление в условиях современного кризиса» (в соавт.), «Зависимость меры труда от меры потребления в социально-экономическом развитии региона» и др.

тельности труда предполагает уменьшение стоимости производимого продукта (результата). Предполагается, что совокупная масса ресурсов, расходуемых на осуществление процесса производства, растет с опережением, в силу чего совокупная масса средств для жизни не может удовлетворить требуемый объем потребления. Известная стоимостная формула накопления капитала, предполагающая опережение постоянным капиталом (c) роста переменного капитала (v) в соотношении $c > v$, трактуется как неизбежное падение потребления и невозможность устранения неравенства между изготовлением средств производства и потреблением. Отсюда выводятся пределы общественного прогресса.

На самом деле эти пределы вытекают не из способности труда давать результаты, превышающие его затраты, и тем самым обеспечивать общественный прогресс, а из стоимостного измерения труда и потребления. На труд и потребление, движение которых не может быть уложено в стоимостные рамки, тем не менее накладывается стоимостная схема, что приводит к искажению перспектив развития.

На наш взгляд, теоретическое обоснование социально-экономического развития общества самым тесным образом связано с преодолением стоимостной парадигмы, которая касается не только экономики, но и социальной сферы. Можно сослаться на авторитет А. Эйнштейна, по мнению которого производство ради лучшего удовлетворения потребностей должно сменить производство ради прибыли. Он сознавал, что экономический кризис его времени разразился из-за того, что экономическая система работала на прибыль, а не на удовлетворение человеческих потребностей. Что имеет место и сегодня в любых национальных экономиках.

На Конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992) было признано, что модель развития, которую использовали развитые страны и которая предполагает систему производства во имя прибыли, исчерпала себя и дальнейшее следование ей может привести человеческую цивилизацию к краху. Конференция ООН по социальному развитию (Копенгаген, 1995) тоже констатировала удручающие отрицательные последствия этой модели: увеличение разрыва между бедностью большинства и богатством немногих; увеличение численности людей (свыше миллиарда), живущих в крайней бедности, многие из которых ежедневно недоедают, лишены доходов, доступа к образованию, медицинскому обслуживанию; рост безработицы (более 120 млн человек официально признаны безработными и гораздо большее число работает неполный рабочий день); увеличение числа нетрудоспособных (каждый десятый является нетрудоспособным по болезни и поэтому принужден к бедности).

Непригодность теории стоимости для понимания экономического и социального развития объясняется тем, что стоимость не может превосходить затраты на ее получение и, следовательно, удовлетворять основному условию развития — возникновению нового и превосхождению им старого. При производстве стоимости нельзя добиться никакого превыше-

ния стоимости результата над стоимостью издержек. С этой точки зрения ни один продукт не в состоянии обеспечить превышение над стоимостью услуг труда и земли.

Из того, что прибыль не выводится из эквивалентного обмена, предполагаемого законом стоимости, вовсе не следует, что она не имеет экономического основания и не объясняется другой, нестоимостной парадигмой — неэквивалентным обменом, неравноценностью. Если ее невозможно объяснить эквивалентным обменом стоимости на стоимость, то это не значит, что ее нельзя вывести из неэквивалентного обмена стоимости на потребительную стоимость рабочей силы (труда). Вопрос лишь в том, что здесь вместо стоимости появляется ее противоположность — потребительная стоимость.

В потребительной стоимости как раз и заключена возможность объяснения того, как из труда работника можно извлечь больше, чем ему возвращается. Стоимостная эквивалентность и «великий» принцип равенства затрат и результатов этой возможности не только не дают, но и скрывают первопричину возникновения прибавочной стоимости. Для этого нужен другой, не менее «великий» принцип — принцип неравенства затрат и результатов, неэквивалентности, возникающий не из стоимости, а из потребительной стоимости обмениваемой на капитал рабочей силы.

Однако перестроить механизм взаимодействия производства и потребления в указанном направлении на основе рыночно-стоимостной концепции пока не удалось и вряд ли удастся. Для этого надо переходить на новую теоретическую основу (парадигму), учитывающую движение потребительной стоимости (полезности) продукта, предназначенного для общественного потребления.

Потребительная стоимость, как известно, — прежде всего предмет, с которым имеет дело человек в воспроизводстве своей жизни. Он использует его для удовлетворения своих потребностей, и именно полезность предмета наделяет последний потребительной стоимостью. Потребительная стоимость реализует себя в процессе потребления или в качестве непосредственного жизненного блага, или опосредованно как средство производства жизненных благ: «Потребительную стоимость, — отмечал В. Я. Ельмеев, — можно назвать благом, потребительским и хозяйственным (производительным), наделенным свойством полезности, ценности»¹.

Труд человека является основой общественной жизни. Чтобы жить и развиваться, человек должен удовлетворять свои жизненно необходимые потребности: питаться, одеваться, иметь жилище и т. д. Для этого общество должно непрерывно создавать соответствующие материальные средства и блага (потребительные стоимости), которые без человеческого труда возникнуть не могут.

Таким образом, труд был и остается основой и решающим фактором всей человеческой жизни. Только в труде и с помощью труда удовлетворяются челове-

¹ Ельмеев В. Я. К новой парадигме социально-экономического развития и познания общества. СПб., 1999. С. 25.

ские потребности, создается национальное богатство, формируется и развивается сам человек и общество в целом. В зависимости от тех социальных и экономических условий, в которых применяется труд, он может быть тяжелой ношей или источником творчества и вдохновения. Все, что необходимо для жизни и развития людей, создается трудом.

В последнее время в результате экономических преобразований, проводимых в нашей стране, в обществе изменилось отношение к труду, что повлекло за собой ряд негативных социальных последствий. Труд превратился из фактора жизненного успеха и реализации человеком своих возможностей в фактор выживания. Снизился интерес к работе на производстве; ухудшились условия и культура труда; снизилось качество трудового потенциала (отсутствуют высококвалифицированные рабочие); снизилась доступность бесплатных услуг образования, здравоохранения, культуры. И как итог — падение нравственности и морали.

Содержание понятия «развитие человека» связано с удовлетворением человеческих потребностей, потреблением и затратами труда. В Докладе о развитии человека за 1990 год человеческое развитие определяется «как процесс расширения человеческого выбора и достигнутый уровень благосостояния». Понятие выбора включает различные аспекты жизни человека (долголетие, образование, доходы, потребление, экология и т. д.), актуальность которых со временем может изменяться. В Докладе Программы развития ООН 2010 года определение понятия «развитие человека» получило существенное дополнение: «Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивого развития на планете».

Расширение возможностей человеческого выбора, как следует из Доклада, остается основополагающим моментом, но этого в настоящее время уже недостаточно. Развитие человека предполагает также и его процветание (удовлетворение и расширение его потребностей), творческую жизнь для достижения целей, обладающих ценностью с точки зрения конкретного человека. Позитивные результаты должны иметь устойчивый характер и сохраняться во времени. Должна обеспечиваться социальная справедливость, вестись борьба с нищетой и бедностью, а также создаваться противодействие условиям, приводящим к обнищанию различных слоев населения. В связи с этим развитие человека напрямую связано с расширением границ процесса потребления.

Потребление предлагается рассматривать с точки зрения понимания его как элемента производства общества, социальной жизни и человека. Включение потребления в систему общественных отношений может быть основано на понимании его как производства и воспроизводства человека. Тогда, с одной стороны, цель производства получит вполне определенную форму — форму реализации человека с его потребностями, а с другой — потребление обнаружит

себя одной из форм отношений людей к собственному воспроизводству как субъектов. Производство и потребление не будут разделены как два объекта различных наук, а предстанут двумя противоположными формами одной и той же сущности. Потребление станет продолжением общественного производства и производственных отношений и будет иметь распространение на сферу потребительного производства, то есть будет преодолена ограниченность пофазного деления общественного производства¹.

В таком понимании потребление и сам термин «потребительное производство» впервые были введены К. Марксом. Во введении к «Критике политической экономии» он характеризует потребление как деятельность, уничтожающую продукт материального производства, его противоположность, второй вид производства — потребительное производство, в котором производится и воспроизводится сам человек.

Таким образом, потребление для общества имеет огромное социальное значение. Во-первых, материальное потребление обуславливает необходимость включения каждого человека в социальную жизнь. Во-вторых, оно воспроизводит социальную структуру общества как основу типа социальной жизни и видов образа жизни. Поскольку человек участвует в общественном производстве в каком-либо социальном качестве, материальное потребление в процессе этого производства воспроизводит его социальный статус. В-третьих, материальное потребление, его структура (то есть то, что человек ест, пьет, в каких условиях живет и т. д.), культура, мера использования функциональных возможностей продукта и тому подобное воспроизводят материальные условия жизни (быт, состояние здоровья, материальные предпосылки общественного, социального и культурного развития, демографическое поведение и т. п.). В-четвертых, духовное потребление участвует в формировании мировоззрения, ценностных ориентаций, идеалов и жизненных установок людей. Такое значение потребления для человека и общества позволяет назвать его потребительным производством².

Таким образом, потребительное производство включает не только воспроизводство человеческой жизни, но и социальное производство. Потребление как потребительное производство понимается как совокупность процессов, посредством которых производится и воспроизводится социальное содержание жизни, социальная определенность человека. Глобализация все это игнорирует. Потребление с точки зрения глобализации — это унифицированный процесс, подразумевающий определенный стандарт образа жизни, потребления материальных и духовных благ, исключая культурно-историческое развитие стран и противоречащий сложившимся традициям в данном обществе. А интеграция в мировое экономическое пространство создает препятствие для развития отечественного производства как основы социального развития общества.

¹ Ельмеев В. Я. Теория и практика социального развития. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 250.

² Ковалев А. М. Динамика способа производства социальной жизни. М., 1982. С. 24–27.

М. С. Мотышина¹ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ
И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Сложная геополитическая и социально-экономическая ситуация, сложившаяся в России, на первый план выдвигает проблему расстановки приоритетов, на которых нужно сосредоточить основное внимание и народно-хозяйственные ресурсы. Не случайно в последнее время появилось много научных работ, отражающих разнообразие во взглядах на основные направления развития экономики страны, а также ее структуры. В научной среде идет серьезная полемика по этим вопросам².

Все больше ученых и представителей бизнеса склоняются к необходимости диверсификации экономики, отхода от сложившейся структуры, в которой доминирующую роль играют сырьевые отрасли. Сырьевая ориентация привела экономику к структурному дисбалансу и неустойчивости. Так, по мнению ряда экономистов, Россия до сих пор не преодолела последствий кризиса 2008–2009 года. Не восстановлены докризисные инвестиции и масштабы строительства, не достигнут существовавший в 2008 году уровень производства в машиностроении, в легкой и текстильной, в целлюлозно-бумажной промышленности, в целом ряде других отраслей. При этом проблема заключается не в гипертрофированных масштабах сырьевого сектора, а в недоразвитости перерабатывающих отраслей. За годы перестройки произошло существенное замедление развития производства и явно обозначился процесс *деиндустриализации*, при котором не просто происходит сокращение производства, а снижается его технологический уровень, сокращаются фонды, наблюдается декавалификация занятых в производстве людей, разрушается производственная инфраструктура и происходят многие негативные явления. Особенно остро вопрос о промышленной политике встает в связи с курсом на импортозамещение. Экономика страны катастрофически зависит от внешних источников: доля импорта станков составляет 89 %, одежды — 75 %, фармацевтической продукции — 69 %, офисного оборудования и вычислительной техники — 83 %³.

Феномен деиндустриализации сформировался отнюдь не только в России. Это явление сопровождает развитие европейской экономики в последние три десятилетия. Так, если в 1970 году реальный сектор занимал в ВВП Евросоюза около 27 %, то в 2000-м он

составлял 18,5 %, а к 2013 году упал до 15,8 %⁴. Подобные явления были обусловлены тенденциями стремительного развития сферы услуг и изменением их качественных характеристик. В ВВП развитых стран доля сферы услуг стала занимать 60–80 %. В настоящее время в структуре ВВП США доля промышленности составила 19,2 %, в то время как сферы услуг — 79,7 %. Эти процессы позволили сформировать идею о том, что в постиндустриальном обществе основу составляет сервисный сектор. При этом недооценивалось то обстоятельство, что во многих случаях услуги производны от производственного сектора и являются его продолжением. На практике в некоторых странах это привело к пренебрежительному отношению к промышленности. Например, в Великобритании промышленность сократилась на две трети. В большинстве западноевропейских стран тенденция та же, за исключением Германии, которая сохранила свое промышленное ядро на прежнем уровне — 22,4 % ВВП. Структура ВВП экономики России как развивающейся страны: промышленность — 37,5 % (главным образом добывающая), сфера услуг как показатель постиндустриальной экономики — 58,4 %⁵.

Эксперты консалтинговой компании KPMG отмечают, что европейские страны не в состоянии компенсировать ослабление реального сектора адекватным усилением сферы высокотехнологичных услуг, поскольку развитие высокотехнологичных сегментов в промышленности и сфере услуг идет рука об руку. Они тесно взаимосвязаны, дополняют друг друга, и инновационные прорывы в одной области дают импульсы для развития другой⁶.

В связи с этим руководство ЕС и правительства многих стран стали пересматривать свое отношение к экономическим приоритетам. В конце 2010 года Европейской комиссией была принята новая активная промышленная политика, уделяющая большее внимание обрабатывающей промышленности и меньшее — финансовому сектору и «экономике знаний». В документе подчеркивалось, что современные вызовы настоятельно требуют усилий в различных отраслях экономики. В январе 2014 года Еврокомиссия опубликовала специальное коммюнике «За европейский промышленный ренессанс», где отмечалось, что экономическое значение промышленности значительно больше, чем свидетельствует ее доля в ВВП. На отрасли промышленности приходится 80 % европейского экспорта и более 80 % частных инвестиций в НИОКР. Мощная индустриальная база стала рассматриваться как ключе-

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 200 научных и научно-методических работ, в т. ч.: «Системное исследование организации», «Исследование систем управления», «Методы и модели маркетинговых исследований» и др.

² См., например: Бодрунов С. Д., Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски : науч. докл. // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 ; Бузгалин А., Колганов А. Российская экономическая система: некоторые итоги реформ // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 8 ; Фейгин Г. Ф., Шлафман А. И., Большаков А. С. Стратегический менеджмент в условиях глобализации : моногр. СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2011.

³ Импорт под запретом // Ведомости. 2014. 16 июля.

⁴ Зарицкий Б. Е. Европа: реиндустриализация vs деиндустриализация // Экономические науки. 2014. № 8. С. 170.

⁵ The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/pk.html> (Date of access: 25.09.2014).

⁶ KPMG. The 2014 Global Manufacturing Outlook: Performance at the crosshairs. URL: <http://www.kpmg.com/UK/en/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Documents/PDF/Market%20Sector/global-manufacturing-outlook-performance-crosshairs.pdf>

время уровень самообеспечения России промышленной продукцией по большинству видов не достигает и 50 % потребности в ней, то есть ниже порогового значения. По многим видам инвестиционных товаров, в частности станкостроительной отрасли, показатель самообеспечения снизился до катастрофически низких значений — менее 30 % от потребности. Выявление и анализ причин падения уровня технологической безопасности страны не входит в задачу данной работы. Назовем лишь одну, на наш взгляд, системную причину — отсутствие внятной, последовательной государственной промышленной политики, причем не сию минуту, а на протяжении всего постсоветского периода, то есть почти четверть века!

Отдельные фрагментарные или «точечные» действия, предпринимаемые государством в той или иной сфере экономики, не есть политика, это оперативное (зачастую несистемное) управление объектом или реакция на определенные изменения внутренней и внешней среды. Промышленная политика государства должна иметь законодательное и нормативное обоснование в виде трех связанных между собой документов:

— во-первых, соответствующий федеральный закон, например «О промышленной политике в Российской Федерации», описывающий состояние, цели, задачи, приоритеты и стратегию;

— во-вторых, концепция промышленной политики, содержащая базовые принципы, пути и методы реализации такой политики;

— в-третьих, собственно программа (если речь идет о детализированной политике, например, программы в отношении добывающих, приоритетных обрабатывающих отраслей и пр.) развития промышленности в Российской Федерации, состоящая из конкретных мер, сроков, решений, действий и порядка их осуществления, ответственных лиц и исполнителей.

На уровне субъектов Федерации эти федеральные документы конкретизируются и воплощаются в соответствующих региональных программах. Наличие таких документов не только подкрепляет легитимность действий различных органов власти, но также придает им четкую логику, прозрачность принятия решений и расходования средств, а хозяйствующим субъектам служит ориентиром для выбора направлений развития и гарантией в реализации долгосрочных целей компании.

Что касается федерального закона, то о необходимости его принятия говорили специалисты, ученые и предприниматели много лет. Его проект был разработан еще в нулевые годы, но до стадии обсуждения в Госдуме «дошел» лишь в 2012-м, причем не столько из осознания внутренней необходимости, сколько под давлением внешних обстоятельств. И первым фактором, «принудившим» к официальному представлению законопроекта о промышленной политике России, стало присоединение нашей страны к Всемирной торговой организации (ВТО)¹. Подписание же закона состоялось лишь 31 декабря 2014 года, когда всю действо-

вали западные санкции и было очевидно, что с 1 января 2015 года их никто снимать не будет. Можно сказать, что санкции запустили механизм правового обоснования государственной промышленной политики в России. То есть и подписание Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации»², вступающего в силу через 180 дней после его принятия, так же произошло под давлением «снаружи».

Какова бы ни была последняя или главная причина принятия данного закона, главное, что первая цель промышленной политики — «формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития», обозначенная в ст. 4 данного документа, — приобрела силу закона. Это дает основания полагать, что декларативные заявления и призывы к переходу страны на инновационный вектор развития превратятся в реальные процессы модернизации и возрождения российской обрабатывающей промышленности; что, наконец, изменится товарная структура импорта, а именно: доля машин и оборудования в его общем объеме сократится с нынешних 52 % до порогового уровня (технологической безопасности) в 31 % (уровень 2000 г.); что выплаты за импорт технологий как минимум сравняются с поступлениями от их экспорта вместо нынешнего четырехкратного превышения, и т. д.

Весьма важен выбор концепции реализации промышленной политики, то есть базовых принципов — от этого зависит, чьи интересы в первую очередь будут учтены. Официально действующая Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р, строго говоря, прямого отношения к промышленности не имеет. Нужна такая концепция развития промышленного производства, которая гармонично сочетается с Доктриной национальной безопасности Российской Федерации. В Концепции, предлагаемой Российским союзом промышленников и предпринимателей, защищаются интересы лишь крупного частного бизнеса, который за все пореформенные годы не сумел доказать своего экономического превосходства в том, что касается уровня конкурентоспособности.

Последняя составляющая законодательного обеспечения промышленной политики — конкретная программа развития. В настоящее время реализуются определенные федеральные целевые программы (ФЦП) — отраслевые. Два года назад закончилось действие сравнительно комплексной ФЦП «Национальная технологическая база на 2007–2011 годы». Результаты этих программ, судя по ухудшающейся товарной структуре российского экспорта и импорта, резко возросшей технико-технологической зависимости

проект определяет новые принципы государственной поддержки промышленности, соответствующие требованиям ВТО.

² Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ принят Государственной Думой 16 декабря 2014 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/

¹ Федеральным законом от 21 июня 2012 г. № 126-ФЗ Россия ратифицировала Протокол о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г., в связи с чем законо-

от иностранных товаров, не оправдали затраченных на них ресурсов. Очевидно, нужна комплексная сбалансированная программа, отвечающая долговременным целям и национальным интересам России.

В настоящее время исполнительные органы власти предпринимают действия, которые можно назвать отдельными конструктивными подходами к разработке комплексной программы промышленного развития. Прежде всего это официальные заявления о стратегии импортозамещения в обрабатывающих секторах российской экономики. Необходимость в разработке и реализации такой стратегии назревала давно и была очевидна всем специалистам. Достаточно сказать, что физические объемы производства машиностроения — отрасли, создающей материально-техническую базу функционирования практически всех сфер и секторов деятельности, — сократились за весь преформенный период в разы! Импортная зависимость России лишь по металлообрабатывающему оборудованию в 2013 году составила 96 %. В целом удельный вес импорта в потреблении станков в Российской Федерации — 90 %. Доля импортного технического обеспече-

ния в геологоразведке и нефтедобыче — отраслях, дающих более 2/3 валютных доходов федерального бюджета, — составляет 60–61 % по насосно-компрессорному оборудованию и 78 % по оборудованию для шельфа¹. Такие показатели фактически говорят об утрате технологической безопасности. Однако лишь внешний ощутимый толчок в виде санкций стал решающим аргументом провозглашения стратегии импортозамещения. Тем не менее это уже можно считать некоторым продвижением вперед.

Завершая краткий обзор, отметим, что между «заявлением» и реальной последовательной промышленной политикой — огромный разрыв, прежде всего временной и нормативно-правовой. Демонстрация политической воли — первый шаг. Далее должна быть кропотливая, но быстрая работа, связанная как с нормативно-правовым подкреплением заявленной стратегии импортозамещения, так и с собственно детальной спецификацией промышленной политики по всем его компонентам — целям, задачам (выраженным, в том числе, в виде количественных показателей), исполнителям, способам реализации и т. д.

Н. Н. Покровская²

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕГУЛЯТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ

Экономическая деятельность представляет собой подсистему общественных отношений, обеспечивающих оптимальное удовлетворение потребностей людей³. Оптимизацию преобразования ресурсов в материальные и интеллектуальные потребительские ценности обеспечивают две ключевые системы — рынок независимых бизнес-структур и индивидов и государство как организационная и регулирующая надстройка.

В условиях глобализации государство постепенно утрачивает роль регулятора⁴, но функция долгосрочного планирования устойчивого развития как на уровне индивида, так и на уровне организаций, сообществ и территорий (вплоть до планетарной) должна выполняться теми или иными социальными институтами. Сравнительно эффективной показала себя концепция регуляции на основе сетевого социального капитала.

¹ ЭКО. 2015. № 3. С. 41, 74.

² Заместитель директора по научной работе Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор кафедры социологии и социальной работы, доктор социологических наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики», «Социальная регуляция экономического поведения: социально-управленческие технологии» (в соавт.), «Мировые практики аудита корпоративной социальной ответственности», «Организационная культура в России и Китае — некоторые аспекты сопоставления» (в соавт.) и др. Член Санкт-Петербургского союза ученых. Главный редактор журнала «Личность и культура».

³ Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академ. проект, 2002.

⁴ Покровская Н. Н. Регулятивные роли государства // Личность и культура. 2007. № 5.

Социальный капитал можно определить как совокупность прирастающих социальных ресурсов. Понятие капитала означает, что располагаемые ресурсы мобилизованы для извлечения из них преимуществ при принятии решений (экономических, политических, психологических или собственно социальных) и позволяют получать прирост (соответственно прибыль, повышение статуса и расширение полномочий, эмоционально-аффективное удовлетворение или ценностно-нормативное подкрепление).

Социальный капитал, как правило, рассматривают в рамках человеческого капитала⁵, поскольку он позволяет индивиду улучшать свое положение и обеспечивает организации максимизацию результата или минимизацию затрат при принятии оптимальных решений. Так, П. Бурдьё определяет социальный капитал как систему социальных связей, способных служить источником выгод⁶ для индивида. Социальный капитал также (в более редких источниках⁷) трактуют как самостоятельную группу ресурсов наряду с человеческим

⁵ Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago, 1964.

⁶ Bourdieu P. Forms of Capital // The Sociology of Economic Life. Boulder, 2001. P. 102–106.

⁷ См., например: Шавель С. А. Социальный капитал как источник инновационного развития // Социология. 2008. № 1. С. 16–35; Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310–318.

капиталом, в частности как элемент методологии оценки субъективных и объективных аспектов социального неравенства.

Если в традиционном обществе социальный капитал в значительной степени определялся вовлечением и позицией индивида (группы) в иерархии неформального свойства (обладает ли человек «связями» и «влиятием»), в современном обществе модерни — участием в принятии дискреционных решений по перенаправлению потоков ресурсов («коррупция» и «оппортунизм») или числу участников ассоциаций (негосударственные организации и неформальные движения), то в обществе постмодерна представляется возможным отслеживать и опираться на институционализацию социального капитала в форме виртуальных социальных сетей (например, число подписчиков в блогах) или в компетенциях распределения и наполнения информационных потоков.

Так, аудиторы отмечают¹ явное или латентное сопротивление созданию эффективно работающего электронного правительства и прозрачному бюджетированию деятельности органов власти: местные, национальные и наднациональные органы власти оказывают активное противодействие попыткам внедрить публичное открытое декларирование своих бюджетов. Попытки ограничения бонусов банкирам в Европейском Союзе увенчались лишь частичным, весьма скромным успехом². Вместе с тем виртуальное пространство и открытые информационные потоки могут и должны стать инструментом эффективной социальной регуляции.

Понятие клубной коллаборативной фильтрации³ как системы обмена субъективным опытом связано с социальным капиталом через репутацию участников, оценку компетентности и экспертизы, а также ценность впечатлений⁴, проживания времени работы, деятельности или жизни.

Оплата постфактум отражает оценку уникальности явления (продукта), например добровольные взносы в фонд Википедии. Величина социального капитала, в свою очередь, может проявляться как в его монетизации (сумме взносов), так и в институционализации репутации в форме количества «лайков» или иной «валюте», отражающей число пользователей и их отношение.

Попытки организации интернет-голосования за законопроект или иные регулятивные инструменты, фор-

мирование электронного правительства и прозрачность отдельных процедур принятия решений исключают оппортунистическое поведение и проявление дискреционной власти людей в определенных структурно-позиционных и иерархических узловых точках перераспределения ресурсов. При этом увеличивается влияние и количественная оценка значимости мнений референтных лиц.

Институционализация как процесс формирования устойчивых и регулярных связей между отдельными субъектами отражает не только механизм перевода субъективной оценки значимости референтного лица (что было возможно и ранее на основе методов социометрических и референтометрических социологических исследований), но и способность опираться на данную оценку для других участников клубных взаимоотношений, сравнимость оценок вплоть до их дифференциации по предпочтениям.

В условиях постиндустриального общества, развития экономики знаний и инновационного роста возможность максимально быстрой, эффективной и дифференцированной оценки предлагаемых моделей и проектов на основе информационного поля в виртуальном пространстве представляется наиболее эффективным путем решения проблемы оценки перспектив и прогнозирования потенциального разворачивания тех или иных социальных, культурных, интеллектуальных процессов, которые играют определяющую роль для политических, экономико-управленческих и социально-правовых решений.

Постепенный переход на глобальные коммуникации, в частности на облачные технологии хранения информации и унификацию трансферта знаний и трансмиссии культуры (с учетом моноязычного мира сети Интернет, получившего наименование Globish как существенно упрощенной версии английского языка), отражает возможность выстраивания глобальной регулятивной архитектуры. Так, для отдельных ситуаций взаимодействия разрабатываются символические инструменты, примером сокращенного устного языка стала коммуникативная система RunGLISH как специфический социопрофессиональный нарратив на МКС⁵. Этот опыт выстраивания регулятивных механизмов для отдельной среды интеракций весьма интересен с точки зрения его анализа для потенциального расширения на глобальную систему регуляции социально-экономического поведения.

¹ Кордерер Х. М. Введение в аудит эффективности в государственном секторе : гостевая лекция в Институте магистратуры СПбГЭУ 16 марта 2015 г.

² Великобритания потребовала отменить введенные ЕС ограничения бонусов для банкиров // Interfax, 5 сентября 2014 г. URL: <http://www.interfax.ru/business/395300> (дата обращения: 24.03.2015).

³ Долгин А. Манифест новой экономики: вторая невидимая рука рынка. М. : АСТ, 2010.

⁴ См.: Пайн II Б. Дж., Гилмор Дж. Х. Экономика впечатлений. Работа — это театр, а каждый бизнес — сцена. М. : Вильямс, 2005.

⁵ Leary W. E. Russian and U. S. Crew Ready To Blast Off to Space Station // The New York Times. 2002. Oct. 30. URL: <http://www.nytimes.com/2000/10/30/world/russian-and-us-crew-ready-to-blast-off-to-space-station.html> (Date of access: 30.09.2013).

Э. Э. Полетаев¹

КРИТЕРИИ ИНТЕГРАЦИОННОГО УСПЕХА И НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

С 1 января 2015 года вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), создающий условия для свободного передвижения капитала, услуг, товаров и рабочей силы. Пять стран консолидировались, чтобы стать успешнее, а жизнь их граждан улучшилась. При этом стабильность — это обязательное условие успешной интеграции. В истории трудно найти примеры успешного развития интеграционных проектов в условиях политической нестабильности.

Теория международных отношений свидетельствует (по мнению немецкого политолога Карла Дойча), что не может быть универсального закона, по которому развиваются интеграционные процессы. Есть такие условия, как общность экономических ценностей и психологические факторы (знание партнеров, развитие торговли, интенсивность культурного обмена и обмена идеями).

Существует также гипотеза о преобладании факторов коммуникации в образовании интеграционных сообществ и поддержании их внутреннего единства, сплоченности. Языковое общение в данном случае рассматривается прежде всего с точки зрения обмена информацией.

В современных условиях для интеграционного успеха потенциально большое значение приобретают информационные технологии. Стратегическое назначение технологий интеграции можно усматривать в создании позитивного образа интеграционных институтов и интеграционного объединения и в содействии тем самым их легитимации, а также выработке четких алгоритмов поведения, распределения ролей и преодоления конфликтных и кризисных ситуаций внутри интеграционной системы, развенчанию различных страшилок и фантомов.

Любая интеграция должна приносить свои реальные плоды, а не быть самоцелью для стран, вовлеченных в нее. Действительно, ЕАЭС при определенных условиях должен стать экономическим и внешнеполитическим базисом единства нескольких государств. Имеется ряд направлений, в которых легко добиться успеха в случае интеграции: например это атомная индустрия, где есть не только природные ресурсы, но и человеческий капитал. Существует также общий макроэкономический эффект от интеграции, который среди прочего выражен в планируемом снижении цены на товары благодаря уменьшению издержек логистики, в увеличении конкуренции на общем рынке, повышении производительности, наращивании производства

благодаря увеличению спроса на товары, повышению окупаемости новых технологий и товаров благодаря увеличенному объему рынка. Создание ЕАЭС лучше воспринимают жители приграничных регионов, более всего заинтересованные в обеспечении свободного передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочих рук между границами.

* * *

Критерии успеха на первый взгляд предельно просты — накормить народ и заработать как можно больше денег, обеспечить возможность гражданам жить долго и счастливо.

Стремление стать эффективным интеграционным объединением (а ЕАЭС — это на сегодняшний день самое молодое интеграционное объединение в мире) несет в себе позитив. Но проблема в том, что термин «эффективная интеграция» в определенной степени является частью моды 1990-х годов, когда в ответ на вызовы глобализации появилось много новых интеграционных объединений. Его частое употребление — это составляющая дискурса успеха, ведь для политика высокого ранга говорить об интеграции — признак хорошего тона.

Трудно определить единые, согласованные критерии, по которым можно было бы считать свершившимся фактом становление того или иного интеграционного объединения как эффективного. Даже у Европейского Союза, который считается одним из лучших образцов интеграционных объединений, есть немало скептиков, которые негативно оценивают его перспективы. Периодически появляются разговоры о выходе той или иной страны из ЕС. Многие интеграционные объединения не в состоянии определить правильные приоритеты развития, потому что динамика внешней среды постоянно корректирует планы. Рынок тоже формирует приоритеты. Вот характерный пример: как только цена на нефть упала, сразу появилось очень много скептиков в отношении перспектив интеграции.

Все-таки каждая страна в понимании того, какого успеха она хочет добиться от ЕАЭС, отличается от других участников, внося в понятие свой смысл, закладывая в основу свои критерии. Что такое «успех интеграции»? Оказывается, определиться не так просто, хотя это одно из ключевых понятий в современном мире.

Если мы посмотрим приоритеты пяти государств, входящих в ЕАЭС, то увидим, что Казахстан делает акцент именно на экономике, на четырех свободах (передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы) и новых импульсах развития. Для Армении плюсы связаны с легализацией трудовых мигрантов, с тем, что страна находится в транспортной изоляции, и, естественно, часть товаров будет для населения дешевле. Для Кыргызстана это шанс на укрепление экономики.

¹ Руководитель Общественного фонда «Мир Евразии». Автор книг «Международная журналистика: навигатор для авторов из Центральной Азии», «Права человека для журналистов», нескольких методических пособий на экономическую, социально-политическую и журналистскую тематику, а также более 2000 информационно-аналитических материалов в СМИ России, Казахстана, Великобритании и стран Центральной Азии. Сфера профессиональных интересов: политическая регионалистика, этноконфликтология, миграционная политика, история и теория евразийства и др.

Понятие успеха связано с наличием конкурентных преимуществ интеграции. Новое интеграционное объединение, конечно, должно быть устойчиво к внешним проявлениям и ситуации на мировом рынке. Пока мы видим, что устойчивость есть, но она подвергается определенному рода сомнениям. Понимание успеха — это в какой-то степени мировоззренческий вопрос. Поэтому необходимо более четко определить критерии успеха ЕАЭС. Политики, экономисты, прочие сторонники интеграции, как правило, называют среди критериев рост ВВП и товарооборота, а ведь критерии успеха связаны не только с этим. Китайские экономисты еще в 2006 году определяли перспективы на ближайшие 100 лет, и Китай только к 2100 году планировал занять место в десятке развитых государств мира. Экономисты делали упор на три показателя — ВВП на душу населения, долю сельского населения и отношение сельскохозяйственного валового продукта к общему ВВП. Это актуально, поскольку фактически основную часть экономики Китая на себе «тащат» городские жители, а крестьяне зарабатывают гораздо меньше. В итоге средняя статистика показывает не очень высокие ВВП на душу населения и средний уровень жизни. В Финляндии — стране, у которой все в порядке и с товарооборотом, и с ВВП, — критериями успеха являются исследования и развитие. Именно поэтому Nokia, которая когда-то выпускала калоши и шины для велосипедов, стала производить мобильные телефоны.

Подобные акценты требуется актуализировать и для ЕАЭС. Нужны какие-то эффективные принципы, по которым страны должны работать, а рост товарооборота и ВВП — емкие, но все-таки недостаточные критерии. Полезно оценивать также степень модернизированности экономики, преобладания индустриального сектора над аграрным, степень урбанизации населения, развитие образования, здравоохранения и т. п. Работа по определению стандартов успеха ЕАЭС может начинаться и с других позиций:

- обозначения основных стратегий развития экономик стран;

- выяснения тенденций развития технологий в основных сферах деятельности человека;

- прогнозирования последствий глобализации как основной тенденции современного мира;

- определения эффективного бизнес-климата и т. д.

Можно выделить несколько групп показателей успеха:

- ресурсы — освоение новых технологий;

- развитие — стабильность, устойчивость государств-членов;

- финансы — прибыль, капитализация государств-членов.

На самом деле между ними не существует противоречий. Так, рост ВВП может быть одной из целей развития, а стабильность — залогом сохранения уже достигнутых целей. В бизнесе на данный момент современным методом оценки успешности той или иной компании является формирование системы сбалансированных показателей, которая позволяет достаточно полно отразить ее деятельность. Подобный систем-

ный подход реально применить в оценке деятельности ЕАЭС.

Интересные особенности можно выделить в формировании «шкалы измерения» успеха. С чем сравнивать достигнутые результаты: с планом, прошлыми достижениями, конкурентами? Например, экономические успехи СССР за ту или иную пятилетку сравнивались с успехами Российской империи в 1913 году, а страны, желающие вступить в ЕС, считают фактом успешности страны способность выполнить Копенгагенские критерии, необходимые для членства. Эти критерии недавно были перспективой многих государств Восточной Европы. Они требуют стабильности демократических институтов, верховенства права, предусматривают способность национальной экономики выдерживать вызовы свободной конкуренции. Они определяют возможность государства взять на себя обязанности политического, экономического, валютного союзов.

Между тем ЕАЭС — это еще и инструмент достижения успеха, поэтому с этой точки зрения успешным может быть замысел, если он реализуется, то есть успех сопутствует людям, населяющим наши страны. Загвоздка в том, что стратегии интеграции связаны в первую очередь с прогнозированием отношений между людьми. Ведь экономика — это отношения между людьми по поводу производства, распределения и использования товаров. Иногда мы забываем, что субъекты хозяйствования — это прежде всего люди, и товары создаются именно для них, и интеграционные процессы проводятся ради их блага, а предсказать, как между собой будут ладить люди, не всегда удается. Пожалуй, важно также сказать о взаимосвязи благосостояния общества и государства. «Секрет фирмы» состоит в том, что богатых стран не существует. У любой из них денег всегда меньше, чем требуется для удовлетворения всего спектра ее потребностей, имеющих свойство увеличиваться. Поэтому властям необходимо кооперироваться с государствами-партнерами, разумнее распределять принципиально ограниченные ресурсы, обеспечивать их правильную организацию и консолидацию человеческого потенциала.

* * *

Обеспокоенность безопасностью также подталкивает страны Евразии к интеграции. Как отметил президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, «каждый год на планете происходит порядка 30 вооруженных конфликтов, в которых погибают сотни тысяч людей, около 800 миллионов человек страдают от голода, а 400 миллионов испытывают нехватку питьевой воды. Любые неправильные действия могут разрушить то, что у нас есть». С этой точки зрения идея тесного и взаимовыгодного регионального взаимодействия обусловлена объективными потребностями не только создания сбалансированной модели торгово-экономического сотрудничества, но и построения более эффективной системы региональной безопасности. Территория ответственности ЕАЭС совпадает с территорией, на которой обеспечивает военную безопасность блок ОДКБ. И при определенных условиях военно-политические интересы могут преобладать

над соображениями экономической выгоды. Как правило, интеграционные процессы носят комплексный характер, в каждом конкретном случае приоритетными мотивами объединения могут служить разные факторы. Тем более что в условиях нарастания религиозного терроризма и экстремизма евразийская интеграция гарантирует светское развитие государств. Кроме того, одним из позитивных результатов может являться предотвращение намерений уехать из той или иной страны тех людей, которые в ином случае чувствовали бы потребность эмигрировать в другое государство. В то же время появляется цивилизационная среда для открытой миграции.

Сегодня деятельность ЕАЭС находится под пристальным вниманием прессы. Логично ожидать вслед за этим построения в СМИ определенных концепций отношения к интеграции. И поскольку пресса играет важнейшую роль в формировании массового сознания, то качество журналистики интеграции требует совершенствования. Кроме того, важной темой является проблематика конструирования позитивного имиджа ЕАЭС. К сожалению, основными индикаторами, которые привлекают внимание зарубежных СМИ к региону, являются негативные коннотации. Это темы выборов, экологии, водно-энергетических ресурсов, границ и анклавов, милитаризация, экономические потребности третьих стран (США, ЕС), террористические акты. К этому привело отсутствие в прежние годы целенаправленной информационной политики по формированию позитивного имиджа и качественного контента.

Стоит отметить, что термин «брендинг территорий» появился только в 2002 году, хотя явление существовало и раньше. Согласно концепции конкурентной идентичности одного из ведущих мировых специалистов в области брендинга Саймона Анхольта, необходим диверсифицированный подход к брендингу территорий, в противовес специализированному, сфокусированному на каком-то одном аспекте (например,

туризме). Так называемый шестиугольник Анхольта показывает шесть элементов современного бренда территории: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди. Достаточно эти шесть элементов спроецировать на территорию ЕАЭС, и мы поймем, что работы еще немало.

В настоящее время мировое информационное пространство благодаря росту своей трансграничности и виртуального характера выступает как одна из основных сфер интеграции человеческого сообщества в масштабах всей планеты. При этом геостратегическое положение ЕАЭС между Востоком и Западом делает его территорию важным местом пересечения торговых маршрутов, проторенных по направлениям ранее существовавшего Великого шелкового пути. Появляется надежда на то, что вместе с развитием торговой и транспортно-транзитной инфраструктуры регион также станет местом пересечения потоков информации.

Есть два известных фактора, обычно влияющих на формирование общего информационного пространства, — это информационный фон, создаваемый СМИ, и восприятие информации населением. Информационные войны последних лет часто демонстрируют, что медийная подача фактов и мнений порой не соответствует реальному восприятию ситуации через личный опыт людей. С этой точки зрения эффективная информационная политика в странах ЕАЭС должна быть направлена на формирование уважения к общим экономическим интересам, ценностям, культуре, языкам, ментальности народов. История и география распорядились так, что страны Союза должны мирно сосуществовать, понимая важность формирования вокруг себя позитивного информационного пространства, избегая разрушительных центристических тенденций. Ведь иначе сформируется призрачное восприятие образа интеграционного объединения, далекого от реальности, потому как, к сожалению, информационные коммуникации пока еще несовершенны.

Е. С. Садовая¹

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД И ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД МИРОВЫМ СООБЩЕСТВОМ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Становится все очевиднее, что переживаемые сегодня мировым сообществом трудности — это нечто большее, чем «традиционный» для рыночной экономи-

¹ Заведующая сектором социальных проблем труда и занятости Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, измерение, институты» (в соавт.), «Инновационная экономика: занятость, трудовая мотивация, эффективность труда» (кол. авт.), «Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант» (кол. авт.) и др.; статей: «Социально-экономические предпосылки включения молодежи в процесс модернизации российской экономики», «Новые тенденции в социально-трудовой сфере: институциональный аспект» и др.

ки финансово-экономический кризис. В чем же причина постоянного ухудшения ситуации не только в экономической, но и в социальной и политической сферах, а также становящейся уже привычной нестабильности казавшихся ранее устойчивыми и процветающими обществ? На наш взгляд, она состоит в исчерпанности прежней модели общественного развития, базировавшейся на индустриальном производстве и рыночном механизме распределения. Причем главная проблема заключается не столько в том, что дальнейший экстенсивный рост экономики, обеспечиваемый увеличением платежеспособного спроса, невозможен (в том числе и в силу ресурсных ограничений), сколько в том, что вся социальная система организации общества, а так-

же его политическая устойчивость опирались на этот экстенсивный, пусть и прерываемый время от времени кризисами, экономический рост.

Дело в том, что эта модель обеспечивала экстенсивный и достаточно быстрый экономический рост, прежде всего вовлекая в свою орбиту все большую долю населения мира через участие в международном разделении труда. Работа по найму становилась для все большего числа людей (не только в развитых странах) основой их текущего материального благосостояния. Участвуя в процессе индустриального производства, они получали доступ (через системы страхования от рисков индустриального общества) к системам социального обеспечения, медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения. И государство, и бизнес были «кровно» заинтересованы в том, чтобы работники, прирост численности и квалификации которых обеспечивал рост прибыли и налогов, были достаточно образованны и здоровы, чтобы могли трудиться как можно дольше. Устройство современной политической системы адекватно отражало эгалитарность индустриального общества. Именно поэтому экономический рост, обеспечивавший повышение благосостояния для всех участников углублявшегося разделения труда и политическую стабильность, до последнего времени рассматривался как важнейший показатель общественного прогресса.

Сложившаяся в развитых странах модель социального государства с рыночной экономикой стала единственной моделью, примером для всех без исключения государств и народов. А глобализация, позволявшая не только включать в сферу успешного экономического развития все большее число стран, но и обеспечивать быстрое решение наиболее острых социальных и гуманитарных проблем (прежде всего в сфере здравоохранения и образования), создавала иллюзию возможности дальнейшего бесконечного и бесконфликтного развития.

Переход к постиндустриальному обществу в социальной сфере поначалу не был так очевиден, как неявными были и порождаемые им социально-политические конфликты и противоречия в силу прежде всего инерционности сложившихся индустриальных институтов организации общества. Однако сегодня не замечать эти изменения уже невозможно. Суть постиндустриального перехода для социальной сферы заключается в том, что в новых технико-технологических условиях каждый последующий процент экономического роста достигается сначала при все меньшем росте занятости, а затем и при обвальном ее сокращении. «Безлюдные» технологии современной экономики «отсекают» от процесса производства, а значит, и от социальной политики все более значительные слои современного общества.

Сначала ненужными стали сельскохозяйственные и промышленные работники, затем значительная часть работников высокотехнологичных сегментов сферы обслуживания, а сейчас речь идет о переводе на «безлюдные» технологии наиболее трудоемких секторов современной экономики — транспорта и торговли. Существуют уже и технологии, позволяющие обходиться

без людей в сфере обслуживания населения, в том числе социального обеспечения.

В силу различных причин, прежде всего традиций и сложившихся институтов, ухудшающаяся ситуация в сфере занятости по-разному проявляется в разных странах. В развитых странах, несмотря на различные ухищрения в сфере статистического учета, позволяющие ретушировать реально складывающуюся ситуацию, мы наблюдаем серьезный рост незанятости населения трудоспособного возраста. В сфере регулирования социально-трудовых отношений появляются различные новации, которые в разрезе поколений уже следует называть скорее новой традицией для молодых — аутсорсинг, аутстаффинг, частичная занятость, проектный принцип организации трудовых отношений. Молодежь в развитых странах во все меньшей степени оказывается охваченной традиционными механизмами регулирования социально-трудовых отношений — с бессрочным трудовым контрактом, стабильной заработной платой, охватом системой социального страхования.

В развивающихся странах ухудшение ситуации выражается в торможении прогресса в социальной сфере, отсутствии прироста «качественных» рабочих мест. И в развитых, и в развивающихся странах распространенным явлением становится рост вынужденной самозанятости, в условиях которой все заботы о социальном благополучии человека ложатся на его собственные плечи и являются зоной индивидуальной ответственности.

В итоге — снижение уровня доходов и жизни населения во все увеличивающихся масштабах, с одной стороны, и сокращение возможностей даже самых процветающих государств финансировать социальную политику в прежних объемах — с другой. Проводящиеся во многих развитых странах структурные реформы социальной сферы, выражающиеся в сокращении затрат государства на нее, ни к каким положительным результатам не приводят, что признается даже такими либеральными институтами, как МВФ, например. И это не удивительно, так как в итоге реформ такие сферы человеческой деятельности, как здравоохранение и образование, из разряда общественных благ переходят в разряд услуг с последующей их приватизацией. Приватизация, в свою очередь, подразумевает необходимость получения прибыли страховыми и фармацевтическими компаниями, учебными заведениями и, следовательно, рост стоимости «услуг» образования и здравоохранения для населения, а недостаточный платежеспособный спрос населения, оказывающегося за пределами занятости или в низкодоходных ее сегментах, снижает их доступность для большинства граждан современных государств.

Но ведь и современное высокотехнологичное производство, становящееся к тому же значительно индивидуальным, уже не предьявляет значительного спроса на образованного и здорового «массового» работника. Вся эта ситуация напоминает воронку, стремительно затягивающую в себя не только социальную сферу, но и современные государства в привычном их виде. В итоге меняются основы социальной политики, и социальная структура современного общества

становится менее эгалитарной и более сегментированной. Высшие сегменты, имеющие не только высокие доходы, но и доступ к высококачественному образованию и здравоохранению, сокращаются, и значительная часть населения пополняет ряды «прекариата».

Такая ситуация воспринимается как тотальное нарушение принципов социальной справедливости, что делает современное общество все более конфликтным. Собственно, сегодня мы наблюдаем повсеместный рост количества конфликтов, прежде всего социально-политических, но приобретающих зачастую характер межэтнических, межнациональных, межконфессиональных, а то и межгосударственных. И с сожалением приходится констатировать, что причины роста конфликтности современного общества невозможно ликвидировать лишь «косметическими» его преобразованиями. Ведь цели общественного развития, гласящие, что каждый человек от рождения имеет право на достойную и здоровую жизнь, объявленные от имени мирового сообщества ООН и признанные им в качестве конвенциональных, приходят во все более явное противо-

речие с методами их достижения и складывающейся новой реальностью.

Мировому сообществу необходимо сформулировать новые подходы к общественному развитию, не только пересмотреть критерии общественного прогресса, но и разработать механизмы их реализации, приемлемые для всех членов мирового сообщества, которому придется стать для этого единым и более целостным. Иначе нас ждет период регионализации ставшей практически глобальной экономики, а следовательно, фрагментации социальной политики и социального развития в усложняющихся экономических условиях. В любом случае сегодня, как никогда раньше, очевидно, что экономика не может рассматриваться в отрыве от социальной сферы и только достижение целей социального развития может быть критерием успешности функционирования общества. Необходимость решения этих проблем в практическом плане становится серьезнейшим вызовом и для экспертного сообщества, и для политиков. И времени на это остается не так много.

А. С. Селишев¹

ПЕРСПЕКТИВЫ СВОБОДНОЙ КОНВЕРТАЦИИ ЮАНЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

После основания КНР в 1949 году рынок китайской валюты претерпел интенсивные метаморфозы, совершив гигантский прорыв, на который другим развивающимся странам потребовалось бы не одно столетие.

Политика обменного курса в дореформенный период (1949–1979). Политика обменного курса юаня в дореформенный период включает три этапа. *На первом этапе* — этапе восстановления народного хозяйства (1949–1953) возникла новая национальная валюта. При плановой системе определение курса юаня к иностранным валютам Народным банком Китая основывалось на так называемом сопоставлении товарных цен. За это время курс юаня к доллару США пересматривался 67 раз. В 1949 году 600 старых юаней приравнивались к одному доллару США, а в декабре 1952 года составили 26 170 старых юаней за доллар США². *На втором этапе* (1953–1973) осуществлялось централизованное управление курсом юаня. В это время он сохранял относительную стабильность. Так, курс юаня к доллару США в 1953–1972 годах оставался неизменным, а именно 2,46 юаня за доллар США. *На третьем*

этапе (1974–1979) обменный курс юаня был привязан к «валютной корзине».

Политика обменного курса в начальный период реформы (1979–1994). Политику обменного курса китайской валюты в начальный период экономической реформы можно условно разбить на два этапа. *Первый этап* (1979–1984) характеризовался регулированием валютного рынка и системой «переходного двойного курса». В эти годы параллельно существовали официальный и рыночный регулируемый курсы при постепенном усилении рыночных факторов в механизме определения курса и восстановлении регулирующей функции обменного курса.

На втором этапе экономической реформы (1985–1993) государство постепенно понижало официальный публичный курс, приближало его к внутреннему валютному курсу для торговых расчетов. Тем самым переходный двойной курс был ликвидирован.

Валютная реформа 1994 года. Современный этап валютной политики КНР запущен с начала 1994 года, когда был сформирован единый валютный рынок и единое «управляемое плавание» валютного курса юаня. В апреле 1994 года было объявлено о начале функционирования межбанковского валютного рынка на основе Китайской валютной торговой системы, находящейся под прямым контролем Народного банка Китая. Тем самым был сделан очередной шаг на пути к рыночной экономике в сфере валютных отношений Китая.

Привязка юаня к американскому доллару (1994–2005). С 1998 года Китай установил курс юаня к американскому доллару на уровне 8,27, который просу-

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор около 150 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч. учебников: «Макроэкономика», «Микроэкономика», «Деньги. Кредит. Банки», «Рынок ценных бумаг», «Практикум по микроэкономике»; монографий: «Японская экспансия: люди и идеи», «Восточно-Азиатская модель экономического роста», «Китайская экономика в XXI веке», «Русские и корейцы: опыт первых контактов: 1854–1884»; статей, изданных в России, Китае, Польше, Чехии, Эстонии, Литве, Украине.

² Хэ Цзэжун. Валютный рынок Китая. Сычуань: Изд-во Юго-Западного финансового ун-та, 1997. С. 127 (на кит. яз.).

ществовал до июля 2005 года. Заниженный курс юаня по отношению к иностранным валютам являлся важным компонентом китайской стратегии экспортной экспансии. Экономический потенциал и валютные резервы страны стремительно возрастали. В 2000 году валютные резервы Китая превысили 200 млрд долларов.

Привязка юаня к корзине валют (июль 2005 г. — июль 2008 г.). 21 июля 2005 года Китай отказался от жесткой привязки юаня к американскому доллару. В дальнейшем Центральный банк Китая продолжил медленное повышение курса юаня. На 16 января 2006 года он составил 8,0653 юаня/доллар. К концу 2005 года валютные запасы Китая составили 818,9 млрд долларов (Японии — 846,9 млрд долларов), а в 2006 году превысили 1 трлн долларов: Китай превратился в мирового лидера по данному показателю.

С начала 2007 года начался финансовый кризис в США, который перекинулся на остальной мир¹. Кризис оказал определенное негативное влияние на темпы экономического роста Китая: произошло замедление китайского экспорта — одного из главных двигателей экономического роста страны. Вместе с тем китайцы предприняли соответствующие модификации своей экономической стратегии: все больший удельный вес начали занимать программы развития внутреннего спроса.

Возвращение к привязке к доллару (июль 2008 г. — июнь 2010 г.). Для минимизации отрицательных последствий мирового финансового кризиса Китай вновь зафиксировал курс своей валюты к американскому доллару, временно отойдя от привязки к корзине валют. Темпы экономического роста страны оставались по-прежнему высокими. Валютные резервы Китая возрастали еще более динамично. В 2009 году они достигли уже 2 трлн долларов. Отныне КНР стала недосягаемым мировым лидером по объему валютных резервов.

Время юаня или валюты любой другой быстрорастущей страны в качестве резервной к 2010 году еще не наступило. Чтобы стать новой мировой резервной валютой, мало иметь быстроразвивающуюся экономику. Нужна высокоразвитая, глубоко эшелонированная и специализированная финансовая инфраструктура, способная предоставить держателям этой валюты весь спектр финансовых услуг в условиях высокой конкуренции.

Повторное возвращение к валютной корзине (июнь 2010 г.). 19 июня 2010 года Народный банк Китая вновь сообщил об изменениях своей валютной политики. Тем самым произошло возвращение к механизму 2005–2008 годов. Китай начал усиливать стратегию по повышению веса юаня и снижению роли американского доллара в мировой экономике.

На пути к свободной конвертации юаня. В июле 2010 года юань стал торговаться за пределами Китая. С 2011 года Китай со всей определенностью взял курс на постепенное вытеснение доллара из расчетов своей

международной торговли. Одновременно Центробанк КНР стремился к повышению спроса на юань со стороны других государств.

В начале 2011 года крупнейшие в мире золотовалютные резервы Китая превысили 3 трлн долларов, увеличившись с начала 2009 года на 50 %. По оценкам МВФ, к тому времени общие мировые золотовалютные резервы составляли 9,3 трлн долларов, в том числе развивающихся стран — 6,2 трлн долларов. Резервы Китая оказались больше, чем стоимость мирового объема продаж нефти (3 трлн долларов в 2011 г. при 140 долларов/баррель, по расчетам Morgan Stanley), и вдвое превышали совокупный суверенный долг Португалии, Испании, Греции и Ирландии (1,5 трлн долларов)².

В публичных документах Пекина план по превращению юаня в мировую валюту нигде до тех пор не был изложен. Однако можно составить общее представление о нем, изучая дискуссии ведущих китайских экономистов. Например, Ли Цзин из Центра изучения мировых финансов при Китайской академии общественных наук в своих работах описывал подобную стратегию, состоящую из четырех этапов.

Первый этап предусматривает организацию расчетов в юанях с соседними странами. *На втором* планируется превратить юань в платежное средство, которое можно будет использовать во всем мире при торговых расчетах с КНР. *На третьем этапе* юань должен превратиться в самоценный привлекательный инструмент для вложений средств домохозяйств, предприятий и финансовых институтов — такими инструментами сейчас являются доллар и евро. И лишь в рамках *четвертого*, заключительного, *этапа* юань должен превратиться в одну из мировых резервных валют, которую будут охотно покупать центральные банки других стран. К намеченной цели Пекин идет весьма последовательно.

По прогнозам аналитиков банка HSBC, если в 2010 году 0,7 % торгового оборота Китая обслуживалось в юанях, то в 2015 году будет более 50 %. На начало 2012 года китайский юань в качестве резервной валюты еще был далек от того, чтобы конкурировать с долларом. Однако к тому времени несколько стран мира уже держали часть своих золотовалютных резервов в юанях.

К концу 2013 года китайский юань стал второй по популярности валютой в мире по использованию во внешнеторговых операциях, опередив не только иену, но и евро. Обратная картина наблюдается в финансовой сфере. По частоте использования в качестве универсального платежного средства (то есть не только в торговле, но и при совершении финансовых транзакций, размещении на депозитах в банках) по-прежнему лидируют евро и доллар. Более широкому применению китайской валюты в финансовой сфере все также препятствуют капитальные ограничения, по которым, в частности, инвесторы не могут свободно покупать ценные бумаги, номинированные в юанях.

¹ Хольнова Е. Г. Влияние социальной ответственности банковского бизнеса на развитие российского образования и сохранение национального культурного наследия // Наука и бизнес: пути развития / Фонд науки и культуры. Тамбов, 2014. № 5 (35). С. 172–175.

² Ведомости. 2011. 15 апр.

Б. К. Султанов¹**ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ**

Сегодня уже очевидно, что мировой экономический порядок переживает стадию нарастающей турбулентности, которая, вполне вероятно, может привести к трансформации его основ. Это подтверждается тем, что фундаментальные проблемы, приведшие к глобальному финансово-экономическому кризису 2007–2009 годов, не получили своего разрешения.

По прогнозам экспертов, цена за баррель нефти будет продолжать колебаться между 50 и 80 долларами. Чем это может обернуться для Казахстана и России, являющихся странами-экспортерами нефти, а также для стран-потребителей энергоресурсов, можно легко представить.

В этих условиях мы наблюдаем различные попытки избежать глобального кризиса или по крайней мере минимизировать его возможные последствия. В частности, все отчетливее проявляется стремление уйти от однополярного к полицентричному мироустройству.

Не случайно еще в 1990-е годы С. Хантингтон, обратив внимание на снижение экономического и политического влияния Запада, подчеркнул неизбежность трансформации глобальной политики в многополюсную и полицивилизационную. С. Хантингтон сделал вывод о том, что избежать глобальной войны цивилизаций можно будет лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания².

Аналогичную позицию занимают зарубежные участники политического процесса. Так, посол КНР в Бельгии Ку Синь в недавнем интервью агентству «Синьхуа» заявил: «Время однополярного мира (которым США не сумели воспользоваться) ушло в прошлое, и сейчас мы являемся свидетелями многополярного геостратегического мироустройства, о котором никто не решается говорить»³.

¹ Директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (до октября 2014 г.), доктор исторических наук, доцент, заслуженный деятель Республики Казахстан. Автор 11 книг (в т. ч. в соавт.) по проблемам международных отношений и безопасности: «Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев: хроника деятельности (1 декабря 1991 г. — 31 мая 1993 г.)», «Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии», «Политика и интересы мировых держав в Казахстане», «Становление внешней политики Казахстана: история, достижения и взгляд в будущее», «Современная политическая история Казахстана (1986–2006)», «Казахстан: 20 лет независимости» и более 200 статей, в т. ч.: «Стратегия “Казахстан–2050”: основные векторы внешней политики», «Пососедски, а значит — по-братски» и др. Член Научно-экспертного совета при Ассамблее народа Казахстана, Научно-экспертного совета Организации Договора о коллективной безопасности (Москва), Экспертного совета при Совете безопасности Республики Казахстан. Член редакционных коллегий журналов Института мировой экономики и международных отношений РАН «Мировая экономика и международные отношения» и «Россия и новые государства Евразии». Награжден орденом Дружбы.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций : пер. с англ. М. : АСТ, 2014. С. 13–14.

³ Цит. по: Халифе-Рахме А. Китай поддерживает действия России на Украине! URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1425633060> (дата обращения: 06.03.2015).

Проявлением стремления государств не-Запада уйти от однополярности является их активность по созданию международных организаций без участия государств Западной Европы и США. Ведущие развивающиеся страны, как известно, создали такие международные организации, как БРИКС, ШОС, ЕАЭС.

Эти действия вызывают жесткое противодействие со стороны США, которые пытаются удержать свое лидерство в мировой политике и экономике. Президент США Б. Обама в своем февральском (2015) послании «О положении в стране — стратегия национальной безопасности» заявил, что успешная стратегия обеспечения безопасности американского народа базируется на одной неоспоримой истине — глобальное лидерство Америки остается непреложным. При этом, по мнению Б. Обамы, США, обладающие необходимыми возможностями для реагирования на угрозы, исходящие из-за рубежа, будут лидировать с позиции силы, причем в случае необходимости действовать в одностороннем порядке⁴.

В рамках глобальной политики лидерства Вашингтон активизировал свои действия по созданию Трансатлантической и Транстихоокеанской зон свободной торговли. В качестве первоначального шага 26 сентября 2014 года в Оттаве было подписано соглашение о создании зоны свободной торговли между Европой и Канадой (СЕТА), которое может вступить в силу уже в 2016 году.

На саммите ведущих экономических держав мира G-20 (Брисбен, 14–16 ноября 2014 г.) лидеры США, ФРГ, Великобритании, Италии, Франции и Испании заявили о готовности уже в 2015 году подготовить соглашение между США и ЕС о Трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве (Transatlantic Trade and Investment Partnership — TTIP). По мнению инициаторов этого проекта, таким образом будет снижена энергетическая зависимость Европы от России, произойдет сокращение торгово-экономических связей с США. Правда, резко возрастет зависимость европейской экономики от поставок американского сланцевого газа.

Если в ближайшем будущем США сможет подготовить к подписанию и Тихоокеанское соглашение о свободной торговле (Transpacific Partnership — TPP), то есть создать торгово-экономический блок в АТР без участия Китая — своего главного экономического конкурента, то Вашингтону удастся установить доминирование сразу на двух стратегических направлениях — европейско-атлантическом и тихоокеанском.

В этом случае, с одной стороны, США отрывают Россию от Европы, с другой — толкают ее к созданию торгово-экономического, а может быть и военно-политического, блока с Китаем. Такой сценарий вновь может привести мир к глобальному блоковому противо-

⁴ Обама Б. О положении в стране — стратегия национальной безопасности. Вашингтон : Белый дом, 2015.

стоянию со всеми вытекающими последствиями, которые знакомы со времен холодной войны. Затем понадобятся усилия политиков и дипломатов в рамках, возможно, новой *Realpolitik* для разрядки напряженности и восстановления сотрудничества.

На наш взгляд, озабоченностью именно таким развитием событий объясняется идея о необходимости диалога между ЕС и ЕАЭС, впервые возникшая, как считают британские СМИ, во время разговора канцлера ФРГ А. Меркель с президентом РФ В. Путиным в рамках саммита «Двадцатки» в Брисбене.

Затем в качестве зондажа общественного мнения в ФРГ последовало заявление министра иностранных дел Ф.-В. Штайнмайера 16 ноября 2014 года в газете «Welt am Sonntag», предложившего собрать за одним столом представителей Евросоюза и Евразийского экономического союза. Эта инициатива Ф.-В. Штайнмайера, которую он обсудил через два дня в Москве с В. В. Путиным и С. В. Лавровым, совпадает с предложениями ЕАЭС относительно создания Единого экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока и формирования зоны свободной торговли между Евросоюзом и Таможенным союзом, а в перспективе Евразийским экономическим союзом.

Заслуживает внимания то, что в Декларации лидеров Германии, России, Украины и Франции в поддержку Комплекса мер по выполнению Минских соглашений, принятого 12 февраля 2015 года, указывается: «Лидеры по-прежнему привержены идее создания общего гуманитарного и экономического пространства от Атлантики до Тихого океана на основе полного уважения международного права и принципов ОБСЕ»¹.

Тема установления контактов между ЕАЭС и ЕС явилась предметом переговоров 5 декабря 2014 года в Астане между президентами Казахстана Н. Назарбаевым и Франции Ф. Олландом, который поддержал необходимость налаживания диалога между двумя региональными объединениями. Французский президент поддержал также инициативы Казахстана по созданию Евразийского экономического союза. В частности, Ф. Олланд обратил внимание на то, что: а) членство Казахстана в ЕАЭС не осложнит отношения со странами ЕС; б) Казахстан совершенно не должен отказываться от Евразийского экономического союза, который начнет работать в 2015 году².

В пользу диалога между ЕАЭС и ЕС выступила и глава европейской дипломатии Федерика Могерини, которая 19 января 2015 года заявила о том, что считает важным для ЕС создание зоны свободной торговли от Лиссабона до Владивостока и налаживание торгово-экономического сотрудничества ЕС с ЕАЭС³.

В этих условиях мы предлагали бы не ограничиваться форматом экономического диалога между ЕАЭС

и ЕС, а дополнить его сотрудничеством в сфере коллективного обеспечения евроазиатской безопасности в соответствии с Астанинской декларацией ОБСЕ (Астана, 2 декабря 2010 г.).

Однако наметившийся переход от однополярной к многополярной системе оказывается гораздо более драматичным и в какой-то мере даже трагическим, на наших глазах разворачивается новая глава человеческой истории с непредсказуемыми последствиями и многотысячными жертвами. В частности, еще год назад никто не мог предположить, что ожесточенное и кровопролитное противостояние, которым охвачены Ливия, Афганистан, Ирак, Сирия, из исламского мира может быть перенесено на постсоветское пространство, а именно на Украину.

В отношении Украины написано и сказано достаточно много объективного и еще больше субъективного. На наш взгляд, судьбу Украины должны решать сами ее граждане. Если страна желает вступить в Европейский Союз, НАТО, то это ее суверенное право. Другой вопрос — готовы ли сейчас принять Украину в эти организации, переживающие не лучшие времена? По этому поводу весьма резко высказался экс-президент Франции Валери Жискар д'Эстен в интервью французскому журналу «Международная политика» («Politique Internationale»). Патриарх европейской политики, свободный от того, чтобы прятать свои мысли, сказал откровенно то, что с самого начала Майдана знали как европейские политики, так и нынешние киевские правители, а именно: «В чем можно не сомневаться, так это в том, что именно Украина не будет интегрирована в европейскую систему: это невозможно! <...> Что касается вступления Украины в НАТО, то об этом, конечно, не может быть и речи»⁴.

Поэтому, на наш взгляд, в настоящее время необходимо в соответствии с Комплексом мер по выполнению Минских соглашений (Минск, 12 февраля 2015 г.) осуществить «проведение конституционной реформы на Украине со вступлением в силу к концу 2015 года новой конституции, предполагающей в качестве ключевого элемента децентрализацию (с учетом особенностей отдельных районов Донецкой и Луганской областей, согласованных с представителями этих районов), а также принятие постоянного законодательства об особом статусе отдельных районов Донецкой и Луганской областей»⁵.

С учетом вышеназванных глобальных вызовов и угроз строится евразийская стратегия Казахстана. По мнению американского профессора Ф. Старра, последние несколько лет на постсоветском пространстве активизировалась геополитическая борьба. Выражением этого является портфель проектов, предлагаемых Казахстану: Евразийский экономический союз, Экономический пояс Великого шелкового пути, новый Шелковый путь, Соглашение о расширенном сотрудничестве с Европейским Союзом. При этом, по словам Ф. Старра, Соединенные Штаты уважают слож-

¹ Декларация в поддержку Комплекса мер по выполнению Минских соглашений, принятого 12 февраля 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru>

² Совместная пресс-конференция Н. Назарбаева и Ф. Олланда по итогам переговоров президентов Республики Казахстан и Французской Республики. Астана, 5 декабря 2014 г. URL: <http://www.akorda.kz/ru//page>

³ Могерини выступила за пересмотр отношений ЕС с Россией. URL: <http://www.dw/de/> (дата обращения: 15.01.2015).

⁴ Цит. по: Лассер И. Беседа с Валери Жискар д'Эстеном // *Politique Internationale*. 2015. 4 марта. URL: <http://inosmi.ru/world/20150304/226636185.html#ixzz3TPJxZoMf>

⁵ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений. Минск, 12 февраля 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru>

ность географического положения Казахстана, признают важность положительных и стабильных отношений между Казахстаном и двумя великими соседями. В США и Европе, считает Ф. Старр, признают и уважают такую политику и тем не менее готовы сотрудничать с Казахстаном в таких условиях¹.

Тем временем нарастающий кризис между Западом и Россией вызывает все большее беспокойство в нашей стране. Позицию Казахстана по этому вопросу президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев сформулировал во время состоявшихся переговоров с президентом Франции Ф. Олландом (Астана, 5 декабря 2014 г.). В частности, глава Казахстана отметил следующее.

Во-первых, кризисы долго не продолжаются, и любая война заканчивается миром. Поэтому жестко загонять друг друга в угол — это не самый лучший вариант. Более того, санкционные противодействия — это тупик, причем принятый в обход ООН. Мир не должен скатиться снова к холодной войне и жесткой конфронтации.

Во-вторых, нельзя недооценивать мощь России, являющейся самой большой по территории и самой богатой страной. Из-за санкций Россия, конечно, потеряет часть доходов, но газ, нефть и остальные природные запасы останутся.

В-третьих, большинство россиян поддерживает В. В. Путина, который, вопреки тому, что говорят на Западе, остается либералом. А вот что будет после Путина, на какой стадии будет там национал-патриотизм, а может быть, коммунистический реваншизм, этого никто не сможет сказать.

В-четвертых, Россия является стратегическим партнером и соседом Казахстана. С учетом того, что в Казахстане живут около 3 млн этнических русских, а в России — 2 млн казахов, мы должны строить с ней дружеские, доверительные отношения².

Создание Евразийского экономического союза осуществляется в непростых внешне- и внутривнутриполитических условиях. На Западе против этого интеграционного проекта выступил ряд влиятельных политиков и экспертов. А в Китае отношение к Таможенному союзу и ЕАЭС в последнее время изменилось в лучшую сторону. Там изучается возможность совмещения проекта экономического коридора Великого шелкового пути с ЕАЭС.

Как известно, тон критическим высказываниям на Западе задала три года назад экс-госсекретарь США Х. Клинтон. В частности, по ее словам, американские власти намерены помешать созданию новой версии Советского Союза под видом экономической интеграции.

Относительно опасений о «ресоветизации» президент Н. А. Назарбаев неоднократно заявлял, что Казахстан идет на интеграцию экономическую, но не политическую, поэтому вопросы политического суверенитета страны даже не обсуждаются. К тому же у Казахстана всегда остается право выхода из интегра-

ционного проекта, если будет исходить угроза независимости³.

В связи с этим глава Казахстана постоянно напоминает о необходимости активизировать работу по информированию граждан государств — членов ЕАЭС о целях и задачах этой организации. «Важно доходчиво, простым языком доводить до сведения бизнесменов и населения преимущества, которые мы получаем от объединения. Никаких спекуляций на эту тему быть не должно»⁴.

В казахстанском научном сообществе, в политических партиях и общественных движениях существуют самые разные мнения относительно Таможенного союза. Одни поддерживают его, другие отвергают. Считаем такое разнообразие мнений нормальным явлением для демократического общества.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в Казахстане растет поддержка со стороны населения интеграционных процессов. Так, по данным астанинского Института евразийской интеграции в мае-июне 2014 года в поддержку интеграционного проекта высказались 84 % опрошенных граждан (в 2013-м — 74 %) ⁵.

Осенью 2014 года Казахстанским институтом стратегических исследований (КИСИ) было проведено социологическое исследование на тему «Восприятие гражданами вопросов евразийской интеграции и участия Казахстана в Евразийском союзе» (2 тыс. респондентов из всех областей Казахстана, а также Астаны и Алматы). Основные итоги следующие.

1. 76,1 % респондентов выразили свою поддержку вступлению Казахстана в ЕАЭС; 7,5 % опрошенных выступили против; 16,5 % затруднились с ответом. Среди казахов поддержали вступление в ЕАЭС 73,2 % опрошенных; среди русских число поддержавших составило 80,8 %; среди представителей других этносов за вступление высказались 82,4 % респондентов.

2. Среди причин поддержки вхождения Казахстана в ЕАЭС наиболее упоминаемыми являются: усиление позиций на международной арене (41,2 %); сохранение и расширение экономических и культурно-гуманитарных связей (38,9 %); позитивное влияние на экономическое развитие страны (38,7 %).

3. Среди желательных сфер интеграции в рамках ЕАЭС названы: экономическая (87,2 %), политическая (48,2 %), культурно-гуманитарная (39, %), военная (21,5 %).

В этническом разрезе предпочтения желательных сфер сотрудничества выглядят следующим образом:

— казахи: за сотрудничество в экономической сфере — 85,5 %; в политической — 52,3 %; в культурно-гуманитарной — 39,3 %; в военной — 21,7 %;

— русские: за сотрудничество в экономической сфере — 85,5 %; в политической — 38,7 %; в культурно-гуманитарной — 38 %; в военной — 21,9 %;

³ Назарбаев Н. А. Размышления у подножия Ультау. 23 сентября 2014 г. // МИА «Казинформ». URL: www.zakon.kz

⁴ Назарбаев Н. А. Выступление на заседании Высшего евразийского экономического совета на уровне глав государств. Минск, 10 октября 2014 г. URL: <http://www.akorda.kz/ru/page-218095>

⁵ В Астане презентован Центр аналитических исследований «Евразийский мониторинг» // Казахстанская правда. 2014. 20 нояб.

¹ Старр Ф. Об Америке в Центральной Азии. URL: <http://www.saysat.org>

² См.: Мы — не европейцы. Мы видим другие сны // Время. kz. 2014. 6 дек.

— другие этносы: за сотрудничество в экономической сфере — 98,1 %; в политической — 42,4 %; в культурно-гуманитарной — 45,8 %; в военной — 19,8 %.

4. Большинство респондентов считают, что на первом этапе формирования Евразийского союза необходимо концентрироваться на экономических вопросах (81,1 %). Интеграция в политической сфере должна быть вопросом второго этапа (41,7 %), хотя каждый пятый опрошенный готов к политической интеграции на первом этапе (20,8 %). Интеграция в гуманитарной сфере, по мнению большинства респондентов, возможна в отдаленной перспективе (41,6 %), хотя для трети опрошенных она является приемлемой и на втором этапе (31,4 %). Интеграция в военной сфере представляется возможной в отдаленной перспективе (34,5 %).

5. Наиболее желательной формой создания Евразийского союза является формат государств по типу Европейского Союза (47,1 %). Каждый шестой опрошенный считает приемлемым единое федеративное государство (16,1 %). Вариант конфедерации (по типу Швейцарии) поддерживают 7,5 % опрошенных. 19,7 % респондентов затруднились ответить. 3,1 % опрошенных — против Евразийского союза.

6. Факторами, сдерживающими развитие евразийской интеграции, названы следующие: разные уровни экономического развития стран-участниц (43,1 %); бюрократия (34,5 %); стереотипы и предрассудки (27,9 %); различия в понимании национальных интересов (27,2 %); опасения за утрату суверенитета (20 %); неготовность политических элит (16 %); негативная память о временах СССР (14,3 %); откровенное доминирование России (3,5 %); затруднились с ответами (4,3 %).

7. Необходимость вовлечения других стран в ЕАЭС поддерживают только 33,6 % респондентов; согласны на географическое расширение, но при условии, что эти страны смогут усилить и обогатить ЕАЭС, — 37,3 %; не считают целесообразным географическое расширение ЕАЭС — 12,5 % респондентов¹.

Курс на евразийскую экономическую интеграцию является одним из ключевых направлений современной внешней политики Казахстана. Будучи инициатором и активным проводником создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Казахстан в целом поддерживает усилия Российской Федерации по оживлению и осуществлению этого интеграционного проекта.

Вместе с тем начало функционирования Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) показало, что в интеграционном процессе для Казахстана наряду с плюсами имеются и минусы. В связи с этим президент Казахстана Н. А. Назарбаев на встрече с председателем Государственной Думы РФ С. Е. Нарышкиным 24 ноября 2014 года в Астане, отметив динамичное развитие двусторонних отношений, рост физических объемов торговли, увеличение числа совместных предприятий, вместе с тем указал на опре-

деленные трудности в торговле, где наблюдается снижение стоимости импортных и экспортных товаров².

Текущие проблемы развития ЕАЭС в первые три месяца его существования в условиях влияния внешних факторов (замедление роста мировой экономики, украинский кризис, санкционная политика в отношении России, резкое снижение мировых цен на нефть и газ) были обсуждены на встрече лидеров Белоруссии, Казахстана и России в Астане 20 марта 2015 года.

Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев, отметив сокращение товарооборота между Казахстаном и Россией на 20 % из-за снижения цен на экспортные товары и колебания валют обеих стран, подчеркнул необходимость усиления взаимодействия «тройки» при решении возникающих проблем. Президент РФ В. Путин обратил внимание на то, что совокупный ВВП трех государств составляет 85 % валового продукта стран СНГ. По итогам 2014 года российский товарооборот с Белоруссией и Казахстаном составил почти 60 млрд долларов. Россия занимает первое место во внешней торговле Беларусии и Казахстана. В свою очередь Белоруссия и Казахстан занимают третье место в торговом балансе России. В. Путин высказался за укрепление связей трех стран в промышленно-технологической кооперации, машиностроении, космической области и энергетике. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко выразил общее мнение, сообщив о совпадении позиций трех стран практически по всем направлениям дальнейшего взаимодействия с учетом новых реалий мировой конъюнктуры.

Лидерами ЕАЭС особое внимание было уделено выработке совместного плана действий по преодолению кризисных явлений в экономиках стран-участниц, развитию торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, обеспечению роста объема взаимной торговли³.

Таким образом, 2015 год, как было отмечено на астанинской встрече лидеров Белоруссии, Казахстана и России, станет годом испытаний на прочность созданного Евразийского экономического союза. Поэтому, на наш взгляд, работа ЕАЭС должна осуществляться постепенно, без излишней поспешности, с учетом и критическим осмыслением опыта становления и нынешних проблем Европейского Союза, который еще совсем недавно воспринимался как самый успешный пример регионального интеграционного объединения. Нынешние проблемы ЕС свидетельствуют о нецелесообразности ускорения процессов формирования единой политики в валютно-финансовой сфере в силу разнородности уровней развития и структуры экономик России, Казахстана и Белоруссии. При этом экономическая целесообразность не должна приноситься в жертву политическим предпочтениям, а сама организация должна стать привлекательной для других стран, причем не только на постсоветском пространстве.

² Назарбаев Н. А. Встреча с председателем Государственной Думы РФ С. Е. Нарышкиным. Астана, 24 ноября 2014 г. URL: <http://www.akorda/kz/ru/page>

³ Это отмечалось на совместном брифинге по итогам встречи президентов Республики Казахстан, Республики Беларусь и Российской Федерации в Астане 20 марта 2015 г.

¹ Восприятие гражданами вопросов евразийской интеграции и участия Казахстана в Евразийском союзе. Аналитический доклад (по результатам социологического исследования). Алматы, 2014. С. 37–53.

Г. Ф. Фейгин¹

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ: ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Хозяйственная система представляет собой фундаментальную категорию экономической науки. Хозяйственная система — это механизм организации производства и потребления. Речь идет о предоставлении ресурсов (факторов производства) в распоряжение хозяйствующих субъектов, осуществляющих их обработку и создающих конечные продукты (товары и услуги). Произведенные блага должны далее распределяться и в конечном итоге доходить до конечных потребителей. Кроме того, для характеристики хозяйственной системы важны два аспекта. Во-первых, производство и потребление должны постоянно возобновляться, то есть хозяйственная система должна обеспечивать воспроизводственный процесс. Во-вторых, следует различать размеры хозяйственных систем или уровни организации хозяйственной деятельности (локальный, отраслевой, региональный, национальный и глобальный).

При большом разнообразии современных хозяйственных систем особое значение имеют национальные экономики (экономики государств) [1]. Именно на уровне государства в полной мере присутствует вся система элементов, необходимых для воспроизводственного процесса. Национальная экономика обладает банковской системой, которая обеспечивает денежное обращение (неотъемлемую часть современной хозяйственной деятельности). Воспроизводство предполагает постоянную подготовку новых специалистов, то есть наличие образовательной системы, которая формируется и развивается прежде всего на уровне национальных государств. Управление хозяйственной деятельностью неразрывно связано с решением социальных проблем. Социальная политика основана на перераспределении средств через налогово-бюджетную систему, которая в целостной форме существует в рамках национальных государств. Именно применительно к национальным экономикам рассчитываются многочисленные рейтинги и показатели, характеризующие уровень международной конкурентоспособности, степень общественного благосостояния, качество жизни населения и т. д. На уровне национальных экономик отчетливо проявляются особенности культуры (менталитета) населения страны, которые в современной хозяйственной деятельности играют очень большую роль. Существенные различия в уровне развития национальных экономик определяют экономические интересы отдельных государств [3]. В условиях глобализации происходит

взаимопереплетение национальных экономик, границы между ними ослабевают и управление хозяйственными процессами частично переходит на наднациональный уровень. Однако на сегодняшний день дифференциация благосостояния настолько велика, что говорить о потере актуальности национальных экономических интересов еще явно преждевременно.

Хозяйственные системы государств нельзя интерпретировать как некие константные образования. Они формируются и эволюционируют. Однако на определенных исторических этапах развитие становится революционным — хозяйственная система меняется быстро и изменения носят коренной характер. Вместе с тем хозяйственные системы государств достаточно устойчивы, так как обеспечивают воспроизводство в довольно крупных масштабах. Эта устойчивость достигается за счет того, что хозяйственные системы имеют ряд постоянных элементов (базовых характеристик), то есть можно говорить о *типах хозяйственных систем*.

Проблема типологии хозяйственных систем занимает одно из центральных мест в экономической теории. Различные школы и отдельные ученые рассматривают типы хозяйственных систем по различным критериям. В рамках марксистской школы хозяйственные системы интерпретируются как общественно-экономические формации. Выделяются первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая формации. Главным критерием отличия формаций является тип собственности. Представители школы ордолиберализма концентрировали свое внимание на типах хозяйственных систем, сложившихся в XX веке. Соответственно выделялись плановая, рыночная и смешанная экономика. Классификация осуществляется на основе следующих критериев: планирование хозяйственных процессов, собственность на средства производства, формы предпринимательства, формы ценообразования, денежная эмиссия и регулирование внешнеторговых операций. В рамках данной концепции периодически высказывались идеи сочетания плановых и рыночных инструментов в управлении хозяйственными процессами, то есть теория конвергенции. Во второй половине XX века стал популярен термин «постиндустриальное общество». Была разработана классификация хозяйственных систем по критерию индустриализации, по которому выделяются аграрная система (первобытное общество — XVI в.), индустриальная система (XVII в. — первая половина XX в.), постиндустриальная система (вторая половина XX в. — настоящее время).

В 1960–1970-е годы внимание ученых привлекают национальные особенности рыночных экономик [2]. Становится очевидным, что, несмотря на капиталистический характер хозяйственных систем в развитых индустриальных странах, они в значительной мере

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Национальные экономики в эпоху глобализации», «Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России» (в соавт.), «Стратегический менеджмент в условиях глобализации», «Теория и практика приватизации в объединенной Германии», «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик», «Прямые иностранные инвестиции: значение для развития экономики России», «Менеджмент в условиях глобализации» и др.

не идентичны. Была предложена концепция Varieties of capitalism («вариации капитализма»), в рамках которой различаются либеральные и координируемые рыночные экономики. Критериями отличия являются возможности администрации фирм вести переговоры по вопросам условий труда и его оплаты, возможности компаний осуществлять целевую подготовку специалистов для себя, особенности корпоративного управления, а также специфика межфирменных и внутрифирменных отношений. Для либеральных рыночных экономик (США, Великобритания) характерны широкие полномочия менеджеров по поощрению и наказанию сотрудников; образовательные системы ориентированы на подготовку специалистов преимущественно широкого профиля (так как сотрудник может в любой момент сменить компанию); корпоративное управление построено преимущественно на публикуемых показателях; межфирменные отношения носят неустойчивый характер, в то время как внутрифирменные отношения в значительной мере индивидуалистичны (топ-менеджеры могут принимать единоличные решения, и их возможности практически не ограничены).

Напротив, в координируемых рыночных экономиках (Германия, Финляндия, Япония) промышленные отношения базируются на тарифных соглашениях, заключаемых между представителями администрации и профсоюзов; образовательные системы ориентированы на подготовку узкоспециализированных работников, так как «переманивание» сотрудников не распространено; корпоративное управление основано на сетевом распространении не только публикуемой, но и инсайдерской информации; межфирменные отношения носят устойчивый характер, в то время как внутрифирменные отношения в значительной мере основаны на стратегических решениях, принимаемых коллегиально (топ-менеджерами, представителями Наблюдательного совета, представителями профсоюзов).

Классификации хозяйственных систем по различным критериям фактически обобщают культурно-исторический опыт экономического развития отдельных стран. В настоящее время экономики государств представляют собой сложное сочетание общих закономерностей развития хозяйственных систем и национальных особенностей. В условиях глобализации хозяйственные системы взаимодействуют, интегрируются, оказывают друг на друга существенное влияние, но по-прежнему сохраняют национальную специфику. Эволюция хозяйственной системы России имеет глубокие исторические корни. Россия позже большинства развитых стран отказалась от крепостного права и вступила на путь капитализма. Структурные особенности российской экономики на определенном историческом этапе сделали невозможным устойчивое эволюционное развитие в рамках капиталистической системы. После 1917 года сформировалась плановая экономика и одновременно утвердилась идея построения более совершенной по сравнению с западными странами коммунистической хозяйственной системы. В период существования плановой экономики были сделаны такие важные шаги для экономического развития, как индустриализация, электрификация, ликвидация безгра-

мотности и т. д. Однако научно-технический прогресс, произошедший на Западе после Второй мировой войны, породил феномен «общества благосостояния (общества потребления)». Главными характерными чертами этого феномена являются невероятное многообразие производимых и потребляемых продуктов при достаточно высоком уровне жизни значительной массы населения. В условиях плановой экономики аналогичный феномен в полной мере создать не удалось. Кроме того, накапливались и обострялись специфические для плановой экономики проблемы: экстенсивный путь развития, дефицит товаров, неэффективное использование ресурсов.

В условиях отставания от развитых индустриальных стран по уровню экономического развития и общественного благосостояния при накоплении и обострении собственных проблем возникла идея рыночной реформы. В основу была положена так называемая либеральная модель, предполагающая быстрое включение рыночных механизмов в сочетании с ослаблением государственного регулирования экономики. Фактически в России была поставлена задача создания национальной хозяйственной системы, аналогичной хозяйственным системам развитых индустриальных стран. С момента начала рыночных реформ в России прошло уже более 20 лет. На данном этапе представляется очевидным, что попытка создания хозяйственной системы, основанной на либеральных принципах, не увенчалась успехом. С одной стороны, формально присутствуют все основные характерные для современной рыночной экономики элементы: частная собственность, свобода ведения предпринимательской деятельности, банковская система, налогово-бюджетная система и т. д. Решена проблема дефицита товаров, произошло насыщение рынка, на определенных этапах достигалась определенная макроэкономическая стабильность. С другой стороны, отчетливо проявилась низкая конкурентоспособность российских предприятий, что обусловило формирование односторонней экспортно-импортной структуры и жесткую зависимость ситуации в экономике от мировых цен на нефть (в структуре экспорта из года в год около 70 % занимают сырьевые ресурсы).

В 1990-е годы произошла существенная дифференциация доходов населения. В настоящее время разрыв между богатейшими и беднейшими слоями населения очень велик (разрыв между доходами 10 % богатейших и беднейших слоев населения составляет около 20 раз), проблема существования малообеспеченных слоев населения остается в России достаточно острой. Неэффективна институциональная система, ориентированная на поддержку экономического развития, в результате чего Россия существенно отстает от развитых индустриальных стран по параметрам ведения бизнеса и готовности к инновационной деятельности. Следует отметить и еще один интересный культурный феномен: на протяжении всего периода рыночных реформ для российского населения было характерно осознание негативных тенденций. Однако ситуацию принципиально изменить не удалось.

Введенные в 2014 году экономические санкции со стороны западных стран привели к еще большему

обострению существующих проблем. В этих условиях представляется очевидным, что в ближайшие годы для России по-прежнему актуальным будет вопрос дальнейшего совершенствования хозяйственной системы. Важно осмыслить исторический опыт, найти объяснение неудачам предшествующих реформ и сделать правильные выводы. Следует учитывать и ментальный фактор. Эффективность хозяйственной системы определяется не только формальным наличием в ней тех или иных элементов. Она должна органично сочетаться с характерными для населения культурными традициями. Совершенствование хозяйственной системы России — это длительный процесс, в основе которого лежит поиск оптимального соотношения государственного регулирования экономики с функционированием

рыночных механизмов. Фактически речь идет о конвергенции плановых и рыночных форм управления хозяйственными процессами.

Литература

1. *Воронкова О. В.* Инновационное развитие как аспект глобальной конкурентоспособности / О. В. Воронкова // Перспективы науки. — Тамбов : ТМБпринт, 2013. — № 3 (42).
2. Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России / М. С. Мотышина [и др.] ; под ред. М. С. Мотышиной. — СПб. : СПбГУП, 2010. — 224 с.
3. *Фейгин Г. Ф.* Стратегический менеджмент в условиях глобализации : моногр. / Г. Ф. Фейгин, А. И. Шлафман, А. С. Большаков. — СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2011. — 218 с.

И. Г. Хангельдиева¹

МЕЖДУНАРОДНАЯ КООПЕРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕАТРОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный мировой музыкальный театр поставлен в сложное положение обстоятельствами, детерминированными многообразными факторами макросреды. Ему приходится учитывать как традиционные, так и нетрадиционные факторы. У современного музыкального театра, ориентированного на серьезный репертуар, возникают проблемы финансово-экономического и творческого характера. В подобных театрах с экономической точки зрения продолжает действовать известный закон «болезни издержек» У. Боуэна и У. Баумоля, смысл которого заключается в том, что издержек в данной сфере всегда больше, в силу чего, естественно, нет прибыли от проекта. Поэтому неизбежен поиск пути дополнительного финансирования.

Отсюда идея многоканального финансирования культурных проектов, которая весьма характерна для музыкальных театров развитых стран. Минимизируя «болезни издержек», музыкальный театр должен быть достаточно конкурентоспособным не только в собственном сегменте, но и в других сегментах, удовлетворяющих художественно-эстетические потребности общества. Особую конкуренцию музыкальному театру составляет музыкальная поп-индустрия. Но наряду с традиционной поп-индустрией возникает и ряд новых предложений, которые должны учитывать сего-

дня театры оперы и балета. В наше время человек избалован разнообразием досуговых развлечений, опирающихся на современные технологии: спецэффекты в кинематографе, видеоарте, на телевидении, мультимедиа, динамичные сюжеты компьютерных видеоигр, нововведения в сфере драматического театра. Поэтому искушенная в элитарном искусстве публика в последние годы все меньше удовлетворяется привычными формами музыкального театра и закономерно требует оперных и балетных спектаклей нового качества, масштабных с постановочной точки зрения, оригинальных по художественным концепциям, выразительным средствами и художественной образности.

Для того чтобы удовлетворить запросы публики, театрам приходится изыскивать новые пути своего обновления. Не секрет, что известные европейские оперные театры за год меняют свою афишу примерно на 50 %. Сезонный репертуар театров включает от 9 до 12 названий. Новизна репертуара — важная позиция в деятельности театров.

Профессионалы в этой области деятельности отмечают, что максимальный бюджет на музыкальную постановку в Европе не превышает 700 тыс. евро². Практика показывает, что данная цифра весьма внушительна для музыкальных театров Европы. Сегодня театры не могут в одиночку решить проблему активного творческого обновления репертуара в условиях постоянного дефицита финансирования. Подобная тенденция возникла около 30 лет назад в Европе и США. Для преодоления указанной ситуации театры стали интегрировать свои ресурсы. Именно 30 лет назад начали появляться первые совместные постановки. Интеграция и кооперация характеризуют развитие постиндустриального общества, особенно в эпоху глобализации. Театр не остался в стороне от данного тренда.

¹ Профессор кафедры истории и философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, декан факультета предпринимательства в культуре, заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, доктор философских наук. Автор 9 монографий, около 200 статей, 25 учебников и учебных пособий, в т. ч.: «Теория культуры» (в соавт.), «Теория искусства» (в соавт.), «Бренд 2В. Бренд 2С» (в соавт.), «Культура и рынок: современные тенденции» (в соавт.), «Прикладная культурология» (в соавт.), «Прикладная культурология: калейдоскоп идей» (в соавт.), «Креативные технологии в образовании». Действительный член Международной академии информатизации. Член редколлегии журналов «Тетради Международного университета» (главный редактор тетради «Культурология»), «Медиамузыка». Главный редактор ежегодника «Прикладная культурология. Предпринимательство в культуре». Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

² *Гетман А.* Создавать будущее вместе // Большой театр. 2015. № 1. С. 8.

В настоящее время, опираясь на принцип кооперации, мировые оперные театры имеют возможность экономить от 40 до 70 % расходов на постановку новых спектаклей. Во многом это касается тех составляющих спектаклей, которые не требуют своего воспроизводства (декорации, костюмы, реквизит, световые партитуры и прочее оформление, то есть имущество). Изначально спектакль создается усилиями нескольких театров. Впоследствии эти театры могут извлекать дополнительный доход, передавая спектакли третьим театрам в аренду. Другими словами, последовательно идет расширение влияния форм жизнедеятельности классического бизнеса на некоммерческую сферу исполнительских искусств, в частности на музыкальный театр, театр оперы и балета. Крупномасштабные театральные проекты всегда были трудноосуществимыми в силу нехватки финансовых средств, и особенно в последнее время, когда кризис затронул ведущие экономики мира. Именно в силу данных причин появляются основания для использования такой бизнес-технологии, как *копродукция*. Эта тенденция широко распространена в США и Западной Европе. Она касается не только театров, но и музыкальных и театральных фестивалей. Одним из ярких примеров может служить музыкальный проект под названием «Зимний путь», основанный на знаменитом вокальном цикле австрийского композитора-романтика Ф. Шуберга и стихах В. Мюллера.

На афишах и в программках спектакля можно прочитать, что он является копродукцией более чем десятка участников. Приведем выдержку из информационных документов. Вокальный спектакль «Зимний путь», который был представлен на сцене Камерного зала Московского дома музыки в рамках фестиваля NET (New European Theatre) 26 ноября 2014 года, является ярким примером международной копродукции: фестиваля Экс-ан-Прованс, Венских фестивальных недель, Голландского фестиваля, Линкольн-центра, Оперы города Лилля, Фестиваля развлечений и искусств / Нижнесаксонских музыкальных дней (Ганновер), театров Люксембурга, Франции, Голландии, Австрии и др. Премьера состоялась в июне 2014 года. Это уникальный вокально-драматический спектакль, поддержанный видеорядом талантливого художника Уильяма Кентриджа. Таких примеров можно привести множество.

Создав на основе творческого, организационного и финансового партнерства спектакль, театры-владельцы на определенных условиях могут эксплуатировать его сами, а при запросах со стороны сдать данный спектакль в аренду по договору. Это еще один пример того, как классические инструменты бизнеса проникают в сферу искусства и позволяют ему развиваться дальше.

Безусловно, данный тренд более характерен для Запада, но нельзя сказать, что российские музыкальные театры, такие как Большой и Мариинский, а также некоторые другие стоят в стороне от описанного процесса.

В октябре 2012 года в Большом театре в Москве прошла знаковая конференция международной ассоциации «Опера Европы», посвященная проблемам со-

вместной деятельности. Приведем несколько высказываний известных зарубежных участников конференции относительно совместной деятельности российских и европейских театров.

Джон Берри, представитель Английской национальной оперы, отмечает, что у этой организации «уже есть опыт создания совместных постановок с российскими театрами: “Замок герцога Синяя Борода” с Мариинским театром и “Сон в летнюю ночь” с Музыкальным театром им. Станиславского и Немировича-Данченко. Надо сказать, что и публика, и критики были в равной степени потрясены (в лучшем смысле слова. — *И. Х.*) как в Лондоне, так и в Петербурге и Москве. Работать в России очень приятно. Я не говорю, что это просто, но совместные постановки — это всегда очень трудно. У нас уже есть планы сотрудничества с Большим театром. Мне кажется, что Большой открыт для нового, новых идей. Это очень много значит. Да, контракты, бюрократия — условия сотрудничества очень сложные. Но я не боюсь больших проблем, я знаю, что в русских театрах некоторые вопросы решаются даже проще, чем в европейских»¹.

Тома Лорье, представитель одного из знаменитых музыкальных театров Парижа, существующего с 1862 года и позиционирующего себя как самый большой парижский зал классической музыки (2300 мест), известного в мире как традиционное место проведения церемоний вручения главной кинопремии Франции «Сезар», полагает: «У театра Шатле отношения с Россией очень давние — они начались еще в 1909 году с первых гастролей труппы Дягилева во Франции. Есть у нас и недавний опыт сотрудничества — “Моя прекрасная леди” с Мариинским театром. Правда, сотрудничество с русскими театрами немного специфично. Одна из проблем — у нас разные репертуарные системы: Шатле работает в режиме стаджионе², большинство же русских театров относится к репертуарным. Но на самом деле эта проблема не исключительно русская. Немецкие театры работают так же. На практике получается, что театр Шатле должен “отдать” спектакль на очень длительный срок — ведь другому театру нужно долгое время держать его в репертуаре. И на стадии заключения контракта необходимо запланировать сроки “доступности” постановки для каждого из театров и прописать даты таким образом, чтобы это устроило всех (на случай, если наш театр решит осуществить вторую серию показов). Тут очень важна взаимная открытость театров и гибкость контракта»³.

¹ <http://www.bolshoi.ru/about/press/articles/2012/2338/>

² На Западе существуют две системы: стаджионе и репертуарный театр. Первый тип распространен значительно шире. Внутри каждой системы возможны некоторые вариации. В чистом виде система стаджионе действует в Италии, Франции, Англии (за исключением репертуарного театра English National Opera). Что такое стаджионе? Существует театр: здание, администрация, обслуживающий персонал, оркестр и хор (для которых, как правило, работа в театре сочетается с самостоятельной концертной деятельностью). Все солисты — приглашенные, репетируют полтора месяца, потом играют: иногда 8 спектаклей, иногда 3 (в зависимости от масштаба города). В результате за год получается 40–60 спектаклей плюс несколько концертов (<http://www.teatral-online.ru/news/2900/>).

³ <http://www.bolshoi.ru/about/press/articles/2012/2338/>

В первую очередь такие примеры можно обнаружить в репертуарных афишах столичных театров. В связи с этим уже упоминался *Государственный академический Большой театр (ГАБТ)*. В главном национальном театре оперы и балета России конец 2014 года был ознаменован премьерой мирового зарубежного оперного бестселлера Дж. Верди «Риголетто», а на февраль 2015 года назначена премьера оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» в постановке легендарного режиссера Л. Додина, возглавляющего петербургский Академический малый драматический театр (МДМ) — театр Европы.

Первый из упомянутых спектаклей представляет собой совместную постановку Оперного фестиваля в Экс-ан-Провансе / Festival d'Aix-en-Provence, Национальной рейнской оперы (Страсбург) / Opéra national du Rhin, Королевского театра де ла Монне / La Monnaie (Бельгия), Большого театра Женевы / Grand Théâtre de Genève и Большого театра России, а второй — совместную постановку Парижской национальной оперы / Opéra national de Paris, Нидерландской оперы (Амстердам) / De Nederlandse Opera и фестиваля «Флорентийский музыкальный май» / Maggio Musicale Fiorentino.

Процесс партнерской интеграции ГАБТ в европейское музыкально-театральное пространство в новейшей истории начался в 2000-х, в полной мере в 2004 году, когда совместно с Баварской государствен-

ной оперой был поставлен по всем европейским стандартам «Летучий голландец» Р. Вагнера. В этом же году спектакль дебютировал на сцене Большого и только через 20 месяцев — в Мюнхене. Далее были и другие постановки, как оперные, так и балетные, в частности «А дальше — тысячелетие покоя. Creation 2010» совместно с французским балетом А. Прельжожака; опера «Дон Жуан» и вышеупомянутая постановка «Риголетто» — партнерские проекты с Оперным фестивалем в Экс-ан-Провансе.

Сегодня принципы кооперации и интеграции ресурсов для воплощения художественных идей получают воплощение в разных проектах, где количество партнеров бывает весьма значительным. Но чем больше партнеров участвует в проекте, тем сложнее его осуществление. Преодоление этих сложностей требует одновременного учета творческой, организационно-управленческой и финансовой составляющих.

Что касается российского опыта, у него есть «болевые точки», несколько тормозящие данный процесс кооперации через интеграцию. Они связаны в первую очередь с правовым обеспечением подобной деятельности в нашей стране.

Но, несмотря на все трудности, важно подчеркнуть то, что опыт совместной деятельности у российских театров все-таки есть, что не может не радовать. Самое главное — чтобы это движение не сдерживалось, а развивалось.

Е. Г. Хольнова¹

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

На современном этапе развитие российской культуры во многом определяется глобализационными экономическими процессами, которые являются причиной существенных трансформаций не только в экономической сфере страны, но и в социальной сфере и ставят под сомнение весь предшествующий опыт развития цивилизации, ее базовые ценности и смыслы, порождают риск утраты уникальности самобытных национальных культур, способствуют тотальному переосмыслению идеалов и культурных ценностей развития нации.

Эволюция взглядов крупнейших философов и экономистов, таких как А. Смит, К. Маркс, М. Вебер, А. Тойнби, Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, позволяет утверждать, что культура и экономика неотделимы друг

от друга и только при единстве их целей и принципов возможны эффективное решение социально-экономических проблем общества и эволюционная перспектива взаимодействия национальной экономики и культуры в рамках мирового пространства и процессов глобализации. В то же время необходимо понимать, что основополагающая и преобладающая роль всегда принадлежит культуре, которая признается первичной в логическом и историческом смысле.

Культура, определяемая социальными факторами развития страны, консервативна и если трансформируется, то очень медленно. Она обусловлена религией, историей, национальными традициями и особенностями, включает всю систему духовно-культурных ценностей тех или иных народов.

Экономика же, напротив, всегда характеризовалась как относительно мобильная, подвижная хозяйственная жизнь, подверженная воздействию этических норм, на которые, как правило, серьезное влияние оказывают экономические интересы индивидуумов и государства в целом. Причем этические нормы могут выступать как двигатель или как тормоз социально-экономического развития страны.

При изучении факторов, определяющих социально-экономическое развитие любой страны, необходи-

¹ Заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Концепция финансовой устойчивости коммерческого банка как методологическая основа эффективного функционирования банковского финансового менеджмента», «Теория и методология формирования и развития отечественного финансового менеджмента банка», «Роль банковского менеджмента в современных условиях развития экономики России», «Стратегический и финансовый менеджмент системы оказания образовательных услуг в высокотехнологичных корпорациях» и др. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ за многолетний и плодотворный труд, памятными медалями «100 лет профсоюзам России», «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

мо учитывать особенности ее культурных ценностей и характер взаимосвязи социальных и экономических факторов, лежащих в основе функционирования государства, которые позволяют сохранить его национальную индивидуальность и противостоять глобальным вызовам и кризисным потрясениям.

Очевидно, что познание процессов социально-экономического развития общества невозможно вне единства и противоположности национальной экономики и культуры, вне их взаимодействия и взаимосвязи. Современная действительность позволяет выделить следующие основные черты этой взаимосвязи:

— культура и социальные факторы, ее порождающие, являются основополагающей движущей силой развития национальных экономических процессов в обществе, в то же время именно экономические факторы будут стимулировать или тормозить развитие и сохранение национальных культурных традиций и национальных особенностей страны;

— национальные экономические интересы индивидуумов формируются и управляются культурными традициями и идеями данной нации с учетом особенностей каждого исторического периода развития цивилизации, особенно в эпоху глобализации;

— этические нормы и культура нации — это реальность, с ними необходимо считаться, но они неподвластны экономическому анализу и прогнозу;

— социальные факторы, несомненно, играют важную роль в развитии национальной экономики, и им необходимо уделять особое внимание;

— в основе развития социально-экономических систем всегда присутствует принципиальное различие между культурными ценностями и экономическими интересами нации;

— культура нации является отдельным предметом исследования в рамках экономической теории как важнейшая предпосылка социально-экономического развития страны, игнорирование которой неизбежно скажется на любой модели жизнедеятельности общества и спровоцирует принятие решений, противоречащих духу народа.

В основе социально-экономических процессов в прошлом, в еще большей степени в настоящем и особенно в будущем лежат и будут лежать социальные факторы (духовные, нематериальные ценности бытия человека, его национальная культура), которые постепенно и все более уверенно заявляют о себе в качестве первоочередных на фоне кризиса общества потребления, когда капитализм в своем нынешнем виде претерпел серьезную трансформацию и процесс социальной эволюции на планете подошел к критической фазе макросдвига.

История развития национальной экономики позволила экономистам выделить следующие модели формирования и развития социально-экономических отношений в различных странах, имеющих свои исторические, национальные, экономические, политические и другие особенности:

— *германская модель* социально ориентированной экономики, базирующейся на принципах свободы, которые обеспечиваются сильным государством;

— *американская модель*, поощряющая свободу предпринимательской деятельности, вследствие чего обеспечиваются полная занятость ресурсов и стабильность цен;

— *шведская модель*, предполагающая активное вмешательство государства в экономику с целью обеспечения социальной защиты населения и безкризисного развития экономики.

С позиции макроэкономического подхода к изучению взаимосвязей экономических и социальных процессов в развитии нации необходим анализ агрегированных показателей как в целом по стране, так и на душу населения. Основными показателями, характеризующими динамику социально-экономического развития государства, позволяющими оценить сбалансированность социальных и экономических интересов общества, являются:

— валовый внутренний продукт, валовый национальный доход;

— доходы на душу населения, средняя заработная плата, уровень безработицы (занятости);

— уровень инфляции, темпы роста, производительность труда и т. д.

Помимо традиционных макропоказателей, активно используется международный подход макроэкономического анализа, предложенный ООН на основе интегрального показателя (индекс развития человеческого потенциала, ИРЧП), рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой страны. Для расчета ИРЧП используются следующие данные:

— реальная и прогнозная продолжительность жизни;

— уровень грамотности населения и образования;

— показатели грамотности и обучения;

— реальный ВВП на душу населения и т. д.

Все вышеперечисленные макроэкономические показатели социальной направленности экономического роста страны одинаково важны и в совокупности определяют содержание социально-экономической политики государства, позволяя оценить ее эффективность для общества.

К сожалению, ни традиционные методики анализа, ни предложенный ООН международный подход не позволяют оценить «*степень устойчивости национальной экономики к глобальным вызовам и кризисам современности*». Данный показатель нигде не фигурирует при анализе социально-экономического развития страны и не имеет критериев оценки, в то же время он, на наш взгляд, как интегрированный показатель, включающий всесторонние критерии оценки уровня сохранения национальных культурных традиций и их влияния на национальную экономику с целью ее стабилизации, достаточно интересен и требует серьезного внимания всех участников социально-экономических общественных процессов (государства, международных институтов данного профиля, ученых, представителей бизнеса и каждого заинтересованного в устойчивом, позитивном экономическом и культурном развитии нации индивидуума).

Мировой опыт становления рыночной экономики в странах указывает на необходимость сохранения тесных взаимосвязей между национальной культурой и экономикой в эпоху глобализации, что вполне осознается и российским правительством. Для реализации данной цели Правительством РФ разработана Федеральная целевая программа «Культура России» на период 2012–2018 годов¹, в рамках которой Министерство культуры РФ сформировало организационно-финансовый план реализации данной Программы, где предусмотрено 114 направлений финансирования культурного наследия России².

В период глобальных вызовов современности как никогда остро встают вопросы сохранения национальной культуры для потомков, что возможно только при тесном взаимодействии и однонаправленности социальных и экономических возможностей нации, так как глобализационные тенденции в политической и экономической сферах становятся причиной существенных трансформаций и ставят под сомнение предшествующий культурный опыт цивилизации, ее фундаментальные ценности и идеалы, порождают риск утраты уникальности самобытных культур.

Е. Ф. Чеберко³

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современном мире настал момент, когда должно произойти коренное изменение общественного сознания, соответствующее принципиально новым задачам, стоящим перед человечеством. Происходят переосмысление, пересмотр фундаментальных основ всех сторон общественной жизни. В научной литературе пишут о кластере глобальных кризисов: социокультурном, геополитическом, экономическом, энергоэкологическом, демографическом, технологическом. Речь идет об исчерпании возможностей дальнейшего успешного развития в рамках действующей парадигмы общественных отношений.

Согласно утверждению Дж. Гэлбрейта, «экономические идеи всегда являются продуктом своего времени и места возникновения, с которыми они тесно связаны, их нельзя рассматривать независимо от того мира, который они объясняют». Следовательно, понятие «мейнстрим» в экономической теории может означать, что одна часть общества стремится навязать другой идеологическую платформу, которая ее устраивает, а для остальной части следование в этом направлении (в стремлении обеспечить уровень развития стран-лидеров) чаще всего приводит к отрицательным последствиям.

Отказ от печально известного Вашингтонского консенсуса окончательно убедил, что одни и те же эконо-

мические идеи на практике приводят к разным результатам. Если посмотреть на последствия его применения в разных странах, то подавляющая часть из них, используя рекомендации по разгосударствлению экономики, имела отрицательные результаты. По крайней мере декларируемый рядом специалистов путь унификации основных институтов общества на практике себя не оправдывает.

Если исходить из постулата, что лучшей является модель, которая обеспечивает наибольшую эффективность функционирования народного хозяйства, то в последние тридцать лет безусловным лидером по данному критерию является Китай, который в течение этого временного периода имел самые высокие темпы экономического роста. Успешность проводимой экономической политики была связана с теоретической и, что особенно важно, идеологической «незашоренностью» руководства страны. В основе лежал знаменитый принцип «кошки неизвестной масти».

Китайскую модель экономики часто называют плано-рыночной, то есть сочетающей плановость и использование механизмов рыночного регулирования. Здесь возникает проблема, которую большинство специалистов по какой-то причине не замечает. Когда говорят о плано-рыночной экономике, то имеют в виду основные рычаги достижения сформулированных обществом целей. Но если исходить из целевых установок производителей двух систем, то они отличаются, поскольку в их основе лежат разные формы собственности.

Каждая форма собственности может быть эффективной и неэффективной, но не по природе, а при реализации целей, которые перед ними стоят. Частная собственность неэффективна, если не приносит в процессе своего функционирования ожидаемой нормы прибыли. Государственная тоже неэффективна, если в процессе функционирования не приносит запланированного эффекта. Хотя здесь вопрос более сложный. Ее использование должно быть ориентировано исключительно на достижение комплексного социально-эколого-экономического эффекта. Сложности формализации затрудняют возможность достоверно определить

¹ Федеральная целевая программа «Культура России» на период 2012–2018 годов : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации № 186 от 3 марта 2012 г.

² Организационно-финансовый план реализации Федеральной целевой программы «Культура России» (на период 2012–2018 гг.) на 2013 год : утв. приказом Министерства культуры РФ № 89 от 5 февраля 2013 г.

³ Профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор свыше 100 научных работ, в т. ч. 7 монографий и учебных пособий: «Теоретические основы предпринимательской деятельности (макроэкономический аспект)», «Новые тенденции в отношениях государства и предпринимательства и их роль в развитии общества» (в соавт.), «Основные направления и факторы перехода к инновационной экономике» (в соавт.); статей «Механизмы реализации государственной инновационной политики» (в соавт.), «Развитие сектора малого предпринимательства как фактор повышения инвестиционной привлекательности региона» (в соавт.) и др.

степень эффективности реализации государственной собственности, но это скорее технический вопрос, чем содержательный.

Глубоко ошибочным признан тезис об антагонизме рынка и государства в экономике (по принципу «Чем больше государства, тем меньше рынка» и наоборот). В настоящее время расширяются функции и сферы деятельности государства и рынка одновременно. Появляется новый взгляд на теорию конвергенции, которую многие списали в связи с тем, что она воспринималась как связанная со сближением и взаимопроникновением двух систем — капиталистической и социалистической. Современная Россия своему положению одной из развитых в экономическом отношении стран обязана отнюдь не рыночным, капиталистическим отношениям, не предпринимательству, которых не было в советские времена и которые находились в стадии становления в дореволюционной России. Попытка реформаторов начала 1990-х годов довериться свободному предпринимательству безо всяких ограничений привела экономику страны к глубокому системному кризису.

Модель современной китайской экономики сегодня представляет сложное образование, которое могло возникнуть только путем перекрестного сочетания институтов, называемых в теории командным социализмом и рыночным капитализмом.

Приверженцы сравнительного анализа, несмотря на исчезновение классического противостояния двух систем, создают новую компаративистику, основанную на исследовании институционального многообразия с позиций его измеряемой эффективности. Сторонники этого подхода исходят из необходимости выбора между издержками существования экономического хаоса (беспорядка) и его устранения (издержками диктатуры) и выдвигают идею поиска эффективных институтов, обеспечивающих оптимальный выбор между крайностями свободы и порядка.

Можно и нужно связывать необходимую смену менталитета с переходом к новому технологическому укладу. Аналогичная ситуация возникла при первоначальном переходе к капиталистическому предпринимательству, когда решающую роль сыграло протестантство. Взгляды Античности и раннего Средневековья противоречили зарождающимся капиталистическим отношениям, их нужно было менять.

Принципиальные изменения происходят во всей системе производительных сил общества. Очевидно, наступил момент, который условно можно назвать концом научно-технического прогресса (НТП). Термин не самый удачный, но в последнее время его стали применять для описания ситуаций, происходящих во многих областях общественных отношений. Конечно, буквально такие заявления никто не воспринимает (тем более когда речь идет о развитии науки и техники, которое невозможно остановить). Имеется в виду принципиальное изменение его целевой направленности.

До недавнего времени эта цель определялась как постепенное вытеснение человека из производства, вплоть до полной передачи всех функций машинам. Вся предшествующая история подтверждала, что

именно в этом направлении развивается НТП. Вопрос о том, что дальше, не поднимался, поскольку это касалось, по мнению специалистов, весьма отдаленного исторического будущего. Но как это нередко бывает, отдаленное будущее неожиданно оказалось сегодняшним днем. Пятый технологический уклад с появлением ЭВМ забрал у человека и передал машине последнюю функцию, которая еще была его монополией, — управленческую.

Мы находимся на начальной стадии процесса полного вытеснения человека из производства, но это уже дело времени. Конечная цель оказалась промежуточной, и встал вопрос о том, как она теперь звучит. Самой распространенной (на наш взгляд, и единственно правильной) является концепция, в соответствии с которой НТП переключается непосредственно на человека. Таким образом, главное внимание будет уделяться тому, что развивает человека во всех отношениях, то есть исследования будут направлены на проблемы повышения здоровья человека, улучшение его генотипа, преодоление наследственных заболеваний, а в итоге — на увеличение продолжительности жизни. Среди основных — проблема развития и повышения человеческого фактора, его креативности.

Учитывая возможности шестого технологического уклада, специалисты в качестве его ядра выделяют нано- и биотехнологии, генную инженерию, информационно-коммуникационные технологии нового поколения и когнитивные технологии. Они получили общее название НБИК-технологии. Особо подчеркивается, что все эти направления представляют кластер и в результате взаимодействия создают синергетический эффект.

Термин «НБИК-конвергенции» был введен в 2002 году М. Роко и У. Бейнбриджем, авторами отчета «Конвергенция технологий для улучшения человеческой жизнедеятельности: нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и когнитивная наука». В этом документе впервые было заявлено о конвергенции и названы новые технологии будущего. Потенциальные пользователи этих технологий, как отмечено в отчете, могут улучшить свое здоровье, развить умственные способности и получить доступ к новым ресурсам повышения производственной эффективности во всех ведущих отраслях¹. Российский ученый М. Ковальчук обоснованно считает, что кластер следует дополнить социогуманитарными науками (в результате его аббревиатура выглядит как НБИКС).

Сама идея о конвергенции ключевых направлений развития шестого технологического уклада, дополненная концепцией кластерного подхода, при материализации научного знания наводит на мысль о резком возрастании коллективистских начал в системе общественных отношений, усилении новой схемы сотрудничества, которую стали называть партнерством. При чем происходит это на всех уровнях, начиная с государства. Французский политик и исследователь Л. Фабиус утверждает, что на смену государству-властелину

¹ Фролов А. В. Инновационная экономика США: на пути развития новейших технологий // США–Канада. Экономика, политика, культура. 2013. № 10. С. 94.

в XXI веке придет государство-партнер, «наступает эпоха синтеза», что делает государство более эффективным и открытым.

В условиях формирования нового технологического уклада роль государства резко возрастает даже в тех странах, которые на словах являются лидерами в области либерализации экономики. В апреле 2012 года Администрация США выпустила новый документ, призванный ускорить развитие биотехнологической инициативы (National Bioeconomy Blueprint, 2012). В нем отмечается, что возрастает значение биоэкономики, так как она имеет огромный потенциал для роста числа рабочих мест, а также обеспечивает иные общественные выгоды.

Исследования в области бионаук и биотехнологий являются ключом к развитию биоэкономики. Общественно-частное партнерство в биомедицине может помочь США достичь двоякой цели: улучшить здоровье населения и одновременно сократить расходы на здравоохранение.

Перспективы дальнейшего развития НБИК-технологий в значительной степени зависят от осуществления национальной программы НТИМ-образования США, направленной прежде всего на подготовку специалистов в области точных наук и инженерии. Причем в рамках реформы высшего образования правительство Б. Обамы планирует провести существенные изменения в области науки (Science), технологий (Technology), инженерного дела (Engineering) и математики (Mathematics) — НТИМ. Недоучет роли НТИМ-образования в современных условиях подрывает конкурентоспособность страны. Доля НТИМ-дисциплин составляет в национальной системе образования США лишь 17 %, тогда как в Японии — 64 %, в Китае — 52 %, в Южной Корее — 40 %, в России — 33 %, в Индии — 23 %¹.

Возникает принципиально новая система экономического взаимодействия государства, бизнеса и науки, в которой отношения равенства при совместном решении проблем являются не декларацией и идеологиче-

ской уловкой, а обязательным условием эффективного достижения поставленных целей.

Практика доказывает, что эффективность партнерских отношений выше, когда сотрудничество осуществляется на равноправной основе, поскольку в такой ситуации достигается максимальная мотивация всех участников кооперационных отношений, а не только господствующих, когда отношения построены на неравенстве. На отношениях равноправия построены сетевые структуры, в которых все участники в равной степени заинтересованы в достижении максимального конечного результата, а не ориентированы на узкие проблемы локального уровня.

Американские ученые четко определяют сущностную характеристику сетевой организации производства: «Сети сообществ одновременно используют принципы централизации и децентрализации, самоуправления и личной ответственности. От иерархии их будет отличать то, что они обладают существенно большими возможностями сочетать гибкость, гуманность, творческий подход, партнерское отношение к потребителям с планированием, производительностью, координированием, социальными ценностями»².

В современных условиях для участников сетей немаловажным фактором, подталкивающим к установлению партнерских отношений, является более равномерное распределение рисков на всех участников. Это особенно важно для субъектов постоянного инновационного процесса. В этих областях наблюдаются наиболее интенсивные процессы формирования сетевых структур. Главное — в результате такого сотрудничества повышается эффективность общественного производства в целом.

Можно утверждать, что отношения партнерства стали устойчивым направлением в развитии современных производительных сил и экономических отношений на всех уровнях между всеми экономическими субъектами, если они складываются на основе равенства интересов и обеспечивают синергетический эффект.

В. В. Шляпников³

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ И ЕВРАЗИЙСКОМ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТАХ

В начале 2015 года вступил в силу Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), за-

¹ Фролов А. В. Указ. соч. С. 101.

² Клок К., Голдсмит Дж. Конец менеджмента. СПб., 2004. С. 190–191.

³ Доцент кафедры глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, кандидат философских наук. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Новая полицентричность и стабильность мировой системы», «Политическое управление глобальным развитием», «Россия и ОДКБ: проблемы формирования региональной системы безопасности в Центральной Азии», «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры (обзор доклада Национального совета по разведке США)», «Россия и система коллективной безопасности в Центрально-Азиатском регионе», «Участие России в региональных межгосударственных объединениях» и др.

ключенный в мае 2014 года президентами России, Казахстана и Белоруссии. 2 января 2015 года официально вступила в ЕАЭС Армения. В соответствии с договором о присоединении к ЕАЭС 29 мая 2015 года в Евразийский экономический союз официально вступит Киргизия.

Евразийский экономический союз — это очередная попытка России создать большой интеграционный проект, который способствовал бы формированию особого ценностно-смыслового пространства. Региональная интеграция является не самоцелью, а средством выживания в условиях нарастающей конкуренции и борьбы за ресурсы. В конечном счете смысл любого

интеграционного проекта — создать привлекательное для его участников социальное пространство, способствующее сохранению идентичности.

Европейский Союз (ЕС) как раз и является примером сообщества, основанного на ценностях. В ст. 2 Договора о Европейском Союзе (в редакции Лиссабонского договора) они сформулированы следующим образом: «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин»¹.

Детально эти принципы изложены в Хартии Европейского Союза об основных правах, в преамбуле которой, в частности, отмечается, что «осознающий свое духовное и нравственное историческое наследие, Союз базируется на всеобщих и нераздельных ценностях — человеческом достоинстве, свободе, равенстве и солидарности; он опирается на принцип демократии и принцип правового государства. Он помещает человеческую личность в центр своей деятельности посредством введения гражданства Союза и создания пространства свободы, безопасности и справедливости»².

Естественно, эти основные права не изобретены Европейским Союзом, а являются частью европейского ценностного наследия, фундамент которого был заложен в конце XVIII века Великой французской революцией 1789 года и первой демократической конституцией в Европе — польской конституцией 1791 года. Гражданские свободы, демократия, принципы правового государства со временем были введены во все большее количество государств, и сегодня они стали базовыми ценностями каждого отдельного государства — члена Европейского Союза, а также самого Европейского Союза³.

Однако в истории формирования общей системы европейских ценностей можно обнаружить и более глубокие корни. Как справедливо отмечает Ю. Рубинский, эта система напоминает «пирамиду, сложенную веками из разных строительных материалов»⁴. Фундаментом этой пирамиды служит наследие Античности и право Древнего Рима. Древние греки передали современным европейцам представление об окружающем мире как гармоничном целом, фундаментальные категории философии, этики и эстетики, основные формы государственного строя. В Древней Греции родились и достигли расцвета основные виды и жанры европейской

культуры — литература, драматургия, театр, скульптура, живопись, спорт. Римское право впервые юридически отделило гражданскую сферу жизни от публичной, закрепило понятие частной собственности, ввело в качестве способа решения гражданских споров открытый состязательный процесс между равноправными сторонами, в рамках которого суд выносит приговор на основе писаного законодательства.

Римская правовая культура стала основой самой эффективной для своего времени гражданской и военной администрации — четко структурированной системы управления государством, где каждый носитель власти имел строго определенный круг полномочий и ответственности. Важным источником европейских ценностей стало также христианство, которое проповедовало любовь к ближнему, покаяние, милосердие. Решающими вехами в эволюции европейских ценностей были эпохи Ренессанса и Просвещения. Мыслители-гуманисты этих эпох поставили человека в центр мироздания, провозгласили его мерой всех вещей. Философы-энциклопедисты XVIII века провозгласили критический разум единственным инструментом познания законов окружающего мира и его перестройки на рациональных началах. Именно они ввели понятие естественных прав человека и гражданина, нашедших выражение в лозунге Великой французской революции «Свобода, Равенство, Братство».

Некоторые исследователи обращают внимание на то, что в официальных документах Европейского Союза европейские ценности отражаются лишь частично, и предлагают свои варианты их интерпретации. Например, старший научный сотрудник Брюссельского центра по изучению европейской политики М. Эмерсон так определяет системные черты европейской модели, называя их «десятью европейскими заповедями»⁵.

1. Демократия и права человека юридически сформулированы в Европейской конвенции по правам человека Совета Европы, а также включены в «копенгагенский политический критерий» Европейского Союза для принятия новых членов.
2. Общая юридическая основа для четырех свобод — общего рынка, пространства для свободного передвижения, обитания и занятости граждан Европейского Союза.
3. Социальная модель — базовое социальное обеспечение и доступ к здравоохранению.
4. Многонациональный характер общества, отрицание национализма — общество должно приобрести качества, совмещающие региональные, национальные и европейские особенности.
5. Светский мультикультурный подход.
6. Антитоталитаризм и антимилитаризм во внешней и внутренней политике, но без пацифизма.
7. Многосторонний подход в международной политике, а также во внутриевропейских делах.
8. Многоярусное управление. Наднациональный, национальный и региональный уровни.
9. Открытость для всех европейских демократий.

¹ Договор о Европейском Союзе // Право Европейского Союза. URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения: 12.03.2015).

² Хартия Европейского Союза об основных правах // Право Европейского Союза. URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter> (дата обращения: 12.03.2015).

³ Штрапениульте Э. Европейский Союз — просто и понятно. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_17802-1522-13-30.pdf?091012120807 (дата обращения: 12.03.2015).

⁴ Рубинский Ю. Европейские ценности // Вестник Европы. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2009/26/ru3.html> (дата обращения: 12.03.2015).

⁵ Эмерсон М. Экзистенциальная дилемма Европы // Вестник Европы. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/eme6.html> (дата обращения: 12.03.2015).

10. Постепенно меняющиеся, эволюционирующие границы Европейского Союза, а не жесткое разделение Европы на своих и чужих. Европейский Союз как нео-Вестфальское федеративное государство.

В отличие от Европейского Союза, ценности Евразийского экономического союза на сегодняшний день не сформулированы в таком явном виде и не закреплены ни в каких документах. В ст. 3 Договора о Евразийском экономическом союзе речь идет лишь об основных принципах функционирования Союза, таких как уважение общепризнанных принципов международного права, уважение особенностей политического устройства государств-членов, обеспечение взаимовыгодного сотрудничества¹.

Вызывает вопросы и акцентирование внимания именно на экономической составляющей евразийской интеграции. Не без основания говорится, что «чисто материальные интересы не способны обеспечить полноценную, а самое главное — долгосрочную и успешную интеграцию. Только общая идеология, система представлений (или, как сейчас модно говорить, “духовные скрепы”) позволят жителям всех стран, входящих в Евразийский союз, чувствовать себя единым целым»².

Важность разработки такой системы представленной осознают и во властных структурах. Так, во время заседания 13 ноября 2014 года Интеграционного клуба при председателе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации на тему «Формирование общего культурного и информационного пространства евразийской интеграции» В. И. Матвиенко заметила, что значимость Евразийского экономического союза понимают в основном только политики и эксперты. Отсутствует широкая информация о сути нового интеграционного объединения в Евразии, а без этого невозможно достичь поддержки граждан этого проекта. В. И. Матвиенко подчеркнула, что «просветительская и информационная деятельность должна вестись на всех уровнях. Выполнение этой задачи должно быть возложено не только на средства массовой информации, на журналистов, но и на общественных деятелей, на экспертное сообщество, на парламентариев и, конечно, на дипломатов»³.

В целом можно согласиться с оценками некоторых экспертов, которые указывают на то, что сегодня очевиден ряд условий, имеющих принципиальное значение для успеха Евразийского экономического союза⁴:

1) евразийская интеграция не может строиться только на экономических мотивах;

2) в евразийской интеграции должна доминировать социогуманитарная составляющая. Евразийский проект должен создаваться и реализовываться в интересах всех граждан, а не только правящей бюрократической и деловой элиты. Только тогда он станет всенародным, устойчивым к колебаниям политической и деловой конъюнктуры. Нужны совместные культурные и научные программы, общие журналы и телепередачи, массовые обмены студентами и преподавателями вузов, стажировки, языковые курсы и т. п.;

3) евразийский проект должен задавать ясные и привлекательные ориентиры общественного развития. Чтобы разделить общую судьбу, граждане стран, входящих в Евразийский экономический союз, должны иметь простые ответы на главные вопросы: «Какой тип экономики мы строим? Чем он будет отличаться от других типов экономики? Какую модель государства мы хотим видеть в наших странах? В чем, наконец, состоят особые и незаменимые ценности евразийства?»;

4) Евразийский экономический союз должен действовать на принципах многосторонности, равноправия и взаимного уважения сторон. Доминирование в нем России, объективно заданное ее размерами и центральным географическим положением, необходимо компенсировать системой многостороннего принятия решений;

5) новое видение евразийского проекта должно стать результатом совместной работы интеллектуалов всех стран, входящих в Евразийский экономический союз. Коллективная работа политологов, историков, экономистов, философов, социологов из всех стран ЕАЭС позволила бы разработать новую концепцию евразийского проекта, призванного создать привлекательное ценностно-смысловое и экономическое пространство для всех евразийских народов.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/?frame=1 (дата обращения: 12.03.2015).

² Салин П. Б. «Духовные скрепы» для Евразийского союза. Возможны ли общие ценности ЕАЭС? // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dukhovnyye-skrepy-dlya-Evrazijskogo-soyuza-16110> (дата обращения: 12.03.2015).

³ Студнева Е. Формирование общего культурного и информационного пространства евразийской интеграции // Международная жизнь. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=12094> (дата обращения: 12.03.2015).

⁴ Буторина О., Захаров А. Евразийский экономический союз: что дальше // Ведомости. 2014. № 142 (3646).

Ян Эшинар¹

КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОГО ВАЛЮТНОГО СОЮЗА — ГЛУБОКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Со времен краха Lehman Brothers в США и его последствий в мировом масштабе у Европы обнаружилось множество слабых мест в сфере экономики: ее экономика недостаточно устойчива, чтобы противостоять глубокой финансовой нестабильности; ее банковская система подвержена рискам; неполнота ее интеграции обходится дорого; она попала в замкнутый круг, проповедуя политику жесткой экономии в качестве единственного средства от кризиса задолженности; и, наконец, она неспособна мыслить в терминах политического союза, который, тем не менее, необходим для полноценного функционирования любого крупного валютного объединения².

Европейской экономике стало также ясно, что эта «великая рецессия» привела к образованию трудно контролируемого каскадного эффекта. Кризис частной задолженности трансформировался в кризис государственной задолженности, превратив неуплату долгов государства в квазиреальность³. Финансовый и банковский кризис трансформировался в системный кризис, затрагивающий все экономические сектора⁴. Кризис экономического характера трансформировался в кризис политического характера, расколов Европу на две части: продуктивный и конкурентоспособный север и юг, столкнувшийся со структурным дефицитом и трудностью быстро вернуться к основам здоровой экономики⁵.

Через восемь лет после первых мировых потрясений весь спектр проблем 1930-х годов — дефляция, резкий рост безработицы, рост влияния крайних сил, соблазн обращения к национальным идеям — тяжело нависает над Европой, заставляя некоторых обозревателей говорить о деконструкции Европы, ее экономическом суициде.

Обращение к этой весьма мрачной, если не сказать зловещей, теме не должно обойти молчанием общественные реакции, которые формируются с 2008 года, в частности, из-за греческого кризиса, подкрепленного ирландским и португальским кризисами. Были созданы новые общественные инструменты, появилась новая ответственность:

— в первую очередь Европейский фонд финансовой стабильности поддержал правительства, которые

¹ Преподаватель политологии Университета Гренобля (Франция), доктор экономики. Директор издания "Eco+" Института Sciences Po (Гренобль), специалист по международным и европейским политико-экономическим исследованиям.

² De Grauwe P. How to Embed the Eurozone in a Political Union // Baldwin R., Gros D., Laeven L. Completing the Eurozone Rescue: What More Needs to Be Done? L.: CEPR, 2010. P. 29–33.

³ Colliat R., Echinard Y. Après la Grèce, l'Irlande: is small no longer beautiful in the Eurozone? // Revue de l'Union Européenne. 2011. № 550. P. 439–444; Echinard Y., Labondance F. La crise grecque: Quelques leçons d'économie européenne // Revue de l'Union européenne. 2010. № 541. P. 492–496.

⁴ Echinard Y., Labondance F. La crise dans tous ses états. Grenoble: PUG, 2011.

⁵ Echinard Y., Laurent A. L'union monétaire européenne: de la lumière à l'ombre... // Reflets et Perspectives de la vie économique. 2010. Vol. XLIX, № 4. P. 39–47.

столкнулись с трудностями при финансировании своих государственных расходов. Он был трансформирован в Европейский стабилизационный механизм;

— далее Европейский центральный банк снабдил финансовую и банковскую систему денежными средствами, избегая недостатка средств на межбанковском рынке, и прибегнул к нетрадиционным мерам, приобретая государственные ценные бумаги, удерживаемые банками второго ранга на вторичном рынке⁶. Последние решения Европейского центрального банка прибегнуть к *количественному смягчению* подтверждают расширение ответственности, взятой на себя банком в контексте стабильности: валютной, экономической и финансовой⁷;

— кроме того, не стоит недооценивать переговоры, состоявшиеся с частными банками, приведшие к отмене части их обязательств в отношении государственного долга Греции и к созданию новых общеевропейских учреждений, контролирующих с этого момента государственные финансовые рынки и банковские системы. Наиболее показательным, безусловно, является Европейский банковский союз, несмотря на то что его не обошла стороной некоторая критика⁸;

— наконец, план Юнкера сигнализирует о некотором осознании необходимости следовать политике вложений, чтобы инициировать экономический рост в Европе. Как и в других случаях, если этот план и далек от удовлетворения всех нужд Европы, которой не хватает экономического роста, он обозначает начало смены курса в ведении экономической политики.

Эти разнообразные достижения облегчили коллективную деятельность, что хорошо иллюстрирует контроль над ирландским кризисом. Это бесспорно позволило выиграть время и, безусловно, помогло избежать немедленного разрушения валютного союза.

Но выигрыш времени не означает гарантию победы в партии. Многие проблемы остаются источником глубокого беспокойства об «удачном» разрешении европейского кризиса и фактически продолжают вскармливать недоверие по отношению к проекту Европы. Победа Коалиции радикальных левых (СИРИЗА) на выборах в законодательный орган Греции в конце января 2015 года явно демонстрирует нестабильность, образовавшуюся за шесть лет экономического и социального кризиса высокой интенсивности.

Первая причина для беспокойства: едва ли не отказ стран-участниц Евросоюза от целостной Европы. Поразительна трудность, почти неспособность глав государств и правительств мыслить, рассуждать, идти вперед в контексте европейской экономики, то есть в кон-

⁶ Echinard Y. Banque centrale européenne et crise des dettes souveraines: Eurêka? // Questions internationales. 2011. № 58. P. 93–94.

⁷ Echinard Y., Labondance F. La politique monétaire européenne: entre principe et pragmatisme // Revue de l'Union Européenne. 2011. № 546. P. 174–178.

⁸ Echinard Y., Laurent A. L'union bancaire européenne: une union en trompe-l'œil? // Questions internationales. 2013. № 63. P. 94–96.

тексте общих проектов. Европейский экономический анализ проводится исключительно на уровне государства, Европа выступает для него всего лишь в качестве продолжения государственной экономики. Это можно продемонстрировать двумя примерами:

— решение Франции и Германии нарушить европейские рекомендации в рамках процедуры чрезмерного дефицита привело к грубому нарушению Пакта стабильности и роста, одного из немногочисленных инструментов взаимодействия государственных экономических политик, организованного в динамике валютного союза;

— немецкая экономическая модель как единственный путь выхода из европейского кризиса. С точки зрения экономики это фундаментальная ошибка — думать, что немецкая конкурентная модель выхода из инфляции может быть экспортирована. Чтобы баланс бюджета был положительным, нужно, чтобы чужие бюджеты терпели дефицит. Более того, на уровне Европы эта стратегия может быть только деструктивной, поскольку не удовлетворяет немцев (так что Европа — это не Германия) и создает отталкивающий эффект повсюду в Европе (Европа не может быть Германией). Это неизбежно создает еретическую, отчужденную Европу.

Вторая причина для беспокойства: давление истории и выбор структуры учреждений, сделанный за последние два десятилетия. От Маастрихта до Лиссабонского договора, проходя через Амстердам, главы государств и правительств Европы никогда не учитывали факта, что валютный союз, естественное дополнение единого рынка, не может длительно и надежно функционировать без некоторого бюджетного федерализма. Однако многочисленные работы 1970-х (планы Вернера, Маржолина, МакДугалла), 1980-х и 1990-х годов наших североамериканских (Баюми, Массон, Айхенгрин, Кругман) и европейских (Спан, Зумер, Мелиц) коллег показали, что всякий процесс региональной интеграции держится на трех столпах: торговом (таможенный союз, единый рынок), валютном (фиксированная валютная система, валютный союз) и бюджетном (координация политики и бюджетный и фискальный федерализм). Нынешний кризис доказывает, как дорого нам стоило то, что мы с самого начала об этом не помнили. За 20 лет строители Европы не учли в своем проекте эту важнейшую сторону проблемы. Можно сомневаться в их способности построить федеральную Европу, развивая межрегиональную солидарность. Иными словами, как доверять еврозоне, которой не удастся нейтрализовать проблему Греции, в то время как греческий долг составляет всего 4 % от общего долга стран-членов валютного союза? Этот союз забыл об одной из своих движущих сил — о солидарности.

Третья причина для беспокойства связана с текущим управлением европейской экономикой в ходе кризиса. Ведение политики жесткой экономии очень быстро установилось в качестве пути выхода из кризиса государственных долгов Европы. В «нормальное» время такая установка может быть оправдана государственным политическим выбором, выраженным гражданами на государственном голосовании, или контрактическими причинами. В период «великой рецессии»,

если такой стратегии придерживается группа весьма взаимозависимых стран, она неизбежно смертоносна, она еще более смертоносна оттого, что не является результатом демократического совместного решения. Речь не идет об отрицании проблем государственных и региональных финансов в Европе. Стоит лишь вспомнить о том, что жесткая экономия и дефляция не лучшие средства (если не сказать больше) для борьбы с неравенством государственных счетов: без экономического роста нет доходов от налогов, а без дополнительных доходов от налогов ни одно государство не может стабилизировать свой долг. Как Греция сможет после 6 лет рецессии (при снижении ее валового внутреннего продукта примерно на 30 %) уменьшить свой долг?

Помимо этой стратегической, если не догматической, ошибки с точки зрения экономической политики, распределение времени было катастрофически неэффективным. Вместо того чтобы ставить цели на короткое время в рамках стратегии возврата к равновесию европейских финансов публичных формирований, необходимо было «растягивать время». С самых первых месяцев нужно было разработать программу возврата к равновесию на 10–15 лет.

Наконец, стратегия урегулирования посредством реальных государственных обменных курсов показывает, что государственный уровень остается единственным уровнем регулирования. Этот урок недавней истории демонстрирует тщетность европейской политики, притом что европейские страны выбрали создание валютного союза. Стоит вспомнить, что деньги — это «двуликий Янус»: это великолепный посредник при обмене (экономический характер денег) и выражение суверенной власти, способности печатать деньги (политический характер денег). Длительное время отрицать вторую характеристику денег — значит, существенно ослаблять любой валютный союз и, возможно, даже способствовать его разрушению.

Пессимистический характер данного анализа должен создать основу для новой деятельности в масштабе Европы, безусловно, для того чтобы еврозона перестала вязнуть в кризисе, но также и для того, чтобы она вернулась к одной из своих изначальных целей — сокращению суверенитета государств и содействию консолидации своего проекта экономической, институциональной и политической интеграции¹. Перечитывание книги «Mémoires» («Воспоминания») Жана Монне необходимо в эти трудные времена².

Необходимо также помнить о том, что «Европа» — это мультидисциплинарный предмет, как и любой предмет гуманитарных и социальных наук. Его изучение не может сводиться только к одной дисциплине, такой как, например, экономика. Экономика не может существовать без права, без политологии, без психологии, без истории и т. д. Европейская интеграция в ключевой момент своей истории нуждается в активном вовлечении в ее процесс наших коллег политологов. Без них, без их способности к анализу, инновации проект Европы становится гораздо более хрупким.

¹ Aglietta M. Europe. Sortir de la crise et inventer l'avenir. P. : Michalon, 2014. Также см. интервью с Мишелем Аглиеттой. URL: http://www.xerficanal-economie.com/emission/Michel-Aglietta-Erreurs-et-errements-de-la-zone-euro_2111.html

² Monnet J. Mémoires. P. : Grasset, 1976.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Т. БАУЭР профессор Университета им. И. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия)
- Р. С. ГРИНБЕРГ директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Д. ГЭЛБРЕЙТ профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- В. В. ЗЯБРИКОВ доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
- Г. Ю. КАНАРШ старший научный сотрудник Сектора социальной философии Института философии РАН, кандидат политических наук
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. И. КОТОВ специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития
- Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА руководитель Центра социально-экономических исследований института США и Канады РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. И. ЛУЧЕНОК заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, доктор экономических наук, профессор
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Т. П. НИКОЛАЕВА профессор кафедры менеджмента и экономики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор экономических наук
- Э. Э. ПОЛЕТАЕВ руководитель общественного фонда «Мир Евразии»
- Е. С. САДОВАЯ заведующая сектором социальных проблем труда и занятости Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат экономических наук, доцент
- Б. К. СУЛТАНОВ директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (до октября 2014 г.), доктор исторических наук, доцент
- Г. Ф. ФЕЙГИН профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
- И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор
- Е. Ф. ЧЕБЕРКО профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые участники заседания нашей секции. Сегодня для экономистов знаменательный день — создана специальная секция, посвященная главным экономическим проблемам, которая называется «Национальные экономики в контексте глобальных вызовов» и полностью соответствует общей теме Лихачевских чтений этого года. Слово предоставляется Руслану Семеновичу Гринбергу.

Р. С. ГРИНБЕРГ: — Я рад присутствовать сегодня здесь, в Санкт-Петербурге. Вам повезло, что вы живете в таком замечательном городе. Но, может быть, не очень повезло в том смысле, что вы, молодые, живете в такие турбулентные времена. Мне скоро исполнится 70 лет, и, скажу честно, я никогда не испытывал такого чувства неопределенности, которое испытываю сегодня. Это касается политики, экономики, мировоззрений, морали, если хотите, потому что она тоже начинает меняться. Казалось бы, такие незыблемые вещи, как этические устои, Старый и Новый Завет, интерпретируются по-разному. И мы не знаем, какой новый строй возникнет. Так или иначе мы знаем одно, что являемся свидетелями смерти двух великих утопий — утопии коллективного плана и утопии свободного рынка.

Сегодня в мире насчитывается 200 стран. Как заметил один американский философ, мы живем в одной большой деревне. Эти 200 стран — дома в одной большой деревне. У нас почти нет заборов. Осталась, наверное, одна Северная Корея, абсолютно самобытная, а остальные друг с другом взаимодействуют, и это взаимодействие становится очень сложным. Еще этот американец сказал, что мы живем в одной деревне, но дома находятся в разных веках. И это создает большой конфликтный потенциал. Национальное государство устраивается в этом мире, чтобы по возможности быть не объектом, а субъектом процесса. Тем более сегодня, когда, как мы видим, вернулась в самом своем отвратительном виде геополитика. Когда 30 лет назад Горбачев пришел к власти, мы все жили в ожидании перемен, а начался процесс разрушения. Все считали, что наступил вечный мир, как когда-то говорил Иммануил Кант. Но получилось совсем по-другому. К сожалению, сегодня политика сильно довлеет над экономикой. И мы знаем, что наш мир становится все более стремительным, все процессы в нем ускоряются. И он нуждается в этой деревне. Если продолжить эту метафору, то любая деревня нуждается в едином сельсовете, потому что нужны определенные правила, консенсус, хотя бы минимальный набор каких-то ценностей, которые все должны разделять. Но этого не происходит.

Теперь несколько слов о России. Когда 30 лет назад начиналась трансформация и происходил переход к какому-то новому строю, одни хотели социализма с человеческим лицом, другие — капитализма с человеческим лицом, а получили, как я лично думаю, капитализм с не очень человеческим лицом. Статистика показывает, что плодами трансформации, свободы и рынка, который мы получили в конце 1980-х годов, пользуются 20 % населения страны. То есть каждый

пятый человек в России, в общем, живет зажиточно. Но это слишком мало, потому что идея заключалась в том, что средний класс, который сформировался в последние годы советской власти, должен был приблизиться к стандартам развитых стран, где впервые в 1950–1970-е годы было создано практически бесклассовое общество, когда 60 % составляет зажиточный средний класс.

В результате победы доктрины правой либеральной философии в начале 1990-х годов мы сделали упор в сторону свободы, но пожертвовали справедливостью. Хочу это подчеркнуть, чтобы вы понимали мою точку зрения на развитие России. В 1917 году страна сделала выбор в сторону справедливости, но пожертвовала свободой, а в 1991-м, наоборот, выбрала свободу, принесла в жертву справедливость. Я очень надеюсь, что маятник каким-то образом вернется в нормальное положение. Экономика страны сегодня находится в плачевном состоянии по сравнению с западными странами, на которые мы хотели или хотим походить и с которыми сейчас находимся не в лучших отношениях. Это действительно очень большая беда — и санкции, и антисанкции, которые становятся все более чувствительными для нашей экономики. Они, безусловно, вредят нашему экономическому развитию и не способствуют выходу из кризиса.

В современной России существуют две школы экономической мысли. Первая — это школа рыночного фундаментализма и правой либеральной философии. И вторая — это школа, я бы сказал, левой либеральной философии, которая придает равную ценность как частной инициативе, так и государственной активности. В результате того, что все-таки побеждает школа правой либеральной философии, мы получили тот капитализм, о котором я говорю, — капитализм асоциальный, без среднего класса, являющегося гарантией более или менее цивилизованного общественного развития. Я бы даже сказал, плутократический капитализм, где богатые слишком богаты, а бедные слишком бедны. Это архаичный капитализм. И наконец, мы получили общество, которое практически лишено политической конкуренции, а для меня как экономиста и многих людей это очень важно, хотя я не хочу вдаваться в политику.

Сегодня в мире есть две великие страны, которые так или иначе будут править бал в XXI веке. Это Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика. Они имеют разные ментальность, историю, традиции, культурно-исторические особенности, но они независимо друг от друга пришли к одному выводу, что какая бы умная, эффективная, мудрая политическая власть ни была в данный момент, она должна уйти через два срока. Это происходит и в США, и в Китае. Для нас это неожиданно. Мне как человеку, честно говоря, не очень любящему коммунистическую идеологию, грустно признать, что самые эффективные рыночные реформы проводятся именно под руководством коммунистической партии. Но это другая тема. Я говорю о том, что сегодня независимо от того, как бы мы ни относились к президенту и премьер-министру, мы видим заостренную структуру. Это блокирует

любое изменение экономической политики. И главное здесь, что проблема-то проста. Я знаю, что многие молодые люди говорят о том, что они свободны по духу, но политически индифферентны и пассивны. И я призываю вас всех превратиться из подданных в граждан. Это непросто. Надо изучать программы партий, ходить на партийные собрания, узнавать что-то новое. Меня сильно волнует то, что многие молодые люди говорят: «Нет, мы не пойдем на выборы, за нас уже давно все решили». Я на это отвечаю, что намного легче за вас решить, если вы не будете ходить на выборы.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Следующим выступит Анатолий Иванович Котов.

А. И. КОТОВ: — Я хочу искренне поприветствовать всех участников Лихачевских чтений, которые стали для Санкт-Петербурга традиционными. И для нас это очень важное, знаковое событие, потому что сегодня здесь присутствует большое число ведущих экономистов мира. Это практически заседание выездной секции экономистов Российской академии наук. Мы этим гордимся и полагаем, что вместе мы сумеем найти решение тех проблем, которые осветил в своем выступлении Руслан Семенович Гринберг. Сегодня у нас в стране сложилась проблемная ситуация. Это происходит давно — и на нашей памяти, как более взрослого поколения, и особенно на вашей, молодежи. Вы чувствуете клубок противоречий, которые сегодня характерны для экономического и социального развития нашей страны. И задача таких форумов — выработать подходы, способы, как из этого выходить, как наше будущее сделать более интересным и обнадеживающим. Я могу подтвердить, что проблемы внутреннего развития Российской Федерации возникли не сегодня и не вчера, а начиная с 2010 года, раньше, чем сложилась геополитическая ситуация на Украине. И проблемы касались прежде всего тех институциональных структурных проблем, которые сегодня присущи нашей экономике.

Приведу несколько цифр. Начиная с 2010 года — а это первый год после мирового кризиса, — темпы роста нашего ВВП неуклонно снижались с 4,5 до 0,7 % к 2014-му. Это было поступательное снижение основного интегрального показателя развития нашей экономики. Это говорит о многом. Конечно, проблемы нужно решать теми средствами, которые есть в наличии. Но мы должны четко понимать, что наша экономика сегодня безнадежно отстала и устарела, поэтому ее необходимо реформировать или, как говорит сегодня Всемирный банк, дефальсифицировать. Но, наверное, магистральные задачи в нашей экономике должна решать другая — инновационная — экономика.

Экономика знаний является высшим типом инновационной экономики. И мы должны к ней переходить, а для этого нужно понимать, что это такое, потому что без методологического понимания проблемы, события или явления ничего не получится. Сегодня мы много об этом говорим, более или менее системно занимаемся этой проблемой с 2005 года, когда появились институты развития, новые законы, а также были внесены

изменения в закон «О науке и государственной научно-технической политике». Так что предварительная работа проведена. Тем не менее целенаправленной системной государственной политики в сфере развития инновационной деятельности в России еще нет, поскольку те результаты, которые мы имеем, наглядно это подтверждают.

Далее более конкретно рассмотрим те признаки и показатели, которые характеризуют такую экономику. Но не сегодняшнюю, а ту, которая должна быть рано или поздно построена. Лучше рано, потому что иного выбора для развития у Российской Федерации, на мой взгляд, нет. И текущий момент как раз это доказывает. Сегодня много говорят о глобальных вызовах. Их несколько, и они всем хорошо известны, но сегодня это усугубляется текущей социально-экономической ситуацией в стране, которая действительно неблагоприятна. Но, изменив структуру экономики, направив ее по другому пути, мы, безусловно, можем рассчитывать на успех в будущем и нашей экономики, и страны в целом. Мне кажется, что у нас есть для этого все необходимые возможности.

Понятно, что в инновационной экономике первоочередная роль отводится инновациям и их внедрению. При этом инновационная деятельность предполагает освоение, создание новых видов конкурентоспособной продукции и глобальное усвоение мировых рынков. Это, в свою очередь, требует масштабного реформирования общественной экономической жизни и формирования экономики знаний. Отличительной чертой такой экономики является приоритетное развитие науки, образования и здравоохранения, а также высокотехнологичных и наукоемких секторов промышленности и сферы услуг. Надо отдать должное, что за последние годы в России предприняты существенные усилия по созданию условий для перехода на инновационный путь развития и построения экономики знаний. Значительное внимание было уделено разработке и функционированию систем разных показателей. Стратегические сборники, отчеты самых разных организаций наглядно свидетельствуют об этом. Вместе с тем они не дают достаточного представления о том, насколько наша экономика является инновационной и зависит от знаний.

В связи с этим я постарался привести наиболее характерные признаки, которые можно соотнести с этой экономикой: 1) экономическая свобода; 2) глобальная конкурентоспособность; 3) эффективно функционирующая инновационная система; 4) высокая активность участников инновационной деятельности; 5) решающая роль и значение человеческого потенциала (это очень важно, потому что человек является главным субъектом такой экономики); 6) преобладание в структуре экономики производства продукции и услуг инновационного характера; 7) широкое использование в экономике информационно-коммуникационных технологий (сегодня это у нас достаточно неплохо решается); 8) высокий уровень инновационного развития; 9) низкий уровень распространения коррупции.

Экономическая свобода характеризуется как отсутствие правительственного вмешательства или воспре-

пятствования производству, распределению, употреблению товаров и услуг за исключением необходимой гражданам защиты и поддержки свободы как таковой. Экономическая свобода — очень важный аспект. Можно отметить, что Россия в рейтинге занимает 143-е место из 178 и находится в 4-й группе стран с преимущественно свободной экономикой. Это очень важный фактор, который нужно учитывать в системе наших производственных экономических отношений.

Глобальная конкурентоспособность. По этому показателю мы поднимаемся на более высокий уровень, но пока медленно. Глобальная конкурентоспособность определяется Всемирным экономическим форумом как способность страны обеспечивать стабильные темпы экономического роста своим институтам. И здесь мы занимаем 53-е место из 144. О том, что есть некие тенденции к изменению ситуации, свидетельствует следующий признак — решающая роль и значение человека. Думаю, в последнее время все обратили внимание на подходы государства к вопросам образования, здравоохранения и вообще развития человека. Это иллюстрируют данные, которые опубликовал ряд средств массовой информации: Россия по развитию человеческого капитала заняла 26-е место (ранее в этом рейтинге мы занимали 51-е место). При этом образовательная система Российской Федерации была признана одной из лучших, но с особыми оговорками, где сказано, что в России существующая система обеспечивает широкий доступ к образованию, с одной стороны, но с другой — качество этого образования сегодня остается все еще низким.

Я бы хотел отметить еще один важный аспект, характеризующий экономику знаний, — это инновационная активность организаций. По данным статистики, за 2012 год указанный показатель для России составляет 10,3 %. В то же время аналогичный показатель для Германии — 70 %, для Канады — 65 %, для стран Восточной Европы — в пределах 20–40 %. Есть куда двигаться. Следующий не менее важный фактор — преобладание в структуре экономики производства продукции и услуг инновационного характера, основанного на знаниях. Здесь, по данным Минэкономразвития России, доля более высокотехнологичного сектора производства и сектора экономики знаний составляет в структуре валового внутреннего продукта 12 %. Доля валовой добавленной стоимости в ВВП США, ЕС и Японии составляет более 40 %. Также есть куда двигаться. Этот показатель говорит о том, что с 2005 года мы проводим достаточно активную инновационную политику, хотя, возможно, и не столь эффективную, потому что он заметно не меняется. Поэтому одна из задач — формирование такой политики, которая оценивала бы, насколько те ресурсы, которые мы вкладываем в развитие инновационной деятельности, правильно и эффективно используются.

Еще один очень важный для нас показатель, который характеризует экономику знаний, — это низкий уровень распространения коррупции. Конечно, не все отрасли могут этим похвастаться, и независимые опросы об этом свидетельствуют. Мы находимся далеко не на лучших позициях и являемся не лучшими участ-

никами этого процесса. Например, Сингапур за небольшой промежуток времени прошел колоссальный путь и в рейтинге по показателю отсутствия коррумпированности входит в десятку стран-лидеров.

Анализ способностей и особенностей экономики знаний и характеризующих их показателей позволяет сделать вывод о том, что отечественная экономика пока не соответствует этим требованиям. Необходимо введение серьезного комплекса мер по переходу на инновационный путь развития. И кстати, сама экономика знаний как некая оценка ситуации в той или иной стране тоже измеряется. И здесь мы находимся на 55-м месте из 146, уступая целому ряду западноевропейских стран, США, Японии и некоторым другим. Поэтому, полагаю, совместное стремление, понимание и осознание того, что это необходимо делать, — может быть, единственный путь изменения нашей жизни, что обеспечит нам решение этих проблем и достижение в дальнейшем высоких результатов. Я, во всяком случае, в это верю.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас к участникам нашей секции от имени Оргкомитета обратится Александр Сергеевич Запесоцкий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! От имени Оргкомитета хочу поблагодарить всех за участие и пожелать успехов в работе. Я бы хотел сказать об общем методологическом подходе, которым мы руководствовались при обсуждении роли и значения дискуссии по экономике. Мне представляется, и эта тема на Чтениях нами уже неоднократно поднималась, что очень важно переосмыслить роль экономики в нашей жизни. После завершения торжества марксизма в нашей стране прошло 25 лет, а мы так и не заметили положительных перемен в экономике. Наверное, мы невнимательно читали Маркса. Во всем мире «Капитал» за последние 2–3 года был переиздан общим тиражом более миллиона экземпляров, а у нас Маркса практически перестали изучать, даже в советское время его читали, на мой взгляд, недостаточно внимательно, в частности положение о базисе и надстройке. Представление об экономике только как о базисе несколько однобоко. Оно и Марксу не было присуще, а тем более многим другим выдающимся личностям, чьи воззрения лежат в основе новых экономических теорий. Тем не менее именно вульгаризированное представление Маркса об экономике стало основой постсоветского развития экономической системы в России.

Те, кто руководит нашей экономикой, всерьез считают, что она определяет все остальные отрасли в стране, что Министерство экономического развития самое главное и оно должно определять все, что происходит. В то же время игнорируются реальные связи экономики со всей остальной культурой. А экономика, как мы убеждены, является не изолированным от культуры явлением и не фундаментом построения культурной жизни, а одной из частей огромной макросистемы, относительно автономной и обособленной. Я бы даже взялся утверждать, что экономика — не просто

часть культуры, она зависит от духовной культуры, может быть, даже больше, чем духовная культура зависит от экономики. Сколько бы директора музеев ни просили денег на содержание, а Академия наук — на пожарную систему в книгохранилище, игнорирование невероятно мощного влияния культуры на реальную экономическую жизнь приводит к колоссальным ошибкам и деформации. Например, философы нам говорят, что всякие существенные преобразования экономики как минимум должны сопровождаться решительными преобразованиями культуры, а может быть, и преобразования культуры должны опережать развитие экономики. В этом смысле идеи таких наших «выдающихся» теоретиков, как Герман Греф, Анатолий Чубайс и другие, о том, что мы сначала укрепим экономический потенциал, а потом займемся проблемами культуры, являются основой сегодняшней неэффективности российской экономической системы.

Более того, мы удивительным образом видим продолжение этих ошибок в деятельности наших коллег Кузьминова и Ясина из Высшей школы экономики. Несколько лет назад они провели потрясающую конференцию, за огромные деньги пригласили зарубежных коллег, которые наверняка лучше знают экономику России. Конференцию назвали «Культура имеет значение». Казалось бы, можно порадоваться такой постановке вопроса, но все мы прекрасно знаем, откуда взялась эта фраза (тезис из сексологии «Размер имеет значение»). Думаю, вы понимаете, с чем в один ряд ставится культура. Такое сопоставление вряд ли правомерно.

Несколько западных профессоров, приехавших за десятки тысяч долларов нам объяснить, как надо жить, рассказывали, что вообще-то все реформы в России совершенно блестящи, блистательны. Только одна проблема: культура нашей страны недостаточно высока для этих реформ. Понимаете, наше население для них не подходит. Если к нам завезти население из некоторых других, более развитых стран, то эти реформы прошли бы великолепно. Просто надо убрать наше население, и все станет хорошо, либо дать ему возможность подметать улицы в благодарность за неплохую зарплату. На мой взгляд, мы должны очень серьезно исследовать возможности развития экономики в комплексе социально-экономического развития и разумно взвешивать различные факторы. Например, западные корпорации хорошо поняли, что лучшие менеджеры, окончившие Гарвард, не могут успешно работать в России, если до этого не соприкасались с нашей культурой и не понимают нашего менталитета.

Те же проблемы существуют во всем глобальном мире. Тем более что сейчас одновременно с глобализацией происходит регионализация. Колоссальным образом усиливается религиозный фактор, который на очень многие аспекты развития экономики накладывает серьезнейший отпечаток. И нам, конечно, все это надо учитывать при проведении наших исследований, иначе может оказаться, что мы не знаем, что исследуем и подсчитываем. Мы не знаем реального смысла нашей статистики и не понимаем, почему вроде бы правильные рецепты трансформации экономики и решения актуальных задач, работающие в других странах,

в нашей стране не дают положительного результата. Надеюсь, ваша дискуссия продолжит, так сказать, развивать, углублять наше понимание развития экономики и в рамках России, и в контексте глобальных процессов. Здесь собрались светлые умы российской экономической науки, которых мы благодарим за участие и от которых ждем новых результатов.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич. В Вашем обращении были подняты вопросы по существу. В связи с этим я хотел бы сказать несколько слов. И Руслан Семенович Гринберг в своем выступлении, и Александр Сергеевич сейчас затронули вопросы той дискуссии, которая ведется в последние годы и касается радикальных реформ в России. С начала 1990-х годов эти дискуссии носили не только внутренний, но и международный характер. Хочу отметить, что в 1994 году по инициативе американской стороны была создана Группа экономических преобразований. С американской стороны в нее входило очень много выдающихся деятелей, в том числе пять нобелевских лауреатов по экономике. Среди участников был знаменитый Джон Кеннет Гэлбрейт, отец нашего следующего выступающего. С российской стороны в группу входили в основном ведущие ученые — экономисты и не только, члены Российской академии наук и др. Такое международное сотрудничество было бы полезно и сегодня. Слово предоставляется Джеймсу Гэлбрейту.

Д. ГЭЛБРЕЙТ: — Прежде всего я хотел бы сказать несколько слов в ответ на выступление ректора Запесоцкого. Он отсылает нас к произведениям Маркса, несмотря на то что прошло уже много лет с момента их написания. Я являюсь не единственным профессором в Техасском университете, который рекомендует читать Маркса своим студентам. Но нас не так уж много. Думаю, не столь известным является тот факт, что в 1860-х годах Карл Маркс рассматривал возможность иммиграции из Германии в Техас, где собралось большое количество людей с такой же социальной ориентацией. Можно предположить, какой была бы мировая политико-экономическая история, если рассмотреть ее в контексте этого возможного решения.

Несколько лет тому назад мы пережили то, что в развитых странах называется глобальным экономическим кризисом. И этот кризис вызвал к жизни определенный вид мышления среди экономистов, который можно назвать бедностью и истощенностью экономической мысли. Это также подразумевает некое равновесие, некий баланс мировой экономики. И ответом на эту ситуацию в Соединенных Штатах было то, что экономисты хотели вернуться к докризисному благосостоянию, но этого не случилось. И возник вопрос: почему мы не смогли улучшить ситуацию как экономисты?

Я предположил, что существуют четыре фактора, которые нужно рассмотреть и проанализировать. Первый фактор — это стоимость ресурсов. Она в течение десятилетий, которые предшествовали кризису, была выше рыночной. И на самом деле это подняло уровень

налогов до выгодного. Второй фактор — это то, что мы теперь живем в мире, который гораздо менее безопасен с точки зрения возможного вооруженного конфликта в будущем. Я имею в виду, что стабильность холодной войны может быть заменена стабильностью другого рода, которую сейчас продвигает правительство Соединенных Штатов. Третий фактор — это рыночные изменения в направлении технологического развития, и в частности — к цифровому миру. В основном экономисты рассматривают это как улучшение стандарта жизни. Но те из нас, кто читал Маркса, знают, что это также ведет к уменьшению стоимости ресурсов и труда. При этом имеется в виду, что в начале кризиса было больше рабочих мест, чем в конце. И четвертый фактор — это качество различных институтов, в частности финансовых, которые во многих странах, в том числе в США, были в известной степени криминализованы. Во многих странах это описывается другими словами — «коррупция» или «финансовое нарушение».

Проблема заключается в том, что эти факторы отсутствовали в большинстве экономических моделей. И на сегодняшний момент нет подходов, которые давали бы возможность проанализировать или осмыслить их. Поэтому сейчас задача, которая стоит перед экономикой, экономистами, — осмыслить это разумно. Понимая при этом, что влияние этих факторов в разных странах будет различным, в зависимости от того, являются ли они производителями или потребителями чего-либо, например ресурсов; принимают ли они новые технологии, адаптируют ли их очень быстро или с задержкой; есть ли у них организации, которые защищают трудовую занятость населения; интегрированы ли они в глобальную мировую финансовую систему, которая борется с криминализацией и финансовыми нарушениями.

В Европейский Союз входят страны-потребители, высокоразвитые технологически и с хорошо развитыми финансовыми институтами. Что происходит в Европе? Архитектура экономики была введена в действие в период развития либерализма. Она возникла во время новой экономической системы и стала преобладать в ней. И части этой структуры включали очень строгие монетарные правила, которые превалировали, а также строгие правила, касающиеся фискальной системы, задолженности государства. Практически отсутствовали так называемые программы социальной солидарности. Таким образом, возникло противоречие между странами, которые создавали так называемый избыток или излишек, имеется в виду Германия, и странами, которые имели дефицит. Этот дисбаланс финансировался. Все это привело к тому, что страны Европейского Союза превратились в систему для решения экономических проблем, которые не могли быть разрешены в принципе. Это было финансовым шоком. В ответ Европейский Союз установил очень строгие правила в отношении стран, которые переживали кризис. Это было очень хорошим тестом эффективности данной политики. И этот тест был исключительно жестким по отношению к Греции — стране, в которой уровень безработицы превысил 25 %, а среди молодежи — 15 %.

По сути дела, эта ситуация была очень схожа с той, что возникла в Советском Союзе перед распадом. Одним из интересных явлений было то, что греческое население начало критиковать европейскую политику, что привело к переизбранию правительства в январе. И фактически это было восстание или протест разумной экономической доктрины или разумного экономического подхода по отношению к неразумному. Это тест на проверку адаптивности, гибкости и рационализма, который европейская система не может пройти. Я обращаю ваше внимание на отношение к определенным экономическим доктринам как к явлению морального порядка. Потому что все мы боремся за демократические ценности и за применение, использование рациональных принципов при решении экономических проблем. Пример, который я привел, относится к небольшой стране, тем не менее он имеет определенную символическую важность, на что мы должны обратить внимание.

Еще несколько слов о более глобальных проблемах. Я знаю, что в России, в частности на этом форуме, вопрос о взаимоотношениях великих держав всегда был и остается очень важным и актуальным: например, взаимоотношения с Соединенными Штатами, Китаем, Японией, странами Европы. Длительные взаимоотношения тоже могут быть предметом постоянного напряжения. Те из нас, кто работал с друзьями из России начиная с 1990-х годов, знают это. Например, опыт работы моего отца на самом деле еще более длительный — начиная с 1945 года, то есть уже 70 лет. Те из нас, кто наблюдает эти длительные отношения, должны понимать, что напряжение всегда возникает между ответственными элементами или частями системы и безответственными, которые существуют во всех наших странах и подталкивают нас к еще большей ответственности, к тому, чтобы мы продолжали работать вместе. Работать над тем, чтобы безответственные элементы не привели нас к катастрофе, которая может возникнуть вследствие безответственной слепоты.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Татьяне Петровне Николаевой.

Т. П. НИКОЛАЕВА: — Прежде всего разрешите поблагодарить за приглашение выступить на столь значимом форуме. Я впервые на Лихачевских чтениях и хочу сказать, что за всю свою жизнь такой концентрации академиков, вип-персон, политиков и других светлых умов, как сказал ректор Университета профсоюзов, я ни разу не видела.

В первой части своего выступления хочу прокомментировать некоторые идеи, высказанные вчера и сегодня. Если понимать буквально название и конференцию, и нашей секции, то я согласна с академиком Гринбергом, что такой ситуации неопределенности, в которой сейчас, как мне представляется, находится наша страна, я, наверное, тоже в своей жизни не испытывала. И в этом смысле глобальным вызовом для нашей экономики и для страны в целом я считаю следующее: за последние, пореформенные годы по периметру нашей страны, по крайней мере по за-

падной и южной частям границы, увеличивается количество военных баз. И увеличиваются группировки не самых недружественных, но таких напряженных сил, которые создают некоторую нервозность в развитии и реализации наших внутренних программ, как экономических, так и социальных. И тема моего выступления «Промышленная политика России как основа технологической безопасности» в каком-то смысле с этим связана.

Когда в начале 1990-х годов страна резко отказалась от одного типа экономического развития и перешла на другой, мы столкнулись с таким явлением, с которым в мирное время ни одна страна не сталкивалась. Это явление деиндустриализации экономики. Об этом много писал журнал «Экономист», который из нашей профессиональной литературы в наибольшей степени на это отреагировал. В последние 5–7 лет авторы, публиковавшиеся в этом журнале, ввели новый термин: для России в таких условиях необходима политика неоиндустриализации. Профессор экономического факультета МГУ Сергей Губанов, главный редактор журнала «Экономист», высказал такое мнение: в настоящее время промышленная политика России может быть реализована только путем проведения масштабной неоиндустриализации с помощью вертикальной интеграции. Я не буду расшифровывать эти термины. Они есть в журнале. Просто хочу сказать, что разделяю этот подход.

Еще хотелось бы отметить, что внешние вызовы, о которых вчера говорили некоторые выступающие, и в частности экономические санкции, не были бы такими страшными и опасными для нашей экономики, если бы материально-техническая база страны соответствовала определенным требованиям. Возможно, санкции не ударили бы так сильно, если бы мы сохранили собственную обрабатывающую промышленность. Делая ставку на внешнюю торговлю ресурсами и пренебрегая собственным обрабатывающим сектором, мы пришли к тому, что в настоящее время ни одна отрасль российской экономики и даже бытовая жизнь россиян не могут обойтись без западных товаров. Все мы знаем, что у нас и в быту, и на дорогах, и в жилищно-коммунальном хозяйстве доминирует западная техника. Когда началась Великая Отечественная война, многих отраслей промышленности в Советском Союзе не было, они были созданы с нуля. Одна из таких отраслей — фармацевтическая промышленность. К сожалению, в середине 1990-х годов мы ее почти полностью лишились.

Санкт-Петербург (в советское время Ленинград) — город, в котором обрабатывающая промышленность в той части экономики, которая называется реальным сектором, превышала 60 %. Львиную долю этого сектора составляла обрабатывающая промышленность, и в частности судостроение. В конце 1990-х — начале 2000-х годов судостроение в лице ее двух заводов-гигантов вдруг оказалось не у дел, масштабы производства в физическом исчислении упали на 2/3. В начале 2000-х, уже в период экономического подъема, Санкт-Петербург выиграл конкурс на строительство и поставку военных судов для Индии, доказав свою состо-

тельность тем, что у него была материально-техническая, научно-техническая и кадровая база. Но когда приступили к реализации проектов, вдруг оказалось, что реализовать их некому. За эти годы промышленно-производственный персонал сократился в разы. В этой сфере не стало квалифицированных рабочих, так что выполнять заказы было некому. Что произошло дальше? Часть этой работы была перепоручена Польше и Германии. И если принять за 100 % сумму заказа из Индии, в итоге на нас пришлось, по данным судостроительного завода «Северная верфь», примерно 15–18 %. Это я привела пример того, как, разрушив материально-техническую базу, мы оказались уязвимы по очень многим параметрам.

Для реализации промышленной политики нам нужно делать ставку на собственную обрабатывающую промышленность, потому что никто не поможет нашей стране создать конкурентоспособную экономику, как мы обольщались в начале 2000-х годов. Примерно то же по авиастроению. За короткий период российские авиаперевозчики переклонились с отечественных самолетов на «Эрбас» и «Боинг». Но за 2000-е годы ни одна российская авиакомпания-перевозчик не получила машин новее девяти лет. То есть самолеты, которые мы получили из западных стран, были старые. Зато начиная с первой половины 1990-х годов мы в разы сократили производство собственных гражданских самолетов. На момент распада Советского Союза, примерно в 1992 году, мы производили в общей сложности порядка 150 гражданских самолетов в год. А где-то в 2009-м мы произвели порядка 15–18 гражданских самолетов разного класса. Почувствуйте разницу. На момент распада Союза нам принадлежала треть мирового рынка гражданских самолетов, а сейчас эта отрасль просто сдана.

Хочу подчеркнуть мысль, что в условиях западных санкций, наверное, нет других способов спастись от них или просто сохранить национальную экономику, кроме как идти поступательно вперед и делать ставку на собственную обрабатывающую промышленность, прежде всего на машиностроение. Но для этого, помимо каких-то ресурсных факторов, нужна политическая воля, последовательная промышленная политика. Как ни странно, у нас такая политика ни в 1990-е, ни в 2000-е годы не проводилась. С теоретической точки зрения подчеркну, что отдельные действия исполнительных органов власти по реагированию на вызовы времени не есть последовательная политика. Политика — это прежде всего такие действия государства, которые подкреплены юридически. А это значит — одновременная совокупность действий документов, которые, с одной стороны, придают легитимность действиям хозяйствующих субъектов, а с другой — служат гарантией, некой платформой для уверенности инвесторов, в том числе потенциальных, причем как собственных, так и иностранных. И, кроме того, эта юридическая платформа создает некоторую базу для того, что если сменяются руководители, то предыдущие действия хозяйствующих субъектов не будут признаны неправомерными, нелегитимными или вредными.

Перечислю эти документы. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» принят 31 декабря 2014 года, а действовать начнет через полгода — с 1 июля 2015-го. Как ни странно, казалось бы, очевидная необходимость, но не было этого закона. Второй документ — Концепция промышленной политики в РФ. Эти акты последовательно связаны: если нет закона, то нельзя принять концепцию; если нет концепции, то не могут работать логические программы. Один важный момент: у нас в сфере промышленного производства в первой половине 2000-х годов действовало порядка 46 федеральных целевых программ. Часть из них локальные, отраслевые, часть — межотраслевые. Более или менее комплексной была программа «Национальная технологическая база Российской Федерации». Она принималась дважды: на 2001–2006 и 2007–2011 годы. Действие программы закончилось, судя по тому, что ухудшается товарная структура российского экспорта и импорта. Из этого можно сделать вывод, что эти программы были не очень успешны.

В заключение отмечу, что на фоне положительного сальдо торговли России товарами у нас отрицательное сальдо по статье «Торговля технологиями», по крайней мере такая ситуация наблюдалась в 2012 году. Это говорит о том, что у нас увеличивается разрыв между абсолютными величинами экспорта и импорта машин и технологий, что говорит не в нашу пользу. Отсюда вывод: результативность промышленной политики не может быть хорошей, благоприятной, достаточной, пока мы не займемся этой рутинной работой. Нужно заниматься своим реальным сектором не эпизодически, не как отдельными действиями, а должна быть разработана долговременная концепция и приняты действия, направление которых не менялось бы в зависимости от смены руководителя того или иного сегмента.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Тамашу Бауэру.

Т. БАУЭР: — Уважаемые коллеги, я являюсь гражданином Венгрии и долго работал в Германии, поэтому смотрю на все проблемы с этой точки зрения. Тематика нынешней конференции — это взаимоотношения национального интереса с глобальным процессом. Мы здесь остановимся на экономическом аспекте. Это не новая проблематика. Ректор Запесоцкий рекомендовал нам обратиться к Марксу, я так и поступлю. Итак, что об этом сказал Маркс? Он свою теорию прибавочной стоимости, согласно которой при капитализме у одной стороны постоянно увеличивается богатство, а у другой — нищета, перевел на международную арену и сказал, что на одной стороне у развитых индустриальных стран постоянно растет богатство, на другой стороне у колоний — он проанализировал это на примере Индии — нищета. Это противопоставление богатых стран и их бедных колоний имеет количественный аспект: одни обогащаются, а другие всегда более бедные. Оно имеет и качественную характеристику: развитые индустриальные страны — поставщики продукции,

обрабатывающей промышленности, а колонии, полуколонии и даже страны европейской периферии — это поставщики сырья, топлива и сельскохозяйственной продукции. Это мы знаем из экономической истории.

Интересы одних и других стран противоположны. Ответом на такой опыт уже в XIX веке был протекционизм. И самая экстремальная форма протекционизма — социалистическая индустриализация в Советском Союзе и монополия внешней торговли. Тогда предполагалось, что свободная торговля служит интересам богатых, ведущих стран, но выступает против бедных колоний и полуколоний, периферийных стран. Я хочу обратить внимание, что в последнее десятилетие XX и в начале XXI века это положение существенно изменилось. В свое время известный венгерский экономист Бела Балашша указывал на то, что из стран Латинской Америки более успешно развиваются те, которые отказались от протекционизма, а его сторонники являются более слабыми.

Для нас, жителей бывших социалистических стран, особенно важным является опыт трансформаций. Что же показывает опыт стран Центральной и Восточной Европы? Через 20–25 лет трансформаций наши страны — я имею в виду бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы — открыли свою экономику и хотели присоединиться к Западу. Но результат был не тот, о котором писал Маркс, а именно о приближении. Если большинство этих стран, таких как Польша, Словакия, Прибалтика, в начале трансформации по национальному уровню валового внутреннего продукта на душу населения составляли примерно одну треть среднего по Евросоюзу, то теперь у половины и больше произошло приближение в количественном плане. Еще более интересно то, что в качественном смысле произошло резкое изменение. Если до трансформации во внешней торговле этих стран с Западом преобладали сырье, топливо и сельскохозяйственная продукция, то теперь у них такая же структура внешней торговли, как у самых развитых стран, — и в экспорте, и в импорте преобладает продукция обрабатывающей промышленности.

Еще более потрясающим является тот факт, что самая большая страна реформ — это Китай. Что случилось в Китае? Если ВВП на душу населения Китая в начале трансформации 1980 года составлял 2 % от такого же показателя США, то теперь это 20 %. То есть произошло резкое приближение к уровню развитых стран, а не отставание, как это предполагалось 100 или 200 лет назад. Что касается структуры внешней торговли Китая, если раньше он был экспортером сырья, топлива, сельскохозяйственной и промышленной продукции самого низкого качества, то теперь продукция обрабатывающей промышленности составляет 90 % китайского экспорта, а продукция общего и специального машиностроения — более 45 %¹. Приближение как в количественном, так и в качественном смысле означает: если у Маркса национальные интересы слаборазвитых стран противопоставлялись интересам развитых стран, то в условиях глобализации прослеживается сходство интересов всех стран. Это существенное изменение.

¹ URL: <http://www.vlant-consult.ru/information/board/372>

Чем это объясняется? Во-первых, свободной торговлей и для стран Центральной и Восточной Европы, и для Китая. Еще для Китая и, можно добавить, Вьетнама характерна либерализация внешней торговли. Во-вторых, и страны Центральной и Восточной Европы, и Китай, и Вьетнам взяли курс на импорт капитала. Самым мощным толчком приближения был импорт западного капитала, потому что это импорт самых развитых технологий и знаний. Самый важный — это импорт знаний. Ключом количественного и прежде всего качественного приближения является свобода — свобода торговли, движения капитала.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Следующий докладчик — Людмила Федоровна Лебедева.

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА: — Уважаемые коллеги, мы, гости, всегда очень благодарны Университету, организаторам за проведение Лихачевских чтений. Но сегодня Александр Сергеевич Запесоцкий, как главный вдохновитель форума, особенно удивил меня как экономиста. Дело в том, что в трех словах, которые он сказал, вспомнив Маркса: «Экономика — это не только базис», заключается очень большой смысл. Он в ближайший период будет занимать очень многие ведущие умы, которые будут работать и думать, как совместить политические, экономические интересы для того, чтобы выработать новые правила игры, о чем в самом начале говорил Руслан Семенович Гринберг. И пока эти новые правила игры не будут выработаны, а процесс это исключительно сложный в политическом, экономическом, философском и культурологическом плане, каждая страна пытается приспособиться к новым вызовам, новым условиям и внешнего, и внутреннего характера, и у каждой страны они свои.

Мы все — не только исследователи, студенты, но и жители России — за прошедший год поняли, как экономика может использоваться в политических целях. Экономические санкции становятся орудием достижения политических целей, но без экономического фундамента, а сегодня еще и без научно-технологического, мечтать о том, что Россия или какая-нибудь другая страна сможет использовать это как орудие для достижения своих целей, в общем-то, бессмысленно. Поэтому сегодня я предлагаю рассмотреть основные моменты, как чувствуют себя Соединенные Штаты Америки и что они делают не во внешней, а во внутренней политике. Внутриэкономическая социальная политика государства является очень значимым фактором формирования той экономической и технологической мощи, о которой мы все говорим. ВВП ведущей страны мира в текущем году превысил 17 трлн долларов, но государственный долг уже больше этого показателя. Это примеры последних лет, начиная с 2013 года. Расходы бюджета самого высокого уровня — 3 трлн 800 млрд долларов, что составляет 21 % американского ВВП. Это значительно меньше, чем относительные показатели по Европе, но американский ВВП сравним с общеевропейским, я имею в виду Европейский Союз.

Выплаты только процентов реально идут в минус, расходы уже достигают 230 млрд долларов. Чтобы вы могли понять и сопоставить, поясню: все расходы на науку в текущем году из федерального бюджета составляют 135 млрд, то есть в перспективе эти выплаты грозят ограничить финансирование других статей бюджета. 70 % федерального бюджета идет сейчас на так называемые человеческие ресурсы. Эти отголоски рузвельтовской эпохи сейчас испытывает американское государство, и хотя социальная направленность считается в Америке более ограниченной, чем в Европе, тем не менее в бюджете это 70 %. И очень многие не только публицисты, но и исследователи говорят, что Америка обязана таким раскладом бэби-бумерам, которые стали выходить на пенсию и в результате «съедают» весь бюджет. Доля правды, безусловно, есть, и проблемы пенсионного обеспечения в Америке стоят так же остро, как перед любой другой страной. Но обратите внимание, пенсии — это четверть расходов федерального бюджета, здравоохранение приближается к 30 %, доля образования увеличивается. И все эти цифры я привожу, чтобы показать, что с конца XX века Америка вновь задумалась о личной ответственности на всех этапах жизненного пути. Среди последних инициатив президента Барака Обамы — укрепление среднего класса как системной экономической, социальной силы, которая, собственно, и должна вести Америку в светлое будущее. Но речь идет не о помощи. Сейчас на социальную помощь из бюджета идет всего 10 %, по американским меркам это не так много, но суть в том, что американское государство пытается проводить политику таким образом, чтобы каждому индивиду становилось выгодно делать выбор, который полезен государству и общему развитию.

Я поясню на простом примере. Речь идет не о том, как говорят японцы, чтобы поймать рыбку и накормить голодающих, а о том, чтобы дать удочку и научить ловить рыбу. А что это означает в современных условиях? Это означает, что образование, здравоохранение в Америке поставлено на экономические основы. То есть каждый человек не просто должен хотеть быть высокообразованным, это не хобби, не стремление достичь какого-то мифического общества, это должно быть жизненно необходимой экономической потребностью. Не будет образования определенного уровня — не будет профессиональной подготовки, а значит, не будет работы. Наша молодежь, естественно, связывает Америку со свободой рынка труда как движущей силой. Все замечательно, но чтобы войти в этот рынок, нужно удовлетворять его потребности. И 80 % совокупного американского дохода составляют не доходы от бизнеса, не дивиденды — это достоверные данные американского Госдепа, Министерства финансов, — а трудовые доходы и доходы пенсионеров, которые получены в результате трудовой деятельности и выплаты соответствующих взносов.

Так что Америка — это не только бизнес, но и огромная армия трудящихся, которым в нынешних условиях становится, естественно, все тяжелее, занятость становится все менее защищенной, и в целом большая ответственность переносится на самих граждан.

То есть на сегодняшний день после реформы 1996 года, когда закон обязал трудоспособных реципиентов трудиться, все построено следующим образом. Расходы на человеческие ресурсы в середине XX века всегда росли, их пик пришелся на кризисный год. Дело в том, что сейчас уровень и относительно ВВП, и относительно всех бюджетных расходов сохраняется. Почему? Потому что государство таким образом стимулирует граждан переходить на самообеспечение и реализовывать свой потенциал. Если семья из четырех человек имеет доход менее 24 тыс. долларов в год, то есть порядка 2 тыс. в месяц, значит, она получает дополнительно все пособия.

И надо отдать Америке должное: все, кто может работать, — работают, но если случается так, что человек становится инвалидом, то законы не нарушаются, и больные не подвергаются секвестрам, сокращению финансирования в течение 80 лет. Но если ты трудоспособен, то будь добр в течение пяти лет получить образовательную подготовку, поступить на курсы, сменить род деятельности. В это время твои дети считаются самыми малоодоходными и малоимущими слоями населения или, по-американски, беднотой, поэтому их устраивают в бесплатный детский сад. Следующий этап — школа. Школы находятся в ведении штатов и местных органов власти Соединенных Штатов. Есть школы государственные, есть частные, в общем, любые, но дело в том, что если по каким-то причинам семья, например, не отдает ребенка в школу, то это отслеживается, даже в отдаленный поселок за ним посылают автобус, и он идет в школу.

Теперь о высшем образовании. Здесь уже присутствует чисто экономический стимул. Есть разные схемы: сначала человек получает какие-то гранты, ссуды, пособия и потом выплачивает их; если он хорошо учится, то ему выплачивают стипендию. Сейчас стоит вопрос о том, чтобы дети из семей с низким достатком, которые поступили и успешно учатся, постоянно получали материальную поддержку. По поводу трудоспособных лиц понятно: растут затраты на профессиональную подготовку, обучение и т. д. Далее, когда люди поступают на работу, и даже немножко раньше — в период обучения, они задумываются о том, как будут содержать семью, на что строить дом. Это решается за счет трудового дохода, ипотеки, кредитов и т. д. В 20 лет они уже думают о том, какая будет пенсия. И что делает сейчас американское государство? Восемьдесят лет существует государственная распределительная система, которая, как говорят, ведет американский бюджет к краху.

Что же делают американцы с пенсионерами? Да, они сохраняют все гарантии, что уже есть, и прежде всего для низкодоходных групп населения. Но одновременно практически каждый год принимаются новые поправки о стимулировании так называемых индивидуальных накопительных счетов. В чем здесь фокус? В том, что стимулируются не просто накопительные счета, а накопительные счета с фиксированными взносами. То есть ответственность за соцобеспечение на пенсии переносится на самих пенсионеров. Удачно инвестируешь — прекрасно, может быть, будешь

миллионером на пенсии, неудачно — тогда государственная система пенсионного обеспечения даст тебе 1,3 тыс. долларов в месяц. По американским масштабам это немного, потому что очень высокая доля бюджета идет на расходы на жилье. США, как известно, страна эмигрантов: приехали, что-то здесь не получилось, что-то в бизнесе не сложилось — и не выходит заработанная пенсия 1 тыс. долларов. Это уже черта бедности. И тогда вступает в силу закон, который я бы назвала священным, — это закон о социальном обеспечении, устанавливающий гарантированный доход пенсионерам, инвалидам и слепым. Эти категории населения в принципе не могут иметь доходы меньше 1 тыс. долларов. Если меньше, то доходы идут из федеральных средств, а следующая ступень — из средств штатов, муниципалитеты добавляют им эту разницу.

В заключение отмечу, что у США очень многому можно поучиться. И хотя мы привыкли воспринимать Америку как страну только личных возможностей, бизнеса и тому подобного, но мне хотелось бы напомнить о том, что в американских успехах в формировании экономического и научно-технологического базиса важную, иногда критически важную, роль играет государство. И последнее. Я сказала, что выплаты по процентам и госдолг уже являются экономическим механизмом, ограничивающим финансирование других статей. Уже почти вдвое больше Америка из федерального бюджета тратит на налоги. Если посчитать: 130 млрд долларов налогов из бюджета при общем бюджете 3 трлн 800 млрд будет не больше, чем в России в процентном отношении. И что получается? Что государство является критически важным для формирования того потенциала, который в принципе нужен сейчас всем странам.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас слово предоставляется Георгию Борисовичу Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Дорогие коллеги, по моему мнению, мы находимся в довольно сложном положении. Руслан Семенович начал свое выступление с того, что определил состояние, которое он сейчас ощущает, как неопределенность. Это правильно, но мне кажется, что это относится не только к экономической политике и состоянию реальной экономики, но и к теоретическим основам экономики. В эту неопределенность мы попадали дважды: сначала — когда покинули лоно марксизма, потом — когда отошли от ортодоксальной, или неоклассической, или неолиберальной экономической теории. Эта неопределенность усиливается нашим неопределенным представлением об окружающем мире, о том, что мы с вами изучаем.

Приведу простой пример. Что такое экономика? Мы все учим студентов, что этимология этого понятия связана с управлением домашним хозяйством, ведением домашнего хозяйства. Но что такое экономика в научном смысле? Определение, которое дал Лайонел Роббинс в 1935 году (мы его тоже цитируем в своих лекциях), говорит о том, что предметом экономики является распределение ограниченных ресурсов по альтернативным целям. Но только в этом определении

речь идет об аддитивных ресурсах. Но если мы имеем дело с таким ресурсом, как знание, о котором сегодня тоже говорилось, то это не аддитивный ресурс, так как сумма знаний, имеющихся у разных людей, не является аддитивной. И здесь уже это определение не подходит.

Что же такое экономика и какие отношения следует считать экономическими? Здесь мы волей-неволей должны вспомнить и Маркса, и других исследователей и попытаться ответить на вопрос: являются ли экономическими, скажем, отношения между мною и аудиторией в тот момент, когда я произношу эти слова? Или это какие-то иные отношения? В общем, это сложный вопрос. Мы, конечно, не можем пройти мимо этого вопроса, но это тема отдельного исследования, отдельной дискуссии. Мне кажется, что это позволило бы более четко сформулировать, чем именно мы занимаемся, какова связь экономики и культуры в узком и широком смысле обоих определений. Вы знаете, что те, кто обогатил нас словом «экономика», примерно в то же время ввели и другое понятие — «хрематистика», которое сейчас не выделяется отдельно, тем не менее вопрос отделения бизнеса от экономики в узком смысле стоит очень остро. В общем, здесь широкая сфера для наших исследований и большая неопределенность.

Слушая выступления докладчиков пленарного заседания, я обращал внимание на различие понятий, которыми они пользуются. От докладчика к докладчику смысл таких понятий, как «нация», «национальные интересы» и тому подобные, менялся. В этих условиях спор и сопоставление позиций затруднено. Как мне кажется, одна из основных исследовательских задач, которая стоит в сфере общественных наук, в том числе и культуры, и культурологии, и экономики, — это уточнение и определение. Мы говорим с большим возмущением о разных аспектах, но сопоставить эти взгляды трудно, поскольку они относятся порой к разным предметам.

На мой взгляд, эволюция экономики западных стран и эволюция экономики России идут в противоположных направлениях, не во всех аспектах, но в одном, который мне представляется чрезвычайно важным. Когда мы в 1990-е годы переходили от социализма к сегодняшнему строю, мы провозгласили и реально проводили курс на коммерциализацию всего — науки, искусства, литературы, всего, чего угодно. Насколько это соответствует глобальным тенденциям западных стран, на которые мы ориентируемся и за которыми не можем не наблюдать? Мне кажется, что мы движемся в противоположном направлении. На Западе распространены такие явления, как отказ от крупных состояний, что сейчас часто наблюдается в Америке; аутсорсинг, когда люди отдают свои деньги на проекты, которые к ним, в общем, не имеют никакого отношения; волонтерство, когда люди жертвуют своим временем; защита природы, на которую тоже дают деньги, и т. д. Даже я бы сказал — политические моменты, которые часто нарушают коммерциализацию. В общем, надо относиться к этому явлению не как к исключению из коммерциализации, а как к расширяющемуся действию. Политкорректность, порой гипертрофированная политизация — все это находится за пределами коммерции

и очень существенно меняет не только наши представления, а ракурс нашего видения, что мы видим, а что не видим в западной экономике.

А мы продолжаем двигаться в сторону коммерциализации, и ученые, преподаватели знают это лучше других. Речь по-прежнему идет об отдаче науки в коммерческих показателях; о том, что образование — это услуги, которые оказываются студентам и должны быть оплачены услугополучателями; о коммерциализации медицины, искусства. Предложения, которые поступают от Министерства финансов РФ, касаются сокращения бюджетов театров, музеев и т. д. Мы идем своим путем, который начали и с которого по каким-то причинам сойти не можем или не хотим. К чему это все ведет? Мы наблюдаем проблемы оптимизации науки, так называемые сокращения, проблемы слияния вузов, мы видим, что творится с медициной, мы видим и такие более глубокие вещи, как сокращение горизонта планирования. Находясь, например, в коммерческой сфере, невозможно планировать что-то на долгий срок. И неслучайно стратегическое планирование, которое, в общем-то, пришло к нам с Запада, — это тоже элемент некоммерциализационной сферы.

Что такое миссия, какое она имеет коммерческое содержание? Никакого. Миссия — это качественное содержание, предназначение конкретной организации. Потом она может быть расформирована на коммерческие показатели, но изначально нет. У нас идет отказ от всего некоммерческого, а это приводит к сокращению горизонта планирования, появлению инноваций, которые трудно назвать достойными. Мой коллега профессор Варшавский эти инновации, которые хотелось бы назвать вредными, называет проблемными, когда, например, ради снижения стоимости в рецептуру пищевых товаров вносится то, что вообще не подлежит приему в качестве пищи. И у него много других примеров такого рода. Дальше, увлечение рейтингоманией — это то же самое одномерное восприятие действительности, попытка все свести к одной шкале, к одному показателю. Я думаю, что эти примеры каждый мог бы продолжить.

В заключение отмечу, что многие проблемы сегодня озвучены, но проблема декоммерциализации нашей экономики является одной из основных. Она сложна, охватывает всю толщу экономики, включая концептуализацию, систему показателей, политику, которая строится на этих показателях. То есть эта проблема действительно касается плоской или нелинейной шкалы налогов, частного случая, и это важный вопрос, но он касается одного уровня, одной сферы. А когда мы говорим о декоммерциализации, то охватываем и всю толщу экономической жизни, и науку, и политику, и реальное хозяйство. Проблема декоммерциализации стоит остро. Значит, можно сказать и представить себе, что нужно делать. И для меня особенно важно, что, на мой взгляд, одномерная теория монетаризма, все сводящая к деньгам, может быть заменена теми достижениями, которые сегодня предоставляет нам культурология. И типология культурных архетипов, и типология культурных влияний, и ценностные измерения — все это может стать основой новой экономической науки.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Следующий докладчик — Ирина Георгиевна Хангельдиева.

И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА: — Прежде всего хотелось бы поблагодарить организаторов Лихачевских чтений. С именем Дмитрия Сергеевича Лихачева очень многое связано в нашей стране. Это фигура, которая никогда не померкнет в истории национальной культуры. Что касается факультета, который я представляю, то название может показаться парадоксальным — предпринимательство в культуре, но, я считаю, оно логичное, потому что заставляет думать прежде всего о том, что культура, попав в рыночные отношения, не должна оставаться «золушкой» и у нее должны быть свои инструменты для того, чтобы она не просто выживала, а действительно процветала. Сказать о том, что она процветает, мы не можем. Но ситуация, которая складывается на сегодняшний день под влиянием глобализационных процессов, как ни странно, в каких-то моментах дает нам надежду на то, что стакан наполовину полон, а не пуст. Есть позитивные моменты, которые чрезвычайно важны. На пленарном заседании академик Степин говорил о том, что надо уметь договариваться. А это проблема, и в условиях, когда чрезвычайно много субъектов участвуют в решении каких-то вопросов, надо действовать, как в известной песне: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

Абдусалам Гусейнов говорил о национальных и наднациональных интересах, что есть противоречия между ними и что наднациональное становится более активным на сегодняшний день. Так вот если говорить об искусстве, то оказывается, там нет такого острого противоречия, потому что, например, когда «Метрополитен-опера» ставит «Евгения Онегина» и собирает лучшие силы мира, начиная от режиссера и включая исполнителей, — это плюс русской культуре. Она начинает возвышаться в мире, получает дополнительный стимул к своему развитию. Александр Сергеевич Запесоцкий говорил о производстве смыслов (он не сказал такую фразу, но я для себя так интерпретировала), что ложные смыслы возникают тогда, когда производится некий смысл, который дорого стоит, а по сути ничего не значит. Но искусство в этом отношении отличается в положительную сторону, потому что всегда производит очень важные смыслы. Другое дело, что интерпретация их может быть разной. Например, мы можем принимать экспериментальную интерпретацию «Евгения Онегина», а можем не принимать, у режиссера, постановщика или дирижера могут быть одни представления, у нас — другие.

Хотелось бы еще сказать о том, что производство смыслов для искусства и культуры чрезвычайно важно. То, что говорил сегодня профессор Клейнер о глобальном, о взаимоотношениях глобального и локального, для искусства и культуры тоже имеет колоссальное значение. Например, проводятся два знаменитых театральных фестиваля — в Гамбурге и Вене, и участвующие в них театры могут объединиться для того, чтобы сделать только один проект. Глобализация — процесс всемирной экономической, политической, культурной интеграции. Но существует интеграция, с одной сторо-

ны, как взаимодействие, а с другой — как унификация. Всегда в культуре говорят: унификация — это плохо. Но есть какие-то моменты даже в театральной постановке, когда унификация — это хорошо, есть стандарт и есть логистика, и вы можете привезти свои декорации, сделать какие-то вещи, которые будут стоить значительно дешевле. Интеграция — процесс объединения, кооперация — это форма организации труда, унификация — приведение к единообразию.

Что заставило музыкальные театры мира идти в кооперацию, объединяться? Изменение структуры потребностей, избыток предложений досуговой сферы, рост конкуренции со стороны других сегментов исполнительского искусства, прежде всего массового искусства. Что касается проблем, то это не только финансы, но и нехватка креативных идей, и организационные трудности, которые тоже надо решать. Так вот благодаря кооперации музыкальные театры мира экономят от 40 до 70 % расходов на постановки новых спектаклей. Творческая продукция на сегодняшний день чрезвычайно актуальна. Почему? Потому что всем не хватает ресурсов, потому что 50 % репертуара должны меняться каждый год, а это значит, что от 4 до 6 спектаклей должны быть новыми, а стоит это в Европе 70 тыс. евро. И ни один оперный театр не может потянуть такие расходы, он просто умрет. Это болезнь издержек, которая была уже описана. Предпосылки творческого взаимодействия были всегда: это гастроли, приглашения, фестивали, мастер-классы и т. д.

Приведу один пример: вокальный спектакль «Зимний путь» на музыку Шуберта. В премьеру 2014 года участвовали: фестиваль Экс-ан-Прованс, Венская фестивальная неделя, Голландский фестиваль, Линкольн-центр, Опера города Лилля, Фестиваль развлечений и искусств, театры Люксембурга, Франции, Голландии, Австрии и др. И это для того, чтобы поставить только один вокально-музыкальный спектакль на 40 минут. Бестселлер «Риголетто», «Пиковая дама», которую недавно поставил Додин в Большом театре, — это все копродукция. Еще одна очень интересная, даже фантастическая вещь — это аренда спектаклей в музыкальных театрах. Я провела короткий опрос среди деятелей искусства, режиссеров, актеров, экономистов и тому подобных: «Знаете про аренду в музыкальных театрах? Знаете про артотеки — аренду живописи?». И очень многие ответили: «Нет, не знаем». Вот, например, десять театров объединились, поставили «Евгения Онегина», и они могут использовать его бесплатно, а третьим лицам они отдают спектакль в аренду и получают за это возмещение, то есть они через этот механизм могут зарабатывать.

Конечно, у нас есть проблемы. Мы интегрированы — и Большой, и Мариинский театры, и театр им. Станиславского и Немировича-Данченко, и другие театры интегрируются, но возникают правовые разногласия, очень трудно заключать договоры. В Европе менее трудно. Почему? Потому что это еврозона, где есть общие законодательство, налогообложение, организационные структуры. Что касается организационных мер, у нас все театры в основном репертуарные,

за редким исключением, а на Западе существует система стаджионе. Что это такое? Это когда много раз идет один и тот же спектакль, а все солисты приглашенные. Ну и, наконец, финансы. Их собрать на Западе легче, чем у нас. Каковы же перспективы? Я думаю, что они есть и, в общем-то, должны быть положительно оценены. Но самое интересное, что я вижу в этом: мы внутри страны можем применять принцип копродукции, что мы делаем крайне редко или вообще не делаем. И больше у нас получается копродукция с западным партнером, чем в России.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Эдуарду Эдуардовичу Полетаеву.

Э. Э. ПОЛЕТАЕВ: — У меня есть информационный повод для этого выступления: 8 мая 2015 года в Евразийский экономический союз вступила Киргизская Республика, так что уже пять государств являются его членами, а это самое молодое интеграционное объединение в мире, имеющее огромный потенциал экономического развития. Во всяком случае по размеру территории и наличию огромного количества природных ресурсов это самое крупное объединение. При этом население составляет чуть более 180 млн человек. Понятное дело, что те центры мирового влияния, которые находятся в Америке и Европе, не сторонники такой диверсификации, они сторонники свободной торговли, благодаря которой, скажем так, перспектив развития у местных производителей не существует, потому что эти сторонники всегда экспортируют свои товары, услуги в глобальном масштабе. И те страны, которые идут на поводу у сторонников свободной торговли, естественно, могут экспортировать только рабочую силу.

Лидеры стран Евразийского экономического союза эту ситуацию понимают. Нам надо выходить из нее и уходить от сырьевого мышления, статуса сырьевых государств, надо развивать промышленное производство. И наше экономическое объединение должно этому способствовать. Прошло чуть более пяти месяцев с момента создания договора, а его подписание — процедура, требующая достаточно большой подготовки. Было проведено огромное количество встреч, предварительно подписано около 700 документов, то есть это не просто бумажка, которую сели и подписали несколько президентов, а были споры по многим пунктам, включенным в этот договор. Некоторые были изъяты. В частности, Казахстан, представителем которого я являюсь, акцентировал внимание на том, чтобы в Евразийском экономическом союзе переговоры носили исключительно экономический характер, и некоторые политические пункты договора благодаря настойчивости Казахстана были изъяты из проекта.

Я послушал некоторых докладчиков и услышал очень много пессимизма в их докладах, особенно у российских участников. Я сторонник все-таки позитивного образа мышления и надеюсь на перспективу, что все будет хорошо. Но на самом деле проблема в том, что в северных государствах, к которым относятся и Россия, и Казахстан (Астана — это самая

холодная столица в мире после Улан-Батора) с резко континентальным климатом, очень много пессимизма в общественной и политической жизни. Не случайно в рейтинге стран — лидеров по количеству самоубийств на 100 тыс. населения как раз доминируют северные государства. В России, насколько я помню, это Республика Карелия, иногда первые места занимают Финляндия и Литва, несмотря на то что в той же Финляндии уровень жизни достаточно высокий. Почему так происходит? Потому что мало солнца, а меньше солнца — больше депрессии. Под Хельсинки на одном из заводов по производству светодиодного оборудования несколько лет назад был изготовлен очень эффективный продукт — искусственное солнце, которое устанавливали на окна, чтобы в комнате был эффект не электрического, а солнечного света. И этот продукт в то время пользовался достаточно большой популярностью у покупателей.

Что мы видим к югу? Да, южные люди более счастливы, более плодовиты, им не надо думать о том, как одеться потеплее зимой, как обогреть свое жилище, соответственно они становятся менее конкурентоспособными, потому что в принципе на юге можно жить, как в Индии, скажем так, не заботясь ни о чем. Фрукты растут, тепло одеваться не обязательно и т. д. Но южные государства демонстрируют все-таки низкий уровень конкурентоспособности и в целом низкий уровень жизни. Есть, конечно, исключения. Скажем, в Черной Африке самые богатые области по уровню ВВП — это Габон и Экваториальная Африка. Но это исключение связано с тем, что там есть нефть, а, как мы знаем, для обслуживания большой нефтяной вышки много людей не нужно. В Экваториальной Африке живет менее миллиона населения, в Габоне — чуть более миллиона. А в целом такие государства, как, допустим, в Азии Бангладеш, Индия, и ряд стран Черного континента все-таки демонстрируют не очень хорошие перспективы развития.

Давно уже в международных отношениях есть такое понятие, как «страны-банкроты», например, к ним относятся Мозамбик, Центральнаяафриканская Республика. Это государства, которые могут продать только недвижимость или, возможно, полезные ископаемые, они просто-напросто не в состоянии рассчитаться со своими долгами. И поэтому развитые государства, международные организации периодически списывают долги, потому что понимают, что деньги эти страны не отдадут при всем желании. Поэтому нам, конечно же, нужно думать о том, чтобы развивать нашу экономику самостоятельно, не ориентируясь на иные центры влияния, и демонстрировать собственную, конкретную способность.

Какие еще проблемы я вижу? В мире сейчас сложилась серьезная ситуация негативного характера, на мой взгляд, связанная с тем, что государства фактически делятся на новых хозяев и новых рабов. В развитых странах исчезает рабочий класс, то есть фактически Запад продуцирует только идею, а ее выполнение, осуществление происходит на заводах Юго-Восточной Азии, Китая. И в России примерно такая же ситуация. Большая проблема связана с тем, что разрушена система

профессионально-технического образования. Это характерно и для Казахстана, и для других стран СНГ, все хотят получить высшее образование, а столько специалистов нашим экономикам не нужно. Сейчас ситуация такова, что получение высшего образования — это акт социализации человека, путь во взрослую жизнь, хотя в советское время таким актом социализации для юношей была служба в армии, а для девушек — получение профессионально-технического образования в техникумах или училищах.

Куда девать столько специалистов и кто будет работать? Россия тоже постепенно превращается в страну господ. Это, вероятно, хорошо и престижно, потому что большую часть неквалифицированной работы делают гастарбайтеры из стран бывшего Советского Союза. Причем ситуация осложняется тем, что эти работники фактически являются генераторами экономик тех стран, откуда приехали. Если вдруг все они вернуться назад, там произойдет серьезная дестабилизация социальной ситуации, потому что, когда много молодых, здоровых людей остаются без работы, у них в головах начинают появляться революционные идеи. Значительную часть ВВП, а в некоторых странах до половины валового внутреннего продукта каждый год обеспечивают эти мигранты, которые получают деньги в России. Причем это достаточно существенные деньги на самом-то деле. То есть происходит деформация ситуации. Она заключается в том, что профессиональные сварщики, плотники, сантехники сейчас реально зарабатывают больше, чем специалисты с высшим образованием. И такая ситуация сильно деформирует понимание того, как нам надо развивать свои отечественные экономики.

Цель Евразийского экономического союза была взята из опыта Европейского Союза — это формирование условий для свободного передвижения капитала, услуг, товаров и рабочей силы, то есть так называемый принцип четырех свобод. При этом в истории интеграционных объединений трудно найти примеры успешного развития этих самых интеграционных проектов в условиях политической нестабильности. Во-первых, нет и не может быть универсального закона, по которому развивается интеграционное объединение; во-вторых, как только начинаются проблемы в экономике, каждая страна свои так называемые национальные интересы выставляет в приоритет, а о перспективах экономики забывает. Примеров тому много. После того как цена на нефть упала, в наших странах появилось очень много скептиков по поводу возможностей эффективного существования Евразийского экономического союза. Как только в еврозоне начались проблемы — сразу же появились разговоры о выходе из этой зоны то Греции, о которой мы сегодня много говорим, то ряда других государств.

Есть очень хороший пример, о котором мало кто знает, — это Восточноафриканское сообщество — объединение, по ряду принципов сильно напоминающее Евразийский экономический союз. Туда входят пять стран — Кения, Уганда, Бурунди, Руанда и Танзания. Оно уже в прошлом году подписало договор о единой валюте, о чем мы никак договориться не можем,

о свободном передвижении людей. Любой из граждан этих пяти стран может приехать в соседнюю страну без всякой регистрации, жить, работать там и т. д. То есть фактически это новый Советский Союз. И формировался этот союз в достаточно непростых условиях. В свое время между Угандой и Танзанией, например, была война, и союз не существовал определенный период времени. Но понимание пришло.

В заключение хочу сказать еще об одной важной, но противоречивой тенденции, которая существует в мире. С одной стороны, на политической карте мира появляется все больше государств. Если до Первой мировой войны их было менее ста, то сейчас их более двухсот. И, скажем так, есть перспектива, что Шотландия или Гренландия в ближайшее время станут независимыми. Возможна легализация и полное признание тех государств, которые считаются непризнанными, вроде Южной Осетии и Абхазии, или частично признанными. То есть желающие порулить всегда найдутся, и всегда появляются силы, которые хотят независимости, потому что в результате они получают власть, влияние и ресурсы. С другой стороны, растет тенденция появления интеграционных объединений, и сейчас их насчитывается до 400 в самом разном формате — начиная с торговых договоров и заканчивая такими объединениями, как Евразийский экономический союз, где предоставляются определенные преференции наднациональным структурам. И эта тенденция, на мой взгляд, будет сохраняться, потому что в условиях глобализации от нее никуда не уйти.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Александру Ивановичу Лученку.

А. И. ЛУЧЕНОК: — Уважаемые коллеги, я из Белоруссии и хочу сказать, что Российская Федерация неоднократно предлагала Белоруссии войти в свой состав разными способами — можно областями, можно целиком. Если не хотите входить сами, тогда введите российские рубли на своей территории. Белорусы не соглашаются, и в первую очередь исходя из своих национальных экономических интересов. Ну и главный, конечно, интерес, что мы хотим иметь свой рубль, который будет использоваться для стимулирования своего экономического развития. Мы хотим иметь сбалансированное развитие, но проблема в том, что для того чтобы обеспечить стабильный экономический рост, мы часто поддерживаем свои предприятия дополнительными эмиссионными кредитами. Естественно, когда происходит эмиссионное кредитование экономики, тогда ускоряются темпы инфляции. В результате мы хотим, чтобы инфляция не росла, но в то же время хотим обеспечить экономический рост.

В разные периоды времени национальными интересами считается то, что надо обеспечить: или более высокие темпы экономического развития, или стабилизацию экономики при низких темпах инфляции. Сейчас у нас период резкого ужесточения денежно-кредитной политики, что привело к тому, что реальный сектор экономики оказался в сложнейшей ситуации, потому что, как я уже говорил, он нуждается в дополнитель-

ном кредитовании. И на практике выяснилось, что надо учитывать не только национальные экономические интересы, но и интересы различных производственных групп. И мы были вынуждены в своих исследованиях ввести такое понятие, как «социальные макрогруппы». Когда анализируешь, как принимается первый вариант бюджета, потом в ходе воздействия лоббистских групп, которые мы красиво называем макрогруппами, он меняется, то становится ясно, что влияние этих групп достаточно сильно. У нас долгий период времени серьезную роль играл председатель Национального банка, который в то же время был и заслуженным строителем Республики Беларусь. Это привело к тому, что строительный комплекс очень активно кредитовался под минимальные проценты. Когда инфляция была высокая, а кредитные ставки составляли 100 и более процентов, то населению выдавали льготные кредиты под 3–4 %. Банки, естественно, не могли давать кредиты под такие проценты и разницу получали из бюджета. То есть четко проявилось влияние социальной макрогруппы «Строительный комплекс».

Но такое положение, конечно, долго продолжаться не могло, и с этим надо было как-то бороться и противодействовать. Как вы понимаете, есть официальные и неформальные нормы институциональной методологии. Возникла необходимость это как-то регулировать, то есть юридически, законодательно мы находились на уровне лучших мировых образцов, все правильно, но часто проблемы решались в рамках договоренностей между сторонами. И приходилось быть свидетелем, когда представители различных социальных макрогрупп между собой пытались договориться: здесь я уступлю, а ты по другой статье уступи при формировании бюджета. И у нас возникло такое предложение, что в создавшихся условиях всем надо договариваться.

Мы сегодня прослушали очень интересное выступление по поводу экономики знаний, что это очень хорошо, просто замечательно. Мы тоже за экономику знаний, за инновационное развитие, а денег на науку постоянно не хватает. Когда руководителем Академии наук Белоруссии был Михаил Владимирович Мясникович, который потом стал премьер-министром, нам было проще. Он влиятельный человек, умел «пробивать». Теперь, в других условиях, ситуация немного ухудшилась. Поэтому если мы будем говорить об экономике знаний, то в этом должны быть заинтересованы все. А в создавшихся условиях кто будет заинтересован в экономике знаний, когда проще добывать полезные ископаемые? Не случайно в свое время инновационное развитие получила Япония, которая ничего не могла продавать. Но в наших условиях все-таки необходимо больше внимания уделять науке и стимулировать ее развитие. Поэтому предлагается создать координирующую комиссию, в которую входили бы представители различных групп, чтобы они неформально или формально договаривались. Сейчас очень актуальны так называемые медиативные процедуры, когда люди реально договариваются с участием грамотных медиаторов. Конечно, подобное надо попытаться создать и в нашей стране.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном моменте. Руслан Семенович Гринберг сказал, что директивное планирование — это миф, но только не в Белоруссии. У нас жесткое директивное планирование. Но возникла проблема: эти показатели регулярно не выполняются, и уже появились идеи, даже проект закона о переходе на индикативное планирование. Я говорил с руководителями высокого уровня, как это будет работать. И мне объяснили: будем доводить индикативные показатели и строго спрашивать за их выполнение. Поэтому я объясняю, что нужно сделать, какие меры принять, что людей надо переучивать, бороться с неформальными установками. А чиновникам лучше, когда директивное планирование, — они доводят показатели и знают, что надо требовать за их выполнение. А отбери у них власть, финансовые ресурсы — как они будут управлять, сами не знают. В общем, им сильно не нравится идея индикативного планирования, поэтому у нас сохраняется директивное планирование. Наши национальные интересы тесно связаны с интересами социальных макрогрупп. И если мы хотим дальше развивать интеграцию с Российской Федерацией, то обязательно надо учитывать их интересы и обеспечивать согласование с ними.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас выступает Елена Сергеевна Садовая.

Е. С. САДОВАЯ: — Перечислю некоторые волнующие меня проблемы, опираясь на то, о чем мы говорили на пленарном заседании и уже сегодня на секции.

Экономика действительно не есть нечто самодевулющее. Она интересует нас лишь в той мере, в какой улучшает нашу жизнь, делает ее более комфортной и качественной. Социальным последствиям экономического развития у нас традиционно уделялось мало внимания — и в советские времена, и в нелиберальных концепциях. Почему так происходило? Отчасти в силу объективных причин, потому что в индустриальную эпоху экономический рост автоматически приводил к улучшению и социальной ситуации, так что можно было на этих моментах специально не останавливаться. Сейчас мы переживаем такой момент (об этом образно сказал Руслан Семенович), когда привычная социальная ткань на наших глазах рвется и рассыпается. Неизвестность пугает — что дальше? Глобализация много дала в плане экономического и социального прогресса, углубив разделение труда, способствуя технологическим инновациям, позволила нам жить более комфортно. В социальной сфере достижения неоспоримы.

Однако в 1990-е годы была опубликована статья Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории». Он писал, что мировое сообщество вышло на столбовую дорогу истории, закончился период страшных войн и бедствий. Некоторые страны вырвались вперед, за ними следуют остальные. Скоро все мы будем процветать при капитализме с человеческим лицом или в социальном государстве. Действительно, развитие технологий позволило человеку освободиться от тяжелого физического труда, дало возможность развивать свои творческие

способности. Мы говорим об экономике знаний, подразумевая, что все больше людей занимаются творческим трудом. Но вдруг выяснилось, что экономика знаний — это бесчеловечная экономика в прямом смысле слова. То есть каждый следующий процент экономического роста достигается все меньшим приростом занятости, более того — затем следует обвальное снижение занятости. К тому, что промышленность стала безлюдной, мы уже привыкли. Недавно я прочитала интересное интервью с генеральным директором завода «Фольксваген». Он прямо сказал, что почасовая оплата роботов для него гораздо выгоднее, чем почасовая оплата труда людей, даже гастарбайтеров. Поэтому он будет эксплуатировать роботов, которые станут производить продукцию. Сегодня, к сожалению, речь идет уже о переводе на безлюдные технологии наиболее трудоемких секторов экономики: торговли, транспорта. Мы все знакомы с современными технологическими достижениями, они получают все более широкое распространение, потому что когда технология изобретена, ее надо тиражировать, чтобы окупить затраты. Вот они и распространяются по странам и континентам со скоростью эпидемии.

Конечно, труд человека облегчается. Но давайте посмотрим на статистику занятости в развитых странах. Принципиально новое явление — молодежная занятость. Частичная занятость, аутсорсинг, временная занятость — это уже вчерашний день. Сейчас появился новый тип трудовых отношений — так называемая проектная занятость: на короткое время создается коллектив для запуска или реализации какого-то проекта, после этого он распускается. Следующий проект может быть реализован на другом континенте другим составом работников. Какие последствия, прежде всего социальные, несет человечеству такая безлюдная экономика? Социальная политика индустриального общества базируется на трудовой сфере, поэтому, как только исчезает занятость, социальная политика государства полностью реформируется.

Британский экономист Гай Стэндинг проанализировал социальную структуру общества, которое сейчас формируется. Главное ее отличие от структуры индустриального общества в том, что утрачивается эгалитарность. Если общество индустриальной эпохи было эгалитарным, то сейчас богатство концентрируется в руках небольшой части населения, а остальные, основная масса — так называемый прекариат, новый класс с низкой зарплатой, неустойчивой занятостью и всеми проблемами, которые с этим связаны. Такие социальные изменения влекут за собой следующие изменения — политические. Политика в прежнем виде постепенно исчезает. Я во многом согласна с тем, что сказал Руслан Семенович, прежде всего с его призывом к молодежи интересоваться тем, что происходит, вникать во все новое, чтобы правильно оценить последствия и сделать правильный выбор. Однако хочу добавить: демократические институты, к которым мы привыкли, — это атрибут индустриальной эпохи. Политикой интересуется в основном средний класс, который исчезает на наших глазах — и в развитых странах, и в развивающихся. Выбор между Бушем Третьим

и мадам Клинтон — является ли это сменой элит в традиционном смысле? А возьмите программы европейских партий — вряд ли по их содержанию вы отличите лейбористов от консерваторов или социалистов от «Национального фронта» Марин Ле Пен. К тому же давно исчезла необходимость выполнять предвыборные обещания. Даже новый термин появился — «технократическое правительство», что тоже не имеет отношения к традиционной смене власти.

То есть с безлюдной экономикой связаны определенные институциональные проблемы. Старые институты не соответствуют новой реальности. Это очевидно и на уровне международных организаций. Посмотрите хотя бы конвенции МОТ — все они регулируют трудовые отношения индустриальной эпохи. Две-три конвенции ориентированы на постиндустриальный труд, но и они не выполняются.

Мы много говорим о важности образования. Но для постиндустриальной реальности массовое образование индустриальной эпохи, в общем, не нужно. Оно исполняет роль института, призванного обеспечивать какую-то осмысленную деятельность молодежи, которая все меньше требуется на рынке труда. Поэтому растет продолжительность образования и падает его качество.

Расслоение по доходам ведет к снижению спроса, что вынуждает снижать издержки. В результате раскручивается спираль: гонка за лидером к нижнему пределу социальной гарантии.

Наконец, экзистенциальная проблема, требующая безотлагательного и тщательного осмысления. Технологии позволяют нам существовать вне рамок труда. Можно сказать, что трудовое общество в традиционном смысле может прекратить свое существование, но чем тогда будет заниматься человек? Мы уже сталкиваемся с ростом экстремизма, стремлением западной и российской молодежи вступать в организации, подобные ИГИЛ. Что это, если не попытка придания осмысленности своей жизни, приводящая к таким страшным последствиям?

Завершу словами Фомы Аквинского: истина — это адекватность интеллекта предмету. Пока у нас не очень много адекватности в оценке того общества, которое идет на смену нынешнему. Но я надеюсь, что такие коллективные мозговые штурмы позволят нам шаг за шагом приблизиться к осмыслению сложных проблем, которые стоят перед нами.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас слово предоставляется Григорию Юрьевичу Канаршу.

Г. Ю. КАНАРШ: — Я вернусь к тому, о чем сказал профессор Запесоцкий, — связи экономики и культуры. Национальные интересы сегодня реализуются прежде всего в рамках национальных моделей развития, по крайней мере в странах БРИКС. Валентина Гавриловна Федотова, известная социальный философ, предложила концепцию третьего модерна, или Нового времени для незападных стран, имея в виду подъем стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Это социально-экономическое развитие на основе собственной идентичности, культурных тради-

ций. Но в этом контексте по-прежнему проблематичным остается положение России. В то время как, например, Китай нашел свой путь, о России мы этого сказать не можем. В настоящее время идет некий поиск собственной национальной модели развития.

Ключевым параметром социально-экономического развития является трудовая деятельность. В наиболее процветающих регионах мира — на Западе, в странах Восточной и Юго-Восточной Азии — роль труда чрезвычайно велика. На Западе это обусловлено протестантской этикой, в Азии — прежде всего установками и ценностями конфуцианства. Сегодня экономисты обращают внимание на то, что производительность труда в России чрезвычайно низкая, в десятки раз отстает от таковой в Соединенных Штатах Америки. Но, на мой взгляд, эта проблема рассматривается в узком исследовательском контексте, в частности в связи с технологическими процессами, и предлагаемые решения не вполне адекватны. В частности, предлагается больше общаться с западными специалистами и менять собственную культуру — такой проект рекультуризации.

Но доминирующей в нашей экономической и вообще в социально-гуманитарной мысли остается концепция догоняющего характера модернизации. Запад, прежде всего США, служит образцом развития, в то время как Россия является примером социального «недоразвития». Можно привести целый ряд фундаментальных исследований экономистов, историков, социологов, которые развивают такой подход и предлагают нам меняться в соответствии с западными парадигмами. Такой подход в целом представляется неадекватным. В нашем секторе разрабатывается концепция национальной модели модернизации. Есть и иные концепции, например концепция Русского мира. Профессор МГУ Анна Валентиновна Павловская подробно рассмотрела многие вопросы, в том числе экономики и предпринимательства в России, в русле этой концепции и попыталась показать, что и труд, и предпринимательство — все это было свойственно и России, и Русскому миру. Мы имеем собственные образцы, которые сегодня можем в какой-то степени задействовать. Если говорить о современности, то представляются интересными выводы ученых из Института социологии РАН, сделанные на основе исследований по методикам голландского ученого Г. Хофстеда. В частности, они построили ментальную карту мира и показали, как изменился менталитет россиян за последние 10–15 лет. Интересно, что на этой карте Россия сегодня ближе всего находится к Израилю. Для нас, как и для Израиля, свойственна многоукладность — в культуре, экономике, социальной сфере. Нас характеризует также наличие мощного традиционалистского пласта в истории культуры и сильная традиция левого движения.

Сегодня для России предлагаются различные социально-философские модели. Первая модель — капиталистический мейнстрим (здесь я могу сослаться на исследования Владимира Колпакова и Валентины Федотовой «Экономика и демократия в проектах модернизации России»). Речь идет о построении экономики производящих индустрий, которые должны при-

ти на смену традиционной индустриальной экономике. Вторая модель — социал-демократическая, представленная в работах Руслана Семеновича Гринберга и его коллег. Предусматривается реиндустриализация с опорой на то положительное, что было сделано в советское время, но все это должно быть скорректировано с учетом демократии, прав и свобод человека, построения гражданского общества. Третья модель — консервативная, ее разрабатывают ученые Центра динамического консерватизма, который возглавляет Виталий Аверьянов. Новый коллективный труд Центра — «Артель и артельный человек», в нем предлагается идея развития, основанного на солидарности общества традиционного типа.

Все эти модели обладают разными возможностями практического воплощения, но, на мой взгляд, реализация какой-то одной из них невозможна. Скорее речь должна идти о взаимодействии и взаимодополняемости разных моделей. В частности, профессор Федотова говорит о том, что сегодня в России не удастся построить социал-демократию, поскольку в условиях глобализации капитал утекает отсюда, где его инвестировать невыгодно. Но на вопрос о том, почему капитал не утекает, например, из Швеции, она отвечает, что там высокая степень общественной солидарности. Почему не утекает из Китая? Потому что там диктатура. То есть получается, что это некое теоретическое положение, которое на практике не всегда находит подтверждение. Поэтому мне ближе позиция Руслана Семеновича, который говорит, в частности, о насущной необходимости введения элементов социал-демократической политики, прогрессивной шкалы налогообложения. При определенных условиях в России элементы социал-демократии могут работать.

И последнее, о чем я хотел бы сказать, — в проектах модернизации России необходимо учитывать национальные психологические особенности. Опять же сошлюсь на исследования социологов, причем из разных исследовательских центров, которые говорят о том, что российское общество по-прежнему остается чувствительным к проблеме социальной справедливости. Более того, эта проблема особенно сильно актуализировалась на современном этапе развития российского общества. Представляется, что экономическое развитие, продуктивный и эффективный труд в России возможны только при условии постепенного решения многоаспектной проблемы социальной справедливости.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Владимир Васильевич Зябриков, пожалуйста.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Надеюсь, что мои тезисы будут иметь практическое значение, помогут нам ориентироваться в новых условиях и понять, как организовать антикризисный менеджмент.

Экономический рост в России прекратился, число зарегистрированных организаций перестало расти. В последние годы стало больше только малых предприятий. Количество коммерческих организаций стабилизировалось. Тревожные данные были получены

еще по итогам 2012 года, а то, что произошло в последний год, закономерно следовало из статистических показателей предыдущих лет.

Структура коммерческих организаций становится примитивнее, примерно 95 % юридических лиц — общества с ограниченной ответственностью, фактически отсутствуют товарищества.

Количество занятых в российской экономике — 69 млн человек. Но если подсчитать среднесписочную численность работников, то наберется не более 45 млн. Это свидетельствует о частичной либо «серой» занятости, когда человек «пристраивает» трудовую книжку и рассчитывает на получение пенсии, но фактически легальную зарплату не получает. Этот зазор не позволяет сбалансировать бюджет Пенсионного фонда. Такая экономика получила название двухсекторной. Внешний сегмент российской экономики, который, как правило, связан с экспортом и импортом, процветает, внутренняя экономика деградирует.

Многое в экономике зависит от культуры. Как это работает? В основе любого бизнеса лежит бизнес-идея. Это, так сказать, «дородовый» этап, очень важный. Хотите сделать успешный бизнес — начните с мечты. Дальше, в стадии «детства», мы должны стать целеустремленными и добиваться краткосрочной эффективности. На этапе «юности» для бизнеса прописаны бюрократическая и административная гармония, ведущая фигура — администратор. Наконец, в стадии зрелости нужны новые предпринимательские идеи для обновления бизнеса. Эти четыре архетипа власти одновременно являются архетипами культуры. Пятого типа не существует.

Российская деловая культура не имеет общих черт с американской, в этом плане мы ближе к Востоку — Китаю, Южной Корее. Давайте определим те фигуры, которые делают бизнес на микроуровне, в конкретной фирме. Среди них мы выделим профессионала, лидера, бюрократа и предпринимателя. Новая информация заключается в том, что бюрократ и профессионал — антагонистические роли, которые невозможно совмещать. Если мы хотим перейти к инновационной экономике, к экономике знаний, то нам необходима программа дебюрократизации. Интересно, что и роли лидера и предпринимателя тоже несовместимы. Предприниматель, передавая власть лидеру в лице генерального директора, не должен вмешиваться в его работу, иначе неизбежны конфликты — «два медведя в одной берлоге не уживаются».

На каждой стадии жизненного цикла предприятия ни в коем случае нельзя допускать антагонизма: бюрократия противостоит автократии, а культура лидера — предпринимательской культуре. Экономика должна восприниматься как область между социокультурной сферой и технологией. Появляется какая-то технология, которая объединяет людей, готовых ее поддерживать. Таким образом, каждой роли бизнесмена соответствует определенная стадия жизненного цикла фирмы, каждая сама по себе крайне важна. А в кризисный период важнейшую роль должны сыграть профессионалы.

Д. А. НЕКИПЕЛОВ: — Булат Клычбаевич Султанов, Вам слово.

Б. К. СУЛТАНОВ: — Уважаемые коллеги, вчера на меня произвело сильное впечатление выступление академика Степина. В связи с этим я хотел бы поделиться мыслями об осуществлении евразийского экономического проекта, отталкиваясь от двух его тезисов. Первый тезис: человечество может быть смертно, и с этим надо соизмерять экономику и политику. Второй: духовной революции предшествует политический кризис. А что же делать с экономическими теориями? Казнить нельзя помиловать?

Евразийский экономический проект можно обозначить четырьмя точками на линии: Берлин–Москва–Астана–Пекин. Мы говорим о переходе от однополярного мира к многополярному. Посол Китая в Бельгии Цюй Синь сказал, что время однополярного мира, которым США не сумели воспользоваться, ушло в прошлое, и сейчас мы являемся свидетелями многополярного геостратегического мироустройства, о котором никто не решается говорить. Так вот одной из попыток перехода к многополярному миру является Евразийский экономический союз. Хиллари Клинтон, работая в должности Госсекретаря, ополчилась против этого проекта, потому что сразу почувствовала, куда ветер дует. В связи с этим я хотел бы остановиться на следующем. Когда мы видим попытки США противостоять этому, то прекрасно понимаем, что Европа может потерять Россию, а экономика России и Европы являются взаимодополняющими. Поэтому сейчас Россия и Китай фактически подталкиваются к созданию торгово-экономического блока, который будет иметь тенденцию преобразования в военно-политический. В таком случае не исключен сценарий глобального блокового противостояния со всеми вытекающими последствиями. Наверное, госпожа Меркель это поняла и поэтому поставила вопрос о начале диалога. Это подтвердил и ее визит в Москву 10 мая, когда она сказала, что экономические пространства России и ЕС должны поэтапно сближаться друг с другом. «И я думаю, — сказала она, — в глобализованном мире у нас очень хорошие причины для того, чтобы работать над этим проектом».

Когда я в феврале направлял сюда доклад, то написал следующую фразу: «В Китае отношение к Таможенному союзу и ЕАЭС в последнее время изменилось в лучшую сторону, там изучается возможность совмещения проекта экономического коридора Великого Шелкового пути с ЕАЭС». Как вы знаете, 8 мая по итогам китайско-российских переговоров в Москве Путин заявил: «Считаю, что проекты евразийской интеграции и экономического пояса Шелкового пути могут гармонично дополнять друг друга. По сути, речь идет о выходе в перспективе на новый уровень партнерства, подразумевающим единое экономическое пространство на всем евразийском континенте». Поэтому когда мы прорабатываем вопрос о линии от Берлина через Москву и Астану до Пекина, надо понимать, что этот проект имеет как большое практическое, так и глобальное значение. Попытка подтолкнуть Россию в объятия Китая до конца не просчитывается, а в ней есть как плюсы, так и минусы.

В Казахстане оппозиция постоянно упрекает правительство в том, что оно недостаточно жестко защища-

ет интересы казахстанской экономики. Экспорт падает, некоторые товары мы не можем поставлять на российский рынок. Так что проблемы пока существуют.

Я считаю, что наша работа по формированию и развитию Евразийского экономического союза должна осуществляться постепенно, без излишней поспешности, с учетом и критическим осмыслением опыта становления и проблем Европейского Союза. Нецелесообразно ускорять процессы выработки единой политики в валютно-финансовой сфере — по причине разной структуры и уровней развития экономики России, Казахстана и Белоруссии. Не надо ставить телегу впереди лошади. Экономическая целесообразность не должна приноситься в жертву политическим предпочтениям, а сама система евразийской экономической интеграции должна быть привлекательной, и не только на постсоветском пространстве.

И последнее. Политика не должна осуществлять насилие над экономикой. Европейский Союз разросся до неприемлемых размеров из-за геополитических амбиций своих лидеров. Руслан Семенович сказал, что вернулась геополитика в самом отвратительном виде. Учитывая это, мы не должны допустить подобных процессов в рамках Евразийского экономического союза. не следует принимать в Союз Киргизию, а тем более Таджикистан, которые конфликтуют с Узбекистаном. Но политике, как обычно, неинтересны экономические законы, и теперь мы будем решать все те же проблемы в рамках Евразийского экономического союза в условиях насилия политики над экономикой.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Евгению Федоровичу Чеберко.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Уважаемые коллеги, выступления на дискуссионные темы, обсуждаемые на Лихачевских чтениях, как правило, носят алармистский характер. Но в нашей секции больше оптимистов. Почему? На пленарном заседании в основном выступали академики, которые занимаются глобальными проблемами, задают вопросы, но не отвечают на них. Я столкнулся с этим еще в начале 1990-х. Тогда академик Панченко сказал, что, по его мнению, капитализм несовместим с российским менталитетом и традициями православия. Меня заинтересовала эта мысль. Я ждал, что он продолжит: то ли не видать нам капитализма, то ли пора переходить в протестантство. на самом деле он оказался прав. То, что сложилось в России, имеет мало общего с цивилизованным капитализмом.

Несколько слов по поводу марксизма. Это, конечно, великое учение, и оно заслуживает нашего внимания. Но тут стоит вспомнить замечательную историю с письмом террористки Веры Засулич Карлу Марксу. Она решила на время прекратить свою основную деятельность и стала правой рукой создателя первого марксистского объединения в России Г. В. Плеханова. И, как я понимаю, под его диктовку написала Марксу письмо с просьбой дать практические рекомендации. Маркс ответил ей, причем отнесся к этому очень серьезно, поскольку были найдены многочисленные

черновики его ответного послания. Если кратко, то содержание этого письма сводилось примерно к следующему: «Уважаемые российские коллеги, не валяйте дурака. То, что написано мной в “Капитале”, — не для России».

Сейчас не девятнадцатый век и даже не двадцатый, но при копировании тех или иных идей по-прежнему требуется осторожность. Марксизм — это мощная теория, мир возвращается к ней на новой основе, конечно, многое изменяя. Но Россия уже пережила марксистский этап, и возврат к нему маловероятен. Поэтому надо искать новые позитивные направления выхода из нынешнего кризиса, охватившего и экономику, и общество в целом.

В Лихачевских чтениях участвуют представители многих общественных наук, политические деятели, специалисты-практики. Это создает условия для появления новых течений. В частности, я бы отметил как позитивное направление то, что выдвигает академик Клейнер: культурологическая экономика. В своей теории Клейнер опирается на труды наших выдающихся ученых — академиков Степина и Запесоцкого.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас выступит Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Думаю, что в проблеме, которую мы обсуждаем, — национальные интересы в контексте глобальных вызовов — главное то, что в современном мире, с одной стороны, стираются границы, взаимно переплетаются национальные экономики, с другой — глобализация не уничтожает расслоение, не решает проблему богатства и бедности. Поэтому национальные интересы еще долго будут оставаться в повестке дня.

На мой взгляд, мы недостаточно внимания уделили такой проблеме, как глобальные вызовы. Слово «вызов» в данном контексте означает «испытание». Так вот, сегодня основное испытание заключается в том, что глобализация цементируется рыночной конкуренцией, то есть, по сути, хорошие шансы получают те, кто в состоянии выигрывать в соревновании. Тот, кто менее конкурентоспособен, постоянно сталкивается с проблемами.

Что касается России, то здесь важна культурная оценка. Россия на протяжении длительного времени стремилась продемонстрировать миру модель, как она полагала, совершенного развития. А когда в конце 1980-х годов резко отказалась от этой модели, было трудно быстро найти другую. Сложности того периода мы испытываем до сих пор, поэтому, видимо, все-таки надо эту модель использовать.

Д. ГЭЛБРЕЙТ: — Короткий комментарий ко всей дискуссии. То, что сегодня актуально и необходимо, — сконцентрировать внимание на структуре и конкретных проблемах российской экономики, с которыми она сталкивается каждый день. И, конечно, требуется стратегия, без которой невозможно кардинальное решение этих проблем. Мы с профессором Бауэром имеем различные точки зрения на то, какой должна быть

стратегия. Думаю, что стратегия полной перерегуляции не может быть эффективной.

Р. С. ГРИНБЕРГ: — Сегодня состоялась неявная полемика: профессор Бауэр утверждал, что свобода имеет больше преимуществ, чем недостатков, а коллега Фейгин сказал, что в глобальном мире выигрывают тяжеловесы. Это как если бы 50-килограммовый боксер встретился на ринге со 100-килограммовым — понятно, у кого шансов больше. Здесь кроется серьезная проблема, и, наверное, надо искать какой-то баланс. Если вы хотите догнать другие страны, стать конкурентоспособными, то вам придется времен-

но «закрыться», чтобы развить какую-то отрасль до уровня конкурентоспособности в мировом масштабе. Думаю, этот вопрос не имеет однозначного, черно-белого ответа.

А. Д. НЕКИШЕЛОВ: — Большое спасибо, уважаемые коллеги. Я признателен всем, кто принял участие в дискуссии. У нас состоялось интересное обсуждение, было затронуто большое количество тем. Естественно, целый ряд важнейших вопросов не был рассмотрен. В частности, меня немного удивило, что мы почти не говорили о финансовых проблемах. Придется учесть это в будущем. Всего вам доброго!

Секция 4

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

15 мая 2015 г. Лекционный зал № 5, СПбГУП

Руководители секции

Г. А. ГАДЖИЕВ

судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ

директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

ДОКЛАДЫ

Т. А. Баталова¹

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ КАК ЧАСТИ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Двадцатилетний исторический период существования государств, образовавшихся после распада СССР, показал, что каждое из них на современном этапе имеет собственную правовую культуру и систему права как ее часть. Тем не менее современные процессы развития указывают на увеличивающиеся глобализационные процессы, и, как следствие, возникает необходимость в установлении баланса между функционированием национальных систем права, правовых семей, групп правовых семей, международного законодательства.

Глобализация внесла коренные изменения в стереотипы общественного и правового сознания, привела к необходимости переосмысления многих устоявшихся точек зрения в области развития государства и права. Под ее влиянием возникает необходимость изучения изменений сущности государства и права, их форм и содержания, характера взаимосвязи и взаимодействия национального государства с мировым сообществом, межнациональными институтами и других явлений, определяемых государственно-правовыми, экономико-финансовыми и общественно-политическими процессами.

Большинство представителей теории права поддерживают мнение о том, что право является частью культуры и включает множество систем².

Отвечая на вызовы внешней среды, например на процессы глобализации, правоведы различных школ и направлений пытаются выявить закономерности раз-

вития этого процесса, его влияния на национальные правовые системы, общие черты и различия национальных систем права для создания условий максимальной реализации прав и свобод граждан.

Международная интеграция предполагает создание единого правового поля исходя из взаимосвязи между национальными правовыми системами и системой международного права и взаимовлияния норм внутригосударственной правовой системы и международного права. Примером такой интеграции является Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС), договор о создании и функционировании которого вступил в силу 1 января 2015 года³. В нем регламентируются права и обязанности всех членов Союза и их субъектов в различных направлениях экономической деятельности. И, как следствие, возникают вопросы, связанные с функционированием национальных систем права, их взаимосвязями с нормами международного права.

Стороны, заключившие договор, поставили перед собой задачу укрепления солидарности и углубления сотрудничества между народами на основе уважения их истории, культуры и традиций. Какие цели обеспечивает поставленная задача? Страны, подписавшие договор, убеждены в том, что в условиях глобализации только дальнейшее развитие евразийской экономической интеграции отвечает национальным интересам.

Какие угрозы всеобщей глобализации своим объединением хотят устранить страны — участники ЕАЭС для каждой страны в отдельности? Одна из основных задач — это обеспечение экономического прогресса путем совместных действий, направленных на устой-

³ www.zakon.kz/4625640-is-paragraf-predlagaet-polnyj-tekst.html

¹ Директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан). Автор ряда научных публикаций: «Коммерческое право» (сост.), «Предпринимательское право» (сост.), «Институт частного обвинения в уголовном процессе как элемент системы частного права» и др.

² Чистяков Н. М. Теория государства и права : учеб. пособие. М., 2014. С. 139.

чивое экономическое развитие, всестороннюю модернизацию и усиление конкурентоспособности национальных экономик. Для решения этой задачи необходимо четкое функционирование правовой системы, состоящей из национальных правовых систем как части национальных культур.

Правовые системы государств — членов Союза (Армения, Белоруссия, Казахстан, Россия) относятся к романо-германской семье правовых систем¹. Вместе с тем требуются унификация действующего законодательства стран-участниц и совершенствование национальных правовых систем. Для этого имеются благоприятные географические, экономические, правовые, политические предпосылки: близость территорий, отдельных правовых институтов, политическая воля, доброжелательное отношение друг к другу народов, населяющих территории государств — участников Союза.

Подтверждением этому является ст. 2 договора, в которой определяется понятие «единое экономическое пространство» как состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, существует единая инфраструктура.

Таким образом, договор создал правовую основу для унификации правовых систем стран — участников Союза.

Рамки настоящей статьи не позволяют сделать обширный анализ тех или иных правовых институтов, требующих унификации или гармонизации, при функционировании в рамках ЕАЭС правовых систем стран-членов. В настоящее время практика реализации товаров, работ и услуг частными субъектами государств ЕАЭС на территории любого из членов требует срочной унификации либо гармонизации, особенно в секторах, подлежащих лицензированию. Одним из таких секторов является образовательное пространство. Правомерно ли в единое экономическое пространство, определение которого дано в ст. 2 договора, включать единое образовательное пространство? Соответствующие нормы, прямо указывающие на это, не приняты, а имеющиеся нормы каждого отдельного государства — участника Союза, регламентирующие образовательную деятельность и последующее использование документов об образовании на территории стран — участниц ЕАЭС, не позволяют говорить о единообразии. Практика требует соблюдения единообразия в регламентации образовательной деятельности, использовании документов, выдаваемых образовательными учреждениями странами — членами ЕАЭС.

Для анализа отношений, возникших при реализации услуг в области высшего образования, обратимся к Протоколу о торговле услугами, учреждениями, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к договору), определяющему правовые основы

регулирования этих правоотношений. Исходя из п. 2 протокола, его положения применяются к любым мерам государств-членов, затрагивающим поставку и получение услуг на всей территории Союза, в том числе к иностранным образовательным учреждениям, зарегистрированным и продолжающим свою работу после 1 января 2015 года на территории других государств — членов ЕАЭС.

Отсутствие унификации законодательства об образовании приводит к тому, что частично законодательство одной страны Союза не соответствует законодательству другой страны, но оба государства требуют неукоснительного соблюдения норм национального законодательства, независимо от места нахождения организации образования. Таким образом, на практике не реализуется положение договора о создании благоприятных условий функционирования для всех субъектов экономической деятельности стран — членов Союза.

В целях унификации правового блока, регулирующего образовательную деятельность на территории ЕАЭС, решения вопросов обеспечения квалифицированными кадрами, срочного разрешения и приведения к единым стандартам необходимо решить вопросы взаимного признания документов об образовании (без нострификации), лицензий на ведение образовательной деятельности и свидетельств о государственной аккредитации организаций образования, выданных национальными уполномоченными органами в области образовательной деятельности, распространения их действия на всю территорию ЕАЭС. В противном случае можно говорить о нарушении п. 25 вышеуказанного положения, требующего, чтобы каждое государство предоставляло лицам любого другого государства-члена формально такой же или отличный режим по отношению к тому, который предоставляется этим государством-членом. При этом режим считается менее благоприятным, если он меняет условия конкуренции в пользу лиц конкретного государства-члена по сравнению с лицами любого другого государства-члена².

Это подтверждает и раздел 5 указанного положения, посвященный формированию единого рынка услуг, под которым согласно п. 38 понимается создание рынка услуг в рамках конкретного сектора без ограничений, изъятий и дополнительных требований.

Однако при сложившихся обстоятельствах в настоящее время субъекты образовательной деятельности одного государства при осуществлении такой деятельности на территории другого государства — члена ЕАЭС вынуждены иметь два разрешения (лицензии) на ведение образовательной деятельности, соблюдать квалификационные требования обоих государств, что ставит их в неравные условия и нарушает требования к существованию добросовестной конкуренции. Создавшаяся практика требует незамедлительной унификации национальных правовых систем стран — членов ЕАЭС в части регламентации рынка образовательных услуг на территории Союза.

¹ См.: Чистяков Н. М. Указ. соч. С. 139–141; Ибраева А. С., Ибраев Н. С. Теория государства и права: учеб. пособие. Алматы, 2003. С. 167.

² www.zakon.kz/4625640-is-paragraf-predlagaet-polnyj-tekst.html

Г. Г. Бернацкий¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Четыре года назад в Российской академии правосудия в Москве проходила конференция по проблемам правовой системы России. Запомнилось выступление одного преподавателя из Московской юридической академии. Он рассказывал, как недавно к нему обратилась студентка с просьбой дать ей тему реферата о тоталитаризме. Они вместе сформулировали тему, а студентка неожиданно спросила, можно ли ей написать о Сталине и можно ли в реферате указать на позитивные моменты его деятельности. Преподаватель, конечно, разрешил, но спросил, почему она задает такие вопросы. Она ответила, что одновременно учится еще и в Бизнес-школе в Лондоне. А там преподавание предметов строится так, что студентам однозначно указывается, что следует считать правильным, а что — неправильным. И студенту нельзя отступать от предписанного, высказывать иное мнение, иначе реферат не будет зачтен, экзамен не будет принят. Преподаватель заключил, что то, от чего мы в России смогли отойти, на Западе хорошо усвоили и внедрили.

Под глобализацией можно понимать процесс, в ходе которого мир преобразуется в единую глобальную систему на основе единых экономических, социальных, культурных, политических принципов. Глобализация распространяет единые ценности на все страны мира, на все народы. Долгое время народы западной цивилизации выступали носителями таких ценностей. Однако в последние десятилетия ситуация кардинально меняется. Мы видим, как говорил В. В. Путин на заседании клуба «Валдай» в 2014 году, как многие западные страны идут по пути отказа от своих традиционных духовных корней. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная и даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога и веру в сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьез говорится о праве регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии².

Глава Римско-католической церкви Франциск, выступая 25 ноября 2014 года в Европейском парламенте, подверг Европу критике за бюрократизм и отход от великих идеалов, за гедонизм и зависимость от экономики, за то, что общество потребления вытесняет заботу о жизни человека. Папа Римский осудил «эгоистичный стиль жизни с его отныне невыносимым изобилием и безразличием к окружающему миру, в особенности к бедным». «Европа, закрытая для возвышенного из-

мерения жизни, — это Европа, которая рискует медленно потерять свою душу и дух гуманизма». «С этим Европейским Союзом все чаще связывают представление о состарившейся и сжавшейся Европе, которая все меньше чувствует себя главным действующим лицом на мировой арене». «На Европу смотрят все более высокомерно, с некоторой опаской и даже подозрительностью», — сказал Франциск³. Можно утверждать, что Европа перестает быть источником высоких ценностей, выступающих ориентиром процесса глобализации. В связи с этим заметно нарастание тенденции деглобализации.

Процесс глобализации в сфере права связывается с процессом интернационализации права. Он проявляется в сближении национального права с международным. Достижения национального права отдельных, прежде всего западных, стран обобщаются на международном уровне и включаются в акты международного права. Они обязывают государства-участники внести в свое внутреннее законодательство те или иные правовые институты. Речь идет прежде всего о так называемых «общепризнанных принципах и нормах международного права», которые следует включать в национальное право как составную часть. В случае их расхождения с нормами национального права они должны иметь приоритет перед последними. Вместе с тем в последние годы нарастает критика международного права со стороны стран незападных цивилизаций.

Во-первых, международное право формировалось и развивалось преимущественно как международное право западной цивилизации. Во-вторых, неясно, какие нормы однозначно можно отнести к «общепризнанным». В-третьих, остается дискуссионным и вопрос о том, какие субъекты международного права признают эти нормы таковыми. В-четвертых, самые, так сказать, очевидные «общепризнанные» принципы оказываются совсем неочевидными для разных стран и цивилизаций, что делает их неуниверсальными и непригодными для процесса глобализации в сфере права. Например, ст. 16 Всеобщей декларации прав человека 1948 года утверждает, что «Мужчины и женщины... пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения». Однако применять эту норму в мусульманских странах невозможно: это приведет к разрушению основ мусульманской семьи и гибели этой цивилизации. В таком случае данная «общепризнанная» норма носит не созидательный, а разрушительный характер. Насажение демократии силой в Ливии в 2011 году обернулось жестокой войной и гибелью страны. То же самое могло произойти и в Египте, если бы армия не взяла власть и не установила военную диктатуру в стране. Оказывается, демократия не является универсальной ценностью для многих стран мира. Более того, она им противопоказана.

¹ Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Естественное право. Права человека. Мораль», «Философия», «Диалектика взаимосвязи между научными теориями», «Теория естественного права Е. Н. Трубецкого», «Развитие представлений о природе естественного права в истории правовой мысли» и др.

² <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>

³ <http://ru.rfi.fr/evropa/20141125-papa-rimskii-napomnil-parlamentariyam-o-velikikh-evropeiskikh-idealakh/>

Политологи отмечают, что «общеизвестные» принципы права стали инструментом давления западных стран на другие страны мира. Попытки в этих странах интернационализации национального права встречаются в штыки. «Общеизвестные» принципы вызывают подозрение и отрицание. Одновременно с этим растет тенденция отрицания процесса глобализации в сфере права. Деглобализация, «много-

полярность мира» становятся ведущей тенденцией. Наблюдается возвращение к Вестфальской системе международных отношений, но теперь уже не собственно в Европе, а во всем мире. С Вестфальским миром 1648 года в Европе утвердился порядок, основанный на признании принципа национально-государственного суверенитета и баланса сил между странами.

О. В. Вербовая¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРАВА В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ

В современных условиях все расширяющейся глобализации устойчивость любого государства во многом зависит от способности эффективно и своевременно реагировать на новые вызовы и угрозы времени, поскольку они несут весьма серьезные риски. Именно их наличие обуславливает необходимость наращивания усилий по обеспечению защиты национальных интересов государства. России и Казахстану в сложившихся условиях приходится заново осмысливать свои национальные интересы, обеспечивать их правовое закрепление и защиту от нарастающих глобальных вызовов.

1. Заявленная тематика исследования обуславливает необходимость изначально определиться с такими ключевыми понятиями, как «национальные интересы» и «глобальные вызовы».

Понятие национальных интересов в Законе РК «О национальной безопасности Республики Казахстан» определено как «совокупность законодательно признанных политических, экономических, социальных и других потребностей Республики Казахстан, от реализации которых зависит способность государства обеспечивать защиту прав человека и гражданина, ценностей казахстанского общества и основ конституционного строя» (пп. 6 ст. 1). Среди основных национальных интересов Казахстана выделяются: 1) обеспечение прав и свобод человека и гражданина; 2) точное и единообразное исполнение законов и поддержание правопорядка; 3) общественное согласие и политическая стабильность в стране; 4) казахстанский патриотизм и единство народов Казахстана; и др.²

Что касается современных вызовов, то в стратегии ««Казахстан–2050». Новый политический курс состоявшегося государства» обозначены десять глобальных вызовов XXI века, которые предстоит преодолевать человечеству, миру в целом и Казахстану в частности.

¹ Профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «К вопросу о модернизации действующих механизмов уголовно-правовой защиты личности, общества и государства от современных вызовов и угроз», «Современные угрозы в контексте национальной безопасности страны», «Противодействие терроризму на современном этапе», «К вопросу о реформировании уголовного законодательства Казахстана» и др.

² Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» // Казахстанская правда. 2012. 6 янв.

Среди них — ускорение исторического времени; глобальный демографический дисбаланс; угроза глобальной продовольственной безопасности; острый дефицит воды; глобальная энергетическая безопасность; истощаемость природных ресурсов; третья промышленная революция; нарастающая социальная нестабильность; кризис ценностей нашей цивилизации; угроза новой мировой дестабилизации³.

В России глобальные угрозы национальным интересам обозначены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (май 2009 г.). В качестве таковых указаны: односторонний силовой подход в международных отношениях; противоречия между основными участниками мировой политики; угроза распространения оружия массового уничтожения и его попадания в руки террористов; совершенствование форм противоправной деятельности в кибернетической области и сфере высоких технологий.

Вместе с тем в результате расширения всех видов интеграции, развития средств коммуникации и интенсификации миграционных процессов в современном мире возникают новые серьезные вызовы и угрозы национальным интересам государств.

Новым вызовом для национальных интересов как России, так и Казахстана эксперты отмечают развернувшуюся борьбу различных государств за контроль над стратегическими запасами энергетического и другого сырья на пространстве государств ближнего зарубежья, за обеспечение свободы доступа к этим ресурсам и их вывода на внешние рынки. Приходится констатировать, что в мире возрастают опасности природного и техногенного характера, а также распространения оружия массового поражения (химического, бактериологического, ядерного и информационно-психологического), средств их доставки, возникновения новых локальных войн и вооруженных конфликтов, обострения конфликтов между различными национальными культурами.

По-прежнему острой угрозой для безопасности государств остается проблема международного терроризма и религиозного экстремизма. Примером тому служат события на Ближнем Востоке. Развитие сирийско-

³ Послание народу Казахстана «Стратегия «Казахстан–2050». Новый политический курс состоявшегося государства» // Казахстанская правда. 2012. 14 дек.

го конфликта привело к появлению на мировой арене «Исламского государства», которое развернуло активные боевые действия на территории Сирии и Ирака. Деятельность нового объединения сопровождается публичными казнями захваченных граждан иностранных государств, а также массовой гибелью гражданского населения, не разделяющего идей и принципов ИГИЛа, что вызвало ответную реакцию со стороны США и их союзников по коалиции в виде применения вооруженных сил.

Обстановка в афгано-пакистанском регионе, несмотря на принимаемые мировыми державами меры, продолжает оставаться нестабильной, что серьезно влияет на региональную безопасность в Центральной Азии. Существуют информационные угрозы, способные нанести существенный вред любому обществу и государству. Сегодня национальная безопасность каждой страны зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать.

Наблюдается резкое падение уровня управляемости международными процессами. Происходящие на Украине события, сирийский кейс и другие факты не являются причиной окончательного крушения международного права как основного регулятора межгосударственных взаимоотношений. Однако если не удастся разрешить ситуацию мирным способом, то можно говорить о принципиальном изменении роли международных норм, которые более не в состоянии гарантировать суверенным государствам их принципиальную неприкосновенность и защиту от внешнего вмешательства во внутренние дела. Серьезное беспокойство вызывают также усиливающаяся тенденция к силовому вмешательству в кризисные ситуации и попытки действовать в обход общепризнанных международно-правовых норм и принципов.

Становится вполне очевидным, что представленный в вышеназванных стратегических документах перечень современных вызовов и угроз безопасности государств не является исчерпывающим, происходящие в мировом сообществе процессы свидетельствуют о том, что он имеет тенденцию к расширению.

Таким образом, как мне представляется, процесс осмысления и переоценки своих национальных интересов, их правового закрепления нашими государствами еще не завершен. Во многом он зависит от современной мировой трансформации, порождающей глобальную неопределенность и новые вызовы и угрозы. Безусловно, требуют четкого правового закрепления и пути реализации национальных интересов, а также задачи, полномочия и ответственность всех участвующих в этом процессе субъектов.

Кроме того, при обеспечении национальной безопасности недостаточно только реагирования на возникающие угрозы. Более важное место в этом процессе должно отводиться прогнозированию новых вызовов и угроз, принятию государством упреждающих действий по недопущению перерастания потенциальных вызовов в реальные угрозы национальной безопасности. Задача непростая, но она требует своего решения, в первую очередь на законодательном уровне.

2. Рассмотрим еще один аспект, который представляется достаточно важным в контексте поднятой проблемы. Безопасность национальных интересов любого государства зависит в целом от состояния международной безопасности. Эксперты в области международной безопасности констатируют, что мы переживаем период разгосударствления данной области общественных отношений: появились новые вызовы и угрозы, создаваемые *негосударственными субъектами*. Террористические организации, наркокартели, пиратские группировки и иные транснациональные преступные объединения, не являясь легальными субъектами мировых политических процессов, оказывают все возрастающее влияние на систему международной безопасности¹.

Отсюда следует, что, представляя серьезную угрозу в такой широкой сфере, как международная безопасность, негосударственные субъекты напрямую угрожают и национальной безопасности каждого отдельно взятого государства как участника международных отношений.

Следует подчеркнуть, что в правовом смысле такие угрозы не происходят извне социальной системы. Ведь право является действительным регулятором только для социальных отношений и систем, юридические же нормы не могут влиять на природу какого-либо явления, в том числе оказывающего воздействие на человека. Поэтому любые вызовы и опасности природного, социального или техногенного характера не могут быть квалифицированы как угрозы безопасности государств в узком — имеющем юридические последствия — значении. Следует акцентировать внимание на том, что в создании угроз безопасности государству ведущая роль отводится субъекту. Угрозы порождаются деяниями, связанными с человеческой (деликтной) волей. В теории уголовного права основанием уголовной ответственности является состав преступления, то есть совершение субъектом виновного (осознанного, волевого), преследующего свои цели и мотивы общественно опасного деяния, причиняющего либо создающего реальную угрозу причинения вреда охраняемым интересам.

Покажем роль субъекта для создания угрозы на следующем примере. Из доклада Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переманам ООН² стал известен факт, что в нескольких лабораториях, созданных террористами, был обнаружен один из биологических токсинов — рицин. От рицина нет противоядия, а смертельная доза для человека — меньше булавочной головки. Применение материалов такого рода для умышленного распространения инфекционного заболевания может погубить столько же людей, сколько ядерный взрыв, или даже больше. Согласно одному из наилучших сценариев нападение с применением всего лишь одного грамма рецептуры натуральной оспы, закачан-

¹ Варфоломеев А. А. Негосударственные угрозы международной безопасности // Право и безопасность. 2013. Дек. № 3–4 (43). С. 51.

² Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переманам — так называемая «Группа мудрецов», была создана решением 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Задачей группы стало изучение основных угроз и вызовов в мире в такой широкой области, как мир и безопасность, а также вынесение рекомендаций относительно элементов коллективных мер реагирования.

ной в боеприпас, может привести к гибели от 100 тыс. до 1 млн человек¹.

Налицо существенное различие между естественным заражением каким-либо инфекционным заболеванием от инфицированного человека, что впоследствии может привести к возникновению эпидемии, и возможной биологической атакой с использованием возбудителей этой болезни (вирусов), заключающейся именно в роли конкретного субъекта либо группы субъектов. Только преступные воля и деяния какого-либо субъекта (субъектов) по применению подобных опасных веществ и предметов могут стать угрозой национальным интересам государства. Именно такие деяния должны повлечь за собой соответствующие юридические последствия и принятие соответствующих мер противодействия.

Таким образом, одной из основополагающих характеристик, связанной с понятием угроз национальным интересам и безопасности, является преступное намерение лица. Хочу подчеркнуть, что этот вывод носит принципиальный характер, поскольку лишь преднамеренная угроза вызывает необходимость направлять усилия го-

сударства на ее предотвращение правовыми средствами, установление юридической ответственности и противодействие ей. Так, на сегодняшний день глобальными угрозами национальной безопасности любого государства, исходящими от преднамеренных действий конкретных субъектов, являются: терроризм, экстремизм и сепаратизм в любых формах и проявлениях; рост преступности, в том числе ее организованных форм; деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя, целостность, неприкосновенность и неотчуждаемость территории, и пр. Против случайных действий бессмысленно выстраивать механизмы заблаговременного предотвращения и сотрудничества государств по противодействию.

Обобщая вышеизложенное, приходим к выводу, что при выявлении новых угроз национальным интересам государства целесообразно отбирать лишь действительные угрозы, которые вписываются в юридически значимые категории, обладающие определенным смысловым наполнением. С учетом этого необходимо выстраивать систему мер по противодействию таким угрозам, в том числе правового характера.

В. Г. Графский²

ПРАВОВЫЕ И ДРУГИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КУЛЬТУР В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВЗАИМНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

1. Правовые возможности в обеспечении уважительной взаимной терпимости традиционно уже много веков используются и в известной мере гарантируются природным общежителем назначением права как долговечно существующего и результативного искусства доброго и справедливого (*ars boni et aequi* — формула классического римского правоведения) и как институционализированного воплощения требований упорядочивающей законности и справедливости.

В настоящей статье внимание акцентируется на требованиях законности и справедливости, получающих воплощение во множестве социально-общежителем институтов и традиций. Наиболее рас-

пространенной формой правового воздействия на ход и разрешение конфликтных ситуаций и процессов обычно становится правовой обычай или закон, а также решения авторитетных официальных судебных инстанций. К этой же разновидности регулятивного воздействия традиционно относят сходные по целям решения неофициальных, чаще всего неформальных (в данном случае — третейских), судебных учреждений. Сюда же (с известными оговорками) причисляются согласованные оценки и мнения авторитетных и легитимных политических и государственных лидеров, заключения и рекомендации комиссии экспертов, комментарии публицистов.

Современное право существенно увеличило пространство своего институционализированного воздействия в рамках не только внутригосударственного употребления, но и международного регионально-го и универсального регулирования. Международное универсальное право охватывает своим влиянием практически все существующие государства, а региональное международное право — только некоторые и специально регламентируемые союзные объединения государств (право европейское, евразийское, латиноамериканское и др.).

2. Институциональные ресурсы смягчения крупномасштабной и в силу этого обстоятельства так или иначе политизированной конфликтности обеспечивались в истории чаще и дольше всего путем ориентации на толерантность, пробуждаемую и поддерживаемую при помощи актуализации богатейших приемов

¹ Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Документ ООН. A/59/565.

² Главный научный сотрудник, заведующий Сектором истории права, государства и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий, а также статей: «Государство и технократия: историко-критическое исследование», «Бакунин: из истории политической и правовой мысли», «Политические и правовые взгляды русских народников», «Правовое общение в прошлом и настоящем», «Интегральная юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект», «Право как результат применения правила законной справедливости»; «Концепция государства законности и правового государства в их возникновении, соотношении и современном состоянии», «Правовое общение в прошлом и настоящем» и др.; учебников: «История политических и правовых учений», «Всеобщая история права и государства» и др. Член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы РФ. Член редколлегии журналов «Государство и право», «Право и политика», «Философия права» (приложение к журналу «Право Украины») и др. Награжден Почетной грамотой РАН.

и средств воздействия на убеждения и поведение людей, в первую очередь религиозных, которые более всего уверены в спасительной роли веры, а также людей с навыками и традициями определенной этнокультурной общности. Многие из этих приемов и средств остаются закрепленными в обычаях и традициях данной этнической группы или ряда групп и одновременно в правилах и обычаях вновь возникающих или специально мобилизуемых учреждений культуры общения (общения официального и неофициального, в том числе поддерживаемого неправительственными общественными организациями).

3. Пути и средства преодоления конфликтных драм и идейно-политических противостояний в современном обиходе сильно усложнились. Наиболее употребительными и относительно легко узнаваемыми остаются политические средства, прежде всего официальные дипломатические и публично-правовые, мирные и немирные, массовые и групповые. Однако на этом пути возникает несколько препятствий, из которых наиболее очевидными являются естественные и искусственные препятствия. Первое препятствие — элементарное политическое невежество, которое открывает путь для всевозможных своекорыстных манипуляций неопределенного числа заинтересованных групп, в демократиях — для правящей элиты, заинтересованных олигархических группировок и т. п.

В конце XIX века Г. Моска констатировал возникновение относительно новой социополитической тенденции, подлежащей необходимому учету в процессе оценки любой крупномасштабной конфликтной ситуации, — что современная олигархия склонна прикрываться демократическими ритуалами, но порой не удерживается и демонстрирует свой истинный облик безо всякого стеснения.

Другое распространенное препятствие, изрядно искажающее восприятие существующей ситуации, связано с излишне и односторонне пристрастным либо с излишне пренебрежительным отношением ко всему происходящему на глазах наблюдателя. Это обстоятельство настолько привычно для повседневного обихода, что редко фиксируется специальной терминологией, адекватной для критического анализа и надлежащих приемов и средств воссоздания истинной картины происходящего. Иллюстрации к предлагаемому обобщению узнаваемы в ситуациях, зафиксированных, к примеру, в репликах героев двух известных кинофильмов. «Почему у меня грустный вид?» — вопрошает Марианна из фильма Жана-Люка Годара «Безумный Пьеро» (1965). — «Потому что ты говоришь со мной словами, а я воспринимаю тебя чувствами». Героиня из фильма Дэвида Линча «Твин Пикс» (1990) аргументирует второе обобщение: «Я провела некоторые исследования. В реальной жизни алгебра не нужна».

Дэвиду Рокфеллеру приписываются такие слова: «Мир готов идти к мировому правительству. Наднациональная верховная власть умственной элиты и банкиров мира более предпочтительна, чем национальное самоопределение, практиковавшееся в прошлые столетия». Каковы следствия такой позиции для гражданина России или Украины, а равным образом для Индии или

США? Они довольно незавидные — быть под постоянным контролем и подвергаться при этом манипулятивной обработке со стороны служителей правительственной организации правящего сверхменьшинства банкиров и наемных интеллектуалов. Для таких служителей, как и для их хозяев, все названные страны предстают в очень усеченном восприятии и измерении — как место временного или постоянного обитания и одновременно как пространство для всевозможного извлечения доходов и сверхдоходов.

Из двух существенных свойств права как правила надлежащего, постоянного и результативного регулирования общения людей и групп, именуемых законностью и справедливостью, наиболее известна и наименее сомнительна законность. В учебном истолковании законность подразумевает такие атрибуты правила правового назначения, как постоянство и неизменность, а также длительность действия лиц по кругу и в определенном пространстве, и некоторые другие. Однако взятые каждый в обособленном проявлении и ситуативном своеобразии эти свойства выглядят уже не столь определенными и неизменными. Если к их характеристикам прибавить неустранимое влияние различных факторов внутреннего или внешнего происхождения, то картина еще больше усложнится. Именно этим обстоятельством можно объяснить столь редкое в сегодняшнем обиходе многоаспектное и междисциплинарное восприятие права и его атрибутов, а также растолкование и одновременно практическое употребление результатов такого анализа.

Поясним сказанное примерами. Философы права издавна полагали, что действие закона должно быть столь же неизбежным и неустранимым, как смерть для человека (Монтескье), или как восход и заход солнца. Такому умственному настрою отдавали предпочтение и представители правительственной власти в государстве. Достаточно взглянуть с этой точки зрения на девизы некоторых королей и правящих династий или республиканских режимов.

4. Наиболее частыми случаями недопонимания и недооценки являются проблемы, связанные с соотношением законности и легитимности (эта проблема отчасти перекликается с более философским по природе и назначению вопросом о соотношении права и закона), а также с проблемой уяснения масштабности и влияния происходящих событий и процессов. При этом дополнительную трудность создают нахождение и применение необходимых и наиболее действенных приемов и средств смягчения большемасштабной и пристрастной конфликтности и надлежащее их использование. Здесь вновь возникают задачи, связанные с выбором традиционных или изобретаемых приемов и средств замирения конфликтности. Все жизненно важные социальные институты (семья, собственность и др.) воспринимаются их пользователями и наблюдателями как традиционные, хорошо упорядоченные и легитимные, будучи напрямую связанными с повседневными навыками и обычаями.

То же самое можно сказать и о принципах-требованиях законности и справедливости, которые имеют распространение среди племен и народов от седой

древности вплоть до наших дней. Так, в средневековом обиходе памятна формулировка ст. 39 Великой хартии вольностей (1215), где провозглашается, что ни один свободный человек не будет арестован или лишен имущества иначе, как по приговору суда равных или по закону страны. Столетием раньше в Хартии короля Генриха I, обращенной правителем к верным баронам, приводится формула о необходимости в случае выкупа королевской земли вассалом внесения за нее «справедливого и законного релъефа». Здесь же говорится о применении меры «справедливой законности» к тем или иным правонарушителям, в частности к пойманным фальшивомонетчикам.

Средневековая по времени начального употребления формула о законности судебного приговора затем перекочевала в современное конституционное и процессуальное законодательство под названием формулы о надлежащей законной процедуре (*due process of law*). Об этом говорится в V и XIV поправках к действующей Конституции США. Схожая преемственность существует и между формулами, в которых перечисляются перечень важнейших и неотчуждаемых прав, в конституционных документах США и Японии. Речь идет о естественных и неотчуждаемых правах в форме права на жизнь, свободу и стремление к счастью, помещенных в Декларации независимости США 1776 года и в ст. 13 ныне действующей Конституции Японии.

Эти и сходные положения нашли воплощение в тексте Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН 10 декабря 1948 года, где в ст. 10 и 11 говорится что «каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом» и что «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты».

Другое направление использования законности и справедливости связано с обеспечением толерантности, которая становится первоочередной проблемой внутригосударственного и межгосударственного характера. О сложности и актуальности этой проблемы в современном мире было сказано в Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в ноябре 1995 года. В ней говорится о том, что государства — члены Организации Объединенных Наций, участвующие в конференции по вопросам образования, науки и культуры, испытывают «чувство тревоги в связи с участвовавшими в последнее время актами нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, антисемитизма, отчуждения, маргинализации и дискриминации по отношению к национальным, этническим, ре-

лигиозным и языковым меньшинствам, беженцам, рабочим-мигрантам, иммигрантам и социально наименее защищенным группам в обществах, а также актами насилия и запугивания в отношении отдельных лиц, осуществляющих свое право на свободу мнений и выражение убеждений, представляющими угрозу делу укреплению мира и демократии на национальном и международном уровнях и являющимися препятствиями на пути развития...» Здесь же провозглашается возможное идеальное состояние толерантности как «гармонии в многообразии». Однако до момента достижения этого состояния еще далеко.

5. Если обратиться к обсуждению возможных путей и средств приближения такого момента с помощью общегосударственных и иных организационных усилий, то общая картина согласно Декларации принципов толерантности выглядит следующим образом. На государственном уровне воплощение принципов толерантности требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебного-процессуальных и административных норм. Толерантность также требует предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без дискриминации. В обеспечении этих целей и задач необходим тщательный анализ и учет тех происходящих или уже произошедших и необратимых перемен, которые характерны для современной стадии социальной (и иной) эволюции, имеющих непосредственное отношение к толерантности как желаемому общественному состоянию.

Эти перемены уже стали достоянием современной политической науки и социальной психологии, но не азбучной истиной для правоведения. Напомним об одной из них. В обсуждении многих проблем социального и политического свойства необходимо учитывать, что современное массовое общество не является однородным или сверхаморфным образованием, но тем не менее становится сильно фрагментированным и мозаичным вследствие возросших манипулятивных возможностей прежде всего массовых коммуникаций (газеты, радио и особенно телевидение). Все это приводит к возникновению новой ситуации, при которой становится возможным превращение соперничества политических партий в соперничество политических, прежде всего избирательных, технологий, затрагивающих своим влиянием устойчивые либерально-демократические режимы. Назовем, в частности, политический режим, названный «электоральной диктатурой» (лорд Хэлшем, 1970-е гг.). Все перечисленные изменения создают новые специфические задачи для налаживания политического режима властвования и управления на началах законности и справедливости. Вряд ли достаточно обсуждения этих новаций только в аудитории специалистов-правоведов, без учета и заинтересованного участия представителей других общественных дисциплин, среди которых сегодня особенно велика роль совместных и плодотворных усилий политологов, социологов, культурологов, историков и филологов.

А. А. Джагарян¹**ПРАВО, ДИАЛОГ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ**

Международные Лихачевские научные чтения за время своего существования стали традиционным и авторитетным публичным форумом, в рамках которого ведется междисциплинарный поиск решений по налаживанию и укреплению диалога между различными сообществами и традициями в качестве цивилизованной основы для их партнерства и совместных ответов на глобальные вызовы. Помещение проблематики диалога в центр научно-общественной дискуссии и рассмотрение под этим углом зрения актуальных вопросов современного развития неслучайно. Диалог — одна из связующих нитей всей человеческой культуры и одновременно ее функция. Действие культурного фактора проявляется в формировании определенного типа и качества социальной коммуникации в соответствии с осознанными идеалами и потребностями духовной и материальной жизни. Но диалог — не только инструментальное средство, но и важнейшая ценность совместного жительство людей, путь к достижению гражданского мира и согласия.

В современных условиях обострения геополитических, этноконфессиональных и иных социальных противоречий ценностное значение диалога подвергается серьезным испытаниям. Возникает искушение «простых решений», ассоциируемых с концентрацией силы, мобилизующего и социально-интегрирующего эффекта, оперативным реагированием на ситуацию и политико-экономической целесообразностью. Но дихотомия «диалог–эффективность» носит ложный характер. Прагматическое следование директивно-силовой парадигме, вселяя веру в устойчивость организующей системы, может оборачиваться виртуализацией управления, слабо сопрягаемого обратной связью с изменяющейся средой.

Обеспечение согласия по вопросам развития подразумевает основанное на взаимоуважении и доверии, свободе прямого и открытого высказывания выявление предпочтений и расхождений во мнениях, конструктивный переговорный процесс, ориентированный на готовность к взаимным уступкам и компромиссам. Эффективность решения, определяемая в социально-гуманитарном измерении, во многом зависит от справедливого и равного учета интересов тех, кого оно затрагивает, и от качества дискуссии, касающейся направлений и мер реализации политики. Это соответствует фундаментальной идее человеческого достоинства, из которой следует, что никто не может

¹ Советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук. Автор более 140 научных работ, в т. ч.: «Конституционная ценность избирательных прав граждан Российской Федерации» (в соавт.), «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав граждан с участием профсоюзов» (в соавт.), «Конституционно-правовые основы государственного контроля в Российской Федерации», «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность муниципальной демократии в России», «Основы конституционного строя: двадцать лет развития» (в соавт.), «Муниципальное право Российской Федерации» и др. Член редакционной коллегии журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

ставиться лишь в положение объекта внешней деятельности, — требования, одинаково значимого для индивидуальных и коллективных, в том числе национально-государственных, субъектов.

Рефлекторным отражением этого императива в системе международных отношений выступают взаимосвязанные принципы самоопределения народов и суверенного равенства государств. Ими продиктовано то, что каждый самоопределившийся в суверенно-государственной форме народ обладает равной правосубъектностью, включая как самостоятельное и независимое обустройство своего публичного порядка, так и участие в решении глобальных вопросов через международное общение. Если же воля входящего в государственно-организованный народ национального сообщества не только не находит выражения во власти правительства (как того требует ч. 3 ст. 21 Всеобщей декларации прав человека), но и отвергается и подавляется им (с применением или под угрозой применения силы), то такое сообщество не может быть лишено возможности всеми доступными правовыми средствами добиваться защиты своих интересов, искать пути самостоятельного определения своей судьбы — вовне или на вновь сформированной нормативно-правовой основе внутри этого государства.

Идеи гегемонии, доминирования, исключительности и им подобные, порой прилаживаемые к отдельным субъектам публичного (международного) процесса, сегодня открыто претендуют на выход за рамки чего-то маргинального. Но это реакционный и деструктивный подход. Само международное право как процедурная форма и консолидированный итог межнационального диалога проверяется на прочность распространением практики произвольно-силовых решений, включая различные формы информационной и экономической агрессии. Противовесом здесь может служить последовательная демократизация международного общения, включая структуры ООН, на основе приверженности базовым принципам международного права². Очевидно, требуется более широкое и предметное обсуждение этих вопросов в свете практической аксиологии.

Утверждение и воспроизводство диалога отражают присущее человеку соотношение лично-духовной автономии и объективно-общественной обусловленности, определяемое признанием самопринадлежности человека и его включением в социальную коммуникацию как равно притязающего на духовно достойную жизнь. Единичное человеческое существо, полагал И. А. Ильин, есть единственная возможность одухотворенной жизни. Но лишь общение и общежи-

² Определенные предложения, направленные на обеспечение реального равноправия всех членов мирового сообщества и выведение процесса принятия решений из-за «закрытых дверей», высказываются на высоком уровне. См., например, опубликованную в начале февраля 2015 года совместную статью руководителей независимой международной организации «Старейшины» — бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана и экс-премьера Норвегии Гру Харлема Брундтланда «Четыре идеи для сохранения мира» (<http://www.kommersant.ru/doc/2663618>).

тие дают ей необходимую полноту. Именно с достойной, внутренне самостоятельной и внешне свободной, жизнью всего множества сообщающихся между собой индивидуальных духов он связывал ценность, лежащую в основании естественного права. Историческое развертывание диалогового начала в общественных институтах, характеризующее прогресс идеи права, предполагает расширение и усложнение форм индивидуального творчески конструктивного самовыражения и публичной дискуссии и вместе с тем — развитие форм взаимности, коллективности, совместности, базирующихся на самоуправлении, инициативной солидарности, признании и уважении «другого» как равного себе, согласовании мнений, терпимости.

Диалог как таковой имеет онтологический и экзистенциальный характер. Быть, считал М. М. Бахтин, — «значит общаться диалогически». У английского писателя Дж. Фаулза та же мысль раскрывается в определении бытия через соединение и установление функциональной зависимости: «Чем выше уровень бытия, тем теснее соединение». Разъединение же, напротив, приводит к разрушению бытия и разрывам социальной ткани. Одичание, по мысли Х. Ортеги-и-Гассета, — это «процесс разобщения». Отказ от диалога и фетишизация упрощенно монологических форм, что, в частности, в равной мере свойственно как анархическим, так и тоталитарным (ортодоксальным) системам (притом что в первых каждый как бы «говорит свое о себе с собой», а во вторых «все говорят одинаково об одном и том же»), есть в конечном счете отказ от культуры в пользу архаики. Но и попытки отнести к диалоговым по существу любые социальные связи, включая и те, что вытекают из состояний агрессивной вражды, в том числе войну, не кажутся основательными. Диалог как важнейшая содержательная характеристика культуры мира, несводимого к отсутствию конфликтов, а подразумевающего позитивный, динамичный и основанный на широком участии процесс в духе взаимопонимания и сотрудничества, получил широкое обоснование во многих документах ООН.

Институционализация всеобщего диалога — важнейшая функция права, диалогичного по своей сути, как и социальность, частью которой она является. На это и принципиальную важность формирования диалогической онтологии права уже обращалось внимание, в том числе на Лихачевских чтениях¹. Актуальность такой постановки вопроса все возрастает в современных условиях — с характерным фундаментальным недостатком доверия, крушением доктрины мультикультурализма, парадоксальным сочетанием атомизации общества и распространением, по сути, авторитарной и бессубъектной массовой культуры, углубляющимся кризисом традиционных институтов социализации (в том числе семьи, школы, церкви), обострением дефицита демократии и вместе с тем бюрократического кризиса государственности. К этому можно добавить многое, включая и то, что распространение социальных сетей, внешне благоприятствующее контактам, связано

¹ Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию культурно-антропологической онтологии права // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 505–507.

с деперсонализацией общения и трудностями быть услышанным, расширением не социально ориентированного информационного обмена.

Понимание диалогичности права связано с его межперсональным, интерактивным и консенсуальным характером, развивающимся в определенном социокультурном и историческом контексте. Право как такое не тождественно формально определенным общеобязательным велениям суверенной власти, а является функцией ассоциативно-диалогового взаимодействия свободных субъектов, вступающих во взаимоотношения между собой как равные с применением единого масштаба оценки на основе эквивалентности. Гетерономия в праве основана на автономии его субъектов. Суверенная государственность по мере развития приобретает характер институциональной формы выражения, обеспечения и поддержания такого взаимодействия, что находит свое отражение в историческом становлении режима конституционализма, благодаря которому, в частности, процесс государственно-нормативного регулирования легитимизируется как общее дело. Сама конституция выступает не только формализованным договором об общественно-государственном устройстве, но и фундаментальной предпосылкой и институционно-процедурной основой постоянно длящегося процесса общенационального согласования социальных позиций, характеризующих перспективы взаимосвязанного развития личности, общества, государства.

В этом плане важно иметь в виду, что правовой диалог как таковой несводим к отстаиванию противостоящих правовых позиций с целью достижения истины при решении правовых споров². Это иная по своему характеру фундаментальная юридическая категория. В ней отражается все многообразие различных аспектов обеспечения и поддержания взаимного общественного доверия и согласия на основе выражения, выявления, учета и гармонизированного соотношения мнений и интересов людей, их коллективов. Происходящие сегодня в разных странах процессы вызревания и утверждения так называемой дискурсивной правовой демократии, включая усложнение и дифференциацию форм публичного представительства, в том числе становление институтов «открытого правительства» и квалифицированного (профессионально-дискурсивного) представительства, реализуемого судом в рамках его расширяющихся нормоконтрольных полномочий, подчеркивают роль, которую мирный конструктивный диалог гражданского общества и публичной власти должен играть в условиях конституционного процесса.

Субъекты правового общения вписаны в многомерную систему социальной регуляции, где наряду с собственно правовой действуют иные типы нормативности, влияющие на реализацию и формирование права, пределы его действия. Признание культурной и нравственной обусловленности права не означает его сведения лишь к определенной оболочке, наполняемой

² См., например: Солодухина А. О., Солодухин О. А. Юридический диалог. Теория и практика, круг проблем. М., 1998; Попов В. И. Спор, дискуссия, полемика, юридический диалог // Проблемы права. 2007. № 1.

нормативным содержанием из иных регулятивных источников. Однако существенные характеристики права, образуемые свободой, равенством, справедливостью, могут приобретать различные конкретизированные формы выражения в зависимости от внеправовых условий. При этом право как высший социально-нормативный регулятор определяет в рамках публичного порядка положение и согласование иных нормативных источников, что существенно с точки зрения целей диалоговой коммуникации. Избыточная юридикализация общественных отношений и заурегулированность сужают дискреционное пространство, придавая поведению их участников формально-механистический характер, могут препятствовать достижению и сохранению реального согласия применительно к вопросам, в решении которых люди в данной среде традиционно и небезуспешно полагаются на иные (неформализованные) принципы, не считая их перевод в юридическую (государственно опосредованную) плоскость необходимым или приемлемым.

Вместе с тем правовое регулирование, определяющее основания и пределы общественного диалога, недопустимо увязывать с установлением для него каких-либо мировоззренческих и идеологических рамок, включая религиозные критерии и условия. Осуществляемые на недискриминационной основе свободное выражение и отстаивание индивидуальных предпочтений, касающихся образа и обустройства жизни, относятся к существенным, исходным моментам самоопределения и самореализации каждого человека. Не существует юридических оправданий тому, чтобы стеснять свободу слова и распространения информации на том лишь основании, что они не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с традиционными взглядами и мнениями, противоречат морально-нравственным и (или) религиозным предпочтениям. Но право, призванное выразить равную меру свобо-

ды, не может становиться опорой языку вражды или непристойным, оскорбительным формам подачи информации, включая высказывания по имеющим деликатный характер социальным и религиозным проблемам, облеченные, например, в печатное слово, рисунок или театрализованное представление, которые, не имея подлинной художественной ценности, причиняют страдания и унижают достоинство тех или иных групп граждан. При этом формы государственного реагирования на такие проявления противоправной, злоупотребляющей правом деятельности должны быть пропорциональными и соотноситься, в частности, с реальным уровнем общественной опасности конкретных действий, степенью их распространения, возможностями защиты прав и законных интересов граждан вне связи с государственным принуждением.

В российском социокультурном контексте философия диалога нередко во многом искусственно преподносится в столкновении и противоречии с национальными религиозно-политическими традициями, такими как соборность и симфонизм властей. Однако необходимо понимать, что их глубинной ценностной основой является не единомыслие и единогласие, а единство во множестве, созвучие различий. Пронизывающая Послание Президента РФ Федеральному собранию 2014 года идея о том, что зрелая, сплоченная нация и суверенное сильное государство должны опираться на возможности граждан раскрыть себя, на их свободу для развития и инициативы, что в основе отношений бизнеса и государства должны лежать партнерство и равноправный диалог, призвана подтвердить неизменность ориентиров магистрального направления развития России. Сегодня как никогда важно, чтобы связанная с этим философия диалога и общего дела была в полной мере востребована практикой как важнейший фактор поддержания общенационального согласия и преодоления стоящих перед страной вызовов.

**В. В. Долинская¹,
Л. М. Долинская²**

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Любая правовая культура развивается по внутренним законам и во взаимодействии с внешними явлениями, в том числе с другими правовыми культурами разных уровней: национального, наднационального, международного.

Тенденции развития национального права России на современном этапе можно разделить на направленные на детализацию регулируемых отношений и их объединение в более крупные блоки, в обоих случаях — качественно иного характера.

С классических для России позиций исследователи различают три основные группы отраслей права: государственно-, гражданско- и уголовно-правовую.

В конце XX века стали выделять новые отрасли законодательства (например, банковское, страховое, транспортное), которые могут иметь ядром нормы классической отрасли и содержать нормы иных отраслей права, сочетать различные методы правового регулирования. В последние годы появляются новые отрасли правовой науки. Например, в Номенклатуре специальностей научных работников, утвержденной приказом Минобрнауки России от 25 февраля 2009 года № 59, среди юридических наук с 2012 года выделены административный процесс (в рамках специальности 12.00.14), конституционный судебный процесс (в рамках специальности 12.00.02), новые специальности: «Корпоративное право, энергетическое право» (12.00.07), «Информационное право» (12.00.13).

¹ Профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 30 книг: «Предпринимательское право», «Наследственное право России», «Источники гражданского права», «Договоры в предпринимательской деятельности», «Акционерное право: основные положения и тенденции», «Стратегия современного социоэкономического развития России: экономические и правовые аспекты» и др.; статей: «Состояние, проблемы и тенденции развития российского права: законодательство, наука, образование», «Корпоративное управление: история, современное состояние, перспективы развития», «Акционерные соглашения: состояние, проблемы и перспективы модернизации законодательства и права», «Понятие и правовой статус транснациональных корпораций», «Частное и публичное право в западной и российской правовых культурах: дискуссия и современные проблемы», «Международная интеграция» и др. Член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ. Член редакционных советов и редколлегии ряда научных журналов, в т. ч. «Законы России: опыт, анализ, практика», «Наследственное право».

² Врач Федерального научно-клинического центра спортивной медицины и реабилитации, социолог. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч. учебника «Основы европейского интеграционного права» (в соавт.); статей: «Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью человека, при реорганизации причинителя вреда», «Организационно-имущественные предпосылки туризма и отдыха», «Конвенция МОТ об оплачиваемых отпусках и российское законодательство», «Проблемы национальных проектов и их реализации (на примере здравоохранения)», «Унификация понятия и содержания безопасности в отраслях права», «Жизнь и жизнеспособность в праве и медицине», «Правовые основы комплексного сопровождения подготовки спортсменов», «Проблемы и тенденции правового регулирования отношений в социальной сфере», «Согласие на медицинское вмешательство» и др.

Все отрасли права в целом преследуют схожие цели, а главной задачей системы права является единообразное обеспечение комплексного воздействия на общественные отношения.

В России возвращаются к традиционному для многих зарубежных стран делению права на частное и публичное. Была разработана программа «Становление и развитие частного права в России», одобренная Указом Президента РФ от 7 июля 1994 года № 1473³.

Классическое разграничение публичного и частного права дал Ульпиан: «Публичное право есть то, которое относится к положению римского государства в целом; частное — относится к имущественным выгодам отдельных лиц»⁴. Продолжая эту мысль, он говорил о публичной и частной полезности, но не противопоставлял их, что приводит к выводу: в публичном праве интересы государства преобладают, но его нормы могут служить и частным интересам; нормы частного права в разной мере, прямо или косвенно, реализуют интересы всего общества⁵.

Грань между публичным и частным правом условна. Публичные и частные ценности неразрывно связаны между собой. Практически все отрасли права оперируют единым субъектным набором. Правосубъектность лиц характеризуется одними и теми же составными частями, то есть одинаковы юридические предпосылки участия всех групп субъектов в правоотношениях. В различных отраслях используется единый/схожий понятийный аппарат. В процессе правового опосредования любых общественных отношений достигается обобщенный частно-публичный эффект⁶.

Наблюдается взаимопроникновение частного и публичного права, например в сфере отношений, регулируемых банковским, жилищным, семейным, транспортным законодательством.

Спецификой современного этапа развития является применение в случаях, прямо предусмотренных законом, гражданского (частного) права к имущественным отношениям, основанным на властном подчинении одной стороны другой (п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса РФ).

Все больше сторонников завоевывает идея деления частного и публичного права на юридические лица (да-

³ Собрание законодательства РФ. 1994. № 11. Ст. 1191.

⁴ D.1.1.1.2 (Дигесты, кн. 1, титул 1, фрагмент 1, § 2). Исследователи редко обращают внимание на то, что дословный перевод титула первой книги Юстиниановых дигест предусматривает два варианта: право существует или изучается в двух аспектах: публичном и частном. Второй вариант, на наш взгляд, нивелирует большую часть дискуссий, так как говорит о прикладном, условном характере деления.

⁵ См.: Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2000. С. 26.

⁶ См.: Долинская В. В. Частное и публичное право в западной и российской правовых культурах: дискуссия и современные проблемы // Правовые культуры. Жидковские чтения : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 25 марта 2011 года / под ред. Г. И. Муромцева, М. В. Немытиной. М., 2012.

лее — ЮЛ)¹. Этот вопрос приобрел особую актуальность в свете решения судьбы государственных корпораций.

Средства и частного, и публичного права используются при регулировании транснациональной деятельности, в том числе инвестиционной, и определении правового статуса транснациональных компаний (ТНК)².

Конституционный Суд РФ со ссылками на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (04.11.1950 г.)³ и Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утв. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 43/173 от 09.12.1988 г.), дал расширительное толкование ст. 1070 Гражданского кодекса РФ (частное право) о возмещении вреда, причиненного гражданину в результате незаконных осуждения, привлечения к уголовной ответственности, применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ (публичное право).

Иные высшие органы судебной власти демонстрируют взаимопроникновение частного и публичного права, например в едином подходе административного и гражданского законодательства к вопросу об органах ЮЛ: п. 24 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 2 июня 2004 года № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»; при соотношении института недействительности сделок и публичных правонарушений: п. 5–7 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 10 апреля 2008 года № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением ст. 169 Гражданского кодекса РФ»⁴.

Идеи о взаимодействии частного и публичного права в целях достижения баланса общественных и частных интересов, единого общезначимого результата представляются плодотворными. Одновременно все чаще говорят о тенденции социализации права, выделении наряду с частным и публичным социального права.

С. И. Гальперин различал социальный, гражданский, экономический и торговый оборот⁵. Немецкого экономиста Вальтера Ойкена, основателя фрайбургской школы, называют отцом «социально-рыночного хозяйства» и «германского экономического чуда». Германия и Швеция первыми стали позиционировать социальное право. Японо-германская модель экономического развития получила название социально ориентированной.

¹ См., например: *Долинская В. В.* Акционерное право: основные положения и тенденции : моногр. М., 2006 ; *Макарова Я. М.* Проблемы правового положения Центрального банка РФ как юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000 ; *Чиркин В. Е.* Юридическое лицо публичного права. М., 2007.

² См.: *Долинская В. В.* Понятие и правовой статус транснациональных корпораций // Частное право: проблемы и тенденции развития : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: В. В. Долинская, Н. П. Заикин. М., 2012.

³ Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163 (с изм.).

⁴ Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2008. № 5.

⁵ См.: *Гальперин С. И.* Учебник русского торгового и вексельного права. Екатеринбург, 1907. Вып. 1 : Часть общая и учение о субъектах и объектах торговых действий.

Пункт 1 ст. 7 Конституции РФ: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» — основа идеи баланса, компромисса интересов в целях наиболее эффективного обеспечения, осуществления и защиты прав человека и гражданского общества в целом. Эта позиция отражена в отчете секции бизнеса Консультативной группы по корпоративному управлению *Организации экономического сотрудничества и развития* (1998), письме Центрального банка РФ от 13 сентября 2005 года № 119-Т «О современных подходах к организации корпоративного управления в кредитных организациях», постановлениях Конституционного Суда РФ (например, в ч. III п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П указано, что федеральный законодатель в рамках соответствующего регулирования должен обеспечивать в силу требований ст. 1 (ч. 1), 7 (ч. 1), 8 (ч. 1), 17 (ч. 3), 19 (ч. 1 и 2), 34 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции РФ баланс конституционных прав и свобод, справедливое согласование прав и законных интересов сторон, являющееся необходимым условием гармонизации отношений в Российской Федерации как социальном и правовом государстве).

Прослеживается единая цель — наиболее эффективное обеспечение осуществления и защиты прав человека и гражданского общества в целом. Среди тенденций развития права, в том числе национального, выделим также развитие саморегулирования⁶ и информационных отношений.

Большинство стран вошло в эпоху постиндустриального информационного общества (Ю. Хаяши, Д. Белл⁷ и др.). В связи с этим выделяют проблемы информационной безопасности⁸, отраслевой принадлежности информационных отношений и их видов.

Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства⁹.

В гражданском обороте достаточно четко выделяются отношения:

1) объектом которых является информация (ч. 4 ГК РФ, раздел VII);

2) где действия с информацией выступают как служебные по сравнению с основными:

а) отношения по определению статуса субъекта (его идентификация) и реализации его прав;

б) отношения по квалификации объекта прав и учету этих прав на него;

⁶ См.: *Долинская В. В.* Частноправовые формы и методы экономического саморегулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 2 ; *Тихомиров Ю. А.* Право и экономическое саморегулирование // Там же.

⁷ *Bell D.* The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y., 1973.

⁸ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО/МЭК 17799-2005 «Информационная технология. Практические правила управления информационной безопасностью» (утв. приказом Росстандарта от 29 декабря 2005 г. № 447-ст). М., 2006. См. также: Доктрина информационной безопасности РФ (утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895) // Российская газета. 2000. 28 сент. № 187.

⁹ Пункт 1 Доктрины информационной безопасности РФ.

в) информационное обеспечение деятельности — сделок, решений и т. п. (например, служебные информационные отношения в сфере договорного права и в сфере ответственности)¹.

Основой для однонаправленного развития международного, наднационального и национального права является схожая система источников права, в частности включение в ее состав общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации (п. 4 ст. 15; ч. 1 ст. 17; ст. 90, 113 Конституции РФ, ст. 7 ГК РФ)².

Сближение положений Гражданского кодекса РФ с правилами регулирования соответствующих отношений в праве Евросоюза; использование в гражданском законодательстве России новейшего положительного опыта модернизации гражданских кодексов ряда европейских стран; поддержание единообразия регулирования гражданско-правовых отношений в государствах — участниках СНГ выделены в качестве целей развития частного права в Указе Президента РФ от 18 июля 2008 года № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса РФ»³.

А. А. Дорская⁴

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ЮРИДИЧЕСКУЮ КОНСТРУКЦИЮ СВОБОДЫ СОВЕСТИ (На примере международно-правовых стандартов и российского законодательства)

Свобода совести является одним из сложных понятий, которое разрабатывается и философами, и историками, и юристами, и представителями различных конфессий. Его значение на протяжении истории претерпело значительные изменения.

Первая попытка создания юридической конструкции свободы совести принадлежит предшественнику французского Просвещения Пьеру Бейлю, который в «Историческом и критическом словаре» высказывал мнение, что свобода совести — это право исповедовать любую религию и право не верить в Бога⁵. Просветители отнесли свободу совести к числу естественных прав каждого человека, однако в толковании этого понятия часто наблюдалась неопределенность, что объяснялось огромной политизацией данной проблемы. Но когда в XIX — начале XX века в национальных законодательствах стала закрепляться свобода совести,

то можно констатировать, что конструкция П. Бейля стала общепризнанной.

Новый этап в развитии понятия «свобода совести» начался после 1945 года, когда определяющими в сфере прав и свобод человека стали международно-правовые стандарты. Во второй половине XX века были разработаны универсальные и региональные международно-правовые стандарты, касающиеся свободы совести. Безусловно, именно благодаря им были достигнуты значительные успехи в реализации прав верующих, религиозных организаций. Однако именно с этого времени началось «размывание» сложившейся юридической конструкции свободы совести. Уже в ст. 18 Всеобщей декларации прав человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, в перечислении нескольких важнейших категорий наметился некоторый дуализм: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает в себя свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и культовых порядков». Перечисление свободы мысли, свободы совести и свободы религии как однопорядковых понятий существенно усложнило содержание свободы совести как юридической категории, так как свобода религии была выделена отдельно, а в свободе совести, таким образом, вроде бы была сохранена только «атеистическая составляющая». Кроме того, согласно Декларации фактически свобода совести — это «феномен, семантически многоплановый, а следовательно, контекстуально зависимый»⁶.

Однако последующие международно-правовые документы, наоборот, стали сводить свободу совести к свободе вероисповеданий. Так, в ст. 6 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября

¹ См. подробнее: *Долгинская В. В.* Информационно-правовое обеспечение гражданского (хозяйственного) оборота (гл. 5) // Стратегия современного социоэкономического развития России: экономические и правовые аспекты: моногр. / под ред. В. В. Долгинской, А. О. Иншаковой, В. В. Сорокожердьева. Краснодар, 2014.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

³ Собрание законодательства РФ. 2008. № 29 (ч. 1). Ст. 3482 (с изм.).

⁴ Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор. Автор 290 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния», «Влияние норм церковного права на развитие отраслей российского права», «Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы» (в соавт.), «Роль международного права в регулировании государственно-конфессиональных отношений», «Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность», «Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности» и др. Член Российской ассоциации международного права.

⁵ *Савельев В. Н.* Свобода совести: теория и история. М., 1991. С. 42.

⁶ *Акопян Г. А.* Свобода совести: философско-антропологическое измерение: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2009. С. 8.

1981 года свобода мысли, совести, религии или убеждений представлена как сумма следующих прав: а) отправлять культы или собираться в связи с религией или убеждениями и создавать и содержать места для этих целей; б) создавать и содержать соответствующие благотворительные или гуманитарные учреждения; в) производить, приобретать и использовать необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями или убеждениями; г) писать, выпускать и распространять соответствующие публикации в этих областях; д) вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели; е) испрашивать и получать от отдельных лиц и организаций добровольные финансовые и иные пожертвования; ж) готовить, назначать, избирать или назначать по праву наследования соответствующих руководителей согласно потребностям и нормам той или иной религии или убеждений; з) соблюдать дни отдыха и отмечать праздники и отправлять обряды в соответствии с предписаниями религии или убеждений; и) устанавливать и поддерживать связи с отдельными лицами и общинами в области религии и убеждений на национальном и международном уровнях¹.

Глобализация поставила перед международным правом новые вопросы в определении свободы совести. Появилось понятие постсекулярного мира. Как отмечает А. С. Агаджанян, водоразделом стала лекция Ю. Хабермаса «Glauben und Wissen», прочитанная в октябре 2001 года во Фанкфурте во время вручения ему Премии мира Германской книжной ассоциацией (это происходило вскоре после событий 11 сентября). Хабермас отметил, что люди Запада смогут адекватно понять то, что происходит, скажем, в исламском мире, только отразившись процессы, протекающие в их постсекулярных обществах. Для этого надо отказаться от дихотомного взгляда на знание и веру, науку и религию как участников игры с нулевой суммой (одна сторона выигрывает ровно столько, сколько проигрывает другая)².

Такая ситуация поставила перед мировым сообществом новые задачи.

Первая из них — разработка более четкой конструкции свобод совести. По справедливому замечанию Н. В. Володиной, «окончательное понимание свободы совести еще не сформировалось и не получило соответствующего научного обоснования»³. Современные формулировки носят более «философско-антропологический»⁴, чем правовой, характер.

Вторая задача — реализация свободы совести требует сочетания индивидуальной свободы совести с коллективной. С одной стороны, каждый человек должен чувствовать, что свободен в определении

своего статуса как верующей или неверующей личности. С другой — реализовать свои религиозные права можно только в коллективе единоверцев, при наличии специальных молитвенных зданий и т. д. Сложившаяся практика пока дает преимущества традиционным конфессиям.

Третья задача — определение на международном уровне признаков тех религиозных учений и организаций, чья деятельность может рассматриваться как преступление.

Четвертая задача — защита возможности атеистического мировоззрения, атеистического образа жизни, так как возник некоторый перекоп в пользу религиозного восприятия мира. Международно-правовые стандарты должны быть такими, чтобы предотвращать возможные конфликты на религиозной почве, а при возникновении — разрешать их.

Все эти процессы отразились в национальном законодательстве различных стран мира. Россия в этом отношении представляет один из интереснейших примеров.

В Советском Союзе международно-правовые стандарты, касающиеся свободы совести, практически не учитывались. В ст. 52 Конституции СССР 1977 года было закреплено: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви»⁵. То есть свобода совести фактически имела классическую конструкцию, включающую свободу вероисповедания плюс право на атеизм.

В 1990 году был принят Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях»⁶. Буквально через несколько дней, 25 октября 1990 года, был принят Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий»⁷. Название последнего закона несколько противоречило сложившейся традиции, так как свобода вероисповеданий носит более «религиозный» характер и не подразумевает атеистического мировоззрения.

В ст. 28 Конституции РФ 1993 года было закреплено, что «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»⁸. Та-

¹ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 года // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповеданий. Нормативные акты. Судебная практика / сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский. М., 2001. С. 23–25.

² Агаджанян А. С. Постсекуляризм: контуры новой гуманитарной парадигмы // Гуманитарные чтения РГГУ–2011: сб. материалов. М., 2012. С. 155.

³ Володина Н. В. Государственно-конфессиональные отношения: теоретико-правовой анализ. М., 2005. С. 54.

⁴ Акоюн Г. А. Указ. соч. С. 3.

⁵ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года // Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской Конституции. М., 1987. С. 333.

⁶ Закон СССР от 1 октября 1990 года № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.

⁷ Закон РСФСР от 25 октября 1990 года № 267-1 «О свободе вероисповеданий» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240.

⁸ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках в Конституцию РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. 4 авг. № 31. Ст. 4398.

ким образом, указание в Конституции РФ на свободу совести и свободу вероисповеданий как однопорядковых понятий стало новаторством для нашей страны, соответствующим международно-правовым документам. Эта новая тенденция была продолжена и в ныне действующем Федеральном законе РФ от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ. Несмотря на то что закон имеет название «О свободе совести и о религиозных объединениях», в ст. 3 закрепляется «право на свободу совести и свободу вероисповедания»¹.

Можно констатировать, что сегодня в российском законодательстве вслед за международно-правовыми документами под свободой совести понимается скорее философская, чем правовая конструкция.

Последовавшие другие российские законы и подзаконные акты, прямо или косвенно касающиеся вопросов реализации свободы совести, также показывают, что в понимании свободы совести возобладало религиозное восприятие мира. Примером может служить Федеральный закон РФ «О передаче религиозным организа-

циям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»². Безусловно, церковное имущество было незаконно изъято большевиками, однако при его возвращении различным религиозным организациям должно учитываться, что и государство, и религиозные организации имеют социальную функцию (функцию социального служения — для религиозных организаций), поэтому вряд ли оправданно выселение из зданий, которые когда-то принадлежали религиозным организациям, больниц, детских, образовательных учреждений и т. п.

Таким образом, глобализационные процессы серьезно влияют как на международно-правовые стандарты, так и на российское законодательство о свободе совести. Это отражается в несамостоятельности понятия «свобода совести», которая ставится наравне со свободой мысли, религии или убеждений. Сложившаяся в течение нескольких веков юридическая конструкция фактически уступила место философскому пониманию свободы совести.

Н. А. Исаев³

ПРАВО И ПРЕСТУПНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Под глобализацией следует понимать объективный процесс в обществе, направленный на интеграцию в различных сферах: политике, экономике, культуре, образовании и т. д. Противоположный процесс, который также объективно существует и имеет многочисленных сторонников и последователей, — сегрегация. Я не стану повторять восхваления глобализации, они хорошо известны. Остановлюсь на ее негативных моментах — это прежде всего унификация и стандартизация образования и культуры, навязывание и пропаганда стандартов потребления и потребностей, систем ценностей западной цивилизации, подавление национальных культур и национального самосознания, рост преступности нового типа, бездумное заимствование и подражание нормам, идеям и ценностям. Если в социальном, политическом, экономическом и других планах глобализация справедливо рассматривается как в позитивном, так и негативном аспектах, то в юридической науке приоритет международных

норм права преподносится как достижение⁴. Однако заимствование правовых норм, не всегда вписывающихся в традиционные системы ценностей, а порой и явно противоречащих им, не способствует формированию правосознания и законопослушного поведения граждан, а скорее будет создавать систему двойных стандартов. При этом юристам, ратующим за приоритет международно-правовых норм, стоит вспомнить, что приоритет международных норм над национальными был продиктован страной-победительницей — США — для конституций стран, проигравших во Второй мировой войне (конституции Италии 1947 г., Японии 1947 г. и ФРГ 1949 г.).

В то же время процессы глобализации привносят в современный мир особенности, с которыми невозможно не считаться, — это прежде всего относится к организованной преступности. В данном случае международное правовое сотрудничество должно играть положительную роль. При этом речь идет о заимствовании прежде всего доктринальных основ, а не об имплементации отдельных правовых норм, расширении и изменении законодательной части в ущерб доктринальной.

Другой аспект — отказ от приоритета международно-правовых норм неизбежно приведет к политическому злоупотреблению правом, сегрегации общества, экономической изоляции.

Относительно понятия «общество в процессе глобализации» имеется обширная библиография, но нет единства в терминологии. По значимости процессы глобализации сопоставимы с осевым временем, вве-

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в ред. от 31 декабря 2014 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Федеральный закон от 30 ноября 2010 года № 327-ФЗ (в ред. от 23 июня 2014 г.) «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (в данном виде документ не был опубликован; первоначальный текст документа см.: Рос. газета. 2010. 3 дек. № 274).

³ Профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук. Автор более 250 работ по криминологии, уголовному праву, уголовно-исполнительному праву, юридической психологии, судебной психиатрии, социологии. Главный редактор журнала «Вестник Орловского государственного университета», заместитель главного редактора журнала «Общество и человек».

⁴ Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007. С. 5.

денным К. Ясперсом. Когда цивилизации вступили в линейное историческое время, был сформирован новый исторический тип личности, появились основные мировые религии и типы ментальности.

Стремительно изменяющаяся картина современного мира, процессы, описываемые как третья волна (А. Тoffler, 1980), информационное общество (Р. Ф. Абдеев, 1994), индивидуализированное общество (З. Бауман, 2002), общество постмодерна (Н. Луман, 2005), одним из главных факторов которых выступают процессы глобализации, несущие наряду с новым мировым порядком новый мировой беспорядок (В. Sterling, 2005). К факторам, влияющим на процесс становления постиндустриальной цивилизации, Г. Узилевский (2005) справедливо относит: 1) возникновение постнеклассической науки и смену научной парадигмы; 2) федералистскую направленность создания экономических, общественных и государственных образований; 3) новые наукоемкие и информационные технологии; 4) трансформацию индустриальной экономики в экономику услуг; 5) глобализацию и антиглобализацию как реакции на интенсивное, но противоречивое развитие экономики и разнообразие возникающих при этом политических, общественных, культурных и экономических отношений; 6) появление представителей новой человеческой расы, отличающихся духовностью и самосознанием¹. Отмеченные факторы становления нового постиндустриального общества влияют на развитие и трансформацию преступности, но должны найти своевременное отражение в процессах социального контроля преступности и теоретических представлениях о девиантном и криминальном поведении, условиях, способствующих и препятствующих реализации такого поведения.

Глобальный беспорядок отграничивается от локальных возмущений, региональной преступности своими масштабами и формирует принципиально новый в качественном отношении криминальный мир. Преступный бизнес основывается на территориях, ставших экономически нерентабельными вследствие религиозной и межнациональной напряженности. Основными криминальными видами деятельности становятся распространение наркотиков и оружия, использование нелегального труда иммигрантов, экспорт и импорт проституции, незаконное отмывание денег, нелегальная миграция, коррупция государственных служащих и правоохранительных органов, пиратство. Появляются новые виды преступности, связанные с использованием информационных технологий, сети Интернет, биотехнологий: трансплантация и донорство тканей и органов, генетическое клонирование, эвтаназия.

Непосредственными факторами, определяющими преступность современного мира, наряду с технологическими новшествами, являются изменения системы ценностей индустриального общества, разрушение привычных стереотипов поведения, экономическая нестабильность, социальное отчуждение индивида, жизнь, сопряженная с постоянными рисками, рост

психических аномалий. Однако наибольшее опасение современного сообщества вызывает криминальный «квартет» (терроризм, детская проституция и порнография, наркоторговля и организованная преступность), эпонимически названный западными исследователями «четырьмя всадниками информационного апокалипсиса» (В. Sterling, 2005). Именно в отношении указанных преступлений процессы глобализации и образования нового мирового беспорядка играют наиболее значительную роль.

Все отмеченные виды (терроризм, детская проституция и порнография, наркобизнес и организованная преступность), в отличие от «классической» преступности, обусловленной ситуационно, с высоким коэффициентом виктимности и так далее, характеризуются внутренней упорядоченностью, имеют свои дисциплинарные векторы и не укладываются в традиционные представления о преступности как аномии или социальном хаосе. Эту особенность социальной организации отмечал еще Ф. М. Достоевский: «Будь чем хочешь, это твое дело, убийцей, мерзавцем, фанатиком, но исполняй церемонии. Церемонии же — это та связь, по которой муравейник распасться не может»².

Преступность в глобализирующемся обществе начинает рассматриваться как один из возможных рисков. Большинство авторов сходятся во мнении, что процессы глобального, мирового порядка зависят прежде всего от способности управлять рисками в условиях переходного хаоса и неопределенности. Введенное У. Бекком понятие «риск» — не что-то новое. Согласно его концепции, в современном мире не больше риска, чем в обществе индустриальном, однако меняется его характер, так как риск вызывают не естественные опасности, а собственное социальное развитие, научно-технический прогресс, неконтролируемый экспоненциальный рост информации во всех областях науки и внедрение новых технологий. «Наука стала покровительницей глобального заражения людей и природы. В том отношении не будет преувеличением сказать, что тем, как науки во многих сферах рассматривают риски, теперь до следующего раза они растратили свою извещную рациональность»³.

В связи с этим Э. Гидденс пишет: «Современность есть культура риска. Этим я не хочу сказать, что социальная жизнь по своей сути более опасна, чем прежде; для большинства людей это не так. Понятие риска скорее имеет фундаментальное значение для способа организации социального мира как непрофессиональными актерами, так и техническими специалистами. Современность снижает общую рискованность определенных сфер и форм жизни, однако в то же время она привносит новые параметры риска, которые были прежним эпохам в основном или совершенно неизвестны»⁴.

В 1998 году на основе материалов «Британского обзора преступности» был создан индекс риска, указывающий, какие слои населения в наибольшей степе-

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1984. Т. 21. С. 295.

³ Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. L., 1992. P. 70.

⁴ Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, 1991. P. 3–4.

¹ Узилевский Г. Человек и постиндустриальная цивилизация в контексте наследия М. М. Бахтина // Бахтинский вестник. Орел, 2005. Т. 1. С. 213.

ни подвергаются риску стать жертвами определенных преступлений¹.

В связи с этим Л. Шелли (L. Shelly) в работе «Преступность как определяющая проблема» справедливо отмечает: «Отсутствие единства в криминологии стало особенно очевидно с началом глобализации в 90-х годах»², хотя роль криминологической теории в процессе глобализации выходит на первый план. В заключение, отмечая данный факт, Шелли пишет: «Большинство мировых насущных проблем содержат в себе криминальный компонент: масштабная незаконная миграция, терроризм, разрушительные региональные конфликты и рост глобальной теневой экономики»³.

В. В. Лунев, проведя обширный обстоятельный анализ преступности рубежа XX–XXI веков, выделяет по меньшей мере восемь криминологически значимых аспектов глобализации: 1) высокий уровень и своеобразную структуру преступности в мире и отдельных странах; 2) совокупность причин и условий преступности и ее различных видов; 3) особенности личности преступников; 4) возникновение новых форм и видов общественно опасной деятельности; 5) расширение специфической сферы преступного в уголовном законодательстве; 6) транснационализацию преступности; 7) вынужденное расширение международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью; 8) содержание и организацию предупреждения преступности⁴.

Анализируя специфику преступлений глобализирующегося мира, Лунев выделяет следующие виды транснациональной преступности: 1) внутренний

и международный терроризм; 2) торговля людьми, женщинами, детьми и человеческими органами; 3) незаконный оборот химических и ядерных материалов; 4) незаконная торговля оружием; 5) незаконный оборот наркотиков; 6) кража и контрабанда автомобилей, а также преступления, связанные с произведениями искусства и культурного наследия, кража интеллектуальной собственности, пиратство, компьютерные преступления, подделка денег, ценных бумаг и другие виды преступлений, совершенные в узких сферах группировками, формируемыми по этническому признаку, и террористическими организациями, преследующими политические цели⁵.

Вместо заключения я позволю себе остановиться на некоторых особенностях права и преступности в глобализирующемся обществе, актуальных для современной России:

1) глобализация ведет к ослаблению государственности и одновременно — к сращиванию набирающей силу организованной преступности с государственными структурами;

2) огромные миграционные потоки обуславливают увеличение удельного веса преступности мигрантов (со всеми вытекающими криминологическими последствиями);

3) криминальная глобализация в таких определяющих сферах жизни общества, как политика, экономика, медицина, развивается опережающими темпами по сравнению с легальными процессами глобализации и соответственно определяет развитие в отмеченных сферах.

З. Н. Каландаришвили⁶

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ЭПОХИ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Происходящие в Российской Федерации многочисленные перемены в социальной, культурной, экономической, политической и правовой жизни оказывают влияние и на процесс развития национально-правовой культуры. Провозгласив в начале 1990-х годов курс на строительство рыночной экономики, Российская Федерация включилась в мировую систему глобализации, под которой следует понимать интеграцион-

ные мировые процессы в сфере экономики, культуры, политики, религии и права.

Национально-правовая культура представляет собой всю существующую в обществе правовую реальность (в виде знаний, ценностей, статусов, установок в сфере действия права) и специфическое национально-правовое своеобразие (в виде правовой ментальности и правового поведения).

В целом, в механизме, формирующем национально-правовую культуру, можно выделить три важнейших элемента: а) социальную среду, в которой протекает жизнедеятельность людей; б) конкретную личность, на которую эта среда воздействует; в) определенную сумму правовых знаний, установок, ценностей, которые общество стремится передать людям.

Динамика доминирующих в национально-правовой культуре взглядов прежде всего напрямую связана со складывающейся социальной, экономической и политической ситуацией в обществе. Соответственно и радикальное воздействие на эту динамику в же-

¹ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 195.

² Shelly L. Crime as the Defining Problem: Voices of Another Criminology // International annals of criminology. 2001. Vol. 39 (1/2).

³ Ibid.

⁴ Лунев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 126–127.

⁵ Там же. С. 140.

⁶ Заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Правовая социализация российской молодежи», «Правовая культура российского общества», «Актуальные проблемы правовой культуры российской молодежи», «Деформация правовой культуры российской молодежи», «Правовой нигилизм в российском обществе и борьба с ним».

лательном для общества направлении возможно лишь в контексте конкретных позитивных изменений в общественном развитии. Национально-правовая культура производна от имеющихся в социальной среде дифференциаций в зависимости от возраста, социальной принадлежности, образовательного, культурного и правового уровня¹.

В этих условиях в современном российском обществе важно не допустить преклонения перед западными устоями жизни: влияния культа денег, карьеры, власти, вещей на умы граждан как разлагающих ценностных потенциалов, не свойственных духовному миру и традиционному менталитету российского человека.

Распространение в российской социальной среде противоправных настроений во многом связано с непростой экономической и политической ситуацией в стране и мире. Неэффективность работы органов местной власти, нестабильность экономики и законодательства, большое количество новых законов (нередко противоречащих друг другу), несоответствие законов разного уровня, сосуществование новых правовых норм и устаревших, сохранение «белых пятен» в законодательстве — все это не может не влиять негативно на современную национально-правовую культуру. Повышение уровня информированности населения о новых законодательных актах, сущности правовых механизмов — одна из необходимых мер позитивного развития национально-правовой культуры в России.

Сегодня причинами криминогенности и распространенной аполитичности россиян являются: во-первых, отсутствие у части населения представлений о закономерностях развития общества и государства; во-вторых, низкий уровень информированности о деятельности правоохранительных органов, политических партий и движений в стране и за рубежом; в-третьих, значительный правовой нигилизм среди населения; в-четвертых, слабое взаимодействие населения с органами государственной власти и местного самоуправления; в-пятых, недостаточная правовая, нравственная и политическая зрелость российской молодежи.

Впрочем, справедливости ради следует заметить, что тенденция криминализации в обществе характерна не только для Российской Федерации. Это современная глобальная проблема. Сегодня рост преступности происходит во всех странах мира, в том числе в США и Западной Европе. Анализ этих процессов показывает, что правонарушаемость среди населения представляет в настоящее время одну из наиболее болезненных и общественно значимых глобальных проблем во всем мире².

На природу и характер правонарушаемости заметное влияние оказывают и такие личностные факторы, как деформация системы ценностей, в том числе культурных, экономических, политических и правовых, нездоровая среда общения, преобладание досуговых ориентаций над социально полезными, неадекватное восприятие психолого-педагогических воздействий,

отсутствие конкретных жизненных планов. Кроме того, действуют и индивидуальные факторы: психологическая предрасположенность, акцентуация личности и физиологические (в том числе наследственные) отклонения.

К сожалению, нынешний мировой экономический кризис отразился и на нашей стране, в том числе на молодежи. Сегодня большое количество молодых людей в России находятся за чертой бедности (особенно это касается городской провинции и сельской местности). А ведь молодежь играет важную роль в духовном, нравственном, экономическом, политическом и правовом развитии любой страны, так как является базовым ресурсом в развитии государства.

Любая страна, если она думает о своем будущем, обязана разрабатывать и проводить комплексную последовательную политику в отношении молодых людей. Основные задачи такой политики — целенаправленно вкладывать средства в развитие человеческого, прежде всего молодежного, потенциала, вовлекать молодых в проводимые социальные, экономические, правовые реформы в стране и процесс управления государством. Все проблемы, существующие сегодня у нашей молодежи, нужно решать сообща, причем как на федеральном, так и на региональном уровне страны.

Следует констатировать факт, что, к сожалению, российская молодежь пока недостаточно активно участвует в процессе принятия экономических, правовых и политических решений. В связи с этим необходимо, чтобы молодежь сама могла инициировать нужный закон и научилась вести диалог с властью.

Сегодня современный индивид предстает одновременно объектом и субъектом национально-правовой культуры, отражая социально-культурную, социально-экономическую, социально-политическую и правовую ситуацию в обществе, и интериоризирует правовые ценности.

Гражданин всегда существует одновременно в двух ипостасях. С одной стороны, как субъект собственной социально-культурной, социально-экономической, социально-политической и правовой деятельности. С другой стороны, как объект воздействия различных политических, экономических и социальных сил.

Если общество нацелено на устойчивое развитие, оно всегда социализирует человека: обучает, воспитывает, развивает таким образом, чтобы в будущем он был способен сам развивать общество. Однако при данном типе развития индивид должен реализовывать роль социально-экономического, социально-политического и правового субъекта, способного на инициативность и обратное воздействие на общество. Своеобразие гражданина как субъекта-носителя национально-правовой культуры заключается в том, что он постоянно находится в состоянии перехода от преимущественного свойства быть объектом общественно-го воздействия к преимущественному свойству стать субъектом социально преобразующей деятельности.

Сегодня в России необходима взвешенная социально ориентированная политика, нацеленная на развитие собственной национально-правовой культуры. Но в настоящее время по социально-экономическим причи-

¹ Яхонтов С. С. Социологическое изучение правовой культуры молодежи // Проблемы социологии права. Вильнюс, 1970. Вып. 1. С. 209.

² Полякова О. А. Молодежная преступность в современной России. М., 2011. С. 15–17.

нам проводится половинчатая политика. Но, вероятно, не только государство ответственно за это, свою лепту в разработку и реализацию подобных стратегий должны внести общественные, конфессиональные органи-

зации и специалисты разных профилей, которые смогут повлиять на позитивное формирование в стране институтов гражданского общества и в целом на развитие национально-правовой культуры.

М. В. Карасева (Сенцова)¹

НАЛОГОВОЕ ПРАВО РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Налоговое право России — это подотрасль финансового права, регулирующая публичные финансы. Учитывая, что в условиях глобализации экономики сфера финансов в самой большей степени подвержена форсированной унификации, финансовое право России, в том числе налоговое право как правовая форма национальных публичных финансов, самым явным образом демонстрирует тенденции глобализации.

1. Прежде всего налоговое право России демонстрирует общеправовые проявления глобализации. В их число входит конвергенция правовых систем, то есть взаимопроникновение континентальной правовой системы и системы общего права². Как результат сегодня в системе источников налогово-правового регулирования в России выделяют нормативный правовой акт и судебный прецедент. Налоговый нормативный акт в России представлен прежде всего налоговым законодательством, а прецедентное регулирование — решениями Конституционного Суда (КС) РФ, а также определенными постановлениями Президиума Высшего арбитражного суда (ВАС) РФ.

Развитие прецедентного налогового регулирования в России происходило давно, с самого начала создания КС РФ. В течение какого-то времени в науке шли споры о правовой природе решений КС РФ, однако сегодня этот вопрос практически не дискутируется. Постановления КС РФ и его правовые позиции в сфере налогообложения признаются в качестве судебного прецедента. Помимо решений КС РФ, совсем недавно появился и другой источник прецедентного регулирования. Так, принятие в 2002 году нового Арбитражно-процессуального кодекса РФ обеспечило работу арбитражных судов России на принципиально новом уровне. Необходимость обеспечить на территории страны единообразие судебной практики привела к принятию

Постановления Пленума ВАС РФ от 12 марта 2007 года № 17, которым фактически признавалась обязательная сила постановлений Президиума ВАС РФ для рассмотрения дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Данное постановление вызвало неоднозначную реакцию в среде научной общественности. Однако в январе 2010 года КС РФ в своем Постановлении от 21 января 2010 года № 1 закрепил правовой статус постановлений Президиума ВАС РФ. В результате признания прецедентного характера правовых позиций ВАС РФ фактически стал мегарегулятором экономических отношений, в том числе налоговых. Хотя в 2014 году Высший арбитражный суд РФ был ликвидирован, постановления его Президиума и сформулированные в них судебные правовые позиции сохраняют свое значение актов прецедентного регулирования.

В этих условиях в России налоговое законодательство перестало являться единственным ориентиром налогового правоприменения и правореализации в целом. Оно вошло в систему налогово-правового регулирования наряду с актами прецедентного налогового регулирования. Соответственно в современных условиях в России налоговое законодательство используется налогоплательщиками, налоговыми органами и судами в системе актов прецедентного регулирования. В этом и заключается одна из современных тенденций развития налогового права в России, обусловленная процессами глобализации.

II. Помимо отмеченного, национальное налоговое право демонстрирует и чисто отраслевые, то есть специфические, черты, продиктованные процессом глобализации экономики. Их существование обусловлено тем, что экономическая свобода в условиях открытого мира рождает универсальный алгоритм решения налогоплательщиком своих налоговых задач, что сказывается на национальных публичных финансах, «завязанных» на государственных бюджетах государств. Иначе говоря, в условиях экономической глобализации методы налоговой оптимизации, используемые налогоплательщиками, становятся похожими, универсализируются. Это приводит к тому, что государства в эпоху глобализации начинают активно использовать унифицированные, а точнее, уже апробированные концепции борьбы против уклонения от уплаты налогов. Фактически к сегодняшнему дню сложилась правовая общность стран, использующих в национальном законодательстве универсальные налогово-правовые концепции.

¹ Заместитель декана юридического факультета по международному сотрудничеству, заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Бюджетное и налоговое правовое регулирование: единство и дифференциация» (в соавт.), «Бюджетное и налоговое право России: политический аспект», «Деньги в финансовом праве», «Финансовое правоотношение», «Tax law in Russia» и др. Директор Российского филиала Центра информации и организации исследований публичных финансов и налогового права стран Центральной и Восточной Европы. Член научного комитета Европейской ассоциации профессоров налогового права (Нидерланды), член редакционной коллегии журнала «Финансовое право» и ряда иностранных журналов.

² См.: Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 28.

В числе этих концепций прежде всего значатся так называемые правила GAAR (General Anti-Avoidance Rules), то есть общая концепция борьбы государств с уклонением от уплаты налогов. Эта концепция стала постепенно входить в практику различных государств еще в начале XX века, но к настоящему времени фактически стала универсальной для всех стран. Так, Голландия ее приняла еще в 1924 году, Франция — в 1941-м, Германия — в 1977-м, Канада — в 1988-м, Испания — в 2004-м, Китай — в 2008-м, США — в 2010-м.

В Российской Федерации общая концепция борьбы против уклонения от уплаты налогов была принята в форме судебной доктрины в 2006 году, а именно: Пленум Высшего арбитражного суда РФ 12 октября 2006 года принял Постановление № 53 «О необоснованной налоговой выгоде». Суть данной доктрины сводится к тому, что налоговые выгоды налогоплательщика в виде его прав на налоговые вычеты, льготы и тому подобное должны определяться не юридическим, а экономическим содержанием заключенных им сделок. Иначе говоря, в каждом конкретном случае необходима экономическая квалификация сделок налогоплательщика на предмет определения его налоговой выгоды, обоснованной или необоснованной.

В этом контексте принятие Российской Федерацией в 2006 году общей концепции борьбы против уклонения от уплаты налогов в форме судебной доктрины о необоснованной налоговой выгоде фактически включила налоговое право России в глобализационный процесс. Также в 2012 году в Налоговый кодекс (НК) РФ введен раздел V.1, предусматривающий контроль за трансфертным ценообразованием. Институт такого контроля является интернациональным, ибо в мировой практике рассматривается как составная часть правил GAAR, давно применяемых в разных европейских государствах.

К 2014 году Россия почувствовала необходимость усиления борьбы с уклонением от уплаты налогов. Это было вызвано активным выводом резидентами Российской Федерации капиталов в низконалоговые юрисдикции и, таким образом, уклонением от уплаты налогов. Решение данной проблемы не требовало от российского законодателя изобретения адекватного правового национального механизма. Проблемы уклонения от уплаты налогов путем вывода капиталов в низконалоговые юрисдикции, в том числе офшоры, к 2014 году уже имели в мире модели правового решения.

Прежде всего существует Модельная налоговая конвенция Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которой содержатся правила, устанавливающие механизмы борьбы со злоупотреблениями положений международных договоров. В частности, под влиянием все более актуализирующейся в разных государствах проблемы формального применения льготных режимов налогообложения дивидендов, процентов и лицензионных платежей, установленных международными соглашениями об избежании двойного налогообложения с участием этих стран, 15 июля 2014 года Совет ОЭСР утвердил изменения в Модельную конвенцию ОЭСР и Комментарии к ней. Важным явилось то, что в вышеназванную кон-

венцию были внесены положения, регламентирующие применение так называемой *концепции бенефициарного собственника*.

Для Российской Федерации принятие этой конвенции в современных условиях явилось требованием времени. Поэтому в 2014 году российский налоговый законодатель, ориентируясь на положения Модельной налоговой конвенции ОЭСР и при этом имея собственную позицию, внес изменения в НК РФ, впервые введя в ст. 7 соответствующего федерального закона термины «фактический получатель дохода» и «иностранный организация, имеющая фактическое право на доход»¹, что содержательно соответствует термину «бенефициарный собственник». Международная концепция бенефициарного собственника, введенная теперь в НК РФ, ценна тем, что позволяет гарантировать не формальное, а адресное применение налоговых льгот, установленных международными налоговыми соглашениями Российской Федерации с другими государствами².

Кроме того, эти модели, достаточно вариативные в различных государствах, но эффективно применяемые на протяжении многих лет, охватываются так называемыми правилами о контролируемых иностранных лицах, то есть Controlled Foreign Corporation (CFC) Rules. Вкупе с концепцией бенефициарного собственника российский законодатель, опираясь на практику европейских стран, использующих в своем налоговом законодательстве CFC Rules, ввел в НК РФ главу 3.4 «Контролируемые иностранные компании и юридические лица». Суть данного нововведения заключается в ограничении вывода активов в низконалоговые юрисдикции и уклонения от уплаты налогов резидентами Российской Федерации.

Все вышеназванные примеры развития национального налогового права свидетельствуют о том, что глобализация экономики требует от отечественного законодателя унификации правового мышления в сфере налогообложения. И эта унификация вводит Россию в международную интегральность правопонимания налоговых проблем. В конечном счете можно констатировать, что использование в налоговом праве России универсальных налоговых концепций означает присоединение к правовой общности стран, использующих в национальных законодательствах налогово-правовые концепции GAAR, бенефициарного собственника, CFC Rules и др.

III. Помимо всего отмеченного, включенность российской правовой системы в глобализационные процессы заставила отечественного законодателя и в большей степени правоприменителя в сфере налогообложения ориентироваться не только на национальные, но и на международные и зарубежные правовые источники. Так, несмотря на то что Россия не является членом ОЭСР, документы Организации стали занимать очень важное место в российском налогообложении, особенно в последнее время. Так, Минфин РФ

¹ См.: Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 24 ноября 2014 г. № 376-ФЗ.

² См.: Брук Б. Я. Перспективы кодификации концепции бенефициарного собственника в российском налоговом законодательстве // Закон. 2014. № 6.

еще в 2011 году указывал на общепринятый в международной практике подход по применению затратного метода контроля за трансфертными ценами со ссылкой на ОЭСР¹. Кроме того, с 2012 года в российском налоговом законодательстве предусмотрены соглашения между налоговыми органами и налогоплательщиками по вопросам ценообразования. Институт названных соглашений был предусмотрен ОЭСР².

Вместе с тем в деятельности КС РФ можно найти случаи обращения к практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Также есть примеры, когда ВАС РФ и суды апелляционной инстанции обосновывали свои решения, в частности, ссылками на практику Европейского суда справедливости, хотя этот суд не имеет никакого отношения к российской судебной системе.

Отмеченные тенденции свидетельствуют о том, что глобализационные процессы заставляют не только российского законодателя, но и правоприменителя опираться на существующий в мире опыт решения проблем, находя его актуальным для возникающих национальных задач, а также подтверждать с его помощью свою аргументацию в судебных решениях.

В науке нередко возникает вопрос: глобализационные процессы в тех или иных отраслях являются позитивными или негативными? Что касается сферы национального налогового права, то можно заметить, что эти процессы влияют на нее исключительно позитивно. Можно привести по крайней мере два довода в обоснование этого: во-первых, глобализационные процессы дают возможность национальному налоговому законодателю и правоприменителю учитывать международно-правовой регулятор, а также опыт зарубежных стран для решения налогово-правовых проблем в русле интегрального правопонимания. Во-вторых, современная универсализация налогово-правового регулирования заставила российского законодателя изменить парадигму этого вида регулирования. Если еще 10 лет назад в налогово-правовом регулировании России существовала парадигма, акцентированная на правовой форме и содержании, то сегодня доминантной является парадигма, направленная на экономическую сущность налогово-правового регулирования. В связи с этим сегодня важнейшим принципом налогового правотворчества и правоприменения является принцип «существо над формой».

А. С. Карцов³

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ РЕШЕНИЙ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Конституционное признание Российской Федерацией общепринятых принципов и норм международного права, а также международных договоров составной частью своей национальной правовой системы предопределяет учет как наднациональных норм, так и решений наднациональных судебных органов при осуществлении Конституционным Судом Российской Федерации (далее — Конституционный Суд) своих полномочий. В том числе это относится к действующему в рамках Совета Европы конвенционному праву в единстве его нормативного (Конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней, далее — Конвенция) и правоприменительного (решения Европейского суда по правам человека, далее — ЕСПЧ) компонентов.

В связи с тем, что гарантируемые Конвенцией права и свободы являются общепризнанными, конвенционные положения действуют в качестве конституционно предусмотренного (в силу ст. 15 и 17 Конституции) правозащитного механизма. Решения ЕСПЧ — в той степени, в какой они соответствуют Конституции Российской Федерации (далее — Конституции), — являются составной частью российской правовой системы.

Считая, что интересы защиты прав человека диктуют реализацию не только национальных правовых инструментов, Конституционный Суд в своей деятельности активно использует прецедентную практику ЕСПЧ, применяя для имплементации конвенционного права весь арсенал имеющихся в его распоряжении средств (полная или частичная дисквалификация нормативных актов, проверка конституционности правоприменительной практики).

В рамках конституционной практики в первую очередь учитываются решения ЕСПЧ, признающие нарушения Конвенции со стороны России. Однако Конституционный Суд не ограничивает юридическую силу решений ЕСПЧ в части толкования Конвенции только делами, в которых Россия является стороной, считая, что такие акты подлежат учету национальными органами вне зависимости от того, в отношении какого государства они приняты, при условии их соответствия Конституции, а также общепризнанным принципам и нормам международного права.

¹ Письмо Минфина РФ от 28 ноября 2011 г. № 03-01-07/5-14.

² *Мачехин В.* Роль Суда справедливости в Люксембурге при разрешении споров, связанных с налоговым правоприменением в странах Центральной и Восточной Европы // Проблемы налогового правоприменения в странах Центральной и Восточной Европы: материалы Междунар. науч. конф., Омск, 23–24 сентября 2013 г. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2013.

³ Профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук. Советник Конституционного Суда РФ. Автор научных публикаций по праву и идеологии, догматике права, в т. ч. монографий: «Правовая идеология русского консерватизма», «Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX века»; учебных пособий: «История политических и правовых учений», «Введение в проблематику русского консерватизма» (в соавт.); научных статей: «Проблема рецепции в контексте консервативного правопонимания», «Пенитенциарная политика в контексте консервативного правопонимания» и др.

Важной процессуальной гарантией обеспечения исполнения решений ЕСПЧ служит возможность пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления по заявлению заинтересованного лица ввиду возникновения нового обстоятельства, каким признается решение ЕСПЧ, устанавливающее нарушение в отношении данного лица положений Конвенции при ранее имевшем место рассмотрении его дела национальным судом. Однако все более усиливающийся в решениях ЕСПЧ судейский активизм, способствующий возможным коллизиям между выводами Конституционного Суда и ЕСПЧ, существенно увеличивает риск появления противоположных правовых позиций этих судов относительно примененных при рассмотрении конкретного дела норм национального законодательства.

Взаимодействие ЕСПЧ и действующего на национальном уровне органа конституционного правосудия, несмотря на единство целей их создания и деятельности — обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, тем не менее не лишено определенных противоречий. Эти противоречия — а их при регулировании национальным и наднациональным правоприменением полностью или частично совпадающих объектов в принципе не избежать — в настоящее время стимулируются нарастанием в практике ЕСПЧ судейского активизма. Правоприменение, исходящее из того, что «Конвенция — это живой инструмент, который должен толковаться в свете условий сегодняшнего дня», подменяет суверенную волю государств — участников Конвенции волей большинства судейского корпуса.

Согласно неоднократно высказываемому ЕСПЧ подходу ст. 46 Конвенции, толкуемая с учетом ее же ст. 1, возлагает на государство-ответчика правовую обязанность под надзором Комитета министров Совета Европы принять целесообразные меры общего и(или) индивидуального характера для обеспечения права заявителя, которое ЕСПЧ признал нарушенным. При этом принятые государством меры должны устранять систематические недостатки, лежащие в основе установленного ЕСПЧ нарушения, чтобы конвенционная система не была перегружена большим числом жалоб, поданных по одному и тому же основанию. Поэтому такие меры должны включать схему предоставления потерпевшим лицам компенсации за нарушение Конвенции, установленное в настоящем Постановлении в отношении заявителя. В связи с этим ЕСПЧ призван способствовать наиболее быстрому и эффективному устранению сбоев в национальной системе защиты прав человека. Как только такой недостаток определен, национальным органам надлежит под надзором Комитета министров принять меры, в случае необходимости — с приданием обратной силы.

В соответствии с Резолюцией «О судебных решениях, обнаруживающих основные систематические проблемы», принятой Комитетом министров Совета Европы 12 мая 2004 года, правительствам государств-членов рекомендовано пересмотреть, основываясь на постановлениях ЕСПЧ, указывающих на структурные или общие недостатки в национальном праве или

практике, эффективность существующих внутренних средств правовой защиты и в случае необходимости создать эффективные средства во избежание рассмотрения аналогичных дел в ЕСПЧ.

Средством, позволяющим ЕСПЧ исключить возможное «повторение тех же выводов в целом ряде дел», выступает возможность использования им процедуры пилотного постановления, посредством чего ЕСПЧ может прямо указать на существование структурных проблем в национальном законодательстве и судебной практике и порекомендовать конкретные меры или действия, которые следует принять государству-ответчику для их устранения. Целью процедуры является побуждение государства-ответчика к разрешению большого количества индивидуальных дел, вытекающих из той же структурной проблемы, на национальном уровне.

Чем больше то или иное решение ЕСПЧ отмечено печатью судейского активизма, тем более вероятно противоречие между ним и национальным законодательством. При этом исполнение решения ЕСПЧ может оказаться связанным с отказом от применения положений национального законодательства, в отношении которых Конституционный Суд ранее пришел к выводу об отсутствии нарушения ими конституционных прав заявителя.

Кроме того, превращение судейского активизма в характерную тенденцию европейского правоприменения делает все более значимой потребность в разъяснениях порядка исполнения соответствующих решений. Эти помогающие избежать нежелательных коллизий между национальным правом и правом конвенционным разъяснения уполномочен предоставить только Конституционный Суд.

Наиболее резонансным примером расхождений между конституционной и европейской практикой стало так называемое дело Маркина. Вместе с тем именно его рассмотрение Конституционным Судом способствовало выработке модели продуктивного преодоления подобных противоречий. Национальный суд, куда обратился заявитель с требованием о реализации принятого в его пользу решения ЕСПЧ, обратив внимание на коллизию между позициями по данному вопросу Конституционного Суда и ЕСПЧ, в целях недопущения антиконституционного правоприменения направил запрос в Конституционный Суд. Прежде всего данный запрос был нацелен на проверку конституционности соответствующего законоположения. Однако ответ на него Конституционного Суда включал разъяснения относительно порядка исполнения решения ЕСПЧ.

Постановление Конституционного Суда от 6 декабря 2013 года № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» ответило на вопрос о влиянии решений Конституционного Суда на возможность пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления по такому основанию, как установление ЕСПЧ нарушения поло-

жений Конвенции при рассмотрении национальным судом дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ.

Во-первых, было разъяснено, что, признавая жалобу гражданина не отвечающей критерию допустимости, Конституционный Суд принимает определение, в котором дает оценку права данного гражданина на обращение в этот суд в связи с конкретным делом, не предопределяя тем самым возможную оценку конституционности оспариваемых им законоположений. Поэтому суд общей юрисдикции вправе начать производство по пересмотру по новым обстоятельствам вступившего в законную силу судебного постановления по гражданскому делу, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ, в случае когда до вынесения им окончательного постановления, констатирующего нарушение Конвенции при рассмотрении данного дела, жалоба того же заявителя в Конституционный Суд на нарушение его конституционных прав законоположениями, примененными в этом деле судом общей юрисдикции, была признана не отвечающей критерию допустимости. При этом наличие определения Конституционного Суда, в котором содержится вывод об отсутствии нарушения конституционных прав заявителя оспаривавшимися им законоположениями, примененными судом в его конкретном деле, отнюдь не исключает обращение в Конституционный Суд любого из управомоченных на то субъектов, включая суды общей юрисдикции, с требованием проверить конституционность тех же законоположений.

Во-вторых, в процессе производства по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления суд общей юрисдикции может прийти к выводу о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ без отказа от применения положений национального законодательства, ранее признанных Конституционным Судом не нарушающими конституционные права заявителя в его конкретном деле. Поскольку права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией, совпадают по существу с конвенционными правами и свободами, перед судом общей юрисдикции встает вопрос о конституционности указанных законоположений, повлекших нарушение соответствующих положений Конвенции в их интерпретации ЕСПЧ. В связи с этим суд общей юрисдикции, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления по заявлению лица, в отношении которого ЕСПЧ было констатировано нарушение Конвенции, обусловленное применением в его деле положений национального законодательства, вправе приостановить производство и обратиться с запросом в Конституционный Суд о проверке их соответствия Конституции.

Таким образом, содержащийся в решении ЕСПЧ вывод о нарушении гарантированных Конвенцией прав заявителя положениями национального законодательства, ранее примененными при рассмотрении его дела, может свидетельствовать о неопределенности в вопросе о соответствии этих законоположений Конституции,

что, в свою очередь, может являться основанием — при наличии надлежащего обращения — для возбуждения конституционного судопроизводства. При этом решение ЕСПЧ в части, констатирующей соответствующее нарушение в отношении данного лица и присуждающей ему в случае необходимости справедливую компенсацию, безусловно, подлежит исполнению.

В ходе конституционного судопроизводства рассматриваемые законоположения могут быть признаны не противоречащими Конституции. Между тем суд общей юрисдикции в любом случае обязан осуществить пересмотр ранее вынесенного судебного постановления в связи с вынесением постановления ЕСПЧ. В этой ситуации именно Конституционный Суд определяет возможные конституционные способы реализации постановления ЕСПЧ, хотя это не означает, что у Конституционного Суда есть возможность преодоления решений ЕСПЧ. В перспективе подобная модель, перекликающаяся с позитивным опытом ряда зарубежных конституционных судов и являющаяся аналогом распространенной в национальном и зарубежном конституционном судопроизводстве практики «меморандума друга суда» (*amicus curiae brief*), будет способствовать преодолению коллизий между национальным и наднациональным правом, позволяя на уровне конституционного правосудия определять конкретные и конституционно допустимые меры по исполнению решений ЕСПЧ. Именно такой подход наиболее соответствует принципу субсидиарности, который лежит в основе конвенционной системы защиты прав и основных свобод.

Таким образом, применение конституционно-процессуальных средств имплементации способствует не только адаптации подходов ЕСПЧ к реалиям национальной правовой системы, но и тому, что прецедентная практика ЕСПЧ с течением времени превращается в инструмент конституционно-правового регулирования.

Вместе с тем, подчеркивая в своих решениях значение конституционного права на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, Конституционный Суд исходит из принципиального положения о том, что народ-суверен, провозгласив международно-правовые принципы и нормы и международные договоры составной частью национальной правовой системы, сохранил и не мог не сохранить безусловное верховенство за Конституцией. Тем самым воздействие международных институтов на национальную правовую систему, и в особенности на отношения конституционно-правового характера, не безгранично.

Лежащая на органе конституционного правосудия ответственность за юридическое определение этих пределов реализуется в специальном процессуальном механизме разрешения коллизий между правовыми позициями ЕСПЧ и положениями российского законодательства, разработанном в Постановлении Конституционного Суда от 6 декабря 2013 года № 27-П.

С. А. Комаров¹,
Г. М. Азнагулова²

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

Как известно, диалектическое понимание процессов природы и общества предполагает прежде всего выявление главных свойств (признаков) этих процессов³. Для глобализации характерны следующие свойства:

- стирание граней между внутренней и внешней политикой государства, экономикой;
- изменение положения государства в политической системе общества;
- интернационализация и тесное взаимодействие стран и цивилизаций;
- рост числа негосударственных субъектов;
- ее скоростной характер, то есть неотъемлемая часть этого процесса — быстрое изменение существующих в мире явлений, что является следствием и одновременно стимулом развития технологий и скорости передачи информации⁴;
- интернационализация права;
- унификация и стандартизация правовой жизни;
- создание транснационального правопорядка и др.⁵

Глобализация требует выработки единых правовых норм, процедур, стандартов. Именно единство права является той основой, без которой немыслима глобализация. С теоретической точки зрения основой правовой глобализации должно быть интегральное правописание, в рамках которого право имеет два уровня:

- 1) статический — характеризует основополагающее начало права, универсальный и неизменный по своей сути;
- 2) динамичная часть, которая без значительного ущерба для основополагающего начала может изменяться согласно духу времени и пространства.

Интегральный подход на теоретическом уровне позволяет создать единое универсальное право, которое

¹ Заведующий кафедрой теории государства и права юридического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Личность в политической системе российского общества: теоретико-правовое исследование», «Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации», «Легитимация и ответственность власти во взаимоотношениях государства и личности: социально-философские и правовые аспекты», «Личность. Права и свободы. Политическая система»; учебников: «Общая теория государства и права», «Правоведение» (в соавт.), «Основы государства и права» (в соавт.), «Международное право» (в соавт.) и др.

² Доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Формы взаимодействия национальных правовых систем», «Функционирование правовой системы России на современном этапе», «Внутригосударственное право России в условиях глобализации современного мира» и др.

³ Спиркин А. Г. Философия: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. С. 358.

⁴ Мартышкин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6.

⁵ Чистяков Н. М. Теория государства и права: учеб. пособие. М.: КноРус, 2014. С. 277.

станет основой интеграции различных народов в области права.

Под интеграцией права можно понимать объективный процесс, направленный на унификацию правовых систем различных стран, выработку системы единых наднациональных норм, стандартов в соответствии со складывающимися общественными отношениями в мире с учетом национальных интересов отдельных государств. Тогда при существовании этой системы не отрицается функционирование и национальных подсистем права, не противоречащих общепризнанным принципам и нормам международного права.

Проблема соотношения в современных условиях интеграции и глобализации является в настоящее время весьма дискуссионной. Исходя из различия процессов взаимодействия между правом различных стран и процессом глобализации, имеем достаточные основания утверждать, что исторически существовавшая рецепция права являла собой первоначальный процесс, установивший в значительной мере основу и характер интеграции правовых систем.

Нынешняя интеграция отличается осознанием того, что необходимо создать нормативно-правовую основу для максимально продуктивного и бесконфликтного взаимодействия между субъектами глобализации, для своевременного внедрения значимых международных норм, процессов, стандартов в правовую структуру субъектов глобализации.

Происходящая в современном мире глобализация отражает усиление взаимозависимости государств в различных сферах: экономике, экологии, образовании и др. Это было наглядно отражено еще в документах Международной конференции об охране окружающей природной среды в Рио-де-Жанейро (1992) и Конференции стран об устойчивом развитии в Йоханнесбурге (2002). Современные политологи и журналисты говорят о кризисе национального государства, подчеркивая его неспособность только своими силами поддерживать в обществе «экономический, экологический, гражданский и даже духовный порядок»⁶ в условиях глобализации. Но авторитетные правоведы подвергают сомнению данные утверждения, доказывая обратное⁷. Действительно, события последних десятилетий в мире и России однозначно доказывают, что

⁶ Dunn J. Introduction: Crisis of the Nation State? // Political Studies. 1994. Vol. 42 (Spec. iss. : Contemporary crisis of the Nation State?).

⁷ См.: Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2009. С. 56; Осьмова М. В. Государство в эпоху глобализации // Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства / под ред. М. В. Кулакова. М., 2001. С. 5–9; Андреев А. Л. Современная Россия в неустойчивом мире: объективные реалии в зеркале массового сознания // Философия хозяйства. 2002. № 2 (20). С. 41–52; Дубянская Г. Ю. Глобализация и развитие как императивы XXI в. и шансы России // Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства. С. 125–143; и др.

мысль об упадке современного национального государства и права, основанная на постулатах либеральной (неолиберальной) концепции глобализации без согласования с реальностью, оказалась преждевременной и не выдержала критики. Процессы, связанные с глобализацией, не могут и не должны стирать национально-государственные различия, делать единственной доминантой «капитализацию» и ослаблять социальные аспекты развития. Доктринальные попытки обосновать произвол и анархический подход к взаимодействию с другими существующими в мире национальными правовыми системами способны не просто расшатать международный правопорядок, но и причинить вред делу всеобщего мира.

В условиях создавшегося однополярного мира вопреки общепризнанным принципам и нормам международного права стало возможным силовое внедрение различных правовых институтов. Речь идет о приверженности США принципу унитарных действий в международных делах (это, подчеркнем, представляет серьезную угрозу безопасности в мире), ибо «...Соединенные Штаты превратились в самое большое препятствие на пути установления верховенства закона в международных отношениях... В сфере международных отношений они щеголяют своей силой, как никакая другая страна»¹. Так, США способны диктовать свои условия на мировой арене. Но возможность гегемонии США представляется не абсолютной. Так, сетевые террористические сообщества моментально среагировали на введение 20 марта 2003 года войск США и их союзников в Ирак. Действия американских войск не только отвратили союзников от дальнейшего дислоцирования своих войск в Ираке, но и ухудшили экономическое и политическое положение Штатов, привели к осложнению международной обстановки, поскольку вследствие этой войны стали разрастаться террористические сети в Азии, Африке, Латинской Америке, то есть в тех странах, которые сегодня занимают самые невыгодные мировые позиции. Разумеется, эти события не свидетельствуют о правовой глобализации. Это скорее экспансия, представляющая многоплановое явление, охватывающая политические, экономические и гуманитарные сферы, ведущая к сужению суверенитета национального государства и создающая на этой основе условия для накопления мощи межнациональными корпорациями за счет беспомощности и слабости этих стран. Профессор Ю. А. Тихомиров, характеризуя эту ситуацию, использует понятия *двумерной* и *трехмерной* глобализации. Первая характеризуется построением на основе силы, вторая — интеграцией, которая может вылиться в авторитарные формы управления. Речь идет о гегемонии США².

Построение единой правовой системы — тот путь, по которому должны идти субъекты глобализации, потому что оно основывается на признании каждого субъекта. Однако его реализация довольно проблема-

тична, что обусловлено несколькими факторами. Так, существует разнообразие права (как в теоретическом, так и в практическом аспектах), которое предполагается унифицировать. Каждый субъект глобализации имеет свое правовое пространство. В странах действуют законодательства, распространяющиеся на их территорию. Корпорации распространяют свои нормы либо на уровне данной корпорации, либо на уровне другой (других) корпораций. Во втором случае должна быть договоренность между субъектами, при этом корпорации подчиняются частично законодательству материнской страны, частично — нормам страны пребывания. Закрытые клубы создают свои надгосударственные нормы, при этом страны-участницы должны привести свое национальное законодательство в соответствие этим нормам. Сети, как правило, не имеют самостоятельного и официального законодательства. Однако они распространяют свои правовые нормы на охваченные территории, при этом не имея необходимости соотносить свои нормы с нормами, уже существующими на этих территориях. Сложившиеся пласты правовых отношений при пересечении этих пространств уже вошли в сознание людей, поэтому унификация должна происходить с их учетом.

Таким образом, необходимо найти ту ось, вокруг которой можно будет наращивать нормы права и которая сможет гибко соотноситься с законодательствами других стран. Однако результат этого процесса должен быть единым и полностью согласованным, чего крайне трудно добиться³. При этом следует иметь в виду, что основой этой разработки должно быть соответствующее интегральное правопонимание, хотя бы частично вошедшее в сознание людей, на которых будет возложена эта обязанность. Следовательно, теория и практика должны динамично и глубоко взаимодействовать друг с другом.

Процесс глобализации будет длительным и сложным. При этом мы считаем, что ее не следует понимать упрощенно — как стандартизацию национального права различных государств. Такое понимание весьма распространено среди западных политиков и ученых, полагающих, что правовые системы всех стран будут перестраиваться по западному образцу. Документы ООН подчеркивают значение сохранения многообразия цивилизаций. В Декларации тысячелетия ООН говорится: «Различия внутри обществ и между ними не должны ни вызывать опасений, ни подавляться, они должны оберегаться как ценный вклад в человеческую цивилизацию. Культуру мира и диалог между всеми цивилизациями следует активно поддерживать». Согласимся с тезисом о том, что «проблема нынешнего международного права, этики и культуры, в частности прав человека, заключается в том, что они все еще односторонне ориентированы только на западную этику, “золотой миллиард”». Это обстоятельство является

¹ Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм : пер. с англ. М. : Некоммерческий фонд поддержки культуры, образования и новых информационных технологий, 2001. С. 424.

² Тихомиров Ю. А. Глобализация и развитие законодательства : очерки / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М. : ИД «Городец», 2004. С. 71–73.

³ Так, С. М. Шахрай отмечает, что «история принятия международных документов по правам человека показывает, что, несмотря на их в целом общедемократический характер, они содержат в себе разнокачественные по своему политическому и социально-экономическому содержанию формулировки» (Шахрай С. М. Глобализация в современном мире: политико-правовые аспекты. СПб. : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2004. С. 75).

источником нескончаемого взаимонепонимания и, без сомнений, требует коррекции»¹. Прежде всего, когда речь идет об использовании достижений других стран в материальной или духовной сфере, уместно опираться на известное положение члена-корреспондента РАН, профессора Д. А. Керимова о том, что «...использование мирового цивилизационного опыта нам полезно и необходимо — но только использование всего лучшего, прогрессивного с точки зрения национальной самобытности страны... И лишь в этом случае может быть заложен фундамент, который станет основой постоянно растущего правосознания народа, развития правового законодательства, укрепления законности, установления стабильного правопорядка»².

В то же время многими авторитетными авторами отмечается «проблематичность совместимости в едином мировом сообществе и государстве таких труднос совместимых между собой цивилизаций и их носителей, как западная и восточная, как мусульманское и иудейское мировоззрение и миропонимание и др.»³.

В справедливости данного утверждения можно убедиться, рассматривая различные стороны социальной жизни современной России. Как справедливо отмечено профессором Г. В. Мальцевым, незавидна «...участь стран, присоединившихся к существующим движе-

ниям, организациям и соглашениям; они вступают в “игру” на чужих условиях, которым обязаны подчиняться. Большая часть их усилий уходит на адаптацию, приспособление к требованиям, которые не ими выработаны и изначально на них, скорее всего, не рассчитаны»⁴.

В заключение следует отметить, что глобализация — объективный процесс развития межгосударственных отношений, ведущим фактором которого являются экономические и финансовые механизмы, приводящие к определенному ограничению государственного суверенитета вовлеченных в этот процесс национальных государств⁵, но она отнюдь не стирает особенностей отдельных государств и их права. В то же время с потерей некоторых функций государство приобретает новые функции в складывающемся мировом порядке.

Представляется справедливым, что для государства как социально-политического института, призванного выражать волю членов общества, приоритетными задачами должны быть защита национальных интересов на международной арене, направление усилий на укрепление государственного суверенитета и выполнение в безусловном порядке общепризнанных принципов и норм международного права.

В. В. Лапаева⁶

ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА (В контексте перспектив глобального мироустройства)

Проблематика национального суверенитета занимает одно из центральных мест в политико-правовом и философско-правовом дискурсах, которые получили распространение в интеллектуальных кругах Запада в течение нескольких последних десятилетий. В российском обществоведении эта проблема до недавнего времени оставалась преимущественно сферой узкопрофессиональных интересов специалистов в области

международного права⁷. Однако события на Украине показали, что недостаточное внимание к разработке современной концепции национального суверенитета и участию России в деятельности системы институтов, формирующих позицию мирового сообщества по данному вопросу, чревато серьезными последствиями. Продвижение Россией своей точки зрения на дипломатическом уровне во многом зависит от того, какая теоретическая (прежде всего философско-правовая) концепция составляет ее основу, в какой мере данная концепция способна подняться над партикулярными национальными интересами и вписаться в правовую модель миропорядка, насколько она убедительна для специалистов и широкой аудитории и как эффективно использует страна существующие каналы влияния на позицию мирового экспертного сообщества и международную общественность.

Одним из таких каналов являются международные научные форумы. Лихаческие чтения, объединяющие специалистов самого разного профиля, — это идеальная площадка для обсуждения вопросов национального суверенитета, которые требуют для своего анализа

¹ Яновский Р. Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia, 1999. С. 25–26.

² Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. С. 555.

³ Марченко М. Н. Указ. соч. С. 56.

⁴ Мальцев Г. В. Реформа юридического образования и Болонский процесс // Право и образование. 2006. № 6. С. 71–78.

⁵ Марченко М. Н. Указ. соч. С. 28–45.

⁶ Советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Типы правопонимания: правовая теория и практика», «Право и политика: научные очерки», «Право и многопартийность в современной России», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права». Ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». Член редколлегии журнала «Социологические исследования», Научно-методического совета при Центральной избирательной комиссии РФ. Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

⁷ Ситуация несколько сдвинулась с мертвой точки после того, как в 2004 году журнал «Россия в глобальной политике» опубликовал статью председателя Конституционного Суда В. Д. Зорькина «Апология Вестфальской системы» (точнее — через два года, когда «Российская газета» организовала ее обсуждение).

объединения усилий философов, политологов, юристов, культурологов, социологов, экономистов и т. д. Подобный комплексный анализ нужен прежде всего для того, чтобы *выработать многоаспектную систему критериев, позволяющих оценивать конкурирующие концепции национального суверенитета с точки зрения их тяготения к правовому или силовому варианту формирования мирового порядка*. Разработка такой системы критериев требует надлежащего философско-правового обоснования, потому что речь в конечном счете идет о различении, с одной стороны, *права как равной меры свободы*, а с другой — *силы как произвола*, подавляющего свободу более слабых.

Россия, утратившая статус сверхдержавы, остро заинтересована в правовом, а не силовом варианте общемирового развития. Причем в правовом по сути, а не только по форме (когда формально-договорная сторона отношений является лишь фасадом, за которым скрывается баланс экономических и военных сил, а в конечном счете — ядерный паритет сверхдержав). Именно такой подход демонстрирует министр иностранных дел С. Лавров, когда говорит об объективной необходимости формирования полицентричного демократического мироустройства. К этому призывают сейчас и ведущие интеллектуалы из либерально-демократического фланга мировой философской мысли. Более того, мало кто из них открыто спорит с подобным подходом, отстаивая силовую модель мирового порядка. Однако предлагаемые при этом концепции государственного суверенитета содержат весьма значимые различия, из которых на практике могут сложиться разные, в том числе и силовые, модели мироустройства.

Это относится прежде всего к популярной сейчас доктрине ограничения суверенитета, согласно которой государства делегируют часть своего суверенитета надгосударственным институтам. За подобными идеями, подчеркивает В. Д. Зорькин, «отчетливо просматривается проект формирования такого единого наднационального политического органа, который призван создать свою правовую систему, осуществляя правотворчество и правоприменение»¹. Проблема заключается в том, что даже в том случае, если наднациональное политическое объединение народов будет выстроено по модели федеративной всемирной республики в духе кантовского проекта, подобной республике, как пишет Ю. Хабермас, будет «присуща «непреодолимая склонность» вырождаться в «универсальную монархию», стремящуюся деспотично «способствовать сглаживанию культурных и общественных различий»².

Поэтому, как считает В. Д. Зорькин, речь должна идти не об ограничении суверенитета, а об объединении суверенитетов. Именно на основе такой *концепции объединенных суверенитетов*, подчеркивает он, и создавалась в свое время Организация Объединенных Наций. В период биполярного мира и холодной войны данная концепция не была и не могла быть реализована. Вместо этого пошли по пути *ограниченного суве-*

ренитета для всех государств, кроме великих держав, ставших центрами двух полярных моделей социально-экономического развития и соответствующих политических блоков. В ситуации жесткой конфронтации СССР и США у всех остальных стран «просто не было другой возможности, кроме как стать союзниками той или иной стороны, то есть передать часть своего суверенитета в Москву или Вашингтон»³. В таких условиях мировой порядок ялтинско-потсдамской системы — «это был мир ограниченного суверенитета»⁴.

Подобная модель суверенитета неадекватна правовому вектору развития международных отношений, направление которого задано движением *от силовой модели мироустройства*, когда всей полнотой суверенитета обладали лишь великие державы, а суверенитет всех остальных в той или иной мере был ограничен, *к правовой модели*, когда «на государственность и суверенитет претендуют почти все нации, включая малые. Но это реализуемо лишь в форме правового суверенитета... (на основе всеобщих принципов права... признания прав человека, прав малых наций и т. д.)»⁵. Такая мода на свое маленькое государство, писал В. С. Нерсесянц, хотя на первый взгляд и «выглядит как признак дезинтеграции, однако по существу это необходимое проявление *современных тенденций к правовому суверенитету и правовой интеграции*»⁶. С позиций концепции объединенных суверенитетов речь идет о добровольном объединении суверенитетов, в рамках которого силами наднациональных структур гарантируется равная свобода каждого государства. Такая теоретическая конструкция означает ограничение не суверенитета государства, а *произвола* сильных государств и «переход от прежнего силового, произвольного суверенитета к правовой концепции и конструкции суверенитета»⁷.

На первый взгляд может показаться, что различия между концепциями *ограничения* и *объединения* суверенитетов носят несущественный для практики, сугубо терминологический характер, поскольку в реальности речь идет об одном и том же — о передаче государствами части своих полномочий на наднациональный уровень. Однако исторический опыт показывает, что в этом ключевом для миропорядка вопросе любые теоретические нюансы имеют далеко идущие практические последствия. Признание государствами концепции ограниченности государственного суверенитета ослабляет их возможности в отстаивании своего суверенитета на концептуальном уровне, а практика со свойственной ей изощренностью найдет пути использования этой теоретической слабости. Можно говорить о том, что различия между концепциями *ограничения* и *объединения* суверенитетов соответствуют двум разным подходам к построению модели глобального мироустройства, один из которых ориентирован на космополитическое демократическое *правитель-*

³ Кортунюв С. Становление нового мирового порядка и проблемы международной безопасности : учебник для вузов. URL: hse.ru/data/2010/03/12...КортунювГлава в учебник.doc.

⁴ Там же.

⁵ Нерсесянц В. С. Философия права : учебник для вузов. М., 2006. С. 641.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 640.

¹ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 247.

² Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 118.

ство (government), а другой — на глобальное демократическое *правление* (governance).

В настоящее время об ограничении суверенитета говорят приверженцы самых разных моделей миропорядка. Например, этот термин использует в своих работах даже такой последовательный сторонник либерально-демократического подхода, как Ю. Хабермас, полагающий, что возможна политико-правовая конструкция, при которой народы независимых государств ограничивают свой суверенитет в пользу союзного центра¹, не утрачивая при этом свою идентичность и культурное своеобразие. Поэтому для оценки правового или силового характера предлагаемых моделей глобального регулирования и соответствующих им концепций национального суверенитета нужны тонкие теоретические инструменты. В связи с этим хочу еще раз подчеркнуть, что в рамках комплексного междисциплинарного анализа рассматриваемой проблемы каждая научная дисциплина должна предложить свои критерии, которые могли бы быть согласованы с критериями других наук на базе общего философско-правового подхода. Отсюда следует *исключительная важность философско-правового и теоретико-правового анализа проблемы*. Не претендуя на такой анализ, хочу обозначить лишь наиболее значимые позиции.

В огромном массиве философско-правовых исследований проблемы государственного суверенитета обращают на себя внимание несколько ярких дискуссий, участники которых являются основоположниками влиятельных направлений в осмыслении рассматриваемой проблемы. Прежде всего это спор между Гегелем и Кантом. Гегель не принял кантовский проект правового союза свободных государств как гаранту вечного мира, развивал силовую концепцию государственного суверенитета и считал, что «если известное число государств и сольется в одну семью, то этот союз в качестве индивидуальности должен будет сотворить противоположность и породить врага»². Однако стройность гегелевских построений разбивается о современные реалии, когда любая широкомасштабная война грозит атомной катастрофой общепланетарного масштаба. В этой ситуации кантовский романтический утопизм оказывается более практичным и конструктивным.

Два других выдающихся оппонента, чья дискуссия сейчас вновь привлекает широкое внимание, — это Г. Кельзен, отстаивавший безусловный приоритет международного права, и К. Шмитт, которого называют «Гоббсом XX века». Хотя после Второй мировой войны практика международных и глобальных отно-

шений развивается в русле кельзеновского подхода, однако с разрушением биполярного мира становится все более востребованной шмиттовская концепция полицентричного мира, формирующегося на базе «больших пространств»³. Особый интерес представляет его глубокий анализ тех опасностей, которые несут в себе идеи универсалистского мирового права, вырождающиеся в обоснование правовой и политической гегемонии западных демократий. Однако предлагаемый им мировой порядок, основанный на балансе сил между «большими пространствами», каждое из которых формируется вокруг рейха как структуры, объединяющей народы на базе не только пространственного, но и политического единства, не выдерживает испытания практикой. Эта модель не вписывается в ситуацию, когда такие рейхи, выступающие в качестве носителей противоборствующих политических идей, обладают ядерным оружием.

Это означает, что при всей утопичности и романтичности проекта общепланетарного консенсуса, на который ориентирована теория делиберативной демократии, другого варианта не существует. Поэтому концепцию национального суверенитета надо выработать в русле именно этой парадигмы. И здесь очень важны концептуальные детали и нюансы формулировок, предлагаемых разными авторами.

Показательна в этом плане дискуссия между Ю. Хабермасом и Д. Ролзом по вопросу принятия решения о начале войны против так называемых криминальных государств. Д. Ролз предлагает классифицировать человечество на «хорошо организованные либеральные общества», «хорошо организованные нелиберальные общества» и «тиранические и диктаторские режимы», которые не могут рассматриваться как члены «хорошо установленного рационального сообщества народов»⁴. Хорошо организованные общества, выстраивающие свое взаимодействие на основе права, по отношению к «захватническим “режимам вне закона”» находятся в доправовом, естественном состоянии и вправе объявлять подобным режимам войну⁵. Ю. Хабермас же довольно резко выступает против присвоения «либеральному авангарду сообщества государств» права вершить судьбы остальных и призывает к максимально возможному демократическому мультилогу. Смысл правового процесса, говорит он, состоит в том, чтобы «привязать наднациональные решения к условиям взаимного принятия перспективных планов и учета интересов»⁶. Этот правовой по своей сути подход задает, на мой взгляд, главный вектор решения рассматриваемой проблемы.

³ Шмитт К. Порядок больших пространств. URL: www.zlev.ru

⁴ Ролз Д. Право народов : лекция // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 79–105. URL: vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view...

⁵ Там же.

⁶ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 95.

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 117.

² Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 361.

А. Е. Лаптева¹**ЦЕННОСТЬ ПРАВА В РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ТРАДИЦИИ**

Понятие права всегда связано с категорией свободы (мера свободы), поскольку его нормы определяют должное поведение участников общественных отношений. При этом связь права и свободы может толковаться по-разному. История России дает нам пример того, как на протяжении веков причудливо переплетаются и конкурируют две основные традиции в понимании и оценке смысла и социальной значимости права. Различие между ними как раз в том, какое значение придается свободе индивида, доминирует ли в его статусе комплекс прав или обязанностей, рассматривается ли право как критерий оценки закона и, следовательно, как инструмент, способный ограничить произвол органов государственной власти. Эти две традиции актуальны и по сей день, в своем взаимодействии и противопоставлении они формируют общий вектор эволюции права в России. Но только одна из них может быть названа истинно правовой.

Эпоха глобализации усложнила картину, поскольку поставила вопрос о том, насколько угрожает суверенитету отдельно взятого государства следование в русле навязываемой извне традиции. Поэтому в переживаемый нами исторический момент трудно говорить о приближении к международной интеграции взаимопонимания и унификации правового мышления. Очевидный кризис правового мышления, переживаемый сейчас в мире, ставит под вопрос актуальность идеи глобализации права. Слишком очевидны ценностные различия между условными Востоком и Западом, усугубляемые жестким прессингом, навязчивым внедрением собственных представлений о должном со стороны развитых стран Европы и США. Покушение на государственный суверенитет развивающихся стран (прежде всего тех, в чьей традиции принцип персональной свободы выражен слабо) посредством экспорта «общечеловеческих» ценностей в европейском понимании приводит в большинстве случаев к отторжению, в результате чего обесцениваются, воспринимаются как воплощенное лицемерие такие понятия, как «либерализм», «демократия», «права человека». Кризис идеи прав человека, к сожалению, очевиден и на Западе. Особенно ярко он проявился в связи с провалом политики мультикультурализма. Консерваторы вспоминают теперь, что о вредоносных последствиях реализации идеи прав человека говорила еще Маргарет Тэт-

чер, которая видела в ней потенциальное потворство международному терроризму. Мы входим в эпоху нового правового партикуляризма, актуализации систем права (точнее, законодательства), которые основаны на религиозных принципах и имеют целью не защиту свободы от произвола, а безопасность социума. Впрочем, кризисы проходят, и нельзя допустить, чтобы из-за них в России тоже была отринута идея права, которая в ее непозитивистском понимании есть, что бы ни говорили, идея свободы, а значит, прав человека.

Скатывание России в несвободу во имя порядка было бы тем более обидно, что Русь изначально развивалась в русле общеевропейской традиции, где индивидуальная свобода не поглощалась правами коллектива. В обществе интуитивно осознавалась ценность права как социального регулятора, о чем косвенно свидетельствуют схожие западноевропейские и древнерусские сборники обычаев. С самого начала право бытовало в форме обычая, определявшего правила взаимоотношений между свободными субъектами на основании принципов формального равенства, эквивалентности и соразмерности. Эта традиция не забыта и теперь. Проблема лишь в том, что из области отношений между индивидами право так и не перешло в сферу отношений между гражданином и государством.

Здесь большую роль сыграла другая традиция: во времена монгольского владычества доминирующим моментом в регулировании жизни социума стала не свобода, а долг перед обществом, которое постепенно отождествляется с государством в лице монарха. В контексте долга начало восприниматься в народном сознании и право, которое теперь рассматривалось как вознаграждение, привилегия индивида, полученная им за должным образом исполненные обязанности перед государством. В терминологии Н. Н. Алексеева это «тяглое» государство². То есть правом стали называть другое социальное явление. Самое трагичное, что эта конструкция прижилась и слишком долго блокировала путь к ограничению произвола государства в отношении прав граждан, прежде всего на жизнь и свободу. Даже после проведения модернизации либерального образца принцип неприкосновенности личности и имущества не нашел должного закрепления в российском законодательстве.

Становление теории права и формирование юридического сословия в России было подчинено именно второй традиции. Поэтому даже после «Великих реформ» (1860–1870-е гг.) в первую очередь развивалась теория государственного права в смысле права (закона), создаваемого государством. В итоге и общая теория права строится преимущественно на основе правового этатизма. Само право понимается как совокупность норм, установленных и защищаемых государством. В принципе, подобное понимание права в России до сих пор характерно не только для обыден-

¹ Заведующая кафедрой истории права и государства юридического факультета им. М. М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «История права и государства России», «Земские учреждения в России», «Административная политика в Российской империи XIX века», «Проблема адекватности сравнения в исследованиях по истории отечественного государства и права», «Исторические формы правового общения», «Несостоявшийся опыт демократии в России», «Может быть народ без конституции, но не может быть Конституция без Народа», «Правовая культура пореформенной России и ее отражение в законодательстве» и др. Член Президиума Российского историко-правового общества.

² См.: Алексеев Н. Обязанность и право // Русский народ и государство. М., 1998.

ного, но и для профессионального правосознания. Так, Г. Ф. Шершеневич — один из ведущих дореволюционных цивилистов и теоретиков права, считал государство единственным источником права¹. Как последовательный позитивист, он утверждал, что отличительной чертой права, понимаемого как совокупность норм, установленных государством, является его принудительный характер. Спустя почти век С. С. Алексеев по-прежнему исходил из представления о праве как «системе установленных законом юридических норм»².

Этатизация сознания неизбежно привела русскую науку к увлечению идеями солидаризма. В солидарном государстве доминирует долг, а свобода личности рассматривается не как ее прирожденное право, а как общественная обязанность, которая имеет лишь функциональную ценность, обусловленную и оправданную началом служения. Современный солидаризм по-прежнему исходит из «понимания ценности человеческой личности, устремленной к творческому служению надличным ценностям»³ (семья, государство, Бог). В солидарном государстве внутренние групповые противоречия преодолеваются за счет добровольного отказа от личных прав в пользу общественных интересов. В традиционном народном сознании место права часто занимает идея справедливости (понимаемой именно в духе солидаризма) как отказа от личных прав в пользу целесообразности или уравниловки во имя интересов социума, что не имеет ничего общего с идеями свободы или формального равенства.

Нельзя, конечно, утверждать, что русскому сознанию чужды идеи правовой свободы. Обвинение народа в неизбывном правовом невежестве и нигилизме отчасти объясняется еще одной традицией: с начала XIX века в среде юристов и новой элиты государственной службы постепенно формировался (и сохраняется доселе) выраженный «юридический снобизм». Находящиеся на государственной службе лица с юридическим образованием считали себя причастными к особому знанию, которое выделяло их из круга остальных управленцев. Кроме того, «большинство правоведа и юристов полагали, что закон — это система идей и правил, которым следует обучать крестьян, и что люди, не получившие формального образования, не могут “понять” закон и иметь правовое сознание»⁴. Иными словами, пораженное правовым нигилизмом население рассматривается как неразумный объект управления, что очень удобно.

Между тем правовой нигилизм россиян сильно преувеличен. В отношениях с внешним по отношению к общине миром вчерашние крепостные крестьяне ценили возможности, которые давало им гражданское законодательство, и понимали необходимость его

использования. Поэтому совсем другой подход наблюдался в случаях, когда крестьяне имели дело с помещиками и правительственными чиновниками. Они активно стремились пополнить свои знания о законах, расспрашивали писцов и канцеляристов, при случае даже в столицах⁵, причем интересовались законами целенаправленно и «нужные» положения использовали при составлении челобитных.

Но при этом сохранялось традиционное и во многом оправданное представление о том, что судьи кормятся от должности, ищут свой прибыль. Этот взгляд на суд зародился на заре Московского царства, когда судебно-административные должности действительно носили характер «кормления». Тогда и были сложены поговорки: «С сильным не борись, с богатым не судись»; «Правда да суд рядом не живут»; «Где деньги говорят, там правда молчит»; «Не всякий судит по праву, иной и по нраву». Восприятие суда как учреждения, где не стоит искать справедливости, не смогла переломить даже судебная реформа 1864 года.

Ценность юридических знаний очевидна и современному российскому обывателю. Другое дело, что за прошедшие 150 лет судебные и бюрократические процедуры настолько усложнились, что теперь мало кому удастся отстоять свои права и интересы без профессионального адвоката. При таком состоянии народного правосознания неудивительно, что естественно-правовое правопонимание, которое лежит в основе идеи прав человека, приживалось в русской юридической науке с трудом. Не случайно в начале XX века Б. А. Кистяковский отмечал, что идея права никогда не была популярна в широких кругах российского общества⁶. Удивительно легко эта идея была оставлена и надолго ушла из обихода в годы советской власти. В современной российской юриспруденции линия на различение права и закона получила логическое развитие в либертарно-юридической теории академика В. С. Нерсесянца, в рамках которой под сущностью права понимается принцип формального равенства, раскрываемый автором как триединство равной меры, свободы и справедливости⁷. Право должно стать важнейшим критерием оценки законодательства.

Не исключено, что некоторый компромисс между двумя традициями будет найден на почве юридикации, отыскания правового начала в идее социальной справедливости. Едва возникнув, она не рассматривалась в качестве правовой. В свое время в полемике с социалистами на эту тему активно участвовал Б. Н. Чичерин: признавая формальное равенство граждан (поданных) перед законом, он категорически отрицал возможность и правомерность равенства фактического, особенно «немыслимого материального равенства». Чичерин сформулировал очень сильную максиму: «Уравнивать материально можно только рабов, а не свободных людей»⁸. Интересно, что в современной России доля лиц, отрицающих ценность имущественного равенства, составляет почти треть населения (в два раза

¹ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. Т. 1. С. 300–315.

² Алексеев С. С. Правовое государство — судьба социализма. М., 1988. С. 134.

³ Основы программы Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС). URL: <http://solidarizm.ru/prog.shtml>

⁴ Бурбанк Дж. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Проблемы истории государственного управления: государственный аппарат и реформы в России (к 200-летию министерской системы управления в России). СПб., 2004. Ч. 1. С. 155.

⁵ Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 240–244.

⁶ Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993.

⁷ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2006. С. 30–47.

⁸ Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 115.

выше мирового показателя)¹. Возможно, этот интересный факт объясняется еще не совсем изжитыми воспоминаниями о том, насколько эффективно работала уравниловка при социализме.

Однако (не без влияния советских реалий) вторая половина XX века ознаменовалась конституционализацией социальных прав в мире. Это дало основание говорить о том, что и эти права имеют под собой правовые, а не только нравственные и политические основания. Вряд ли это означает полноценную правовую природу социальных прав, но все же «предполагает наличие такого признанного на уровне доктрины понятия “социальное право человека”, которое представляло бы собой надлежащую теоретическую конкретизацию общего понятия права и соотносилось бы с последним по логике соотношения общего и особенного»². Социальные права носят характер компенсации, когда социально незащищенные члены общества получают привилегию, чтобы «дорастить» до того уровня, с которого реализация их правоспособности становится не только декларацией, но и возможностью. Такие права должны предоставляться в стро-

гом соответствии с правовым принципом формального равенства.

Действующая Конституция РФ определила правовую перспективу развития нашего общества, которая соответствует основной идее правовой глобализации и которой в целом придерживается российское законодательство. Однако Россия остается пока в ситуации выбора между правовым и неправовым путями развития. Последний представляется тем более соблазнительным, что прикрывается идеей солидарности, порядка и безопасности. Проблема в по-прежнему двойственном правосознании общества, из которого делегируются и те, кто призван управлять страной. Как и 500 лет назад, гражданин сознает свое формальное равенство с такими же рядовыми гражданами, но не хочет понимать, чем грозит ему отказ от ограничения правом органов государственной власти. Чем дольше большая часть общества будет оставаться в убеждении, что порядок выше свободы, тем вероятнее перспектива бюрократического произвола, которая возникает и реализуется в тот самый момент, когда человек выражает готовность поступиться своей свободой ради безопасности.

В. А. Лебедев³

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Права человека не могут относиться к исключительной компетенции государства, они стали сферой интересов международного сообщества. Правовой статус личности формируется не только из тех прав и свобод, которые закреплены в Конституции РФ и других законах, но и из прав и свобод, провозглашенных в международных договорах. Международное право создает предпосылки для обеспечения прав человека, совершенствования законодательства государства. Его нормы требуют должного поведения государства, взявшего на себя определенные обязательства, как перед международным сообществом, так и перед своими гражданами, а также перед всеми, кто находится на его территории и под его юрисдикцией, в частности

имплементации международных стандартов в национальное право.

Международные стандарты являются тем нормативным минимумом, который определяет уровень государственной регламентации прав человека. В допустимых пределах государство вправе отклониться от установленных правил с целью их конкретизации или превышения. По общему правилу, международные стандарты не затрагивают какой-либо закон, судебное решение, обычай или соглашение, которые обеспечивают более благоприятные условия, чем предусмотренные международным договором.

Международные стандарты, механизмы и процедуры в области прав человека закреплены в таких важнейших международных документах, как Устав ООН (1945), Всеобщая декларация прав человека (1948), Женевские конвенции о защите жертв войны (1949), Конвенции о статусе беженцев (1951), Конвенции о политических правах женщин (1952), Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966, с двумя факультативными протоколами к нему), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984), Конвенции о правах ребенка (1989), Международная конвенция о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их

¹ Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Высшие ценности Российского государства. М., 2012. С. 331.

² Лапаева В. В. Право и политика : научные очерки. М. : РАП, 2009.

³ Профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего образования РФ, Главный редактор международного правового журнала «Проблемы права». Автор более 170 научных работ, в т. ч.: «Законодательная и исполнительная власть субъектов Российской Федерации в теории и практике государственного строительства», «Конституционное право Российской Федерации (курс лекций)», «Законодательная инициатива — стадия законодательного процесса в Российской Федерации», «Партии на выборах: опыт, проблемы, перспективы» (в соавт.), «Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности)» и др.

семей (1990), и в ряде других соглашений универсального характера.

Стандарты прав человека разработаны и в договорной практике участников Содружества Независимых Государств (СНГ). Назовем некоторые из них: Конвенция о правах и основных свободах человека (1995), Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и др.

Закрепление в международных документах стандартов прав человека имело большое значение, поскольку, во-первых, помогло сложиться представлению о том, какие именно субъективные права следует относить к категории прав человека; во-вторых, способствовало формированию универсальной и социокультурной концепции прав человека; в-третьих, облегчило процесс интернационализации прав и, в-четвертых, существенно воздействовало на улучшение ситуации с правами человека во всем мире¹.

Многие международно-правовые документы были положены в основу гл. 2 Конституции РФ 1993 года. Часть 1 ст. 17 устанавливает: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Конституция России установила, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (ч. 4 ст. 15). Включение этой нормы в Основной закон Российского государства, с одной стороны, является отражением объективной закономерности углубления взаимодействия международного и внутригосударственного права, национального общества с мировым сообществом, с другой — означает, что в основе правовой государственности в Российской Федерации лежат не только принципы, закрепленные отечественным законодательством, но и общепризнанные стандарты, принятые в международном сообществе². Буквальное прочтение нормы, содержащейся в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: «если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора», и соотнесение ее с нормой федерального закона позволяет утверждать, что все три вида договоров, перечисленных в федеральном законе — межгосударственные, межправительственные и межведомственные, имеют приоритет перед законом Российской Федерации в случае, если международным договором Российской Федерации «установлены иные правила, чем предусмотренные законом».

Эта позиция, однако, имеет ряд существенных недостатков. Как отмечает М. Н. Марченко, уже с первого взгляда это представляется как нонсенс, поскольку ни одно суверенное государство, какие бы общечеловеческие ценности оно ни разделяло (хотя бы на сло-

вах) и какую бы «интернационалистскую» идеологию ни исповедовало, не может себе позволить, без риска утраты самостоятельности, добровольно и безоговорочно поставить свое национальное право в полную зависимость от международного, пусть даже договорного, права. Если признать, что любой международный договор имеет высшую юридическую силу по отношению к российскому закону, то можно прийти к парадоксальному выводу, что, скажем, международный договор, заключенный министерством в пределах предмета его ведения, может иметь высшую юридическую силу по отношению не только к нормативным актам правительства, но и к федеральному закону. В качестве попытки объяснить явную несогласованность конституционных положений и положений федерального закона в литературе высказано мнение, что приоритетом по отношению к национальным законам, традиционно понимаемым в отечественной и зарубежной литературе не только в собственном узком смысле, но и в широком смысле — в смысле совокупности всех правовых актов, основанных на законе, обладают все без исключения разновидности международных договоров Российской Федерации, но только каждый на своем уровне: соответственно на уровне указов президента, постановлений правительства, на ведомственном и межведомственном уровнях.

Что же касается ратифицированных международных договоров, то они, имея приоритет над национальными законами Российской Федерации, обладают им и на всех других законодательных уровнях³. При этом следует иметь в виду, что данный приоритет не является абсолютным, неограниченным, поскольку согласно ст. 125 Конституции РФ любые международные договоры Российской Федерации, не соответствующие Конституции РФ, «не подлежат введению в действие и применению». Итак, Конституция не устанавливает общий примат международно-правовых принципов и норм над внутригосударственным правопорядком, закрепляет приоритет международного договора Российской Федерации в применении, если и поскольку между ним и нормой национального закона возникла коллизия. Это означает, что нормы закона, предусматривающие иные правила, чем установленные договором, сохраняют свою юридическую силу, но не применяются при разрешении дел, касающихся государства, также участвующего в соответствующем договоре⁴.

Конституционный Суд последовательно формулировал позиции по важнейшим проблемам российской правовой системы, выявленным Европейским судом. Имплементация положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений ЕСПЧ осуществляется Конституционным Судом Российской Федерации.

В соответствии с неоднократно обозначенной Конституционным Судом позицией решения Европейского суда по правам человека являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учи-

¹ Глухарева Л. И. Права человека. Гуманитарный курс : учеб. пособие. М. : Логос, 2002. С. 154.

² Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Спарк, 2001. С. 100.

³ Марченко М. Н. Источники права : учеб. пособие. М. : ТК Велби : Проспект, 2005. С. 327, 329.

⁴ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 159.

тываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права.

Конституционный Суд РФ констатировал отсутствие нарушения им конституционных прав заявителя в конкретном деле в случае, если суд придет к выводу о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ без признания таких законоположений не соответствующими Конституции РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»¹ впервые в отечественной юридической практике дано легальное определение понятия общепризнанных принципов международного права как основополагающих норм международного права, принимаемых и признаваемых мировым сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. Тем самым Верховный Суд РФ указал на главные конституционные признаки общепризнанных принципов международного права, в число которых вошли основополагающий характер, императивность содержащихся в них велений и всеобщность признания в качестве таковых. Несмотря на традиционное употребление формулировки «общепризнанные принципы и нормы международного права», зачастую между этими правовыми явлениями — принципы и нормы — делаются различия.

Упоминание об «общепризнанных принципах и нормах международного права» можно обнаружить в резолюциях международных организаций, документах политического характера. Например, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 года говорится, что каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права, и обязательства, вытекающие из международных договоров, действительных согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Подобная формулировка содержится в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года. В Договоре о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 года подчеркивается, что при заключении Договора стороны руководствуются общепризнанными принципами и нормами международного права.

Общепризнанные принципы и нормы международного права, наряду с другими источниками и международно-правовыми документами, формируют международные стандарты в области прав человека и гражданина, к которым стремится любое цивилизованное государство как член мирового сообщества. В науке международного права обычно выделяют следующие общепризнанные принципы международного права: суверенное равенство государств; невмешательство во внутренние дела; равноправие и самоопределение на-

родов; неприменение силы или угрозы силой; мирное регулирование споров; нерушимость границ; территориальная целостность государств; уважение прав человека и основных свобод; сотрудничество государств; добросовестное выполнение международных обязательств.

В отличие от общепризнанных принципов, под общепризнанными нормами международного права Верховным Судом РФ понимаются правила поведения, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательных.

Система международных соглашений России в области прав человека, в которых сформулированы общепризнанные принципы и нормы международного права, включает, в частности, Всеобщую декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (в ред. Протокола № 2 от 6 мая 1963 г., Протокола № 3 от 6 мая 1963 г., Протокола № 5 от 20 января 1966 г., Протокола № 8 от 19 марта 1985 г. и Протокола № 11 от 11 мая 1994 г.), Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 года, резолюции и документы международных совещаний (документы ОБСЕ: например, Хельсинкский Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., Мадридский, Венский и Хельсинкский итоговые документы, документы Копенгагенского и Московского совещаний по человеческому измерению СБСЕ, документы Краковского симпозиума по культурному наследию, а также Парижской хартии для новой Европы).

Решения Европейского суда могут приводить к пересмотру конкретных дел высшими судами Российской Федерации, что подтверждается решением Конституционного Суда Российской Федерации².

Вместе с тем необходимо отметить, что в решении по делу Маркина³ Конституционный Суд указал, что только он может разрешить вопрос о применимости законодательных норм, которые препятствуют исполнению постановления Европейского суда по правам человека, но не были ранее признаны неконституционными.

Таким образом, включение международно-правовых стандартов по правам человека в российскую правовую систему способствует развитию отечественной концепции прав и свобод человека и гражданина, повышает меру ответственности всех правозащитных структур государства.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 11. Ст. 1255.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

С. А. Маркова-Мурашова¹

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРАВА

На сегодняшний день аксиоматичным является тот факт, что одним из наиболее важных и определяющих является процесс глобализации, затрагивающий все сферы жизни современных государств и правовых систем. В силу огромного разнообразия мнений, определений, терминов, которые сопровождают процессы глобализации, и правовой в том числе, целесообразно, во-первых, определиться с терминологией; во-вторых, уяснить содержание процесса глобализации права и наметить дальнейшие тенденции ее развития.

Глобализацию права можно рассматривать с двух позиций: как сближение правовых систем современности и как усиление интернационализации национального права за счет приведения собственной правовой системы в соответствие с международными принципами, нормами и стандартами. При этом сам процесс глобализации может рассматриваться как благо, как зло или как неизбежное зло, к которому надо приспособиться и по возможности извлечь позитивную пользу для государства и правовой системы. С одной стороны, рассмотрение глобализации таким образом возвращает нас на примитивный уровень черное–белое, а с другой — для понимания сущности явления и прогнозирования развития событий и возможных последствий такая редукция представляется необходимой. Тем более что термин «глобализация» в последние десятилетия XX–XXI веков оброс таким шлейфом сложных для понимания, восприятия и даже произношения терминов, как «унификация», «модернизация», «конвергенция», «аппроксимация», «гармонизация», «локализация», «гибридизация», «аккультурация» и т. п.

А вместе с тем в них надо ориентироваться, для того чтобы за лесом увидеть деревья. Поэтому представляется важным единообразно понимать в теоретико-методологическом смысле понятия «глобализация», «гармонизация», «конвергенция», «аппроксимация» и сопутствующие им процессы и явления. При этом разные аспекты и оттенки этих понятий должны проявляться как раз при применении данных феноменов представителями различных наук, но не искажая истинного смысла категорий. Поэтому возникает проблема соотношения этих понятий, правомерности применения одного понятия вместо другого, их возможного сходства и различия. При этом у части ученых сложилось мнение, что разграничение и уточнение понятий и процедур не являются особой теоретико-методологической проблемой.

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар), доктор юридических наук, руководитель магистерской программы «Правовая система России в контексте взаимодействия с международным правом». Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Правовая система России (феноменологический и типологический анализ)», «Правовая культура России в условиях глобализации», «Типологизация и систематизация в юридических науках: теория и практика»; статей: «Эволюция типов правового понимания в контексте генезиса национальной правовой системы России», «Conflicts Western and Non-Western Law in Conditions of Legal Convergence», «Contemporary understanding of Law», «Культура, право, экономика: современный вектор взаимодействия» и др.

Имеющее место разнообразие мнений по вопросу применимости в каждом конкретном случае терминов «глобализация», «конвергенция», «модернизация» вносит определенную неясность в проблему систематизации теоретических и практических знаний.

Однако самой важной угрозой для правовой науки и практики, на мой взгляд, является оправдание значимости и благодати процессов глобализации общечеловеческими проблемами и ценностями. Так, в коллективной монографии 2008 года, которая не является исключением, а просто иллюстрирует общую ситуацию, постоянно идет апеллирование к последним. Авторы пишут о том, что глобализационные процессы, происходящие в одной сфере жизнедеятельности человеческого сообщества, неизбежно влекут развитие подобных процессов и в других. Кроме того, закономерность развития данного процесса обусловлена и наличием комплекса *глобальных общечеловеческих проблем* (выделено мною. — С. М.), решение которых на национальном уровне правового регулирования попросту невозможно². Рассуждая далее о глобальном нормативном комплексе, авторы вновь обращают внимание на тот факт, что объем данного комплекса будет возрастать, помимо прочих факторов, также и по мере обострения *круга проблем, имеющих общечеловеческое значение*³.

Приведенный устоявшийся штамп в отношении общечеловеческих проблем, ценностей и тому подобного заставляет задуматься о том, что же является антиподом этого некоего общего. Представляется, что это нечто индигенное; своеобразное; свое, отличное от других. И здесь вспоминаются работы немецкого философа права К. Шмитта, в ком одни видят «немецкого Гоббса XX столетия» и кого другие объявляют выдающимся государственным теоретиком⁴. Одной из философско-правовых позиций, на которых К. Шмитт строил свои концепции и выводы, была меткая характеристика формулы «друг–враг», определенное разделение на «своих» и «чужих», «наших» и «не наших». Важность этой формулы становится отчетливой, если понять, что, по его мнению, только исходя из политического, государство можно определить как политический статус народа: «Народ существует политически только в том случае, если он образует независимую политическую общность и если он при этом противопоставляет себя другим политическим общностям, как раз во имя сохранения своего собственного понимания своей специфической общности»⁵.

Пара «друг–враг», по К. Шмитту, есть основа политической идентификации, суть процесса вступле-

² Курчеев В. С., Болотникова О. В., Герасимов Ю. А. Теоретические основы систематизации права в условиях глобализации / отв. ред. В. С. Курчеев. Новосибирск, 2008. С. 48–49.

³ Там же. С. 56.

⁴ Willms B. Carl Schmitt — jüngster Klassiker des politischen Denkens? // Complexio Oppositorum. Über Carl Schmitt / hrsg. Quaritsch Helmut. Berlin, 1988. S. 577–597.

⁵ Schmitt C. Der Begriff des Politischen (1927/1932). Berlin, 1963. S. 37.

ния человека в область политического¹. К. Шмитт отмечал, что политика все еще требует, «чтобы вы сформировали вашу оппозицию как антагонистическую ко всему, во что вы верите. Это не является личным. Вы не должны ненавидеть вашего врага. Но вы действительно должны быть готовы победить его в случае необходимости»². Разделение по принципу «друг–враг» относится прежде всего к области межгосударственных отношений. Следовательно, враг является совокупностью людей, которые к определенной группе не относятся и с которыми нет никакого обязательного общего законодательства и судебной практики. Не «враг», а именно «друг» состоит в большинстве случаев из членов народа, политическим статусом которого является государство.

Естественно, эту позицию можно критиковать за излишнюю прямоту, антигуманность и тому подобное, и ее критиковали, однако вряд ли кто-нибудь оспорит тот факт, что такое разделение на «наших» и «не наших» существовало всегда и у всех народов, причем как на уровне обыденного сознания, так и на политическом уровне. Оценивая в общем теорию «врага–друга», А. Дугин отметил, что «в реальности политическое разделение на “наших” и “не наших” существует во всех политических режимах и во всех народах. Без этого разграничения ни одно государство, ни один народ, ни одна нация не смогли бы сохранить своего особенного лица, не смогли бы иметь своего собственного пути, своей собственной истории»³.

Отвечая на критику своей позиции, К. Шмитт замечал: «если некто начинает выступать от имени всего человечества, от лица абстрактной гуманности, это означает на практике, что этот некто высказывает таким образом чудовищную претензию на то, что он лишает всех своих возможных оппонентов человеческого качества вообще, объявляет их вне человечества и вне закона и потенциально предполагает войну, доведенную до самых страшных и бесчеловечных пределов»⁴.

Перефразируя слова А. Дугина применительно к процессам глобализации, следует помнить, что к самым страшным последствиям приводит не реалистическое признание качественной специфики существования того или иного народа, государства, правовой системы, которые всегда предполагают деление на «наших» и «не наших», но именно стремление к насильственной универсализации, к втискиванию наций и государств в клетки утопических концепций «единого и однородного человечества», лишённого всяких органических и исторических различий⁵.

Возвращаясь к проблеме терминологии, следует заметить, что наиболее значимыми для раскрытия содержания глобализации права являются такие термины, как «гармонизация», «аппроксимация», «конвергенция». На основе изучения трудов отечественных и иностранных коллег можно сделать сле-

дующие выводы в отношении понимания ими обозначенных терминов.

Глобализация как явление — это многоаспектная, разноуровневая и вместе с тем системная интеграция разнообразных общемировых идей, принципов, ценностей, государственных, правовых, экономических, духовно-культурных и общественно-политических отношений, связей, институтов, направленная на постепенное создание гармонично сочетающей интересы всех национальных государств глобально-системной целостности⁶.

Глобализация права — это результат воздействия на правовую сферу глобализации как явления, состоящий из ряда взаимосвязанных элементов, которыми являются гармонизация права, аппроксимация права, конвергенция права.

Гармонизация права — это намерение, цель объединить, согласовать, привести к общему пониманию нормативно-правовые акты, правовые институты и практику правоприменения.

Аппроксимация права — это конкретный результат сближения правосознания, правотворчества и правоприменения в соответствии с гармонизацией как целью.

Конвергенция права — это процесс сближения, протекающий в определенных формах, результатом которого является аппроксимация права.

При этом формами конвергенции являются институционализированный законодательный и судебный процесс (когда сближение происходит в результате издания директив и инструкций либо посредством действия прецедентного права судов сообщества) либо объединение правил посредством добровольного действия (в силу простоты их применения и эффективности (обыкновения, традиции)). Это действие, в свою очередь, может выражаться в различных формах, таких как: рецепция нормативно-правового акта или его части одного правового порядка в другой; взаимный процесс обучения среди наднациональных и государственных судов; сравнительный анализ эффективных норм права и методов правоприменителями; процесс преподавания и изучения права.

Национальная правовая система России активно включается во всеобщий процесс правовой конвергенции строя и совершенствует свое внутреннее право, так как от внутреннего права в значительной мере зависят цивилизованное осуществление международных отношений и функционирование международной системы и правового порядка в целом. Прежде всего это касается нормативной составляющей. Многие нормы и институты были реципированы из европейского права. Это вызывает у ряда специалистов негативную реакцию, они предполагают, что при реформировании правовой системы следовало бы больше внимания уделить русской правовой истории, а не пересаживать законы из иностранных правовых систем на русскую почву. Однако с подобной позицией нельзя полностью согласиться.

⁶ Котковец С. П. Правовая система России в контексте тенденций глобализации : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 18.

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1. С. 40–45.

² Schmitt C. Op. cit. S. 27.

³ Дугин А. Карл Шмитт: 5 уроков для России // Философия права. 2000. № 2. С. 77.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Во-первых, по той причине, что принятие законов, адекватных реально существующим отношениям, будет означать нормативное закрепление неправового характера последних, так как российские граждане и организации относятся к правовым нововведениям с изрядной долей скептицизма и предпочитают неформальные способы обеспечения своих интересов официальным.

Во-вторых, если правовые системы, отличные от российской, предлагают лучшие нормы, поскольку они более развиты и прошли проверку временем, то почему бы их и не заимствовать. Опасения по поводу того, что под угрозой может оказаться целостность национальной правовой системы, на мой взгляд, не выдерживают никакой критики и имеют больше политический, нежели реальный правовой и экономический интерес. Заимствованные нормы и институты не представляют угрозы идентичности национальной

правовой системы по ряду причин. Первое: они действуют не самостоятельно, а в совокупности с нормами и институтами, исторически сложившимися в российской правовой системе; второе: огромное значение имеет процесс реализации норм, а он может различаться; третье: идет не прямое заимствование норм, прежде всего они пропускаются через российское правосознание, используются в отношениях между российскими гражданами, видоизменяются с учетом действующей правовой действительности и применяются на территории России.

Это естественные процессы заимствования и сближения, как образно отметил некогда Иеринг: «Никто не станет привозить издалека такое же или даже лучшее, что он имеет у себя на родине, но только глупец станет отказываться от хинной коры по причине того, что она выросла не на его поле»¹.

А. А. Моисеев²

КРИТЕРИИ ОБЪЕДИНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В НАДГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ ОБШНОСТИ

В условиях усиления влияния Российской Федерации на процессы межгосударственной интеграции на универсальном и региональном уровнях все чаще возникают общетеоретические вопросы международного права, которые имеют непосредственное практическое применение. Один из таких вопросов касается явления надгосударственности³ международных организаций.

Надгосударственность продолжает оставаться наиболее противоречивым понятием в международном праве. Она является умозрительной правовой категорией, которая, однако, имеет вполне ощутимые политико-правовые последствия для государств. Действующего международно-правового акта, в котором раскрывался бы или хотя бы упоминался термин «надгосударственность», в настоящее время не существует. Нет устоявшегося определения этого термина и в международно-правовой литературе. Однако отсутствие термина «надгосударственность» в международных догово-

рах не означает отсутствия этого явления в деятельности международных организаций.

Возникновение надгосударственных функций в компетенции международной организации является результатом суверенного, то есть независимого волеизъявления государств-членов на основе принципов и норм международного права и служит для достижения общих интересов государств, связанных с продвижением идей о будущем гармоничном устройстве мира путем более тесного сотрудничества, а не для вмешательства во внутренние дела государств.

Надгосударственность является способом единогообразного регулирования определенных областей сотрудничества, затрагивающих интересы государств-членов, которые с этой целью заключают между собой межгосударственный договор об учреждении международной организации, интеграционного объединения. Причем столкновение интересов международной интеграционной организации и государства-члена может возникнуть лишь в ходе ее деятельности, а не на этапе создания.

Таким образом, основой существования надгосударственности является институциональный механизм международных организаций. Примечательно, что проявиться надгосударственность может на различных этапах деятельности международной организации независимо от указания этого качества в ее учредительных документах. Суть этого явления как раз и заключается в способности и возможности международной организации принимать решения, обязательные для государств-членов.

Сущность надгосударственности определяется интересами государств-участников, которые находят отражение в уставе и деятельности международной организации. Учреждая новую международную органи-

¹ Цит. по: *Рабель Э.* Задачи и необходимость сравнительного правоведения / пер. с нем. под ред. Б. М. Гонгало. Екатеринбург, 2000. С. 25.

² Проректор по международным связям Российской таможенной академии, доктор юридических наук, профессор. Автор около 50 научных публикаций, в т. ч.: «Суверенитет в опасности!», «Суверенитет государства в международном праве», «Современное международное право», «Надгосударственность в современном международном праве», «Международные финансовые организации. Правовые аспекты деятельности» и др.

³ В отечественной литературе для описания рассматриваемого явления используется как термин «наднациональность», так и термин «надгосударственность». Несмотря на широкое распространение первого термина, предпочтение следует отдать второму, поскольку он точнее передает суть явления и является более корректным переводом с французского — “supranationalité”, английского — “supranational”, немецкого — “überstaatlich”. Также следует учесть, что, в отличие от термина «надгосударственность», перевод с русского на упомянутые иностранные языки термина «наднациональность» ведет к заметному искажению его смысла.

зацию, государства устанавливают ее международную правосубъектность и определенный объем правоспособности, то есть придают ее органам определенные полномочия, с помощью которых организация регулирует межгосударственные отношения.

На время участия в международной организации государства наделяют ее полномочиями в строго ограниченных областях, в которых компетенция международной организации может иметь приоритет по отношению к соответствующей компетенции государств-членов, но суверенный статус и независимость государств при этом не затрагиваются и не зависят от того, использует ли само государство такие полномочия или нет.

На евразийском пространстве тема надгосударственности имеет весьма прикладной характер, даже несмотря на то что в Алма-Атинской декларации 1991 года записано, что СНГ «не является надгосударственным образованием».

Общепризнанного определения термина «надгосударственность», закрепленного в каком-либо международно-правовом или государственно-правовом источнике, не существует. Также и в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года нет такого определения.

Термин «наднациональность» встречается в Договоре, включая его приложения, дважды: в ст. 38 «Внешняя торговля услугами», где говорится, что государства-члены осуществляют координацию в сфере торговли услугами с третьими сторонами, которая не означает наднациональной компетенции Союза в этой сфере; и в ст. 103.2 «Переходные положения в отношении раздела XVI. «Регулирование финансовых рынков»», где зафиксировано: «Государства-члены после завершения гармонизации законодательства в сфере финансовых рынков примут решение о полномочиях и функциях *наднационального органа по регулированию финансового рынка* и создадут его с местоположением в городе Алматы в 2025 году».

В отличие от классической международной организации, надгосударственная организация имеет право согласно ее учредительным документам принимать решения обязательного характера для ее государств-членов в соответствии с установленной процедурой. Надгосударственность международной организации проявляется для тех государств, которые в момент принятия ею решения голосуют против него, но в случае принятия обязаны выполнить обязательные решения международной организации.

Другими словами, для установления возможной надгосударственности международной организации следует обратиться к ее процедуре принятия решений и установить, во-первых, предусмотрено ли учредительными документами принятие обязательных для государств-членов решений и, во-вторых, какова процедура принятия таких решений, поскольку очевидно, что при процедуре консенсуса или единогласного голосования надгосударственность исключена.

19 мая 2011 года Россия, Казахстан и Белоруссия, стремясь к членству во Всемирной торговой организации (ВТО), подписали Договор о функционировании

Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы, который устанавливает приоритет норм ВТО над нормами Таможенного союза. Например, сама ВТО не отличается от традиционных международных организаций. В Соглашении о ее учреждении не просматривается ее надгосударственность, не предполагается принятие органами международной организации решений обязательного характера. Обязательства государств — членов ВТО вытекают из международных экономических договоров, принятых со времен Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), большинство из которых содержат взаимные ограничения для подписавших их правительств.

Решения в ВТО носят рекомендательный характер и в основном принимаются путем консенсуса, который используется в ГАТТ с 1947 года. Если решение невозможно принять через консенсус, то применяется голосование по принципу «одна страна — один голос» и решение принимается в зависимости от предмета — простым или квалифицированным большинством. Условия участия в любом из международных экономических договоров в рамках ВТО, как и в любом другом международном договоре, не препятствуют государству реализовать свое право на выход из договора в любое время, когда оно сочтет это необходимым.

Вступление в ВТО не потребовало отказа от развития сотрудничества ни в рамках СНГ, ни в рамках Таможенного союза, ни теперь в рамках Евразийского экономического союза. Положения ВТО, регулирующие функционирование интеграционных объединений, также применяются к евразийским интеграционным международным организациям. Права и обязанности государств-членов, вытекающие из соглашений ВТО, не могут быть отменены либо ограничены решением органов Таможенного союза или международным договором государств — членов Таможенного союза.

Представляется, что государства стараются избегать использования термина «надгосударственность», во-первых, в связи с отсутствием общепризнанного определения этого термина не только в международных договорах, но и в международно-правовой литературе и, во-вторых, поскольку устойчивы ошибочные предубеждения, что надгосударственность угрожает суверенитету государств-членов.

Надгосударственность не «посягает» на суверенитет государств. Природа государственной власти и власти международной организации различна, даже если международная организация является надгосударственной. В отличие от полномочий государств, надгосударственная международная организация может обладать только ограниченным количеством производных полномочий в строго определенных областях, которыми ее наделяют государства-члены. Делегировав какие-либо права в пользу многостороннего механизма международной организации, государство их не утрачивает и может продолжать реализовывать и самостоятельно, и в рамках международной организации. Компетенция международной организации по договоренности может иметь приоритет по отношению к соответствующей компетенции государств-членов, но суверенный статус

и независимость государств при этом не затрагиваются и не зависят от того, использует ли само государство такие полномочия или нет. В том случае если действия международной организации перестанут отвечать национальным интересам государства-члена, оно всегда может отказаться от членства в ней.

До тех пор пока государства сохраняют свой суверенитет, они обладают универсальной компетенци-

ей и имеют право принимать любые решения в рамках международного права, и отнять это право у государств нельзя, равно как они сами не могут отказаться от него, даже включив соответствующие положения в международный договор¹. Таким образом, говорить об угрозе суверенитету или его *ограничении* со стороны надгосударственности международных организаций не верно.

А. Ю. Мордовцев²

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В XXI ВЕКЕ

Знание чужих культур может быть чрезвычайно важным для самопознания, понимания мира и практических отношений. Но во всем этом мы понимаем и утверждаем только самих себя, формируем, сколько бы мы ни приспособлялись к чужим культурам и как бы ни воспринимали их, только самих себя такими, как мы сложились и создавались в течение тысячелетий.

Э. Трельч

В начале исследования полезно вспомнить слова французского историка Шарля Сеньобоса: «Задавать себе вопросы очень полезно, но отвечать на них очень опасно». Действительно, наверное, нет ничего интереснее, сложнее, но также и опаснее, чем изучать особенности собственного национального «мира», сталкиваться со многими вечными вопросами российской государственности, правовой и политической систем. Кажется достаточно очевидным и то, что предлагаемые ответы не всегда будут соответствовать традиционным (как советским, так и постсоветским) «вкусам» отечественной правовой науки, а решение ряда проблем, возможно, разойдется с некоторыми принятыми теоретическими схемами и методологическими установками.

Собственно, именно в таком контексте, как представляется, и стоит размышлять о возможных перспективах развития российской правовой науки вообще и теории права и государства в частности. Вряд ли уместно говорить обо всем современном правоведении, включающем, естественно, отраслевое юридическое познание, но в отношении последнего речь должна идти о поиске новых методологем, отвечающих первоочередным задачам государственного строительства, модернизации (а это все же неизбежно!) отечественной правовой системы и т. п. Вспоминая А. Д. Тойнби, за-

метим, что «по-крупному» теория права и государства в XXI веке в рамках своего предметного поля должна стать прочной основой для формирования своего рода юридического «ответа» на разного рода «вызовы» (глобализационные и др.) в отношении российской государственности, оригинального правокультурного и институционально-правового поля.

Выделим сложившиеся к настоящему времени и имеющие стратегический характер направления развития государственно-правового познания:

1) либерально-правовое (возникшее на волне критики советского права и правоведения, марксистско-ленинской теории и тому подобного в конце 1980-х — начале 1990-х гг.), ориентирующееся на западные догматы «правового государства», «гражданского общества», «прав человека» и тому подобное, причем в их универсалистской, «безнациональной» трактовке;

2) материалистическое (в духе вышеупомянутой марксистско-ленинской теории, правда, подвергнувшей своего рода «идеологической ревизии», но сохранившей свою методологическую основу — диалектико-материалистическое учение);

3) национально-консервативное (в своих различных модификациях: от возрожденного и все же качественно отличающегося от классического славянофильства евразийства до принадлежащих отдельным исследователям православно-консервативных идей в отношении природы российского права и государства).

Полагаю, что именно последнее и предполагает внесение «национального измерения» (как варианта «человеческого измерения») в осмысление нормативно-типологической и социально-духовной природы отечественного права и, естественно, государства. В этом плане и идет формирование необходимого для понимания национальной правовой и политической идентичности категориального аппарата, включающего, кроме всего прочего, понятие «правовой менталитет».

¹ Моисеев А. А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2011.

² Профессор кафедры теории и истории государства и права Таганрогского института управления и экономики, профессор кафедры международного права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, кандидат философских наук. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Правовой менталитет. Проблемы понимания Российского государства и права», «Российский правовой менталитет» (в соавт.), «Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты» (в соавт.), «Особенности политико-правового режима модернизирующейся России» (в соавт.), «Правокультурные основы исследования государственной власти» и др.

Так, в 1940–1960-х годах в англоязычной литературе активно разрабатывалась теория *национального характера*. Социологи, правоведы, политологи, психологи, специалисты других направлений активно исследуют особенности национальной *идентификации* и в этом же контексте — индивидуальной рефлексии, анализируют как массовые (групповые, корпоративные) поведенческие акты и национальные (цивилизационные) бытовые и небытовые стереотипы, так и отдельные поступки (проступки) субъектов, представителей определенного социума¹. Так, в 1954 году социолог А. Инкельс и психолог Д. Левинсон опубликовали обширный обзор специальных (англоязычных) источников по проблеме национального характера. На основе скрупулезного анализа представленных работ они предположили, что ряд проблем, точнее, способов их решения, влияет на функционирование обществ, малых групп в этих обществах и индивидов в этих группах и поэтому может считаться ключевым в определении национального характера²:

1) отношение к власти (в широком смысле — к государству, аппарату чиновников, правоохранительным органам, различным властным предписаниям и т. д.);

2) сложившиеся особенности, устои, традиции взаимоотношений индивида и общества (концепция «я» и «другой»);

3) устоявшиеся способы разрешения конфликтов, включая место, роль и характер *правосудия*, наличие несудебных форм (посредничество и примиренчество, так называемое «восстановительное» правосудие и т. д.), а также принятый в том или ином обществе контроль над агрессией и выражением чувств.

К сожалению, немногочисленные работы (современных) отечественных авторов, посвященные вопросам «загадочной русской души», национальному характеру, чаще всего оказываются куда менее информативными, чем их западные аналоги. Например, автор не так давно вышедшей в свет монографии И. А. Петрова несколько «мистифицирует» или излишне (подобное отношение, в общем-то, свойственно многим нашим исследователям) поэтизирует проблему, правда, при этом весьма уместно приводит разнообразные (вполне соответствующие духу и букве ее собственного изложения) мнения относительно *непостижимости и глубины* русского характера: «*Вся история России — это непрерывная борьба противоположностей, обусловленная необъятным пространством и “евразийскими” метаниями русской души.*»

Стремясь преодолеть разного рода «научные метафоры», порожденные чаще всего соответствующими околонучными «интуициями» различных исследователей прошлого и настоящего в отношении «непо-

¹ Однако научно-практическая база для подобных исследований формируется значительно раньше, а именно в конце XIX — первой четверти XX века. Например, Э. Дюркгейм в своем творчестве обосновал идею общественной солидарности и зависимости людей друг от друга (См.: Дюркгейм Э. Самоубийство (социологический этюд). М., 1994). Большое влияние также оказала теория архетипов, или теория коллективного бессознательного К. Г. Юнга.

² Inkeles A., Levinson D. National Characters: The Study of Modal Personality and Sociocultural Systems // The Handbook of Social Psychology. 1969. Vol. 4.

стижимости» и тому подобного «русского характера», обратим внимание на дефиницию «правовой менталитет». *Правовой (политико-правовой) менталитет является совокупностью (системой) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и тому подобном имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности (юридических и политических институтов, национальных и конфессиональных отношений и др.), определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных и профессиональных групп, государственных органов и должностных лиц.*

Именно правовой менталитет определяет совокупность готовности и предрасположенности индивида действовать, мыслить, чувствовать, воспринимать различные явления, оценивая их в качестве положительных или отрицательных, в государственно-правовой сфере; предполагает соединение когнитивного и ценностного мотивов правомерного или неправомерного поведения субъектов.

В сущностном аспекте (не замыкаясь на психической природе рассматриваемого явления) правовой менталитет следует изучать (как было уже замечено выше) через выделение его архитектурных элементов (политико-правовой парадигмы, стиля юридического мышления, типа социально-правового и пред-правового взаимодействия субъектов), что, несомненно, позволит выйти на осмысление его социокультурной, национальной природы. Вполне очевидно и то, что «*правовая ментальность* как сложное явление отражается во всех элементах структуры правосознания и раскрывается в специфике *правопонимания, право-чувствования, правовидения*»³.

Колоссальное значение для осмысления сущности национального правового менталитета как сложного феномена, взаимодействующего с социальными, психологическими и нравственными категориями, имеют правовые теории, сформировавшиеся в России на рубеже XIX и XX столетий. Широкое понимание правосознания (как это уже отмечено в концепции И. А. Ильина), рассмотрение различных социокультурных, национальных, исторических и субъективных факторов, несомненно, способствуют созданию доктрины отечественной правовой ментальности.

«*Наши внутренние психические акты, например гнев, радость, желания, бывают причиной возникновения правовых отношений.* <...> Чувства и сознание нашей связанности по отношению к другим мы выражаем словом “право”», — отмечают представители психологической школы, рассматривая право в его субъективном измерении⁴. При этом роль государства в возникновении такого рода правовых отношений, по их мнению, не является определяющей, так как на первый план выдвигается собственное государственно-правовое видение (чувствование), со-

³ Поляков А. В. Общая теория права. СПб., 2001. С. 290.

⁴ Петражицкий Л. И. Очерки философии права. СПб., 1990. С. 9, 15.

вокупность юридически значимых «предрасположенностей» социальной группы или индивида действовать определенным образом. Признание такого права со стороны государства не имеет большого значения, ибо оно возникает в глубине человеческого сознания прежде всего как «интуитивное право», построенное на уникальном этноментальном фундаменте.

Данная теоретико-методологическая позиция находит свое обоснование и в творчестве русского юриста Б. Кистяковского, который (наряду с Ю. Гамбаровым, Р. Штамлером, С. Муромцевым и др.) обращает внимание на социальный аспект права. Развивая социологическую теорию права, Б. Кистяковский приходит к выводу, что ученые не приблизятся к пониманию социальной природы права до тех пор, пока будут его рассматривать как совокупность норм или правил, действующих в обществе. Право же значительно более сложное явление, чем простая совокупность норм: «Сущность правовых норм не в их внутренней ценности, что по преимуществу можно утверждать о нормах этических и эстетических. Право состоит из норм, постоянно и регулярно осуществляющихся в жизни, и поэтому осуществление есть основной признак права»¹.

Эффективность реализации (осуществления) правовых норм стала одной из центральных проблем отечественной юридической науки в конце 1980-х и особенно в 1990-х годах, когда опасный симптом российской правовой реальности — *пробуксовывание* или полное бездействие закона — не только возник, но и начал все более ощущаться и в юридической практике, и в обществе в целом. Именно в это время становится очевидной необходимость рассмотрения *природы закона* в свете реальных (национальных) процессов: отношения общества к закону, механизма применения закона, правового воздействия, традиционных способов оценки эффективности закона. Следует уделить внимание проблеме создания и действия законов (в широком смысле понимания последних) в *национальном ментальном пространстве* (универсуме), вне которого вряд ли можно осознать подлинную сущность и специфику многих деструктивных факторов действия нормативно-правовых актов.

С позиций же теории правовой ментальности, изучения глубинных этнокультурных и конкретно-исторических особенностей правового духа России, типологической идентификации отечественной правовой культуры, всей правовой системы можно выделить некоторые наиболее осязаемые для современного законореализующего процесса негативные явления:

— конфликт, резкое расхождение между требованиями принятого акта и социальными *ожиданиями* членов общества, основанными на устоявшихся социально-юридических ценностях, установках, правовых чувствах, представлениях и претензиях индивидов²;

— чтобы «овладеть» массовым сознанием, закон должен преодолеть тот «порог» сопротивления, который часто воздвигается на пути его реализации именно отечественной правовой ментальностью, ее особым (есть мнение, что и «кризисным») состоянием, противоречивыми интересами различных социальных слоев и групп, для чего важно обретение как законодателем, так и правоприменителем ясного представления обо всем многообразии ментальных особенностей адресатов нормативно-правовых актов, их юридических и политических стереотипов;

— к числу факторов «правоментального порядка», способных оказывать негативное воздействие на процессы реализации законов (в различных ее формах), относится и весьма специфическое общественное мнение. В российском миропонимании исторически сложилась ситуация (подтверждаемая многими событиями отечественной истории, особенно в переломные ее моменты) явного преобладания *обыденного уровня* правосознания, на котором общественное мнение чаще всего складывается под влиянием слухов, особого понимания процессов, событий, тенденций общественного развития. Данная «традиция» неизменна и в постсоветский период — *обыденный уровень* массового правосознания в современных условиях содержит значительную долю стихийности и иллюзорности³. Поэтому стремительное развитие социально-правовых реалий, тем более либеральная модель реформирования отечественной государственности, неизбежно натолкнулось уже к концу 1990-х годов на устоявшиеся стереотипы и догмы национального правового менталитета.

² Здесь стоит обратить внимание на своего рода «признание» одного из авторов Конституции РФ С. М. Шахрая, когда в статье, посвященной 20-летию Основного закона, он (кажется, без сожаления) отметил, что «...главным инструментом для продвижения идей и принципов Конституции стали Конституционный Суд Российской Федерации и Глава государства. Это были два института, которые сыграли, как сказали бы наши зарубежные коллеги, контрмандоритарную роль. «Контрмандоритарный» институт — это институт, который может законно противостоять воле большинства» (*Шахрай С. М. К 20-летию Конституции Российской Федерации: из истории российского конституционализма и государственного строительства // Вопросы правоведения. 2013. № 2. С. 14*).

³ На эмпирическом уровне это подтверждается современными социологическими исследованиями (См.: Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России) / под ред. И. Г. Дубова. М., 1997; *Щербакова Н. В. Проблемы правовой установки личности. Ярославль, 1993*).

¹ *Кистяковский Б. А. Право как социальное явление // Вопросы права. 1911. Кн. 8. С. 8–9.*

Л. А. Пасешникова¹

НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЫЗОВОВ

1. *Понимание академической свободы в современной российской юриспруденции*

В юриспруденции термин «свобода» обычно употребляется в связке с термином «право» применительно к характеристике правового статуса субъекта (прежде всего индивида). Нередко высказывается мнение, что эти термины по своей юридической природе и системе гарантий идентичны, поскольку очерчивают *обеспечиваемые государством социальные возможности человека* в различных сферах². Однако, на наш взгляд, более точной представляется позиция, исходящая из того, что в данных понятиях есть как сходства, так и различия. С одной стороны, и права, и свободы — это суть мера возможного поведения индивида, но с другой — права свидетельствуют о возможности *получения* каких-либо социальных благ, а свободы — о возможности *избежать* определенных ограничений со стороны государства³. Следовательно, если государство в законе закрепило право, то оно берет на себя ответственность за его обеспечение. Кроме того, как отмечает, например, Е. А. Лукашева, термин «свобода» призван подчеркнуть более широкие возможности индивидуального выбора, не очерчивая конкретного его результата; термин же «право» определяет конкретные действия человека⁴.

Свобода основывается на добровольности субъекта и в этом смысле не опирается на государственное принуждение. Свободный человек — это индивид, обладающий реальной возможностью принятия самостоятельных решений и ресурсом, необходимым для их реализации. Сама свобода в таком понимании зависит от государства лишь опосредованно. Государство не может свободу как таковую создать, однако может упорядочить поведение свободных людей, установив общие правила поведения, задающие «социально-правовые параметры» реализации индивидуальных свобод, обеспечить возможности для позитивного проявления свободы, а также осуществить правовое ограничение свободы в случаях, когда она выражается в форме противоправных поступков. В данном слу-

чае уместно обращение к Декларации прав человека и гражданина, определяющей: «Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому... осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Границы эти могут быть определены только законом» (ст. 4). В свою очередь: «Закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества. Все же, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписываемому законом» (ст. 5)⁵.

Таким образом, индивидуальная свобода — это возможность человека принимать самостоятельные решения и своим поведением способствовать реализации этих решений в пределах законодательно установленных границ (мер).

Определившись с понятием «свобода», которое по своей сути не совпадает (или, по крайней мере, не полностью совпадает) с понятием «право», можно перейти к анализу одной из ее разновидностей — свободе академической.

В действующем российском законодательстве нормативного определения академической свободы нет. Вместе с тем в различных нормативных правовых актах можно найти указание на ее элементы. В частности, ст. 3 п. 7 Федерального закона РФ «Об образовании» № 273-ФЗ (2013) закрепляет «свободу выбора получения образования...», а в п. 9 говорится об «автономии образовательных организаций, академических правах и свободах педагогических работников и обучающихся...» Федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (п. 2 ст. 3) закрепляет, что «органы государственной власти РФ гарантируют субъектам научной и (или) научно-технической деятельности свободу творчества, предоставляя им право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок».

Можно сделать вывод о том, что на законодательном уровне академическая свобода понимается как свобода преподавателя по своему усмотрению излагать учебную дисциплину, свобода ученого выбирать тематику и методику научных исследований и, наконец, свобода студента в получении знаний соответственно своим склонностям и потребностям. Так, исследователи отмечают: «В основе принципа академической свободы лежит право на проведение исследований и преподавание без постороннего вмешательства как внутри вуза, так и извне, со стороны политических властей или частных лиц. Академическая свобода предполагает также свободу обучения для студентов. Важнейшим средством, обеспечивающим существование ака-

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук. Автор более 30 научных публикаций: «Понимание “свободы образования” в контексте национальной правовой культуры современной России», «К вопросу о месте института академической свободы в национальной и международной системе прав человека и гражданина», «Социальное партнерство как предпосылка и условие формирования академической свободы», «Академическая свобода в системе конституционных прав и свобод личности» и др. Награждена медалями «За трудовое отличие», «К 300-летию Санкт-Петербурга», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² Лукашева Е. А. Права и свободы человека и гражданина // Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2000. С. 133; Луковская Д. И. Права человека и права гражданина. Правовой статус человека и гражданина // История государства и права. 2007. № 13. С. 35.

³ См.: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 133–134.

⁴ Лукашева Е. А. Указ. соч. С. 133.

⁵ Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г. Ю. Семинин. М.: Мысль, 1999. Т. III: Европа. Америка: XVII–XX вв. С. 246.

демической свободы, является институциональная независимость учреждений высшего образования, то есть их самостоятельность, прежде всего в академической (присуждение ученых степеней, разработка учебных планов и т. п.) и финансовой областях»¹.

Соответственно академическая свобода как юридическая конструкция включает как минимум три элемента: *свободу преподавания, свободу научного исследования и свободу обучения*, которые, в свою очередь, тесно связаны с *автономией учебного заведения*. Последняя означает самостоятельность, независимость учреждения при определении его политики в осуществлении образовательного процесса, подборе и расстановке кадров (в том числе связанных с замещением высших руководящих должностей), научной, финансовой, хозяйственной и иной деятельности. При этом в качестве субъектов, реализующих в своей деятельности возникающие в рамках академической свободы права и обязанности, будут выступать научно-образовательные центры (вузы и НИИ), профессорско-преподавательский состав, студенческая аудитория, научные сообщества (научно-исследовательские лаборатории, научные школы).

Академическую свободу можно рассматривать как межотраслевой институт права, объединяющий в своем содержании не противоречащие закону возможности участников образовательного и научного процессов и определяющий меру их самостоятельности при принятии компетентных решений в сферах высшего, послевузовского образования и науки, с их последующей реализацией.

Опираясь на приведенную дефиницию, можно выделить признаки, характеризующие академическую свободу:

— академическая свобода проявляется прежде всего в сфере высшего и послевузовского образования, а также в сфере научных изысканий, и в таком аспекте не претендует на роль универсального принципа образовательного процесса;

— содержание академической свободы составляют в комплексе потенциальные возможности субъектов образовательно-научных отношений, в которых, с одной стороны, выражаются их локальные субъективные интересы, а с другой — определяются пределы самостоятельности при принятии и реализации решений в соответствующих областях;

— академическая свобода представляет правовое состояние, основанное на определенной правовой ментальности индивидуальных и коллективных субъектов, осознающих свои права и корреспондирующие этим правам обязанности, а также сознательно и добровольно возлагающих на себя ответственность за принимаемые решения и совершаемые поступки;

— реализация академической свободы осуществляется за счет ресурсов субъектов-носителей, по отношению к которым государство выступает в качестве дозвоительно-разрешительной инстанции. При этом государство, обеспечивая субъектам возможность осу-

ществления предусмотренных академической свободой правомочий, вместе с тем не гарантирует наступление в итоге позитивных результатов, с надеждой на достижение которых субъекты вступали в образовательные либо научные отношения (в этом как раз и состоит принципиальное отличие свободы от права).

II. *Современные вызовы в сфере реализации академической свободы в российской образовательно-научной среде*

Образовательно-научная среда, одним из принципов формирования и функционирования которой является академическая свобода, в российских условиях никогда не отличалась стабильностью и логической последовательностью вносимых в нее трансформационных преобразований.

Распад СССР, обусловивший разрушение единой советской образовательно-научной системы и повлекший переориентацию «новой России» на ценностные ориентиры, закрепленные в государственных программах западных демократических государств, обусловил появление новых вызовов (как внутренних, так и внешних), без конструктивного ответа на которые говорить о позитивной динамике развития в области образования и науки не приходится.

К числу наиболее значимых внешних вызовов следует отнести следующие проблемные аспекты.

1. Российская Федерация (как, впрочем, и все остальные вновь образованные на постсоветском пространстве государства) провозгласила себя равноправным членом международного сообщества, «открытого» для широкого взаимодействия, в том числе в сфере академической мобильности преподавателей и студентов. В прикладном аспекте это повлекло необходимость унификации европейской и российской правовых систем. Не собираясь сейчас ни выступать в поддержку, ни заниматься критикой Болонского процесса, считаю необходимым констатировать, что в настоящее время в России сосуществуют, причем как самодостаточные, не связанные друг с другом сегменты, две модели образования: традиционная (советская) и болонская (европейская).

От Советского Союза российское высшее образование унаследовало специалитет как единую завершенную систему подготовки кадров. При этом считается ошибочным мнение, что специалитет — это обязательно пятилетний срок обучения. Полное юридическое образование, причем надлежащего качества, в СССР получали как на юридических факультетах государственных университетов, в силу наукоемкости образовательного процесса осуществлявших обучение в течение пяти лет, так и в государственных юридических институтах, и в специализированных вузах силовых ведомств (Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности, Министерства обороны), где образовательный процесс из-за его практической ориентированности продолжался четыре года. Парадокс, но в настоящее время пятилетнее обучение по программам специалитета осуществляют как раз силовые вузы, казалось бы, в первую очередь заинтересованные в более ускоренной (и, что немаловажно, менее затратной) подготовке профессиональных кадров.

¹ Волосникова Л. М. Университетский устав Российской империи 1804 г.: режим академической свободы // История государства и права. 2006. № 4. С. 33–34.

Внедрение Болонской образовательной системы предполагает построение трехуровневой образовательно-научной системы, в которой представлены три сегмента: образовательный (бакалавриат) — образовательно-научный (магистратура) — научный (PhD). При этом каждый из сегментов носит заверченный характер и должен предоставлять обладателю соответствующего образовательного статуса определенный набор профессиональных возможностей. Однако в современной России, вплоть до настоящего времени, обладатели бакалаврского диплома рассматриваются работодателями как «недоучки». Нормативно-правовое регулирование современного рынка труда в России не дает ответа на вопрос: в чем особенность бакалаврского и магистерского образования, чем бакалавр и магистр отличны от специалиста? Кроме того, вплоть до настоящего времени в Российской Федерации сохраняется советская централизованная система подготовки научно-педагогических кадров, и разговоры о необходимости перехода к системе подготовки «докторов PhD», к счастью, пока остаются только разговорами.

Отмеченная противоречивая двойственность образовательных моделей явно выражена в организации юридического образования в двух «основных» российских университетах: МГУ и СПбГУ. В МГУ осуществляется подготовка специалистов и интегрированных магистров (причем по шестилетней программе). СПбГУ осуществляет подготовку юристов по Болонской системе (бакалавриат, магистратура). При этом руководство университета неоднократно заявляло о стремлении отказаться от деятельности традиционных диссертационных советов, «замкнутых» на ВАК России, и организовать законченный диссертационный цикл на базе вуза. Вряд ли возникают сомнения, что подобная «конкуренция» среди российских вузов не способствует усилению стабильности образовательно-научного пространства, и если и может выступать в качестве формы академической свободы, то в ее наиболее негативном воплощении — «свободы разрушения».

2. Ликвидация «железного занавеса» и политика «открытых дверей» в академической сфере в переходный период становления российской государственности не сопровождалась сколько-нибудь последовательными усилиями по сохранению «золотого фонда» отечественной профессуры и талантливого студенчества. В условиях, когда государство практически самоустранилось от решения проблем материального обе-

спечения образовательной и научной деятельности, западные университеты и промышленные корпорации развернули настоящую «охоту за головами», по сути дела скупая лучшие российские умы. Печальный итог такой, мягко говоря, государственной беспечности сейчас наглядно виден. К примеру, нобелевский лауреат 2010 года по физике А. К. Гейм родился и жил в СССР, окончил МФТИ, однако предпочел «родной неразберихе» в научной области спокойную и достойную жизнь в Нидерландах, которые и представлял в Нобелевском комитете. Такие примеры, к сожалению, не являются единичными. Получается, что, реализовав академическую свободу в области мобильности преподавателей и студентов, государство не озаботилось защитой собственных национальных интересов в области «сбережения» талантливых научных кадров, по сути, предоставив Западу неконтролируемый рынок наиболее ценных научных специалистов.

Говоря о внутренних вызовах, следует в первую очередь отметить неоднозначное отношение государства к вузам вообще и к негосударственным вузам в особенности. Полагаю некорректной саму дифференциацию вузов на государственные и негосударственные. Все учебные заведения нашей страны, за исключением тех, где учредителем выступают иностранные государства, осуществляют образовательную деятельность по единым государственным стандартам, включены в единую финансовую и налоговую систему России. Отношение учредителей к различным министерствам и ведомствам, равно как и к неправительственным организациям (СПбГУП) либо бизнес-структурам, не должно рассматриваться ни с точки зрения гарантии качества образовательного процесса, ни как некое негативное обстоятельство. Учитывать при оценке следует не статус учредителя, а те закрепленные в образовательном законодательстве критерии, которые не зависят от того, относится вуз к «государственным» или нет.

В связи с этим вызывают недоумение высказывания ряда руководителей Министерства образования и науки РФ о необходимости сокращения значительного числа российских вузов, и в первую очередь так называемых частных. Представляется, что речь должна идти не о сокращении либо, напротив, увеличении числа учебных заведений как некоей «тайнственной» самоцели, а о создании и государственной поддержке вузов, в реальности составляющих образовательно-научное достояние России.

Д. А. Пашенцев¹**ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ**

Рассматривая особенности влияния глобализации на развитие правовой системы России, надо исходить из следующего обстоятельства: глобализация представляет собой явление, с одной стороны, объективное, обусловленное процессом стремительной информатизации общественных отношений, с другой — усиливающееся из-за субъективного фактора, выраженного в стремлении транснациональных корпораций превращать национальные рынки в единый глобальный рынок для максимального извлечения прибыли. Из этого следует, что трансформация правовой системы в современных условиях также определяется сочетанием объективных и субъективных факторов, влияющих на принятие и реализацию правовых норм.

С позиций современной постклассической науки правовая система — это не только совокупность норм и институтов, но и действия по практической реализации правовых предписаний. Помимо права как базового элемента, правовая система включает множество других составляющих, таких как правотворчество, правосудие, юридическая практика, нормативные, правоприменительные и правоинтерпретационные акты, правоотношения, субъективные права и обязанности, правовые учреждения, механизмы правового регулирования, правосознание. Правовая система — это структурированная совокупность правовых норм, институтов и правоприменительных механизмов, существующих в данном конкретном государстве, достигших достаточно высокой степени развития, исторически обусловленных и соответствующих определенному уровню правосознания. Как справедливо отмечает французский исследователь П. Гленн, правовая система — это точка зрения общества о правилах, которым оно должно подчиняться при урегулировании тех или иных социальных отношений².

Будучи открытой, для своего развития правовая система должна получать мощный поток заимствований извне, без них она обречена на вырождение, которое будет сопровождаться преобладанием деструктивных, саморазрушающих тенденций. Заимствования — это благо для правовой системы, но не все, а только те, которые адаптированы к ней. Если заимствуется институт, который хорошо работает в иных условиях, но не адаптирован к условиям реципиента, не соответствует существующему историческому опыту, экономическим, политическим, правовым условиям, он не сможет эффективно функционировать и достаточно быстро выродится и разрушится.

В центре правовой системы стоит человек как субъект права; именно он своими действиями воспроизводит правовую реальность. Как верно отмечает И. Л. Честнов, «с точки зрения антропологизма пост-современного мировоззрения субъект права должен трактоваться не просто как субъект правоотношений, а гораздо шире — как центр правовой системы, ее творец и постоянный деятель. Именно субъект права формирует и воспроизводит своими действиями правовую реальность»³.

Модернизация правовой системы осуществляется посредством воздействия на человека. Принятие любых новых законов станет безрезультатным, если их нормы не будут воплощаться в конкретных и адекватных действиях правоприменителей. Но правосознание правоприменителей и иных субъектов права во многом определяется типом цивилизационного развития. Одним из факторов, определяющих интенсивность рассматриваемого процесса рецепции, является принадлежность государства к одному из двух основных типов цивилизации: традиционалистскому или техногенному. По мнению академика РАН В. С. Степина, «Динамизм техногенной цивилизации разительно контрастирует с консервативностью традиционных обществ, где виды деятельности, их средства и цели меняются очень медленно, иногда воспроизводясь на протяжении веков»⁴. Это проявляется и в праве, которое, являясь регулятором общественных отношений, развивается с той же скоростью, что и эти отношения. Постоянный поиск и применение новых технологий социального управления и социальных коммуникаций, характерные для техногенной цивилизации, нетипичны для правовых систем традиционалистского типа. К числу последних относится и правовая система России.

Влияние процессов глобализации на развитие правовой системы России зависит от следующих факторов.

1. Под воздействием глобализации происходят процессы унификации национального права и сближения национальных правовых систем; Россия, будучи включенной в систему мирового разделения экономических функций, также участвует в данном процессе.

2. Под воздействием глобализации происходит выработка и внедрение международно-правовых стандартов, которые в рамках мирового сообщества воспринимаются как обязательные и фактически становятся таковыми.

3. Относясь к числу цивилизаций традиционалистского типа, Россия в силу этого с трудом воспринимает практическое внедрение целого ряда успешно апробированных в западных государствах правовых институтов.

¹ Заместитель заведующего кафедрой теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета по научной работе, доктор юридических наук, профессор. Автор около 90 научных публикаций, в т. ч.: «История государства и права России», «Бюджетное и налоговое законодательство Российской империи», «Взаимодействие частных и публичных норм в финансовом праве», «Влияние рецепции на генезис правовой системы России», «Генезис правовой системы России», «Гражданское право в правовой системе России» и др.

² Glenn P. La tradition juridique nationale // Rev. intern. de droit compare. P., 2003. P. 264.

³ Честнов И. Л. Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права // Актуальные проблемы права в современной России: сб. науч. ст. М., 2009. Вып. 10. С. 55.

⁴ Степин В. С. Устойчивое развитие и перспективы цивилизации // Социальная политика и социология. 2005. № 1. С. 24.

4. Правительство России вынуждено принимать правовые меры по защите отечественной экономики, которая в условиях свободного рынка не может успешно конкурировать с транснациональными структурами.

5. Процесс унификации на основе западных правовых стандартов замедлился после введения экономических и политических санкций против Российской Федерации.

В целом влияние глобализации на правовую систему России проявляется в следующем:

- меняется менталитет субъекта права, который адаптируется к новым для себя правовым ценностям;
- активизируются усилия по установлению стандартов прав человека и созданию механизмов их защиты;

— активно развиваются отрасли права, связанные с информацией, финансами, предпринимательством, интеллектуальной собственностью;

— происходит более широкое вовлечение в правотворческую деятельность негосударственных структур;

— развитие правовой системы становится более динамичным.

Таким образом, в условиях глобализации развитие правовой системы России происходит через преодоление противоречия между нарастающим вызовом со стороны международных наднациональных структур, преследующих вполне определенные и четко выраженные цели, и собственной правовой традицией, имеющей глубокие исторические корни.

Е. А. Петрова¹

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1. Происходящие в современном мире глобализационные процессы актуализируют исследования взаимодействия и взаимовлияния норм международного и национального права в связи с усилением значения первого при необходимости сохранения суверенности второго.

Национальный правопорядок — это общественный порядок, урегулированный нормами *национального* права. Однако интеграционные реалии XXI века ставят вопрос о роли международного права как своеобразной межгосударственной правовой системы в формировании и поддержании внутригосударственного правопорядка, то есть поднимают проблему *международного измерения* национального правопорядка. При этом речь идет именно о мере, то есть необходимо определить, в какой мере и в какой форме международное право может воздействовать на общественные отношения, традиционно регулируемые правом конкретного государства.

2. С одной стороны, международное (публичное) право по своей природе — это право в первую очередь межгосударственное, то есть его предметом являются преимущественно межгосударственные отношения межвластного характера, поэтому регулирование им внутригосударственных отношений противоречит самой природе международного права. Неслучайно в качестве основополагающих принципов современного международного права, норм *jus cogens* действуют принципы уважения государственного суверенитета и, как следствие, невмешательства во внутренние дела государства. С другой стороны, в доктрине междуна-

родного права, а вслед за ней и в национальном законодательстве в настоящее время получает распространение так называемая монистическая теория соотношения международного и внутригосударственного права, исходящая из единства и взаимодействия данных правовых систем. На уровне национального права это, как правило, проявляется в том, что в конституциях государств международное право (его нормы или источники) провозглашается либо частью национальной правовой системы (как, например, в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), либо частью национального законодательства, либо частью национального права. Из этого следует, что вне зависимости от используемой формулировки законодатель *признает определенную роль* международного права в формировании национального правопорядка. Причем, на наш взгляд, наиболее точным и по сути, и по логике является провозглашение международного права частью именно *правовой системы*, так как это наиболее широкое юридическое понятие, охватывающее всю правовую действительность государства.

3. Будучи провозглашенными частью правовой системы конкретного государства, нормы международного права получают тем самым возможность оказывать регулирующее воздействие на внутригосударственные отношения. Но здесь необходимо помнить, что между международным правом и внутригосударственными отношениями, в частности с участием физических и юридических лиц, всегда стоит *суверенитет* соответствующего государства. Поэтому регулирующее воздействие норм международного права на внутригосударственные отношения происходит не автоматически, а, исходя из суверенного характера государства, *только с согласия, с санкциями* последнего. Подобное санкционирование может иметь различные формы: молчаливое согласие с международным обычаем; явно выраженное согласие с международным договором путем его ратификации, утверждения и т. п. Выражая свое согласие на обязательность соответствующего источника меж-

¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук. Автор 90 научных публикаций, в т. ч.: «Статуты и прецеденты в системе источников американского права», «Роль международного права в защите прав и свобод личности», «Влияние института судебного конституционного контроля на основные источники права США», «Специфика права США в рамках семьи общего права», «Международные договоры и национальные законы: проблемы соотношения и взаимодействия» и др.

дународного права, государство тем самым подтверждает возможность содержащихся в нем норм регулировать те или иные внутригосударственные отношения. Но это лишь первый шаг на пути международного права к регулированию внутригосударственных отношений. Вторым необходимым шагом является своего рода перевод норм международного права из международных источников в источники внутригосударственные, поскольку именно последние и регулируют непосредственно внутригосударственные отношения. Подобный перевод, как правило, именуется трансформацией (инкорпорацией, имплементацией) норм международного права, способы которой различны и зависят от практики соответствующего государства.

Исключение из общего правила об инкорпорации составляют лишь так называемые *самоисполнимые нормы* международного права, то есть такие, которые не требуют издания соответствующих внутригосударственных актов. Но даже когда речь идет о самоисполнимых нормах, государство должно явно выразить свое согласие на их непосредственное действие.

4. Признавая и допуская участие международного права в формировании национального правопорядка через соответствующие санкционированные и инкорпорированные международно-правовые нормы (точнее эти нормы можно назвать квазимеждународными или комплексными, так как они уже включены в национальную правовую систему), «национальный» законодатель должен четко определить *иерархическое место* данных норм с точки зрения их юридической силы по отношению к нормам национальным. При этом следует учитывать положения как внутреннего права, в частности о высшей юридической силе конституции, так и теории международного права, согласно которой договорные и обычные нормы имеют одинаковую юридическую силу, а высшей юридической силой обладают нормы *jus cogens* как общепризнанное и необходимое право. Это необходимо, чтобы избежать возможных юридических коллизий и, как следствие, правовых аномалий в национальном правопорядке.

Традиционно в случае возникновения коллизий между международными и внутригосударственными нормами говорят о приоритете международно-правовых норм. В частности, применительно к отечествен-

ной правовой системе при этом ссылаются на положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, которая предписывает, что, если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Однако закрепление этого правила еще не означает приоритета всех международно-правовых норм. Во-первых, в данном случае речь идет только о нормах договорных, и ничего не говорится о нормах международного права, обычные и договорные нормы имеют одинаковую юридическую силу. Во-вторых, в действительности нормы не всех международных договоров Российской Федерации будут иметь приоритет над законами, на что совершенно обоснованно обратил внимание Верховный Суд РФ, указав: «Правила действующего международного договора РФ, согласие на обязательность которого было принято в форме *федерального закона*, имеют приоритет в применении в отношении законов РФ. Правила действующего международного договора РФ, согласие на обязательность которого было принято *не в форме федерального закона*, имеют приоритет в применении в отношении *подзаконных нормативных актов* (курсив наш. — Е. П.), изданных органом государственной власти, заключившим данный договор...»¹ Кроме того, очевидно, что нормы международного права не могут быть по юридической силе выше Конституции РФ, что следует, в частности, из ч. 1 ст. 15, ст. 125 Конституции РФ. Единственные международные нормы, которые, исходя из теории международного права, должны иметь приоритет над конституцией государства, — это нормы *jus cogens*. Но в нашей Конституции, как и в других законодательных актах, об этом ничего не сказано.

5. Таким образом, можно сделать вывод о том, что глобализационные процессы объективно приводят к усилению влияния норм международного права на национальный правопорядок конкретного государства. Но влияние это должно осуществляться в строгом соответствии с общепризнанными принципами международного права (в частности, с принципами уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства), соблюдение которых и обеспечивает единство и интеграцию современных правовых систем.

¹ См.: Постановление Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» // Российская газета. 2003. 2 дек.

Е. Н. Рахманова¹

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РОССИЙСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сфера правового регулирования чувствительна к глобализационным процессам. Здесь, равно как и в иных областях общественной жизни, наблюдаются процессы универсализации и усиления взаимозависимости государств. В связи с этим можно говорить о глобализации в сфере российского права, понимая под ней идущую различными путями и при помощи разнообразных средств гармонизацию национальных правовых интересов, ведущую к усилению взаимовлияния и взаимопроникновения национального права различных государств. Однако, поскольку право является культурно-историческим феноменом, складывающимся в конкретно-историческом культурном и политическом контексте, неизбежны противоречия между тенденцией к его универсализации и спецификой формирования политических и правовых систем модернизируемых стран².

Наличие этих противоречий естественным образом отражается на теоретических представлениях о перспективах современного российского права в условиях глобализации. Здесь мы наблюдаем два основных подхода. Согласно первому глобализация ведет к образованию глобальной правовой системы или суперсистемы³. Иной подход гласит, что создание полностью унифицированной системы глобального порядка не представляется возможным в силу колоссального многовекового влияния национальных культур, религий и ценностей на формирование конкретных мега-социумов и общественных укладов⁴.

Представляется, что сегодня оба этих сценария имеют равную степень вероятности, и гораздо важнее понять, как именно последствия глобализации отражаются на правовой системе России. При этом считаем необходимым высказать свое несогласие с имеющимся в науке утверждением, что существенных новаций в связи с глобализацией в праве не произошло⁵. Внимательное изучение современных особенностей правового регулирования доказывает, что здесь наблюдается целый ряд процессов, свидетельствующих о значительной, а порой и коренной перестройке устоявшихся традиций и схем.

Первый значимый эффект глобализации состоит в существенной корректировке традиционных пред-

ставлений о круге источников права: если в странах англосаксонской системы права (прецедентного права) все большее значение приобретает нормативный акт, то в странах романо-германской системы прочные позиции в системе источников права занимает исторически не свойственный ей судебный прецедент. Это обстоятельство в российском уголовном праве породило дискуссию о возможности признания актов Верховного Суда РФ (как постановлений Пленума Верховного Суда, так и решений по конкретным уголовным делам), Конституционного Суда РФ (как постановлений, так и определений), Европейского суда по правам человека (вынесенных по искам как против Российской Федерации, так и против других государств) источниками уголовного права⁶.

Следующей мегатенденцией влияния глобализации на правовое регулирование является возрастание роли и значения норм и принципов международного права. Это обстоятельство, как правильно заметил И. И. Лукашук, не дает оснований говорить о стирании грани между международным и внутренним правом государств. Ведь у каждой из этих правовых систем своя природа, сфера действия, объект регулирования и механизм действия⁷. Речь идет лишь о санкционированном со стороны национальных государств расширении сферы общественных отношений, подпадающих под регулирование международного права, и возрастании не только авторитета, но и формальной юридической силы норм международного права в правовой системе различных стран.

Еще одной тенденцией, отражающей глобализационные процессы в сфере права, является создание наряду с глобальными региональных правовых союзов и правовых порядков. В содержательном отношении эта тенденция близка описанной тенденции возрастания роли международного права. Основное отличие состоит в уровне принимаемых решений: в первом случае это решения, принимаемые под эгидой ООН, во втором — решения региональных международных организаций (общеевропейских, североамериканских, африканских, азиатских и т. д.⁸). В науке можно встретить негативные оценки данного процесса⁹. Представляется, что для подобного вывода нет достаточных оснований. В политико-правовой литературе неоднократно подчеркиваются преимущества именно регионализации, причем не как промежуточного этапа на пути к построению глобального общества и государства,

¹ Заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент. Автор ряда научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Права человека и криминологическая безопасность»: учеб. пособие (в соавт.), монографии «Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации: криминологический и условно-правовой анализ» и др.

² Астапова Е. В. Политико-правовая идентичность России в контексте процессов глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.

³ Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. С. 173.

⁴ Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М., 2003. С. 117–118.

⁵ Вонярева О. С. Глобализация и взаимодействие цивилизаций: политико-правовые аспекты // Право и политика. 2005. № 5

⁶ См., например: *Ображиев К. В.* Формальные (юридические) источники российского уголовного права. М., 2010; *Уваров В. В.* Источники уголовного права // Закон. 2012. № 4. С. 97–104; и др.

⁷ Лукашук И. И. Указ. соч. С. 122.

⁸ О проблемах регионального правотворчества в рамках СНГ см.: *Барковский И. А.* Правотворческая деятельность Содружества Независимых Государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2008.

⁹ *Моисеев А. А.* Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 36.

а как альтернативы этому процессу¹. Именно она дает возможность оптимального решения двуединой задачи: универсализации подходов различных государств к решению общих задач и сохранению культурно-исторических и национальных особенностей в правовом регулировании.

Следующее проявление глобализации в сфере правового регулирования — возникновение общих или специальных органов международной полиции и уголовной юстиции (судов, трибуналов, арбитражей), что заставляет иначе рассматривать сущность государства, в некоторой степени теряющего монополию на легитимное насилие, а также пересматривать фундаментальные вопросы, связанные с определением пределов юрисдикции национальных органов и действием национальных законов в пространстве и по кругу лиц².

Отмеченные тенденции в большей степени характерны для сферы взаимодействия международного и национального права. Однако этим влияние глобализации на правовое регулирование не ограничивается. Важно подчеркнуть, что интенсивно протекающие внутри страны процессы правотворчества (включая не только их содержательную составляющую, но и экспертно-законопроектную и техническую) также испытывают на себе последствия глобализации. Наиболее заметными и значимыми проявлениями данного процесса следует признать:

- существенное увеличение числа принимаемых законов как на федеральном, так и на региональном уровнях;
- возрастающую активность регионального правотворчества (в субъектах Российской Федерации);
- «текучесть» законодательства, перманентность его изменений и дополнений;
- расширение сферы регулируемых законом общественных отношений;
- создание законов, имеющих комплексный, межотраслевой предмет регулирования;
- увеличение доли подзаконных нормативных актов в общем массиве законодательства;
- активное включение в законотворческий процесс представителей гражданского общества;
- заметное влияние на законодательные решения интересов крупных собственников и транснациональных кампаний;
- перемещение центра законодательных инициатив с парламентских структур к правительству и президенту;
- существенные изменения в законодательной технике³.

¹ См., например: Каминская Н. В. Влияние глобализационных тенденций на становление региональных правовых систем // *Международное право*. 2014. № 2. С. 20–33

² О функционировании этих органов см.: Галенская Л. Н. *Международная борьба с преступностью*. М., 1972; Панов В. П. *Сотрудничество государств в борьбе с международными преступлениями*. М., 1993; Овчинский В. С. *Интерпол*. М., 2001; Костенко Н. И. *Международный уголовный суд*. М., 2002; Михайлов Н. Г. *Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности*. М., 2006; и др.

³ Многие отмеченные обстоятельства проанализированы в литературе, например: *Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика*: сб. ст.

Обобщенный анализ имеющихся дискуссий в этой сфере показывает: большинство из них вызвано осознанным (а иногда и подсознательным) опасением специалистов, что возникающие в связи с глобализацией процессы взаимопроникновения права приводят в России к отказу от достижений национального опыта правотворчества и правовой регламентации, вестернизации всех аспектов правового регулирования борьбы с преступностью. Указанные опасения, конечно, небеспочвенны, и было бы наивным усматривать в копировании «передовых» западных образцов путь к эффективному обновлению правовой базы государства.

Хотя справедливости ради следует признать, что на определенном этапе реформирования российского общества именно они определяли основные направления правовой реформы в стране. Специалисты справедливо отмечают: «Влияние процессов глобализации на правотворчество в России выразилось преимущественно в заимствовании западных образцов и стандартов. Этот метод правотворчества был типичным для России конца прошлого и начала нынешнего века. В последние годы ситуация в правотворчестве в определенной мере изменилась. Российским законодателем стала осознаваться истина, что заимствование мировых достижений в правовой сфере, как, впрочем, и в других, должно всегда происходить с учетом национальных особенностей и путем приспособления к российской действительности»⁴.

Эта истина, «открывшаяся» законодателю, заставляет в теоретико-прикладном плане хотя бы тезисно затронуть вопрос об эффективных правовых способах сохранения культурно-правовых традиций и национальных интересов в процессе глобализации права. Восприятие положений иностранного и международного законодательства в национальных правовых актах может осуществляться посредством:

- а) рецепции, то есть одностороннего заимствования одним государством у другого правовых норм, институтов или более крупных правовых образований (возможна и рецепция норм международного права);
- б) унификации, то есть последовательного или одновременного введения в правовые системы различных государств единообразных норм и правил, установленных международными договорами;
- в) гармонизации, то есть целенаправленного сближения правовых систем в целом или отдельных отраслей, утверждения общих институтов и норм, устранения противоречий (при этом гармонизация может быть как односторонней, так и взаимной, при которой ряд государств предпринимает совместные усилия по сближению правовых установлений и практик).

отв. ред. С. В. Поленина. М., 2006; *Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации*: сб. ст. / под общ. ред. С. В. Полениной, В. М. Баранова. М., 2007; Еришов В. В. *Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиций легизма и «широкого» понимания права* // *Российское правосудие*. 2011. № 12. С. 5–16.

⁴ *Правотворчество в условиях глобализации: традиции и новаторство* / С. В. Поленина [и др.] // *Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации*: сб. ст. / под общ. ред. С. В. Полениной, В. М. Баранова. М., 2007. С. 21.

К сожалению, Россия в большей степени относится к числу стран, правовая система которых меняется преимущественно посредством рецепции. Не отрицая самой идеи рецепции норм, представляется необходимым отметить, что в условиях когда

процессы глобализации протекают крайне противоречиво, когда не ясна их конечная цель, слепое и одностороннее заимствование Россией правовых образцов является грубым нарушением ее национальных интересов.

Р. А. Ромашов¹

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО РОССИИ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО: АВТАРКИЯ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ

1. Национальная культура России: проблема самоидентификации

Очередной переходный период в сложной и противоречивой истории Российского государства поставил на повестку дня вопрос о выработке национальной идеи, которая выступала бы лейтмотивом государственно-правового развития России в обозримой перспективе.

В. В. Путин в своем выступлении на заседании клуба «Валдай» отметил, что «для России вопросы “Кто мы?”, “Кем мы хотим быть?” звучат все громче и громче. Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, так же далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма. Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции»².

В выступлении не прозвучало, какая национальная идея нужна современной России, но были отчетливо обозначены направления, по которым двигаться нельзя: советская идеология, имперский фундаментальный консерватизм и западный ультралиберализм. По сути, было заявлено как о невозможности «возврата» к культурно-историческим традициям СССР и Российской империи, так и о недопустимости формирования в России системы «общечеловеческих/ультралиберальных» ценностей, положенных в основу западных демократий. При этом президент акцентировал внимание на том, что «движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения».

Распад СССР и разрушение мировой системы социализма обусловили возникновение на постсоветском пространстве новых суверенных государств, идентифицирующих себя в качестве демократических, правовых. К таким государствам относится в том числе и Россия (Российская Федерация).

¹ Декан юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генерал-майор внутренней службы в отставке. Автор более 300 научных работ, в т. ч.: «Теория государства и права», «Истоки и источники права», «Конфликтология», «Тюрьма как “град земной”», «Право — язык и масштаб свободы», «Философия права и преступления» и др.

² Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». URL: http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html

Перестав быть советской и социалистической, утратив ряд окраинных национальных регионов, Россия не стала «русским» государством. Отказавшись от коммунистической идеологии, Россия не превратилась в «святую православную Русь». Проведенная «по Чубайсу» в конце XX века приватизация государственной собственности не сделала рядового россиянина свободным собственником, точно так же как отмена крепостного права во второй половине XIX века не изменила одновременно сознание русских крестьян и не сделала их «свободными землепашцами».

Вплоть до настоящего времени не определен и геополитический статус Российской Федерации. Де-юре Россия — равноправный (то есть один из других равных) член межгосударственного сообщества. При этом международный статус Российской Федерации отличается от статуса Азербайджана, Грузии, Эстонии, Украины лишь тем, что наша страна входит в так называемый «клуб атомно-космических держав», обладающих ядерным оружием и осуществляющих самостоятельные глобальные программы по освоению космоса. Однако де-факто Россия продолжает претендовать на ведущее место в мировой политике и в таком положении воспринимает США и Евросоюз в качестве конкурентов либо, что в последнее время, к сожалению, тоже весьма вероятно, как военных противников.

2. Национальное право России и международное право: проблемы соотношения

Национальное право современной России представляет собой сложную систему норм, институтов, общественных отношений, в которых, с одной стороны, проявляется стремление государства и общества идентифицировать себя в качестве носителей европейской правовой традиции и страны, ориентированной на общечеловеческие правовые ценности. С другой стороны, в последнее время явственно обозначилась тенденция к изоляции России от западного мира, а значит, и от западной культуры, что, в свою очередь, обуславливает большую степень закрытости российского правового пространства от влияния международного и европейского права.

Изоляционистская политика, основанная на противопоставлении «нашей правдивой» пропаганды «враждебной» контрпропаганде западного мира, имеет своим результатом восприятие России в качестве не такового, как все, субъекта международных отношений. При этом субъективная оценка такого восприятия со сторо-

ны «друзей и врагов России» в плане теоретико-правового анализа не имеет большого значения.

В жизни герой отличается от изгоя не столько совершенными подвигами и преступлениями, сколько отношением к нему со стороны официального истеблишмента, сложившегося как на внутрисоциальном, так и на международном уровне и в конечном счете устанавливающего правила игры.

Российская Федерация, воспринимая собственную внутреннюю и внешнюю политику как правильную, истинную и в полной мере соответствующую нормам и принципам международного права, отвергает критику Евросоюза и США, ставя тем самым себя в особое международное положение. Естественно, такое положение не может не оказывать влияния на восприятие национального права России и отношение к нему, прежде всего со стороны международных правозащитных и судебных структур. Как нетрудно догадаться, в первую очередь речь идет о положениях, закрепленных в п. 4 ст. 15¹ и п. 3 ст. 46² Конституции РФ. Декларация на конституционном уровне приверженности российского национального права западным либеральным ценностям предполагает интегрирование права России в систему международного и европейского права. Однако тенденция углубления противоречий между Россией и Западом, влекущая за собой усиление межгосударственной конфронтации, приводит к все большей степени автаркизации российского права.

Показательно, что в последнее время активно высказываются предложения, связанные с необходимостью переосмысления и придания новой редак-

ции конституционным положениям, устанавливающим приоритет международного права по отношению к национальному. В опубликованном докладе председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин предложил исключить из Конституции положение «о безусловном приоритете норм международного права над национальным законодательством», поскольку «указанное положение работает против интересов России». Следовательно, его изъятие из конституционного текста «укрепит независимость Российской Федерации в правовой сфере, вернет ее к лучшим традициям отечественного судопроизводства»³. В свою очередь президент России В. В. Путин во время встречи с представителями думских фракций в Ялте в августе 2014 года заявил, что Россия может выйти из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), если тот продолжит принимать решения, которые российские власти считают политизированными⁴. В приведенных выступлениях недвусмысленно выражается стремление государства (в лице его высших представителей) придать собственной национальной правовой системе обособленный, автаркичный характер.

Международное право при таком отношении воспринимается с точки зрения его соответствия/противоречия национальным интересам России и, таким образом, приобретает характер наднациональной правовой системы, нормы и принципы которой будут восприниматься в качестве юридически значимых только в случае их соответствия и непротиворечия нормам и принципам национального российского права.

К. Е. Сигалов⁵

ЛИЧНОСТНЫЙ ПРАВОГЕНЕЗ И ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Право в строгом смысле слова — чисто западное понятие, во всяком случае в момент его станов-

¹ Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

² Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутрисоциальные средства правовой защиты.

³ РБК. URL: <http://top.rbk.ru/politikus/26/02/2015eeefbcf9a79472dbc123b5e>

⁴ Там же.

⁵ Директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД РФ, доктор юридических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Исторические основания среды права», «Периодизация истории государства и права в свете теории среды права», «Духовная среда российского права» (в соавт.), «Многообразие форм среды права» (в соавт.), «Методологические проблемы правового знания» (в соавт.); статей: «Детектив как отражение специфики национальной правовой культуры», «Полиция и механизм действия гражданского общества», «Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен», «Идейно-ценностные основы формирования западноевропейского права» и др.

ления как социокультурного явления. Формы регуляции в других цивилизациях в большей или меньшей степени отдалены от права в западноевропейском понимании. Говоря об идейно-ценностных основах формирования западного права, мы имеем в виду основы формирования права как некоего стандарта, к которому стремится все человечество. Однако Запад не есть некое единое пространство, где все и всюду унифицировано; вряд ли какая-нибудь из западных стран к этому стремится. Еще в 1651 году Бальтазар Грасиан писал в романе «Критикон»: «Европа — прекрасное лицо мира: в Испании важное, в Англии смазливое, во Франции игривое, в Италии рассудительное, в Германии румяное, в Швеции дерзкое, в Польше добродушное, в Греции изнеженное и в Московии хмурое»⁶. Можно поспорить о существовании этих характеристик, но важнее другое — представление о различии стран Европы сложилось еще в XVII веке. Отметим еще одну важную деталь: в середине XVII века Россия воспринималась как органичная часть западного мира, чьи духовность и менталитет были сопоставимы с другими европей-

⁶ Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1984. С. 374.

скими странами: «Политическая коммуникация всегда опосредуется коммуникацией правовой. При этом следует иметь в виду, что право в разных государствах не только проявляется в разных формах, но и имеет разное содержание»¹.

Но факторы различия национальной идентификации не могут превзойти общности правовой культуры — именно в политической и правовой сферах Запад пытается установить общие стандарты, и это в основных чертах получается. Право является тем глобализующим основанием духовности, которое наиболее подвержено унификации, следованию одному, наиболее удобному стандарту. Обусловлено это тем, что на Западе в целом сложился единый менталитет. Как отмечает Берман, «все западные правовые системы — английская, французская, германская, итальянская, польская, венгерская и другие (включая с XIX столетия русскую) — имеют общие исторические корни, из которых они выводят не только общую терминологию и общие методы, но также и общие понятия, общие принципы и общие ценности»².

Однако право воплощается в личностном восприятии, право только тогда становится правом, когда «принимается» человеком как необходимая именно для него данность, как качество, без которого лично ему невозможно обойтись. Каждый человек формируется в соответствии с теми требованиями, которые предъявляет ему общество, любой человек является элементом правовой культуры народа. Правогенез — это естественное продолжение антропосоциогенеза, процесса превращения кроманьонца в человека разумного. Этот процесс сопровождается постоянными вызовами, которые общество бросает человеку на протяжении всей истории его существования.

Особенности современного этапа отношений «вызов общества — ответ личности» состоят в том, что, с одной стороны, общество нуждается в неординарных личностях, с другой — общество, а затем и государство стремятся всемерно подчинить себе эту личность, ибо всякий выбивающийся из системы «общего порядка» является потенциальной угрозой. Так было всегда, но глобализованный современный мир до предела обострил эту ситуацию. С одной стороны, современные технологии создают возможность полного физического отстранения человека от общения с окружающими, с другой — они же вовлекают его во множественные связи, о которых раньше никто и не догадывался. Человек, как и прежде, предъявляет обществу и государству свой счет, заявляет свои притязания, заставляет считаться с собой. При этом «между притязаниями и потребностями есть глубочайшее различие: потребности связаны с предметом их реализации, а притязания — со связью с этими предметами. Притязания выступают как то, что способствует реализации потребностей, но вообще не их удовлетворению. В такой интерпретации притязание — правовой феномен, базовый правовой акт»³.

¹ Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб. : Изд. дом С.-Петербурга. гос. ун-та, 2004. С. 324.

² Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М : Норма, 1998. С. 515.

³ Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 82.

Индивидуализированность каждого человека обусловлена его конкретной правоспособностью, тем, что именно личность предъявляет обществу для того, чтобы оно ее определенным образом оценило и позволило реализовать имеющиеся у нее потребности. Правоспособность — это и основания для правотворчества, посыл модернизировать право в соответствии с запросами этого правового пассионария.

Однако «высокая правоспособность» или способность к правотворчеству, возможность увидеть тот аспект правового регулирования, который другие не видят и не понимают, — это удел избранных. Кроме того, в разных цивилизациях и даже в разных странах и регионах — разная склонность к «юридизации» жизни, включению права в перечень значимых факторов национальной культуры. Это и цивилизационная склонность к получению образования, и насущная необходимость регламентации жизни, и возможность «правового воздействия» на окружающий мир через современные средства коммуникации.

Это вполне конкретные жизненные реалии — многообразие деловой и духовной жизни порождает и многокрасочность права. Так, в регионах с бурно развивающейся экономикой, торговлей, мореплаванием, разнообразными конфликтами, сложной социальной структурой право всегда было более востребовано, а правоспособность граждан превосходила правоспособность обитателей тех местностей, где все развивается медленно и традиционно.

Проявляются также и индивидуальные особенности правоспособности. Не только человек, вовлеченный в экономические отношения, вынужден становиться правоспособным, но, вероятно, и тот, кто в силу своих качеств — ума, характера, темперамента, личных жизненных обстоятельств — активно борется за осуществление своих прав. Это принуждает его фиксировать определенные отношения и проявлять свою правоспособность для защиты этих прав.

«Атомом» правовых отношений является рядовой обыватель, которого интересуют в первую очередь материальные, сугубо приземленные условия его жизни. Именно борьба за эти условия и создает гражданина. Том Бетелл описывает ситуацию, когда в Лиме, в столице Перу, обосновались две совершенно равноценные группы индейцев из одной и той же провинции. При этом одна процветает, а другая пребывает в нищете. Исследование выявило, что первая последовательно, в течение долгого времени отстаивала свои права, добивалась регистрации права собственности на земельный участок и приобретала уверенность в том, что плоды ее трудов будут защищены. Другая группа пребывала в бездействии. Автор исследования Эрнандо де Сото объяснял это так: «Юридическая защита плодов человеческого труда и изобретательность, то, что мы называем правом собственности, оказалась главным осваивателем предприимчивости»⁴.

Именно через борьбу за свои права (как в широком политическом смысле, когда за них борются крупные сообщества, так и в узком смысле, когда налицо инди-

⁴ Цит. по кн.: Бетелл Т. Собственность и процветание. М. : ИРИСЭН, 2008. С. 268.

видуализированная форма борьбы) правоспособность «является миру». Правоспособность — это проявление самости человека, возможности его обосновать свои правовые притязания, но это еще и «лицо» цивилизации. Именно в правоспособности проявляется цивилизационное отношение к праву, в возможности решать, прибегая к нему, различные вопросы — как в частно-правовом, так и в публично-правовом аспектах. Унификации правопонимания в сегодняшнем мире нет, и в ближайшем время не предполагается. Более того, вызовы сегодняшнего мира таковы, что классическое западное право с ними не справляется, а политическая воля западных лидеров оказывается подверженной рискам разнонаправленного развития реальности. Последние 15–20 лет западный мир сталкивается с тем, что современный гуманизм, толерантность и политкорректность остаются невостребованными в отношениях с людьми из бывших колоний западных стран (как вновь прибывших, так и потомков «старых» иммигрантов). Ведь, как отмечает С. Хантингтон, «Запад завоевал мир не из-за превосходства идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но скорее превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда этого не забудут»¹. Россию это касается в меньшей степени, но все же находится очень много охотников видеть в ней некий чужеродный мировому сообществу элемент. Это обусловлено не духовными, ментальными, правовыми или культурными основаниями, а реакцией на очередной социально-политический подъем нашей страны, это проявление недобросовестной конкуренции.

Внутренние проблемы обусловлены тем, что в последнее время российская действительность демонстрирует, что правоспособность наших сограждан становится вполне совершенной, причем без особого вмешательства со стороны государства, а скорее наоборот. Подтверждением тому может служить то, что современный российский обыватель семимильными шагами освобождается от правового нигилизма, воспринимает право как способ предъявить свои притязания обществу, государству и другим людям. А государство, наоборот, проявляет себя как закоренелый правовой нигилист, нарушает эти права везде, где только можно и нельзя, более того — пытается сформировать тренд послушного всем указаниям свыше обывателя — таким проще управлять.

Формально и российская, и западная юридическая культура существуют как бы параллельно реальной культуре. В результате власть в лице государства и личность находятся в неравновесных отношениях, что благом не является. Формально «народное» правопонимание правовым не является, а официальное правопонимание настолько «юридизировано», формализовано и администрировано, что его тоже невозможно признать правовым. В реальности включенный в правовую деятельность процесс именно и представляет собой реальное правопонимание, какое оно на самом деле есть (примитивное, наивное, очень далеко отстоящее от права), или это утилитарно понимаемое государственно-властное правопонимание (тоже весьма далеко отстоящее от права, воспринимающее юридическое исключительно как способ административного воздействия). Истина здесь не посередине, а где-то совершенно вдали от этих двух феноменов. Правовая личность формируется на пересечении всех потоков права, реальный правовогенез противоречив, а результат порою непредсказуем.

Важно также не только то, *что* вырабатывает юридическое правопонимание, но и то, *кто* занят этим. И большой страх здесь в том, что речь идет о сконструированном узким слоем интеллигенции своем представлении о правопонимании. Оно идеально, желанно, но мозаично, а главное — очень далеко от реальности. Но в конструировании есть глубочайший смысл, ибо, если этого не делать, общее состояние правопонимания так и будет разрываться между Сциллой холопской пошлости и Харибдой барского хамства. Главное здесь то, кто, собственно, способен к выполнению функции «конструктора» правопонимания.

Интегрирующее качество правоспособности каждый может прочувствовать на себе, ибо любая правовая ситуация понимается человеком в соответствии со своим индивидуальным правосознанием, личной правовой жизнью, целостностью восприятия любой правовой ситуации, с тем, как лично он борется за свои права и свободы. Самые ценные права и свободы составляют именно завоеванные права, добытые в борьбе. Именно они самые прочные и самые ценные. Ведь юридическое право беспощадно, оно воспринимает человека как функцию, которую можно в любой момент устранить, не считаясь с его интересами. Вот здесь-то и важна роль правоспособности как возможности отстоять свои права вне зависимости от задач юридического права.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005. С. 66.

А. В. Сокольская¹,
В. И. Сокольский²

ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С распадом Советского Союза ушли в небытие советская правовая система и социалистическое правовое пространство. Сегодня на территории бывшего СССР создаются разноформатные международные объединения и альянсы³. На этом пути возникают проблемы, которые приводят к дестабилизационным процессам как внутри государств, так и на всем постсоветском пространстве. И это объективно, потому что государства, народы и нации, проживающие в этом регионе, различаются по уровню развития национальных экономик, государственно-правовому устройству, культурным традициям, вероисповеданию и т. д. Постсоветские межгосударственные объединения образуются в рамках единого экономического пространства, которое, в свою очередь, не может функционировать без создания организационно-правовой основы. Поэтому проблему пространственных характеристик правовой сферы их деятельности, то есть постсоветского правового пространства, необходимо исследовать на научно-теоретическом уровне.

К сожалению, в теории права понятие «пространство» рассматривается, как правило, в контексте изучения вопроса действия нормативно-правового акта в пространстве, то есть раскрывается применение нормативных правовых актов на определенной территории. Правовое пространство — это «некая территория, в рамках географических пределов которой применяются те или иные общие правовые механизмы»⁴. Данное определение можно отнести к понятию «национальное правовое пространство», то есть сфера действия правовых отношений, юридических норм в конкретных территориальных границах государства и в определенных временных пределах. Например, российское правовое пространство ограничивается географическими границами Российской Федерации. Постсоветское же правовое пространство состоит из совокупности национальных правовых пространств

и представляет собой общее (а не единое) пространство для правовых систем независимых государств, входивших в состав СССР. Общее пространство означает ареал распространения правовой политики межгосударственных объединений, а также один из ее результатов⁵. Иными словами, общее правовое пространство возникает в результате правовой аккультурации⁶, при которой национальные правовые системы воспринимают свойства друг друга, в результате чего формируется некая «одинаковость» этих систем и возникает новая целостность, обладающая качественно новыми характеристиками. Итак, сформулируем определение понятия «постсоветское правовое пространство»: это ареал распространения и результат правовой политики межгосударственных объединений постсоветских государств. Оно фактически складывается сразу после распада СССР и проходит в своем развитии несколько последовательных стадий.

Первая стадия: создание нового межгосударственного образования — СНГ (декабрь 1991 г.). Основной правовой базой межгосударственных отношений в рамках СНГ являются многосторонние и двусторонние договоры в различных сферах сотрудничества. За этот период было заключено множество договоров, однако международные договоры, принятые в рамках СНГ, содержат большое количество отсылок к национальному законодательству норм, что снижает их эффективность. Большое число модельных законов, носящих рекомендательный характер, не обязывают страны — участницы Содружества к их имплементации во внутринациональное законодательство. Поэтому на внутринациональном уровне наблюдаются отказ или затягивание сроков вступления этих международных договоров в действие, избирательная имплементация отдельных положений в национальное законодательство, формулирование оговорок, фактически противоречащих целям международного договора. Для разрешения межгосударственных споров был создан межгосударственный орган — Экономический суд СНГ. Но решения суда носили рекомендательный характер, поэтому отсутствовал механизм принудительного исполнения его постановлений.

Вторая стадия: процесс формирования межгосударственного объединения Таможенного союза (далее — ТС) завершился подписанием Договора о ТС и Едином экономическом пространстве в феврале 1999 года. Этот договор стал первым на постсоветском пространстве основополагающим документом по экономической интеграции пяти государств (России, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана). Концептуаль-

¹ Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного гуманитарного института, кандидат юридических наук. Автор более 120 научных, научно-методических публикаций, в т. ч.: «Культурологическая концепция права», «Культурологические основы современных концепций права», «Взаимодействие правовых культур в историческом процессе», «Евразийская правовая культура: особенности формирования и перспективы развития» и др.

² Ведущий юрисконсульт юридического департамента ОАО «Аэрофлот — российские авиалинии». Автор статей по теории права: «Избирательные цензы в демократическом государстве», «Классификация правовых культур», «Правовая аккультурация как предмет теоретического исследования» (в соавт.), «Конвергенция правовых систем на постсоветском пространстве», «Роль и место России в евразийской правовой интеграции».

³ На территории бывшего СССР функционируют несколько разноформатных межгосударственных объединений, которые стремятся сформировать собственное правовое пространство: например, СНГ, Таможенный союз, ЕАЭС, Союз России и Белоруссии и др.

⁴ Барциц И. Н. Правовое пространство России: понятие, ресурсы, признаки // Политическая наука. 2003. № 3. С. 45.

⁵ Киреева С. А. Функция межгосударственной интеграции РФ: пространственно-временной аспект. Саратов, 2006. С. 103.

⁶ Сокольская Л. В., Сокольский В. И. Правовая аккультурация как предмет теоретического исследования // Право и образование. 2014. № 11. С. 59–68.

но выстраивалась новая система экономических отношений с учетом международных принципов и норм. На этой стадии обрели юридические контуры единое экономическое пространство, зона свободной торговли, институализация такой межгосударственной организации, как Таможенный союз. Данная организация наделялась правом принимать юридически значимые для ее членов решения. Поиск более действенных рычагов межгосударственной интеграции привел к необходимости создания международной экономической организации с функциями по формированию единой внешнеэкономической политики, внешних таможенных границ, общего рынка. Начинается гармонизация национальных законодательств в торговой, налоговой, таможенной, валютно-финансовой и социальной областях. Однако опыт деятельности ТС выявил ряд недостатков в организационно-правовой сфере. Отчасти это объяснялось нечетким оформлением международно-правового статуса данной организации. Поэтому логическим завершением динамического интеграционного процесса этого этапа явилось учреждение Евразийского экономического сообщества как самостоятельного субъекта международного права.

Третья стадия начинается с образования в октябре 2000 года нового экономического объединения — Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС). В ст. 11 Договора об учреждении ЕврАзЭС четко определяется международная правоспособность организации: «ЕврАзЭС пользуется на территории каждой стороны правоспособностью, необходимой для реализации его целей и задач. ЕврАзЭС может устанавливать отношения с государствами и международными организациями и заключать с ними договоры. ЕврАзЭС пользуется правами юридического лица и для реализации своих целей и задач может, в частности: заключать договоры; приобретать имущество и распоряжаться им; выступать в суде; открывать счета и совершать операции с денежными средствами»¹. В августе 2006 года лидеры трех государств — Белоруссии, Казахстана и России — принимают решение о формировании правовой базы Таможенного союза, через год подписываются документы, необходимые для полноценного правового регулирования деятельности ТС. Действующее межгосударственное объединение наделяется достаточно широкими наднациональными полномочиями, которые закреплены в соответствующих международных актах.

Сначала Комиссия ТС, а с ноября 2011 года Евразийская экономическая комиссия (далее — ЕЭК) осуществляют интенсивную деятельность по принятию и реализации юридически обязательных международных и рекомендательных правовых актов. Процесс формирования правовой базы ТС завершается на этом этапе принятием Таможенного кодекса ТС — «первого почти за 20-летний период международно-правового акта унифицированного характера в таможенной сфере, заменившего собой в определенной части та-

¹ См.: Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. // Информационный бюллетень ЕврАзЭС. 2001. № 1. С. 8–17.

моженные кодексы сразу трех государств — Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан»². Формируется наднациональный орган — Межпарламентская ассамблея, которая вносит определенный вклад в решение задач по сближению и унификации национальных законодательств. В 2006 году открывается Евразийский банк развития для финансовой поддержки региональной интеграции. В 2010 году создается Суд ЕврАзЭС, который наделяется правом толковать правовые акты наднациональных органов ТС и принимать юридически обязательные решения для стран — участниц Сообщества.

Таким образом, главы государств — участников ЕврАзЭС передают часть своих полномочий наднациональным органам, что свидетельствует о понимании очевидных преимуществ по осуществлению дальнейшей интеграции. Как верно подчеркивает О. И. Тиунов, «наднациональный характер принимаемых решений не подрывает суверенитета государств-участников и в то же время поднимает уровень их ответственности за эффективное выполнение взятых международных обязательств»³. Деятельность ЕврАзЭС логически завершает третий этап формирования евразийского правового пространства, сближение и унификацию национальных законодательств стран — участниц Сообщества. За этот период было разработано несколько десятков модельных законов, советов и комиссий по основным направлениям интеграционного сотрудничества.

Четвертая стадия началась в мае 2014 года с подписания Договора о Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС). Данный Договор заменяет предыдущий Договор о ТС и Евразийском экономическом пространстве с января 2015 года. На данном этапе осуществляют деятельность такие наднациональные органы: Высший евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, ЕЭК и Суд ЕАЭС. На этом этапе идет уточнение статуса решений органов ЕАЭС, определяется их положение в иерархии нормативных правовых актов в национальных правовых системах. Также планируется присоединение к ЕАЭС в индивидуальном порядке по мере готовности Армении и Кыргызстана, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана, Украины. Евразийский экономический союз предполагает более высокую степень разноскоростной интеграции, проведение мероприятий по модернизации и унификации национальных правовых систем.

В недалеком будущем возможно создание на постсоветском правовом пространстве нового интеграционного международного объединения — Евразийского союза государств, который позволит сохранять национальную идентичность государств — участников Союза и учитывать особенности их экономического и политико-правового развития.

² Каширкина А. А., Морозов А. Н. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 77.

³ Тиунов О. И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 97.

А. В. Стремоухов¹

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация, в том числе и правовая, — особая проблема. Современная напряженность государственно-правовой жизни во многом обусловлена глобализацией². Она является объективным явлением. В процессе глобализации большую роль играют ее субъекты, главными из которых являются государства. Именно государства определяют масштабы глобализационных процессов и направление их развития (усиление или торможение)³.

Влияние глобализации на право и права человека, в том числе и в России, весьма заметно. Современные всеобъемлющие интеграционные процессы вызвали к жизни широкое распространение рассуждений о правовой глобализации как о явлении, определяющем сегодняшний облик правовой карты мира. Правовая глобализация — это создание некой новой системы права и прав человека, включающей разные составляющие, имеющие как позитивное, так и негативное содержание. Глобализация разрушает систему прав человека, которая сложилась на этапе интернационализации⁴, но из-за двойных стандартов западных государств не создает другой совершенной правовой системы, превращая пока несовершенно право в политическую демагогию и воинствующий произвол. Поэтому нельзя допустить, чтобы пауза между разрушением существующей системы прав человека и созданием новой, глобализирующейся, была длительной.

Правовая глобализация ассоциируется с процессом постепенного формирования единого общемирового правового поля. При этом к числу проявлений данного процесса относят приобретение международным правом значения общемировой универсальной системы правовых норм, оказывающей все большее влияние на национальное, внутригосударственное право, а также универсализацию нормативно-правовых стандартов, нивелирование национальных особенностей законодательства и права в целом⁵. Более того, некоторые западные идеологи утверждают, что альтернативы для

участия государств в процессе глобализации нет, если только они не хотят лишить свой народ выгод, связанных с техническим прогрессом и международным обменом⁶.

Однако в условиях глобализации говорить о тенденции к созданию единого общемирового правового пространства не вполне обоснованно. Международное право само по себе никогда не сможет стать всеобщим, единым для всех субъектов права экстерриториальным регулятором, непосредственно создающим права и обязанности не только для государств, но и для иных лиц. Для того чтобы действовать внутри государства, оно должно быть поддержано и обеспечено теми же средствами и инструментами, которыми поддерживается и обеспечивается действие национального права⁷.

Глобализация ведет к формированию не единого мирового гражданского общества (во всяком случае не какого-то однородного образования), а более сложного и многосоставного комплекса согласованных или согласуемых правовых систем, точнее национальных и цивилизационных стандартов права и прав человека. Такое согласование и, как следствие, интеграция возможны лишь благодаря сотрудничеству и объединению наций-государств как носителей суверенной монополии на легитимное принуждающее насилие. Именно таким образом и до той степени, в какой сотрудничество суверенных государств реально, происходит интеграция структур коллективного контролирования и использования принуждающего насилия. Эти структуры являются не столько централизованными, сколько сетевыми, они формируются прежде всего на основе согласованных и взаимно принятых процедур, таких как международное право, Совет Безопасности ООН, Интерпол и др.⁸

Отрицательными тенденциями глобализации, по мнению российских ученых, необходимо признать следующие: сохраняется опасность политизации вопросов прав человека при их обсуждении на межгосударственном уровне; несовершенство и рост механизмов и процедур защиты прав усугубляются их хаотичностью, дублированием, огромными финансовыми расходами, неэффективностью; отсутствуют критерии рассмотрения индивидуальных случаев нарушения прав человека, когда заинтересованное государство возражает против этого; отсутствуют критерии, позволяющие определить, происходят ли в государстве грубые и массовые нарушения прав; отсутствие механизма реагирования на неотложные случаи нарушения прав; рассмотрение проблем прав человека без учета

¹ Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч. учебников и монографий: «Право социального обеспечения», «Правовая защита человека», «Трудовое право», «Гражданско-правовые договоры по передаче имущества» (в соавт.), «Права граждан Российской Федерации в сфере культуры», «Профсоюзное право», «Права человека», «Система прав человека» и др. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² Стрельников К. А. Правовая глобализация: основные тенденции // Юридический мир. 2008. № 10. С. 22.

³ Теоретические и практические аспекты развития правовой системы Российской Федерации в условиях глобализации // Государство и право. 2005. № 12. С. 5–12.

⁴ Глухарева Д. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М., 2003. С. 154.

⁵ Бондарь Н. С. Конституционализм как социокультурное явление современного глобалистского мира // Диалог культур и партнерство цивилизаций. Становление глобальной культуры : Х Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 37 ; Янков В. В. Глобализация в сфере публичного права: теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 8.

⁶ La mondialization: Triomphe et perils: Une projection de l'économie mondiale a l'horizon 2005 // Revue de l'OFCE. P., 1998. № 65. P. 125–195.

⁷ Лановая Г. М. Глобализация как тенденция развития современного права: миф или реальность? // История государства и права. 2012. № 11.

⁸ Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М., 2008. С. 23–24.

социально-политической и экономической ситуации в том или ином государстве; недостаточное информирование широких слоев населения и должностных лиц государств о результатах обсуждения данных вопросов; поток жалоб в международные органы, который не позволяет своевременно и квалифицированно на них реагировать¹.

Идеологическая основа глобализации — глобализм, проводником которого в первую очередь являются США². Доминирующей идеологией эпохи глобализма в сфере прав человека, его основной ценностью становятся *индивидуализм*, максимизация свободы индивида. В рамках этой идеологии активно формулируются личностные (соматические) права человека, в число которых включают права на смерть (эвтаназию), изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов и тканей, употребление наркотиков или психотропных веществ, суррогатное материнство, искусственное репродуцирование, стерилизацию, аборт, клонирование, однополые браки.

Выделение соматических прав в качестве самостоятельного класса основывается на искаженной уверенности отдельных групп населения и даже государств в праве человека самостоятельно распоряжаться своим телом. По мнению представителей Русской православной церкви, это означает, что многие провозглашаемые сегодня права человека направлены на их превращение в «свободу от греха»³.

Провозглашение некоторыми философами, юристами, политиками и даже законодателями вышеназванных возможностей человека в качестве прав призывает людей, по мнению В. Д. Зорькина, к абсолютной распущенности, которую когда-то восхвалял маркиз де Сад перед французским Национальным конвентом⁴. Конвент поместил этого горе-оратора в сумасшедший дом. Однако новоявленные де Сады не только не признаются сумасшедшими, но и превозносятся. Такая глобализация прав человека!

В этих условиях от правовой системы Российской Федерации требуется адекватное реагирование на ее вызовы.

В. М. Сырых⁵

НАРОДОВАСТИЕ — НЕОБХОДИМОЕ СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1. Современное государство независимо от его размеров быть правовым и/или социальным чаще всего действует в интересах экономически состоятельного слоя, элиты общества и, как показывает опыт становления рыночных отношений в России и других социалистических странах, не способно надлежаще отстаивать и защищать интересы остальных слоев общества. С этих позиций примечательно признание М. Б. Ходорковского в том, что российские «реформаторы» 1990-х годов обманули 90 % народа, отделили себя от него пропастью и не задумывались о катастрофических последствиях⁶. В условиях глобализации, когда национальная элита в погоне за прибылью показывает готовность участвовать в экономически выгодных для себя, но противоречащих интересам национальной экономики, трудящихся проектах, чреватых негатив-

ными экологическими последствиями, действительное народовластие остается единственным действенным фактором, способным надежно защитить национальные интересы, обеспечить гармоничное развитие внутринационального права.

2. Действующие конституции, как правило, провозглашают принцип народовластия, признают право народа в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти в стране. Однако этот основополагающий принцип все же недостаточно обеспечен надлежащими правовыми средствами. Правомочия народа в сфере государственной власти практически сведены к избранию раз в четыре или пять лет членов парламента и президента страны. В то же время избиратели лишены действенных способов участия в работе избранных ими органов и осуществлении постоянного контроля за действием этих органов.

Так, в Российской Федерации действующая Конституция не предоставляет избирателям права отзыва депутатов Государственной Думы, а импичмент Президента РФ настолько осложнен различными техническими процедурами, что легче верблюду пролезть в игольное ушко, нежели компетентным государственным органам отрешить Президента РФ от должности. Конституционное право народа на принятие федеральных законов посредством референдума Конституционный Суд РФ ограничил первыми двумя годами после избрания депутатов Государственной Думы. В то же время Конституция РФ не закрепляет института народной законодательной инициативы, успешно действующего в ряде стран Западной Европы.

3. Чтобы воплотить в жизнь принцип народовластия, по нашему мнению, необходимо значительно рас-

¹ Черниченко С. В. ООН и права человека // Права человека в России: декларации, нормы и жизнь : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Всеобщей декларации прав человека. М., 1999. С. 79.

² Воздействие глобализации на правовую систему России / С. В. Поленина [и др.] // Государство и право. 2004. № 3. С. 5–15.

³ Яковлева Е. Вредные права: Архиерейский Собор о достоинствах человека // Российская газета. 2008. 27 июня.

⁴ Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 20.

⁵ Заведующий отделом теории и истории права и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 1000 научных публикаций, в т. ч.: «Логические основания общей теории права», «Н. В. Крыленко как идеолог советского правосудия», «Материалистическая теория права» (в 4 т.), «Материалистическая философия частного права», «Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий», т. 1 и 2 (отв. ред. и сост.), «История и методология юридической науки» и др.

⁶ Ходорковский М. Б. Кризис либерализма в России // Ведомости. 2004. 29 марта.

ширить институты непосредственной демократии, создать надлежащие условия для того, чтобы сам народ определял свой строй, правопорядок и пути дальнейшего развития гражданского общества и построения правового государства. Для этого необходимо: 1) вернуться к мажоритарной системе избрания представительных органов государства, предоставив каждому ведущему социальному слою право направлять в эти органы своих представителей в пропорции, соответствующей доле этого социального слоя в гражданском обществе России; 2) вернуть избирателям право отзыва депутатов представительных органов государства, не оправдавших их доверия; 3) ввести институт народной законодательной инициативы, наделяющей определенное число избирателей правом внесения в представительный орган проектов законов в порядке законодательной инициативы; 4) принимать законодательные решения по вопросам, затрагивающим интересы всего или большей части населения России (образование, здравоохранение, правовой режим земель, приватизация государственного имущества и др.), посредством референдума.

4. Представительные органы современных демократических государств Европы, США, в том числе и России, состоят, как правило, из профессиональных политиков, представляющих интересы средних и зажиточных слоев населения. Подобная практика формирования представительных органов государства в первой половине XX века, когда значительная часть рабочих и крестьян (фермеров) не имела надлежащего образования и не была способна должным образом выразить свои экономические, политические и иные интересы в законах страны, признавалась оправданной и необходимой. Названные слои населения вынуждены были свои права на участие в представительном органе государства передавать профессионалам-политикам, состоящим в той или иной политической партии. Наиболее охотно трудящиеся массы избирали представителей той партии, обещания которой наиболее полно соответствовали интересам народа, но нередко оказывались невыполнимыми в процессе деятельности представительного органа.

Однако в настоящее время сложилась иная ситуация. Основная масса трудящихся благодаря всеобщему, а в ряде государств и бесплатному высшему образованию значительно повысила свою политическую и правовую культуру и способна весьма разумно понимать и оценивать современные политико-правовые процессы и явления. В этих условиях сохранение прежнего порядка выдвижения кандидатов в депутаты представительного органа государства становится заметным тормозом на пути политического и социального прогресса, обеспечивает прежнее преимущество профессиональных политиков от политических партий в представительном органе, тогда как представители от трудящихся в парламент попадают весьма редко. Как признает А. А. Мишин, степень представительства классов и социальных групп в парламентах зависит не столько от их численности, сколько от политической зрелости и сплоченности этих классов и групп. Многочисленный класс, если он политически не самоопределил-

ся, вообще может не иметь своего представительства в парламенте. Примером тому может служить рабочий класс («синие воротнички») США. Напротив, сравнительно немногочисленная, но боевая и сплоченная социальная группа может обладать сильными парламентскими фракциями. Достаточно сослаться на парламентский опыт Скандинавских стран¹.

Понятно, что парламент, состоящий из профессиональных политиков, представляющих интересы имущих слоев общества, чаще всего принимает законы в интересах этих слоев и не всегда учитывает интересы трудящихся и малоимущих. Ситуации, когда интересы значительной части народа оказываются не представленными в парламентах с позиций целей и задач правового и социального государства, на которое претендует большинство современных промышленно развитых государств, нельзя признать ни правомерными, ни справедливыми.

5. В целях обеспечения реального народовластия в представительном (законодательном) органе страны представляется необходимым изменить систему избрания депутатов — перейти на сословный порядок их избрания. Каждое сословие само избирает в парламент наиболее достойных представителей своих интересов, как это имело место в дореволюционной России при избрании депутатов Государственной Думы, когда все избиратели были поделены на четыре курии: землевладельческую, земледельческую, городскую и рабочую. В современных условиях основные социальные слои (классы) российского общества сообразно роду их занятий могут быть дифференцированы как минимум на семь групп: 1) рабочие; 2) жители сельской местности; 3) предприниматели; 4) государственные служащие; 5) работники умственного труда (сферы образования, здравоохранения, науки, литературы, искусства); 6) студенты образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования; 7) пенсионеры.

Выборы депутатов парламента должны быть всеобщими и равными. Право участия в них должно принадлежать всем лицам, достигшим определенного возраста (например, 18 лет), без каких-либо исключений. Имущественные или иные цензы, ограничивающие избирательные права отдельных групп, слоев населения, отсутствуют. Одновременно все социальные слои общества признаются равноправными и обладают правом избрания в парламент своих представителей сообразно доле избирателей соответствующего социального слоя в составе всех избирателей страны.

Например, в Российской Федерации избирательным правом обладают около 108 млн человек, а один депутат Государственной Думы избирается от 240 тыс. избирателей (число всех избирателей, поделенное на 450 депутатских мест в Государственной Думе). Следовательно, каждое сословие правомочно представить в парламент своих представителей пропорционально численности избирателей сословия в составе избирателей населения всей страны. Предприниматели, которых согласно переписи населения в 2010 году

¹ Мишин А. А. Конституционное (государственное) законодательство зарубежных стран. URL: <http://books.google.ru/books?id=1ZC4AAAAQBAJ&pg>

в России насчитывается чуть более миллиона, представляют в парламент четырех депутатов, тогда как сельское население общей численностью 33 млн человек — 135 депутатов и т. д.

Вполне целесообразно использовать опыт дореволюционной России избрания депутатов не в ходе прямых выборов, а посредством выборщиков. Во-первых, в современной, как и в дореволюционной, России отсутствуют партии, представляющие интересы какого-либо отдельного социального слоя и пользующиеся его поддержкой. Во-вторых, подобный порядок способен преодолеть многие несовершенства нынешней практики подсчета голосов и снять в значительной степени справедливые нарекания избирателей в адрес счетных комиссий, когда победа той или иной партии обеспечивается не столько собранными голосами, сколько применяемыми этими комиссиями технологиями подсчета голосов.

В целом высокий уровень общей политической и правовой культуры россиян, большая часть которых имеет не только общее, но и профессиональное образование, служит надежной гарантией тому, что представители социальных слоев справятся с обязанностями парламентариев ничуть не хуже бывших спортсменов, артистов, журналистов, избранных в ныне действующую Государственную Думу. В любом случае обязанность и желание оправдывать доверие избравшего социального слоя повышает ответственность депутата за свою деятельность, за активное участие в обсуждении и принятии федеральных законов. Традиционное для Государственной Думы отсутствие большинства депутатов на пленарном заседании скорее всего уйдет в прошлое.

6. Весьма актуальной предстает проблема законодательного закрепления устойчивой связи депутата Государственной Думы с избравшим его социальным слоем, населением. Конструкция абсолютного мандата ставит депутата в независимое положение от избирателей, позволяет ему в течение срока депутатских полномочий исполнять свои обязанности, как говорится, спустя рукава, даже не ходить на пленарные заседания Государственной Думы. Право избирателей досрочно отозвать своих депутатов, не справляющихся со своими депутатскими обязанностями, выступает мощным стимулом активизации деятельности избранного депутата, в обязанности которого входит не просто периодически отчитываться перед избравшими его избирателями, но и исполнять их указы, данные в ходе избирательной кампании. Конечно, возможны ситуации, когда депутата могут отозвать досрочно безвинно, вследствие недостаточно активной деятельности по независящим от него обстоятельствам. Однако

подобный эксцесс избирателей способен породить менее значимые вредоносные последствия, нежели конструкция абсолютного мандата, создающего питательную почву для полной независимости и никем не контролируемого бездействия депутата.

7. В Российской Федерации следует учесть передовой законотворческий опыт ряда европейских государств предоставления избирателям права законодательной инициативы. Например, согласно ст. 71 Конституции Итальянской Республики народ осуществляет законодательную инициативу путем внесения от имени не менее 50 тыс. избирателей предложения, составленного в форме постатейного проекта закона. Подобное право надлежит предоставить и российским избирателям, если они вносят законопроект от имени 120 001 избирателя, то есть числа голосов, необходимых для избрания одного депутата Государственной Думы. Институт народной законодательной инициативы расширит формы непосредственной демократии народа и существенно повысит его возможность непосредственного участия в подготовке проектов законов по наиболее актуальным вопросам социально-правовой практики общества и государства. Необходимо также вернуться к практике всенародных обсуждений законопроектов, подготовленных по вопросам, затрагивающим интересы большинства или всех членов общества.

8. В Конституции РФ следует четко закрепить абсолютное право народа на принятие федеральных законов в ходе референдума, в связи с чем именно в Конституции, а не в законе определить перечень вопросов, по которым не могут проводиться референдумы. Неконституционные нормы Федерального конституционного закона «О референдуме», ограничивающие право народа на проведение референдумов, и постановления Конституционного Суда РФ, признавшие эти нормы конституционными, отменить как несоответствующие принципу народовластия. Решения народа о проведении референдума по вопросам принятия федерального закона подлежат обязательному исполнению. Одновременно в Конституции РФ надлежит четко определить формы ответственности федеральных органов государства за неисполнение или затягивание с исполнением результатов референдума.

Вновь принятая Конституция РФ должна создать действенный механизм обеспечения реального народовластия в стране, дать народу не только абстрактное право быть единственным источником власти в Российской Федерации, но и необходимые средства, обеспечивающие воплощение этого основополагающего принципа политико-правовой деятельности общества и государства в реальной жизни.

Е. В. Тимошина¹

«УСТРАНИТЬ СУВЕРЕНА»: ИДЕЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Становление идеи глобального правопорядка в европейской правовой традиции связано с релятивизацией классического понятия государственного суверенитета и решением проблемы обоснования правового характера международного права в рамках юридического позитивизма.

1. Понятие суверена, базовое для классического юридического позитивизма, являлось труднопреодолимым препятствием для обоснования правового характера международного права. В классическом «командном» определении, принадлежащем Дж. Остину, право — это приказы (*command*), издаваемые суверенами (*political superiors*). Отсутствие у международного права признака его «исхождения» от суверена исключало его из области правовых явлений в остиновской модели, в рамках которой предполагалась также логическая невозможность ограничения суверена нормами права. Так, Г. Ф. Шершеневич, русский последователь Дж. Остина, полагал, что понятие суверенитета государственной власти, являющейся единственным источником права в государстве, несовместимо с возможностью ее правового ограничения. Ученый считал научно несостоятельным мнение о том, «будто государство всегда существует и действует в категории права», а попытки «связать государство правовыми нитками» уподоблял действиям лилипутов в отношении Гулливера².

Таким образом, смысл классической юсупозитивистской идеи суверена состоял в том, что суверену — как точно пишет об этом немецкий юрист К. Шмитт — для того «чтобы создать право, нет нужды иметь право»³. То есть его власть как социальный факт была предельным основанием действительности создаваемого сувереном права и как таковая не нуждалась в определении нормами права, в том числе международного. Соответственно в рамках данной системы идей, основанной на некорректном отождествлении суверенитета верховной власти с суверенитетом государства, суверенитет есть *conditio sine qua non* государства, несuverенное государство есть *contradictio in adjecto*, а международное право не относится к числу правовых явлений, представляя собой правила международного общения, ко-

торые поддерживаются силой международного общественного мнения, не имеющего свойств организованного принуждения. Выполнение таких правил — исключительно моральная, то есть свободно исполняемая обязанность государства, которая не корреспондирует *право требования* ее выполнения.

2. На рубеже XIX–XX веков в рамках выдвинутой Г. Еллинеком доктрины правового самоограничения государства происходит релятивизация классического понятия государственного суверенитета, который начинает рассматриваться исключительно как историческая категория, то есть как свойство, присущее определенному историческому типу государства — абсолютной монархии. В рамках доктрины правового самоограничения государства было признано, что «попытки конструировать суверенную власть как власть, стоящую над правом, противоречат... историческому развитию теории суверенитета».

Г. Еллинек легко разрешает противоречие между классическим понятием суверенитета, по смыслу самого понятия не допускающего какого-либо ограничения, и тезисом о правовом самоограничении государства, фактически отождествляя суверенитет с правовой связанностью государства: «Суверенитет означает... то свойство государственной власти, в силу которого она обладает исключительной способностью к правовому самоопределению и самоограничению»⁴. Однако в начале XX века доктрина правового самоограничения государства, в рамках которой оказалось невозможным обосновать *правовой* характер такого самоограничения, постепенно стала рассматриваться как «очень хрупкая гарантия против произвола государства»⁵ и была, таким образом, признана выражением «политического романтизма».

3. «Устранить суверена» — именно в таких терминах К. Шмитт характеризовал основную тенденцию философии права первой трети XX века. По его мнению, данная тенденция состояла в том, чтобы радикальным образом пересмотреть фундаментальные основания правопорядка — заменить власть персонализированного суверена «безличной значимостью безличной нормы»⁶. Последовательная дискредитация идеи суверена была направлена на то, чтобы редуцировать понятие государства к понятию правопорядка, а понятие государственного суверенитета, рассматриваемое как пережиток эпохи абсолютизма, заменить понятием суверенитета права, опирающимся «на идею безличной власти... правовых норм», с обоснованием которого в 1906 году выступил голландский юрист Х. Краббе⁷.

⁴ Еллинек Г. Общее учение о государстве / вступ. ст. И. Ю. Козлихина. СПб., 2004. С. 463.

⁵ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / пер. А. Яценко, В. Краснокутского, Б. Сыроматникова; с предисл. к рус. пер. П. Новгородцева и автора. М., 1908. С. 73.

⁶ Шмитт К. Указ. соч. С. 30.

⁷ Krabbe H. Die Lehre der Rechtssoveränität. Beitrag zur Staatslehre. Groningen, 1906. S. 47.

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев», «Права человека и нравственная ответственность личности в свете христианской антропологии», «Концепция нормативности Л. И. Петражицкого и проблема действительности права в юридическом позитивизме XX в.», «Право как “идея”, как “фикция” и как “факт”: о номинализме и реализме в теории права», «Л. И. Петражицкий vs Е. Эрлих: два проекта социологии права», «Классическое и постклассическое правопонимание как стили мышления» и др. Член Российской секции Международной ассоциации философии права и социальной философии (IVR).

² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: в 2 т. М., 1910. Т. 1. С. 307–308.

³ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 27.

К. Шмитт полагал, что ситуация в современной ему философии права точно описывается заголовком часто цитировавшейся тогда статьи Э. Баркера «Дискредитированное государство» (1915)¹ или лозунгом французских синдикалистских теоретиков — «Государство мертво». Речь шла, с его точки зрения, о разрушении понятия государственного суверенитета и связанном с ним представлении о государстве как единстве, возвышающемся над всеми социальными группами², из чего логически следовали идеи социально-правового плюрализма и/или глобального правопорядка. В чистом учении о праве Г. Кельзена, главного представителя юридического позитивизма XX века, был осуществлен радикальный и последовательный отказ как от идеи персонифицированного суверена в качестве власти, фундирующей правопорядок, так и от «догмы суверенитета», разрывающей логическую преемственность между внутригосударственным и международным правом.

4. «Расчищая» путь к обоснованию международного права, Г. Кельзен «устраняет» суверена, место которого в его учении занимает постулируемая *основная норма*, и обосновывает тождество права и государства. Международное право рассматривается ученым как правовой порядок, стоящий над государственными правовыми порядками и объединяющий их в универсальное правовое сообщество. Основанием действительности международного правопорядка выступает постулируемая *основная норма международного права*, которая в то же время является основанием действительности государственных правопорядков.

Важнейшим достижением своего чистого учения о праве Г. Кельзен считал «теоретическое разрушение догмы суверенитета», которая в его представлении являлась «основным инструментом идеологии империализма, направленным против международного права», а также к числу таких — имеющих «политическое воздействие» — результатов своего учения относил обусловленную теоретической дискредитацией понятия суверенитета «релятивизацию» понятия государства³, что закономерно приводит к «стиранию пограничной линии между международным правом и государственным правопорядком»⁴. Международное право, фундированное своей основной нормой, превращается, таким образом, в «единственный суверенный правопорядок, которому подчинены все государственные правопорядки», или, иными словами, в мировое государство — *civitas maxima*.

При этом если над государством «поднимается» международный правопорядок, то государство, полагает Г. Кельзен, уже невозможно рассматривать как суверенный правопорядок. Оно представляет собой не-суверенный орган международно-правового сообще-

ства или, что то же самое, мирового государства — частичный, относительно централизованный правовой порядок, для которого «пределы юридической действительности установлены международным правом в пространственном и временном аспектах»⁵. Таким образом, безличная основная норма, заменившая персонифицированного суверена, отказ от «догмы суверенитета» и обоснование тождества государства и правопорядка стали теми теоретическими инструментами, которые позволили Г. Кельзену обосновать в рамках позитивистской модели правовой характер международного права как глобального правопорядка.

5. Идея глобального правопорядка необходимым образом должна предполагать механизмы своего осуществления в отношении тех государств, которые тем или иным образом оказывают сопротивление своему превращению в несuverенный орган международно-правового сообщества. Такой механизм был предложен в Докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, представленном Генеральной Ассамблеей ООН в 2002 году⁶. В докладе была дана новая интерпретация понятия государственного суверенитета, которая, по мысли авторов, призвана избавить международное сообщество от трудного выбора — уважая суверенитет государства, быть безучастным наблюдателем происходящих в нем нарушений прав человека либо осуществить «право на вмешательство», тем самым нарушив суверенитет государства.

В документе предлагается перейти к пониманию суверенитета как *ответственности*, осознание которой государством рассматривается как минимально необходимый признак добросовестного членства в международном сообществе. Соответственно государство обладает суверенитетом лишь в той степени и лишь до тех пор, пока оно выполняет «*обязанность защищать*» (или несет «*ответственность по защите*») права человека, в противном случае, то есть при утрате им суверенитета, данную обязанность надлежит исполнить международному сообществу. Одним из структурных элементов возлагаемой на него «*обязанности защищать*» является «*обязанность по реагированию*», включая военное вмешательство, в качестве основания которого предусматриваются «*проявления насилия, глубоко возмущающие совесть человечества*». Военная акция должна проводиться с соблюдением таких принципов, как «*справедливое дело*», «*благое намерение*» и «*вероятность успеха*».

Основные тезисы данной концепции нашли подтверждение в докладе, подготовленном Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (2004); были включены в целый ряд официальных документов ООН; получили развитие в докладе Генерального секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать» (2009). Доктринальная разработка данного понятия как способствующего укреплению государственного суверенитета была признана нуждающейся в скорейшей практической реализации *во избежание «трагической гибели людей»*, что было осуществлено

⁵ Kelsen H. Op. cit. P. 122.

⁶ <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/525/72/IMG/N0252572.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23.03.2015).

¹ Barker E. The Discredited State // Political Quarterly. 1915. P. 121–126.

² Шмитт К. Государственная этика и плюралистическое государство // Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М., 2010. С. 237–238.

³ Kelsen H. Introduction to the Problems of Legal Theory. Oxford, 1992. P. 124–125.

⁴ Ibid. P. 111.

в принятии санкционировавшей введение бесполетной зоны над Ливией Резолюции Совета Безопасности ООН от 17 марта 2011 года, которая непосредственно ссылалась на соответствующую концепцию. Таким образом, «*обязанность защищать*» рассматривается в настоящее время в качестве «новой нормы международной безопасности и прав человека».

6. Возможные политико-правовые последствия применения «новой нормы международного права» актуализируют понимание суверенитета государства как его существенного и необходимого признака, консти-

туирующего международно-правовую правосубъектность государства. Присвоение признака суверенитета государству в целом, а не государственной власти, а также признание того, что его источником и носителем выступает народ, являются гарантией сохранения суверенитета государства при утрате национальными властями своей легитимности в глазах «международного сообщества» и, таким образом, исключают превращение факта военного вмешательства в право гуманитарной интервенции или в бремя «ответственности по защите».

В. В. Трофимов¹

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ ИННОВАЦИЙ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА И РЕАГИРОВАНИЯ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В структуре российских национальных интересов как жизненно важных (определяющих) стратегий развития народа России, от реализации которых зависит его будущее², способность чувствовать свою идентичность, возможность иметь благоприятные условия жизнедеятельности, особое место сегодня занимает задача построения инновационной экономики. Как это ни покажется на первый взгляд стереотипным и тривиальным, но именно такое движение по пути прогресса, в том числе технологического, позволит Российскому государству выйти на новый уровень, быть признанным в качестве мощной державы, отличающейся не только оборонительными возможностями, но и высокоразвитой экономикой и качеством благосостояния жизни населения.

В современных условиях, когда государство сталкивается с глобальными экономическими вызовами, такой вектор развития социально-экономической системы особенно необходим. В программной статье В. В. Путина «О наших экономических задачах» отмечается: «Нам нужна новая экономика с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг, с эффективным сельским хозяйством. Экономика, работающая на современной технологической базе»³.

Таких внешних и внутренних вызовов, с которыми сталкивается Россия и которые требуют еще большей концентрации и оптимизации усилий по решению на-

копленных в российской экономике и формирующейся инновационной системе проблем, немало. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 года № 2227-р, к числу данных вызовов, в частности, относят:

— ускорение технологического развития мировой экономики, которое наблюдается как в развитых западных державах, по сути, традиционных странах-лидерах в сфере инноваций, так и во многих развивающихся странах, таких как государства — участники Содружества Независимых Государств (речь идет прежде всего о технологической революции в ресурсосбережении и альтернативной энергетике, например добыча углеводородов из нетрадиционных источников, включая сланцы и нефтеносные пески), что резко увеличивает неопределенность развития России, основу специализации которой на мировых рынках составляет экспорт традиционных энергоносителей;

— усиление в мировом масштабе конкурентной борьбы в первую очередь за высококвалифицированную рабочую силу и инвестиции, привлекаящие в проекты новые знания, технологии и компетенции, то есть за факторы, определяющие конкурентоспособность инновационных систем (при невысокой эффективности инновационной системы в России, недостаточной материальной и правовой защищенности субъектов инновационной деятельности это означает не что иное, как дальнейшее увеличение оттока из страны конкурентоспособных кадров, технологий, идей и капитала по тем направлениям, где созданы более привлекательные и комфортные условия);

— изменение климата, старение населения, проблемы системы здравоохранения, а также в области обеспечения продовольственной безопасности в мировом масштабе — вызовы, с которыми сталкивается не только наша страна, но и человечество в целом⁴.

¹ Профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект», «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект», «Правообразование и правообразующие факторы в праве»; соавтор ряда коллективных монографий, учебников и учебных пособий; автор научных статей, обзоров и рецензий в ведущих российских научных журналах.

² См.: Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 19–29.

³ Из статьи В. В. Путина «О наших экономических задачах» в газете «Ведомости» (URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17888>).

⁴ Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года : утв. Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 года № 2227-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 1. Ст. 216.

Указанные вызовы диктуют необходимость опережающего развития по различным направлениям модернизации российской экономики и вместе с тем потребность создания мощных и эффективных управленческо-правовых механизмов, которые могут обеспечить соответствующий характер развития как в части создания инновационно-предпринимательской инфраструктуры, так и в плане правовых гарантий для научных структур и предпринимателей, специализирующихся в сфере инновационного бизнеса.

Для современного российского права, правовой системы России это также своего рода вызов, на который право не только не может не ответить, но и призвано, будучи главным инструментом социальных преобразований, дать свой компетентный ответ. Иными словами, на право возлагается особая и важная миссия — способствовать модернизации российского общества, в чем видится одна из главных предпосылок его стабильности, но вместе с тем и динамического развития. Кроме того, в этом кроется залог суверенности Российского государства, основа идентификации в качестве самостоятельного (независимого), но одновременно интегрированного в мировое сообщество субъекта — равноправного участника всех международных отношений (не только экономических, но и политических и т. д.). В одном из программных документов по вопросу модернизации и инновационного развития — Послании Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному собранию Российской Федерации (2009) — верно сказано: «Мы должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы. По моему убеждению, это вопрос выживания нашей страны в современном мире»¹.

Решение названной задачи по переходу российского общества на инновационный вектор развития не может осуществляться произвольным образом, спорадически или бессистемно. Это должна быть плановая и организованная работа по всем направлениям, с которыми связано осуществление социально-экономической модернизации. Если с этих позиций вести речь о правовом сопровождении, то юридическое регулирование в этой области также должно отвечать принципам научной обоснованности, системности, планомерности, последовательности и пр.

Настроить на этот путь развития правовую систему, ее основные и вспомогательные компоненты призван особый вид юридической деятельности, получивший в науке название «правовая политика»².

Применительно к проблеме инновационного развития общества данная форма юридической деятельности получает определенную спецификацию и приобретает вид непосредственно правовой политики, направленной на юридическое сопровождение (обеспечение) инновационного развития России. *Правовая политика в сфере инноваций* — это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и негосударственных структур, направленная на определение стратегии и тактики правотворчества

в сфере инноваций, создание необходимых правовых условий для эффективной инновационной деятельности на основе разработки и принятия законодательства в области обеспечения инновационного развития страны; тактики и стратегии правоприменения в сфере инноваций, создание правовой инфраструктуры реализации интеллектуальных прав граждан и организаций; условий для повышения качественного состава научных и юридических кадров³.

Общей целью всех направлений (форм и видов) инновационной правовой политики является создание правовых условий для реализации инновационной стратегии развития российской общественно-экономической системы. Прежде всего это связано с достижением такой цели, как разработка и принятие увязанных в единую систему нормативных актов, которые сформировали бы комфортные для науки условия (включая соответствующие материальные и правовые гарантии). Это *правотворческая форма* правовой политики в сфере инноваций.

Следует отметить, что законодатель целенаправленно формирует правовую основу инновационных преобразований в экономике. В рамках реализации инновационной стратегии уже действует ряд законодательных актов (в области науки и государственной научно-технической политики, по вопросу о статусе наукоградов, о малых инновационных предприятиях, инновационном центре «Сколково» и др.). Однако следует стремиться к системности правовых мер, направленных на стимулирование инновационного развития, не ограничиваясь отдельными практическими шагами. Именно в этом ключе целесообразно принятие единого законодательного акта по вопросу государственной поддержки инновационной деятельности.

Не менее важно наладить систему эффективной реализации принятых законодательных (правовых) положений в области регулирования инновационной деятельности. Это почва для проведения *правореализационной политики* в сфере инноваций. Основная ее цель — достижение на практике результатов правовой политики в области инноваций (от принятых решений к их осуществлению). Должен быть создан такой действенный механизм, при котором с помощью правовых средств получали бы развитие инновационные идеи, научные разработки, инновационные проекты. Для этого следует сформировать качественные правовые основы функционирования инфраструктуры центральных участников инновационных процессов и посредников, обеспечивающих создание научно-прикладных инновационных продуктов, финансовую и иную поддержку инновационных проектов (имеются в виду прежде всего корпорации, специализирующиеся на коммерциализации инновационных разработок, в том числе венчурные фирмы⁴ и пр.).

³ См.: Трофимов В. В. Правовая политика в сфере инновационного развития современной России // Право интеллектуальной собственности. 2012. № 5. С. 3–6.

⁴ В западных странах (США, Великобритания, Франция) венчурное предпринимательство является одной из развитых сфер экономики; именно в его рамках проводится основной массив инновационных разработок, которые затем внедряются в промышленное производство. См. подробнее, например: Гаврилова Ж. Л. Государственное регулирование венчурного инвестирования: мировой и российский опыт // Проблемы современной экономики. 2011. Вып. 3. С. 137–141.

¹ <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>

² См.: Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 213. Подробнее о сущности, содержании и критериях современной правовой политики см.: Малько А. В. Теория правовой политики. М., 2012; Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права. Волгоград, 2009.

Еще одним значимым направлением работы является правовое просвещение участников инновационных отношений, которое должно осуществляться в рамках *правообучающей формы* правовой политики в сфере инноваций. Ее целями являются создание условий для эффективного воспроизводства научных кадров и закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий, сохранение преемственности поколений в науке и образовании, подготовка кадрового состава специалистов в области инновационного права, а также обучение научных кадров соответствующим правовым компетенциям. Проведение правообучающей политики может быть связано с внесением корректив в систему юридического образования в части усиления учебно-методической составляющей, связанной с предметами инновационного цикла (право интеллектуальной собственности и пр.), разработкой новых учебных курсов, отвечающих стратегии инновацион-

ного развития (например, курс подготовки патентных поверенных¹).

Таким образом, правовая политика в сфере инноваций — это комплексная и специально ориентированная юридическая деятельность, направленная на правовое обеспечение процессов инновационного развития. Все, что с ней связано (правотворчество, правореализация, правовое обучение), должно находиться в единой системе, быть внутренне согласованным, разрабатываться и проводиться в жизнь на основе глубокого научного обоснования, в рамках единой тактики и стратегии. От этого во многом зависят решение задач в области инновационного развития современной России, возможность реализации национального интереса в этой плоскости общественных отношений и способность своевременного и адекватного реагирования на существующие глобальные экономические вызовы.

А. А. Фомин²

ЛИЧНОСТНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Российское государство, проводя последовательный внешнеполитический курс по соблюдению на универсальной основе норм и принципов международного права, тем самым заявляет о своей приверженности делу построения миропорядка на основе господства права, идей прав человека и конституционализма. Для обозначения вклада России в процесс формирования справедливого правопорядка проводится комплекс внешнеполитических мероприятий по обеспечению правовой безопасности всех участников международных отношений. Под правовой безопасностью здесь понимается положение, при котором субъективные права и законные интересы государств защищены на должном уровне, а любые случаи злоупотребления правом санкционируются международным сообществом как недопустимые. Критерием должного поведения при этом является неукоснительное соблюдение международных обязательств вне зависимости от источника их возникновения исключительно на основе принципа добросовестности.

Выступая с принципиальной позиции обеспечения национальной безопасности всех членов мирового сообщества в рамках правового поля, Россия проводит последовательную политику по поддержанию безопасности собственного государства международно-правовыми средствами. Сюда входят меры по обеспечению государственной независимости и территориальной це-

лостности страны, недопущению любых видов вмешательства во внутренние дела, а также упорядоченные на основе права действия по продвижению ее государственных интересов на международном уровне³.

Право — одно из ценнейших завоеваний цивилизации, выражающее объективно необходимый, определенный реальными социальными возможностями масштаб свободы индивида. Государство предстает как форма социальной организации, призванная охранять в обществе такой порядок, при котором уровень свободы обеспечивается в качестве условия стабильности и нормального функционирования общества. Иными словами, главная функция государства — охрана права как масштаба свободы. Государство не должно иметь собственного интереса, отличного от интересов общества, имеющего приоритет. Безопасность государства обладает социальной ценностью лишь постольку, поскольку оно обеспечивает безопасность общества и личности⁴. В этом смысле государство — один из факторов обеспечения безопасности общества, и проводимая им политика должна исходить из этого.

Однако пределы воздействия государственной власти не всеобъемлющи, ибо государство опосредует социальные связи не в полном объеме. Кроме того, само государство как политический механизм, аккумулирующий властные функции, при определенных условиях может стать угрозой социальной безопасности. Так происходит, если государство от-

¹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 316-ФЗ «О патентных поверенных» // Рос. газета. 2008. 31 дек. № 4824.

² Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук. Автор более 85 научных публикаций, в т. ч.: «Конституционная природа чрезвычайных средств обеспечения безопасности», «Юридическая безопасность субъектов российского права (вопросы теории и практики)», «Юридическая безопасность в сфере законотворчества и правореализации», «Субъекты права» и др.

³ См. подробнее: Российская Федерация: 21-й век. Юридическая безопасность страны и ее граждан в правовом государстве (По материалам научно-практической конференции) // Государство и право. 2003. № 10. С. 94–101.

⁴ Гончаров И. В. Законодательное обеспечение конституционной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 4. С. 31.

рывается от интересов человека и общества, ставит на первый план свой бюрократический интерес. Государство, противопоставляющее себя обществу, уже не осуществляет в полной мере своей общесоциальной функции, нарушает тем самым естественный закон развития общества, так или иначе становится угрозой для общества, фактором, тормозящим его развитие. Еще в XVIII веке философы высказали мысль о необходимости принудительного ограничения самой принуждающей государственной власти¹. Это связано с тем, что безопасность общества определяется его естественным свободным развитием, которое обеспечивается, если государство как сила, «вырастающая» из общества, подчиняется законам его движения, служит его благоденствию, а не превращается в Левиафана — чудовище, пожирающее своей властью и личностью, и общество в целом. Если государство становится силой, довлеющей над обществом, навязывающей ему свою волю, насаждающей диктат и насилие над личностью, оно неизбежно отрицает само себя, свою социальную сущность, неумолимо движется к гибели, представляет угрозу не только для собственного населения, но и для народов других государств, их безопасности. Этому учат нас опыт цивилизации, ее история и современность.

Следовательно, одна из задач философии, политической и юридической науки — сделать достоянием широких масс положение о том, что государство, которое нередко выступало и выступает как механизм подавления, репрессий, возвышается над обществом и обеспечивает господство над ним своей воли, должно стать политико-правовым механизмом, обслуживающим общество, охраняющим его стабильность и благоденствие, то есть порядок, при котором обеспечивается возможный и необходимый уровень свободы личности, народа, других социальных субъектов, важнейшим фактором обеспечения международной безопасности и мира².

Законная репрессия — крайняя мера государства, которая должна применяться лишь с учетом шкалы общечеловеческих ценностей. История государственности доказывает, что неправое насилие (беззаконие и произвол) довольно широко применялось в государственной политике, в том числе современных государств, но никогда не было действенным средством решения социальных проблем. Тоталитарные режимы

добиваются своих целей, лишь загоняя противоречия вглубь, обостряя реальные проблемы и, по существу, подготавливая почву для иной системы, отрицающей тоталитарный режим.

Поэтому, создавая и укрепляя систему глобальной безопасности, государствам необходимо отдавать отчет в том, что проблема решается не силовыми структурами и спецслужбами, а прежде всего справедливой политикой, обеспечением равных прав личности, отсутствием национальной и социальной розни и дискриминации.

Если оценивать модели современных государств либо концепции государства, выработанные мировой наукой, с позиций общесоциальной безопасности, идеи правового государства оказываются оптимальными³. Действительно, обеспечение внутренней и внешней стабильности современного общества возможно лишь в условиях государства, ориентирующегося на человека, его права и свободы, то есть на право как единый цивилизованный способ разграничения и соединения интересов, разрешения социальных конфликтов. Право как возможная, необходимая и допустимая, гарантированная свобода обеспечивает суверенитет личности, народа и входящих в него наций и вместе с тем ставит преграду индивидуальному эгоизму и национальному сепаратизму, ограничивает свободу выбора и действий, превращающих свободу во вседозволенность и анархию. Принуждение должно основываться исключительно на праве и осуществляться во имя человека и народа, сохранения общечеловеческих ценностей, торжества права, свободы и справедливости.

Государство, функционирующее в подобных концептуальных рамках, создает условия (прежде всего политико-институционального характера) для прогресса страны, а общество со своей стороны располагает ориентирами, стимулами и ресурсами для развития в этом направлении. Личностно-правовая парадигма национальной безопасности в условиях глобализации концентрируется вокруг принципов открытости общества, его плюрализма и конкурентности, демократических методов разрешения международных конфликтов (переговорный процесс, учет интересов сторон, согласительные процедуры, экономические рычаги и т. п.), приоритета и защиты прав и свобод граждан.

¹ Соловьев З. Ю. Личность и право // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 72.

² Осипян Б. А. Конституционные гарантии международной безопасности // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 5. С. 11.

³ Тиунова Л. Б. Проблема общесоциальной безопасности и правовая государственность // Правоведение. 1991. № 5. С. 26–27.

И. А. Честнов¹КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ ПРАВА КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Одним из проявлений (пост)современности является кризис легитимности права (правовой реальности, выступающей формой иных общественных отношений — экономических, политических и т. д.). Во многом он связан с признанием непредсказуемости, нестабильности, невозможности одним «единолично верным» способом описать и объяснить мир.

Проблема, можно сказать, парадоксальность легитимации права состоит в том, что принятие права — это психический процесс, до конца не проясненный современной наукой. Общественное мнение как четкое представление не просто о желаемом, а о рецептах достижения желаемого, должного, как справедливо указал П. Бурдьё в начале 1970-х годов, не существует². Оно формируется элитой, обладающей (часто узурпировавшей) правом на официальную номинацию социальных явлений и процессов (в том числе и правовую квалификацию), и референтной группой, а поэтому ситуативно, подвержено манипулируемости со стороны власть имущих. Не случайно П. Рикер пишет: «Формы согласия следует описывать в связи с поддерживающим их одобрением: от чьего имени каждый раз атрибутируется значимость? И по завершении какого квалификационного испытания она считается легитимной?»³.

Легитимность — парадоксальное явление⁴. *Парадоксами легитимности* являются: недоверие к власти и одновременно ее необходимость⁵; отсутствие соотнесенности принятия системы права и отдельных норм права⁶; необходимость постоянного выхода за рамки легитимного правопорядка для его совершенствования (для легитимности права потребно недоверие к нему). Признание другого как равноправного субъекта пра-

ва (носителя статуса) обусловлено психическими стереотипами межличностного восприятия, предубеждениями, в том числе приписыванием отрицательных свойств любому представителю другой социальной группы⁷. Другой в традиционном мышлении — это, как правило, чужой. Для преодоления такого положения дел как раз и необходим диалог как политика толерантности, признание другого равноправным мне и любому другому. Эта проблема усугубляется сложной структурированностью, высокой социальной мобильностью и фрагментарностью, мультикультурностью современного социума. При фрагментаризации референтности как таковой и референтных групп ставится под вопрос принятие всеми единого для данного социума правопорядка. Существует ли таковой или следует говорить о множественности правопорядков? Признание другого предполагает необходимость учета (а значит, четкой идентификации) социального (и правового) статуса контрсубъекта, а также единство «когнитивной базы» — неких общих представлений об устройстве мира и положении в нем человека⁸.

Институты, утверждает П. Рикер, легитимируются дискурсами и текстами, а эти последние производятся, высказываются и публикуются институтами, жаждущими легитимации⁹. Отсюда возникает еще один парадокс легитимности — парадокс представительства, самоосвящения представителя, действующего якобы от имени представляемого. Парадоксальность представительства состоит в том, что доверенное лицо обретает власть над передавшим ему свои полномочия¹⁰. Это связано с тем, что группа образует себя как раз с помощью делегирования, наделяя мандатом выступать от своего имени какого-либо индивида. В результате возникает отношение метонимии: доверенное лицо превращается в часть группы, которая может функционировать как знак вместо целой группы. «Обозначающее — это не только тот, кто выражает и представляет обозначаемую группу; это тот, благодаря кому группа узнает, что она существует, тот, кто обладает способностью, мобилизуя обозначаемую им группу, обеспечивать ей внешнее существование»¹¹. В связи с этим справедливым представляется вывод Ж. Дерриды о том, что народ США как таковой возникает в результате подписания своими представителями Декларации независимости США, так как «подпись измышляет подписывающего»¹².

⁷ Самопризнание и взаимное признание, как пишет П. Рикер, всегда остаются незавершенными и наиболее уязвимыми по причине «постоянно сохраняющейся асимметрии отношения к другому по модели помощи, а также и наличия реальных препятствий» (Рикер П. Путь признания. С. 71). В то же время взаимность возможна только при наличии асимметрии «я-другой» (Там же. С. 148).

⁸ Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

⁹ Рикер П. Справедливое. С. 209.

¹⁰ Бурдьё П. Делегирование и политический фетишизм // Социология политики. М., 1993. С. 233.

¹¹ Там же. С. 239.

¹² Деррида Ж. Отобиография // Ad Marginem : ежегод. М., 1994. С. 179.

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная антропология права современного общества» (в соавт.), «История политических и правовых учений. Теоретико-методологическое введение», «Актуальные проблемы теории государства и права. Диалогическая природа государства и его место в политической системе общества», «Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права», «Постклассическое правопонимание», «Постклассическая теория права» и др.

² См.: Бурдьё П. Общественное мнение не существует // Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005.

³ Рикер П. Путь признания: три очерка. М., 2010. С. 195.

⁴ О парадоксе(ах) авторитета см.: Рикер П. Справедливое. М., 2005. С. 207.

⁵ М. Фуко утверждал, что власть не только подавляет и угнетает, но и способна созидать. Сообразуясь с системой знания, власть как «микрофизическое явление» проникает в ткань общественных отношений и обеспечивает воспроизводство социальной реальности (Foucault M. Dispositif der Macht. Berlin, 1978).

⁶ О различии действительности норм в рамках данного правопорядка и действительности самого правопорядка, которая фактически сводится к его действительности и легитимности как условию действительности, пишет Н. В. Варламова (Варламова Н. В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Правовая коммуникация и правовые системы : тр. Ин-та государства и права РАН / под ред. Ю. Л. Шульженко, Н. В. Варламовой. 2013. № 4. С. 94).

Особое значение проблема представительства приобретает в эпоху глобальных вызовов современности, когда происходит рост некомпетентности масс вследствие дифференциации знания. Может ли народ давать компетентные наказания своим избранникам или хотя бы компетентно их контролировать, если признать преимущественность свободного мандата над императивным? Сомнительность положительного ответа вытекает как раз из растущей некомпетентности большинства и манипулируемости общественным мнением¹. Проблема представительства усугубляется также тем, что, как доказал К. Арроу, с одной стороны, результат голосования — единственного способа обеспечить представительство — прямо зависит от процедуры его проведения, а с другой — не существует правила коллективного выбора, удовлетворяющего принципам демократии².

С позиций современной постклассической методологии легитимность права — это не статичная данность, а процесс или механизм постоянного подтверждения принятия права населением. Механизм легитимации права предполагает объяснение его формирования, воспроизводства и изменения. Наиболее перспективной для его экспликации представляется методологическая программа критического дискурса-анализа, составленная, например, Н. Фэркло. Она предполагает, во-первых, анализ дискурсивной практики, то есть связи текста (в нашем случае — текста права) и социальной практики. Предполагается выявление того, как именно социальная практика производит и интерпретирует текст. В этом, например, преуспели сторонники школы критических правовых исследований США, показав, кто фактически является законодателем. Во-вторых, интердискурсивный анализ исследуемого текста, его включенность в систему текстов, жанров и практик. В-третьих, критический дискурс-анализ направлен на измерение дискурсивного события — социальной практики. Основной интерес — отношения власти и идеологии³.

Эвристически ценным вариантом применения критического дискурса-анализа в юриспруденции является программа судебной лингвистики А. С. Александрова. По его мнению, «реальное право» есть результат речевого взаимодействия; это эффект дискурса, то есть психолингвистический феномен, который существует в психике говорящего и слушающего. Психолингвистический феномен права неотделим от языка-речи в смысле совокупности возможных контекстов интерпретации текста закона. Интерпретация, понимание, доказывание в суде по своей природе риторичны; действуют фигуративный строй языка, а также идеологию. <...> Судебная истина — это то, что принимают за истину говорящие на данном языке; она обусловлена состоянием речевого знания в данную эпоху. Судебная истина есть одно из средств, употребляемых властью для упорядочивания общественных — речевых — отношений. Само уголовно-процессуальное право, упорядочивающее порядок судебной речи, выработалось

в ходе развития речевой деятельности в обществе. Полагая, социальность имеет языковую природу. Нормативность производна от грамматичности, истинность — от риторичности»⁴.

В другой работе А. С. Александров заявляет: «Посредством риторики законодатель убеждает в “правости” закона общество. <...> Право делает правом речь, судебный дискурс. Если это эффективный, убеждающий дискурс, то есть он воздействует на публику (аудиторию), значит, в тексте закона инсталлируется реальное право. Когда обыватели верят в судебную истину (справедливость приговора), тогда право выполняет свою функцию нормирования, упорядочивания в обществе. Риторическая рукоять (дискурс суда) приводит в действие механизм права = текста»⁵.

Существование (то есть действительность) права, его нормативность, с моей точки зрения, — это результат борьбы социальных групп за право юридической номинации — квалификации социальных ситуаций как юридически значимых. Такая борьба за право «юридической гегемонии» включает «первичный произвол» лица, обладающего социальным (включая в современном мире и формально-юридический) капиталом, конструирующий новый правовой институт. Затем эта инновация с помощью механизмов символической манипуляции общественным сознанием легитимируется среди широких народных масс, хабиитуализируется (опривычивается) и начинает выдаваться за «естественный порядок вещей», то есть происходит «амнезия происхождения» сконструированного элитой и референтной группой правового института. При этом принципиально важно, что инновация становится правовым институтом, если она функционально значима. Только благодаря определенной эффективности правило поведения будет легитимировано и начнет воспроизводиться широкими народными массами. Последнее как раз и является показателем легитимности права.

Легитимность права, следует согласиться с А. В. Поляковым, достаточно сложно измерить. Границы легитимности условны и изменчивы; они простираются от полного доверия до критического отношения к соответствующему институту права. Механизм воспроизводства (как инновационного, так и традиционного) легитимности права образуют дискурсивные практики социальных групп в борьбе за право официальной номинации социальных явлений, в том числе юридической квалификации. Именно победитель с помощью символической власти номинации «убеждает» население в легитимности соответствующей картины мира, правовой реальности. До тех пор пока широкие массы населения открыто не выступают против такой картины мира, в данном социуме имеет место легитимность как содержание диалогичности.

Только прояснение того, как происходит легитимация правопорядка, позволит выявить и устранить или нивелировать факторы, способствующие отчуждению населения от права.

¹ О манипулируемости общественным мнением см.: Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997.

² Arrow K. Social Choice and Individual Values. N. Y., 1951.

³ Fairclough N. Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. L., 1995.

⁴ Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 16.

⁵ Александров А. С. Текст закона и право // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе : сб. науч. тр. / редкол.: А. Л. Савенок (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2012. С. 123, 125.

В. А. Энтин¹

МИРОВОЙ ПОРЯДОК, МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1. В учебной и научной литературе утвердился своеобразный канон. Международное право рассматривается как автономный правовой феномен, действующий и развивающийся в рамках юридической науки. Это удобно в прикладных целях изучения публичного и частного права, но мешает пониманию существенных особенностей функционирования международного права. Отсюда горькие сетования на кризис международного права, его развал, попрание основополагающих принципов, зафиксированных в универсальных международных конвенциях. Между тем международное право является лишь функциональной подсистемой системы более высокого уровня, каковой является мировой порядок.

2. Связь с мировым порядком, который трансформируется без формального пересмотра институциональной системы, обслуживавшей предшествующее мироустройство, обуславливает особенность международного права как сравнительно самостоятельной культурно-исторической подсистемы. Ориентация международного права на интересы системы более высокого уровня, каковой является миропорядок, делает невозможным полное подчинение международного права как нормативно-правовой подсистемы мирового порядка национальному видению или восприятию норм и институтов международного права. Вместе с тем воздействие мягкой силы государства-гегемона или группы стран, связанной с ним союзническими отношениями, сказывается на стилистике и трактовке норм международного права, в том числе на формировании набора клише и представлений, получающих наибольшее распространение в мировом информационном пространстве.

3. Международное право зародилось как ответ на потребности и вызовы сотрудничества между государствами и государствовподобными образованиями. Вместе с тем в силу исторических причин возникновения *jus gentium* как права народов, вошедших в состав или сферу влияния Римской империи, международное право опосредовало и фиксировало соотношение сил в международных отношениях главным образом внутри *raх homina*. Иллюзия континуума и преемственности норм и институтов поддержи-

валась расширением сфер сотрудничества, которое шло в привычных формах, тогда как значение содержательных изменений в характере субъектов правоотношений нередко вуалировалось сохранением форм и ритуалов.

4. Историческая дискретность международного права, его привязка к конкретным условиям места и времени преодолевается с помощью избирательности применения отдельных принципов международного права в ущерб остальным либо в строго ограниченных географических или ситуационных рамках. Произвольное расчленение корпуса международного права на обособленные *ad hoc* решения, предназначенные только для строго конкретного случая, усиливают позиции тех, кто считает международное право не более чем проекцией мирового порядка. Причем проекцией, формируемой и артикулируемой в теоретических представлениях и нормах национального права. В результате восприятие и преподавание международного права гораздо в большей степени подчинено национальным культурным особенностям, чем отраслевые правовые дисциплины.

5. Пока развитие международного права шло в рамках ориентации на один центр силы, экономического и культурного преобладания, национальное право преобладающего государства проецировалось на мироустройство и соответствующее ему международное право. Географическая дискретность международного права объяснялась слабостью или отсутствием устойчивых взаимосвязей между странами и регионами. В условиях роста изменчивости международных отношений, нарастания сфер сотрудничества происходит резкое количественное увеличение массива норм, вытекающих из обычаев международного обмена в различных сферах профессиональной деятельности, признаваемых субъектами международных отношений.

6. Переформатирование системы международных отношений сопровождается катаклизмами, меняющими привычные темпы развития международного права, и требует юридического закрепления на международных форумах, подводящих черту под событиями, изменившими мир. На подобных международных конференциях создаются международные организации и институты, связанные с тем мировым порядком, каким он был на момент их создания, а далее их основной задачей становится исполнение возложенных на них функций, но исполнение таким образом, который обеспечивает сохранение и увеличение численности обслуживающего их персонала. Институциональная инфраструктура международного порядка, сложившегося в конкретных исторических условиях, продолжает существовать и после изменения этих условий. Разрыв между реалиями, сложившимися на глобальном и региональном уровне, и институциональной инфраструктурой снижает эффективность ее функционирования

¹ Директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат юридических наук. Автор более 120 научных публикаций на русском, английском и французском языках по правовому положению СМИ, авторскому праву и смежным правам, в т. ч.: «Европейское право» (гл. 30–31), «Адвокатура. Сборник лекций» (в соавт.), «Комментарий IV части ГК РФ» (в соавт.) и др. Один из авторов законопроектов: «О печати и других средствах массовой информации», «Об архивах и архивном деле», закона России «О средствах массовой информации». Участвовал в разработке закона России «Об авторском праве и смежных правах». Эксперт ЮНЕСКО по авторскому праву и праву СМИ. Член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике» и Совета по внешней и оборонной политике. Действительный член Международной академии сравнительного права (Франция).

и множит попытки односторонних действий в обход международного права.

7. Создаваемая на основе делегированных государствами полномочий нормативно-правовая база международного сотрудничества носит узкоспециализированный характер. Дабы уйти от политического соперничества государств-членов, международные организации вынуждены ориентироваться на замкнутую группу экспертов и посвященных, в силу своей профессии ориентированных на политико-правовые установки страны, представителями которой они являются, в результате чего особенности национального права ведущих экспертов проецируются на международно-правовые нормы. Культивируемый международными организациями миф о нейтральности работающих в них чиновников не выдерживает столкновения с реальностью, когда речь идет о политическом интересе государств, гражданами которых они являются.

8. Углубление сотрудничества между государствами на региональном уровне привело к своеобразному синтезу в стиле *fusion* национального и международного права, в результате чего возникло такое своеобразное явление, как интеграционное право. Оно характеризуется рядом специфических черт, к которым относятся: предоставление наднациональной компетенции в различных областях деятельности интеграционным структурам; провозглашение самобытности и автономного характера права интеграционного объединения (как было сделано Европейским Союзом в отношении права ЕС). Более того, в учредительных актах Европейского Союза подчеркивается, что единственным институтом, обеспечивающим общеобязательное толкование и единообразное применение права ЕС, является Суд ЕС. Это означает, что право ЕС, действуя на территории государств-членов, не подчиняется ни национальному праву государств ЕС, ни международному праву.

9. Вместе с тем интеграционное право действует и подлежит применению национальной судебной системой, замещая национальное право в тех сферах, которые урегулированы правом ЕС. В отношении областей специальной компетенции и сфер продвинутого сотрудничества создаются инструменты собственно права ЕС, каковыми являются товарный знак ЕС, про-

мышленный образец ЕС, а по завершении процедуры ратификации — Унитарный патент ЕС. Таким образом, в сфере интеллектуальной собственности в ЕС создается двухуровневая система правовой охраны объектов интеллектуальной собственности. Привычные национальные правовые инструменты вступают в конкуренцию с создаваемой системой защиты промышленной собственности, функционирующей на всей территории Европейского Союза и обеспечивающей более высокую степень защиты правообладателя (в том числе от национального права и национальной системы правоприменения).

10. Наличие на территории государств — членов ЕС интеграционного права рассматривается как важнейший элемент мягкой силы, позволяющей Западной Европе на равных разговаривать с Китаем и США. Вместе с тем в таком диалоге нередко звучат менторские нотки. В письме Французского центра сравнительного права № 74, датированном январем 2015 года, отмечается, что пора отказаться от привычного анализа азиатских и иных неевропейских правовых систем под углом зрения степени рецепции западных норм и стандартов как показателей модернизации. За национальными правовыми системами стран Азиатско-Тихоокеанского региона признается достоинство, что они обеспечили беспрецедентный экономический рывок. Следовательно, при выработке международных стандартов нужно отходить от однобокой ориентации на опыт США и Европы и более внимательно относиться к лучшим практикам (*best practices*) других стран.

11. Интеграционное строительство на территории бывшего СССР в значительной мере опирается на более бережное отношение к национальному суверенитету, чем в Европейском Союзе. Наделение Евразийской экономической комиссии определенными наднациональными полномочиями в рамках проекта создания Единого экономического пространства, куда вошли Россия, Белоруссия, Казахстан и Армения, к которым с 23 мая 2015 года присоединится Киргизия, переформатирование Суда Евразийского экономического сообщества в Суд Евразийского экономического союза свидетельствуют о намерении развивать интеграционное право, действующее на территории стран-участниц.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Т. Л. БАТАЛОВА директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан)
- Г. Г. БЕРНАЦКИЙ профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- В. Г. ГРАФСКИЙ главный научный сотрудник, заведующий Сектором истории права, государства и политических учений Института государства и права РАН, член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы РФ, доктор юридических наук, профессор
- А. А. ДОРСКАЯ заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- А. С. КАРЦОВ профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук
- С. А. КОМАРОВ заведующий кафедрой теории государства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор
- В. В. ЛАПАЕВА советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- Е. А. ПЕТРОВА доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук
- Р. А. РОМАШОВ декан юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- К. Е. СИГАЛОВ директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД РФ, доктор юридических наук
- В. М. СЫРЫХ заведующий отделом теории и истории права и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Е. В. ТИМОШИНА профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук
- Е. Н. ТОНКОВ старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге, кандидат юридических наук
- В. В. ТРОФИМОВ профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук
- И. Л. ЧЕСТНОВ профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ
- В. Л. ЭНТИН директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат юридических наук

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Вчера на пленарном заседании мы услышали много интересных выступлений. Сегодня нам предстоит обсудить более узкий круг проблем, связанных с правом. Просмотрев программу, я нашел ее очень интересной. Для обсуждения предлагаются вопросы, связанные с философией права, с проблемами национального и международного права. Еще один вопрос, чисто российский: кто виноват и что делать, или каковы пути развития российского законодательства? Предлагается также обсудить вопросы, связанные с возможными тенденциями международно-правового регулирования. Это темы, которые мы затронем сегодня.

В рамках выступлений могут быть различные точки зрения, и это правильно. Лихачевские чтения для того и собираются, чтобы мы искали истину, это их отличительная черта. Между тем один вопрос в программе сформулирован утвердительно. Думается, что он является одним из фундаментальных для дальнейшего обсуждения, поэтому я хотел бы обратить на него особое внимание: «Национальное право как автаркия и сегмент системы международного права». По-моему, требует обсуждения второе качество: как сегмент системы международного права. Мы можем строить любые изящные и логичные конструкции, это неотъемлемое условие права в его теоретическом и философско-правовом контексте. Тем не менее необходимо осознавать реалии, которые сформировались не в чьем-то сознании, а в действительности, в первую очередь на Европейском континенте.

Международное право возникло только тогда, когда появились равные среди равных, когда государства, в которых действовали свои нормы права, смогли заключать в большей или меньшей степени равноправные договоры. Поэтому изначально право начинает развиваться как право национальное (внутригосударственное). И только вопросы, связанные с необходимостью взаимодействия народов и правовых систем, порождают потребность в создании иной совокупности норм — того, что мы сегодня называем международным правом. Поэтому я предлагаю изначально задать установку, что национальное право является сегментом системы международного права. Но моя точка зрения не вполне отражает реальную историю развития права в целом — как национального, так и международного. В связи с этим, думается, правильнее было бы говорить о взаимодействии систем национального и международного права, нежели априорно настаивать на подчиненности, потому что каждое из них также является системой.

Возможно, кто-то из коллег постарается выстроить определенную иерархию и установить подчиненность. Но, думается, для того чтобы прийти к пониманию того, что есть изначально, а что — подчиненное, необходимо начать с исследования вопроса, связанного с взаимодействием, а не с вопроса о субординации.

А теперь предоставляю слово Владимиру Георгиевичу Графскому.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Прежде всего я хочу обратиться к широко употребляемому термину «толеран-

ность». Двадцать лет тому назад ЮНЕСКО опубликовало Декларацию принципов толерантности. В этом документе приводится перечень позиций, которые характеризуются агрессивностью, насилием, непримиримостью, унижением. Все эти проблемы возникают, в частности, на религиозной или национальной почве и требуют продуманной реакции, которая будет снижать напряженность, созданную проблемами в отношениях между людьми и целыми народами. Особенность наших нынешних обсуждений состоит в том, что мы не сопоставляем глобализацию и национальные интересы. Речь идет о том, каким образом все это совмещать и решать проблемы, возникающие в процессе глобализации или, напротив, в связи с национальным обособлением или провозглашением принципов, нарушающих взаимопонимание между народами. Поэтому хорошо, что мы настроены на позитивное обсуждение, позволяющее выстраивать конструкции по улучшению, интериоризации социальных напряженностей, которые существуют в мире и внутри отдельных государств.

Вчера во время пленарного заседания один из участников напомнил известный афоризм: XX век — это век конфликтов. Действительно, с начала до конца века — сплошные войны. А XXI век — это век договаривающихся людей и народов. Таким образом, одна из определяющих черт нынешнего века — настроенность на согласие, преобладающее ожидание — достижение взаимных договоренностей.

Как представляются интериоризация или возможные позитивные сдвиги в области снижения нетерпимости? Думаю, что в этом деле один из необходимых инструментов, проверенных веками, — право, правовые институты: законность и правосудие, то есть справедливый суд. Это проверенные помощники в деле достижения взаимопонимания и уменьшения конфликтности как между отдельными людьми, так и между народами. Необходимо также учитывать некоторые принципы, которые распространяются на область функционирования правовых институтов. Во-первых, мне представляется, что и в понимании права, и в оценке отдельных правовых институтов не хватает одного слова, которое почему-то исчезло из нашего обихода. Это слово «справедливость». Я считаю, что право — это такое требование, в котором есть элементы и законности, и справедливости. Если закон не очень хорош, то справедливость поможет решить, как его улучшить. Но в наборе характеристик справедливости должно быть что-то легкоузнаваемое. Допустим, равенство перед законом и судом как принцип правовой справедливости. Во-вторых, еще древние юристы утверждали, что право — это искусство. Искусство доброго и справедливого. Думаю, что характеристика всех юридических учреждений под этим углом зрения тоже имеет смысл. Творческая задача для всех нас — постараться найти «перевод» этих принципов на язык современных реалий.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Владимир Георгиевич! В современном мультикультурном обществе есть много культур, разные цивилизации, возможно, универсаль-

ная справедливость, если ее трактовать в формальном юридическом контенте, для которого справедливость — это равенство перед законом. Но это не только формальный принцип. Возможна ли содержательная справедливость в мультикультурном сообществе?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Вопрос непростой, боюсь не справиться с ответом. Как сделать мультикультурное общежитие дружественным и перспективным? Мы с вами, уважаемые коллеги, об этом мало думаем. Вот Илья Львович заинтересовался, Гадис Абдуллаевич в онтологии права обращается к этим вопросам. Но в решении этой проблемы должны участвовать не только правоведы, но и философы, социологи, психологи. Наверное, в скором времени так и будет. Было бы идеально, если бы право стало добрым и справедливым. Человек не может жить без ориентиров, которые возвышаются над житейскими мелочами. Поэтому считаю, что к этому вопросу надо подходить с помощью какой-нибудь «надъюридической» конструкции. Какой она будет и как ее назвать — это предмет для глубокого размышления и творческая задача.

В. Л. ЭНТИН: — Владимир Георгиевич, в своем докладе, опубликованном на сайте, Вы говорите, что идея мирового правительства сулит незавидную участь народу, который окажется под прессом кучки банкиров и наемных интеллектуалов. Но можно ли быть уверенным, что такая же участь не постигнет людей, чья страна управляется национальным правительством? И второй вопрос. Говоря о преемственности развития правовых идей, Вы указываете на поразительную схожесть прав и свобод, прописанных в Декларации независимости Соединенных Штатов Америки и Конституции Японии. Однако известно, что Конституция Японии была написана в штабе оккупационной армии...

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Но она живет и действует уже более полувека.

В. Л. ЭНТИН: — Да, она считается японской, а текстуальное совпадение вполне объяснимо. Это обусловлено не ментальным сходством, а тем, что поверженная Япония приняла все условия победившей стороны.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Можно также вспомнить, что слово «демократия» — не русское, а заимствованное, и сделать вывод, что кто-то навязал всем его употребление. Что касается мирового правительства, то еще классики говорили, что все зависит от расклада политических сил, как и в рамках нации. Понятно, что сегодняшнее гипотетическое мировое правительство будет формироваться определенными заинтересованными силами, имеющими те характеристики, о которых я писал.

В. Л. ЭНТИН: — Я хотел бы напомнить об истоках рассуждений и споров о толерантности. Этот термин стали активно употреблять после межплеменной резни в Африке (я в тот момент работал в постпредстве

России при ЮНЕСКО). Тогда для разжигания вражды были использованы радиостанции, полученные в дар от международных организаций, которые надеялись с их помощью развивать свободу слова и демократию в африканских странах. Тема толерантности возникла как интеллектуальная реакция на произошедшее и сначала имела сугубо прикладное значение. Позднее о толерантности стали говорить в связи с реалиями, складывающимися в развитых мультикультурных обществах.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Еще к вопросу о терминологии. Профессор Энтин рассказал, что во французской Декларации прав человека и гражданина под словами «человек» и «гражданин» подразумевается исключительно мужчина. Получается, что на женщин эти права не распространяются. А в нашем сегодняшнем словаре есть термин «уголовное право», которое можно понимать двояко, в том числе как «право уголовника».

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Владимир Георгиевич, когда мы говорим о стремлении к толерантности в условиях глобализации, то понимаем, что речь идет о явлении в глобальном масштабе, и не только на теоретическом уровне. Реализация идеи толерантности возможна на практике, хотя это очень сложный путь. Но когда мы вводим понятие справедливости (даже без участия философов), мне все же думается, что его можно рассматривать в региональном смысле, например можно говорить о евросправедливости. При всем многообразии взглядов и традиций государства включают этносы, субэтносы и т. д. То есть можно найти общее для всех. И это демонстрируется теми усилиями, которые предпринимаются в Европе. Но совсем другое дело — рассуждать о справедливости в глобальном плане. Что Вы думаете о справедливом праве в условиях глобализации?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Как определить, что справедливо в международном, государственном, семейном праве? Одного из древних законодателей однажды спросили, почему он в своих законах не упоминает о демократии. На что он ответил: «Вы вначале у себя в семье добейтесь демократии, а дальше посмотрим». Думаю, что и справедливости надо достигать так же: сначала в семье, потом в государстве и только после этого — в международном общении.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Валентине Викторовне Лапаевой.

В. В. ЛАПАЕВА: — Уважаемые коллеги, тема проблем национального суверенитета в рамках глобально мироустройства резко актуализировалась в рамках идущего сейчас международного кризиса, связанного с событиями на Украине. Но истоки этого кризиса гораздо более глубокие. Они восходят к краху социалистической системы, приведшей к слому биполярного мира, в рамках которого до недавнего времени держалась политическая стабильность. Сейчас эта стабильность рухнула, сложилась крайне напряжен-

ная и опасная ситуация, которая демонстрирует всем нам, что проблема национального суверенитета по своим масштабам, глубине и актуальности выходит далеко за рамки той сферы юридического знания, которая обозначается как международное право. Это проблема, о которой сейчас должны заботиться специалисты самого разного профиля.

На Западе уже в течение нескольких десятилетий, как минимум с образования Лиги Наций, проблемы национального суверенитета находятся в центре широких, очень мощных философских дискуссий о перспективах развития глобального правопорядка. Мы же этой проблемой озаботились только сейчас. В апреле этого года был проведен Московский юридический форум, посвященный проблемам национального суверенитета. Большинство отечественных специалистов, выступавших там, критикуют популярную на Западе концепцию ограничения национального суверенитета и, в общем, верно говорят о том, что когда государства объединяются в некий союз, то они передают в многонациональную структуру не часть суверенитета, а полномочия. Суверенитет при этом сохраняется.

Однако надо все-таки понять, что происходит с национальным суверенитетом, как меняется его природа. Если какие-то полномочия передаются наверх, в многонациональный орган, то природа национального государственного суверенитета не остается прежней. Нужна новая концепция суверенитета, которая бы адекватно описывала эти реалии, и поскольку такой концепции нет, ее надо разрабатывать. Думаю, что в ее основу может быть положена идея объединенных суверенитетов, высказанная в ряде работ председателя Конституционного Суда РФ Валерия Дмитриевича Зорькина. Чтобы пояснить ее суть, я должна обратить внимание на один тонкий момент.

Впервые эта идея была сформулирована в его статье «Апология Вестфальской системы». В сущности, идея объединенных суверенитетов ориентирована не на Вестфальскую систему, от этой модели взято лишь признание государственного суверенитета, несущая конструкция международного правопорядка. На самом деле эта идея ориентируется на кантовский проект Всемирного Союза Суверенных Республик — такого образования, в котором, как говорил Кант, каждое, даже самое маленькое государство могло бы рассчитывать на свою безопасность и соблюдение прав не за счет собственных сил, а благодаря этому великому союзу народов, его объединенной мощи. Такой подход, писал Нерсисянц, означает ограничение не суверенитета государств, а произвола сильных и переход от прежнего силового суверенитета к правовому, в рамках которого обеспечивается признание прав человека, малых наций и т. д.

Вестфальская же система, напротив, основана на силовой концепции ограничения суверенитета. Это хорошо видно на примере ялтинско-потсдамской версии этой системы, когда за равноправными, казалось бы, договорами в рамках международного права скрывалось то, что вся система глобального порядка держалась на паритете экономических и военных сил двух сверхдержав, а в конечном счете — на ядерном пари-

тете. Реальным, то есть полным суверенитетом обладали только сверхдержавы, а суверенитет всех остальных стран в той или иной мере был ограничен.

Таким образом, две теоретические конструкции — объединенных суверенитетов и ограниченных суверенитетов — ориентированы на принципиально разные проекты глобального мироустройства, которые в общем виде можно обозначить как правовой и силовой. Если правовой, условно говоря, кантовский проект — это светлое будущее человечества на отдаленную перспективу, то силовой проект глобального мироустройства — это то, что нам придется реализовать в ближайшее время. При этом перед нами два варианта: с одной стороны, однополярный мир, где доминирует одна держава, обладающая полным суверенитетом, а суверенитет остальных ограничен, с другой — многополярный мир с несколькими центрами силы. Думаю, что при построении суверенитета надо иметь в виду и стратегический ориентир глобального мирового развития, заданный модернизированным кантовским проектом, и более скромные возможности с точки зрения права, которые предоставляют нам современные реалии.

Разрабатывая современную национальную концепцию государственного суверенитета, важно опираться на богатую философско-правовую традицию осмысления этой темы. Обозначу несколько наиболее ярких и плодотворных, на мой взгляд, дискуссий по проблемам национального суверенитета, которые имели место в мировой философии права. Прежде всего это спор Гегеля с Кантом. Гегель, как известно, не принял кантовский проект вечного мира и считал, что суверенитет — это право государства, заслуженное в войне. Другая пара авторов, ближе к нашему времени, — Ганс Кельзен и Карл Шмидт. Консерватизм Шмидта сейчас становится очень востребованным, он помогает глубже понять целый ряд проблем нынешних глобальных отношений. Наконец, последняя группа (это уже наши современники) — классический европейский интеллектual Юрген Хабермас и влиятельный американский философ Джон Роулс, которые спорят о доктрине гуманитарных интервенций или, как сейчас говорят, ответственности по защите. Нюансы их взглядов показывают полюсы разногласий в рамках евроатлантического пространства. Это очень интересно для понимания сути происходящих сейчас событий.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Валентина Викторовна, Вы относитесь к понятию «национальный суверенитет» как к сугубо юридическому или считаете, что это междисциплинарное понятие и, значит, им могут пользоваться социологи, философы, историки? Вы считаете, что моделей национального суверенитета столько же, сколько государств? Или это просто правовая фикция, а реально суверенных государств может быть в десятки раз меньше?

В. В. ЛАПАЕВА: — Я считаю, что это философско-правовая категория, и философия права может опираться на кантовские идеи, разрабатывая всемирную концепцию национального суверенитета, которая когда-то может быть востребована. Но сейчас каждое государ-

ство будет выстраивать эту концепцию с учетом своих национальных интересов. Я считаю, что это правильно. И нам тоже надо суметь сформировать такую концепцию, развить ее в философско-правовом, а потом в международно-правовом научном дискурсе, затем на дипломатическом уровне и т. д. Над этим надо работать. Я хотела сказать, что есть философская перспектива, но есть и национальные интересы. И в настоящее время нам нужна своя государственная концепция национального суверенитета, в которой будут учтены эти интересы.

России надо снова становиться полюсом биполярного мира, потому что ситуация очень опасная. Но для этого требуется стать сильной, то есть провести большую работу. Если Россия не сумеет стать таким полюсом, то нас ждут тяжелые времена.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Илье Львовичу Честнову.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Глобализация всегда сопровождается локализацией, в связи с этим английский социолог Роберт Робертсон даже придумал термин «блокализация». А возможна в условиях глобализирующегося мира всеобщая, универсальная и одновременная содержательная конституция? Ведь Канта можно читать по-разному. Например, Юрген Хабермас в его работе «К вечному миру» увидел идею необходимости всемирной республики, правда, оговаривается он, без всемирного правительства. Такой интересный момент. Всемирная республика как союз суверенных субъектов — это тонкий вопрос. В чем проблема? Как пишет сам Хабермас, Кант страдал дальтонизмом и антиисторизмом и не принимал во внимание мультикультурализм, от которого сегодня невозможно отмахнуться. То есть можно не считать, что требуется законодательство, регулирующее культурную специфичность, но объективная реальность заключается в том, что мир состоит из многообразия культур. Это сложный вопрос, не имеющий решения в настоящее время.

И все же — возможна ли универсальная и при этом содержательная конституция? Кант утверждал, что да, возможна. Он полагал, что можно взять за основу американскую и французскую конституции и доработать их для международного сообщества. Юрген Хабермас, живущий в другое время в условиях, как он пишет, постметафизического мышления, считает, что такая конституция невозможна, и утверждает, что к конституции могут быть применены только процессуальные критерии. Это его знаменитая делиберативная теория, теория обсуждения. Это может быть отчасти близко к экономическому анализу права. То есть конституция — это не принцип устройства, а процедуры, с помощью которых вырабатываются содержательные принципы, позволяющие обсуждать различные вопросы и достигать консенсуса. Я бы назвал эту делиберативную теорию неклассической. Юрген Хабермас, последний из великих философов, наверное, с этим бы не согласился, хотя его термины «постметафизическое мышление» и «общество высокого модерна» дают основание для такого определения.

На мой взгляд, сегодня уже наступила другая эпоха, которая ближе к тому, что можно называть постнеклассикой (термин, введенный академиком Степным). С точки зрения постнеклассики высказываются некоторые сомнения по поводу универсальной процессуальной теории Юргена Хабермаса, которая, как ни странно, основывается на работах Роберта Алекси — известного немецкого юриста и теоретика права. Хабермас, цитируя Алекси, приводит его суждения, например, что каждый человек из общности (по-немецки *Öffentlichkeit*) может принять участие в обсуждении и должен быть услышан. Мнение любого человека должно быть донесено до некоего президиума. Побеждает та точка зрения, которая оказывается убедительной для большинства. Приблизительно к этому сводятся упомянутые процедуры. Но здесь возникают вопросы. Прежде всего: кто будет определять, какую точку зрения донести до президиума, а какую не надо? Но главное другое: как выявлять победителя? Какую точку зрения из конкурирующих следует считать правильной? Юрген Хабермас пишет, что победитель не должен быть известен заранее, он определяется в процессе делиберации. Тем не менее — кто будет определять победителя? И есть ли гарантия, что наиболее популярная точка зрения является единственно верной?

Одним из принципов постклассики является принцип неопределенности: единственно верной точки зрения быть не может, потому что любое социальное явление амбивалентно, имеет как плюсы, так и минусы, отдаленные последствия, которые сегодня невозможно просчитать. То, что сегодня представляется целесообразным и эффективным, обязательно будет таковым завтра. В этом смысле авторитетной является Копенгагенская школа международных отношений, отчасти имеющая отношение к международному праву. Утверждается, что угрозы невозможно просчитать объективно и точно, любое социальное явление потенциально опасно в той или иной степени. Определять это должна элита. Например, выбросы парниковых газов в атмосферу представляют экологическую угрозу или нет? Или террористическая опасность — какова ее вероятность в конкретной ситуации? В результате формируются разрешительные или запретительные законодательные акты. К сожалению, приходится констатировать, что универсальная содержательная конституция невозможна. Конституция может быть только формальная.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Илья Львович, Вы говорите, что Кант не мог предвидеть мультикультурализм. Но он жил в Священной Римской империи, включавшей 300 государств. Разве это не мультикультурализм?

И еще сейчас мне вспомнились строки Анны Ахматовой: «Как в прошлом грядущее зреет, так в грядущем прошлое тлеет».

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Как ни странно, хотя до Канта уже были совершены великие географические открытия, в его время доминировала просветительская идея миссии белого человека. Есть абсолютный разум,

существует истина, которую первым открыл просветитель. Он должен просвещать правительство и т. д. Поэтому Кант говорил об универсальности, по крайней мере так утверждает Юрген Хабермас.

В. В. ТРОФИМОВ: — Уважаемый Илья Львович, как Вы считаете, глобализация предполагает межгосударственный либо какой-то иной межсубъектный диалог? Или сегодня это некий каток, который начал движение в Североатлантическом регионе, продолжает катиться по всей планете, и никакой диалог при этом неуместен, а просто постепенно охватывается все больше новых территорий?

И. А. ЧЕСТНОВ: — Диалог, несомненно, возможен, более того, перспективен. Но есть разница между должным и сущим. То, что должно быть, не обязательно есть. Но к этому надо стремиться, поэтому я за диалог, причем его границы могут быть достаточно сложно определяемы содержательно — от полного доверия до простого уважения к мнению другого. Это тоже можно рассматривать как диалог при отказе от агрессивного насилия.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Небольшая ремарка. Мы прослушали несколько докладов. Обратите внимание, что мы рассуждаем о глобализации, рассматривая с разных точек зрения реалии европейского континента. Я согласен, что этот процесс распространяется с северо-запада. Но давайте не забывать, что оттуда она продвигается на юго-восток, где живут народы с другой философией и собственными представлениями. Северо-западный ветер не ограничивается Уралом. Это тоже проблема, связанная с будущим развитием и выбором дальнейшего пути. Пожалуйста, Александр Сергеевич Запесоцкий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Я очень рад, что здесь присутствуют не только выдающиеся юристы, но и незаурядные мыслители. Это хороший пример для наших студентов, которые делают первые шаги в юриспруденции. Шансы на профессиональный успех есть только у людей с чрезвычайно высоким личностным развитием, а тех, кто знает свою профессию как ремесло, ждет роль ассистента, чем бы вы ни занимались.

Проблема, которую мы обсуждаем, — национальное право в условиях глобализации — одна из самых острых в юридической повестке дня и во всей жизни России и ряда других стран. На днях мне довелось беседовать с лордом Мойнихеном, и он рассказал, что в британском парламенте сейчас ведется большая дискуссия на тему выхода из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека и ограничения судебного процесса национальной юрисдикцией. Мы связываем то, что происходит на юридическом небосклоне, с политической волей наших властей и их якобы нежеланием вписываться в общецивилизационные процессы. Но это, мягко говоря, не совсем правильно. Проблема гораздо более объемна и сложна. Мойнихен сказал, что парламент посвятит ее обсуждению много време-

ни, вероятно, более ста часов. Лично он, как лорд, будет выступать против, потому что если не соблюдать какие-то положения, то и другие страны сделают то же самое, произойдет разрыв правового пространства, ситуация в мире усложнится и т. д. Но лучшие юристы Англии — члены Консервативной партии — считают, что надо выходить из системы.

У России свои сложности в отношениях с Европейским судом по правам человека. Генри Маркович Резник выступает за то, чтобы оставаться под его юрисдикцией, но в среде его коллег на эту тему существуют серьезные разногласия. Право не изолировано не только от политики — оно не является изолированным от культуры. Вопрос о том, как национальные интересы и правовые традиции сочетаются с международным правом, очень важен. Мы понимаем, что глобализация будет продолжаться, хотя и в каких-то иных формах. Долгое время она представляла собой распространение влияния Запада на другие страны, и вдруг этот процесс забуксовал. Теперь все проходит иначе. Арабская глобализация не состоялась, потому что арабский мир сейчас активно разрушается при участии Запада. Но азиатская глобализация — это уже явление. Скоро мы увидим важнейшее событие в Азии: Индия договорится с Китаем.

На западный мир огромное впечатление произвел ряд аспектов визита китайского лидера в Москву на День Победы. И Керри не случайно вдруг приехал в Сочи. Идут очень серьезные процессы. Глобализация будет принимать иное измерение. При этом вопросы национального права будут становиться все более актуальными. Я не юрист и не могу сказать, надо ли нам оставаться под юрисдикцией ЕСПЧ, корректировать свою правовую систему соответственно правовой системе Запада. Но я убежден, что эта проблематика будет приобретать все больший масштаб, потому что в мире усиливается регионализация, возрастает роль национального аспекта. Четверть века назад мы и не предполагали подобного хода событий, как не могли и представить, что вновь начнет возрастать интерес людей к религии. Может показаться даже, что в мире что-то идет вспять.

Ученые нашего Университета рассматривают право как очень важную, но лишь относительно самостоятельную подсистему культуры — мировой, национальной, региональной и др. Научно-практическое осмысление правовых проблем возможно только в контексте культурного развития, потому что право, как и экономика, не существует отдельно от культуры. Сегодня мы переосмысливаем тезис Маркса о том, что экономика является базисом, а культура — надстройкой. Считаю, что в Советском Союзе учение Маркса трактовалось не вполне правильно. В связи с этим хочу сказать, что юриспруденция не является «сервисной» структурой относительно экономики и общественных отношений. Право — неотъемлемая часть культуры. И все эти взаимосвязи нам еще предстоит выявить и исследовать. Мы сегодня должны понимать, что, несмотря на всю мощь системы массовых коммуникаций, историческая память народов не стирается. Она живет в нас на уровне инстинктов, бытового поведения, генетической памяти

о поведении наших предков, социальных и этнических групп. И чем больше юриспруденция будет включать эти факторы в поле своего внимания, тем скорее в России наступит торжество права, чего мы все желаем.

Еще раз благодарю вас за участие и желаю вам успехов.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, на пленарном заседании активно обсуждался вопрос, что сейчас представляет нация. В выступлении академика Гусейнова прозвучало несколько важных положений. С какими-то можно безусловно согласиться, другие являются дискуссионными. Первое положение: нация — явление постсословного мира, то есть возникает тогда, когда исчезает сословная стратификация общества. Нация является продуктом демократического развития — с этим я, например, не согласен, потому что считаю, что национальное государство при тоталитарном режиме гораздо более сплоченное и единое, нежели в условиях демократии. Нация является продуктом духовного развития и политического единства. И очень важный момент, затронутый академиком Гусейновым, — нация не есть конец истории. Соответственно мы говорим о том, что за пониманием национального государства, национального права существует еще какой-то элемент общественной организации.

Вчера мы также много говорили о животрепещущей проблеме Украины. Интересно, что при этом мы забыли о конфликте Россия–Грузия. Когда наступает ухудшение, происходит стирание определенной конфликтности. Так вот, как мне представляется, нация — это народ, имеющий свою государственность. При подобном понимании мы можем говорить о том, что применительно к России нужно четко определиться. Россия в своей новой истории пережила три цикла развития национального государства. Это Российская империя, в основу которой были положены идеи иерархии и русского православного государства. В Российской империи существует деление на русских и инородцев, принадлежность определяется конфессией: русский — носитель православной веры. На смену национальной идее, выраженной в национальном праве империи, приходят советское государство и советское право, идею иерархии сменяет идея уравниловки. И если французская Декларация прав человека и гражданина касалась исключительно мужчин, то в России женщина получила гражданские права только после социалистической революции, а до этого, в сущности, ее жизнь определял домострой. Новая конституция основной ценностью провозгласила права и свободы граждан, в том числе детей. Таким образом, на смену русскому православному праву приходит советское. Русский и советский — два разных типа людей. Великую Отечественную войну выиграли не русские, а советские люди.

В настоящий момент идея национального государства и национального права в России переживает переходный этап. Еще раз соглашусь, что нация не есть

конец истории, однако дать характеристику современному национальному праву лично мне представляется в достаточной степени затруднительным. Это, безусловно, не русское право, и президент Путин в своем выступлении на Валдае сказал, что мы не собираемся возвращаться к консервативной монархии. Но мы также не намерены ни строить либеральное государство западного типа, ни возвращаться к советской системе. С учетом всего этого каким является национальное право России в мировом контексте, в соотношении с правом международного сообщества? Таким мне представляется весьма сложный вопрос, ответ на который даст дальнейшее развитие ситуации.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Верно ли я понял, что Вы практически не видите наличия неких общих национально-правовых традиций?

Р. А. РОМАШОВ: — Для России?

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Да. Или Вы признаете, что есть такое понятие, как российские правовые традиции? Мне кажется, что отрицать это понятие — все равно что отрицать нашу идентичность.

Р. А. РОМАШОВ: — Я считаю, что национальной российской традиции не существует. Мы говорим о том, что формальная конструкция «многонациональный российский народ» повторяет формальную конструкцию «многонациональный советский народ». И мы сейчас видим, что ни о какой устойчивой советской традиции речи не идет. Вчера на пленарном заседании упоминали об ошибке Солженицына и Лихачева, которые утверждали, что может рушиться все, кроме устойчивого единства народов, которые образовывали Россию. В Российской империи социогеографической основой русской традиции была структурная часть, именуемая «Европейская Россия». Европейская Россия не как субъект, но как составная часть Российской империи. В Советском Союзе таким условным хранителем национальной русской традиции являлась Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, но формально РСФСР была равна другим союзным республикам.

В настоящий момент в России нет ничего такого, что могло бы стать основой русской идеи, потому что мы имеем национальные субъекты, которые являются основами национальной идеи. На съезде Союза ректоров ректор Северо-Кавказского федерального университета говорил: «При позиционировании граждан России, представителей многонационального российского народа, первое, с чем происходит идентификация, — национальность. Второе — религия. Третье — регион проживания». О том, что они представители единого многонационального народа, вспоминают при помощи подкасок, это пятая-шестая позиция. Но ректор СКФУ говорит, что есть хорошая тенденция, потому что еще несколько лет самоидентификация человека как представителя великого российского народа стояла где-то на восьмом месте. Так что, если мы сейчас говорим о реальной традиции, то духовного единства народа

именно как российского сейчас нет, хотя должно быть, потому что это вопрос существования России как государства и как нации.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Сергею Александровичу Комарову.

С. А. КОМАРОВ: — Роман Анатольевич, а как же быть с той идеей, что Россия — многонациональное государство? Если Вы часто ездите, например, в Финляндию, то знаете, что независимо от того, какой национальности человек — казах, киргиз или таджик, — если он говорит на русском языке, то его воспринимают там как русского. Этим все сказано.

Я хочу поблагодарить организаторов за то, что пригласили здесь выступить. Я 18 лет не был в этом вузе и могу с уверенностью сказать, что с тех пор, как я поставил подпись под аттестацией Университета профсоюзов, очень многое изменилось. Самое интересное то, что стало больше фотографий. Это хорошее культурологическое воздействие на сознание студентов и в какой-то мере — формирование правового сознания.

Если говорить о проблеме, которую мы сегодня обсуждаем, я бы начал с того, что не согласился бы с Генри Марковичем Резником в том, что он вчера ушел от обсуждения одной очень важной проблемы. Он сказал, что мы должны соблюдать международные договоры. Если взять Конституцию и посмотреть ч. 4, ст. 15, то там четко говорится о международных договорах Российской Федерации. Мы, юристы, это прекрасно понимаем. Если мы участники этого международного договора, значит, можем и имеем право его соблюдать и т. д. Но в то же время кто мешает нам выйти из этого международного договора? Я в свое время слушал лекции известного российского юриста Григория Ивановича Тункина в Московском государственном университете. Он говорил так: «Запомните, что международное право и нормы, составляющие его, — это результат согласования воли государств, которые их принимают». Поэтому, если мы с ними согласны, мы их подписали, ратифицировали, то обязательно должны соблюдать. Но мы можем и отказаться от этого международного договора, если он противоречит нашим национальным или многонациональным интересам.

Если я правильно понял, то здесь прозвучало, что в мире только одно сильное суверенное государство — Соединенные Штаты Америки. Я не согласен с этим утверждением. Я говорю студентам первого курса: «Ребята, суверенитет — это признак государственности. Если у государства нет этого признака, значит, нет и государства». Каждое государство суверенно. Вопрос в том, как оно обеспечивает этот суверенитет — с помощью создания особых союзов или принятия соответствующих соглашений и пр. Это уже другой разговор. Российская Федерация принятием 30 марта 1998 года Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» добровольно возложила на себя обязанности по их соблюдению. По этому вопросу мы написали монографию, которая вышла у нас в прошлом году. Она

называется «Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации».

Недавно моя аспирантка защищала диссертацию. Ей задавали много вопросов именно по поводу решений Европейского суда. В частности был задан вопрос: «Как органы местного самоуправления должны учитывать решения и вообще позиции и нормы конвенции Европейского суда? Это же сельские поселения, для которых федеральные и региональные законы — что-то запредельное, не говоря уж о решениях международных судов». Пришлось говорить о том, что у нас вообще-то информационное общество, компьютеры есть везде, даже в самом захудалом сельском совете. И руководитель этого органа местного самоуправления обязан следить, если чего-то не знает — выйти на сайт. Идея очень простая: эти сайты на английском, французском и других языках Организации Объединенных Наций, а на русском нет. Моя аспирантка предложила: надо сделать русскоязычный сайт, чтобы обеспечить доступность этих идей для наших граждан и органов местного самоуправления.

За последнее время в рамках Совета Европы разработано более 170 многосторонних конвенций, соглашений, протоколов, что равно в принципе 100 тыс. двусторонних соглашений. Цифра очень большая. Возникает вопрос: как это отследить, отмониторить, определить, что нам нужно, а что нет? Просто механически перенести это на свою почву, думаю, было бы нерационально. Поэтому здесь нужно учитывать, что это обоюдный процесс. С одной стороны, мы, так сказать, присоединяемся к нормам международного права, включаем их в свою правовую систему, но с другой — разве наше национальное право не может оказывать влияние на соответствующие нормы международного права? Может и должно. В этом как раз и есть обоюдность. Это, так сказать, улица с двусторонним движением. Поэтому не только проникновение норм права международного уровня в правовые системы отдельных стран, но и обратное влияние национальных правовых систем на процессы подготовки к последующему действию норм международного права — общепризнанный принцип международного права.

Я хочу объяснить, что собой представляет правовая инфильтрация. Я автор этого термина, и меня ругают, зачем нам нужны новые термины и т. д. Я сошлюсь на имеющиеся термины, и международники, думаю, со мной согласятся. У нас есть и имплементация, и трансформация, и инкорпорация, и отсылка, и адаптация, и рецепция. А инфильтрация как раз тем и характерна, что отбирает, выбирает то, что нам нужно, что соответствует нашим интересам. В зависимости от этого мы в той или иной форме можем эти нормы учитывать. Поэтому здесь нужно вести речь об экстрагировании правовой нормы, причем нормы в целом или только ее части. Но при этом, с моей точки зрения, обязательно должны соблюдаться определенные условия. Во-первых, эти нормы должны соответствовать нашей Конституции, которая закрепляет наши интересы. Во-вторых, согласие должно быть явно выражено, то есть должен быть принят нормативный правовой акт, соот-

ветствующий нашим национальным процедурам правотворчества. В-третьих, должен быть составлен специальный ратификационный акт, которым мы признаем, одобряем, обязуемся и т. д. И последнее: не должны быть включены нормы, которые противоречили бы нашей Конституции, конституционно-федеральным, федеральным законам и т. д.

Поэтому мы обязательно должны учитывать те позиции и ту практику, которая есть у того же Европейского суда, или положения конвенции. Но в то же время возьмите правовые системы. Они же разные. Европейский суд тоже создает прецеденты. Я не буду на этом останавливаться. Относительно нашей правовой системы моя позиция очень простая: должно быть руководящее разъяснение Пленума Верховного Суда; решение, постановление, определение Конституционного Суда. Проблема, которая очень интересна для теоретиков, особенно для правоприменителей, — аналогия закона, аналогия права. Какое право должно действовать? Какие принципы и в какой степени должны применяться в нашем законодательстве — только ли принципы нашего национального права или международного права тоже? В третьем номере «Юридической мысли» мы поместили статью, в которой высказали хорошую идею. Мы решили эту проблему выставить на всеобщее обозрение. Выложили ее на сайте нашего института для того, чтобы можно было с ней ознакомиться.

В заключение отмечу, что проблему соотношения международного и национального права нужно рассматривать с точки зрения того, что есть общее — это нормы международного права как результат согласования воли и интересов самых разных государств; особенное — это правовые системы, существующие на территории земного шара; единичное — это конкретное национальное право соответствующего государства. Ну и, как говорил Андрей Иванович Денисов, мой научный руководитель, есть еще и уникальное — это то, что присуще тому или иному конкретному явлению, например, законодательство соответствующего субъекта Российской Федерации, если это федеративное государство.

Е. А. ПЕТРОВА: — Сергей Александрович, Вы неоднократно упоминали международные договоры, обязательность их применения для Российской Федерации и необходимость того, чтобы Россия как-то выразила свое согласие на это. Но ведь нормы международного права могут содержаться и в международных обычаях. Как, по Вашему мнению, в этом случае учитывать эти нормы и вводить их в нашу правовую систему?

С. А. КОМАРОВ: — Думаю, очень просто. Одним из условий действия той или иной нормы должен быть соответствующий акт, который мы принимаем в установленном порядке. Если в основе лежит международный правовой договор — пожалуйста, но только если мы его включаем и делаем обязательным для себя.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — В любом случае без воли государства, без согласования с властями

мы не можем обойтись. Слово предоставляется Владимиру Михайловичу Сырых.

В. М. СЫРЫХ: — Начну с некоторых общих положений о значимости данной конференции в системе российской науки. Международные Лихачевские чтения проходят ежегодно и всегда представляют собой заметное событие в жизни науки Российской Федерации и даже за рубежом. Могу назвать пять факторов, которые позволяют так оценивать работу конференции. Первое: на форум собирается довольно сильный состав участников, если не ошибаюсь, 15 академиков и членов-корреспондентов, а также зарубежные гости из разных стран. И это очень хорошо, потому что, как правило, конференции проходят в узком составе, в российском сообществе, и мы всегда замыкаемся друг на друге, а тут довольно большой состав зарубежных авторов, которые мыслят оригинально, интересно. Второе: конференция является комплексной и объединяет представителей почти всех гуманитарных наук — философии, экономики, политологии, юриспруденции, социологии и т. д. Здесь как раз говорили, что право имеет комплексное действие, и следовательно, собраться вместе, поговорить на какую-то актуальную тему — это тоже здорово и имеет место на данном форуме.

Третье: эта конференция характеризуется тем, что ее талантливый модератор Александр Сергеевич Запесоцкий действительно болеет за нее, он ее готовит, блестяще ведет, делает хорошие ремарки. Я думаю, что участие Александра Сергеевича — это большое явление и одна из твердых гарантий того, что конференция состоится на должном научном уровне. Эта конференция обладает высоким уровнем организации: здесь встречаются, размещают, кормят, распределяют. Я сам провожу конференции и знаю, насколько это сложно. Но здесь всегда, как правило, все на самом высоком уровне.

Четвертое: высокая значимость конференции заключается еще и в том, что она определяет специалиста, который внес достойный вклад в российскую культуру, объявляет его Почетным доктором и устанавливает ему бюст на аллее славы. Это единственный вуз, который проводит подобную работу. А действительно, человеку, который сделал большой вклад в науку, очень важно получить в какой-то степени общественное признание при жизни. И наконец, последнее, что очень важно: эта конференция проводится за счет Университета. Я считаю, что эти пять качеств делают форум уникальным. И когда я получаю приглашение, то всегда с удовольствием приезжаю, зная, что здесь будет интересно.

Сегодня у нас в качестве ключевой рассматривается категория «национальный интерес». Я полагаю, что она отражает в лучшем случае вчерашний день, потому что ни одно государство, даже самое развитое типа Германии и Франции, сейчас уже не имеет единой национальности, всегда присущ определенный состав, наполнение людьми других национальностей, другого этноса. Поэтому говорить о том, что наше государ-

ство пытается выразить национальный интерес, нельзя. Фактически все, кто выступал вчера и сегодня, под национальным интересом понимали всего лишь интерес общества в целом, то есть социальный, общественный интерес. Но для нас этот общественный интерес связан с государством, поэтому мы получаем публичный интерес. Фактически сегодня важнейшая категория — это публичный интерес. Общество и государство вместе работают на публичный интерес.

Публичный интерес имеет две формы — теоретическую и практическую. Теоретическая форма выражается в том, что каждое государство, каждое общество, располагая определенным уровнем культуры, развития экономики, должно решать свои жизненные проблемы, двигаться вперед по пути прогрессивного развития в сфере экономики, культуры, политики, обеспечения прав и свобод человека. И каждое общество имеет определенный оптимальный теоретический уровень. Но чтобы этот уровень понять, необходимо вмешательство науки. То есть главная задача представителей науки, которые присутствуют на конференциях, — выявление публичного теоретического интереса. Но выявление — это одно дело, а другое: все-таки государство и политические партии формируют свое представление о публичном интересе и пытаются его перевести из сферы науки в сферу практики.

И здесь эта сложная проблема фактически не была поставлена, потому что вчера все крутились только вокруг качеств, категорий высшего уровня. А на самом деле гвоздь проблемы лежит в том, чтобы государство и общество этот публичный интерес реализовывали. И здесь велика роль правовой науки. Но мне как юристу кажется, что правовая наука по-прежнему сохраняет лучшие или худшие традиции советской школы. Правовая наука по-прежнему заискивает перед властью, готова оправдывать любые положения Конституции, даже не совсем точные. Она готова оправдывать существующие законы, порядки. Мы сейчас по Конституции свободны, а разве это так? Мы со всем соглашаемся. А у нас должен быть, как говорил в свое время Пушкин: «Правдив и свободен их вещей язык / И с волей небесною дружен». Кто-то сказал: «В науке нет ничего определенного». Но позвольте, а как же все, что мы с вами делаем? Если мы не знаем ничего определенного, то как же мы получаем деньги, работая в качестве профессора, доктора, да еще и заслуженного? Получается, что мы обманываем общество. Дело в том, что наука всегда стремится к определенности и пытается раскрыть закономерное, необходимое. Иначе жить нельзя. Понятие правонарушения определено, понятие права более или менее определено. То есть какие-то базовые определенные понятия существуют, и есть движение вперед. В поиске виновного, конечно, много неопределенного. Но это не значит, что в целом наука сама по себе является неопределенностью.

Вообще сегодняшний уровень правовой науки намного снижен за счет того, что субъективизм самого, как говорится, мажорного толка ставим во главе достижений правовой науки. У нас наука неопределенная, субъективная, у нас применяется синергетика — это высший метод познания права и пр. Я считаю, спустя

какое-то время мы все равно вернемся к той парадигме, материализму, который должен являться синонимом науки.

И наконец, последнее, что необходимо отметить. Возникла такая ситуация: у нас в правовой науке церковь стала, извините, прогрессивным элементом, теперь без нее нельзя ни мораль утвердить, ни мысль высказать и т. д. Как это можно? Церковь всегда являлась синонимом определенного понимания, мировоззрения людей, но религия и наука — это антиподы, которые базируются на совершенно разных основаниях. И вдруг у нас сейчас православие стало чуть ли не главным, так сказать, цербером теории государства и права. Я категорически против этого.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Предоставляю слово Александре Андреевне Дорской.

А. А. ДОРСКАЯ: — Когда я узнала название нашей секции, то хотела поговорить о совершенно конкретном сюжете: каким образом национальное право может развиваться в условиях глобализации на примере такой правовой категории, как свобода совести. Здесь хотелось бы сказать несколько слов с точки зрения развития этого понятия. Свобода совести — понятие XVIII века. Первым очень четко его сформулировал предшественник французского Просвещения Пьер Бейль. Эта категория начинает развиваться, конечно, в рамках Просвещения, относится к естественным правам человека, и все, что мы видим дальше, — это ее закрепление в национальных законодательствах. Механизмом осуществления свободы совести, для которой была разработана юридическая конструкция «свобода вероисповедания + право на атеизм», становится светское государство. Понятие «светское государство» возникло гораздо позже — во второй половине XIX века, но сразу стало механизмом осуществления. Если говорить о свободе совести как категории международного права, то она использовалась в XIX веке, но международники всегда говорили, что никаких проблем со свободой совести нет, потому что в древних договорах о мореплавании, о торговых делах всегда были какие-то пункты, касающиеся веротерпимости.

Свобода совести как самостоятельная категория становится предметом обсуждения в рамках международного права при создании Всеобщей декларации прав человека 1948 года, и, как известно, сразу возникают противоречия между представителями мусульманских и других государств. Как раз Всеобщая декларация стала первым документом, который начал размывать сложившуюся юридическую конструкцию, потому что в ней были закреплены свободомыслие, свобода совести и религии. И стало не совсем понятно, что же относится к свободе совести, потому что ей уже стала отводиться роль атеистической составляющей. Последующие документы продолжили данную тенденцию. Ну и, конечно, в данном контексте нельзя не упомянуть Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 года, в которой свобода совести фактически была приравнена к свободе вероисповедания.

Что происходит дальше? Начинается глобализационный процесс. И здесь необходимо сказать о следующих новых явлениях. Я сошлюсь на Юргена Хабермаса, который в 2001 году в своем выступлении при вручении одной из премий сказал о том, что исторические христианские государства, всевозможные международные образования смогут разобраться в себе и понять мусульманский мир, если начнут по-новому относиться к этой проблеме. Религиозные организации становятся важнейшим элементом гражданского общества, занимают очень активную позицию — сегодня в международных отношениях это один из важнейших акторов. Получается, что глобализация при всех своих, безусловно, позитивных моментах имеет и отрицательные стороны, а именно — рост национализма, сектанства, в чем-то нетерпимости и т. д.

Ну и хотелось бы отметить, что для меня показательным стал ноябрь 2014 года, когда был принят модельный закон СНГ о свободе совести. Он начинается с того, что раскрывает все понятия. И что же мы читаем? Свобода совести — это основополагающее, неотъемлемое право человека на свободный мировоззренческий выбор, не влекущий за собой ограничений в других гражданских правах и свободах или их утрату. То есть, собственно говоря, юридическую конструкцию, которая складывалась в рамках международного права на протяжении трех веков, мы фактически потеряли.

Если говорить о России, как раз российская традиция состоит в том, что у нас свобода совести регулировалась абсолютно конкретно, точно. И на самом деле наши юристы потратили огромное количество времени, чтобы выработать некую нейтральную формулу, которая бы устраивала действительно всех в таком многонациональном, многоконфессиональном государстве. Причем, если мы говорим о российском законодательстве, то можно вспомнить, например, работу М. А. Рейснера «Государство и верующая личность», а также Указ о веротерпимости 1905 года. Эти документы стали основой для формирования советского законодательства. Причем хочется отметить, что поиск шел очень активно. Если, например, Конституция 1918 года говорила о свободе религиозной и антирелигиозной пропаганды, затем юристы поняли, что антирелигиозная пропаганда — это плохо, то в следующей Конституции появился термин «атеистическая пропаганда». На самом деле были достигнуты, на мой взгляд, большие успехи именно в разработке этой категории.

Ну и последнее. Именно глобализация все больше превращает свободу совести из индивидуальной в коллективную. То есть, если раньше любая юридическая формулировка гласила: «каждому гарантируется...», то сейчас, если мы смотрим на то, что происходит в национальных законодательствах, все больше речь идет именно о правах религиозных организаций, а не о правах верующих. Так что эта тенденция развивается у нас на глазах. Ну и закончить хотелось бы тем, что отказ от такого богатого 300-летнего опыта по развитию юридической науки — достаточно опасный путь. К деятельности международных организаций как уни-

версального, так и национального характера надо подходить с учетом успехов, достигнутых в национальных правовых системах.

Е. Н. ТОНКОВ: — В нашем национальном законодательстве, в частности в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, есть статья, где указано, что прокурор, судья, следователь, дознаватель основываются на законе и совести. Вопрос: на Ваш взгляд, какое содержание законодатель вкладывает в термин «свобода совести»?

А. А. ДОРСКАЯ: — В данном случае, естественно, речь идет опять же не о сложившейся конструкции свободы совести, о которой я говорила, потому что она связана с религиозно-атеистическими воззрениями, а о внутреннем убеждении.

Е. Н. ТОНКОВ: — Это убеждение основывается на совести. А что есть совесть?

А. А. ДОРСКАЯ: — Это понятие гораздо шире.

Е. Н. ТОНКОВ: — Александра Андреевна, скажите, пожалуйста, возможна ли глобализация, читай — унификация, в религиозной сфере? Если невозможна, то уместно ли вообще говорить о глобализации как некоем конечном результате развития?

А. А. ДОРСКАЯ: — Процесс глобализации, конечно, затронул религиозную сферу, потому что количество международных религиозных организаций резко растет, и самое главное, что они действительно начинают принимать очень серьезные документы, скажем так, международного характера. Конечно, речь идет о христианском смысле, о христианских религиозных организациях. То есть процесс, безусловно, продолжается. Если посмотреть уставные документы любых крупных религиозных организаций, например имеющих принадлежность к Русской православной церкви, там всегда есть глава о международных отношениях.

Е. Н. ТОНКОВ: — А что насчет унификации?

А. А. ДОРСКАЯ: — Унификация — сложный процесс. На самом деле есть и то, и другое. С одной стороны, мы понимаем, что само слово «религия» имеет значение связывания, но связывания людей-единоверцев. И в этом смысле глобализация невозможна. С другой стороны, в новых условиях, скажем так, поиск какой-то интеграции, безусловно, ведется.

А. Г. ЛИЩИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Уважаемые коллеги, у нас несколько раз возникал вопрос о том, что такое совесть, и о соотношении права и совести. Знаете, в Москве в нескольких театрах вновь был поставлен спектакль Островского «Горячее сердце». Я напому одну сцену, когда городской глава Серапион Мордарыч говорит купцам: «Как же мне вас, купцы, судить? По закону или по совести? Законов много, они строгие». Купцы падают в ноги и говорят: «Помилуй,

Серапион Мордарьич, за что же по закону? Суди, батюшка, по совести».

Далее слово предоставляется Василию Владиславовичу Трофимову.

В. В. ТРОФИМОВ: — Уважаемые коллеги, мне очень приятно находиться в стенах этого вуза и принимать участие в столь масштабном научном форуме, посвященном различным гуманитарным аспектам, объединенным общим названием: «Современные глобальные вызовы и национальные интересы».

В своем выступлении я постараюсь сделать акценты на тех аспектах, которые мне представляются интересными и важными. Начну с того, что в науке или в дискурсе, связанном с обсуждением ряда проблем, есть вопросы, которые являются поистине глубокими, фундаментальными, настолько многогранными и многоаспектными, что их вынесение в качестве заглавий всегда вызывает определенный интерес и в то же время настороженность. Последняя обусловлена тем, как мы знаем, что многие проблемы уже неоднократно обсуждались, в том числе и проблема глобализации. Проходит немало конференций, посвященных данной теме, и всегда возникает определенное ощущение — а можно ли по этому поводу сказать что-то новое, чего не было сказано ранее. Но практика показывает, что каждый раз, когда выносятся на повестку такие проблемы, есть что обсуждать и о чем говорить, и наши заседания это неоднократно подтверждали. И вчерашнее пленарное заседание, и сегодняшнее секционное говорят о том, что в части правовых проблем есть о чем говорить и на что обращать внимание. Эти темы, которые становятся практически притчей во языцех, в каком-то смысле уже приобретают некую мифологическую содержательность. То есть спустя какое-то время мы можем рассказывать своим потомкам, что когда-то рассуждали, говорили о таких проблемах, как глобализация и т. п.

В рамках темы, которую я сформулировал и предложил вашему вниманию, фактически интегрированы или соединены три мифические проблемы. Первая проблема — глобализация, на чем я уже акцентировал внимание. Вторая — проблема инноваций. Мы о них очень много говорим, но в реальной жизни, может быть, не всегда замечаем, насколько наше инновационное развитие конструктивно и продуктивно. Третья проблема, уже ставшая фактически притчей во языцех, касается правовой политики; в науке и теории права она достаточно давно и плодотворно рассматривается. В науке она рассматривается, но мы не всегда ее замечаем в нашей реальной, практической правовой деятельности; есть ли она в правовой политике или нет — это тоже большой вопрос. Вот так, взяв на себя смелость, я объединил эти три мифологические проблемы в рамках одной темы, назвав свой доклад «Правовая политика России в сфере инноваций как способ реализации национального интереса и реагирования на глобальные экономические вызовы современности».

Думается, такая постановка вполне уместна, поскольку действительно, если мы говорим сегодня о каком-то движении вперед, то без инновационно-

го подхода, без обновления нашей экономики по всем аспектам именно в части технологического прорыва это невозможно. Мы признаем как факт, что инновационное развитие необходимо, но одновременно мы должны задать себе вопрос: а как оно возможно и что нужно для этого сделать? Безусловно, без юридического сопровождения ответить на вопрос, как это сделать, не представляется возможным. То есть ответ во многом скрывается в роли законодателя, субъекта творчества, правоприменителя и всех тех, кто наделен юридическими компетенциями. Но как это юридическое сопровождение можно осуществлять? Так, как оно осуществлялось у нас до сих пор: немножко хаотично, спорадически, спонтанно, вариативно, колебательно. И многие другие эпитеты можно применить к нашему юридическому сопровождению, а можно говорить о системном, научно обоснованном, последовательном, предсказуемом, ориентированном на позитивный результат подходе. А это уже формат правовой политики, которая, собственно, и содержит все эти ключевые компоненты.

В своей программной статье о наших экономических задачах Владимир Владимирович Путин высказал фразу, которая, наверное, может являться девизом сегодняшнего дня в условиях глобализации как мифа и как какой-то реальной практики. Хотя о глобализации мы сегодня говорим именно как о мифе. Ее в реальности практически нет. Нет полной экономической интеграции, единых экономических правил. Стандарты ВТО, которые принимаются и к которым присоединяется Россия, работают не в отношении всех, иногда нарушаются, а иногда принимаются внеправовые санкции, абсолютно неуместные в рамках единого подхода. Если говорить о духовной глобализации, то ее тоже нет. Александра Андреевна говорила по поводу религиозного компонента, но можем ли мы когда-нибудь прийти к единой точке зрения в плане религиозных воззрений? Наверное, это просто утопическая идея. Мы можем употребить сегодня более уместный термин — «сближение» или в терминологии Питирима Сорокина — «конвергенция». То есть мы можем постепенно сближаться, выстраивать какой-то общий подход, искать общий знаменатель. Но говорить о глобализации в чистом виде как о некоем универсальном, едином мировом порядке, проводимом по всем параметрам, нельзя, это неосуществимо. А если осуществимо, то это будет что-то революционное в нашем мироздании. Наверное, мы этого особенно и не хотим, и не желаем, и к этому не стремимся. Сближение — да. Но, тем не менее, сегодня мы ставим проблему глобализации в качестве какого-то исходного компонента, тезиса. А без инновационного развития это невозможно.

Сама идея инновационного развития уже достаточно давно муссируется, если можно использовать такой термин. Это концепции, принятые с 1998 по 2010 год. Сегодня мы фактически живем и работаем по Стратегии развития науки и инноваций до 2015 года. В 2011 году была принята Стратегия инновационного развития до 2020 года. В общем, внимание уделяется. В последней стратегии говорится об экономических

вызовах, которые заставляют нас двигаться по этому пути. Ускоряется технологическое развитие. То есть наш единственный источник доходов и ресурсов в виде углеводородов в обозримом будущем в конечном счете может отойти на второй план, поскольку создаются новые технологии, появляются альтернативные источники и т. д. Для российской экономики это большая проблема, и сегодня уже надо задумываться об этом. Усиливается конкурентная борьба за рабочую силу, высокий интеллект, и туда, где условия более комфортны, будет перетекать этот высокий интеллектуальный потенциал. Мы можем остаться ни с чем, если будем двигаться по тому же сценарию, по которому двигались до сей поры. У нас возникнут иные социальные проблемы, у нас не будет хватать ресурсов для поддержания экономической стабильности и охвата нашей огромной территории. То есть эти проблемы видят, их имеют в виду, о них знают, но нужно двигаться по пути их решения.

В области правового сопровождения наиболее приемлемым является формат правовой политики. Сама категория разрабатывается достаточно давно, а применительно к инновационному развитию она может получить спецификацию. И ее главная цель — это создание правовых условий для реализации инновационной стратегии. Правовая политика может осуществляться в трех основных формах — правотворческой, правореализационной и правообучающей, — хотя в науке есть и другие известные категории. По этим направлениям нужно двигаться с учетом тех критериев, которые заложены в правовую политику. Цель ее — построение с помощью правовых средств эффективной системы как фактора экономического развития. Вообще в основе любой политики лежат идеи, а задача правовой политики — претворение идей в жизнь. Об этом писал еще дореволюционный правовед Петр Григорьевич Редкин: «Политика есть часть того всеобщего искусства, которое имеет дело с претворением идей в жизнь». Нужно задуматься над тем, как эти идеи претворяются в жизнь. Очень важно, что сами идеи по крайней мере озвучиваются, и сегодня государство готово продуцировать, создавать, формировать, формулировать эти идеи. В частности, это было высказано наиболее предметно и ясно в Послании президента, где было заявлено о четырех «И» и добавлено пятое «И», то есть интеллект. В известной программной статье Д. А. Медведева «Россия, вперед!» достаточно четко и ясно это было обозначено, как и в Послании 2009 года, которое можно считать инновационным документом.

При этом есть понимание, что именно законодатель способен эти вопросы решать. И мы к этому пониманию приходим. Нужно отметить, что на Западе пришли раньше, чем мы, хотя не намного. Специалистами и исследователями отмечается запоздание где-то на 20–30 лет. Примерно по этой хронологии мы и наблюдаем развитие событий. В Соединенных Штатах Америки уже в 1976 году был принят соответствующий закон, посвященный государственному воздействию на инновационную сферу. В 1980-м были приняты два закона, один из них целенаправленно ориентировал этот сектор на коммерциализацию, чего нам

сегодня не хватает. И очень важный документ недавно был принят в США — это национальный закон об инновациях. То же самое и в Европе: принимались законы в 1995, 1996, 2000 годах. У нас тоже есть подобные законодательные акты, к примеру, можно назвать закон «О науке и государственной научно-технической политике». В 2011 году в него были внесены определенные дополнения, которые ввели дополнительные понятия. Закон «О статусе наукограда Российской Федерации»; ч. 4 Гражданского кодекса РФ, известная сегодня уже достаточно хорошо, причем она отредактирована в прошлом году, и многие изменения вступили в силу с января 2015 года. Еще есть закон о малых инновационных предприятиях при вузах, который тоже претерпел изменения: вузам позволили самостоятельно передавать имущество, уставные фонды, капиталы со своих малых инновационных предприятий; законы об инновационном центре «Сколково»; о судебной системе и т. д.

Но это все пока шаги, а нужна целенаправленная системная деятельность с подключением правотворчества, правореализации и правообучения. Думается, что и студентам будет интересно слушать какие-то специальные курсы по проблемам инновационного права, подготовки патентных поверенных и т. д. Нужно поднимать эту систему с самого начала, может быть, даже с первых базовых курсов. А сегодня у нас в системе образования, в том числе и юридического, многие предметы просто сворачиваются, акцент на них не делается и т. д. Но если мы говорим об этих идеях, то нужно их реализовывать по всем направлениям. И правовая политика как сфера деятельности является в этом плане наиболее конструктивным способом решения данных вопросов.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Уважаемый Василий Владиславович, из Вашего доклада следует, что правовая политика, глобализация и инновации — это мифы. Объясните, пожалуйста, что для Вас есть миф и что есть право? Потому что логика для меня совершенно неожиданная.

В. В. ТРОФИМОВ: — Выбор стилистики в этом плане обусловлен скорее методом от противного, то есть здесь логический подход был проявлен. Надеюсь, он определенным образом подтолкнул, стимулировал дальнейшую логическую цепочку. Если я определяю названные явления как мифологические, то именно исходя из того, что в реальной жизни многие из них практически не реализуются. Именно это и позволяет говорить об этих явлениях как о неких преданиях, сказаниях, рассказах о чем-то, что, может, было, а может, не было. Но если посмотреть на это предметно, то можем ли мы сегодня говорить о полной глобализации? Нет, не можем. Можем ли мы говорить о том, что инновационное развитие у нас осуществляется? Думаю, тоже нет. Если мы будем утверждать, что это есть, то будем противоречить истине и практике реальной жизни. Наверное, этого делать не стоит. Поэтому пока мы заявляем об этих явлениях как о мифах, но чтобы они воплотились в реальную жизнь, нужны

определенные усилия. Собственно говоря, в этом и заключается суть проблемы.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Георгию Генриховичу Бернацкому.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Я бы хотел включиться в дискуссию, которая началась еще вчера на пленарном заседании, о возможности применения фундаментальных универсалий культуры или, выражаясь юридическим языком, общих принципов и норм международного права. В. С. Степин говорил о том, что есть техногенная цивилизация, как он ее называет, и в ней, конечно, присутствуют эти фундаментальные универсалии культуры. Сейчас они приходят в упадок, и мы стоим, возможно, на пороге новой цивилизации. А заместитель министра иностранных дел Г. М. Гагидин как раз выступал за многополярный мир, за то, что не должно быть единой системы ценностей в мире. Нельзя допускать того, чтобы одна сторона навязывала другим какие-то единые принципы, и многополярный мир — это наиболее удачная модель жизни. То есть глобализации и сведения всех стран к некоторой единой модели не должно быть. Уважаемый профессор И. Л. Честнов тоже выступает за то, что не может быть этих универсалий, единых общих содержательных принципов, единой Конституции в мире.

Честно говоря, я никак не могу согласиться с позицией Генри Резника. Как я понял, он утверждал, что общепризнанные принципы права есть, потому что они сформулированы в документах и записаны в Конституции. Раз они записаны в Конституции, значит, объективно существуют. А выводы какие? Если они не выполняются политиками и не проводятся в жизнь — тем хуже для народа. А принципы есть, потому что они записаны. Мне кажется, здесь смешиваются два понятия. Все-таки законы — вторичная сила, а первична культура. Законы как бы рождаются на основе существующих фундаментальных положений культуры, а пишутся часто из конъюнктурных, политических соображений. Так рождаются мертвые или противоречивые законы.

Но обратимся к проблемам глобализации. Я думаю, глобализация имеет позитивный смысл тогда, когда есть некий единый мировой центр, который является источником высоких ценностей, обладает высоконравственными принципами, сильной творческой энергией. С помощью этого можно решать самые сложные международные проблемы и таким образом сводить все многообразие мира к решению общих задач на уровне общих великих идеалов. Пожалуй, первый такой процесс глобализации в истории можно отнести к периоду Античности, когда древнегреческий народ создал и великую культуру, и философию, и искусство, и литературу, и науку. И потом эта культура стала распространяться на соседние страны. Возник эллинизм. А Великая Римская империя с помощью своих легионов просто привносила в разные территории, государства эту великую эллинскую культуру. Тенденция эллинизма носила в целом позитивный характер.

Далее примерно 400–500 лет назад Западная Европа создала свою великую культуру, науку, искусство и технику. И эта культура начала распространяться по всему миру и посредством войн, и посредством создания колоний. Соединенные Штаты Америки, грубо говоря, не создают свою культуру, а покупают уже готовую в Западной Европе и потом распространяют ее с помощью своей силы, могущества и экономических экспансий на другие территории, страны и народы. Можно сказать, что Европа долгое время являлась центром и источником высоких идеалов и принципов, на нее равнялись, именно в ней черпали подчас идеалы и представления о прекрасном и безобразном, о возвышенном и низменном.

Но я хотел бы поставить вопрос: а в настоящее время является ли западная цивилизация таким высоким центром, с которого можно брать пример или на который можно равняться? Папа Римский Франциск в прошлом году обратился к Европейскому парламенту с посланием, в котором осудил эгоизм, его невыносимое изобилие и безразличие европейского мира к остальным народам. Папа Римский говорил примерно так: такая Европа рискует потерять свою душу и дух гуманизма. С Европейским Союзом все чаще связывают представление о состарившейся, сжавшейся Европе, которая все меньше чувствует себя главным действующим лицом на мировой арене. И дальше Франциск заключил: на Европу смотрят все более с опаской и даже подозрительно. Года три назад в Лондоне проходили массовые погромы: молодежь крушила магазины, жгла машины, убивала мирных жителей. Причем в беспорядках участвовали и эмигранты, и представители местного населения, и богатые, и бедные. Погромы происходили без лозунгов, без идеологии, без каких-либо, так сказать, идеологических установок.

Правительство Кэмерона жестко пресекло эти погромы. Выступая перед парламентом, премьер-министр сказал примерно так: «Выросло поколение, которое не испытывает радости от работы и не считает ее жизненной потребностью. Это поколение бездельников, это просто хулиганы, головорезы и отребье. В стране начала торжествовать бандитская культура. Страна скатывается к моральной деградации: эгоизм родителей, дети без отцов, школы без дисциплины, свобода без ответственности». К этому можно добавить, что это поколение — по определению Кэмерона, отребье — начинает приходить во взрослую жизнь и политику. И там оно с восторгом принимает и фашизм, и гомосексуализм. Вообще возникает ситуация отрицания тех фундаментальных ценностей, на которых стояла Европа тысячи лет. Другие страны мира смотрят на нее и думают: а стоит ли идти по тому пути и следовать тем примерам, которые демонстрирует нам Европа?

А что может быть дальше, что ожидает нас в будущем? Я хотел бы обратиться здесь к философам, например к Гегелю. Он полагал, что прогресс в обществе возможен и происходит по интересной модели. Сначала одна страна идет впереди, потом другая, затем третья. Происходит что-то вроде бега с эстафетной палочкой, когда на соревнованиях сначала один бегун

впереди всех, а когда он выдыхается, то передает палочку другому бегуну, потом третьему. Так и со странами — то одна страна впереди, то другая, то третья, потому что силы не беспредельны у той или иной страны или цивилизации. Если использовать модель Гегеля, то, видимо, можно считать, что техногенная цивилизация, в общем, выдыхается. И академик В. С. Степин вчера говорил, что те принципы или универсалии, которые заложены в цивилизации, приходят к своему отрицанию. Тогда жить в техногенной культуре становится опасно, и с точки зрения экологии, и с точки зрения военной угрозы и т. д. Видимо, что-то должно прийти на смену этой цивилизации.

Что это может быть? Я выскажу гипотезу, что мы находимся на такой стадии развития, которая аналогична периоду падения Рима и христианизации Европы. Я напому, что граждане Рима в период упадка нравственно деградировали, разложились, превратились, я бы сказал в терминологии Кэмерона, в отребье. А когда подавляющее большинство населения превращается в отребье, то все становится бессмысленным — не нужны ни наука, ни искусство, ни литература. Отребье нельзя учить, с ним нельзя иметь дело, что-то строить. Ему ничего не надо. И ведь когда начался процесс христианизации Европы, церковь не занималась развитием литературы, науки или техники, она вообще не смотрела вовне и на внешние достижения, а занималась душой человека, то есть формированием новой личности, нового человека. Я проведу аналогию с компьютерами. На компьютере, в который заложена операционная система DOS, серьезных задач решать нельзя, надо загрузить программу Windows, то есть иную, мощную операционную систему, чтобы можно было это делать. Так потребовалось реформировать или перепрограммировать человека, создать человека с новыми ценностями, с новыми взглядами на жизнь. Это старое отребье должно было уйти, потому что дальше в развитии цивилизации и общества двигаться было нельзя.

Сегодняшняя техногенная цивилизация формирует человека. Сам В. С. Степин признает, что человек современной техногенной цивилизации — это умный, активный, творческий, хитрый, рациональный, агрессивный, конкурирующий с другими эгоист. Но это уже, простите, получается Иван Карамазов, для которого Бога нет. А если Бога нет, то все можно. Есть мои личные интересы, а значит, можно и убить любого ради их достижения. Что может прийти на смену такой личности и такой цивилизации? Ну да, может возникнуть новая цивилизация, как сказал Степин — договаривающаяся. Но, видимо, это должен быть уже не Запад со своей личностью, а какой-то другой народ, другая цивилизация с иным подходом к пониманию отношений между людьми. Во всяком случае, это новый человек, который не должен быть рациональным, творческим, агрессивным эгоистом.

В. А. КОВАЛЕВ, заместитель заведующего кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук: — Мне вспоминается пример так называемого интернацио-

нального стиля бронзового века. Дело в том, что там происходил обмен. Сохраняя своеобразие, цивилизации свободно обменивались привычками, мифами, элементами культуры. Как Вы считаете, возможна ли такая форма глобализации и насколько понятие глобализации соотносится с понятием унификации?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Само слово «глобализация» предполагает, конечно, объединение на общих принципах — экономических, социальных, религиозных, правовых и т. д. Глобализация означает создание единого мира. Если вы имеете в виду обмен, то он был и в Античности. Но обмен всегда происходил между различными территориями. Поэтому обмен или сотрудничество — это не глобализация. Тогда надо говорить о другом понятии. Я не считаю, что обмен — это глобализация, потому что глобализация — это в конечном счете и главным образом унификация.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Георгий Генрихович, я хочу Вас вернуть к теме нашей дискуссии, чтобы задать несколько провокационный вопрос. Профессор Ромашов в своем ответе говорил, что не признает наличия в нашем правовом лексиконе понятия «русские правовые традиции». Как Вы считаете, есть ли у нашей нации собственные правовые традиции? То есть мы вечно рецепирующая и ничего не воспроизводящая нация? И согласитесь ли Вы с тем, что есть советские правовые традиции?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Я категорически не согласен с Ромашовым. Когда мы говорим о национальных традициях, термин «нация» здесь понимается прежде всего как государство, нация как народ-государство, и у этого народа в этом государстве, которое существует тысячу лет, есть традиции. Я воспитан на диалектике и на том, что кроме особенного есть еще и общее. Я здесь за Степина и против того, что у нас не может быть универсалий. Он доказывает, что есть универсалии культуры, которые могут быть всеобщими, но могут быть и региональными. Они могут быть, так сказать, и в рамках всей огромной цивилизации, которая объединяет, скажем, несколько стран и народов, и в рамках отдельной страны. А Россия вообще самостоятельная цивилизация. Поэтому я глубоко убежден в том, что у нас есть свои традиции, свои универсалии, выработанные столетиями, тысячелетиями. Эти традиции нам надо просто выявлять и ценить.

Мы почему-то всегда думаем, что если у нас не так, как в Европе, в частности в Германии, значит, мы стоим на какой-то низкой ступени и испытываем — эта вечная глупая дискуссия между западниками и славянофилами — некоторую неполноценность по этому поводу. Китайцы ведь не испытывают никаких комплексов, что у них не так, как в Соединенных Штатах Америки. Более того, если насадить в Китае принцип разделения властей, там все развалится. Так что, нам нужно в Соединенные Штаты доложить, что у нас принцип разделения властей, и потом развалить всю государственность? Или нам надо строить свою государственность? Что такое Америка? Страна, которой всего 200 лет.

А Россия существует тысячу лет. Разве мы за этот срок не создали своих многонациональных традиций? У нас никогда не было религиозных войн, разве это не традиции? В Европе были, а у нас нет. Я думаю, что нам есть чем гордиться и у нас есть, можно сказать, святые традиции, которые надо поддерживать и защищать.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Приведите, пожалуйста, хотя бы одну такую российскую правовую традицию. Проблема в том, о чем пишут социологи, — в атомизированности общества. Это свойство присуще не только западному, но и, к сожалению, нашему обществу.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Пожалуйста: сосуществование разных этносов, культур и религий. У нас совместно существуют разные религии и этносы и уже выработались традиции совместного проживания. Конфликты, конечно, случаются, но ведь и в семье они есть. Надо смотреть не на конфликты, а на тысячелетнюю историю, когда мы преодолевали все конфликты. Существование в рамках большого этноса не может проходить бесконфликтно, но это преодолевается совместным проживанием, толерантностью, терпимым отношением друг к другу. Тут господин Сырых выступал против религии, а ведь нас христианство учит терпению. Одна из великих ценностей — это терпение. Когда надо жить вместе, надо терпеть друг друга. Как китайский отец воспитывает своего ребенка, чтобы тот научился хорошо жить в семье? Надо 100 раз написать слово «терпение».

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Буквально два слова о традициях. Я сейчас не говорю, хорошие они или плохие. Особое внимание вплоть до, может быть, абсолютизации позитивизма в праве — это российская традиция. И следующий момент — вопросы, связанные с федеральным законодательством, с законодательством субъектов федерации. Возьмите свод законов Российской империи. Там указаны общие законы империи, тем не менее, разве мы не можем сказать о том, что на территории Российской империи существовало не только это регулирование, но еще и параллельное, национальное? Разве у нас этого сейчас нет в условиях Российской Федерации? Есть.

Далее слово предоставляется Константину Елизаровичу Сигалову.

К. Е. СИГАЛОВ: — Начну с реплики по поводу Кэмерона. По всей видимости, он плохо знает европейскую историю. Если бы знал, то вспомнил бы о таком персонаже, как Даниэль Кон-Бендит, который возглавлял выступление парижских студентов в 1968 году, а сейчас благополучно заседает в Европарламенте и является частью европейского истеблишмента. Я думаю, так же будет и с некоторыми представителями английской молодежи.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Там были лозунги, а тут нет.

К. Е. СИГАЛОВ: — Отсутствие лозунгов — это тоже лозунг. Теперь по поводу дискуссии между про-

фессорами В. М. Сырых и А. А. Дорской. Я более склонен все-таки придерживаться мнения профессора Дорской, потому что считаю, что религия — это не опиум для народа, не фантастическое отражение действительности в умах людей и не род духовной сивухи, как ее называл один известный классик. Это все-таки средство в простой и доступной форме объяснить человеку, что правильно, а что неправильно. И в этом смысле религиозно-правовые системы — иудаизм и исламское право — разделяют этот аспект. И что плохого в том, что каждый человек без указания сверху знает, что ему делать можно, а что нельзя? И в этом смысле, конечно, мы можем говорить о том, что через столкновения религий выражались первые глобализационные вызовы. Но они были обусловлены не какими-то внешними параметрами. Дело в том, что происхождение религии обусловлено наличием определенной производственной технологии, свойственной той или иной цивилизации — либо номадической, либо оседлой, связанной с сельским хозяйством. И это столкновение, конечно, было принципиальным в Средние века. К чему оно могло привести, все знают. Слава Богу, что произошло по-другому.

Западный мир, безусловно, создал серьезные интенции для того, чтобы возникло право. И многих вещей, заложенных в западном обществе, — хотя бы то же гражданское общество, проблемами которого я занимаюсь, — мы просто не замечаем. Думаю, все читали произведение Александра Дюма «Три мушкетера». Где танцевался Марлезонский балет? Все говорят: в Лувре. А на самом деле король попросил королеву надеть алмазные подвески, чтобы танцевать в Ратуше, куда их пригласили городские старшины. Это был 1627 год. Мы можем себе представить, что во времена Михаила Федоровича подобное происходило и у нас, на Руси. И мы видим, что с конфессиональной, национальной точки зрения Европа в то время представляла единство.

Не было мусульман, потому что они не хотели ехать в Европу, да и не пускали их особенно из мусульманского мира. Были, конечно, презренные с точки зрения европейского человека маргиналы западного мира — евреи, с которых в 10 раз больше спрашивали и которых в 10 раз меньше давали. Но это была совершенно другая история, связанная с прямым нарушением прав человека. И сколько пришлось бороться, в том числе и западным интеллектуалам, чтобы преодолеть этот негативный аспект! В это время как раз мусульманский мир давал прямо противоположные примеры, потому что иноверцы, иностранцы, женщины и рабы пользовались там гораздо большими правами, нежели в Европе. Конечно, мы можем по-разному воспринимать религиозный мир, религию и у каждого из нас есть свое представление о Всевышнем, но вычеркивать это из права невозможно, по моему разумению.

Право только тогда становится правом, когда оно проходит через личность и становится внутренним запросом каждого человека конкретно. И в этом смысле как раз западное право, которое было ориентировано изначально на обывателя, на маленького человека, на того, кто готов быть своекорыстным, жадным, глу-

пым. Но именно этот человек и борется за свои права. Именно когда это право завоевано — пускай в таких тяжелых условиях — оно становится правом. Да, впоследствии оно стало тем, с чем сейчас на Западе пытаются бороться, и тем, о чем говорит как раз Папа Франциск. Конечно, Запад дал много и хорошего, и плохого. И в связи с этим я бы хотел привести слова Хантингтона, что Запад завоевал мир не из-за превосходства мыслей, идей или религии, в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций, а скорее из-за применения организованного насилия. Жители Запада забывают этот факт, а жители не-Запада никогда этого не забудут. В данном случае я хочу сказать так: только от нас зависит, что хорошего мы можем взять из западного права, а от чего можем отказаться. Это наше право. Это, по всей видимости, еще один из аспектов того спора, который сейчас развернулся, о том, есть русская, российская правовая традиция или нет. Я думаю, что заимствование, имплементация — это как раз самая хорошая традиция: хорошее взять, а плохое отбросить.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Прошу выступить Елену Владимировну Тимошину.

Е. В. ТИМОШИНА: — Речь пойдет об идее глобального мирового порядка, как она формировалась в европейской правовой традиции. Главное, что необходимо было сделать, — это устранить суверена. Именно в таких терминах немецкий юрист Карл Шмитт говорит об основной тенденции в теории и философии права начала XX века. Но для того, чтобы эта идея глобального правоупорядка сформировалась, необходимо было устранить суверена и релятивизировать классическое понятие государства и такого его существенного признака, как суверенитет, и на этой основе обосновать правовой характер международного права. Известно, что понятие суверена, которое было базовым для классического юридического позитивизма, являлось препятствием для обоснования правового характера международного права. Как известно, в остиновском определении права как приказа суверена обосновать правовой характер международного права не представлялось возможным, потому что отсутствовал признак его происхождения от суверена и сам международный суверен. И русский последователь работ Остина Шершеневич полагал, что попытка каким-то образом ограничить государство правом по сути равносильна попытке лилипутов связать Гулливера — так можно оценить попытку связать государство правовыми нитями.

На рубеже XIX–XX веков ситуация начинает меняться, и происходит, как я уже говорила, релятивизация понятия государственного суверенитета. Он начинает рассматриваться исключительно как исторический признак государства, свойственный такому типу государственного устройства, как абсолютная монархия. В итоге, как известно, расчистить путь к обоснованию международного права в рамках юридического позитивизма и устранить суверена удалось Гансу Кельзену, который считал главнейшим достижением своего учения то, что оно разрушает догму государственного

суверенитета. С его точки зрения, догма государственного суверенитета является орудием современного империализма и главным препятствием на пути осуществления замысла ученого о *civitas maxima* — всемирном государстве. Разумеется, после того, как место суверена заняла некая безличная основная норма международного права, оказалось возможным, так сказать, рассматривать международное право уже в качестве правового явления и в рамках юридического позитивизма. Соответственно и государство, с точки зрения Кельзена, никаким суверенитетом не обладает, а является лишь несuverенным органом международного правового сообщества.

И здесь я хотела бы обратить внимание на то, что идея глобального правоупорядка, очевидно, необходимым образом должна предполагать и механизмы своего осуществления в отношении тех государств, которые тем или иным образом оказывают сопротивление своему превращению в такой несuverенный орган международно-правового сообщества. И такой механизм, как мне кажется, был предложен в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета 2002 года, представленном в Генеральной Ассамблее ООН. В этом докладе была дана принципиально новая интерпретация государственного суверенитета. Там говорилось о том, что необходимо перейти от понимания суверенитета как власти к пониманию суверенитета как обязанности защищать права человека или как ответственности по защите прав человека. И таким образом, новое понимание суверенитета, как говорилось в тексте доклада, избавляет международное сообщество от трудного выбора, перед которым оно до недавнего времени стояло, — либо, уважая суверенитет государства, быть безучастным наблюдателем происходящих в нем нарушений прав человека, либо осуществлять так называемое право на вмешательство, тем самым нарушая суверенитет государства в глазах международного сообщества. А если государство рассматривается как неспособное выполнять эту обязанность, оно тем самым утрачивает суверенитет, чем оправдывается возможность военного вмешательства.

И надо сказать, что основные тезисы многостраничного доклада нашли свое подтверждение в других документах ООН, в том числе в докладе Генерального секретаря ООН. Более того, можно сказать о том, что известная резолюция Совета Безопасности ООН от 17 марта 2011 года, которая санкционировала введение бесполетной зоны над Ливией, непосредственным образом ссылалась на новую концепцию государственного суверенитета как обязанности государства по защите прав человека. И еще раз подчеркну: как только государство в глазах мирового сообщества перестает эту обязанность выполнять, это является оправданием для возможного военного вмешательства. То есть выполнение этой обязанности переходит к так называемому международному сообществу.

Думаю, что возможны следующие политико-правовые последствия. Применение этой новой нормы международного права (а она рассматривается именно так), на мой взгляд, монополизирует понимание суверенитета государства как его существенного и не-

обходимого признака, а не как принадлежности исключительно к какому-либо историческому типу государства, потому что именно этот признак — суверенитет — конституируется на международную правосубъектность государства, позволяет ему выступать в качестве субъекта международного права. Присвоение признака суверенитета не столько государственной власти, сколько государству в целом, и признание того, что источником суверенитета является народ, есть гарантия сохранения суверенитета государства даже при утрате национальными властями своей легитимности в глазах международного сообщества. Таким образом, такое понимание суверенитета, наверное, исключает превращение факта военного вмешательства в право военного вмешательства, или в право гуманитарной интервенции, или в это неудобное бремя ответственности по защите.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Елена Владимировна, когда Вы говорите об обеспечении прав человека, ради которого допустимо вмешательство, то речь идет об абстрактных, универсальных правах человека из философской традиции, либо же мы должны исходить из того, что права человека в разных регионах мира неодинаковы?

Е. В. ТИМОШИНА: — Идея прав человека может существовать только при признании их универсальности. А иначе какой смысл говорить об этом? Тогда мы будем говорить отдельно о правах русских, украинцев, жителей Африки.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Тогда я продолжу: если мы исходим из того, что это не универсальное право, как оно воспринимается в американских традициях, следовательно, у определенных, особо избранных наций, которые продвинулись далеко вперед, есть право бомбить другие нации.

Е. В. ТИМОШИНА: — Нет, отсюда это никак не следует.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Право на вмешательство применяется только тогда, когда государство не признает права человека.

Е. В. ТИМОШИНА: — Я не защищаю право на вмешательство, я говорю о том, каким образом оно обосновывается. И уж во всяком случае не даю этому положительной оценки, потому что при этом идеология прав человека используется как очень удобная ширма для осуществления такого вмешательства.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — А как Вы считаете, есть ли у народов с богатой историей право быть самими собой? Например, китайцы не хотят признавать европоцентристские ценности универсальными. Как быть в таком случае?

Е. В. ТИМОШИНА: — Право культуры на самобытность подвергнуть сомнению никто не может. Во-

прос в том, как понимаются права человека. Я считаю, что это прежде всего мера человечности в человеке, то, от чего нельзя отказаться, не перестав быть самим собой, не потеряв своего достоинства. Но это понимание прав человека не тождественно тому обширному каталогу разнообразных прав человека, который непрерывно пополняется. Если мы считаем права человека выражением потребности, то это абсолютно порочная логика, потому что потребности растут, значит, будет бесконечно расширяться перечень прав человека. А это тупик. И я думаю, что классические мыслители, писавшие о правах человека, все-таки не предполагали возможности отказа от них, таковыми в моем представлении являются, например, некие соматические права.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется адвокату Владимиру Львовичу Энтину.

В. Л. ЭНТИН: — Хочу обратить внимание на международное право, которое с точки зрения юридической и политической практики является мощнейшим интеграционным инструментом. Академик Лисицын-Светланов отметил, что право выполняет функцию приравнивания. Таким образом цивилизованный мир (вначале это была Срединная империя, потом Римская) подтягивал до своего уровня варваров. Международное право выступало как своеобразный глобализационный центр, втягивая в свою орбиту разные нации и народы.

Второй момент, на который я хотел бы обратить внимание, — международное право всегда было строго иерархия квазиравных. Мы приподняли варваров до нашего уровня, поэтому они должны перенять обычаи и правила, свойственные цивилизованным народам.

Третий момент — неравенство сохранялось достаточно долго. Только великие державы могли иметь послов, дальше все выстраивалось иерархически (некоторым странам было позволено иметь только советника-посланника и т. д.). США сломали эту традицию, когда стали своим латиноамериканским союзником для облегчения контроля за этой частью света предоставлять ранг послов. Возникла конкуренция (кто в этой иерархии поднимется выше), и соответственно все различия были нивелированы. Но иерархия осталась, она представлена в системе международных институтов (Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея ООН). Эта схема также четко прослеживается в международных организациях, занимающихся разработкой международных стандартов («взвешенные» голоса, квоты, инструментарий, комплектование органов, секретариатов). Фраза «Кадры решают всё!» здесь имеет буквальный смысл.

Перед Министерством иностранных дел стоит задача: его представители должны входить в различные рабочие группы. Если вы входите в группу, а решение уже подготовлено, то в лучшем случае вы сможете внести в него поправку, связанную с переводом на родной язык. Далее сработает механизм коллективной солидарности или ответственности.

Недавно появилось интеграционное право — своеобразный феномен, который сочетает в себе черты международного (в первую очередь Евросоюза) и национального права. В отличие от международных организаций, которых с каждым годом становится все больше, подобные структуры работают с делегированием компетенций в весьма узких специализированных областях: перед интеграционными проектами ставится другая задача — сближение национальных законодательств.

Пока реализован единственный подобный проект — Евросоюз, включающий 28 государств. Мы пытаемся использовать интеграционные механизмы, для того чтобы урегулировать отношения с ближайшими соседями. Отдельные акты имеют искусственное происхождение, например международное происхождение нормативного акта, имеющего внутреннее применение. Национальное право в данном случае вынуждено подчиняться международному, используя специальные механизмы, в частности пропорциональности и субсидиарности (согласно этому принципу европейского права вопросы должны решаться на национальном уровне, в рамках национального законодательства). Однако все больше норм вырабатывается в структурах Европейского Союза, потому что с этой целью работает огромная машина (люди, институты). Отдельные нормы могут быть реализованы только через национальное законодательство, в частности директивы. В этом случае дается определенный срок на то, чтобы привести их в соответствие с международным правом, взяв оттуда императивные и факультативные положения.

Большая часть норм регулируется с помощью регламента, причем в сфере интеллектуальной собственности — на двух уровнях. Первый уровень — товарный знак Европейского Союза действует на всей территории внутреннего рынка. Второй уровень — только специальными уполномоченными судами могут рассматриваться споры, связанные с нарушением этого знака, последствиями признания его недействительным либо досрочным прекращением его действия. Это нормы и инструментарий Европейского Союза, национальные суды высокого уровня в данном случае не решают эти вопросы.

Успех этого проекта привел к возникновению новых явлений, например промышленного образца. В сфере промышленности еще со времен Парижской конвенции по охране промышленной собственности действовало правило, что промышленная собственность может признаваться и защищаться с помощью государственных актов. В данном случае можно говорить о том, что произошла революция, потому что промышленный образец Европейского Союза, защищающий, например, индустрию моды, легкую промышленность Европы, работает без регистрации. Если знак зарегистрирован по облегченной процедуре, то в этом случае он защищен от имитации, копирования в течение пяти лет. Произошло изъятие определенной сферы компетенции у государства. Международное право начинает проникать даже в эту сферу, достаточно автономную и самостоятельную, поэтому необходимо

изучить явления, с которыми мы можем столкнуться в ближайшем будущем.

М. А. ХРУСТАЛЕВ, *1 курс, юридический факультет*: — Владимир Львович, не считаете ли Вы влияние норм международного права на национальное законодательство давлением?

В. Л. ЭНТИН: — Мы склонны относиться к законодательству и его нормам как к своеобразному фетишу. Законодательство, нормативные акты создают люди. Например, 4-я часть Гражданского кодекса РФ, подготовленная группой ученых под руководством профессора А. Л. Маковского, встретила ожесточенную критику юридического сообщества. Но большое количество норм, представленных там, было заимствовано.

В любом случае международное право присутствует и оказывает влияние на национальное законодательство. Мы стараемся заимствовать лучшее из законодательства разных стран. Например, в сфере интеллектуальной собственности представляют интерес законодательства Китая, Вьетнама, Индии (в последнем, кстати, выработано много норм, касающихся защиты фармацевтических отраслей).

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Татьяне Леонидовне Баталовой.

Т. Л. БАТАЛОВА: — Если речь идет о международном праве и необходимости определения места национального права, следует проанализировать такой источник, как Договор о Евразийском экономическом союзе. Прослушав предыдущие выступления, я пришла к выводу, что этот договор сегодня можно назвать источником интеграционного права. Возникает вопрос: насколько в рамках Евразийского экономического союза смогут сохранить свой национальный суверенитет страны, которые уже вступили в него? Насколько этот суверенитет может пострадать при реализации существующих норм?

С моей точки зрения, этот акт в мае 2014 года принимался в спешке. С 1 января 2015 года, когда он вступил в юридическую силу, в нем практически ничего не изменилось, в частности представление о рынке определенных услуг, например образовательных. Сегодня предоставление образовательных услуг регулируется посредством регламентации определенных норм, включенных в лицензионное законодательство. Речь идет о том, что каждая страна, вступившая в Евразийский экономический союз, имеет собственные лицензионные требования. В результате казахстанское национальное право не позволяет нам в полной мере реализовать лицензионные формы Российской Федерации (в частности, в Алматинском филиале СПБГУП). Одновременно наличие лицензионных норм в Республике Казахстан не позволяет реализовывать нормы Российской Федерации. Мы постоянно находимся под угрозой нарушения тех или иных норм.

В настоящее время назрела необходимость немедленного решения подобных вопросов, что будет спо-

собствовать более быстрой интеграции образовательных систем. Насколько диплом, специальность, которую студенты получают в России, будут соответствовать требованиям, предъявляемым Казахстаном к специалисту соответствующего уровня? Сейчас выпускники, получившие российское образование, должны нострифицировать свой диплом на территории Республики Казахстан.

Существуют правовые нормы, которые не позволяют людям чувствовать себя равными на рынке труда в России и Республике Казахстан, что обуславливает срочное принятие определенных норм, которые позволят привести к единому знаменателю стандарты хотя бы в области образовательных услуг (не говоря уже об унификационных услугах, потому что законодательство России и Казахстана в этой области существенно различается). На сегодняшний день есть непаханое поле, на котором можно увидеть ростки того, что называется интеграцией и объединением тех или иных норм.

Сегодня образовательное законодательство Республики Казахстан соответствует европейским нормам. Насколько мы сможем интегрироваться в образовательную систему Российской Федерации за короткий промежуток времени, покажет история. С одной стороны, наши системы права схожи, с другой — возникают определенные проблемы, которые необходимо решать (хотелось бы, чтобы активизировались усилия в этом направлении).

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — К микрофону приглашается Алексей Сергеевич Карцов.

А. С. КАРЦОВ: — Мне облегчил задачу председатель Оргкомитета, ректор СПбГУП А. С. Запесоцкий, который, развивая дискуссию на пленарном заседании, задал вопрос: стоит ли России участвовать в деятельности Европейского суда по правам человека?

Проблемное поле моего доклада, который опубликован на сайте Lihachev.ru, — рассмотрение одного из вызовов глобализации, связанного с феноменом судейского активизма. Это довольно интересное явление, которое проявляется как на национальном, так и на наднациональном уровне. Если говорить применительно к Европейскому суду по правам человека, судейский активизм проявляется в попытках предельного расширения конвенционных обязательств государств. В толковании конвенции так, как считают представители большинства судейского корпуса, кроется конфликт между суверенной волей государств (которые в свое время написали текст с конкретными обязательствами) и теми смыслами, которые потом, уже в процессе наднационального правоприменения, насыщают эти обязательства судей наднациональных судов.

В докладе рассматриваются технологии расширительного толкования субъектов, правоотношений, доктрины европейского консенсуса и автономного применения, которые позволяют применять к одним государствам одни стандарты, а к другим — совершенно другие. Европейский консенсус — опасная доктрина: если в конвенции закреплено то или иное обязатель-

ство, но судьи диагностируют некое общее направление, общий вектор развития европейской правовой мысли, они могут волей национального правоприменителя считать это равносильным традиционным обязательствам.

Возвращаясь к теме глобализации права, хочу сказать, что глобализация неотвратима. Сближение правовых порядков происходит и будет происходить, вопрос лишь в деталях, методах, подробностях, будет ли это действительно согласование воли, или гармонизация, или агрессивное столкновение различных правовых систем, потому что судьи, расширительно толкующие европейскую конвенцию, вносят смыслы, которые почерпнули из своих правовых систем. Таким образом, имеет место латентная, а порой и открытая интервенция положений, выработанных в рамках одних национальных правовых порядков, в другие национальные правовые порядки.

В современной ситуации единственной преградой на этом пути, если говорить о вызовах, стоящих перед национальной правовой системой Российской Федерации, являются высший орган конституционного правосудия — Конституционный Суд РФ и модель применения и реализации решений Европейского суда по правам человека, которая закреплена в постановлении Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 года № 6-П. В этой резолюции разъясняется, что если в суд Российской Федерации обращается заявитель с решением, вынесенным в его пользу Европейским судом по правам человека, и если исполнение этого решения связано с неприменением или проблематичным применением норм российского законодательства, суд общей юрисдикции вправе приостановить рассмотрение дела и направить запрос в Конституционный Суд РФ. В этой ситуации Конституционный Суд решает, является ли российский закон препятствием к исполнению решений Европейского суда по правам человека, является ли это решение конституционным. Если положение признается неконституционным, Конституционный Суд РФ вводит временное регулирование, если подтверждается конституционность, именно Конституционный Суд определяет порядок исполнения решений Европейского суда по правам человека. Это относится в том числе и к тем случаям, когда суд общей юрисдикции сталкивается с тем, что постановление Конституционного Суда препятствует реализации решений Европейского суда по правам человека. Поскольку отмену решений Конституционного Суда РФ наше законодательство не предусматривает, это истина в последней инстанции, именно он определяет, в какой мере и каким образом решение Европейского суда может быть внедрено в национальную правовую материю.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — В начале выступления Вы сказали о том, что глобализация неотвратима. Премьер-министр Д. Кэмерон заявил, что в следующем году в Великобритании пройдет референдум о выходе этой страны из Европейского Союза. Известен биологический закон: интеграция сменяется дифференциацией. Не кажется ли Вам, что мы наблюдаем сегодня антиглобализационные процессы?

А. С. КАРЦОВ: — Вспоминается мудрое выражение, что никогда так не врут, как после охоты и во время предвыборной кампании. Интересы электората, в том числе настроенного евроскептически (удельный вес именно этой части электората в Великобритании высок), подсказывают лидеру Консервативной партии именно такие слова. Но сейчас глобализация предопределена экономическим сближением. И поскольку это сближение будет продолжаться, постольку миграционные потоки будут кочевать с континента на континент, что неизбежно отразится и на правовом сближении. В этом отношении медвежью услугу глобализации оказывают не евроскептики, ее открытые противники, а сторонники, которые слишком усердно пытаются ускорить процессы глобализации и превратить плавный процесс гармонизации в утрированную, форсированную рецепцию.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Евгению Никандровичу Тонкову.

Е. Н. ТОНКОВ: — На мой взгляд, несвобода предполагает определенную свободу (это 10 % абсолютной свободы). Сегодня в дискуссии поднимался вопрос о традициях. Я сформулировал три правовые традиции современности: первая — современная традиция, которую можно назвать обвинительной, вторая — более отраслевая (традиция скрывать от стороны защиты свидетелей, которых вызовут на следующее судебное заседание, и пр.), о третьей традиции скажу немного позже.

Несколько слов о конфликте между российским и европейским представлениями о справедливости. Европейская справедливость проявляется через решения Европейского суда по правам человека и содержит три дискурса — равенство сторон, равное представление доказательств (состязательность) и мотивированность судебного решения (аргументация, в том числе логическая). Российское представление о справедливости полностью отождествляется с законностью. Решение суда, вступившее в законную силу, считается справедливым.

В связи с этим можно говорить о третьей традиции — российское понимание справедливости, которое не корреспондирует или отождествляется с европейской справедливостью, это разные явления. Поэтому российская традиция всегда будет находиться в конфликте с европейской. В данном случае я не вижу общего направления развития глобализационных процессов.

Справедливость, свобода и право существуют в пространстве, так же как и право по кругу лиц и во времени. Свобода в пространстве, по кругу лиц и во времени — это в первую очередь субъективная свобода, которая человеком воспринимается индивидуально и не может иметь общего представления.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Заключение предоставляется Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я хочу обратиться прежде всего к студентам. Мне кажется, что им было не все понятно в нашей дискуссии и необходимо прояснить положения, о которых шла речь (обычный педагогический прием предельного упрощения).

Существуют универсальные правовые нормы, которые присутствуют и в Конституции РФ; они содержатся в первой и второй главах (разделение властей и другие положения). Если вы сравните формулировки этих юридических норм с теми, которые содержатся в конституциях многих других государств, то получите представление о том, что все универсально. И поскольку российская Конституция (эпицентр правовой системы) содержит универсальные правовые нормы, возникает вопрос: есть ли в этом документе что-либо еще, кроме универсального правового механизма?

В преамбуле Конституции России представлены две важные разнонаправленные идеи. Мы, россияне, осознаем себя частью мирового сообщества и в этом смысле подчиняемся универсальным правовым нормам. Но вместе с тем в преамбуле говорится о том, что мы чтим память наших предков, подчиняемся правовым традициям, которые сложились и невидимым образом присутствуют в нашей Конституции. Основной закон в этом смысле является квалификацией нашего национального правового опыта. Возникает вопрос: если первая часть, универсальное право, носит формализованный характер, а вторая часть, национальные правовые традиции, — неформализованный, что такое национальные правовые традиции?

Многие не вполне осознают, что такое национальные правовые традиции. Поэтому в наших рассуждениях присутствовали следующие ответы: первая точка зрения — у нас нет собственных правовых традиций, вторая точка зрения — у нас есть правовые традиции, потому что мы древняя нация с богатейшими традициями. Я убежден, что у России есть правовые традиции, потому что культура нашей страны не ограничивается тремя столетиями общения с европейским миром. Культура России (через религию, православие) восходит к Византии (а это развитый римский мир). В III веке римские юристы назвали себя жрецами, занимающимися юстицией. В выражении «Мы чтим справедливость» заложены основы российской правовой традиции.

Сегодня обсуждался вопрос, что лучше — закон или справедливость. Наша правовая традиция — справедливость. Не случайно у русского народа, в русской правовой культуре обостренное отношение к справедливости. У нас есть хорошие правовые традиции, в том числе советские, которыми мы можем гордиться и которые можем привнести в мир как собственный опыт. Не следует стесняться этого периода истории, например традиция советского здравоохранения — высокое достижение всего человечества.

Я не соглашусь с уважаемым коллегой Андреем Геннадьевичем Лисицыным-Светлановым, который назвал словом «традиция» то, что имеет негативный оттенок. Ибо этим высоким словом следует называть только то, что имеет позитивное содержание.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Когда мы говорим о традициях, речь идет прежде всего о позитивных явлениях. Но негативные тенденции существуют и, к сожалению, влияют на нашу жизнь и развитие.

В своем заключительном слове я хочу высказать некоторые суждения по поводу услышанного (может быть, они будут полезны для того, чтобы использовать их в научном процессе и при подготовке курсовых и дипломных работ). Фундаментальные знания, которые мы получаем, требуют практического преломления.

Отрадно, что заседание секции началось с выступления профессора Графского на тему толерантности. Безусловно, без толерантности невозможно взаимодействие. Но возникает вопрос о границах толерантности, чтобы она не превратилась в свою противоположность, и конкретных формах, в которых она может проявиться.

Что такое толерантность с точки зрения развития законодательства, как один из институтов внутреннего права? Этот вопрос связан с развитием института диспозитивности в праве. В сфере частного права это один из основополагающих моментов, но, тем не менее, он должен коррелировать с проблемами публичного права, по крайней мере в сфере регулирования экономики. Это одно из направлений развития, важное с практической точки зрения.

Другая проблема связана с толерантностью в сфере международно-правового регулирования. Основным источником международного права является международный договор, четкая и ясная норма права, которая зафиксирована с согласования обеих сторон. Но в реальности получило развитие так называемое «мягкое» право через национальное правоприменение (применение того, что не является безусловно императивным, через национальную юрисдикцию).

Следующий вопрос — использование общеправовых институтов. Подобные институты встречаются в различных странах, например можно упомянуть закон США об экспортном контроле (основание для ограничения экспорта — государственная безопасность, национальные интересы). Сам институт национального интереса не является чем-то абстрактным, он действует в разных правовых системах. Следовательно, вопросы, связанные с общеправовыми институтами, могут использоваться для регулирования как внутренних, так и международных отношений и также должны являться предметом внимательного изучения.

Несколько слов об инновационном развитии. В 1970–1980-е годы разрабатывался международный кодекс поведения в области передачи технологий. Кодекс был почти полностью согласован, но остались две статьи, которые различные государства не могли согласовать: право, подлежащее перемене в контракте при передаче технологий, и порядковое урегулирование споров. Эти сугубо правовые вопросы останавливают многолетнюю работу авторитетной комиссии.

В России закон о поддержке развития инноваций был подготовлен Академией наук. Но когда он был внесен на рассмотрение в Государственную Думу,

его не допустили к первому чтению. Появился другой закон, и сейчас мы находимся на том же месте, где и до того. Поэтому неправильно говорить в целом, например закон об инновациях. Нужно продумать, что можно сделать предметом регулирования (усилить, улучшить, отодвинуть, совершить определенные действия, которые регулировали бы развитие).

Следующий момент — спор о верховенстве международного или национального права. Речь главным образом идет о взаимодействии определенных институтов. Когда мы цитируем Конституцию, то говорим о том, что это общепризнанный тезис международного права, которое является частью правовой системы. Но общепризнанные принципы международного права не закреплены ни в одном международном договоре. Фактически речь идет об определенной модификации положений ООН. Они не обладают императивностью, но Конституция говорит о том, что в силу содержания и прогрессивности они являются частью правовой системы. Но коль скоро принципы международного права не императивны, они как часть правовой системы реализуются через национальное правоприменение.

Международный договор — это договор, который ратифицирован (он урегулирован, в нем четко определены стороны и предмет, за которые нельзя выходить). Но говорить о верховенстве международного права, о том, что международный договор стоит над иным договором, нельзя, он регулирует специальные отношения, о которых договорились стороны.

Несколько слов о суверенитете. Я согласен с теми, кто считает, что передача суверенитета или его делегирование — это позитивный процесс. Но существование и принудительное ограничение суверенитета, с использованием денег и других средств. Следовательно, в данном случае нельзя использовать общие подходы — победит тот, у кого есть средства. Поэтому говорить о суверенитете как об общей тенденции, характерной для современного развития, преждевременно.

В связи с вопросом об интеграции можно напомнить о рецепции права Франции в Бельгии. Рецепция права отнюдь не означает определенной унификации правоприменения.

И последнее — при обсуждении вопроса о глобализации права не была затронута тема, связанная с регулированием в сфере Интернета, которая поднималась на пленарном заседании. Что такое право в реальном пространстве? Это действие законов в пространстве и времени. Что такое право до возникновения Интернета? Это право «вытянутой руки», то, что власть могла сделать физически: закрыть, предоставить, отнять, передать. Право исторически возникло как право определенной территории. Интернет изначально выходит за рамки определенного места, следовательно, требует других подходов к урегулированию этого пространства.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, заседание нашей секции подошло к концу. Благодарю всех за участие в дискуссии!

Секция 5

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА И СВОБОДА СМИ

15 мая 2015 г. Аудитория № 249, СПбГУП

Руководители секции:

А. БАССАМ	директор Центра стратегических исследований (Дамаск, Сирия), заведующий кафедрой российских и турецких исследований, профессор Университета Дамаска
М. С. ГУСМАН	первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ
Т. КЕНТ	заместитель главного редактора агентства «Ассошиэйтед Пресс» (США)
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова

ДОКЛАДЫ

С. Р. Абрамов¹

ОБРАЗ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДА

«Национальный интерес» есть не только основополагающее понятие государственной политики, по своему объему превосходящее ряд используемых в политической практике понятий («государственные интересы», «жизненно важные интересы», «интересы отдельных групп и общностей»), но и важный фактор личностной идентификации. Национальные интересы являются способом интеграции потребностей и ценностей личности, общества и государства. Именно они приводят в движение нацию и направляют ее развитие.

Всякий ответственный политический деятель так или иначе руководствуется в своей практике не только личными и корпоративными, но и государственными и национальными интересами, однако, поскольку интересы могут не только совпадать, но и входить в разного рода противоречия (личные могут противоречить государственным и национальным, корпоративные — государственным, и даже государственные могут противоречить национальным²), подлинно выдающимися

деятели история признает лишь тех, кто сумели выстроить правильную иерархию интересов, подчинив личные, корпоративные и государственные интересы национальным. Правильное осознание национальных интересов позволяет государству и обществу реализовать функции выживания в меняющемся мире, обеспечить безопасность страны и успех ее развития, гарантировать гражданские права и свободы.

Если личные интересы сугубо индивидуальны, корпоративные имеют групповой характер, государственные едины для больших социальных групп (в идеале — для подавляющего большинства населения страны), то национальные интересы имеют всеобщий характер: именно они отражают единство нации.

Потребности личности в социально-политической сфере, где действуют большие социальные группы (социальные движения, политические партии, лоббистские организации), в большей степени удовлетворяются в рамках этих групп или с их помощью. В социально-политической сфере удовлетворение потребностей приобретает массовый характер. Это означает, что мы имеем здесь дело с реальностями политики, где действуют большие и сверхбольшие группы людей. Если во внутренней политике интересы личности представляют партии и группы давления, то на международной арене как государственные, так и национальные интересы представляют государства.

Национальные интересы России многообразны, но в целом они определены как потребностями выживания, безопасности и развития страны, так и ценно-

¹ Профессор кафедры английского языка СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Филологическая герменевтика: очерк истории и теории», «История филологической герменевтики и толкование сакрального и поэтического текста»; статей «Казус Филона Александрийского: встреча иудейской и эллинистической традиций», «Язык и смерть», «Вещь в кривом зеркале рекламы», «Искусство во тьме тщеславия», «Христианская идея Логоса как историческое обоснование нашей общности» и др.

² Очевидно, что преследование личных и корпоративных интересов в ущерб государственным или национальным происходит столь часто и повсеместно, что не имеет смысла приводить примеры. А вот примером противоречия государственных и национальных интересов может служить ныне существующее государство Украина. Попытки этого государства сохранить целостность ценой геноцида части населения и добровольной утраты сувер-

нитета (в пользу США и Евросоюза) противоречат национальным интересам. И едва ли это противоречие будет разрешено в пользу государственного интереса.

стями исторического и культурного наследия, а также перспективой дальнейшего процветания. Ганс Моргентау определяет национальные интересы как долговременные, жизненно важные для всей нации выражения общности¹. В таком случае национальные интересы воплощаются в стремлении представителей одной нации к объединению на основе общности культуры, то есть языка, семейных, религиозных, моральных, этических традиций и обычаев, на основе общей политической системы, общей политики. Моргентау также указывает, что национальный интерес отличается от общественного интереса. Национальные интересы обеспечиваются внешней политикой, а общественные — внутренней.

Исходя из сказанного, можно признать, что любое государство в той или иной степени опирается на общенациональный интерес, то есть выражает потребности представляемой социокультурной общности. В конечном счете именно на этом базируется легитимность государственной власти. Однако именно национальное государство — оптимальный инструмент выражения и реализации национальных интересов, поскольку в нем гармонизированы интересы и права личности с корпоративными, общественными, государственными и национальными интересами.

По сути дела, национальные интересы воплощают в себе двуединство гражданского общества и государства, взаимодействие между ними. Нарушение этого взаимодействия, гегемония одного из начал и слабость, подавленность другого наносят ущерб национальным интересам, деформируя их. Так, при деспотической форме правления гражданское общество находится в подавленном состоянии и тоталитарная власть навязывает обществу свое видение национальных интересов, в котором объективно-исторические тенденции и социокультурные потребности данной национальной общности отражаются односторонне и искаженно. В случае же гегемонии гражданского общества и слабости государства общий публичный интерес лишается институциональной опоры и государственно-правовой защиты. Тогда воцаряется «оргия» частных, по большей части корпоративных интересов, каждый из которых претендует на общенациональный статус. Общество возвращается в анархию и хаос.

Важно также понимать, что национальные интересы — объективная данность. Они базируются на своеобразии геополитического положения государства и связанных с ним особенностях экономического и социокультурного развития; при этом они опосредуются особенностями человеческой природы. Поэтому всякий государственный деятель обязан исходить из того, что хорошая политика — это рациональная политика, опирающаяся на правильно понимаемые национальные интересы. К числу основополагающих постоянных национальных интересов относятся среди прочих: защита территории, населения, государственных институтов от внешней опасности; развитие внешней торговли; обеспечение роста инвестиций; защита частного капитала за границей. Очевидно, что реа-

лизация успешной внешней политики, учитывающей эти национальные интересы, затруднена или вовсе невозможна при возникновении неблагоприятного или враждебного образа государства в общественном сознании внешнего мира. Имидж государства по праву должно рассматривать как национальную ценность международного значения, существующую в контексте конкретного пространства и времени. Идеологическая и информационная борьба в современном мире обретает острые формы, и одной из ее целей является создание отрицательного имиджа геополитического конкурента. Как создается и функционирует этот имидж, как воспринимается Россия общественным сознанием Запада? Как истолковываются и оцениваются ее национальные интересы? Каковы методы создания имиджа России в информационном поле западной цивилизации? Чем определяются особенности западного восприятия России? Каковы устойчивые параметры этого образа? И наконец, можем ли мы, не поступаясь национальным достоинством, национальными интересами и безопасностью, способствовать формированию собственного положительного образа? Этот круг вопросов мы и рассмотрим далее.

Образ России в глазах Запада (как и всякий образ вообще) может не обладать портретным сходством с оригиналом или такое сходство может быть весьма отдаленным. В большинстве случаев образ подчиняется собственным закономерностям возникновения, функционирования и развития. Но именно это свойство делает его особенно ценным как для понимания оригинала, так и в более широком культурно-мировоззренческом и практическом смысле. То, как Россия воспринимается в других культурных регионах, в частности на Западе, позволяет взглянуть на нее со стороны, под новым, порой неожиданным углом зрения.

Некоторые имиджевые параметры системы «Россия–Запад» очевидны. Один из устойчивых — восприятие России как «восточной экзотики». Претерпевая историческую эволюцию, Запад в отдельные периоды в большей или меньшей степени склонялся к положительной оценке культурно-исторической сущности России. Однако при всех условиях Россия воспринималась им как нечто отличное от него самого, как особый мир, обладающий чуждыми характеристиками, непонятным образом жизни, иной ментальностью и культурой.

Сто лет назад было сделано наблюдение, которое актуально и сегодня: «Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством. Даже Толстой и Достоевский привлекают западного культурного человека как экзотическая пища, непривычно для него острая»². Приведенные слова ярко характеризуют одну из устойчивых тенденций западного восприятия России. В них можно усмотреть также указание на то, что на Западе сложился некоторый особый образ, функция которого — преломлять российские реалии.

¹ См.: Межуев Б. В. Концептуализация «национального интереса» в политических дискуссиях // Социальные исследования в России. Берлин; М., 1998.

² Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 9.

Очевидны здесь объективные факторы отчуждения и непонимания, порождающие ряд проблем. В частности, довольно широко распространено убеждение, что Запад органически не способен понять Россию (речь идет о понимании в герменевтическом смысле, то есть в смысле «вживания», «вчувствования», постижения духа). И. Ильин, скажем, видел три основные причины такого непонимания¹. Первая — языковая: русский язык не принадлежит к доминирующим романской или германской группе и к тому же вытеснен из основной части Европы. Вторая — Западу чужда русская православная религиозность: Европа искони шла за Римом — сначала языческим, затем католическим; русскими же воспринята византийская (восточнохристианская) религиозная традиция. Третья причина связана с национальными особенностями мировосприятия и психологии: «Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением и лишь затем волею и умом»².

Следует также отметить, что западный мир вообще склонен обостренно-негативно воспринимать любые проявления активности со стороны других цивилизаций. Любая декларация чужих национальных интересов, не говоря уже об их деятельной защите, привычно воспринимается на Западе как проявление агрессии. Склонность Запада видеть агрессивный замысел там, где, по мнению других участников международного процесса, его нет, необходимо принимать как данность, которой не следует пренебрегать. Историческая ирония при этом состоит в том, что именно Запад ведет себя крайне агрессивно по отношению к внешним силам. А. Тойнби, объективный и тонкий аналитик, саркастически заметил в связи с этим, что если западный человек сумеет «хотя бы на несколько минут покинуть “свою кочку” и посмотреть на столкновение между Западом и остальным миром глазами огромного незападного большинства человечества», то он обнаружит непривычную для него картину: «Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные — ответят одинаково. Запад, скажут они, — это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии»³.

В восприятии Западом России важную роль играет система сложившихся «мифов» — стереотипных представлений, тиражируемых средствами массовой коммуникации, массовой и популярной культурой, кинематографом и постоянно воспроизводимых в разных формах массового общественного сознания⁴. Наиболь-

ший интерес представляют коллективные мифы, выражающие некоторые идеализированные представления данной общности людей о ее особенностях, ее месте в мире и об отношении к другим общностям. Миф следует отличать от изолированных культурных стереотипов, которые могут и не сложиться в целостную систему. Так, внутри западного мира существуют определенные «семейные» стереотипы относительно особенностей национального характера: «все англичане высокомерны», «французы жадны», «итальянцы разговорчивы и многодетны» и т. п. Однако во восточную и взаимосвязанную мифологическую систему они не складываются. Этому препятствует как географическая, так и культурная близость народов Запада. Миф предполагает определенную дистанцированность от мифологизируемой реальности. Тем самым само существование мифа свидетельствует о факте известной отчужденности объекта мифологизации по отношению к тем, кто является носителем мифа.

Надо учитывать, что коллективный миф целиком не определяется политикой и не зависит от нее настолько, чтобы непосредственно следовать за колебаниями политической конъюнктуры. Миф обладает относительной независимостью от переменчивости политического климата, поскольку является феноменом многосторонним и многообразным. Его характерной чертой следует считать относительную устойчивость на протяжении весьма длительного исторического времени.

Запад обнаружил, что Россия — это особый мир. Соприкасаясь с российскими реалиями, западный человек, как правило, легко убеждается, что различия между Россией и Западом гораздо значительнее, чем между отдельными странами Западной Европы. Очевидно, что Россия не укладывается в рамки западной цивилизации. Столь же очевидным для людей Запада является факт, что Россия не может быть отнесена и к Востоку, хотя в ряде случаев подчеркивается восточное происхождение черт российской культуры. По меньшей мере с XIX века Россия все больше представляла перед Западом как особая вселенная, во многом загадочная и непонятная, исключительно своеобразная и разнообразная, с особым образом жизни и мысли, культурой и традициями. Со второй половины XIX века на Западе появляются серьезные обобщающие труды, посвященные всестороннему изучению России.

Ядро западного мифа о России составляют, несомненно, представления о ней как стране внутренне-го деспотизма и внешней агрессивности. Американский автор М. Малиа отмечает: «На Западе российская традиция, будь то при царях или при Советах, обычно вызывала чисто павловский рефлекс: “деспотизм” и “шовинизм” дома вели к “экспансионизму” и “империализму” за границей. Столь же рефлексивным было суждение, что эти характеристики вечны и неизменны»⁵. Надо отметить, что происшедшее в России крушение тоталитаризма и демократические преобразования в общем и целом не привели к ради-

¹ См.: Ильин И. А. Наши задачи. М., 1992. С. 114.

² Там же. С. 115.

³ Тойнби А. Цивилизация перед лицом истории. М., 1995. С. 327.

⁴ Слово «миф» надо понимать не как синоним ложного знания или ошибочного представления, а в широком философском смысле — как совокупность стереотипов сознания, основанных преимущественно на вере и не подверженных осознанной рефлексии при обычном («нормальном») течении жизни. Миф играет важную роль в жизнедеятельности человека, так или иначе определяя (хотя и не целиком) все стороны человеческого бытия (См.: Ша-

повалов В. Ф. Восприятие России на Западе. Мифы и реальность // Общественные науки и современность. 2000. № 1).

⁵ В раздумьях о России. XIX век. М., 1996. С. 417.

кальной перемене западного взгляда на Россию. Тот же автор пишет: «После крушения коммунизма часть представителей западного общественного мнения отказывается верить, что московский медведь и в самом деле сменил шкуру, и полагает, что он скоро может вернуться в облики русского “фашизма”»¹. Думается, что эти опасения в немалой степени преувеличены. Однако они лишний раз свидетельствуют об устойчивости и исключительной живучести сложившихся представлений, об их известной независимости от общественно-политических процессов, в действительности протекающих в России, и от того, как видят эти процессы сами россияне.

В. Ф. Шаповалов в своей программной статье выделяет три типа западного мифа о России, а именно: бытовой, литературный и политический.

Бытовой миф рожден в рамках литературы о путешествиях. При кажущейся простоте задачи описания бытовой стороны жизни другого народа — в действительности это исключительно сложный процесс, требующий вживания в обстановку. Поскольку организация быта в России с точки зрения представителей западной цивилизации стоит на весьма низком уровне, то европеец, как правило, не идет на бытовое сближение. Он предпочитает оставаться в искусственно созданных для него условиях и занимает позицию пассивного наблюдателя. Со стороны же многие явления иной бытовой культуры остаются неясными, а объяснение их в рамках привычных европейских норм еще больше искажает действительность.

В основе литературного мифа — отождествление художественного мира русской классической литературы и российской действительности как таковой. Предполагается, что по литературным коллизиям можно судить о жизненных реалиях, что литература тождественна последним. Творцами этого мифа о России чаще всего выступают сами русские. Западная позиция здесь, в известном смысле, пассивна: выбирается лишь понятное и укладывающееся в утвердившуюся ранее доминанту.

Политический миф базируется на представлении России страной политического деспотизма. Устойчивость столь нелестного суждения часто объясняют якобы присущей российскому населению склонностью и даже любовью к несвободе, к рабству. Сознание западного обывателя в абсолютном большинстве случаев категорически отвергает мысль, что Запад сам приложил руку к торжеству крайне непривлекательного и осуждаемого там политического строя. Поэтому

признания, сделанные в свое время А. Тойнби, — редкое исключение из правил: «Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться <...> игу коренной власти в Москве, ценной самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить... Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако <...> русские научились терпеть ее оттого, что, без всякого сомнения, считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями»².

Западный миф о России, взятый в единстве политической, литературной и бытовой составляющих, расщеплен множеством вырванных из контекста деталей российской истории. Вместе с тем нередко люди, разделенные между собой столетиями и наблюдавшие Россию при резко отличавшихся общественно-политических порядках, подмечают в российской жизни одни и те же характеристики. Чаще всего нас упрекают в якобы слепом и неумелом копировании, заимствовании внешних форм. В качестве другого постоянного недостатка нам приписывается неспособность к коллективным действиям. Можно, пожалуй, согласиться с западными критиками России в одном: индивидуализм западного мировосприятия удивительным образом сочетается со сплоченностью при достижении общественно значимых целей, у нас же дело нередко обстоит наоборот: декларации о единстве и «соборности» так и остаются декларациями, в то время как способность к совместным выступлениям и поддержке друг друга крайне низка.

В заключение отмечу следующее. Для реализации национальных интересов России крайне важно формирование ее положительного образа. Добиться, чтобы образ России в глазах Запада стал преимущественно положительным, невозможно только лишь прямым опровержением мнений, представляющих нам ложными. Тем более нельзя постоянно прибегать к резким «отповедям», выражению негодования, хотя, по видимому, без этого не обойтись. Не следует, с другой стороны, полагать, что положительный образ России в глазах Запада и всего мира сформируется автоматически, «сам по себе». Процесс формирования коллективного культурного мифа сложен и долговременен, и устойчивость мифа необычайна. Идеологам и культурной элите России предстоит нелегкий труд по созданию положительного мифа о России на Западе.

¹ В раздумьях о России. XIX век. С. 418.

² Тойнби А. Указ соч. С. 329.

Г. М. Бирженюк¹

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В системе глобальных вызовов — экономических, политических, военных, культурных — значительную роль играет информация. В XX веке она приобрела тотальный характер, благодаря различным техническим средствам она сопровождает человека во всех значимых сферах жизнедеятельности — в быту, на работе, в сфере досуга, на транспорте и т. д. Средства массовой информации (СМИ) оказывают существенное влияние на сознание больших масс людей и влияют на их экономическое поведение, политические взгляды, потребительские предпочтения, художественные вкусы. В итоге информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) «оказывают решающее воздействие на изменения, которые происходят в социальной структуре общества, экономике, развитии институтов демократии»².

Сегодня ИКТ стали важным фактором международных отношений, формируя в сознании элит и масс представления о национальных интересах и приоритетах политики, определяя «врагов» и «друзей», наделяя их определенными чертами, стимулируя желаемые формы политической активности и подавляя нежелательные. Более того, как подчеркнул в обращении к участникам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества Генеральный секретарь ООН К. Аннан, «информационно-коммуникационные технологии являются движущими силами глобализации»³.

Благодаря ИКТ меняются традиционные и возникают новые формы и механизмы осуществления власти. Возникшая в XX веке посредством ИКТ массовая личность стала объектом применения новых технологий управления массовым сознанием. Возникла во многих отношениях уникальная технология исключения масс из политического процесса путем псевдоактивизации политической активности населения. Людям кажется, что они принимают решения, выражают свое мнение по актуальным вопросам, в то время как эти мнения и решения были им трансплантированы в сознание и подсознание с помощью различных источников информации. Псевдоактивность масс с помощью манипулятивных технологий может быть легко центрирована на псевдопроблемах, позволяя власти принимать решения, реально затрагивающие интересы значитель-

ной части населения при полном безразличии объекта управленческих решений, умело отвлеченного на нечто второстепенное. Не случайно М. Кастельс в известной работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» делает вывод, что «генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти»⁴.

Развитие ИКТ имеет как минимум два следствия. С одной стороны, усиливается контроль над сознанием и поведением личности, увеличивается риск негативного влияния виртуальной реальности на ее поведение, мышление и деятельность. С другой стороны, возникают новые и весьма действенные механизмы во внутренней и внешней политике, поскольку ИКТ являются одним из важнейших факторов силы государства. Возможность внедрения этих технологий в экономические, военно-политические, культурные процессы определяет глобальное соотношение сил на международной арене. Поэтому важной сферой государственного управления и стратегической целью политики сегодня стал контроль над информационными потоками. В то же время развитие ИКТ ограничивает возможности такого контроля, что создает проблемы обеспечения государственного суверенитета и в итоге — реальную угрозу национальной безопасности. Не случайно в Окинавской хартии глобального информационного общества, принятой странами «Большой восьмерки» 22 июля 2000 года, отмечено, что «информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века»⁵.

В контексте глобализации фактом стало усиление дифференциации отдельных цивилизаций, их противоборства вплоть до столкновения. В частности, обострилась борьба за статус и ресурсы, права и влияние различных стран в пределах конкретного региона и мирового сообщества в целом. Это порождает масштабные конфликты, которые все чаще принимают бескомпромиссные формы, оборачиваются насилием и кровью, социальными взрывами и политическими переворотами, расколами как внутри стран, так и внутри их ассоциаций, союзов и других форм кооперации. Значительное место в этих процессах принадлежит ИКТ. В частности, сегодня возник феномен гибридных войн, представляющих собой комбинацию традиционных средств ведения войны с мерами экономического, политического, информационного воздействия. В условиях такой войны во многом стирается граница между фронтом и тылом, между завоеваниями и потерями. Более того, размываются критерии войны и мира, и сегодня в от-

¹ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Научная школа педагогической культурологии», «PR-технологии как ресурс оптимизации социально-трудовых конфликтов», «Глобальные процессы как фактор формирования глобальной культуры», «Культурология образования: цели, задачи, возможности» (в соавт.), «Инновации в туристской отрасли: источники, механизмы, проблемы», «Диалог культур и цивилизаций в современном мире», «Социально-трудовые конфликты в странах СНГ: проблемы интеграции научного знания и практики в контексте глобализации» и др.

² Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 7.

³ ITU News. 2003. № 10. P. 4.

⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 42.

⁵ Окинавская хартия глобального информационного общества // Развитие информационного общества в России: сб. док. и материалов / под ред. Н. В. Борисова, Ю. Е. Хохлова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. Т. 2: Концепции и программы. С. 63.

ношении ряда стран неясно, находятся ли они в состоянии войны или мира.

В результате целенаправленного применения ИКТ, которые определяют повестку дня и обладают значительными ресурсами по формированию общественного мнения, чьи содержание и направленность целиком определяются властью и финансово-промышленными группами, владеющими медиаресурсами, как показывает опыт последнего времени, многие страны и народы, имеющие многовековые и многолетние культурные, экономические, научно-технические, политические связи, могут практически мгновенно вступать в конфронтацию и противостояние, граничащее с военным. Информационная сфера стала одной из ведущих областей жизнедеятельности общества. Соответственно с дальнейшим развитием этой сферы социальной практики политическая, экономическая, оборонная и другие составляющие национальной безопасности любого государства все больше будут зависеть от информационной безопасности.

Глобализация информационных процессов, формирование глобального информационного пространства, прогресс в развитии ИКТ привели к появлению феномена «информационные войны». Информационная война может предшествовать иным формам противостояния государств, сопровождать военное противостояние, и подчас именно она оказывается предпочтительнее прямого военного вторжения. Информационная война, в отличие от традиционных войн, не является объектом международного регулирования (ООН), и участие в такой войне не рассматривается международными структурами (Международный трибунал в Гааге) как преступление. В экономическом плане затраты на такую войну несопоставимы с расходами на ведение реальных боевых действий. Начало такой войны далеко не всегда можно зафиксировать и своевременно организовать контрдействия. Исходя из анализа информационных войн XX века, В. Жуков делает вывод, что информационное противоборство может рассматриваться «в качестве особой формы межгосударственных отношений»¹.

Информационные войны породили ряд новых вызовов в виде рисков и угроз, что актуализировало проблему информационной безопасности, которую Всемирная федерация ученых в августе 2000 года назвала первой в списке угроз человечеству в XXI веке². Современная информационная война чаще всего проявляется в применении во внешней политике средств и методов целенаправленного информационного воздействия на сознание руководства и населения стран-мишеней. Понимание угроз, которые связаны с применением современных ИКТ, обусловило повышенное внимание к проблеме международной информационной безопасности, которая в документах ООН определяется как «состояние международных отношений, исключающее нарушение мировой стабильности и создание угрозы

безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве»³. По мнению авторитетных исследователей проблем информационной безопасности И. Н. Панарина и Л. Г. Панариной, «уже ясно, что в XXI веке информационная война есть основное средство современной мировой политики, доминирующий способ достижения политической и экономической власти»⁴.

Все это порождает проблему ответственности СМИ как ведущей формы бытования ИКТ. Сегодня большинство традиционных для журналистики вопросов и ранее найденных на них ответов либо оказываются неубедительными, либо обнаруживают свое несоответствие сложившейся и складывающейся реальности. Когда-то поэт призывал приравнять перо к штыку (В. Маяковский «Домой»). Это стало в наши дни реальностью. В ситуации информационной войны (а в ряде случаев государство оказывается втянутым сразу в несколько информационных войн) журналист, выступающий по вопросам международной политики, экономики, культуры, объективно оказывается на передовой, и здесь вопросы журналистской этики, критериев оценки журналистского мастерства, показатели профессионализма и тому подобные начинают существенно корректироваться. Фактически он часто перестает по ряду параметров быть журналистом, поскольку объективность, честность, нравственность часто приходится приносить в жертву политической целесообразности, другим соображениям и мотивам прагматического характера.

С другой стороны, имеются многочисленные случаи, когда журналисты подвергались различным формам давления (судебные иски к изданиям, закрытие СМИ, увольнение журналистов с работы и т. п.) в тех случаях, когда выражали мнения, отличные от официальной точки зрения, обнародовали факты, нежелательные с точки зрения действующего режима.

Все это обуславливает необходимость специального исследования ряда вопросов, к числу которых относятся:

- оценка последствий воздействия ИКТ на международные отношения;
- исследование современного состояния мировой политики под углом ИКТ-факторов;
- выявление сфер социальной практики, наиболее подверженных информационным вызовам;
- анализ существующих в настоящее время угроз и вызовов безопасности, обусловленных развитием ИКТ в национальном и региональном масштабах;
- объективная оценка социально-политических и социально-психологических последствий современных информационных войн;
- рассмотрение основных видов, форм, уровней и других параметров информационного противоборства;
- определение функций СМИ в условиях информационной войны и этических норм журналистской деятельности с учетом специфики современного информационно-политического глобального пространства.

¹ Жуков В. Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 1. С. 2–9.

² Информационные вызовы национальной и международной безопасности / И. Ю. Алексеева [и др.]; под общ. ред. А. В. Федорова, В. Н. Цыгичко. М.: ПИР-Центр, 2001. С. 5.

³ Документы Генеральной Ассамблеи ООН A/55/40, 10 июля 2000 г. // Информационные вызовы национальной и международной безопасности. С. 315.

⁴ Панарин И. Н., Панарина Л. Г. Информационная война и мир. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 4.

Е. Г. Борисова¹

АГРЕССИВНОСТЬ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ИСТОЧНИКИ И СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ

1. Обвинения участников коммуникации в избыточной агрессивности стали обычным делом. Причем накал напряженности отмечается в самых разных источниках, в том числе традиционно более уравновешенных СМИ, относящихся к либеральному типу и следующих тактике «гонца, приносящего вести»². На это обратил внимание А. Б. Чубайс в интервью во время прощания с убитым Б. Е. Немцовым: «Все должны остановиться».

Под агрессивностью в данном случае мы понимаем высокий накал эмоций в устных и письменных текстах, в первую очередь эмоций негативной окраски: возмущения, ненависти, злости, гнева³. (Существует и несколько иное понимание агрессивности, связанное с особенностью риторического поведения — напора говорящего, не уступающего инициативы адресату.) Любое общение, связанное с высокой эмоциональностью по отношению к собеседнику или третьему лицу, отличается изменением аффективного состояния всех участников. Это, в свою очередь, снижает способность к оценке сообщаемого с точки зрения истинности, то есть снимает защитный барьер, который выставляют все коммуниканты, чтобы избежать обмана.

2. В тактиках использования сетей для воздействия на читателей (в целом такое до недавнего времени называли троллингом) подобный прием называется флеймингом, то есть поджогом. Он приводит к уходу от обсуждения тезиса, а следовательно, к невозможности его доказать. Собеседники начинают перебрасываться оскорблениями, и важный тезис, нежелательный для флеймера, забалтывается.

Интернет-коммуникации развиваются, в частности для обмена мнениями создаются удобные сервисы — соцсети. Они в меньшей мере допускают ту глубину обсуждения, которая возможна на выходящих из моды форумах, однако обеспечивают быстроту коммуникации (и соответственно нередко спонтанность и непродуманность) в ограниченных или открытых сообществах. Стоит обратить внимание на тот факт, что использование сетей, и в первую очередь Facebook, получило широкое распространение среди руководства Украины, пришедшего к власти в результате государственного переворота 22 февраля 2014 года. Неодно-

кратно отмечалось, что сообщения об указах президента Украины П. Порошенко и приказах министра внутренних дел А. Авакова появлялись на их страничках в Facebook раньше, чем в официальных средствах массовой информации. Стоит отметить также страничку помощника президента А. Герашенко, где в большом количестве появлялись необоснованные обвинения России, сообщения о «колоннах танков» и т. п. Достаточно вспомнить, что почти сразу после катастрофы малайзийского «Боинга» в небе над Донбассом на страничке А. Герашенко появился пост с заголовком: «Будь ты проклят, Путин!», притом что определить реального виновника было тогда физически невозможно.

3. Такие средства коммуникации влиятельных лиц, организаций фактически играют роль средств массовой коммуникации и массмедиа. Хотя печатные СМИ еще не дошли до уровня безответственности, отличающего соцсети, где запись может быть оперативно убрана или изменена. Многие особенности такой коммуникации переносятся и в печатные и электронные СМИ. Это относится и к степени агрессивности многих сообщений и выступлений на радио и ТВ. Особо разительными представляются такие «новации» в СМИ либеральной направленности, для которых в целом характерно хотя бы внешнее стремление к «непредубежденности» (impartiality).

4. В анализируемый нами период — 2011–2015 годы — вспышка агрессивности в массмедиа имела два пика. Первый был связан с президентскими выборами 2012 года, когда в первом туре и вполне предсказуемо был избран В. В. Путин, а второй явился отражением событий на Украине, в частности Евромайдана и госпереворота («Революции достоинства»). Часть приемов перешла к последнему этапу от первого и от киевских соратников.

Состояние интернет-пространства после Евромайдана отличается значительным накалом эмоциональности и агрессивности. Одним из главных средств остается оскорбление собеседников, прямое (*Вата тупая*) или косвенное — через негативную оценку сообщения этого собеседника (*Гов... вброс!*), или каких-то ценностей или личностей, важных для адресата (*Ваши рузье мир — это финно-угорское болото*). Основным средством остаются инвективы: слова, несущие негативную оценку и вызывающие обиду и возмущение у адресата⁴. В русском языке (как и в других) есть небольшое количество лексики, оцениваемой как ругательство, — начиная с так называемого мата и заканчивая словами, вошедшими в литературный язык: *сволочь*, *негодяй* и т. п. Все это, наряду с вульгаризмами, просторечиями, жаргоном (*козел*, *овца*), широко представлено в русскоязычных постах, комментариях, записях в сетях.

¹ Профессор кафедры массовых коммуникаций Московского городского педагогического университета, доктор филологических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Understanding by communication» (в соавт.), «SoftPower, мягкая сила, мягкая власть. Опыт междисциплинарного исследования» (ред.), «Основы руморологии. Теория и практика управления слухами» (в соавт.), «Язык общественно-политической коммуникации», «Язык в основе взаимопонимания (к итогам конференции «Понимание в коммуникации-5'»)», «Ассоциативная сеть как основа представления содержания сообщения» и др. Член Международной прагматической ассоциации (IPrA).

² Борисова Е. Г. Язык общественно-политической коммуникации. М.: МГПУ, 2012.

³ Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления: учеб. пособие. М.: Флинта, 2004.

⁴ Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 2001.

Однако употребление такой лексики негативно оценивается в русской культуре (что относится и к хорошо знакомым с ней жителям Украины и дальнего зарубежья). Поэтому в ответах нередко делаются замечания с осуждением низкого уровня ругающегося. В результате в спорах стали использоваться неологизмы, представляющие собой оскорбительные обозначения противника¹. Надо сказать, что противники нынешней украинской власти, а до того — Майдана, не очень поднатерели в выборе оскорблений. Во время Майдана встречалось оскорбительное *рагули* и *бандеровцы* (или *бандеровцы*, как говорили на Восточной Украине), что традиционно относилось к жителям Западной Украины, Галиции, то есть предполагалось, что основная масса активистов Майдана — жители Западной Украины. Участники Майдана 2004–2005 годов получили тогда прозвище «майданутые», что было применено и в 2013–2014 годах. Появилось и новое *майдауны*. Противостоящая сторона проявила больше избирательности. Наряду со встречавшимся и ранее обозначением жителей Донбасса *даунбассы* блогеры, поддерживавшие Майдан, а вслед за ними и пресса ввели слово *титущики* (купленные властью противники Майдана; слово появилось во время столкновений еще весной 2013 г. и представляет собой фамилию спортсмена, который сознался, что его привлекли к выступлениям за президента Януковича за деньги).

Позднее, во время военных столкновений на Донбассе, основным оскорблением противника сторонники теперь уже новой украинской власти сделали слово *колорад*, в смысле *колорадский жук*, поскольку противники носили георгиевскую ленточку в знак верности не С. Бандере, а советской армии-победительнице. С конца марта 2014 года стало употребляться находившееся на периферии Рунета слово *ватник*. Как ни странно, у слова, и тем более у его переделки *вата*, оказался значительный оскорбительный потенциал. Попытки ввести нечто аналогичное с противоположной стороны (*шароварник*, *нацююрник*) успеха не имели. Слово *укроп* с самого начала воспринималось не столь оскорбительно, что позволило украинским властям использовать шевроны с этими наименованиями.

Высокий уровень агрессии в блогах задавался всечелеским подчеркиванием тупости и «зомбированности» противника, что очень характерно для украинской стороны. Очевидно, идея «зомбированности» была фрагментом не спонтанного творчества масс, а продуманного плана, о чем свидетельствует, среди прочего, номинация российских СМИ «КисельТВ». Для россиян она долго была загадочной, так как Д. Киселев не был столь популярен у российских телезрителей, чтобы

в его честь называть все российское телевидение. В целом с украинской стороны было осуществлено продуманное пропагандистское воздействие, включая номинации типа «Небесной сотни». Значимо и то, что название госпереворота «Революция достоинства» возникло через некоторое время после этого события, видимо, когда его цели, заявленные ранее, перестали обладать достаточной притягательностью.

5. С лета 2014 года стало принято говорить об информационной войне между Россией и Украиной, хотя точнее было бы говорить о войне между СМИ, поддерживаемыми властью России и Украины, ибо участники этой войны находятся по обе стороны границы. Это, а также то, что война развернулась в общем информационном пространстве, является спецификой данного явления. Рост взаимной ненависти оказался обескураживающим для многих жителей обеих стран. В частности, когда украинская сторона выступила с заявлением: «Никогда мы не будем братьями!» (осень 2013 г.), это вызвало довольно болезненную реакцию со стороны россиян, которые не могли воспринимать своих «почти соплеменников» как врагов. Однако после военных действий 2014 года, гибели мирных жителей оскорблений в адрес украинцев и заявлений о ненависти к ним со стороны россиян стало гораздо больше. Этому способствовали и обильные цитирования российскими СМИ публичных высказываний украинских политиков и общественных деятелей.

События на Украине легко вписываются в мировой контекст, в частности в стратегию «управляемого хаоса», провозглашенную «неоконами» США в начале тысячелетия и нашедшую воплощение в «арабской весне». По этой логике нарастающая ненависть между двумя нациями, многие века бывшими единым народом, является фактором, способствующим реализации этой концепции. Если учесть, что ситуация в мире накануне краха долларовой системы предельно обострена, агрессивность граждан, предчувствующих страшную опасность, объяснима. И в то же время она, как система с обратной связью, может способствовать трагическому развитию событий.

6. В целом можно отметить, что использование сквернословия и оскорбительной лексики, широко распространенное в Интернете, легко перешло в СМИ и публичное общение (вплоть до билбордов с карикатурами на Путина и аббревиатурой, намекающей на площадное ругательство). Уровень агрессивности приблизился к ситуации информационных войн. Все это заставляет искать пути регулирования общения в Сети, которые не позволили бы привести к разжиганию ненависти, проникающей в массовую коммуникацию.

¹ Жаботинская С. А. Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан–Антимайдан : словарь-тезаурус лексических инноваций. URL: http://uaclip.at.ua/zhabotinskaja-jazyk_kak_oruzhie.pdf

Ю. С. Голигорский¹

РОССИЙСКИЕ СМИ В ДИАЛОГЕ «ВОСТОК–ЗАПАД»: ВЗГЛЯД С ЗАПАДА

Начнем издалека, с того времени, когда телевидения не было вообще, а радио только-только начиналось как серьезное средство массовой информации.

Итак, март 1925 года, званый ужин в зажиточном лондонском доме, где завязывается оживленная дискуссия о степени влияния каждой присутствующей персоны.

— Я, — сказал тогдашний премьер-министр Великобритании Стэнли Болдуин, — недавно опаздывал на встречу, но, к счастью, полицейский узнал мою машину и показал моему водителю, чтобы мы проезжали по противоположной стороне Пикадилли, то есть против движения. Так что, слава богу, я не опоздал. Вот что значит быть премьер-министром...

На создателя Би-би-си лорда Рита, сидевшего напротив премьера, этот рассказ не произвел впечатления:

— Я, — сказал Рит, — сидя в своем кабинете, могу поднять телефонную трубку, отдать короткий приказ, и через минуту мой голос услышат по радио миллионы жителей Великобритании...

Премьер-министр был вынужден признать, что уступает в способности влиять тому, в чьих руках радио.

В далекие 1990-е годы эту историю я часто рассказывал своим слушателям — журналистам из только что распавшегося Советского Союза, которых Би-би-си (кстати, за счет британского налогоплательщика!) приглашала на специально созданные курсы. Эта история, как и многие другие о взаимоотношениях власти и журналистов в Великобритании, пользовалась неизменным успехом у моих слушателей.

Сегодня, глядя на некоторых российских журналистов из числа тех, кто проходил стажировку на Западе, я испытываю смущение и даже, если хотите, стыд: они, как видно, не совсем верно поняли мои рассказы и не усвоили, что статус и положение не освобождают журналиста от соблюдения элементарных этических норм. Недостаточно пользоваться лишь правом беспрепятственно проникать через радио и телеэфир в дома слушателей и зрителей. Надо, чтобы твои слушатели и зрители еще и верили тебе, как в те далекие годы британцы верили лорду Риту и его коллегам, потому что никто не сомневался в независимости их суждений.

Через много лет после лорда Рита мои коллеги по Би-би-си Мэри Дежевски и Ангус Роксборо, ставшие со временем известными комментаторами ведущих британских газет, продолжают традицию независимой журналистики. Они, в частности, довольно резко критикуют политику Великобритании в вопросе отношений между Россией и Украиной. Лишь чуть менее остро отзываясь о нынешней британской политике известный колумнист газеты «Таймс» Мэтью Пэрис — в прошлом депутат парламента от Консервативной партии. Но в Великобритании никому не придет в голову

называть этих видных журналистов «национал-предателями», «пятой колонной» или «путинистами».

Широкая палитра мнений, которую ежедневно выносят на суд своих читателей, слушателей и зрителей британские СМИ, делает их столь привлекательными. И хотя практически каждое СМИ имеет свою четко выраженную политическую ангажированность, мало кто из них рискнет отказать своему политическому оппоненту в предоставлении платформы. Это не только неэтично, но и лишено коммерческого смысла — тиражи упадут.

Примечательно, что созданной по Королевской хартии Британской широкоэвещательной корпорации — Би-би-си — вовсе не ставилась задача вещать «беспристрастно». В первоначальной вещательной лицензии, полученной Би-би-си в 1923 году, сказано лишь, что корпорация должна «эффективно передавать в эфир программу по теме, которая отвечала бы разумным требованиям генерального почтмейстера...»

В Королевской хартии от 1927 года также нет ни слова о беспристрастности... Создатели Би-би-си во главе с уже упомянутым лордом Ритом сами *избрали* для себя путь объективной и беспристрастной подачи информации как наиболее эффективный журналистский принцип. И с тех пор этот принцип — в той или иной степени — был мишенью критики *абсолютно всех британских правительств* — от Стэнли Болдуина до Дэвида Кэмерона. Но он также стал предметом восхищения и даже зависти во всем мире. Как, впрочем, стала предметом восхищения вся британская система взаимоотношений между исполнительной властью и журналистами: прерогатива власти — действие, прерогатива журналистов — независимая оценка этих действий, и при этом — полное понимание взаимозависимости всех участников процесса.

В 1990-х годах казалось, что такая же система взаимоотношений пустила корни в России. Не произошло... И откат России в «нулевых» к прежней системе, когда электронные СМИ рассматривались как «приводные ремни власти», заронил на Западе первые семена сомнения и недоверия к системе в целом.

И вот сегодняшний результат: мы достигли такого уровня непонимания и отсутствия доверия, какого между Западом и Россией не было со времен холодной войны. Далеко не последнюю роль в процессе падения доверия сыграли СМИ.

Российские СМИ рисуют картину обмана Москвы Западом, который вероломно продолжает раздвигать границы НАТО и приближаться к российской территории. Западные СМИ считают, что сильно промахнулись, усмотрев в горбачевских и ельцинских реформах начало новой демократической России.

У России серьезные претензии к Западу по ряду вопросов, начиная с Югославии и заканчивая Сирией. В европейской демократии Москва видит усиливающийся хаос, утрату базовых христианских ценностей («Гейропа») и плодотворную почву для возвращения экстремизма.

¹ Журналист, продюсер (Великобритания), профессор кафедры журналистики СПбГУП. Около 30 лет проработал во Всемирной службе Би-би-си в Лондоне. Был ведущим передач, продюсером и редактором.

У Запада к России тоже немало претензий, начиная с Грузии и заканчивая той же Сирией. К тому же ежедневные сообщения о закручивании гаек, отжимании бизнеса и практически полной ликвидации независимых электронных средств массовой информации в России не оставляли у западного обывателя ни малейшего сомнения в том, что перекосы во внутренней политике рано или поздно коснутся и внешней политики. Поэтому по логике вещей вытекает, что — среди прочего! — командование НАТО должно не только держать порох сухим, но и постоянно пополнять его запасы.

Искажают ли западные СМИ картину происходящего в России? Давайте вспомним лишь несколько вех в развитии современной политической мысли и масс-медиа в России, чтобы понять причины растущей тревоги на Западе.

У западных обывателей, привыкших к бесконечным дебатам и пикировкам своих политиков (в России это называют «болтологией», а на Западе — «парламентской демократией»), округлились глаза, когда они услышали утверждение спикера парламента господина Грызлова, что «Государственная Дума — это не та площадка, где надо проводить политические баталии». (Позже в народе эту фразу сократили до еще более хлесткого: «Парламент — не место для политических дискуссий...»)

Свою лепту внес и Владимир Жириновский, когда грозился вымыть сапоги российского солдата в водах Индийского океана.

И наконец, уже совсем недавно, когда Дмитрий Киселев, которого принято считать чуть ли не голосом Кремля, «успокоил» своих зрителей на федеральном канале тем, что «Москва в считанные минуты может превратить западные столицы в радиоактивную пыль» — это заверение самым решительным образом пополнило армию сторонников НАТО.

Задаются ли вопросом те, кто грозит Западу ядерным мечом, сколько минут (секунд) просуществуют они сами в случае нанесения их стороной первого удара? В лучшем случае нам всем грозит взаимное уничтожение.

Смотрю по российскому телевидению передачу «Список Норкина». (В отличие от рядовых россиян я по роду деятельности обречен регулярно смотреть российские федеральные каналы...) Ведущий передачи — один из самых опытных журналистов Андрей Норкин — с завидной долей искренности убеждает, что «россияне на *генетическом уровне* не способны стремиться к войне, к подавлению воли соседей». И никому из приглашенных к участию в дискуссии не приходит в голову напомнить, что «генотип», очевидно, дал сбой в 1953 году, когда Москва подавила «отбившихся от рук» восточногерманских повстанцев, в 1956-м — задавила танками венгерских, а в 1968-м — чехословацких. В 1979-м — попыталась (правда, неудачно!) приструнить афганцев.

«Генотип», как видно, дал сбой и в отношении собственного народа, как это было в 1962 году в Новочеркасске, а в 1980-х — в Вильнюсе, Тбилиси, Баку.

«Генотип» также дал сбой уже и в новой России, когда разгромили «старое» НТВ. (Господин Норкин

должен это помнить...) Он в определенном смысле дает сбой, когда закрывают блестящий региональный телевизионный канал Томска ТВ-2, сотрудники которого неоднократно становились лауреатами множества престижных профессиональных премий. (Кстати, приятное исключение: Мелани Бачина, журналистка ТВ-2, ставшая там заметной звездой, тоже в свое время стажировалась у меня на курсах Би-би-си.)

«Генотип» явно работает себе во вред, когда прессуют канал «Дождь». Логику «генотипа» трудно понять, когда гибнут Листьев и Старовойтова, Политковская и Маркелов, Магнитский и Немцов... Даже если принять на веру версию о том, что во всем — или во многом! — виноваты ЦРУ, МИ-6, «Моссад» и манипулирующий ими Березовский, то невольно напрашивается вопрос: «А чем же занимаются многочисленные сотрудники российских спецслужб, на глазах которых идет отстрел людей неподалеку от Кремля?». И это несмотря на то что на силовиков в 2015 году уйдет до 17 % госбюджета.

Станут ли *все эти темы* предметом серьезных и глубоких расследований со стороны российских электронных СМИ, как стали предметом журналистского расследования Би-би-си мотивы и роль британского правительства в иракской кампании?

Сколько места будет уделено этим событиям в российских школьных учебниках истории? И сравнимо ли это будет с той беспристрастностью и полнотой, с какой печальные или даже позорные страницы своей истории объясняют собственным детям американцы, британцы, немцы и французы?

Для Запада действия — или бездействие! — российских властей и оголтелая ангажированность ряда СМИ — звенья одной цепи. И когда «падкие на сенсацию» западные журналисты цитируют практически идентичные высказывания Хрущева и Шелепина о «Докторе Живаго» Бориса Пастернака («зловонье») с введенной министром Мединским «новой культурологической категорией» в отношении «Левифана» Андрея Звягинцева («Рашка-говняшка»), легко понять, почему симпатии к России тают на глазах...

Один из самых интересных и осведомленных телевизионных журналистов Би-би-си Тим Хьюэлл недавно снял фильм о событиях на востоке Украины. Он был показан в Великобритании в прайм-тайм, а в некоторых официальных российских СМИ даже удостоился определения «первые признаки более сбалансированного понимания западными журналистами украинской трагедии».

Уже после показа этого фильма я беседовал с Тимом. Как он объяснил, его главной задачей было показать, что «помимо сомнительности высказывания о том, что на востоке Украины нет подразделений регулярной российской армии, также является бесспорным и то, что многие русскоязычные жители востока Украины действительно добровольно взяли за оружие, опасаясь за свою судьбу». Для меня, однако, остается открытым вопрос, сможет ли кто-то из российских журналистов снять и показать на федеральном канале материал о том, что «киевский Майдан — это вовсе не инсценировка ЦРУ, а леги-

тимный протест масс против зарвавшегося и зарвавшегося ворья?..»

Мы, как кажется, безудержно все глубже летим под аккомпанемент языка вражды в электронных СМИ в пропасть взаимного недоверия и отчуждения. В результате российские ядерные бомбардировщики без предупреждения облетают территории западноевропейских государств, а Запад кардинально пересматривает свою политику в отношении Москвы.

Прошли те времена, когда Россия, а до нее Советский Союз традиционно считались надежными поставщиками энергоресурсов, вне зависимости от политической конъюнктуры. Сегодня Европа полна решимости максимально диверсифицировать свои источники энергии путем создания Европейского энергетического союза. Его цель — как можно быстрее избавиться от почти тотальной зависимости от России, переключившись на более дорогостоящих, но и более предсказуемых поставщиков: Алжир, Азербайджан, Туркменистан, Турцию, а также страны Ближнего Востока и даже Иран.

В европейских столицах услышали угрозу Дмитрия Киселева нанести «смертельный удар Западу путем отключения марионеточных режимов Европы от газовой трубы». Услышали и сделали вывод.

В мае прошлого года Дмитрий Rogozin аналогично пригрозил США, сказав, что «теперь пусть американцы батутом доставляют своих астронавтов к космической станции...» Когда буквально через несколько месяцев американцы продемонстрировали, что в состоянии самостоятельно запускать космические аппараты, угроза потеряла свою актуальность.

Мы слышим и видим на федеральных каналах и Киселева, и Мамонтова, и Мизулину, и Яровую, но для баланса, наверное, не помешало бы время от времени давать слово и тем, кто владеет не только языком ненависти к Западу.

Этого пока не происходит...

Степень обеспокоенности Западной Европы поведением своего соседа демонстрирует недавнее заявление председателя Еврокомиссии Жана-Клода Юнкера, который высказал мысль о необходимости создания Европейским Союзом «собственной армии как инструмента отстаивания интересов Европы». А экспертный совет во главе с экс-генсеком НАТО Хавьером Соланой представил доклад, в котором делается акцент на необходимости разработки новой стратегии для Европы.

И хотя в Великобритании идеи Юнкера о создании общеевропейской армии восприняли без должного энтузиазма (как отметили и видные политики, и журналисты: «Нечего плодить бюрократию! Хватит нам и национальных армий!»), *реальный пересмотр политической стратегии все-таки в самом разгаре.*

Наполеон говорил, что для ведения войны необходимы три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. Для многих на Западе нынешние события на востоке Украины выглядят именно войной, хотя пока и локальной... Учитывая, что сегодня основная и практически единственная статья доходов российского бюджета — это экспорт углеводородов, как долго сможет Россия позволить себе экономически находиться на ножах с За-

падом? Как часто российские СМИ вспоминают, что ВВП всей России лишь чуть выше, чем ВВП одной только Калифорнии?..

Сравнение с Калифорнией не случайно: именно там, а также на берегах Темзы, Сены, на Лазурном Берегу успешно и прочно акклиматизировались чада и домочадцы ряда видных российских законодателей (особенно из числа тех, кто наиболее рьяно требует с трибуны Думы не давать спуска «Гейропе» и пиндосам!). Это дает надежду на то, что реальной конфронтации между Россией и Западом не будет: в самом деле, не пойдут же российские законодатели на то, чтобы бомбить собственные семьи, своих жен, детей, внуков и любовниц...

Примечательно, что этот ближний круг российского чиновничества, политиков и олигархов весьма вольготно чувствует себя на Западе, а о России в кулуарах подчас отзываются с использованием терминологии господина Мединского. Парадокс, но столь уничижительное отношение к России со стороны «социально близких» к власти представителей семей элиты, конечно же, претит когорте ее «политических противников», вынужденных покинуть родину в качестве политэмигрантов.

Не постесняются ли федеральные каналы рассказать и показать своим зрителям, сколько денег и недвижимости накопили видные «национал-патриоты» на берегу Женевского озера или в «первом ряду» высоток Майами?

Согласно опросам общественного мнения, более 80 % россиян поддерживают и одобряют курс нынешнего российского руководства. Российские СМИ безудержно тиражируют эти данные, в которые, кстати, на Западе в целом верят. Верят потому, что во многом популярность президента Путина базируется на *реальном* росте уровня жизни и благосостояния значительной прослойки россиян. Как скажется на уровне популярности руководства неизбежное снижение уровня жизни ввиду падения цен на нефть и экономических санкций — это уже другой вопрос. Мы знаем, что итальянскому пармезану и французским устрицам можно найти заменители, скажем, в Белоруссии. Но импортозамещение из «приморской» Белоруссии — не самая прочная основа политической стабильности.

Как поведет себя в этой ситуации Запад? Более цинично настроенные комментаторы призывают... не делать ничего. Просто сидеть и ждать, когда останутся только «арбидол» и «упса».

Такой подход, конечно, отдает холодным и безжалостным расчетом, поскольку не учитывает, что в первую очередь пострадает не элита, а простые люди, а это именно тот эффект, которого добиваются противники нормализации отношений...

И снова на первый план выходит роль СМИ, в частности электронных: какую роль сыграют они? Как в том диспуте между Стэнли Болдуином и лордом Ритом: премьер уступил пальму первенства не только потому, что Рит держал руку на кнопке, но и потому, что не мог диктовать Риту, *что* говорить в эфире. И если бы Рит решил, что радиокорпорация должна слепо под-

петь Болдуину, вряд ли Би-би-си впоследствии удалось бы завоевать мировую репутацию.

Есть ли сегодня надежда у тех, кто хотел бы улучшения отношений между Западом и Россией? Пока оснований для этого мало: даже самый ярый защитник политики нормализации тушует, когда узнает, что музей ГУЛАГа в Перми преобразовывается в музей работников ГУЛАГа.

Весьма любопытно, как бы отнесся к этой метаморфозе Дмитрий Сергеевич Лихачев — политзек, неоспоримый авторитет и гуманизм которого ежегодно заставляют нас собираться для откровенного диалога?

Очень хочется надеяться, что, возвращаясь каждый год в Петербург, мы возвращаемся только в пространстве, но не во времени...

Ю. А. Запесоцкий¹

СВОБОДА СЛОВА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СМИ В РОССИИ

В современном обществе средства массовой информации становятся важнейшим социальным институтом, обеспечивающим каналы коммуникации и информационного обмена, способствующим функционированию демократических структур, создающим пространство для диалога и взаимопонимания между государством и обществом. СМИ играют важную роль в формировании общественного мнения, являются средством разоблачения коррупции, важнейшим инструментом в политической борьбе. Средства массовой информации стоят у истоков формирования глобальной культуры, они заложили информационную основу демократии, осуществили децентрализацию культуры, способствуя стиранию границ между центром и периферией. В последние десятилетия СМИ активно выходят за границы информационных функций: в динамично развивающемся коммуникативном пространстве они оказывают огромное влияние на культуру и общественное сознание, становятся способом конструирования социальной реальности. В результате экспансии информационных технологий информация о мире становится более объективным феноменом, чем сам мир, а сама реальность становится конструктором.

Сегодняшний институт «четвертой власти» в России в значительной степени отличается от функционирования СМИ в Советском Союзе. На смену привычным для того времени механизмам государственной цензуры перестройка привнесла так называемую гласность. Данный политический термин, обозначающий политику максимальной открытости в деятельности государственных учреждений и свободы информации, заключался в существенном ослаблении цензуры и снятии существовавших в советском обществе многочисленных информационных барьеров. Внезапно свалившаяся в начале 1990-х годов на головы россиян свобода слова на фоне значительных политико-эконо-

мических преобразований в стране оказала колоссальное влияние на дальнейшее развитие общества, социальных приоритетов, ценностных ориентиров молодежи и даже взрослого населения. С одной стороны, движение в сторону свободы слова стало естественным процессом в обществе, в котором на протяжении многих десятилетий существовала государственная монополия на контроль за средствами массовой информации. С другой стороны, принципы рыночной экономики достаточно быстро сместили акценты в приоритетах СМИ.

Во-первых, потребность коммерческого успеха СМИ породила в стране многочисленную «желтую прессу». В определенный момент издания типа «Калейдоскоп» и «Speed info» завоевали сознание миллионов россиян и оказались чуть ли не самыми читаемыми. Наряду с ними популярность обрели и газеты типа «НЛО» — о самых невероятных явлениях во Вселенной. На данном этапе акценты внимания общества уже были значительно смещены средствами массовой информации. Во-вторых, в российскую медиасферу быстрыми темпами стал приходить иностранный капитал, через который значительное влияние на редакционную политику российских СМИ стали оказывать международные политические силы. В стране появились не только частные газеты и радиостанции, а даже телеканалы. Западные ценности с невероятной скоростью впитывались российской аудиторией через музыку, кино, заимствованные за рубежом форматы телевизионных программ и рекламу.

С начала 2000-х годов в стране постепенно начали наводить порядок (отметим в связи с этим, что на тот момент Россия только готовилась подниматься с колен после развала СССР). Характер освещения военных действий, катастроф и терактов тех лет продемонстрировал сформировавшуюся силу частных медиакорпораций. Стало понятно, что для быстрого выхода из кризиса власти необходим контроль над ключевыми СМИ. Можно сказать, что 2000-е годы в России ознаменовались прямым или опосредованным контролем власти над контентом ведущих телеканалов страны как самых влиятельных СМИ того времени. Акценты частных телеканалов были смещены от общественно-политического направления к развлекательному, что, с одной стороны, позволило руководству страны со-

¹ Доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии. Автор учебного пособия «Основы брендинга», монографии «Бренд как социально-культурный феномен», а также около 90 научных публикаций по культурологии, рекламе, связям с общественностью, интернет-технологиям, в т. ч.: «Имидж и бренд: инструменты творения “нового человека”?», «Бренд как фактор эволюции современной массовой культуры», «Мировоззрение создателя проекта как концептуальный фундамент будущего бренда», «Технология брендинга как инструмент продвижения общественной организации» и др. Руководитель брендингового агентства Pro.Name.

средоточиться на своих непосредственных задачах, но с другой — сыграло плохую роль в формировании ценностной идентичности подрастающего поколения. Тем не менее многое из того, что оказалось непопулярным на телевидении с начала 2000-х, в печатных СМИ негласно позволялось публиковать вплоть до конца десятилетия. Политтехнологи считали, что оппозиционной аудитории для спокойствия необходима отдушина в виде печатной прессы, которая на тот момент якобы уже не имела особой силы.

Начало 2010-х годов показало на примере так называемой «арабской весны» и президентских выборов в России, насколько было недооценено социально-политическое влияние Интернета. Благодаря стремительному развитию массовых коммуникаций по охвату аудитории Интернет стал составлять конкуренцию даже федеральным СМИ. Под различными социальными значимыми предложениями были активизированы механизмы государственного регулирования информации в Интернете. У чиновников появилась возможность оперативной блокировки доступа к сайтам, нарушающим законодательство Российской Федерации. А общество так называемых блогеров было поставлено перед фактом необходимости регистрации в качестве СМИ при условии наличия более 3 тыс. подписчиков. Впрочем, данные действия оказались запоздалыми, и их реализация лишь в малой степени повлияла на распространение информации в Сети. Интернет требовал разноплановых и оригинальных решений для возвращения контроля над массовой аудиторией.

Отдельные интернет-СМИ набрали слишком большую популярность для того, чтобы их блокировать или закрывать. Где-то пришлось менять редакционную политику через покупку проекта, в других местах удалось путем давления на собственников поменять главных редакторов и, как следствие, рядовых журналистов. Многие популярные блогеры оказались перед выбором: либо получать дотации, либо писать о чем угодно, кроме социально-политических тем. Управляемость российских социальных сетей, через которые любая информация распространяется за секунды, была обеспечена их покупкой через организации, приближенные к крупным отечественным олигархам. Зарубежные социальные сети, поисковые сайты и иные сервисы, обладающие миллионными аудиториями российских пользователей, также оказались перед выбором: либо заниматься бизнесом без примеси политического воздействия на страну, либо оказаться под воздействием прессинга патриотично настроенных социальных и прочих организаций с риском введения санкций.

Справедливости ради следует отметить, что если бы государственные органы не взялись за упорядочивание сетевого контента, то в российском Интернете действительно бы возник большой риск бесконтрольной экстремистской активности и внешнего воздействия на аудиторию внутри страны. В данном контексте обострение внешнеполитической ситуации, апогеем которой стал конфликт на Украине, способствовало усилению контроля и над традиционными СМИ. За последние годы в России в определенной степени

произошла реорганизация института информационных агентств. Более пристальное внимание стало уделяться печатным СМИ. На рынке отечественных радиостанций были сделаны крупные приобретения, в ходе чего зарубежные инвесторы остались с достойной прибылью, но без медиаактивов. Введенные ограничения в сфере кабельного телевидения повлияли на уход ряда зарубежных новостных и общественных телеканалов из данного сегмента российского рынка.

Благодаря активным действиям последних лет премиальная доля аудитории российских массмедиа достаточно прочно изолирована от внешних воздействий. Значимость безопасности государства от навязываемых извне политических позиций и переворотов трудно переоценить. В разных странах эта задача решается по-разному: от ограничения Интернета границами одной страны в Китае (что, впрочем, не мешает ему показывать динамичный экономический подъем) до выделения (под различными предложениями) впечатляющих преференций издательствам, редакциям и отдельным журналистам за поддержку государственных интересов в Европе и США.

Очевидно, что в России описанная выше ситуация в сфере СМИ, с одной стороны, была необходима, а с другой — порождает массу проблем этического и социального характера. Побочным эффектом становится зачастую невозможность объективного отражения журналистами действительности там, где это действительно требуется. Журналистика как профессия в подобной ситуации подвергается значительным испытаниям и деформациям. Ограниченность высказываемых в СМИ мнений создает у одной части российской аудитории тягу к поиску альтернативных позиций, в том числе и в международных источниках на иностранных языках, а у другой, менее прогрессивной части — аполитичность, узость политической картины мира, приверженность тому самому развлекательному контенту, способствующему деградации россиян. Роль СМИ и степень их влияния на аудиторию возрастают по мере интенсификации социальной напряженности. Отсутствие экономической стабильности, проблемы с работой и семейные сложности — эти и многие другие причины для беспокойства вынуждают членов общества обращаться к поиску тех источников информации, которые могут наиболее полно отразить происходящие социальные процессы, дать ответы на волнующие вопросы, что необходимо для принятия соответствующих персональных решений различных уровней вплоть до витальных.

В последнее время СМИ все активнее выходят за национальные границы и функции «четвертой власти» — в глобальном мире они становятся оружием в информационно-психологических войнах, в которых ведется борьба за сознание и умы, жизненные установки и ценности. Предметами поражения становятся сознание «врага», ментальные матрицы и культурные основания идентичности, картины мира и смыслообразующие основания жизнедеятельности. В сегодняшний репертуар информационных средств воздействия входят различные социально-

психологические приемы и информационные технологии. Целенаправленное манипулирование общественным сознанием осуществляется с помощью дезинформации и подрывной пропаганды, целенаправленной фальсификации событий. Глобализация информационного пространства становится не только формой трансляции деструктивных ценностей, но и средой социально-психологического заражения, и прежде всего «вирусами» страха, пессимизма и агрессии. СМИ способствуют расширению границ девиации, пропагандируя шокирующие и асоциальные способы самовыражения, провоцируя в обществе ненависть и насилие. Чрезвычайно опасной следует считать тенденцию отечественных СМИ усиливать ультрапатриотические настроения, которые оказывают губительное влияние на степень толерантности

в обществе. Как следствие, в обществе усиливаются конфликты не только на межэтнической и расовой почве, но и в религиозной, социально-демографической плоскости. Врагами становятся все «чужие», неважно, идет ли речь о профессиональной принадлежности или сексуальной ориентации.

В сложившейся ситуации обозначенные выше «побочные эффекты» свободы слова могут и должны стать предметом регулирования со стороны корпоративных сообществ, общественных институтов и властных структур. Такого рода контроль (наряду с социальной ответственностью и патриотизмом работников СМИ) может стать гарантией усиления конструктивной роли отечественных СМИ в обществе, он обеспечит исход глобального противостояния ведущих мировых держав, станет гарантией наших побед в информационных сражениях XXI века.

Ю. П. Зинченко¹

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ПЕРИОД СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Современное информационное пространство, в котором наряду с традиционными медиа существуют новые средства массовой коммуникации и информации, способно оказывать более мощное, чем когда-либо, воздействие как на физическое и психическое здоровье и развитие отдельного ребенка, так и на формирование социальных установок современного поколения детей и подростков в целом. В связи с этим перед государством и профессиональными сообществами психологов, педагогов, педиатров, юристов, представителей медиа и другими встает задача разработки эффективной системы мер, которая позволила бы, во-первых, обеспечить информационную безопасность и, во-вторых, использовать средства массовой коммуникации и информации в целях формирования гармоничной личности, развития позитивных установок сознания и адаптивного поведения у подрастающего поколения.

¹ Декан факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 216 научных публикаций, в т. ч.: «Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода», «Методологические аспекты изучения сексуальности», «Философско-психологические аспекты изучения репродуктивной функции человека», «Сексуальное “культурное тело”», «Основы безопасности личности и общества» (в соавт.), «Эволюция понятия “симптом”», «Психология виртуальной реальности» и др. Главный редактор журналов «Вестник Московского университета. Серия “Психология”», «Российский психологический журнал», «Национальный психологический журнал». Президент Российского психологического общества, председатель Совета по психологии УМО РФ по классическому университетскому образованию, заместитель председателя Экспертного совета ВАК РФ по педагогике и психологии. Член Президиума Международного союза психологических наук (IUPsyS) при ЮНЕСКО, Исполкома Европейской федерации психологических ассоциаций (EFPA), Российского философского общества. Награжден медалями «В честь 850-летия Москвы», «За содружество во имя спасения», золотой медалью Российской академии образования. Лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Как писал Ф. М. Достоевский в своих дневниках, «можно проиграть временно, обеднеть на время, лишиться рынков, уменьшить производство, возвысить дороговизну. Но пусть зато останется нравственно здоров организм нации — и нация, несомненно, более выиграет, даже и материально»².

Современная информационная среда отличается разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, искажение информации может наносить не только экономический, но и значительный моральный и психологический вред. С другой стороны, заведомо вредная информация направлена на разрушение традиционных национальных ценностей. Общественные институты сегодня недостаточно сильны и не оказывают почти никакого противодействия производителям вредной информационной продукции. Пока проявляют беспокойство только специалисты и небольшое количество наиболее «продвинутых» представителей аудитории — как правило, те же специалисты, только находящиеся в позиции родителей, педагогов и врачей.

Информационная безопасность детей и подростков в этом контексте может быть определена как их защищенность от вредного воздействия информационной продукции на психическое, духовное и нравственное здоровье и в то же время как создание условий информационной среды, способствующей позитивной социализации и индивидуализации личности, сохранению соматического и психологического здоровья и благополучия, а также формированию позитивного мировосприятия.

Поскольку информационная среда в современном обществе является одним из ключевых ресурсов развития ребенка, а средства массовой информации становятся одним из важнейших институтов социализации

² Достоевский Ф. М. Дневники писателя. М., 1925. С. 30.

нового поколения наряду с институтом семьи и школы, проблема обеспечения информационной безопасности оказывается в фокусе внимания общества.

Глобализация информационного пространства усиливает угрозы информационной безопасности детей и подростков. Прежде всего это выражается в следующих особенностях воздействия информационных ресурсов:

- легкость контакта с несовершеннолетней аудиторией в обход мер, принимаемых в рамках процесса воспитания детей;

- относительная анонимность коммуникаторов, которая открывает широкие возможности для злоупотребления доверием несовершеннолетнего (в том числе через возможность создания «ложной идентичности», то есть представления иным лицом);

- информационные ресурсы Интернета предоставляют широкие возможности для дистанционного и бесконтактного сбора информации о несовершеннолетнем и его личной жизни, а также об окружающих его людях и предметах, что может осуществляться с целью приготовления к преступлению;

- сеть Интернет может быть использована для максимизации негативного эффекта от действий, причиняющих вред чести, достоинству, репутации, психологическому здоровью детей;

- возможность провокации детской активности в общении со взрослыми, имеющими патологические наклонности, через публикацию детьми информации о себе, которая способна причинить вред их чести, достоинству, репутации и социализации. Наиболее ярким примером является секстинг — публикация собственных сексуализированных изображений, которые затем могут использоваться для киберунижения, вовлечения в сексуальную эксплуатацию, похищения и т. п.;

- доступность и легкость создания и распространения на детскую аудиторию информации, которая может деструктивно влиять на процесс воспитания и формирования системы его ценностных ориентаций и мировоззрения.

Все вышеуказанные угрозы являются базовыми предпосылками для воздействия конкретных информационных или программно-технических средств, которые могут быть направлены непосредственно на детскую аудиторию или быть доступны детской аудитории.

Основные риски, с которыми сталкивается современное поколение детей и подростков: отклонения в физическом развитии, такие как избыточный вес, нарушения сна, проблемы со зрением; негативные эмоциональные состояния, например страх, ужас, паника, тревога; киберзависимость; проблемы, связанные с сексуальным поведением, установление подростками беспорядочных связей благодаря сомнительным сайтам знакомств; поведение, связанное с риском для жизни или опасное для здоровья; социальная травля, неоднократное умышленное причинение психологического вреда с помощью средств электронной коммуникации, таких как мобильные телефоны, блоги, веб-сайты.

Таким образом, технический прогресс в развитых странах одновременно с повышением уровня жизни приводит к снижению качества жизни в связи с появлением новых факторов риска, что, безусловно, сказывается на разных категориях населения, в первую очередь негативно влияет на растущий организм ребенка.

Информационная безопасность в этом контексте может трактоваться как состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование и развитие в интересах граждан, организаций, государства и одновременно реализацию жизненно важных интересов личности.

Основные мишени воздействия информационной продукции на здоровье и развитие детей, соответствующие критериям информационной безопасности: базовое доверие ребенка к миру, система представлений о мире, природе, обществе и личности; ценностно-смысловая система; коммуникативная компетентность; развитие познавательной сферы; сценарии нормативного поведения; личностное и эмоциональное развитие.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие критерии информационной безопасности детей в инфокоммуникационном пространстве:

- минимизация среди несовершеннолетних оборота информации, причиняющего вред несовершеннолетним, в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации, основанном на общепризнанных кодифицированных нормах международного права;

- доступность и эффективная работа программно-технических средств ограждения доступа несовершеннолетних к контенту, причиняющему вред их здоровью и развитию;

- использование возможностей информационных сетей для оказания скорейшей консультативной помощи несовершеннолетним и их родителям/опекунам по вопросам, связанным с их информационной безопасностью;

- наличие у различных групп населения (родителей, педагогов, социальных работников, детей и подростков) устойчивых знаний об основах информационной безопасности;

- недопустимость дискредитации системы мер обеспечения информационной безопасности детей и подростков вследствие ее неэффективности либо использования для иных целей, в частности для фактического нарушения права граждан на свободу выражения мнения (ст. 5 Международного пакта о гражданских и политических правах, ч. 1 ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Информационная среда основывается на предметности культуры общества, особенностях коммуникации, формах порождения смыслов и методах интерпретации происходящих событий и выступает как фактор развития будущего поколения нации. Параметрами информационной среды являются ценностно-целевые установки, определяющие вектор воздействия, насыщенность, структурированность, виды и формы ком-

муникации в медиапространстве и, наконец, эффекты воздействия на развитие детей и подростков.

Представляется важным, что базовым национальным интересом в условиях современных глобальных

вызовов может быть названо сохранение специфики культурной идентичности в информационном пространстве как среде формирования будущего здорового поколения России.

В. К. Мамонтов¹

УРОК УКРАИНСКОГО. КАК ИЗБЕЖАТЬ МАЙДАНА РУССКОМУ ЧЕЛОВЕКУ И ЕГО РОДИНЕ?

Есть у меня знакомый, который любит повторять: «Ты просто еще не дорос до понимания европейских ценностей, демократии. Понимаешь, демократия — это классическая музыка политики и общественной жизни. Брамс. Дебюсси. А ты все Дунаевского слушаешь». «Не без этого, — отвечаю, — есть такой грех». Но! Про Брамса врать не буду, а Дебюсси недавно слушал, симфоническую поэму «Море». Понравилось. Детство вспомнилось, бухта Горностай и ловля чилимов. Берет за душу. Да и не вяжется, честно говоря: не может быть демократия такой нежной. Прямо рафинад и кружева. «Сноб ты, — говорю, — а не демократ, раз не подпускаешь в свой уютный круг нас, широкозахватных поклонников разного, не всегда евроутонченного».

Так вот и жили, ведя беседы: он мне Европой в харю тычет, а я ему родной заставой под дых. И хорошо жили. Ему без меня трудно: над кем трунить? Перед кем перья распускать и на чьем фоне утонченно выделяться? Да и я, человек сугубо городской и в очках, вдруг ощущал в себе некую былинность, когда уязвлял его недостаточной верой в Олимпиаду, царя и Отечество.

Вообще симбиоз заклятых друзей, ролевые игры в убеждения и пристрастия — вещь очень важная, слегка волнующая и демонстрирующая здоровье общественного организма. Приведу свою любимую байку про милого украинского националиста, который, едва приеду в Киев, обрушивал на меня рассказы о гетманах, оселедцах, Лесях-поэтессах, пел, декламировал, плясал гопака, не забывая костерить меня имперцем. Я выносил это не просто терпеливо, а с неподдельным интересом, поскольку... Поскольку это и вправду было мне небезразлично.

Однажды я поинтересовался: «А чего ты не компостируешь всем этим мозги американским друзьям? У тебя ж их полно. А с нетерпением ждешь меня?». «Воны мене не слухають», — честно признался он и закручинился.

Парадокс нынешней ситуации на Украине в том, что, всячески дистанцируясь от России, гоня пургу

про «живое творчество масс, следовавшее за Майданом» (копирайт Вадима Карасева, украинского политолога), подчеркивая, что теперь «никогда мы не станем братьями», коллеги приаттачены к России намертво. Из их чайний в Европе вскоре будут делать собачий корм, а сказать-то ничего нельзя — пан прогневається.

И получается, что кроме нас, тоталитарных россиян, некому быть выруганными, обвиненными, некому излить душу, некого обштопать по-мелкому, некого потроллить «старшим братом», некого позадирать так, чтобы довольство и тепло разлилось по украинским головным полушариям. Добре, добре, пусть покрутится москальский чертяка на виртуальной сковороде, раз уж так получилось с реальным котлом. Да не забудет прислать угля и газу по самой низкой цене, а мы пока договариваемся насчет летального оружия. А что? Главное ведь верить, что украинская государственность с живым творчеством масс в летальной опасности, и ясно, откуда опасность! Ну не от Байдена же, не от Саакашвили, не от Нуланд — це братья и сестры.

Правда, есть одна закавыка: чем дальше заходит конфликт, тем серьезнее наши с приятелем лица, тем злее обвинения, тем отвязнее лексика, тем тоннельнее сознание. Увы, я и по себе это замечаю. С каких-то пор я перестал умиляться вышиванками. Да и мой националист мне не звонит и не пишет. Зато на программе «Пятого канала» познакомился по скайпу с депутатом Рады Гончаренко, тем самым, что в Одессе. Его в ближайшем эфире российского телеканала спрашивают: «А как вы оцените с точки зрения евросвобод запрет на аккредитацию наших журналистов? Отмену въезда по внутренним паспортам?». А он отвечает: «Что говорить о ваших журналистах у нас, если меня задержали у вас?».

«Это мы знаем, — говорим, — и некоторые вам даже сочувствуют, хотя после Одессы это непросто. Сейчас не об этом. Как насчет цензуры, отключения телеканалов и прямого запрета?». И он слово в слово повторяет: «Что говорить о ваших журналистах у нас, если меня задержали у вас?». «Может, там пленку заело?» — подумал я. Но эфир-то прямой! По скайпу! Какая пленка? Ведущий сделал еще один заход. И опять ответ тот же.

¹ Журналист, политолог, генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?».

Это тупик, граждане. Мы с ними как с людьми, а они считают нормальным жечь «колорадов» в Одессе, прилетать в Москву на похороны Немцова, показывать справку о травме живота. Последнее, видимо, правда, поскольку ненависть тут и правда животная. Такого спрашиваешь: «Любишь, что ли, Бандеру, уважаешь Шухевича?». А он: «Майдан пробудил живое творчество масс». — «Млеешь, что ли, от волинской резни?». А он: «А у меня на границе 15 минут проверили паспорт». — «Считаешь, что российские СМИ надо запретить, их журналистов выслать, и это есть путь в Европу? Полагаешь, что Крым тоже заслужил участь Донецка и Луганска, где тысячи полегли от снарядов карателей?». А он: «В Москве мне живот травмировали».

После таких бесед смотрю я в мрачные закоулки своей души и думаю: «А может, парадоксально прав Виктор Шендерович в своей последней биоклассификации, и мы не только не братья, но и разные биологические виды с некоторыми поганцами?». Но нет, гоню эту мысль, потому что в силу традиционного советско-дарвинистского образования знаю: все мы люди, все человеки. И Шендерович, и Шухевич, даже Саня Билый. Что уж про отдельных депутатов Рады говорить?

Я, конечно, тоскую по временам, когда мы в Киеве могли спорить с визави у Днепра, а потом слушать — хоть Дунаевского, хоть Дебюсси. Но я наберусь терпения и подожду. Терпение и прощение — это ведь тоже вполне европейские ценности, с излишком — к счастью для многих травмированных животов — свойственные русскому человеку. Так говорит во мне кто-то прежний, добрый, остаточный советский. Но оформляется во мне и другой, скрывать не стану. Поясню на примере.

Неделикатная история с приглашением, а вернее, с неприглашением нашего президента на скорбные церемонии в Освенцим в моих глазах окончательно оформила тенденцию. «Цивилизованный мир» высказал то, что давно хотел, что вертелось на его раздвоенном языке, что кислой жижей хлюпало у горла: во Второй мировой войне никакой освободительной миссии у советского воина не было, напрасно на памятнике в Вене ему каску золотят. И девочку в Трептов-парке доверили зря. Что для несчастной изменилось? Одну оккупацию сменила другая. Один тоталитарный режим был повержен другим, неся немолодой, но прекрасной девочке-Европе ровно то же: лагеря, притеснения, страдания, несвободу и моральный гнет, не говоря уже о групповых изнасилованиях озверевшей советской солдатней.

Пока эту новую инфоправду о войне и истории озвучивает не Меркель, не Кэмерон, ее доверено оглашать младшеньким. Подручным, которые, известное дело, хотя бы святее Папы. Арсений Яценюк уже сформулировал и вбросил в общественное сознание поднапуганного «коллективного Шарли» тезис о «вторжении» России в Германию — и на Украину.

А чего? «Нам объявили, Киев бомбили...» Собрались с силами — и вторглись, отобрали Киев у немцев и надругались над ним сами: возвели на Крещатику домов сталинской архитектуры, настроили мрачных

военных заводов и буквально угнали в Россию самых здоровых и толковых хлопцев работать у себя в Москве министрами, полководцами, директорами, главными конструкторами и генеральными секретарями.

Зачем все это реакционным кругам Запада? (Всплыла формулировочка, как живая.) Я думаю, что это информационная подготовка к тому, чтобы объявить россиянам «колорадами и ватниками» в мировом масштабе. Я уже не уверен: а надо ли мне и тут терпение проявлять? А хватит ли его? Ведь нагледят на глаза: в «Дойче велле» вышла премилая статейка человека с говорящим именем Иван (скорее всего, не помнящий родства), который сформулировал с холодной прямоотой: Кремль после Крыма и Донецка (а я бы добавил — и Олимпиады) окончательно сопоставился с предвоенным Берлином-агрессором (жаль, нету своей Рифеншталь), утратил право быть наследником Великой Победы, потому и перестали звать президента на церемонии.

Откуда-то знаю, что дальше: через пару-тройку ходов не только Путину, но и нам всем будет предписано покаяться в зверском изнасиловании девочки-старушки и возобновить у нее принудительный закуп яблок, сыра и фуа-гра. И ведь палить будут из всех пропагандистских стволов, так что до небес достанут, даже до отца-орденоносца, который после каждого ранения менял воинскую специальность (снайпер, разведчик, сапер), превращая его из героя, «грудью защитившего страну», в тупое орудие тоталитарного режима, в вату, в жука. В варвара и гунна. Когда-то Стинг пел перестроечную песню про русских, которые «тоже любят детей». Мягкотелость и легковерие: русские любят кушать детей на завтрак! Тот факт, что гибнут в ходе европеизации Украины дети Донецка, в песнях не отражен. И не будет: в новую концепцию не вписывается.

По легенде, Кейтель, подписывая капитуляцию, с интересом поглядел на французов: «А эти, что, тоже нас победили?». В новейшей истории, как она задумана, победили все, кроме нас. Даже Латвия. Как это доказать, если по Прибалтике эсэсовцы заново ходят маршами? Настойчиво и методично пояснять, вдалбливать, что не такие уж и эсэсовцы. Эсэсовцы-лайт. Эсэсовцы-патриоты, боровшиеся с советской оккупацией, которая в своих зверствах дошла до того, что трагика на оккупированного прибалтийского гражданина в разы больше, чем на россиянина-завоевателя. И использовать председательство в Евросоюзе, чтобы запретить в ЮНЕСКО выставку «Угнанное детство», повествующую о судьбе юных узников концлагеря Саласпилс (песня тут же всплыла). Именно так: воспрепятствовать, используя юридические закавыки, с формулировкой: мол, выставка вредит современному имиджу Латвии.

К имиджу и вреду позже вернемся. А пока заметим: экспозиция была подготовлена в рамках памятных мероприятий, посвященных холокосту. Даже если громко не поминать лишний раз глобального, общечеловеческого значения памяти о трагедии, а просто учитывать обиходное, традиционно трепетное отношение к ней, которое стало частью облика всякого цивилизо-

ванного человека, отмена выставки — это за гранью. Это значит, что прошла команда: святым-таки можно немножко поступиться ради сиюминутной политической выгоды.

В сущности, мы видим это не впервые: эсэсовские символы на касках карательных батальонов, укрощающих Донецк, девочка-Европа старательно не замечает, поскольку теперь поддерживает любого — лишь бы против ужасной России. Даже еврейский погром можно теперь простить или хотя бы не вспоминать о нем лишний раз, если громили, убивали и резали в ходе борьбы с советской оккупацией прародители новых еврогероев, которым, разумеется, слава.

Вот почему стране — освободительнице Освенцима не место на траурной церемонии: о ее роли требуется плавно забыть, а поминальная молитва по холокосту теперь звучит только для своих. Вот почему выставка о детях — жертвах Саласпилса может быть развернута в Москве (там ее даже Макфол посетил), но не может в ЮНЕСКО. Ведь современному имиджу Латвии вредит горестная и жесткая правда о том, как еврохуторяне, не стесняясь, покупали себе угнанных ребятишек по 15 марок за штуку; как тысячами гибли те из них, кого в рабы не взяли; как советский зверь-освободитель спас оставшихся, а новые национал-демократы со временем превратили их в неграждан, лишив элементарных прав.

При этом западники все время волнуются, «оставляет ли Россия открытой дверь», прощупывают, а не дадим ли мы где слабину. Сошлюсь на опыт пребывания в Валдайском клубе, представительной площадке международных экспертов. Первое, что заметно: каждый из политологов немного солипсист, услышал в речи Владимира Путина то, что хотел. А наиболее опытные — что полагается хотеть по принадлежности к научной школе, назовем это так. Трактуют речь на все лады: сравнивая, к примеру, с Фултонской речью Черчилля напрямую (пугал Запад медведем) и навыворот, зорко углядев в пассаже с тайгой, быком и Юпитером запрос на мировую гармонию. По мне, если и был там некий запрос, то на глоток ключевой воды (свежего воздуха, доброго вина, настоящей любви) посередь душающего лицемерия мировой политики, пропахшей насквозь кислой капустой вранья, обьевишейся стандартно безвкусным фастфудом пропаганды. Какой-то не гамбургской, не мужской, вертлявой — и при этом коварной, жестокой и мстительной. Когда ты говоришь по телефону и убеждаешь в миролюбии («Да если бы я хотел взять Киев, то взял бы за две недели»), а они, положив трубку, сообщают на весь свет: «Через две недели Путин возьмет Киев. Сам сказал, не постеснялся, русское чудовище».

Кстати сказать, в речи действительно есть пассаж, который проясняет, насколько чудовищны планы России, а заодно и рецепт, как их порушить: «Если кто-то попытается опять решить украинскую проблему военным путем, тот загонит ситуацию в окончательный тупик». По-моему, Путин по-хорошему просил не заго-

нять Россию в тупик, из которого ей придется выходить нежелательным, вынужденным, трагическим, но единственным достойным для себя способом: двухнедельным победоносным марш-броском к стенам матери городов русских.

Коснусь и тех, кто представляет западную точку зрения в Отечестве. Их легко узнать по некоторым типичным штрихам. Они приветствовали «восставший в Киеве народ»; сетовали, что там оный выбрал свободу, а наш — Олимпиаду; клеймили Януковича за убийства. Это удивительные персонажи. В промежутках они вписываются за Шендеровича, следят за новинками Берлинского кинофестиваля, зевают на «Нимфоманке» и открывают для себя новые московские рестораны, куда вечером не протолкнешься без предварительной записи. Все друг друга лайкают, меланхолично ждут кто погрома, кто спутника и... ничего не боятся, потому что твердо знают: не будет им за это никакого порицания.

Слов нет, действующая украинская злочинна влада была народу не сильно мила. А тамошний президент довилялся, доигрался, запутался и сам себя обхитрил. Но никакого народа на Майдане нет, как не было его в Москве у Белого дома в 1993 году, не говоря уж об Оккупай Абае: простите, но у меня домотканые, старинные, но нерушимые понятия о народе.

Я искренне не понимаю, как можно обожать Бродского, ценить в красном вине разумный танин — и поддерживать бандеровцев и эсэсовцев, которые, пользуясь тестообразностью украинской власти, провели в Киеве госпереворот. На это мне, страдальчески скривившись, отвечают, что это не совсем эсэсовцы и недобандеровцы, а отчасти борцы за свободу и демократию. На экране телевизора при этом бинтуют раненого беркутовца. А толпа скотов приковывает к ограде настоящего мужика, губернатора, который не отрекается. «Это зомбоящик, — еще сильнее скривившись, поясняют мне, — надо смотреть другие каналы». Пробую. Но дым и огонь Майдана уже проникли и на самые европейские, самые сочувствующие телеэкраны. Тогда мне поясняют, что поначалу Майдан был мирным, нежным, как барвинок, а в его радикализации повинен Янукович. Конечно, я могу достать из рукава козыри: сколько тысяч наследников Степана Бандеры, мастеров уличных боев и митингов подготовлено в последние годы на Западной Украине; закидать ссылками на спеццов, которые давно и наглядно показали, как, на какие деньги и в каких таких школах натаскивают организаторов беспорядков, но я чувствую, что мои оппоненты и без меня все это знают. Но не принимают в расчет, не хотят, в упор не видят.

Простите тавтологию, но видя и слыша это, все лучше понимаю: все меньше я уважаю «глобальные интересы», ценности, демократию и т. д. Все меньше они напоминают Дебюсси. От них не гармония, а гарь, порох, несчастья. И яснее осознаю интересы свои, за которые придется побороться по-настоящему.

Такой вот урок украинского.

И. А. Манкевич¹

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В КИНОТЕКСТАХ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Для истинного гражданина России Великая Отечественная война — понятие сакральное. Время показывает, что по мере утраты массовым сознанием таких некогда незыблемых духовных ценностей, как советская власть, партия, социализм, единственное, что сегодня потенциально объединяет нацию, это память о нашей Великой национальной Победе. У каждого поколения свое «эхо войны». Многократно изменяя свою траекторию и звучание согласно ветрам Нового времени, оно несет в себе мгновенья веры и безверия, надежды и отчаяния, любви и ненависти. К тому же фронтовики уходят. И даже если они — люди войны и сыны своей эпохи — успели поделить с миром воспоминаниями о *своей* войне, их рассказы неизбежно несут на себе печать *их* времени со всеми его идеологическим издержками, мифами и легендами. 70 лет — время целой человеческой жизни. И порой кажется, что «дней связующая нить» между поколениями войны и мира порвалась безвозвратно. В историческом времени неопровержимым фактом остается лишь одна правда — правда великой победы общечеловеческого добра над общечеловеческим злом.

В застойные 1970-е годы образ поколения победителей слился с безупречными в своей идеологической непогрешимости ликами Николая Олялина (капитан Цветков, «Освобождение», реж. Ю. Озеров, 1968–1971) и Юрия Соломина (майор Звягинцев, «Блокада» реж. М. Ершов, 1973–1977). Тогда зрительный зал, лишь слегка прикоснувшийся к исторической правде, буквально ахнул, увидев в финальных кадрах эпопеи «Освобождение» надвигающиеся из глубины экрана строки, как из глубин истории, цена войны — 20 млн погибших соотечественников. Первая попытка нарушить идеологическое табу на показ массовой аудитории запретных плодов войны была сделана Алексеем Германом в фильме «Проверка на дорогах» (1971). Картина, в которой главный герой — предатель, а не главные — плывущие в безвестное «никуда» баржи с военнопленными, получила допуск на широкий экран лишь спустя 14 лет после ее создания. Так сформировались, условно говоря, две «окопные» киноправды. По одну сторону — киноэпопеи Ю. Озерова и М. Ершова, по другую — фильмы А. Германа («Проверка на дорогах», 1971–1985; «Двадцать дней без войны», 1976), С. Арановича («Торпедоносцы», 1983), В. Аристовой («Порох», 1985).

Победа идеологии «нового мышления» позволила кинопроизводителям предлагать публике любые вер-

сии военных событий, руководствуясь своими «авторскими» представлениями об исторической правде и культурной памяти. В год празднования 60-летия Победы на отечественного телезрителя хлынул поток военно-патриотических киноигр, демонстрирующих одновременно и степень освоения кинопроизводителями отвоеванной у власти свободы слова, и степень освобождения их собственного «я» от мифов войны. Для кинематографа сегодняшнего дня — рыночного и заказного, когда пресловутый пиар то и дело одерживает победу над разумом, — тема войны чревата многими подводными рифами, в которых народные мифы и исторические факты слились воедино. Соприкосновение со святой правдой и со святой ложью войны в масштабах массового искусства неизбежно требует высокого профессионализма и гражданского мужества. Ибо на кинокарте военных действий по-прежнему остается множество «минных полей», расчистка которых обещает взрыв рейтинга и культурный шок одновременно. Знаковыми кинолентами последнего десятилетия, в определенной степени отражающими две противоположные модели презентации исторической/культурной памяти о войне языком аудиовизуальной коммуникации, являются кинофильм «Звезда» (2002, реж. Н. Лебедев) и телевизионный сериал «Штрафбат» (2004, реж. Н. Досталь).

«Звезде» 2002 года² кинопресса и авторы фильма преподносили как хит сезона, как кино о молодых и для молодых, которые, посмотрев его, получат возможность увидеть солдат той войны живыми людьми. Профессионалы разглядели в спецэффектной эстетике фильма следы влияния голливудских блокбастеров — «Спасение рядового Райана» и «Тонкой красной линии». И даже отметили духоподъемность картины как ответную реакцию «на голливудскую экспансию в заповедную территорию народной памяти о священной для нас войне»³. Фильм подыграл продвинутой на американских блокбастерах детворе и «сорвал кассу». Картина получила Госпремию и дезориентировала рядового кинозрителя, неискушенного в ценностных приоритетах на высшем уровне. Новые технологии «кинотворения» подавили чувство сопереживания. Осталась голая идеология — идеология рыночного кинопроизводства товаров народного потребления — спекуляция на волшебной силе искусства кино.

Картина «Штрафбат», по словам ее режиссера, снималась как трагическая фреска. Фильм неспешно повествует о том, как маленький человек, живя и погибая в экстремальных условиях, оказывается

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор культурологии. Автор 160 научных, учебных и учебно-методических работ, в т. ч. монографий: «Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации», «Повседневный Пушкин: поэтика обыкновенного в житийности русского гения. Костюм. Застолье. Ароматы и запахи», «“Русский дух”: репрезентация повседневности в ольфакторных текстах русской культуры», «Семиозис и культура: лабиринты смысла» (в соавт.), «Семиозис и культура: интеллектуальные практики» (в соавт.), «Творческая личность: субъект и объект культуросообразной деятельности» (в соавт.) и др.

² Повесть «Звезда» (1947), написанная бывшим военным разведчиком Эм. Казакевичем, рассказывает о подвиге отряда советских разведчиков-диверсантов, погибающих при выполнении боевой задачи. Первая киноверсия повести была снята режиссером А. Ивановым в 1949 году, но ввиду отсутствия победного пафоса вышла на экран в обновленной редакции только в 1953 году.

³ *Стшова Е.* Одиночество звезды // Искусство кино. 2002. № 8. URL: <http://kinoart.ru/archive/2002/08/n8-article3> (дата обращения: 22.03.2015).

тем большим человеком, чье имя звучит не пафосно, но гордо. Авторы сериала в определенной степени реабилитируют штрафников. Они рисуют их не как заблудших сынов России, а как забытых и поруганных властью маленьких людей большой страны, отправившей их на свою защиту¹. Посмертная слава штрафников не ждала. Но посмертная память — долг чести ныне живущего поколения. Оппозиционная критика обвинила создателей фильма в культивировании патриотизма, столь необходимого государству, снимающему о себе разоблачающие сериалы. Военные историки старой формации увидели в киносерiale один негатив. Но в этом и заключается волшебная сила искусства, что она позволяет выстраивать позитивную идеологию художественного произведения на фоне негатива. Два края в душе «человека воюющего» — Родина, дом, семья, любовь и государство, репрессивная система, Сталин — оказались двумя сторонами одной медали. Власть меняется. Родина не-

изменна. Между ними — человек. Самое понятие «родина» в сознании частного человека (а не абстрактного народа) наполняется своим исконным смыслом: «Забудьте, что было раньше!.. Теперь на вас смотрит мать-родина! С надеждой смотрит! <...> Да, на убой! Пусть на минное поле! Пусть как баранов! ...Но внуки наши будут ходить по своей земле!»²

Празднование 70-й годовщины Великой Победы в который раз обнажает вечные вопросы бытия: «Кто мы? Откуда? Куда идем?» Наблюдая высокие рейтинги криминальных кинотекстов новейшего поколения, ловлю себя на мысли: так ли уж велико сегодня число истинных защитников Отечества? Выражаясь фигурально, зрители «Бригады» или «Штрафбата» через десяток лет будут определять судьбу не только своих вилл и шалашей, но и жизнь государства-родины «с названием кратким Русь»? Судя по новейшим киноверсиям «эха войны», ответы на эти вопросы способны дать только «гости из будущего»³.

М. А. Мануильский⁴

НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Национальные интересы — широкое понятие, охватывающее различные сферы социальной практики: экономическую, политическую, военную, культурную и т. д. Значительное место в системе национальных интересов занимает наука, которая обеспечивает прогресс в вышеуказанных и других областях. Наука имеет коммуникативную природу, что предполагает широкий обмен научной информацией. Это позволяет интегрировать научные достижения отдельных ученых и научных коллективов, экономить значительные силы и средства, более динамично развивать исследования по конкретным направлениям. В известной мере научный авторитет страны определяется тем, как она представлена на мировом рынке научной информации.

Последние несколько лет в контексте реформы отечественной науки вокруг научных журналов развернулись нешуточные баталии. Рейтинги и индексы цитирования стали головной болью ученых, проходящих аттестацию, и чиновников от науки, озабоченных про-

движением научной периодики на международных информационно-коммуникационных платформах.

По разным оценкам, в России существует от 3 до 7 тыс. научных журналов⁵. Это число вполне сопоставимо с количеством периодических изданий, называемых средствами массовой информации. За право контроля над научным журнальным продуктом идет жесткая юридически-экономическая война на международном уровне. Проблема научной периодики не стоит и в стороне от большой политики, конфликта высоких интересов.

Научные журналы сегодня призваны сыграть особую роль в продвижении отечественной науки на мировых информационных платформах. Предпринимаются беспрецедентные усилия для вхождения отечественной периодики в мировые индексы цитирования — «Scopus», «Web of Sciences» и др. Присутствие научного журнала в международных информационных базах рассматривается как показатель того, что издание и публикуемые в нем результаты исследований отвечают мировым научным стандартам. Это, так сказать, непосредственная тактическая задача. В стратегическом плане речь идет о востребованности и повышении конкурентоспособности отечественной науки, укреплении ее роли и значимости в мире.

⁵ По данным Научной электронной библиотеки, в ее базу входят 4825 научных журналов (в том числе электронных). Список Высшей аттестационной комиссии включает 2270 журналов. Россия — одна из немногих стран, в которой издаются журналы по абсолютному большинству научных дисциплин (вплоть до таких редких, например, как «Голубеводство»). В ряде областей — ядерная физика, физика плазмы и др. — отечественные журналы являются признанными мировыми лидерами. Свою статистику периодических изданий ведут Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, а также Российская книжная палата.

¹ *Досталь Н.* Их приговорили к подвигу // Искусство кино. 2004. № 11 URL: <http://kinoart.ru/archive/2004/11/n11-article4> (дата обращения: 22.03.2015).

² *Володарский Э. Я.* Штрафбат. М.: Вагриус, 2004. С. 54.

³ «Мы из будущего» (2008, реж. А. Малюков) — фантастический фильм о путешествии во времени; действие картины разворачивается в наши дни и в годы Великой Отечественной войны.

⁴ Заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам философии и культуры, в т. ч. книги «Новая школьная энциклопедия. Человек»; статей: «Максимы должного, парадоксы сущего», «Энциклопедические контуры человека», «Биография в структуре жизненного мира индивида», «Комплексное познание человека в единстве социальных и биологических качеств», «Постижение человека» (в соавт.), «Из архива «Социологических исследований»» и др. Член редколлегии журналов «Человек», «Социологический журнал». Награжден почетными грамотами Президиума РАН.

Развитие международных баз данных — естественное условие/последствие информационного общества. Существующая система презентации отечественной науки в значительной мере морально и материально устарела. В последние годы неуклонно сокращается подписка на зарубежную периодику; многие журналы, популяризирующие отечественную науку, например «Наука в России» и английский вариант «Science in Russia», по разным причинам уже закрылись; англоязычные версии многих академических журналов не контролируются Российской академией наук. Увеличение скромного (по современным меркам) присутствия российской периодики в международных индексах — влечение времени. Естественные науки, особенно фундаментальные, издавна были широко представлены в стране и за рубежом. Проблема попадания на новые информационные площадки прежде всего важна для социогуманитарных журналов (и здесь все не так очевидно, в том числе и с точки зрения реализации национальных интересов).

Особое внимание к рейтингу журналов обусловлено тем, что тысяча лучших должна составить региональный (российский) пул журналов в системе «Web of Science». Проект создания российского пула разрабатывался в течение нескольких лет Научной электронной библиотекой. Летом 2014 года с компанией «Thomson Reuters»¹ было подписано соглашение о вхождении российских журналов (до 1 тыс.) в «Web of Science» в формате отдельной региональной базы. Важно, что российский пул предполагает наличие журналов на русском языке с русскоязычными библиографическими ссылками, в отличие от основной части «Web of Science» (Core Collection), где ссылки на кириллице не обрабатываются. К сожалению, реализация этого проекта явно забуксовала, во всяком случае резко сократился объем информации о состоянии дел.

На практике выход науки (в ее журнальном варианте) на международные площадки предполагает встраивание в важные социально-культурные и политические реалии. Наука, в том числе и социогуманитарная, уже давно перестала быть средством получения истинного знания, которым обмениваются между собой ученые мужи (в том числе в научных трудах) и которому с благоговением внимает мировое сообщество в надежде получить чудодейственный практический эффект. Сегодня значительный кластер науки — это бизнес-предприятие, подчиняющееся законам рынка, хорошо структурированное и дифференцированное. Финские ученые выделили пять типов научно-исследовательских рынков, у каждого из которых своя логика, своя система ценностей, цели, предназначение, аудитория и разные типы отчетности: академический, корпоративный, политический, общественный (гражданский) рынки и рынок профессиональных знаний (sic!)².

Международные базы данных — это прежде всего способ развития бизнеса, экономическая система по продвижению конкурентоспособных идей и проектов и только потом научная и информационная площадка для коммуникации специалистов и развития

фундаментального знания. Попадание журнала в базу данных предполагает существенные вложения (привлечение специалистов для рецензирования, перевод статей на английский язык³, создание и поддержание сайта в русской и английской версиях и т. п.). Естественно, всякое новое дело требует затрат, которые в будущем предполагается окупить — пусть даже в форме символического капитала. Для большинства отечественных социально-гуманитарных журналов вопрос «затраты-результаты» имеет критическое значение. В настоящее время в «Scopus» присутствует более 350 российских журналов, из них гуманитарных — около трех десятков. Издательство «Elsevier», создатель базы данных «Scopus», считает, что, поскольку гуманитарная тематика для нее является новой, соответствующим журналам будет обеспечен режим наибольшего благоприятствования. Эту точку зрения озвучила О. В. Кириллова, член Экспертного совета по отбору изданий в базе данных «Scopus», на одном из последних методических семинаров в ноябре 2014 года. Но чтобы отработать логистику, гарантирующую положительный результат, нужно время. А редакции/издателю журнала вкладывать средства необходимо уже сегодня, то есть действовать в ситуации высокой неопределенности.

Критерии включения журнала в «Scopus» озвучивались неоднократно, но некоторые моменты вызывают вопросы. Одно из принципиальных требований к журналу и его автору — максимально подробное пристатейное сопровождение. На упомянутом совещании подчеркивалось: эксперты отбирают и маркируют статьи исходя прежде всего из аннотации и других «вспомогательных» материалов. Словом, не исключена ситуация, когда в цитируемый список может попасть посредственный материал, но снабженный аннотацией, выполненной по всем канонам.

Среди других требований — наличие в редколлегии иностранных специалистов, материалов на английском языке (речь идет о разовых публикациях, а не полномасштабных англоязычных версиях журнала). Наверное, последняя новация обеспечит привлекательность для зарубежного читателя. Однако нельзя забывать и о задачах развития отечественной науки. Прямое заимствование и использование западной терминологии сдерживает разработку русскоязычного научного дискурса и его тезауруса.

Приведем любопытный пример эклектичного соединения западной и отечественной терминологии. Недавно в одном из университетов была защищена докторская диссертация на тему «Искусственная жизнь как низвержение плоти: стратегия гибридизации». Последняя конкретизируется следующим образом: «Чтобы инициировать гибридизацию как стратегию, сначала необходимо концептуально и инструментально низвергнуть плоть с ее пьедестала индивидуально-го организма, уникальной живой формы, на уровень биомассы — сырья для экспериментов и производства новой породы, притом не умертвляя ее, а радикально трансформируя. В низвержении плоти до ресурса и техники ее обработки просматривается стратегия ин-

¹ Этой компании принадлежит «Web of Science».

² Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра // Человек. 2015. № 2.

³ Издание полномасштабных англоязычных версий существенно повышает шансы журнала, но не является стопроцентной гарантией.

дустриальной капитализации живого»¹. В цитируемом пассаже смешаны две разные лексические традиции — почвенническая и трансгуманистическая, что свидетельствует об отсутствии адекватного русскоязычного дискурса в одной из обсуждаемых сегодня в гуманитарной науке тем.

Впрочем, попасть в базу данных — это полдела. Присутствие на информационной платформе повышает шанс, но не предполагает обязательного обращения зарубежного автора к публикации отечественного специалиста. Взаимоотношение западно-европейской и российской науки, прежде всего гуманитарной, имеет долгую и непростую историю. Приведу недавний пример. В 2013 году в Кракове проводилась представительная конференция «Рецепция русской мысли в Западной Европе»². Кто были главными героями обсуждения? Толстой, Достоевский, Соловьев, Бердяев; из «современных» — Ильенков и... Путин. Это лишний раз доказывает, что, помимо вхождения в международные индексы, нужна долгая кропотливая работа по продвижению отечественного гуманитарного знания на Запад, и это тоже должно стать приоритетом национальной политики (причем на деле, а не на словах).

Выскажу еще одно соображение политического характера. Представители упомянутой компании постоянно подчеркивают, что используют исключительно объективные, многомерные методы оценки; называются конкретные известные и доступные методики. Например, при описании статей добавляются ключевые слова из так называемых контролируемых словарей (см. Википедию). В контексте манипулирования западными агентствами рейтингом экономической привлекательности России, которое мы наблюда-

ем в последнее время, появляется некоторый скепсис в отношении объективности оценки научной продукции. Не добавляет оптимизма и тот факт, что в западных СМИ ученых-гуманитариев цитируют выборочно, прежде всего тех, кто оппозиционно настроен к российской власти.

С включением индекса цитирования в “Scopus” в систему критериев оценки научной квалификации ситуация с ваковским списком повторилась, но только цена вопроса возросла. Появился рынок платных услуг по организации публикаций в «скопусных» изданиях, причем многие научные центры получают подобные услуги на долговременной договорной основе; суммы российских контрактов исчисляются тысячами рублей. Индивидуальным пользователям предложения в огромном количестве поставляют Интернет. Представители компании в стране пытаются защищаться от недобросовестных конкурентов (например, исключают из списка издания с «подмоченной» репутацией), но число предложений не уменьшается (автор этих строк получает в день как минимум одно электронное «гарантийное» письмо на эту тему).

В заключение отмечу, что вхождение отечественных научных журналов в международные базы данных — важная задача, отвечающая долгосрочным интересам страны. Пока работа идет как бы на ощупь, в ситуации предсказуемого ажиотажа в научно-издательских кругах. По-видимому, это характерная черта нашего менталитета. Вспоминаются бурные дискуссии времен внедрения Болонского процесса в ткань реформы высшего образования. Сегодня страсти поутихли, одни задачи были решены, другие — нет. Думается, что и в рассматриваемом случае желаемый результат будет достигнут не сразу.

Л. В. Матвеева³

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Трудно не заметить, что в современном информационном пространстве осуществляется идеологиче-

¹ Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 29.

² Russian Thought in Europe: Reception, Polemic, Development. Krakow, 2013.

³ Профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор психологических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Психология коммуникаций: методология, модели, методы» (учеб. пособие), «Восприятие рекламного образа в телевизионной коммуникации», «Психология телевизионной коммуникации», “Personality determinants of manipulative behavior in the negotiation process”, “Analysis of Mass-Media affected transformations of the danger concept”, «Трансформация представления об опасности под воздействием СМИ», «Медиакоммуникация как предмет психологического исследования», «Возможности психологического консультирования в информационном пространстве», «Влияние языка СМИ на формирование стратегического мышления личности», «Особенности психологических экспериментальных исследований в области массовой коммуникации» и др. Член Общественного совета при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка.

ское противостояние между различным пониманием смысла и цели развития человеческой цивилизации. Так, Президент России В. В. Путин во время выступления на площадке Международного дискуссионного клуба «Валдай» сказал: «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога или веру в сатану. Это прямой путь к деградации»⁴.

В настоящее время мы наблюдаем формирование нового витка развития культуры — информационной культуры. Человек с помощью технических средств,

⁴ Цит. по: *Оганесян А.* Разве Путин создал Библию? // *Международная жизнь.* 2015. Янв. С. 30.

расширяющих и дополняющих его возможности, начал материализацию содержания коллективного и индивидуального сознания и подсознания. В современных информационных продуктах могут соединяться самые высокие проявления творческого интеллекта и грубые, низменные, подчас патологические инстинкты человека, берущие начало в первородном грехе, тяге к нарушению запрета. По какому сценарию будут развиваться отношения этих двух начал человека в информационном пространстве, в значительной степени будет зависеть от нас.

Если традиционная культура сосредоточилась на проблемах жертвы и воздаяния за нарушение культурных запретов и на сценариях распада старой идентичности человека как царя природы и завоевателя пространства и ресурсов, то в информационной культуре осуществляется провокация нормы на основе рефлексии границы сакрального, инфернального и профанного пространств, представленных в ментальной и образной формах. Манифестируется образ человека, обладающего сверхмогуществом и самосвятостью (образы Человека-паука, Железного человека, Бэтмена и др.). Здесь происходит порождение всплесков страстей разной направленности, приводящих к реальным актам насилия, бесчинствам и бессмысленной жестокости.

«Взрывчатый материал» помещается в зазоры культурных матриц разных цивилизаций, которые содержат общепринятые табу, запреты и правила. Главными средствами воздействия являются соблазн, псевдоценности и удовольствия, доведенные до крайности. Абсолютизируются понятия «экстаз», «наслаждение», «удовольствие», «популярность», «упоение властью над людьми», «измененное состояние сознания».

Визуализация как форма разнообразия и способ удовлетворения потребностей разного рода не имеет границ, так как основана на фантазии и творческих способностях человека. Происходит интенсивное смешивание культурных сценариев различных этносов, начиная с еды и заканчивая образом красоты каждой нации¹. Поэтому в современной глобальной медиасреде необходимо разработать правила, нормы и запреты, как в новом виде культуры, если мы не хотим оказаться вместе с рафинированной техникой на дне Мертвого моря в центре пустыни.

Одним из путей цивилизованного существования в информационной культуре может стать формирование жестких критериев и ограничений в системе ценностей, способах удовлетворения потребностей, сценариях одобряемого поведения, которые способствуют выживанию человечества как вида. Необходимо создавать информационные продукты, демонстрирующие привлекательность традиций иной культуры, уважения к непохожим способам проявления эмоций в различных ситуациях жизнедеятельности. Главной задачей для нашего поколения является создание условий для

¹ Царева С. В. Последствия культурного доминирования в эстетических нормах образа человека в информационном пространстве // Этнопсихология и практическая психология формирования межкультурной компетентности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. Д. Карнышева. Иркутск : Репоцентр А1, 2013. С. 120–131.

безопасной межкультурной коммуникации в медийном пространстве.

Самая существенная проблема в настоящее время — это война за критерии культурной нормы. Примерно 10–15 лет назад в рамках концепции постмодернизма Джозефом Овертоном была разработана политическая теория «Окно Овертона»². Она описывает механизм воздействия на общественное сознание, позволяющий за пять шагов превратить немыслимое в общепринятое через радикальное, приемлемое, разумное, популярное.

Используя эту теорию, с помощью средств массовой информации можно добиться принятия обществом как разумных, так и абсурдных идей. Наибольшей убедительностью в информационном пространстве обладают образы из художественных произведений, фильмов, мультфильмов и телесериалов. Вся страна помнит, как мы любили бразильские и аргентинские сериалы и их героев, мы до сих пор восхищаемся образами фильма «Мимино».

В своей работе мы проанализировали картину мира, представленную в российском и американском вариантах мультфильма на одну и ту же сказочную тему о Царевне-лягушке по основным категориям различий культур: категория времени, категория пространства, категория индивидуализма/коллективизма, категория дистанции власти, категория маскулинности/феминности, категория отношения к неопределенности. Сравнительный анализ результатов показал, что одни и те же критерии в разных культурах по-разному интерпретируются и отражают различные личностные смыслы.

Основные категории в российской культуре интерпретируются следующим образом (мультфильм «Царевна-лягушка»):

- время циклично, события обратимы во времени (превращение в лягушку и обратно с определенным сроком действия);

- единство сакрального и инфернального пространства с пространством людей, существование объектов разных пространств в одном месте-времени не является уникальным явлением;

- семейные традиции, общественные интересы, интересы рода, единство с природой. Примеры: общение Василисы с природой, свадьба с целью появления наследника рода;

- высокая дистанция, строгое подчинение. Примеры: отец–сын, царские указы;

- в основном действует распределение качеств в соответствии с полом героя: с одной стороны, Иван представляется сильным, отважным, целеустремленным, Василиса проявляет теплоту и сердечность; с другой — Иван способен повесить голову и пожаловаться на невыполнимость задания, а Василиса подходит к решению проблем смело и решительно. В этом проявляется характерная для русских женщин способность «коня на скаку остановить»;

- в отношении России нельзя сказать однозначно. С одной стороны, есть аргументы в пользу опреде-

² Картер Д. Как уничтожить культуру за пять простых шагов. URL: www.perevodika.ru/articles/22649.html

ленности (определены момент женитьбы сыновей, способ выбора невесты, Иван стремится к стабильности и сжигает лягушачью кожу); с другой — есть признаки неопределенности (отсутствие у персонажей интереса ко многим чудесным вещам).

А в англосаксонской культуре те же категории интерпретируются несколько иначе:

— время в мультфильме линейно, последовательность событий вполне четкая (одно за другим), с причинно-следственной связью: настоящее за прошлым, будущее за настоящим;

— различные пространства существуют, однако разделены границами, для преодоления которых необходимо провести определенные ритуалы, использовать амулеты или обратиться за помощью к колдунье;

— индивидуализированные интересы и желания характерны практически для всех героев;

— умеренная дистанция и политика невмешательства, настолько выраженная, что примеров вмешательства власти нет;

— маскулинные черты: ориентация на успех и материальный достаток, целеустремленность, карьерный

рост, проявляются в характере главной героини. Редким персонажем без ярких маскулильных черт является, как ни странно, принц — несамостоятельный, безответственный, беззаботный, проявляется также тяга к флирту;

— в данной версии проявляется нетолерантность к неопределенности. С одной стороны, на фоне наличия стабильной жизни и целей принцесса не верит в легенду, пугается говорящей лягушки, избегает того, что вносит в жизнь неопределенность. С другой стороны, герои легко снимаются с места, легко принимают решение идти к колдунье, что говорит о способности принять неопределенность.

Результаты сравнительного анализа показывают, что одна и та же история в разных культурах может быть интерпретирована различным образом, поэтому важно понимать границы инаковости и не требовать в межкультурной коммуникации информационного пространства схождения мнений, понятий и сценариев поведения. Именно это, а не размытие границ добра и зла, и должно задавать критерии свободы слова в медийном пространстве.

А. С. Мусатова¹

ПОЛИТИЗАЦИЯ МЕДИА И МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Бурное технологическое развитие влияет на изменение общественных институтов, обуславливает стремительность жизни. Информационная сфера наиболее чутко реагирует на возникновение новых технологий и форматов. Возрастает роль средств массовой коммуникации (СМК), в особенности из-за их срединного положения между властью и обществом.

Не только отражая, но и конструируя реальность, медиа осуществляют взаимосвязь населения с политической средой. В то же время они все больше превращаются в информационный аналог реальности, а журналисты — из трансляторов информации в создателей смыслов.

Становится очевидной необходимость контроля за информационной повесткой, который, по мнению исследователя дискурса Т. Ван Дейка, осуществляется посредством доступа к ресурсам коммуникативного доминирования². Во многом именно в контроле над медиаисточниками заключается власть элит и в целом политизация медиа.

¹ Менеджер проектов маркетингового агентства (Самара), специалист-социолог. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Теория конфликта в истории социологии на примере творчества К. Маркса и Дж. Хоманса», «Образ премьеры и президента в телевизионных новостных выпусках», «Оппозиционное движение в России: взгляд двух поколений» (в соавт.), «Журналистика в Интернете: профессионалы или любители», «Гражданский активизм в современной России: анализ медийных дискурсов», «Особенности взаимодействия производителя и потребителя публикаций СМК с развитием новых медиа» и др.

² Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. М. : Либроком, 2013. С. 337.

Роль СМК была признана определяющей в предвыборных кампаниях советского периода. На тот момент средства массовой коммуникации стали «основной средой политической коммуникации»³. Вместе с трансформацией власти происходила деформация публичной сферы, сопровождавшаяся борьбой кланов и элит. По словам Е. Воиновой, свидетельством обратного процесса медиатизации политики, при котором публичная сфера превращалась «в зазеркалье», стали выборы 1996 года⁴. Вот только арена борьбы развернулась уже в пределах символического пространства. По мнению И. Засурского, этот нюанс является определяющим при описании процесса медиатизации политики⁵.

Он характерен для ситуации, когда на политическом поле не происходит значимых событий и (или) необходимо создать их искусственным путем. Е. Воинова добавляет к этому возможность создания политических декораций и целых спектаклей в публичном пространстве при попытке что-либо скрыть в реальной политике. В этом ключе рассуждал и Ж. Бодрийяр, который считал массовые коммуникации «специфиче-

³ Засурский И. И. Реконструкция России. Массмедиа и политика в России девяностых // Русский журнал. URL: <http://old.russ.ru/politics/20001114.html>

⁴ Воинова Е. Медиатизированная политическая коммуникация: Способ медийного искажения политики или способ организации дискурса? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 6.

⁵ Засурский И. Массмедиа второй республики // Политизация массмедиа. М., 1999.

ским средством, декорацией идей, призванной оказывать влияние на людей»¹.

В таких условиях внимание политиков концентрируется не на собственной деятельности, а на создании собственных образов. Этому способствовало понимание доминирующей роли СМИ, когда важным становится не то, что ты делаешь, а то, как преподнесут это в медиа. Чтобы завоевать расположение аудитории, политические деятели вынуждены формировать собственные медийные образы, попутно превращая выступления в показательные шоу. Таким образом, из реальных людей с набором убеждений они превращаются в «медиафигуры»². Вслед за этим перестраивается и политическая общественность, реализуемая согласно постановочным принципам массмедиа.

Опосредованность общественной жизни образами позволяет говорить о том, что сегодня мы живем в «обществе спектакля», о котором писал Г. Дебор³. По мнению автора, как только спектакль перестает о чем-либо говорить, само событие перестает существовать, поэтому политически действенным становится только то, что показано и о чем рассказано в СМИ.

Медиа становятся важным источником распространения новостей и площадкой для публикации мнений политиков и экспертов. Во взаимодействии они создают информационную картину мира и формируют общественное мнение. Все чаще политические цели достигаются посредством применения пропагандистских методов в журналистике.

Наиболее распространенным приемом является создание мифологического пространства. Мифы помогают доступно и эффективно наглядно продемонстрировать собственные убеждения, причем наиболее естественным образом. Все мы помним приезд украинского президента Петра Порошенко на саммит в Давос с куском желтой обшивки от автобуса. С точки зрения Р. Барта, этот материальный носитель можно рассматривать как продукт мифотворческой деятельности⁴.

Согласно двойной структуре мифа первымзначающим являлся непосредственно металлический кусок с дырками в своей принадлежности к обстрелянному автобусу. Второй уровень мифа создавался посредством проведения ассоциативных связей. На этом уровне предмет наполнился вполне опреде-

ленным смыслом, становясь материальным фактом свидетельства «российской агрессии». Хотя манипуляция с общественным мнением не прошла, показательна сама ситуация, при которой политика фактов заменяется политикой символов. Эффективность мифотворчества заключается в том, что оно производит непосредственный эффект, действуя сильнее рациональных доводов.

Переход политики в область символического пространства Ж. Бодрийаром воспринят как свидетельство исчезновения подлинной реальности и возникновения «медиареальности». Образы действительности в ней создаются в результате применения дискурсивных практик, которые обобщают информацию и власть. Основопологающим способом реализации властных установок становится симуляция.

Происходит подмена реальной картины практиками тотальной симуляции, порождаемыми средствами массовой коммуникации. В этом, надо признать, их угрожающая сила. Зачастую создаваемая виртуальная реальность оказывает влияние непосредственно на социально-политическую обстановку. Одним из примеров является активная роль медиа в подготовке общественного мнения и создании информационного повода для начала дестабилизации Ливии.

Это к вопросу о владении средствами массовой коммуникации, от чего во многом зависит информационная картина. Однако если на расстановку сил в медийном пространстве повлиять затруднительно, то как минимум защитить себя от практик симуляции вполне возможно.

В. А. Емелин предлагает, на мой взгляд, самый простой и действенный способ, заключающийся в ироничном восприятии действительности. Автор предполагает, что оно «поможет оградить нас от иллюзии очевидности, созданной диспозитивом власти-информации».

Применение этого способа демонстрируют российские политические деятели. Одним из последних примеров является ироничное комментирование Владимира Путина относительно своего продолжительного отсутствия в СМИ. Таким образом, только вооружившись иронией, можно жить в медийно созданном пространстве симуляции и не обратиться при этом в симулякр.

¹ Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество: Введение в теорию исследования. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

² Болъц Н. Азбука медиа / пер. с нем. Л. Ионина, А. Черных. М.: Европа, 2011. С. 65.

³ Есипова И. В. Синтез средств массовой информации в эпоху постмодерна. URL: <http://sciencejournal.sstu.ru/sites/default/files/44.pdf>

⁴ Барт Р. Мифологии. М., 1996; *Он же*. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

М. Р. Проскуряков¹**ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЧИ ЖУРНАЛИСТА
КАК УСЛОВИЕ СВОБОДЫ СЛОВА**

Свобода слова предполагает навыки целесообразного и эффективного владения им как инструментом социального строительства, средством созидания общества, государства и власти.

Эффективность является ключевым признаком речи современного журналиста. Под эффективностью речи понимается оптимальный способ достижения поставленных коммуникативных целей и формирования когнитивных приоритетов. Эффективность речи определяется силой и энергией целевой установки, отношением достигнутого результата к поставленной цели и представляет наиболее значимый параметр, поскольку синтетически объединяет и оптимизирует лингвистические, психологические и социальные качества хорошей речи: правильность, чистоту, точность, устность, выразительность, доступность языка власти.

В социально-психологическом аспекте эффективная речь предполагает навык оценки аудитории, умение задействовать психологические механизмы подражания и имитации. Эффективная речь адресована определенным группам общества с учетом их интересов, целей, мотивов (интеллектуальных, моральных, эстетических), настроения, физического состояния. В этом качестве эффективная речь становится мощным инструментом социального действия. Побуждая к поступку, действенная речь позволяет журналисту овладевать чувствами и сознанием людей, влиять на их психику и воображение.

Правильность речи предполагает ее соответствие фонетическим, лексическим, грамматическим нормам. Правильность рассматривают как базовое коммуникативное качество речи. В более широком смысле признак правильности характеризует объективность высказываемого мнения, позиции (правильно сказал, считает, утверждает, понимает и т. п.).

Таким образом, правильность становится результатом качественного доказательства (правильность суждения, аргумента) и следствием убедительности, честности. Любопытно, что в журналистском и лингвистическом смысле правильность предполагает некий идеал, за который надо бороться и к которому надо стремиться. Ср.: один из слоганов филологии — «борьба за правильную речь». В широком спектре коммуникативных задач, которые ставит перед собой журналист, правильная речь предполагает навык учета контекста и связана с качеством уместности (уместность — ситуативная правильность).

Другим значимым трендом современных СМИ является чистота речи. Таковой следует считать речь, свободную от чуждых русскому языку элементов, жаргонизмов, диалектизмов, штампов, слов-паразитов.

Чистая речь не предполагает лингвистической инквизиции заимствований и феноменов субстандарта, но жестко регламентирует их употребление.

Точность речи определяется умением журналиста четко и ясно мыслить, знанием предмета речи и правил русского языка. Точность речи чаще всего связывается с точностью словоупотребления, правильным использованием многозначных слов, омонимов, паронимов, иностранных слов, терминов. В логическом аспекте под точностью обычно понимаются четкость, ограниченность значения слова.

Наиболее точными, или правильно ориентирующими, представляются мотивированные слова, в структуре которых ярко переданы содержание понятия или его отличительные признаки. Точность определяется также сжатостью, компактностью и лаконичностью изложения, употреблением слов в прямом значении, простым синтаксическим строем текста журналистского произведения. В связи с этим качеством журналистам советуют отбирать точные, меткие, отвечающие смыслу определяемого ими понятия слова. Употребление слова в соответствии с присущим ему в литературном языке значением — важнейшее условие массовой коммуникации.

Точность слова является не только требованием стиля, массовой коммуникации, но прежде всего требованием смысла. В лингвистическом понимании точность речи предполагает надлежащую смысловую и стилистическую сочетаемость. Лексическая сочетаемость определяется значением слов, их принадлежностью к тому или иному стилю языка, экспрессивно-эмоциональной окраской, грамматическими особенностями. В журналистском аспекте точность связывают с необходимостью верифицировать мысль синонимами-конкретизаторами, применением таких синтаксических приемов, как градация, вопросно-ответные ходы, риторические вопросы, вводные слова и предложения.

Точная и объективная речь должна соответствовать дискурсам журналистики и PR, где недопустимы логическое смешение понятий и сознательное усложнение смысла, манипуляции.

Доступность речи расширяет аудиторию СМИ, делая понятным сложное, и определяется как предметно-логическим содержанием речи, ее композицией, так и выбором речевых средств, доступных для понимания слушателя и читателя. Имеется в виду, например, выбор адекватной однозначной терминологии, ясных определений, а также привлечение вспомогательного материала: сравнений, примеров, метафор, которые делают речь более доходчивой.

Выдвижение на первый план доступности речи массовой коммуникации как одного из наиболее важных качеств связано с активизацией общественно-политической жизни страны. Современный журналист в одной из своих ипостасей — учитель, разъясняющий народу смысл сложных явлений.

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Концептуальная структура текста», «Смысл текста как самоорганизующаяся система», «Дискурс борьбы», «Дискурс власти: очерк культуры политической речи», «Концепт красоты в тексте рекламного сообщения» и др.

Устность речи является важной стилистической чертой современной журналистики. При этом имеется в виду не столько бытовая, сколько литературная устность как характерное явление сегодняшнего дня. Устность подразумевает умелое пользование потенциалом языковых средств разговорной речи, прошедших адекватную стилистическую обработку. Выдвижение этого признака произошло в прошлом и связано с дихотомией «книжность–устность», которой определялась литературная устная речь. Устность речи — необходимое условие доступности, в ней же заключается дополнительный «народный» ресурс точности и выразительности журналистики.

Выразительность — ключевой признак речи журналиста — имеет емкое содержание. Выразительность — прежде всего психологический параметр, эксплицирующий, во-первых, внутреннюю уверенность автора, во-вторых, умение испытывать и передавать целевой аудитории необходимое эмоциональное отношение к предмету речи (от восторга, страсти и тревоги до ненависти к врагу) и создавать образ предмета речи. Выразительная речь свойственна творческим (креативным) журналистам. Средства речевой выразительности поддерживают внимание и интерес слушателей, активизируют процесс восприятия. Их цель — управлять процессом активного мышления, мотивируя формирование мнения и совершение поступка. Выразительность может быть информационной (предметно-логическое содержание) и структурной (композиционная стройность). Образно-эмоциональная выразительность речи определяется лингвистическими (языковыми) и экстралингвистическими (кинестическими, психологическими: поведение, мимика, жесты, контакт с аудиторией) факторами. Выразительны не только жесты, но и лицо и взгляд журналиста. Выразительно все, что задевает за живое, даже молчание. Выразительность может не иметь своей целью точно выверенного эмоционального регистра. Языковые средства выразительности подразделяются на произносительные, акцентологические, интонационные, фонетические, словообразовательные, морфологические, лексические, фразеологические синтаксические, стилистические. Лексические и синтактико-стилистические средства образно-эмоциональной выразительности — это тропы и фигуры.

Выразительный голос журналиста может быть охарактеризован с точки зрения тональности: мягкий, теплый, серебристый, крикливый, пронзительный. У нервных, порывистых журналистов выразительное звучание достижимо более при помощи громкости, чем протяжности и полетности звучания. Выразительность придает речи журналиста яркость, узнаваемость и индивидуальность.

Демократичность, раскрепощенность речи СМИ подразумевает совпадение внешней и внутренней самооценок журналистов, мысли и слова, ее выражающего. Этот признак предполагает свободу речи от элементов тоталитарного языка (идеологем прошлого и настоящего), в экстралингвистическом аспекте — умение общаться с целевой аудиторией, оптимальную диалогизацию общения, свободу от языкового барьера, умение слушать и принимать чужую точку зрения, пластичность в использовании аргументации и смене коммуникативных ролей.

Этика журналистской речи включает этическую позицию автора журналистского произведения по рассматриваемым проблемам, его нравственный потенциал, личностные и профессиональные качества. Позитивная этическая позиция журналиста характеризуется здравомыслием (компетенция, эрудиция, а следовательно, доказательность, аргументированность), доброжелательностью, открытостью, самоконтролем, порядочностью и тактичностью, а также вежливостью. Душевность, проникновенность речи журналиста эксплицирует созидательную деятельность СМИ, направленную на совершенствование общества в русле ценностей гуманизма. В отечественном дискурсе пока крайне редко становятся популярными добрые журналисты и нравственные душевные качества. В силу особенностей национального менталитета речь СМИ имеет социальную и культурную детерминированность. Нарушение этических приоритетов общения замещает для некоторых журналистов параметры эффективности, точности, выразительности речи, служит маркером социальной принадлежности к «своей» аудитории.

Литература

- Проскуряков М. Р.* Дискурс борьбы: очерк языка предвыборных кампаний / М. Р. Проскуряков // Вестник Москов. ун-та. — 1999. — Сер. 9. Филология. — № 1. — С. 34–50.
- Проскуряков М. Р.* Дискурс власти: очерк культуры политической речи / М. Р. Проскуряков // Современная русская речь: состояние и функционирование : сб. науч. тр. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. — С. 82–106.
- Проскуряков М. Р.* Язык власти: очерк культуры речи двух президентов / М. Р. Проскуряков // Современная русская речь: состояние и функционирование : сб. аналитических материалов. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004.
- Проскуряков М. Р.* О некоторых проблемах языка СМИ / М. Р. Проскуряков // Журналистика XXI века: инновации и реальность : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. — СПб. : Изд-во РАНХиГС, 2012. — С. 16–27.
- Проскуряков М. Р.* К вопросу об экологии рекламного дискурса / М. Р. Проскуряков // Реклама и PR в России : материалы науч. конф. — СПб. : СПбГУП, 2013.

Л. В. Путькина¹

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Средства массовой информации в современном мире представляют собой единое виртуальное пространство, содержанием которого является информация. Информация может быть разной: правдивой, ложной, объективной, как правило, она направлена на манипулирование массовым сознанием [1–3]. Отметим, что виртуальная реальность, передаваемая СМИ, состоит из информационной реальности и реальной реальности.

События, которые действительно происходили в мире и стали для СМИ информационными поводами, являются объективной реальностью.

Информационным поводом является событие, которое имеет общественную значимость и является транслируемым или интерпретируемым материалом для работы СМИ.

Виртуальный факт — факт, не имевший места в действительности, однако ни в чем не противоречащий ей, придуманный специально для достижения определенной цели.

Возникает алгоритм создания общественного мнения: каналы СМИ создают и выпускают в информационную среду сообщения, набор сообщений формирует вокруг события информационное поле, которое правомерно называть виртуальной реальностью.

Происходит виртуализация жизни общества. Молодые люди, как правило, получают информацию через Интернет. Часто эта информация является псевдореальной. Под понятием информационной псевдореальности подразумевается реальность, которая создается при помощи придуманных фактов. Существует огромное количество сайтов с недостоверной информацией.

При виртуальной жизни общества возможны два варианта алгоритма работы СМИ: либо СМИ обнаруживают то, что стало информационным поводом, либо действуют как объект, копирующий работу «подлинных» СМИ. На наш взгляд, первый случай в некотором смысле отражает смысл и стиль работы так называемых качественных СМИ. А второй тип работы характерен для бульварных, или некачественных, и ангажированных СМИ. В первом случае СМИ обнаруживают за образом суть события, толкуют его как значимое или незначительное, важное или неважное, то есть «разоблачают».

Некачественные СМИ подают образы событий как общественно значимые события. Для таких СМИ главным в работе становится не собственно информирование,

а презентация коммуникативного канала, они будто «играют» в новости, они «как бы» информируют о «как бы» событиях, они транслируют несерьезное, игровое отношение к событиям окружающего мира, они отбирают для транслирования события, в которых их «как бы» событийная природа особенно очевидна. Для таких СМИ событием становится, например, развод известных поп-звезд, в действительности не обладающий общественной значимостью.

На сегодняшний день информация становится жизненно важным стратегическим ресурсом государства и общества.

Глобальная информационная и телекоммуникационная сеть Интернет широко используется в качестве источника СМИ, что качественно изменяет всю ранее созданную систему накопления, хранения и распространения информации. В настоящее время одним из самых важных средств развития социального взаимодействия практически во всем виртуальном пространстве является Интернет. Происходит виртуализация жизни общества, киберпространство используется современным человеком для ведения бизнеса, для виртуального общения и личной переписки, как средство для образовательной и игровой среды.

Интернет в содержательном плане выступает аналогом определения виртуальной реальности как реальности, в которой осуществляется интеллектуальная и информационное взаимодействие, основанное на принципах обратной связи.

При виртуальной жизни общества общение молодежи, как правило, происходит на форумах, в чатах, Skype и ICQ, где часто используется ненормативная лексика, искажается значение слов. Виртуальное общение происходит в Интернете, где люди могут общаться друг с другом в реальном времени. Также часто для виртуального общения используются наиболее популярные социальные сети, такие как ВКонтакте, Facebook, Twitter, Instagram. В социальных сетях люди обмениваются фотографиями и видеозаписями, выкладывают фильмы, приглашают к себе друзей, обмениваются с ними сообщениями, создают сообщества по интересам.

В виртуальном пространстве Интернета не часто используют правила, орфографию и грамматику русского языка. Часто используются слова: «мя» вместо «меня», «превед» вместо «привет» и т. д. Зачастую вообще игнорируются знаки препинания. «В ходу» в Интернете и сленг: «прикольно», «ок», «чмоки» и т. п.

При работе в виртуальном пространстве неплохо бы помнить слова академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, который неоднократно говорил о чистоте нашего разговорного языка: «А ведь бывает и так, что человек не говорит, а “плюется словами”. Для каждого расхожого понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения. Когда такой человек с его словами-плевокми говорит, он выявляет свою циническую сущность».

¹ Профессор кафедры информатики и математики СПбГУП, кандидат технических наук. Автор более 120 научных и методических публикаций, в т. ч.: «Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России» (в соавт.), «Динамика концепции развития предпринимательских структур», «Интеллектуальные информационные системы» (в соавт.), «Информатика и математика для гуманитарных вузов» (в соавт.), «Особенности инновационных предпринимательских структур», «Разработка инновационной стратегии деятельности коммерческого предприятия на виртуальном рынке», «The concept of process approach to management» и др.

Это относится и к виртуальной информации, которую СМИ размещают в киберпространстве.

Широко известна нетерпимость академика Д. С. Лихачева к ненормативной лексике. В 1976 году в одном из интервью он сказал: «Если бесстыдство быта переходит в язык, то бесстыдство языка создает ту среду, в которой бесстыдство уже привычное дело». «Наша речь — важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она “затягивает”», — писал Дмитрий Сергеевич Лихачев в книге «Письма о добром и прекрасном». Для молодежи Дмитрий Сергеевич отмечал: «Избегайте слов “паразитов”, слов мусорных, ничего не добавляющих к мысли». Дмитрий Сергеевич Лихачев любил повторять слова Николая Васильевича Гоголя: «Со словом надо обращаться честно».

СМИ играют важную роль в развитии личности. Информационная виртуальная реальность накладывается на индивидуальные особенности читателя, слушателя, зрителя и актуализирует определенный уровень его психологической виртуальной реальности. Все это представляет собой определенные процедуры выстраивания отношений между СМИ и его потребителем.

В условиях виртуализации всех уровней социальной жизни виртуализуются и СМИ. Более очевидно эта тенденция проявляется в тех случаях, когда журналисты придают социальную значимость такой инфор-

мации, которой в принципе не обладают и обладать не могут. И таким образом социально значимую информацию заменяют базовым компонентом виртуальной реальности.

Осуществляя отбор фактов, составляющих актуальную картину мира, СМИ невольно «накладываются» на индивидуальную систему ценностей, а порой провоцируют важные изменения в ней. Эта проблема оказывается на стыке социальной и психологической природы человека.

Современные СМИ придерживаются тенденции выполнять социальную функцию информирования, имея в качестве цели демонстрацию наличия канала коммуникации, такое информирование осуществляется при помощи алгоритмов создания виртуальной реальности.

Литература

1. Воронкова О. В. Проекты развития международного потенциала научно-исследовательской деятельности в России / О. В. Воронкова // Перспективы науки / Фонд развития науки и культуры. — Тамбов, 2014. — № 1 (52). — С. 81–86.
2. Путькина Л. В. Виртуальная предпринимательская структура. Новый подход в системе управления / Л. В. Путькина, А. А. Горбунов // Мир экономики и права. — 2011. — № 5. — С. 13–18.
3. Фабричнова Т. Г. Алгоритм разработки программы продвижения печатного периодического издания / Т. Г. Фабричнова // Мир экономики и права. — 2011. — № 3. — С. 17–25.

А. Г. Титова¹

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Становление гражданских обществ в современном мире происходит в условиях возрастающих информационных атак на население, ожесточенной информационной войны, развернутой с целью манипулирования сознанием и поведением граждан в интересах политических и экономических групп, стремящихся нейтрализовать оппонентов, уничтожить и морально разложить тех, кто создает препятствия на пути к господству местных и международных элит. Технологии информационного манипулирования сознанием становятся неотъемлемой составляющей политических технологий, успешно применяются ко всем странам, находящимся в зоне геополитических интересов Запада, и содержат серьезную угрозу суверенитету этих стран.

Появление гражданских обществ в Западной Европе сопровождалось высвобождением личности от влияния государства и создания политически независимых общественных ассоциаций, социальных

структур. В настоящее время этот процесс находится под серьезным влиянием средств массовой информации, которые, с одной стороны, создают мощные возможности коммуникаций, а с другой — используют эти возможности в политических целях. Гражданское общество — самодеятельность нации, осознающей объективные потребности развития общества как собственные потребности. В этом плане цель информационных войн — управление всеми процессами самоопределения нации. При этом информационные войны нацелены прежде всего на национальный суверенитет, ставят пределы национальной безопасности, втягивают страны в международные конфликты, лишая тем самым граждан возможности самостоятельно решать свои судьбы и судьбы своих стран. Информационные войны приводят к разрушению нормальных отношений как внутри обществ, так и на мировой арене. Последствиями их являются коррозия гражданских институтов, абберрация национального самосознания — представлений об отечественной истории и культуре, о роли страны в мировом сообществе. На этом фоне легко возникают различного рода диктаторы, появляются новые гитлеры и муссолини.

Представление о гражданском обществе формировалось как идеальная конструкция, создаваемая авто-

¹ Заведующая кафедрой конфликтологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Политический процесс в современной России и механизм его функционирования», «Политическая власть в современной России: проблемы развития и совершенствования», «Технология власти», «Современная российская политика» и др.

рами прошлого и настоящего через призму проблем своего времени. Истолкование гражданского общества как сферы реализации права в настоящее время сужает границы этого сложного явления. Цивилизационный подход к правам человека и государственности содержит социальные характеристики и государства, и права, что предполагает необходимость принятия и реализации социальных программ, обеспечивающих гарантированный минимум благосостояния граждан, защиту национальных и конфессиональных меньшинств, обеспечение национально-культурной и информационной безопасности. Роль гражданского общества — не только социальный контроль, но и активное участие в политических и государственных делах, способствующих решению социальных задач, чему, в свою очередь, помогает культурное обеспечение нации. Современные требования к гражданскому обществу — сложный конгломерат социальных, культурных характеристик, в совокупности образующих новое цивилизационное представление о его сущности и содержании как сфере внегосударственных, свободных ассоциаций граждан, образуемых для защиты социальных, политических, культурных прав путем активного участия каждого индивида, наделенного политической и правовой культурой, в социальной и политической жизни общества. Это сфера, развитие которой подчиняется праву, формируется независимыми индивидами.

По замечанию И. Н. Панарина, гражданское общество выполняет функцию посредника между личностью и государством, частной и публичной сферами, частными и общими интересами [7]. Становление гражданского общества — процесс стабилизации, устойчивости и сохранения его целостности в условиях изменения форм социальных отношений, создания открытых социальных связей, демократии и гласности. Направленность и особенности формирования гражданского общества в период становления отечественные авторы видят в следующем:

- преобладание государственных институтов при слабости общественных организаций [1];
- выполнение политических функций конкурентной борьбы общественными организациями [3];
- возрастание влияния информации и знаний на развитие гражданских институтов [2];
- обеспечение социальной и национальной безопасности в условиях социальной неустойчивости, учет национальной и культурной специфики развития общества и личности, поиск новых путей взаимодействия между социальными акторами, между обществом и властью, между вновь образованными социальными и политическими институтами [8].

Мы отмечаем, что становление гражданских институтов и отношений происходит в условиях конфликта между традиционными и модернизационными ценностями, когда начинаются индивидуализация человека, отделение личности от государства, воспитание у личности чувства собственного достоинства, что придает особое значение системе образования и воспитания.

Главным субъектом гражданского общества является независимая личность, наделенная развитым сознанием и волей, и качество этой личности становится не-

обходимым условием качества гражданского общества и всего социума. Именно на духовную независимость человека, свободу мышления и направлено информационно-психологическое влияние, подрывающее изнутри правовую основу существования личности и общества и разрушающее его гражданское состояние.

Механизм и технологии информационных войн продолжают исследоваться, накоплен значительный теоретический и практический материал, обосновываются цели, направления, технические возможности, стратегия и тактика перевода информационной войны в вооруженное столкновение [4–7]. Однако вопрос изменений, которые происходят при этом в институтах и субъектах гражданского общества — избирательных процессах, общественных организациях, ассоциациях, правах человека, — остается открытым. Очевидно, например, что ни одна правовая система не в состоянии обеспечить защиту от информационных войн, особенно тех, которые ведутся в Интернете. Законодательства многих стран только приступают к изданию законов, адекватно обеспечивающих защиту граждан от информационно-психологических технологий. Специалисты по ИТ-индустрии, разработчики искусственного интеллекта предупреждают, что либеральная идея, в рамках которой технология Интернет проникла в Россию, — тот стержень, на котором невозможно обеспечить информационную безопасность страны: «Нужно строить информационный суверенитет самостоятельно: заниматься мониторингом своего информационного пространства, совершенствовать законодательство об ответственности за контент, создавать средства влияния и пропаганды» [4].

Исследования государственных переворотов в арабском мире, в Югославии, Молдове, Грузии, Украине показали, что население этих стран действовало как управляемая масса. «Цветные революции», перерастающие в локальные войны, демонстрируют существование налаженного механизма внешнего управления, который включается тогда, когда население готово к активным выступлениям против режима в условиях существенного снижения уровня жизни, усиления на этом фоне депрессивного состояния нации. Достаточно хорошо известны разработанные и используемые политические и информационно-психологические технологии воздействия на социально-политическую ситуацию, поэтапное развитие конфликта, которое включает радикализацию мирных выступлений, парализацию действий политических институтов, системы государственного управления. Механизмы, способы и методы этого воздействия определяются складывающимся распределением сил, возможностями политической элиты, силой и авторитетом политических лидеров, СМИ, политическими партиями, независимыми общественными организациями.

В России гражданское общество — пока еще декларация, используемая в политических целях, объект внимания различных политических сил, манипулирующих этим понятием в средствах массовой информации. Российская политическая элита через СМИ изначально провозгласила европейские ценности, в том числе и права человека, гражданское общество, как мировую

стандарт и одновременно создала в сознании населения облегченное и даже примитивное представление о путях, сроках и возможностях их реализации. В условиях роста социальной напряженности использование понятий либерально-демократической лексики становится неотъемлемой составляющей информационных влияний, задача которых облегчается тем, что население недостаточно знает свои права, а институты, призванные их защищать, плохо работают.

Информационно-психологическое воздействие на сознание и поведение населения стран постсоветского пространства с самого начала сопровождает процесс формирования гражданского общества. Сила и значение этого воздействия таковы, что анализ становления гражданских обществ в странах бывшего СССР не может осуществляться вне учета механизма «промывания мозгов». Появляется феномен «управляемого гражданского общества» с видимостью прав, искаженным представлением о долге, обязанностях, деятельности финансируемых США общественных организаций (НПО, НОО, НКО).

События на Украине полностью подтверждают вывод Д. В. Зеркалова о том, что информационные войны более опасны для России, чем ядерная [5]. В течение более чем 20 лет давление, оказываемое на общественное сознание, сформировало поколение русофобов и националистов, пополняющих отряды нацгвардии и «Правого сектора», готовых участвовать в «зачистках» на юго-востоке не по принуждению, а по убеждению. В настоящее время население страны расколото, и Майдан, ставший символом бунтующей Украины, неоднороден, однако наибольшую опасность представляют не подкупленные «сторонники режима», а молодежь, которую уверили, что по другую сторону баррикад находятся нелюди и убивать их — долг каждого украинца. Информационная война против России началась с искажения истории Украины, особенно советского периода, продолжалась стремлением выдавить русский язык и культуру и заканчивается юго-восточным кризисом, освещение которого в средствах массовой информации Украины далеко не только от объективности, но и от элементарных представлений о порядочности и нравственности.

Становление гражданского общества как конфликтный процесс — результат неразрешенных противоречий прошлого и настоящего, появления новых проблем. Поскольку гражданское общество — составляющее информационного, «воспитание» гражданских потребностей личности ставит ее в значительную зависимость не только от существующей в данном обществе системы образования и воспитания, но и от целей и задач тех структур, которые используют новейшие технологии информационного воздействия. Граждан-

ское общество должно противостоять новому виду власти — информационной, в которой скрываются интересы определенных политических кругов и экономических сил. Значительный потенциал открывается в культуре — своеобразном щите, препятствующем нагиску психологического воздействия, главным проводником которого являются средства массовой информации. В современных обществах неустойчивого типа, где происходит смена правительств, элит, систем управления, меняются политические и экономические взгляды, технологии информационно-психологического воздействия могут быть нейтрализованы при создании и использовании технологий продвижения культуры гражданственности. В этих условиях возрастает значение интеллектуального потенциала нации в лице ученых, педагогов, журналистов.

Литература

1. Булеев И. П. Институты гражданского общества / И. П. Булеев // Научные труды ДонНТУ. Сер. Экономическая. — Вып. 89-1. — С. 119–126.
2. Бумагина Е. Л. Роль средств массовой информации в формировании гражданского общества : дис. ... канд. филос. наук / Е. Л. Бумагина [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rol-sredstv-massovoi-informatsii-v-formirovani-grazhdanskogo-obshchestva>
3. Гайнутдинова Л. А. Базовые характеристики гражданского общества / Л. А. Гайнутдинова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2009. — Вып. 103. — С. 215–222.
4. Елисеев И. Забил я цифрой пушку туго. Помогут ли в информационной войне роботы и мобилизация хакеров? / И. Елисеев [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/05/23/ashmanov.html>
5. Зеркалов Д. В. Информационные войны : моногр. / Д. В. Зеркалов. — Киев : Основа, 2012.
6. Манойло А. В. Технология несилевого разрешения современных конфликтов / А. В. Манойло. — М. : Горячая линия-Телеком, 2008.
7. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика / И. Н. Панарин. — М. : Поколение, 2006 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://vse-uchebniki.com/geopolitika/novaya-britanskaya-imperiya-grajdanskoe-34006.html>
8. Сковиков А. К. Развитие институтов гражданского общества в условиях информатизации / А. К. Сковиков // Технологизация политических процессов в условиях глобализации: теория, опыт, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 19 октября 2012 г. / под общ. ред. В. И. Камышева, О. Е. Гришина. — М. : Федерация мира и согласия, 2012.
9. Сковиков А. К. Особенности развития современного гражданского общества в условиях трансформации политических ценностей / А. К. Сковиков // Европейські та традиційні цінності очима сучасної української молоді : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., Харків, 14–15 березня 2012 р. — Харків : ХНУБА, 2012.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Г. М. Бирженюк	заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
Ю. И. Вдовин	доцент кафедры журналистики СПбГУП
Ю. С. Голигорский	журналист, продюсер (Великобритания), профессор кафедры журналистики СПбГУП
М. С. Гусман	первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ
Н. А. Донсков	доцент кафедры журналистики СПбГУП
А. С. Запесоцкий	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
Ю. А. Запесоцкий	доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии
Т. Кент	заместитель главного редактора агентства «Ассошиэйтед Пресс» (США)
М. А. Мануильский	заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, кандидат философских наук
Л. В. Матвеева	профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук
А. С. Мусатова	менеджер проектов маркетингового агентства (Самара)
М. Р. Проскураков	профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук
В. Тарпли	писатель, журналист, публицист, президент Washington Grove Institute (США), доктор философии
В. Т. Третьяков	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова

М. С. ГУСМАН: — Уважаемые коллеги! Вчера в этом без преувеличения одном из лучших вузов нашего Отечества начались очередные Лихачевские чтения. Не знаю, все ли здесь присутствующие имели удовольствие побывать на открытии, но это было настоящее пиршество духа, интеллекта, звучали действительно замечательные выступления, которые сегодня, как мы надеемся, продолжатся в разных секциях. Эти Чтения проходят 15-й раз благодаря подвижнической миссии ректора Университета профсоюзов Александра Сергеевича Запесоцкого, который этот, на мой взгляд, невероятный по тяжести и фантастический по важности груз тянет уже 15 лет вместе со своим замечательным коллективом, профессорско-преподавательским составом Университета, своими соратниками, коллегами.

Сегодня мы планируем обсудить вопросы, связанные с жизнью современных медиа. Наша секция называется «Информационные вызовы XXI века и свобода СМИ». Это широкие понятия. Здесь много о чем

можно говорить. Думаю, по этой проблематике у нас состоится интересная дискуссия, потому что в этом зале присутствуют выдающиеся профессионалы, каждого из которых я знаю не один десяток лет. Это Томас Кент — заместитель главного редактора крупнейшего и, на мой взгляд, самого авторитетного мирового агентства «Ассошиэйтед Пресс»; Виталий Третьяков — человек, одно имя которого является, мне кажется, брендом российской журналистики, российских медиа. Даже одни эти имена говорят о том, насколько интересной может быть наша дискуссия. А сейчас слово предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, организатору Международных Лихачевских научных чтений Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, я рад всех вас здесь видеть, это большая честь для нашего Университета. Прежде всего я выступаю от имени Оргкомитета, но поскольку веду и научные исследу-

дования в области средств массовой информации, рекламы и связей с общественностью, то воспользуюсь случаем и скажу несколько слов по содержанию нашей сегодняшней встречи. Я должен отметить, что для нас очень важно наличие этой секции в программе Чтений, поскольку сейчас никакие проблемы в мире не решаются в отрыве от средств массовых коммуникаций, электронных СМИ и т. д. В связи с этим я хочу заметить, что сами журналисты спорят о том (и для них это очень важно), что является средством массовых коммуникаций, средством электронного общения и т. д. Между тем рядовые граждане, так же как политики, живут в едином, очень обширном информационном пространстве. И сегодня мало кто до конца представляет, какую роль играет это пространство.

Думаю, что дальше всех в понимании происходящего продвинулись, как ни странно, художники. В фильмах, созданных по таким сценариям, как «Матрица», герои живут в виртуальной реальности, но на самом деле это уже действующая модель существования нашего мира. В глобальном пространстве произошел, на мой взгляд, трагический разрыв между традиционной журналистикой и журналистикой, которая понимается как коммерция, как некая торговля информацией. При этом коммерциализированная журналистика часто не делает различий между достоверной и недостоверной информацией. И поскольку во главу угла ставится торговля информацией, то если оказывается, что выгоднее торговать недостоверной информацией, то журналистика так и делает. И в целом журналистский мир все больше относится к своей работе как к определенному коммерциализированному сбытовому процессу. В этом смысле торговля информацией ничем не отличается от торговли йогуртами. И если у нас сейчас в магазинах выгодно продавать рыбу, которую предварительно клали в воду, чтобы она набрала вес, или торговать недоброкачественным продуктом, то все эти «этические» нормы поведения, нормы представления о своей деятельности очень быстро распространяются на сферу журналистики.

В то же время для России всегда была очень важна научная рефлексия того, что происходит в обществе, государстве и т. д. Под партийным руководством не обо всем можно было говорить и не все можно было исследовать. Но сейчас мы сталкиваемся с другой крайностью, когда процессы, реально происходящие в средствах массовых коммуникаций, в электронном мире, вообще толком не исследуются. То есть они исследуются, конечно, но в основном с позиций деградировавшей российской социологии. Вообще-то социология — это прежде всего совокупность обобщающих теорий различного уровня, объясняющих, что происходит в обществе. Но в нашей социологии теорию заменили бесконечные опросы. Можно опросить людей определенным образом и сказать: наше общество хочет того-то, граждане думают так-то. Это хорошо продается и тесно смыкается с рыночной социологией. Что надо сделать, чтобы хорошо продать товар? Надо опросить людей, узнать их мнение, скажем, о кофе, колготках или памперсах. То же самое и с социологией реальной общественной жизни: опросили и продали.

Допустим, если в сфере электронных СМИ и наблюдаются признаки какой-то науки, то это скорее подобие науки и ее узкий спектр: выясняются рейтинги, механизмы влияния, продаваемость и т. д. Никаких крупных обобщающих теорий того, что происходит в СМИ, сегодня нет. Например, сейчас Виталий Товиевич Третьяков пишет о теории телевидения. И сам этот факт меня изумляет. Я, конечно, не хочу критиковать коллег, но мне врезалась в память кандидатская диссертация Светланы Агапитовой, которую она защитила лет 10 назад у нас в Университете. Диссертация была посвящена работе Ленинградского телевидения 1970-х годов. Понимаете, к тому моменту уже больше 10–15 лет телевидение работало в совершенно новых условиях, а Светлана Юрьевна написала о телевидении 1970-х. Очень просто написать такую диссертацию, потому что это уже давняя история. Я это могу сравнить с одним ученым-историком, который, работая у нас на кафедре истории, изучал проблемы индейцев Аляски, как будто в российском обществе нет других, более важных для жизни людей вопросов.

Мы сегодня даже не вдумываемся в то, какое влияние СМИ оказывают на нашу жизнь. Дмитрий Анатольевич Медведев в бытность президентом говорил: «Совершаются преступления, граждане плохо себя ведут на дорогах. О чем вообще школа думает? Чем вузы занимаются? Как они воспитывают нашу молодежь?». Никто в нашем обществе даже не заметил, что система образования утратила воспитательные функции и превратилась в систему обучения. А функции эти ненавязчиво были переданы телевидению. И сейчас за воспитание надо спрашивать не со школьных учителей, а с телевидения. Константин Эрнст как-то выступал в программе у Виталия Товиевича Третьякова (что меня потрясло в свое время), прямо говорил: да, мы ненавязчиво воспитали всю страну, потому что с самого начала реформ в виде сериалов предлагали новые модели поведения граждан, которые смотрят на экран и учатся жить, разговаривать, строить отношения. У них все жизненные коллизии такие, как в сериалах, они относятся к жизни так, как в сериалах. Константин Эрнст прямым текстом сказал, что учителя можно послать, сказать: «Кто ты такой вообще? Что ты тут нас учишь? Что ты нам мораль читаешь? Мы свободны». Как Ксюша Собчак говорит: «Отстаньте, старичье, от нас всех. Мы тут сами решаем, как нам жить». А телевидение нельзя послать, потому что оно развлекает и воспитывает под видом развлечения. Телевизор становится не только средством развлечения, расслабления, но сегодня еще и главным учителем жизни.

Нам кажется, что средства массовых коммуникаций несут удивительную свободу, например Интернет. Но у нас, между прочим, Google или Яндекс в поисковиках, когда дают информацию по запросам аудитории, расставляют последовательность ее отображения особым образом. Они присваивают информации определенные весовые коэффициенты. Вот, например, у Татьяны Толстой и ее блога — 100. А у «Литературной газеты», которая публикует выступления

ярчайших писателей и мыслителей — где-то 30 с небольшим. Значит, все, что скажет Толстая, попадет в поисковики с огромным коэффициентом (а значит, и первые строчки в запросах), а все, что скажет «Литературная газета», аккумулирующая мнения огромного писательского и мыслительного слоя страны, в поисковиках проявится, но окажется где-то внизу. Это означает, что средства массовой коммуникации не просто манипулируют людьми — они манипулируют каналами информации, выдергивая, выделяя из культуры и ставя на первое место одни явления и задвигая на задворки культуры другие, иногда делая их третьесортными. Например, в Петербурге есть историки, которые великолепно пишут правду о блокаде. И есть Лев Лурье, который сегодня стал самым знаменитым историком Петербурга. Во всех поисковиках на первых местах он будет упоминаться как крупнейший специалист, потому что продвигающая его фирма грамотно работает с поисковиками.

И еще одну мысль я хотел бы высказать. Вообще мировая культура резко меняется под воздействием СМИ, рекламы и процессов, которые там протекают. Я как-то обратил внимание на один совершенно удивительный факт: в 1930-е и даже в 1970-е годы мировая повестка интеллектуальной жизни определялась реальными интеллектуалами. Людей интересовало, например, что думает и говорит Сартр о тех или иных явлениях мира, какие идеи и концепции выделяет. Мнение крупных писателей представляло огромный общественный интерес. Сейчас какие там интеллектуалы? Какие там писатели? По главным каналам нашего телевидения показывают одних и тех же записных крикунов, которым власть разрешила выступать, и они соревнуются, кто кого перекричит. И оказывается, что если крикун кричит намного громче интеллектуала, то до аудитории это и доносится. СМИ и их технологи стали сами определять, скажем так, интеллектуальный уровень жизни. А власть умело манипулирует всем этим. Все это крайне удручающе сказывается на общем состоянии мировой культуры и, конечно, на том, что происходит у нас в стране.

Средства массовых коммуникаций превратились в очень мощные инструменты, формирующие в головах людей смыслы, которые используются в рекламных и политических целях. И все последствия этого мы до конца не осознаем. А происходит радикальная трансформация культуры, общество становится массовым в самом худшем понимании этого слова. Когда интеллектуальный градус общественной жизни резко понижается, потребительская культура становится доминирующей, и все это чревато большими неприятностями. Поэтому мы придаем огромное значение работе этой секции. И я хотел бы поблагодарить всех участников и пожелать успеха.

М. С. ГУСМАН: — Александр Сергеевич, Вы своим выступлением задали такой тон и градус, что только на основе этого можно развернуть острую дискуссию. Далее заседание будет вести блестящий журналист и профессионал своего дела Виталий Товиевич Третьяков.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Прежде чем начать вести нашу встречу, я выскажу кое-какие свои идеи. Тема эта поднимается не первый раз, и всегда разговор идет примерно об одном и том же. В моем учебнике по журналистике написано: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о свободе и печати». Честно говоря, немного наскучило в разных странах мира, в разных аудиториях говорить об этом. Самое главное, что все аргументы «за» и «против» известны, исход дискуссии известен — кто будет против кого, но все остается без изменений в реальной медийной сфере.

Согласен со многими, что сказал Александр Сергеевич Запесоцкий. Его выступление, казалось бы, излишне пафосное, публицистическое, реально описывает ситуацию. Я бы отметил только, какие тенденции особенно усилились за последние годы. В 1990-е годы в нашей стране масса непрофессионалов пришла в СМИ. Казалось бы, сейчас это должно закончиться, тем более что журфаки по всей стране работают как по производству бройлеров и выпускают специалистов в гигантских количествах. Правда, если посмотреть, что написано в дипломах, то можно увидеть: «пиар, пиар, пиар». Я давно выступаю против такого сочетания. При всей важности института благородных девиц и публичного дома для реальной жизни все-таки не нужно соединять в одном месте оба заведения.

Для меня так называемый паблик рилейшнз — это разращение журналистики. Но тем не менее производство таких специалистов продолжается. И поскольку качество образования в нашей стране падает (в том числе из-за губительных реформ), то с дипломами все равно выходят непрофессионалы. И они приходят так или иначе в средства массовой информации, в каком бы виде те ни существовали.

Первая тенденция: среднее качество журналистики продолжает падать. Этот процесс не остановлен. Но что здесь интересно: профессионалов все равно много. И когда-то профессионалы жаловались на то, что приходят непрофессионалы. Сейчас такие жалобы я слышу все реже. Почему? Потому что настоящим профессионалам в среде непрофессионалов удобнее делать свои дела, в том числе те тайные, о которых говорил Запесоцкий. Имеется в виду и пропаганда в чистом виде, и злонамеренная, черная пропаганда, и не только это.

Вторая нарастающая тенденция, о которой Александр Сергеевич тоже упомянул, — это развлекательность, начинающая доминировать над всем остальным. Взять, к примеру, просто заголовки даже самых серьезных газет или тех, что претендуют на серьезность. Наши средства массовой информации — это сплошные фокусы, каламбуры, аттракционы, гэгги. Это все что угодно, только не то, что должно быть. Когда ты читаешь заголовок и понимаешь, о чем будет статья, то в идеале ниже заголовка ты даже не должен читать, особенно если знаешь, кто автор. Развлекательные журналы, телепередачи просто поглощают все остальное. И я вынужден своим студентам на факультете телевидения откровенно говорить: «Перед вами два пути. Либо вы будете самыми умными, и тогда у вас есть шанс в конкуренции обогнать всех остальных».

ных, но это очень трудный путь, к тому же это очень узкая дорожка, потому что умные современному телевидению не нужны. Либо вы будете самыми глупыми, самыми большими шутниками, клоунами, и тогда у вас отличные шансы вести эфир какой-нибудь программы, вплоть до самой серьезной». И, увы, я вынужден сказать, что рекомендую им идти по второму пути. Он легче и к успеху ближе, особенно если есть талант типа того, что у вашего земляка, известного выходца из Петербурга Ивана Урганта. В общем-то, умный человек, а вынужден прикидываться клоуном для того, чтобы поддерживать свой телевизионный имидж, рейтинг и все остальное. Это касается в первую очередь телевидения, но определенно не только его.

Третья тенденция, о которой можно сказать как о действительно огромной проблеме, — то, что виртуальное вытесняет реальное из массового сознания. Мы это видим на примере Украины. Можно бесконечно спорить о ситуации на Украине. Если допустить, что лгут российские СМИ, значит, у нас виртуальное вытесняет реальное. Если допустить, что лгут западные СМИ, что в данном случае, конечно, ближе к истине, — тогда наоборот. Но то, что этот процесс происходит, — безусловно. Я окончательно разочаровался в западных средствах массовой информации. Я давно слежу за их деятельностью и не был особенно влюблен в них, но все-таки мне казалось, что люди, говорящие о свободе печати, в частности об объективности, непредвзятости, неподкупности журналистики, средств массовой информации; люди, написавшие так много учебников на соответствующие темы, да и сама среда должны способствовать тому, чтобы журналистика была максимально объективна. Этого нет. Абсолютно табуированы некоторые темы, плюс цензура, иногда даже закреплённая документально, хотя не в виде законов, но все равно она действует.

В заключение хочу сказать, что институт СМИ в журналистике очень важен. Без него просто невозможно существовать сегодняшнему обществу. Мы так и должны к этому относиться, и наши средства массовой информации при всех недостатках, в том числе тех, о которых я говорил и о которых еще можно сказать, ничем в худшую сторону не отличаются от западных. Что-то лучше здесь, что-то лучше там, но в целом отличий нет. Поэтому я особенно обращаюсь к молодым. К сожалению, западные СМИ до сих пор считают себя лучше других и пытаются приучить нас к этой мысли. Вы никогда не должны испытывать чувства униженности при встрече с западным журналистом в дискуссии, на улице, в командировке, где угодно. Что бы кто ни говорил, наша журналистика, помимо того, что она велика исторически, ничуть не хуже, чем любая другая, в том числе и западная. Поэтому с чувством собственного достоинства и осознанием проблем профессии, на мой взгляд, молодым нужно вступать в свою профессиональную жизнь.

Совершенно логично после моих финальных слов дать возможность согласиться или не согласиться со мной в пункте сравнения западной и российской журналистики и медиа нашему гостю из США Томасу Кенту.

Т. КЕНТ: — Сначала я несколько слов скажу об Интернете вообще, а потом мы можем более подробно обсудить украинский вопрос. Я думаю, что Интернет останется с нами в будущем, невозможно этого джинна загнать обратно в бутылку. И я этому очень рад. Я думаю, что Интернет — это отличный элемент нашей современной жизни, который принес огромную пользу науке, технике, развивающимся странам, служит для коммуникации между людьми разных стран. Я считаю, что это подлинно демократический инструмент, который уже сделал большой вклад в социальный и экономический прогресс. Конечно, в Интернете можно найти ужасные вещи — расизм, сексизм, заявления террористических групп и т. п. Но в основном, я думаю, мы должны быть довольны, что у нас есть Интернет. Это не враг.

По моему мнению, самое главное, что касается журналистики в Интернете, — это профессиональное поведение журналистов. Я думаю, что лучший противовес нечестным элементам в Интернете — это качественная, серьезная, этическая журналистика. Нужно, чтобы журналисты следовали правилам кодекса этики. Можно быть объективным журналистом, можно быть журналистом точки зрения — оба вида журналистики приемлемы и имеют право на существование. Есть журналисты честные, которые откровенно заявляют о своих убеждениях и взглядах в своих журналистских работах. Конечно, читатель должен чувствовать ответственность. Он должен читать статьи в Интернете вдумчиво, обращая особое внимание на источники информации. Часто бывает, думаю, и у вас тоже, что вы видите что-то интересное в Интернете и отправляете это всем друзьям. А через час не можете вспомнить источник. Неважно, была ли это американская газета или российская, но было интересно, я передал и даже не обратил внимания. Это нехорошо. Признаюсь, я и сам так делаю. Но все-таки нам всем нужно обращать больше внимания на источники информации, которые мы читаем и передаем.

На пленарном заседании очень много было сказано о том, что якобы в мире идет информационная война, которую ведут Запад и Восток, что происходит милитаризация СМИ. С нашей точки зрения — я говорю сейчас от имени нашего скромного информационного агентства, я не могу говорить от имени всей американской или мировой печати, — действительно, положение дел сильно изменилось в течение последних лет. Мы стараемся работать в соответствии с объективным видением журналистики. Мы стараемся сообщать о фактах так, как мы их видим, например, рассказывая о событиях на Украине, мы ссылались прежде всего на наших собственных корреспондентов. Находясь на месте событий, они сообщали о том, что видели, еще мы цитировали, конечно, заявления российской и украинской сторон и т. д. Но самое главное для нас то, что наши корреспонденты видят на месте и что мы слышим. И мы не чувствуем себя солдатами одной или другой страны. Конечно, вы скажете, что если штаб-квартира «Ассошиэйтед Пресс» находится в Нью-Йорке, то мы обязательно должны быть в кармане американских властей. Безусловно, любая пресса

отражает в какой-то степени традиции, интересы своей страны, хотя надо сказать, что три четверти корреспондентов «Ассошиэйтед Пресс» за рубежом не являются американскими гражданами. Они являются гражданами очень многих стран, но это не мешает им работать сообща.

Наши подписчики — это газеты, сайты, радиостанции, телеканалы многих стран, у которых есть огромный диапазон политических убеждений, поэтому нам нужно быть объективными, чтобы хорошо служить всем подписчикам. Вы знаете, у нас есть наши объективные традиции, и когда люди, которым не нравятся наши сообщения, говорят, что мы — рабы какого-то правительства, это очень неприятно, потому что мы профессионалы и не являемся представителями ни одного правительства. Правительство нам не платит. Мы честные люди, по крайней мере стараемся быть таковыми. И очень хорошо, что в мире много источников информации, телеграфных информационных агентств. Нам бы не хотелось, чтобы мы были единственным информационным агентством в мире. И пусть будет большой диапазон голосов. Мы делаем, по нашему мнению, честную работу и гордимся этим. Тем не менее у читателей есть большой выбор, если они предпочитают обращать внимание на другие источники информации.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — «Ассошиэйтед Пресс» в своих сообщениях называет события на Украине, в частности на центральной площади Киева в феврале 2014 года, или государственным переворотом, или демократической революцией. Скажите, пожалуйста, какое из этих определений используете лично Вы?

Т. КЕНТ: — Вы знаете, «Ассошиэйтед Пресс» не является дипломатической организацией. Мы не тратим много времени на выбор слов. Наверное, иногда мы писали «переворот», иногда — «революция», не исключено. Просто мы сообщаем о том, что видим. Нет у нас собраний, чтобы обсуждать, какие термины мы будем использовать в работе с текстом.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я не совсем понимаю такой ответ. Потому что все-таки, если есть президент США, каким бы профессионалом вы ни были, вы его либо называете президентом США, либо не говорите о нем вообще. То же самое можно применить и к господину Порошенко, которого одни считают законно избранным президентом Украины, а другие все-таки в этом сомневаются и не называют его в таком качестве.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Томас, Вы опытный журналист и знаете, что незыблемыми ценностями журналистики являются достоверность, честность, объективность информации. Но это сейчас подвергается сомнению, считается, что журналистика должна преподносить только факты. Честные, нормальные факты. Но даже в науке давно уже признано, что голых и чистых фактов не существует. Любой эмпирический факт теоретически нагружен. Мне думается, что любой факт все равно будет преподноситься в рамках какой-

то тенденции. Любой факт всегда вписывается в какой-то контекст. Как тогда быть с честностью и объективностью?

Т. КЕНТ: — Сначала хочу сказать по поводу Порошенко. Мы пишем «президент», потому что он исполняет обязанности президента, сидит в президентском кресле. И мы в своих материалах стараемся отражать положение дел на Земле. Например, мы пишем «Израиль», а есть люди, которые считают, что Израиль — это незаконное государство, что надо писать «оккупированная Палестина». Но все-таки Израиль — это страна, мы так и пишем — «Израиль», и мы пишем «президент Порошенко». Вы правы, конечно. В своих работах, например, Ролан Барт и другие философы говорят, что каждое слово имеет большое значение. Иммануил Кант говорил, что невозможно о чем-то думать, не оценивая этого. Но мы живем в реальном мире. Слова — это единственный инструмент, который мы имеем. И я не думаю, что мы можем жить отдельно от контекста слов, которые используем. Но это не значит, что мы должны не писать. Мы стараемся, делаем то, что можем делать. И вам, читателям, повезло: вы можете выбрать между разными источниками информации. Советую вам делать это сравнение каждый день и не ссылаться только на один источник. Вы интеллигентные люди, сами сделаете свои заключения. Иногда наша статья будет лучше, иногда другие источники будут лучше нас. Мы вам предлагаем один из вариантов событий в мире.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Господин Кент, назовите, пожалуйста, три главных критерия, по которым Вы отбираете профессионалов для работы в своей организации. На какие качества Вы ориентируетесь?

Т. КЕНТ: — Прежде всего это, конечно, профессиональная компетенция. Первый критерий — это знание языков. Мы хотим, чтобы люди умели работать больше, чем на одной платформе. Второй — умение работать с текстом, фото, видео, в общем, немного разбираться в разных сферах, даже если не эксперты. И третий, самый главный критерий: мы хотим работать с людьми, которые будут смотреть на события в мире с разных точек зрения. Если бы мы, к примеру, спросили у человека, что он думает о положении дел на Украине, и он смог выразить только западное понимание, то мы бы такого не взяли. Нам нужны люди, которые могут смотреть на ситуацию там и с российской, и с американской точки зрения, и, кстати, с украинской тоже. Нужна широта понимания разных мнений о событиях в мире. Нет смысла слушать только одну точку зрения.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я не понял, Томас: то, что Вы сказали, означает ли, что, допустим, «Ассошиэйтед Пресс» имеет на Украине в городе Киеве двух корреспондентов? Один представляет украинизм, украинство, а второй — взгляды русских жителей города Киева, которых там половина, и они придерживаются пророссийских взглядов, выступают против того, что-

бы все говорили только по-украински. Вам нужны два корреспондента, чтобы иметь две точки зрения, или один, рассматривающий ситуацию с разных сторон?

Т. КЕНТ: — Конечно, лучше работать с корреспондентами, которые разбираются в обеих сторонах, чем слушать дебаты между ними.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Слово предоставляется независимому журналисту из Великобритании Юрию Голигорскому, который долгое время работал во Всемирной службе Би-би-си.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Как правильно сказали, я журналист, бумагомарака, щелкопер. Мне все равно, что подумает мое начальство о том, что я пишу. Я пишу и говорю о том, что вижу. Когда я был редактором, то всегда говорил своим коллегам: “Take the story forward” — «Продвинь историю сегодняшнего дня на завтра». Потому что вчерашняя история никого не интересует. В этом и заключается основная задача журналиста.

На пленарном заседании мы заслушали интересные выступления. Академики Валерий Александрович Черешнев и Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов цитировали Льва Николаевича Толстого. Это не только русский писатель, он мировой писатель. Недаром 1 января этого года центральная радиостанция Великобритании Би-би-си расчистила свою сетку вещания для того, чтобы в течение десяти часов передавать радиопостановку «Война и мир». Читали актеры. В Великобритании обожают Толстого, Чехова. Но, может быть, на Западе не всегда до конца понимают тонкости того, что писал великий граф. Если вы помните, в «Анне Карениной» любовник Анны Вронский уезжает на войну, чтобы защищать Сербию. Вот эта огромная связь между Россией и Сербией, очевидно, не до конца была осознана на Западе. В результате в Сербии получилось то, что получилось. Ниточка протянулась к Абхазии, Грузии, Южной Осетии. От Южной Осетии дотянулась ниточка до Украины. И сейчас мы имеем то, что имеем.

В этом году 9 мая Россия отметила 70-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне. 8 мая в Великобритании, так же как во многих западных столицах, отметили День победы во Второй мировой войне. Две разные войны. Они абсолютно по-разному воспринимаются в мире и в России. Для западного мира Вторая мировая война началась не 22 июня 1941 года, а гораздо раньше. И Великобритания вступила во Вторую мировую войну в тот момент, когда нападению подверглась Польша. Поэтому то, что происходит сейчас на Украине, — это незаживающая рана не только для России, но и для Запада тоже. У Запада тоже есть свое понимание того, что там происходит. Вчера мой уважаемый коллега Виталий Товиевич Третьяков спросил, какие интересы могут быть у Канады в Европе. Начнем с того, что, во-первых, в Канаде большая украинская община и, во-вторых, Квебек. Эти два фактора достаточны для того, чтобы Канада имела интересы в Европе.

Мы говорим о том, что сейчас многие обвиняют Запад в том, что он просто пришел на Украину, как слон в посудную лавку, и все там нарушил. Но это несколько не так. Дело в том, что вы задали очень интересный вопрос: как мы называем произошедшее на Майдане. Естественно, мы это не называем государственным переворотом, но мы называем это событиями в Киеве. Я процитирую вам без оценочной характеристики. Сегодняшние события: в Одессе арестованы журналисты журнала «Таймер». Это я узнал по сообщению «Первого канала». И вот ведущий говорит: «Журналисты “Таймера” передавали информацию о реальном положении дел на Донбассе, поэтому они были арестованы». Какое здесь лишнее слово? «Реальном». Оно несет в себе оценочную характеристику. Это сегодняшнее сообщение, которое пугает нас. Здесь явная игра словами и оценочными характеристиками со стороны диктора. А журналист Би-би-си или какого-нибудь западного издания под страхом смерти не скажет о «реальном положении дел в Донбассе». Он скажет «события в Донбассе», потому что «реальном» — это уже оценочная характеристика. Переворот — это тоже оценочная характеристика. А Порошенко — президент, и от этого невозможно отрешиться. Законность его избрания может дискутироваться аналитиками и комментаторами, но не журналистами.

И вы правильно поставили вопрос о фактах, но вчера Генри Маркович Резник сказал замечательную фразу: «Может быть свобода мнения, но не может быть свободы факта». Факт один, но его можно по-разному оценивать, обсуждать. Это однозначно. Факт, что Порошенко избран. Дальше уже идет аналитика того, как он был избран, и высказываются различные мнения. Произошло то, что произошло. Был факт, о котором можно сказать, что было бегство, а можно сказать, что было выдворение Януковича. Но это могут сказать только политики, аналитики, комментаторы. Этого не может делать журналист. Мы только сообщаем то, что видим. Мы не даем оценочных характеристик. В заключение я повторю то, что говорил на лекции студентам этого университета. Когда Александр Сергеевич пригласил меня выступить перед журналистами, он сказал: «Расскажите ребятам, как все воспринимается на Западе». Я сказал: «Мы с ужасом смотрим на то, как журналистика в России стала рупором пропаганды, потому что у нас, журналистов, в руках если не атомная бомба, то по крайней мере скальпель. И мы должны очень осторожно обращаться и оперировать этим оружием».

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — В России вообще журналистика более беллетризирована по сравнению с западной, например с англосаксонской. У меня, конечно, есть мнение относительно того, что российская журналистика стала рупором пропаганды. Как минимум это утверждать несерьезно, если не назвать таким же рупором по отношению к Украине современную западную журналистику. Вы упомянули о Квебеке, и у меня к Вам вопрос. Если бы английское большинство населения Канады заявило, что французское меньшинство — это неполноценные граждане, говорят на чужом языке, которые должны прыгать по утрам, вечерам

и в середине дня, чтобы доказать, что они не французы, а настоящие англосаксы, канадцы, учиться исключительно на английском языке, и надо постепенно всю систему образования перевести на него, что ответили бы свободные французские граждане Канады? Не какие-то замшелые русские, азиаты с востока Украины, а натуральные французы.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — «Да здравствует свободный Квебек!».

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Да. Если бы они сказали: «Нет, мы не хотим так», и к ним пришел бы премьер-министр и сказал: «Ах, не хотите. Тогда мы начинаем все это вводить насильственно». И англоязычные канадцы начали бы антитеррористическую операцию, а французы восстали бы. Как повела бы себя Французская Республика? Не Москва, а Французская Республика, Олланд ли там президент или де Голль — неважно.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Виталий Товиевич, мы просто говорим о разных вещах. Вы меня спросили, какие интересы могут быть у Канады в Европе. И я ответил. Это не значит, что я могу обсуждать предметно, как бы Франция отнеслась. Но я приведу другой пример, который знаю очень хорошо. Относительно недавно Великобритания чуть не распалась. Вы знаете это. Шотландцы сказали: «Мы хотим жить отдельно». Им была предоставлена возможность провести референдум. И, честно говоря, вопрос до сих пор не решен, потому что сейчас Шотландская националистическая партия получила громадное количество мест — 56 мест на выборах в парламент, которые прошли на прошлой неделе. И вполне возможно, очень скоро встанет вопрос о новом референдуме, очевидно, о выходе Шотландии из Соединенного Королевства. Но это не значит, что тогда Лондон пошлет танки на Глазго и Эдинбург, как это произошло, например, между Москвой и Грозным. Даю вам голову на отсечение, что Лондон танки не пошлет. Знаете почему? А нет танков. Всю британскую армию, вооруженные силы можно разместить на территории стадиона Уэмбли и еще останутся свободные места.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Это отдельная перспектива. Ну, все-таки, Юрий, неужели Вы даже не можете предположить, как бы себя повела Франция в описанной мной ситуации?

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Наверное, был бы взрыв негодования. Люди бы призывали Олланда предпринять страшные меры, например закрыть банковские счета. Но ни о каких военных действиях даже и мысли не может быть.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Ну войны, надеюсь, не будет. Но французская пресса не писала бы просто «события в Квебеке»?

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Нет, я уверен, что она писала бы ужасные вещи о том, что происходит.

А. С. МУСАТОВА: — Юрий Самуилович, я хотела бы спросить по поводу пропаганды. То, что сейчас происходит, — объективная реальность, и спорить с этим нельзя, хорошо это или плохо — другой вопрос. Но не кажется ли Вам, что российская пропаганда — это скорее ответ на западную? То есть это вынужденные меры.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Контрпропаганда. Тогда предметно можете ли Вы привести примеры западной пропаганды в отношении Украины? Просто где и когда Вы видели это?

А. С. МУСАТОВА: — Это описание западными СМИ позиции России как страны-агрессора, разговоры о российской агрессии. Это также описание тех, кто против новой власти, как террористов, сепаратистов. Хотя на самом деле они таковыми не являются.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Понятно. Понимаете, у нас в журналистике всегда есть такое понятие, как ссылка на источник. Если западный журналист называет Россию агрессором, а это очень часто бывает, то всегда ссылается на того, кто так сказал. Например, недавно был опубликован так называемый доклад Немцова, покойного политика, где было сказано, что на территории Украины в ходе военных действий погибло более двухсот военнослужащих. Если Запад или западный журналист сообщает об этом, он не назовет Россию агрессором, если не сошлется на то, что было опубликовано в каком-то источнике, каким-то средством массовой информации или каким-то докладом. Это не его мнение. Следующий пример. Недавно Меркель, находясь в России, назвала аннексию Крыма преступной. На немецком языке прозвучало как «преступная аннексия». На английском — «криминал аннексэйшн». На русском слово «криминал» или «преступная» было опущено. Это я называю пропагандой.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я могу только сказать Вам, Юрий, что мы с Вами, видимо, читаем разные западные газеты. Потому что каждый раз там говорили: «Это Меркель сказала, это покойный Борис Ефимович Немцов сказал, и поэтому я использую это слово».

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Журналисты и комментаторы — это разные люди. Факт незыблем. В комментариях можно сказать все что угодно.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Факты священны, а комментарии свободны. Это мы знаем со студенческой журналистской скамьи. Я просто не понимаю, о какой западной журналистике Вы рассказываете.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я говорю о том, что мы путаем репортаж с комментарием.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Но это все журналистика.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Не согласен. У нас есть журналистка Мэри Дежевски и есть хозяйин газе-

ты «Индепендент» Александр Лебедев, которого трудно заподозрить в симпатиях к Владимиру Владимировичу Путину. Как-то, выступая по телевидению, он сказал: «Попробовал бы я прийти к Мэри Дежевски и сказать, чтобы она написала что-то против Путина. Она бы меня сгрызла». Журналистка очень симпатизирует Путину и постоянно пишет об этом на страницах газеты, которая принадлежит российскому олигарху Лебедеву. Все. Это ее личное мнение.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Нет, Юрий, в мире все больше людей симпатизируют Путину, в том числе в Великобритании.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — И это отражено в средствах массовой информации.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Правильно, причем здесь журналистика?

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Мэри также пишет, что британское правительство абсолютно неверно ведет себя в украинских событиях. Это ее мнение.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Понятна Ваша позиция. Все-таки мы какие-то разные источники читаем. Относительно слов Меркель. Не знаю, обратила ли аудитория внимание на этот казус, когда действительно при переводе на некоторых наших федеральных каналах определение «преступная аннексия Крыма» из текста Меркель выпало. Если кто-то не видел, расскажу: когда Меркель 10 мая была в Москве, состоялась совместная пресс-конференция ее и Путина. И там в присутствии нашего президента, выступая с трибуны, она это заявила. Мое мнение, что в данном случае не Путина пожалело телевизионное начальство России, во всяком случае те, кто принял решение вырезать это слово. Я даже не могу себе представить, какое было бы возмущение, особенно в этот день, если бы во всероссийском эфире по всем телеканалам прошло, как Меркель Путину говорит по поводу Крыма «Ты — преступник». Истинное лицо Ангелы Меркель российское телевидение улучшило, припудрило, а я бы показал без прикрас.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я согласен. Какой-то журналист взял на себя смелость.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Это не журналист, это делают телевизионные начальники, которые не вполне журналисты, как Вы понимаете.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Значит, начальство контролирует то, что делает журналист.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — А на Западе начальство ничего не делает? Только деньги получает?

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Оно делает только постфактум. Оно может прийти и сказать: «Что ты выдал в эфир?».

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — То же самое делает и российское начальство. Спрашивает: «Что ты выдал в эфир?». После этого журналист знает, что в следующий раз выдавать в эфир, а что нет. Та же самая методика на Западе: сначала ему делают замечание, если он не понимает — делают второе замечание; если опять не понимает — его выгоняют или не дают эфир. И принимают того, кто понимает. Неужели Вы хотите меня, взрослого человека, убедить, что там методы работы какие-то иные?

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я просто хочу сказать, что журналист иногда имеет право высказать свое мнение. И это журналист, если он настоящий профессионал, меняет начальство, а не начальство меняет журналиста. Это он уходит в другое средство массовой информации, которое ему более подходит.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Юрий, Вы все правильно говорите, как по учебнику. Только жизнь идет не по учебнику. Я давно работаю в журналистике, бывал в том числе и на Би-би-си. Вы это знаете. И, видимо, даже будучи в одном месте, мы были в каких-то разных Би-би-си. Это бывает. Параллельная реальность. Как известно, если спорят люди из старой Европы и не могут найти общего мнения, лучше спросить мудрого китайца, но за отсутствием китайца в данной аудитории спросим американца. И поэтому я предоставляю слово господину Вэбстеру Тарпли.

В. ТАРПЛИ: — Благодарю организаторов конференции за возможность выступить здесь. Я представляю другую точку зрения на средства массовой информации, потому что принадлежу к политической оппозиции в Соединенных Штатах. Мы весьма критически относимся к внешней политике президента Обамы и очень озабочены в целом ситуацией с американскими СМИ, потому что они как-то драматизируют ситуацию. Если мы говорим об американских СМИ, то им необходимо задуматься о таких вещах, как цензура и самоцензура. У нас есть достаточно фактов, свидетельствующих о том, что американские органы власти — госдепартамент, ЦРУ — вмешивались в деятельность СМИ. Мистер Кент упомянул информационную войну, и точно так же об информационной войне говорил Обама.

Когда я 25 лет назад стал писать исследование о Джордже Буше-старшем, то столкнулся с тем, что вокруг него было очень много всяких скандалов, которые почему-то не стали потом достоянием СМИ. Выяснилась такая вещь, что отец Джорджа Буша-старшего, оказывается, занимался финансированием нацистов, которые пришли к власти в Германии. Почему-то средства информации не нашли этих шокирующих фактов, о которых американским избирателям, наверное, было бы интересно узнать.

Вторая моя работа называется «Обама и заговор постмодернизма». Эта книга была написана в 2008 году. Она доказывает, что именно президент США стал организатором «цветных революций» и переворотов. За последние годы мы столкнулись с этим цунами «цветных революций», часть из которых состоялась,

а какие-то из них не получились. Попытка такой революции предпринималась даже в вашей стране. И еще я пришел к выводу, что правительство Обамы принципиально построило свою деятельность так, чтобы стать враждебным России. Получается, что американцы просто перевели фокус враждебности с Ирана на Россию.

Я только что побывал в Донецке и на собственном опыте убедился, кто срывает перемирие. Я собственными глазами видел, как киевские власти нарушают режим прекращения огня. Группа журналистов посетила один из районов Донецкой области, и киевские силовые структуры не могли не видеть этих журналистов, но тем не менее начали обстрел. Журналистам пришлось прятаться в подвале здания. Я знаю много примеров, когда то, что реально происходит в Донецке, фальсифицируется западными источниками. Есть еще один момент, который бы я хотел обсудить с уважаемыми специалистами, — это внутренняя экономическая политика Донецкой области, которая связана с Борисом Литвиновым, одним из организаторов движения за самоопределение Донбасса.

На пленарном заседании очень много говорилось о том, что такое глобализация и какие негативные последствия она несет. Глобализация — это плохо. А люди в Донецке показывают пример, как можно найти выход из этих отрицательных последствий. Оказалось, что у Донецка есть свобода от давления МВФ и прочих организаций. И под руководством Литвинова люди там национализировали все банки. В том числе тот, который принадлежит олигарху Коломойскому. Теперь эти банки используются, чтобы платить пенсии, что отказался делать Киев. Угольная и электрическая промышленность практически национализирована, создан государственный сектор. Это пример смешанной экономики и социального государства. Они открыли супермаркеты, которые принадлежат правительству, то есть государственные супермаркеты. Они создали сельскохозяйственные кооперативы, то есть возвращается понятие колхоза.

В атмосфере всеобщего отрицания Литвинов призывает к увеличению количества населения. Он предлагает семьям подумать о том, чтобы иметь троих детей. Литвинов говорит: «Мы против олигархии, мы против неолиберализма» и, конечно, отрицает мысль о враждебном образе России. Вот такая интересная ситуация возникла именно тогда, когда все ищут средства для финансовых реформ. Одна ситуация сложилась в Греции, вторая — в Донецке. И я еще раз призываю своих уважаемых коллег прокомментировать ситуацию, показать свое видение того, что происходит в самом Донецке в противовес всемирной глобализации.

Сейчас я хочу обратить ваше внимание на растущее влияние в Соединенных Штатах определенных кругов, которые готовы отойти от своих позиций и вернуть России влияние в Европе. Соединенные Штаты претендовали на то, что все Западное полушарие будет их сферой влияния. Британцы все время стремились контролировать Бельгию. В свете этого будет справедливым сказать, что НАТО не должно расширяться в сторону России. Финляндия, Швеция, Австрия весьма

процветают в своем статусе нейтральных стран, то же могло произойти и с Украиной.

Несмотря на все вышесказанное, можно сказать наверняка, что американский народ устал от войны в любом ее проявлении. И идея все-таки дружить и сотрудничать с Россией по сердцу большому количеству американцев. Мы возобновили деятельность комитета по согласию между Востоком и Западом и, конечно, критикуем вмешательство американских властей в дела Украины, включая намерение поставить ей современные виды оружия. Происходит смена отношений.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Как видим, и в Америке, и в России, есть люди с разными мнениями, что радует нас, русских. Мы рады возможности американцев высказываться свободно. Я думаю, что если бы здесь собрались многочисленные академики-экономисты, они бы, конечно, легко доказали, что такая независимая экономика долго не сможет просуществовать.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Господин Тарпли, в средствах массовой информации рассказывается о предстоящих выборах в Соединенных Штатах Америки. В частности, мне кажется, что вообще на Западе как-то снисходительно относятся к Хиллари Клинтон как к кандидату. А каково отношение к ней в США?

В. ТАРПЛИ: — Самый простой ответ: реальным победителем на этих выборах станет Уолл-стрит, если только не будут проведены серьезные реформы. Миссис Клинтон стремится стать президентом, но у нее есть определенные трудности в Демократической партии. Мы только что стали свидетелями скандала о связях фонда Клинтон с крупными фондами на Ближнем Востоке. Этот скандал показывает, насколько Клинтон близка к структурам Уолл-стрит. Это абсолютно неприемлемо для левого крыла Демократической партии. Элизабет Уоррен и сенатор Сэндерс очень резко критикуют Клинтон, и она уязвима, потому что еще даже не стала кандидатом. Другая ее проблема — это отношение к миру и войне. Она очень агрессивно себя ведет. Это тоже неприемлемо для населения, которое устало от войны. И совершенно незначительные изменения могут вызывать очень большие негативные последствия для нее. С другой стороны, среди республиканцев можно отметить Джеба Буша, брата Джорджа Буша-младшего. Он представляет картель денег, разведки, которая становится новой силой, можно сказать, партией. И эта партия хочет заставить Уолл-стрит платить справедливые налоги и национализировать американский федеральный резерв. Я поддерживаю эту партию.

А. С. МУСАТОВА: — Вы сказали, что в США растет число групп, которые готовы идти на уступки и вернуть некоторые сферы влияния России. Как Вы считаете, на каких условиях они могут пойти на эти уступки и насколько это вообще вероятно? Ведь вложено столько финансовых средств со стороны Америки, чтобы создать определенный образ России.

В. ТАРПЛИ: — Я бы сказал, что это очень полемика ситуация. Автором этой тенденции можно назвать профессора Стивена Коэна. Это именно он призвал к созданию комитета по согласию между Востоком и Западом. И он столкнулся с резкой критикой в свой адрес вплоть до того, что его называли марионеткой Путина. Коэн также отметил, что, к сожалению, в Америке позиция тех, кто стремится найти выход из ситуации дипломатически, мирно, пока очень слабая. Но есть все-таки хороший знак в том, что президент Обама говорил о поставках новых видов оружия на Украину, но этого не сделал. Да, конечно, Обама — непростой человек, но есть люди более сложные. Например, Республиканская партия просто впадает в ярость, когда речь заходит о ситуации на Украине. И ее представители говорят о возможности войны как о какой-то шутке. Ситуация тяжелая, но не безнадежная.

Н. А. ДОНСКОВ: — Господин Тарпли, я хочу все-таки вернуться в русло нашей дискуссии, то есть к свободе средств массовой информации. Были ли какие-то проблемы у Вас с изданием книги? И кто ее читатели?

В. ТАРПЛИ: — В основном американское неомаккартианское общество. Тот самый пресловутый сенатор Маккарти. Тогда, конечно, были проблемы, связанные с пресечением деятельности Коммунистической партии, но после теракта 11 сентября произошло возрождение маккартизма. Но вы должны понять, как это работает. В Соединенных Штатах вас не арестуют за антигосударственную деятельность, но ФБР придет на предприятие, где вы работаете, поговорит с вашим боссом, и вы потеряете работу. Это тактика устрашения и подавления реальных демократических мыслей. В американской оппозиции нет богатых людей, если вы в оппозиции, то не станете богатым.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Слово предоставляется Григорию Михайловичу Бирженюку.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Журналистика и СМИ имеют множество измерений. Собственно профессиональное всегда доминирует. Но есть и социологическое (это чувствуется по вопросам). Есть и психологическое измерение (у нас присутствуют представители высокого уровня именно этого направления). Есть и культурологическое, и философское измерение. Я буду говорить как представитель культурологической науки, хотя в чистом виде это трудно будет сделать.

Первый вопрос: какого рода журналистику мы обсуждаем? Александр Сергеевич говорил о журналистике, так сказать, широко. Но журналистика — разная. Выражаясь словами представителей Московского методологического движения, нужно самоопределиваться, то есть решить, какую журналистику мы обсуждаем.

У меня была студентка, которая потом перешла в другой вуз. Вдруг я обнаруживаю в одной известной газете, имеющей чуть ли не миллионный тираж, заметку, где она пишет: «Третий день не убирают снег у дома номер пять по Среднему проспекту». Через несколько дней она же пишет: «Девятый день не убира-

ют снег у дома номер пять». Мне кажется, эта журналистика предметом обсуждения вряд ли может стать, с ней все в порядке.

Но если факт уборки снега прокомментировать (например, поставить вопрос с целесообразности смены власти в городе), то эта журналистика имеет шанс попасть в центр нашего дискурса.

Вообще можно использовать разные «зонтичные» термины типа «события», но в итоге может получиться, что вместе с ними испарится какая бы то ни было информация, которая интересует аудиторию. Сейчас, когда факты стали весьма доступны благодаря Интернету, журналистика факта, хочет она того или нет, все больше становится журналистикой мнения. И тут оказывается, что факт во всем этом играет далеко не первостепенную роль.

С одной стороны, есть факт. Но есть еще такое понятие, как правда. Вот вопрос: факт — это правда или что-то другое? Факт — это вся правда или только ее часть? Сегодня оказалось, что правда настолько многообразна, что начисто снимает необходимость лгать. Иными словами, правд много, а истина одна, но истина нам не дана.

Что в итоге происходит? Новостная лента передает факт. А дальше газета начинает этот факт интерпретировать в соответствии с определенными запросами аудитории, задачами власти и т. д. Классический пример. Газета пишет, что в Белоруссии уборщицу сельского дома культуры покусал бобер. К этому факту, вроде, ничего не добавит. Дальше экологи пишут, что у батьки Лукашенко уже бобрам есть нечего, Белоруссия на грани голода. Наши газета в колонке «культура» пишет: «О! В Белоруссии есть еще сельские дома культуры в то время как у нас большинство из них закрылось и здания проданы». А газеты в наших бывших восточных республиках напишут: «Кажется, в Белоруссии появилась вакансия уборщицы сельского дома культуры».

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — А западные СМИ пишут, что там издеваются над бобрами?

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Да, а газета «Завтра» напишет, что когда были коммунисты, бобры не кусались, Дома культуры работали, их уборщицы были всесторонне защищены. И пора все это вернуть.

В фокусе внимания секции, конечно, политическая, социально-политическая журналистика. Именно здесь разворачиваются битвы. Мир втянулся в так называемый гибридные войны. Это войны, которые осуществляются самыми разными средствами. И СМИ, и журналистика здесь заиграют не последнюю роль. Сегодня есть целый ряд стран, которые неизвестно, находятся они в состоянии войны или не находятся. Например, на Украине война или не война. Здесь многое зависит от слов, которыми описываются события. Антитеррористическая операция, аннексия, захват. В такого рода войнах практически неотделимы понятия «фронт» и «тыл». Поражения, которые наносятся сознанию населения, часто оказываются существеннее и разрушительнее, чем поражения в живой силе.

СМИ в этой войне находится на передовой линии. Здесь нужны иные журналисты, поскольку это другая журналистика, а возможно, уже даже не журналистика. Есть, например, сценическое фехтование, есть спортивное фехтование на саблях, а есть боевое фехтование. Всем этим видам учат в разных местах, разные люди, с разными целями и оценивают это все по разным критериям. Идет информационная война, и она очень мощная эта война. И поэтому то, что мы видим на телевидении и прочее, это часть той войны. Иногда мы ее принимаем за журналистику. Но там очень малая часть традиционной журналистики факта, там больше оценочного, иногда вообще нет фактов, а одни оценки. Это в чистом виде пропаганда. Особенно она становится заметной, когда мы по всем каналам получаем примерно одно и то же.

Но участие в такого рода войнах — это не свободный выбор страны, а необходимость. Война всегда навязывается одной стороной другой стороне. И средства в такого рода войнах выбираются без серьезной оглядки на политкорректность, этику, приверженность факту, сдержанность в комментировании. Воюют на этом фронте люди, имеющие часто журналистское образование, но они уже не журналисты — они бойцы. У части населения они вызывают уважение, поскольку зомбируют людей за счет определенных приемов — потока слов, расширенных глаз, крика, специально подобранных иллюстративных материалов, порой не имеющих прямого отношения к предмету разговора. У другой части населения они по этой же причине вызывают отторжение и чувство брезгливости. Единственное, в чем есть выбор, — это выбор журналиста участвовать или не участвовать в этой войне. Понятно, что участие хорошо оплачивается, возникает популярность, дают эфиры, приглашают на престижные приемы и т. д. Это серьезное искушение и не все могут с ним справиться.

Тут нельзя не сказать, что полем битвы являются в основном собственные граждане, а поскольку враждебная информация до большинства не доходит, то они оказываются во власти такого рода журналистики, которая использует весь арсенал пропаганды, того, что называется *Geschichtspolitik* — историческая политика (то естьвольная трактовка исторических событий в целях решения текущих политических и пропагандистских задач).

У нас на кафедре социально-культурных технологий сейчас выходит монография, которая называется «Социально-культурные регуляторы и синхронизаторы». В числе синхронизаторов там описываются и СМИ. Основоположник системного подхода У. Эшби отмечал, что для эффективного управления управляющей системой должна быть не просто сложнее управляемого объекта, а во много раз сложнее. Если же этого нет, то у власти есть два пути: либо усложниться за счет привлечения к сотрудничеству носителей иных идей, технологий, ценностей; либо же предельно упростить управляемый объект — то есть общество. Вторым путем проще. Поэтому для власти хорошо, чтобы народ думал одинаково. Вот СМИ и используются как социальный синхронизатор.

В названии секции есть слова «свобода СМИ». Сегодня наша журналистика находится в сложном положении. Принято множество законов в дополнение к уже имеющимся и уже нельзя осуществлять действия, оскорбляющие религиозные чувства, нельзя обсуждать итоги Второй мировой войны. В Думу внесено предложение дополнить ст. 354 УК «Реабилитация нацизма»: состав преступления — «публичное приравнивание политического режима СССР к режиму нацистской Германии». Все это некие внешние ограничители журналистики. Но есть и другие. Яркий пример, характеризующий ответственность СМИ, — расстрел редакции журнала «Charlie Hebdo». У меня была дискуссия с одним известным правозащитником, который, как и другие правозащитники говорил одно: стрелять в любом случае нельзя. У меня был встречный вопрос: а все остальное можно? Нужно понимать, что ответственность все чаще настигает журналиста и принимает форму смерти.

Как представляется, одна из главных составных частей профессии журналиста — это вменяемость. Вменяемость — это понимание связи между твоими действиями и последствиями. Нельзя просто так писать, а свобода слова — это прежде всего ответственность за слово, понимание того, как оно отзовется. И мы, наверно еще лет 50 будем переживать довольно сложный этап становления того, что называется этика, ответственность, ну и, конечно, профессионализм.

Ю. И. ВДОВИН: — Почему нормальная судебная процедура неприменима к журналистам из этого журнала? Но сразу хочу сказать, что стрельба — это не выход.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — По идее, конечно, оскорбленные могут в судебном порядке реализовать свои права и призвать журналистов к ответственности. Или же оскорбленные должны были нарисовать и опубликовать карикатуры на журналистов. Но те, кто расстрелял журналистов, не умеют рисовать карикатуры. Если редакция публикует подобные карикатуры, значит, она избирает определенный путь. Нужно понимать, что оскорбление чувств — любых — религиозных, любовных, патриотических, сыновних и т. д. — порождает острую и не всегда контролируруемую субъектом действия реакцию. Не случайно состояние аффекта фиксируется психиатрами именно в ситуации оскорбления чувств, и суды принимают этот факт, влекущий за собой признание подсудимого невменяемым.

В сфере религиозных чувств не работают сознание, рацию. У них есть один аргумент — в виде автомата. И те, кто рисует карикатуры, знает об этом. Конечно, в цивилизованном обществе на обидчика подают в суд. Но здесь ситуация иного рода. Представим себе, что мальчик сидит на заборе и бросает камни в собаку внизу и дразнит как может. Потом он теряет равновесие и падает с забора на землю. И собака его кусает многократно. По представленной логике нужно предложить собаке тоже начать бросать в мальчика камнями. А она имеет только зубы...

Когда-то в 1960-е годы в какой-то африканской стране аборигены съели посла Швейцарии во время его

поездки в глубь страны. Швейцария подала иск в ООН, а представители той страны ответили, что в качестве компенсации предлагают швейцарцам съесть их посла.

В данном случае произошло столкновение двух культур: одна — правовая, рациональная, другая — эмоциональная культура. Одни «бьют» карикатурами, а другие — по карикатурам и карикатуристам. Это культуры, которые встречаются, но практически не понимают друг друга.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Слово предоставляется Лидии Владимировне Матвеевой.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Я занимаюсь психологией массовой коммуникации 30 лет (факультет психологии МГУ). Тема моего выступления — «Три искушения современной журналистики» («Психологическая безопасность человека в информационной среде»).

Первое искушение — это свобода слова. Это та самая священная корова, которая вынесена в Конституции многих стран, и для журналистов она стала провокацией профессии. Почему? Потому что оказалось, что слово обесценивается, слово можно продать, слово можно интерпретировать. И если учесть, что вообще есть такой грех — словоблудие, то в принципе журналисты очень часто впадают в этот грех, даже не рефлексируя это падение.

Причем слово журналистское, будучи умножено на мощь техники, воздействует на все уровни психики человека. Это воздействие на биофизическом уровне, то есть на уровне волн; на биохимическом — это эйфория; на психофизиологическом — это эмоциональное состояние; на уровне чувств — это любовь — агрессия к другому человеку; на дистенциальном уровне — ценность жизни и смерти; шестой уровень — ценностно-смысловая притягательность; седьмой уровень — динамический — деятельностный; коммуникативный уровень — это диалог или манипуляция, мы включаем человека в коммуникацию, либо в качестве объекта, либо как субъекта взаимодействия; на социальном уровне — это иерархия — элитный человек; на рефлексивном — это образ либо идеальное пространство и на временном — это либо человек как символ истории, объект истории или человек, живущий здесь и сейчас. То есть, говоря свое слово, мы на всех уровнях программируем человека. И журналисты должны понимать это.

Второе искушение — это образ журналиста. Образ журналиста СМИ стал ведущим. Когда-то председатель Гостелерадио Сергей Георгиевич Лапин говорил, что журналист имеет право только свое ухо показывать на экране и не больше. Все остальное в кадре должны заполнять герои. Журналист должен быть за кадром. Сейчас журналисты показывают крупным планом, с кудряшками, с колечками голыми, молодые люди с животиками, с лысиной и, как правило, герой на заднем плане. Лицо журналиста стало главным. Но активная фаза жизни журналиста в СМИ — максимум пять лет, потом происходит выгорание личности (вспомним Евгения Киселева и Леонида Парфенова), люди достаточно быстро уходят из профессии.

Третье искушение — это искушение технологией. Дело в том, что сейчас разработана система, такая мощная манипулятивная технология, под названием «Окно Овертона», автор которой — Джозеф Овертон. Эта технология сейчас применяется активно для продвижения педофилии, гомосексуализма и различных неолиберальных тенденций в области СМИ. Суть ее состоит в том, чтобы неприемлемое через пять шагов сделать популярным и общепринятым. Первый шаг — от немислимому к радикальному — через симпозиумы. Второй шаг — от радикального до приемлемого — переназывание факта. Третий шаг — от приемлемого до разумного — это организовать общественное движение в защиту меньшинства. Четвертый шаг — от разумного к популярному — сделать это популярным. И наконец — от популярного — к закону — то есть законодательно утвердить в думе, в сенате, где угодно, права меньшинства с какими-то особыми настраиваниями. Эта технология сейчас очень активно используется в журналистике как способ легализации любой экстремальной или патологической идеи.

Виталий Товиевич задал важный запрос о нормальности человека, идущего в журналистику. Приведу пример: я 15 лет проработала на телевидении психологом у Г. А. Шмелева, Лесина, советником Щеголева. Мы проводили тестирование известных журналистов разного уровня, начиная с руководителей и заканчивая простыми журналистами, с использованием пяти психологических тестов (в монографии «Психология телевизионной коммуникации», 2000, описаны восемь портретов: режиссера, администратора, журналиста, выпускающего редактора, художественного редактора и т. д.).

Я нарисую портрет, составленный на основе результатов психологических тестов телевизионных журналистов. Главная черта — общительность, направленность на получение информации из внешнего мира. Общаясь с людьми, он вольно или невольно стремится предстать в наиболее выгодном свете. Демонстративен, выражает свою озабоченность тем, какое впечатление производит на окружающих людей. Вторая важная черта — сила эго. То есть он свободен от невротических симптомов, не рефлексивен, умеет держать себя в руках, проявляет уверенность в себе, демонстрирует самоконтроль, умение управлять своими эмоциями и поступками. При этом телевизионные журналисты не показывают высокого интеллекта, но обладают высокой самооценкой. Это означает, что человек уверен в том, что он придумал (даже если эта придумка не очень хорошего качества). Они не способны к рефлексивному, системному мышлению, но при этом умеют продвигать свои идеи в общество. Мы находимся во власти личностных особенностей людей, которые приходят в журналистику.

Мы оказываемся в результате во власти личностных особенностей тех людей, которые приходят в журналистику. Поэтому я, как психолог, хочу предложить, чтобы когда набирают персонал в медийные холдинги, обязательно проводили психологическое тестирование на личностные особенности и уровень адекватности понимания реальности.

Н. С. ЗЕЛИКИНА, *заместитель заведующего кафедрой журналистики СПбГУП по учебной работе, кандидат исторических наук, доцент*: — Не думаете ли Вы, что тестирование, учет психологических факторов личности необходимы не только во время приема на работу, но уже при поступлении на факультет журналистики? Может быть, следует дорабатывать учебный план специальности путем введения дисциплин, которые корректировали бы определенные психологические особенности?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Это разумная точка зрения. В силу того что журналистика является четвертой властью, эти люди обладают правом влиять на других людей с помощью технологических средств и должны отвечать за это. Мы обязаны читать будущим журналистам курс психологии воздействия, психологии влияния, они должны быть способны к рефлексии личности. Поэтому нужно не только отбирать студентов, но и вводить в учебные планы психологические дисциплины различного характера, не только социальные, но и психологию личности, управления собой, чтобы журналист мог отвечать за то, что он делает. То есть необходимо повышать его внутреннюю рефлексивность, и тогда появится ответственность.

Я проработала пять лет главным психологом в компании «Видеоинтернешнл» под руководством М. Ю. Лесина. Пока он не стал министром, ему нужны были психологи. Как только он занял высокую должность, психологи стали не нужны, потому что он получил право и власть продавать время в эфире (здесь рефлексия мешает, ей противоречит голос совести).

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Вы сказали, что эффективная жизнь журналиста длится всего пять лет. Неужели Евгений Киселев и Леонид Парфенов прекратили существование как журналисты через пять лет?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Имеется в виду активная жизнь в эфире. Происходит личностное выгорание. Сначала это обаятельный, милый, умный журналист, с интеллектуальным юмором. Но после длительного пребывания в эфире происходит деформация — начинается самолюбование, вписывание себя в элиту, и человек превращается в клоуна. Например, Собчак из привлекательной светской львицы превратился в клоуна. Такова логика развития образа в эфире.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Слово предоставляется Максиму Анатольевичу Мануильскому.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Мой доклад называется «Научные журналы в контексте реализации национальных интересов России» (с ним можно ознакомиться на сайте). Замечу лишь, что в этой области сложилась трагическая ситуация. Продвижение отечественной науки и научных журналов на Запад сейчас напоминает ситуацию с картами «Visa Classic» и «MasterCard»: существуют международные площадки, которые монополизированы тремя международными

фирмами, диктующими правила, и пока мы в эти рамки не вписываемся.

Я хотел бы коснуться тех проблем, которые поднимались на пленарном заседании и на заседании нашей секции, в частности проблемы свободы слова, которая уходит своими корнями в далекое прошлое. В России можно говорить что хочешь и где хочешь (для этого есть определенные средства массовой информации, газеты и т. д.). Проблема не в том, что нужно что-то сказать, а в том, чтобы тебя услышали и поняли.

Поясню на примере. Я работаю с женщиной, которая ежедневно слушает две оппозиционные радиостанции — «Серебряный дождь» и «Эхо Москвы», ненавидит Собчак и Венедиктова. С упорством, достойным лучшего применения, она каждое утро рассказывает нам о том, что вещали на этих каналах. Эти каналы услышаны, они говорят то, что считают нужным, в известной степени поняты (во всяком случае если считать, что неприятие является актом понимания). В чем на самом деле заключается проблема? Не в самой свободе слова, а в том, что времена обращения автора к читателю, слушателю закончились со смертью Анны Павловны Керн, которой А. С. Пушкин написал в альбом замечательные стихи. Сейчас мы коммуницируем, а всякая коммуникация предполагает в той или иной степени манипулирование. Причем я не вкладывал бы в слово «манипуляция» сугубо отрицательный смысл, все-таки в этом есть технологический момент, на котором построены средства массовой информации, и позиция журналиста, властей, которые диктуют свою позицию, коль скоро речь идет о коммуникативных процессах, связанных с технологиями. Я бы назвал это ментальными ловушками. То есть в коммуникации вольно или невольно происходит перенос некоторых значений.

Считается, что понятия «свобода», «демократия», «патриотизм» — это абсолютные ценности, хотя сейчас, как известно, идет активный пересмотр их значений. Но дело даже не в том, что это абсолютные ценности, а в том, что эти понятия в массовом сознании одобряемы, принимаемы, то есть к ним относятся положительно. Понятие из одного конструкта, допустим «патриотизм», «9 Мая», переносится в другой, который вроде бы на ту же тему, но немного иной. Выясняется, что Власов боролся за национальную независимость России, Бандера делал то же самое только за Украину. Это издержки ситуации, типичная ментальная ловушка, когда понятия одного порядка используются в другом контексте (причем не всегда это делается сознательно).

Господин Кент сказал, что мы работаем в той ситуации, которая сложилась. Коммуникация (не хотелось бы затрагивать теории заговора и обвинять во всем журналистов) — это все-таки двусторонний процесс, и, кроме автора, есть еще и реципиент, то есть слушатель или зритель. Здесь важен контекст, в котором находится слушатель. Надо учить человека воспринимать информацию, хотя бы на уровне недоверия.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Какая ситуация сложилась с научными журналами?

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Существует несколько международных платформ (“Scopus”, “Web of Sciences” и т. д.), куда дорога отечественным журналам заказана, не удастся создать и собственную научную информационную платформу, что, например, смогли сделать китайцы. И самое главное — что от этой проблемы самоустранилась Академия наук.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Возможно, лоббирование интересов?

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Недавно представитель издательства “Elsevier” заявил, что для того, чтобы работу опубликовали в этом издательстве, нужно соблюсти определенные требования, а потом добавил, что это можно сделать за 7 тыс. долларов. Если что-то можно купить за деньги, то это нужно сделать. Другое дело, что: а) этим никто не занимается; б) как всегда, нет денег.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Мне импонирует ваш тезис о ментальных ловушках — они расставлены везде. На пленарном заседании со ссылкой на Вернадского было сказано, что СССР пытался отсрочить начало Великой Отечественной войны, потому что чувствовал свою неготовность. Если попасть в эту ментальную ловушку, то можно полагать, что СССР сделал все возможное для этого, но странными методами — уничтожая высший командный состав собственной армии. И когда начинаешь задумываться, то теряется смысл сказанного: как можно совместить уничтожение высшего командного состава собственной армии и подготовку к войне?

Г. М. БИРЖЕНЮК: — На трибуну приглашается Алена Сергеевна Мусатова.

А. С. МУСАТОВА: — Все проблемы, которые поднимались на пленарном заседании и на нашей секции, безусловно, важны и, в частности, отражены в моем докладе. Например, Михаил Гусман на пленарном заседании много говорил об информационном обществе, в котором мы живем. Добавлю лишь, что сегодня возрастает роль массовой коммуникации из-за срединного положения СМИ между властью и обществом. Собственно, не только отражая реальность, но и конструируя ее, они осуществляют взаимодействие населения с политической средой. В то же время медиа все больше превращаются в аналог реальности, а журналисты из трансляторов информации (то, что они должны делать) — в трансляторов смыслов, как отметил предыдущий оратор.

Становится очевидной необходимость контроля за информационной повесткой дня со стороны государства, что, по мнению исследователя дискурса Т. ван Дейка, осуществляется посредством доступа к ресурсам коммуникативного доминирования, то есть к медиа. Во многом именно в контроле над медиа заключается их политизация. Обратный процесс также важен, так как средства массовой коммуникации становятся основной средой политической коммуни-

кации, именно там разворачиваются политические баталии, что является главной чертой обратного процесса — медиатизации политики.

Роль медиа была определяющей в постсоветский выборный период 1996 года. Свидетельством обратного процесса политизации медиа стало превращение политики в «зазеркалье». Арена политической борьбы сместилась с политического пространства в символическое. Нюанс является ключевым процессом медиатизации политики, он характерен для ситуации, когда в политическом пространстве, реальной жизни не происходит каких-либо важных событий, их нужно создать искусственным путем или скрыть в реальной политике. В этом ключе рассуждал и Ж. Бодрийяр, который считал массовые коммуникации специфическим средством, декорацией идей, призванной оказывать влияние на людей. В таких условиях внимание политиков концентрируется не на собственной деятельности, а на создании своих образов. Важно не то, что происходит в реальной жизни, а то, как преподнесут это в СМИ. В этом и проявляются основные характеристики публичной политики — это виртуализация и медиатизация.

Опосредованность общественной жизни образам позволяет говорить о том, что сегодня мы живем в «обществе спектакля», о котором писал Г. Дебор. Как только спектакль перестает о чем-либо говорить, событие превращается в несуществующее. Поэтому политически действенным становится только то, что показано и о чем рассказано в средствах массовой коммуникации. Медиа при этом становятся важным источником распространения новостей, мнений экспертов, во взаимодействии они создают информационную картину мира и формируют общественное мнение.

Все чаще политические цели достигаются посредством пропагандистских методов в журналистике. Наиболее распространенным приемом является создание мифологического пространства, о котором писал Ролан Барт. Мифы помогают наиболее доступно, эффективно и наглядно продемонстрировать убеждения автора относительно каких-либо суждений.

Например, президент Украины П. Порошенко на Всемирном экономическом форуме в Давосе 21 января 2015 года продемонстрировал фрагмент обшивки автобуса, якобы подорванного ополченцами. С точки зрения Р. Барта, материальный носитель — желтый кусок обшивки обстрелянного под Волновахой автобуса — можно рассматривать как продукт мифотворческой деятельности. Согласно двойной структуре мифа первым означающим являлся металлический кусок обстрелянного автобуса. Второй уровень мифа создавался посредством проведения ассоциативных связей этого куска с российской агрессией. Как сказал П. Порошенко, это символ террористической атаки против Украины с российской стороны, то есть он наглядно продемонстрировал факт российской агрессии.

Эффективность мифотворчества заключается в том, что оно действует сильнее рациональных доводов и ориентировано на подсознание, о чем вчера на пленарном заседании говорил А. С. Запесоцкий. Переход политики в область символического пространства Ж. Бо-

дрийром был воспринят как исчезновение подлинной реальности и замена ее на медиареальность. Образы действительности создаются посредством применения власти и медиа. основополагающим принципом реализации властных установок является симуляция. Происходит подмена реальной картины практиками тотальной симуляции. В этом я вижу их угрожающую силу. Создаваемая виртуальная реальность оказывает влияние на социально-политическую обстановку.

К примеру, на Западе сейчас активно муссируется мнение о российской агрессии на Украине, формируется образ врага в лице российской власти, зачастую лично президента России. На практике подобные сценарии нередко становились оправданием для дальнейших военных действий (вспомним, к чему привели события в Ливии).

Однако если на расстановку сил в медийном пространстве повлиять достаточно сложно, то защититься от практик симуляции вполне возможно. В. А. Емелин видит в качестве такой защиты ироничное восприятие действительности. Применение этого действенного способа активно демонстрируют наши политики.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Слово предоставляется Юрию Александровичу Запесоцкому.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хотел бы описать события, которые, на мой взгляд, имели место в российской журналистике. В советские времена в нашей стране журналистика находилась полностью под контролем, существовала цензура и возможности журналистов были крайне ограничены. Журналист делал то, что от него требовалось. В 1990-х годах, после распада Советского Союза, в нашей стране появилась свобода слова во всем ее многообразии. После запретов журналисты почувствовали свободу и имели возможность выговориться. В то же время появились средства массовой информации, которые были ориентированы на коммерческий успех, поскольку пришло время рыночной экономики и необходимо было зарабатывать. Это была эра печатных изданий вроде «СПИД-инфо», «Калейдоскопа», «НЛО». На рынок стали проникать крупные коммерческие структуры, в том числе иностранные, и покупать российские СМИ. Естественно, через них оказывалось определенное воздействие. Апогеем этого периода стал полный хаос на рынке массмедиа.

Период 2000-х годов начался с трагедии на подлодке «Курск», двух чеченских войн. Стало понятно, что частному капиталу принадлежат не только некоторые газеты, но и телеканалы, где мощь альтернативных точек зрения проявила себя в полной мере. Власть тогда поняла, что для стабилизации ситуации необходимо вернуть контроль над крупнейшими СМИ. Было принято решение о том, что все телеканалы должны контролироваться властью, при этом ряд печатных СМИ был оставлен для того, чтобы аудитория с оппозиционными взглядами могла иметь платформу.

К 2010 году ситуация коренным образом изменилась. Это период арабских, «цветных революций», выборов Президента Российской Федерации. Угрозой для

власти стал Интернет, где протекают процессы, с точки зрения власти, стихийные или регулируемые извне. Власть организовала контроль над Интернетом, например при помощи законов, позволяющих блокировать определенные сайты, а также заявила о необходимости регистрации блогеров как средства массовой информации при наличии более трех тысяч подписчиков, приобретения крупнейших онлайн-СМИ и взаимодействия с олигархами, которым принадлежат онлайн-СМИ, с целью замены редакционного руководства и, как следствие, журналистских составов. Но этим не ограничились, потому что ситуация была очень уязвимая. Дальше то же самое стало происходить с печатными СМИ, радиостанциями: был куплен ряд крупнейших радиостанций, и иностранный капитал ушел из России, получив прибыль, но оставшись без медиаактивов.

Контроль над СМИ сыграл позитивную роль. Влияние террористических и международных организаций внутри страны существенно снизилось, но возникли побочные эффекты из-за невозможности журналистов объективно отражать действительность, писать и говорить о том, о чем они хотели бы. Сейчас на фоне ситуации на Украине усилились настроения ура-патриотического характера или квасного патриотизма. У сплоченности, помимо положительной стороны, есть и негативная — усиление идентификационных вопросов наподобие «свой-чужой». Причем это деление распространялось не только на национальные, религиозные проблемы, но и на профессиональные, вопросы половой принадлежности, сексуальной ориентации и т. д. Сейчас мы наблюдаем ситуацию, когда в обществе на бытовом уровне происходит намного больше конфликтов, чем могло бы.

Насколько были оправданы действия власти в рамках той субъективной схемы, которую я обрисовал? На мой взгляд, это неоднозначный вопрос. Власть получила контроль, но и побочные эффекты этого очень серьезные. Может ли западная система СМИ, построенная на демократических принципах, успешно функционировать в России? Запад навязывает свои ценности многим традиционным культурам. Сейчас в США введена новая профессия — представитель по интересам нетрадиционных сексуальных меньшинств. Ряд африканских стран остро отреагировал на данный факт, ужесточив законы и ответственность за гомосексуализм. Примерно то же самое мы наблюдаем и в России.

Несколько слов по поводу зарубежных СМИ. В данный момент в России свобода слова отсутствует. За рубежом наблюдается похожая ситуация. На мой взгляд, ни в одной стране мира нет свободы слова. То, как ведет себя Россия в сфере СМИ, — это защитная реакция на агрессию Запада. Сейчас Россия на международной арене преподносится как агрессор, но агрессором является не Россия, а США. Только обвинять их в этом я не собираюсь, потому что для Америки культурное пространство разных стран — это рынок, на котором они должны внедрять, продвигать свои ценности, приоритеты, для того чтобы завоевать большую его часть. Это американское мышление, сформированное десятилетиями, рыночная экономика в полном смысле

этого слова, стиль жизни. Только почему-то войны, которые в результате возникают, происходят на территориях других стран, и страдает от этого население других стран.

Сейчас подобная ситуация разворачивается в нашей стране и в значительно большей степени — на Украине, где жители страдают из-за того, что крупнейшие мировые державы оказывают влияние на процессы, происходящие внутри страны. Америка и ее партнеры за многие десятилетия идеально отработали технологию ведения информационной войны. Россия научилась оперировать этими инструментами и может дать ответ. Присоединение Крыма — показательный момент: если вы будете проявлять агрессию, значит, мы будем вынуждены предпринимать контрдействия. При этом то, что происходит на самом деле, совершенно не важно, потому что СМИ (российские, американские и европейские) создают собственную картину мира, которая не имеет никакого отношения к действительности.

Сейчас представители российской стороны категорично относятся к мнениям, высказываемым на Западе. Традиционный зарубежный подход является отторжением российской точки зрения, но при этом возможна ситуация, когда представитель США не поддерживает американскую власть, или участник, разговаривающий на русском языке, не поддерживает российский подход.

Мир сошел с ума. Нам хочется подраться (желательно без ядерного оружия, чтобы не ликвидировать нашу страну или Америку), захватить территории и рынки, другим хочется уважения и славы.

В результате противодействия сложилась ситуация нехватки объективности, компромиссов, людей, специалистов, которые занимали бы нейтральную позицию и объективно преподносили информацию. Я призываю сделать шаг навстречу, не переворачивать все вверх дном только из-за того, что мы должны поддерживать собственную позицию. Если диалога не будет, то, может быть, наша жизнь закончится значительно быстрее, чем природные ресурсы.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я хочу поддержать Юрия Александровича в том смысле, что Запад действительно постоянно расширяет свое культурное и экономическое влияние.

Двести лет величайшая русская литература оплакивает долю женщины: «Доля ты! — русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать». Но за это время не было создано ни одного русского изобретения, которое облегчило бы долю женщин (от кухни до спальни). А на бездуховном Западе были произведены холодильники, кухонные комбайны и т. д. Запад, распространяя свое культурное и экономическое влияние, имеет на это право.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Право быть агрессорами благодаря изобретениям — такая точка зрения имеет право на существование. Россия особо не отличилась за последние несколько десятилетий какими-либо изобретениями. Хотя можно упомянуть полет Ю. Гагарина в космос.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Это не облегчает долю простых людей.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я с Вами отчасти согласен, у нас множество проблем, которые нужно решать.

Г. А. НИКИТИНА, старший преподаватель кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП: — На мой взгляд, докладчик представил искаженную, оценочную историю советской, российской журналистики. Я не вполне поняла, о чем шла речь, — о политике или журналистике? Юрий Александрович сказал, что мир сошел с ума и в СМИ выстраивается реальность, которая далека от действительности. Хочется понять, почему это происходит, почему такая реальность пользуется успехом у потребителей и каким образом она формируется, как журналистам нужно с этим бороться, как приблизить телевизионную реальность, реальность СМИ к действительности, реальной жизни и противостоять тем вызовам, которые перед нами ставят современный мир, политика, экономика.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Точка зрения, высказанная мной, носит субъективный характер, но я, как и любой автор, имею на нее право. С точки зрения профессионала, хочу сказать, что СМИ не могут не подчиняться рыночным законам, им нужно зарабатывать деньги, с точки зрения культуролога (моя кандидатская диссертация посвящена теме влияния брендов на культуру) — что в области СМИ необходимо государственное регулирование и, что наиболее важно, саморегулирование. Эти действия должны быть реализованы в рамках образовательных учреждений и т. д. К сожалению, на данный момент я смотрю на ситуацию песимистически.

Т. КЕНТ: — У меня создалось впечатление, что предыдущие ораторы воспринимают журналистику как проблему, наметился отрицательный подход к нашей профессии. Трудно поверить, что журналист может быть честным. В докладах был представлен мир, в котором действуют нечестные журналисты, все черное или белое, везде цензура, осуществляются манипуляции журналистами и правительствами, а журналисты имеют психологические проблемы.

Наверное, все это существует. Но необходимо, чтобы были высказаны и положительные слова о нашей профессии. Я более оптимистично смотрю на журналистику и считаю, что в ней есть положительные моменты. Конечно, возникают препятствия, которые нужно преодолеть. Но люди — не просто пешки, которые живут в мире, созданном современными журналистами.

Когда вы будете читать информацию в Интернете, я призываю вас искать честные, объективные источники информации. Сначала следует ознакомиться с корреспондентским материалом, в котором излагаются разные точки зрения (не только Госдепа и МИДа России), передается смысл. Можно не соглашаться с российской или американской позицией в отношении Украины, но в то же время понимать ее и даже

уважать. Наш мир разноцветный, в нем есть не только хорошие и плохие люди. Читая статьи, материалы, вы можете просматривать ссылки, чтобы увидеть, какими источниками пользуются авторы. Если источники не указаны — это тревожный сигнал. Можно использовать источники информации, предполагающие обратную связь. Кроме того, привлекать транспарентные источники информации, чтобы понять, каких убеждений придерживаются журналисты. Я надеюсь, что вы в конце концов найдете источники, которые помогут обрести вам надежду на будущее журналистики.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — К микрофону приглашаете Максим Русланович Проскуряков.

М. Р. ПРОСКУРЯКОВ: — Мне приятно представлять здесь ту часть информационного пространства, которая относится к связям с общественностью и рекламе.

Мир коммуникаций, информации стремительно меняется. В 2014 году Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал на сайте интересные результаты опросов. Приблизительно 40 % россиян черпают информацию из телевизионных программ, около 38 % получают информацию из Интернета, 8 % доверяют газетам и пользуются печатными изданиями.

Мы видим, как изменилась парадигма. Проблема заложена в исходном значении этого термина — это вызов и современному журналисту, и современному рекламисту, потому что сегодня человек, работающий в сфере массовой информации и коммуникации (старый он или молодой, глупый или умный, красивый или не очень), должен учиться так, как никогда до этого. Сегодня здесь упоминались современные технологии, например нейролингвистическое программирование, онлайн-продвижение изданий и журналистских произведений, благодаря чему публикация может подняться вверх в поисковой строке.

Один из выступавших спросил: если в «Литературной газете» печатаются умные и интересные материалы, почему же она находится в самом низу поискового рейтинга и ее никто не читает? На самом деле это не так. Почему бы «Литературной газете» или уважаемому журналисту, который хочет быть услышанным, не потратить время на свое самообразование или самообразование и не изучить вопрос, как сделать так, чтобы публикация оказалась наверху рейтинга?

Сегодня меня, как и многих людей старшего поколения, печалит пренебрежительное отношение к новым веяниям, изменениям. Люди привыкли жить в старом мире, которого уже нет, — реальность стала виртуальной. Набор инструментов, которые позволят вам стать или быть, казаться или являться, абсолютно открыт. Любой человек может зайти в Google и сделать так, что завтра его поэтическое произведение будет в первых строках поисковой системы. Для этого не нужно больших денег, вы должны просто учиться.

Возникает новая реальность, в которой журналистика является частью функционирующего механизма

и информационный повод распространяется по определенным законам. И не важно, «урунили» «Боинг» на Украину специально или он сам упал, это всего лишь информационный повод.

В ходе чтения курса по нейролингвистическому программированию мне не давал покоя вопрос: «Насколько элементы манипуляций, лжи проникли в средства массовой информации?» Я провел эксперимент: предложил студентам в течение семестра принести мне первую полосу газеты, в которой не будет использован ни один прием манипуляции. За семестр накопилась стопка газет. Мы со студентами разбирали эти материалы на основе тех знаний, которые они получили, но не нашли ни одного издания, не использующего манипулятивные технологии.

Сегодня ответить на вопрос о том, ложь это или правда, может только человек, обладающий знаниями. Вы никогда не определите, манипуляция это или нет, если не знаете, как это делается. Если вы работаете в СМИ, то сможете ответить на вопрос. То, что вы увидите, может вас или ввергнуть в уныние, или удивить, но это будет мнение знающего человека, эксперта. Сегодня поисковые системы уже не справляются с потоками контента, который выпускают журналисты, рекламисты. Процесс формирования информации нельзя урегулировать, что было возможно в минувшие десятилетия. Возникает проблема экспертизы материалов (и здесь, и за рубежом). Проблема заключается в том, как выделить из этого потока информации подлинное и неподлинное, как понять, что должно быть, а чего не должно. Никто не может сказать, кто будет экспертом, определяющим истинность или лживость. Церковь? США?

Я хотел бы напомнить этимологию слова «этика». Изначально в греческом языке это слово означало некое привычное внутреннее пространство, в котором осуществляются постоянные действия. Этика, о которой много рассуждали на пленарном заседании, — это не теория, а образ жизни человека. Ответ на вопрос о том, как понять исходя из своего образа жизни.

Когда я увижу в Дебальцево не репортера с камерой, снимающего несчастную пожилую женщину, у которой снарядом разрушило дом, а человека, который подходит к ней и помогает дойти до дома, дает ей одежду, хлеб, я пойму, что это правда. Потому что есть язык войны, доступный и понятный. На Ближнем Востоке США прессуют арабские страны, освобождая «нефтяной треугольник», чтобы через десятилетия договориться с самым свирепым из оставшихся командиров и продавать нефть в Европу. Пережать украинскую артерию, чтобы страна стала недееспособной на долгие десятилетия, — это язык войны.

Язык любви и отношения к другому человеку связан с христианскими ценностями, гуманизмом, на котором выросла современная Европа, европейские и американские массмедиа. Этот язык может подсказать нам правильный путь и оценку происходящих событий.

Завершая свое выступление, хочу сказать, что не нужно бояться нового, желаю вам иметь много сил и возможностей, для того чтобы учиться, узнавать новое и снисходительно относиться к ошибкам другого.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Слово предоставляется Юрию Иннокентьевичу Вдовину.

Ю. И. ВДОВИН¹: — Современная ситуация характеризуется многочисленными и многообразными вызовами, которые бывают природными и цивилизационными. Под вызовами будем понимать опасности, которые грозят человечеству, странам, группам населения, отдельным гражданам...

Мир сталкивается с огромным цивилизационным вызовом — противостояние агрессивной ветви ислама, стремящегося к мировому халифату, отрицающему иудаизм, христианские и иных религий ценности, атеизм. Все «неверные» — не мусульмане — подлежат уничтожению, причем самыми варварскими способами... Наиболее остро проявляется эта беда на Ближнем Востоке в противостоянии арабских мусульманских экстремистов и Израиля, трагедии в Ираке, Сирии, безумные конфликты и локальные войны в Африке.

Как отрывка коммунистического преступного заблуждения — его продолжение в нашем веке — противостояние западной, в более широком, чем география, смысле этого понятия, демократической либеральной цивилизации и авторитарно-тоталитарных диктаторских режимов. Это надуманное и усиленное раздувание противостояния стран НАТО, Евросоюза странам с отсталой, из-за многовековой несвободы, экономикой и гуманитарной сферой. Тут и конфликты на постсоветском пространстве, в Чечне, Грузии, Средней Азии, на Украине, раздувание антиамериканизма в странах Латинской Америки. Россия после распада империи зла — СССР — пытается раздуть, по большому счету, глупейший цивилизационный конфликт, руководствуясь исключительно амбициями и необоснованным желанием считать 2 % населения земного шара великой державой, которая вправе навязывать всему миру свои тупые, реакционные и жестокие правила жизнеустойчивости...

Эти вызовы во многом определяют парадигмы современного понимания роли журналистики, ее миссии. Она может и должна объединять страны, народы, социальные группы в поиске решений по вызовам природы! Космос, климат, вулканическая активность, землетрясения — вот необходимая сфера совместных усилий!

Человечество на основе христианских и иных религиозных ценностей, атеистических, демократических, либеральных представлений должно искать способ нейтрализации агрессивных радикальных ветвей ислама, угрожающих всему человечеству. Но раздоры в условно европейски ориентированной части мира не позволяют объединить усилия перед этой общей опасностью. И СМИ не столько объединяют усилия стран

¹ Доцент кафедры журналистики СПбГУП. Заместитель председателя правления правозащитной организации «Гражданский контроль». Автор многочисленных публикаций по защите прав граждан, проблемам средств массовой информации, экологии, построения гражданского общества, в т. ч.: «Независимость, свобода и коррупция», «Демократы в 1991-м не доработали», «Уничтожить ГУЛАГ во ФСИНе», «Коммуналки. Навсегда?», «Россия недалеко ушла от Казахстана. К сожалению», «Движущая сила законодателей России», «Проблема доступа граждан к информации и СМИ в России» и др.

и народов, а скорее способствуют конфронтации, что существенно ослабляет нас перед указанными выше и иными вызовами.

Государство вообще должно существовать с одной-единственной целью — реализовывать права и законные интересы граждан. Если возникает вопрос о национальных, государственных интересах, то они могут быть только функцией решения задачи по реализации прав и законных интересов граждан.

Журналистика, СМИ должны реализовывать право граждан на информацию, чтобы на основе информированности, знакомства с различными точками зрения на происходящие события и факты граждане страны, читатели смогли сделать осознанный выбор. Я подчеркиваю: осознанный выбор, не навязанный, не санипулированный, тогда государство будет процветать. В ходе обсуждения мы пришли к печальному выводу, что средства массовой информации в России и США плохие, занимаются манипуляциями. Во всем есть доля истины.

В этом зале собрались будущие журналисты, которых мы учим профессии. В частности, я преподаю студентам правовое обеспечение журналистской деятельности и журналистскую этику. Я иногда говорю, что преподаю дисциплины, предметная сторона которых, к сожалению, в действительности обнаруживается с большим трудом. Если журналистские кодексы, с которыми мы знакомим студентов, будут соблюдаться, как и законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации, то все будет прекрасно. Но дело в том, что провозглашенные ценности в журналистской этике не исполняются в должной мере. Если мы будем исходить из этих позиций, то забудем о манипуляционных технологиях, программировании, которые исчезнут из журналистики.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Слово предоставляется Николаю Александровичу Донскову.

Н. А. ДОНСКОВ²: — Возможно, у студентов, присутствующих здесь, возникнет вопрос: «Что мы должны вынести из этого обсуждения?». Позволю свое краткое выступление сформулировать в жанре профессиональных советов. Замечу, что помимо того, что являюсь журналистом, я еще преподаватель СПбГУП. Мне довольно часто приходится отвечать на вопросы студентов: как быть и что делать в современном сложном информационном обществе. Да, ситуация сложная. Но не безнадежная. Залог успеха, на мой взгляд, — профессионализм.

Ориентируясь на предыдущие выступления, в качестве полемики хочу сказать, что ни в коем случае

² Доцент кафедры режиссуры мультимедиа и кафедры журналистики СПбГУП. Руководитель Северо-Западного и Северо-Европейского бюро «Новой газеты» (Москва), координатор международных проектов «Новой газеты» в Северной Европе, ведущий авторской программы на телеканале «Ваше общественное телевидение». Автор (в соавт.) 12 книг (на финском и шведском языках), сборников публицистики о политических социальных, правовых проблемах современной России. Член Союза кинематографистов России, Союза журналистов России. Награжден премиями «Золотое перо», им. Артема Боровика «Честь, мужество, мастерство».

нельзя смешивать маркетинг, рекламу и журналистику. Надо четко отдавать себе отчет в том, что это разные вещи, они преследуют совершенно разные цели. Цель журналистики — информирование общества, в то время как задача маркетинга и рекламы — продвижение товаров, пусть даже и оформленных в виде неких концепций и идей.

По поводу источников информации: это основа основ журналистики. Важные слова произнес господин Кент о том, что источники должны быть авторитетными, надежными — это азбука журналистики. Старайтесь никогда не идти на поводу у других средств массовой информации, хоть российских, хоть зарубежных, ищите собственные эксклюзивные источники, тщательно работайте с ними, проверяйте и перепроверяйте информацию — это залог вашей объективности, залог вашего успеха.

Несколько слов по поводу объективности в связи с событиями на Украине.

Я веду несколько международных проектов в Европе, в частности ряд проектов посвящен мониторингу мировой прессы — российской, украинской, европейской, американской. В разных странах разработкой данной темы занимаются несколько человек. Мы пришли к выводу, что из публикаций мировой прессы очень трудно составить объективную картину событий, ее не существует. Из лучших образцов, по моим личным наблюдениям, если говорить о западных СМИ, я могу назвать Би-би-си и ряд немецких изданий. Но в целом объективной картины событий в мировых СМИ нет. В одном случае превалирует точка зрения одной стороны, в другом случае — другой стороны. Российские СМИ, естественно, дают российскую точку зрения, украинские и вслед за ними мировые СМИ преподносят, как правило, исключительно украинскую точку зрения. Как в одном, так и в другом случае односторонняя информация не является объективной, в итоге это приводит к искажению трактовки происходящих событий у массового читателя.

Что делаю я как журналист для того, чтобы все же получить более адекватное представление о происходящем? Самый эффективный способ — работа с первоисточниками. В Интернете можно найти много нецензурированной информации, без каких бы то ни было комментариев. Часто люди сами снимают на смартфон то, что происходит, и выкладывают эти ролики в Интернет. Наблюдая и анализируя их, можно самостоятельно сделать выводы о происходящем. Конечно, не надо абсолютизировать Интернет и безоговорочно доверять всей сетевой информации. В Интернете представлено все что угодно, в том числе откоро-

венная дезинформация и ложь. Я призываю вас действовать разумно. Сетевая информация — это лишь первичный этап сбора информации, затем ее надо тщательно проверять.

Еще один очень важный для меня источник информации — это свидетели, очевидцы, люди, которые находятся в гуще событий. Общайтесь с ними, тем более что вы, как журналисты, обязаны это делать. Затем суммируйте все полученные вами данные — только так вы сможете создать панорамную картину событий.

На моих телевизионных программах, которые я семь лет веду в прямом эфире на канале «Ваше общественное телевидение», много раз присутствовали граждане Украины. Люди, с которыми я общался в эфире, представляли разные точки зрения, но в любом случае они описывали ситуацию глазами очевидцев, глядя на происходящее с места событий, а не со стороны. Этот способ — получение информации от первоисточника, а не от комментаторов — доступен любому журналисту. И именно так должен поступать профессиональный журналист.

Виталий Товиевич Третьяков иронично сказал, что современному телевидению не нужны умные журналисты, что клоунам, шоуменам проще сделать карьеру. Тем не менее смею утверждать, что умные журналисты тоже нужны, просто у них будет другая аудитория. Если вы выберете карьеру шоумена, вас будут смотреть миллионы. Но вы можете избрать другое направление — общаться с умными людьми, таких людей, конечно, всегда меньше. Да, ваша аудитория будет меньше, но зато и авторитетнее. Только не забывайте, что для того чтобы общаться с умными, образованными людьми, вам самим надо быть такими, для этого вам нужно серьезно заниматься самообразованием, без этого в серьезной журналистике делать нечего.

Сегодня много говорилось о свободе СМИ, свободе слова, свободе выражения мнений. За эту роскошь — говорить людям то, что вы думаете, — часто приходится платить высокую цену — будьте к этому готовы. Шестеро моих коллег из «Новой газеты» заплатили за это право своей жизнью. Вы должны понимать, что это очень дорогая привилегия — иметь возможность и иметь право нести свое слово людям.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Уважаемые коллеги, заседание нашей секции подошло к завершению. На мой взгляд, состоялась плодотворная, интересная дискуссия, материалы которой будут опубликованы. А что не удалось обсудить, то отложим на следующие Чтения.

Секция 6

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Международный форум старшеклассников России)

15 мая 2015 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Руководитель секции

Н. В. БУРОВ — директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», председатель Общественной палаты Санкт-Петербурга, народный артист России, профессор СПбГУП

Участники:

Е. П. ЕФИМОВА — директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ — ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции

Е. ГОЛОЛОБОВА, Д. ЕФИМОВА, И. ЖУГЕЛЬ, Я. КУЗНЕЦОВА, Н. МИХАЙЛОВА, М. ПОЛИВАХИН, А. СЕМЕНОВА, А. СЕЧКО, С. СОРОКИНА, Д. СТАРШИНОВА, Н. СУХАЧЕВ — старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений.

Е. П. ЕФИМОВА: — Дорогие друзья! Слово для приветствия участников Международного форума старшеклассников России предоставляется ректору нашего Университета, члену-корреспонденту РАН, академику РАО, доктору культурологических наук, профессору Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, друзья! Разрешите от имени Оргкомитета поприветствовать всех участников форума. Сегодня в Международных Лихачевских научных чтениях одновременно участвует около 1,5 тыс. человек в разных секциях, присутствует большое количество зарубежных гостей из более чем 30 стран мира. В разных аудиториях ведутся беседы об экономике, юриспруденции, работе средств массовых коммуникаций, развитии мировой и российской культуры и т. д. Я очень рад видеть вас, молодых, на этом мероприятии.

Я бы хотел соотнести проблематику наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева с нашей реальной жизнью. Каждый из вас сейчас вступает в ту пору, когда человек принимает для себя самые важные решения: с кем дружить, кого любить, с кем строить семью, какую профессию получить. Может быть, за всем этим стоит самый главный вопрос: а что самое главное в жизни, к чему надо стремиться? До настоящего времени за вас это во многом решали родители. Они, конечно, помогли вам задуматься обо всем этом, очень старались учителя. Но, должен сказать, вашему поколению приходится вступать во взрослую жизнь в очень сложных обстоятельствах. Мы с вами говорим о наследии Лихачева, а рядом с нами есть такая дьявольская сила, как,

например, телевидение и Интернет, которые нам твердят совсем другое. Они говорят о том, что духовный мир — это ничто, а самая главная ценность в жизни — это деньги. Сейчас ребенок видит телевизор раньше, чем учится ходить. Что он там видит и слышит? Что если ты купишь такую-то шоколадку, то будешь самым счастливым человеком; а если ты выпьешь такой-то напиток, то у тебя будет столько энергии, что даже спортом не надо заниматься. Какие там тренировки, физкультура или зарядка по утрам? Просто выпей энергетик — и все будет замечательно. А уж если ты пожуешь правильную жвачку, то с тобой тут же захотят целоваться все девочки. Но практика не подтверждает все эти заявления, которые нам щедро дарит окружающий мир.

Однако человек все время стоит перед выбором между разными ценностями, ориентациями: чему служить, как прожить жизнь, являются ли деньги самым главным в жизни? Нам со всех сторон, кроме, пожалуй, родителей и школьных учителей, твердят, что это так и есть: если у тебя будут деньги — ты сможешь купить все. На самом деле, конечно, когда человек начинает обретать жизненный опыт, он понимает, что есть вещи, которые за деньги не купишь. Дружбу можно продать, но купить ее нельзя. Любовь можно попытаться продать, но купить ее нельзя. Уважение окружающих за деньги не покупается. Огромный интерес покупается, но чаще всего это злорадство, зависть, стремление сделать вам что-то «хорошее»: скажем, поцарапать ваш шикарный автомобиль, который вы приобрели, считая, что теперь вы на коне. Вроде бы все должны смотреть на вас с восхищением, а смотрят со злобой и завистью.

Я это говорю не к тому, что не нужно стремиться стать богатым. Конечно, человек должен быть достаточно состоятельным, чтобы его семья не чувствовала себя ущемленной, чтобы ему многое было доступно, чтобы он мог покупать хорошие вещи, путешествовать по миру, делать что-то для своих детей, обеспечивать хорошее медицинское обслуживание и своим детям, и жене, и родителям — в общем, стараться дать все блага, которые накопили современным миром и цивилизацией. Но вряд ли это можно считать смыслом жизни. Нужно стремиться развивать себя, становиться профессионалом. И при всем этом постараться стать человеком высокой культуры, потому что мир вещей не дает человеку удовлетворения и счастья.

Я, как ректор Университета, примерно раз в месяц бываю за рубежом, и к нам приезжает огромное количество интересных людей, в том числе мы общаемся и с богатейшими людьми мира. И мы видим, что даже очень большое состояние не приносит счастья, если человек посвящает свою жизнь тому, чтобы просто его сколотить. Чем больше его успех на этом поприще, тем сильнее он начинает ощущать странность своего бытия. Да, деньги у него есть, но ему надо что-то еще, чтобы ощущать себя уважаемым человеком. И люди, особенно в западном обществе, начинают тратить огромные деньги на благотворительность. Например, в Лондоне человек вообще не может войти в высший свет, если не участвует в больших благотворительных программах. То же самое сейчас происходит в Соединенных Штатах и в целом ряде других стран. Но прежде всего надо понимать, что даже участием в благотворительных программах ты не реализуешь свой человеческий потенциал. Это, безусловно, важный аспект, но это некий заместитель общения с огромным миром культуры, науки, искусства, интересных людей.

Для того чтобы общаться на высоком уровне с яркими, интересными людьми, надо самому быть интересным, представлять собой что-то для других людей. Чтобы про вас могли сказать: «О, это же очень интересный человек. У него хороший пиджак, дорогой галстук, шикарный автомобиль, вилла на берегу моря, значит, он многого добился в жизни. Нам с ним интересно». Жена хочет сказать про своего мужа, что это самый интересный человек. Муж хочет сказать это про жену. В подростковом возрасте, конечно, обращаешь особое внимание на внешние качества, и это действительно важно. Но потом ты понимаешь, что это не самое главное. А самое главное — это душевный контакт. В общем, в мире существует много более важных вещей, чем материальное благосостояние. Материальное благосостояние необходимо, но недостаточно.

Наверное, больше многих других приблизился к пониманию настоящих ценностей в жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев. 19 мая 1993 года на этой сцене Дмитрий Сергеевич был избран Почетным доктором нашего Университета. Он принял мантию нашего Университета. И я имел огромное счастье общаться с этим человеком лично. Впервые я его увидел, когда ему исполнилось 80 лет. У него впереди был еще очень существенный отрезок жизненного пути, когда он написал

много научных работ. Иногда он писал по 2–3 статьи в день. Лихачев производил на людей огромное впечатление. Одно его появление в аудитории заставляло зал вставать, хотя он не был миллиардером, губернатором, руководителем корпорации. Я помню, как попал на его 80-летний юбилей в большой зал, до отказа заполненный петербургской интеллигенцией. Вошел Дмитрий Сергеевич, физически уже очень слабый, ему было трудно подниматься на сцену, ему помогали. Он очень тихо говорил. Но все присутствующие старались услышать каждое его слово, потому что это было необычайно интересно.

Это был человек, который жил духовной жизнью. Он написал 1337 работ. Они все опубликованы на нашем университетском сайте. Работы Лихачева — это огромный прорыв в науке, но самое главное, они дали людям понимание истинных ценностей и значения культуры. Культуры, без которой человек вообще не существует, является не человеком, а биологическим существом. Дмитрий Сергеевич считал, и мы в Университете, конечно, с ним согласны, что смысл человеческой жизни обретается только при существовании человека в культуре. В культуре человек становится думающей личностью, в культуре человек обретает свое «я», свое ощущение национальной принадлежности, принадлежности к стране, обществу, понимание других людей и много иных чрезвычайно важных вещей.

Я бы хотел сегодня вам пожелать, чтобы вы, вступая во взрослый мир, конечно, профессионально состоялись, получили профессию, в которой реализуете свои способности, обретете себя, свое место в жизни, уверенность, встанете на ноги. Но я бы вам пожелал в то же время возвращать в себе людей высокой ленинградской–петербургской культуры. Потому что иначе очень трудно стать полноценной личностью. А если не станешь таковой, то не будешь счастлив, будешь ощущать свою ущербность. Я очень рад, что здесь собралась молодежь, которая интересуется Лихачевым. Я бы вам посоветовал не покладая рук работать над собой, самосовершенствоваться, искать, в чем вы можете проявить свои способности, реализовать себя наилучшим образом. И мне бы очень хотелось, чтобы опорой на этом очень непростом пути для вас были работы, духовное и нравственное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Е. П. ЕФИМОВА: — Дорогие друзья, на правах заместителя председателя Оргкомитета Всероссийского конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Дмитрия Лихачева и современность» приветствую всех участников, победителей, учителей и учеников школ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, которые пришли на этот форум поддержать своих коллег. Вы видите здесь своих сверстников, которые приехали к нам из Санкт-Петербурга, Ленинградской, Самарской областей, Краснодарского края, Республики Башкортостан.

В этом году у Всероссийского конкурса творческих работ старшеклассников юбилей. Ему исполнилось 10 лет. В жюри конкурса входят ведущие ученые:

литературоведы, историки, журналисты, представители школ Санкт-Петербурга. В этом году в нашем конкурсе приняли участие 205 школьников, которые представляют 42 региона России и Республику Казахстан. При этом по традиции значительная часть творческих работ поступает к нам из малых городов и школ, расположенных в сельской местности. Также по традиции в десятый раз на Международный форум старшеклассников России за счет Университета приглашены победители и призеры конкурса, занявшие по решению нашего жюри первое, второе и третье места. Победители-призеры получили уникальную возможность донести основные положения своих творческих работ до вас — своих сверстников.

Возглавляет работу Международного форума старшеклассников России председатель Общественной палаты Санкт-Петербурга, директор музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор, народный артист России Николай Витальевич Буров. Вам слово, Николай Витальевич.

Н. В. БУРОВ: — Добрый день, ребята, старшеклассники, учителя! Замечательно, что мы собрались здесь, под крышей Гуманитарного университета профсоюзов. Это хороший Университет. Это отдельная территория — территория философии, истории, профессионализма, любви. Это настоящий Университет. Я посетил много университетов по всему миру, во многих работал в свое время. И настоящий университет — это то место, где присутствует такое занятие, которое условно называется творчеством. На территории такого университета творчество является чуть ли не главным инструментом взаимодействия жизни и того, что мы называем обучением. Есть такие скучные термины, как, например, «школа», из объятий которой вы еще не вырвались, но это вот-вот произойдет. Наверное, мечтаете об этом. Но любой человек, давно окончивший школу, скажет вам: «Господи, какие вы счастливые! Вы еще в школе». Но вы хотите побыстрее миновать этот этап, и это естественно. Все мы когда-то хотели вырваться оттуда, сжечь дневники с плохими или отличными оценками, очутиться на свободе. Но готовы ли мы к этой свободе, чего хотим от жизни — это большой вопрос.

Я хочу обратиться не только к петербуржцам, но и к гостям города: найдите время, купите билет на электричку до Комарово, съездите туда. Не полнитесь — пройдите 1,5 километра от станции до кладбища и загляните в уголок Лихачевых. Их много. Это целая когорта, семья. Но Дмитрий Сергеевич, наверное, особенный представитель этой великой семьи. И именно в честь него, в память о нем и для себя мы собираемся каждый год здесь, в Гуманитарном университете профсоюзов. Лихачев — это эпоха, планета. Он одним из первых сказал: «Наступил новый этап развития человечества, новая история. Эта история постиндустриальная. Это история, когда начинает править культура, когда главным предметом исследования, главным предметом внимания, а значит, и любви должен стать человек». Мы с вами все очень разные. У нас разные не только отпечатки пальцев, но и от-

печатки памяти, подходы к этой жизни, ее осмыслению. Я пробежал глазами темы докладов, которые нам сегодня предстоит услышать, и увидел удивительное многообразие. Причем каждая из них стоит отдельного многолетнего исследования. И если только прикоснуться к ней, она может вызвать удивление, интерес и любопытство. Мне очень нравится такое качество человека, как любопытство, любознание. Это не подглядывание в замочную скважину. Это другое — попытка осознать природу даже самых простых явлений, которые нас окружают, любознательность.

Вы все наверняка собираетесь следующий свой шаг сделать в высшие учебные заведения. Это естественно и правильно. Потому что, мне кажется, XXI век гораздо больше, чем даже XX век, требует хороших, основательных знаний. И, делая этот шаг, вы надеетесь, наверное, и на удачу. Но лучше всего надеяться все-таки на себя. Потому что все, что вы успели получить от своих учителей, как говорили в XIX веке, учителей, как говорили уже в XX веке, — это ваше богатство. Все, что вам предстоит еще собрать и вобрать в себя, — это тоже ваше богатство. Я хотел бы пожелать вам успеха, и особенно сегодняшним докладчикам, потому что им будет чуть-чуть труднее, чем нам. Мы будем слушать, а они — трудиться. Но это замечательный труд.

Мы встретились с вами в удивительный год. 2015 год объявлен Годом литературы, а литература в России — это бесконечность, в которую надо стремиться, отчетливо понимая, что края никогда не достигнешь. Но есть счастье полета в этой бесконечности. Это, наверное, такое же счастье, как счастье первых людей, вышедших в космос. Это год тысячелетия со дня представления святого равноапостольного князя Владимира — крестителя Руси. Это тоже тема для размышлений, осознания себя в этом пространстве. Почему мы чувствуем себя свободными? Насколько мы свободны? Где границы этой свободы? Что такое свобода — безделье или волевое ощущение и плавание по этой жизни с определенными целями? На все эти вопросы можно найти ответы в жизнеописании великого равноапостольного князя Владимира. Это год 70-летия Великой Победы, которую у нас постоянно хотят отобрать, а мы не даем. И это тоже ваша тема, хотя она гораздо дальше от вас, чем, например, от моего поколения. Мы были совсем близко, но все равно мы послевоенное поколение. Но мы освоили эту тему, это пространство и не хотим, чтобы у нас это кто-то отнял. У вас замечательное будущее. Я искренне желаю вам успеха.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается победительница нашего конкурса Яна Кузнецова, учащаяся 11-го класса Международной гимназии «Ольгино».

Яна КУЗНЕЦОВА: — Человеку дарована жизнь, а то, какой она будет, по какому пути пойдет человек, зависит от него самого. Каждому из нас нужно пройти правильный путь, свой собственный. Наставниками становятся не только люди, друзья, родители, семья, но и книги, мысли и советы, которые остаются в памяти, заставляют размышлять, спорить и находить свой

путь. Мне показались очень ценными слова Д. С. Лихачева: «Есть свет и тьма. Есть благородство и низость. Есть чистота и грязь. До первых надо дорасти, а до вторых стоит ли опускаться? Выбирай достойное, а не легкое». Данный совет может стать определяющим для каждого из нас. Наверное, невозможно выбрать первое, если не сформировать у себя такие нравственные категории, как честь и совесть. Слова «совесть», «честь», «достоинство» знакомы каждому. Но, к сожалению, ложь, лицемерие, хамство становятся нормой общения. Героями современных книг и фильмов становятся безнравственные личности. И невольно недоумеваешь, на каких примерах стоит учиться подрастающему поколению, кому оно может подражать.

Честь всегда считалась главным достоинством наших предков. Издавна говорили, что совесть — это проявление Бога в человеке. Слова «честь», «честность», «честное слово» имеют общий корень. В Толковом словаре Даля честь определяется как внутреннее нравственное достоинство человека, а именно — доблесть, честность, благородство души и чистая совесть. С самого детства книги учат нас хранить верность своему слову. Если у человека есть честное слово — ему нечего бояться. И думаю, что современные дети должны учиться держать честное слово. И задача родителей — научить своего ребенка держать честное слово и быть ответственным за свои поступки. Так, в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» отец Петра Гринёва завещал сыну: «Береги честь смолоду».

В России дворянское понятие «честь» появилось в послепетровские времена. И эта традиция просуществовала 200 лет. И хочется особо сказать о дворянской чести: что в нее входит, какая главная ее составляющая. И сразу вспоминаются герои романа Л. Н. Толстого «Война и мир» Николай и Андрей Болконские, Николай Ростов и Пьер Безухов, которые ставили на первое место служение Отечеству. Также мы знаем из книг, что дворяне защищали свою поруганную честь на дуэли. И для дворянина в XVIII–XIX веках честь была дороже жизни. Но особо хочется сказать о женской чести. Это святая для каждого народа. Честь жены, матери, сестры, дочери — что может быть важнее для мужчины, защитника своей Родины, своей семьи? Мы считаем, что рыцарь — это благородный человек с чистой душой, отважным сердцем, твердым характером. Но самое главное в характере рыцаря — это уважение к женщине, готовность всегда вступить в бой с тем, кто осмелится оскорбить ее честь. Жена же всегда обязана хранить верность мужу, не переступать через нравственные ценности, заложенные с детства. Женщина должна беречь свою честь, уметь быть достойной, хранить свой семейный очаг и достойно воспитывать детей.

В произведении «Русские женщины» Н. А. Некрасов восхищается ими, повествует о настоящей русской женской душе, любви и преданности. После Декабрьского восстания 1825 года многих достойных дворян сослали в Сибирь, и их жены последовали за ними. Александрина Трубецкая, Мария Волконская стали героинями этой поэмы. Несмотря ни на что, они отказа-

лись от всего, оставили свой дом, родителей, семью, любимый город. Потому что для них было главное всего быть верной и преданной, поддерживать своего мужа. Именно такую клятву верности мужу, обещание жить с ним в горе и радости давали они во время венчания. А меня, как и многих, интересует вопрос: могут ли современные женщины похвастаться таким набором качеств? К сожалению, напрашивается отрицательный ответ. Но если мы, современные люди, будем хранить светлые идеалы, которые несет русская литература, то наши потомки будут с гордостью говорить и о нас.

И в заключение я хочу сказать, что меняются времена, меняются люди, меняется образ жизни, но главное, что может остаться неизменным, — это нравственное достоинство человека: доблесть, честность, благородство души и чистая совесть. Надо помнить и хранить в современном мире нравственные устои, которые были заложены в разные периоды нашей истории.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Екатерине Гололобовой, учащейся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 32 г. Краснодара, занявшей II место.

Екатерина ГОЛОЛОБОВА: — Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал, что «литература — это совесть общества, его душа». Эти слова задели меня за живое, и я задумалась над тем, что будет с обществом и его душой, если оно откажется от литературы. В поисках ответа на этот вопрос я обратилась к научному и творческому наследию академика Лихачева. Именно на литературу, ее богатый многовековой опыт, нравственные качества возлагает надежды руководство нашей страны. Недаром 2015 год провозглашен Годом литературы. Неужели в нашей стране, прежде считавшейся самой читающей, так низко упал спрос на классическую литературу, или, наоборот, мы становимся современниками новой эпохи русской культуры? В. В. Путин на официальном открытии Года литературы 28 января 2015 года высоко оценил величие русской литературы, ее роль в развитии общества, а также с иронией отнесся к предложению некоторых российских кинематографистов разрешить ненормативную лексику, которая ни Толстому, ни Чехову, ни Бунину для воспроизведения правды жизни была не нужна.

В своем выступлении хочу показать, как общество развивалось благодаря литературе, в чем писатели и поэты видели свою миссию. Вообще литература — это важная часть истории человечества, искусства, образования, а главное — самообразования. Сколько великих людей получили знания из книг! Ярким подтверждением тому может служить судьба Михаила Васильевича Ломоносова, которому в детстве всего лишь три книги открыли путь к науке. А мы его знаем как выдающегося ученого в различных областях науки и, конечно же, литературы. Великую роль книг понимали уже люди Древней Руси. Академик Лихачев в статье «Величие древнерусской литературы» отметил, что «подобно труду земледельца переписка книг была на Руси извечно святым делом». Хочу заметить, что

сейчас мы окружены океанами книг, но люди не хотят посещать библиотеки, а пользуются ресурсами Интернета, в котором можно найти абсолютно любую книгу.

Как может проявить себя душа, в которой нет нравственной основы? Конечно же, литература учит нравственности и морали не отдельно взятого человека, а народ в целом. И меня искренне возмущает предложение Евгения Гришковца заменить в школьной программе «Евгения Онегина» на более понятные детям рассказы Джека Лондона. Конечно же, я не имею ничего против них, но мы живем в одном культурном обществе со старшим поколением и не можем так наплеваательно относиться к культурному наследию великих писателей.

Писатели-классики пытались донести в своих произведениях важность литературы как основы нравственности. Фонвизин в комедии «Недоросль» особую роль в самовоспитании отводит книгам. Митрофан в 16 лет разбирает Псалтирь по складам, а Софья читает книгу Фенелона о воспитании девиц. Таким образом, читателям и зрителям наглядно показаны плоды просвещения и «зловракия достойные плоды». Огромное влияние на развитие русского общества оказала комедия А. Грибоедова «Горе от ума». Павел Афанасьевич Фамусов считает, что «в чтеньи прок-то невелик», и призывает «забрать все книги бы да сжечь», Александр Андреевич Чацкий читает исключительно прогрессивную литературу. Прием «книга в книге» позволяет, как в зеркале, отразить истинный облик героя, помогает судить о его образованности, уме. Кроме того, сами персонажи комедии подают достойный пример, обращая внимание читателей на лучшие произведения мировой литературы. Этот прием получил развитие и в литературе XX века.

И, наверное, самое главное — это тема осознания писателями своего высокого предназначения. Традиционно учителями нравственности, мудрыми наставниками были А. Пушкин и М. Лермонтов. Они ощущали себя поэтами-пророками. «Сеять разумное, доброе, вечное» призывал Н. Некрасов. Эти же идеи высокого служения мы видим в творчестве А. Ахматовой, оставшейся со своим народом и разделившей лихолетье репрессий. «Писатель, истинный писатель, не поступает своей совестью, даже если он терпит нужду и лишения», — так оценил жизненный подвиг преследуемых властью писателей Дмитрий Сергеевич Лихачев в статье «Тревоги совести».

В заключение я хочу упомянуть фантастический роман Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». В нем описано общество, отказавшееся от книг. Люди потеряли интерес к жизни, они уже духовно мертвы, поэтому их так притягивает смерть. Необходимо вернуть стремление к чтению, чтобы страшные картины фантастического романа не стали реальностью. Необходимо напомнить молодежи Письмо двадцать второе «Любите читать!» из книги Дмитрия Сергеевича Лихачева «Письма о добром и прекрасном»: «Каждый человек обязан... заботиться о своем интеллектуальном развитии... Основной (но, разумеется, не единственный) способ своего интеллектуального развития — чтение».

Основные уроки, которые я извлекла из трудов ученого, — это глубокое уважение к культуре нашего народа, оптимистичный взгляд на историю, вера в силы народа, спасительную силу слова. Хочется верить, что наступивший Год литературы подарит нам прекрасные произведения, которые помогут читателям обрести нравственную силу, будут способствовать сплочению народов, укреплению мира, что было присуще древней и классической литературе, а также выразить надежду, что Год литературы продлится и станет Эрой литературы.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Николай Сухачев, учащийся 11-го класса Международной гимназии «Ольгино», занявший II место.

Николай СУХАЧЕВ: — Импульсом для написания творческой работы стали слова академика Лихачева: «Литература — это совесть общества и его душа». Литература — это сокровищница тех знаний, которые воспитывают и развивают в человеке наилучшие качества и чувства. Безусловно, литература поможет пробудить и совесть. Существует бесчисленное множество литературных произведений, которые могут способствовать этому. Но в своей работе я уделяю внимание творчеству Федора Михайловича Достоевского, потому что он не только превосходно раскрывает тему совести в своих произведениях, но и говорит о совести всего русского народа. И это не единственная причина, почему я обращаюсь к нему. Мы можем увидеть много общего у Дмитрия Сергеевича Лихачева и Федора Михайловича Достоевского в их морально-нравственном отношении к обществу, человеку, стране. Удивительно, но судьбы их тоже в чем-то схожи. В одну из страшных ночей на Соловках Лихачев понял, что каждый день жизни — это подарок Бога. Это напоминает нам судьбу Достоевского, который пишет в своих дневниках о том, что религиозное сознание к нему пришло на каторге, и не под страхом смерти на эшафоте, а в тот момент, когда писатель воссоединился с русским народом и смог понять всю его душу.

Я попытался воссоздать возможный диалог Достоевского и Лихачева сквозь призму времени. Достоевский: «Сострадание есть высочайшая форма человеческого существования». Лихачев: «Нравственности в высшей степени свойственно чувство сострадания. Сострадание есть сознание своего мира, своего единства с человечеством и миром». На мой взгляд, у Достоевского нет героев, у которых отсутствует совесть. С этим, конечно же, можно поспорить. Разве есть совесть у Свидригайлова? Но я скажу: да, есть. Это пассивная совесть. Она неявная и мучает его призраками убитых им людей, которых он вовсе не боится.

О совести в произведениях Достоевского можно сказать многое. Но я проведу параллель между некоторыми героями. Например, Родион Раскольников и Иван Карамазов — это практически один тип героя. Это молодые люди, зараженные новыми идеями. Они испытывают самые настоящие угрызения совести, так как переживают к тому же еще и внутрилличностный конфликт. Достоевский превосходно передает душевное

состояние героев, потому что он не только писатель, но еще и замечательный психолог. Излюбленный прием автора — это передача чувств и глубинных мыслей с помощью сновидений. Также Достоевский считает, что нечистая совесть или ее отсутствие равнозначны смерти: Иван Карамазов сходит с ума, а Родион Раскольников попадает на каторгу. Но всю свою душу Достоевский вложил в князя Льва Мышкина. Мышкин — это воплощение совести, как и Алексей Карамазов. Оба героя носят определенно очень схожие черты характера. Их совесть чиста и ведет их по правильному пути. Таким образом, тема совести является одной из главенствующих в творчестве Достоевского. Автор говорит о значимости совести и о том, как важно ее сохранить или пробудить от сна.

Мне удалось посетить кладбище в Комарово, где нашли приют многие известные ученые, деятели культуры и искусства. Здесь можно увидеть скромный памятник в виде креста — могилу Д. С. Лихачева, а на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры вблизи могил Карамзина и Жуковского стоит бюст Ф. М. Достоевского. На вершине памятника возвышается крест. По библейскому трактату, крест — это оружие в борьбе против людских грехов. На мой взгляд, этот символ идеально подходит как для Лихачева, так и для Достоевского. Потому что они выявляли людские пороки и боролись с ними с помощью творчества и слова.

Подводя итог, следует сказать, что Федор Михайлович Достоевский и Дмитрий Сергеевич Лихачев, хоть и жили в разные эпохи, но определенно имеют много общего. На мой взгляд, нам необходимо больше знакомиться с работами великих писателей и ученых, так как многие люди не знают о тех светлых идеях, которые донесли до нас не менее светлые люди. Также на примере литературного творчества Достоевского мы убедились в том, что литература — это действительно совесть общества и его душа. Литература дает нам многое. Необходимо научиться воспринимать ее всерьез и брать то полезное, что она нам преподносит.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Алене Сечко, учащейся 11-го класса гимназии № 6 г. Новороссийска, занявшей III место.

Алена СЕЧКО: — Для своей творческой работы я выбрала следующую цитату Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Тяга к древнерусской литературе — явление симптоматичное. Эта тяга вызвана прежде всего стремлением обратиться к своим национальным традициям. Современная культура отталкивается от всякого обезличивания, связанного с развитием стандартов и шаблонов: от безликого “интернационального” стиля в архитектуре, от американизирующего быта, от постепенно выветривающихся национальных основ жизни». Каков вектор будущего человечества? В мифологии многих народов есть поразительный образ-символ — древо жизни. Но если внимательно посмотреть вокруг, то к этому ли образу стремится наша цивилизация? Технический прогресс и моральный регресс — вот, ка-

жется, вектор будущего человечества. Таким образом, древо жизни стремительно перевоплощается в свой антитепод — анчар (древо смерти).

Ядовитые испарения массовой «культуры» искажают сознание людей. Неужели сбывается предсказание Евгения Замятина, напрогностическое им в романе «Мы»? Нас ждет механизированный мир с его высокой материальной культурой, нуждающейся не в живом человеке, а в жадном и хватком потребителе, все усилия которого направлены на добычу денег. Так как «разруха начинается в головах», то вызывает интерес прежде всего духовная составляющая культуры. Именно поэтому все чаще люди обращаются к истокам бытия, пытаясь разумно распоряжаться своей жизнью. Но кто подскажет сам путь поиска смысла жизни в «мышьей бегодне»? Как выбраться из того русла, в которое ручейком вливается человек с момента рождения? Кино и телевидение для многих остаются главным средством с минимальной затратой усилий выключиться на время из рутины жизни. Но в своей сокровенной глубине душа наша взыскует присутствия смысла, ума и красоты:

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

Ф. И. Тютчев

«Тяга к древнерусской литературе» и есть, думается, проявление тоски по «нетленной красе» — попытка остановить бессмысленный бег жизни. Уверенность в способности нашей родины противостоять всем современным вызовам черпаем мы в великой русской литературе. И в первую очередь — в древнерусской. Родная земля и родной язык — основное, что определяет народ как таковой. Совершенно исключительное значение письменной речи заключается в сохранении национального бытия на всех этапах его исторического развития. В чем же самобытность именно русской литературы? Уже через столетия создания национальной грамоты появляется кириллица, а вслед за ней — высокохудожественные произведения: первый известный нам летописный свод «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве». В них, как в зерне, заложены те отличительные свойства нашей литературы, которыми отмечены и летописания, и воинские повести, и сказания. Главной темой большинства произведений с XIII по XVI век оставалась тема «стояния за землю русскую». Потому что Русь по-прежнему была для наших предков полем битвы за право жить на своей «отчине». Само понятие «Русь» исчезло из представления европейцев! Татария — так для иностранцев стала именоваться она теперь.

Из летописных источников узнаем мы о беспрестанных набегах кочевников, оставляющих после разгромленных сел и городов, сожженных пашни... Больно и горько осознавать, какие неисчислимы человеческие жертвы положила на алтарь своей независимости наша родина, какие муки и страдания претерпел наш народ! Распятая Ордой Русь напрягала последние силы для отражения польско-литовской и немец-

кой агрессии. Однако в то время главной опасностью для страны были междоусобицы. Церковь же объединяла людей, воодушевляла народ и князей на борьбу в самых трагических ситуациях. Неспроста главными объектами ненависти поработителей являлись храмы и служители веры. В «Сказании о Мамаевом побоище» перед нами яркие, занозящие душу картины. Победа над Мамаем доказала: сила Руси в ее единении.

До Ивана Грозного нет или не сохранились авторские тексты личного характера. Можно, однако, предположить их существование. На это указывает знаменитое «Поучение Владимира Мономаха». Его перо рисует неофициальный образ князя, который пытается донести до сыновей понимание ответственности за государство, за веру, которое они унаследуют от него. И учит, как воспитать это в себе, как организовать свой быт, время, чтобы обустроить свою «отчину»... Частная жизнь русского человека почти никогда не оставалась частной. Она вовлекалась в нескончаемую череду освободительных войн либо в напряженное переустройство государства. Задумываясь над судьбой народа, русские историки, писатели, мыслители увидели в ней две особенности: неискоренимую, всепобеждающую волю к национальной свободе и покорность внутренним супостатам. «Повесть о Петре и Февронии» — не просто рассказ об идеальной любви. Это рассказ о творческой силе любви, о любви заслуженной, сотворенной. Как в народных сказках, герои должны ее выстрадать, заслужить. И труд этот в фольклоре и повести берет на себя женщина.

Следы народного творчества (да это и не следы, а настоящие источники) проявились в сатирических жанрах. Там отразилось редкое для мирового фольклора качество: смех над врагом неразрывно сосуществует со смехом над собой. Николай Васильевич Гоголь, приводя слова из Изборника 1097 года («Свет и во тьме светит, и тьма его не обнимет»), отмечал: в них «пробивались начала оригинальности нашей древнейшей литературы». Что же он имел в виду? Очевидно, то место из текста, где отец предостерегает сына от греха беспмятства и равнодушия. Призыв к милосердию, отклик на страдания всякого человека и стал лейтмотивом великих русских произведений XIX века.

Агрессивная реклама потребления, беззащитная и наглая эксплуатация телесной темы, внедрение в сознание людей образцов массовой эрзац-культуры, отчуждение народа от его корней — таковы пласты современной цивилизации. Так отмирают живые ростки души. И мир вокруг делается мертвым. Прав Достоевский: мир спасет красота. Красота не гламурная, вычурно пошлая, а красота истинная, та, что вызывает слезы радости и печали, ставит душу на крыло. Красота, которая наполняет наш разум и сердце живительными силами. Та, что придает жизни нашей смысл. Древнерусская литература — дитя своего народа. Напитавшись соками родной почвы, она мощно подняла свои ветви вверх, явив гениальных писателей всему миру. Их и нас она учит прежде всего любви и верности Родине, народу, семье. Когда страна наша в опасности, примеры героизма и мужества наших предков придают нам силы для ее защиты. Когда мы утомлены

и опустошены, она врачует своим ярким артистизмом и задушевностью. Она — наш оберег от нравственного нигилизма. Именно поэтому ей суждена нескончаемо долгая жизнь!

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Наталья Михайлова, учащаяся 10-го класса Сиверской гимназии Ленинградской области, занявшая III место.

Наталья МИХАЙЛОВА: — Когда я появилась на свет, мой любимый дедушка гордо сказал: «Еще одной россиянкой стало больше». А через год, в 1999-м, одним россиянином стало меньше. Дмитрий Сергеевич Лихачев — наш великий соотечественник, советский, российский ученый, литературовед, историк и общественный деятель. Мне очень тепло и приятно, что я живу в живописном Оредежском крае — поселке Сиверский, который оставил яркий след в памяти Дмитрия Сергеевича. В своих воспоминаниях он писал: «Я был очевидцем того, как жили рядом финские и русские деревни. Как их жители уважительно относились друг к другу. Это было под Ленинградом, в районе Сиверский. Ни насмешки, ни взаимной неприязни. Это моя родина, моя малая родина».

Наверное, именно с любви к малой родине и начинается любовь к большой родине, мы это называем патриотизмом. Рассуждая над данной проблемой, Дмитрий Сергеевич утверждает, что к патриотизму слишком долго призывали, а его надо воспитывать с самого раннего детства. Истинный высокий патриотизм рождается из любви к родным и близким. Любовь к родине нельзя объяснить словами, нельзя увидеть. Ее можно лишь почувствовать, так же как ребенок чувствует любовь матери. Но если нашу родину будут подстерегать опасность и беда, тогда в каждом вспыхнет чувство любви к родине, каждый станет патриотом и не отдаст родину захватчикам.

Издавна считается, что война — сугубо мужское дело. Но женщина на войне — это словосочетание звучит грозно, страшно и бесчеловечно. Сложно представить себе хрупких и нежных женщин, держащих в руках автоматы и убивающих людей. Слово «война» женского рода. Но слова «женщина» и «война» не хотелось бы ставить рядом. Всем известна фраза: «У войны не женское лицо». Вспомнить хотя бы писательницу Светлану Алексиевич с ее одноименной повестью. А я хочу в своей работе показать, что у войны может быть и женское лицо. Меня заинтересовали события Первой мировой войны, которая стала новым испытанием для России. Когда она разразилась, многие женщины оказались на передовой, не разбирая сословных различий.

Есть в русском языке одно очень теплое, до недавнего времени несправедливо забытое слово — «милосердие». Война создала самоотверженнейший и прекраснейший тип сестры милосердия. «Белые голубки» — именно так называли женщин, посвятивших себя очень тяжелому, но прекрасному делу.

К числу женщин, проявивших такое самопожертвование, несомненно, принадлежала светлейшая княгиня Лидия Петровна Ливен — сестра милосердия, жена начальника Морского генерального штаба Александра

Александровича Ливена. Несмотря на аристократический титул, Лидия Петровна при советской власти получила работу, и в 1923 году работала медицинской сестрой городской больницы в Гатчине. Позже Ливен стала медсестрой Ленинградского института глухонемых. Психике нормального мужчины трудно смириться с ужасами войны. А каково женщине? Не случайно вдовствующая императрица Мария Федоровна учредила для сестер милосердия золотой крест с надписью «Сердоболие». Это лишний раз подчеркивает подвиг этих женщин. Сестрам было трудно не только физически, но и психологически. Им приходилось каждый день видеть смерть, страдания, вспоротые животы, слышать крики и стоны.

У войны не женское лицо. Это давно известная истина, которая не требует особых объяснений. Однако в истории России был уникальный случай, когда в лицо смерти на поле брани смотрели женские батальоны смерти. Первый из них был создан в 1917 году. Его представительницы носили погоны с черепом и костями и отличались жестокостью в бою. Предводительницей батальона смерти была Мария Бочкарева — известная также как русская Жанна д'Арк. Что должна чувствовать молодая девушка, чтобы добровольно отправиться на верную смерть? Какие у нее эмоции? Какие мысли в голове? Ведь она понимала, на что идет. 9 июля 1917 года женский батальон отправился в свой первый бой. Немецкие атаки следовали одна за другой, но непоколебимо, как некогда 300 спартанцев, стояли 300 русских женщин на пути полчищ неприятеля. Бочкарева была ранена и после возвращения из госпиталя командовала уже полком. Но тут произошел Октябрьский переворот, полк был расформирован, Мария арестована. В возрасте 31 года Мария Бочкарева была расстреляна.

Даже сейчас, казалось бы, в мирное время, раздаются залпы орудий, грохот боевых установок, смерть, кровь, слезы. Женщины на востоке Украины, вступившие в ряды ополчения, не считают, что делают что-то особенное, защищая свой регион. Они недовольны и возмущены фашистскими действиями хунты против мирного населения, а также запретом русского языка, антирусской политикой, сносом памятников. Они хотят жить свободно, в свободной стране. То, что делала русская женщина на протяжении всех исторических эпох и продолжает делать, во всем мире воспринимается как нечто уникальное. И в Европе, и в Америке знают, какая она — русская женщина. Давайте же вспомним прекрасных женщин, дарящих добро и сострадание любому нуждающемуся в них человеку. Именно женщины — героини, сестры милосердия достигают счастья, потому что забывают о себе, своих интересах, и становятся самыми настоящими святыми. Я уверена: если каждый человек начнет задумываться над идеями и мыслями Дмитрия Сергеевича Лихачева, жизнь станет лучше, красивее, чище и добрее. Любовь к родине придает смысл жизни и превращает ее из прозябания в осмысленное существование.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Александра Семенова, учащаяся 11-го класса школы № 23 Санкт-Петербурга, занявшая III место.

Александра СЕМЕНОВА: — Моя творческая работа посвящена изучению садов и парков как явления не столько архитектурного, сколько культурного и национального, возможно, даже сенсорного, чувственного характера. В своих рассуждениях я основывалась прежде всего на работах академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Портрет современного горожанина можно сделать только на бегу: он вечно торопится куда-то — с работы, на работу, в магазин, домой, в гости. Да и не получится его сделать — для настоящих, полноценных портретов нужно очень много времени. А его нет. Каждый из нас — этот современный горожанин. С годами темп жизни все убыстряется — скоростные поезда, автомобили, самолеты доставят вас за считанные часы туда, куда дорога пару веков назад занимала несколько недель. Неужели не хочется остановиться? Хоть на минуту? Присесть в тень радостных и робких кленов сада Аничкова дворца, ведь вот он — в центре города на Невском проспекте, шаг с тротуара — и вы попадаете в тихий и безмятежный мир.

Дмитрий Сергеевич посвятил изучению садов и парков множество научных работ. «Сад “охватывает” своего посетителя со всех сторон», — пишет академик Лихачев. Вы забываете, что вокруг спешка, думаете, что дела подождут; они подождут, а этот прекрасный зеленый мир — нет. Единство природы и искусства, гармония, созданная руками человека во имя природы, дарит городскому жителю минуты покоя и свободы. Наверное, сады можно назвать местом, где время меняет свой ход. Почему? Откуда у них такая сила? «Сады и парки обладают способностью к серьезному мировоззренческому и эмоциональному воздействию на человека. Это воздействие разнообразно и индивидуально для каждого сада и парка», — пишет академик Лихачев в работе «Продление жизни мемориальных садов и парков».

Почему сад так влияет на человека? Изучению этого вопроса Дмитрий Сергеевич Лихачев отдал около 20 лет своей жизни. Академиком был написан сценарий и снят документальный фильм «Поэзия садов», где он произносит: «Сады нужны для наших сердец. Урбанизация душит нас, сады дают новый глоток воздуха». Во время просмотра этого фильма зритель может вместе с академиком полчаса гулять по лучшим садам и паркам Петербурга и Ленинградской области, наслаждаться их видами, слушая чудесную музыку. В «Поэзии садов» Лихачев говорит: «Научные занятия мои садами объясняются вот чем: я ведь специалист по древнерусской литературе, литературовед. Но все искусства между собой связаны. Связаны единством Великих стилей... И поэтому стилистические особенности садов дают ключ к стилистическим особенностям русской поэзии». Академик подчеркивает, что поэзия скрыта в самих садах и парках. И действительно, редкий поэт не написал ни строчки об ухоженных аллеях Летнего сада или пышных просторах Павловского парка, да и вообще о парке и саде, придавая ему мистические сакральные смыслы. Созданные не только для увеселения и прогулок, сады имеют и «образовательные цели»: они заставляют человека рассуждать и думать.

Возможно, именно потому, что там поэтов посещают музы, творцы и уделяют садам такое внимание? Сады ярко и полно нашли свое отражение в искусстве. Они важны человеку — не только человеку прошлого, для которого там обитали нимфы и призраки, но и человеку современности, утратившему романтический пыл. Академик находит этому объяснение: сад обладает способностью изменить не только мгновенное ежесекундное настроение человека, но и, возможно, даже его точку зрения на некоторые жизненные установки. Наедине с природой человек обретает равновесие, гармонию, а искусство развивает его интеллектуально. Каждый сад — индивидуальный, неповторимый мир, он словно имеет свой характер. Самая настоящая Вселенная, которую человек до сих пор не смог разгадать, постичь до конца. Ученые разрабатывают теории, ставят опыты, но у них никогда не получится создать новую Вселенную, это вне человеческих возможностей.

А как же создается мир сада? Можно ли сейчас вырастить сад-клон, например, Юсуповского сада? Нет. Сейчас уже не получится создать что-то старое: эта формулировка противоречит сама себе. Можно, несомненно, попробовать скопировать и ландшафт, и внешний вид павильонов, и расположение скамеек и оград, но разве будет это тот самый сад, подаренный Петром I князю Юсупову? Разве будет двойник нести такую же ценность, как оригинал, чтобы стать культурным наследием Российской Федерации? Безусловно, нет. У него не будет той памяти, той истории, какая есть у оригинала. Парки рококо и романтизма можно создавать и сейчас, но они не будут иметь тех глубоких историй, по их дорожкам никогда не пройдет император. Зато у них будут свои, особенные истории.

Я хочу сказать, что ценность парка определяется в первую очередь, конечно же, не тем, что он видел на своем веку. Чтобы парк или сад влиял на человека, чтобы он заставлял его думать или наводил на идеи, его ограда не должна быть отлита из золота, а на клумбах не обязательно цвести сверхредким растениям. Парку достаточно быть собой — парком. В нем должна царствовать гармония искусства и природы, уместное вмешательство руки человека в ее первозданную красоту. Именно такая формула создания сада, возможно, и является причиной сильного влияния на человека. Сад или парк нельзя встретить в дикой природе, как нельзя увидеть его созданным совершенно без участия природы. Это соотношение флористики, ландшафтного дизайна, скульптуры, архитектуры и одного-единственного искусства — природы — и есть настоящая сущность всякого сада или парка.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Славяна Сорокина, учащаяся 11-го класса лицея № 60 г. Уфы (Башкортостан), занявшая III место.

Славяна СОРОКИНА: — Литература играет важную роль в жизни отдельного человека, целой нации, всей страны. Литература вообще, а русская особенно всегда была тесно связана с общественными процессами, отражая изменения в жизни социальных групп,

в умонастроениях людей, их мировоззрении и идеалах. Писатели разных эпох интересовались, чем живет и что думает человек. Не зря Максим Горький называл литературу «человековедением», а французский писатель Оноре де Бальзак — «историей человеческого сердца». Поэтому меня особенно привлекла тема «Литература — это совесть общества, его душа». Тем более что над проблемой роли литературы в жизни своего народа, об особой связи русской литературы и русской истории немало размышлял один из выдающихся ученых XX века — академик Дмитрий Сергеевич Лихачев.

В книге «Родная земля» он пишет, что «русская литература с самого своего возникновения была тесно связана с русской исторической деятельностью». Именно поэтому «Повесть временных лет» можно назвать не только первой летописью, но и «первым нашим историческим документом». Ученый убежден, что уже древнерусская литература была совестью народа, ведь в ней «сильно и народное гуманистическое начало, о котором не следует никогда забывать», к тому же она «таит в себе большие эстетические ценности». Разве был бесстрастным повествователем автор «Слова о полку Игореве», которого волновали актуальные на тот момент общественные проблемы разобщенности Руси? Он пытался показать, к чему может привести следование личным интересам в ущерб государственных, и призывал русских князей к единению.

Что такое совесть? В Толковом словаре С. И. Ожегова читаем: «Это чувство ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом». То есть совесть не позволяет человеку оставаться в стороне от жизни народа и его проблем, иначе, говоря словами булгаковской Маргариты, он не будет иметь покоя всю свою жизнь. О литературе как о совести общества академик Д. С. Лихачев говорил неслучайно. Ведь писатели — это те люди, которые от Бога даны, если вспомнить А. С. Пушкина, «вещие зеницы», «жало мудрых змеи», у которых в груди вместо трепетного сердца «уголь, пылающий огнем». Это пророки, которые могут почувствовать то, что пока еще недоступно окружающим. Почувствовать и предупредить. А предупредив, вдохновить на поступок, действие... То есть, получается, литература — это еще и душа, ведь в том же словаре в одном из значений слова «душа» можно прочесть следующее: «Вдохновитель чего-нибудь, главное лицо». Где как не в литературе мы можем лучше всего увидеть нравственный облик людей, осознать их моральные ценности и идеалы? Читая художественные произведения, мы понимаем, что такое хорошо, а что такое плохо, что есть добро, а что есть зло, что правильно, а что неправильно, а значит, формируем свое мировоззрение, свои ценностные ориентиры. В настоящих книгах говорится о важном для общества без оглядки на мнения критиков, без учета официальных установок и предпочтений. Порой в таких книгах можно увидеть весьма нелицеприятные оценки, но если власть заботится не о собственном имидже, а о будущем страны, ее благе и готова извлекать уроки из истории, она будет прислушиваться к таким «голосам совести».

Литература — совесть общества. Русские писатели — «властители дум» своего времени. Совесть — это чувство, свойственное духовной личности, потому что требует постоянной «подпитки» в процессе воспитания и образования. Дмитрий Сергеевич Лихачев рассматривал этот процесс как приобщение человека к культурным ценностям. Огромное значение здесь имеет именно литература, так как она обращается к читателю с нравственно-общественными вопросами, но не дает конкретных ответов на них, а побуждает его самостоятельно найти их через диалог с автором. Именно поэтому академик считал русскую литературу грандиозным диалогом с читателем, обращением к его совести. Одним из важных качеств литературы всегда была способность понимать и отражать народные ценности, идеалы и устремления. В Письме тридцатом «Нравственные вершины и отношение к ним» из сборника «Письма о добром и прекрасном» мы можем увидеть, что «о каждом народе следует судить по тем нравственным вершинам и тем идеалам, которыми он живет». То есть получается, что о народе следует судить по его идеалам.

В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» такими идеалами являются «мысль семейная» и «мысль народная». Погружаясь в книгу, начинаешь осознать, что такое пресловутая русская душа с ее глубиной и величием, необычайной широтой и в то же время неприязнательностью, что такое народ, семья. Способность человека к изменениям, самосовершенствованию является для Толстого признаком духовности личности. Его герои живут ежеминутно, совершают ошибки, разочаровываются, падают, поднимаются, вновь падают. Это и есть жизнь, это и есть народное представление о ней.

Всем известны строки Н. А. Некрасова:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой...

Разве они не являются показателем совестливости поэта, который понимает, что в то время, когда «бедствует народ», не стоит «ликовать»? Потому и посвятил он лиру «народу своему», стараясь показать страдания и трагедию крестьянства, богатую русскую душу, не убитую вековыми «крепями». Потому и издавал журналы «Современник», «Отечественные записки», пытаясь достучаться до своих современников, пробудить «вниманье сильных мира» к злободневным проблемам своего времени. . . И самым главным итогом его жизни и творчества, как написал Некрасов в «Элегии» (1874), является то, что он «служил» народу, а значит, «сердцем он спокоен» и совесть его чиста, так как выполнил он свое предназначение и долг, который сам себе и определил.

«Сплошной совестью» эпохи, по словам Марины Цветаевой, является и Александр Блок. «Трагический тенор эпохи!» — называла своего современника Анна Ахматова. Человек-эпоха, обозначивший веху в общем течении истории. И ведь на самом деле именно Блок откровенно, без приукрашивания, глубоко и психоло-

гически точно передал растерянность человека перед серьезными поворотами истории и поиски им нравственных ориентиров, которые помогли бы выстоять и не сломаться после утраты прежних идеалов. Именно он сумел услышать в «музыке революции» и бравадные марши, и разгульную лихую песню, и «державный шаг», и тревожные ноты... Поэт не только ощущал радость от свершившихся перемен, но и понимал, что еще «потяжелее будет бремя». Страшно становилось от того, что пришедшие к власти «ко всему готовы» и им «ничего не жаль». Толстой, Некрасов, Блок — писатели и поэты разных времен берут на себя некую меру ответственности за происходящее вокруг.

Ответственность за народ и за свое время взял на себя и А. И. Солженицын. Главная героиня рассказа «Матренин двор» Матрена — нравственный идеал, тот самый праведник, без которого «нести граду стояния», женщина любящая и страдающая. Именно такая женщина и является воплощением в литературе той самой загадочной души нашего народа. Что такое душа? Внутренний мир человека, его психический склад. Душа народа, общества — это его идеалы, устремления, нравственные правила, ценностные ориентиры. Дмитрий Сергеевич обращал особое внимание на то, что в семье за поддержание нравственного начала в ребенке отвечает женщина, и отмечал, что важна в обществе именно духовная нравственная преемственность поколений. У академика есть замечательные, глубокие исследования на тему женского образа в литературе, особенно в древнерусской. Он рассказывал, что древнерусские авторы изображали женщин нежными, ласковыми, добрыми, понимающими государственные тревоги своих мужей и братьев.

Дмитрий Сергеевич пишет: «Дочь, мать или жена — она всегда помогает своему отцу, сыну или мужу, скорбит о нем, оплакивает его после смерти и никогда не склоняет его... к трусости или самосохранению путем позора. Смерть в бою с врагами она воспринимает как должное и оплакивает своих сыновей, мужей или отцов... с тихою ласкою и с похвалой их мужеству, их доблести». В «Слове о полку Игореве» перед нами предстает именно такой идеал женщины Древней Руси XII–XIII веков: скромная, заботливая, верная и любящая, достойная жена своего мужа. Ярославна изображена, по словам Лихачева, «лирической, песенной русской женщиной». С уважением и восхищением говорит автор «Слова» о преданности, верности Ярославны своему любимому мужу. А ведь князь совершил в какой-то степени предательство, поставив личные амбиции выше интересов Киевской Руси. И Ярославна ни одним словом не попрекает мужа. Она понимает, в каком тяжелом положении он оказался, и готова разделить с ним его беду. Такой женский характер — это не только народный идеал, но и воплощение народной нравственности и совести.

Такую же верность мужу проявляет и Анастасия Марковна, героиня Жития протопопа Аввакума, разделившая с ним все тяготы преследования и наказания. Меня поразил ее ответ на вопрос Аввакума, не тяжело ли ей с ним: «Добро, Петрович, ино еще побредем». Это тоже душа народа, его совесть, народный идеал

терпения и принятия судьбы, верности и преданности. Можно выстроить целую галерею таких героинь. Среди них будут и пушкинская Татьяна, и Наташа Ростова, и Соня Мармеладова, и героини поэмы Некрасова «Русские женщины», и булгаковская Маргарита, и упомянутая выше Матрена из произведения Солженицына... Они побуждают к действию, переменам, помогают обрести опору под ногами, веру в душе.

И в заключение хотелось бы сказать, что Дмитрий Сергеевич Лихачев был, несомненно, прав, когда писал: «Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и... понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей». Лишенная литературы личность остается без духовных корней, без нравственной почвы, на которой «произрастает человеческое в человеке». Дмитрий Сергеевич верил, что XXI век будет веком «развития гуманитарной культуры, доброй и воспевающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил», «возрождения чувства собственного достоинства... возрождения совестливости и понятия чести...» Мне бы очень хотелось, чтобы в Год литературы мы уделяли особое внимание именно русской литературе, больше читали, осмысливали тот потенциал, который она содержит и который может стать ориентиром в поиске выхода из кризиса общества. Ведь, как справедливо заметил академик Лихачев, «литература — это совесть общества, его душа».

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Дарье Старшиновой, учащейся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 176 г. Самары, занявшей III место.

Дарья СТАРШИНОВА: — Писатель Алексей Дмитренко сказал искренние и мудрые слова: «Литература — это совесть общества, его душа. Честь и достоинство автора состоит в том, чтобы писать правду, право на эту правду отстаивать при любых неблагоприятных условиях. Литература — это ежедневное обучение, а главная мысль литературы — это просвещение...» Дмитрий Сергеевич Лихачев писал: «Я не согласен с тем, что писатель — это профессия. Писатель — это судьба. Это жизнь». Круг интересов академика обширен — от иконописи до тюремного быта заключенных. Литература является одним из видов искусства, именно поэтому она играет большую роль в развитии культуры человечества. Изучение истории мировой литературы позволит нам заглянуть в прошлое, увидеть будущее и осознать настоящее. Задача литературы не сводится к соответствию образа единичному предмету, это рождение нового образа, его материализация в произведении.

«Одна из задач книги, — пишет Лихачев, — это показать различные аспекты конкретного литературоведения, конкретного в анализе стиля, конкретного в интерпретации произведений, конкретного в комментировании отдельных мест. Объяснения отыскиваются

в исторической действительности, в быте и обычаях, в реалиях города, даже в самой предшествующей литературе, взятой как некая реальность». Литература — это явление чрезвычайно многообразное и сложное. Она должна изучаться с разных сторон и в различных аспектах, но начало любого постижения лежит в специальных исследованиях частных тем. Дмитрий Сергеевич обосновал такое понятие, как «литературный этикет». Литературный этикет — одно из важнейших явлений в истории развития русской средневековой литературы. Понятие «литературный этикет» было предложено и разработано академиком Лихачевым в 1960 году в докладе на Международной конференции по поэтике в Варшаве. «Литературный этикет и выработанные им литературные каноны — это наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой, это этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный». Литературный этикет предполагает ориентацию авторов на образы, шаблоны и трафареты, а также на использование застывших литературных формул. Однако выбор этих ориентиров необходимо требовал от автора творческого подхода.

Специальному исследованию литературного этикета посвящена работа Дмитрия Лихачева «Слово о полку Игореве». Основные проявления данного этикета определяются, по мнению исследователя, принадлежностью стилю монументального историзма. Это — стремление рассматривать предмет изображения с больших дистанций, «ландшафтное зрение», восприятие отвлеченных понятий в пространственном аспекте, наличие устойчивых формул и форм народного творчества — таких как слово и плач. Анализу литературных формул посвящена статья Лихачева «Устные истоки художественной системы “Слова о полку Игореве”» (1950).

Значительной вехой в литературном творчестве Дмитрия Сергеевича стала книга «Письма о добром и прекрасном», которая впервые была издана в 1985 году и уже стала библиографической редкостью. Эта книга переведена на многие языки. Вот что пишет сам Дмитрий Сергеевич: «По моему глубокому убеждению, добро и красота едины для всех народов. Едины — в двух смыслах: правда и красота — это вечные спутники, они едины между собой и одинаковы для всех народов. Ложь — это зло для всех. Искренность и правдивость, честность и бескорыстие всегда добро. В своей книге... я пытаюсь самыми простыми доводами объяснить, что следование путем добра — путь самый приемлемый и единственный для человека... я не пытаюсь объяснить, что такое добро и почему добрый человек внутренне красив, живет в согласии с самим собой, с обществом и с природой... Я стремлюсь к добру — к конкретным примерам, исходя из свойств общей человеческой природы. Я не подчиняю понятие добра и сопутствующее ему понятие красоты человека какому бы то ни было мировоззрению... Дети очень любят традиции, гордятся своим домом, своей семьей и своим селением. Но они также охотно понимают... и чужие традиции, чужое мировоззрение, улавливают общее, что есть у всех людей. Я буду счастлив, если

читатель... найдет в моих письмах хотя бы часть того, с чем он сможет согласиться. Согласие между людьми, разными народами — это самое драгоценное и сейчас самое необходимое для человечества».

Дмитрий Сергеевич Лихачев внес значительный вклад в изучение древнерусской литературы. Его перу принадлежат одни из лучших исследований таких памятников литературы, как «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Повесть временных лет» и др. Также Лихачев принимал активное участие в воссоздании парка «Монрепо» под Петербургом. Имя Дмитрия Сергеевича становится в эти годы достоянием международной общественности. Его труды по истории древнерусской литературы и культуры были, разумеется, известны славистам всего мира, переводились на иностранные языки, но, к сожалению, возможности выезда академика за границу были ограничены. Позже он присутствовал на многих международных встречах самого широкого плана.

Личность Дмитрия Сергеевича Лихачева — ярчайшее явление российской и мировой культуры — стала одним из символов ее величия. Профессор русских и восточноевропейских исследований Робин Милнер-Гулланд справедливо сказал о Лихачеве: «С подлинным интернационализмом своих взглядов он является наиболее убедительным адвокатом богатства тысячелетнего культурного опыта России из всех известных нашему поколению. Мы все еще долго будем пользоваться плодами его неустанной деятельности». Я надеюсь, мои исследования по данной теме стали интересными для вас.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Илья Жугель, учащийся 9-го класса средней общеобразовательной школы № 180 Санкт-Петербурга, дипломант конкурса.

Илья ЖУГЕЛЬ: — Эпиграфом к своей работе я выбрал слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Подлинно новая ценность возникает в старой культурной среде. Простое подражание старому не есть следование традиции. Творческое следование традиции предполагает поиск живого в старом, его продолжение, механическое подражание иногда умершему». Когда я писал свою работу, я поставил перед собой следующие задачи. Первое — раскрыть вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в религиозное воспитание детей, возрождение традиций православной семьи. Второе — провести параллель между нравственными заповедями Лихачева и традициями моей семьи и ответить на вопрос: «Как заветы Дмитрия Сергеевича по религиозному воспитанию воплощаются в жизни и традициях моей семьи?».

Дмитрий Сергеевич Лихачев был убежден, что людям нужно воспитывать в религиозном духе с самого детства. Жизнь академика удивительна. Он столько испытал, пережил, но сохранил в мире свою душу, сохранил радость для себя и для других людей, а для нас — множество сокровищ культурно-исторического наследия России. Из источников о Дмитрии Лихачеве я узнал, что своих религиозных чувств академик публично не показывал, редко о них писал, но веру

свою крепко хранил. В заметках «О жизни и смерти» он писал так: «Религия либо занимает основное место в жизни человека, либо у него ее нет вовсе. Нельзя верить в Бога “попутно”, “между прочим”, признавать Бога как постулат и вспоминать о Нем только, когда спрашивают».

Также хочу отметить, что вклад академика Лихачева в духовно-нравственное возрождение России бесценен. Мы ни в коем случае не должны забывать заповеди Дмитрия Сергеевича. Наш народ должен следовать им. Только тогда в нашей стране может вырасти духовно-нравственное общество, которое будет примером для всех европейских держав. Примером такого общества является православная семья. Именно в семье происходит формирование нашего будущего поколения, которое будет основой здоровой нации. Прodelав свою работу, я показал, что в современной семье происходит возрождение наших традиций и ценностей путем следования нравственным заповедям Лихачева. Этому немало способствовали и нравственные заветы Лихачева, и примеры его жизненного пути.

У меня было несколько причин для того, чтобы обратиться к теме преподобного Сергия Радонежского. Во-первых, в моей семье очень почитают преподобного Сергия; он является покровителем всех учащихся. Во-вторых, еще один важный факт: это тайные иконы, принадлежащие моей родственнице, учительнице по английскому языку Наталье Александровне Топчиной. Эта история меня очень заинтересовала. Со слов Натальи Александровны, ее прабабушке по материнской линии Наталье Егоровне Шершовой крестная графиня Бобринская в качестве подарка преподнесла икону преподобных Кирилла и Марии — родителей преподобного Сергия Радонежского. Наталья Егоровна была сельской учительницей и очень берегла эту икону. Икона интересна и уникальна тем, что разговоры о канонизации родителей преподобного Сергия Радонежского только ведутся. А тут образ явно несовременный. Сейчас икона находится в США у потомков Натальи Егоровны.

Преподобных Кирилла и Марию Радонежских почитали издавна. Но скорее всего это были местные чтимые святые. Только 3 апреля 1992 года в год празднования 600-летия преставления Сергия Радонежского на Архиерейском соборе Русской православной церкви состоялось общее церковное прославление схимонаха Кирилла и схимонахини Марии. Существует множество икон с изображением родителей Сергия Радонежского, но именно такого, как на упомянутой иконе, нет. Поэтому я не хочу ставить точку в своей работе. Надеюсь, меня ждут новые открытия и знакомства.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Дарья Ефимовой, учащейся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 180 Санкт-Петербурга, дипломанту конкурса.

Дарья ЕФИМОВА: — Эпиграфом к своей работе я взяла слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Память активна. Она не оставляет человека равнодушным, бездейственным. Она владеет умом и сердцем че-

ловека. Память противостоит уничтожающей силе времени и накапливает то, что называется культурой...» Работая над своей темой, я в первую очередь, конечно же, нашла определение слова «память» в толковых словарях различных авторов. И лучшего определения, чем у Дмитрия Сергеевича, я не смогла найти ни в одном из словарей. Мне очень хочется еще раз процитировать академика: «Память — это важнейший творческий процесс. Путем памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются бытовые навыки, семейные навыки, трудовые навыки... Память противостоит уничтожающей силе времени. Память — это преодоление времени, преодоление смерти». Читая его Письмо сороковое «О памяти», мне хотелось бы остановиться на толковании слова «беспамятный». Беспамятный — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и неспособный на добрые, бескорыстные поступки.

Сегодня я хотела бы вам показать результат моей исследовательской работы, в основу которой лег тяжелый, кропотливый труд по сбору и поиску информации о патриотическом воспитании в нашей школе на базе кадетского класса при Университете внутренних войск МВД России. А также систематизировать найденный по крупницам материал по Игорю Георгиевичу Квартенюку — блокаднику и почетному гостю кадетского класса, ныне живущему в Донбассе. История началась 13 лет назад в нашей школе № 180. 1 сентября в школе появился первый в районе кадетский класс. Учащиеся пришли тогда в сборный восьмой класс, чтобы за четыре года подготовиться к поступлению в военное учебное заведение. И однажды в качестве почетного гостя в школу был приглашен Игорь Георгиевич Квартенюк — почетный вице-президент Приднепровской региональной ассоциации блокадного города-героя Ленинграда, председатель Никопольского общества «Жители блокадного Ленинграда». Завязалась дружба, он подарил книгу «Что знали и помнили», посвященную воспоминаниям блокадников Ленинграда о годах страшной войны, которую издал в 2000 году в городе Никополе. Многие соавторы этой книги, бывшие дети блокады, по разным причинам после войны остались в городе Никополе на Украине, которая стала им второй родиной.

Выяснилось, что отец Игоря Георгиевича был похоронен на Богословском кладбище. В его памяти мало что сохранилось об этом периоде. Он только помнил, что при захоронении отца рядом была часовенка, и больше никаких ориентиров не было. В то время никто не мог хоронить родных и близких на кладбище, так как не было сил добраться до него... Из воспоминаний Игоря Георгиевича: «На моих глазах от голода умер отец. Помню, что 20 декабря 1941 года он не смог подняться с постели и попросил меня сходить на завод, ведь его там будут ждать. Но вернуться на завод ему было не суждено. 31 декабря 1941 года он умер. На заводе сделали гроб, люди от голода были как тени. Когда я выезжал с заводской проходной с пустым гробом на саночках, снимался кинорепортаж, и я попал на эту пленку. Позже этот кадр я видел в кинофильме “Блокада”, а в тот момент было так неприятно, и я хотел им

сказать: “Вы здесь развлекаетесь, а у человека горе”... Но мысль, что надо скорее доставить гроб и похоронить отца, заслонила все остальные мысли...»

Силами учащихся кадетского класса и их классного руководителя была найдена могила отца Игоря Георгиевича на Богословском кладбище. Ему сообщили, и завязалась переписка. Вот одно из писем Игоря Георгиевича. Уж больно пророческим оно звучит сегодня. Письмо адресовано Ирине Георгиевне Малеевой, председателю родительского комитета 8-го кадетского класса. И на некоторых строчках я хотела бы остановиться поподробнее: «Ведь в жизни разное бывает, судьба меня занесла на Украину, но сердцем я был, есть и буду ленинградцем... День Победы был самым радостным и счастливым днем в моей жизни. Это был праздник “со слезами на глазах”. Помню, как мы кричали, плясали, радовались, поздравляя друг друга в этот день — 9 мая 1945 года. Я горжусь тем, что жил и работал в Ленинграде, что День Победы 9 мая приближал, как мог, что все свои силы отдал своему народу». И действительно, несмотря на голод, холод, болезни, он сражался до последнего, отдавая всего себя на защиту родного города... Он добровольно рвался пойти на фронт, чтобы остановить «коричневую чуму».

За заслуги перед Родиной Игорь Георгиевич Квартенюк награжден орденом Великой Отечественной войны, медалью «Китайско-Советская дружба» и др. За плодотворную организационную работу, за сохранение памяти о подвиге ленинградцев в годы блокады председателю Никопольского общества «Жители блокадного Ленинграда» Игорю Георгиевичу присвоено звание «Почетный вице-президент Приднепровской региональной ассоциации блокадного города-героя Ленинграда». Уходит в историю Великая Отечественная война 1941–1945 годов, военная блокада Ленинграда. Победа в этой кровопролитной войне, прорыв блокады Ленинграда оплачены бесчисленными человеческими жизнями. А сама блокада осталась в памяти ленинградцев незаживающей раной. И очень больно за судьбу людей, переживших страшную войну в детстве, узнавших, что такое смерть близких людей, которые встречают старость снова под гром снарядов, видят, как разрушаются города и гибнут в этой войне дети. Забыть уроки войны — значит предать самих себя и тех, кто не щадил жизни ради нашего будущего. Оставить новое поколение без опыта, добытого тяжелой ценой, — нет, такого не будет!

Во время встречи с учениками (кадетами) школы № 180 Игорь Георгиевич очень переживал и с болью говорил о том, что в школах Украины не вспоминают о Великой Отечественной войне, не говорят о блокадном Ленинграде, без уважения относятся к ветеранам. Снова вернемся к письму: «Здесь на Украине ребята тоже неплохие, но воспитывают их не в том направлении, как надо. И все повернуты лицом на запад, поэтому даже в учебниках вопрос о ветеранах отведен на задний план. О Великой Отечественной войне вспоминают вскользь... Если будет возможность, приезжайте к нам в гости. Мы с женой будем очень рады...» И ведь это не формальная вежливость, а искреннее приглашение.

Именно на этом примере видна широкая гостеприимная душа человека, ставшего символом единения двух народов: русских и украинцев. Коренной ленинградец, переживший страшные годы блокады Ленинграда, женившийся на украинке и живущий на Украине, искренне считающий ее второй Родиной... Это ли не является ответом на заявления тех, кто сегодня пытается разредить наши народы, наши страны? В настоящее время связь с нашим героем утеряна. На звонки и письма он не отвечает. Очень хочется верить, что он жив, что снова победил в этой жестокой, кровопролитной войне... И еще хочется верить, что сражение за детские души выиграл именно Игорь Георгиевич, что среди защитников-ополченцев есть и те мальчишки, которые слушали его рассказы о Великой Отечественной войне, о боевых действиях, о блокаде, с большим интересом смотрели фильм о блокадном Ленинграде и которые уж точно знают, на чьей они стороне, за что сражаются и от кого защищают свою страну.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается дипломант конкурса Михаил Поливахин, учащийся Колледжа водного транспорта г. Шлиссельбурга.

Михаил ПОЛИВАХИН: — В жизни у каждого человека есть любимые места, куда он возвращается вновь и вновь, независимо от своей занятости, насладиться природой, пением птиц и просто побыть один на один со своими мыслями. Дмитрий Сергеевич Лихачев утверждал, что садово-парковое искусство наиболее захватывающее и воздействующее на человека из всех искусств. Уединясь от городской суеты, вслушиваясь в шорох листьев, человек может погрузиться в себя, поразмышлять над вопросами, которые его волнуют, открыть прелесть цветов и крыльев бабочки, задержать взгляд на горделиво плывущих по озеру лебедях, по-иному взглянуть на окружающий мир и даже изменить свое мировоззрение. В своей книге «Поэзия садов» Дмитрий Сергеевич рассматривает сад как некоторую эстетическую систему. Систему содержательную, но содержательность эта требует особого определения и изучения.

Такой подход позволяет говорить о садово-парковом искусстве как об определенной философии, утверждающей отношение человека и природы. Именно сады, по мнению ученого, чутко реагируют на все изменения вкусов и настроений общества, и сами их в известной степени организуют, особенно в XVI–XVIII и начале XIX века. Дмитрий Сергеевич считал, что сад — это прежде всего своеобразный синтез различных искусств, теснейшим образом связанный с существующими стилями и параллельно с развитием философии, литературы и особенно поэзии, эстетическими формами быта преимущественно привилегированных слоев общества, а также с живописью, архитектурой, музыкой. В связи с этим целью моей работы являлось определение данного синтеза и раскрытие его содержания.

Дмитрий Сергеевич Лихачев считал, что сады и парки — это тот важный рубеж, на котором объединяются человек и природа. Приходя в парк или сад,

мы обращены к природе, а она к нам. Нас окружают тишина, шелест листьев, пение птиц, журчание ручейка и нежный ветерок, и у нас возникает первобытное физическое чувство — чувство единения с природой, миром, который нас окружает. Но не только этим нас так манят парки и сады, ведь у каждого из них своя история, своя неведомая тайна. Не она ли заставляет нас снова и снова приходить в знакомый до боли парк, замирать на его тропинках и, закрыв глаза, пытаться увидеть, прикоснуться к чему-то очень далекому, но такому сказочному и зовущему нас в глубь времен? Исторические воспоминания и поэтические ассоциации — это и есть то, что больше всего очеловечивает природу в парках и садах, что составляет их суть и особенность. Парки ценны не только тем, что в них есть, но и тем, что в них было. Временная перспектива, которая открывается в них, не менее важна, чем перспектива зрительная. Академик Лихачев считал, что в садовом искусстве различаются те же стили, что и в общем развитии искусства, связанные с господствующими идеями, господствующей тематикой эпохи. Это монастырские, барочные сады, сады рококо, романтизма и пейзажные сады — звучит как песня, не правда ли?

Идут годы. Сады и парки переживают долгую, богатую событиями жизнь. Они отражают в себе различные стили, прирастают новыми ансамблями и постройками, зачастую далекими от первоначального облика. Часть садов изменили и свою функцию в окружающей местности. Так, например, сад стал частью громадного городского ансамбля. Зеленая огромная масса его высоких лип — это четвертая стена громадного ансамбля Марсова поля. Знаменитая ограда Фельтена со стороны Невы — оправа для больших деревьев, а не для неровного ряда молодых деревьев первой половины XIX века. Старые липы Летнего сада стоят за этой оградой, как в драгоценной вазе, ровным рядом выступая из нее на одну треть. Не случайно единственным значимым элементом этой решетки является ваза, особенно многозначительны вазы на воротах ограды, где цветы выступают из них в том же пропорциональном отношении, что и деревья Летнего сада из самой ограды — один к трем.

Недавняя реконструкция сада вызвала немало споров, не утихающих и по сей день. Трудно дать единственно верный ответ на вопрос о том, как же быть с остатками дошедшего до нашего времени садово-паркового великолепия. Рассуждая об этом, Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил: «Возвращать сады ко времени их организации (а сады сажались “на вырост”) или к поре их наивысшего процветания? Возможно ли полностью омолодить стареющий организм, вернуть его в обстановку старых эстетических и натурфилософских представлений, в обстановку исчезнувшего быта, забыть о том, что в садах существует множество исторических наслоений, множество поэтических воспоминаний? Вырубить старые деревья и посадить на их месте молодые, чтобы восстановить “вид”? Но это будет другой “вид”. Сад утратит свою документальность. Да и немислимо убрать из сада разновременные садовые постройки, скульптуры, памятники, кажде из которых имеют

свою эстетическую и историческую ценность. Сады растут и постоянно меняются, меняются и коренным образом посетители, весь садовый быт. Изменился социальный строй, с которым были связаны наиболее прославленные из садов. Нет уже ни монархов и помещиков с их садовыми развлечениями, ни сотен садовников и садовых рабочих. Экзотические растения давно перестали быть экзотическими и иначе воспринимаются. Исчезли многие сорта цветов. Изменились представления об идеальном мире — Эдеме, изменилась «философия природы», которую сады представляли. Многие из садов стали элементами городской архитектуры. Их старые и высокие деревья играют роль своеобразных городских стен».

Я тоже считаю, что восстановить первоначальный вид исторических садов и парков не представляется возможным. Они — отражение той эпохи, того образа жизни, в котором мы существуем, частичка нашей культуры, поэзии, живописи. Они — отражение наших дум, мечтаний, волнений, источники творчества и вдохновения. Но времена сменяют друг друга и, словно слои дерева, наслаиваются на парки. И, возможно, новое принесет свою неповторимую нотку. Но важно при этом, чтобы не были отвержены исторические корни, чтобы не изменилось само содержание сада или парка. Страшно представить, что изменится стиль Екатерининского парка в Пушкине, утратит свое волшебство парк в Павловске. Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил: «Время уничтожает, но время же сохраняет. Красота, умирая, творит новую красоту. Регулярные сады сажались с расчетом на их будущий рост. Не следует возвращать красоту

к ее младенческому возрасту — это и невозможно. Надо уметь находить в старости свою красоту и поддерживать связь новой (а по существу, старой) красоты со старой (а по существу, юной, младенческой), ведь садово-парковое искусство наиболее захватывающее и наиболее воздействующее на человека из всех искусств». И с этим трудно не согласиться.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Николаю Витальевичу Бурову, который поделится своими впечатлениями о нашем форуме.

Н. В. БУРОВ: — Вчера на открытии XV Международных Лихачевских научных чтений один из умнейших людей современности (я других на этой трибуне и не видел) вспомнил фразу, по-моему, из произведения Льва Толстого, что по-настоящему великий человек никогда не определяется двумя датами: рождение и смерть. Он всегда определяется одной датой: вот он родился, и если он по-настоящему велик, то уже никогда не умрет.

Большое спасибо вам, уважаемые коллеги, за то, что вы помогли нам, всем собравшимся здесь, стереть вторую дату. Дмитрий Сергеевич Лихачев в 1999 году просто перешел в другую комнату. Он с нами. И вы это убедительно доказали. И я верю, что за вами придут следующие, а за ними — новые поколения, которые будут относиться к памяти академика Лихачева не как к какому-то золоченому идолу, а как к памяти очень живого человека, до сих пор остающегося прекрасным собеседником, великим советчиком и очень нужным нам человеком.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов С. Р. 594
Авксентьев В. А. 230, 418
Агошков А. В. 298
Азиз Ш. 25, 208, 285
Азнагулова Г. М. 527
Акаев А. А. 28, 217
Аксюмов Б. В. 300, 419
Акуфо-Аддо Н. 32
Антипин С. А. 425
Ардакани Д. 36, 204
Асадуллин Ф. А. 232
Астафьева О. Н. 302, 415
Бассам А. 40
Баталова Т. Л. 503, 590
Бауэр Т. 43, 490
Библер А. 235, 283
Бернацкий Г. Г. 505, 585–587, 591
Бирженюк Г. М. 598, 634, 635, 643
Богомоллов О. Т. 45, 222
Борисова Е. Г. 600
Буров Н. В. 52, 646, 658
Вайсиро К. И. 427
Вдовин Ю. И. 635, 642
Вебер Ш. 54
Вербовая О. В. 506
Ветчинова М. Н. 305, 419
Власов Ф. Б. 430
Вольф Б. 56
Вятр Е. 59, 228, 287
Гаджиев Г. А. 61, 575, 578, 586, 589, 592
Гатилов Г. М. 63, 205, 281, 284, 285, 287, 292, 293, 297
Герреро Р. 66, 215
Глаголев В. С. 307, 400, 411
Голигорский Ю. С. 602, 630–632, 637, 638, 640
Гололобова Е. 647
Горшкова В. В. 240
Гранин Ю. Д. 308
Графский В. Г. 508, 573, 574, 576, 584
Гринберг Р. С. 71, 484, 502
Гуревич П. С. 310
Гусейнов А. А. 74, 216, 398, 405, 424
Гусман М. С. 78, 213, 625, 627
Гэлбрейт Д. К. 214, 432, 487, 501
Давыдов Д. В. 54
Джагарян А. А. 511
Долинская В. В. 514
Долинская Л. М. 514
Донсков Н. А. 634, 642
Дорская А. А. 516, 581, 582
Дробышева Е. Э. 241
Дунаев В. Ю. 312
Дуткевич П. 81, 219, 286
Ефимова Д. 655
Ефимова Е. П. 644, 645
Жугель И. 655
Запесоцкий А. С. 83, 200, 202, 204, 209, 218, 229, 281, 398, 486, 577, 625, 644
Запесоцкий Ю. А. 605, 639, 640
Зинченко Ю. П. 607
Зубец О. П. 315
Зябриков В. В. 435, 499
Иконникова С. Н. 317, 415
Ингимундарсон В. 86, 288
Иравани А. 89, 228, 294
Исаев А. К. 94
Исаев Н. А. 518
Кайсаров Е. А. 319
Каландаришвили З. Н. 520
Канарш Г. Ю. 438, 498
Капицын В. М. 321
Карасева (Сенцова) М. В. 522
Карцов А. С. 524, 591, 592
Каширин В. И. 439
Каширина О. В. 243
Кент Т. 96, 225, 628–630, 640
Кёхлер Г. 98, 221, 285
Клейнер Г. Б. 103, 229, 492
Климова С. М. 323, 421
Козьякова М. И. 326, 422
Колодко Г. В. 107, 211, 295
Коломиец Г. Г. 329, 422
Комаров С. А. 527, 579, 580
Комиссаренко С. С. 331
Конов В. А. 244, 407, 415
Костина А. В. 441
Котов А. И. 444, 485
Кузнецова Т. В. 333, 421
Кузнецова Я. 646
Куклина Е. А. 446
Курганская В. Д. 312
Ламба А. 247
Лапаева В. В. 529, 574, 575
Лаптева Л. Е. 532
Лебедев В. А. 534
Лебедева Л. Ф. 448, 491
Лекторский В. А. 109, 224
Летняков Д. Э. 335, 405, 411
Лисицын-Светланов А. Г. 111, 212, 573, 574, 577, 580, 582, 587, 593
Литтлджон Г. 250
Лученок А. И. 450, 496
Макаров Е. И. 213, 255
Малахов В. А. 114, 399
Малинина Т. Б. 452
Мальгина И. В. 336
Мамедов Ф. Т. 339, 413
Мамонтов В. К. 609
Манкевич И. А. 612
Мануильский М. А. 613, 629, 633, 637, 638
Марк Х. А. 116
Марков А. П. 342, 402, 405
Маркова-Мурашова С. А. 537
Мартышин О. В. 346, 420
Матвеева Л. В. 615, 629, 636–638
Мелихов А. М. 348
Меньшиков Л. А. 350
Михайлова Н. 650
Моисеев А. А. 539
Мойнихен К. Б. 119, 210, 296
Монтес М. Ф. 124
Моратинос М. А. 134, 206, 296
Мордовцев А. Ю. 541
Мосейко А. Н. 352, 412, 417
Мосяков Д. В. 138, 287
Мотышина М. С. 455
Мохагхег Ахмадабади С. М. 140, 223
Мусатова А. С. 617, 631, 633, 638
Назаретян А. П. 257, 282, 294
Некипелов А. Д. 142, 210, 484, 487, 502
Николаева Т. П. 456, 488
Никонова С. Б. 355
Оганов А. А. 359, 418
Осанг Т. 54
Пападопулос М. 145
Пасешникова Л. А. 544
Пашенцев Д. А. 547
Петрова Е. А. 548, 580
Пигров К. С. 361, 414, 415
Покровская Н. Н. 458
Полегаев Э. Э. 460, 495
Поливахин М. 657
Попович Н. 260
Проданов В. 149, 413
Проскураков М. Р. 619, 641
Пустькина Л. В. 621
Расторгуев В. Н. 183
Рахманова Е. Н. 550
Резник Г. М. 152, 217, 292–294
Ромашов Р. А. 552, 578
Сабиров В. Ш. 364
Садовая Е. С. 462, 497
Сала В. делла 156, 223, 291
Сапир Ж. 159
Селищев А. С. 464
Семенова А. 651
Сечко А. 649
Сигалов К. Е. 553, 587
Сиднева Т. Б. 366, 422
Силантьева М. В. 369, 401
Снапковская С. В. 371, 423
Соина О. С. 373
Сокольская Л. В. 556
Сокольский В. И. 556
Сорокина С. 652
Ставцева О. И. 375
Степин В. С. 162, 202, 412, 420
Стремоухов А. В. 558
Старшинова Д. 654
Сугрей Л. А. 377
Султанов Б. К. 466, 500
Сухачев Н. 648
Сырых В. М. 559, 580
Тарпли В. Г. 165, 632–634
Тимошина Е. В. 562, 588, 589
Титова Л. Г. 622
Тишков В. А. 169
Толочко П. П. 172, 201, 294
Томалинцев В. Н. 378
Тонков Е. Н. 582, 592
Тощенко Ж. Т. 175
Третьяков В. Т. 226, 627, 629–634
Трофимов В. В. 564, 577, 583, 584
Тюркер Т. 179, 220
Урицкая Р. Л. 382
Успенская А. В. 383
Устьянцев В. Б. 385
Файетта М. 265, 291
Фейгин Г. Ф. 470, 501
Фомин А. А. 566
Фомина М. Н. 267
Фуджита М. 54
Хангельдиева И. Г. 472, 494
Харитоновна Е. В. 269, 284, 290
Харченкова Л. И. 387
Хольнова Е. Г. 474
Хренов Н. А. 389, 407
Цинкер А. Б. 272, 295
Чеберко Е. Ф. 476, 501
Черешнев В. А. 183, 206, 297
Честнов И. Л. 568, 573, 576, 577, 587
Чжан Юн Дюнь 185, 225
Шамахов В. А. 275
Шарафадина К. И. 393
эль-Шейх Н. 191, 227, 286
Шемьякин Я. Г. 277, 289
Шляпников В. В. 478
Шмаков М. В. 187
Эйльбарт Н. В. 395
Энтин В. Л. 570, 574, 589, 590
Эшнар Я. 481
Яковенко А. В. 195

Научное издание

**СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ**

XV МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

14–15 мая 2015 года

Ответственный редактор *И. В. Петрова*
Художественное оформление *А. М. Бриль*
Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*
Технический редактор *Л. В. Климкович*
Корректоры: *О. В. Афанасьева, Т. А. Кошелева*

ISBN 978-5-7621-0836-2

Подписано в печать с оригинала-макета 15.07.15. Формат 60x90/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 82,5. Тираж 500 экз. Заказ № 15367

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15